This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HPS lar 620.5 (1908 11/12)

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

labu bibliotekai 1 zentu no katras turpmakàs deenas.

8) Katram lasitajam teesiba no bibliotekara pagehret „lasitaja karti", uz kuras ar tinti atsihmejams, kahdû datumâ grahmata isdota un saņemta.

9) Lasitajam jabuht atbildigam par katru sehjumu, kas viņa leetoschanâ. Grahmatas saboja-schanas gadijumâ tam jasamaksà tàs pilna wehrtiba.

10) Scheem noteikumeem jaatrodas katras grahmatas eekschpusê uz pirmà wahka.

Peenemti un ...hjas spehkâ ar 20. aprili, 1913. g.

Roxbury
Lettish Loc

65

Русское Богатство

№ 11-12

НОЯБРЬ. 1908.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 11.

Socialist Party of
Roxbury
Lettish Soc

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1908.

KSG 722
P Slav 620.5
(1908 / 11/12)
HARVARD UNIVERSITY LIBRARY NOV 21 1957

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ

(XVII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

и

продолжается подписка на 1908 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ **Вл. Гал. КОРОЛЕНКО**

при ближайшемъ участіи **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—**9** р.; на 6 мѣс.—**4** р. **50** к.; на 4 мѣс.—**3** р.; на 1 мѣс.—**75** к.

Безъ доставки: на годъ—**8** р.; на 6 мѣс.—**4** р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка **1** р. **10** к.

За границу: на годъ—**12** р.; на 6 мѣс.—**6** р.; на 1 мѣс.—**1** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскія вор., д. Гагарина.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго,—*Пассажъ* *).—Въ магазинѣ „Трудъ"—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто **9** рублей, **8** руб. **60** коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная—8 р. 60 к.— отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

---

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства".

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
1.	**Мечты.** *Ѳ. Крюкова*	1— 24
2.	**Дореформенный институтъ и преобразованія К. Д. Ушинскаго.** *Е. Водовозовой.* Окончаніе	25 – 55
3.	**Проступокъ.** Повѣсть. *А. Деренталя.* Продолженіе.	56— 81
4.	**Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ.** *В. Семевскаго.* Продолженіе	82—111
5.	**Соблазнъ.** Романъ. *Вильгельма Гегелера.* Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Брумберга. Окончаніе . . .	112—140
6.	**Нимфа.** Разсказъ. *Д. Мамина-Сибиряка.*	141—151
7.	**Передвинутыя души.** Очерки. *Тана.* Продолженіе .	152 –174
8.	**Стихотворенія** *Ады Чумаченко*	175—176
9.	**Интенсификація въ крестьянскомъ сельскомъ хозяйствѣ.** *Я. Имшенецкаго*	1— 19
10	**Безъ работы.** *Діонео.*	19— 49
11.	**На очередныя темы.** Въ поискахъ. I. Писатели, которые ничего не желаютъ и никуда не ведутъ.— II. Писатель, который не ведетъ, куда хочетъ.— III. Люди, которые нашли средство, но потеряли цѣль. — IV. Отклики на „сумятицу". *А. Пѣшехонова*	49 –78
12.	**„Добросовѣстный" критикъ.** *Николая—она.* . .	78— 90
13.	**Компромиссъ между капиталомъ и трудомъ въ Англіи.** *Н. Е. Кудрина*	91 –116
14.	**Холера.** *С. Елпатьевскаго.*.	117—150
15.	**Хроника внутренней жизни:** 1. Всѣ побѣдили. Тревога „Россіи" и „Голоса Москвы". Емелькина статистика. Система запирательства и непониманія.—2. Мечты соціальныя и мечты политическія. Наша опора. Необходимость status quo.—3. Торгово-промышленная фронда. Офицерскій вопросъ. Отъ щедринскаго капитана Полусохина до братьевъ Коваленскихъ. Офицеры-юнкера и офицеры штатскіе. Польза мечтаній и вредъ аграрныхъ преній. *А. Петрищева* . . .	150—186
16.	**Политика:** Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.—Текущія событія: Вильгельмъ промахнулся; на Балканахъ; покушеніе	

(*См. на оборотъ*).

СТРАН.

шаха на отмѣну конституціи; смѣна правленія въ Китаѣ. *С. Южакова.* . . . . . 187—198

17. **Наброски современности.** XVII. „Нео-славизмъ" и внутренніе вопросы. *В. Мякотина.* . . . . . 198—217

18. **Новыя книги:**
Сергѣй Ауслендеръ. Золотыя яблоки.—А. А. Измайловъ. Кривое зеркало, Пародія и шаржи.—Р. Киплингъ. Избранные разсказы.—Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей.—Шеллингъ. Философія изслѣдованія о сущности человѣческой свободы.—Бруно, или о божественномъ и естественномъ началѣ вещей.—Максъ Фервордъ. Механика душевной жизни.—Генрихъ Риккертъ. Философія исторіи.—Проф. В. М. Хвостовъ. Этюды по современной этикѣ.—А. Луначарскій. Религія и соціализмъ.—Письма К. Маркса къ члену Интернаціонала Кугельману.—„Колоколъ" А. И. Герцена.—Н. Денисюкъ. Критическая литература о произведеніяхъ Н. Г. Чернышевскаго.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. . . . . 217—242

19. **Письма въ редакцію.** . . . . . 245—246

20. **Краткая программа изученія крестьянскаго обычнаго права.** *К. Качоровскаго.* . . . . . 246—250

21. **Отчетъ конторы редакціи.**

22. **Объявленія.**

РАТИНЪ

Знакъ заявленъ Отд. Пром.

Главный Представитель
Феликсъ Карловичъ Кебке

ПОЛНОЕ УНИЧТОЖЕНІЕ

КРЫСЪ и МЫШЕЙ

ВЕЗВРЕДНО ДОМАШНИМЪ ЖИВОТНЫМЪ

„РАТИНЪ" приготовл. подъ контролемъ Датскаго Правительства. Поставщики правительствъ: Даніи, Швеціи, Германіи и казенныхъ учрежд. Англіи, Норвегіи, Финляндіи и Россіи. Подр., а также отзывы иностранные и русскіе высыл. безпл. Центр. Конторой „РАТИНЪ", С.-Петербургъ Невскій, 28—80, телеф. 13—46.

Очистка отъ крысъ и мышей, генеральная и годовая, по желан. съ гарантіей. Для крысъ: жестянки по 2 руб. Большая упаковка (равная шести малымъ) 8 руб. 50 коп. Для мышей: бутылки 2 р. или меньшія по 1 руб. 25 коп. Способъ употребленія прилагается.

Иногородн. заказы исполняются по получ. задатка (одной трети стоимости).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ

2-Й ГОДЪ ИЗД. на журналъ 2-Й ГОДЪ ИЗД.

ВѢСТНИКЪ НАРОДНАГО СТРАХОВАНІЯ И СБЕРЕЖЕНІЯ

подъ редакціей С. П. Луневскаго.

Журналъ преслѣдуетъ совершенно новую цѣль: популяризированіе идей страхованія и сбереженія.

Всякій, кто застраховалъ свое имущество, свою жизнь, рабочій или служащій найдетъ много полезныхъ свѣдѣній и совѣтовъ юристовъ и спеціалистовъ страхового дѣла.

Подробн. условія подписки см. въ объявл. позади текста.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 коп.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 15 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія уничтожаются.

САМОУЧИТЕЛИ РЕМЕСЛЪ И ПРОИЗВОДСТВЪ.

Асфальтовыя работы съ 6 рис.—80 к. Багетное производство—20 к. Веревочно-канатное производство съ 43 рис.—30 к. Выдѣлка роговыхъ и костяныхъ издѣлій съ 25 рис.—30 к. Выжиганіе по дереву, кожѣ и папкѣ съ 8 рис. и 2 лист. чертежей—25 к. Выпиливаніе по дереву и металлу съ 50 рис.—30 к. Гальванопластика съ 21 рис.—40 к. Гончарное производство съ 16 рис.—30 к. Домашній электротехникъ съ 66 рис.—30 к. Дѣтскія полезныя ремесла съ 71 рис.—40 к. Женскія рукодѣлія съ 62 рис.—30 к. Жостяныя, цинковыя и мѣдныя работы съ 63 рис.—40 к. Зеркальное производство съ 3 рис.—20 к. Золоченіе и серебреніе по дереву и металлу 14 рис.—30 к. Изготовленіе картинъ для волшебнаго фонаря—20 к. Писчебумажное производство—30 к. Кирпичное производство съ 8 рис.—30 к. Каменная кладка съ 41 рис.—30 к. Клееночное производство—20 к. Колбасное производство съ 40 рис.—50 к. Корзиночное производство съ 51 рис.—30 к. Крахмальное производство съ 11 рис.—30 к. Кровельное дѣло съ 86 рис.—30 к. Кузнецъ-любитель съ 46 рис.—30 к. Клееваренное производство съ 14 рис.—20 к. Лаки и замазки—30 к. Луженіе, паяніе и никелированіе—30 к. Маляръ-любитель—30 к. Мукомольное производство съ 26 рис.—50 к. Мыловаренное производство съ 12 рис.—40 к. Набивка чучелъ и собираніе насѣкомыхъ съ 37 рис.—30 к. Обойщикъ-любитель съ 67 рис.—30 к. Переплетчикъ-любитель съ 52 рис.—30 к. Печное ремесло съ 40 рис.—40 к. Пиротехникъ-любитель съ 35 рис.—40 к. Плетеніе рыболовныхъ сѣтей съ 29 рис.—20 к. Плотникъ-любитель съ 79 рис.—30 к. Постройка лодокъ съ 76 рис.—50 к. Постройка лѣстницъ съ 39 рис.—30 к. Постройка и ремонтъ дорогъ съ 38 рис.—30 к. Производство ваксы и мази—25 к. Производство непромокаемыхъ тканей—20 к. Производство сливочнаго и чухонскаго масла съ 15 рис.—30 к. Производство соды съ 10 рис.—20 к. Производство стекла съ 23 рис.—20 к. Простая мебель съ 92 рис.—30 к. Работы изъ проволоки съ 15 рис.—20 к. Работа изъ сучьевъ съ 40 рис.—25 к. Ретушеръ-любитель съ рис.—30 к. Рѣзчикъ-любитель съ 60 рис.—30 к. Самодѣльная волш. камера съ 9 рис.—20 к. Самодѣльный волшебный фонарь съ 9 рис.—15 к. Сухіе гальванич. элементы—30 к. Сапожникъ-любитель съ 41 рис.—30 к. Добываніе селитры—10 к. Слесарь-любитель съ 57 рис.—30 к. Добываніе смолы, дегтя и скипидара съ 19 рис.—30 к. Добываніе соли—20 к. Спичечное производство съ 8 рис.—30 к. Столяръ-любитель съ 73 рис.—30 к. Сургучное производство—30 к. Сыроваренное производство съ 23 рис.—30 к. Тисненіе по кожѣ и вытравливаніе съ 20 рис.—25 к. Ткацкое и ситценабивное производство—30 к. Токарь-любитель съ 77 рис.—30 к. Торфяное дѣло съ 5 рис.—30 к. Фабрикація обоевъ—20 к. Фотографъ-любитель съ 65 рис.—40 к. Часовщикъ-любитель съ 24 рис.—30 к. Чернила—25 к. Шорно-сѣдельное ремесло съ 36 рис.—30 к. Штукатурное дѣло съ 21 рис.—30 к. Щеточникъ-любитель съ 36 рис.—25 к. Высыл. наложен. платежомъ. Книжный складъ **А. Ф. Суховой** въ С.-Петербургѣ: Столярный пер., 9—16. При выпискѣ на два рубля пересылка безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1909 г. на иллюстр. еженед. журн. для дѣтей

„ДѢТСКОЕ СЧАСТЬЕ".

11-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣль журнала—развить въ дѣтяхъ любовь къ литературѣ, искусству и наукѣ.

Подписчики получатъ:

1) 50 №№ журнала „ДѢТСКОЕ СЧАСТЬЕ",
2) 12 №№ юмористическаго журнала „ДѢТСКІЙ СМѢХЪ",
3) 6 №№ „БИБЛІОТЕКИ ДѢТСКАГО СЧАСТЬЯ",
4) иллюстр. „ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШАГО", Гоголя и
5) иллюстр. премію: „ЛИСЪ-РАЗБОЙНИКЪ" (знаменитая міровая эпопея въ новѣйшей художественной обработкѣ). (Около 300 страницъ).

Цѣна за годъ 3 руб. (съ прем.), на полгода—2 руб. (безъ прем.).

Продолжается подписка на 1908 г. Новые подписч. получатъ всѣ вышедш. №№ и премію „Разсказы для дѣтей" Л. Н. Толстого. Спб., Литейный, 25—98. Ред.-Изд. М. Дубинскій.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1908 и 1909 ГОДЪ

на двухнедѣльный литературный, научный, политико-экономическій журналъ

4 руб. „МІРЪ“. 4 руб.

ПРИ СОТРУДНИЧЕСТВѢ СЛѢДУЮЩИХЪ ЛИЦЪ:

Агафоновъ В. К., Арабажинъ К. И., Арцыбашевъ М. П., проф. Батюшковъ Ф. Д., Баранцевичъ К. С., Варшъ Г. З., Беренштамъ В. В., Богушевскій Л. Л., Бухъ Л. К., Вейнбергъ А. А., Венгерова З., Вечесловъ М. Г., Гриневская И. А., Гласко В. И., Гусевъ-Оренбургскій С. И., Дымовъ О. Я., проф. Ермаковъ В. П., Заринъ А. Е., проф. Зографъ Н. Ю., Игнатьевъ Е. И. (Альфъ), Измайловъ А. А., проф. Иванюковъ И. И., проф. Красновъ А. Н., Купринъ А. И., Лаврентьевъ Д. К., Леонтьевъ П. П., Ленскій В., Марковичъ Б. А., Маціевскій Л. М., Нелидова Е. Н., Нелидовъ В. Н., Носковъ Н. Д., Осиповичъ, Платоновъ, проф. Перетцъ В. Н., Петлюра С., пр.-д. Поваринъ С. И., Потапенко И. Н., Поршъ М., Потѣхинъ Ѳ. Ѳ., Рославлевъ А. С., Селивановъ А. Ф., Свирскій А. И., Сергѣй Горный, Сиромаха, Танъ, Тихоновъ В. А., Туминъ Г. Г., проф. Туганъ-Барановскій М. И., Ценгоръ Д., Цыганъ, Чюмина О. П. и многіе друг.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 4 руб., на полгода 2 руб., на 3 мѣс. 1 руб. Для выписывающихъ за границу къ означенной цѣнѣ прибавляется стоимость доставки.

Пробный № высылается по полученіи 3-хъ семикопѣечныхъ марокъ.

1-й № журнала вышелъ 15 октября 1908 года.

Цѣна отдѣльнаго № 20 коп.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Спб., Лиговская, 47. Телеф. № 288—70.

Редакторъ: Л. Л. Богушевскій. Издатель: В. Л. Богушевскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

4-й годъ изданія. **„ТРОПИНКА“** 24 книж. въ годъ.

Журналъ выходитъ 1 и 15 каждаго мѣсяца въ 2—3 печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, разсказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ 1909 году „Тропинка“ будетъ выходить при прежнемъ составѣ сотрудниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставк. и перес. 3 р., на полгода 2 р., за границу 5 р.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, площадь Маріинскаго театра, 6. Телефонъ 297—55.

Редакторы-Издатели П. Соловьева и Н. Манасеина.

Юридическій книжный складъ „ПРАВО“.

С.-Петербургъ, Владимирскій просп., 19—4. Телеф. 41—61.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:

Балабановъ, М. Фабричные законы, съ разъясн. и указателями, предм. и постат. Изд. 2-ое, испр. и дополн. по 1 окт. 1908 г. Ц. 1 р.

Безсоновъ, Д. Массов. преступленія въ общ. и военно-угол. правѣ. Ц. 2 р.

Бернштейнъ, Э. Исторія рабоч. движенія въ Берлинѣ. 1908 г. Ц. 2 р.

Бемъ-Баверкъ. Капиталъ и прибыль. Пер. подъ ред. и съ предисл. пр. М. И. Туганъ-Барановскаго. 1909 г. Ц. 2 р. 50 к.

Вильсонъ, В. Государств. строй Соед. Штатовъ. 1909 г. Ц. 1 р. 50 к.

Виленкинъ, Г. Госуд. и эконом. строй соврем. Японіи. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

Винаверъ, М. Изъ области цивилистики. 1908 г. Ц. 2 р.

Вопросы государ. хозяйства и бюджет. права. Сборн. статей. 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.

Геккель, Э. Естеств. исторія міротворенія. Т. I. Ц. 2 р; Т. II. 1909 г. Ц. 3 р.

Гессенъ, В. Исключительное положеніе, съ прилож. дѣйств. исключ. законовъ и проекта междувѣд. коммиссіи, внесен. въ Гос. Думу 1908 г. Ц. 2 р.

— О неприкосновенности личности. Ц. 50 к.

— На рубежѣ. 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гессенъ, Ю. И. Евреи въ Россіи. Очерки обществ., эконом. и правовой жизни русск. евреевъ. 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дружининъ, К. Очерки крест. общест. жизни. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дьяконовъ, И. Очерки обществ. и госуд. строя др. Руси. 1908 г. Ц. 3 р.

Диль, Ш. Юстиніанъ и визант. цивилизація въ VI в. 1908 г. Ц. 5 р. въ пер. 6 р.

Задачи соціалистической культуры. Сборникъ статей Э. Бернштейна, Вандервельде, Герця, Давида и др. Перев. съ рукоп. 1907 г. Ц. 2 р.

Законодательные акты переходнаго времени (1904—1908 гг). Подъ ред., съ предисл. и предм. указателемъ проф. Н. Лазаревскаго. Изд. 3-ье 1909 г. Ц. 1 р. 60 к. (въ перепл.).

Ильинскій, М. Архангельская ссылка. Изд. 2-ое. 1908 г. Ц. 60 к.

Корфъ, С., бар. Исторія русск. государственности. Т. I. 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.

Лазаревскій, Н. Лекціи по рус. госуд. праву. Т. I. Конституц. право 08 г. Ц. 3 р.

— Отвѣтств. за убытки, причин. должностн. лицами. 1905 г. Ц. 4 р. 50 к.

Люблинскій, П. Право амнистіи. 1908 г. Ц. 2 р.

Маклаковъ, В. и Пергаментъ, О. Наказъ Гос. Думы. Ц. 1 р. (въ перепл.).

Первая Гос. Дума. Сборн. статей. 1907 г. Три выпуска, цѣна 3 р. 25 к.

Пиленко, А. Привиллегіи на изобрѣтенія. Изд. 4-ое. 1908 г. Ц. 85 к.

— Парламентскіе прецеденты. 1908 г. В. I. Ц. 50., В. II. Ц. 75 к.

Политическій строй соврем. государствъ. Сборн. ст. Т. I. Ц. 3 р.; Т. II. Ц. 1 р. 50 к.

Редлихъ, I. Англійское мѣст. управл. Т. I. 1907 г. Ц. 3 р.; Т. II. 1908 г. Ц. 3 р.

Современныя конституціи. Пер. под. ред. и съ предисл. пр-доц. В. Гессена и доц. бар. Б. Нольде. Тт. I-II. Ц. по 3 р.

Студницкій, В. Польша, въ полит. отношеніи отъ раздѣла до нашихъ дней. 1908 г. Ц. 1 р.

Трахтенбергъ, В. Блатная музыка (Жаргонъ тюрьмы). Словарь тюремнаго языка, подъ ред. и съ предисл. пр. И. А. Бодуэнъ де Куртенэ 1908 г. Ц. 1 р.

Фрейбергъ, Н. Врачебно-санитарное законодательство въ Россіи Изд. 2-ое, дополн. 1908 г. Ц. 3 р. 50 к. (въ перепл.).

Фюстель де Куланжъ. Исторія обществ. строя др. Франціи. 4 тома. Ц. 16 р. 50 к. (въ перепл.).

— Римскій колонатъ. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шоръ, А. Основн. проблемы теоріи полит. экономіи. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Эйкенъ, Г. Ист. и сист. средневѣк. міросозерцанія. 1907 г. Ц. 4 р. 50 к., въ пер. 5 р., и мн. др.

Складъ высылаетъ по первому требованію,—по желанію, съ наложеннымъ платежомъ—всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ. Каталоги, съ указателями—предметнымъ и авторовъ—высылаются безплатно; еженедѣльные списки новыхъ книгъ—за одну 7-микоп. марку въ мѣсяцъ.

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

(*С.-Петербургъ*—контора журнала „Русское Богатство“, Баскова ул., 9; *Москва*—отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Выписывающіе книги въ провинцію на сумму не меньше 1 рубля пользуются даровой пересылкой. Книжнымъ магазинамъ — уступка 25% при пересылкѣ книгъ на ихъ счетъ.

Н. Авксентьевъ. ВЫБОРЫ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 коп.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Григорій Бѣлорѣцкій. БЕЗЪ ИДЕИ (Изъ разсказовъ о русско-японской войнѣ). 1906 г. 207 стр. Цѣна 75 коп. Безъ идеи.—Безъ настроенія.—Въ чужомъ пиру.—Химера.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. 1906 г. 32 стр. Цѣна 8 к.

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Изд. 1905 г. 501 стр. Ц. 1 р. 50 к. Характеръ англичанъ.—Англ. полиція.—Возрожденіе протекціонизма. — Ирландскій „ледоходъ“.—Земля.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.

— НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ и ЖИЛИЩА. Изд. *второе* 1906 г. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— СВОБОДА ПЕЧАТИ. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

В. І. Дмитріева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г. 312 стр. Цѣна 1 руб. Гомочка.—Подъ солнцемъ юга.

В. Я. Кокосовъ. РАЗСКАЗЫ О КАРІЙСКОЙ КАТОРГѢ. 1907 г. 317 стр. Ц. 1 р. «Не нашъ».—Воспоминанія врача.—Практика.—Искусники.—Трофимычъ.—Ласковый.—Яшка.—Н. Г. Чернышевскій.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Двѣнадцатое* изд. 1908 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. II. *Восьмое* изд. 1908 г. — 411 стр. Ц. 1 р. 50 к. Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (Іомъ-Кипуръ). Малор. сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Четвертое* изд. 1907 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к. Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики“.—Морозъ. — Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Шестое*, исправленное и дополненное, изд. 1907 г.—400 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Одинадцатое* изд. 1906 г.— 200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Четвертое* изд. 1906 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

— СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ (по даннымъ судебнаго разслѣдованія). Изд. 1907 г. Ц. 10 коп.

— ОТОШЕДШІЕ. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. Изд. 1908 г. Цѣна 40 коп.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.—Кладъ.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ. — Наука, литература и печать. — Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе,

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастэръ. — Додэ. — Золя. — Клемансо. — Вальдекъ Руссо. — Комбъ. — Рошфоръ.— Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье*. 1906 г. — 380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

— ЗАДАЧИ ПОЗИТИВИЗМА И ИХЪ РѢШЕНІЕ. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Изд. 1906 г.—143 стр. Ц. 40 к.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Четвертое* изд. 1907 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.— Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.— 402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.— Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.— 367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.— Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пушкинъ.—Некрасовъ.—Фетъ.—Тютчевъ.— Надсонъ. — Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина.* — II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бравскаго.* Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.— Т. Н. Грановскій. — К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. *второе* 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

— ДВА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ЗАКОНА. Спб. 1907 г. Ц. 10 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА.—Изд. 1905 г.—296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

— ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. *Четвертое* изд. 1906 г. 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНѢ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II. (1898 — 1905). *Третье*, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

Въ конторѣ «Р. Б.» продаются и нѣкоторыя чужія изданія:

РУССКАЯ МУЗА. Составилъ **П. Я.** Стихотворенія и характеристики 132 поэтовъ. Красивый компактный томъ въ два столбца; около 40,000 стиховъ. Переработанное и дополненное изданіе. 1908 г. Ц. 1 р. 75 к.

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 біографіями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ: IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.

С. Н. Южаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Цѣна 1 р. 50 к.

— СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ). Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). НАРОДНИКИ И ПРОПАГАНДИСТЫ. Цѣна 1 руб.

МЕЧТЫ.

— Самоуправный народъ — русскіе... до того самоуправный — просто, говорить не остается! — повторилъ нѣсколько разъ укоряющимъ тономъ Романъ Ильичъ, отставной сотникъ.

Онъ сидѣлъ на пустомъ ящикѣ изъ-подъ мыла и въ своемъ древнемъ офицерскомъ пальто похожъ былъ на копну посѣрѣвшей отъ старости соломы. Когда онъ говорилъ, то моталъ головой, словно отгонялъ надоѣдливыхъ мухъ, и черная тѣнь отъ его лохматой папахи размашисто мигала отъ двери къ потолку по блестящей жести банокъ съ халвой и, казалось, на-спѣхъ ревизовала лѣвую половину лавки.

Шишовъ, Ѳедотъ Иванычъ, хозяинъ лавки, румяный, солидной комплекціи господинъ, молча нанизалъ на мочалку сухіе, твердые, какъ камень, крендели, завязалъ ее въ узелъ и встряхнулъ связку. Крендели звонко заговорили, какъ пучекъ пустыхъ кубышекъ.

— Вотъ вы попрекаете насъ, Романъ Ильичъ, — съ снисходительною мягкостью полированнаго человѣка сказалъ онъ, подавая связку:—а я имѣю честь предъявить вамъ, что совершенно напрасно. Съ людей беру по шести, съ васъ кладу по пять съ половиной. Одиннадцать копѣечекъ-съ... два фунта... Русскій народъ отнюдь не самоуправный...

Романъ Ильичъ, принимая покупку, тоже слегка встряхнулъ ее и окинулъ примѣривающимъ взглядомъ, какъ будто сомнѣвался въ правильности вѣса. Крендели снова издали короткій, сухой звонъ, который говорилъ: „готовь лишь зубы покрѣпче, а товаръ — первый сортъ“. Обвиненіе русскаго народа въ самоуправствѣ, въ сущности направленное лично противъ Шишова, который назначилъ было сперва цѣну за крендели слишкомъ высокую, какъ показалось Роману Ильичу,—теперь падало само собою. Положимъ, уступка, которую онъ сдѣлалъ, не Богъ вѣсть какъ значительна, но

она сдѣлана въ такой подкупающей формѣ,—сотникъ былъ отличенъ отъ „людей“, — что дальше возражать противъ цѣны было просто неловко. Романъ Ильичъ сказалъ примирительно:

— Ну, запиши тамъ...

Шишовъ ловкимъ движеніемъ, за самый кончикъ угла, выбросилъ на прилавокъ длинную долговую книгу, разыскалъ страницу съ фамиліей сотника Евтюхина и старательно вывелъ: «2 фу. кре. 11 ко.»

Потомъ вытеръ перо о волосы и сказалъ:

— Вы говорите, Романъ Ильичъ, что, дескать, самоуправный мы народъ—русскіе...

Онъ говорить любилъ и умѣлъ говорить занимательно, чисто, свободно и искусно. Лукавый огонекъ добродушнаго зубоскальства дрожалъ въ его глазахъ, когда онъ обращался къ сотнику. И легко-насмѣшливая, сдерживаемая веселость невольно передавалась также другимъ посѣтителямъ лавки. Ихъ было еще трое. Бородатый казакъ Ероѳей Маштакъ помѣстился у двери, на кучѣ поддосокъ, шкворней и желѣзныхъ лопатъ; агентъ фирмы Зингера Попковъ, носившій бумажные воротнички, сидѣлъ противъ сотника на мѣшкѣ съ ячменемъ (Шишовъ принималъ въ уплату за товаръ не только звонкую монету, но и продукты мѣстнаго производства), а въ самыхъ дверяхъ стоялъ коротенькій мужичекъ Ферапонтъ Тюринъ.

Они сходились сюда каждый вечеръ, на огонекъ. Стояли длинныя, безмолвно-черныя ночи осени съ долгимъ, безпокойнымъ сномъ въ душной тѣснотѣ закутанныхъ жилищъ и съ нудной безсоницей, рождающей одинокія, безсильно-тупыя, однообразныя и тѣсныя мысли, безпорядочныя и нерадостныя воспоминанія, отъ которыхъ уставала голова и безсильная досада надолго застревала въ сердцѣ,—нелѣпыя грезы о томъ, чего никогда не бываетъ и не будетъ. Въ таинственно-черномъ мракѣ думы о безотрадно текущей жизни, окутанной безконечной цѣпью неизбывныхъ будничныхъ заботъ, недостатковъ, суевѣрныхъ страховъ и усталой злобы, походили на грузные мѣшки-пятерики съ пескомъ, которые съ безмолвной медлительностью наваливались на грудь, давили голову и тисками сжимали сердце. И ночь казалась безконечной, какъ сказочное темное подземелье съ запечатаннымъ выходомъ.

Спасаясь отъ этихъ безсонныхъ ночей, они шли коротать вечеръ въ лавку. Здѣсь былъ свѣтъ,—плоскій, небольшой язычекъ огня дрожалъ, вытягивался и коптилъ въ висячей лампѣ,—не яркій огонекъ, но по улицѣ, закутанной въ сырой, пугающій мракъ далеко было его видно. Былъ

табакъ, который Шишовъ предоставлялъ безплатно посѣтителямъ лавки, въ разсчетѣ, можетъ быть, на привлеченіе покупателей. Льготной махоркой особенно широко пользовались Ферапонтъ и Ероѳей Маштакъ. Они курили безостановочно все время, пока были въ лавкѣ. Была, наконецъ, бесѣда — иногда вялая, но иногда занимательная, нерѣдко шумно-веселая, съ крѣпкими шутками и раскатистымъ хохотомъ.

Тихая, несложная жизнь станицы, туго измѣняющаяся, бѣдная событіями, мало давала пищи для обмѣна мыслей. За то безгранична была область за рубежомъ станичнаго юрта. И хотя они не знали, какая жизнь тамъ шла, но были увѣрены, что жизнь эта удивительна, разнообразна, интересна и богата. И они особенно любили толковать именно о томъ, чего не знали: о замыслахъ царей, о колдунахъ и мертвецахъ, о дикихъ людяхъ. Если кто-нибудь изъ нихъ вдохновлялся и начиналъ передавать обрывки гдѣ-то слышаннаго, украшая ихъ собственной фантазіей и выдавая созданія ея за дѣйствительность,—они охотно вѣрили ему, лишь бы разсказъ былъ хоть немного гладокъ и интересенъ... мало-ли чего на свѣтѣ не бываетъ!..

А иногда молчали. Курили и съ равнодушно-усталымъ, полусоннымъ видомъ прислушивались къ рѣдкимъ, случайнымъ звукамъ, которые рождались подъ плотнымъ рядномъ черной осенней ночи. Вотъ зашуршалъ мелкій, неторопливый дождикъ, пошептался минуты три, прошелестилъ, какъ кудрявый тополь листвой, и тихо ушелъ дальше, убѣдившись, что грязи въ станицѣ достаточно. Пролаяла скучливо собака. Навѣрно, прикурнула гдѣ-нибудь на гумнѣ, свернувшись кренделемъ, спитъ и только изрѣдка, не поднимая головы, подаетъ голосъ, обмануть хочетъ: не сплю, молъ... Журавецъ проскрипитъ надъ колодцемъ. Кто-то не спитъ еще. Должно быть, дѣвки на сидѣлки у кого-нибудь собрались...

Когда становилось скучно молчать, Шишовъ, балагуръ не послѣдней руки, начиналъ вышучивать смирнаго Ферапонта. Ферапонтъ былъ человѣкъ очень маленькій и ростомъ, и соціальнымъ положеніемъ. Всѣ привыкли глядѣть на него сверху внизъ, такъ какъ онъ, несмотря на серьезную бороду, почти весь ушелъ въ неуклюжіе сапоги съ широкими, какъ лопухи, голенищами. На веселонравіе собесѣдниковъ онъ не обижался,—привыкъ и считалъ, что это лишь отъ скуки, „для разгулки времени“.

Осторожно подтрунивали и надъ старымъ сотникомъ. Романъ Ильичъ былъ господинъ серьезный, даже суровый. Какъ единственный офицеръ въ станицѣ, онъ привыкъ къ

почету, не терпѣлъ конкурренціи и ревниво наблюдалъ за тѣмъ, чтобы его чинъ знали и помнили, чтобы въ церкви никто раньше его не подошелъ къ кресту, чтобы при встрѣчѣ ему давали дорогу и снимали передъ нимъ шапки. Но умомъ былъ простоватъ, какъ всѣ старинные люди. Жизнь онъ прожилъ долгую. Хотя она не была разнообразна и богата событіями, но за восемь десятковъ лѣтъ накопилась достаточная куча, изъ которой онъ по временамъ извлекалъ кое-какіе обломки на потѣху своимъ слушателямъ, самъ не замѣчая, что забавляетъ ихъ своею первобытностью.

И такъ они убивали врага своего—время, тихо и ровно разматывавшее клубокъ ихъ несложной жизни, въ которой радости были рѣдки, мелки и незавидны, а безпомощно-тупая скука, нужда и печали слишкомъ привычны, чтобы на нихъ долго останавливаться мыслью.

— Самоуправный, дескать, народъ... — повторилъ Шишовъ, и въ голосѣ его слышался играющій смѣшокъ: — значитъ, обвиняете вы насъ съ Ферапонтомъ, не иначе... Мы съ нимъ тутъ русскіе, а вы трое, будучи казаки. Хорошо-съ. Это еще не голосъ. А вотъ позвольте вамъ, наоборотъ, возразить насчетъ казаковъ: какъ вашъ батюшка — царство небесное! — Ермакъ Тимоѳеевичъ жилъ, разбой держалъ, такъ и сейчасъ этотъ самый манеръ не вывелся...

— Ну нѣтъ, братъ, сейчасъ казаки дисциплину знаютъ!— строго и съ достоинствомъ возразилъ сотникъ.

— А я вамъ на это имѣю честь возразить слѣдующимъ примѣромъ: вонъ у меня въ горницѣ виситъ сейчасъ картина и на ней разные народы, какіе подъ нашей державой состоятъ. Но почему казаковъ тамъ нѣтъ? Объясните вы мнѣ, сдѣлайте милость! Значитъ, поэтому они въ спискѣ у царя не состоятъ?..

Романъ Ильичъ посмотрѣлъ въ полуоборотъ на Шишова слегка озадаченнымъ взглядомъ человѣка, не быстро соображающаго, но склоннаго къ обидчивости, и враждебнымъ тономъ возразилъ:

— Не можетъ быть! Хвастаешь, должно быть?

— Извольте поглядѣть, ежели не вѣрите... Званія нѣтъ!

Смѣхъ прыгалъ и въ глазахъ, и въ голосѣ Шишова, и похоже было, что вотъ-вотъ онъ брызнетъ изъ него кипящимъ фонтаномъ и захватитъ всѣхъ присутствующихъ.

Бородатый Маштакъ, закуривъ цыгарку и выпустивъ клубъ дыма, который сразу закуталъ почти всю лавку, поспѣшилъ на выручку къ замявшемуся сотнику и сказалъ успокоительно:

— Они при его лицѣ служатъ, онъ ихъ и такъ знаетъ.

— И безъ списка! Вѣрно!.. — радостно-благодарнымъ го-

лосомъ воскликнулъ Романъ Ильичъ и сочувственно ткнулъ связкой кренделей въ сторону находчиваго Маштака: — вѣрно!..

Лохматая папаха его закивала торжествующимъ жестомъ, и черная танцующая тѣнь отъ нея запрыгала къ потолку.

— Это вѣрно! Правильно! А вотъ вы, русскіе, также и хохлы, объ васъ безъ списка того... и позабыть можно...

— Вы насъ, стало быть, съ хохлами равняете? Это даже обидно!..

Шишовъ небрежно-ловкимъ жестомъ отбросилъ долговую книгу въ ящикъ съ подсолнухами и уперся кулаками на прилавокъ.

— Позвольте вамъ на это возразить изъ исторіи. Какъ въ самой древней исторіи сказано, что русскаго вылѣпили изъ сѣрой глины...

— Прочный матеріалъ! — замѣтилъ въ скобкахъ Ферапонтъ, сооружавшій гигантскихъ размѣровъ цыгарку.

— Изъ сѣрой глины... А хохла—изъ пеклеваннаго тѣста..

— Хохолъ — дуракъ! — тономъ безнадежнаго сожалѣнія сказалъ сотникъ.

— Да... Такъ изъ пеклеваннаго тѣста его, — продолжалъ Шишовъ неторопливо, съ манерами опытнаго повѣствователя:— ну-те-съ, хорошо-съ, изъ тѣста... И, стало быть, на этотъ случай прибѣгла собака... Прибѣгла къ тому дѣлу собака, сцапала хохла и проглотила. Проглотила—бѣжать! И сколько бѣжала, все хохлами...

При неожиданно-звонкой риѳмѣ, созданной прянымъ словомъ, сотникъ затрясся отъ смѣха, и животъ его, какъ студень, долго еще колыхался даже послѣ того, какъ дружный, заливистый общій хохотъ другихъ слушателей смолкъ, и они ждали продолженія.

— На конецъ того дѣла, вдарилась она объ уголъ, и выскочилъ изъ ней хохолъ съ плугомъ,—продолжалъ Шишовъ.

— И зъ волами?—спросилъ Поиковъ, подражая малороссійскому выговору и давясь отъ смѣха.

— И съ волами. Вотъ отколь они все на волахъ-то ѣздятъ!..

И когда Шишовъ кончилъ свою забавную исторію, въ которой съ несомнѣнностью доказывались всѣ генеалогическія преимущества русскихъ, т. е. великороссовъ передъ хохлами,—всѣ смѣялись долго, до усталости, сперва разомъ, а потомъ наблюдая нѣкоторую очередь: кто-нибудь вспоминалъ отдѣльный эпизодъ, подсыпалъ крѣпкое замѣчаньице, остроту, и опять изъ лавки въ настороживщуюся темноту

выскакивалъ раскатистый залпъ прыгающихъ звуковъ и звонко разбѣгался въ оба конца нѣмой улицы.

Потомъ какъ-то разомъ смолкли. Сизыми клубами ползъ вверхъ, къ лампѣ, дымокъ. Крѣпкій запахъ табаку сливался съ запахомъ копченой шемайки и дразнилъ голодное воображеніе. Золотая полоска свѣта изъ дверей протянулась черезъ всю улицу и на противоположной сторонѣ выхватила бѣлый уголъ старой хатки до соломенной крыши, низкій плетень и вывѣску съ гигантской буквой *З*, укрѣпленную надъ обвисшею калиткою. Свѣтлый, разостлавшійся по землѣ квадратъ похожъ былъ на кусокъ новой парчи. На немъ яркими блестками играла и прятавась вода въ углубленіяхъ и колеяхъ растоптанной дороги и сѣрѣли матово-шелковистыми узорами, отбрасывая тѣни, высокія безмолвно-грозныя, разорванныя борозды черной осенней грязи. А за гранями,—направо и налѣво, дальше и выше,—висѣла нѣмая, неподвижная темь, охваченная соннымъ оцѣпенѣніемъ. И кто-то оттуда сторожко крался, прислушивался, затаивъ дыханіе, и глядѣлъ внимательными очами на тусклый огонекъ лампы.

— Это вѣрно... хохлы—они мягкій народъ,—сказалъ сотникъ, потрясая мохнатой папахой:—а вотъ вы, русскіе... у-у, дьяволы, сурьезные... да что за натуральная нація!..

Онъ поковырялъ клюжкой по сѣрому наслѣженному полу вспоминая что-то изъ своего минувшаго.

— Разъ меня въ Дубовкѣ... ну такъ обидѣли, такъ обидѣли... Давно, лѣтъ пятьдесятъ прошло, а вспомню и—сейчасъ руки ажъ чешутся!

— Вы по этому случаю на всѣхъ русскихъ и сердце имѣете, ваше благородіе? — почтительно замѣтилъ Ферапонтъ:—дубовскіе, значитъ, виноваты, а мы, шацкіе, отвѣчай!..

— Всѣ вы одной бабки внуки! — Сотникъ энергично взмахнулъ связкой кренделей, и они опять звонко прогремѣли, сообщая короткимъ сердитымъ звукомъ особую убѣдительность его словамъ.

— А что главное—правильности нѣтъ! Норовятъ кучей на одного насѣсть, а не то, чтобы одинъ на одинъ... Мнѣ не то обидно, что били... Бей, песъ съ тобой, ну бей по закону! Я люблю, чтобы правильность была во всемъ...

Романъ Ильичъ строго, въ полуоборотъ, посмотрѣлъ на Ферапонта воинственнымъ взглядомъ, ожидая возраженій. Но Ферапонтъ не возразилъ, а, отвернувшись изъ вѣжливости, выпустилъ зарядъ дыма по направленію къ улицѣ и затѣмъ изобразилъ на своемъ лицѣ самое почтительное вниманіе. Сотникъ провелъ костылемъ по темному, грязному

полу прямую линію,—жестикуляція часто опережала у него слово,—и голосомъ старой грусти началъ:

— За досками мы ѣздили, значитъ. Съ фурами. Желѣзныхъ дорогъ тогда не было,—на быкахъ. Наклали фуры,—я, по грѣшности, въ харчевню: выпью, думаю, на дорогу шкаликъ...

— Для дороги это вещь пользительная, — одобрительно замѣтилъ агентъ Попковъ.

— Ну, понятно!—съ нѣкоторой стремительностью присоединилъ свое мнѣніе и Ферапонтъ.

— Да, не вредитъ,—согласился Романъ Ильичъ:—ну... взошелъ. А ихъ тамъ, этого мужичья, руки не пробьешь! Галдятъ, у стойки сбились въ кучу. А у мѣня воза стоятъ, некогда до смерти. И все-таки я—офицеръ, само собой...—Посторонитесь!—говорю.—„Чаво посторонитесь? Ка-кой широкій! Самъ посторонись!"—Дайте дорогу,—говорю,—я офицеръ!—„Мы изъ тебя не видимъ, офицеръ ты или нѣтъ, а за свои деньги въ кабакѣ каждый шароваться можетъ". Ну, я въ тѣ времена помоложе былъ, на руку проворенъ. Ахъ, ты,—думаю,—мужицкая твоя морда! Развернулъ—черкъ одного въ сопатку! Онъ назадъ себя... Подались. Я тутъ другого. Они къ двери.—Бѣ-ѣжать?.. Стой, думаю, не уйдешь! Сердце во мнѣ даже разгорѣлось, и зачалъ я ихъ тутъ сланивать—кого въ ѣдало, кого въ пузо, кого въ затылокъ... Мужичье!.. Только какой-то подлецъ—не знаю какъ—подкатился мнѣ подъ ноги, я и выстелился черезъ него. Ну, тутъ ужъ они всѣ на меня... И, пока наши отъ возовъ-то прибѣгли, они мнѣ сыпнули!.. И будь бы у нихъ понятіе, ежели бы не всѣ кучей лѣзли одинъ на другого,—каждому хотѣлось поскорѣй вдарить,—то аминь бы тутъ мнѣ былъ... ей-ей! А то они сбились надо мной, суютъ руками, а размахнуться негдѣ, безъ толку все... Тѣмъ и спасся! Кровь была, а такъ пятно чтобы гдѣ—ничего не было!..

Романъ Ильичъ съ побѣдоносной улыбкой оглянулся на своихъ слушателей, и они каждый по-своему выразили свое радостное изумленіе. Шишовъ издалъ тонко-свистящее шипѣніе: тссс... Маштакъ добродушно загнулъ многоэтажное слово по адресу несообразительныхъ дубовскихъ мужиковъ, а Попковъ коротко сказалъ: «галманы!»

Ферапонтъ покрутилъ головой и затѣмъ осторожно, тономъ извиненія, замѣтилъ:

— Да вѣдь на своей сторонѣ, понятное дѣло, тамъ стѣны помогаютъ... Тоже нашего брата тутъ у васъ мало ли учатъ?

— И правильно!—сказалъ Маштакъ добродушно-грубымъ тономъ.—Вашъ братъ тоже.. вродѣ жида на нашей сторонѣ...

Придетъ, къ примѣру, въ лаптяхъ, въ однихъ порткахъ, глядишь—черезъ мѣсяцъ у него сапоги амбурскаго товару, триковый пиджакъ, штаны по журналу сшиты... А все плохо имъ! Сунься-ка мы къ вамъ,—вы утрете скоро! Вонъ ихъ благородіе—офицеръ, и то не постѣснялись...

Маштакъ немножко издѣвался, подтравливалъ Романа Ильича. Старый сотникъ поддавался на этотъ пріемъ и переходилъ отъ общихъ положеній къ натиску на самаго смирнаго представителя великорусскаго племени. Ферапонтъ же былъ очень удобенъ для такихъ невинныхъ потѣхъ. Но на этотъ разъ сотникъ пошелъ стороной. Героическія воспоминанія разбудили въ немъ духъ тщеславія, и онъ не безъ хвастовства воскликнулъ:

— Ну, я и самъ въ долгу не остался! Нѣ-ѣтъ! Я тоже одному послѣ того вложилъ... Чтобы онъ зналъ да помнилъ обѣдъ да полдни...

И разсмѣялся очень довольнымъ смѣхомъ.

— Дегтярь... Тоже изъ дубовскихъ...

Онъ сдѣлалъ продолжительную паузу, потупился, почертилъ клюжкой по полу, покрутилъ головой и снова разсмѣялся,—видимо, забавное было воспоминаніе.

— Отъ обѣдни иду... воскресенье какъ разъ было. Народъ, конечно. Шинель на мнѣ съ капюшономъ. Николаевская, офицерская. Вотъ онъ и ѣдетъ.—„Дегтю! Дегтю!..“—Стой! ты отколь?—„Дубовскій, ваше благородіе“.—Ты дубовскій?!—„Дубовскій“... Заразъ я шинель съ себя долой, повѣсилъ ее къ Митрій Иванычу на ворота.—Ты дубовскій?!.. Развернулъ, к-какъ дамъ ему сюда! Онъ брыкъ съ дрогъ! Картузъ—въ сторону, виски кучерявые, какъ у стараго барана. Вцѣпился я въ нихъ и зачалъ водить... Водилъ-водилъ.—„Ваше благородіе, помилуйте!“—А-а, сукинъ сынъ! по-ми-луйте? Закажи своимъ дубовскимъ, какъ донского офицера биты!—„Ваше благородіе! ни въ жизнь пальцемъ никого не тронулъ!“—А-а, не тро-нулъ?—„Отъ рода жизни! Нитнюдь!“—А меня кто утюжилъ, такой разъэтакій?—„Впервой вижу васъ, ваше благородіе! Помилуйте! Кто другой разѣ, ну никакъ не я“...—Не ты, такъ твой братъ, не братъ—такъ сватъ, не сватъ—такъ кумъ, одна категорія!.. Опять вожу. Ажъ усталъ... Ну, выпустилъ. Какъ вскочитъ онъ на дроги и по-шелъ! Какъ оглашенный... Лошадь справа-слѣва кнутомъ, маршъ-маршъ! Безъ шапки, безъ всего! Только и видать, какъ лошадь нахлыстываетъ...

Романъ Ильичъ затрясся отъ смѣха и зашипѣлъ горломъ. Порой онъ останавливался на мгновеніе и, задыхаясь, быстро выговаривалъ:

— Виски у него... патлы-то... раскудлатились во-о какъ...

я всѣми десятью въ нихъ... Водилъ-водилъ... Ты дубовскій, говорю...

Шишовъ, весь багровый, качался впередъ и назадъ, кланяясь прилавку, и въ глоткѣ у него бурлилъ и клокоталъ водопадъ, а на рѣсницахъ блестѣли слезы. Маштакъ сыпалъ крупную, басистую трель, и было странно, что изъ его огромной бороды вылетаетъ такой горохъ разсыпчатыхъ и проворно скачущихъ звуковъ. Попковъ беззвучно трясся тощимъ тѣломъ и, въ тактъ подпрыгивающимъ плечамъ, изъ носа его отрывисто и быстро вылетали одинъ за другимъ маленькіе клубочки табачнаго дыма. Ферапонтъ чихалъ, кашлялъ, крутилъ головой и повторялъ, держа двумя пальцами цыгарку, какъ камертонъ, вровень съ ухомъ:

— Кабы знатье, не надо бы признаваться ему, что дубовскій...

— Съ той поры, небось, не показывается въ станицу?— отдохнувъ отъ смѣха, спросилъ Шишовъ.

— Да врядъ!.. А ежели и покажется: „я—не дубовскій", молъ...—отвѣтилъ за сотника Ферапонтъ.

— А ты, Ферапонтъ, не дубовскій?—трясясь отъ смѣха, спросилъ Попковъ.

— Нѣ, не дубовскій...—подъ общій смѣхъ поспѣшно отказался Ферапонтъ.

— То-то, гляди!—разсыпая свой крупный горохъ, проговорилъ Маштакъ:—а то ихъ благородіе... того... видишь, костыль какой?

— Нѣтъ, гляжу я, ты—дубовскій?—задыхаясь отъ приступа смѣха, едва выговорилъ Попковъ.

— Я—шацкій... Мы не виновны въ ихъ благородіи...

— Ну, шацкіе — ребята хватскіе: семеро одного не боятся,—благодушно замѣтилъ Романъ Ильичъ.—Но тоже... у меня смотри въ оба.

— Чтобы не выскочили изъ лоба!—подхватилъ Маштакъ.—А онъ, ваше благородіе, все подъ вашу землю цѣлится!..

— Да! Вѣрно, вѣрно!—подтвердилъ со слезами на глазахъ, весь багровый, Шишовъ:—къ чему, говоритъ, офицерамъ участки? Они, все равно, не работаютъ ее, а я бы ее къ дѣлу произвелъ... Отобрать бы, говоритъ...

— О-то-брать?—Романъ Ильичъ насупился и сдѣлалъ свой воинственный полуоборотъ въ сторону Ферапонта:— Вотъ, на!

Три толстыхъ пальца сложились въ извѣстную комбинацію и вмѣстѣ съ клюжкой устремились по направленію къ Ферапонту.

— Ишь ты, умникъ! Пра-а, умникъ!.. Я заслужилъ, а ему отдай... Мужику? Это за какія же заслуги?..

— Шутятъ это они, ваше благородіе,—оправдываясь, сказалъ Ферапонтъ, съ нѣкоторымъ опасеніемъ поглядывая на клюжку сотника:—это вродѣ смѣху у нихъ...

— Ты что же это, я вижу, брехунами насъ хочешь передъ людьми поставить?—притворяясь обиженнымъ, возразилъ Шишовъ:—скажешь, небось, не говорилъ про землю?

Ферапонтъ смутился. Было дѣло, конечно. Но развѣ это въ серьезъ? Это лишь мечты, это такъ себѣ, для разгулки времени. Вѣдь вотъ и сотникъ, напримѣръ, толкуетъ часто о царствѣ небесномъ, а кто же скажетъ, что онъ попадетъ туда? Съ такимъ животомъ въ рай не пролѣзешь: ворота узки... Ну, и о землѣ тоже. Поговорили и только... Много ли бѣды отъ этого?

— Я, братъ, заслужилъ себѣ землю. Поди заслужи, и у тебя будетъ участокъ,—сказалъ Романъ Ильичъ строго-наставительнымъ тономъ.

— Не тѣ времена нынче, ваше благородіе,—вздыхая, сказалъ Ферапонтъ:—нынче войны стали серьезныя, хитрости большой надо. А тогда какъ служивали? Какое оружіе было? За виски другъ друга да подъ ножку,—вотъ и вся война. А нынѣ поди-ка! Онъ тебя вонъ отколь цѣпляетъ... за сколько верстовъ!

— Н-ну... нѣтъ, братъ, сурьезно дрались и тогда. Ты думаешь, я страху не видалъ? Еще какъ Господь вынесъ! Вспомнишь—морозъ по кожѣ... Офицерство-то не даромъ тоже досталось!

Опять прошлое съ его героическими очертаніями всплыло передъ глазами Романа Ильича и разбудило въ немъ задоръ неудержимаго самопрославленія. Онъ повѣсилъ на руку свою связку кренделей, придвинувъ ее къ локтю, сложилъ ладони на изгибѣ клюжки и уперся на нихъ животомъ. На толстомъ лицѣ его появилось выраженіе торжественности.

— Черезъ кобылу чуть не пропалъ,—сказалъ онъ, понизивъ голосъ, какъ бы по секрету.—Была кобылка у меня гнѣдая... иноходая... черезъ нее! Урядникомъ еще тогда былъ. Ну, значитъ, не судьба пропасть. Даже офицерство получилъ. Произвели...

Онъ кивнулъ Ферапонту головой съ наивнымъ хвастовствомъ: вотъ, молъ, какъ! И замѣялся. Засмѣялся и Ферапонтъ. Въ самомъ дѣлѣ, было смѣшно, что эта толстая, сырая, медлительно-важная фигура въ сѣромъ пальто и въ шапкѣ съ краснымъ, обшитымъ позументомъ верхомъ, простовато-смѣшная на видъ, могла когда-то не только усидѣть

на лошади, но даже ограждала отечество, подвергалась опасности, совершала геройскіе подвиги...

— Сѣли мы, значитъ, обѣдать,—грузно вздыхая, продолжалъ сотникъ:—на бивакѣ, разумѣется. Наварили мяса, борщъ въ котлахъ, само собой... Сѣли. Ну, только за ложки,—тревога! Бацъ-бацъ-бацъ-бацъ—изъ лѣску! У, будь ты трижды анаѳема! Сила-то его и не очень велика, видать: стрѣлять стрѣляетъ, а въ атаковку опасается... Ну, что дѣлать! Всѣ къ лошадямъ, понятное дѣло, котлы опрокинули, и по ложкѣ проглотить не пришлось. Гляжу я: куски мяса въ котлѣ, да какіе куски! во-о... жирные, съ хрящикомъ, самая грудинка! А ѣсть хочется—кожа трещитъ! Фу, думаю, зря пропадетъ такое добро... Скорымъ маршемъ сейчасъ кусковъ съ пятокъ—въ сакву: годятся! Перекинулъ сакву за сѣдло—лишь вскочить успѣлъ: какъ понесетъ моя кобыла! Какъ пойдетъ чесать! Какъ пойдетъ! Сбѣсилась и—кончено дѣло! Пошла и пошла! Да вѣдь ка-акъ? Пуля-пулей! Прямо на нихъ, на венгерцевъ... Пропалъ! Читаю „Живой въ помощи", пику уронилъ, шашку и выхватить не успѣлъ,—обѣими руками тяну поводья,—шумлю, не помню чего... одно слово—пропадаю! Вѣтеръ зеленый въ глазахъ, ничего не вижу... Чую только, что прямо съ размаху въ нихъ влетѣлъ,—какъ загомятъ кругомъ! Голоса своего не слышу!.. Одинъ секунтъ и—нѣтъ ужъ ихъ... упустили! Въ садъ въ ихній, значитъ, вылетѣлъ,—не успѣли схватить,—и пошелъ чесать дальше! И пошелъ! Пульки двѣ надъ самымъ ухомъ—жикъ! жикъ! А я чешу!.. Вѣдь это разсказывать-то долго, а тамъ—ну, не больше минуты было... просто, и плюнуть бы не успѣлъ... Ну и кобыла, будь она неладна! Такой ядъ... Ракета, а не лошадь!..

— Ну, какъ же вы, ваше благородіе, назадъ-то?—притворно изумленнымъ и немножко льстивымъ голосомъ спросилъ Ферапонтъ.

— Да пріѣхалъ и только. Обскакалъ верстъ пять—вотъ и опять на своихъ наткнулся. Не чаяли даже въ живыхъ видать, а я—вотъ онъ.—„Отколь,—командиръ говоритъ,—въ тебѣ такая отчаянность, Евтюхинъ?" — Не могу знать, ваше высокоблагородіе... А самъ ужъ послѣ додулъ, что кобылу-то свою мясомъ я прижегъ,—съ того и сбѣсилась... Ну, Господь... Никто, какъ Господь...

— Значитъ, быть живому,—солидно замѣтилъ Маштакъ.

— Да, значитъ, не помереть,—заключилъ и Ферапонтъ.

— А ты все говоришь: за что господамъ земли много?—съ оттѣнкомъ упрека сказалъ ему Романъ Ильичъ:—за что имъ земля? Вотъ поди-ка, послужи... Ты страху не видалъ? А-а, то-то! А я его знавалъ... да...

— Посади его на эту кобылу...—весело скаля зубы, сказалъ Попковъ, и опять клубочки дыма стали выпрыгивать изъ его носа одинъ за другимъ.

— Упалъ бы! Ей-Богу, упалъ бы!—подхватилъ Шишовъ тонкимъ голосомъ, и долго сдерживаемый смѣхъ вырвался у него свистящимъ потокомъ.

— Упалъ бы!—съ увѣренностью сказалъ Романъ Ильичъ, и животъ его опять задрожалъ, какъ студень.

Ферапонтъ хотѣлъ возразить, но воздержался, ничего не сказалъ.

— Такъ-то, другъ!—постукивая костылемъ, сказалъ сотникъ:—господская земля — она потомъ-кровью досталась. Кровью взята, кровью и отдается. А такъ, чтобы зря получить, не на-дѣй-ся! На чужой каравай ротъ не разѣвай, а пораньше вставай да свой затѣвай!

Ферапонтъ, начиная чувствовать себя, дѣйствительно, человѣкомъ безъ всякихъ заслугъ и потому виноватымъ, проговорилъ смиреннымъ тономъ:

— Да я и то... не того... Я на вольныя земли все думаю. Въ Сибирь... Вотъ весны дождусь. Весна вскроется, уѣду!

И онъ внимательно занялся новой цыгаркой. Романъ Ильичъ посмотрѣлъ на него опять въ полуоборотъ, но не воинственно, а просто удивленно, съ усиліемъ туго соображающаго человѣка, потомъ сказалъ:

— Куда-а тебѣ... съ дѣтьми!

— Съ дѣтьми и идтить,—увѣренно, сквозь стиснутые зубы, не выпуская цыгарки, сказалъ Ферапонтъ:—у меня четверо. А тамъ по пятнадцати десятинъ на душу...

— Это что-же? Да ты чистый помѣщикъ будешь!—съ дѣланнымъ испугомъ воскликнулъ Шишовъ.

— Очень просто! Пять душъ насъ, напримѣръ,—участочекъ добрый!

Ферапонтъ давно грезилъ вольными землями. Но все какъ-то такъ выходило, что онъ оставался въ станицѣ, жилъ въ саманной избушкѣ, мерзъ, голодалъ, перебивался кое-какъ и въ осенніе вечера, если не было работы, приходилъ въ лавку, чтобы утѣшиться хоть безплатнымъ табачкомъ.

— У поповъ восемь коровъ, у дьякона девята... закуривай, ребята!—уныло шутилъ онъ передъ каждой цыгаркой и уходилъ изъ лавки послѣднимъ.

Несмотря на то, что онъ былъ спеціалистомъ по многимъ отраслямъ ремесленнаго знанія, — лѣтомъ рабатывалъ на кирпичномъ заводѣ, осенью портняжилъ, зимой валялъ валенки,—заработокъ его былъ неизмѣнно скуденъ и, главное, грѣшилъ почти такимъ же непостоянствомъ, какъ военная удача. Бывали дни, когда вся семья Ферапонта существо-

вала лишь на ту добычу, которую приносила изъ церкви его теща: старуха становилась на паперти, и если у кого-нибудь въ станицѣ случались поминки, то перепадало кое-что и на долю фамиліи Тюриныхъ. И въ иные счастливые дни на столѣ у Ферапонта появлялись даже остатки лапши и сладкаго пирога съ черникой, куски студня, блинцы, а то и пять-шесть леденцовъ-монпансье. Не часто, конечно, это бывало, но бывало. Старуха обладала и умѣньемъ выпросить, и—при случаѣ—даже проворствомъ рукъ. Золотая была старуха!

Но эта подсобная статья слишкомъ явно отзывалась капризною случайностью и непрочностью, подобно зыбкому мостику изъ старой ольховой жерди, переброшенному черезъ рѣчку Прорву. Мечты о лучшей жизни, самостоятельной, прочно независимой, съ запасцемъ, съ большей увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, постоянно носились передъ Ферапонтомъ въ образѣ земли. Хотя онъ и не былъ кореннымъ землевладѣльцемъ,—съ дѣтства онъ переходилъ отъ одного ремесла къ другому,—мысль о землѣ не оставляла его въ покоѣ. Земля являлась къ его воображеніи въ чудесномъ образѣ волшебной скатерти-самобранки, которая по одному хотѣнью да по щучьему велѣнью предоставляетъ въ минуту все: и хлѣбъ, и вино, и елей, и гамбургскіе сапоги, и лапшу съ курицей, и кашемировый платокъ Лукерьѣ, и собственный самоваръ, и валенки ребятишкамъ. Когда далеко въ сторонѣ—не на Дону—проходила полоса забастовочнаго и аграрнаго движенія, Ферапонтъ жадно прислушивался къ его отголоскамъ, долетавшимъ и сюда, въ степной уголокъ, и смутно надѣялся, что подошло, въ самомъ дѣлѣ, время, когда мечты его о землицѣ, наконецъ, облекутся въ плоть. Что-жъ тутъ невозможнаго? Много-ли, въ самомъ дѣлѣ, ему и надо-то? Хоть бы половину супротивъ казаковъ... Одно время онъ готовилъ мѣшки, собираясь вмѣстѣ съ компаніей другихъ голодныхъ мечтателей сдѣлать „забастовку", т. е. погромъ на новой мельницѣ Вебера,—муки уже очень надо было. Но предпріятіе такъ и не вышло изъ области предположеній, потому что не нашлось студента, который былъ необходимъ, по общему мнѣнію, для руководства. Пришлось утѣшать себя лишь слухами о нарѣзкѣ...

Потомъ и слухи эти какъ-то вдругъ схлынули такъ же, быстро, какъ быстро они поднялись на гребень взбудораженной народной жизни. И все опять вернулось къ тому, какъ было. Уныло потянулась сѣрая полоса дней, полныхъ нужды и случайностей. А безпокойная мечта о лучшей жизни, болѣе основательной и сытой,—какъ червь, все-таки копошилась въ смирной головѣ и металась отъ одного фан-

тастическаго плана къ другому. Всѣ они основаны были на непреложныхъ фактахъ дѣйствительности, но всѣ походили на чудесный, легкій сонъ...

Вонъ Тараска Вершининъ принесъ изъ полка большія деньги. Всего четыре мѣсяца послужилъ—и семьсотъ! Говоритъ: въ карты выигралъ. Вретъ, должно быть? Обворовалъ или ограбилъ кого-нибудь. Но что же невозможнаго и въ карты? Можно выиграть! Бываетъ, фортунитъ человѣку,.. И тотчасъ-же пылкая фантазія начинала рисовать Ферапонту, какъ онъ сѣлъ играть въ карты съ этимъ самымъ Тараской и обыгралъ его: взялъ эти семьсотъ; затѣмъ купилъ у Барабона хату о двухъ теплыхъ за 230, покрылъ ее желѣзомъ и надъ воротами воздвигъ вывѣску съ надписью подъ изображеннымъ на ней коричневымъ сюртукомъ: „мастеръ Ферапонтъ Степанычъ Тюринъ". Два подмастерья у него, самъ третій. Машина стучитъ, весело лязгаютъ ножницы, шипитъ по смоченной матеріи утюгъ, пѣсня выбѣгаетъ на улицу:

Во слободкѣ молода вдова живетъ...

Чѣмъ не жизнь? Если обыграть Тараску... Жаль, сѣсть не съ чѣмъ, а то бы обыгралъ,—плевое дѣло! Обыграть ничего не стоитъ...

А то, вотъ, совсѣмъ въ рукахъ былъ случай... Года два назадъ кучеръ Кочетокъ вытащилъ у Романа Ильича чулокъ съ золотыми. Вытащилъ и зарылъ въ песокъ на косѣ. Но когда, отсидѣвши въ острогѣ свои годъ и четыре мѣсяца, онъ пришелъ опять на косу, то никакъ не могъ разыскать мѣсто, гдѣ зарывалъ деньги. Покопался, покопался въ пескѣ и ушелъ съ пустыми руками. А дѣвчата нынѣшней весной купались и напали на эти самые червонцы сотника. Тоже хорошо поджились. А вѣдь онъ, Ферапонтъ, сколько разъ на этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ и даже сидѣлъ. Если бы знать... Ну, да подойдетъ и его полоса. Почему-то онъ увѣренъ, что непремѣнно найдетъ чулокъ съ золотыми. Ну, чулокъ не чулокъ,—кубышку. Попадаются также старинные горшки съ серебряными рублями, съ крестовиками. Надо лишь знать, гдѣ покопаться. Ефимъ Широкій говоритъ, что въ курганахъ этого добра,—сдѣлай одолженіе! А онъ знаетъ, у него есть книга „Черной и бѣлой магіи". Что-жъ, копать мы можемъ, это дѣло нашихъ рукъ...

Хорошо еще, если подъ годъ хлѣба засѣять побольше. Только угадать, какой хлѣбъ въ цѣнѣ будетъ. Вотъ сейчасъ пшено до двухъ рублей дошло. Ежели, скажемъ, десятинъ шесть-семь заметать, да ежели вокругъ Троицы пройдетъ добрый дождь, то по сто мѣръ считай на десятину! Шестьсотъ-семьсотъ мѣръ, на пуды это близко къ тысячѣ... Вѣдь

это куча денегъ! И каши—ѣшь—не хочу!.. Безпремѣнно надо посѣять побольше проса. Эхъ, если бы земля!..

Разъ въ казенной винной лавкѣ Ферапонтъ увидѣлъ на стѣнѣ большой листъ съ двуглавымъ орломъ.

— Что за афишка?—полюбопытствовалъ онъ.

Сидѣльцы прочитали ему: говорилось тамъ о вольныхъ земляхъ въ Сибири. До этого Ферапонтъ думалъ, что удобнѣе переселить на вольныя земли господъ: ихъ поменьше и они, какъ будто, не такъ семьянисты, какъ мужики. Но господа, повидимому, упираются противъ переселенія. А глупы: про вольную Сибирь такъ хорошо расписано въ афишкѣ подъ двуглавымъ орломъ. Ферапонтъ махнулъ рукой и произнесъ: —Уважу... переселюсь самъ...

— Вонъ Спиря поѣхалъ новыхъ мѣстовъ искать да жену тамъ похоронилъ... назадъ идетъ,—сказалъ сотникъ предостерегающимъ тономъ.

— Ну, у меня баба корпусная, не скоро промретъ,—съ увѣренностью отвѣчалъ Ферапонтъ.

Онъ не вралъ. Лукерья была почти вдвое выше его и кость имѣла широкую, богатырскую. Ферапонтъ и она казались мало подходящей парой другъ для друга, но сложились такъ обстоятельства, что безродный Ферапонтъ былъ удостоенъ вниманіемъ Лукерьи и вошелъ въ саманную хату Гугнихи законнымъ зятемъ. Не разъ, правда, на первыхъ порахъ ему приходилось слышать соболѣзнующіе разговоры сосѣдокъ съ Лукерьей:

— И плохенькаго мужишку ты нашла себѣ, Луша!

На это Лукерья трезво-практическимъ тономъ отвѣчала:

— Ничего. Лишь бы шапка на головѣ была... Хорошаго-то возьми, а онъ все пропьетъ, да въ орла проиграетъ. Вонъ у Колобродихи однѣ стѣны остались. А казакъ-то какой: изъ-подъ ручки поглядѣть!..

Ферапонтъ былъ мужемъ, удобнымъ во многихъ отношеніяхъ. Угловатая, смуглая до закоптѣлости Лукерья, съ крупными чертами рябого лица, не рождена была плѣнять сердца и сама была глубоко равнодушна по части нѣжныхъ чувствъ. Но нужда полуголоднаго существованія еще до замужества заставила ее стать жрицей богини любви. Выйдя за Ферапонта, она тоже не стѣснялась въ способахъ заработка. Тѣло ея—большое и мягкое,—находило своеобразныхъ любителей красоты этого сорта. Разъ въ недѣлю приглашалъ ее мыть полы въ своемъ домѣ вдовый батюшка о. Никандръ, и каждый разъ Лукерья уходила отъ него съ лишнимъ двугривенничкомъ, противъ условленнаго пятиалтыннаго, да съ десяткомъ бѣлыхъ мятныхъ пряниковъ. Заходили иногда подгулявшіе казаки, пріѣзжіе хуторяне,—съ своей

водкой и закуской. Ферапонтъ очень охотно угощался съ ними, быстро хмелѣлъ и смирно засыпалъ за столомъ, предварительно извинившись передъ всѣми собесѣдниками за то, что скоро ослабъ. А гости послѣ этого поочередно раздѣляли въ чуланѣ его супружеское ложе. И послѣ нѣсколькихъ такихъ визитовъ, Лукерья могла пойти въ лавку къ краснорядцамъ Скесовымъ и купить своимъ ребятишкамъ по рубахѣ. Завѣтной мечтой ея было собрать рубля четыре и начать тайную торговлю водкой,—хорошіе барыши можно было бы выручать... Но это тоже оставалось лишь мечтой.

— Сторона холодная—Сибирь, ребятенокъ поморозишь!—сказалъ опять Романъ Ильичъ, и похоже было, что хотѣлъ онъ остановить Ферапонта, какъ будто жаль было ему потерять обычнаго собесѣдника, такого удобнаго и безобиднаго: надъ нимъ и смѣйся, сколько хочешь, его и выругать свободно, и нравоученіе сдѣлать можно...

Ферапонтъ выпустилъ зарядъ дыму по направленію къ улицѣ и равнодушно-спокойнымъ тономъ сказалъ:

— Ничего. Тутъ скорѣй кабы не замерзнуть... Тоже нажитки-то не первой гильдіи.

— А чѣмъ плохо? Вѣдь живешь? Кормишься? Еще дѣтей какую кучу развелъ!

— Кормлюсь. Два дня не ѣвши, третій такъ...

— Нехай ѣдетъ! Намъ просторнѣй будетъ!—сказалъ Маштакъ, и Ферапонту показалось, что въ насмѣшливо-суровомъ голосѣ его звучитъ все-таки досада и сожалѣніе о томъ, что онъ, Ферапонтъ, рѣшилъ покинуть станицу.

— А я тебя чѣмъ стѣснилъ?

— Да маячишь тутъ, въ глазахъ... Шелъ бы въ свою Рассею, въ городъ Шацкій...

— Шацкіе—ребята хватскіе...—засмѣялся сотникъ, крутя головой.

— Кабы у меня земля тамъ была,—возразилъ Ферапонтъ печально.

— Земля, земля!.. Чего ты изъ ней будешь кроить? Ты сужетъ о землѣ имѣешь, какъ портной, безо всякаго понятія. Это надо соображать, что такое, напримѣръ, обозначаетъ земля! Ѣсть ее не будешь, землю...

Ферапонтъ немножко оробѣлъ передъ сердитымъ натискомъ Маштака и слабо возразилъ:

— Ѣсть... ѣдятъ, что-ль, ее?

— То-то и я говорю! Къ землѣ надо большое приложеніе имѣть. Нужна скотина—разъ; плугъ, борона, коса—два; а тамъ—катокъ, вѣялка, арба да бичева, да сбруя—три... Къ землѣ, братъ, много надо. Голыми руками ее не всковыряешь! Прикинь-ка на счетахъ, какъ это обойдется?

— А безъ земли? Ну-ка, ты поди безъ земли-то пощеголяй!

— И даже съ удовольствіемъ. Въ стражники уйду. Мѣсяцъ прошелъ—подай полсотни! А тамъ, глядишь, какой двугривенный и набѣжитъ... А въ моей землѣ какой толкъ? Солонецъ, глина, выпашь. Ржавь одна. Въ людяхъ хлѣбъ, а у меня хлѣбишко. Ворочаешь-ворочаешь горбомъ, и нѣтъ ни черта ничего! Вотъ по пятнадцати мѣръ съ десятинки взялъ—все тутъ; и на сѣмена, и на ѣмена. А ты что? У тебя деньги горячія: поковырялъ, скажемъ, иглой—вотъ она, полтина, дай сюда...

— Да, я наковырялъ,—горько усмѣхнулся Ферапонтъ.—Была машина, ѣсть нечего, понесъ въ постъ къ Хритону въ закладъ. Машина полусотку стоила,—вотъ и Нестеръ Васильичъ скажетъ, какъ агентъ,—а онъ: „возьми пятнадцать". Человѣку, что-жъ, случай... что-жъ не поджиться! Я такъ-сякъ.—Сдѣлай милость, Хритонъ Савельичъ, ай у тебя человѣческой совѣсти нѣтъ?—„Не хочешь,—говоритъ,—не надо. Я силой не вынуждаю". А мучицы нѣтъ, ребятенки кусокъ просятъ. Взялъ пятнадцать. Къ Троицѣ отдать—двѣ красныхъ, а ежели къ Петрову дню—четвертной билетъ.—„Расписку,—говоритъ,—не надо: я на совѣсть"... Въ покосъ коекакъ наскребли съ Лукерьей четвертную. Понесъ 10-го числа іюля, на Положеніе Честныя Ризы:—„Нѣтъ—говоритъ,—говорено было къ Петрову дню четвертной, а сейчасъ давай три красныхъ". Просилъ-просилъ, молилъ-молилъ его,—никакъ! Такъ и теперь у него... дешево досталась машинка человѣку... Вотъ тутъ и зарабатывай полтины!..

— Горячія деньги! — горько-ироническимъ тономъ повторилъ Ферапонтъ послѣ паузы:—онѣ горячо и идутъ, горячія деньги. Глядишь: рубахъ нѣтъ... Рубахи взялъ,—хлѣба! Хлѣба взялъ,—дровъ! Такъ оно и идетъ: вертишься всю жизнь, какъ чортъ въ рукомойникѣ...

— Неужели у тебя залогу нѣтъ про черный день?—удивился сотникъ, и въ голосѣ его слышался снисходительный упрекъ сытаго человѣка голодному за то, что онъ голоденъ.

—Отколь же ему быть, залогу, ваше благородіе?—сказалъ Ферапонтъ, деликатно улыбаясь надъ наивностью вопроса:—вѣдь ихъ у меня, ртовъ-то, вонъ сколько! Одни родятся, другіе помираютъ, а все на него расходъ. Ужъ рубля три меньше не обойдется, когда родится: первымъ долгомъ—бабкѣ второе—за крестины, того-сего... А умретъ—тоже за все заплати. Малому что? У него всего много, всѣмъ доволенъ... всѣмъ достоинствомъ: и богатъ, и ни объ чемъ голову не ломаетъ...

— А въ Сибири, думаешь, дешевле за это берутъ?

— Надобности нѣтъ. Тамъ есть изъ чего. Тамъ первымъ

долгомъ, по пріѣзду, даютъ двѣ сотенныхъ на хату да три сотенныхъ на обзаведеніе...

— Н-ну?

— Ей-Бо!.. У меня тамъ дядя родной.

Ферапонтъ совралъ про дядю, но такъ какъ онъ слышалъ эти фантастическія цифры отъ другого такого же, какъ самъ, мечтателя, у котораго въ Сибири, будто бы, дѣйствительно былъ дядя, то онъ теперь на время присвоилъ себѣ этого дядю для большей убѣдительности.

— Это хорошо, — сказалъ Романъ Ильичъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ въ голосѣ.

— Куды лучше!—согласился Ферапонтъ.

— На пятьсотъ можно даже очень порядочное дѣло развить не то въ Сибири, а и у насъ,—замѣтилъ Шишовъ.

— Первымъ долгомъ построю хату...—вдохновенно заговорилъ Ферапонтъ, опуская глаза на огонекъ цыгарки, отчего лицо его стало серьезно-соображающимъ:—лѣсъ тамъ дешевый, сдѣлай милость—стройся! ни по чемъ лѣсъ!

— Протяжной или круглый думаешь?—освѣдомился Маштакъ. Нельзя было угадать, смѣется онъ или въ серьезъ любопытствуетъ: заросшее бородой лицо его всегда было немножко звѣрообразно, и мудрено было распознать на немъ шутку.

— Не обожаю я протяжныхъ домовъ,—топка большая требуется. Скруглимъ. Три теплыхъ съ колидоромъ, въ колидорѣ тальянское окно сдѣлаю. Людей мнѣ не просить, плотничать я и самъ могу, тоже топоръ изъ рукъ не вырвется... А изъ пятисотъ выгадать можно... Вѣдь земли-то—область!

Ферапонтъ сдѣлалъ широкій жестъ цыгаркой.

— На пять душъ дадутъ: на четырехъ ребятъ да на самого, бабы въ счетъ нейдутъ. По пятнадцать десятинъ! Это... это... Прикинь, Ѳедотъ Иванычъ, на счетахъ, сколько это выйдетъ? Семьдесятъ пять?

Ферапонтъ давно въ точности высчиталъ, что семьдесятъ пять, но хотѣлось, чтобы и другіе воочію убѣдились, что именно семьдесятъ пять, никакъ не меньше. И Ѳедотъ Иванычъ сразу зналъ, что семьдесятъ пять, но съ небрежною ловкостью привыкшаго высчитывать человѣка щелкнулъ разъ-другой на счетахъ и сказалъ:

— Семьдесятъ пять.

— Д-да... это цыфра!—сказалъ Маштакъ почтительнымъ тономъ.

— Цыфра!—съ восхищеніемъ повторилъ Ферапонтъ:—прямо — область! Семьдесятъ пять... это ленточка добрая выйдетъ... пожалуй, раза три станицу покроетъ? Хороша будетъ полоска!.. Я къ рѣкѣ буду прибиваться ближе,—

тамъ рыбныя рѣки. Въ случаѣ чего: — ну-ка, ребята, бредень! Къ обѣду чтобы свѣжая рыба была! Безъ варева чтобы и домой не показываться!.. Тамъ вѣдь рыба-то: чебаки—во-о!..

Ферапонтъ отмѣрилъ на лѣвой рукѣ до самаго плеча и посмотрѣлъ на всѣхъ побѣдоноснымъ взглядомъ.

— Фу ты, чтобъ его болячка! Въ самъ-дѣлѣ, житье хорошее!—сказалъ Шишовъ восхищеннымъ тономъ:—на счетъ рыболовства и я охотникъ... въ самъ дѣлѣ...

— Что-жъ, пріѣзжай! Удочки захвати!

Ферапонтъ выпустилъ клубъ дыма, заливисто разсмѣявшись своей шуткѣ, и восклицаніе Шишова рѣшительно утвердило его въ мысли, что земля его непремѣнно должна примкнуть къ рѣкѣ.

— Ну, хорошо,—сказалъ Попковъ съ придирчиво-критикующимъ видомъ, и чувствовалось, что ему какъ будто досадно будущее благополучіе Ферапонта, въ которое всѣ, повидимому, начинали вѣрить:—хорошо... А обзаведеніе?

— Чего обзаведеніе?

— Ну вотъ, напримѣръ, плугъ, бороны, арба... Вѣдь на круглый домъ пятьсотъ ихъ обязательно уложишь. Это ужъ какъ ни верти! А лошадей, напримѣръ, откуда?

— Лошадей?—Ферапонтъ на мгновеніе обнаружилъ какъ будто колебаніе, но затѣмъ рѣшительно сказалъ: — Да, лошадей надо. Добрыхъ лошадей. Плохихъ лошадей я не обожаю. Что онѣ? Какъ она шкапа, такъ шкапа и есть. Ну, на первыхъ порахъ найму спахать десятинъ шестнадцать,— все, глядишь, изъ урожая выручу что-нибудь. Опять-же шитво: за зиму сотенную возьму! Тамъ работы—не какъ у насъ, тамъ хорошія работы, а мастерового народу мало. Это не штука!

Онъ увѣреннымъ жестомъ сдвинулъ цыгарку въ уголъ рта, и всѣмъ показалось на минуту, что онъ сталъ и выше ростомъ, и внушительнѣе.

— Намъ лишь бы земля,—прибавилъ онъ самоувѣренно:— а тамъ мы ее раздѣлаемъ, уйди—вырвусь!..

Помолчали. Были, конечно, основанія и для сомнѣній, но Ферапонтъ подавилъ всѣхъ необычно-самоувѣреннымъ тономъ и своимъ дядей, а потому никто не рѣшился оспаривать его, никому не приходило въ голову и обычнаго желанія подсмѣяться надъ необузданными мечтаніями. Только Попковъ спросилъ, какъ будто, не безъ подковырки:

— Ну-съ, за чѣмъ же дѣло?

— Фитокъ не даютъ. Фитокъ такой требуется. Выправить фитокъ—и кончено дѣло! За дорогу четвертую ко-

пѣйку теперь берутъ. Только бумага требуется, безъ бумаги не дадутъ.

— Хлопочи.

— Хлопоталъ... Къ генералу ходилъ. Говоритъ: „повременить надо. Предписаніе,—говоритъ, — будетъ на это. А пока повремени, зря не безпокой, нечего".—Черезъ это самое,—говорю, — ваше превосходительство, и безпокойство наше къ вашей милости, что мучицы нѣтъ, ребятенки кусокъ просятъ... незавидное больно житье наше... — „Ну, потерпи, чего тамъ! Все сдѣлаютъ по высочающему указу".— Что-жъ, потерпѣть можно. Это—въ нашихъ рукахъ. Дѣлать нечего, повременимъ. Сорокъ два года временилъ, а ужъ еще годъ—куда ни шло! Пускай для круглости будетъ сорокъ три...

Онъ вздохнулъ и глухо прибавилъ:

— Одно вотъ—года проходятъ...

Грустная нота прозвучала въ его увѣренномъ тонѣ. И опять онъ сталъ маленькимъ и смѣшнымъ мужичкомъ, надъ которымъ удобно было потѣшиться. Только никому не было охоты. Какъ будто тѣнь прошла по лицамъ. Видно, ни у кого года не стояли на мѣстѣ, уходили, а призракъ счастья, который когда-то, можетъ быть, дразнилъ воображеніе, теперь потускнѣлъ и ушелъ еще дальше. Уходили года, незамѣтные, однообразные, тусклые, и не на что было съ удовольствіемъ оглянуться, ничего отраднаго не видать и впереди. Все досадно-обычное, безнадежно-скучное и неизбѣжное: старость съ нуждой, хворости и страхъ безпомощной заброшенности и ненужности.

Даже Романъ Ильичъ, благополучный, казалось-бы, старикъ, вздохнулъ протяжно и шумно. Покряхтывая, онъ тяжело поднялся съ коробка, на которомъ сидѣлъ, и сказалъ:

— Идтить, а то поздно будетъ. Старуха заложится, не впуститъ.

Шишовъ изъ вѣжливости сдѣлалъ попытку остановить его:

— Что вы, Романъ Ильичъ, восемь часовъ только!

— Нѣтъ, поздно. Пока повечеряешь, пока Богу помолишься. Я вѣдь двѣ каѳизмы на ночь читаю,—прибавилъ сотникъ тономъ наивнаго хвастовства, которымъ иногда грѣшатъ благочестивые люди.

— Это пользительная вещь,—одобрительно сказалъ Шишовъ.

— Двѣ. Всегда ужъ у меня положеніе. Иной разъ ночью проснешься, безсонница,—встанешь, еще одну прочтешь... Ночь-то—годъ!

— Съ этой поры ежели залечь, не то за годъ,—за два покажется!

— Да старуха, боюсь, браниться будетъ: вечерять вѣдь ждетъ... Время. Калунъ, небось, изъ печи ужъ вынула...

Широко отставляя костыли и гремя кренделями, сотникъ двинулся изъ лавки, но на порогѣ остановился.

— Ну, и калуны нонѣ Богъ послалъ, да что-о за сладкіе!—воскликнулъ онъ восхищеннымъ голосомъ: — просто медъ да и только! Животъ ажъ болитъ, до чего сладкіе! Къ ночи просто до того распираетъ, бѣда! Станешь Богу молиться и... просто, неловко даже за молитвой-то... Старуха—и то говоритъ вчера (она у меня сурьезная): „Ты, старикъ, выйди раньше въ чуланъ, постой тамъ, тогда ужъ и Богу помолишься“.

Романъ Ильичъ благодушно заколыхалъ животомъ, глядя, какъ его собесѣдники при послѣднихъ словахъ покатились со смѣху. Поощренный дружнымъ взрывомъ ихъ веселья, онъ выждалъ, пока они насмѣялись и прибавилъ:

— Ну, выйдешь, постоишь,—будто ничего... Долго-то стоять холодно. Вернешься, станешь передъ образами и опять, глядишь, та же исторія... Просто грѣхъ одинъ! Хе-хе..

И, подъ общій заливистый смѣхъ, Романъ Ильичъ, кряхтя и посмѣиваясь, вышелъ на прилавокъ, широко разставляя ноги, далеко впереди себя нащупывая костылемъ коварно-узкія, мокрыя, загрязненныя ступени крыльца. Постоялъ съ минуту въ раздумьи, потомъ рѣшительно шагнулъ въ темную пучину, которая за рубежомъ свѣта казалась бездонной и тотчасъ же, поскользнувшись, мягко, почти беззвучно съѣхалъ внизъ. Успѣлъ лишь крякнуть и произнести:

— Такъ и есть!

Было невысоко, и эта короткая поѣздка не сопровождалась какимъ-либо неблагополучіемъ. И въ то время, какъ Попковъ, Ѳедотъ Иванычъ и Маштакъ, не удержавшись на должной высотѣ благоприличія, залились беззвучнымъ смѣхомъ, Ферапонтъ услужливо поспѣшилъ на помощь и, льстиво, хотя безъ толку, суетясь вокругъ сотника, говорилъ тономъ настоящаго придворнаго:

— Позвольте руку, вашбродь... Измазались? Это не бѣда, ничего. Это не сало: помялъ—оно отстало... Такъ говорится. Дозвольте, я васъ проведу, вашбродь, а то тутъ грязцо... Глазами-то вы уже, никакъ, обнищали?

— Да, притупился. Спасибо, братъ. Ну, доведи...

Ферапонтъ, деликатно поддерживая сотника за рукавъ, шагалъ медленно, съ паузами, и всѣми силами старался показать возможную предусмотрительность и осторожность Прежде чѣмъ шагнуть, онъ долго прицѣливался, вытягивалъ шею, разглядывалъ, потомъ дѣлалъ широкій шагъ съ припрыжкой, удачный, какъ ему казалось, но, тѣмъ не менѣе, каждый разъ угождавшій въ жидкое мѣсиво. Сотникъ

тяжело шлепалъ вслѣдъ за нимъ своими глубокими кожаными калошами, придерживаясь иногда за его плечо и тыкая клюжкой въ стѣны сараевъ, около которыхъ они держались.

Усердіе Ферапонта нравилось сотнику, даже трогало его. И какъ будто жалковато стало, что вотъ этотъ смирненькій, маленькій мужичекъ вдругъ соберетъ свои жалкіе пожитки и броситъ станицу ради какихъ-то невѣдомыхъ вольныхъ земель. Къ чему онѣ ему? Жилъ бы на мѣстѣ. Вѣдь издали когда-то и станица казалась ему вольнымъ краемъ, а вотъ обманули же ожиданія. Однако, хотя сытъ тутъ онъ и не былъ, но и съ голоду люди не дали умереть. А тамъ неизвѣстно еще, что ждетъ его.

И мягко упрекающимъ тономъ Романъ Ильичъ сказалъ:

— А напрасно ты, Ферапонтъ, на эти вольныя земли вздумалъ. Вѣдь, ты подумай: Си-бирь!

— Намъ и тутъ Сибирь, ваше благородіе, — смиреннымъ тономъ сказалъ Ферапонтъ.

Мудрено было возразить на это,—утвержденіе Ферапонта имѣло за собой достаточно основаній,—и Романъ Ильичъ сочувственнымъ тономъ посовѣтовалъ:

— А ты Богу молись! Вотъ и будетъ хорошо...

Ферапонтъ вздрогнулъ. Помолчалъ. Потомъ сказалъ:

— Мучицы вотъ надоть,—вся вышла и взять не на что. Ребятенки кусокъ просятъ. Пометался къ тому, къ другому занять—не выпросишь. Подъ работу и то не даютъ...

Романъ Ильичъ подумалъ, не дѣлаетъ ли Ферапонтъ подхода къ его запасамъ,—у него была вѣтряная мельница,—и такъ какъ тоже не любилъ давать въ долгъ, предпочитая наличныя, то сухимъ тономъ сказалъ:

— Подъ работу! Подъ работу дай, да ищи тогда тебя... А за твою работу я тебя и сейчасъ ругаю: уузилъ ты мнѣ штаны-то!..

— Да вѣдь по журналу, ваше благородіе.

— По журналу! Мнѣ не журналъ требуется, а просторная форма! А то я ихъ чуть не съ мыломъ на себя натягиваю. Какая же это правильность въ работѣ?

— Да вѣдь я, ваше благородіе, не зналъ, что вы попросторнѣе обожаете,—слабо оправдывался Ферапонтъ:—ей-Бо... не зналъ... Какъ вы у насъ офицеръ, а не то, чтобы нашъ братъ чернородье, то я взялъ журналъ у Лексѣя Лександрыча... По этому самому...

Насчетъ журнала Ферапонтъ слегка прилгнулъ. Въ дѣйствительности, онъ просто употребилъ часть матеріала на картузъ своимъ ребятишкамъ. Журналъ былъ привлеченъ просто для выручки.

Они свернули за уголъ. Когда, послѣ нѣсколькихъ обду-

манно-рискованныхъ прыжковъ, они достигли воротъ сотникова дома, Романъ Ильичъ сказалъ:

— Ну, братъ, спаси Христосъ. Молодецъ...

У Ферапонта была тайная надежда, что вслѣдъ за этой похвалой сотникъ скажетъ что-нибудь и насчетъ муки, но онъ о мукѣ ничего не сказалъ. Прибавилъ только равнодушно-снисходительнымъ тономъ:

— Прощай, братъ.

Ферапонтъ почтительно сдернулъ картузъ и, кланяясь въ спину сотнику, отвѣтилъ:

— Счастливо оставаться, ваше благородіе.

Калитка захлопнулась. Онъ надѣлъ картузъ, но, продолжая стоять передъ высокими воротами, прибавилъ:

— Покойной вамъ ночи, ваше благородіе.

Все еще ждалъ, не раздастся ли хоть изъ-за калитки голосъ сотника: „зайди, молъ, завтра... посовѣтуемся со старухой,—можетъ, отвѣсимъ съ полпудика"... Но голосъ не раздался. Только слышно было, какъ сотникъ, кряхтя и стуча калошами, взошелъ на крылецъ, загремѣлъ щеколдой и потомъ, захлопнувъ дверь, стукнулъ изнутри задвижкой.

Вотъ онъ теперь сядетъ вечерять,—подумалъ Ферапонтъ съ нѣкоторой завистью и представилъ себѣ, какъ толстая старуха, жена сотника,—она у него уже третья, двухъ изжилъ,—подастъ на столъ сперва мягкій, бѣлый пшеничный хлѣбъ, а сотникъ будетъ рѣзать его на куски, произнесши предварительно:—„Господи Ісусе Христе"... Потомъ въ бѣлой мискѣ съ синими разводами появятся дымящіяся щи... Ферапонтъ явственно почувствовалъ соблазнительный запахъ отъ щей, отъ рыбы-малосолу, поджаренной въ подсолнечномъ маслѣ, и легкая судорога пробѣжала у него въ лѣвой сторонѣ живота, а ротъ наполнился влагой... Потомъ кавунъ, сладкій, какъ медъ... А поужинавши, Романъ Ильичъ станетъ каѳизмы читать, громко икая, позѣвывая и благочестиво крестя ротъ. Хорошо читать каѳизмы, наѣвшись и почесывая просторный животъ...

Да, если бы у него, у Ферапонта, былъ такой почтенный животъ, какъ у сотника,—и онъ читалъ бы на сонъ грядущій каѳизмы. Научился бы! Что-жъ тутъ мудренаго? Что невозможнаго? Развѣ не могъ бы онъ, напримѣръ, быть мельникомъ?.. Ахъ, разлюбезное дѣло мельницу имѣть! Только онъ предпочелъ бы вѣтрякѣ водяную—небольшую, но водяную. Пріятнѣе. Узенькая такая рѣчка вродѣ Прорвы съ зацвѣтшей, покрытой плѣсенью водой, а надъ рѣчкой вишневые сады и сизыя, задумчивыя вербы слушаютъ, какъ колеса кряхтятъ, вода кипитъ и бурлитъ, и смотрятъ, какъ солнце ловитъ брызги, зеленыя, какъ осколки бутылки. Хорошо!.. А рыба-то, рыба-то какъ играетъ на зарѣ!.. Воза

стоятъ, помолу дожидаются. Люди суетятся вокругъ нихъ съ набѣленными мукой лицами. И у него, у Ферапонта, большой животъ и такой же внушительно-важный видъ, какъ у Романа Ильича; передъ нимъ всѣ почтительно ломаютъ шапки, проникаясь уваженіемъ къ его животу и карману.

— Молись Богу, и все будетъ хорошо!..—наставительно скажетъ онъ какому-нибудь смирному, бѣдному человѣчку, который будетъ просить у него въ долгъ муки и поропщетъ на свою бѣдность.

А сколько народу будетъ у него и на него работать!.. Онъ засмѣялся отъ удовольствія. Представилъ себѣ, какъ онъ будетъ везти съ покоса рабочихъ на длинной фурманкѣ, а они, свѣсивши ноги, скрестивъ на груди усталыя руки, отчего покатыя плечи ихъ дугообразно согнутся, будутъ пѣть пѣсни, довольные тѣмъ, что онъ обѣщалъ имъ по стокану водки. И слѣдуетъ: они махали косами, пока не потухла заря, и кончили-таки весь загонъ. Играй, ребята! Молодцы! Заслужили... Будетъ мѣрной поступью шагать, пофыркивая, крупный буланый меринъ. Серебристое море хлѣбовъ матовымъ блескомъ будетъ струиться подъ мѣсяцемъ. Ласковый вѣтерокъ радостно вздохнетъ въ лицо медовымъ запахомъ скошенной травы. И пѣсня, долгими, мѣрными вздохами вылетая изъ усталыхъ грудей, будетъ плыть въ загадочную даль, затканную тонкой дымкой серебристаго тумана. и тамъ замретъ съ сладкимъ трепетомъ грусти...

И вереницы картинъ—одна другой богаче и соблазнительнѣе—плыли въ темнотѣ осенней ночи передъ Ферапонтомъ. Улыбка сморщила длинными складками его смѣшное лицо съ лохматыми бровями и серьезной бородой. Безпокойно-сладкое чувство нетерпѣнія направило его шаги не домой, а къ лавкѣ Ѳедота Иваныча: хотѣлось еще помечтать вслухъ о вольныхъ земляхъ и выкурить цыгарку. Когда медлительные клубы дыма обволакиваютъ окружающую дѣйствительность, мечтается особенно пріятно, гладко и все кажется близкимъ и возможнымъ.

Но нѣтъ уже свѣтлой полоски черезъ улицу. Шишовъ, значитъ, закрылъ лавку, чтобы не жечь зря керосину. Попковъ и Маштакъ, громогласно позѣвавши и посмѣявшись надъ сотникомъ, ушли домой. И кругомъ темно, нѣмо, мертво-неподвижно. Чуть вырисовываются черные силуэты ближайшихъ хатокъ, угадывается за ними линія сараевъ, а дальше—и впереди, и сзади—тѣсный, черный валъ, не, проницаемымъ кольцомъ охватившій сонный міръ. И сколько ни шагай впередъ, не выйдешь изъ этого заколдованнаго-созданнаго мракомъ кольца...

Ѳ Крюковъ.

Дореформенный институтъ и преобразованія К. Д. Ушинскаго.

VI.

Дѣятельность Ушинскаго до института.—Объединеніе новыхъ учителей.—Отношеніе учащихся къ новшествамъ. — Перемѣна взглядовъ воспитанницъ.—Блестящій успѣхъ реформъ.—Рѣчь Ушинскаго по поводу освобожденія крестьянъ.—Воскресныя занятія съ горничными.—Клевета и доносы.—Реакція.—Выходъ Ушинскаго въ отставку.

Если я начну разсказывать о томъ, какое оживленное время переживали мы, когда къ намъ приглашены были новые преподаватели, читатель, конечно, придетъ къ выводу, что Ушинскій былъ талантливымъ педагогомъ, разумнымъ реформаторомъ и энергичнымъ организаторомъ, но это будетъ еще слабой оцѣнкой его дѣятельности, и при томъ останется совсѣмъ невыясненнымъ вопросъ, какъ могла сложиться такая крупная сила, откуда онъ могъ пріобрѣсти столь всестороннее образованіе, какимъ образомъ могъ онъ стоять по своимъ педагогическимъ идеямъ, совсѣмъ незнакомымъ тогда русскому обществу, на одномъ уровнѣ съ величайшими педагогами западно-европейскихъ культурныхъ странъ? Чтобы это понять, нужно познакомиться хотя съ главными моментами его предшествующей дѣятельности.

Въ 1840 г. Ушинскій поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета, составъ профессоровъ котораго былъ только что обновленъ. Несмотря на то, что ему было тогда лишь 16 лѣтъ, онъ началъ заниматься очень серьезно, особенно увлекался лекціями Грановскаго и Рѣдкина, профессора энциклопедіи законовѣдѣнія и государственнаго права. Рѣдкинъ прочелъ своимъ слушателямъ рядъ блестящихъ лекцій по исторіи философіи, которыя произвели на Ушинскаго потрясающее впечатлѣніе, и онъ со всѣмъ пыломъ страсти отдался изученію философіи.

Уже съ самаго вступленія въ университетъ Ушинскій обратилъ на себя вниманіе, какъ своихъ товарищей, такъ и профессоровъ. Обладая большимъ природнымъ умомъ, остроуміемъ,

быстрымъ соображеніемъ и изумительною памятью, онъ не только легко усваивалъ основную мысль лекціи, но и ея подробности. Тѣ изъ его товарищей, которымъ плохо давались наиболѣе трудныя философскія и юридическія теоріи, обращались къ Ушинскому съ просьбою излагать имъ эти лекціи въ популярной формѣ. Это очень рано пріучило Ушинскаго къ популяризаціи науки и оказало ему впослѣдствіи, когда онъ окончательно сдѣлался педагогомъ, огромную услугу.

Ушинскій въ университетѣ былъ центромъ кружка своихъ товарищей и пользовался ихъ горячею симпатіей, не только вслѣдствіе своихъ блестящихъ умственныхъ способностей, но и какъ идеально хорошій товарищъ. По матеріальному своему положенію онъ былъ изъ числа недостаточныхъ студентовъ и сближался преимущественно съ бѣдняками, съ которыми дѣлился послѣдней копѣйкой. При феноменальной памяти ему не приходилось даже передъ экзаменами готовиться изъ пройденнаго курса, такъ какъ онъ почти послѣ каждой лекціи передавалъ товарищамъ ея содержаніе своими словами. Въ свободное отъ лекцій время онъ весь уходилъ въ чтеніе русскихъ писателей и изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ, которые онъ зналъ еще раньше, но не настолько основательно, чтобы легко читать иностранныхъ классиковъ въ подлинникѣ; этого онъ вполнѣ достигъ во время своего университетскаго курса.

Уже на университетской скамьѣ Ушинскій отличался полнѣйшею независимостью характера и привычкою высказывать откровенно свои убѣжденія, не обращая вниманія на то, какъ это будетъ принято. Онъ былъ отъявленнымъ врагомъ всякой пошлости, всякаго заискиванія и низкопоклонства и безпощадно казнилъ своими мѣткими сарказмами тѣхъ изъ товарищей, которые, въ виду приближавшихся экзаменовъ, ѣздили къ профессорамъ съ визитами и поздравленіями.

Ушинскій не только основательно занимался въ университетѣ науками и литературою, но такъ увлекался театромъ, что для бенефиса Мочалова написалъ шестиактную комедію, совершенно забракованную этимъ любимымъ его артистомъ. Это обстоятельство заставило его навсегда отказаться отъ такого рода литературы.

Ушинскій много тратилъ времени на уроки, которые давалъ ради заработка. Лихорадочно трудовая жизнь, полная научныхъ и литературныхъ интересовъ, послужила прекрасною школой для выработки твердаго характера и сильной воли, умѣнья много и упорно работать.

Черезъ два года послѣ окончанія университета, имѣя отъ роду всего лишь 22 года, Ушинскій былъ такъ блистательно аттестованъ московскимъ университетомъ, что бывшій въ то время попечителемъ московскаго учебнаго округа гр. Строгановъ пригласилъ его на профессорскую каѳедру въ Ярославскій Демидовскій

лицей, гдѣ онъ читалъ лекціи энциклопедіи законовѣдѣнія, исторіи законодательствъ и финансоваго права. Онъ много работалъ надъ подготовленіемъ къ своимъ лекціямъ и обратилъ вниманіе на себя не только, какъ талантливый лекторъ, но и какъ ученый съ самостоятельными, оригинальными взглядами.

Черезъ четыре года своего профессорства, т. е. въ 1850 г., ему пришлось навсегда оставить лицей. То были тяжелыя времена суроваго Николаевскаго режима, особенно подавлявшаго преподаваніе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отъ преподавателей лицея потребовали, чтобы они представили подробныя программы читаемыхъ ими лекцій, при томъ не только съ распредѣленіемъ курсовъ всѣхъ предметовъ по днямъ и часамъ, но съ точнымъ указаніемъ того, что они намѣрены цитировать изъ того или другого автора. На совѣтѣ преподавателей Ушинскій доказывалъ, что преподаваніе вообще, а тѣмъ болѣе научное, «невозможно связывать такими формальностями», и вышелъ изъ лицея.

Перебравшись въ Петербургъ, Ушинскій долго не могъ найти никакого заработка, а потому ему волею-неволею пришлось сдѣлаться чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ по департаменту иностранныхъ исповѣданій. Хотя эта служба вознаграждалась крайне скудно (400 руб. въ годъ), но давала ему много досуга, и онъ по обыкновенію съ жаромъ принялся за работу. Въ это время онъ изучилъ англійскій языкъ, занимался англійской литературой, продолжалъ прежнія занятія по философіи и юридическимъ наукамъ, но такъ какъ онъ сдѣлалъ привычку по прошествіи извѣстнаго времени начинать изученіе новаго предмета, то на этотъ разъ онъ съ увлеченіемъ сталъ штудировалъ сочиненія Карла Риттера по землевѣдѣнію. Результатомъ этихъ занятій и изученія трехъ иностранныхъ языковъ былъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ трудовъ, а также компилятивныхъ и переводныхъ статей, помѣщенныхъ имъ въ «Современникѣ», гдѣ онъ сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ; позже онъ печаталъ свои работы въ «Библіотекѣ для чтенія». Кромѣ журнальной работы, Ушинскій принималъ участіе въ переводѣ политической экономіи Милля. Нѣкоторые труды Ушинскаго обратили особенное вниманіе публики и критики, и за нимъ упрочилась репутація талантливаго и образованнаго писателя.

Въ 1855 г. Ушинскій былъ назначенъ преподавателемъ словесности и законовѣдѣнія въ Гатчинскій Сиротскій Институтъ, а затѣмъ и его инспекторомъ. Здѣсь ему представилось огромное поле для примѣненія его педагогическихъ способностей: Гатчинскій институтъ состоялъ изъ учениковъ различныхъ возрастовъ, начиная отъ дѣтей, обучавшихся азбукѣ, и кончая высшими классами съ курсомъ законовѣдѣнія. Ушинскій тутъ впервые понялъ и рѣшилъ, что педагогическая дѣятельность—его главное призваніе. Этому болѣе всего содѣйствовало особое обстоятельство. Осматривая библіотеку заведенія, онъ наткнулся на два запечатанныхъ шкафа

съ значительнымъ собраніемъ педагогическихъ сочиненій. Эта находка заставила его зорко осматривать всѣ углы и въ Смольномъ, и тутъ, какъ уже было сказано выше, онъ нашелъ вторую драгоцѣнную находку—музей.

Какъ только педагогическая библіотека оказалась въ распоряженіи Ушинскаго, онъ весь погрузился въ изученіе педагогической литературы отъ Базедова и Песталоцци до Дистервега и Карла Шмидта. Наряду съ теоретическимъ изученіемъ педагогики онъ пріобрѣлъ опытность и въ практикѣ воспитательнаго дѣла: ему не только приходилось слѣдить за преподаваніемъ учителей, но онъ и самъ обучалъ огромное количество юношей. Этимъ, однако, не ограничивалась его тогдашняя дѣятельность: онъ въ то-же время писалъ педагогическія статьи и помѣщалъ ихъ въ единственномъ въ то время педагогическомъ «Журналѣ Воспитанія» Чумикова. Въ этихъ статьяхъ, чрезвычайно разнообразныхъ по содержанію, онъ, между прочимъ, выяснялъ необходимость реформъ въ образованіи, что уже зарождалось въ сознаніи русскаго общества подъ вліяніемъ статьи Пирогова «Вопросы жизни», указывалъ духъ и направленіе, въ которыхъ онѣ должны быть произведены. Въ этотъ гатчинскій періодъ своей дѣятельности онъ началъ заниматься и главнымъ своимъ трудомъ для первоначальнаго обученія—«Дѣтскимъ міромъ», напечатаннымъ нѣсколько позже.

Такимъ образомъ, когда Ушинскій въ 1859 г. былъ приглашенъ въ Смольный инспекторомъ, онъ уже пользовался литературною извѣстностью, обратилъ на себя вниманіе улучшеніями, сдѣланными въ учебной части гатчинскаго института и былъ изъ ряду вонъ основательно вооруженъ знаніями и педагогическимъ опытомъ.

Облеченный полнымъ довѣріемъ имп. Маріи Александровны, пожелавшей не только оживить преподаваніе въ институтѣ, но и обновить устарѣлый учебный строй, Ушинскій написалъ проектъ преобразованія обоихъ институтовъ Смольнаго, утвержденный въ февралѣ 1860 года.

По одному изъ пунктовъ этого проекта требовалось, чтобы воспитанницъ переводили изъ класса въ классъ не разъ въ три года, какъ это происходило до тѣхъ поръ, а каждый годъ. До новаго проекта воспитанница, по окончаніи каждаго трехлѣтняго курса, какъ бы плохо ни училась, все-таки переводилась въ слѣдующій, т. е. въ старшій классъ. При прежней системѣ и не могло быть иначе: невозможно было даже крайне плохую ученицу оставлять еще въ младшемъ классѣ,—тогда бы ей пришлось шесть лѣтъ пробыть только въ одномъ кофейномъ классѣ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей было то, что плохія ученицы, ничему не научившись въ младшемъ классѣ, переходили безъ всякихъ знаній, безъ всякой подготовки въ старшій классъ, въ кото-

ромъ онѣ пріобрѣтали еще меньше знаній и выходили изъ института круглыми невѣждами. По проекту Ушинскаго, курсъ ученія на обѣихъ половинахъ Смольнаго долженъ былъ продолжаться семь лѣтъ (до этого на Николаевской половинѣ онъ продолжался девять, на Александровской — шесть лѣтъ). Преимущество семилѣтняго курса заключалось въ томъ, что при ежегодныхъ экзаменахъ и переходахъ изъ класса въ классъ это давало возможность мало успѣвшихъ воспитанницъ оставлять еще на годъ въ томъ же классѣ, чтобы онѣ могли пройти то, что ими было упущено.

Учебныя программы точно также не только подверглись полному преобразованію, но введены были даже новые предметы, какъ, напримѣръ, естествовѣдѣніе и физика, которые должны были преподаваться не иначе, какъ съ помощью моделей, чучелъ, рисунковъ, приборовъ, опытовъ. Я называю эти предметы новыми потому, что хотя въ нѣкоторыхъ институтахъ ихъ и преподавали, но большею частью на французскомъ языкѣ и при томъ безъ какихъ бы то ни было пособій и опытовъ,—однимъ словомъ, ихъ преподаваніе скорѣе походило на пародію, на карикатуру, а не на преподаваніе естественно-научныхъ предметовъ.

Серьезное вниманіе было обращено на языки и географію. Теперь, когда программы, выработанныя Ушинскимъ, въ своихъ основныхъ чертахъ приняты во всѣхъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, когда онѣ вошли, можно сказать, въ плоть и кровь преподавателей, онѣ, конечно, никого не поразятъ своею новизною, но тогда онѣ произвели полный переворотъ въ учебномъ дѣлѣ, и все, высказываемое Ушинскимъ по этому поводу, какъ въ его статьяхъ, такъ и въ различныхъ педагогическихъ совѣщаніяхъ, было новостью. Такъ какъ далеко не все, намѣченное Ушинскимъ, было принято и сохранилось въ программахъ женскихъ учебныхъ заведеній, то я и упомяну здѣсь кое о чемъ, что онъ считалъ существеннымъ. Онъ находилъ необходимымъ сильно увеличить число уроковъ русскаго языка въ младшихъ классахъ: по его понятіямъ, учитель русскаго языка не долженъ ограничиваться преподаваніемъ грамматики, а обязанъ давать ученицамъ ясное представленіе объ окружающемъ, научить ихъ разсуждать о знакомыхъ предметахъ и правильно выражать свои мысли. Благодаря Ушинскому, впервые заговорили о необходимости давать учащимся право разсуждать и даже вмѣняли учителю въ обязанность научить ихъ этому. Ушинскій находилъ необходимымъ въ среднемъ возрастѣ упражнять ученицъ въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ на русскій, выбирая для этого очерки географическаго и историческаго содержанія. Онъ указывалъ, какой вредъ приносили прежнія сочиненія, въ которыхъ воспитанницы выставляли чувства, никогда не испытанныя ими, или описывали явленія природы, которыхъ онѣ никогда не наблюдали, либо высказывали мысли слишкомъ сложныя и отвлеченныя для юнаго возраста. Переводы съ иностран-

ныхъ языковъ Ушинскій считалъ для воспитанницъ младшаго возраста болѣе полезнымъ упражненіемъ. Но онъ вовсе не рекомендовалъ избѣгать и сочиненій, а указывалъ на необходимость того, чтобы ученицы передавали въ нихъ видѣнное, слышанное или прочувствованное ими.

Ушинскій чрезвычайно порицалъ тогдашнее преподаваніе словесности: оно почти всюду начиналось съ опредѣленія родовъ и видовъ литературныхъ произведеній. Онъ указывалъ, что сначала необходимо изучать образцы каждаго рода и вида этихъ произведеній и уже на основаніи такого изученія составлять понятія о нихъ. Возмущался онъ и преподаваніемъ литературы, которая заключалась въ перечнѣ именъ писателей и краткомъ изложеніи ихъ произведеній. Онъ находилъ, что учитель обязанъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы ученица прочитывала цѣликомъ каждое классическое произведеніе и давала о немъ подробный отчетъ то устно, то письменно. И только послѣ этого, по его мнѣнію, необходимо развивать критическій взглядъ на произведеніе, побуждая воспитанницъ высказывать въ то-же время и собственное мнѣніе. Онъ требовалъ также, чтобы ихъ знакомили не только со всѣми выдающимися произведеніями русской, но и иностранной литературы.

Ушинскій придавалъ огромное значеніе изученію иностранныхъ языковъ, но находилъ мало толку въ томъ, какъ оно въ институтѣ велось до тѣхъ поръ. Практическое знаніе языковъ онъ считалъ дѣломъ второстепенной важности, а главное значеніе ихъ видѣлъ въ томъ, чтобы учащіеся могли свободно понимать и переводить прочитанное.

Учебные предметы распредѣлены были по классамъ тоже совершенно иначе, чѣмъ прежде,—измѣнена была и продолжительность уроковъ: полуторачасовые уроки были замѣнены часовыми, съ перемѣною въ 15 мин. для отдыха, что было несравненно менѣе утомительно для слушательницъ. Въ то время всѣ вообще учебныя программы чрезвычайно устарѣли, а программы среднеучебныхъ женскихъ заведеній тѣмъ болѣе. Такимъ образомъ Ушинскій явился иниціаторомъ постановки, какъ общей программы преподаванія, такъ и распредѣленія предметовъ по классамъ.

Ушинскій находилъ, что поручить проведеніе реформъ прежнимъ учителямъ было немыслимо: сжившись съ устарѣлыми методами преподаванія и будучи, въ большинствѣ случаевъ, людьми консервативными, они стали бы выполнять новыя программы обученія на старый ладъ, чисто формально, и тогда его проектъ, который долженъ былъ преобразовать все учебное дѣло, надъ которымъ онъ такъ много трудился, остался бы мертвою буквою. Оказалось, что онъ былъ глубоко правъ. Его учебныя программы (въ главныхъ основахъ) были приняты и въ другихъ институтахъ, но такъ какъ онѣ примѣнялись на практикѣ большею частью прежними учителями (кромѣ вновь введенныхъ предметовъ, для которыхъ волею-

неволею пришлось пригласить новыхъ учителей), воспитанницы другихъ институтовъ и не пережили той лучезарной поры умственнаго обновленія и расцвѣта, которую переживали мы, институтки Смольнаго. Новыя учебныя программы у насъ проводились въ жизнь новыми учителями, выбранными Ушинскимъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ этого величайшаго русскаго педагога. Къ тому же онъ самъ, своими собственными лекціями, бесѣдами, разговорами, даже своею личностью, преисполненною пламенною кипучею страстью къ общественной просвѣтительной дѣятельности, производилъ полный переворотъ въ нашемъ міросозерцаніи, поддерживалъ наше стремленіе къ занятіямъ и нашъ необычайный умственный подъемъ.

Ушинскій смотрѣлъ на выборъ новыхъ учителей, какъ на задачу чрезвычайно отвѣтственную: отъ нея зависѣла вся будущность обновленія преподаванія. Тутъ необходимо было все предусмотрѣть, все предвидѣть: новые преподаватели должны были не только знать свое дѣло и быть болѣе или менѣе талантливыми педагогами, но они должны были явиться его истинными сотрудниками и товарищами. Вмѣстѣ съ нимъ они должны были представлять одну семью, объединенную одними и тѣми же прогрессивными интересами, вполнѣ ясно и отчетливо сознавать вредъ рутиннаго преподаванія, выработать съ его помощью опредѣленный взглядъ на преподаваніе своего предмета, который бы непремѣнно шелъ рука объ руку съ современными, общественными требованіями въ наукѣ и литературѣ.

У Ушинскаго много было знакомыхъ въ учительской средѣ, но нужныхъ для себя людей онъ искалъ всюду. Чтобы познакомиться съ преподаваніемъ какъ можно большаго числа учителей, онъ усиленно посѣщалъ различныя лекціи, слушалъ преподаваніе не только въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но даже въ элементарныхъ школахъ. Такъ, онъ пріѣхалъ однажды въ Таврическую безплатную школу, прослушалъ урокъ Косинскаго, подмѣтилъ въ немъ искусство преподавать геометрію и пригласилъ его преподавателемъ въ институтъ. Не стѣсняясь ни лѣтами, ни дипломами, ни соціальнымъ положеніемъ человѣка, Ушинскій приглашалъ каждаго, у кого находилъ то, что ему было нужно. При своихъ основательныхъ научныхъ знаніяхъ, при исключительной педагогической талантливости, при настойчивости характера, онъ отличался еще удивительнымъ умѣніемъ быстро разгадывать способности ближняго. И вотъ все это помогло ему найти дѣйствительно подходящихъ сотрудниковъ. Изъ привлеченнымъ имъ новыхъ преподавателей назову лишь тѣхъ, которые такъ или иначе оставили слѣдъ въ общественной жизни, въ преподаваніи или въ литературѣ: Я. П. Пугачевскій, преподаватель физики, Н. И. Раевскій, М. И. Семевскій, Д. Д. Семеновъ, Л. Н. Модзалевскій, В. И. Водово-

зовъ, О. Ѳ. Миллеръ, Г. С. Дестуниссъ, молодой священникъ-академистъ Головинъ и др.

Объединивъ новыхъ учителей въ тѣсный дружескій кружокъ, всею душею преданный дѣлу обновленія преподаванія, Ушинскій устроилъ *учительскія конференціи*, чего никогда не существовало въ стѣнахъ Смольнаго. На нихъ обсуждалось примѣненіе новыхъ программъ и способовъ обученія и дѣлалось это съ главною цѣлью установить единство преподаванія во всѣхъ предметахъ. Здѣсь же Ушинскій давалъ совѣты и дѣлалъ замѣчанія учителямъ относительно только что прослушанныхъ имъ лекцій и занятій въ классѣ.

Объединеніе учителей и живая связь между ними и инспекторомъ поддерживались и журъ-фиксами, устроенными Ушинскимъ у себя по четвергамъ, на которые у него, кромѣ различныхъ писателей, собирался тотъ же учительскій кружокъ. Тутъ, въ пріятельской бесѣдѣ запросто, они передавали другъ другу свои мнѣнія о способностяхъ ученицъ и ихъ сужденія по поводу изучаемыхъ ими историческихъ личностей и героевъ классическихъ произведеній, но еще чаще толковали и спорили о литературныхъ, научныхъ и политическихъ новостяхъ.

Такимъ образомъ Ушинскій сдѣлался истиннымъ вождемъ, духовнымъ отцомъ и руководителемъ новыхъ учителей. Нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что они оказались на высотѣ своего положенія. Характеръ ихъ преподаванія былъ дѣйствительно діаметрально противоположенъ существовавшему прежде въ Смольномъ. Вмѣсто отрывочныхъ знаній, сухо изложенныхъ отвлеченнымъ или высокопарнымъ слогомъ, получился живой систематическій курсъ.

Ушинскій рекомендовалъ ученицамъ записывать лекціи за учителями. При новой системѣ преподаванія избѣжать этого было довольно мудрено. Каждый учитель приносилъ съ собою все, что было напечатано по его предмету наилучшаго и популярнаго. Составляя лекцію того или другого учителя, слушательницы должны были пополнять ее прочитаннымъ изъ книгъ и представить ее въ сжатомъ видѣ, слѣдовательно, дать отчетъ не только о прослушанномъ, но и прочитанномъ ими. Такъ мы начали работать не только у преподавателя литературы, но и у преподавателя географіи, русской исторіи и у нѣкоторыхъ другихъ. Если принять во вниманіе, что по каждому предмету воспитанницамъ приходилось чрезвычайно много читать и все прочитанное приводить въ порядокъ, набрасывать конспекты и составлять лекціи, то можно сказать безъ преувеличенія, что при Ушинскомъ мы работали совсѣмъ не по институтски.

У насъ шла до невѣроятности напряженная, лихорадочная работа. Каждую лекцію, по очереди, должны были составлять пять-шесть воспитанницъ; остальныя дѣлали то же по другимъ предметамъ, а между тѣмъ, въ послѣобѣденное время каждой приходилось готовить еще уроки по двумъ, а то и по тремъ предметамъ, вотъ

почему большая часть дѣвушекъ работала и по ночамъ. Самую лучшую работу учитель прочитывалъ въ классѣ. Если воспитанница почему-нибудь не могла составить лекцію, она заявляла объ этомъ учителю и должна была сдѣлать это въ слѣдующій разъ. Никто не заподозривалъ ее въ лѣности: работали прежде всего потому, что явился живой интересъ къ знанію, охватившій всѣ наши душевныя силы, всѣ наши помыслы, но нельзя, конечно, отрицать и того, что извѣстную роль здѣсь играли и соревнованіе, и боязнь осрамиться передъ новыми учителями.

Когда къ пяти часамъ кончались занятія съ учителями, и послѣ обѣда возвращались въ классъ, мы немедленно принимались за работу. Классныя дамамъ не приходилось бранить насъ ни за шумъ, ни за бѣготню по коридорамъ: въ классѣ стояла полная тишина, прерываемая только шелестомъ переворачиваемыхъ страницъ и скрипомъ перьевъ. Такая же напряженная дѣятельность продолжалась и послѣ чая, когда мы приходили ложиться спать. Какъ только классная дама уходила въ свою комнату, мы снимали передники и платья и, закутавшись въ платки, свертывали свои салопчики, клали ихъ на полъ у кроватей и садились на нихъ. На нашихъ матрацахъ мы размѣщали книги и карандаши, укрѣпляли свѣчку въ самодѣльный подсвѣчникъ изъ картона и принимались за дѣло. Хотя въ дортуарѣ стоялъ большой столъ и скамейки, но они помѣщались у того конца спальни, гдѣ находилась комната дамы; къ тому же лампу гасили къ 10-ти часамъ, и мы не имѣли права сидѣть дольше. Если бы посторонній человѣкъ вошелъ ночью въ дортуаръ, когда надъ кроватями торчали головы воспитанницъ, склоненныя надъ книгами, когда здѣсь и тамъ уныло мерцали огоньки огарковъ, онъ могъ бы подумать, что попалъ въ какую-нибудь капеллу, гдѣ богомолки молятся у гробовъ съ мощами.

Имѣть свѣчку для ночи сдѣлалось первою заботою. Наиболѣе услужливыя изъ подругъ каждый вечеръ разрѣзали перочиннымъ ножомъ свою свѣчку на нѣсколько частей и раздавали неимущимъ. Чуть, бывало, ночью разлается шумъ изъ комнаты дамы, мы моментально тушимъ огни и полураздѣтыя бросаемся въ кровать, подъ одѣяло. Ни усовѣщиванія классныхъ дамъ, ни ихъ брань за ночныя бдѣнія не могли уничтожить этого новаго обычая.

Можно себѣ представить, какъ дико было классныхъ дамамъ, получившимъ воспитаніе въ томъ же институтѣ и прослужившимъ въ немъ по многу лѣтъ, смотрѣть на все то новое, что дѣлалось тогда въ институтѣ! Лекціи нѣкоторыхъ учителей воспитанницы обращали въ живую бесѣду съ ними, безпрестанно вставали съ своихъ мѣстъ, спрашивая ихъ то о томъ, то о другомъ.

— Зачѣмъ понадобилось Лермонтову загрязнить образъ поэтической Беллы («Герой нашего времени»)? Онъ не долженъ былъ представлять ее такъ, что ради любви къ Печорину она готова

отказаться отъ родины и вѣры? Нравственная обязанность человѣка всегда оставаться патріотомъ,—заявляетъ одна.

— Для любимаго человѣка, — срывается съ своего мѣста другая,—можно всѣмъ пожертвовать!

— Для такого, какъ Печоринъ, ничѣмъ не слѣдуетъ жертвовать: онъ бездушный эгоистъ... Такихъ, какъ онъ, слѣдуетъ выгонять изъ Россіи!

— Но онъ самый привлекательный человѣкъ на свѣтѣ!..

— Да побойтесь же вы Бога, господинъ учитель! Неужто о такихъ вещахъ вамъ дозволено разсуждать съ воспитанницами, совсѣмъ еще дѣвочками?—въ ужасѣ обращается дежурная дама къ учителю литературы.

— Да... да... пожалуйста, не мѣшайте! Это прекрасно, что онѣ высказываютъ все, что думаютъ!—простодушно отвѣчаетъ учитель и, не вступая въ дальнѣйшія пререканія съ классною дамою, переходитъ къ обсужденію высказаннаго.

Правда, нерѣдко высказывались мнѣнія до невѣроятности дѣтскія, даже дикія, но иными они и не могли быть у воспитанницъ закрытаго заведенія. Учителя не только терпѣливо, но даже съ интересомъ выслушивали и обсуждали все высказанное каждою изъ насъ.

Однажды Ушинскій пришелъ на урокъ Д. Д. Семенова и взялъ со стола тетрадь, въ которой былъ написанъ очеркъ о Бѣлоруссіи, составленный одною изъ воспитанницъ какъ по его лекціи, такъ и по матеріаламъ, имъ доставленнымъ. Ушинскій отошелъ читать къ окну, а Семеновъ вызывалъ ученицъ и спрашивалъ ихъ изъ только что пройденнаго у него.

Ушинскій отъ времени до времени прекращалъ чтеніе и прислушивался къ бойкимъ отвѣтамъ ученицъ. Когда раздался звонокъ, мы окружили ихъ обоихъ плотною стѣной и начали живо болтать съ ними, не обращая вниманія на присутствіе классной дамы.

— Я никогда не сомнѣвался, что при новой системѣ преподаванія вы будете дѣлать успѣхи... Но вы превзошли самыя смѣлыя мои ожиданія! Я знаю, какого труда это стоитъ вамъ безъ привычки къ усидчивой работѣ!.. — растроганно говорилъ Ушинскій, тароватый на порицаніе, но очень скупой на похвалу.

Несмотря на работу, требующую большой затраты силъ, мы не хворали. Правда, двѣ воспитанницы изъ нашего класса сильно отставали отъ подругъ, но одна изъ нихъ всегда была болѣзненною и малокровною, а у другой—умственное развитіе вообще шло впередъ весьма медленно. Ея фамилія была Быстродумова, и уже въ дореформенное время она получила кличку Тиходумовой. Въ высшій классъ она попала случайно: передъ выпускомъ она умоляла Ушинскаго оставить ее въ седьмомъ классѣ, но онъ не соглашался, ссылаясь на то, что хотя по отмѣткамъ она числится не

изъ послѣднихъ, но все же въ высшемъ классѣ ей трудно будетъ учиться. Настойчивыя мольбы Быстродумовой, въ концѣ-концовъ, заставили его исполнить ея просьбу.

Дѣвочка употребляла всевозможныя усилія, чтобы не отставать отъ подругъ, но стала прихварывать, часто жаловалась на головную боль, по недѣлямъ лежала въ лазаретѣ. Ея отвѣты учителямъ и особенно письменныя работы были сравнительно съ другими довольно плохи. Но сила вліянія Ушинскаго отразилась и на ней. Черезъ года три послѣ нашего окончательнаго выпуска Ушинскій какъ-то пріѣхалъ ко мнѣ и разсказалъ слѣдующее: гуляя по улицѣ, онъ прочемъ на одной изъ вывѣсокъ: «школа» и вошелъ въ нее послушать урокъ, который уже начался. Къ нему вышла какая-то женщина, но онъ не спросилъ у нея фамилію учительницы, которая продолжала свою, въ высшей степени, оживленную бесѣду съ ученицами. Когда окончился урокъ, учительница (это была Быстродумова) повернулась въ сторону Ушинскаго и вскрикнула отъ удивленія, затѣмъ бросилась къ нему и разрыдалась.

На другой день онъ получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она говорила, что наканунѣ была взволнована неожиданною встрѣчею съ нимъ и не могла высказать свою признательность за все то добро, которое онъ сдѣлалъ. Между прочимъ, она писала, что если бы не его вліяніе, она послѣ выпуска продолжала бы жить такъ же, какъ вся молодежь въ семьяхъ ея родственниковъ — мелкихъ чиновниковъ, гдѣ молодыя дѣвушки борются съ родными не за право учиться, какъ въ другихъ современныхъ семьяхъ, а за право пріобрѣсти новую тряпку, чтобы плѣнить сердце чиновника и продолжать такое же постылое существованіе, какое вели онѣ въ родительскомъ домѣ. «И меня ожидала та же участь: вѣдь институтъ, до вашего вступленія въ него, не давалъ болѣе чистыхъ стремленій»...

Но я забѣжала далеко впередъ: нравственный обликъ институтокъ совершенно измѣнился. Сами мы не замѣчали въ себѣ перемѣны, кромѣ того, конечно, что прежде нѣкоторыя изъ насъ зубрили уроки, другія рѣшительно ничего не дѣлали, а теперь всѣ работали серьезно, очень многія даже съ страстнымъ увлеченіемъ. Не такъ относились къ этому наши родственники: то одна, то другая воспитанница сообщала подругамъ, что ея братъ, отецъ или мать поражаются происшедшей съ нею перемѣной, говорятъ, что она стала серьезнѣе, мягче, благоразумнѣе. Ихъ изумляло, между прочимъ, и то, что еще недавно ихъ «институточка», не находившая темы для разговора съ ними въ часы свиданій, оживленно разсказывала имъ теперь о томъ, что она читаетъ, забрасывала ихъ вопросами; вмѣсто просьбы купить ей духи, просила достать ей тѣ или другія книги. Традиціонное обожаніе исчезло, какъ по мановенію волшебнаго жезла: никто изъ воспитанницъ не вырѣзалъ на рукахъ перочиннымъ ножемъ иниціаловъ имени того или другого учителя,

никто не выкрикивалъ глупыхъ словъ обожанія, никто не обливалъ ихъ одежду духами. Даже Ивановская, проникнутая общимъ настроеніемъ, не высказывала болѣе своихъ восторговъ относительно «неземной красоты» Ушинскаго. Обожаніе казалось намъ теперь уже чѣмъ-то пошлымъ и неумѣстнымъ. Вмѣсто него у насъ явилась родственная, духовная связь съ учителями и самое дружеское отношеніе къ нимъ. Мы искали встрѣчи съ ними, чтобы поболтать, и бѣжали къ нимъ въ каждую перемѣну между уроками. Въ наиболѣе либеральный періодъ нѣкоторые изъ учителей приходили даже въ садъ побесѣдовать съ нами, передавали намъ содержаніе видѣнныхъ ими театральныхъ пьесъ, знакомили насъ съ игрою извѣстныхъ артистовъ, съ явленіями общественной жизни и со стремленіями лучшей части общества.

Однажды веселая ватага воспитанницъ, среди которой раздавались шутки и смѣхъ, прогуливалась въ саду съ учителемъ литературы, называя его по имени и отчеству, что прежде было немыслимо. Онъ также, обращаясь къ нимъ, называлъ ихъ по имени и отчеству. Въ эту минуту воспитанницы поровнялись съ двумя классными дамами: Лопаревой и Тюфяевой, проходившими мимо съ противоположной стороны.

— Боже, по именамъ называютъ! Скажите мнѣ, скажите, что я ошиблась! — воскликнула M-elle Лопарева, склонная къ сантиментальности, съ ужасомъ хватая товарку за руку.

— Не ошиблись, моя милая, не ошиблись!.. Если онѣ по канатамъ станутъ скакать съ этими совратителями и со своимъ шалымъ инспекторомъ, то и это меня уже больше не удивитъ... — отвѣчала Тюфяева.

Кратковременная эпоха реформъ въ Смольномъ была самымъ чистымъ, самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ нашей юности, нашей институтской жизни, только порою отравляемой злобнымъ шипѣніемъ классныхъ дамъ, всѣми силами души возненавидѣвшихъ Ушинскаго и новыхъ учителей.

Однажды имп. Марія Александровна посѣтила институтъ и долго разговаривала съ Ушинскимъ. Это снова подтвердило нашему начальству, что государыня продолжаетъ благосклонно относиться къ нему. На первый же институтскій балъ послѣ этого были приглашены Ушинскій и всѣ учителя,—этого никогда еще не бывало у насъ и не могло быть безъ вѣдома императрицы.

Все это лишь усиливало злобу классныхъ дамъ; раздражало ихъ и то, что наша инспектриса продолжала дружить съ инспекторомъ. Еще недавно, играя въ институтѣ доминирующую роль, классныя дамы сразу потеряли свое значеніе; вслѣдствіе этого онѣ крѣпче сплотились между собой, держались какъ-то особнякомъ и за свое униженіе мстили пока одной только фразой, которую онѣ частенько повторяли, вкладывая въ нее и озлобленные вопли своего

сердца, и угрозы по нашему адресу, и всѣ свои злорадныя надежды на будущее: «Не долго, не долго это продлится!..»

Наступилъ 1861 г. Когда Положеніе 19 февраля было обнародовано, у насъ отслужили молебенъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ возвращенія изъ церкви вошелъ Ушинскій и заявилъ, что онъ желаетъ объяснить намъ значеніе этого великаго акта. Въ блестящемъ, популярномъ, сжатомъ очеркѣ онъ набросалъ картину жизни помѣщиковъ во время крѣпостного права, познакомилъ насъ, какъ они въ это время забавлялись, смѣняя пиры охотами и другими барскими забавами, указалъ и на жестокость многихъ изъ нихъ къ своимъ крѣпостнымъ. Считая позоромъ трудиться, разсказывалъ онъ, помѣщики сами или черезъ управляющихъ обременяли своихъ крестьянъ непосильнымъ трудомъ, оставляя ихъ влачить жалкую жизнь, полную жестокихъ лишеній, погруженныхъ въ безпросвѣтный мракъ невѣжества и унизительнаго рабства. Заключительный аккордъ этой блестящей рѣчи состоялъ въ томъ, что актъ освобожденія крестьянъ налагаетъ на всѣхъ насъ обязанность уплатить имъ хотя ничтожную часть нашего долга. За наше образованіе, за возможность жить безбѣдно, за блага, пріобрѣтенныя на счетъ вѣкового рабства массъ, мы, чтобы искупить тяжелый грѣхъ нѣсколькихъ столѣтій, должны отдать всѣ свои силы на просвѣщеніе народа. «И каждый, у кого въ груди не камень, а сердце, искренно откликнется на этотъ призывъ!» По словамъ Ушинскаго, съ этого момента всѣ обязаны нести въ народъ свой трудъ, знанія и таланты, а на русскихъ женщинъ наступившая эпоха освобожденія налагаетъ еще особую обязанность, состоящую въ томъ, чтобы раскрѣпоститься отъ предразсудковъ, спеціально тяготѣющихъ надъ ними. Еще не такъ давно у насъ не находили нужнымъ даже учить грамотѣ женщину, но и теперь, въ семьяхъ людей образованныхъ, тамъ, гдѣ считаютъ необходимымъ давать высшее образованіе сыну, дочь учатъ, какъ попало и кой-чему. И всѣ, даже женщины, находятъ такой порядокъ вещей нормальнымъ.

Быть наставницей молодого поколѣнія — великая и благородная задача, но въ то же время въ высшей степени трудная и сложная. Выполнить ее съ успѣхомъ женщина можетъ, только основательно вооружившись серьезными знаніями. Слѣдовательно, женщины такъ же, какъ и мужчины, должны получать высшее образованіе. «Вы обязаны, говорилъ онъ, проникнуться стремленіемъ къ завоеванію права на высшее образованіе, сдѣлать его цѣлью своей жизни, вдохнуть это стремленіе въ сердца вашихъ сестеръ и добиваться достиженія этой цѣли до тѣхъ поръ, пока двери университетовъ, академій и высшихъ школъ не распахнутся передъ вами такъ же гостепріимно, какъ и передъ мужчинами».

Нужно помнить, что Ушинскій говорилъ это еще въ 1861 г.

Во время моего знакомства съ Ушинскимъ послѣ выпуска, какіе бы разговоры и споры онъ ни велъ въ кругу своихъ знако-

мыхъ, мнѣ никогда не приходилось слышать, чтобы онъ высказывалъ идеи соціалистическія или радикально-политическія: онъ всегда и всюду являлся лишь страстнымъ поклонникомъ, сторонникомъ и пропагандистомъ просвѣщенія вообще и распространенія его среди простого народа въ особенности, а также проповѣдникомъ широкаго образованія женщинъ. Лишь въ достиженіи женщиною высшаго образованія онъ видѣлъ альфу и омегу женскаго равноправія, его конечную цѣль и предѣлъ. Такими взглядами на женскій вопросъ были проникнуты въ то время лишь наиболѣе прогрессивные люди русской интеллигенціи; сами женщины, даже и наиболѣе передовыя изъ нихъ, подъ равноправіемъ подразумѣвали одинаковое съ мужчинами право на высшее образованіе, а также и право на самостоятельный заработокъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ своей рѣчи Ушинскій сообщилъ, что у насъ будетъ открыта школа грамоты для горничныхъ, и что воспитанницы 7-го класса, желающія обучать ихъ, могутъ заниматься съ ними по воскреснымъ днямъ. Всѣ съ восторгомъ выразили желаніе учить.

Въ одно изъ воскресеній, послѣ молебна, на которомъ присутствовали всѣ наши горничныя, воспитанницы приступили къ занятіямъ съ ними. Ушинскій подходилъ къ каждой скамейкѣ и внимательно прислушивался къ обученію молодыхъ учительницъ, а по окончаніи занятій указывалъ промахи въ ихъ преподаваніи. Такимъ образомъ новая воскресная школа приносила пользу и воспитанницамъ, и горничнымъ.

Изъ сказаннаго ясно, что при Ушинскомъ не происходило ни одного крупнаго событія въ общественной жизни, котораго бы онъ не выяснилъ намъ и не освѣтилъ должнымъ образомъ. А между тѣмъ въ другихъ институтахъ даже великій актъ освобожденія оставался совершенно непонятымъ, и воспитанницы относились къ нему такъ же индифферентно, какъ и ко всѣмъ другимъ явленіямъ общественной жизни. Мнѣ говорили, что въ московскомъ Екатерининскомъ институтѣ, гдѣ до самой крестьянской реформы воспитанницамъ дозволялось держать при себѣ собственныхъ горничныхъ, только онѣ и напоминали имъ о наступившей новой эпохѣ жизни, часто повторяя: «А мы теперь, барышни, не ваши крѣпостныя! Мы свободныя!»

Мнѣ не разъ приходилось слышать мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ, что Ушинскій былъ главнымъ вдохновителемъ идеи о необходимости нарушить замкнутость институтовъ, но это совершенно несправедливо. Въ 1858 г., когда онъ не былъ еще инспекторомъ Смольнаго, уже появлялись статьи въ журналахъ и подавались отчеты членами институтскихъ совѣтовъ, въ которыхъ, между прочимъ, подчеркивалось, что институтки совершенно утрачиваютъ чувство семейной привязанности, указывалось на тяжелыя послѣд-

ствія отчужденія дѣтей отъ родителей, на непригодность институтокъ къ дѣйствительной жизни.

Въ отчетахъ инспекторовъ по медицинской части петербургскихъ учрежденій импер. Маріи то и дѣло встрѣчались указанія на вредъ женскихъ закрытыхъ заведеній для здоровья воспитанницъ. Однимъ словомъ, со второй половины XIX-го столѣтія институтское затворничество начало повсемѣстно встрѣчать неодобреніе, какъ со стороны родителей, такъ и со стороны общества, и все большее число лицъ высказывалось за необходимость хотя изрѣдка отпускать институтокъ домой. Наконецъ, въ 1862 г. имп. Марія Александровна разрѣшила отпускать институтокъ, но лишь въ видѣ опыта въ теченіе двухъ лѣтъ, а по прошествіи этого времени было окончательно установлено правило разъ навсегда отпускать домой воспитанницъ на лѣто и на нѣсколько дней въ Пасху и Рождество.

Нашу воскресную школу для горничныхъ скоро закрыли по неизвѣстной намъ причинѣ; но будь мы поопытнѣе, мы поняли бы, что это первый признакъ наступающей въ институтѣ реакціи. Очевидно подулъ не тотъ вѣтеръ, который годъ тому назадъ принесъ намъ освѣжающую струю чистаго воздуха.

По окончаніи классныхъ занятій то одна дама, то другая забѣгала къ своей товаркѣ, отзывала ее въ сторонку и оживленно перешептывалась съ нею. Нерѣдко обѣ онѣ усаживались за столикъ и передавали другъ другу новости, но уже такъ, чтобы воспитанницы слышали ихъ. «Этотъ gamin (уличный мальчишка), этотъ прохвостъ осмѣлился не отдать мнѣ поклона», сообщала одна изъ нихъ. Другая отвѣчала ей, что этотъ негодяй такъ нагло посмотрѣлъ на нее вчера, а m-elle Лопаревой онъ даже засмѣялся въ лицо, что же касается m-elle Носовичъ, то онъ не извинился передъ нею даже тогда, когда толкнулъ ее при встрѣчѣ»... Фамилію преступника дамы не называли, но мы догадывались, что дѣло идетъ о комъ-нибудь изъ молодыхъ учителей.

Несомнѣнно, что всѣ эти новости были пошлою выдумкою: классныхъ дамъ возмущало не только то, что онѣ постепенно утрачивали свое значеніе, но и то, что отъ новыхъ учителей онѣ не видѣли уже такой галантной предупредительности, такого расшаркиванія передъ ними, къ которому онѣ такъ привыкли при прежнихъ учителяхъ.

Еще болѣе возмущало ихъ то, что когда во время урока одна изъ нихъ начинала войну съ воспитанницею, т. е. отнимала у нея какую-нибудь бумажонку, учитель прекращалъ чтеніе лекціи и не произносилъ ни слова до тѣхъ поръ, пока она не садилась на свое мѣсто. Ушинскій первый предъявилъ требованіе, чтобы въ классѣ ни воспитанницы, ни классныя дамы не нарушали тишины. Послѣ его столкновенія съ Тюфяевой никто изъ классныхъ дамъ не осмѣливался болѣе мѣшать ему: съ нимъ считались и его по-

баивались. Болѣе или менѣе сдерживали онѣ себя и во время занятій учителей во весь первый годъ. Но какъ только появились первые признаки реакціи, классныя дамы начали придираться къ воспитанницамъ, имѣя въ виду прежде всего раздражить этимъ учителей, а черезъ нихъ насолить и Ушинскому. Онѣ то и дѣло начали вставать съ своихъ мѣстъ во время уроковъ и расхаживать между скамейками. Какъ только воспитанница брала въ руки перо, передвигала машинально книгу или тетрадь, дама громко бранила ее за это, тянула къ себѣ съ пюпитра, что попало, обдергивала ее, якобы за небрежный туалетъ и т. п. Вражда раздувалась все сильнѣе и раздѣлила, наконецъ, все населеніе института на два враждебныхъ лагеря: на одной сторонѣ стояли преподаватели съ Ушинскимъ во главѣ и воспитанницы, а въ противоположной партіи — весь женскій персоналъ начальства и двое учителей, оставшихся въ институтѣ отъ дореформеннаго времени. Конечно, и классныя дамы успокоились бы въ концѣ концовъ, во всякомъ случаѣ менѣе утруждали бы себя выдумками, если бы начальница Леонтьева твердо рѣшила претерпѣть до конца новшества Ушинскаго. Но рѣшимости на это у нея хватило лишь на первое время, да и то потому только, что, съ одной стороны, его реформы были санкціонированы свыше, а съ другой—она просто не поняла, что Ушинскій былъ не изъ тѣхъ людей, которые могли вводить реформы только внѣшнимъ образомъ, на показъ. Къ тому же Леонтьева не имѣла представленія о томъ, что реформы такъ глубоко коснутся внутренняго быта института. Когда она поняла, что дѣло серьезно, она рѣшила, что государыня, сама желавшая оживить умственную жизнь воспитанницъ, не знала о томъ, какъ это перевернетъ вверхъ дномъ всѣ устои института.

И вотъ на голову Ушинскаго мало-по малу начинаютъ сыпаться самыя неожиданныя непріятности. Классным дамамъ стоило только замѣтить, что начальница недовольна инспекторомъ, и у нихъ явилась надежда, что не все еще потеряно, что старое можно вернуть, что новое долго не удержится... И онѣ начали болѣе, чѣмъ когда-нибудь, подлаживаться къ Леонтьевой. Ихъ примѣру скоро послѣдовала и наша безхарактерная инспектриса m-me Каро.

Однажды она заявила намъ, что хотя во время уроковъ намъ и дозволено обращаться къ учителямъ съ вопросами, но мы должны помнить, что имѣемъ право спрашивать ихъ только о томъ, чего не понимаемъ изъ предмета, преподаваемаго каждымъ изъ нихъ. Но такъ какъ ей сдѣлалось извѣстнымъ, что мы слишкомъ широко воспользовались этой свободой—съ шумомъ, крикомъ и гикомъ, доходящими до полной непристойности (чего никогда не бывало) окружаемъ нашихъ учителей въ перемѣну, перебивая ихъ и другъ друга, болтаемъ съ ними о всякихъ пустякахъ,—этого она не потерпитъ долѣе. Никоимъ образомъ не можетъ она допустить

и того, чтобы учителя приходили въ садъ вести съ нами безконечныя бесѣды.

И такъ сразу былъ положенъ конецъ нашему живому общенію съ преподавателями. Въ классѣ водворилась полная тишина. Это было для насъ крайне тяжелою, незаслуженною карою: мы продолжали усердно работать и читать, но «проклятые вопросы» осаждали наши головы, а поговорить о нихъ теперь было не съ кѣмъ. Тогда нѣкоторыя изъ насъ начали прибѣгать къ такой хитрости: подавая учителю составленную лекцію, мы въ концѣ ея, а то и посреди излагали (въ скобкахъ) то, что насъ интересовало. У учителя литературы въ эти скобки мы включали вопросы о томъ, почему герой или героиня такой-то повѣсти поступили такъ, а не иначе. У учителя исторіи,—возможенъ ли въ настоящее время на престолѣ такой жестокій царь, какимъ былъ Іоаннъ Грозный? Былъ-ли Павелъ I сумасшедшимъ или нормальнымъ человѣкомъ? Правда-ли, что его убили? Можно-ли Петра I называть великимъ только за то, что онъ производилъ крупныя реформы, а между тѣмъ являлся палачомъ своихъ подданныхъ?

Черезъ много лѣтъ послѣ выпуска, когда меня какъ-то посѣтилъ Д. Д. Семеновъ (бывшій у насъ учителемъ географіи), онъ сказалъ, что только что случайно нашелъ между своими бумагами исписанный листъ, который живо напомнилъ ему «періодъ скобокъ» (т. е. время, когда мы сносились съ учителями посредствомъ скобокъ). Вотъ въ это время одна воспитанница подала Семенову составленную ею лекцію о Малороссіи, а въ скобкахъ обратилась къ нему съ курьезнымъ вопросомъ, который онъ списалъ на память, такъ какъ лекцію долженъ былъ вернуть составительницѣ: «На-дняхъ мнѣ дали для прочтенія маленькую книжечку и сказали, что это стихотворенія Михайлова. Но такъ какъ титульный листъ былъ оторванъ, а на оберточной бумагѣ для безопасности отъ классной дамы было написано: «переводъ стихотвореній Корнеля» (наше начальство считаетъ его благонамѣреннымъ писателемъ), то я и не знаю, были-ли стихотворенія Михайлова оригинальными или переводными. Изъ нихъ мнѣ врѣзались въ память двѣ строчки:

«Отчего подъ ношей крестной
Весь въ крови влачится правый?»

(Цитирую не по книгѣ, а по памяти, но за смыслъ ручаюсь). Вотъ въ чемъ дѣло, многоуважаемый Дмитрій Дмитріевичъ! Если это стихотвореніе Михайлова переводное, и, слѣдовательно, въ этомъ двухстишіи авторъ подразумѣваетъ жителей западныхъ государствъ, то для меня оно понятно. Я недавно читала, что строй этихъ государствъ пришелъ въ негодность, въ одномъ мѣстѣ книги было даже сказано «гнилой Западъ». Вѣдь не можетъ же авторъ имѣть въ виду Россію послѣ великаго акта освобожденія крестьянъ, когда прежнимъ несчастнымъ рабамъ дана свобода, когда, слѣдовательно

всѣ уже пользуются полной свободой и равенствомъ? Не правда-ли, такой ужасъ въ Россіи исчезъ съ освобожденіемъ крестьянъ? Но если онъ существуетъ и теперь, почему же всѣ вы, честные, добрые, великодушные наши преподаватели, не соединитесь вмѣстѣ съ великимъ нашимъ Наставникомъ и общими усиліями не уничтожите это страшное зло въ Россіи? Какъ подло со стороны «вѣдьмъ», что онѣ прекратили наши бесѣды со всѣми вами! Пожалуйста, Дмитрій Дмитріевичъ, когда будете возвращать мнѣ эту лекцію, отвѣтьте мнѣ на мой вопросъ такъ, чтобы «вѣдьма» не могла заподозрить, что я спрашиваю васъ объ этомъ въ лекціонной тетради».

И вотъ какъ на грѣхъ,—разсказывалъ Семеновъ, — въ одинъ изъ четверговъ я снесъ эту выписку Ушинскому. Преподаватели очень смѣялись, когда я прочелъ имъ ее, а Ушинскій, Боже мой, я и самъ былъ не радъ, что познакомилъ его съ содержаніемъ этого курьеза! Онъ вскочилъ изъ за стола, и ну ходить по комнатѣ въ страшномъ волненіи и говорилъ, говорилъ битыхъ часа два, пока не раскашлялся и не разволновался такъ, что мы должны были разойтись по домамъ. Ушинскаго особенно возмущало то, что дѣвочкамъ запрещаютъ невинныя бесѣды съ учителями; это запрещеніе институтское начальство объясняло тѣмъ, что такія отношенія къ преподавателямъ будто-бы лишаютъ ученицъ женской скромности и комильфотности, но онъ былъ глубоко убѣжденъ, что, даже при тупости классныхъ дамъ, онѣ не могли этого думать, и что тутъ былъ умыселъ иной. Онъ замѣтилъ, что если насъ, учителей, и поражаетъ наивная болтовня дѣвочекъ, ихъ до невѣроятности ребячливое міросозерцаніе, то его оно только радуетъ: изъ этихъ «скобокъ» видно, что у воспитанницъ уже являются мысли относительно общественной жизни, а еще недавно у нихъ были на умѣ лишь «кавалергарда шпоры».

Получая составленную лекцію, заключающую самые разнородные вопросы въ скобкахъ, учителя прекрасно справлялись съ своей новой задачей: они старались удовлетворить любознательность своихъ ученицъ, объясняя ихъ вопросы въ безразличной формѣ.

Насъ, воспитанницъ, начала удивлять необычная суетливость нашей инспектриссы, которая къ тому же все усиливалась: она то возвращалась отъ начальницы, то отправлялась къ ней, то призывала къ себѣ классныхъ дамъ. Однажды, въ дежурство m-lle Тюфяевой, когда мы ждали преподавателя русской исторіи М. И. Семевскаго, къ намъ вошла maman. Мы встали съ своихъ мѣстъ съ обычнымъ привѣтствіемъ, а она голосомъ, срывающимся отъ нервнаго возбужденія, произнесла (по обыкновенію по-французски): «Этотъ невоспитанный мальчишка, который долженъ къ вамъ придти сію минуту» (онъ въ то время былъ однимъ изъ самыхъ молодыхъ), такъ непристойно-заносчиво держитъ себя здѣсь со всѣми, что я считаю долгомъ проучить его за это. Теперь я выйду

изъ класса, а какъ только онъ войдетъ, я возвращусь, пройду къ противоположной двери въ коридоръ, но когда я буду позади скамеекъ, m-lle Тюфяева, а за нею и всѣ вы должны присоединиться ко мнѣ, вставая со своихъ мѣстъ безъ всякаго шума. Такимъ образомъ мы всѣ выйдемъ изъ класса. Онъ останется одинъ среди пустыхъ стѣнъ! Можетъ быть, хотя это образумитъ негодяя!

Почему этотъ скандалъ былъ устроенъ М. И. Семевскому, а не кому-нибудь другому изъ учителей, навсегда осталось неизвѣстнымъ. Самъ онъ категорически отрицалъ взводимыя на него обвиненія въ томъ, что онъ при встрѣчѣ съ той или другой классной дамой толкалъ кого-нибудь изъ нихъ, нагло и съ издѣвательствомъ смотрѣлъ имъ въ глаза, и т. под. При этомъ онъ совершенно справедливо указывалъ на то, что если бы что-нибудь подобное случилось съ нимъ, то оскорбленная дама не стала бы ждать случая, а тутъ же подняла бы «исторію», какъ это было при столкновеніи Ушинскаго съ m-elle Тюфяевой.

Константинъ Дмитріевичъ уже послѣ выпуска какъ-то спросилъ нѣсколькихъ своихъ бывшихъ ученицъ, чѣмъ онѣ объясняютъ этотъ скандалъ, и тѣ единогласно отвѣчали ему, что, по ихъ мнѣнію, онъ начатъ былъ съ М. И. Семевскаго, какъ съ самаго молодого, и, навѣрно,устроенъ былъ бы и другимъ учителямъ, если бы онъ, Ушинскій, тотчасъ и сразу не положилъ этому конца.

Что касается того, какъ могла инспектриса, о которой Ушинскій былъ такого хорошаго мнѣнія, не только играть главную роль въ этой исторіи, но даже взять въ ней на себя иниціативу, то это вытекало изъ всего характера нашей трусливой, безвольной maman.

Когда у насъ наступила реакція, Леонтьева всѣми своими дѣйствіями обнаружила полную рѣшимость выжить Ушинскаго изъ института; maman, по обыкновенію, тотчасъ испугалась за свое положеніе и тогда уже открыто стала на сторону враговъ Ушинскаго.

Однако вернемся къ инциденту. Какъ только мягкосердечная maman, на этотъ разъ съ какимъ-то злорадствомъ, объявила свое оригинальное распоряженіе, прозвонилъ колоколъ. Она быстро вышла, а вслѣдъ за нею появился учитель. Онъ поклонился Тюфяевой, но она не отдала ему поклона; мы привстали, чтобы раскланяться съ нимъ, но въ эту минуту вошла инспектриса. Мы продолжали стоять, а учитель, уже успѣвшій сѣсть, снова всталъ съ своего мѣста и поклонился инспектрисѣ, но та только выше подняла голову и величественно направилась къ противоположной двери.

Однако не все произошло такъ, какъ было предписано: вышла m-elle Тюфяева, а за нею послѣдовали и смущенныя воспитанницы, но три изъ нихъ продолжали сидѣть въ классѣ на своихъ мѣстахъ: Ратманова, Саулова и я. Учитель, какъ всталъ для поклона инспектрисѣ, такъ и продолжалъ стоять, растерянно оглядываясь

по сторонамъ. Ни онъ, ни мы не произносили ни звука. Наконецъ, онъ сѣлъ и началъ вынимать книги изъ своего портфеля, но затѣмъ быстро положилъ ихъ обратно со словами: «при такихъ условіяхъ я не могу читать!».. всталъ, раскланялся и вышелъ.

Весь этотъ инцидентъ продолжался нѣсколько минутъ.

Вслѣдъ за уходомъ учителя въ классъ вошли всѣ, только что вышедшія изъ него. M-me Каро блѣдная, со слезами, которыя текли по щекамъ, обратилась къ намъ, остававшимся въ классѣ, со словами, звучавшими гнѣвомъ и возмущеніемъ:—А вы трое, какъ осмѣлились вы поступить вопреки моему приказанію? За всю мою службу здѣсь еще не было примѣра, чтобы кто-нибудь позволилъ себѣ такъ дерзко нанести мнѣ оскорбленіе!.. И это за то, что, кромѣ ласки и привѣта, вы ничего не видѣли съ моей стороны!.. Я не вѣрила, когда мнѣ говорили всѣ кругомъ, что вы въ концѣ концовъ и относительно меня запятнаете себя черною неблагодарностью!

— Простите, maman, простите!—вдругъ бросилась къ ней, рыдая, Саулова, очень чувствительная дѣвушка, которая чрезвычайно быстро увлекалась и еще быстрѣе остывала къ своему увлеченію.— Я необдуманно поступила! Я не знала, maman, что это васъ такъ огорчитъ! Вы лучшая, самая лучшая здѣсь!..

Инспектриса, ничего не отвѣчая и прикрывая глаза платкомъ, молча направилась къ себѣ, а Саулова бѣжала за ней, выкрикивая на всѣ лады тѣ же мольбы, и получила прощеніе.

Вечеромъ меня позвали къ инспектрисѣ. Она начала съ повторенія уже сказаннаго, но, такъ какъ я молчала, она вдругъ спросила меня:—Ты имѣешь что-нибудь противъ меня лично? О, я могу смѣло задавать подобные вопросы... Я никому изъ васъ не дѣлала зла! Напротивъ даже, всѣхъ васъ, а особенно тебя, всегда защищала передъ классными дамами!..

— Конечно, maman, я ничего не имѣю противъ васъ! Даже не смѣю имѣть!.. Увѣряю васъ, мнѣ очень больно, что я васъ огорчила!..

— Если бы это было такъ, то ты много разъ могла бы сегодня придти ко мнѣ и попросить прощенія.

— Я не могла... Это было противъ моихъ убѣжденій!

— Что?.. Повтори!—грозно настаивала она и, не дожидаясь отвѣта, разразилась искусственнымъ смѣхомъ.—А, такъ вотъ чему васъ научили новые учителя! Говорить высокопарныя фразы!..

— Фразами, maman, называютъ слова, когда ихъ повторяютъ безъ смысла. Вѣроятно, я понимаю, что значитъ убѣжденіе, если рѣшилась пострадать за него!

— Опомнись!.. Знаешь ли ты, что я въ первый разъ въ этихъ стѣнахъ слышу такія слова!.. Ваши учителя исковеркали, изломали васъ!

— Прежде здѣсь не произносили такихъ словъ потому, что не имѣли ни взглядовъ, ни убѣжденій...

— Если ты будешь сыпать твои фразы въ гостиной, надъ тобой будутъ издѣваться, какъ надъ послѣдней дурой и фразеркой.

Конечно, свою скромную мысль мнѣ слѣдовало отстаивать попроще, да и говорить съ инспектрисою объ убѣжденіяхъ было болѣе, чѣмъ наивно, но вѣдь нужно помнить, что мы были еще почти дѣтьми: никому изъ насъ въ это время не было болѣе семнадцати лѣтъ.

— Будь же любезна, объясни мнѣ, какое отношеніе имѣютъ твои возвышеннѣйшія убѣжденія къ моимъ распоряженіямъ?

— Вы приказали, maman, воспитанницамъ уйти съ лекціи, чтобы наказать учителя за его неблаговоспитанность. При насъ всѣ учителя раскланиваются съ классными дамами, даже теперь, когда тѣ перестали отвѣчать на ихъ поклоны. Съ нами всѣ они очень вѣжливы и усердно заботятся о нашемъ просвѣщеніи. За что же намъ наказывать ихъ? Это было бы низостью съ нашей стороны. Слѣдовательно, ваше приказаніе и было противъ моего убѣжденія.

— Пошла вонъ отсюда, скверная, до мозга костей исковерканная дѣвчонка!..

Но когда я сдѣлала реверансъ, чтобы удалиться, инспектриса гнѣвно закричала:—На дняхъ тебя уволятъ изъ института, и я буду настаивать на этомъ даже болѣе, чѣмъ на удаленіи Ратмановой. Твое пребываніе—настоящая зараза для твоихъ подругъ. Тутъ уже и твой дядюшка не спасетъ тебя!

Хотя мнѣ во время всей нотаціи очень хотѣлось, чтобъ maman скорѣе кончила ее, и я могла бы убѣжать въ дортуаръ, но теперь я не могла уйти раньше, чѣмъ выскажу все, что подсказывали мнѣ раздраженіе и обида.

— Мой дядюшка не обезпокоитъ васъ болѣе!.. Года полтора тому назадъ я валялась у вашихъ ногъ, цѣловала ваши руки, умоляя васъ защитить меня отъ клеветы...

— О, конечно, конечно,—язвительно перебила она меня,—при твоихъ возвышеннѣйшихъ убѣжденіяхъ это для тебя теперь совсѣмъ унизительно!

— Совсѣмъ не то!.. Выключенная изъ института тогда, я не знала бы что съ собою дѣлать! Теперь совсѣмъ другое: я такъ хочу учиться, такъ твердо рѣшилась самостоятельно зарабатывать свое существованіе, что нѣтъ такой силы на свѣтѣ, которая бы задавила это желаніе! А вы говорите о гостиныхъ, указываете, что тамъ надо мною будутъ издѣваться!.. Да я и не пойду въ эти гостиныя, я презираю ихъ, я хочу только учиться! И эти взгляды у насъ явились подъ вліяніемъ нашихъ честныхъ преподавателей, а вы требуете, чтобы я пошла на такую низость, устраивала имъ скандалы!..

— Ты, значитъ, милая моя, считаешь себя и Ратманову перломъ созданія, исключительно возвышенными натурами, а твоихъ подругъ, которыя не рѣшились меня ослушаться, низкими тварями?..

— Нисколько! Вѣдь онѣ это сдѣлали только потому, что не успѣли опомниться, не успѣли сообразить, въ чемъ тутъ дѣло! Я обыкновенно дѣлаю тоже то, что дѣлаютъ другія, мы уже здѣсь такъ пріучены...

— А вотъ, чтобы ты не была черезчуръ сообразительной, ты будешь уволена, и даже черезъ нѣсколько дней...

— Сейчасъ же извѣщу объ этомъ своихъ родныхъ!..

— Не ты извѣстишь ихъ о твоемъ увольненіи, а учрежденіе, въ которомъ ты воспитываешься! А теперь ты снимешь передникъ и будешь ходить безъ него вплоть до твоего удаленія!.. И въ церкви будешь стоять безъ передника и отдѣльно отъ другихъ...

— Всѣ ваши приказанія, maman, я исполню, но этому церковному наказанію... извините... я взрослая дѣвушка... я не могу подчиниться! Теперь, когда цѣпи рабства пали, вы наказываете меня, какъ послѣднюю рабыню! Вотъ ваше христіанское милосердіе!.. Выгонять изъ института — ваше право, но наказывать меня въ церкви—не позволю!—Послѣднія фразы я уже выкрикивала дерзко и запальчиво, быстро сдѣлала реверансъ и повернулась, чтобы идти, когда она закричала: «Съ глазъ долой!»

Для меня долго оставалось непонятнымъ то, что инспектриса дала мнѣ говорить, удостаивала меня даже своими возраженіями, правда, ироническими, но, согласно съ нашими правилами, ей бы слѣдовало прогнать меня при первыхъ же моихъ словахъ. Только гораздо позже я поняла, что она у меня же, въ моей запальчивой, путанной, фразистой, дѣтской рѣчи черпала аргументы для доказательства передъ Ушинскимъ негодности и безнравственности новыхъ учителей и новой системы образованія и воспитанія.

Мнѣ и въ голову не приходило сомнѣваться въ моемъ увольненіи: это объявила мнѣ не Тюфяева, а инспектриса, которая никогда не прибѣгала къ подобнымъ угрозамъ. Я просила передать дежурной дамѣ, что почувствовала себя дурно и вынуждена сію минуту отправиться въ лазаретъ.

Лежа въ постели, я начала обдумывать свое положеніе и нашла, что задача избѣжать наказанія въ церкви, считавшагося самымъ позорнымъ для выпускной воспитанницы, еще была одною изъ легкихъ, по сравненію съ другими моими заботами. Прежде всего мнѣ необходимо было извѣстить дядю о моемъ увольненіи. Я прекрасно знала, что онъ, столь энергично защитившій меня противъ явной клеветы Тюфяевой, въ настоящемъ случаѣ приметъ сторону инспектрисы. Онъ всегда стоялъ за безпрекословное подчиненіе волѣ начальства, а я осмѣлилась выказать неповиновеніе ему, и къ тому же не раскаялась въ своемъ поступкѣ,—все это не только должно было усугубить мою вину въ его глазахъ, но показаться

ему настоящимъ преступленіемъ. Отъ него я могла ожидать всего: при извѣстіи о моемъ удаленіи, онъ могъ немедленно явиться къ инспектрисѣ, и когда та объяснитъ ему, въ чемъ дѣло, потребовать отъ меня, взрослой дѣвушки, чтобы я колѣнопреклоненно просила у нея прощенія. Эта мысль леденила кровь въ моихъ жилахъ. Нѣтъ, ни за что не буду его извѣщать о моемъ удаленіи! Къ кому же обратиться? Моя мать жила въ глухой деревнѣ, очень далеко отъ Петербурга и, получивъ отъ меня извѣстіе, могла пріѣхать за мной лишь черезъ мѣсяцъ-другой. Мнѣ пришло въ голову, что у меня остается единственная обязанность извѣстить объ этомъ Ушинскаго. Благодаря ему, я получаю стипендію: онъ долженъ узнать о томъ, что меня исключаютъ, чтобы немедленно передать ее другому лицу (относительно стипендій у меня было самое смутное представленіе). Извѣстить обо всемъ Ушинскаго меня побуждала и боязнь, что начальство доведетъ эту исторію до его свѣдѣнія въ искаженномъ видѣ. И я на другой день засѣла за письмо къ нему: я разсказала ему, какъ инспектриса приказала намъ оставить классъ, когда вошелъ учитель исторіи, объясняла ему причину, не дозволившую мнѣ повиноваться ей, изложила и мой разговоръ съ maman, не утаивъ отъ него и моихъ выраженій, такъ возмутившихъ ее. Въ виду увольненія, я просила его руководить моими занятіями внѣ стѣнъ заведенія.

Въ субботу вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ воспитанницамъ приходилось идти въ церковь, ко мнѣ забѣжала Ратманова съ извѣстіемъ, что инспектриса продолжаетъ каждый день ходить къ начальницѣ и что, несмотря на это, никто изъ нихъ не вспоминалъ о насъ. Но я все-таки опасалась, что инспектриса вспомнитъ свою угрозу насчетъ церкви и, чтобы избѣжать этого наказанія, слегла въ постель. Это оказалось совершенно лишнимъ: прошло болѣе недѣли, а между тѣмъ никто не напоминалъ мнѣ о моемъ исключеніи изъ института, и я отправилась въ классъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Ушинскій, послѣ отсутствія своего вслѣдствіе болѣзни, опять началъ читать лекціи. Въ первый же разъ послѣ своего прихода онъ долго сидѣлъ у инспектрисы, но о чемъ они толковали между собой, для насъ осталось неизвѣстнымъ.

Я нѣсколько разъ послѣ этого встрѣчалась съ Ушинскимъ и одна, и въ обществѣ подругъ, но онъ ни разу не далъ мнѣ замѣтить, что получилъ мое письмо. По внѣшнему виду онъ становился все болѣе угрюмымъ и болѣзненнымъ: его и безъ того блѣдныя, исхудалыя щеки осунулись еще болѣе, лобъ пожелтѣлъ, глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Мы не рѣшались подходить ни къ нему, ни къ учителямъ, и никто изъ нихъ не разговаривалъ съ нами болѣе.

Госпожа З. Э. Мордвинова въ своемъ біографическомъ очеркѣ «Статсъ-дама М. П. Леонтьева» возмущается тѣмъ, что біографы Ушинскаго приписываютъ разстройство его здоровья непріятностямъ,

клеветамъ и доносамъ, испытаннымъ имъ въ Смольномъ. Хотя біографы, говоритъ она, не называютъ фамиліи Леонтьевой, но прежде всего имѣютъ въ виду именно ее, какъ особу, облеченную наибольшею властью въ Смольномъ. Желая опровергнуть это и показать, что Леонтьева сочувствовала всему благородному и прекрасному, а слѣдовательно, и реформамъ Ушинскаго, она старается доказать это, помѣстивъ въ своей книгѣ два подлинныхъ письма (Леонтьевой и Ушинскаго), извлеченныхъ изъ архивовъ, изъ которыхъ видно, что въ 1858 г. Леонтьева черезъ Делянова (бывшаго тогда членомъ совѣта женскихъ учебныхъ заведеній и попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа) предлагала Ушинскому занять должность инспектора въ Смольномъ, и что онъ на это согласился. Но эти письма не доказываютъ того, что желаетъ доказать г-жа Мордвинова. Очень возможно, что Леонтьева предложила Ушинскому инспекторство уже тогда, когда узнала объ этомъ мнѣніе императрицы и Норова, которымъ біографы и приписываютъ назначеніе Ушинскаго, ссылаясь при этомъ на его собственныя слова. Но если бы даже Леонтьева и совершенно самостоятельно выразила желаніе имѣть инспекторомъ Ушинскаго, то это еще совсѣмъ не говоритъ о ея сочувствіи къ нему, тѣмъ болѣе, что въ то время она ни разу не видала его.

Нужно замѣтить, что за нѣсколько мѣсяцевъ до приглашенія Ушинскаго умеръ инспекторъ Смольнаго Тимаевъ, а на его мѣсто члены совѣта *) предложили принять на испытаніе Полевого, сына писателя, очень молодого человѣка, который весьма не понравился Леонтьевой. Желая какъ можно скорѣе избавиться отъ него, она предлагала нѣсколькимъ лицамъ занять должность инспектора, но дѣло не налаживалось, и уже тогда она черезъ Делянова обратилась къ Ушинскому, который въ то время былъ инспекторомъ Гатчинскаго института. Что же касается утвержденія г-жи Мордвиной, что Леонтьева не мѣшала проведенію реформъ въ учебномъ дѣлѣ, то это вѣрно лишь въ извѣстной степени. Конечно, довольно мудрено было начальницѣ препятствовать ихъ введенію, когда онѣ оффиціально были утверждены свыше. Но будучи особой дико консервативной до мозга костей, Леонтьева не могла индифферентно смотрѣть на какія бы то ни было перемѣны, а особенно, когда замѣтила, что онѣ въ корнѣ подтачиваютъ нравы и обычаи, установившіеся въ институтѣ. Правда, она допустила бесѣды ученицъ съ учителями во время уроковъ, но какъ-только онѣ приняли жи-

*) Смольный находился подъ коллективнымъ управленіемъ трехъ лицъ; 1) начальницы, которой ввѣренъ былъ надзоръ за нравственнымъ и физическимъ воспитаніемъ двухъ институтовъ, 2) члена по учебной части, слѣдившаго за образованіемъ, и 3) члена по хозяйственной части, наблюдавшаго за правильнымъ расходованіемъ суммъ. Всѣ члены совѣта назначались высочайшею властью, и двое изъ нихъ выбирались изъ высшихъ сановниковъ государства.

вой характеръ, этому былъ положенъ конецъ. Точно также и въ остальныхъ реформахъ она старалась вытравить все живое.

Что же касается личности Ушинскаго, то какъ только Леонтьева поняла его характеръ, она начала дѣлать все, чтобы отравить ему существованіе. Какъ она, такъ и классныя дамы не могли сразу проявить ненависть, которую они почувствовали къ нему: благосклонное отношеніе къ нему императрицы заставляло ихъ до поры до времени весьма дипломатично обращаться съ нимъ. Да и самъ Ушинскій былъ не изъ тѣхъ, которыхъ можно было легко и просто затереть. И вотъ потому-то, желая досаждать и мстить ему, онѣ пока травили учителей. Да и могли-ли не только сочувствовать другъ другу, но мало мальски переваривать одинъ другого эти двѣ личности — Леонтьева и Ушинскій, столь различныя между собой по своему характеру, понятіямъ и воззрѣніямъ! Леонтьева—осколокъ старины глубокой, особа съ допотопными традиціями и взглядами, съ манерами, до комизма чопорными, съ придворнымъ высокомѣріемъ, съ ханжеской моралью, требующая отъ каждаго полнаго подчиненія своему авторитету и подобострастнаго поклоненія передъ каждымъ своимъ словомъ, и онъ, Ушинскій — представитель новой жизни, носитель новыхъ прогрессивныхъ идей, съ энергіей страстной натуры проводящій ихъ въ жизнь, до мозга костей демократъ по своимъ убѣжденіямъ, считавшій пошлостью и фокусами всякій этикетъ, всѣмъ сердцемъ ненавидящій формализмъ и рутину, въ чемъ бы они ни проявлялись! Такія же діаметрально противоположныя цѣли преслѣдовали обѣ эти личности и въ воспитаніи: она, упорно стремившаяся къ тому, чтобы воспитанницъ двухъ огромныхъ институтовъ привести къ одному знаменателю, онъ—горячій защитникъ свободной мысли и индивидуальнаго развитія. У нихъ была только одна черта, общая другъ другу,—властолюбіе, но, конечно, она лишь усиливала ихъ взаимную ненависть и вражду. Нервный и болѣзненно-раздражительный, Ушинскій, человѣкъ во всеоружіи знаній, прекрасно знавшій себѣ цѣну, не могъ вынести препятствій при своемъ быстромъ шествіи впередъ по пути прогресса и новшествъ и наносилъ удары своимъ врагамъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ихъ служебное положеніе. Властолюбивая Леонтьева, отъ которой до сихъ поръ исходило все, что дѣлалось въ институтѣ, которой всегда и во всемъ принадлежала власть и иниціатива, не смѣла болѣе вмѣшиваться въ учебное дѣло. И прежде оно находилось въ вѣдѣніи инспектора, но, несмотря на это, она, по своему произволу, выбрасывала изъ заведенія каждаго учителя, который ей не нравился. Теперь же въ выборъ учителей она совсѣмъ не могла вмѣшиваться. Уже однимъ этимъ она была уязвлена въ своемъ самовластіи и самодержавіи. Къ тому же Ушинскій отличался еще одною чертой характера, совершенно не переносной для институтскаго начальства: наблюдательный, остроумный, находчи-

вый, рѣзкій и прямой, съ презрѣніемъ относившійся къ пошлости, онъ рѣшительно не могъ удержаться отъ сарказмовъ, а институтское начальство, по своему совершенному невѣжеству, представляло для этого широкое поле.

Въ то время, о которомъ я говорю, Ушинскій уже пользовался большою извѣстностью въ обществѣ: его остроумныя замѣчанія, мѣткія выраженія и характерные эпитеты о женскомъ персоналѣ Смольнаго ходили по городу и нерѣдко оттуда заносились въ наши стѣны. Какъ отравленныя стрѣлы, вонзались они въ сердца нашего высшаго и низшаго начальства и все большую ненависть возбуждали къ нему. Многіе преданные ему друзья изъ учителей предостерегали его, говоря, что этимъ онъ создаетъ себѣ особенно много враговъ, которыхъ и безъ того достаточно у него вслѣдствіе его реформаторской дѣятельности.

Наконецъ, начальство почувствовало, что настало время не только косвенно задѣвать Ушинскаго, нападая на учителей, и начало распускать лично о немъ всевозможныя клеветы. Мы, воспитанницы, слышали объ обвиненіяхъ, сыпавшихся на него, но они доходили до насъ въ такой неопредѣленной формѣ, что мы не могли составить себѣ ни малѣйшаго представленія о борьбѣ, которую ему пришлось вынести.

Уже послѣ выпуска, когда онъ однажды посѣтилъ меня, я въ присутствіи нѣсколькихъ его знакомыхъ просила разсказать намъ, въ чемъ обвиняло его институтское начальство и почему ему такъ скоро пришлось оставить институтъ. Константинъ Дмитріевичъ началъ свой разсказъ довольно спокойно, но скоро пришелъ въ крайне нервное возбужденіе, а черезъ нѣсколько минутъ бросалъ уже отрывочныя фразы и, наконецъ, со словами «не могу!» совсѣмъ умолкъ. Съ тѣхъ поръ я боялась безпокоить его тою же просьбою.

Вотъ что я могла узнать по этому поводу, какъ отъ него самого, такъ и отъ близкихъ къ нему учителей, которымъ онъ тоже кое-что сообщалъ объ этомъ.

Когда онъ узналъ, какъ классныя дамы стараются своими «фокусами и мелочною пошлостью» раздражать учителей, онъ убѣдительно просилъ ихъ не обращать на это ни малѣйшаго вниманія. И они дѣйствительно твердо держались даннаго ему слова. Но вотъ однажды М. И. Семевскій пришелъ разсказать ему объ описанномъ выше инцидентѣ съ нимъ. Ушинскій взглянулъ на это, какъ на простое недоразумѣніе. Онъ смотрѣлъ на инспектрису, какъ на единственную образованную, умную и порядочную женщину въ нашемъ институтѣ; къ тому же, она всегда выражала сочувствіе его реформамъ. Правда, въ бесѣдахъ съ нимъ она соглашалась далеко не со всѣми его взглядами на воспитаніе, но тѣмъ болѣе Ушинскій вѣрилъ въ искренность ея сочувствія. Когда онъ узналъ о скандалѣ, устроенномъ ею М. И. Семевскому, онъ не могъ до-

пустить, чтобы инспектриса, безъ всякой причины, могла ошельмовать человѣка, и рѣшилъ, что, вѣроятно, она вынуждена была спѣшно увести куда-нибудь воспитанницъ. Но когда черезъ нѣсколько дней получено было мое письмо, онъ понялъ, что ошибся. Онъ отправился къ инспектрисѣ и заявилъ ей, что если она еще разъ, не провѣривъ надлежащимъ образомъ обвиненіе классныхъ дамъ относительно учителей, найдетъ необходимымъ нанести кому-нибудь изъ нихъ оскорбленіе и тѣмъ лишитъ воспитанницъ лекціи, онъ немедленно же оставитъ институтъ.

Вѣроятно, инспектриса, переговоривъ объ этомъ съ начальницей, не нашла возможнымъ тотчасъ же довести свое дѣло до конца; вслѣдствіе этого и меня съ Ратмановой рѣшено было оставить въ покоѣ, но свою борьбу съ Ушинскимъ онѣ не прекратили. Хотя въ одномъ изъ писемъ къ императрицѣ, скоро послѣ введенія учебной реформы, Леонтьева хорошо аттестуетъ ей Ушинскаго и новыхъ учителей, но такъ необходимо было ей это тогда, а затѣмъ настали другія времена. Въ наиболѣе острый періодъ раздоровъ между нею и Ушинскимъ, что происходило въ концѣ третьяго и послѣдняго года его инспекторства, начальница все чаще намекала ему на то, что избранные имъ учителя оказались людьми невоспитанными. Но этимъ она не ограничилась и начала задавать ему вопросы, то подъ личиною добродушія, то не скрывая ироніи, что учителя, можетъ быть, и введены были имъ съ цѣлью пропагандировать опасныя и вредныя идеи. Еще чаще она упрекала его за то, что онъ, по ея словамъ, подкапывается подъ устои моральнаго институтскаго воспитанія, стараясь выбросить за бортъ, какъ ненужный хламъ, всю женственность, скромность и другія характерныя особенности, составляющія главный фундаментъ воспитанія молодой дѣвушки. Особенно возмущало это ее потому, что нравственныя основы институтскаго воспитанія поддерживались и одобрялись послѣдовательно всѣми императрицами. Она никогда не хотѣла прямо сказать, что она подразумѣвала подъ этимъ обвиненіемъ, и Ушинскій объяснялъ его только тѣмъ, что лекціи учителей, послѣ реформы, приняли характеръ дружескихъ бесѣдъ между ними и ученицами,—другихъ преступленій онъ за собою не зналъ. Раздражало начальницу и то, что Ушинскій открыто стремился къ уничтоженію власти классныхъ дамъ. По этому поводу она объяснялась болѣе опредѣленно и говорила ему, что святое значеніе классной дамы, какъ воспитательницы, онъ рѣшилъ свести на роль простого сторожа и привратника. Этихъ «уважаемыхъ» наставницъ, по ея словамъ, онъ, Ушинскій, обрывалъ, обращался съ ними надменно и тѣмъ ронялъ ихъ авторитетъ передъ воспитанницами. Ушинскій отрицалъ надменность въ обращеніи съ ними, но настаивалъ на томъ, что ихъ педагогическая система приноситъ воспитанницамъ огромный вредъ, и указывалъ на злоупотребленія ими своею властью. Сильно уязвляло самолюбіе Леонтьевой также

и то, что Ушинскій осмѣлился ломать и передѣлывать на свой ладъ не только учебныя программы, для чего онъ, по ея словамъ, былъ призванъ, но обычаи и нравы, установившіеся въ институтѣ, забывая, что нравственное воспитаніе поручено ей, одной только ей, какъ члену совѣта и какъ начальницѣ, утвержденной императрицею.

Были и недоразумѣнія, начавшіяся съ момента введенія реформъ, но тогда они смягчались уступчивостью съ той или съ другой стороны, впослѣдствіи же они сильно обострились. Когда учебныя программы были утверждены, ученицъ пришлось распредѣлять по классамъ: лучшія изъ нихъ были назначены въ седьмой, высшій классъ, а слѣдующихъ за ними, весьма значительную группу воспитанницъ, Ушинскій не находилъ возможнымъ оставить въ институтѣ, такъ какъ онѣ оказывались не только совершенно невѣжественными по всѣмъ предметамъ пройденнаго курса, но между ними находилось не мало безграмотныхъ, даже плохо читавшихъ по-русски. Начальница настаивала на томъ, чтобы Ушинскій все-таки оставилъ ихъ въ институтѣ, а онъ находилъ, что имъ волею неволею приходится явиться жертвами до невѣроятности неудовлетворительной системы прежняго образованія. Онъ доказывалъ, что эти дѣвушки, несомнѣнно, могли бы еще многому научиться, но только въ томъ случаѣ, если бы ихъ образованіе и умственное развитіе начато было съ обученія первоначальной грамотѣ и предметамъ элементарнаго курса младшаго класса. Между тѣмъ, вслѣдствіе ихъ возраста, онъ не имѣетъ права посадить ихъ въ младшій классъ, а можетъ устроить для нихъ лишь особую параллель седьмого класса. Если въ ней будутъ читать даже сокращенный курсъ и, насколько возможно, популярный, то, по мнѣнію Ушинскаго, и изъ этого для воспитанницъ не будетъ никакой пользы. Онѣ не только ничего не усвоили за все время своего воспитанія, но, не работая головой въ продолженіе всего юнаго возраста, притупили свои способности, и не будутъ въ состояніи воспользоваться даже упрощеннымъ курсомъ. Однако Леонтьева настояла на томъ, чтобы для нихъ былъ устроенъ параллельный классъ.

Предсказаніе Ушинскаго сбылось: воспитанницы этого класса плохо учились (какъ это ни странно, онѣ сами себя называли «вдовами», и эта кличка такъ и осталась за ними). Передъ ихъ выпускомъ опять возникли пререканія между Леонтьевой и Ушинскимъ, но теперь уже болѣе остраго характера, такъ какъ къ этому времени ихъ отношенія ухудшились. Леонтьева настаивала на томъ, чтобы воспитанницамъ, учившимся въ параллельномъ отдѣленіи, были выданы аттестаты; Ушинскій наотрѣзъ отказался это сдѣлать. Онъ находилъ, что аттестаты могутъ вводить въ заблужденіе родителей, которые, часто только на основаніи ихъ, приглашаютъ дѣвушекъ въ качествѣ преподавательницъ. И воспитанницамъ па-

раллели были выданы лишь свидѣтельства съ обозначеніемъ успѣховъ по каждому предмету, большею частью, весьма плохихъ.

Послѣднимъ моментомъ борьбы между этими двумя лицами было слѣдующее: послѣ окончанія выпускныхъ экзаменовъ, въ началѣ марта 1862 г., имп. Марія Александровна пріѣхала въ Смольный, на Николаевскую половину, раздавать награды. Ушинскій по списку вызывалъ каждую воспитанницу, которой государыня вручала награду. Когда это торжество окончилось, Ушинскій, по институтскому этикету, долженъ былъ моментально раскланяться съ государыней и быстро отойти въ сторону, уступивъ свое мѣсто начальницѣ. Но онъ не имѣлъ объ этомъ ни малѣйшаго понятія и продолжалъ стоять на своемъ мѣстѣ. Государыня заговорила съ нимъ и въ то же время отправилась привѣтствовать воспитанницъ, выстроенныхъ по классамъ. Ушинскій слѣдовалъ за ней, отвѣчая на ея вопросы. Для людей, не посвященныхъ въ нравы института, въ этомъ не было ничего особеннаго: императрица подходитъ къ воспитанницамъ то одной, то другой группы, произноситъ слова привѣтствія, а когда идетъ далѣе, продолжаетъ разговоръ съ инспекторомъ. Но институтское начальство находило, что честь сопровождать императрицу принадлежитъ только начальницѣ: Леонтьева дрожала отъ волненія, а классныя дамы, усматривая въ поведеніи Ушинскаго величайшее оскорбленіе, нагло нанесенное ихъ начальницѣ, подошли къ членамъ совѣта, присутствовавшимъ здѣсь, и просили ихъ довести до свѣдѣнія императрицы о «наглой продѣлкѣ» Ушинскаго. Выпускныя воспитанницы Николаевской половины, стоявшія поблизости и слышавшія весь разговоръ, были имъ возмущены, толпой двинулись къ любимому инспектору и при государынѣ выразили ему свою благодарность за его труды и заботы о нихъ. Государыня обратила на это вниманіе и сказала, что ее трогаютъ добрыя чувства воспитанницъ къ людямъ, потрудившимся на ихъ пользу.

Послѣ этого положеніе Ушинскаго въ институтѣ сдѣлалось невыносимымъ: на него не только посыпались клеветническія обвиненія, но полетѣли даже доносы, на которые ему пришлось давать оффиціальныя объясненія. Пунктовъ обвиненія оказалось такъ много, что на составленіе оправданія потребовалось почти двое сутокъ, которыя Ушинскій провелъ, лишь изрѣдка вставая съ мѣста. Когда онъ кончилъ работу, кровь хлынула у него горломъ, а на слѣдующій день онъ всталъ съ постели страшно посѣдѣвшимъ. Въ концѣ того же марта мѣсяца 1862 г., ровно черезъ три года послѣ своего инспекторства, Ушинскій подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы въ Смольномъ. Вмѣстѣ съ нимъ, кромѣ двухъ-трехъ, вышли и всѣ преподаватели, введенные имъ.

Несправедливо было бы утверждать, что вѣчныя дрязги, недоразумѣнія, безсмысленные клеветы и доносы институтскаго на-

чальства были единственными причинами, погубившими здоровье Ушинскаго: оно было слабо у него съ юныхъ лѣтъ, но несомнѣнно, что изъ ряда вонъ тяжелая борьба, которую ему пришлось вести во всѣ три года его инспекторства, въ связи съ необыкновенно напряженною дѣятельностью, дали сильный толчокъ развитію болѣзни легкихъ, которою онъ страдалъ во все время своей послѣдующей короткой жизни. Тяжелая утрата Ушинскимъ сына въ 1870 г. была другимъ роковымъ ударомъ въ его жизни, и онъ умеръ въ томъ же году отъ воспаленія легкихъ, всего лишь 47 лѣтъ.

Моя задача состояла въ томъ, чтобы показать, какой переворотъ произвелъ Ушинскій въ Смольномъ, въ этомъ въ то время совершенно отжившемъ учебно воспитательномъ учрежденіи, и выяснить его вліяніе на ученицъ. Я хотѣла представить эту сторону дѣятельности великаго русскаго педагога потому, что она была лишь намѣчена его біографами, но совсѣмъ не разработана. Но я должна напомнить читателю, что свою громкую славу онъ стяжалъ преимущественно своими замѣчательными трудами на пользу семьи и школы, давъ имъ рядъ книгъ, не только облегчившихъ, но совершенно измѣнившихъ характеръ первоначальнаго обученія. До выхода въ свѣтъ его книгъ дѣтямъ приходилось добиваться грамотности путемъ тяжелаго, часто непосильнаго труда, просиживая за азбукою и слогами, не имѣвшими смысла, по году и болѣе. Этотъ безсмысленный трудъ притуплялъ душевныя силы дѣтей и вырабатывалъ въ нихъ отвращеніе къ ученію вообще. Книги Ушинскаго (3 части «Родного Слова» съ руководствомъ для учителей и «Дѣтскій Міръ») дали возможность приступать съ дѣтьми съ первыхъ уроковъ къ чтенію и письму, выяснять имъ окружающую обстановку и родную природу, вызывая въ нихъ все большую сообразительность и любознательность и давая воспитателямъ огромный матеріалъ для бесѣдъ съ ними. Но этимъ еще не ограничивается огромное значеніе его книгъ: чтеніе ихъ поддерживаетъ въ дѣтяхъ бодрость, живость и веселое расположеніе духа, что имѣетъ огромное значеніе для умственнаго и физическаго развитія дитяти.

Цѣлый рядъ талантливыхъ педагогическихъ статей Ушинскаго, разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ *), большая часть которыхъ послѣ смерти автора была собрана въ одинъ томъ, подъ названіемъ: «Собраніе педагогическихъ сочиненій» К. Д. Ушинскаго и его сочиненіе «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, — опытъ

*) Между прочимъ, и въ журналѣ „Министерства Народнаго Просвѣщенія". Этотъ казенный, сухой органъ во время редакторства Ушинскаго (1860—1861 г.) превратила въ живой педагогическій журналъ, которымъ сильно заинтересовалась публика.

педагогической антропологіи» (въ двухъ томахъ), представлявшій въ то время серьезный научный трудъ, — все же имѣютъ менѣе значенія, чѣмъ его «Родное Слово» и «Дѣтскій Міръ».

Англичанинъ, по имени Блеквель, улучшилъ породу овецъ, что дало возможность сильно увеличить доходъ, приносимый въ Англіи овцеводствомъ. За это соотечественники Блеквеля поставили ему памятникъ. Ушинскій, усилившій духовный прогрессъ своей родины и совершившій полный переворотъ въ первоначальномъ обученіи, давно заслуживаетъ, чтобы ему былъ воздвигнутъ достойный его памятникъ.

Е. Водовозова.

ПРОСТУПОКЪ.

Повѣсть.

V.

Ночь подошла незамѣтно, точно подкралась неуловимо приближающимися шагами. Послѣ недолгихъ сумерекъ все вдругъ сразу же потемнѣло. На морѣ подымался туманъ. Тянуло сыростью, но было все же тепло. Въ сгустившейся тьмѣ вѣяли какія-то необъятныя крылья: это проползали низко нависшія тучи. Самихъ ихъ не было видно въ темнотѣ, — только повсюду скользили, исчезая, отбрасываемыя ими призрачныя тѣни.

Придя домой съ одинокой прогулки, Осокинъ не зажегъ огня и, никѣмъ не замѣченный, тихо сѣлъ въ своей комнатѣ у отвореннаго окна.

Внизу, на крыльцѣ, вырисовывались двѣ неясныхъ фигуры. Въ одной изъ нихъ, по наброшенному на плечи бѣлому платку, Осокинъ безъ труда узналъ Елену Павловну. Другой силуэтъ почти совсѣмъ сливался съ мракомъ. Но Осокинъ не обратилъ на него никакого вниманія: онъ уже зналъ напередъ, что это можетъ быть только Яся.

Обѣ онѣ молчали, прислушиваясь къ тишинѣ. Изъ невидимаго въ туманѣ моря доносились жалобные крики сиренъ, которыми корабли предупреждаютъ другъ друга о своемъ приближеніи.

Начинались они, обыкновенно, гдѣ-нибудь очень далеко, чуть слышнымъ и томительнымъ гудѣніемъ. Ему сейчасъ же откликались другіе все ближе и ближе... и долго потомъ не прекращался этотъ угрюмый, таинственный ревъ, точно невѣдомыя чудовища звали тамъ другъ друга среди тумана.

Осокинъ думалъ о томъ, что люди въ жизни проходятъ равнодушно и безучастно одинъ мимо другого, даже не отзываясь на зовъ того, кто затерялся въ одиночествѣ, тогда

какъ корабли на морѣ, проходя, свѣтятъ другъ другу привѣтливыми сигнальными огнями, а въ черную ночь на нихъ кричатъ эти сирены, какъ бы напоминая о томъ, что и среди морской пустыни всѣ затерянные въ ней не безпомощны и не одиноки...

Ему было грустно, и онъ хотѣлъ скорѣе услышать голосъ Елены Павловны. Но она ничего не говорила.

Тогда Осокинъ сталъ мечтать, какъ онъ больше не будетъ ее видѣть, и тогда все пройдетъ... не останется на душѣ ни этой тяжелой горечи, ни этого ненужнаго и мелочного разочарованія. Онъ снова станетъ свободнымъ, и она быть можетъ, полюбитъ его... Сейчасъ, конечно, ей кажется страннымъ: почему это все такъ случилось?.. Какъ будто бы ни съ того, ни съ сего... Но онъ самъ виноватъ, что она его не поняла... Онъ слишкомъ поторопился и не объяснилъ, что все это не прихоть несуразная и больная... а то большое и свѣтлое чувство, о которомъ онъ давно мечталъ, и которое одно даетъ людямъ настоящее счастье...

Но здѣсь Осокинъ вдругъ вспомнилъ, что ему некуда вѣдь отсюда уйти: онъ долженъ жить вмѣстѣ съ Еленой Павловной, встрѣчаться съ ней каждый день и постоянно видѣть ее передъ своими глазами. Онъ судорожно стиснулъ зубы.

— Быть можетъ, она еще чувствуетъ ко мнѣ состраданіе?..—съ насмѣшливой злобностью промелькнуло у него въ головѣ.—„Несчастная любовь"... „Бѣдный парень"!.. Нѣтъ... *Этого* я не хочу... Пускай лучше... Впрочемъ, что „пускай"?.. Не видѣть ее?.. Но вѣдь никуда не уйдешь... Цѣпью прикованы... Нѣтъ... лучше ужъ не вспоминать объ этомъ... Не думать...

Осокинъ облокотился о подоконникъ и усиліемъ воли постарался отогнать отъ себя навязчивыя мысли.

На секунду стало, какъ будто, легче. Только кажется, что душа внезапно опустѣла... — Что-жъ, пускай... Не думать бы только... О чемъ это онѣ тамъ говорятъ?.. Это она сейчасъ сказала...

Осокинъ безшумно выпрямился въ темнотѣ. Съ крыльца доносился голосъ Елены Павловны.

— Нѣтъ, Яся, я совсѣмъ не согласна съ вами. По моему, если ужъ жить, такъ надобно жить, чтобы послѣ было о чемъ вспомнить... А иначе какой же смыслъ?.. Проживешь сто лѣтъ, а назадъ оглянешься — ничего-то хорошаго тамъ нѣтъ... все только дни да ночи, а вокругъ темно.. Вѣдь безъ воспоминанія и жизни никакой быть не можетъ... Вообразите себѣ, если бы человѣкъ все вдругъ забывалъ, что съ нимъ происходитъ... Я думаю—это было бы ужасно... Это значило бы сократить жизнь до степени мгновенья... А въ

мгновеніи вѣдь даже и не живешь... чувствуешь только, или ощущаешь... Жизнь—въ сознаніи, въ воспоминаніи... Чѣмъ больше накоплено воспоминаній подъ старость лѣтъ, тѣмъ, значитъ, и жизнь богаче прожита... А такъ... изо дня въ день... Нѣтъ, лучше ужъ и жизни мнѣ никакой не надо!..

— А вы развѣ долго еще собираетесь жить?..—въ тонѣ Яси проскользнула едва уловимая насмѣшка.

— Не смѣйтесь, Яся... Я правду говорю... Я смерти очень боюсь, т. е. не то, чтобы боюсь, а мнѣ... ну... понимаете: я жить очень еще хочу! А тутъ вдругъ что-то невѣдомое, холодное... Брр... даже подумать непріятно!.. Ну, а такъ, вообще, пожалуй, я бы жить долго не хотѣла...

— Это почему же такъ?..

— А очень просто. Я чувствую, что могу и сумѣю ярко сгорѣть... Но теплиться, какъ неугасимая лампадка, я не въ силахъ... Жить, по моему — это, значитъ, горѣть... И чѣмъ дольше прогоришь, тѣмъ, значитъ, лучше и для тебя, и для другихъ... А я... видите-ли, Яся... я вотъ на длительный-то подвигъ, пожалуй, что и не способна!.. Кто во мракѣ одинокой звѣздочкой свѣтитъ—тотъ герой, и ему молиться надобно... Мнѣ же нужно сразу—а то, быть можетъ, я послѣ ослабну и упаду... А, упавши разъ, подыматься-то... ой-ой, какъ трудно!.. Смотришь: еще разъ споткнулся—а тамъ, пожалуй, и совсѣмъ не встать... Затянетъ потихоньку да полегоньку въ тину мелкую, въ житейскую грязь... Потускнѣютъ мечты, желанія куда-то по торной дорожкѣ побѣгутъ... И совсѣмъ не то будетъ, что въ началѣ хотѣло быть... А для меня это даже хуже смерти!..

Елена Павловна замолчала. Изъ хозяйской квартиры послышался печальный и жалобный вздохъ. Вслѣдъ затѣмъ жена дьякона запѣла вполголоса какую-то заунывную грузинскую пѣсню, укачивая своего послѣдняго младенца. Незнакомыя слова задумчиво и странно зазвучали изъ темныхъ оконъ. Черная ночь подхватывала ихъ снаружи и уносила въ свою притаившуюся тишину. Во мракѣ было жутко и безмолвно.

— Колыбельную пѣсню поетъ,—замѣтила Яся послѣ недолгаго молчанія.

— Да, поетъ... — какъ-то лѣниво отозвалась Елена Павловна и сейчасъ же оживилась:—Ну вотъ, Яся... Вы только посмотрите: развѣ же это жизнь у нея?.. Цѣлый день она раба своихъ дѣтей, а вечеромъ надобно скорѣе ложиться, чтобы завтра чуть свѣтъ для того же самаго встать!.. И такъ всегда... Для чего же все это?.. Она вѣдь красавица была... Это и сейчасъ замѣтно.. Куда же и на что ушли силы?. Незамѣтно и постепенно... и вдругъ смотришь—нѣтъ ничего!..

Вы знаете, Яся, она вѣдь за него по любви пошла... цѣлая драма: ее родные не хотѣли отдавать... онъ укралъ ее ночью... Влѣзъ въ окошко и прямо съ постели умчалъ на конѣ... За ними гнались, имъ вслѣдъ стрѣляли... Женихъ отвергнутый стрѣлялъ... Онъ, оказывается, всю ночь подъ ея окнами караулилъ, да какъ-то въ рѣшительную минуту не углядѣлъ... Ну, и что же получилось изъ всего?.. Гдѣ прежнее?.. Неизвѣстно... А впереди все сѣро... Настоящее же тянется, какъ сумеречный день... Теперь о дѣтяхъ хлопочутъ... ссорятся, ругаются иза-за всякихъ пустяковъ... А потомъ вырастутъ дѣти... Тамара у нихъ съ кѣмъ-нибудь убѣжитъ, и завертится новая машина на старый ладъ!.. Вотъ что страшно мнѣ, Яся!.. Гдѣ же радость и красота нашей жизни?.. Для чего всѣ эти неясные порывы... ожиданіе это... тоскливая грусть... когда послѣ вдругъ — ничего!.. Обидно и непонятно... Потому и хочу я такъ: пускай въ моей жизни будетъ какъ можно больше яркихъ мгновеній!.. Я хочу мчаться во весь опоръ, чтобы духъ захватывало... За одно мгновеніе вихря я цѣлую недѣлю ковылянья отдамъ!.. Вы, Яся, кажется, опять надо мной смѣетесь?.. Скажите: надъ чѣмъ?..

— Да вотъ здѣсь, напримѣръ, у насъ... что же—яркія краски какія-нибудь, что ли?.. Нѣтъ, конечно... Однако же, вы не жалуетесь и не собираетесь бѣжать... Стало быть, дѣло не въ однихъ этихъ „вихряхъ" и „яркихъ мгновеніяхъ", а въ томъ, что есть всецѣло захватившій васъ трудъ—вы имъ заняты, въ него вѣрите, и этимъ полна ваша жизнь... И не надобно вамъ сейчасъ ничего другого... Конечно, если вы увидите, что это васъ не удовлетворяетъ—васъ куда-нибудь еще потянетъ; но покамѣстъ этого нѣтъ, и наша сѣренькая жизнь изо дня въ день для васъ лучше какой-нибудь свѣтской или растительной жизни... Вѣдь правду я говорю?..

— Нѣтъ, Яся!.. Нѣтъ... Я съ вами не согласна... Вы совсѣмъ меня не понимаете... Совсѣмъ... совсѣмъ!.. Тутъ двѣ разныя вещи: одна—общественная жизнь, другая—личная... Хотя та и другая для меня переплетаются настолько тѣсно, что я ихъ иногда не могу различить, но все-таки, Яся... поймите: я смогу въ общественной жизни на задворкахъ сидѣть, я могу дѣлать какую угодно тяжелую и черную работу—мелочного самолюбія у меня и на столько вотъ нѣтъ!.. Тамъ, гдѣ нужно—я и въ самыхъ послѣднихъ рядахъ буду тѣсниться, но это только для чего-нибудь общаго... для личнаго же—никогда!.. Я теперь вотъ живу здѣсь на дачѣ и я знаю напередъ, что ничего захватывающаго въ нашей работѣ не будетъ, но это все нужно для дѣла... Но въ моей душѣ есть двѣ половинки—обѣ онѣ для меня равны... Когда одна изъ нихъ выходитъ изъ равновѣсія,—то и другая тоже...

Яся... хотя сейчасъ ужъ и совсѣмъ темно, но я все же вижу, что вы опять начали улыбаться!.. Смѣйтесь надо мной, сколько хотите, а я вамъ все-таки свое скажу. Посмотрите вокругъ: вездѣ тишина... вонъ тамъ море неслышно заснуло въ туманѣ... А мы съ вами не спимъ еще и, какъ будто, чего-то ждемъ... Чего же, спрашивается? Одной декораціи, оказывается, не хватаетъ... Хочется, чтобы эта загадка ночи въ нашемъ сердцѣ огненнымъ словомъ отозвалась... Хочется узнать, наконецъ, эту тайну!.. Для того и прекрасно все такъ... И тучи невидимыя бѣгутъ, и море дремлетъ въ туманѣ... Развѣ же можно на красивую ночь безъ грусти смотрѣть?.. А почему?.. Потому, что душа все время ищетъ отвѣта... Скажите, Яся: вы любили когда-нибудь?..

Яся невольно вздрогнула отъ этого внезапнаго вопроса.

— Н...нѣтъ!.. То есть, въ какомъ, собственно, смыслѣ?.. Не знаю...—Голосъ Яси прозвучалъ въ темнотѣ неувѣренно и смущенно. Елена Павловна засмѣялась.

— Какая вы скрытная!.. Но напрасно вы думаете, что у меня плохое зрѣніе...

— Т. е... какъ это?..

— Ну да ладно ужъ... ладно!.. Будетъ притворяться... Я не стану больше настаивать... Разъ человѣкъ начинаетъ отвѣчать на вопросъ вопросомъ—значитъ, онъ къ откровеннымъ изліяніямъ не расположенъ... Ну, что-жъ?.. Давайте помолчимъ немножко... Послушаемъ, какъ хозяйка младенца укачиваетъ... Кстати: вамъ не кажется, что этотъ мотивъ на колыбельную пѣсню, какъ будто, не совсѣмъ похожъ?.

— Да... странный онъ какой-то... Томительный...

Осокинъ, невидимый, продолжалъ сидѣть у окна. Глаза его не отрывались отъ смутно виднѣвшагося въ темнотѣ знакомаго силуэта. Поднимался вѣтеръ. Море тихо начало всплескивать среди тишины. У дьякона горѣлъ огонь, и изнутри на освѣщенныхъ окнахъ двигались безформенныя тѣни. Жалобная пѣсня неожиданно оборвалась...

— Скажите, Елена,—волнуясь и стараясь скрыть свое волненіе, заговорила Яся,—какого мнѣнія вы держитесь объ... т. е... я хотѣла сказать, что вы думаете... Однимъ словомъ, каковъ, по вашему, Осокинъ?..—Она замолчала и сейчасъ же хотѣла еще что-то добавить, но, очевидно, раздумавъ, кашлянула нѣсколько разъ искусственно и неумѣло.

Елена Павловна осталась сидѣть неподвижно. Осокинъ впился пальцами въ подоконникъ, какъ бы желая слиться съ нимъ и исчезнуть... Какія-то фантастическія искры замелькали въ мозгу. Ему показалось, что за словами Яси наступила вѣчность. Прошло нѣсколько секундъ.

— Осокинъ?

Тихо и небрежно произнесенное Еленой Павловной его имя отозвалось въ немъ, какъ рѣзкій ударъ. Онъ съежился на своемъ стулѣ и замеръ... „Сейчасъ... сейчасъ!.. Или уйти“?..— Что то смутное заскользило въ сознаньи и снова провалилось.—„Узнаю... Уйду... Нѣтъ... Ну... только бы поскорѣе!..“

— Осокинъ?..—еще разъ въ раздумьи повторила Елена Павловна.—Какъ вамъ сказать?.. Видите-ли, Яся... Я хочу быть съ вами вполнѣ откровенной...

— Что, Елена Павловна, мужа вышли на крыльцо поджидать?..—Полоса свѣта на мгновеніе разрѣзала темноту, и высокая фигура жены дьякона неожиданно выросла въ отворенныхъ дверяхъ на порогѣ. Двери захлопнулись. Осокинъ угрюмо облокотился на подоконникъ. Ему вдругъ стало неинтересно слушать.

— Пойду и я съ вами посижу... Устаешь за день-то съ дѣтьми... Силъ нѣту...

— Присаживайтесь, Тамара Георгіевна... Очень рада!.. А мы тутъ съ Ясей на небо глядимъ, да только тамъ ничего не видно...

— Охъ... охъ... должно быть, завтра дождикъ будетъ... Все тучками заволокло... А мой дьяконъ въ городѣ засидѣлся... У Гаврилова онъ... Лавочника богатаго знаете?.. Одна я сейчасъ. Дѣти спать легли... Ну, а вашъ то Николай Егорычъ гдѣ?.. Темно у него въ комнатѣ... Можетъ, отдыхаетъ?..

— Не знаю, право... Кажется, онъ еще не возвращался съ прогулки. А если пришелъ, то, навѣрное, подъ дубомъ сидитъ... Любимое мѣсто...

— Зачѣмъ же ему одному тамъ сидѣть?.. Одному скучно...

— Да онъ это не для веселья... Ему думать надобно... Работы свои обдумываетъ—ну, а я ему, конечно, мѣшаю...

— Такъ... такъ... А все же... какъ же это... безъ жены?..

— А что же вашъ дьяконъ?.. Зачѣмъ онъ васъ съ собой въ гости не взялъ, а одну дома оставилъ?..

— Такъ я другое дѣло. У меня дѣти. А у васъ на плечахъ никакой обузы нѣтъ... Вы люди свободные, молодые...

— Всяко бываетъ, Тамара Георгіевна!.. А ты бы, Яся, на самомъ дѣлѣ, пошла бы... позвала барина, если онъ подъ дубомъ замечтался... Скажи ему: барыня, молъ, сердится, что съ ней не хотите сидѣть... А послѣ накрой ужинать: я проголодалась...

Яся безшумно поднялась и, пройдя нѣсколько шаговъ, затерялась въ темнотѣ.

Осокинъ, не желая попасть въ непріятное положеніе, если бы его случайно замѣтили у окна, хотѣлъ лечь въ

постель и притвориться спящимъ, но въ этотъ моментъ Елена Павловна снова заговорила. Онъ остался...

— Скажите, Тамара Георгіевна, что это вы такое сейчасъ пѣли? Грузинскую колыбельную пѣсню?..

Хозяйка смущенно засмѣялась.

— Ну, вотъ, Елена Павловна!.. И зачѣмъ вы только спрашиваете!.. Просто мнѣ даже стыдно стало...

— Это почему?..

— Да насчетъ пѣсни... Не колыбельная она... Совсѣмъ даже наоборотъ... На старости лѣтъ пришло въ голову... Смѣшно подумать...

— Не скромничайте, пожалуйста, Тамара Георгіевна... Какая вы тамъ старуха!.. Вамъ, должно быть, хочется комплиментъ отъ меня получить?.. А все же, что это за пѣсня? Любовная?.. Да?..

— Ее у насъ въ Грузіи поютъ. Знаете, когда молодые люди влюбляются и скучаютъ... Такъ вотъ тогда... Очень подходящія слова... И мотивъ печальный...

— Вотъ какъ!.. Вы, оказывается, прежнее вспоминали...

— Скучно мнѣ сдѣлалось... — Хозяйка произнесла эти слова какъ то неувѣренно, точно извиняясь. — Одна была... Дѣти спятъ... Ночь такая теплая... Вотъ и пришло само... Это мнѣ дьяконъ раньше пѣлъ... У него хорошій былъ голосъ, а теперь испортился... Свѣтлый такой... чистый... Хорошо онъ пѣлъ... очень хорошо...

Она умолкла и чуть слышно стала напѣвать ту же мелодію, тихонько раскачиваясь въ тактъ и подперевъ голову руками. Елена Павловна не шевелилась.

— Какія слова?.. Скажите мнѣ...—донеслось до Осокина оттуда, гдѣ виднѣлось среди мрака бѣлое пятно платка. — Я мотивъ уже, кажется, уловила...

— Ну, вотъ слушайте:

Бахши варды—рат ми́нда мэ...
Кипариси—рат минда мэ?..

— Что это значитъ?—перебила ее Елена Павловна.

— Я вамъ ужъ лучше по русски разскажу. Понимаете: жалуется человѣкъ, что все ему скучно, и не надо ему ничего... Въ саду роза, говоритъ, зачѣмъ мнѣ?.. Стройный кипарисъ—зачѣмъ мнѣ?.. Ахъ! говоритъ,—глаза... глаза!.. Черные глаза!..—Это только длинная пѣсня. Я и не всѣ слова помню...

Елена Павловна сейчасъ же запѣла, удачно повторяя мотивъ грустнаго и монотоннаго речитатива.

— Въ саду роза—зачѣмъ мнѣ?..—Какъ дальше?.. Дальше

какъ?..—нетерпѣливо оборвала она пѣсню.— Забыла дальше...

— Стройный кипарисъ,—мгновенно оживляясь, подхватила хозяйка,—зачѣмъ мнѣ?.. Вѣрно... вѣрно... Очень хорошо.. Какъ это вы такъ скоро научились? Прямо удивительно...

— Вы находите?.. — Елена Павловна засмѣялась. — Эхъ, Тамара Георгіевна!.. Если бы мнѣ только, какъ слѣдуетъ, можно было пѣть...

— А кто же вамъ мѣшаетъ?..

— Учиться надобно долго, а я не могу...

— Развѣ Николай Егорычъ не позволяетъ?

— Николай Егоровичъ тутъ ни при чемъ... Жизнь ужъ такъ складывается, что нельзя... А что тамъ Николай Егорычъ!..

— Все таки мужъ. Отъ мужа зависитъ...

— Мужъ! Я бы ни на какого мужа не посмотрѣла, если бы не другія обстоятельства... Э, да что тутъ толковать...

Елена Павловна порывисто бросила съ себя свой бѣлый платокъ на колѣни.

— Жарко какъ!.. А красивая эта ваша пѣсня!.. Сколько тоски въ ней... Я красивую тоску очень люблю... Скажите, Тамара Георгіевна, вамъ не жаль, что теперь уже все перемѣнилось?..

— Что „перемѣнилось?..“

— Да это все... Ну, понимаете: вотъ раньше, когда вы еще дѣвушкой были... вамъ чего-то отъ жизни свѣтлаго ждалось... Вы все думали про себя: вотъ придетъ оно... вотъ придетъ... А на самомъ дѣлѣ ничего не пришло, и вы теперь уже съ грустью вспоминаете про то свое прежнее ожиданіе... Оно-то, оказывается, и было тѣмъ свѣтлымъ, чего вы такъ ждали всегда...

— Не понимаю я васъ, Елена Павловна... Что вы хотите этимъ сказать? Про кого?..

— Ничего, Тамара Георгіевна... Это я такъ... не обращайте вниманья!.. Скучно мнѣ — вотъ и болтаю всякій вздоръ...

— Скучно? Да... это вѣрно. Я и то всегда думала, что вы должны здѣсь скучать...

— „Въ саду роза—зачѣмъ мнѣ?.. Стройный кипарисъ—зачѣмъ мнѣ“?.. Да, хорошо это сказано... Ну къ чему-же, на самомъ дѣлѣ, вся эта красота, когда тотъ, кого любишь, не съ тобой сейчасъ, а гдѣ-нибудь далеко... за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ!.. Не правда ли?..

Хозяйка отвѣтила не сразу. Помолчавъ немного, она неожиданно нагнулась къ Еленѣ Павловнѣ.

— Скажите мнѣ, Елена Павловна... Мы вѣдь женщины

съ вами,—долетѣлъ до Осокина ея осторожно пониженный шёпотъ.—Вы, должно быть, не любите Николая Егоровича... Да и не пара онъ вамъ... Какой ужъ изъ него мужъ!.. А вы женщина молодая...

Осокинъ судорожно затаилъ дыханіе. Но Елена Павловна ничего не сказала.

На лѣстницѣ послышались поднимающіеся шаги.

— А... чортъ!—мысленно выругался Осокинъ по адресу Яси. Онъ отскочилъ отъ окна и поспѣшно улегся на кровать. Въ этотъ моментъ голосъ Елены Павловны зазвучалъ снаружи. Но Осокинъ разслышать ея отвѣта не успѣлъ: дверь скрипнула, и Яся смутной тѣнью появилась среди темноты.

— Осокинъ!.. Вы здѣсь?..

— Здѣсь,—нехотя отозвался Осокинъ.

— Отчего вы лежите?.. Вы больны?..—въ голосѣ Яси послышалась плохо-скрываемая тревога. Она отдѣлилась отъ дверей и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, нерѣшительно остановилась.

— Абсолютно здоровъ... Вамъ что-нибудь надо?..

— Я васъ вездѣ искала... Я думала, вы еще не пришли...

— Если вы думали, что я еще не пришелъ, то зачѣмъ же вы меня искали?..

Осокинъ приподнялся на локтѣ.

— Уйди отсюда!.. Чего торчишь?.. Ты мнѣ слушать мѣшаешь...—мучительно хотѣлось сказать ему въ эту минуту. Но онъ сдержалъ себя и только еще разъ повторилъ:—Зачѣмъ вы меня искали?..

Яся молчала. Въ отворенное окно глухо доносились голоса Елены Павловны и хозяйки. Осокинъ напряженно пытался уловить, о чемъ они говорятъ?.. Но слова ихъ сливались въ какое-то тихое гудѣнье. Онъ вздохнулъ и легъ навзничь. Яся приблизилась еще на шагъ.

— Что съ вами, Осокинъ?..

— Я хочу, чтобы меня оставили въ покоѣ!..

— Хорошо... Я сейчасъ уйду... Я только пришла вамъ сказать, что мы будемъ черезъ нѣсколько минутъ ужинать.

— Я не буду...

— Вы больны?..

— У меня египетская чума и азіатская холера!.. Я уже издохъ...

— Не понимаю, что такое съ вами творится. Раньше вы не были такой...

Яся постояла еще немножко и медленно удалилась, притворивъ за собой двери.

Осокинъ порывисто бросился опять къ окну.

— Это вамъ только такъ кажется,—говорила на крыльцѣ Елена Павловна хозяйкѣ,—увѣряю васъ...

— Можетъ быть... Можетъ быть... Не смѣю спорить... Но вотъ и мой дьяконъ пришелъ... Спокойной ночи!..

— Спокойной ночи, Тамара Георгіевна!..

Хозяйка грузно поднялась со ступенекъ.

— Ночь-то какая!.. Жаль въ комнату уходить... Такъ бы все и сидѣла здѣсь до самаго утра...

— Безполезное занятіе... Тамъ васъ отецъ дьяконъ ждетъ...

— Да и васъ, я думаю, Николай Егорычъ дожидается... Ха-ха-ха! Ну, такъ я, значитъ, пошла...

Мелкіе камешки, которыми былъ усыпанъ дворъ, отрывисто захрустѣли подъ ея ногами. Елена Павловна выпрямилась во весь ростъ.

— Тамара Георгіевна!..—позвала она.

Хрустѣнье остановилось.

— Что вамъ?..

— Скажите: какъ будетъ по грузински „мой милый"?..

— Это вамъ зачѣмъ?.. Нашъ языкъ хотите учить?..

— Да... хочу!.. Скажите!..

— Мой милый по грузински будетъ: „чэмо карго"...

— Спасибо!.. Теперь буду знать...

— Не на чемъ, Елена Павловна!.. До свиданія...

Снова ослѣпительно рѣзкая полоса свѣта изъ распахнутыхъ среди ночи дверей, и снова все густо заливается нахлынувшимъ отовсюду мракомъ. Черныя облака тихо и торжественно плывутъ наверху. На морѣ чуть колышется бѣлѣющая полоса тумана. Плещутъ невидимыя волны... Далекій крикъ сирены непрерывно и тягостно гудитъ...

— Чэмо карго!..—Елена Павловна задумчиво повторяетъ эти странно звучащія, чужія слова, и Осокину кажется, что они полны для нея сейчасъ какого-то близкаго, ей одной лишь понятнаго значенія...

— Чэмо карго!..—Она стоитъ еще нѣсколько секундъ, какъ бы въ ожиданіи, потомъ поворачивается и начинаетъ подниматься по крыльцу. Бѣлый платокъ исчезаетъ: въ саду остается одна лишь непроглядная темнота...

Осокинъ, крадучись, какъ воръ, отходитъ къ своей кровати. Онъ вынимаетъ папиросу и хочетъ найти спички, чтобы закурить, но руки его дрожатъ какъ-то странно и непривычно, покамѣстъ онъ шаритъ ими по карманамъ...

Спички онъ вынулъ оттуда уже давно и сейчасъ же забылъ объ этомъ. Онѣ лежатъ рядомъ съ нимъ на подушкѣ: Осокинъ же все ищетъ ихъ и не находитъ. Потомъ онъ окончательно убѣждается, что гдѣ-то ихъ забылъ или

потерялъ, поправляетъ подушку, при чемъ коробка съ легкимъ стукомъ падаетъ оттуда на полъ, и ложится, закинувъ руки за голову, съ устремленными въ одну точку глазами...

Колеблющаяся тьма стѣной возвышается передъ нимъ. Сбоку, гдѣ должно быть окно, тускло свѣтится продолговатый четырехугольникъ... Изъ сосѣдней комнаты слышны шаги и разговоръ Елены Павловны съ Ясей.

— Теперь понятно!.. Все понятно теперь!..—съ тупымъ отчаяніемъ думаетъ Осокинъ.—Она любитъ кого-то... Это ясно, какъ божій день... Но кого?..

VI.

Третьи сутки уже продолжалась буря. Небо было задернуто сѣрой дымкой тусклыхъ и непрерывно бѣгущихъ облаковъ, которыя сливались вдали съ чернѣющей линіей горизонта. Тревожно и порывисто дулъ вѣтеръ. Огромныя волны бросались на вздрагивавшій подъ ихъ ударами берегъ. Онѣ заливали его далеко за черту обычнаго прибоя, вымывшаго вдоль берегового изгиба глубокія, тянущіяся полосы. Теперь на ихъ мѣстѣ уже не осталось никакихъ слѣдовъ—все было покрыто буйно кипящей, разсыпающейся клочьями пѣной... Мелкіе камешки, грудами лежавшіе на берегу, стремительно катились внизъ, вслѣдъ за захватывающимъ ихъ мутнымъ потокомъ. Шорохъ, который они производили, двигаясь и прыгая одинъ черезъ другого, точно живые, придавалъ монотонному грохоту волнъ какую-то странную торопливость... Моросилъ мелкій дождикъ. Море около берега казалось почти желтымъ отъ песка и тины, взбаломученныхъ бурею со дна, другая же часть его была ярко-зеленой...

Она рѣзко отдѣлялась отъ первой и переходила дальше въ темный, загадочно-мглистый просторъ, по которому свободно бѣжали, подгоняемые вѣтромъ, валы, и бѣлѣли на фонѣ свинцоваго неба ихъ косматые гребни... Горы закутались въ непроницаемый, пасмурный туманъ. Еще почти совсѣмъ оголенныя и недавно лишь начавшія зеленѣть, вершины пирамидальныхъ тополей жалобно раскачивались изъ стороны въ сторону. Низкорослый прибрежный кустарникъ лоснился и блестѣлъ отъ упорно сѣявшихъ въ влажномъ воздухѣ мельчайшихъ дождевыхъ капель. Надвигались сумерки, хотя до вечера еще оставалось много времени. На берегу было холодно и пустынно...

— Она, кажется, налѣво прошла...—шепталъ про себя Осокинъ, раздвигая расцарапанными въ кровь руками мокрые, колючіе кусты и не обращая вниманія на сыплющіяся

ему въ лицо съ вѣтвей холодныя брызги...—Вотъ она!.. Теперь уже дальше никуда не пойдетъ...

Онъ машинальнымъ жестомъ снялъ очки и протеръ платкомъ запотѣвшія стекла.

— Что она хочетъ дѣлать?.. Остановилась зачѣмъ-то... О чемъ думаетъ она?.. Подойду...

Осокинъ вышелъ изъ своихъ кустовъ и направился къ молодой дѣвушкѣ неувѣренными шагами. Она продолжала стоять къ нему спиной. Подойдя ближе, Осокинъ услышалъ, что она поетъ. Но слова и мелодію уносило вѣтромъ туда, гдѣ шумѣли, разбиваясь о берегъ, разъяренныя волны...

— Елена Павловна!..—крикнулъ Осокинъ.

Она не двигалась. Въ этотъ моментъ гигантская волна одиноко поднялась надъ всѣми остальными и обрушилась на камни, какъ снѣжный обвалъ. До самыхъ ея ногъ добѣжали рѣзвые потоки пѣны.

Елена Павловна не шевелилась. На секунду, какъ будто, все стихло.

„Вѣтромъ полный... парусъ мой направлю я"... — долетѣлъ до Осокина неясный обрывокъ пѣнія. Хлынула новая волна... за ней еще, и еще... и опять ничего не стало слышно въ тяжеломъ шорохѣ и плескѣ.

Осокинъ остановился. Ея фигура, въ неизмѣнномъ бѣломъ платкѣ, съ завязанными за спиной концами, виднѣлась передъ нимъ среди сумеречной мглы, какъ большая птица, наклонившаяся къ кипящимъ волнамъ въ ожиданіи полета. Порывы вѣтра шевелили вокругъ непокрытой головы пряди вьющихся, темныхъ волосъ, прихотливо выбившихся изъ прически... Осокину казалось, что они пляшутъ какой-то безумный, загадочно зовущій танецъ...

Воздушныя кольца падали и разлетались... Торчащіе сзади концы платка тихо вѣяли, похожіе на свернутыя крылья...

— Сейчасъ... или никогда!.. — съ тоскливой ясностью промелькнуло въ головѣ. Осокинъ шагнулъ впередъ и очутился рядомъ. Елена Павловна полуобернулась.

— Ахъ, это опять вы!..—сказала она безъ всякаго удивленія. Презрительная усмѣшка неуловимо и остро пробѣжала по ея тонкимъ губамъ.—Что вы всюду вырастаете передо мной изъ-подъ земли, точно тѣнь отца Гамлета?.. Чего вамъ надобно отъ меня, наконецъ?..

— Я не выростаю... Я просто хожу...—Вызывающая дерзость хмелемъ бросилась ему въ голову.—Я не тѣнь... Я самъ по себѣ... Поступаю по собственному усмотрѣнію...

— Очень жаль, если ваше усмотрѣніе не идетъ дальше

подглядыванія и неотступнаго слѣдованія за мной по пятамъ...

— А почему вы думаете, что я слѣдую непремѣнно за вами?.. Можетъ, мнѣ самому нравится по этимъ мѣстамъ ходить?..

— Я только что видѣла, какъ вы прятались позади меня за кустами...

— А если мнѣ хочется въ краснокожихъ индѣйцевъ играть?.. Скучно мнѣ здѣсь—вотъ я и развлекаюсь...

— Какъ вы сегодня остроумны!.. Но, однако... прошу васъ: избавьте меня отъ вашего общества, или я сейчасъ уйду!..

— Я вамъ и не навязываю своего общества, если оно вамъ такъ непріятно... А берегъ—ничей... Съ какой стати вы одна имѣете право гулять здѣсь?.. А если и я тоже, напримѣръ, желаю?..

— Ну, и гуляйте себѣ на здоровье!..

Елена Павловна круто отошла. Осокинъ бросился за ней и схватилъ за руку.

— Елена!.. Останьтесь... Прошу васъ... На минутку... Я васъ прошу!..

— Зачѣмъ?..—Равнодушные глаза поверхностно скользили по его фигурѣ невидящимъ взглядомъ. Онъ тихо разжалъ свои стиснутые пальцы: ея рука освободилась.

— Вы правы... незачѣмъ!.. Можете идти...

Она снова стала удаляться по направленію къ зеленѣющей стѣнѣ кустарника, окаймлявшаго пологій береговой скатъ. Высокая фигура плавно скользила... Соленыя брызги разбивающихся волнъ долетали до лица... Вечернія тѣни съ холодной величавостью опускались на безлюдный берегъ. Пустынный гулъ моря отдавался въ ушахъ... Чудилось: что-то уходитъ вмѣстѣ съ ней навсегда и безвозвратно...

— Очнуться бы!.. Мучительный, непонятный сонъ... Неужели я вижу все это на самомъ дѣлѣ?.. Какъ было бы хорошо подойти къ ней сейчасъ... какъ прежде... разговаривать... смѣяться... Но уже поздно теперь... Прошлое не возвращается... Она сейчасъ совсѣмъ уйдетъ... А... нѣтъ!.. Я не хочу, чтобы она надо мной издѣвалась!..

Въ нѣсколько прыжковъ Осокинъ догналъ Елену Павловну. Его охватила внезапная ярость.

— Я васъ отсюда не пущу!..—сквозь стиснутые зубы пробормоталъ онъ, загораживая ей дорогу.

— Вы пьяны, Осокинъ?.. Идите прочь!..

— Да... я пьянъ... Но вы дальше никуда не пойдете...

— Пустите меня... Я вамъ что говорю?.. Пустите сію же минуту!..

— Не такъ страшно!.. Мы здѣсь одни...

— Осокинъ?..

— Елена Павловна?..

— Это что же такое, наконецъ?..

— Это?.. Это то, что я...—онъ неожиданно для самого себя обхватилъ ее за плечи и потянулъ къ себѣ. Мелкіе камешки посыпались и зашуршали подъ ихъ ногами. Елена Павловна стала отчаянно отбиваться...

— Нѣ...ѣтъ!.. Не тутъ-то было!.. Я вамъ еще...—Отрывистыя и несвязныя слова вырывались вмѣстѣ съ тяжело прерывавшимся дыханіемъ.

Осокинъ уже начиналъ терять понятіе о томъ, что онъ дѣлаетъ; но неожиданно онъ очнулся...

— Подлецъ!..—холодно прозвенѣло среди грохота волнъ и темнѣющихъ сумерекъ ненастья.

Осокинъ почувствовалъ, что лицо его мокро отъ непрерывно моросившихъ дождевыхъ капель. Онъ вытеръ ихъ рукавомъ.

— Елена Павловна!.. Можете вы простить меня?..

— За что простить?..

— Боже мой!.. Да развѣ же я сейчасъ владѣю самъ собой?.. Я умоляю васъ: простите!..

— Я не могу этого сдѣлать... Прощать можно только того, кого любишь или уважаешь... Я не уважаю васъ.

— Елена Павловна!..

— Осокинъ?.. Мы перекликаемся съ вами, какъ въ лѣсу: „ау!“—„ау!..“ Мнѣ это уже надоѣло... Я хочу вернуться домой... До свиданья!..

Зашуршали ея удаляющіеся шаги. Осокинъ бросился на камни со всего размаха. Тѣло его конвульсивно вздрагивало отъ безудержныхъ рыданій...

Елена Павловна вернулась.

— Жалкая тряпка,—услышалъ онъ надъ собой.—И вы еще думаете, что какая-нибудь женщина васъ полюбитъ?.. Вы обманули меня... Я считала васъ чистымъ и честнымъ... Мнѣ казалось, что вы вѣрите въ свое дѣло, живете имъ, а вы оказались ничтожествомъ, которое готово пресмыкаться передъ первой понравившейся юбкой... Какъ мелки и гадки вы въ этотъ моментъ!.. Мнѣ васъ жаль, но я все же не могу побороть невольнаго чувства отвращенія... Мелькнулъ бабій хвостъ—и все забыто. Развѣ думаете вы сейчасъ о своей работѣ?.. Все слова... слова!.. Дешевый наборъ революціонныхъ фразъ—вотъ чѣмъ оказалось все ваше прежнее при первомъ же испытаніи!.. Развѣ тотъ, кто искренно видитъ въ борьбѣ за общее счастье свой собственный идеалъ, можетъ такъ неожиданно скиснуть?.. И изъ-за чего?.. Чѣмъ

такимъ я сумѣла заслужить ваше столь внезапное расположеніе?.. Умомъ?.. Кристальностью своей души?.. Какимъ-нибудь подвигомъ или страданіемъ?.. Вы просто увидѣли во мнѣ женщину, и отъ скуки вамъ почудились разныя испанскія небылицы... При чемъ тутъ любовь?.. Не приплетайте, пожалуйста, высокихъ чувствъ къ обыкновеннѣйшимъ низменнымъ побужденіямъ... Я не вѣрю вамъ... А то, что вы всюду подсматриваете за мной, какъ шпіонъ...

Осокинъ стремительно поднялся, грозя ей стиснутыми кулаками...

— Молчите!.. Убью!.. На мѣстѣ убью!.. О... если бы знали вы, какъ я васъ ненавижу!..

— Сколько угодно... Мнѣ все равно...

— Прошу васъ... не будите во мнѣ то, что еще дремлетъ... Вы сами не рады будете... Я васъ прошу...

— А я васъ разъ навсегда прошу оставить меня въ покоѣ съ вашей такъ называемой „любовью!..“ И вообще, вся эта мелодрама...

Онъ какъ-то коротко задохнулся и, схвативъ Елену Павловну за руку, потащилъ къ морю. Она покорно слѣдовала за нимъ, но глаза ея горѣли мрачно и упрямо. У ногъ ихъ уже забѣгали кипящіе клочья пѣны. Осокинъ остановился..

— Хотите туда?.. Я и самъ погибну — и васъ за собой утяну!..

— Пожалуйста!.. Я васъ презираю...

— Елена!.. Во имя всего прошлаго... во имя тѣхъ славныхъ, дружескихъ вечеровъ, которые мы провели когда-то вмѣстѣ!.. Скажите мнѣ... умоляю!.. Кого вы любите сейчасъ?.. Или вы, быть можетъ, не любите еще никого?..

— О... жалкій... жалкій!.. Такъ для этого вы и продѣлывали всю комедію съ угрозами смерти, мольбами и проч.?. Нечего сказать!.. Хорошъ борецъ за высшіе идеалы... Настоящій революціонеръ!..

— Елена Павловна, пожалѣйте меня!.. Вѣдь я же не человѣкъ сейчасъ... Все во мнѣ исковеркано... все разбито... Имѣйте же хоть чувство человѣческаго состраданья... Я гибну... Какая-то черная мгла застилаетъ мою душу... Но одно лишь ваше слово... одинъ привѣтливый, ласковый взглядъ—и я снова буду здоровъ... Даю вамъ честное слово... Елена!.. Ну... радость моя!.. Сдѣлайте же надъ собой усиліе... ну... захотите!.

Елена Павловна нетерпѣливо топнула ногой.

— Я не могу и не въ силахъ никого любить изъ состраданья... А милостыней одаривать я не умѣю...

— Хорошо. Я вижу теперь, что у васъ нѣтъ сердца...

Вы любите только себя... Вы только боитесь, чтобы кто-нибудь васъ какъ-нибудь не обезпокоилъ!.. Отлично... съ сегодняшняго дня я буду молчать...

— Осокинъ, слушайте,—голосъ Елены Павловны зазвучалъ съ неожиданной задушевностью,—не корите вы меня за то, что я—причина вашего несчастья!.. Клянусь вамъ,—я сдѣлаю все, что смогу, для того, чтобы это какъ-нибудь уладилось и забылось!.. Двойственное какое-то отношеніе у меня къ вамъ: съ одной стороны, мнѣ какъ будто и жаль васъ... по человѣчеству... а съ другой—какое-то непонятное раздраженіе... Помогите же и вы мнѣ!.. Я боюсь, что одна не справлюсь... Сдѣлаемъ такъ, какъ будто ничего и не было между нами... Станемъ о чемъ-нибудь хорошемъ и свѣтломъ разговаривать... читать... и о прошломъ чтобы ни полслова!.. Хотите такъ?.. Мало-по-малу, можетъ, и образуется все... Все на свѣтѣ вѣдь, говорятъ, проходитъ!..

Осокинъ крѣпко пожалъ ея протянутую руку...

— Идетъ!.. Я согласенъ... Пускай не было ничего между нами... О прошломъ ни намека!..

— Отлично!.. Я очень рада... Вотъ видите, Осокинъ... вы прекрасно, оказывается, умѣете держать себя въ рукахъ... Только раньше этого сами не хотѣли... Ну... не буду.. не буду больше!.. Кто старое помянетъ—тому глазъ вонъ... А теперь давайте сюда вашу руку и скорѣе пойдемъ... Яся ужъ насъ тамъ совсѣмъ заждалась...

Они ощупью начали пробираться въ темнотѣ, спотыкаясь о груды камней и придерживая взаимно другъ друга. Море грозно ревѣло позади. Черная ночь дышала имъ навстрѣчу влажнымъ дыханіемъ затихающей бури.

Такъ они прошли почти до самыхъ кустовъ, гдѣ начиналась ведущая къ дачѣ тропинка.

Осокинъ первый заговорилъ.

— Елена Павловна, можно задать вамъ одинъ маленькій вопросъ?.. Только обѣщайте мнѣ, что вы отвѣтите на него одну лишь чистую правду...

— Задавайте, пожалуйста... хотя впередъ ничего не могу навѣрное обѣщать...

— Скажите: тотъ, кого вы любите,—не Сергѣй?

Елена Павловна медленно и спокойно высвободила руку.

— Такъ-то вы держите свое слово!.. Мы, кажется, только что рѣшили на подобныя темы не говорить. Впрочемъ — дѣло ваше... А сейчасъ оставьте меня!..

— Нѣтъ, вы мнѣ прежде скажете!..

— Ничего не скажу...

— Такъ, значитъ, это правда?..—Осокинъ внезапно почувствовалъ, какъ внутри его что-то оборвалось. Онъ боялся

этого отвѣта: онъ давно уже ждалъ его съ ужасомъ и тоской, и теперь ему хотѣлось не вѣрить...

— Елена Павловна... Прошу васъ... — странно измѣнившимся тономъ пробормоталъ онъ, останавливаясь, точно обезсиленный своимъ подтвердившимся подозрѣніемъ.—Вы любите Сергѣя?...

Она тоже остановилась, но молчала.

— Сергѣя?..—ему показалось, что въ это мгновенье передъ нимъ открылась бездонная, холодная пустота, и онъ валится въ нее стремительно и неудержимо.

— Любите?..—съ усталой покорностью повторилъ онъ.

Елена Павловна искусственно засмѣялась...

— Почему вы думаете, что я непремѣнно должна кого-нибудь любить?.. И при чемъ тутъ Сергѣй—я не понимаю?..

— Вы лжете... Лжете вы... Зачѣмъ вы сейчасъ смѣетесь?.. Вамъ совсѣмъ не смѣшно!.. Вы хотите, чтобы я вамъ повѣрилъ...

— Пожалуйста, безъ истерики!.. И при томъ мнѣ рѣшительно все равно: хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ!.. Ни вы, ни я отъ этого ровно ничего не потеряемъ...

— Елена!.. Одно только слово: ошибся я, или нѣтъ?.. Скажите „да"... и я буду счастливъ!..

— Какъ немного, оказывается, нужно для вашего счастья!. Ну... положимъ, что „да"... И что же дальше?...

— Да?.. То есть не Сергѣя? Я могу вѣрить вамъ?..

— Вы мнѣ надоѣли...

Прохрустѣли подъ торопливо удаляющимися шагами размытые за день камешки тропинки и смолкли. За неподвижными кустами чернѣла угрюмая тьма.

Осокинъ тихо побрелъ одинъ. Въ душѣ его снова пробудилось прежнее разъѣдающее сомнѣнье.

— Неужели Сергѣй?.. Это невозможно... Когда же бы онъ успѣлъ?.. Да и я бы это сразу замѣтилъ... Нѣтъ, это не Сергѣй!.. Но все-таки она кого-то любитъ... Кого же? Господи!.. Уѣхать бы отсюда... не видѣть ея... забыть!.. Но куда уѣдешь?.. Все равно каждый день она будетъ здѣсь передъ глазами... Смотрѣть на нее... сидѣть рядомъ... Пустота какая-то!.. Тоска... Море шумитъ... Точно тяжелый бредъ... Тьма вокругъ—даже звѣзды не свѣтятъ... Надо спать поскорѣе лечь... Вдругъ—проснусь рано утромъ, а на душѣ легко!.. Все это былъ сонъ... Но нѣтъ! Я и завтра ее опять увижу!..

VII.

— Опять!..—Елена Павловна приподняла голову, прислушиваясь къ звону разлетавшейся вдребезги бутылки.—Сходили-бы вы къ нему, Яся!.. Можетъ, сумѣете на него повліять...

— Что-же я подѣлаю съ нимъ, Елена?.. Если и вы тутъ безсильны, что-же я тогда?..—Замѣтно похудѣвшая за послѣдніе дни, Яся безнадежно махнула рукой. Ея выразительное, некрасивое лицо было измучено и жалко. Глаза казались еще огромнѣе отъ появившейся подъ ними черной тѣни.

— Что-же я тогда?..—еще разъ робко повторила она какъ-бы ожидая ободряющаго отвѣта. Елена Павловна молчала. Обѣ продолжали сидѣть на крыльцѣ въ гнетущей тревогѣ.

Наверху, изъ окна комнаты Осокина, раздавалось его пьяное бормотанье.

— Вотъ... и очень просто!.. И никакихъ!.. Захотѣлъ и треснулъ!.. Кому какое дѣло?..—онъ намѣренно возвышалъ голосъ съ разсчетомъ, чтобы его слышали женщины, сидящія на крыльцѣ.—И еще тресну!.. Такая уже линія подошла!..

Отрывисто брякнула брошенная на полъ металлическая чашка.

— Не бьется... чортъ ее возьми!.. А ну-ка еще бутылочку, съ божьей помощью!.. Р...разъ!..

Съ силой ударившаяся о стѣну бутылка разсыпалась на десятки осколковъ, звенящихъ и прыгающихъ по полу. Потомъ все стихло.

— Нѣтъ, я не могу больше... Я къ нему сейчасъ пойду!..

Яся вскочила и убѣжала наверхъ.

Осокинъ сидѣлъ за столомъ, положивъ голову на руки. Около его локтя стоялъ недопитый стаканъ и валялись на промасляной бумагѣ какіе-то объѣдки. Когда Яся вошла, онъ не пошевелился.

— Осокинъ!—мягко позвала Яся.

Молчаніе...

— Осокинъ!..

Снова томительная тишина. Только море порывисто плещетъ подъ окномъ. Жизнерадостное солнце пронизываетъ желтыми лучами остановившіяся въ воздухѣ безчисленныя пылинки. Онѣ колышутся, точно прозрачный струящійся столбъ.

Несмотря на отворенное окно, въ комнатѣ жаркая духота.

— Вы все пьете, Осокинъ?..

— Пью-съ!..—онъ неожиданно поднимаетъ свое мертвенно землистое лицо. Глаза лихорадочно блестятъ.

— Пью-съ!..—повторяетъ онъ съ насмѣшливымъ вызовомъ и смотритъ на Ясю въ упоръ, ероша пятерней свои падающіе на лобъ, взлохмаченные волосы.—А вамъ, собственно, что угодно?..

— Мнѣ ничего... Я хотѣла только...

— А если ничего, такъ проваливайте, откуда пришли... Я васъ не звалъ...

— Осокинъ, вѣдь это же ужасно, что вы сейчасъ дѣлаете... Вы только захотите подумать... Вы вѣдь можете все погубить... Представьте себѣ, если вдругъ...

— Пошла къ чорту!..—Осокинъ съ безсмысленно искаженнымъ лицомъ началъ медленно подыматься. Ослабѣвшія ноги плохо повиновались. Яся поспѣшила къ нему на помощь.

— Прочь!.. — съ трудомъ выговорилъ онъ и, противъ воли, сѣлъ обратно на стулъ, съ котораго только-что хотѣлъ подняться. — П...шла къ барынѣ!.. Къ чорту!.. Къ барынѣ своей уходи!..

Яся уловила въ его налитыхъ кровью глазахъ странно мелькнувшую искорку сознанія. Онъ, очевидно, умышленно хотѣлъ ее оскорбить. Яся поняла это и медленно направилась къ двери.

— Богъ съ вами, коли такъ, — покорно и грустно проговорила она, оборачиваясь къ нему на порогѣ. Но Осокинъ снова уронилъ голову на руки и сдѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ.

Яся подождала еще чего-то, въ тайной надеждѣ, потомъ вздохнула и вышла.

— Ну, что?.. — встрѣтила ее на лѣстницѣ Елена Павловна.

— Выгналъ меня, — чуть слышно прошептала Яся.

Елена Павловна возмущенно пожала плечами.

— Съ какимъ бы истиннымъ удовольствіемъ я пошла сейчасъ къ нему и надавала пощечинъ... Хорошихъ такихъ, увѣсистыхъ... Не хочется только рукъ марать... А то бы со щеки на щеку: разъ... разъ!.. А потомъ за шиворотъ и въ окошко!..

Яся сквозь слезы невольно улыбнулась.

— Ну, ужъ вы всегда такъ... Можно о васъ Богъ знаетъ что подумать... Какой-то будочникъ въ юбкѣ... Нѣтъ, это все не то... У него, очевидно, что-то серьезное есть... Бы-

ваетъ такъ съ людьми, въ особенности когда они одиноки: копится, копится на душѣ, да нечаянно и прорвется... Это я все понимаю... Только я боюсь, что это пьянство на насъ общее вниманіе обратитъ... Мнѣ вчера ужъ хозяйка и то намекала, не пора ли, молъ, послать за докторомъ?.. Боятся они... Все время кричитъ и бьетъ посуду...

Какъ бы въ отвѣтъ на ея слова сверху послышалось дикое преувеличенно громкое пѣніе.

У Осокина совсѣмъ не было голоса, и когда онъ пѣлъ, то казалось, что онъ нарочно извлекаетъ изъ своего горла эти скрипящіе, неожиданные звуки.

„Смѣйся, паяцъ... Надъ разбитой любовью",—фальшиво завывалъ Осокинъ. „Смѣйся... Смѣйся... а... а... а... и надъ горемъ своимъ"!..

Елена Павловка и Яся тоскливо переглянулись.

— Хоть бы Сергѣй скорѣе пріѣхалъ,—невольно вырвалось у Елены Павловны.

Яся молча закрыла лицо руками. Ея худенькія плечи начали вздрагивать отъ сдержанныхъ рыданій.

— Что же это... что же это?.. — шептала она. — Жутко какъ!.. Онъ тамъ одинъ, и мы ему помочь не можемъ... Елена, сходите вы... Вѣдь это ужасно!.. Силъ моихъ больше нѣтъ...

— Я не пойду туда,—медленно проговорила Елена Павловна, нахмурившись.

Яся перестала плакать.

— Почему?.. Вы же сильнѣе меня!..

— Онъ мнѣ сейчасъ противенъ...

— Жестокая вы... Онъ вѣдь гибнетъ, и мы не знаемъ отчего?..

— Мнѣ это безразлично... Онъ не имѣетъ права гибнуть, когда у него есть дѣло на плечахъ... Пускай сперва сброситъ его съ себя, а потомъ ужъ и поступаетъ, какъ хочетъ!.. Тогда, быть можетъ, я его и пожалѣю... А сейчасъ — онъ трусъ, который бѣжитъ съ поля битвы...

— Елена, можетъ быть, вы правы... Но тогда... во имя этого дѣла... помогите ему!.. Я знаю: онъ васъ послушаетъ и броситъ пить...

— Если онъ самъ забылъ про взятую на себя отвѣтственность, то стоитъ ли ему ее напоминать?.. Какой смыслъ?.. Значитъ, въ душѣ у него нѣтъ этого сознанія... А вѣчно понукать такихъ людей, заботиться о нихъ, направлять ихъ по правильной дорогѣ... для чего?.. Пускай сами, куда хотятъ, идутъ... А не умѣютъ сами или не могутъ, пусть гибнутъ!.. Для дѣла они—нуль... и для самихъ себя тоже...

Елена Павловна замолчала. Лицо ея было презрительно

и спокойно. Тонкія брови, какъ всегда во время гнѣва, сошлись у переносья властно очерченной, чернѣющей дугой.

Яся робко заговорила:

— Елена!.. Но вѣдь онъ же былъ хорошій и дѣльный работникъ... Онъ много сдѣлалъ... Онъ столько страдалъ... У него есть вѣдь прошлое... Что съ нимъ теперь сдѣлалось?.. Его точно подмѣнили... Раньше онъ хотя и угрюмый былъ, но всегда... добродушный... А теперь!.. Боже мой—да вѣдь я его прямо не узнаю... Какая-то жестокая, безсмысленная насмѣшливость... Стремленіе побольнѣе уязвить... Непонятные намеки... Я просто голову теряю... Что-то кошмарное... Я слышала изъ своей комнаты, какъ онъ грозился кого-то убить...

Елена Павловна чуть замѣтно покраснѣла.

— А вы не слышали: кого именно?..—небрежно поинтересовалась она, глядя куда-то мимо Яси.

— Нѣтъ... не помню...

Пѣніе наверху вдругъ прекратилось.

— Господи, что-то будетъ еще...—прошептала Яся, прижимаясь къ Еленѣ Павловнѣ.—Я такъ боюсь, когда у него становится тихо...

На лѣстницѣ раздались тяжелые, спускающіеся шаги. Черезъ секунду Осокинъ прошелъ неувѣренной походкой мимо прижавшихся другъ къ другу женщинъ. Онъ, очевидно, ихъ не замѣтилъ. Лицо его горѣло. Шляпа съ широкими полями была низко надвинута на мутно блуждавшіе глаза.

Покачиваясь, онъ спустился по ступенькамъ крыльца и затѣмъ исчезъ между кустовъ за поворотомъ тропинки.

— Къ морю пошелъ,—нарушила Яся наступившее вслѣдъ за этимъ молчаніе.—А вдругъ онъ утопится?..

— Туда ему и дорога,—холоднымъ тономъ произнесла Елена Павловна.

— Я пойду за нимъ... Я не могу...

— Стойте... стойте... куда вы?..—остановила Елена Павловна вскочившую и уже собиравшуюся броситься за нимъ Ясю.—Какой смыслъ?.. По моему, никогда не нужно останавливать человѣка, если онъ хочетъ покончить съ собой... Кто къ этому выводу пришелъ, тотъ все равно уже для жизни не годится... Жить могутъ только люди, жаждущіе жизни... А кому она стала въ тягость, того ужъ никакими хорошими словами не убѣдишь... Рано или поздно, онъ къ прежнему рѣшенью вернется — конечно, если рѣшеніе это было серьезно...

— Я такъ не могу!..—поблѣднѣвшая отъ волненія Яся съ силой стиснула свои руки, такъ что пальцы захрустѣли.—

Вы разсуждаете безсердечно: „рано, или поздно“... Пускай лучше поздно, чѣмъ „рано“... Чѣмъ позднѣе—тѣмъ лучше!..

— Насильно милъ не будешь, дорогая моя Яся... Я такъ смотрю: жизнь дана вамъ одинъ только разъ... Счастье ваше, если смыслъ ея связанъ у васъ съ чѣмъ-нибудь общимъ, вѣчно движущимся, живущимъ!.. Тогда все хорошо будетъ, и безсмертные огни озарятъ всю мелочность и горечь вашего существованія... Но представьте себѣ, что душа ваша только личнымъ чѣмъ-нибудь, узенькимъ живетъ?.. Что же дѣлать вамъ въ томъ случаѣ, когда волны жизни у васъ и эту послѣднюю соломинку вдругъ выхлестнутъ? И вдругъ еще является къ такому тонущему какой-нибудь, вродѣ васъ, хорошій и сердечный человѣкъ и начинаетъ ему разныя жалкія слова говорить: „Не надо, молъ, не тоните... Вылѣзьте вы лучше на берегъ и будемъ снова жить!..“ А онъ вамъ на это въ отвѣтъ: „а чѣмъ я буду жить, позвольте узнать?.. Когда нѣтъ у меня для этого ни возможности, ни желанія... Когда я все свое на свѣтѣ потерялъ, а чужого мнѣ и даромъ не надобно“... Вотъ что вы сдѣлаете тогда?.. Какіе станете тому человѣку совѣты давать?..

— Я не стану ему давать совѣты, — порывисто возразила Яся,—я ему только одно скажу: ты гибнешь?.. ты хочешь погибнуть—такъ смотри: вокругъ тебя неправда и зло... Поди, борись съ ними!.. И ты тоже погибнешь, но за то твоя гибель не будетъ безплодна для людей!..

— А если онъ вамъ на это весьма резонно замѣтитъ: „А наплевать мнѣ на всѣхъ вашихъ людей!.. Какое мнѣ до нихъ дѣло?.. Я самъ для себя... Стану я еще какой то плодотворной гибели ждать, когда мнѣ и жить-то теперь нисколько не интересно!..“

— А я докажу ему, что онъ не правъ!.. Онъ долженъ отдать свою жизнь за общее дѣло, если для него самого она уже утратила цѣнность...

Елена Павловна тихо засмѣялась.

— Ахъ, Яся, Яся!.. Ну какъ-же можно такъ говорить?.. Разъ въ дѣлу свободы и людского счастія нужны грошовыя свѣчки, которыя вы ставите по долгу?.. Вотъ ужъ этого я никакъ не пойму!.. Только тогда, по моему, цѣнна и полезна жертва, когда человѣкъ самъ... слышите, Яся—самъ, не сидящій внутри его долгъ, отдаетъ свою жизнь на общее благо... Онъ говоритъ себѣ: жизнь хороша .. Я люблю ее всѣми силами своими, всѣми мыслями, всѣмъ сердцемъ!.. И вотъ я вижу, что „я“—это капля въ томъ океанѣ, который подымается сейчасъ изъ береговъ, чтобы смыть съ земли ея вѣковѣчную неправду... Во мнѣ—этой ничтожнѣйшей каплѣ—отражается яркое солнце... кусочекъ синяго неба виднѣется во мнѣ...

Я сверкаю и переливаюсь разными красками и цвѣтами... Я отдѣльно живу, но я въ то же время милліонная часть этихъ волнъ и вмѣстѣ съ ними пойду въ общемъ приступѣ на скалы и утесы!.. Я разобьюсь, быть можетъ, о нихъ,—но я знаю, что я не одна... Другіе идутъ за мной, какъ и раньше шли передо мной другіе... Я погибну, потому что хотѣла жить!.. Въ моей гибели — вѣчное торжество жизни... Вотъ это я понимаю. А нести на какой то несуществующій жертвенникъ то, чего у насъ самихъ уже нѣтъ и что намъ самимъ уже больше не нужно?.. „На тебѣ боже, что намъ негоже!..“ Да вѣдь стертый пятакъ и на базарѣ не возьмутъ— къ чему-же подсовывать его на общеее дѣло, вмѣсто настоящей, неиспорченной монеты?..

— Елена, — проговорила Яся сдавленнымъ голосомъ, точно черезъ силу.—Я хочу вамъ сейчасъ одну вещь сказать...

— Говорите, милая Яся... Я васъ слушаю...

— Я не знаю... можетъ быть, это и не ко времени сейчасъ... И вообще... Но мнѣ нужно знать ваше мнѣніе... Я не могу больше одна...

Яся отъ волненія остановилась.

— Я прямо не знаю, что со мной?..—смущенно пробормотала она съ довѣрчивой и немного растерянной улыбкой...

Но Елена Павловна уже не слушала ее.

Прикрывъ глаза ладонью отъ все еще яркихъ лучей заходящаго солнца, она напряженно всматривалась въ идущую по дорогѣ одинокую фигуру... Другая, странно сгорбленная, слѣдовала за ней въ нѣкоторомъ отдаленіи. Ихъ уродливыя и гигантски разросшіяся тѣни двигались впереди, рѣзко выдѣляясь на залитой солнечными отблесками пыльной дорогѣ...

— Кто бы это могъ быть?..—произнесла Елена Павловна, все еще всматриваясь въ идущихъ.—Какіе-то чужіе... Яся, да вѣдь это, однако, Сергѣй!..

— Ну... не похоже что-то... А другой то съ нимъ кто же тогда?..

— Ей-Богу, Яся—это онъ!.. Увѣряю васъ... Смотрите: они къ намъ повернули... они сюда, на дачу идутъ... Яся, да смотрите же... Ну, что я вамъ говорила... а?.. Меня не обманешь... Яся, да неужели же вы и теперь еще не видите, что это Сергѣй?..

— Теперь и я уже вижу,—съ неуловимой усмѣшкой возразила Яся.

Елена Павловна порывисто обняла ее и закружила...

— Ахъ вы, глупая... милая, милая Яся!.. Да развѣ же вы думаете, что я не слушала васъ сейчасъ?.. Я смотрѣла на

дорогу, но я слушала... Я могу даже все вамъ разсказать, что вы говорили... Вы говорили... Смотрите, Яся—они уже мостикъ перешли... Черезъ пять минутъ будутъ здѣсь.. Значитъ—вы говорили... Да вы знаете, Яся—кто это съ нимъ идетъ?..—Никифоръ изъ Монрепо!.. Вашъ рыжій обожатель... Не вѣрите?.. Ей-Богу—правда...

„Это онъ... это онъ!..
Знаю поступь его"...

— дурачась, запѣла во весь голосъ Елена Павловна.— Какой, однако, Сергѣй лѣнивый!.. Не могъ самъ чемоданъ понести... Никифора взялъ... Любитъ онъ эти джентльмэнскія замашки!.. Для „конспираціи"—говоритъ... А какая тамъ конспирація,—просто лѣнтяй отъ природы... вотъ и все... Они еще насъ не видятъ... Побѣжимъ скорѣе навстрѣчу... Ну, скорѣе!..

Яся покорно слѣдовала за ней, все еще чему-то загадочно улыбаясь.

Елена Павловна внезапно обернулась.

— Яся... милая!.. Ну, конечно, вы уже поняли меня!.. Да и я вѣдь васъ давнымъ давно насквозь всю вижу... Отъ меня не скроешь... Да... я счастлива сейчасъ... Я люблю его... Но вѣдь и для васъ будетъ счастье, я вѣрю въ это... Онъ броситъ пить... и тогда...

Яся судорожно схватила ее за руку.

— Елена!.. да?.. Неужели вы... неужели я...—она умолкла, потерявъ дальше нить своихъ безпорядочно всколыхнувшихся мыслей...

Елена Павловна ласково и съ какой-то особенной нѣжностью обняла и прижала къ себѣ ея темную голову.

— Яся,—шепнула она,—мы должны другъ другу помогать... Я обѣщаю вамъ... Я повліяю на него... Мнѣ Сергѣй поможетъ...

Яся ярко вспыхнула отъ смущенія. Некрасивое, смуглое лицо ея неожиданно и чудно похорошѣло.

— Елена... если бы знали вы!.. Вѣдь это въ первый разъ со мной... Я еще никогда...

— Подождите, Яся... послѣ. Вотъ Сергѣй!..

Елена Павловна сдѣлала безразличное лицо.

— А... наконецъ-то, явился!..—небрежнымъ тономъ начала она, идя ему навстрѣчу по усыпанной пескомъ дорожкѣ, желтой отъ солнечнаго заката.—Гдѣ изволили столько времени шататься?..

Въ ея слегка дрожавшемъ грудномъ голосѣ проскальзывали, какъ свѣтящіяся искры сквозь ночной туманъ, неуловимыя для посторонняго уха нотки сдерживаемаго, волнующаго счастья.

— Сестрицѣ—наше нижайшее!..—съ искусственной развязанностью раскланялся Сергѣй. — Сколько лѣтъ, сколько зимъ!..

Но глаза его, мимолетно встрѣтившись съ внезапно потемнѣвшими глазами Елены Павловны, сказали ей что-то совсѣмъ другое...

— А... Яся, здравствуй!.. Что, не нашла еще себѣ жениха?..

Яся, вспомнивъ свою роль, жеманно отвернулась.

— Ужъ всегда вы, Сергѣй Палычъ, такое скажете...

Рыжій Никифоръ, съ чемоданомъ Сергѣя на плечахъ, кинулъ на нее убійственный взглядъ.

— Куда чемоданецъ прикажете нести? — спросилъ онъ, переступивъ съ ноги на ногу своими желтыми, неимовѣрно громадными башмаками.

— За мной неси!.. Ну, сестра, разсказывай, какъ вы тутъ безъ меня поживали?.. Преподобному дьякону — мое почтеніе!..

Дьяконъ, заслышавъ еще издали голосъ Сергѣя, уже торопился изъ своей комнаты.

— Добро пожаловать, Сергѣй Палычъ. Вотъ ужъ можно сказать—кого я радъ видѣть!..

Онъ придержалъ одной рукой поминутно распахиваемыя вѣтромъ полы подрясника и радушнымъ движеніемъ протянулъ гостю другую, жилистую, волосатую, всю покрытую коричневымъ слоемъ весенняго загара...

— Ну и десница же у васъ, отецъ дьяконъ,—благословенная...

— Слава Богу, ничего!.. Не обидѣлъ Господь... А вы надолго къ намъ?..

— Да денька два-три думаю прожить... Надоѣло въ городѣ... пыль... духота!.. А у васъ тутъ чудесно... Какъ здоровье Тамары Георгіевны?

— Покорнѣйше благодарю... Весьма даже ничего, здорова... Она сейчасъ сюда тоже придетъ... Занялась туалетомъ .. Знаете — женскій полъ!.. Не могутъ безъ бантиковъ этихъ разныхъ!.. Ха...ха...ха... Да!.. производите вы впечатлѣніе на мою супругу... Ей-Богу! . Я скоро ревновать начну... Помилуйте: только увидѣла васъ, что вы идете,—сейчасъ къ зеркалу. „Ахъ, говоритъ, Сергѣй Палычъ пріѣхали, а я еще не одѣта!..“ Всеобщій переполохъ...

— Что-жъ, я очень радъ...

— Еще бы... А вотъ, небось, въ городѣ много есть мужей, которые не рады?.. Ха...ха...ха... Ну съ—такъ покамѣстъ не стану вамъ мѣшать отдыхать съ дороги... До скораго свиданья...

— Всего хорошаго, отецъ дьяконъ... Завтра утромъ, значитъ, вмѣстѣ удить?..

— Ужъ это какъ водится!.. По обыкновенію!..

— Ну, ладно... Привѣтъ отъ меня Тамарѣ Георгіевнѣ... а пока...

— Хорошо, что пріѣхали, Сергѣй Палычъ... За послѣдніе дни очень ужъ мрачно было у насъ...

— А что такое случилось?

— Объ этомъ пускай вамъ сестрица ваша, Елена Павловна, разскажутъ... Я это только такъ... между прочимъ.. А со всѣмъ тѣмъ—пріятнаго отдохновенія!..

— До вечера, отецъ дьяконъ.

— Въ чемъ дѣло?..—спросилъ Сергѣй Елену Павловну когда они остались одни, и Никифоръ, поставивъ чемоданъ на полъ, удалился, украдкой подмигнувъ Ясѣ и обольстительно поскрипывая своими неотразимыми для женскихъ сердецъ желтыми башмаками.—На что онъ намекалъ?..

Яся рванулась впередъ.

— Подожди, Елена... Дайте мнѣ... дайте я!.. Видите ли, Сергѣй, съ Осокинымъ творится какое-то непонятное для насъ...

— На секунду... Могу сообщить вамъ послѣднюю новость: Василій провалился, и, благодаря этому, теперь извѣстно, что гдѣ-то въ здѣшнихъ мѣстахъ имѣется наша конспиративная квартира... Опредѣленнаго еще ничего нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, нужно держаться на чеку... Малѣйшая неосторожность можетъ навести на слѣдъ... Итакъ,—о чемъ вы начали, Яся?..

— Значитъ, тѣмъ важнѣе, чтобъ вы какъ-нибудь повліяли на него!..— и Яся съ жаромъ принялась разсказывать Сергѣю о странномъ поведеніи Осокина, въ то же время стараясь всячески оправдать его и объяснить его поведеніе.

Сергѣй молча слушалъ. Красивое лицо его потемнѣло.

— Этому надо положить конецъ,—произнесъ онъ, вставая, когда Яся разсказала все, что могла.—Вотъ не было печали, такъ черти накачали!.. Съ ума онъ, что ли, сошелъ?! Ну, да я съ нимъ сегодня, какъ слѣдуетъ, поговорю... А теперь нельзя ли мнѣ умыться?.. И поѣсть потомъ... Я три ночи совсѣмъ не раздѣвался и почти не спалъ... А не ѣлъ еще со вчерашняго вечера!..

Яся поспѣшно вышла на кухню. Сергѣй, улыбаясь, остановился передъ Еленой Павловной.

— Ну... что?..—заглянувъ ей въ глаза, насмѣшливо сказалъ онъ.

Елена Павловна молча поднялась и прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ крѣпко и неподвижно...

А. Деренталь.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ.

VIII.

Крестьянскій вопросъ.

Наряду съ уничтоженіемъ самодержавія первостепенное значеніе среди задачъ, поставленныхъ себѣ тайнымъ обществомъ, имѣло уничтоженіе крѣпостного права. Если имѣть въ виду не неопредѣленныя пожеланія уничтоженія крѣпостного права, не упоминаніе о тѣхъ или другихъ частныхъ мѣрахъ или указанія на злоупотребленія помѣщиковъ, вызвавшія у того или другого декабриста мысль о необходимости освобожденія крестьянъ, а предположенія о томъ, какъ слѣдуетъ окончательно рѣшить крестьянскій вопросъ, то наибольшій интересъ имѣютъ взгляды Н. И. Тургенева, особенно много размышлявшаго объ этомъ предметѣ, Н. М. Муравьева, автора проекта конституціи, обсуждавшагося въ Сѣверномъ Обществѣ, И. Д. Якушкина, пытавшагося покончить въ своемъ имѣніи съ крѣпостнымъ правомъ, а потомъ работавшаго надъ общими соображеніями относительно освобожденія крестьянъ, и, наконецъ, аграрные планы П. И. Пестеля, написавшаго значительную часть замѣчательнаго труда, который одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ ученыхъ, спеціалистъ по государственному праву, называетъ самымъ выдающимся политическимъ трактатомъ въ царствованіе Александра I *).

Я разсмотрю здѣсь лишь въ общихъ чертахъ развитіе взглядовъ наиболѣе выдающихся декабристовъ на вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права **), въ связи съ тѣми вліяніями, которыми они обусловливались. Въ послѣднее время идеологія декабристовъ иногда подвергается несправедливымъ во многихъ отно-

---

*) М. М. Ковалевскій. „Русская Правда" Пестеля. „Минувшіе годы", 1908 г. № 1, стр. 19.

**) Нѣкоторыя дополнительныя подробности можно найти въ моей статьѣ въ сборникѣ „Крестьянскій строй", 1905 г., т. I, 209—241.

шеніяхъ нападкамъ *). Само собою разумѣется, что благородный подвигъ декабристовъ, принесшихъ въ жертву на алтарь общественнаго служенія свое личное счастье, вынесшихъ долгіе годы тяжелыхъ страданій или пожертвовавшихъ даже своею жизнью ради стремленія къ осуществленію своихъ убѣжденій, не долженъ подкупать историка при изученіи ихъ идей; конечно, онъ долженъ безпристрастно указать правильное и ошибочное въ ихъ взглядахъ, прогрессивные и консервативные элементы міросозерцанія того или другого изъ нихъ, но въ то же время историкъ не можетъ вырывать декабристовъ изъ окружающей ихъ среды, разсматривать ихъ предположенія съ современной точки зрѣнія, произносить надъ ними судъ, забывая объ условіяхъ общественнаго развитія того времени. Это необходимо, какъ вообще, такъ и въ частности относительно ихъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ. Изъ декабристовъ далеко опередилъ свое время въ Россіи, въ области соціальныхъ идей, только Пестель, остальные, даже наиболѣе выдающіеся, связаны до извѣстной степени съ тѣми условіями и литературными вліяніями, среди которыхъ имъ приходилось жить и работать; съ этими вліяніями мы и должны считаться при выясненіи взглядовъ декабристовъ на крестьянскій вопросъ.

Если имѣть въ виду не тѣ или другія частныя мѣры для ограниченія крѣпостного права, а его полное упраздненіе, то мы найдемъ въ эпоху Александра I слѣдующіе способы рѣшенія крестьянскаго вопроса, въ дѣйствительности или лишь въ идеѣ: 1) немедленное освобожденіе безъ земли, 2) немедленное освобожденіе съ одною усадебною землею, 3) обращеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ, съ опредѣленіемъ размѣра повинностей и съ предоставленіемъ имъ, по истеченіи извѣстнаго времени, права перехода и, наконецъ, 4) освобожденіе съ землею не только усадебною, но и иною, съ выкупомъ земли государствомъ или самими крестьянами, а въ извѣстныхъ случаяхъ и безъ выкупа. Разсмотримъ въ этомъ порядкѣ взгляды декабристовъ на крестьянскій вопросъ въ самыхъ общихъ чертахъ, въ связи съ тѣми условіями, которыя содѣйствовали ихъ развитію.

Декабристамъ было, конечно, извѣстно, что въ нѣкоторыхъ странахъ Зап. Европы (какъ, напр., Англіи, Франціи, Швеціи и Норвегіи) не существовало въ ихъ время несвободнаго населенія; въ общихъ чертахъ они могли знать и о томъ, что преобразованіе быта крестьянъ совершается также въ Германіи, но болѣе детальныя свѣдѣнія относительно исторіи и современнаго положенія западно-европейскаго сельскаго населенія могли имѣть лишь очень немногіе изъ нихъ, и болѣе всѣхъ другихъ Н. И. Тургеневъ.

*) Какъ, напримѣръ, въ статьѣ о декабристахъ гг. Левина и Покровскаго въ „Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ", изданіе Граната, 1907 г., вып. 1 и 2-й.

Однако, большинству ихъ, конечно, было извѣстно, что въ Англіи крестьяне получили свободу. безъ предоставленія имъ права собственности на землю, а нѣкоторыя свѣдѣнія о современной жизни крестьянъ на материкѣ Европы они могли почерпнуть и изъ личныхъ наблюденій во время заграничныхъ походовъ или поѣздокъ за-границу, какъ это было, напр., съ Н. И. Тургеневымъ въ Вестфаліи. Декабристы, безъ сомнѣнія, знали, что въ Герцогствѣ Варшавскомъ «рабство», т. е. крѣпостное право, было упразднено конституціею 22 іюля 1807 года, данною полякамъ Наполеономъ. О поземельныхъ отношеніяхъ конституція ничего не говорила *), но особымъ декретомъ герцога Варшавскаго (21 декабря 1807 г.) они были опредѣлены не въ пользу крестьянъ. Декретъ подтвердилъ личное освобожденіе крестьянъ и, сообразно съ этимъ, призналъ за ними право свободнаго перехода и переселенія въ предѣлахъ герцогства, для чего требовалось заблаговременное извѣщеніе помѣщика и мѣстнаго начальства, но за крестьянами не было признано никакихъ земельныхъ правъ. Право помѣщика распоряжаться его землею было ограничено лишь запрещеніемъ въ теченіе одного года сгонять съ нея крестьянъ и увеличивать размѣръ связанныхъ съ нею натуральныхъ повинностей или денежныхъ платежей. Крестьянинъ, оставляющій помѣщика, обязанъ былъ возвратить оказанную ему подмогу (zaloga) и сдать землю съ посѣвомъ. По истеченіи годичнаго срока всѣ дальнѣйшія поземельныя отношенія между помѣщиками и крестьянами должны были опредѣляться добровольными договорами, представляемыми лицамъ судебнаго вѣдомства, которыя, подъ своею отвѣтственностью, обязаны были убѣдиться, какъ въ правоспособности заключающихъ договоръ, такъ и въ томъ, что при этомъ не было никакого принужденія или обмана. Мартинъ Бадени, впослѣдствіи министръ юстиціи, замѣтилъ объ этомъ декретѣ герцога, что, снимая цѣпи съ крестьянъ, онъ стащилъ съ нихъ и сапоги **).

Освобожденіе польскихъ крестьянъ безъ земли, конечно, было извѣстно декабристамъ и должно было являться однимъ изъ доказательствъ возможности такого освобожденія, тѣмъ болѣе, что его вредныя послѣдствія еще не вскрылись, и членамъ русскаго тайнаго общества, вѣроятно, не было извѣстно, что среди нѣкоторой части польской интеллигенціи немедленно проявилось опасеніе

*) Между тѣмъ, Костюшко въ письмѣ къ министру Наполеона Фуше отъ 22 янв. 1807 г. ставилъ однимъ изъ условій своего пріѣзда въ Польшу для содѣйствія Наполеону освобожденіе крестьянъ съ предоставленіемъ имъ въ собственность земли, находившейся тогда въ ихъ владѣніи. *K.* (Korzon). «Kosciuszko. Życiorys z dokument ów wysnuty». Kraków, 1894, 523.

**) Dziennik Praw, Warszawa, 1810, t. I, № 1, стр. 10—12. О крестьянскомъ вопросѣ въ герцогствѣ и царствѣ польскомъ, см. *Maciejowski*, Historya wloscian, 1874, *Wl. M. Kozlowski*, Autonomia Królestwa Polskiego 1815—32), 264—277.

вредныхъ послѣдствій этого закона. Оно нашло выраженіе въ проектѣ Суровецкаго 1807 года, авторъ котораго предполагалъ назначить такой наименьшій размѣръ крестьянскихъ участковъ, чтобы съ нихъ могли прокармливаться 5—6 человѣкъ, и чтобы такіе участки не подлежали раздѣлу. Помѣщикамъ должно было дать шестилѣтній срокъ для заключенія договоровъ съ крестьянами о принятіи послѣдними земли съ усадебными постройками въ вѣчное наслѣдственное владѣніе. Такой владѣлецъ долженъ былъ имѣть право требовать замѣны барщины оброкомъ, если крестьянскій міръ свидѣтельствовалъ, что въ теченіе десяти лѣтъ, живя на одномъ мѣстѣ, онъ велъ себя хорошо. Помѣщики могли-бы отдавать землю въ наемъ и на трехлѣтній срокъ, но съ тѣмъ, чтобы, по истеченіи 6 лѣтъ со времени изданія закона, въ одномъ селеніи такихъ усадебъ было не болѣе третьей части числа усадебъ съ вѣчно-наслѣдственною землею. Деревенскій міръ (gromada) долженъ былъ имѣть общественный хлѣбный амбаръ для выдачи пособій и ссудъ и кассу страхованія отъ пожаровъ. Малый совѣтъ, состоящій изъ деревенскаго старосты, судьи и одного засѣдателя могъ бы запретить крестьянину продажу инвентаря и сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и объяснить причины этого запрещенія на первомъ послѣ того собраніи всѣхъ хозяевъ. Авторъ предоставлялъ помѣщику значительное вліяніе, но за то и возлагалъ на него участіе въ сборахъ на мѣстныя нужды. Проектъ Суровецкаго остался неосуществленнымъ, но онъ интересенъ, какъ проявленіе въ Польшѣ сознанія вреда безземельнаго освобожденія крестьянъ *).

Декретъ 1807 г. вызвалъ многочисленные переходы крестьянъ на другія мѣста въ Герцогствѣ Варшавскомъ, но большинство ихъ все же продолжало сидѣть на земляхъ, которыми они владѣли прежде, до освобтжденія; мѣстами и помѣщики сгоняли своихъ бывшихъ крѣпостныхъ, сажая на ихъ мѣсто другихъ крестьянъ, а а то и иностранныхъ колонистовъ. Послѣ 1815 года, когда явилось стремленіе увеличивать помѣщичью запашку на счетъ крестьянкой земли, стали сгонять крестьянъ еще чаще.

Лучшіе люди Польши вполнѣ понимали необходимость совершенно иного рѣшенія крестьянскаго вопроса на ихъ родинѣ. 9 апрѣля 1814 г. Костюшко обратился къ Александру I съ письмомъ, въ которомъ просилъ его, чтобы онъ объявилъ себя польскимъ королемъ, съ изданіемъ для Польши конституціи въ родѣ англійской, повелѣлъ, чтобы считались вольными всѣ крестьяне, разошедшіеся по чужимъ землямъ, когда они возвратятся въ свои дома, и въ теченіе десяти лѣтъ было бы уничтожено крѣпостное право съ тѣмъ, чтобы крестьяне владѣли своимъ имуществомъ на правѣ полной собственности. Александръ I, въ письмѣ отъ 3 мая 1814 г., обѣщалъ исполнить желанія великаго человѣка.

---

*) „Uwagi względem poddannych w Polsce, i projekt do ich uwolnenia". „Dzieła W. Surowieckiego". Krak. 1861, 189—218.

Но Костюшко все-же, какъ видно изъ записки, написанной имъ въ Вѣнѣ, по желанію императора Александра въ 1815 г., рѣшался мечтать лишь о томъ, что польскіе крестьяне лѣтъ черезъ 20 будутъ всѣ вольные съ надѣленіемъ землею на правѣ собственности *).

Отмѣтимъ еще одинъ любопытный фактъ изъ жизни Костюшки. 2-го апрѣля 1817 года онъ явился въ Золотурнѣ (въ Швейцаріи) къ мѣстному присяжному нотаріусу и просилъ записать слѣдующую его волю. Убѣдившись, что крѣпостное состояніе противно естественному закону и благосостоянію края, онъ, Костюшко, освобождаетъ, какъ теперешнихъ своихъ крестьянъ, такъ и всѣхъ ихъ потомковъ въ его имѣніи Сѣхновичахъ въ Польшѣ, въ Брестскомъ воеводствѣ (въ Кобринскомъ уѣздѣ), объявляетъ всѣмъ жителямъ имѣнія, что съ этихъ поръ они люди свободные и дѣйствительные владѣльцы собственности, которую до тѣхъ поръ имѣли, и освобождаетъ ихъ отъ всѣхъ безъ исключенія платежей, поборовъ и личной службы помѣщику **).

Послѣ паденія Наполеона, предъ вѣнскимъ конгрессомъ, въ послѣдніе дни герцогства Варшавскаго, кн. Любецкій, исправлявшій тогда обязанности министра внутреннихъ дѣлъ, разослалъ представителямъ администраціи вопросы относительно устройства отношеній между крестьянами и помѣщиками, улучшенія быта крестьянъ и пріобрѣтенія ими земельной собственности. Кромѣ письменныхъ отвѣтовъ, эти запросы вызвали и нѣсколько печатныхъ брошюръ. Авторы многихъ изъ нихъ указывали на необходимость уничтоженія барщины. Бернацкій совѣтовалъ введеніе оброковъ деньгами или хлѣбомъ по договорамъ временнымъ или вѣчнымъ ***). Но всего этого, вѣроятно, не знали декабристы, не знали, быть можетъ, и того, что на основаніи постановленія на-

*) K. (Korzon). Kosciuszko, 527—528; Wt. M. Kozlowski. Autonomia królestwa Polskiego, 1907, 271 274.

**) Имѣніе же и дворъ Сѣхновичи Костюшко отдавалъ навсегда своей племянницѣ Эстковой. Документъ этотъ былъ напечатанъ въ „Сельской газетѣ" (Gazeta Wieyska 1817 г., № 27), которая издавалась въ Варшавѣ. Въ его имѣніи было 53 души. Газетное извѣстіе было доведено гродненскимъ губернаторомъ до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ въ Петербургѣ, при чемъ онъ пояснилъ, что въ 1775 г. Костюшко заложилъ это имѣніе родной сестрѣ и шурину. Министерство внутреннихъ дѣлъ не нашло возможнымъ входить въ разсмотрѣніе этого дѣла, такъ какъ завѣщаніе Костюшки будто-бы „распространяется лишь на личную свободу" крестьянъ, на что нѣтъ ихъ согласія и не предъявлено въ русскомъ присутственномъ мѣстѣ, имѣніе находится въ залогѣ, есть и другія денежныя претензіи, требующія судебнаго разбирательства, а между тѣмъ неизвѣстно, осталось ли послѣ Костюшки какое-либо другое имущество, достаточное для уплаты его долговъ. Арх: Мин. Внутр. Дѣлъ, Дѣла о свободныхъ хлѣбопашцахъ, № 181; ср. (Korzon) „Kościuszko" 539—540.

***) Limanowski. Historya demokracyi polskiej w epoce porozbiorowej. Zurych, 1901, 88—89.

мѣстника въ государственномъ совѣтѣ Царства Польскаго 30 мая 1818 г. помѣщикъ въ своемъ имѣніи по праву владѣнія считался войтомъ гмины, могъ отправлять его обязанности лично или чрезъ предложеннаго имъ войта или чрезъ выбраннаго владѣльцемъ замѣстителя, при чемъ, однако, администрація могла не утвердить представленнаго владѣльцемъ войта *). Такимъ образомъ, крестьянинъ былъ не только въ экономической зависимости отъ помѣщика, какъ отъ землевладѣльца, но и въ зависимости отъ него, какъ войта гмины, имѣющаго право подвергать его наказаніямъ, не исключая и тѣлесныхъ.

Освобожденіе крестьянъ въ Герцогствѣ Варшавскомъ имѣло положительное вліяніе въ сосѣдней Пруссіи, ускоривъ дѣло крестьянской реформы, подъ вліяніемъ опасенія, что нѣмецкіе крестьяне начнутъ переселяться въ Герцогство Варшавское. Хотя эти опасенія и были преувеличены **), но они показываютъ, что даже высшіе представители администраціи Пруссіи, гдѣ реформа подготовлялась на совершенно другихъ началахъ, полагали въ это время, что уничтоженіе въ герцогствѣ крѣпостного права безъ надѣленія крестьянъ землею можетъ показаться соблазнительнымъ прусскимъ крестьянамъ и заставить ихъ покинуть занимаемыя ими земли. Тѣмъ болѣе понятно, что наша, преимущественно военная, молодежь, вошедшая въ составъ тайнаго общества, не умѣла разобраться во вредныхъ послѣдствіяхъ безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Польшѣ.

Польскій примѣръ могъ вліять на нашу интеллигентную молодежь и литературнымъ путемъ. Въ 1809 г. былъ напечатанъ въ въ Вильнѣ русскій переводъ книги гр. Стройновскаго «Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами», вышедшей въ предыдущемъ году на польскомъ языкѣ, авторъ которой рекомендовалъ помѣщикамъ личное освобожденіе крестьянъ, съ сохраненіемъ права собственности помѣщиковъ на всю землю, и заключеніе арендныхъ договоровъ по добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ, при чемъ онъ считалъ наиболѣе удобною отдачу земли крестьянамъ въ вѣчное владѣніе ***) на условіяхъ барщиннаго труда, съ правомъ крестьянина продать участокъ при сохраненіи тѣхъ же условій относительно землевладѣльца. Личное освобожденіе должно состоять въ правѣ переселенія съ одного мѣста на другое, но тамъ, гдѣ существуютъ подушная подать и рекрутскіе наборы, это право можетъ дать только правительство ****). Вліяніе книги Стройновскаго могло

*) Dziennik Praw, t. VI, 34—41.

**) Knapp. Bauern-Befreiung, I, 127.

***) Въ русскомъ переводѣ употреблялся въ этомъ случаѣ терминъ „собственность" (напр., стр. 177).

****) Идеи эти Стройновскій желалъ примѣнить въ своихъ имѣніяхъ Волынской губерніи и въ апрѣлѣ 1812 г. далъ крестьянамъ (7213 душъ) вѣчную свободу (безъ права переселенія) съ исполненіемъ за землю бар

еще усиливаться тѣмъ, что она была задержана московскою администраціею и сдѣлалась доступною публикѣ лишь въ 1811 году, а также тѣмъ, что вызывала яростные протесты консерваторовъ, какъ, напр., гр. Растопчина.

Пропагандѣ идеи безземельнаго освобожденія могъ весьма содѣйствовать и появившійся въ печати отвѣтъ проф. Якоба на задачу вольнаго экономическаго общества о сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда, авторъ котораго рекомендовалъ въ небольшихъ имѣніяхъ обезземеленіе крестьянъ съ превращеніемъ ихъ въ свободныхъ работниковъ, въ другихъ же помѣстьяхъ совѣтовалъ раздавать земли на условіи наслѣдственной аренды, предоставляя поденщикамъ и дѣтямъ крестьянъ наниматься, у кого они хотятъ. Академикъ Шторхъ, авторъ обширнаго труда по политической экономіи, изданнаго въ Петербургѣ въ 1815 г. на французскомъ языкѣ, допускалъ и безземельное освобожденіе крестьянъ наряду съ другими способами рѣшенія крестьянскаго вопроса.

Примѣръ Польши отозвался вредно на остзейскихъ провинціяхъ Россіи, гдѣ при попустительствѣ, а иногда даже подстрекательствѣ русскаго правительства или высшихъ мѣстныхъ представителей администраціи проведено было въ законодательномъ порядкѣ въ 1816—19 гг. безземельное освобожденіе крестьянъ *), а эта реформа въ свою очередь явилась новымъ аргументомъ въ пользу возможности такого освобожденія. Если принять во вниманіе, что крестьянская реформа въ Остзейскомъ краѣ осуществлялась постепенно въ теченіе довольно продолжительнаго переходнаго періода, и что вредныя послѣдствія ея обнаружились значительно позднѣе, становится вполнѣ понятнымъ, что освобожденіе крестьянъ безъ земли не казалось декабристамъ столь вреднымъ, какъ это находимъ мы **)

Въ виду этого понятно, что Н. Тургеневъ, проникнутый идеями экономическаго либерализма, допускаетъ въ своемъ дневникѣ въ декабрѣ 1815 г. безземельное освобожденіе (хотя и называетъ его «самымъ строгимъ»), съ восторгомъ привѣтствуетъ въ 1816 г. безземельное освобожденіе крестьянъ въ Эстляндіи, и даже гораздо

щины въ опредѣленномъ размѣрѣ. Актъ этотъ былъ явленъ въ Луцкомъ повѣтовомъ судѣ. Когда въ 1814 г. Стройновскій пожелалъ обратить этихъ крестьянъ въ свободныхъ хлѣбопашцевъ, и министерство внутреннихъ дѣлъ потребовало отъ него исполненія правилъ закона 1803 года, а слѣдовательно, и удостовѣренія, что крестьяне согласны принять эти условія, Стройновскій отказался отъ намѣренія обратить ихъ въ свободные хлѣбопашцы. Арх. минист. внутр. дѣлъ. Дѣла о свободныхъ хлѣбопашцахъ, № 136.

*) См. А. Тобинъ. „Лифляндское аграрное законодательство въ 19 столѣтіи. Т. I, Положеніе о крестьянахъ 1804 и 1819 г.; A. Gernet. „Geschichte und System des bäuerlichen Agrarrechts in Estland. Reval, 1901.

**) Якушкинъ очень хорошо объясняетъ это въ своихъ запискахъ. Изд. 1905 года, стр. 73—74.

позднѣе, въ 1824 г., уже ознакомившись съ осужденіемъ въ печати крестьянской реформы въ Остзейскомъ краѣ, полагаетъ, что все же новый порядокъ лучше стараго, что примѣненіе его въ Россіи было бы «благодѣяніемъ» для крестьянъ и что «свобода, какъ она ни была укутана въ учрежденія и въ условія невыгодныя, все—свобода», и что ни одного помѣщика невозможно увѣрить въ томъ, что земля принадлежитъ крестьянину, «а безъ помѣщиковъ нельзя произвести дѣла освобожденія». Это пишетъ Тургеневъ въ своемъ дневникѣ для себя самого, и, слѣдовательно, сомнѣваться въ его искренности совершенно невозможно. Соотвѣтственно этому въ 1827 г., въ письмѣ къ брату Александру, онъ прямо говоритъ, что, если не предлагалъ никому освобожденія крестьянъ съ землею, то потому, что боялся испугать помѣщиковъ и «отдалить ихъ мысли отъ освобожденія» *).

Если такъ смотрѣлъ Тургеневъ, одинъ изъ самыхъ образованныхъ членовъ Союза Благоденствія и Сѣвернаго тайнаго общества, еще въ юности поставившій себѣ задачею своей жизни улучшеніе положенія крестьянъ, трудившійся на пользу ихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, защищавшій ихъ интересы и въ печати, неустанно думавшій объ окончательномъ рѣшеніи ихъ участи, то можно ли удивляться незрѣлости плановъ другихъ декабристовъ относительно крестьянской реформы? Изъ признаній Тургенева видно, что рѣшающимъ моментомъ для него въ вопросѣ о томъ, освобождать ли крестьянъ съ землею, или безъ земли, была возможность немедленнаго осуществленія того или другого способа. Признавая въ запискѣ 1819 г. (представленной въ янв. 1820 г. чрезъ гр. Милорадовича имп. Александру), что самодержавіе можетъ сыграть огромную положительную роль въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса, Тургеневъ видѣлъ, что въ дѣйствительности представитель самодержавной власти обнаруживаетъ вообще слишкомъ мало энергіи въ этомъ отношеніи, а въ частности относительно крестьянской реформы въ Остзейскомъ краѣ воля правительства въ сильной степени обусловливается желаніемъ дворянства. Отсюда понятно убѣжденіе Тургенева, что «безъ помѣщиковъ нельзя произвести дѣла освобожденія», отсюда и предложеніе мѣръ, на которыя могло бы согласиться дворянство, а также и проповѣдь нѣкоторыхъ декабристовъ, что освобожденіе крестьянъ (безъ земли) было бы полезно самимъ помѣщикамъ. Въ этомъ сказывались не сословные интересы декабристовъ, какъ владѣльцевъ населенныхъ имѣній, а лишь неумѣніе придумать что либо лучшее не въ теоріи только, но и немедленно осуществимое. Неудовлетворительность практическаго предложенія Тургенева для окончательнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, т. е. допущеніе имъ безземельнаго освобожденія,

*) Н. Тургеневъ. „Чего желать для Россіи". Лейпцигъ, 1868 г. стр. 208.

объясняется въ значительной степени и тѣмъ, что, вступивъ въ Союзъ Благоденствія въ 1819 году, будучи также весьма вліятельнымъ членомъ Сѣвернаго общества, онъ, какъ можно догадываться, читая его дневники, повидимому, недостаточно вѣрилъ въ возможность въ скоромъ времени государственнаго переворота, а потому и выставлялъ не наиболѣе идеальныя требованія, какъ это дѣлалъ Пестель, а возможное даже и при данномъ политическомъ строѣ: не даромъ и позднѣе, издавая въ 1847 г. за границей свою извѣстную книгу «La Russie et les Russes», онъ раздѣлилъ свои предложенія реформъ на осуществимыя при самодержавіи и возможныя лишь при конституціонномъ строѣ.

Принявъ все это во вниманіе, мы не станемъ удивляться, что первыя предположенія декабристовъ относительно уничтоженія крѣпостного права отличаются большою неопредѣленностью. Несмотря на то, что, при основанія Союза Спасенія, зимою 1816—17 гг., первоначально, хотя и недолгое время, освобожденіе крестьянъ, какъ видно изъ показанія Пестеля, было единственною цѣлью общества,—чувствовалось отсутствіе сознанія того, какъ осуществить эту реформу. Всего яснѣе видно это изъ записокъ Якушкина, который, заявивъ въ томъ же 1816 г. своему дядѣ, управлявшему его небольшимъ имѣніемъ въ Смоленской губерніи, что желаетъ освободить крестьянъ, признается, что «въ это время не очень понималъ, ни какъ это можно устроить, ни того, что изъ этого выйдетъ, но, имѣя полное убѣжденіе, что крѣпостное состояніе—мерзость, былъ проникнутъ чувствомъ прямой обязанности освободить людей», отъ него «зависящихъ». Слова Якушкина, что дядя взглянулъ на него, просто какъ на сумасшедшаго, показываютъ, какое первостепенное значеніе имѣла даже одна пропаганда идеи необходимости освобожденія крестьянъ, внѣдренія въ сознаніе общества, что крѣпостное право—мерзость *). Отсюда и указаніе декабристовъ на выгодность для помѣщиковъ добровольнаго освобожденія ими крестьянъ **), что было скорѣе тактическимъ пріемомъ распространенія идеи эмансипаціи, чѣмъ выраженіемъ сословныхъ стремленій декабристовъ, отсюда и кажущееся столь наивнымъ настаиваніе нѣкоторыхъ изъ нихъ на необходимости «разговоровъ» объ освобожденіи крестьянъ, т. е. пропаганды этой идеи, отсюда и мысль членовъ Союза Спасенія «пригласить большую часть дворянства» подать просьбу о томъ государю, въ неосуществимости которой они скоро убѣдились. Было

*) „Члены Общества“ (Союза Спасенія), говоритъ кн. Трубецкой въ своихъ запискахъ (стр. 14), „были молодые люди, не имѣвшіе еще собственныхъ помѣстій; они не могли дать примѣра согражданамъ освобожденіемъ собственныхъ крестьянъ и потому имъ предстоялъ одинъ только способъ дѣйствія—убѣжденіе словомъ“. Позднѣе, однако, нѣкоторые декабристы были владѣльцами населенныхъ имѣній.

**) Ср. Записки Трубецкого, изд. 1907 г., стр. 14.

уже указано *), что прямое требованіе освобожденія крестьянъ не рѣшились даже внести въ первую часть устава Союза Благоденствія, вѣроятно, изъ боязни оттолкнуть отъ общества значительную часть дворянъ и возбудить гоненіе со стороны правительства. Нужно помнить, что проповѣдь эмансипаціи считалась тогда вещью преступною, и В. Ѳ. Раевскому, первому члену общества, попавшему подъ военный судъ, ставились во время слѣдствія въ вину даже рукописныя вылазки въ стихахъ и прозѣ противъ крѣпостного права. Во время верховнаго уголовнаго суда надъ декабристами, нѣкоторые судьи говорили, что желать уничтоженія рабства значитъ желать измѣненія государственнаго порядка; другіе, впрочемъ, съ этимъ не соглашались **).

Однимъ изъ примѣровъ того, какіе взгляды на крестьянскій вопросъ высказывали члены тайнаго общества въ первое время его существованія, можетъ служить записка 4-го апрѣля ***) 1818 г., написанная въ Москвѣ членомъ Союза Спасенія, а до 1819 г. включительно и Союза Благоденствія, Александромъ Ник. Муравьевымъ, въ видѣ возраженія на записки В. Н. Каразина по поводу освобожденія крестьянъ въ Эстляндіи и калужскаго губернскаго предводителя дворянства кн. Н. Г. Вяземскаго ****) (въ отвѣтъ на рѣчь къ дворянамъ малороссійскаго губернатора кн. Н. Г. Репнина). Въ запискѣ А. Н. Муравьева мы находимъ только общій протестъ противъ крѣпостного права, безъ указанія какихъ-либо практическихъ мѣръ къ его уничтоженію. Въ отвѣтъ на выраженіе признательности «россійскаго дворянина-старца щедротамъ царей» дворянству, А. Н. Муравьевъ говоритъ: «Чѣмъ же жаловали дворянъ»? «Помѣстьями, дающими имъ законное право»... Законное право (!!!) пользоваться—чѣмъ же? землями и трудами своихъ крестьянъ и располагать ихъ участью. Ежели это право законное, что же беззаконное?» *****) Кос-

*) „Русское Богатство“ 1908 г. № 4, стр. 61.

**) „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, Лейпц. 1872 г. стр. 17.

***) Въ копіи, хранящейся въ Архивѣ бр. Тургеневыхъ (№ 1173), эта записка помѣчена 13 мая 1818 г.

****) См. „Сборникъ историч. матер., извлечен. изъ Архива собств. Е. Вел. канц.“, вып. VII, 1905 г.

*****) Или вотъ характеристика, яко-бы, „патріархальной“ власти помѣщика: „Хорошъ тотъ патріархъ, который продаетъ, покупаетъ, торгуетъ себѣ подобными, мѣняетъ людей на собакъ, на лошадей, закладываетъ и уплачиваетъ ими свои долги, вопреки волѣ ихъ употребляетъ на свои удовольствія, прихоти, расторгаетъ браки и часто, весьма часто, удовлетворяетъ ими гнуснѣйшія свои страсти. Довольно! Упаси Боже отъ таковыхъ патріарховъ. Въ Африкѣ и Америкѣ начинаютъ уже чувствовать сіе беззаконіе и стараются прекратить оное, а мы, россіяне, христіане, имѣемъ въ нѣдрахъ отечества нашего, защитниковъ сей постыдной, сей богопротивной власти“. А вотъ указаніе на полезность крестьянской реформы: „Вы называете химерическими постановленіями тѣ, кои въ пользу

нувшись французской революціи, авторъ утверждаетъ, что она была бы предотвращена, если бы дворянство и духовенство «при первомъ собраніи генеральныхъ штатовъ... добровольно сложили съ себя готическія, феодальныя свои преимущества, которыя, впрочемъ, несравненно слабѣе были преимуществъ и власти дворянства въ Россіи». Общій выводъ автора очень неопредѣлененъ: «Я желаю, чтобы отношенія владѣющихъ и подвластныхъ совершенно были опредѣлены справедливымъ, непремѣннымъ, постояннымъ законоположеніемъ, основаниымъ на законѣ Божіемъ, слѣдовательно, на сущей правдѣ, законоположеніемъ, которымъ Россія возводилась бы на степень величія и благоденствія, къ коей она самимъ Творцомъ предназначена» *). Прочитавъ записку А. Н. Муравьева, Александръ I сказалъ: «Дуракъ! не въ свое дѣло вмѣшался!» **).

Желаніе Лунина освободить своихъ крестьянъ безъ земли въ 1819 г. посредствомъ духовнаго завѣщанія не соотвѣтствовало существующимъ законамъ, не допускавшимъ (къ счастію для крѣпостныхъ) освобожденія крестьянъ цѣлыми имѣніями безъ земли, и потому не могло быть осуществлено.

Безземельное освобожденіе считалъ возможнымъ и Н. М. Муравьевъ при составленіи имъ первой редакціи его проекта конституціи, сохранившейся въ бумагахъ кн. С. П. Трубецкого. Онъ началъ писать свой проектъ въ 1821 г. въ Минскѣ. Возможно было вліяніе въ это время на Муравьева и мѣстнаго польскаго дворянства, такъ какъ въ сѣверо-западной Россіи, по примѣру Остзейскаго края, уже за два-три года передъ тѣмъ стали обнаруживаться стремленія къ безземельному освобожденію. Такъ, дворянство Динабургскаго уѣзда изъявило намѣреніе даровать личную свободу крестьянамъ, и въ февралѣ 1819 г. послѣдовалъ рескриптъ объ учрежденіи, по выбору дворянъ, коммиссіи для составленія положенія, подобнаго изданному въ Прибалтійскомъ краѣ, и внесенія его затѣмъ, съ согласія уѣзднаго дворянскаго собранія, на утвержденіе государя. На собраніи дворянъ Виленской губ. въ 1818 г. также обсуждался вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Н. Муравьевъ въ первой редакціи своего проекта конституціи говоритъ: «Земли помѣщиковъ остаются за ними»; мало того, если крестьяне захотятъ оставить свое селеніе и переселиться въ другое мѣсто, то они должны вознаградить помѣщика за перерывъ въ полученіи доходовъ съ воздѣлываемой ими земли, что должно

---

36 милліоновъ дѣлаются: тѣ, кои обезпечатъ ихъ собственность, ихъ благосостояніе, ихъ бытіе, тѣ, кои умножатъ просвѣщеніе, образованіе нравовъ, увеличатъ промышленность, усовершенствуютъ хлѣбопашество, образуютъ внутреннюю торговлю, умножатъ богатства, увеличатъ народонаселеніе, тѣ, наконецъ, кои (выше всего) согласны съ правилами вѣры".

*) Записка эта напечатана безъ имени автора въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древн. рос.", 1859 г. т. III, 43--50.

**) Записки Трубецкого, стр. 17—18.

было быть опредѣлено особымъ закономъ. Но мы видѣли, что проектъ конституціи Н. Муравьева, даже и во второй, болѣе обработанной, редакціи не былъ одобренъ Тайнымъ Обществомъ и постоянно вызывалъ замѣчанія читавшихъ его. Такъ и это правило не осталось безъ протеста. Авторъ замѣчанія не только отмѣтилъ, что «при срочныхъ свободныхъ условіяхъ» такое постановленіе не нужно, но и высказалъ мнѣніе, что переходы крестьянъ разорительны какъ для нихъ, такъ и для помѣщиковъ, и что «*на первый случай* должно освобожденіе такъ устроить», чтобы такихъ переходовъ не было. Тутъ уже, слѣдовательно, является мысль о необходимости переходнаго періода, какъ это было и въ остзейскихъ крестьянскихъ положеніяхъ. И въ положеніи динабургскихъ дворянъ, по примѣру лифляндскаго положенія, былъ назначенъ 13-ти-лѣтній срокъ его полнаго осуществленія *). Такимъ образомъ, предположенія Н. Муравьева по крестьянскому вопросу подвергались обсужденію и развивались въ прогрессивномъ направленіи. Въ виду того, что конституція Н. Муравьева не была еще одобрена Сѣвернымъ Тайнымъ Обществомъ, никакъ нельзя приписывать взгляды Н. Муравьева всему этому обществу.

Непосредственныя наблюденія въ Западной Россіи съ ея крестьянскимъ строемъ, основаннымъ на подворномъ землевладѣніи, могли повліять и на отношеніе Н. Муравьева къ общинному землевладѣнію **), что можетъ, впрочемъ, объясняться и отрицательнымъ отношеніемъ къ нему нѣкоторыхъ русскихъ хозяевъ съ исключительно агрономической точки зрѣнія и вообще политическимъ либерализмомъ многихъ членовъ Сѣвернаго Общества. Въ первой редакціи Муравьевъ предлагаетъ, чтобы земли, населенныя удѣльными и экономическими (т. е. государственными) крестьянами, были признаны ихъ «собственностью» и предоставлены имъ «въ общественное владѣніе», но послѣдующіе законы «*могутъ опредѣлить*», какимъ образомъ онѣ «поступятъ изъ общественнаго въ частное владѣніе каждаго изъ поселянъ, и на какихъ правилахъ будетъ основанъ сей раздѣлъ общественной земли между ними». Уже и тутъ сказывается желаніе обратить общинное владѣніе въ подворное, но все же одинъ изъ читателей первой редакціи конституціи Н. Муравьева былъ неудовлетворенъ этимъ постановленіемъ и сдѣлалъ замѣчаніе, что «общая собственность—

*) По поводу аналогичнаго правила относительно арендныхъ крестьянъ первой редакціи конституціи Н. Муравьева было сдѣлано замѣчаніе, что крестьяне будутъ „не въ состояніи дать вознагражденіе"; и оно не осталось безъ результата: требованіе вознагражденія (въ случаѣ перехода крестьянина) владѣльцу земли или арендатору было во второй редакціи конституціи исключено.

**) Любопытно, что когда русская гвардія находилась въ 1821—22 гг. въ Западной Россіи, то нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ въ Витебскѣ участвовали въ польскомъ Патріотическомъ Обществѣ. Богдановичъ, т. VI, 175.

вѣрный способъ для *стоячаго* положенія земледѣлія», которое при ней будто бы никогда не можетъ совершенствоваться. Замѣчаніе это было принято во вниманіе, и во второй редакціи конституціи вмѣсто выраженія: «*могутъ опредѣлить*», сказано—*опредѣлятъ*, слѣдовательно, здѣсь Муравьевъ рѣшительно отдаетъ предпочтеніе подворному владѣнію.

Второю ступенью въ развитіи взглядовъ декабристовъ на крестьянскій вопросъ было предположеніе Якушкина освободить ихъ съ предоставленіемъ имъ безвозмездно усадебъ съ усадебною землею и общимъ выгономъ. Очень важно и то, что въ своей запискѣ Якушкинъ высказался въ пользу общиннаго землевладѣнія *), такъ какъ при немъ «всѣ частныя дѣйствія направлены духомъ общественности» и «не можетъ быть нищихъ», и потому совѣтуетъ дозволить крестьянамъ покупать землю цѣлымъ обществомъ. Впрочемъ, въ заявленіи въ министерство внутреннихъ дѣлъ Якушкинъ предполагалъ выразить готовность принять всякія постановленія, основанныя на взаимной пользѣ крестьянъ и помѣщика и не лишающія послѣдняго его собственности, состоящей въ землѣ **). Но нашъ законъ не допускалъ освобожденія крестьянъ безъ земли цѣлыми селеніями, и предположеніе Якушкина осуществлено не было, тѣмъ болѣе, что и крестьяне не пожелали принять его предложеніе.

Тургеневъ съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ плану Якушкина относительно освобожденія крестьянъ съ усадьбами и усадебною землею, и когда въ 1820 г. онъ принялъ участіе въ попыткѣ князя П. А. Вяземскаго, М. С. Воронцова, Меньшикова, гр. Потоцкаго и нѣкоторыхъ другихъ помѣщиковъ основать общество съ цѣлью постепеннаго освобожденія ихъ крѣпостныхъ, то въ основу предположеннаго этими лицами плана была положена мысль Якушкина объ освобожденіи крестьянъ съ усадебною землею (о дарованіи общаго выгона не упоминалось) на условіяхъ на долгое «время, даже наслѣдственной аренды» (Erbpacht). ***).

Быть можетъ, при посредствѣ Н. Тургенева, мысль Якушкина повліяла и на Никиту Муравьева, и во второй редакціи его конституціи, вмѣсто предложенія совершенно безземельнаго освобожденія крестьянъ, мы находимъ слѣдующее постановленіе: «земли помѣщиковъ остаются за ними», а дома крестьянъ съ огородами,

---

*) Онъ называетъ его такъ же, какъ и Муравьевъ, „общественнымъ владѣніемъ".

**) „Русскій Архивъ" 1865 г., стр. 1373—1379. Дѣло о предположеніяхъ Якушкина въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ попало въ 1907 г. въ число предназначенныхъ къ уничтоженію; къ счастію, еще есть нѣкоторая надежда его отыскать и спасти.

***) Болѣе подробно объ этихъ предположеніяхъ я буду говорить на основаніи неизданныхъ матеріаловъ, въ особомъ очеркѣ о взглядахъ Н. И. Тургенева на крестьянскій вопросъ въ царствованіе Александр I.

земледѣльческими орудіями и принадлежащимъ имъ скотомъ признаются собственностью крестьянъ. Но и такое постановленіе не удовлетворило нѣкоторыхъ членовъ Сѣвернаго Общества, и на копіи второй редакціи конституціи Н. Муравьева, написанной рукою Рылѣева, сдѣлано рукою И. И. Пущина замѣчаніе: «ежели огородъ, то земля».

Третій изъ числа предложенныхъ въ царствованіе имп. Александра I способовъ измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ, а затѣмъ и совершеннаго ихъ освобожденія состоялъ въ обращеніи ихъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ съ опредѣленіемъ размѣра повинностей и съ предоставленіемъ имъ, по истеченіи извѣстнаго времени, права перехода. Предположеній этого рода было сдѣлано не мало въ первой четверти XIX вѣка, хотя нѣкоторыя изъ нихъ могли остаться и неизвѣстными декабристамъ. Къ этому типу относятся предположенія, высказанныя Сперанскимъ, какъ въ его первомъ политическомъ трактатѣ, такъ и въ знаменитомъ «Введеніи къ уложенію государственныхъ законовъ» 1809 г. Я упоминалъ уже о свидѣтельствѣ Завалишина, что нѣкоторые декабристы «ссылались, въ подкрѣпленіе своихъ замысловъ», на попытки Сперанскаго. Было указано также на то, что въ архивѣ братьевъ Тургеневыхъ сохранилась не только копія плана государственныхъ преобразованій Сперанскаго 1809 года, но и его трактатъ 1802 г. съ собственноручными поправками Сперанскаго. Магницкій въ одномъ своемъ доносѣ 1831 г. говоритъ: «Всѣ... бумаги, опечатанныя при высылкѣ Сперанскаго изъ Петербурга въ 1812 г., подъ предлогомъ принадлежности ихъ къ предмету коммиссіи законовъ, какимъ-то образомъ добыты Александромъ Тургеневымъ, который мнѣ самъ сіе сказывалъ, и поступили уже не знаю куда» *). А. Тургеневъ служилъ въ коммиссіи законовъ и, принявъ эти бумаги въ 1822 г. по приказанію главноуправляющаго коммиссіею кн. П. В. Лопухина **), вѣроятно, часть ихъ оставилъ у себя; затѣмъ онѣ были увезены за-границу и дали возможность Н. И. Тургеневу впервые познакомить Россію и Зап. Европу съ планами Сперанскаго въ книгѣ «La Russie et les Russes (1847 г.). Такимъ образомъ, Н. И. Тургеневу были извѣстны предложенія Сперанскаго относительно крѣпостныхъ крестьянъ, а отъ него могли узнать ихъ и нѣкоторые его товарищи-декабристы. Въ трактатѣ 1802 г. Сперанскій предложилъ раздѣлить уничтоженіе крѣпостного права на двѣ эпохи: въ первой опредѣленіемъ повинностей крестьянъ въ пользу помѣщика и учрежденіемъ «нѣкоторой расправы» для разбора дѣлъ между ними крестьяне «изъ личной крѣпости помѣщика перейдутъ въ крѣпость землѣ и будутъ только припис-

*) „Русская Старина", 1899 г., № 1, стр. 83.

**) Бумаги Сперанскаго въ дѣлахъ II Отд. Соб. Е. Вел. Канц. въ Арх. Гос. Сов., связка № 828.

ными»; во вторую же эпоху, *«которая не можетъ быть близка»* и должна быть подготовлена частными распоряженіями, «возвратится крестьянамъ древнее ихъ право свободнаго перехода отъ одного помѣщика къ другому и тѣмъ самымъ совершится уже и конечное ихъ искупленіе» *). Во «Введеніи» 1809 г. Сперанранскій также высказывается за постепенность уничтоженія «гражданскаго рабства» и за принятіе для этого «дѣйствительныхъ мѣръ», которыя онъ и указываетъ **). Здѣсь Сперанскій рѣшительно порицаетъ освобожденіе крестьянъ безъ надѣленія землею. Указавъ на то, что въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки «земли обрабатываются большею частью наймомъ, и крестьяне не имѣютъ твердой осѣдлости», Сперанскій говоритъ «Участь крестьянина, отправляющаго повинности по закону и имѣющаго въ возмездіе свой участокъ земли, несравненно выгоднѣе, нежели положеніе бобылей, каковы суть всѣ (?) рабочіе люди въ Англіи, во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ». Это общее соображеніе Сперанскаго и указанныя имъ частныя мѣры отчасти навѣяны: 1) разрѣшеніемъ всѣмъ свободнымъ состояніямъ пріобрѣтать землю въ собственность, 2) закономъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и 3) лифляндскимъ Положеніемъ о крестьянахъ 1804 г., на которое онъ смотритъ, какъ на примѣръ и опытъ опредѣленія повинностей крестьянъ. Всѣмъ этимъ законамъ онъ придавалъ очень большое значеніе и называлъ ихъ «государственными» ***). Если эти предположенія Сперанскаго относительно постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ могли быть извѣстны очень немногимъ декабристамъ, то лифляндское Положеніе 1804 г. было доступно всѣмъ, но оно не оказало вліянія на развитіе ихъ идей по крестьянскому вопросу, потому что въ то время, когда начала развиваться дѣятельность Тайнаго Общества, это положеніе уже было замѣнено освобожденіемъ крестьянъ въ 1819 году безъ предоставленія имъ права на землю. Въ духѣ обращенія крѣпостного права въ прикрѣпленіе къ землѣ съ сохраненіемъ за крестьянами неотъемлемаго владѣнія землею высказывался и Каразинъ, взгляды котораго были извѣстны Тургеневу, А. Н. Муравьеву и нѣкоторымъ другимъ членамъ Тайнаго Общества ****). Каразинъ энер-

---

*) См. мою статью „Первый политическій трактатъ Сперанскаго". „Рус. Бог." 1907 г., № 1, стр, 80—81.

**) Лишеніе помѣщиковъ права наказывать крѣпостныхъ безъ суда и отдавать въ военную службу не по очереди; представленіе крѣпостнымъ права располагать своею собственностью и исполнять работы и вносить платежи по закону или условію, а не по произволу другого.

***) „Историческое Обозрѣніе", т. X, 14—15, 29—32.

****) Многіе изъ нихъ могли встрѣчаться съ Каразинымъ въ Вольномъ обществѣ любителей русской словесности. См. статью Н. К. Кульмана „Изъ исторіи общественнаго движенія въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I". „Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ" 1908 г., т. XIII, кн. I, стр. 140.

гично протестовалъ противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Эстляндіи и даже утверждалъ, что «земля есть собственность народа наравнѣ съ помѣщиками», что «помѣщики были всегда только распорядителями земли» *). Но личныя несимпатичныя качества Каразина, доходившаго до прямыхъ доносовъ министру внутреннихъ дѣлъ Кочубею на нѣкоторыхъ декабристовъ и писателей, отталкивали отъ него, и потому не мудрено, что устроители предполагаемаго въ 1820 г. общества съ цѣлью освобожденія крестьянъ поспѣшили отдѣлаться отъ Каразина, одновременно хлопотавшаго объ устройствѣ «Общества добрыхъ помѣщиковъ», или «Друзей отчизны», для «улучшенія участи поселянъ», первою задачею котораго должно было быть «составленіе опыта устава для помѣщичьихъ имѣній». Помимо невозможности для декабристовъ имѣть дѣло съ Каразинымъ, отъ котораго они могли бы кое-чему научиться въ крестьянскомъ вопросѣ, они расходились съ нимъ и въ основномъ принципѣ, такъ какъ они не желали довольствоваться обращеніемъ крѣпостного права въ прикрѣпленіе къ землѣ, а стремились къ совершенному освобожденію крестьянъ. Поэтому указанный третій способъ измѣненія быта крестьянъ, т. е. путемъ ряда многихъ подготовительныхъ мѣръ съ передачею земли въ неотъемлемое пользованіе крестьянъ (подъ условіемъ исполненія ими повинностей, размѣръ которыхъ долженъ былъ быть опредѣленъ закономъ) и не нашелъ выраженія въ предположеніяхъ декабристовъ по крестьянскому вопросу **).

Постепенно декабристы не могли не придти къ мысли о необходимости земельнаго надѣла для крестьянъ. Укажемъ на нѣкоторыя вліянія, которыя должны были содѣйствовать развитію ихъ міросозерцанія въ этомъ направленіи. Нѣкоторые изъ членовъ Тайнаго Общества, какъ, напримѣръ, Штейнгель и Петръ Бестужевъ показали во время слѣдствія, что они читали сочиненіе Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Изъ дневника Н. И. Тургенева 1807 г. видно, что онъ въ то время уже прочелъ эту книгу. Всѣ они нашли въ сочиненіи Радищева знаменитыя

*) Что „мнѣніе одного украинскаго помѣщика, выраженное послѣ бесѣды съ своими собратіями о указѣ 1816 г. и объ эстляндскихъ постановленіяхъ“ принадлежитъ Каразину, прежде всего видно изъ его содержанія и слога, но есть и прямое свидѣтельство декабриста С. П. Трубецкого. См. его записки, изд. 1907 г., стр. 17, ср. „Чтен. Общ. Ист. и древн. росс.“, 1860 г. т. II, 223 или „Сборн. истор. матер., извлеч. изъ Арх. Соб. Е. Вел. Канц.“ VII, 148. Анахронизмъ относительно возраста автора, встрѣчающійся въ запискѣ, допущенъ очевидно умышленно для прикрытія авторства Каразина, однако свидѣтельство Трубецкого показываетъ, что нѣкоторые поняли или знали, кѣмъ написана эта записка.

**) Впрочемъ, членъ Общества Соединенныхъ Славянъ Спиридовъ въ своемъ показаніи совѣтовалъ: „не давая вольности крестьянамъ, сдѣлать ихъ вольными, т е. чтобы они производили сельскія работы на условіяхъ съ помѣщиками“.

слова: «Крестьяне удѣлъ въ землѣ, ими обрабатываемый, должны имѣть собственностью, ибо платятъ сами подушную подать». Книга Радищева была рѣдка вслѣдствіе конфискаціи ея правительствомъ, но, кромѣ печатныхъ экземпляровъ, существовали и рукописные. Зато всѣмъ доступны были другія сочиненія Радищева, собраніе которыхъ вышло въ Москвѣ въ 1811 г. въ 6 частяхъ. Приведенная мысль «Путешествія» повторена здѣсь въ «Описаніи моего владѣнія», хотя и въ смягченномъ и неполномъ видѣ, очевидно, по цензурнымъ причинамъ: «Кажется, поелику селянинъ платитъ подать, то онъ для удовлетворенія тому долженъ имѣть собственность» (ч. IV, 147). Пріятель Радищева Пнинъ въ своемъ «Опытѣ о просвѣщеніи относительно къ Россіи» утверждалъ, что важнѣйшій предметъ законодательства долженъ состоять въ томъ, чтобы «предписать законы, могущіе опредѣлить собственность земледѣльческаго состоянія» и сдѣлать ее «неприкосновенной» (эта книга была недозволена ко второму изданію, и оставшіеся экземпляры перваго были отобраны изъ книжныхъ лавокъ). Академикъ Шторхъ, въ своемъ курсѣ политической экономіи 1815 г., въ ряду другихъ способовъ освобожденія крестьянъ, допускалъ и освобожденіе ихъ со всею землею или частью ея на различныхъ условіяхъ.

На ряду съ литературными вліяніями мысль о необходимости освобожденія крестьянъ съ землею вызывалась и нѣкоторыми русскими и иностранными узаконеніями о крестьянахъ. Законъ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ допускалъ освобожденіе крестьянъ цѣлыми вотчинами по добровольнымъ соглашеніямъ *не иначе, какъ съ землею,* за денежный выкупъ или исполненіе въ теченіе извѣстнаго времени опредѣленныхъ повинностей. Требованіе этого закона относительно введенія при освобожденіи крестьянъ подворнаго владѣнія обыкновенно не исполнялось *).

Декабристамъ, совершавшимъ походы въ Пруссію и передѣлывавшимъ уставъ прусскаго Союза Добродѣтели, не могло остаться неизвѣстнымъ, что тамъ эдиктомъ 9-го окт. 1807 г. было установлено постепенное (до 1810 г. включительно) уничтоженіе наслѣдственной зависимости крестьянъ, а по закону о регулированіи 14-го сентября 1811 г. крестьяне могли получать въ собственность находившіяся въ ихъ наслѣдственномъ владѣніи земли уступкою помѣщику $^1/_3$ надѣла, а находившіяся въ не наслѣдственномъ владѣніи—половины земли. Для добровольнаго соглашенія былъ установленъ двухлѣтній срокъ, а если обѣ стороны не воспользуются своимъ правомъ въ теченіе этого срока, то соглашеніе должно было быть достигнуто при посредствѣ правительственныхъ учрежденій, по ходатайству

*) Нужно замѣтить, что 17 помѣщиковъ (изъ 161) отпустили на волю своихъ крестьянъ безъ всякой платы. Впрочемъ, если исключить освобожденіе 7000 душъ въ Виленской губ., не вполнѣ соотвѣтствовавшее условіямъ закона, то во всѣхъ остальныхъ случаяхъ были освобождены безъ платы только 415 душъ м. п.

одной изъ сторонъ, если же его не послѣдуетъ, то должно вмѣшаться правительство и рѣшить это дѣло своею властью *). Мы видѣли изъ замѣчанія И. И. Пущина на вторую редакцію проекта конституціи Н. Муравьева, что его не удовлетворило предположеніе освободить крестьянъ съ однѣми усадьбами; вѣроятно, таково же было мнѣніе и другихъ членовъ союза для освобожденія крѣпостныхъ, къ которому онъ принадлежалъ. Примѣръ Пруссіи, гдѣ за крестьянами была сохранена значительная часть земли при ихъ освобожденіи, могъ также вліять на Н. Муравьева, и вотъ въ письменномъ пересказѣ имъ конституціи по памяти во время слѣдствія мы находимъ такое постановленіе: «Крѣпостное право отмѣняется. Помѣщичьи крестьяне получаютъ въ свою собственность дворы, въ которыхъ они живутъ, скотъ и земледѣльческія орудія, въ оныхъ находящіяся, и по двѣ десятины земли на каждый дворъ для осѣдлости ихъ. Земли же они обрабатываютъ по договорамъ обоюднымъ, которые они заключаютъ съ владѣльцами оныхъ. Они получаютъ право пріобрѣтать земли въ потомственное владѣніе». Двѣ десятины на дворъ крестьяне, очевидно должны были получить безплатно. Если они желали обрабатывать въ свою пользу большее количество земли, то должны были арендовать ее у помѣщиковъ по свободнымъ договорамъ или пріобрѣтать въ «потомственное владѣніе». Если сопоставить это выраженіе съ тѣмъ, что въ планахъ предполагаемаго общества помѣщиковъ 1820 года, въ которомъ участвовали братья Тургеневы, упоминалось о наслѣдственной арендѣ, то нужно думать, что тутъ дѣло шло объ арендѣ за опредѣленныя разъ навсегда платежи и повинности въ пользу землевладѣльца. Безплатное надѣленіе крестьянъ двумя десятинами земли «для осѣдлости ихъ» было, конечно, неудовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса. Даже Аракчеевъ въ своемъ проектѣ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, составленномъ въ 1817 г. по приказанію государя, предлагалъ ежегодно отпускать изъ казны 5 мил. рублей для покупки помѣщичьихъ имѣній со всею землею по добровольному соглашенію или на основаніи особыхъ правилъ, если бы съ крестьянами продавалась лишь часть земли. По проекту Аракчеева всякій помѣщикъ могъ потребовать покупки у него крестьянъ съ надѣломъ по двѣ десятины на *ревизскую душу* (т. е. значительно болѣе того, что Муравьевъ предлагалъ даровать имъ въ собственность) съ правомъ оставить остальную землю въ свою пользу. Конечно, между обоими проектами существенная разница въ томъ, что Н. Муравьевъ проектировалъ обязательное прекращеніе крѣпостного права во

*) Декларація 29 мая 1816 года внесла значительное ограниченіе въ законъ 1811 года, опредѣливъ, что подлежатъ регулированію только крестьяне, владѣющіе полною упряжкою и удовлетворяющіе еще нѣкоторымъ другимъ условіямъ. Knapp, Bauern-Befreiung, I. 136, 166, 169, 184—189.

всей Россіи, а Аракчеевъ—ежегодное пріобрѣтеніе въ казну небольшого количества крестьянъ, но даже и минимальный размѣръ надѣла, даваемаго крестьянамъ въ собственность, по проекту Аракчеева, все же болѣе, чѣмъ по проекту Муравьева. Относительно пріобрѣтенія земли въ «потомственное владѣніе» Муравьевъ не предложилъ никакихъ правилъ *).

Вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею очень занималъ Н. И. Тургенева, какъ видно изъ его дневниковъ. Еще въ 1816 г. онъ спрашиваетъ въ своемъ дневникѣ: «почему земля болѣе принадлежитъ помѣщику, нежели крестьянамъ?» Въ томъ же году, вѣроятно, подъ вліяніемъ прусскаго законодательства, у него является мысль объ отдачѣ крестьянину половины помѣщичьей земли, при чемъ, считаясь съ интересами помѣщиковъ, имѣющихъ мало крестьянъ и много земли, онъ предполагалъ опредѣлить максимумъ участка крестьянина. Въ томъ же году онъ задумывается надъ предоставленіемъ крестьянамъ «въ вѣчное владѣніе» участковъ земли съ запрещеніемъ отчуждать ихъ или образовать изъ нихъ майораты, а затѣмъ дать имъ право и возможность покупать новыя земли. Въ мартѣ 1819 г. онъ мечтаетъ о томъ, чтобы «хоть черезъ годъ» освободить своихъ крестьянъ, «оставя за ними землю», и утверждаетъ, что владѣльцы имѣнія при этомъ ничего не потеряли бы (очевидно, крестьяне должны были бы платить за землю извѣстную арендную плату), но видитъ препятствіе къ осуществленію этихъ плановъ въ несочувствіи имъ его матери. Въ 1820 г. Тургеневъ колеблется между регламентированіемъ повинностей за пользованіе землею и опредѣленіемъ размѣра ихъ свободнымъ договоромъ. Наконецъ, въ томъ же году онъ выражаетъ желаніе, чтобы крестьянамъ дана была въ собственность часть земли «по соразмѣрности», опредѣливъ при томъ minimum и maximum ея количества.

Въ письмѣ изъ Лондона въ 1827 г. Н. Тургеневъ писалъ брату А. И—чу, что „болѣе полезнымъ для государства средствомъ" было бы предоставленіе крестьянамъ не только свободы, но и „куска земли". Онъ совѣтуетъ искать „лучшихъ и самыхъ дѣйствительныхъ средствъ... не въ Россіи, не въ томъ, что тамъ предполагаемо было, но въ другихъ земляхъ, и именно въ Пруссіи. Я самъ, даже и бывъ въ Россіи, всегда думалъ, что лучшее и полезнѣйшее для государства было бы раздѣлить землю, теперь помѣщиками владѣемую, впрочемъ, не поровну между господами и крестьянами" (намекъ на планы Пестеля), „сдѣлавъ ихъ независимыми одинъ отъ другого". Указавъ на то, что не предлагалъ этого, чтобы не испугать помѣщиковъ, Тургеневъ продолжаетъ: „Въ Пруссіи это сдѣлано, и сіе истинно государственное благодѣяніе увѣнчалось успѣхомъ... Для насъ это было бы слишкомъ хорошо. Не надобно искать совершенства, гдѣ и менѣе совершенное было бы такъ благодѣтельно" **).

---

*) Есть извѣстіе, что планъ Аракчеева былъ уже одобренъ государемъ и не былъ приведенъ въ исполненіе лишь вслѣдствіе революцій въ государствахъ Южной Европы и волненія Семеновскаго полка. „Девятнадцатый вѣкъ", изд. Бартенева. М. 1872 г. II, 146—149.

**) Н. Тургеневъ. „Чего желать для Россіи?" Лейпц. 1868 г., стр. 208—209.

Такимъ образомъ, Тургеневъ въ концѣ концовъ пасуетъ предъ практическими затрудненіями и даже черезъ четверть вѣка въ своей книгѣ «La Russie et les Russes» еще утверждаетъ, что личное, безземельное освобожденіе наиболѣе возможно и осуществимо (хотя въ это время уже вполнѣ выяснился весь вредъ освобожденія по Остзейскому образцу) и лишь въ послѣднемъ, третьемъ томѣ своего труда высказывается за освобожденіе съ землею, при чемъ, однако, въ видѣ *наибольшаго* надѣла предлагаетъ дать крестьянамъ одну десятину на душу или три десятины на тягло. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что мнѣнія Н. Тургенева по вопросу объ освобожденіи крестьянъ въ его книгѣ, изданной въ 1847 г., вызвали негодованіе его бывшаго товарища по Сѣверному Обществу Н. А. Бестужева, и это еще болѣе заставляетъ думать, что и предположеніе Н. Муравьева по тому же предмету, даже въ окончательномъ видѣ, не пользовалось общимъ сочувствіемъ декабристовъ.

Опытъ Якушкина показалъ, что освобожденія съ однѣми усадебными землями крестьяне не принимали; тѣ изъ декабристовъ, которые приходили въ соприкосновеніе съ крестьянами, должны были понимать, что ихъ не удовлетворятъ и 2 десятины на дворъ, а между тѣмъ провести безвозмездное принудительное отчужденіе помѣщичьихъ земель въ большемъ размѣрѣ, очевидно, казалось членамъ Сѣвернаго Общества невозможнымъ; оставался, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, одинъ исходъ—выкупъ земель, и это ранѣе всѣхъ другихъ членовъ Сѣвернаго Общества понялъ Якушкинъ, жившій въ своемъ имѣніи и задумывавшійся надъ способами освобожденія своихъ крестьянъ, а въ Южномъ Обществѣ—Пестель.

Мѣры, принятыя въ Западной Европѣ относительно выкупа помѣщичьихъ земель, вѣроятно, до нѣкоторой степени были извѣстны декабристамъ. Во время французской революціи первоначально феодальныя повинности были раздѣлены на подлежащія выкупу и отмѣняемыя безвозмездно, но въ концѣ концовъ декретомъ конвента 17 іюля 1793 г. были уничтожены безъ вознагражденія и тѣ повинности, которыя должны были выкупаться по закону 25 августа 1792 года, кромѣ чисто земельныхъ, а не феодальныхъ рентъ, хотя различить ихъ на практикѣ было невозможно *).

Въ Германіи, еще въ концѣ 1807 г., появилась брошюра, предлагающая выкупъ крестьянами земли, учрежденіе кредитной кассы и отпускъ крестьянамъ въ кредитъ $^2/_3$ выкупной суммы, которыя съ надбавкою 4% онъ можетъ погасить, внося въ теченіе 28 лѣтъ по 6%, считая въ томъ числѣ и % погашенія **). Въ Баваріи въ 1807 г. всѣ поземельныя ренты деньгами и продуктами были объявлены подлежащими выкупу, но не иначе, какъ

*) Н. И. Карѣевъ. „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка". М. 1879 г., гл. 8.

**) Knapp. Die-Bauern-Befreiung I, 158—161.

по добровольному согласію обѣихъ сторонъ, а конституціею 1 мая 1808 г. уничтожено крѣпостное право тамъ, гдѣ оно еще существовало въ Баваріи *). Въ баварской конституціи 27 мая 1818 г., переведенной въ томъ же году на русскій языкъ, было сказано: «Во всемъ пространствѣ Баварскаго королевства не можетъ существовать крѣпостного подданства. Всѣ прежде бывшія крѣпостныхъ людей повинности или барщина должны быть точно и подробно опредѣлены; но и отъ сихъ можно откупиться». Въ Баденской конституціи 22 августа 1818 года, въ томъ же году переведенной на русскій языкъ, было сказано, что особымъ закономъ будетъ установленъ размѣръ выкупа барщины и всѣхъ вообще повинностей уничтоженнаго крѣпостного подданства. Закономъ 5 октября 1820 г. въ велик. герц. Баденскомъ личные крѣпостные платежи были уничтожены съ выдачею полнаго вознагражденія изъ государственнаго казначейства и регулированъ былъ выкупъ поземельныхъ повинностей: платежей произведеніями земли, наслѣдственныхъ чиншей (деньгами и натурою) и лаудемій **); выкупа могла требовать какъ та, такъ и другая изъ заинтересованныхъ сторонъ, при чемъ выкупной капиталъ равнялся годичной цѣнности повинности, помноженной на 9—18; иногда допускалось и обращеніе выкупного капитала въ 5% денежную ренту ***). Въ 1821 г. (7 іюня) былъ изданъ въ Пруссіи законъ о выкупѣ какъ принудительной службы, такъ и другихъ повинностей имѣющими полную упряжку крестьянами. Выкупъ принудительной службы обязателенъ по требованію каждой изъ сторонъ, при чемъ обязанная сторона, взамѣнъ службы, даетъ вознагражденіе, по своему усмотрѣнію, землею или рентою; рента можетъ быть замѣнена единовременнымъ взносомъ, превышающимъ ее въ 25 разъ. Удовлетвореніе рентою и выкупъ ея въ такой же пропорціи примѣняется и къ выкупу другихъ повинностей ****).

---

*) Seb. Hausmann. Die Grund-Entlastung in Bayern. Strassb. 1892, S. 98, 114; „Освобожденіе крестьянъ на Западѣ и исторія поземельныхъ отношеній въ Германіи. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften". Пер. подъ ред. Н. Водовозова и С. Булгакова. Изд. М. И. Водовозовой. М. 1897 г., стр. 216.

**) „Освобожденіе крестьянъ на Западѣ", стр. 225; русскій переводъ баварской и баденской конституцій 1818 г., см. „Духъ Журналовъ" 1818 г., т. XXXI, 543, 633.

***) Лаудеміями назывались сборы, взимаемые при переходѣ имѣнія въ руки новаго землевладѣльца, при вступленіи каждаго новаго хозяина во владѣніе участкомъ, при переходѣ участка по наслѣдству въ боковую линію, при женитьбѣ хозяина, при сдачѣ или продажѣ его надѣла. Сочиненія Самарина II, 360. Лаудеміи въ Баваріи достигали иногда разорительныхъ для крестьянъ размѣровъ. Hausmann, 69.

****) Knapp, I. 200—204. Въ Познани, возвращенной Пруссіи въ 1815 г., прусское правительство запретило помѣщикамъ въ 1819 г. изгнаніе крестьянъ по своему усмотрѣнію, т. е. была объявлена безусловная охрана крестьянства до регулированія. Законъ 8 апрѣля 1823 г. о

Якушкину, вѣроятно, былъ извѣстенъ русскій переводъ баденской и баварской конституцій въ «Духѣ Журналовъ», гдѣ онъ могъ найти упоминаніе и о выкупѣ повинностей крестьянъ. Идею эту онъ могъ позаимствовать и у нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ Западной Россіи. Такъ, русскій сенаторъ, помѣщикъ Волынской губерніи, гр. Стройновскій, въ актѣ 1812 г., которымъ онъ давалъ своимъ крестьянамъ личную свободу съ предоставленіемъ имъ земли за барщинную повинность (однако, безъ права перехода) могли выкупить свои повинности по истеченіи перваго, второго и третьяго тридцатилѣтія, даже и безъ согласія помѣщика (въ остальное же время лишь съ его согласія), помножая годовую стоимость повинности на 24 *). Но, конечно, мысль о выкупѣ могла придти въ голову Якушкину и самостоятельно или подъ вліяніемъ Пестеля, который въ Тульчинѣ въ 1820 г. читалъ ему отрывокъ объ устройствѣ волостей изъ своего плана государственнаго преобразованія **). Какъ бы то ни было, живя въ своемъ имѣніи (Смолен. губ. въ 1824 г. и пристально занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, онъ обрабатывалъ уже часть своихъ полей наемными людьми и надѣялся, что при улучшеніи положенія его крестьянъ, они скоро окажутся въ состояніи платить ему оброкъ, «часть котораго ежегодно учитывалась бы на покупку» (т. е. на выкупъ) «той земли, какою они пользовались, и что современемъ они, совершенно освободясь, будутъ имѣть въ собственность нужную имъ землю». Оставалось только примѣнить мысль о выкупѣ ко всѣмъ крѣпостнымъ крестьянамъ; Якушкинъ это и сдѣлалъ: 8 февраля 1825 г. онъ отправился въ Москву, а 10 января 1826 года былъ арестованъ. Ожидая ареста, онъ нарочно положилъ на столъ листокъ съ вычисленіями о выкупѣ крѣпостныхъ крестьянъ правительствомъ, надѣясь, что его возьмутъ во время обыска, и что онъ можетъ обратить на себя вниманіе высшихъ сферъ. Онъ даже предложилъ арестовавшему его полицеймейстеру взять эти вычисленія съ собою, но тотъ сказалъ, что они ему «нисколько не нужны». На первомъ же допросѣ Якушкинъ заявилъ, что «всего болѣе занимался отысканіемъ способа уничтожить крѣпостное состояніе въ Россіи», что этотъ «узелъ... долженъ быть развязанъ правительствомъ, или, въ противномъ случаѣ, насильственно разорванный, онъ можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія», и что правительство «можетъ выкупить крестьянъ у помѣщиковъ» ***).

регулированіи въ Познани отличался болѣе благопріятнымъ для крестьянъ характеромъ, сравнительно съ соотвѣтственными узаконеніями относительно старыхъ провинцій Пруссіи. Этимъ же закономъ въ Познани было введено и положеніе о выкупѣ 1821 г. Knapp, I. 206—208.

*) Арх. мин. внутр. дѣлъ. Дѣла о свободныхъ хлѣбопашцахъ № 136.

**) „Записки Якушкина", 43.

***) „Записки Якушкина", 1905 г., стр. 71, 79, 83. Что касается вычисленій Якушкина относительно выкупа крестьянъ во всей Россіи, то,

Любопытно, что Якушкинъ тогда еще ничего не зналъ о проектѣ конституціи Н. Муравьева (стр. 83). Разсказъ Якушкина объ его предположеніяхъ слѣдуетъ сопоставить со свидѣтельствомъ Завалишина, что въ совѣщаніяхъ членовъ Сѣвернаго Общества «большинство мнѣній склонялось къ выкупу государствомъ, что облегчалось тѣмъ, что большинство имѣній было заложено» *). Если это показаніе справедливо, то отсюда слѣдуетъ, что эти члены Сѣвернаго Общества сознали необходимость освобожденія крестьянъ съ землею. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ два предположенія въ Сѣверномъ Обществѣ относительно освобожденія крестьянъ съ землею: 1) общее обязательное освобожденіе крестьянъ съ двумя десятинами на дворъ безъ выкупа (Н. М. Муравьевъ) и 2) освобожденіе съ землею за выкупъ, уплаченный государствомъ. Имѣя въ виду, что Положеніе 19 февраля 1861 г. устанавливало и освобожденіе безъ выкупа въ размѣрѣ 1/4 высшаго надѣла, и лишь необязательный выкупъ съ надѣленіемъ землею въ большемъ размѣрѣ, но почти всегда въ количествѣ, меньшемъ сравнительно съ тѣмъ, сколько до того находилось въ пользованіи крестьянъ, историкъ, желающій судить о декабристахъ не съ современной точки зрѣнія, а считаясь съ условіями эпохи Александра I, едва ли имѣетъ право презрительно относиться къ членамъ Сѣвернаго Общества и клеймить ихъ укоромъ, что они руководствовались въ этомъ дѣлѣ эгоистическими сословными интересами: вѣдь они писали не теоретическій трактатъ, а обсуждали вопросъ о томъ, что можно сдѣлать немедленно. Многое и очень важное въ этомъ дѣлѣ оставалось еще невыясненнымъ, но декабристы могли думать, что окончательное устраненіе всѣхъ затрудненій будетъ возможно съ завоеваніемъ политической свободы, въ чемъ ихъ долженъ былъ поддерживать и опытъ французской революціи, во время которой, слѣдуетъ замѣтить, отъ первоначальныхъ предположеній о выкупѣ феодальныхъ повинностей постепенно пришли къ уничтоженію требованія выкупа.

Въ Южномъ Обществѣ господствовали взгляды по крестьянскому вопросу Пестеля, и даже раздѣлявшіе мнѣніе по этому предмету

имѣя въ виду его дружественныя отношенія съ М. А. Фонъ-Визинымъ, возможно предположеніе, не отразились ли его взгляды на запискѣ Фонъ-Визина 1842 г. (по поводу закона объ обязанныхъ крестьянахъ), въ которой онъ высказывалъ мысль, что можно совершенно покончить съ крѣпостнымъ правомъ посредствомъ выкупа помѣщичьихъ имѣній въ казну съ согласія владѣльцевъ, затрачивая ежегодно, въ теченіе 14 лѣтъ, по 30 милліоновъ руб. серебромъ наличными деньгами и, кромѣ того, выпуская въ это время ежегодно на 30 милліоновъ облигацій и переводя на счетъ казны долги дворянскихъ имѣній въ сохранной казнѣ воспитательнаго дома, въ заемныхъ банкахъ и въ губернскихъ приказахъ общественнаго призрѣнія. „Библіотека декабристовъ". М. 1907 г. Вып. IV, 109—123; ср. мою книгу „Крестьянскій вопросъ" II, 365—369.

*) „Русскій Вѣстникъ". 1884 г. № 2, стр. 844—845.

Н. Муравьева (какъ, напр., В. Л. Давыдовъ) считали себя обязанными подчиняться тому, что было принято ихъ обществомъ *), но, подобно тому, какъ во взглядахъ Н. Муравьева и Якушкина совершалась постепенно значительная прогрессивная эволюція, такъ и взгляды Пестеля не остались безъ измѣненія. По показаніямъ Н. Муравьева, въ первоначальномъ краткомъ наброскѣ его конституціи (на французскомъ языкѣ) Пестель предполагалъ постановить, чтобы всѣ помѣщичьи крестьяне при освобожденіи получали въ общественное владѣніе половину земель помѣщиковъ, однако съ тѣмъ, чтобы они платили тотъ же оброкъ, какъ и прежде. Сопоставивъ это показаніе съ особымъ наброскомъ Пестеля о «дѣлежѣ земель», который, очевидно, долженъ былъ послужить матеріаломъ при окончательной обработкѣ «Русской Правды», мы можемъ думать, что и въ первоначальномъ наброскѣ дѣло шло не о половинѣ обрабатываемыхъ только земель, о половинѣ всѣхъ земель а помѣщиковъ, не исключая и лѣса. Замѣчательна мысль о передачѣ земли въ «общественное владѣніе» **), слѣдовательно, съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія тамъ, гдѣ оно существовало, и съ введеніемъ его въ районѣ подворнаго владѣнія. Во всякомъ случаѣ, дѣло шло о серьезномъ обезпеченіи крестьянъ земельнымъ надѣломъ, и, даже въ этомъ первоначальномъ наброскѣ, планы Пестеля едва ли не благопріятнѣе для крестьянъ окончательныхъ предположеній Н. Муравьева.

Въ «Государственномъ Завѣтѣ» Пестеля (содержащемъ краткую программу его плана преобразованій), сохранившемся въ весьма неудовлетворительной копіи, послѣ изложенія устройства волостей и раздѣленія въ нихъ земель, сказано: «Переходъ изъ нынѣшняго положенія въ порядокъ, здѣсь предлагаемый, есть постепенный. У нынѣшнихъ помѣщиковъ земля откупается оброкомъ или работою лѣтнею. Напередъ заводится сіе въ казенныхъ имѣніяхъ и волостяхъ, а потомъ уже въ частныхъ. Оброчныя селенія и пахотныя селенія, дворовые люди, заводскіе крестьяне, продолжая нынѣшнія занятія въ положенное время, тѣ же сами откупаются, а дворовые—въ волости поступаютъ» ***). Такъ какъ въ «Русской Правдѣ» ничего не говорится о вознагражденіи помѣщиковъ за землю барщиной или оброкомъ, то очевидно, что составленіе Государственнаго Завѣта предшествуетъ извѣстной намъ редакціи «Русской Правды», и текстъ его, вѣроятно, ближе къ тому французъ-

*) Напротивъ, въ Петербургѣ къ предложенію Пестеля о раздѣленіи земель относились очень не сочувственно. Ср. письмо Муравьева-Апостола къ брату Сергѣю. Довнаръ Запольскій „Мемуары декабристовъ", 270. Извѣстно отрицательное отношеніе къ мнѣніямъ Пестеля по этому предмету Н. И. Тургенева. La Russie et et les Russes, I, 129—130.

**) Такъ называетъ Пестель въ „Русской Правдѣ" общинное владѣніе; тотъ же терминъ, какъ мы видѣли, употребляли и Якушкинъ, и Н. Муравьевъ.

***) „Гос. Арх." I, В. № 445, л. 8—9.

скому наброску, о которомъ сообщаетъ въ своемъ показаніи Н. Муравьевъ и гдѣ говорится объ уплатѣ крестьянами прежняго оброка за половину помѣщичьихъ земель, получаемыхъ въ «общественное владѣніе».

Предположеній «Русской Правды» относительно освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ Пестель такъ и не успѣлъ, къ величайшему сожалѣнію, окончательно обработать. И съ этимъ нужно считаться при обсужденіи его мнѣній по крестьянскому вопросу. Онъ выставилъ было здѣсь руководящее правило, что, при освобожденіи крестьянъ, дворяне не должны лишаться доходовъ, получаемыхъ съ своихъ помѣстій; но, на основаніи правилъ, указанныхъ въ особомъ наброскѣ о «дѣлежѣ земель» между помѣщиками и крестьянами, доходы нѣкоторыхъ изъ нихъ должны были значительно уменьшиться. Другимъ основнымъ принципомъ «Русской Правды» было требованіе, чтобы освобожденіе доставило крестьянамъ «лучшее положеніе противу прежняго, а не мнимую свободу» даровало бы имъ, чтобы «положеніе крестьянъ, елико возможно, было улучшено и на твердыхъ началахъ и правилахъ положительнымъ образомъ основано». Для выработки такого постановленія верховное правленіе должно было возложить на дворянскія собранія обязанность представить свои проекты и затѣмъ изъ всѣхъ ихъ «выборъ сдѣлать, цѣлое составить и оное въ ходъ и дѣйствіе привести». Нельзя, слѣдовательно, толковать это мѣсто такимъ образомъ, что крестьянская реформа отдавалась въ руки дворянскихъ собраній: ихъ проекты должны были дать только матеріалъ для Верховнаго Правленія, а такъ какъ «Русская Правда», по мысли Пестеля, являлась «вѣрнымъ наказомъ, какъ для народа, такъ и для временнаго правленія», и должна была быть обнародована (какъ прибавленіе къ манифесту сената), то, слѣдовательно, авторъ ея сознавалъ, что онъ долженъ дать верховному правленію болѣе опредѣленныя директивы для устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ. Въ Государственномъ Завѣтѣ предполагалось начать дѣло крестьянской реформы «въ казенныхъ *имѣніяхъ* и волостяхъ», при чемъ «земля откупается оброкомъ или работою лѣтнею», т. е. барщиною. Къ числу казенныхъ крестьянъ Пестель относилъ не только государственныхъ или экономическихъ, но и арендныхъ со старостинскими и удѣльныхъ *). У всѣхъ названныхъ крестьянъ «Русская Правда» устанавливаетъ раздѣлъ земель на двѣ равныя части между крестьянами каждой волости и казною, при чемъ одна половина должна была быть отдана «подъ названіемъ общественной

*) Съ бытомъ арендныхъ крестьянъ онъ могъ познакомиться во время своей службы въ Митавѣ въ 1814 — 18 гг., а жизнь удѣльныхъ крестьянъ могъ наблюдать въ Смоленской губ., гдѣ въ Краснинскомъ уѣздѣ находилось имѣніе его родителей. Такъ, напр., извѣстно, что Пестель гостилъ въ имѣніи отца въ 1824 г. Н. П. Павловъ-Сильванскій. „Пестель передъ верховнымъ уголовнымъ судомъ", 18.

земли волостному обществу», а другая оставалась бы собственностью казны. За общественную землю крестьяне должны были платить (по одному варіанту «Русской Правды») оброкъ въ теченіе 10—15 лѣтъ, а затѣмъ взиманіе его прекращалось *), казенную же землю они могли брать въ аренду. Сопоставивъ это правило съ показаніемъ Н. Муравьева о французскомъ наброскѣ и съ Государственнымъ Завѣтомъ, мы полагаемъ, что оброкъ, предложенный Пестелемъ относительно помѣщичьихъ крестьянъ въ этомъ наброскѣ, они должны были платить не безконечно, а «положенное время», до выкупа земли: въ «Государственномъ Завѣтѣ» прямо сказано, что «у нынѣшнихъ помѣщиковъ земля откупается оброкомъ или работою лѣтнею» **). Какъ бы то ни было, при новой, незаконченной обработкѣ «Русской Правды», Пестель, какъ видно изъ наброска о дѣлежѣ земель, предлагалъ уже иной способъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, основными принципами котораго являлись, смотря по большему или меньшему обилію земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, или безвозмездное принудительное отчужденіе половины помѣщичьихъ земель (если въ имѣніи болѣе 10 десятинъ на душу), или вознагражденіе дворянъ за отобранныя у нихъ земли, хотя и не всегда въ полной мѣрѣ ***), казенною землею ****) или деньгами изъ казны. Къ сожалѣнію, эта идея не была детально разработана; о ней свидѣтельствуетъ только отдѣльный набросокъ о «дѣлежѣ земель», въ которомъ указаны мѣры лишь относительно имѣній въ 1000 душъ и болѣе. Набросокъ этотъ доказываетъ, что процессъ выработки Пестелемъ проекта освобожденія крестьянъ былъ далеко не законченъ *****). Очевидно, мы не имѣемъ окончальной формулировки взглядовъ Пестеля относительно способовъ уничтоженія крѣпостного права, но, во всякомъ случаѣ, онъ ставилъ на первый планъ

*) По другому варіанту половина земли сразу отдавалась волостному обществу, съ тѣмъ условіемъ, что оно не должно имѣть права ни продавать, ни закладывать эту землю, „ибо она есть собственность неприкосновенная".

**) Судьба казенныхъ заводскихъ крестьянъ устраивалась въ „Русской Правдѣ" такимъ образомъ: они замѣнялись вольнонаемными или преступниками, а сами составляли волости на подобіе казенныхъ крестьянъ, при чемъ, въ случаѣ надобности, производились переселенія.

***) Вознагражденіе производилось не въ полной мѣрѣ, если въ имѣніи было болѣе 5 и менѣе 10 десятинъ на душу.

****) Вознагражденіе помѣщиковъ казенною землею примѣнялось правительствомъ въ Слободско-Украинской губерніи при принудительномъ отчужденіи ихъ земель подъ военныя поселенія. Полн. Собр. Зак. т. XXXIV, № 26860.

*****) Нужно замѣтить что, при отобраніи въ пользу общества земель „вольныхъ земледѣльцевъ" (вольныхъ крестьянъ, малороссійскихъ казаковъ, панцырныхъ бояръ, однодворцевъ, колонистовъ и др.), у которыхъ земли каждой волости предполагалось также раздѣлить пополамъ на общественныя и частныя, они всегда должны были получать по „Русской Правдѣ" вознагражденіе деньгами или казенною землею.

широкое обезпеченіе крестьянъ земельнымъ надѣломъ съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія.

По словамъ Пестеля, существовало (въ Западной Европѣ) два мнѣнія относительно аграрнаго вопроса: одни считали землю общею собственностью всего человѣческаго рода и потому полагали, что если «существуетъ хоть одинъ человѣкъ, который никакимъ обладаніемъ землею не пользуется, то воля Всевышняго и законъ природы совершенно нарушены и права естественныя и природныя человѣка устранены насиліемъ и зловластіемъ»; другіе признавали частную собственность на землю, какъ слѣдствіе труда, вложеннаго въ ея обработку. Находя, что въ обоихъ мнѣніяхъ много справедливаго, онъ думалъ воспользоваться выгодами того и другого, раздѣливъ землю каждой волости на двѣ половины и сдѣлавъ одну изъ нихъ общественною собственностью, а другую оставивъ въ рукахъ частныхъ землевладѣльцевъ или казны. Мною уже было указано *) на близость къ аграрнымъ идеямъ Пестеля предположеній, высказанныхъ въ брошюрѣ «О собственности», изданной въ Парижѣ въ 1791 г. и принадлежащей, по мнѣнію извѣстнаго историка французской революціи Олара, перу аббата де Курнана. Нельзя доказать, чтобы эта брошюра была извѣстна Пестелю **), но, во всякомъ случаѣ соціальныя идеи, высказанныя во время французской революціи, а также и взгляды французскихъ писателей вообще оказали на него большое вліяніе.

Ему, вѣроятно, была извѣстна теорія собственности физіократовъ, признающихъ ее священнымъ и неприкосновеннымъ продуктомъ труда. Съ трибуны якобинскаго клуба передѣлъ земель объявлялся утопіею; въ теченіе господства якобинцевъ право частной собственности неоднократно провозглашалось священнымъ, и вообще всѣ правительства въ теченіе революціи громко заявляли о своемъ уваженіи къ частной собственности.

Но въ то же время Робеспьеръ и большинство другихъ дѣятелей французской революціи видѣли въ собственности лишь «созданіе общества», соціальный институтъ, и потому утверждали, что она подлежитъ всѣмъ необходимымъ ограниченіямъ, а основанный въ 1790 г. Соціальный Кружокъ въ своемъ органѣ «Bouche de fer», извѣстномъ нѣкоторымъ и въ Россіи (напр., гр. Дмитріеву-Мамонову), проводилъ въ рѣчи аббата Фоше мысль, что право государ-

*) „Былое“ 1906 г. № 3, стр. 185.

**) Аббатъ Antoine de Cournand (1747—1814) былъ профессоромъ литературы въ Collège de France. Онъ вполнѣ сочувственно относился къ революціи, въ 1790 г. принялъ конституціонную присягу, а въ 1791 г. женился. Изъ воспоминаній И. А. Раевскаго („Ист. Вѣстн.“ 1905 г. № 8) видно, что въ 1825 г. въ Петербургѣ имѣли пансіонъ три брата de Cournand; одинъ изъ нихъ, человѣкъ „честный и дѣльный“, обучалъ древнимъ языкамъ. Быть можетъ, это были дѣти Антуана де Курнана (одинъ изъ нихъ даже носилъ имя Антуана). Если это такъ, то у нихъ могли быть сочиненія отца, и это могло облегчить знакомство съ ними Пестеля.

ства относительно собственности выше правъ всѣхъ другихъ лицъ. Гораздо рѣже высказывалась мысль объ общности имуществъ: кружкомъ Бабёфа и немногими его предшественниками; мысль же объ общественномъ владѣніи землею высказана была ранѣе въ книгѣ Морелли: «Code de la nature», которая приписывалась тогда Дидро.

Пестель признавалъ за всѣми право на существованіе и возлагалъ на государство обязанность дать каждому возможность осуществить это право. Въ этомъ отношеніи онъ былъ послѣдователемъ идей, высказанныхъ во время французской революціи (впрочемъ, эту мысль можно найти и у Монтескье). Такъ, Робеспьеръ утверждалъ, что одна изъ самыхъ настоятельныхъ обязанностей общества заключается въ обезпеченіи существованія всѣхъ его членовъ, въ видѣ ли доставленія имъ работы или снабженія средствами существованія лицъ, неспособныхъ къ труду. По мнѣнію аббата Фоше, сотрудника «Bouche de fer», каждый человѣкъ, «естественно, имѣетъ право на все то, что для него необходимо». Конституція 1793 г. предоставляетъ народу право на трудъ; издается цѣлый рядъ декретовъ, имѣющихъ цѣлью обезпечить ему пользованіе этимъ правомъ. Отсюда не трудно было сдѣлать выводъ о правѣ каждаго человѣка на участокъ земли. И, дѣйствительно, Фоше говоритъ, что «человѣкъ долженъ чувствовать себя верховнымъ хозяиномъ земли», «долженъ имѣть неотъемлемое право на извѣстную ея долю», обезпечивающую ему существованіе. Сенъ-Жюстъ утверждалъ, что «нельзя уничтожить нищеты, если не предоставить каждому гражданину земельный надѣлъ»; необходимо «уничтожить нищенство посредствомъ раздачи національныхъ имуществъ бѣднякамъ». Слѣдствіемъ этого было требованіе раздѣлить всю землю или извѣстную часть ея на равные участки, а чтобы неравенство не возобновилось, они должны быть неотчуждаемыми, недѣлимыми и находиться въ пожизненномъ владѣніи. Въ брошюрѣ «О собственности» (вѣроятно, аббата де-Курнана) предлагалось отдѣлить $^1/_2$ земель, которыя сдавались бы въ аренду, и арендная плата покрывала бы весь бюджетъ государства. Изъ остальныхъ земель каждый французъ имѣлъ бы участокъ въ $4^1/_2$ арпана (арпанъ нѣсколько менѣе $^1/_2$ десятины) въ пожизненномъ пользованіи, который могъ бы и сдавать въ аренду. За всеобщій раздѣлъ земель высказывались и другіе, напримѣръ, Шабо. Наша земельная община дала Пестелю возможность предложить ежегодный передѣлъ общественныхъ земель въ каждой волости *) (около 1000 душъ). Какъ мы видѣли, по одному, вѣроятно позднѣйшему, варіанту «Русской Правды», земля, отданная волости, должна была составлять ея неотчуждаемую собственность **) Съ уничтоженіемъ сословій

*) Впрочемъ, во французской брошюрѣ Делакруа, изданной во время революціи, брошена мысль и объ ежегодномъ общемъ передѣлѣ земель.

**) По „Запискѣ о государственномъ правленіи" Пестеля земля въ

каждый приписывался къ какой-либо волости, хотя бы посвящалъ себя и другимъ занятіямъ, и имѣлъ право на земельный участокъ, При передѣлѣ земли можно было просить не болѣе одного семейнаго участка (для мужа, жены и троихъ дѣтей), но требованія болѣе бѣдныхъ предпочитались требованіямъ болѣе богатыхъ *) Опасеніе возможности возникновенія современемъ слишкомъ большого земельнаго неравенства между волостями Пестель, повидимому, надѣялся устранить посредствомъ переселеній. Онъ полагалъ, что переселяться будутъ лишь тѣ, которымъ нельзя будетъ получить столько общественныхъ участковъ въ своей волости, сколько бы они пожелали, т. е. люди болѣе зажиточные. Планы Пестеля относительно аграрныхъ преобразованій, несмотря на признаніе имъ и частной собственности, нельзя не считать первыми зачатками соціализма въ Россіи.

Менѣе рѣшительные преобразователи во время французской революціи требовали не всеобщаго раздѣла земель, а только ограниченія размѣра земельныхъ владѣній каждаго, при чемъ, однако, допускали существованіе значительныхъ помѣстій. Надъ мыслью объ установленіи maximum'а размѣра частновладѣльческихъ земель задумывался членъ Южнаго Общества, Крюковъ 2-й. Сдѣлавъ выписку изъ французскаго перевода біографіи Гракховъ Плутарха, Крюковъ говоритъ въ своихъ набросках: «Всякій гражданинъ имѣетъ право объявить правительству, что такой-то гражданинъ нарушаетъ законъ, обладая свыше позволеннаго имѣніемъ подъ чужимъ именемъ или какимъ бы то ни было другимъ образомъ. Кто достигнетъ до количества положеннаго законами имѣнія и захочетъ имѣть больше того, отрѣшить отъ должностей» **). У Пестеля мы встрѣчаемъ упоминаніе о мнѣніяхъ философа Платона относительно законодательства. Борисовъ 2-й, основатель Общества Соединенныхъ Славянъ, ранѣе увлекался республикою Платона и желалъ осуществленія ея на дѣлѣ. Во время французской революціи, какъ извѣстно, также оказывали сильное вліяніе античные образцы ***).

Вопросъ о томъ, былъ ли Пестель знакомъ съ нѣкоторыми произведеніями Фурье, Сенъ-Симона и Оуэна, остается открытымъ. Но если принять во вниманіе, что Лунинъ имѣлъ въ Парижѣ личныя сношенія съ Сенъ-Симономъ въ 1816 году, а кн. Ѳ. П. Ша-

---

Донскомъ и Аральскомъ удѣлахъ должна принадлежать казачьимъ станицамъ. По „Русской Правдѣ" въ Донскомъ удѣлѣ „вся земля есть общая принадлежность, и всѣ казаки составляютъ только одно сословіе", а аральскіе казаки устраиваются по образцу донскихъ.

*) Если вѣрить „Приложенію къ докладу слѣдственной коммиссіи", по разсчету Пестеля приходилось не болѣе 5 десятинъ на душу „Рус Арх." 1875 г., т. III, 486.

**) Гос. Арх., I В. № 408, л. 19—20.

***) Лихтенберже. „Соціализмъ и французская революція", перев. съ франц. Стеклова. Спб. 1907 г.

ховской, отправляясь въ крѣпость, захватываетъ съ собою сочиненіе Оуэна, то въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Въ ихъ идеяхъ онъ могъ бы найти подкрѣпленіе для своей мысли о преобладающемъ значеніи права на землю (а слѣдовательно, и занятія сельскимъ хозяйствомъ), которую онъ высказалъ въ «Русской Правдѣ» *).

Но было бы неправильно думать, что Пестель, удѣляя главное вниманіе (какъ онъ самъ говорилъ А. Поджіо) устройству волостей и вопросу освобожденія крестьянъ, забывалъ объ интересахъ рабочихъ; онъ, напротивъ, стремился сдѣлать ихъ болѣе независимыми, предоставивъ имъ право на землю. Въ неизданномъ французскомъ отрывкѣ труда, предшествующаго «Русской Правдѣ», онъ говоритъ: «Бѣдный живетъ только своимъ трудомъ; богатый—своими помѣстьями, своими капиталами. Бѣдный не можетъ отсрочить полученіе своего заработка, такъ какъ, не имѣя другого капитала, кромѣ своего труда, онъ умираетъ съ голоду, если у него нѣтъ работы. Богатый можетъ получить свои доходы и позднѣе, жить нѣкоторое время капиталомъ и такимъ образомъ понудить бѣднаго принять всѣ условія, какія ему будутъ предложены, чтобы только имѣть работу. То, что одинъ можетъ ждать, а другой этой возможности не имѣетъ, составляетъ причину многихъ золъ. Изъ этого видно, что, чѣмъ менѣе будетъ людей, живущихъ только своимъ трудомъ, т. е. чѣмъ менѣе будетъ поденщиковъ, тѣмъ менѣе будетъ несчастныхъ. Но такъ какъ, несмотря на самые лучшіе законы и учрежденія, всегда будутъ поденьщики, то правительство должно оградить ихъ отъ произвола богатыхъ и не забывать, что несчастные бѣдняки также бываютъ больными, немощными, старѣютъ и, наконецъ, не могутъ зарабатывать свое скудное пропитаніе. Я указалъ на источникъ зла. Уничтоженіе его составляетъ обязанность высшихъ государственныхъ сановниковъ. Я очень хорошо знаю, что всѣ аристократы, какъ титулованные, такъ и денежные, возстанутъ противъ этихъ принциповъ, но геній зла дозволялъ-ли когда либо предлагать добро и не объявлялъ ли онъ всегда войну не на животъ, а на смерть, тѣмъ болѣе ожесточенную и упорную, чѣмъ о болѣе значительныхъ интересахъ шло дѣло. Пусть правительство, пожелавшее вступить на столь благородный путь, не обращаетъ вниманія на ихъ крикливыя обвиненія. Любовь и благословенія всего народа вполнѣ защитятъ его отъ безсильной ненависти нѣсколькихъ порицающихъ его эгоистовъ **).

В. Семевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) См. статью Н. С. Русанова „Вліяніе западно-европейскаго соціализма на русскій. «Минувшіе годы» 1908 г. № 5—6, стр. 35.

**) Гос. Арх. I В., № 10, отрывокъ на франц. языкѣ, л. 20.

СОБЛАЗНЪ.

Романъ *Вильгельма Гегелера.*

Пер. съ нѣмецкаго **А. М. Брумберга.**

XVIII.

Когда Эрнстъ рано утромъ слѣдующаго дня позвонилъ въ квартиру Шлехтендаля, ему открылъ дверь не его пріятель, какъ обыкновенно въ это время, и не старикъ-портной, а дѣвочка-служанка, которая съ безсмысленной улыбкой спросила:

— Что угодно?

— Дома Августъ?

— Онъ боленъ.

— Что съ нимъ?

— Не знаю.

— Нельзя ли его видѣть?

— Нѣтъ, нельзя.

— Отчего?

— Этого я не знаю.

— А гдѣ господинъ Шлехтендаль?

— Его нѣтъ.

— А госпожа Шлехтендаль?

— Она только что ушла.

— Такъ пустите меня въ комнату Августа. Мнѣ необходимо поговорить съ нимъ.

— Но мнѣ не велѣли. Да его и дома нѣтъ совсѣмъ.

— Что? Развѣ? Вы вѣдь сказали, что онъ боленъ.

— Да, госпожа Шлехтендаль сказала, что мальчикъ боленъ. А потомъ они ушли. Больше я ничего не знаю.

Въ неописуемомъ безпокойствѣ Эрнстъ побѣжалъ въ гимназію. Но и здѣсь Августа не было. Учитель Закона Божія, который давалъ первый урокъ, просто записалъ въ дневникъ: „Нѣтъ, по неизвѣстной причинѣ". Этимъ вопросъ былъ

исчерпанъ для всѣхъ, кромѣ Эрнста. Послѣднему же предстояло пережить четыре мучительныхъ, безконечныхъ часа, пока къ нему среди всѣхъ треволненій не явилась вдругъ мысль, что съ его другомъ не можетъ собственно случиться ничего страшнаго. Вѣдь онъ совершенно невиненъ, и онъ, Эрнстъ, сознается во всемъ.

Какъ только онъ уяснилъ себѣ это, онъ тотчасъ же успокоился. Съ наслажденіемъ самобичеванія онъ началъ представлять себѣ, что можетъ послѣдовать послѣ его признанія, какая кара можетъ постичь его. Но у него явилось еще и другое представленіе, поразившее его горькимъ стыдомъ и подавляющимъ сознаніемъ виновности. Передъ его духовнымъ взоромъ разомъ предсталъ мучительный вопросъ: „Что? Неужели я это дѣйствительно сдѣлалъ? Неужели это возможно? Неужели?“

Это произошло въ тотъ моментъ, когда онъ представилъ себѣ лицо матери, ея взглядъ, ея ужасъ, когда онъ сознается во всемъ отцу. Она, которая своими удивительными глазами умѣла видѣть и то, чего другіе не замѣчали, она пойметъ и эту его выходку злобнаго изувѣрства, она почувствуетъ, что, разрушая фонтанъ, который былъ, въ сущности, ея собственностью и, во всякомъ случаѣ, ея любимымъ дѣтищемъ, онъ хотѣлъ нанести ударъ именно ей. Да, противъ нея были направлены удары его молотка. Ей онъ хотѣлъ нанести оскорбленіе... И она это почувствуетъ, если онъ и не сознается въ этомъ...

И за что, за что? Въ чемъ она передъ нимъ провинилась? Съ мучительнымъ напряженіемъ, съ истерзаннымъ сердцемъ онъ еще разъ прошелъ по запутаннымъ стезямъ своей мятежной души. Что собственно произошло такое? Въ годовщину смерти его матери они собирались пойти на вечеръ. Вотъ что привело его въ такую бѣшенную ярость. Но чѣмъ была ей покойница, которой она и не знала даже? Но и отецъ его забылъ про годовщину и пилъ шампанское въ тотъ день. „А ты,—нашептывалъ ему насмѣшливый голосъ,— а ты, ты самъ, развѣ ты не забылъ про годовщину?! Развѣ твоя вина меньше, простительнѣе, чѣмъ вина твоихъ родителей?! Почему ты взбѣсился на нихъ, а не на себя?“

Вершина чужой вины, на которой онъ стоялъ столь увѣренной ногой съ такимъ непоколебимымъ чувствомъ своей правоты, вдругъ треснула и разсыпалась, точно песокъ. Передъ нимъ во всемъ ужасѣ предстало его безуміе. Его рука была еще какъ будто парализована и вся горѣла отъ той ужасной силы, съ которой онъ сжалъ вчера молотокъ, а то, что онъ совершилъ, казалось ему уже не геройскимъ

подвигомъ, а непонятной, преступной злобой противъ человѣка, который оказывалъ ему одно лишь добро.

Хотя на собраніи, кромѣ Эрнста Брооха и Августа Шлехтендаля, тайно присутствовало лишь нѣсколько учениковъ, тѣмъ не менѣе, къ десятичасовой перемѣнѣ вся гимназія уже знала всѣ подробности вчерашняго скандала. Изуродованіе фонтана вызвало всеобщее возмущеніе, и неизвѣстнаго злоумышленника надѣляли всѣми оскорбительными эпитетами, какіе только были извѣстны этой пестрой толпѣ мальчиковъ. Нѣкоторые утверждали, что это былъ, вѣрно, пьяный, но, въ общемъ, всѣ склонялись къ тому, что это былъ одинъ изъ членовъ „Евангелическаго рабочаго союза", въ которомъ Дистеркампъ является почетнымъ предсѣдателемъ. Мальчики тутъ же отпускали всякія остроты по адресу пастора, и все время не прекращался громкій смѣхъ. Но еще большее веселье возбуждали скандалезныя похожденія Мими фрейлейнъ Дюмелингъ. Кто изъ нихъ не встрѣчалъ ихъ обѣихъ на улицѣ, кто не наблюдалъ похожденій Мими? Эти сцены, а также масляничныя приключенія кондитера Батге не могли не дать школьникамъ темъ для щекочущихъ разговоровъ и пикантныхъ замѣчаній.

Что же касается несчастія господина Рингеля, насчетъ котораго были пущены въ ходъ разныя шутливыя предположенія, то аптекарь нашелъ четырехъ храбрыхъ защитниковъ въ лицѣ своихъ сыновей, учениковъ приготовительнаго, перваго, третьяго и четвертаго классовъ. Эти его защитники, болѣе храбрые, чѣмъ ихъ робкій родитель, готовы были дать въ зубы каждому, кто посмѣетъ усомниться въ томъ, что ихъ папа отнюдь не упалъ въ обморокъ, а поскользнулся вслѣдствіе сломавшейся ножки стула. Такъ какъ они подкрѣпляли свое убѣжденіе кулаками, то имъ очень скоро повѣрили. Только самый старшій зашелъ слишкомъ далеко въ своей смѣлости, объявивъ себя защитникомъ всего „комитета нравственности", за что онъ былъ поставленъ подъ насосъ, дабы охладить его „нравственную горячку", ибо „нравственность" въ это утро была на плохомъ счету у мальчиковъ: она попросту „потеряла кредитъ", какъ выразился Фрицъ фонъ-Люне.

Еще два урока, математика и нѣмецкій языкъ, и—катастрофа разразится... Мальчикъ, подпирая руками тяжелую голову, по временамъ вяло потиралъ лобъ, на которомъ точно колючія иглы, выступали капли холоднаго пота. Какимъ смѣшнымъ казалось ему теперь поведеніе господина Шнеллера, какимъ глупымъ казался ему его собственный страхъ передъ этими злобными, водянисто-голубыми глазами,

которые бѣгали во всѣ стороны, между тѣмъ, какъ въ насмѣшливо открытомъ рту шевелился языкъ, выговаривающій вяло растянутыя слова:

— Такъ къ доскѣ... ммм...

Слѣдовала пауза, во время которой не у одного изъ учениковъ громко билось сердце: „Ну, скорѣе ужъ мое имя!"—„Мнѣ наплевать!" — думалъ на этотъ разъ Эрнстъ. Но Шнеллеръ точно выпалилъ другое имя, и карандашъ въ его рукѣ съ искусанными ногтями, съ быстротою молніи, указалъ на другого ученика. Эрнстъ опять ушелъ въ себя.

Онъ свалился бы подъ тяжестью позора и осужденія, которыми его безсознательно осыпали товарищи, если бъ не насмѣшливая озлобленность, которая поддерживала его, точно желѣзная опора.

Ахъ, всѣ они, сидящіе здѣсь, не желающіе пресытиться ругательствами и поношеніями, что они такое, и что они знаютъ? Что знаютъ они о томъ, какъ совершилось это злодѣяніе? Теперь, при этомъ всеобщемъ осужденіи, онъ нашелъ защитника въ своемъ собственномъ лицѣ и, успокоившись немного, съ холодной ясностью воспроизвелъ состояніе своей души, увидѣлъ, какъ одно вытекало изъ другого: слова дяди, его борьба, дикое возбужденіе собранія, его собственное волненіе. Такъ должно было кончиться. Да, да... Но это, разумѣется, мало помогаетъ. Изъ-за этого никто, разумѣется, не сочтетъ его поступокъ болѣе простительнымъ.

Раздался звонокъ. Послѣ короткой перемѣны явился профессоръ Мартини. Часовая стрѣлка подвигалась впередъ. Всего еще сорокъ минутъ. „Wir reiten still, wir reiten stumm. Und reiten ins Verderben"... *). Эти слова не выходили у него изъ головы. Они, точно тихій напѣвъ, звучали во всемъ, о чемъ онъ думалъ.

Къ концу урока, который профессоръ далъ съ меньшимъ оживленіемъ и интересомъ, чѣмъ обыкновенно, Мартини попросилъ Эрнста пойти съ нимъ, такъ какъ ему нужно завернуть къ его отцу.

Когда они быстрыми шагами проходили мимо остальныхъ учениковъ, старикъ положилъ свою руку на голову мальчика и спросилъ:

— Ты знаешь, въ чемъ дѣло?

— Нѣтъ, а въ чемъ?

— Ну, ну... ты скоро узнаешь... Позоръ,—прибавилъ онъ, бормоча.

Еще нѣсколько выраженій, какъ: „Этого еще не доста-

*) „Мы ѣдемъ тихо, ѣдемъ безмолвно и ѣдемъ навстрѣчу гибели".

вало"... „Тутъ всякій встрѣчный и поперечный начнетъ колотить"... „Взвалить на этого бѣднаго парня вину"... „Старый грѣшникъ"... встрѣчались въ отрывистомъ монологѣ, которымъ старикъ Мартини короталъ дорогу до дома Брооховъ.

Эрнстъ позвонилъ, пропустилъ впередъ профессора, которому прислуга указала на лѣвую комнату, и, рѣшивъ сознаться во всемъ, послѣдовалъ за нимъ. Но раньше, чѣмъ онъ успѣлъ произнести хоть одно слово, раньше, чѣмъ успѣлъ разглядѣть пеструю компанію, господина Пампуха и Богъ вѣсть кого еще на плетеныхъ стульяхъ, онъ уже услышалъ произнесенныя съ какой-то дикой энергіей слова Августа:

— Вотъ онъ самъ! Онъ можетъ подтвердить, что онъ ни о чемъ не знаетъ.

— Замолчишь ты, негодный мальчишка! — накинулся на него отецъ, поднявъ руку и остановивъ ее въ небезопасной близости отъ лѣвой щеки своего отпрыска, лицо котораго приняло уже цвѣтъ вареннаго рака.

— Ради Бога, успокойтесь, успокойтесь, господинъ Шлехтендаль,—упрашивала госпожа Броохъ, хватая его за руку.

— Пусть онъ не двигаетъ руками. Что ты дѣлаешь пальцами? Протяни ихъ, не то...

Эрнстъ невольно обратилъ вниманіе на руку Августа, протянутый большой палецъ которой усердно двигался туда и сюда, что на языкѣ мальчиковъ означало: „Держать языкъ за зубами, ни въ чемъ не сознаваться!"

— Здравствуй, Эрнстъ,—сказалъ Августъ, дерзко кивая своему другу.

Эрнстъ подалъ руку матери, которая съ такою силою сжала ее, что онъ почувствовалъ какъ-бы острую боль во всемъ тѣлѣ, потомъ поздоровался съ отцомъ Августа, который отвѣтилъ на его рукопожатіе озабоченнымъ: „ахъ, мальчикъ, мальчикъ!", потомъ поклонился чужому господину, судебному коммиссару, въ насмѣшливо мигающихъ за очками глазахъ котораго можно было прочесть: „Эй, паренекъ, ужъ мы вытянемъ изъ тебя твои секреты", или что-нибудь подобное. Кивнувъ, наконецъ, и Пампуху, онъ подалъ руку отцу. Коммерціи совѣтникъ строго указалъ ему на стулъ и коротко сказалъ:

— Сядь здѣсь.

Но раньше, чѣмъ сѣсть, Эрнстъ подошелъ еще и къ своему другу, чтобъ пожать его руку.

Всѣ безъ исключенія состроили серьезныя лица.

Но самое торжественное и важное выраженіе придалъ своему лицу Пампухъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ огромный

глобусъ. Лицо Пампуха было столь-же красно, какъ синь былъ глобусъ, и лишь немногимъ меньше глобуса была его голова. Такъ какъ онъ сильно потѣлъ послѣ изряднаго количества алкоголя, поглощеннаго имъ еще съ утра, то ему поминутно приходилось вытирать лобъ и лицо, для чего ему служила скомканная замшевая перчатка. Онъ старался дышать по возможности сдержанно и безшумно, но это ему плохо удавалось, и при каждомъ дыханіи закрученные кверху волосики его усовъ приходили въ движеніе.

Однако, самой интересной фигурой, на которую поминутно обращались всѣ взоры, былъ Августъ Шлейхтендаль. Его обычно миролюбиво-вялое, немного дряблое лицо было совершенно измѣнено выраженіемъ злобнаго, дикаго упорства. Къ тому же, въ его недовѣрчиво блуждающихъ глазахъ мелькало нѣчто вродѣ хитрости преступника.

И, дѣйствительно, со вчерашняго вечера съ нимъ обращались, какъ съ преступникомъ. Послѣ того, какъ онъ былъ схваченъ Памнухомъ, его потащили прямо въ полицію. Но тутъ ни ругательства, ни угрозы не могли его склонить ни къ какому признанію. Больше часу нѣсколько чиновниковъ бились съ нимъ, пока онъ соизволилъ назвать себя.

Потомъ, когда около трехъ часовъ ночи призвали старика Шлехтендаля, началась новая исторія. Когда Пампухъ разсказалъ, какъ онъ во время обхода улицъ, дошедши до базара, застигъ мальчика на мѣстѣ преступленія, какъ онъ сначала тихо подкрался, потомъ съ размаху перескочилъ черезъ край фонтана и стащилъ ничего не подозрѣвавшаго злоумышленника, когда Пампухъ все это разсказалъ, къ Августу вдругъ вернулся даръ слова, и онъ далъ совершенно другое описаніе происшествія. Не онъ, а какой-то неизвѣстный мужчина разбилъ фонтанъ и онъ, Августъ, хотѣлъ было стащить того... Неизвѣстный мужчина! Этотъ незнакомецъ вызвалъ насмѣшливый хохотъ всѣхъ чиновниковъ, присутствовавшихъ въ канцеляріи полиціи.

— Эти штуки мы знаемъ, паренекъ! Это оговорка всѣхъ васъ, хитрецовъ. Но это тебѣ не поможетъ. Тебя застали in flagranti. Враками своими ты еще хуже запутаешься.

Вотъ, что ему отвѣчали. Но ни эти насмѣшки, ни хитрыя обѣщанія не въ состояніи были сломить его упорство. Онъ, наоборотъ, иронически спросилъ Пампуха: „развѣ, подкрадываясь, надо раньше свистнуть? Не помнитъ-ли онъ, какъ онъ на бѣгу споткнулся о свою шашку и растянулся во весь ростъ?“

Но Пампухъ заявилъ, что и свистокъ, и паденіе такая-же выдумка, какъ неизвѣстный мужчина.

Пришлось, такимъ образомъ, отпустить и отца, и сына, но

утромъ допросъ возобновился; госпожа Шлехтендаль въ своей материнской озабоченности побѣжала къ своему женатому сыну, который подалъ мудрый совѣтъ—обратиться къ Брооху.

Вотъ почему дальнѣйшіе допросы были перенесены въ домъ коммерціи совѣтника. Но тутъ и на Эрнста пало подозрѣніе въ соучастіи. Ибо, когда госпожа Броохъ узнала отъ своего мужа о происшествіи, она неосторожно проронила слова: „Если это только не былъ Эрнстъ". Потомъ она сейчасъ-же спохватилась и всячески старалась устранить это подозрѣніе. Во всякомъ случаѣ, доказано было одно: Эрнстъ вмѣстѣ со своимъ другомъ былъ на собраніи. Коммерціи совѣтникъ, крайне взволнованный, сказалъ уже чиновнику, что онъ не успокоится, пока эта подлость не будетъ выведена на чистую воду. И, если даже будетъ скомпрометированъ его собственный сынъ, пусть виновные не избѣгнутъ кары!

Итакъ, рѣшено было подвергнуть Эрнста перекрестному допросу, для котораго Пампухъ заготовилъ нѣсколько съ виду чрезычайно невинныхъ, но на самомъ дѣлѣ крайне коварныхъ вопросовъ. Но какъ разъ въ тотъ моментъ, когда этотъ хитроумный планъ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе, профессоръ Мартини разстроилъ всѣ приготовленія: онъ пересталъ шептаться съ господиномъ Броохомъ, съ присущей ему молодцоватой манерой подошелъ къ Пампуху и крикнулъ:

— Послушайте-ка, все, что говорилъ здѣсь Августъ Шлехтендаль, мнѣ кажется очень вѣроятнымъ. Гораздо болѣе понятнымъ, чѣмъ...

— Господинъ профессоръ,—прервалъ его Пампухъ.

— Да, позвольте, я классный наставникъ мальчика и поэтому могу кое-что сказать.

— Господинъ профессоръ, даю слово чиновника...

— А, если дѣло въ словѣ чиновника — ибо и я чиновникъ такъ же, какъ вы,—если вы меня спросите, чему я вѣрю: тому-ли, что мальчикъ самъ разбилъ фонтанъ, или тому, что онъ помѣшалъ другому сдѣлать это, тогда я положу свою руку (при этихъ словахъ онъ поднялъ свою руку передъ лицомъ Пампуха) въ огонь (онъ положилъ руку на правое плечо его), что правда послѣднее. Мальчикъ не могъ этого сдѣлать.

— И не сдѣлалъ,—подтвердилъ Августъ.

— Господинъ профессоръ...

— Да позвольте же...

— Но, господинъ профессоръ, если я все-таки поймалъ его in flagranti! Если я все-таки самъ видѣлъ!

— Да мало-ли, что иной разъ кажется! Представьте себѣ

только (онъ при этомъ повернулъ Пампуха къ окну), что онъ стоялъ на той сторонѣ, вы пришли оттуда—тогда едва-ли вы могли его увидѣть.

— Но вѣдь я бы видѣлъ, какъ онъ удиралъ.

— Въ потьмахъ!

— Вѣдь горѣли три лампочки, — насмѣшливо вставилъ коммиссаръ.

— И потомъ я васъ спрашиваю, чѣмъ мальчикъ совершилъ преступленіе. Долженъ же былъ онъ имѣть что-нибудь въ рукѣ!

— Да, corpus delicti!—возразилъ Пампухъ и, кряхтя, вздохнулъ.

Въ этомъ-то и былъ слабый пунктъ всего его утвержденія. Не было corpus'a delicti.

— Если-бъ онъ бросилъ что-нибудь, вы бы должны были замѣтить паденіе. Почему же вы ничего не подняли?

— Я думаю, онъ сдѣлалъ это ножомъ, — сказалъ Пампухъ.

На столѣ, среди другихъ вещей, найденныхъ въ карманахъ Августа, лежалъ массивный ножъ въ роговой оправѣ. Но учитель Мартини взялъ его въ руки и съ презрѣніемъ осмотрѣлъ его.

— Вѣдь вы, господинъ Пампухъ, сами не вѣрите тому, что этимъ ножомъ можно отрубить мраморную руку... Питаю всяческое уваженіе къ вашей бдительности. Она заслуживаетъ всеобщаго признанія. А то, что вы поймали какъ разъ не того, кого слѣдовало, это только несчастная случайность.

Эти слова прозвучали въ ушахъ толстаго полицейскаго, въ жизни своей не слыхавшаго еще такой похвалы, точно музыка, и его торжествующее выраженіе лица не могло скрыть проблеска польщеннаго самолюбія. Но пойманнаго in flagranti преступника онъ все-таки не хотѣлъ уступить. Ибо если этотъ мальчикъ попадетъ на скамью подсудимыхъ; если въ газетѣ будетъ напечатано, что онъ, Пампухъ, столь часто осмѣиваемый и подозрѣваемый, поймалъ его,—тогда его слава утвердится, и никто во всемъ околоткѣ не посмѣетъ уже сказать: „Незримъ, какъ Пампухъ“, или „Пампухъ, отъ васъ уже съ утра несетъ водкой!“ или „Пампухъ, гдѣ вы проспали свое ночное дежурство?“ Не будетъ и многихъ другихъ язвительныхъ остротъ, которыя постоянно задѣвали его гордость. Поэтому онъ рѣшилъ оставаться стойкимъ, несмотря на отсутствіе corpus'a delicti.

Кромѣ того, если онъ вчера вечеромъ думалъ, что описаніе Августа противорѣчитъ только его интересамъ, то сегодня онъ былъ убѣжденъ, что оно противорѣчитъ и ис-

тинѣ. И онъ былъ готовъ подтвердить каждое свое слово присягою.

Августъ же съ неослабной настойчивостью стоялъ на своемъ, и его описаніе встрѣчало все больше и больше довѣрія у всѣхъ, кромѣ фрау Броохъ, которая, съ величайшей боязнью, слѣдила за смертельно-блѣднымъ лицомъ своего сына и, казалось, начинала понимать все происшедшее. Поэтому пришлось приступить къ допросу Эрнста. Августа предварительно вывели въ сосѣднюю комнату. Уходя, онъ ворчалъ: „Откуда Эрнсту знать: вѣдь онъ ужъ давно былъ дома".

Эрнстъ, видя, что дѣло его друга далеко не такъ плохо, тоже сталъ все отрицать. Онъ это дѣлалъ не изъ трусости, а потому, что какое-то внутреннее чувство его возставало противъ мысли открыть истину этимъ чужимъ людямъ. И ни за что ему не хотѣлось доставить торжество толстому Пампуху.

Съ нимъ бились до тѣхъ поръ, пока это не надоѣло даже слушателямъ. Наконецъ, профессоръ Мартини закончилъ допросъ, обратившись къ полицейскому коммиссару:

— Послушайте, вмѣсто того, чтобы убивать здѣсь время посторонними вещами, было бы лучше, если-бъ мы разспросили Шлехтендаля о наружности неизвѣстнаго преступника. Можетъ быть, мы такимъ образомъ чего-нибудь добьемся

Хотя Пампухъ позволилъ себѣ протестовать, утверждая, что неизвѣстный преступникъ будетъ выглядѣть такъ же, какъ выглядятъ всѣ эти незнакомцы, Августа все-таки позвали. И тутъ онъ, сверхъ ожиданія, попалъ въ очень затруднительное положеніе. Ибо на вопросъ о наружности незнакомца онъ состроилъ безпомощно-растерянное лицо и, послѣ долгаго молчанія, заявилъ, что этого онъ не знаетъ, это онъ забылъ.

„Господи Боже мой, мальчикъ, если имѣешь хоть немножечко фантазіи, тогда вѣдь нѣтъ ничего легче, чѣмъ составить подходящее описаніе", вся взволнованная, подумала госпожа Броохъ. Она страдала и дрожала за друга своего сына не меньше, чѣмъ за него самого, и была счастлива, когда онъ настойчиво лгалъ. Что онъ изъ-за такой мелочи могъ попасться, это ее прямо возмущало. Но у Августа фантазіи, несомнѣнно, и въ поминѣ не было. Онъ все твердилъ:

— Я не помню точно.

Въ этотъ моментъ доложили о приходѣ Антона Бюргеля. За нимъ послали уже давно, но онъ только сейчасъ вернулся съ прогулки со своей невѣстой. Взволнованный, онъ, не снимая пальто, вошелъ въ комнату. Недовѣрчивымъ

взглядомъ и короткимъ поклономъ онъ отвѣтилъ на представленіе ему обоихъ чиновниковъ и сочувственно поглядѣлъ на обвиняемаго Августа. Когда коммерціи совѣтникъ выразилъ свое возмущеніе и свое сожалѣніе по поводу мальчишеской выходки, онъ сказалъ:

— О, это не такъ страшно. Это, несомнѣнно, низость. Но это не бѣда: черезъ четыре недѣли у меня будетъ готова новая фигура—на мой счетъ.

— Ну, расходы покроетъ, разумѣется, городъ,—отвѣтилъ коммерціи совѣтникъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.—Во всякомъ случаѣ, вы должны быть задѣты...

— Ахъ, не такъ ужъ страшно.—Скульпторъ смущенно замялся.—Если-бъ спросили меня, я бы сказалъ, что обо всей этой исторіи слѣдовало бы возможно меньше шумѣть

„Ишь какой! Почему же меньше шумѣть!"—подумалъ коммиссаръ.

— Потому что, видите ли... однимъ словомъ, какъ разъ эта фигура нравилась мнѣ меньше всего. По моему, значитъ, преступника можно было бы оставить въ покоѣ. Подобная подлость сама себя наказываетъ.

„Вотъ тебѣ и на",—подумали одновременно и коммиссаръ, и Пампухъ. Этотъ полуворчливый, полузастѣнчивый художникъ возбуждалъ въ нихъ если не прямое подозрѣніе, то во всякомъ случаѣ, отнюдь не довѣріе и не уваженіе. А что касалось коммиссара, то онъ не переставалъ мигать глазами.

— Ну, это такая точка зрѣнія, которую раздѣлятъ съ вами не многіе,—возразилъ коммерціи совѣтникъ.—Но будьте добры сказать намъ, можно ли вотъ этимъ ножомъ,—онъ указалъ на ножъ Августа,—отбить руку у мраморной фигуры?

— Ножомъ!? Нѣтъ! Ни въ какомъ случаѣ! Для этого нуженъ рѣзецъ и тяжелый молотъ. Или же, по меньшей мѣрѣ, топоръ! По моему, преступникъ воспользовался ломомъ.

Учитель Мартини сталъ передъ Пампухомъ и покачалъ головой, коммерціи совѣтникъ сказалъ:

— Да, Пампухъ, какъ мальчикъ могъ безслѣдно скрыть подобный инструментъ, это я абсолютно не могу понять.

— Проглотилъ,—проворчалъ Августъ, которому вся эта исторія начала казаться смѣшной. Но ему тотчасъ же указали на серьезность его положенія.

— Я думаю, — заговорилъ коммиссаръ — намъ все-таки слѣдуетъ немного точнѣе разспросить про незнакомца. Скажи-ка, дружокъ, ты вѣдь крѣпко схватилъ преступника, стащилъ его съ фонтана, какъ ты говоришь?

— Да.

— За что же ты его схватилъ?

— За пальто.

— Значитъ, на незнакомцѣ было пальто? Разумѣется, кто-же въ такую дурную погоду выйдетъ гулять безъ пальто? Ты, вѣрно, можешь также сказать, что это было за пальто?

Въ страшномъ смущеніи Августъ таращилъ глаза на присутствующихъ и молчалъ. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Крылатка!

— Ишь! Крылатка! Ну, вѣдь ихъ много. Но и это дѣло. Ты умный мальчикъ. Немного медленно, но ты все-таки вспоминаешь. А какого цвѣта была его крылатка?

— Этого я не знаю.

— Но кто замѣчаетъ фасонъ, тотъ замѣтитъ и цвѣтъ. Чѣмъ точнѣе ты опишешь незнакомца, тѣмъ больше мы тебѣ будемъ довѣрять. Значитъ, она была темнаго цвѣта?

— Да, кажется.

— Темносѣраго или темнозеленаго, или желтаго?

— Скорѣе темносѣраго.

— Хорошо. Въ концѣ концовъ это вѣдь не такъ важно. Но не правда-ли, потомъ тотъ повернулся и защищался? Это ты тоже разсказывалъ?

Августъ не помнилъ ничего, но все-таки сказалъ:

— Да.

— И при этомъ онъ посмотрѣлъ на тебя? Какая же была у него борода?

Вдругъ и борода появилась! Августъ опять посмотрѣлъ на своего vis-à-vis и сказалъ:

— Черная.

— И шляпу онъ, вѣрно, тоже носилъ на головѣ? Тоже, вѣрно, черную?

— Этого я не знаю.

— Подумай-ка, шляпа была свѣтлая или темная?

— Скорѣе темная.

— Твердая?

— Нѣтъ, кажется, мягкая, широкополая.

— Вотъ видишь, видишь. Мнѣ кажется, мы ошиблись. Эхъ, пощечины ты можешь записать въ счетъ будущаго... Вы тоже были на собраніи, господинъ Бюргель?

— Да, разумѣется!—отвѣтилъ онъ.

— А потомъ? Вы, позвольте васъ спросить, немного гуляли?

— Да позвольте...

— Какое мнѣ до этого дѣло? Боже мой, нашему брату до всего дѣло. Но серьезно. Вы вѣдь не домой пошли?

— Нѣтъ, конечно...

— А гдѣ вы были?—Этотъ вопросъ прозвучалъ уже немного рѣзче.

— Я вообще не знаю...

— Да, pardon, я вашъ отвѣтъ считаю важнымъ. Можетъ, вы все-таки будете добры...

— Да, но я не понимаю, я вообще...

— Ага...

— Позвольте-ка,—спросилъ господинъ Броохъ, переглянувшись со своей женой,—что это собственно значитъ?

— Пожалуйста, сейчасъ! Вы, значитъ, отказываетесь отъ отвѣта на мой вопросъ?

— Рѣшительно.

— Это очень подозрительно. Все это очень странно. Во-первыхъ, вы, духовный отецъ фонтана, считаете его изуродованіе мелочью. Вы желаете, чтобъ эту исторію по возможности замяли. Вы выражаете желаніе, чтобы преступникъ остался безъ наказанія. Затѣмъ — прошу васъ, господа, сравните показанія мальчика,—и, указывая при каждомъ словѣ на скульптора, онъ медленно и съ удареніемъ произнесъ,—длинная крылатка... темносѣраго цвѣта... черная борода... не котелокъ... а мягкая широкополая шляпа... тоже темносѣрая... Если это не классическое описаніе наружности...

Одинъ моментъ всѣ стояли смущенные и пораженные. Одинъ только старикъ Шлехтендаль съ возмущеніемъ воскликнулъ:

— Все это мальчуганъ навралъ! Онъ просто взялъ господина Бюргеля, какъ образецъ. Ты безстыдный негодяй! Ты и другихъ еще хочешь вовлечь въ несчастье?

И Августъ чуть чуть не поплатился нѣсколькими пощечинами за классическое описаніе личности, когда коммиссаръ накинулся на старика:

— Не запугивайте мальчика! Его свидѣтельскія показанія заслуживаютъ полнаго довѣрія.

— Лгунишка онъ!

— Но слушайте, это уже слишкомъ,—сказалъ Броохъ.— Что вы думаете объ этомъ, господинъ профессоръ?

— Оселъ!—пробормоталъ тотъ.

И, какъ бы очнувшись отъ глубокаго удивленія, Бюргель закрылъ ротъ, чтобъ опять открыть его:

— Господинъ коммиссаръ, вы вѣдь ужасный...

Онъ чуть было не нанесъ ему оскорбленія при исполненіи служебныхъ обязанностей. Но вдругъ раздался стукъ въ дверь, и, какъ deus ex machina, появился пасторъ Дистеркампъ.

— А этому что здѣсь нужно?—вырвалось у коммерціи совѣтника.

„Что ему тутъ нужно?"—подумали всѣ: и госпожа Броохъ, и профессоръ Мартини, и Антонъ Бюргель, и Шлехтендаль.

Но всѣ эти безбожники, думавшіе такъ, всѣ они были поражены слѣпотою, ибо иначе они знали бы, что въ это утро Дистеркампу нужно было быть именно здѣсь. Ибо развѣ въ Писаніи не сказано: „Будьте кротки, какъ голуби!?" И развѣ тамъ же не сказано: „И мудры, какъ зміи?" И еще многое и многое сказано у Моисея, и у пророковъ, и у Петра и Павла, такъ что, на кого бы изъ нихъ Дистеркампъ ни сослался, всѣ они привели бы его къ убѣжденію, что послѣ позора вчерашняго вечера, позора, всей глубины котораго онъ, правда, еще и не постигалъ, единственно спасительнымъ, единственно необходимымъ шагомъ является визитъ къ шурину, чтобъ протянуть послѣднему братскую руку и сказать ему нѣсколько хорошо взвѣшенныхъ словъ примиренія.

И вотъ онъ вдругъ очутился рядомъ съ Пампухомъ: ночной сторожъ рядомъ со стражемъ нравственности; оба они одинаково хорошо исполнили свой долгъ. Онъ былъ чрезвычайно возбужденъ, о чемъ свидѣтельствовали его дрожащія руки.

— Я только что слышалъ, что преступная рука вчера вечеромъ посягнула на фонтанъ и...

— Да, да!—прервалъ его коммерціи совѣтникъ, указывая рукою на обоихъ мальчиковъ.—Объ этомъ мы какъ разъ и говоримъ.

— Объ этомъ вы говорите?

— Да, мы пережили здѣсь нѣсколько тяжелыхъ часовъ, особенно господинъ Шлехтендаль, ибо на Августа и на моего мальчика пало подозрѣніе въ преступленіи.

— Что?

— Да, да! Теперь мы, слава Богу, всѣ, кромѣ господина Пампуха, убѣждены въ ихъ невиновности.

— Что? Неужели это возможно?—пролепеталъ Дистеркампъ въ ужасѣ.—Эрнстъ и Августъ Шлехтендаль, они? Мои ученики?! — Онъ всплеснулъ руками, — Но, милый Германъ, развѣ это возможно? Нѣтъ! Нѣтъ! Мои ученики знаютъ, что въ Писаніи сказано: „Оружіе наше не отъ плоти, а могущественно передъ Богомъ". Того, кто совершилъ это преступленіе, надо искать совсѣмъ въ другомъ лагерѣ, онъ принадлежитъ къ распутникамъ.

Какъ ни велико было удивленіе, вызванное этими словами, особенно удивленіе Шлехтендаля и его сына, оно тотчасъ же было подавлено внезапнымъ ужасомъ, охватившимъ всѣхъ при видѣ Эрнста. Послѣдній кинулся на своего дядю съ такимъ смертельно-блѣднымъ, съ такимъ искаженнымъ

лицомъ, съ такимъ тусклымъ блескомъ въ глазахъ, что производилъ впечатлѣніе помѣшаннаго. Сначала никто не могъ разобрать, что онъ хрипѣлъ своимъ совершенно беззвучнымъ голосомъ. И, лишь послѣ неоднократнаго повторенія, слова его стали понятнѣе:

— Преступленіе, что... преступленіе?.. преступная рука? Развѣ онъ не... развѣ онъ не...?—Эти послѣднія слова онъ рѣзко выкрикнулъ, обращаясь къ Августу.—Анабаптисты, иконоборцы, что? Развѣ онъ не... если-бъ было больше вѣры, тогда бы фонтанъ давно былъ уничтоженъ, развѣ онъ не говорилъ этого? А теперь: преступленіе?..

— Эрнстъ! Эрнстъ!—закричалъ Августъ.

— Эрнстъ!—крикнулъ Броохъ, хватая своего сына за плечи. Губы его дрожали.—Эрнстъ, сознайся. Это ты сдѣлалъ!

— Да, да, да! Я это сдѣлалъ. И это не преступленіе, не преступленіе!

И, бросившись на стулъ, онъ сдавилъ голову руками, такъ что немногія отрывисто произнесенныя имъ слова небыли понятны даже его матери, которая, склонившись къ нему, гладила его по головѣ. Голосъ опять превратился въ тихій шепотъ, потомъ прекратился и шепотъ, и слышно было только его отрывистое, хрипящее дыханіе.

Всѣ хранили глубокое молчаніе. Коммиссаръ притворялся спокойнымъ и усердно вытиралъ свое пенснэ. Дистеркампъ, да, что дѣлалъ Дистеркампъ? Развѣ не сказано? Да, многое сказано, но ничего утѣшительнаго, ничего такого, на что онъ могъ бы опереться въ такомъ исключительномъ случаѣ. Поэтому онъ дѣлалъ то же, что и Пампухъ: не обращая никакого вниманія на свой санъ, онъ вытиралъ потъ со лба.

Коммерціи совѣтникъ тихо взялъ своего сына за плечо и сказалъ:

— Ну, подыми-ка голову. Покажи-ка свое лицо!

Онъ нѣжно помогъ ему подняться, а когда Эрнстъ вскочилъ, онъ его спросилъ:

— Итакъ, что вамъ сказали?

— Ничего, ничего! Оставь меня! Дай мнѣ уйти!

Онъ вырвался и кинулся къ дверямъ.

— Оставь его,—шепнула госпожа Броохъ своему мужу.—Пусть онъ успокоится.

И Эрнстъ безпрепятственно оставилъ комнату. Всѣ еще стояли въ томъ-же ужасномъ и напряженномъ молчаніи, которое какъ будто всосало въ себя весь воздухъ кругомъ, когда фрау Броохъ вдругъ пошла къ дверямъ и прислушалась.

— Онъ уходитъ. Господинъ Бюргель за нимъ, только не

поднимайте шума... господинъ Бюргель и Августъ за нимъ! Вотъ онъ!

Изъ окна, къ которому всѣ бросились, они увидѣли Эрнста, идущаго по базару. Вотъ они его настигли. Августъ отстранилъ Бюргеля очутился возлѣ своего друга. Но, обернувшись, Эрнстъ увидѣлъ и скульптора; тогда онъ ускорилъ свои шаги, почти побѣжалъ. Вотъ онъ, дѣйствительно, бѣжитъ, вотъ они всѣ исчезли въ переулкѣ.

— Не слѣдуетъ ли...—спросилъ коммиссаръ.

— Да, да, ради Бога, пойдите за ними!—сказала госпожа Броохъ.—Ты, Германъ, останься. И, дай Богъ!..

— Да, дай Богъ, чтобъ онъ не совершилъ чего-нибудь надъ собой,—простоналъ Дистеркампъ, складывая руки и дрожащимъ голосомъ продолжая:—Боже милосердный, въ сокрушеніи сердечномъ молю Тебя, Ты, Неисповѣдимый, знаешь вѣдь...

— Господинъ пасторъ, господинъ пасторъ! Я не могу это слышать! Молитесь тише!

Послѣдовали ужасныя минуты одна за другою; ихъ нельзя было перечесть, но чувствовалось, что ихъ протекло уже много. Броохъ все еще смотрѣлъ на стрѣлку часовъ, Дистеркампъ все еще шепталъ слова молитвы, госпожа Броохъ все еще всматривалась въ каждаго человѣка на базарѣ, во все новыхъ людей, то смѣющихся, то печальныхъ, то торопящихся, то праздно-гуляющихъ. Это они... нѣтъ, а эти тамъ слѣва? Все новые люди приходили изъ переулковъ, и она всѣхъ ихъ ненавидѣла. Ужасъ, отвращеніе, ненависть вызывало въ ней множество этихъ людей, которыхъ она бы всѣхъ отдала за одного.

Тутъ подкатили дрожки. Въ этотъ моментъ ей почудилось, что сынъ ея долженъ быть мертвымъ. Она первая бросилась къ дверямъ. Его несли. Съ него капала вода, а изъ раны на лбу сочилась кровь.

Изъ дрожекъ вылѣзъ и врачъ.

— По всей вѣроятности, сотрясеніе мозга. Нѣтъ, не утонулъ... Совершенно невозможно.

Начали приводить въ чувство. Онъ дышалъ. Но сознаніе не возвращалось. Его понесли въ первый этажъ. Комната опустѣла. Остался одинъ только Дистеркампъ. Онъ постоялъ, вытеръ потъ со лба и удалился.

XIX.

Насталъ вечеръ, надвинулась ночь, толпа, стекавшаяся изо всѣхъ улицъ на Рыночную площадь, мало-по-малу разсѣялась, жизнь замедлила свой бѣгъ; она если не совсѣмъ замерла, то шла медленнѣе своимъ безконечнымъ путемъ, не производя ни такого шума, ни такой сутолоки, какъ днемъ. Она была теперь похожа на озлобленнаго, безпріютнаго бродягу, который, подъ тяжестью своихъ заботъ, медленно тащится и равнодушно глядитъ на черныя тоже равнодушныя воды Вуппера, которыя своими грязными волнами смываютъ съ илистаго щебня и съ острого выступа скалы кровь, пролившуюся тамъ изо лба Эрнста Брооха.

Но ночь кончилась, начался сѣрый разсвѣтъ, наступило утро. Жизнь расправила свои члены, и въ своихъ стучащихъ сапогахъ пустилась въ ходъ, бѣгая вверхъ и внизъ по улицамъ, взлѣзая по истоптаннымъ деревяннымъ лѣстницамъ рабочихъ казармъ, взбираясь по персидскимъ коврамъ богатыхъ домовъ, стуча во всѣ двери, какъ дубовыя, такъ и сосновыя, срывая тутъ шерстяныя, тамъ шелковыя одѣяла, будя мужчинъ, женщинъ и дѣтей, кого съ помощью будильника, кого звонками трамвая, кого фабричными гудками, кого грохотомъ открываемыхъ оконъ. Она сгоняла на площадь громыхающія телѣги, запряженныя костлявыми клячами, или сопящими собаками, управляемыми толстыми торговками или зѣвающими парнями. Она гоняла Пампуха взадъ и впередъ, производила шумъ, гулъ голосовъ, грохотъ и возню, жестикуляцію и бѣготню, точно бѣснующійся базарный сторожъ.

Только въ большой домъ возлѣ базарной площади, который своею черною шиферною крышею и своими скромными украшеніями производилъ хотя и не угрюмое, но серьезное впечатлѣніе, только въ этотъ домъ шумливая жизнь пробиралась тихими шагами съ робкимъ взглядомъ, съ затаеннымъ дыханіемъ и боязливымъ шепотомъ. Возлѣ кровати, гдѣ она растерянно остановилась, она увидѣла жуткую свою товарку— смерть, которая поспѣла туда уже раньше ея.

Мальчикъ, лежавшій здѣсь все такъ же, какъ его положили вчера, со смертельно-блѣднымъ лицомъ, безъ малѣйшаго румянца, вызваннаго на лицо хоть ничтожнымъ количествомъ крови въ жилахъ, принадлежалъ ли онъ жизни или смерти? Этого не зналъ никто. Этого не знали ни врачи, которые примѣняли всевозможныя средства и все только твердили, что надо выждать, ни мать, которая со вчерашняго

дня ни на минуту не отходила отъ кровати больного, ни Дистеркампъ, который цѣлыми часами состязался съ Богомъ, пока его къ полуночи не одолѣлъ сонъ.

Наконецъ, послѣ примѣненія новыхъ возбуждающихъ средствъ, лицо больного окрасилъ нѣкоторый румянецъ, черты его оживились, и больной сдѣлалъ нѣсколько слабыхъ движеній.

Хотя это улучшеніе оказалось длительнымъ, хотя самая ужасная опасность миновала, тѣмъ не менѣе, Эрнстъ много дней еще пролежалъ въ полной почти апатіи, что очень удивляло врачей, ожидавшихъ, что возстановленіе душевныхъ силъ пойдетъ гораздо быстрѣе. Онъ произносилъ только самыя необходимыя слова и казался равнодушнымъ ко всему, что происходило кругомъ. А съ лица его не сходило страдальчески-боязливое выраженіе, которое не могло быть вызвано одними лишь физическими страданіями, ибо онъ говорилъ, что кромѣ головокруженія и давленія отъ повязки на головѣ, не испытываетъ никакихъ болей.

Благодаря сотрясенію мозга, всѣ воспоминанія о послѣднихъ событіяхъ были стерты. Эрнстъ не помнилъ ни о разрушеніи фонтана, ни о допросѣ, ни о своемъ паденіи. Осталась же отъ его прежняго состоянія только неясная боязнь, странная смѣсь нечистой совѣсти и страха передъ чѣмъ-то, что должно было наступить, лишь только онъ выздоровѣетъ, наступить со стороны человѣка, который больше всего ухаживалъ за нимъ, со стороны матери. Когда она подавала ему ѣсть, подносила лѣкарство, задавала какой-нибудь вопросъ, онъ слѣдилъ за нею со страдальческимъ выраженіемъ безплоднаго размышленія и говорилъ себѣ: теперь она меня щадитъ, притворяется озабоченной, но она замышляетъ нѣчто другое, ужасное... Что было это ужасное, онъ не могъ себѣ представить точнѣе. Онъ только чувствовалъ, что срокъ этого снисхожденія кончается, и что скоро наступитъ мрачное, ужасное время.

Со вторника, дня катастрофы, прошло шесть дней. Около одиннадцати часовъ вечера коммерціи совѣтникъ вошелъ въ комнату больного. Онъ возможно тише открылъ дверь, но и тихій скрипъ заставилъ вздрогнуть его жену, которая сидѣла въ глубокомъ креслѣ возлѣ кровати. Она подняла свое осунувшееся лицо, на которомъ глаза казались большими, чѣмъ обыкновенно, и подала ему руку.

— Онъ спитъ?

Она бросила взглядъ на больного и утвердительно кивнула головой.

— Да, онъ спитъ. Ты пришелъ попрощаться со мною на ночь?

— Послушай, милая, не замѣнить-ли мнѣ тебя? Ты вѣдь сама заболѣешь.

Она покачала головой.

— Оставь ужъ меня здѣсь.

— Я велю поставить тутъ рядомъ кровать, и ты ляжешь, пока я буду здѣсь. Какъ только онъ попроситъ что-нибудь, я тебя позову.

— Шшш!—прошептала она: ей показалось, что Эрнстъ шевельнулся и открылъ глаза. Но это было, вѣрно, во снѣ, и она тихо сказала:—Мнѣ здѣсь такъ удобно сидѣть. Право, Германъ, мнѣ здѣсь покойнѣе, чѣмъ въ кровати.

— Что это за отдыхъ, видно по твоему лицу. Оно все заострилось.

— Это все пройдетъ, лишь только онъ поправится.

— Да, тогда ты заболѣешь.

— Нѣтъ, я тебѣ обѣщаю, тогда я буду ухаживать за собою. Тебѣ нечего бояться.

Одинъ моментъ онъ молчалъ, а потомъ сказалъ:

— Будь же разумна.

На ея лицѣ появилось выраженіе нервнаго безпокойства, и она попросила настойчивѣе:

— Не мучь меня. Можетъ, ты меня и не понимаешь. Это понятно, кажется, только матери.

— Послушай,—спросилъ онъ, подходя ближе,—ты, видно, любишь его больше, чѣмъ меня?

— Ему и нужно больше любви, чѣмъ тебѣ.

— Въ этомъ ты права. Бѣдный мальчикъ!

— Ахъ, мнѣ кажется, мы и не можемъ представить себѣ, какъ онъ страдалъ и мучился! Не только въ самое послѣднее время. Уже давно. Теперь же ему нужно много, много любви.

Держа руку своего мужа въ своей, она притянула его къ себѣ, такъ что онъ усѣлся возлѣ нея, на ручку кресла.

— Мнѣ кажется, я бывалъ порой слишкомъ строгъ съ нимъ,—сказалъ онъ тихо.

— Можетъ быть. Но мы вѣдь такъ мало о немъ знали. Но теперь, съ тѣхъ поръ, какъ я его знаю всего, теперь я его люблю гораздо больше. И видишь-ли, если я могу немного за него помучиться... ахъ, не великими муками матери... а лишь нѣсколько безсонныхъ ночей... если я могу этимъ помочь ему скорѣе поправиться... я такъ счастлива.

— Добрая ты у меня.

Она улыбнулась.

— Спокойной ночи!

— Если Эрнстъ проснется, то пожелай ему спокойной ночи и отъ меня.

— Хорошо.

Дверь тихо закрылась, и госпожа Броохъ заняла свое прежнее мѣсто.

Объяснялось-ли это тѣмъ, что она сдвинула съ мѣста лампу, или это было въ дѣйствительности такъ, но ей показалось, что на лицѣ ея сына появился болѣе густой румянецъ, чѣмъ прежде, что на немъ лежала теперь мягкая, розоватая дымка, благодаря которой лицо казалось не столь худымъ. Прошло нѣкоторое время, и Эрнстъ открылъ глаза. Онъ открылъ ихъ не такъ, какъ послѣ сна, а спокойно и съ полнымъ сознаніемъ. На ея вопросъ, хорошо-ли онъ спалъ, онъ незамѣтно кивнулъ головой, продолжая съ упорнымъ вниманіемъ смотрѣть на нее. Послѣ долгаго молчанія онъ сказалъ:

— Ты, правда, совсѣмъ блѣдная стала, мама.

— Развѣ?

— Я бы хотѣлъ, чтобъ мы оба уѣхали отсюда.

— Куда?

— Въ Ункель. На Рейнѣ.

— Но тамъ будетъ теперь холодно. Можетъ быть, когда ты поправишься, мы поѣдемъ вмѣстѣ на югъ.

— Если тамъ есть вода...

— Тамъ море.

— Тамъ мы оба поправимся. Вотъ будетъ хорошо. А потомъ папа пріѣдетъ за нами. Ну, теперь я буду спать.

— Папа просилъ пожелать тебѣ спокойной ночи.

— Спасибо. Но завтра я, право, могу спать одинъ, мама. Ты должна тогда лечь.

Она подала ему руку для поцѣлуя. Онъ игралъ этою рукою, передвигая ставшее своднымъ обручальное кольцо.

Его охватило невольное воспоминаніе о покойной матери, и онъ почувствовалъ глубокое дѣтское счастье, исходящее отъ этой руки, лежащей теперь въ его рукѣ; вокругъ его рта легла мягкая улыбка, тихій блескъ появился въ его глазахъ, и, припавъ губами къ ея рукѣ, онъ тихо прошепталъ:

— Ты добрая, мама.

Потомъ случилось такъ, какъ хотѣлось Эрнсту: они съ матерью поѣхали на югъ, въ Ункель на Рейнѣ. Ибо врачи возстали противъ долгой ѣзды по желѣзной дорогѣ и считали желательнымъ, чтобъ паціентъ попалъ въ тихое мѣсто, гдѣ онъ могъ бы возможно больше времени проводить на открытомъ воздухѣ, что въ Гаммерштедтѣ было очень трудно.

До Ункеля было очень близко, къ тому же поѣхать туда можно было на пароходѣ,

Прощаніе съ друзьями, которые въ послѣднее время опять посѣщали его ежедневно, было Эрнсту довольно тяжело; друзья, въ свою очередь, были печальны передъ его отъѣздомъ, пока Фрицъ не набрелъ на счастливую мысль выпросить у своего отца позволеніе посѣщать Эрнста въ Ункелѣ по воскресеньямъ. Госпожа Броохъ, которой этотъ планъ понравился, пригласила, разумѣется, и Августа, и мальчики тутъ же начали рисовать себѣ, что они предпримутъ въ будущее воскресенье.

Былъ канунъ отъѣзда, стояли сумерки. Анна Дистеркампъ со своимъ неоффиціальнымъ женихомъ была у Брооховъ. Всѣ сидѣли въ тихой уютной обстановкѣ, какъ вдругъ стоявшій у окна Эрнстъ сказалъ:

— Вотъ идетъ дядя Готлибъ.

Его лицо приняло испуганно-непріязненное выраженіе. Раздался звонокъ, и доложено было о приходѣ пастора; онъ пришелъ, чтобы попрощаться съ Эрнстомъ, котораго онъ еще не видѣлъ со времени болѣзни.

Такъ какъ не принять его было невозможно хотя бы изъ-за Анны, то его попросили войти, и всѣ пережили довольно мучительные полчаса. Но если госпожа Броохъ боялась, что Дистеркампъ чѣмъ-нибудь обезпокоетъ ея сына, то она въ этомъ ошиблась. Несчастный пасторъ былъ совершенно пришибленъ и безпомощно, смущенно сидѣлъ въ своемъ креслѣ. Освѣдомившись о цѣли поѣздки Эрнста и заявивъ, что самъ чувствуетъ себя совершенно истощеннымъ и собирается возможно скорѣе поѣхать въ санаторію, онъ совершенно не зналъ, что еще сказать, такъ что другимъ пришлось взять на себя трудъ поддержать бесѣду. При прощаніи онъ задержалъ въ своей рукѣ руку Эрнста и глядѣлъ на него молча, какъ бы прося прощенія. Но глаза мальчика и все его лицо были до такой степени страдальчески-напряжены, его губы были такъ тѣсно сжаты, что пасторъ, наконецъ, выпустилъ его руку и сказалъ только:

— Да поможетъ тебѣ Богъ.

Съ этими словами онъ, въ сопровожденіи своей дочери, оставилъ домъ.

Спустя немного ушелъ и Бюргель. Эрнстъ отошелъ отъ окна и опустился на стулъ возлѣ дивана, на которомъ сидѣла его мать. Онъ нѣкоторое время молча смотрѣлъ на нее и потомъ сказалъ:

— Мама, я хотѣлъ спросить тебя...

— О чемъ?

— Вѣдь я разбилъ фонтанъ?

Она утвердительно кивнула головой.

— Ты опять вспомнилъ объ этомъ?

Онъ не отвѣтилъ на этотъ вопросъ и сказалъ:

— Значитъ, я это дѣйствительно сдѣлалъ?

— Эрнстъ мы когда-нибудь въ другой разъ поговоримъ объ этомъ. Теперь ты долженъ еще беречь себя.

Онъ тихо покачалъ головой и, положивъ худыя еще руки на свои густые волосы, спросилъ:

— Что же теперь будетъ? Онъ такимъ и останется?

— Нѣтъ, мой мальчикъ, къ счастью, ты разбилъ какъ разъ ту фигуру, которою господинъ Бюргель былъ менѣе всего доволенъ. Онъ, кажется, даже радъ, что можетъ замѣнить ее новой.

— И тогда ничего не будетъ замѣтно?

— Ничего.

— Никакого уродства?

— Наоборотъ! Господинъ Бюргель увѣряетъ, что тогда весь фонтанъ будетъ красивѣе, чѣмъ прежде.

— Ахъ, какъ я радъ! Какъ я радъ!

Онъ вскочилъ съ мѣста и возбужденно заходилъ по комнатѣ.

— Но какъ удивительно, какъ удивительно, что я попалъ какъ разъ въ эту фигуру!—сказалъ онъ, остановившись.—Ахъ, мама, хотя случилось и такъ, все-таки остается въ памяти... О, какъ вы еще можете любить меня, ты и папа, какъ вы можете любить меня!

— Мы тебя любимъ, дѣтка! Право!—сказала его мать, нѣжно лаская его руки, которыя страстно обхватили ея лѣвую руку.—Ты долженъ вѣрить мнѣ...

— Да, я тебѣ вѣрю! Но, мама, ты мнѣ должна помочь, чтобы и папа опять полюбилъ меня.

— Да онъ тебя любитъ, дѣтка!

— Онъ меня любитъ... да... потому что я его сынъ. Но я бы хотѣлъ, чтобъ онъ меня любилъ, если бъ я и не былъ его сыномъ... Ахъ, это звучитъ такъ глупо! Такъ глупо! Но я думаю, изъ меня еще будетъ толкъ...

Онъ вскочилъ, протянулъ руки и, вытягиваясь подъ вліяніемъ внутренней силы, которая влекла его впередъ, крикнулъ:

— У меня такая тоска! У меня такое страстное желаніе!

Бушующій потокъ его души захлестнулъ его, рыданіе прервало его слова, слезы затопили ихъ.

Опустившись около своей матери и, закрывъ лицо руками, онъ громко рыдалъ.

О тоска, смятеніе, страстность юности! Не всегда вы являетесь лишь обманчивыми обѣщаніями... Теперь онъ умѣетъ лишь отрывисто лепетать, но въ будущемъ онъ за-

говоритъ. Теперь тутъ былъ лишь взмахъ крыльевъ не умѣющаго еще летать птенца, но потомъ явится и полетъ. Теперь была лишь тоска, но цвѣтокъ тоски дастъ плоды.

Обнявшись, плечо къ плечу, сидѣли мать и сынъ. Ихъ окутывала тьма. Но своими широко открытыми глазами, сіяющими внутреннимъ огнемъ, они въ сумеречномъ сіяніи освѣщеннаго первыми солнечными лучами тумана видѣли высоты будущаго. Душа Елены наполнилась горячей молитвой, и она молилась не о счастьи, не объ успѣхѣ, не о легкой побѣдѣ для своего сына. Она молила лишь о томъ, чтобы мрачная, но глубокая сила, ввергнувшая его въ бездну, помогла ему также найти сокровища, зарытыя въ глубокихъ пучинахъ, чтобы его ненависть научила его милосердію, его мрачныя мученія — любви къ свѣту. Она молила о томъ, чтобы бурный водоворотъ его души не изсякъ въ плоской равнинѣ довольства. Ибо она лучше хотѣла видѣть своего сына несчастнымъ, чѣмъ мелкимъ и пошлымъ... Для себя же она молила о томъ, чтобы ей суждено было остаться его спутникомъ, товарищемъ молодого странника на его пути; чтобы ей суждено было, если ему захочется пойти одиноко, хоть принять участіе въ его судьбѣ; чтобы когда-нибудь, когда наступитъ старость, то въ безсиліи старости, которое такъ мощно въ служеніи любви, чтобы еще и тогда онъ могъ почерпнуть ободреніе изъ ея морщинистой руки, утѣшительную надежду изъ ея вѣрующаго взора. Ибо она чувствовала, что въ сокровищницѣ ея жизни самымъ цѣннымъ камнемъ является любовь къ нему.

XX.

Тихо и безмолвно шли домой пасторъ Дистеркампъ со своей дочерью.

Анна взяла подъ руку своего отца, который, поднявъ воротникъ, всю дорогу не отрывалъ глазъ съ земли, словно не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать, что происходило кругомъ него.

Дома она сказала:

— Если позволишь, папа, я еще зайду къ тебѣ на минутку. Мнѣ нужно кое-что сказать тебѣ.

Она хотѣла передать ему о своей помолвкѣ съ Антономъ Бюргелемъ, что она до сихъ поръ откладывала со дня на день; она щадила отца, такъ какъ онъ пережилъ такіе тяжелые дни. Но когда-нибудь нужно же будетъ сказать.

Да, скверное, очень скверное время перенесъ пасторъ Дистеркампъ!.. Ибо смѣхъ, огласившій мирные покои

„Евангелическаго ферейна“, не только не улегся такъ скоро, какъ ему хотѣлось, но, наоборотъ, разростался все шире и шире, раздаваясь, между прочимъ, и въ винномъ погребѣ „Тихій уголокъ“, гдѣ Теодоръ Демосѳенъ-Шнютгенъ отпраздновалъ въ кругу „непринужденныхъ“ свою рѣчь великолѣпнымъ ананаснымъ крюшономъ.

Впрочемъ, какъ ни весело и безудержно всю ночь раздавался этотъ смѣхъ, онъ былъ невиненъ и безобиденъ. Болѣе того, онъ былъ прерванъ даже небольшой, но очень серьезной и даже торжественной рѣчью. Ибо, когда къ учителю Мартини со всѣхъ сторонъ пристали, что онъ въ молніеносномъ экспромтѣ долженъ воспѣть пораженіе Дистеркампа, старикъ вскочилъ со своего мѣста и, недовольный, заявилъ: кто думаетъ, что онъ станетъ насмѣхаться надъ потерпѣвшимъ столь полное и плачевное пораженіе врагомъ, тотъ не только плохого мнѣнія о немъ, но и понятія не имѣетъ о моральной задачѣ поэзіи. „И я долженъ кое-что прибавить“, продолжалъ онъ, бросая гнѣвный взглядъ на пачку картинокъ и открытокъ, которыя, обошедши всѣхъ, лежали теперь на столѣ подлѣ него. Онъ долженъ сказать, что, если онъ всегда и вездѣ стоялъ на стражѣ тамъ, гдѣ мрачный вандализмъ обрушивался на истину, благородство и красоту, то онъ (такъ же, какъ, надѣется онъ, и всѣ сотрапезники) очень далекъ отъ тѣхъ свиней, которымъ нравится сквернословіе и которые распространяютъ грязь словомъ и дѣломъ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ своей рѣчи онъ опять поднялъ на нѣкоторую высоту слово „нравственность“ и вообще произвелъ очень сильное впечатлѣніе, такъ что, когда онъ кончилъ, пачка карточекъ и открытокъ безшумно исчезла со стола. . . . . .

. . . . . .

Громкій смѣхъ носился не только по улицамъ и площадямъ города, въ пивныхъ, кафе, концертныхъ залахъ и ресторанахъ, не только въ школахъ, магазинахъ, конторахъ, бюро и домахъ почтенныхъ бюргеровъ; онъ заразилъ всѣхъ, образованныхъ и необразованныхъ, большихъ и малыхъ не только здоровымъ желаніемъ посмѣяться и сердечнымъ злорадствомъ, но и тайнымъ стремленіемъ къ мести. Болѣе того: онъ принялъ уже извѣстный образъ—лицо, форму, краску, онъ пестрый и вызывающій, а нерѣдко и цинничный красовался во всѣхъ витринахъ книжныхъ, бумажныхъ и галантерейныхъ магазиновъ и парикмахерскихъ, такъ что пасторъ Дистеркампъ и улицы пройти не могъ, чтобы отъ этого нѣмого, но ставшаго еще болѣе громкимъ и невидимымъ смѣха кровь не бросалась ему въ лицо. Тутъ виднѣлись длинныя серіи открытокъ, на которыхъ изображалась

скандалезная Мими, преслѣдуемая цѣлой сворой псовъ. Тамъ насмѣшливо глядѣла на него его собственная карикатура, въ одной рукѣ держащая булочника-фавна, въ другой—старую дѣву подъ руку съ испитымъ старикомъ. А внизу надпись: „Борцы за мораль, или Нравственный Комитетъ". Въ другомъ мѣстѣ былъ нарисованъ фонтанъ, „какимъ желаетъ его булочникъ Батге": грудастая баба въ короткой рубашкѣ, и рядомъ мальчики въ ярко-красныхъ купальныхъ штанишкахъ. А тамъ появлялись еще и другія открытки съ такимъ откровенно-грязнымъ содержаніемъ, что полиція тотчасъ же заставила убрать ихъ. Но, увы! онѣ смѣнялись новыми, еще болѣе грубаго сорта.

Казалось, весь городъ какъ бы опьянѣлъ, и крѣпкое словечко бургомистра, гласившее: „Цѣлый вагонъ кокотокъ не принесъ бы столько вреда Гаммерштедту, сколько этотъ одинъ оселъ Дистеркампъ", было въ общемъ вполнѣ справедливо...

Анна вслѣдъ за отцомъ вошла въ его кабинетъ и спросила, не зажечь ли лампу.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, оставь! Мнѣ не нужно свѣта. Я хочу полежать немного на диванѣ и отдохнуть.

— Но нѣсколько минутъ тебѣ ужъ придется удѣлить мнѣ. То, что мнѣ нужно сказать тебѣ, очень важно.

— Ну, ну, что тамъ такое?.. Тебѣ, можетъ, нужны деньги на хозяйство?

— И это. Но не въ этомъ дѣло... а... скажи, пожалуйста, сколько ты пробудешь въ санаторіи?

— Этого я сказать тебѣ не могу. Четыре... шесть недѣль... можетъ, и дольше еще. Я нуждаюсь въ основательной поправкѣ. Я совершенно истощенъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ я работалъ черезъ силу! Кто такъ долго велъ борьбу противъ этой гидры? Въ другихъ мѣстахъ у меня еще были соратники. А здѣсь... Всѣ оставляютъ меня. Всѣ, рѣшительно всѣ! И это еще не худшее. Этотъ человѣкъ... этотъ кондитеръ... я его имени произнести не могу...

— Да, для меня онъ ужъ давно имѣетъ непріятный привкусъ такъ же, какъ и его торты... Но чтобы перейти...

— Да, я дѣйствительно не знаю, какъ долго я останусь въ санаторіи. Это всецѣло зависитъ отъ врача. Я отправляюсь туда, право, не для удовольствія. Я думаю, что противъ этой поправки никто ничего не можетъ сказать. Все имѣетъ свои предѣлы. Даже самопожертвованіе. Человѣкъ долженъ когда-нибудь и о себѣ подумать.

— Да я ничего и не говорю противъ этого. Конечно, пока оставайся тамъ, сколько тебѣ угодно будетъ... сколько

это необходимо для твоего здоровья. Я спрашивала только... видишь ли... когда ты вернешься, здѣсь должна произойти большая перемѣна...

— Что... перемѣна?

— Да, папа. Я помолвлена.

— Ты? Ты помолвлена?

— Да. Съ Бюргелемъ.

— Съ кѣмъ?

— Съ скульпторомъ Бюргелемъ.

— Что?.. Съ кѣмъ?.. Со скульпторомъ... Ты въ своемъ умѣ, Анна?

Дистеркампъ сидѣлъ посерединѣ дивана, положивъ обѣ руки на широко разставленныя ноги. Тяжело вращая голову то туда, то сюда, онъ испускалъ отрывистыя слова:

— Безуміе... безуміе... это безуміе... этотъ скульпторъ, не говори о такомъ безуміи...

— Почему ты находишь, что это безуміе?

— За скульптора... выйти замужъ за скульптора? Они живутъ вѣдь свободнымъ бракомъ!.. Этотъ господинъ авантюристъ.

— Если-бъ онъ былъ авантюристомъ, онъ поискалъ бы себѣ болѣе богатую.

— Вѣдь ты говоришь это не серьезно, Анна?

— Что ты, папа! Я это твердо рѣшила.

— Анна, Анна, какъ ты могла такъ забыться? Какъ это возможно?

Тщетно Анна пыталась успокоить его. Всѣ доказательства ея приводили отца въ еще большую ярость. Въ припадкѣ бѣшенства онъ растянулся въ углу дивана и со стонами и хрипѣніемъ требовалъ, чтобъ она вышла изъ комнаты. Нѣкоторое время Анна предоставила его самому себѣ, но затѣмъ сѣла возлѣ него, рѣшительнымъ движеніемъ подсунула свою руку подъ его и сказала:

— Ты такъ взволнованъ теперь, папа. Да, дѣйствительно, ты даже нѣсколько болѣзненно взволнованъ... И это неудивительно. Кто пережилъ столько ударовъ, сколько ты въ послѣдніе дни... Но пусть все опять войдетъ въ старую колею. Прежде, чѣмъ уйти отъ тебя, я позабочусь о томъ, чтобы у тебя осталась твоя уютная домашняя обстановка. Я ужъ думала о фрейлейнъ Киппъ, съ которой тетя Елена хочетъ разстаться...

— Ахъ, я знать ничего не хочу обо всемъ этомъ. Съ моей стороны, иди! Я сталъ вѣдь для тебя чужимъ. Какое тебѣ дѣло до твоего бѣднаго, стараго отца!

— Это не справедливо, папа.

— Ахъ, я ужъ давно замѣтилъ, что сердце твое рвется къ суетности міра. У меня ты всегда была мрачной.

— Да, папа, въ этомъ ты правъ. И я себѣ сама не разъ дѣлала упреки, что я не такая хорошая дочь, какой должна бы быть. Но... скажу тебѣ, разъ навсегда... не съ цѣлью огорчить тебя... мнѣ было страшно тяжело быть здѣсь хорошей. Ты сдѣлалъ мнѣ жизнь тяжелой. И себѣ, и мнѣ. Ты сдѣлалъ ее горькою для насъ обоихъ. Да, папа, это вѣрно. Вѣчно шелъ разговоръ лишь объ испорченности міра.

— Подобный опытъ, какъ въ послѣднюю недѣлю, развѣ не ведетъ къ разочарованію въ свѣтѣ?

Одну минуту Анна молчала, но затѣмъ возразила:

— Я говорю не о страшномъ судѣ, а вообще. Ты видѣлъ въ мірѣ то же, что и въ книгахъ, въ которыхъ ты искалъ лишь порнографическихъ и фривольныхъ мѣстъ и не видѣлъ всей ихъ красоты.

— Красоты? Развѣ ты читала эти книги?

— Не всѣ, но большую часть ихъ.

— Ты читала ихъ?

Отецъ молча прикрылъ свое лицо рукою. Онъ пережилъ слишкомъ много страданій, чтобы имѣть силу высказать свое горе громко. Анна же, которая не спускала нѣжнаго и благодарнаго взгляда съ большихъ полокъ, на книги которыхъ пламя фонаря бросало снаружи серебряную сѣть, продолжала:

— Да, я ихъ читала. И, благодаря имъ, я стала веселѣе и сильнѣе. На нихъ нужно смотрѣть лишь непредубѣжденными глазами... И на міръ нужно смотрѣть такъ же. Ахъ, папа, попробуй разъ: будь нѣсколько веселѣе и мягче, ибо міръ всегда таковъ, каковъ ты самъ.

— Довольно! Довольно, Анна! Ты ужъ достаточно богохульствовала. Будетъ дѣйствительно лучше, если ты уйдешь.

Патетическимъ движеніемъ руки онъ открылъ дверь. Закрывая ее, Анна слышала еще его послѣднія слова:

— Потеряна... потеряна на вѣки вѣковъ...

Глубоко огорченная, надѣясь, однако, встрѣтиться еще съ нимъ за ужиномъ, Анна вышла.

Съ тяжелымъ вздохомъ пасторъ Дистеркампъ бросился опять на диванъ. Но гора разочарованій и горечей продолжала давить его. Однако еще сильнѣе, чѣмъ боль за потерянную душу дочери, грызла его насмѣшка всего города и его собственное одиночество. Онъ чувствовалъ себя оплеваннымъ и поруганнымъ.

Впрочемъ, онъ не особенно долго лежалъ въ своей темной комнатѣ: горничная пришла сообщить, что въ гостиной его ждутъ фрейлейнъ Дюмелингъ и капитанъ Дрегеръ.

— Это еще!—пробормоталъ Дистеркампъ, сбрасывая съ себя плэдъ. Со стономъ, но и не безъ нѣкотораго удовлетворенія, что видитъ передъ собою товарищей по несчастью, онъ вышелъ къ нимъ и поздоровался съ обоими съ соотвѣтственной серьезности минуты печалью:

— Мой вѣрный другъ... мой уважаемый капитанъ!..

— Добрый вечеръ!.. Э, да... извините, но мнѣ все не лучше...—пробормоталъ послѣдній, приподымаясь со своего стула, но сейчасъ же со стономъ опять опустился...—У меня теперь мой постоянный зимній гость... Хорошо еще, г-нъ пасторъ, что вы вполнѣ здоровы. Ну, кузина, кто былъ правъ? Фрейлейнъ Дюмелингъ хотѣла меня увѣрить, что вы уже за тридевять земель.

— Я хотѣла лишь объяснить себѣ, почему вы не показываетесь,—сказала старая дѣва колко.—Я была увѣрена, что вы заглянете ко мнѣ. Изъ-за сильной мигрени я нѣсколько дней не сходила съ постели...

— И я также былъ слишкомъ разстроенъ, чтобъ дѣлать визиты. Бываютъ минуты слабости, когда и сильнѣйшая воля не можетъ устоять.

Тутъ капитанъ испустилъ звуки, представившіе странную смѣсь веселости и воющей боли.

— Великолѣпно!—стоналъ онъ, потирая руки.—Значитъ, мы всѣ получили свое... Раненые побѣдители! Ну да... Э... одну минуту... такъ... такъ... такъ... Но дайте обсудить дальнѣйшій планъ борьбы. Намъ нужно вѣдь утилизировать свою побѣду и окончательно побить врага.

Дистеркампъ, который въ данный моментъ былъ отнюдь не расположенъ шутить, посмотрѣлъ на капитана со спокойнымъ достоинствомъ и возразилъ:

— Какъ ни относилось-бы къ намъ общество, мы во всякомъ случаѣ боролись за хорошее дѣло. Но если мы побѣждены...

— Побѣждены?!

Совершенно позабывъ свою больную ногу, капитанъ вскочилъ со своего стула и повторялъ:

— Побѣждены? Это для меня новость! Не соблаговолите ли вы объяснить мнѣ, почему мы побѣждены?

— Да, дѣйствительно, и я хотѣла бы знать почему!—присоединилась фрейлейнъ Дюмелингъ, глаза которой искрились сквозь вуаль.

Совершенно сбитый съ толку неожиданностью этого вопроса, пасторъ Дистеркампъ глядѣлъ то на одного, то на другого, но, не успѣлъ онъ еще дать какой-нибудь разумный отвѣтъ, какъ капитанъ заговорилъ опять:

— Я долженъ признаться, что случай съ Батге до извѣстной степени фаталенъ. Кто могъ думать, что этотъ субъ-

ектъ такой подлецъ. Но это является только лишнимъ доказательствомъ того, что не слѣдуетъ довѣряться черни. Тутъ всегда натолкнешься на что-нибудь скверное. Впрочемъ, что значитъ одна паршивая овца въ сравненіи съ той грязью, которая оказалась въ лагерѣ нашихъ противниковъ! Я думаю, что коммерціи совѣтнику Брооху, который все-таки порядочный человѣкъ, стыдно и боязно быть въ той компаніи, въ которой онъ находится теперь.

— Да, видитъ Богъ, я не хотѣла бы быть въ его шкурѣ!— подтвердила фрейлейнъ Дюмелингъ энергичнымъ кивкомъ головы, при чемъ ея шуба совершенно растопырилась, напоминая собою перья разсерженнаго индюка.—Если у него есть еще хоть искра совѣсти, онъ долженъ самому себѣ сказать, что нанесенный имъ нравственный ущербъ непоправимъ. Нѣтъ, дѣйствительно, его можно пожалѣть!

— Объ этомъ подломъ Шнютгенѣ, за спиною котораго онъ спрятался, и говорить не приходится. Я его привлеку еще къ судебной отвѣтственности. Онъ здорово поплатится за свое безстыдство. Денежнымъ штрафомъ онъ не отдѣлается. Но, помимо этого... одно стало ясно всему городу: гдѣ находятся свиньи и гдѣ порядочные элементы. Вы видѣли открытки въ витринахъ, г-нъ пасторъ?

— Лишь мелькомъ. Онѣ были такъ безобразны...

— Безобразны—не подходящее выраженіе. „Гнусныя нечистоты“ хотѣли вы сказать. Но кто привелъ къ этому? Фонтанъ на базарѣ, это чистое, великолѣпное произведеніе искусства. А кто является виновникомъ всего этого? Господа художники, товарищи знаменитаго скульптора, г-на Бюргеля. Я думаю, что лучшаго оружія эта сволочь не могла дать намъ въ руки! Неправда ли?

— Съ этой точки зрѣнія я еще не смотрѣлъ на это,—бормоталъ Дистеркампъ.

— Да, объ этомъ вы и должны говорить на ближайшемъ собраніи.

— Нѣтъ! Нѣтъ!

Дистеркампъ протянулъ руки и протестовалъ очень рѣшительно.

— Дѣлайте, что хотите, но я совершенно разбитъ отъ тяжести работы. Вещи мои сложены, завтра я уѣзжаю въ санаторію.

И что только капитанъ ни говорилъ, онъ не уступалъ. Фрейлейнъ Дюмелингъ, о которой ея кузенъ утверждалъ, что она съ радостью дастъ средства, нужныя для продолженія агитаціи, была, казалось, лишь на половину склонна къ этому. Ибо, не говоря уже о непріятныхъ денежныхъ расходахъ, она успѣла нѣсколько примириться съ фонтаномъ, стоя-

щимъ передъ ея домомъ. Каждое утро и каждое послѣ обѣда она смотрѣла на него злыми глазами и думала: „Вотъ стоитъ среди площади воплощенная чувственность! Это знаменіе времени". Это вошло у нея въ привычку, отъ которой она могла бы отказаться не безъ нѣкоторой боли.

Такъ какъ капитанъ вслѣдствіе подагры былъ на ближайшее время неспособенъ къ борьбѣ, онъ долженъ былъ отклонить отъ себя руководительство послѣдней, и всѣ трое пришли, наконецъ, къ тому, что слѣдуетъ удовольствоваться моральной побѣдой.

— Впрочемъ... свое наказаніе эти люди еще получатъ!— сказала фрейлейнъ Дюмелингъ на прощанье.

— Еще бы! И основательное!—подтвердилъ ея кузенъ.

— Господь Богъ ужъ позаботится объ этомъ.

— Аминь!—заключилъ Дистеркампъ.

Конецъ.

НИМФА.

Разсказъ.

I.

Щегольской волжскій пароходъ „Вулканъ“ далъ уже второй свистокъ. По деревяннымъ сходнямъ торопливо бѣжала запоздавшая публика. Толкотня и давка, какъ на пожарѣ. Особенно волновались женщины, кромѣ узловъ и котомокъ тащившія ребятъ всевозможныхъ возрастовъ. Кто-то ругался, кто-то тяжело вздыхалъ, кто-то вполголоса „творилъ молитву“.

— И куда торопятся?!..—вслухъ удивлялся высокій сѣдой старикъ въ синей суконной поддевкѣ и такомъ же картузѣ.—Слава Богу, всѣмъ мѣста хватитъ, да еще и отъ насъ останется...

Онъ легко несъ свой багажъ, состоявшій изъ большого мѣшка, парусиннаго чемоданчика, овчиннаго тулупа и какихъ-то дорожныхъ узловъ. Разыскавъ свободную скамейку въ третьемъ классѣ, старикъ, не торопясь, размѣстилъ свой багажъ и, снявъ картузъ, истово помолился на одну изъ церквей, красовавшихся по нагорному берегу Волги.

— Здравствуйте...—степенно поздоровался онъ, раскланиваясь съ сосѣдями, но не получилъ отвѣта.

Какой-то исхудалый молодой человѣкъ интеллигентной наружности съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и какъ-то болѣзненно съежился, втягивая голову въ плечи, точно ему было холодно, несмотря на тропическую іюльскую жару. Ихъ мѣста были рядомъ.

— Охъ, горе душамъ нашимъ...—со вздохомъ проговорилъ старикъ-купецъ, устроившись на своей лавочкѣ.

— Какое-же такое особенное у васъ горе?—не безъ раздраженія спросилъ молодой человѣкъ, раскуривая папиросу.

— А такое... гм... У всякаго человѣка свое горе. Мало-

ли... Вотъ мы съ вами, напримѣрно, захватили во время мѣста, устроились... да... А вдругъ паровикъ лопнетъ?

— Съ чего ему лопаться-то?

— На грѣхъ мастера нѣтъ... Не то что паровикъ, а и другой живой человѣкъ можетъ лопнуть. Вдругъ терпѣнья не станетъ въ человѣкѣ... Вонъ, въ газетахъ-то кажный день что пишутъ: тотъ отравился, тотъ удавился, тотъ застрѣлился, тотъ утопился... Даже женскъ полъ и тотъ руки на себя накладываетъ. Разсердилась — и хлопъ нашатырнаго спирту или другой какой отравы.

— Это случайность...

— Случайность? Нѣтъ, ужъ извините, господинъ хорошій... Отчего-же, напримѣрно, спрошу я васъ, въ прежнія времена *этого* не было?

— Очень просто: въ старину пароходовъ и паровыхъ машинъ не было—вотъ и взрывовъ пароваго котла не могло быть. А что касается самоубійствъ, то... вообще... можетъ быть, топились, вѣшались и отравлялись больше, чѣмъ теперь, только объ этомъ въ газетахъ не печатали.

— Ну, ужъ это извините, господинъ хорошій... Конечно, случаи бывали, но только дѣлалось это въ лишеніи ума, а не за здорово-живешь.

— А вы слыхали про „сухую бѣду" у вотяковъ? Нѣтъ? Ужъ тутъ совсѣмъ просто дѣлается... Живемъ мы съ вами, напримѣръ, сосѣдями въ деревнѣ. Вы и богаче, и сильнѣе меня, и обижаете меня на каждомъ шагу. Ну, я и хочу вамъ отомстить разомъ за всѣ непріятности... Приду ночью да на вашихъ воротахъ и повѣшусь!

— Для чего же это, именно, на моихъ воротахъ, позвольте узнать?

— А для того, что явится полиція, становой, слѣдователь,—ну, вы и отвѣчайте, какъ знаете.

— Такъ, такъ... Что-же, умственно придумано. И даже весьма... Ахъ, горе душамъ нашимъ!

Этотъ интересный разговоръ былъ прерванъ изнемогающей трелью невидимаго колокола. Пароходъ нѣсколько разъ тяжело вздохнулъ и началъ тихо отдѣляться отъ пристани, взбивая крутую волну.

— Господи, благослови...—шепталъ купецъ, откидывая широкіе кресты.—Пронеси, Николай Угодникъ...

Когда пароходъ дѣлалъ красивый поворотъ, Нижній съ его нагорнымъ берегомъ и ярмарочной стороной открылся во всей своей красотѣ.

— Эхъ, батюшка Нижній, всю-то Волгу матушку ты кормишь и поишь,—думалъ вслухъ купецъ. — Мнѣ сказывалъ

одинъ нѣмецъ механикъ, что красивѣе его и во всемъ свѣтѣ не сыскать...

Молодой человѣкъ ядовито хихикнулъ, но купецъ сдѣлалъ видъ, что не обращаетъ на него вниманія.

— Ахъ, хорошо... — въ умиленіи повторялъ старикъ.— Вотъ, сорокъ лѣтъ плаваю по Волгѣ матушкѣ, а наглядѣться не могу... Разчудесное это дѣло: пароходъ. Не то, что машина, гдѣ люди бѣгаютъ въ отсутствіи ума. А здѣсь вотъ позовешь услужающаго, онъ соберетъ пару чайку...

— А буфетъ вы забыли?

— Буфетъ? Ну, это опять особенная церемонія... Дѣло тоже невредное, особенно по осени, когда прохватитъ сыростью да холодомъ. Во благовременіи вино не вредитъ, и въ писаніи такъ сказано: „невинно вино, а укоризненно піанство". Такъ-то-съ, господинъ молодой человѣкъ...

А пароходъ все сильнѣе врѣзывался желѣзной грудью въ водяную гладь и, распахивая волну, усиливалъ ходъ. Берега точно плыли навстрѣчу ему. Десятки всевозможныхъ судовъ подолгу оставались въ полѣ зрѣнія. По правому берегу лѣпились въ живописномъ безпорядкѣ пригородныя постройки, домики, избушки,—издали вся эта незамысловатая стройка казалась и красивой, и какъ-то особенно уютной. Кое-гдѣ мелькали яблоновые садики, огороды и полоски вспаханной земли. Старикъ-купецъ обошелъ всю палубу третьяго класса, любуясь въ окна съ разныхъ сторонъ на развертывавшуюся красу великой русской рѣки. Публики было много, и все какая-то бѣднота. Мужики съ унылыми лицами, изнуренныя, прежде времени состарѣвшіяся бабы, грязные ребятишки, глядѣвшіе кругомъ голодными глазами, разная инородь изъ казанской губерніи, — все это сбилось въ одинъ живой муравейникъ. Нѣкоторые помѣстились прямо на полу, подостлавъ подъ себя верхнее платье.

По пути старикъ завернулъ въ буфетъ и спросилъ рюмку водки. Буфетчикъ, мрачный и непривѣтливый господинъ, какъ-то нехотя налилъ рюмку и отвернулся.

— Ярославскіе будете?—спросилъ старикъ, прожевывая закуску.

— Случалось...—нехотя отвѣтилъ буфетчикъ.

— А какого уѣзду?

— Забылъ... Давно родился...

— Должно полагать, ночью, — замѣтилъ обиженный неразговорчивостью ярославца старикъ.—Ярославцы-то всѣ по ночамъ рожаются, ну, и не помнятъ. Что-же, у всякаго свой фасонъ...

Обругавъ про себя неразговорчиваго ярославца, старикъ отправился бродить по пароходу. Между прочимъ, онъ за-

шелъ и на половину второго класса, гдѣ набралась чистая публика. Тамъ было совсѣмъ весело. Всѣ столики были заняты. Пили чай, закусывали, а за однимъ столомъ двое купцовъ съ особеннымъ аппетитомъ ѣли стерляжью уху.

— Въ Москвѣ такая полпорція стерляжьей-то ухи три рублика стоитъ, — объяснялъ одинъ. — Ей-Богу... А здѣсь полтина серебра.

— Мало-ли што въ Москвѣ,— отозвался другой.—Въ Москвѣ-то толсто звонятъ, да тонко ѣдятъ...

Старикъ походилъ, напрасно отыскивая знакомыхъ, и вернулся къ себѣ въ третій классъ. Подозвавъ услужающаго, бѣгавшаго съ салфеткой подъ мышкой, купецъ заказалъ себѣ порцію стерляжьей ухи. Услужающій человѣкъ бросился исполнять заказъ съ такой энергіей, точно хотѣлъ выскочить изъ собственной кожи, только-бы угодить настоящему пассажиру. Третьеклассная публика бѣдная, и рѣдко кто побалуется чайкомъ, а всѣ русскіе услужающіе—самые продувные психологи.

Когда услужающій подвинулъ купцу столикъ, накрылъ его салфеткой и поставилъ приборъ, всѣ сосѣди голодными глазами слѣдили за этими аппетитными приготовленіями. Появленіе ухи вызвало нѣсколько голодныхъ вздоховъ, а худенькій, интеллигентный молодой человѣкъ даже отвернулся. Послѣднее движеніе не ускользнуло отъ вниманія старика, и онъ даже вздохнулъ. „Эхъ, бѣдность, бѣдность...“ думалъ онъ, съ особеннымъ удовольствіемъ прихлебывая стерляжью уху.

— Охъ, горе душамъ нашимъ...—вздохнулъ старикъ, дѣлая передышку.

Кончивъ свою порцію, старикъ почувствовалъ себя точно виноватымъ. Это было навязчивое, обидное чувство, когда человѣкъ начинаетъ оправдываться передъ самимъ собой. Старикъ только хотѣлъ покреститься, отыскивая востокъ, какъ глаза его встрѣтились съ улыбавшимися глазами молодой женщины, наблюдавшей его изъ-за плеча, очевидно, своего мужа—сухопараго молодого человѣка.

— Позвольте узнать, сударыня, чему вы изволите смѣяться?—обратился старикъ къ ней.

— А такъ... Жаль мнѣ васъ...

— Меня?!..

— Да... Вотъ вы съѣли порцію стерляжьей ухи, и вдругъ вамъ совѣстно.

— Совѣстно? Это какъ-же такъ выходитъ? Ежели я за свои собственныя деньги... да...

— А ежели у другихъ собственныхъ-то денегъ нѣтъ, да они еще должны смотрѣть, какъ вы чавкаете?..

— Мадамъ, позвольте...

Купецъ что-то хотѣлъ сказать, но только махнулъ рукой и отвернулся.

II.

Путешествіе хорошо уже тѣмъ, что время летитъ совершенно незамѣтно, а спеціально для русскаго человѣка время—величайшій врагъ. Убивать этого врага существуетъ масса способовъ, до картъ включительно. Путешествіе на пароходѣ въ этомъ случаѣ занимаетъ первое мѣсто, потому что и поѣсть можно, и чай пить по три раза въ день, и въ буфетъ заглядывать время отъ времени. Купецъ такъ и дѣлалъ, пока не спустились сумерки.

Молодой человѣкъ, сидѣвшій рядомъ, ушелъ въ машинное отдѣленіе, гдѣ отъ работавшей машины такъ и тянуло благодатнымъ тепломъ. Его жена оставалась на мѣстѣ, кутаясь въ теплый платокъ.

— Сударыня, а вы куда изволите проѣзжать?—спрашивалъ старикъ.

— А такъ, куда глаза глядятъ...

— Такъ-съ, дорога самая прямая... А сами откуда изволите быть?

— Гдѣ были, тамъ ничего не осталось...

— Вѣррно-съ... Адресъ, можно сказать, безъ ошибки... Прямо можно сказать: посылай заказное письмо по такому-то адресу. По нашему, по-мужицки, говорится такъ... Спрашиваютъ двухъ бродягъ:—„Гдѣ ты живешь?“ А онъ: „Гдѣ день, гдѣ ночь“. А другой-то говоритъ: „Я насупротивъ него живу, изъ окна въ окно“. Да-съ, случается...

— Охъ, горе душамъ нашимъ...—передразнила его сосѣдка и вызывающе засмѣялась.

Купецъ сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ, и спросилъ:

— А чѣмъ вы занимаетесь, сударыня, т. е. вашъ супругъ?

— Мы вмѣстѣ одно жалованье получаемъ: четыре недѣли въ мѣсяцъ, а пятую—спать...

— „Этакая зубастая бабенка“... удивлялся про себя старикъ, а потомъ прибавилъ вслухъ:—А вашъ супругъ, извините, имѣетъ свою службу?

— Отвяжитесь вы отъ меня... Супругъ... Какой онъ мнѣ супругъ? Такъ, въ родѣ оффиціанта... „Эй, подай тó... подай другое...“

— Это вы, сударыня, изволите совершенно правильное разсужденіе имѣть...

— Скучно... А онъ же мнѣ въ глаза заглядываетъ...

Сдѣлавъ паузу, она прибавила, точно думала вслухъ:

— Если бы онъ хоть разъ пришелъ домой пьяный... да... ну, прибилъ бы меня... подъ глазами синяки съ кулакъ... Ну, я бы визжала, плакала, жаловалась всѣмъ... Вѣдь онъ кругомъ виноватъ, а я у него же прощенья бы просила... Однимъ словомъ, была бы баба бабой!

— Это вы точно, сударыня...

— Я ждала бы его пьянаго цѣлыя ночи на-пролетъ.. А потомъ взяла бы, да и отравила...

Старикъ вскочилъ и сурово заявилъ:

— Ну, ужъ это совершенно напрасно... Такого закону, чтобы мужей травить, бабамъ еще не дадено... Очень даже просто!

Въ отвѣтъ на эти горячія слова старой мудрости послышался тихій, раздражающій смѣхъ, какъ смѣются избалованныя дѣти, когда ихъ щекочутъ. Старикъ поднялся и пошелъ опять къ буфету, а за нимъ по пятамъ тянулся русалочій смѣхъ.

— Старичокъ, на что вы сердитесь? Вернитесь...

Въ буфетъ старикъ не пошелъ, а остановился подъ люкомъ въ машинномъ отдѣленіи и началъ смотрѣть, какъ работаетъ паровая машина. Она казалась старику громаднымъ желѣзнымъ паукомъ, который съ трудомъ втягивалъ и вытягивалъ на себя десятки тонкихъ желѣзныхъ ногъ.

— Любуетесь машиной?—проговорилъ надъ его ухомъ появившійся неизвѣстно откуда худенькій молодой человѣкъ.

— Да... Не вредно удумано. Каждую штучку вѣдь надо было изобрѣсти, да приладить, да отшлифовать.

— А знаете, кто устроилъ эту машину?

— Разные люди, которые поумнѣе...

Молодой человѣкъ засмѣялся и спокойно проговорилъ:

— Нѣтъ, все одинъ человѣкъ и придумалъ, и сдѣлалъ...

— Ну, ужъ это вы извините, господинъ хорошій... т. е. никакъ невозможно!

— А я его знаю... Его зовутъ: *голодный человѣкъ*...

Старикъ даже отодвинулся отъ своего собесѣдника, а потомъ покачалъ головой и проговорилъ:

— Я что же... вѣдь вы, дѣйствительно, того... Ахъ, горе душамъ нашимъ!.. Совсѣмъ даже правильно... *Онъ*, голодный, всякой всячины удумалъ, а гдѣ же сытому. Вѣрно!.. Золотое словечко изволили выговорить...

Подхвативъ молодого человѣка подъ руку, купецъ повелъ его въ сторону буфета.

— Водочку изволите принимать?—спрашивалъ старикъ, когда они остановились передъ закусками.

— Какъ вамъ сказать... — замялся молодой человѣкъ, оглядываясь на дверь.

— Понимаемъ-съ... Вѣдь всѣ супружницы этого не одобряютъ, а ваша меня впередъ вотъ какъ отчитала.

— Да?..

— Въ лучшемъ видѣ...

Молодой человѣкъ весело засмѣялся, быстро выпилъ и велѣлъ налить снова по рюмкѣ.

— А не много ли будетъ?—спрашивалъ купецъ.—У насъ такъ о. дьяконъ на поминкахъ передъ каждой рюмкой спрашиваетъ.

Чтобы не оставаться въ долгу, купецъ спросилъ двѣ бутылки пива. Они стояли у буфета и благодушествовали. Молодой человѣкъ замѣтно раскраснѣлся и все пожималъ плечами, а потомъ не вытерпѣлъ и спросилъ старика:

— А *она* говорила съ вами?

— Обругали-съ въ лучшемъ видѣ...

— Это у нея нервы... Вы не сердитесь на нее. Если бы вы только знали, какъ мнѣ ее жаль...

Въ голосѣ молодого человѣка послышались слезы, и онъ какъ-то безсильно махнулъ рукой, точно она была у него перешиблена.

— Да, конечно, жена и всякое прочее...—бормоталъ старикъ, чтобы сказать что-нибудь.—Вообще, случается...

— Нѣтъ, тутъ дѣло не вообще, а совершенно особенный случай... Да что мы здѣсь стоимъ—пойдемте на воздухъ.

Они прошли на самую корму и присѣли на свернутый канатъ. Незамѣтно спустился лѣтній вечеръ. На небѣ ярко блестѣли звѣзды, отражаясь въ водѣ. За пароходомъ далеко тянулся двойной слѣдъ, замиравшій на берегу пѣнившейся волной.

— А вѣдь хорошо...—вслухъ подумалъ купецъ.—Вѣдь это благодать, кругомъ благодать... А намъ все мало... Ни у кого ничего нѣтъ, а всѣ другъ дружкѣ завидуемъ... Вотъ, примѣрно, пароходъ—почему онъ не мой, а какой-то компанейскій?

— Ну, это ужъ много будетъ. Вотъ мнѣ этого парохода и даромъ не надо...

— Позвольте, господинъ хорошій... Ежели вамъ пароходъ не нравится, вы его продайте, а на деньги-то и купите то, што по сердцу. Вѣдь деньги, какъ паръ въ машинѣ—во всѣ стороны давятъ и рвутъ.

Пауза. Откуда-то изъ далекой ночной мглы донесся па-

роходный свистокъ, гдѣ-то высоко надъ головой просвистѣла стая дикихъ утокъ, летѣвшая на ночную кормежку.

— Да, деньги—сила,—согласился молодой человѣкъ, попыхивая въ темнотѣ папиросой.—А все-таки... да... Нѣтъ, мнѣ не нужно денегъ. Развѣ на деньги купишь счастье?

— Это вы правильно, потому какъ черезъ золото это самое, можетъ быть, слезъ-то побольше льется, чѣмъ черезъ заплатки...

— А самое скверное то, что богатый человѣкъ дѣлается несправедливымъ...

— Глядя по человѣку...

— Нѣтъ, ужъ извините, тутъ всѣ одинаковы и равны, какъ въ болѣзни. Да и въ Писаніи сказано...

— Извините, что-то какъ будто не упомню...

— Въ церкви читаютъ... Помните: „Легче верблюду пройти черезъ игольныя уши, чѣмъ богатому войти въ царство небесное“.

— Да, да...—вспомнилъ старикъ, покачивая головой.

— И еще въ Писаніи сказано: „Кая-бо польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, а душу свою отщетитъ“.

— Ахъ, Господи, да вы изъ духовныхъ, хорошій господинъ?

— Нѣтъ, такъ, просто... Люблю иногда божественное почитать.

— Читать-то, милый человѣкъ, одно, а понимать другое...

— А къ дѣлу, т. е. къ своей жизни приложить—третье...

— Это вы изволите выражать даже очень умственно... Охъ, горе душамъ нашимъ!..

— Нужно своимъ маленькимъ довольствоваться и никому не завидовать.

— Это вы насчетъ парохода-то?

Опять пауза. Чуткая тишина лѣтней ночи усиливаетъ впечатлѣніе шумной работы машины. Тяжелые вздохи паровика, подавленный гулъ движущихся членовъ желѣзнаго скелета, какой-то желѣзный скрежетъ вѣчно голоднаго чудовища, дышащаго огнемъ...

— А *она*—славная...—заговорилъ молодой человѣкъ такимъ тономъ, точно старался убѣдить самого себя.—Знаете, сейчасъ мы возвращаемся изъ Малороссіи къ себѣ домой... въ Лаишевскій уѣздъ... Цѣлыхъ два года промаячили въ Малороссіи. Кто-то вѣдь придумалъ: „благословенная Малороссія“. Х-ха... Ну, мы и повѣрили... да...

— Видно, тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ?

— Вѣдь мы спали и видѣли только одну эту Малороссію. Ну, а тутъ я получилъ маленькое наслѣдство... Такъ, тысячи три—четыре. Много ли намъ двоимъ нужно? Сейчасъ

и бросилъ службу, пораспродалъ весь скарбъ—и въ дорогу. Былъ у меня въ Полтавской губерніи знакомый учитель, который жилъ своимъ хуторкомъ. Ну, мы къ нему... Очень намъ понравилось. Бѣленькая хатка, баштанъ, вишневый садочекъ, свои арбузы. Однимъ словомъ, помирать не надо... И намъ онъ помогъ купить имѣньице, т. е. такъ, клочекъ земли въ пять десятинъ. Была и своя хатка, и садикъ, и огородикъ... Мечта!.. Понимаете? Когда мы перешли на свою землю, я заплакалъ, какъ ребенокъ... Конецъ скитаньямъ... Самъ, своими руками буду все дѣлать и буду жить трудами только собственныхъ рукъ... А жена мечтала о курочкахъ, уточкахъ, гусяхъ, поросятахъ... Хозяйство-то, какъ колесо, заразъ всѣми спицами вертится, и ни одну вынуть нельзя. Однимъ словомъ, радуемся до слезъ, точно во второй разъ родились... Жена сразу оживилась. Набѣгается по хозяйству день-деньской—ну, конечно, и аппетитъ отличный, и сонъ мертвый.

— И картошку, и огурчикъ, и капустку садили?—спрашивалъ купецъ, увлекаясь хозяйственными мечтами.—Помилуйте, первое это дѣло, чтобы настоящій крѣпкій овощъ... да. А фруктъ—это сущіе пустяки. Одно баловство.

— Съ овощами-то мы и не могли устроиться...

— Какъ такъ?!.

— Еще картошка кое-какъ росла, а капуста и огурецъ не согласны... Нашихъ сортовъ и не выгонишь, а ихніе—не нашъ вкусъ.

— Капуста требуетъ землю сырую и потную и чтобы ее морозцемъ взбадривало. У огурца опять своя церемонія... Супротивъ нашего-то муромскаго огурчика по всему свѣту не сыскать... Даже самъ колется отъ своего сѣмя...

— У хохловъ свое хозяйство...

— А рыбка полагается?

— Совсѣмъ мало... Озеръ нѣтъ, рѣкъ мало... Такъ, кое-гдѣ помѣщики разводятъ у себя въ прудахъ карасей да карповъ.

— Такъ, такъ... А безъ рыбки-то даже вотъ какъ скучно, особенно кто ежели посты соблюдаетъ...

Купецъ широко вздохнулъ, разгладилъ бороду и спросилъ:

— Ну, такъ какъ-же вы тамъ съ имѣньемъ-то своимъ управлялись, господинъ хорошій?

Молодой человѣкъ болѣзненно съежился и тихо отвѣтилъ:

— А такъ... Бросили все и бѣжали...

— Ну-у?!. Т. е. позвольте, въ какомъ это смыслѣ: бѣжали?

— Даже безъ всякаго смысла бѣжали... Не у чего было оставаться.

— А имѣнье-то?

— Вотъ въ немъ-то и вышла вся наша бѣда... Пробовали развести фруктовый садъ—всѣ деревья вытащили и переломали. Развели огородъ... весь овощъ раскрали... да... Гусей, утокъ, куръ—все раскрали. Парочку овечекъ кормили и поросеночка—тоже.

— Скажжите... Кто-же это озорничалъ?

— А вотъ это и неизвѣстно... Мы никому зла не дѣлали.

— Такъ, такъ... Даже со стороны это обидно. Да-а... Ну-съ, что-же вы сдѣлали подъ конецъ, господинъ хорошій?

— Да что было дѣлать: продали все за половину цѣны мѣстному лавочнику, а сами бѣжали. И стыдно, и обидно, а ничего не подѣлаешь... Теперь ни къ чему домой ѣдемъ... Вотъ жена-то и волнуется впередъ.

— Даже вполнѣ понятно, хоть до кого доведись... Ахъ, горе душамъ нашимъ!.. И все такъ на бѣломъ свѣтѣ дѣлается... Одинъ скачетъ, а пятеро плачутъ...

III.

Ночь. Темная іюльская ночь. Небо покрыто облаками. Въ прорывахъ тучъ иногда мелькаютъ одинокія, точно заблудившіяся въ недосягаемой вышинѣ, звѣздочки. По рѣкѣ ползетъ колыхающейся массой туманъ. Публика уже спитъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ неугомонныхъ пассажировъ, которые бродятъ, какъ ночныя тѣни. Старикъ-купецъ устроилъ себѣ на лавочкѣ походную постель и готовился заснуть. Но въ самый интересный моментъ, когда мысли уже начали путаться въ головѣ, его кто-то осторожно потрогалъ за руку. Онъ быстро сѣлъ и увидѣлъ стоявшую передъ нимъ странную сосѣдку. Она куталась въ свой теплый платокъ, какъ привидѣніе.

— Сударыня...

— Я вамъ помѣшала спать?—тихо спросила она.

— Нѣтъ, ничего-съ... Такъ, вздремнулъ.

Она сѣла рядомъ съ нимъ и заговорила:

— Вы меня презираете?..

— Я-съ? Помилуйте, не имѣю никакого полнаго права...

— А мужъ вамъ жаловался на меня?

— Нѣтъ-съ, былъ посторонній разговоръ...

— Ахъ, не обманывайте меня... Онъ всѣмъ жалуется. Ходитъ по пароходу и жалуется.

— Это вы изволите совершенно напрасно воображать себѣ...

— Знаю, знаю, а только я не виновата... да... А васъ какъ зовутъ?

— Егоромъ, сударыня... Егоръ Иванычъ Пышкинъ.

— Ну, фамилія глупая, а имя хорошее... Вѣдь въ имени каждаго человѣка сказана впередъ вся его судьба. Егоръ— это и бодро, и серьезно... да. Вотъ я называлась Глафирой, да еще Кузьминичной... Развѣ изъ такого глупаго имени можетъ быть что-нибудь хорошее? Вотъ прожила всю жизнь, а ни одной еще порядочной Глафиры не встрѣчала... Такъ, шушера разная: старыя дѣвы, просвирни, разведенныя жены...

— Изволите ошибаться, сударыня... У насъ въ городу есть одна Глафира Павловна, такъ женщина, можно сказать, первый сортъ. И при собственномъ капиталѣ, и при собственномъ каменномъ домѣ, а мужъ—тише воды, ниже травы. Преотличная дама, однимъ словомъ...

— А все-таки Глафира...

Она тихонько засмѣялась, а потомъ проговорила уже другимъ тономъ:

— А знаете, что я сейчасъ думала? Ни за что не угадать... да... Я боюсь воды... Вѣдь всего одинъ шагъ, бросилась въ воду и поминай, какъ звали. Можетъ быть, кто-нибудь и пожалѣетъ сумасшедшую Глафиру... Вотъ вы первый, вѣдь пожалѣете?

— Всеконечно... И даже весьма, потому очень еще вы молоды и все у васъ впереди... А кромѣ всего прочаго, самое-то главное въ каждомъ человѣкѣ—душа. Вотъ душу-то и надо пожалѣть...

— Послушайте, Егоръ Иванычъ, вы совсѣмъ не то говорите... Вы мнѣ годитесь въ отцы и должны меня побранить.. да... По настоящему побранить, чтобы мнѣ сдѣлалось совѣстно-совѣстно... Зачѣмъ я, напримѣръ, чужой вѣкъ заѣдаю?

— Это вы насчетъ супруга?

— Да.. Вѣдь нашлась-бы другая женщина, съ которой онъ былъ бы счастливъ.. У нихъ были бы такія хорошія дѣтки, а *онъ* такъ любитъ дѣтей... У васъ есть дѣти?

— Ахъ, барыня, барыня... Всякія вѣдь дѣтки-то бываютъ, особенно по нынѣшнимъ временамъ. Еще ходить не выучился, а ужъ родителевъ не уважаетъ... Даже очень просто!.. У меня двѣ дочери замужемъ да сынъ неженатый...

— Вотъ и отлично... И не жените, а то попадется еще жена такая-же шалая, какъ я.

— Все отъ Бога, сударыня... Кому ужъ какое счастье.

— А отчего-же у меня нѣтъ счастья? Мужъ хорошій, смирный, а я все злюсь... Настоящая змѣя подколодная... Какія слова ему говорю... Другой мужъ такую-то жену десять бы разъ убилъ... И вѣдь все я отлично понимаю, и про себя вотъ какъ раскаиваюсь, и даже плачу по ночамъ...

Самой на себя обидно!.. Да... А удержаться никакъ не могу.

— Богу нужно молиться, сударыня...

— А если во мнѣ настоящей молитвы нѣтъ?

— Тогда нужно плакать, сударыня... Слезы—тоже молитва.

— И плакать не могу... Если и плачу, то со злости.

— И опять грѣхъ... Угодники-то Богу молились со слезами, а не злились.

— На то они и угодники были, а мы... Ахъ, тоска тоскучая!.. Я вотъ разговариваю съ вами, а сама ненавижу васъ... да...

— За что-же-съ, позвольте узнать?

— За все... А главное, за то, что вы такъ довольны собой. Да... Я вотъ мѣста не нахожу себѣ, а вы собой любуетесь... Навѣрно, и жену еще свою колотите... Да? Знаю, знаю этакихъ-то благочестивыхъ старичковъ... Чуть что, и сейчасъ жену въ ухо, чтобы въ головѣ дня три звенѣло, какъ на колокольнѣ въ Пасху...

— Ну, это вы напрасно, сударыня... Не случалось. Нынче и скотину, и ту не бьютъ.

— Потому что нѣтъ разсчета... А почему-же не отколотить собственную супругу? Законъ-то вѣдь за васъ... Это называется: мужъ жену учитъ. За скотину-то деньги плачены, а жена даромъ досталась...

— Видите ли, сударыня, вѣдь жены-то разныя бываютъ...

— А почему бьютъ именно хорошихъ женъ? Своими глазами сотню разъ видала... Живешь въ деревнѣ, такъ вашего мужского звѣрства досыта насмотришься...

Старикъ тяжело вздохнулъ и только махнулъ рукой. Молодой человѣкъ, притворявшійся спящимъ, неожиданно фыркнулъ отъ смѣха, вскочилъ и убѣжалъ въ буфетъ.

— Видѣли?—спрашивала она.—Ему-же и смѣшно, идіоту...

Старикъ молча поднялся и тоже пошелъ къ буфету. Изъ-за двери выставилась голова молодого человѣка, который продолжалъ улыбаться.

— Ну, и купоросъ мѣдный, а не женщина, — говорилъ старикъ, входя въ буфетъ.—Самыя кусательныя слова такъ изъ нея и сыплются, точно изъ мѣшка съ горохомъ, когда его проткнутъ палкой...

Молодой человѣкъ продолжалъ улыбаться.

— „Да онъ съ ума спятилъ или отъ роду блаженненькій“,—невольно подумалъ купецъ.

Выпили по двѣ рюмки. Старикъ какъ-то сразу размякъ и что-то бормоталъ себѣ подъ носъ. „Очень просто... да... всеконечно... гмъ“... Въ буфетъ заходила „публика“, торопливо „проглатывала рюмку“ и возвращалась на палубу по

своимъ мѣстамъ. Буфетчикъ дремалъ за своей стойкой глядя на гостей непонимающими глазами.

— Тяжело вамъ, господинъ хорошій, день-то деньской за стойкой торчать?—пробовалъ опять заговорить старикъ.

— Ничего, мы привыкши...

Послѣ легкой выпивки въ буфетѣ, Егоръ Иванычъ взялъ молодого человѣка подъ руку и повелъ на верхнюю палубу, куда допускалась только публика перваго и второго классовъ. Разставленныя по бортамъ скамейки были сейчасъ пусты, и друзья заняли одну изъ нихъ.

— Расчудесное дѣло...—думалъ старикъ вслухъ.

— Именно?

— А такъ... вообче... Значитъ: благодать.

Молодой человѣкъ хотѣлъ что-то сказать, но старикъ перебилъ его:

— Позвольте, господинъ хорошій... да... Какъ ни какъ, а съ женой надо помириться. Мало-ли што бываетъ по семейному дѣлу... Женщина — слабъ сосудъ, какъ въ писаніи сказано. Да...

— Ахъ, ужъ и надоѣли вы мнѣ съ своимъ „писаніемъ"...

— А вы не сердитесь... Не нами удумано, не нами и кончится. Да... Такъ первое дѣло: всякаго человѣка надо жалѣть. Счастливыхъ людей нѣтъ, у всякаго есть свое горе... да. Теперь возьмемъ такой случай, что человѣкъ не понимаетъ... Живетъ и не понимаетъ.

— Случается...

— И всѣ мы ничего не понимаемъ... А со стороны-то и жаль смотрѣть... Особенно на молодыхъ людей... Даже вотъ какъ жаль... Эхъ, самое это любезное дѣло, ежели-бы миркомъ да ладкомъ.

— Я понимаю, куда вы клоните... Только я-то при чемъ тутъ?

— А надо умѣть, господинъ хорошій... Надо въ другой разъ и видѣть да не видѣть, и слышать да не слышать. Что дѣлать, видно, ужъ такія времена настали...

Старикъ долго говорилъ въ этомъ родѣ, говорилъ, въ сущности, „пустыя слова", но молодой человѣкъ слушалъ его съ жадностью. На него, главнымъ образомъ, гипнотизирующе дѣйствовалъ спокойный, мѣрный тонъ старческаго увѣщанія.

Темная лѣтняя ночь обняла Волгу. Жуткая тишина настраивала воображеніе. Егоръ Иванычъ нѣсколько разъ зѣвнулъ и заявилъ:

— Пора и на боковую... д-да.

Молодой человѣкъ, какъ тѣнь, поплелся за нимъ. Старикъ угрюмо молчалъ и молча расположился на своемъ ложѣ.

Онъ тяжело вздыхалъ, а потомъ захрапѣлъ. Сквозь сонъ онъ почувствовалъ, что кто-то осторожно присѣлъ къ нему на лавочку. Егоръ Иванычъ быстро сѣлъ. Это была опять Глафира.

— Сударыня...

— Извините меня...—умоляюще прошептала она.—Мнѣ тошно... тяжело... Ахъ, какъ тяжело!..

Она наклонилась къ нему и тихо прибавила:

— Меня такъ и тянетъ броситься въ воду... Ради Бога, держите меня... Ахъ, какъ тяжело... Вѣдь вы говорили, что у васъ есть дочь?.. Навѣрно, и ей бываетъ тяжело...

— Ахъ, сударыня...

— Вы разсердитесь на меня... побраните...

У старика что-то захолонуло на душѣ. Ему вдругъ стало жаль вотъ эту несчастную, которая, какъ ночная птица, летѣла на окно, освѣщенное чужимъ свѣтомъ. Надо было что-то сказать, успокоить, просто пожалѣть вслухъ, а словъ не было. Голова была, какъ пустой карманъ.

— Что-же я вамъ скажу, дорогая моя? Вѣдь я простой человѣкъ, и во мнѣ никакихъ образованныхъ словъ нѣтъ...

— Вотъ именно и не надо этихъ образованныхъ словъ.. Очертѣли они мнѣ... А что-нибудь простое, строгое... чтобы я плакала настоящими, а не злыми слезами...

Старикъ молчалъ. Онъ долго покачивалъ головой, стараясь что-то припомнить, а потомъ рѣшительнымъ тономъ проговорилъ:

— Нѣту такихъ словъ, сударыня... Это въ прежнія времена, дѣйствительно, бывали строгія, сурьезныя слова, а нынче... Какъ-бы это вамъ понятнѣе выразить? Въ деревнѣ жили, такъ видали, какъ хлѣбъ молотятъ... да-съ... Хорошее-то, полновѣсное зерно поближе къ хозяину падаетъ, а пустое-то вмѣстѣ съ мякиной летитъ во всѣ стороны...

— Къ чему вы это говорите? Я ничего не понимаю...

— А такъ, для вразумленія... Очень ужъ дешевыя слова пошли кругомъ, ну, ихъ и разноситъ во всѣ стороны, какъ мякину...

— И все-таки не понимаю, хоть убейте...

— Очень даже просто: и слова бываютъ пустыя, и люди пустые... Оно ужъ одно къ одному. Извините, есть такая мужицкая поговорка: свинья не родитъ бобра... Ежели человѣкъ не будетъ себя взнуздывать, ну, и пропалъ...

Она тихо засмѣялась.

— Вотъ вамъ смѣшно, сударыня, а я даже весьма сурьезно... Надо все сурьезно дѣлать. Тогда и горя не будетъ... И всѣ будутъ между собой, какъ братья...

— Скучно, терпѣнья не хватитъ...

— А въ терпѣньи-то и вся наша сила!.. Все отъ терпѣнья...

— Это со стороны-то легко говорить, а вотъ посадить бы васъ въ нашу бабью кожу... Вѣдь вы ни за какія деньги не согласились-бы превратиться въ бабу?

— Зачѣмъ же это-съ, позвольте?

— А такъ, къ слову... Впрочемъ, тутъ не о чемъ и разговаривать. Курица не птица, баба не человѣкъ.

Пауза. Глухо гудитъ машина, тяжело вздыхаетъ паровозъ, точно его душитъ какая-то невидимая рука.

— Говорите же что-нибудь...—шептала женщина въ сѣромъ платкѣ.—Вѣдь слова такъ дешево стоятъ... А у меня никого-никого нѣтъ. Однимъ словомъ: „нимфа", какъ меня называетъ мужъ. Мнѣ такъ хочется чего-нибудь бояться... бояться и кого-то любить... Такъ, по хорошему любить, чтобы и у самой на душѣ тепло дѣлалось... Вѣдь есть-же на бѣломъ свѣтѣ хорошіе люди? Когда была маленькой, я такъ любила ходить въ церковь. Угодники смотрятъ съ образовъ такими строгими-строгими глазами, а ты знаешь, что они всѣ до одного были добрые и хорошіе... Я и житія святыхъ любила читать, страшно и хорошо, и хотѣлось плакать...

— Сударыня, вотъ что я вамъ скажу: пора спать...

Она вскочила, какъ ужаленная, посмотрѣла на него округлившимися глазами и покорно пошла къ своей лавочкѣ.

IV.

Егоръ Иванычъ не сумѣлъ бы сказать, что съ нимъ было: какъ будто задремалъ, а какъ будто и нѣтъ. Мимо него ходили люди, разыскивая свободныя мѣста, гдѣ-то переругивались невидимые голоса, пароходъ стоялъ у какой-то пристани, и т. д., и т. д. Потомъ пароходъ двинулся, загудѣлъ и вдругъ остановился. Поднялась суматоха.

— Вонъ тамъ бросилась!.. — хрипло кричалъ кто-то.— Прямо подъ колесо.

— Кто бросился?

— А женщина въ сѣрой шали...

— Давайте лодку!!!

Очнувшись, Егоръ Иванычъ сразу понялъ, какая женщина бросилась въ воду, и набожно перекрестился.

— Охъ, горе душамъ нашимъ...—благочестиво шепталъ онъ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Передвинутыя души.

Очерки.

IV.

Кавказцы.

Двѣ націи мало пострадали отъ общей реакціи: это армяне и татары. Причина, можетъ быть, та, что онѣ дрались только между собою, сперва дрались, потомъ помирились.

Когда двое дерутся, всегда бываетъ и третій, tertius gaudens. Кто такой этотъ третій, можно узнать изъ доклада сенатора Кузминскаго о дѣйствіяхъ Бакинской полиціи.

Однако, чтобы быть безпристрастнымъ, слѣдуетъ помнить, что Кавказъ страна разнообразная, даже въ отношеніи политики властей.

Были мѣста, какъ Баку, гдѣ власти помнили только одно: армяне крамольники, и ихъ надо подавить во что бы то ни стало. Были другія мѣста, гдѣ власти хранили вооруженный нейтралитетъ. Были, наконецъ, и третьи мѣста, гдѣ власти, начальники военныхъ отрядовъ, помнили другое: армяне христіане, и имъ надо помогать противъ татарскаго погрома.

Въ Шушинской рѣзнѣ въ армянскихъ рядахъ сражались русскіе солдаты и казаки; они выходили изъ казармы и возвращались обратно. Никто имъ не препятствовалъ. Четверо солдатъ было убито, нѣсколько казаковъ ранено.

Какъ бы то ни было, враждующіе народы въ концѣ концовъ взялись за умъ и заключили миръ. Я не былъ на Кавказѣ лѣтъ восемь, и, признаюсь, когда я читалъ въ газетахъ объ этомъ мирѣ, я принималъ его всегда, cum grano salis. Всѣ мы знаемъ, какъ примиряются между собою враждующія партіи и націи,—съ камнемъ за пазухой и съ ножемъ наготовѣ. Но, когда я проѣхалъ по Кавказу минувшимъ лѣтомъ, я увидѣлъ, что примиреніе серьезнѣе, чѣмъ можно думать.

Правда, взаимная нервность все-таки осталась. И даже интел-

лигентные кружки обѣихъ націй держатся особо. Въ бытность мою въ Баку, когда мнѣ случалось долго бывать съ армянами, кто нибудь изъ татаръ потомъ непремѣнно спрашивалъ съ нервнымъ любопытствомъ: „Ну-ка, ну-ка, что армяне говорятъ объ насъ"... И точно также армяне спрашивали объ татарахъ. Но въ отзывахъ, вмѣсто вражды, слышалось скорѣе уваженіе къ сопернику.

Это одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, когда слѣпая и ожесточенная рѣзня въ результатѣ породила смягченіе взаимной ненависти. Такому результату способствовало много причинъ.

Борьба окончилась въ ничью, обѣ націи сохранили свои позиціи. Сперва нападали татары, но армяне, хотя и не столь многочисленные, защищались отчаянно и мѣстами, въ свою очередь, переходили въ наступленіе. Надо замѣтить, что исторически армяне на Кавказѣ нація побѣжденная и оттѣсненная въ горы. Около древняго монастыря Ахпата, въ Армянскихъ горахъ, я видѣлъ пещеры, куда спасались армяне со своимъ скотомъ отъ страшнаго врага. И на развалинахъ горной крѣпости Даставанкъ стояла краснорѣчивая надпись: «Въ горькую эпоху татарскаго нашествія».

До прихода русскихъ армяне были на Кавказѣ, почти такъ же, какъ въ Турціи, на положеніи райи. Послѣ прихода русскихъ армяне, какъ христіане, усвоили быстрѣе начатки культуры и, благодаря этому, успѣли захватить въ городахъ нѣкоторыя новыя позиціи. Но въ селахъ все было, какъ прежде. Тамъ была въ силѣ татарская поговорка: *Эрмени гангерутъ*—армянинъ боится крови.

Армяне опровергли эту поговорку, между прочимъ, во время Сассунскаго возстанія 1903 года, но оно окончилось для нихъ несчастливо. Нѣсколько тысячъ народу было избито, нѣсколько десятковъ тысячъ бѣжало, по старой памяти, въ Россію. Но на границахъ стояли кордоны и перехватывали бѣженцевъ.

Въ Кавказской рѣзнѣ позиція армянъ была сильнѣе. Они, конечно, не могли превзойти татаръ храбростью, но, благодаря своей культурности, они были лучше организованы и лучше вооружены. Они пустили въ дѣло мины и снаряды, даже самодѣльныя пушки.

Ожесточеніе этой борьбы часто доходило до крайняго предѣла. Мнѣ довелось видѣть много зынворовъ, армянскихъ дружинниковъ, но изо всѣхъ разсказовъ самый кровавый и мрачный—это короткій разсказъ бойца изъ Эривани.

— Это было тогда,—сказалъ онъ,—когда мы пополняли цифры.

— Какія цифры?

— Воровали людей и пополняли цифры. Если, напримѣръ, татары нашихъ убьютъ за день человѣкъ двѣнадцать, а наши убьютъ только девять, мы заляжемъ въ садахъ около татарскаго квартала и ловимъ татаръ. Одного, другого, третьяго, сколько не хватаетъ. Поймаемъ и утащимъ къ себѣ и зарѣжемъ, потомъ закопаемъ подъ землю.

Этотъ дружинникъ былъ крестьянинъ. Интеллигентъ не сталъ

бы такъ разсказывать. Я смотрѣлъ на его руки. Онѣ были узкія, сухія. Весь онъ былъ маленькій, проворный, сухой. И голосъ у него былъ тихій и какъ будто кроткій. Но даже товарищей его покоробило отъ этого тихаго разсказа.

Татарскіе подвиги были нисколько не лучше.

— Вотъ здѣсь стоялъ Ашуровъ,—разсказывала мнѣ одна бакинская дама,—и смотрѣлъ на пожаръ. Горѣло въ армянскомъ кварталѣ, и доносились крики. А онъ смѣялся и говорилъ: «Ахъ, какъ горитъ. Сердце радуется»...

Равенство силъ ярко сказалось въ Шушинской рѣзнѣ. Мнѣ разсказывали дружинники:

— У насъ было три рѣзни въ Шушѣ. Послѣ первой рѣзни татары заперли ущелье Агдамъ, откуда караваны приходятъ въ Карабахъ.

— Наши села остались безъ хлѣба. Тогда мы заперли ущелье Аскерянъ, на десять верстъ ниже. Тамъ есть старыя башни по обѣ стороны ущелья.

— Татары забирали наши караваны, а мы татарскіе, сахаръ, хлѣбъ. Все стало. Соль пересылали въ конвертахъ по почтѣ. Купцы стали посылать смѣшанные караваны, армяно-татарскіе, подъ бѣлымъ флагомъ. Дойдутъ до города, разберутъ. Это твое, а это мое.

— Долго терпѣли, потомъ поневолѣ пришлось помириться. Оттого даже пословица составилась: «Если вы намъ запрете Агдамъ, мы вамъ запремъ Аскерянъ».

Между прочимъ, довольно извѣстный эпизодъ съ начальникомъ русскаго отряда фонъ-Озаровскимъ разыгрался именно передъ Аскеряномъ.

Фонъ-Озаровскій шелъ въ Шушу. Узнавъ, что Аскерянъ запертъ, онъ распалился гнѣвомъ и выпустилъ обращеніе къ армянамъ, написанное въ стилѣ Неистоваго Орланда. Это обращеніе было напечатано во многихъ русскихъ газетахъ. Оно, между прочимъ, говорило: «Разгромлю ваши аулы. Горы Кавказа эхо отдадутъ. Убейте меня, если смѣете. Я буду въ бѣлой буркѣ», и т. д.

Армянскія дружины пропустили фонъ-Озаровскаго безпрепятственно. Но когда онъ прошелъ, онѣ снова заперли ущелье и задержали татаръ, шедшихъ сзади русскаго отряда. По этому поводу генералъ Потто напомнилъ въ Тифлисскомъ Листкѣ: «Ровно сто лѣтъ тому назадъ русскіе вели войну съ татарами въ этой мѣстности. Армянскіе добровольцы съ Юзбашевымъ во главѣ указали имъ дорогу сквозь Аскерянъ и помогли имъ обойти татаръ съ тылу».

Несмотря на сотни убитыхъ и огромныя матеріальныя потери, армяне вышли изъ этой борьбы съ повышеннымъ самосознаніемъ.

Мелкіе люди теперь единодушно повторяютъ: — Стало другое житье. Четыре года тому назадъ попробуй, не дай дороги—убьютъ.

Татарскіе беки присылали въ село: нужно ячменя, того и сего. Поневолѣ давали. Теперь чужимъ не даемъ...

— Пастухи мимо гонятъ татарское стадо, на горные луга, потравъ не оберешься. Теперь какую дорогу укажешь, проходятъ: какъ по стрункѣ. Тихо, хорошо. Новый свѣтъ увидали....

Эта новая равноправность дала также нѣкоторые неожиданные результаты. Разбойники прежде были исключительно татарскіе. Они грабили кого попало, мусульманъ и христіанъ. Теперь армянское племя обзавелось собственными разбойниками. Оно имѣетъ ихъ, кажется, больше, чѣмъ нужно. Мирное размежеваніе племенъ отразилось и въ этой области. Армянскіе и грузинскіе экспропріаторы грабятъ только христіанъ, татарскіе головорѣзы грабятъ мусульманъ. Тѣ и другіе соперничаютъ въ удальствѣ и отзываются другъ о другѣ съ уваженіемъ: «Это хорошіе, правильные люди. Они убиваютъ только своихъ».

Съ армяно-татарской рѣзней связано также пробужденіе татарскаго народа. По крайней мѣрѣ, это одна изъ его причинъ.

— Безъ этого грома дольше спали бы,—говорилъ мнѣ одинъ татарскій наборщикъ.

— Я ставилъ каблуки, теперь научился ставить буквы вмѣстѣ...

Пробужденіе магометанскихъ народовъ—фактъ общеизвѣстный. Онъ бросается въ глаза не только въ Турціи и въ Персіи, но также въ Казани и въ Астрахани, въ Баку и въ Тифлисѣ.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ завелись молодые татары, которые очень похожи на константинопольскихъ младотурокъ. Ихъ можно узнать даже по внѣшности и по выраженію лица. У нихъ веселые глаза, бойкіе жесты, самоувѣренныя рѣчи.

Они переживаютъ героическую эпоху, медовый мѣсяцъ культурнаго самосознанія, вродѣ того, какъ мы переживали въ шестидесятые года. Они затронули сразу всѣ области жизни. Политика, религія, театръ, многоженство, новая мебель, музыка, новая школа, новая литература. Они не хотятъ оставить камня на камнѣ отъ прежней косности.

Чѣмъ дальше, это становится шире. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прежнее стихійное единодушіе смѣнилось расчлененіемъ. Явились татарскіе эсдеки и магометанскія забастовки. Съ другой стороны, появились магометанскіе черносотенцы.

Въ городѣ Казани эта рознь дошла до серьезныхъ послѣдствій. Минувшей весною тамъ была устроена процессія съ участіемъ «союза русскаго народа». Двадцати пяти мулламъ было предложено тоже участвовать. Иные уклонились, другіе подчинились и участвовали. Черезъ мѣсяцъ трое изъ уклонившихся, все молодые прогрессивные муллы, были арестованы по обвиненію въ панисламистской агитаціи. Конечно, изъ Казани хоть три тода скачи—не доскачешь ни до какого панисламизма. Но это никого ни смутило. Одного изъ арестованныхъ обвиняли въ сношеніяхъ съ Египтомъ (?).

Группа татарскихъ черносотенцевъ стала собирать адресъ или, точнѣе сказать, доносъ противъ арестованныхъ муллъ. Они собрали 25 подписей. Въ томъ числѣ были нѣсколько старыхъ купцовъ, четыре многоженца, какой-то древній мулла. Они явились съ своимъ адресомъ къ начальству и заявили: «По нашему заплите ихъ хоть на край свѣта».

Прогрессивные элементы стали собирать контръ-адресъ. Они собрали больше тысячи подписей въ защиту пострадавшихъ. Излишне прибавлять, что эта защита не оказала дѣйствія. Египетскіе эмиссары были отправлены въ Вологду.

Въ городѣ Нахичевани дѣло зашло, пожалуй, еще дальше. Надо замѣтить, что Нахичевань тоже былъ отмѣченъ погромомъ. Во главѣ черносотенной партіи стоитъ извѣстный родъ хановъ Нахичеванскихъ. Генералъ Алихановъ Аварскій имѣлъ жену изъ этого рода. Однимъ словомъ, могущественные люди. Однако, на городскихъ выборахъ прогрессивные татары соединились съ недавними врагами, армянами и провалили Хана Нахичеванскаго, а провели въ городскіе головы Эйналова, лѣвого прогрессиста. Ханъ Нахичеванскій принялъ свои мѣры, мѣстныя, но онѣ никого не застращали. Тогда онъ явился съ жалобой къ губернатору. Губернаторъ два раза не утверждалъ выборовъ Эйналова, и въ концѣ концовъ городскимъ головою сталъ ханъ Нахичеванскій.

Изъ этого факта можно видѣть, что армяно татарское примиреніе уже приноситъ результаты. Мнѣ говорили татары: «Гдѣ больше дрались, тамъ теперь больше подружились».

Въ селеніи Алдамѣ, черезъ два года послѣ погрома, армяне дали въ своей приходской школѣ нѣсколько мѣстъ татарскимъ ученикамъ. Мѣста брались съ бою. На каждое было нѣсколько кандидатовъ армянскихъ и татарскихъ.

Успѣхи народнаго образованія среди татаръ за послѣдніе годы всего поразительнѣе. Напримѣръ, въ Баку четыре года тому назадъ общее число учащихся было 500, теперь 5000. Въ реальномъ училищѣ мусульманскихъ учениковъ было 60; теперь 350 (изъ общаго числа въ 1500). Въ Баку существуетъ 14 русско-татарскихъ школъ, три общества для распространенія грамотности: Неджатъ, Саадетъ и Нашримъ Арифъ. Эти общества устроили 24 низшія школы, не считая сельскихъ.

Русско-татарскія школы, впрочемъ, существовали и раньше. Онѣ уже дали возможность татарскому населенію завоевать новыя экономическія позиціи, ибо изъ нихъ выходятъ кадры молодыхъ торговцевъ и приказчиковъ для галантерейной торговли, для магазиновъ готоваго платья, женскихъ нарядовъ и т. п. Раньше въ этихъ отрасляхъ не было татарскихъ торговцевъ.

Въ торговлѣ хлѣбомъ и шерстью татары также стали укрѣпляться рядомъ съ армянами, чего прежде не бывало. Въ Бакинской нефтяной промышленности татары съ самаго начала занимали

видное положеніе, какъ аборигены и собственники земли. Но теперь между татарскими нефтяными богачами стали появляться прелюбопытныя фигуры, новыя и вмѣстѣ старыя, смѣшанныя, сдвинутыя съ мѣста и еще не нашедшія устойчиваго равновѣсія.

Старомодная трезвость вступила въ компромиссъ съ новомоднымъ шампанскимъ. Съ одной стороны, многоженство патріархальнаго склада, съ другой стороны—французская кокотка, какъ необходимое дополненіе. Новѣйшій татарскій промышленникъ не можетъ обойтись безъ француженки въ брилліантахъ. Какъ только появились татарскіе сатирическіе журналы, француженка попала на первыя страницы. Она прогуливается тамъ подъ ручку съ богатыми купцами и съ нефтяными королями и даже со святыми муллами, пилигримами хаджи, которые только что вернулись отъ Гроба Магометова.

Въ этомъ хаосѣ есть, конечно, и положительныя стороны. Малограмотные люди оказываютъ дѣятельную поддержку прогрессивнымъ газетамъ, даютъ деньги на школы, учреждаютъ стипендію для бѣдныхъ. И въ соціальномъ отношеніи забастовки и смуты послѣдняго времени научили этихъ богачей многому, большему, напримѣръ, чѣмъ такихъ же старомодныхъ елецкихъ или горбатовскихъ купцовъ. Можно воочію видѣть, какъ въ азіатскую чащу непроходимой дикости внѣдряется идея странная, и неожиданная, даже корни пускаетъ.

Одинъ и тотъ-же промышленникъ еще вчера вопіялъ:

— Испортили народъ. Развѣ можно тартальщику (черпальщику нефти) платить 28 рублей? Я ему плачу 18 рублей. Пускай на работѣ издохнетъ, собачій сынъ...

Но сегодня онъ приходитъ и вздыхаетъ и говоритъ другое:

—По моему ежели такъ, то надо деньги уничтожить. Пока бумажки есть да золото, не будетъ соціально. Пока золото есть, то будетъ накопленіе...

Одна изъ самыхъ характерныхъ фигуръ—это старикъ Тагіевъ, извѣстный богачъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и также хаджи. Ему 85 лѣтъ, но онъ крѣпокъ и прямъ, какъ дерево. У него молодая жена, и онъ ѣздитъ съ ней кататься въ Европу. Тагіевъ вышелъ изъ рабочихъ, былъ въ юности носильщикомъ-амбаломъ, теперь имѣетъ состояніе американскихъ размѣровъ.

До 1905 года онъ былъ меценатомъ мусульманскаго просвѣщенія, давалъ деньги на школы, учреждалъ стипендіи. Жена его одна изъ первыхъ сняла чадру. Слово его было закономъ въ Баку. Впрочемъ, и теперь слово его имѣетъ въ Баку огромный вѣсъ. У него много денегъ и связей, и свита у него большая, такая, что не выдастъ. Все это, какъ водится, родичи, односельчане. Я проходилъ вечеромъ мимо его дома. Они стояли у воротъ, большіе, мрачные, и охраняли дорогу. Кто-то крикнулъ на улицѣ. И тот-

часъ же вышелъ одинъ съ кинжаломъ и сказалъ внушительно по русски:—«Зачѣмъ ты крикаешь такъ?» И крикунъ замолчалъ.

Въ этотъ пріѣздъ я не успѣлъ увидѣть Тагіева. Онъ уѣхалъ на утро за-границу. Я думаю, впрочемъ, что старый хаджи теперь не такъ интересенъ, какъ прежде. Онъ черезчуръ испугался, круто повернулъ вспять и теперь всѣмъ заявляетъ направо и налѣво: «Не давайте бѣднымъ учиться. Ученье развиваетъ зависть. Только богатымъ можно учиться. Наука—роскошь»...

И вліяніе его уменьшилось.

V.

Мухтаровъ.

Я хочу нарисовать другую характерную фигуру изъ той же среды. Она свѣжѣе и оригинальнѣе. Это—бакинскій заводчикъ Муртуза Мухтаровъ. Къ имени его иные прибавляютъ: татарскій англичанинъ. Если это и англичанинъ, то онъ не похожъ на россійскихъ англомановъ изъ титулованнаго рода. Муртуза Мухтаровъ—сынъ бѣднаго крестьянина Мухтара. Онъ началъ свою карьеру съ двѣнадцати лѣтъ масленщикомъ на заводѣ и получалъ двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ. Теперь онъ является техникомъ-изобрѣтателемъ и имѣетъ заводъ бурильныхъ инструментовъ, милліонное предпріятіе, единственное въ Россіи. Мухтаровскій бурильный станокъ извѣстенъ даже и въ Америкѣ. Тѣмъ не менѣе, Мухтаровъ безграмотенъ. По-татарски совсѣмъ не читаетъ, хотя и оказываетъ дѣятельную поддержку прогрессивной прессѣ. По-русски сталъ учиться читать лѣтъ восемь тому назадъ, два мѣсяца учился. Кое-какъ разбираетъ. Но говоритъ по-русски плохо, мало понятно. Все это не мѣшаетъ ему быть дѣльцомъ и даже спекуляторомъ.

Для того, чтобы добиться своего положенія, Мухтаровъ, дѣйствительно, проявилъ чисто англійскую выдержку и настойчивость. Этотъ безграмотный татаринъ—человѣкъ широкаго размака. Кто знаетъ, что могло бы изъ него выйти при другомъ исходномъ пунктѣ.

Мухтаровъ недавно развелся съ своей первой женой и женился на осетинской княжнѣ, дочери генерала Дударова, изъ Владикавказа. Лиза-Ханумъ Дударова воспитывалась въ Варшавѣ, ибо въ то время ея отецъ стоялъ въ Польшѣ съ полкомъ. Она говоритъ по-осетински и по-русски, но по-татарски не знаетъ. И какъ это ни странно, супруги объясняются между собой по-русски. Однимъ словомъ, вся жизнь Мухтарова сверху до низу, это—своеобразная амальгама стараго и новаго.

Я посѣтилъ Мухтарова на его дачѣ, въ селеніи Мурдукіанъ. Это бакинское дачное мѣсто въ татарскомъ стилѣ. Оно лежитъ на берегу моря. Здѣсь обитаютъ почти всѣ татарскіе богачи. Они

настроили себѣ дворцовъ, а улицы не мощены. Пятнадцать тысячъ населенія, но нѣтъ ни почты, ни телеграфа. Хочешь письмо написать, поѣзжай въ Баку за 30 верстъ. Я видѣлъ въ Мурдукіанѣ два автомобиля. Ихъ привезли на волахъ и поставили во дворъ. И дальше двора на нихъ едва ли возможно ѣздить.

Мурдукіанскіе крестьяне живутъ довольно зажиточно. Прямо на пескѣ подъ солнцемъ зрѣетъ прекрасный виноградъ, почти не требуя ухода. Въ Астрахани, на другомъ концѣ Каспія, за виноградомъ приходится ухаживать и лѣтомъ, и зимою, и расходы достигаютъ 300 рублей на десятину. А бакинскій виноградъ лучше.

Я пріѣхалъ къ Мухтарову вмѣстѣ съ татарскимъ журналистомъ, Ахметъ-Бекомъ Агаевымъ. Это—тоже новый типъ, достойный вниманія.

Ахметъ-Бекъ—глава и деканъ совсѣмъ новаго цеха татарскихъ журналистовъ. Онъ родомъ изъ Карабаха, а учился въ Парижѣ, въ Сорбоннѣ. Оттого въ родномъ Карабахѣ его прозвали Френги-Ахметъ. Онъ съ одинаковой легкостью пишетъ по-русски, по-французски, по-персидски и по-татарски. Онъ велъ полемику съ Ренаномъ объ исторической роли ислама, на страницахъ «Nouvelle Revue». Есть брошюра его сочиненія: «Женщина по исламу», переведенная на всѣ европейскіе языки. Но денегъ у него нѣтъ. Это не помѣшало ему за послѣдніе три года издавать цѣлую серію газетъ, русскихъ и татарскихъ. Тринадцать изъ нихъ погибли, четырнадцатая, татарская, еще существуетъ.

Въ началѣ эти газеты издавались на деньги богатыхъ покровителей. Но потомъ это надоѣло и имъ, и самому Ахметъ-Беку. Тогда онъ составилъ газетное товарищество изъ 144 пайщиковъ со взносомъ по 75 рублей въ годъ. Товарищество существуетъ уже второй годъ и продолжаетъ изданіе газеты, несмотря на штрафы и убытки. Надо сказать вообще, что татарскія и армянскія общества и товарищества для прогрессивныхъ цѣлей крѣпче и упорнѣе русскихъ.

Ахметъ-Бекъ Агаевъ дворянскаго, бекскаго рода, но еще отецъ его разорился. Имѣніе перешло въ чужія руки. Раньше дворянскія татарскія земли переходили къ армянскимъ купцамъ, теперь попадаютъ къ татарскимъ промышленникамъ. Не знаю, есть ли въ этомъ какое-нибудь утѣшеніе. Ахметъ-Беку 39 лѣтъ, но выглядитъ онъ гораздо старше.

— Я состарился за эти три года, — сказалъ онъ. — Трудное время было. Съ армянами дрались, между собой дрались. Въ ноябрѣ на митингѣ меня чуть не убили. Пришло пятьдесятъ головорѣзовъ. Насилу меня подхватили, черезъ окно высадили.

— Я, знаете ли, лѣваго направленія,—сказалъ онъ, потомъ помолчалъ и прибавилъ:—То есть, это по нашему. По вашему выйдетъ кадетская программа. Рабочій вопросъ, земельный вопросъ,

мы объясняемъ, что это такое. За то нѣтъ бека, который меня бы не ненавидѣлъ. Всѣ забастовки устраиваю я, даже армянскія.

— Такіе нравы разбойничьи. На прошлой недѣлѣ моего брата чуть не убили. Со станціи поѣхали съ дамой. Извозчиковъ не хватило. Мой братъ одно слово сказалъ. Другой человѣкъ сейчасъ револьверъ выхватилъ. Братъ говоритъ: «За что ты въ меня стрѣлять хочешь?» Онъ держитъ револьверъ, молчитъ. Никто не вступился. Спасибо не выстрѣлилъ.

— Потомъ, когда узнали, что это мой братъ, приходилъ, плакалъ, ботинки цѣловалъ. Говоритъ: «Я—кочи (удалецъ). Я думалъ: ты тоже кочи, знакъ тебѣ подалъ, револьверъ досталъ. Жду, думаю: «Отчего онъ револьверъ не вынимаетъ?»

— Сосѣди его пришли. «Мы сейчасъ убьемъ его». Насилу отговорилъ ихъ. Такіе кочи. Все нефть сдѣлала, легкіе хлѣба, дикія деньги. Всякій сбродъ собирается, кочи-головорѣзы. Каждый богачъ нанимаетъ свою шайку, пѣшую и конную охрану. Головы не жалѣютъ. Это кочи. Лѣтъ тридцать назадъ мирно жили, тогда не убивали такъ. Братъ мой говоритъ: «Когда были ребятишками и ходили въ школу, одинъ разъ человѣка убили, мы два года мимо ходили, смотрѣли на камни. Эти пятна, это его кровь. Такая рѣдкость была, а теперь каждый день въ трехъ мѣстахъ убиваютъ, никакой рѣдкости.

— Что будетъ? Наша пословица говоритъ: «Богъ знаетъ, рыба не знаетъ». Всѣ будемъ кочи, съ револьверомъ въ карманѣ...

Мы застали Мухтарова въ саду. Онъ сидѣлъ на скамьѣ подъ деревомъ и перебиралъ ранніе фрукты. Два садовника приносили ихъ на пробу въ круглыхъ корзинкахъ. Одинъ былъ высокій, черный, другой маленькій, рыжій, босой, съ мутнымъ взглядомъ, похожій на старую обезьяну.

— Этому старику больше ста лѣтъ,—сказалъ Мухтаровъ, а онъ все бѣгаетъ.

Садъ былъ огромный, прекрасно содержимый. Вездѣ были прямыя аллеи, узкія канавки съ водой, плодовые питомники. Но только вмѣсто цвѣточныхъ клумбъ были хорошо раздѣланныя огородныя гряды. Очевидно, полезное еще доминировало здѣсь надъ пріятнымъ.

Мухтаровъ былъ высокій, костлявый, съ огромными руками, крѣпкими и черными, какъ клещи. Ему было около шестидесяти лѣтъ, но станъ его былъ крѣпокъ и прямъ. И въ волосахъ не было ни одного сѣдого, ибо онъ ихъ старательно красилъ. Ротъ у него былъ большой и странно наполненный крупными зубами чистаго золота.

У татаръ, вообще, зубы портятся рано, оттого, должно быть, что они во множествѣ ѣдятъ незрѣлые, кислые фрукты, даже посыпаютъ ихъ солью.

Мы вошли въ новый домъ Мухтарова. Онъ привлекалъ вни-

маніе еще издали своей странной крышей, узкой, высокой и ярко зеленой.

Домъ былъ такъ же оригиналенъ, какъ и его владѣлецъ Мухтаровъ строилъ его самъ по собственному плану. Ибо писать онъ не умѣетъ, а чертить умѣетъ. Даже стиль у этого дома особенный, оригинальный, смѣсь мавританскаго съ замоскворѣцкимъ. Въ центрѣ огромная зала или, скорѣе, крытый дворъ. Высоко надъ головами зеленая крыша и стрѣльчатыя окна. Оттуда, должно быть, прекрасный видъ на близкое море, но забраться туда нельзя. Нѣтъ никакихъ лѣстницъ. Только голуби гнѣздятся и летаютъ сквозь окна.

— Я могу забраться,—сказалъ равнодушно Мухтаровъ и протянулъ передъ нами свои длинныя руки.—Смолоду лазилъ. Возьму веревку и крюкъ, закину черезъ балки; минута, и я тамъ...

Внизу подъ залой вырытъ большой прудъ. Три четверти пруда забраны сосновыми досками, это—полъ залы. А посрединѣ оставленъ открытый бассейнъ, но безъ фонтана. Проточная вода проведена сквозь этотъ бассейнъ; она проходитъ въ садъ и наполняетъ оросительныя канавы, но дынныя корки и разный соръ задерживаются въ бассейнѣ. Въ этомъ странномъ помѣщеніи сосредоточивается вся жизнь семьи. Здѣсь былъ сервированъ обѣдъ, довольно парадный, съ закусками и винами. Но арбузы для прохлады плавали въ бассейнѣ, и горничная съ большимъ искусствомъ доставала ихъ оттуда шваброй.

Домъ примыкаетъ къ обрыву и надъ обрывомъ построена терраса на высокихъ столбахъ. Съ террасы море кажется совсѣмъ близко, но добраться до моря трудно. На двѣ версты тянутся неровные, зыбучіе песчаные бугры.

— Я построю для своей жены крытую галлерею до самаго моря на высокихъ столбахъ,—сообщилъ Мухтаровъ послѣ обѣда, ковыряя зубочисткой въ своихъ золотыхъ зубахъ.

Ахметъ-Бекъ посмотрѣлъ на меня многозначительно и сказалъ:

— А что-жъ, и построитъ.

Такая галлерея могла обойтись тысячъ во сто.

— Нисколько не стыдно мнѣ,—разсказывалъ Мухтаровъ,—что я крестьянскаго рода. Грамотѣ не учился, за то изъ жизни учился. Мальчикомъ былъ, масленщикомъ. Пришли европейцы, все захватили, построили заводы.

— Я сталъ такъ думать: «Отчего я получаю 12 рублей, а онъ полтораста? Такой же человѣкъ. Я пойду учиться». На заводъ пошелъ, ученикомъ слесаря, неохотно взяли. Пять лѣтъ былъ ученикомъ, мастеромъ сталъ, 60 рублей получалъ. Думаю: мало. Пошелъ ученикомъ къ токарямъ по металлу, опять на 30 копѣекъ. Потомъ машинистомъ пошелъ, два года былъ, 120 рублей получалъ; опять пошелъ въ буровую мастерскую послѣднимъ настральщикомъ (уборщикомъ) на 17 рублей въ мѣсяцъ. Научился механикомъ,

буровымъ мастеромъ. На второй годъ получалъ 300 рублей въ мѣсяцъ, да еще футовыя, 50 коп. съ фута. Старшимъ мастеромъ сталъ, подрядчикомъ буренія. Маленькій заводъ открылъ, построилъ одинъ станокъ. Алексѣевъ, русскій промышленникъ, помогъ мнѣ. Теперь у меня 86 станковъ, 3.000 рабочихъ. Бурильные инструменты. Тоже станки дѣлаю, но никому не даю, мнѣ нѣтъ разсчета. Нефть у меня маленькая, ради забавы. Пробурить, деньги получить— вотъ мой оборотъ...

Къ рабочимъ забастовкамъ Мухтаровъ относился безъ боязни и безъ вражды.

— Пускай другіе боятся,—говорилъ онъ.—У него капиталъ уйдетъ, ему все цѣна прежняя: 30 копѣекъ. Возьмите у меня мои деньги. Я буду работать, опять хозяиномъ стану.

— Мои рабочіе не забастуютъ, я иначе плачу. Старыхъ рабочихъ наблюдаю. Есть двое слесарей, русскіе, прежніе товарищи мои, двое уцѣлѣли. Они управляющаго не признаютъ.—«Мы,—говорятъ,—хозяева здѣсь, а ты наемникъ». Получаютъ по 60 рублей, работаютъ 2—3 часа въ день, устали старики. Когда изобрѣтаю, я съ ними совѣтуюсь. Одинъ упорный, говоритъ: «Не пойдетъ, Муртуза». Потомъ по плечу похлопаетъ, скажетъ: «Молодецъ, Муртуза».

— Другіе старые умерли, женамъ пенсіи далъ, денегъ выдалъ поѣхать въ Россію. Недавно одного отпустилъ на четыре мѣсяца на отдыхъ съ жалованьемъ. Двѣнадцать лѣтъ работаетъ.

— Фирма Горна недавно платежъ прекратила, я въ администрацію попалъ; стали рабочихъ разчитывать. Я говорю: такъ нельзя. Надо платить. Кто 8 лѣтъ работалъ,—четырехмѣсячную плату. Кто 6 лѣтъ работалъ, трехмѣсячную плату. Полмѣсяца платы за годъ...

— Что рабочіе бастуютъ, то я ихъ не обвиняю. Попробуйте утромъ вставать, въ шесть часовъ гудокъ, идти на работу, ничего не видѣть. Я это самъ понимаю. Встанешь утромъ, все болитъ, рука не держитъ молотокъ.

— Но только я говорилъ рабочимъ:—«Не разворяйте фирмы. Вотъ мои капиталы, подѣлите, вамъ не хватитъ на мѣсяцъ. Голодные будемъ. А теперь каждый мѣсяцъ я выплачиваю вамъ шестьдесятъ четыре тысячи. Это нашъ хлѣбъ». Одни понимаютъ, другіе не понимаютъ...

Рѣчи Мухтарова о разореніи фирмъ имѣютъ фактическое основаніе. Забастовки на Кавказѣ, можно сказать, вышли за предѣлы естественной растяжимости. Мнѣ указывали на это мѣстные соціалдемократы въ Тифлисѣ и въ Баку. Въ одномъ бакинскомъ районѣ въ 1907 году, когда волна забастовокъ нѣсколько спала, все-таки было 122 забастовки и 52 конфликта. Въ нихъ принимали участіе 25,160 человѣкъ. Они потеряли 667.867 рабочихъ дней. В. И. Фроловъ въ своемъ статистическомъ изслѣдованіи бакинскихъ забастовокъ приходитъ къ выводу, что забастовочное движеніе въ

Баку развито шире, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ мірѣ. На другой сторонѣ Кавказа, въ г. Батумѣ, въ результатѣ рабочихъ конфликтовъ многія предпріятія были закрыты. Такъ, напримѣръ, заводъ Манташева (производство деревянныхъ ящиковъ для нефти) былъ перенесенъ въ Египетъ. Ящики теперь получаются изъ Александріи. Изъ общаго числа рабочихъ въ 11—12.000 въ Батумѣ едва осталось 2—3.000.

Въ Тифлисѣ по той же причинѣ закрылось кожевенное производство Адельханова, занимавшее 2000 рабочихъ. Даже въ болѣе мелкихъ предпріятіяхъ полуремесленнаго типа наблюдалось то же самое. Напримѣръ, сапожная фирма Бояджанъ перенесла производство въ Петербургъ и оттуда посылаетъ въ Тифлисъ готовые сапоги.

Рабочіе тифлисскаго трамвая послѣ удачныхъ забастовокъ написали письмо Бебелю. Они разсказывали ему о своихъ успѣхахъ и спрашивали совѣта, что имъ дѣлать дальше.

Бебель отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что въ предѣлахъ капиталистическаго производства рабочіе должны беречь предпріятіе, въ которомъ работаютъ, и не стремиться къ его раззоренію.

Но, когда я былъ въ Тифлисѣ, рабочимъ пришлось перейти изъ наступательнаго положенія въ оборонительное, и управленіе трамвая устроило локаутъ. Дѣло тотчасъ же осложнилось вмѣшательствомъ администраціи и союза русскаго народа, арестами, высылками делегатовъ. Потомъ управляющій трамвая, въ виду настроенія рабочихъ, ѣздилъ къ генералъ-губернатору хлопотать за арестованныхъ. Потомъ было покушеніе на управляющаго. Въ свою очередь, трамвай не исполнилъ обязательствъ предъ городской управой, и она наложила на него штрафъ въ 70,000 рублей. Трамвай отказался платить. Намѣстникъ, по ходатайству бельгійскаго посланника, тоже вмѣшался: трамвай построенъ на бельгійскія деньги.

Однимъ словомъ, современная русская исторія во всей своей почти художественной запутанности.

Въ бакинскомъ районѣ тоже назрѣваетъ локаутъ. Не знаю только, когда онъ разразится...

— Образованіе надо,—говорилъ Мухтаровъ,—выучимся немного, будемъ не такіе дикіе. Прямо говорю, надо драть, съ кого попало, школы устраивать.

— Вы, Ахметъ-Бекъ, даже про Тагіева неправильно писали, ругали его въ газетахъ, онъ всѣмъ стипендіатамъ отказалъ. Вы бы лучше хвалили его: «Мой милый хаджи!»

Агаевъ дипломатически ухмыльнулся.—Вы, Муртуза, почему не любите, чтобы васъ хвалили?

— Я другой человѣкъ. Я просто даю. А если Тагіеву письмо напишу, тоже отказу нѣтъ. Пошелъ хлопотать за студента одного. —«Ахъ,—говоритъ,—я васъ увѣряю, не надо учить ихъ, дикарей». Все-таки согласился пополамъ.—«Охъ,—говорю,—вѣдь я противъ

васъ муха. Стыдно будетъ».—«Ну,—говоритъ,—присылай его». Понравилась ему похвала.

Агаевъ молчалъ съ кислымъ лицомъ. Въ 1903 г. онъ работалъ въ газетѣ «Каспій», основанной на деньги Тагіева. Еще въ 1905 г. онъ основалъ первую свою газету «Кейяцъ» (Жизнь) при содѣйствіи Тагіева. Вскорѣ послѣ того пути ихъ разошлись. Тагіевъ основалъ черносотенную татарскую газету «Таазе-Гайацъ» (Новая жизнь). И изъ тринадцати послѣдовательныхъ газетъ Агаева четыре были закрыты по хлопотамъ Тагіева.

Мухтаровъ посмотрѣлъ на скучное лицо Ахметъ-Бека и вдругъ засмѣялся.

— Ну, полно дуться. Пойдемъ лучше, я покажу вамъ ханскій садъ.

Мы вышли и стали спускаться къ морю по ужасной дорогѣ, похожей на каменоломню.

— Я хотѣлъ здѣсь улицу сдѣлать,—говорилъ Мухтаровъ,—вымостить, какъ слѣдуетъ, да не могу съ сосѣдями справиться. Я отодвинулъ стѣну, а онъ взялъ да свою придвинулъ. Я ему говорю: «Асугаевъ, сколько ты на Маруську денегъ потратилъ, дай что-нибудь на дорогу». Ничего не далъ. Говоритъ: «Наплевать мнѣ на твою дорогу и на общество...»

Ханскій садъ былъ большой, въ 10 десятинъ. Это прекрасное имѣніе когда-то принадлежало владѣтельному князю изъ парсовъ-огнепоклонниковъ. Лѣтъ 40 тому назадъ администрація предлагала татарскимъ крестьянамъ купить его за 300 рублей. Они отказались. Имѣніе досталось армянину. Но въ 1905 году оно было совершенно разворено татарами. Мухтаровъ купилъ землю и остатки зданій за 6000 рублей. Это тоже было дешево, принимая во вниманіе высокое достоинство фруктовъ и виноградниковъ.

Мухтаровъ показалъ намъ развалины ханскаго дворца. Вездѣ были контрфорсы, толстые каменные щиты, бойницы. На землѣ валялись обломки алебастровыхъ плитъ съ татарскими и фарсійскими надписями.

— Здѣсь осаждали его мусульмане,—говорилъ Мухтаровъ,—приступомъ взяли.

— А куда онъ дѣвался?

— Въ Баку убѣжалъ.

— Кто, князь?

— Не князь, армянинъ. Армянина осаждали.

Оказалось, что все это разрушеніе произведено только два года тому назадъ, и плиты съ надписями тоже разбиты современными вандалами.

— Здѣсь у него былъ виноградный заводъ,—разсказывалъ Мухтаровъ.—Они домъ разбили, пол-виноградника вырубили, алебастровые чаны молотками расколотили.

— Я опять устрою заводъ,—рѣшительно сказалъ Мухтаровъ.— Чихирь стану давить.

— А что мусульмане скажутъ?—засмѣялся Агаевъ.

— Посердятся, потомъ привыкнутъ. Ко многому привыкаютъ. Дастъ Богъ, будутъ духанщики изъ мусульманъ.

Въ этомъ пока крайняя степень татарскаго экономическаго идеала. Собственное винодѣліе и татарскій кабатчикъ. Пьютъ татары и теперь здорово, но духановъ еще не содержатъ.

Я разговаривалъ съ Лизой-Ханумъ Мухтаровой о другомъ насущномъ вопросѣ татарскаго бытового прогресса, о женской чадрѣ.

— Снимутъ,—увѣреннымъ тономъ говорила Лиза-Ханумъ. — Шляпы нельзя носить. Не видно подъ чадрой. Женщина хочетъ, Богъ хочетъ...

Однако, въ тотъ же вечеръ мнѣ пришлось выслушать по этому поводу противоположное мнѣніе.

Въ томъ домѣ, гдѣ я остановился, жилъ татарскій фаэтонщикъ (извозчикъ). Онъ недавно взялъ вторую жену, очень молоденькую, лѣтъ пятнадцати. Она была беременна и дѣлала упущенія по хозяйству. Въ этотъ вечеръ сердитый извозчикъ избилъ свою молодую жену палкой по головѣ. Бѣдная Зюле пришла плакать къ нашимъ дамамъ.

Но вслѣдъ за ней явился и ея повелитель. Зюле убѣжала. Извозчикъ вступилъ съ дамами въ споръ по вопросу о женскихъ и мужскихъ правахъ.

— Зачѣмъ жену бьешь,—говорили дамы,—она маленькая.

— Маленькій,—возражалъ фаэтонщикъ,—а кушать не маленькій; хлѣбъ, пловъ кушалъ, костюмы носилъ, зачѣмъ дѣла не дѣлалъ? Я четыре раза день на станцію гонялъ, это не маленькій...

Глаза у него блестѣли, въ голосѣ звучали убѣжденныя ноты.

— Ахъ, плохо болтай по русски. Я филозовъ, я бы вамъ все толковалъ.

— Бей жену молодой,—говорилъ татарскій философъ,—хорошо будетъ. Старый станетъ, смирный станетъ. Бей жену старый, хорошо не будетъ. Все равно, понимай не станетъ.

— Русскіе не дерутся,—доказывали дамы.

— Глупые, оттого не дерутся,—сказалъ фаэтонщикъ. Потомъ подумалъ, и лицо его просіяло:

— Врешь ты. Русскіе тоже дерутся.

Вотъ два предѣла, въ которыхъ развиваются вопросы татарскаго бытового прогресса.

VI.

Недобитый.

Въ бытность мою въ Тифлисѣ, мнѣ случилось зайти въ Городскую Думу. Сторожъ Монтинъ, старикъ лѣтъ семидесяти, повелъ меня посмотрѣть главный залъ. Залъ этотъ очень изященъ. Онъ отдѣланъ рѣзнымъ дубомъ и орѣхомъ. Въ немъ окна высокія, стальныя рѣшетки и лѣпные потолки.

Монтинъ разсказывалъ глухимъ, равнодушнымъ голосомъ:

— На этой трибунѣ 29 августа 1905 года оратора убили. Казакъ прицѣлился въ открытое окно, вонъ съ того крыльца, и убилъ наповалъ. А въ эту дверь ворвались казаки и отсюда дали залпъ, убили 40 человѣкъ, а ранили до ста. Пули всю штукатурку исщелкали. Лужи крови стояли на полу.

— По этой лѣстницѣ мертвыхъ за ноги тащили, ботинки сняли, шляпы, кольца. Прямо въ Куру съ моста бросали, чисто сдѣлали...

Монтинъ—старикъ угрюмаго вида. У него сына убили на манифестаціи въ Баку. Потомъ привезли тѣло въ Тифлисъ и устроили торжественныя похороны. Послѣ московскихъ похоронъ Баумана это вторыя по пышности соціалдемократическія похороны.

Старый Монтинъ вспоминаетъ о сынѣ не очень охотно.

— Было, прошло,—говоритъ онъ кратко. Онъ оживляется только тогда, когда говоритъ о землѣ.

На что ему земля, Богъ знаетъ. Руки у него трясутся. Ничего у него нѣтъ.

— Были плуги да быки, все уничтожилъ, — говоритъ онъ съ сожалѣніемъ.

Онъ готовъ все забыть. Смерть сына и бойню этой залы, но о землѣ онъ ни за что не забудетъ.

— Я надѣюсь, правительство облагоразумится,—говоритъ онъ съ неожиданнымъ благодушіемъ.—Мы чего просимъ, хоть чуточку землицы...

Тифлисъ сталъ городомъ трагическихъ воспоминаній. Чуть не на каждомъ углу вамъ разсказываютъ что-нибудь и показываютъ мѣсто.

— Вотъ здѣсь они набросились на князя Голицына. Четверо ихъ было, рабочіе... Кинжалами рубили, но не могли разрубить панцыря, весь мундиръ изорвали. Изранили лицо. А княгиня закрывала его своимъ тѣломъ. А потомъ они убѣжали сквозь эти кусты. Гимназистъ Лоладзе, извѣстный потомъ, шелъ по дорогѣ и указалъ казакамъ.

— Вотъ здѣсь домъ Лоладзе. Отецъ его былъ частный приставъ.

— Чѣмъ извѣстенъ Лоладзе?

— Сыщикъ онъ былъ хорошій, прирожденный, изъ молодыхъ, да ранній. Потомъ травили его. Шесть покушеній одно за другимъ, убили на шестомъ.

— Это дворянская гимназія. Здѣсь казаки убили инспектора Читадзе. Бомбу отсюда бросили въ полицеймейстера. Кто—неизвѣстно. Зданіе большое. Казаки ворвались внутрь. Засѣдалъ педагогическій комитетъ.

— Ага, вотъ онъ, комитетъ. Бей ихъ!—Убили Читадзе, другого ранили. Жена его лишила себя жизни. Были они молодые. Онъ былъ работящій, талантливый. Любили его въ городѣ...

— Въ этой оградѣ могила генерала Грязнова. Два года часовые стояли; боялись поруганія могилы.

Такимъ воспоминаніямъ нѣтъ конца. И если правые въ Думѣ рекомендуютъ правительству вторично завоевать Кавказъ, то это съ ихъ стороны излишняя заботливость. Кавказъ давно завоеванъ, и его продолжаютъ завоевывать, не покладая рукъ и не выпуская оружія. Столица Кавказа это—огромный военный лагерь.. Здѣсь попадаются мундиры всѣхъ цвѣтовъ и образцовъ, какихъ порою нельзя увидать и въ Петербургѣ. Въ почтовой конторѣ, во всѣхъ банкахъ и кредитныхъ учрежденіяхъ, у входа стоятъ солдаты съ ружьями и обыскиваютъ входящихъ.

За городомъ лежитъ огромный арсеналъ. Дороги, ведущія мимо арсенала, закрыты для проѣзда. Онъ отовсюду окруженъ фугасами, какъ будто противъ японской атаки.

Много было въ Тифлисѣ убитыхъ намѣренно и ненамѣренно. Напримѣръ, Койранская. Она была слабогрудая, одна дочь у отца. Отецъ увезъ ее въ Тифлисъ изъ Петербурга, нарочно службу перемѣнилъ, не могъ надышаться на нее. Ее убила шальная пуля на улицѣ во время одной изъ ежедневныхъ перестрѣлокъ.

Но самое мрачное изъ моихъ тифлисскихъ воспоминаній это встрѣча съ однимъ инвалидомъ, подстрѣленнымъ, но недобитымъ и оставшимся въ живыхъ.

— Хотите видѣть мертвеца ожившаго,—сказали мнѣ,—пойдите въ грузинскую читальню. Тамъ бываетъ Каргаретели.

Онъ былъ высокій, сгорбленный, сухой, какъ комаръ. Правая рука была сведена, и пальцы неестественно тонки. Сзади на шеѣ у самыхъ позвонковъ было огромное синее пятно, неправильной формы, широкая дыра, кое какъ заросшая и затянутая пленкой. Эту дыру пробила полицейская пуля. Отъ такой раны обыкновенно умираютъ на мѣстѣ. Каргаретели только обмеръ. Но даже исполнители приняли его за мертваго и оттого не добили. Они бросили его въ оврагъ и пошли съ рапортомъ: «Все обстоитъ благополучно».

Каргаретели остался въ живыхъ, но душа у него стала, должно быть, такая же, какъ тѣло, больная, изнеможенная, запуганная.

Онъ долго не хотѣлъ говорить о своей исторіи.

— Вамъ тяжело вспоминать?—спросилъ мой спутникъ.

Каргаретели усмѣхнулся грустно и жалобно.

— Тяжелѣе было, когда пуля ударила...

Онъ подумалъ немного и прибавилъ сдержанно:—Моя исторія подтверждаетъ давно высказанное мнѣніе, что могутъ нѣсколько пострадать и невинные люди, сами не зная за что...

— Я былъ режиссеръ,—разсказывалъ Каргаретели,—въ казенномъ театрѣ служилъ, лѣтъ двѣнадцать, съ самаго основанія.

— Жена у меня артистка, тоже въ театрѣ. Двое дѣтей. Жили себѣ. Время пришло, нельзя было остаться безучастнымъ. На улицахъ стрѣльба. Я тоже принялъ участіе.

— Участіе въ чемъ? — переспросилъ я съ удивленіемъ, — въ стрѣльбѣ?

— Боже сохрани,—сказалъ Каргаретели съ нѣкоторымъ ужасомъ, — у насъ были свои дѣла, театральныя. 70 человѣкъ рабочихъ въ театрѣ, плотники, механики, выработали пункты. Правду сказать, очень туго имъ жилось. Предъявили дирекціи. Меня, на бѣду мою—выбрали защитникомъ себѣ.—«Вы, говорятъ,—не вертунъ, человѣкъ основательный. Послушаютъ васъ...» Были удовлетворены, но дирекція стала говорить: «Это дѣло рукъ режиссера Каргаретели». Такъ я пострадалъ по доносу одного генерала театральнаго и одного полковника.

Онъ долго не рѣшался назвать фамилій, хотя онѣ въ свое время обошли всѣ газеты, но потомъ собрался съ духомъ и прибавилъ:—Полковника Максимова. Я былъ съ нимъ въ ссорѣ изъ-за растраты шестидесяти тысячъ, какъ обнаружилось потомъ при слѣдствіи по документамъ. Я не могъ этой мерзости вынести. Полковникъ Максимовъ довольно безцеремонно бралъ проценты со всѣхъ поставщиковъ. Сдѣлаютъ костюмъ изъ забракованнаго плиса, а записываютъ бархатъ, 14 рублей аршинъ.

— Я говорю: «Владиміръ Николаевичъ, какой же это бархатъ, это аршинный товаръ по 40 копѣекъ. Все на свѣтѣ временно. Васъ смѣнятъ, съ меня искать станутъ». Онъ этого не могъ терпѣть. На этой почвѣ у насъ доходило до матери и до отца.

— Въ это время убили генерала Грязнова. А никого не поймали. Говорятъ: «Комитетъ устроилъ. Гдѣ комитетъ?»

— Тутъ подвернулся доносъ изъ театра: «Режиссеръ Каргаретели—предсѣдатель комитета».

— Полковникъ Максимовъ сказалъ: надо вырвать этого человѣка.

— Въ одинъ вечеръ пришли ко мнѣ чины охраны прямо въ театръ. Околоточный, городовой, казакъ. Предъявили вопросъ:

— «Вы Каргаретели?»—«Да, я!»—«По приказу генералъ-губернатора вы арестованы».—«Куда прикажете?»—говорю.

— «Въ тюрьму!»—Сѣли, поѣхали. Доѣхали до оврага, что за городомъ. Велѣли слѣзть, извозчика отпустили, зашли въ духанъ.

Порядочно выпили, подбодрились.—«Теперь, говорятъ, извозчикъ не понадобится, пойдемъ пѣшкомъ».—«Пойдемъ. Я съ вами не боюсь. Вы люди съ оружіемъ, защитите меня». Время тогда было безпокойное, каждый день разбой.

— Отправились мы. Сто саженей осталось до тюрьмы, околоточный выстрѣлилъ сзади, пятый позвонокъ задѣлъ, я упалъ лицомъ внизъ, кровью облился.

— Когда револьверъ ударилъ, испугались шума, бросили меня, побѣжали въ оврагъ. Я безъ памяти сталъ, пролежалъ минутъ десять, потомъ вдругъ слышу шаги, назадъ подходятъ. Вспомнилось тутъ про жизнь, не хотѣлось умирать. Слышу, говоритъ казаку: «Переверни его». Перевернули. «Въ карманахъ поищи». Былъ кошелекъ, пять рублей. Взяли.

— На другой день утромъ, часа въ четыре, подобрали меня городовые того же участка. Знали, что не все ладно. Я сталъ звать, стонать: «Помогите!» Тогда подобрали меня, свезли въ больницу.

— Когда доложили начальнику, онъ такъ и отвѣтилъ: «Собакѣ и смерть собачья. Ему не въ больницѣ мѣсто. Пускай полежалъ бы въ острогѣ на казенныхъ нарахъ».

— Слухи по городу пошли. Газеты стали писать. Двѣ газеты за меня совсѣмъ закрыли: русскую и грузинскую.

— Уже на другой день были арестованы убійцы. Ихъ предали военному суду. Судъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ больницу, предлагали вопросъ: «Узнаете ли?»—«Конечно, узнаю. Вотъ этотъ околоточный».

— «Успокойтесь, говорятъ, не волнуйтесь. Они понесутъ наказаніе». Я просилъ облегчить. «Они были введены въ заблужденіе».

— На судѣ околоточный сказалъ: «Я членъ охраннаго отдѣленія. Служилъ вѣрой и правдой. Господинъ Каргаретели—членъ комитета. По его указанію убили генерала Грязнова. Я не могъ стерпѣть.» Судъ говоритъ ему: «Молчите», а онъ все свое. Фамилія ему литовская: Карлюкасъ.

— Судъ городового и казака оправдалъ, а околоточнаго приговорилъ на четыре года каторги. Не отправили его, здѣсь продержали; въ этомъ году недавно въ маѣ мѣсяцѣ выпустить хотѣли, платье принесли въ камеру. Арестанты узнали, заманили въ отхожее мѣсто, задушили его.

— Я пролежалъ въ больницѣ безъ движенія мѣсяцъ. Шесть недѣль не могъ руки поднять, кормили меня и поили съ ложки. Въ обществѣ денегъ собрали, послали меня въ Одессу къ профессору Сапѣжко. Понемногу выходился.

— Когда вернулся изъ Одессы, мѣсто мое занято. Къ намѣстнику пошелъ, можетъ, пособіе дадутъ. Директоръ канцеляріи гово-

ритъ: «Какое вамъ пособіе? Благодареніе Богу за то, что сами цѣлы».

— Вотъ какъ я цѣлъ,—прибавилъ онъ съ той же усмѣшкой.

— Полтѣла живое, полтѣла мертвое...

— Такъ меня отпустили. Съ тѣхъ поръ я живу. Много терплю, а живу. Жена кормитъ. Люди собираютъ деньги. Живу, не умираю...

Онъ замолчалъ.

— Объ одномъ я жалѣю,—прибавилъ онъ, подумавъ.—Даромъ пропалъ. Съѣли меня по ошибкѣ. Зачѣмъ по ошибкѣ?..

— Иногда сердце приходитъ. Думаю: такъ тебѣ и надо. Старый глупецъ. Въ такое время не стой посерединѣ...

— Когда началъ ходить, была у меня мысль: найду этотъ комитетъ. Скажу: господа комитетъ, я за васъ пострадалъ, примите меня къ себѣ. Потомъ стыдно стало. Какой же я размистъ (дружинникъ), воронъ пугать и то не гожусь, калѣка несчастная... Даромъ пропалъ...

Танъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

За синѣющія горы свѣтлый день ушелъ отъ насъ.
Онъ помедлилъ на вершинахъ, улыбнулся и угасъ...
Но затеплилъ, умирая, онъ улыбкой золотой
Молодой прозрачный мѣсяцъ надъ зеркальною водой.
Въ небѣ, затканномъ звѣздами, вижу свѣтъ иныхъ огней,
Міръ сталъ шире и красивѣй, полнозвучнѣй и нѣжнѣй.
Надъ цвѣтами, надъ сердцами въ голубой вечерней мглѣ
Кто-то кроткій и воздушный, чу! проходитъ по землѣ...
Кто-то вѣетъ надъ землею тихой ласкою весны:
Это нѣжные, какъ звѣзды, пролетѣли, вѣрно, сны...
Межъ душой и звѣзднымъ небомъ начертали легкій путь,
И прошли они надъ міромъ и шепнули: „позабудь!“
День ушелъ отъ насъ за горы. Тихо стало. Міръ широкъ.
Отъ меня такъ близки звѣзды,—отчего же ты далекъ?..

II.

Сегодня—полнолунье. Сегодня—ночь чудесъ.
Какъ въ сказкѣ, чаръ волшебныхъ весь полонъ старый лѣсъ.
Сегодня въ морѣ свѣтелъ искристый путь луны,
Сегодня ближе тайны и радужнѣе сны.
Легли такъ ярко тѣни на дремлющій песокъ,
Въ лучахъ луны далекой міръ страненъ и глубокъ.
Парчею, какъ невѣсту, всю землю залилъ свѣтъ,
И больше между небомъ и ею граней нѣтъ...
Я здѣсь, но—въ новомъ мірѣ. Ушло дневное прочь,
Серебряною сказкой все измѣнила ночь.
Ушли дневныя мысли, дневные спятъ цвѣты,
И ты, навѣкъ далекій, сейчасъ такъ близокъ ты.

Душа моя, какъ море,—прозрачна и свѣтла,
И въ ней трепещутъ тихо два бѣлыя крыла...
И свѣтлая дорога ложится до небесъ.
Сегодня—полнолунье, сегодня—ночь чудесъ.

III.

Лиловою дымкой одѣтый,
Ай-Петри съ зубчатой вершиной
Стоитъ, какъ остатки развалинъ,
Надъ тихой, уснувшей землей.
На немъ еще отблески свѣта,
Но сумракъ нависъ надъ долиной,
И нѣженъ, красиво-печаленъ
Земли предвечерній покой.

Ужъ первыя свѣтлыя звѣзды
Дрожатъ, опрокинуты въ морѣ,
Уставшемъ отъ блеска дневного
И слившемся съ далью небесъ;
И птицы вернулися въ гнѣзды,
И вспыхнулъ маякъ въ Ай-Тодорѣ,
И близокъ приходъ голубого
Желаннаго мига чудесъ...

Быть можетъ, теперь надъ землею
Проходитъ неслышно межъ нами
Прекрасное свѣтлое счастье
О немъ позабывшихъ людей
И ждетъ, чтобы сильный душою,
Охваченный вѣщими снами,
Позвалъ его творческой властью
На землю изъ міра тѣней?..

Ада Чумаченко.

Интенсификація въ крестьянскомъ сельскомъ хозяйствѣ.

Обострившіяся въ послѣдніе годы аграрныя отношенія вызвали большое вниманіе къ вопросу объ интенсификаціи крестьянскаго сельскаго хозяйства, о введеніи въ это хозяйство высшихъ культуръ и, вообще, о поднятіи производства труда въ немъ такъ, чтобы крестьянинъ на той же площади земли могъ больше вкладывать труда и получать больше продуктовъ. Это дало бы возможность крестьянамъ увеличить свое благосостояніе безъ расширенія площади крестьянскаго землепользованія. Многіе указывали и продолжаютъ указывать на этотъ путь, какъ на наиболѣе цѣлесообразный и нормальный выходъ изъ современныхъ земельныхъ затрудненій. Западная Европа,—говорятъ они,—именно такъ разрѣшила вопросъ о малоземельи; этимъ путемъ должны идти и мы. Если у крестьянина недостаточно земли, пусть онъ вкладываетъ больше труда въ свое хозяйство, меньше пьянствуетъ, меньше празднуетъ праздниковъ, и онъ получитъ даже больше того, что получилъ бы при расширеніи земельной площади. Ему ничто не мѣшаетъ вступить на путь поднятія производительности своего хозяйства, и это и для него, и для общества будетъ полезнѣе, чѣмъ посягать на чужую собственность. Такъ говорятъ представители интересовъ крупнаго землевладѣнія. Правда, изъ тѣхъ же круговъ раздаются угрозы, что переходъ помѣщичьихъ земель къ крестьянамъ обязательно понизитъ сельскохозяйственную культуру въ странѣ, что поля, вмѣсто прекрасной пшеницы, заростутъ сорными травами. Но надежды на интенсификацію въ этой неустойчивой аргументаціи все же имѣютъ преимущественное значеніе. Нужно сказать, однако, что очень рѣдко эти проповѣди интенсификаціи соединены съ сколько-нибудь яснымъ представленіемъ о томъ, что значитъ эта выдвигаемая, какъ панацея, интенсификація, и какія необходимыя условія она предполагаетъ для своего осуществленія.

Попробуемъ нѣсколько разобраться въ этихъ вопросахъ. Обильный матеріалъ для отвѣта на нихъ даетъ намъ опытъ тѣхъ странъ, гдѣ интенсивное мелкое хозяйство существуетъ уже какъ

фактъ, а не какъ одно чаяніе. Чтобы оріентироваться въ этомъ матеріалѣ, воспользуемся извѣстнымъ трудомъ нѣмецкаго экономиста Эд. Давида, имѣющимся и въ русскомъ переводѣ («Соціализмъ и сельское хозяйство». Спб. 1096).

Давидъ, какъ извѣстно, идеологъ мелкаго сельскаго хозяйства. Задачею своей работы онъ и ставитъ выясненіе вопроса о томъ, насколько мелкое крестьянское хозяйство способно усваивать и осуществлять высшія формы сельскохозяйственнаго производства, насколько оно способно идти по пути сельскохозяйственнаго прогресса. Въ результатѣ этой работы онъ приходитъ къ выводу, что вся обстановка, всѣ условія сельскохозяйственнаго промысла, имѣющаго дѣло почти исключительно съ процессами не техническими, а органическими, съ процессами роста, питанія, воспроизведенія организмовъ и т. п., гораздо болѣе подходятъ для мелкаго хозяйства, чѣмъ для крупнаго, что производственный прогрессъ въ области сельскаго хозяйства требуетъ скорѣе раздробленія, а не концентраціи производства. «Вдали и въ началѣ развитія—крупное производство, вблизи и на высокихъ стадіяхъ интенсивности—мелкое,—такова типичная картина въ области органическаго производства. Въ противоположность этому, въ области механической переработки мы видимъ мелкое ремесленное производство въ географической и исторической дали, но поблизости и на высотѣ прогресса — крупное» (стр. 544). «Интересы высшей сельскохозяйственной продуктивности, интересы добыванія возможно большей массы продуктовъ внутри страны, интересы сохраненія плодородія почвы—все это одинаково требуетъ ускоренія развитія въ сторону мелкой формы сельскаго хозяйства... Наоборотъ, безусловно реакціонной экономической мѣрой является охрана крупнаго землевладѣнія». «Поэтому мы,—говоритъ далѣе Эд. Давидъ,—безъ колебаній выставляемъ *одной изъ первыхъ насущныхъ задачъ превращеніе крупныхъ сельскохозяйственныхъ производствъ въ мелко-крестьянскія*» (стр. 546).

Мы не имѣемъ въ виду входить здѣсь въ оцѣнку правильности этого общаго положенія и разбирать вопросъ о сравнительныхъ преимуществахъ мелкой и крупной культуры въ сельскомъ хозяйствѣ. Насъ интересуетъ другая сторона дѣла—именно, тотъ обширный фактическій матеріалъ, который собранъ у Давида для освѣщенія вопроса о томъ, какъ совершается и отъ чего зависитъ процессъ интефисикаціи крестьянскаго хозяйства.

Если мы обратимся къ выясненію характера тѣхъ измѣненій, которыми сопровождается переходъ къ болѣе интенсивному веденію хозяйства, къ полученію большаго количества продуктовъ съ той же площади земли, то прежде всего увидимъ, что этотъ переходъ сопровождается расширеніемъ необходимаго для данной площади земли количества труда, ростомъ «работопоглощаемости», какъ говоритъ Эд. Давидъ. Т. е., для того, чтобы на данной пло-

щади можно было собирать болѣе обильный и болѣе цѣнный урожай, содержать болѣе доходный скотъ и т. п., необходимо вложить въ хозяйство и больше труда. Измѣненія въ условіяхъ труда идутъ, однако, въ двухъ направленіяхъ: въ количественномъ и качественномъ. Можно большее число разъ перепахивать поле, чаще бороновать, полоть, увеличить пространство, обрабатываемое заступомъ вмѣсто плуга, болѣе тщательно провѣивать зерно и т. п. Это все измѣненія количественныя, при нихъ общій характеръ работы въ существѣ дѣла остается прежній. Но эти количественныя измѣненія продуктивны и цѣлесообразны только на ряду и одновременно съ другими измѣненіями; измѣненія въ глубинѣ, времени и числѣ вспашекъ приспособляются къ условіямъ погоды, къ свойствамъ различныхъ растеній, къ послѣдовательности плодосмѣна; выборъ культивируемыхъ растеній и выращиваемыхъ въ хозяйствѣ животныхъ—къ условіямъ почвы и климата, къ требованіямъ рынка, къ измѣняющимся условіямъ спроса и многое т. п. Это уже качественныя измѣненія труда, въ связи съ которыми только и становятся цѣлесообразными количественныя. Какова-же роль и насколько важны эти качественныя измѣненія въ условіяхъ труда въ процессѣ интенсификаціи мелкаго земледѣльческаго хозяйства?

Между земледѣліемъ и обрабатывающей промышленностью, какъ на низшихъ ступеняхъ ихъ развитія, такъ и на самыхъ высшихъ, всегда остается существенное различіе. И заключается оно въ томъ, что въ земледѣліи весь процессъ производства установленъ человѣкомъ, не приспособленъ имъ для заранѣе намѣченной цѣли, какъ это дѣлается въ индустріи, а состоитъ изъ ряда жизненныхъ явленій, созданныхъ природой; человѣкъ не можетъ по своему усмотрѣнію въ этомъ процессѣ измѣнять порядокъ, его направленіе; скорость процессовъ не подчиняется техническому воздѣйствію. Если въ настоящее время пряжу въ одинъ день возможно превратить въ готовое сшитое платье, то превратить теленка въ дающую молоко корову или сѣмя въ зрѣлый колосъ можно не иначе, какъ только въ установленный для этого природою срокъ. «Изготовленіе индустріальныхъ продуктовъ есть механическій процессъ, сельскохозяйственное же производство есть процессъ органическій. Въ сельскомъ хозяйствѣ дѣло идетъ о развитіи живыхъ существъ, въ индустріи же о переработкѣ мертвыхъ вещей» (стр. 45).

Конечно, человѣкъ располагаетъ извѣстнымъ вліяніемъ и на процессы, совершающіеся въ сельскохозяйственномъ производствѣ; въ зависимости отъ разнообразныхъ воздѣйствій человѣка и здѣсь конечные результаты процесса могутъ быть значительно измѣнены. Но все же зависимость человѣка въ сельскомъ хозяйствѣ отъ внѣ его власти стоящихъ факторовъ неизмѣримо больше, чѣмъ въ индустріи; необходимость приспособленія труда къ измѣнчивымъ

требованіямъ природы неизмѣримо детальнѣе, подвижнѣе и разнообразнѣе. Самъ субъектъ производства, человѣкъ, въ сельскомъ хозяйствѣ, особенно въ мелкомъ, связанъ съ производствомъ не внѣшнимъ только образомъ; между процессами его организма и процессами производства существуетъ цѣлый рядъ прямыхъ взаимодѣйствій и зависимостей. «Сельскохозяйственное производство есть космосъ живыхъ существъ, въ которомъ покоится и субстанціональная жизнь человѣка» (стр. 49). Понятно, въ такой средѣ поле для примѣненія разнообразныхъ механическихъ приспособленій должно быть сравнительно узкимъ; примѣненіе машинъ, всегда приспособленныхъ къ извѣстному однообразію, къ шаблону, здѣсь наталкивается на постоянныя препятствія. И, чѣмъ совершеннѣе приспособленъ трудъ человѣка къ условіямъ его хозяйства, чѣмъ полнѣе онъ стремится использовать всѣ особенности его, всѣ колебанія погоды, разнообразіе почвы, измѣненія спроса, тѣмъ безполезнѣе становятся для такого хозяйства то тѣ, то другія машины. «Факты изъ жизни хозяйствъ съ высокою производительностью вполнѣ подтверждаютъ эти соображенія; сфера примѣненія машины при переходѣ къ наиболѣе интенсивнымъ формамъ земледѣльческой культуры,—утверждаетъ Эд. Давидъ,—все болѣе и болѣе суживается. Чѣмъ интенсивнѣе становится эксплуатація земли, тѣмъ менѣе примѣненія можетъ находить машина, сокращающая трудъ... Чѣмъ интенсивнѣе начинаетъ вестись хозяйство, тѣмъ, относительно, больше мѣста уступаетъ машинная работа ручной» (стр. 501). «Цѣль промышленнаго прогресса—производить большую массу продуктовъ при большей продуктивности труда. Въ индустріи мощнымъ средствомъ для достиженія той и другой цѣли служитъ машина. Въ земледѣліи она не можетъ служить такой службы» (стр. 496).

Въ земледѣліи, вмѣсто машины, въ дѣлѣ поднятія производственнаго прогресса выступаетъ нѣчто совершенно иное. Здѣсь болѣе высокій результатъ опредѣляется не количествомъ переработаннаго сырья, не быстротою оборотовъ колесъ въ механизмѣ, а «повышеніемъ интенсивности жизни»; изъ одного и того же посѣяннаго зерна можно получить 5 зеренъ и можно получить 100. Зависитъ же это отъ того, насколько человѣкъ сумѣетъ помочь развивающемуся организму использовать всѣ благопріятныя условія и состава почвы, и влажности, и даже солнечнаго свѣта, и тепла. Человѣкъ можетъ путемъ измѣненія внѣшнихъ условій вліять на развитіе организмовъ и на ихъ внутреній складъ; но для этого онъ долженъ прежде всего понимать характеръ процессовъ, совершающихся въ организмѣ растенія и животнаго, характеръ взаимодѣйствія между этими процессами и внѣшними условіями, а также и умѣть приспособить все къ тѣмъ именно индивидуальнымъ условіямъ, въ которыхъ находится его хозяйство.

Условія, вліяющія на сельскохозяйственные производственные

процессы, отличаются, сравнительно съ положеніемъ индустріи, чрезвычайнымъ разнообразіемъ, измѣнчивостью и въ пространствѣ, и во времени.

Главное значеніе въ сельскохозяйственномъ производствѣ принадлежитъ, конечно, почвѣ, которая для земледѣльца является не «мертвой природой», не геологическимъ образованіемъ; она живетъ своей собственной жизнью, въ ней постоянно протекаютъ ряды разнообразныхъ процессовъ, имѣющихъ весьма важное, рѣшающее значеніе для жизни растеній. Физическій и химическій составъ почвы, подъ вліяніемъ влаги, воздуха и механическаго разрыхленія, постоянно мѣняется. Эти измѣненія могутъ имѣть какъ благопріятный, такъ и неблагопріятный характеръ для того или другого растенія. Влага сама по себѣ играетъ весьма важную роль въ жизни растеній, и сбереженіе ея въ необходимыхъ количествахъ требуетъ различныхъ средствъ въ зависимости и отъ характера почвы, и отъ климата, и отъ рода культуръ. Удобреніе почвы, возстановленіе въ ней тѣхъ элементовъ, которые взяты изъ нея въ формѣ урожая, и вообще введеніе въ почву недостающихъ ей для повышенія урожайности составныхъ частей при высшихъ формахъ земледѣльческой культуры, особенно на нечерноземныхъ почвахъ, требуетъ весьма сознательнаго отношенія къ этому дѣлу требуетъ внимательнаго приспособленія къ даннымъ индивидуальнымъ условіямъ. На основаніи разсмотрѣнія многочисленныхъ фактовъ изъ жизни германскихъ земледѣльческихъ хозяйствъ, Эд. Давидъ приходитъ къ заключенію, «что точное знакомство съ структурой почвы и климатическими условіями представляетъ обязательную предпосылку раціональнаго примѣненія удобренія. Что полезно для одного участка земли, то вредно для другого; что является желательнымъ для данной культуры, при данномъ плодосмѣнѣ, то можетъ оказаться чрезвычайно вреднымъ при другихъ условіяхъ. Съ однимъ, теоретически заученнымъ шаблономъ нельзя приступать къ дѣлу: только пріобрѣтенное практическимъ опытомъ знакомство съ спеціальными условіями даннаго хозяйства можетъ предохранить отъ круныхъ ошибокъ и убытковъ» (стр. 297—298).

Не меньше вниманія къ себѣ и знаній требуетъ и само культивируемое растеніе. И требованія эти съ повышеніемъ интенсивности хозяйства все растутъ и разнообразятся. Къ разнообразнымъ условіямъ климата и почвы различныя растенія относятся неодинаково: гдѣ корни одного растенія погибаютъ отъ голода, корни другого находятъ въ изобиліи пищу; гдѣ одно растеніе обречено на гніеніе отъ избытка влаги, тамъ другому ея только хватаетъ для нормальнаго обмѣна; гдѣ одно влачитъ жалкое существованіе отъ недостатка тепла, тамъ другое пышно развивается. Идя навстрѣчу этимъ прихотливымъ требованіямъ, современная агрономія создала многочисленныя разновидности культурныхъ растеній, съ самыми разнообразными качествами и приспособлен-

ныя къ разнымъ условіямъ. И чѣмъ высшей стадіи интенсивности, чѣмъ высшей производительности достигло хозяйство, тѣмъ оно требовательнѣй въ этомъ отношеніи. При этомъ нельзя выбрать подходящій для даннаго хозяйства сортъ и на этомъ успокоиться, такъ какъ болѣе благородныя разновидности даже зернового хлѣба въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ немного теряютъ въ производительности. Поэтому необходима отъ времени до времени перемѣна и подновленіе сѣмянъ и даже введеніе новыхъ видовъ. По утвержденію Эд. Давида, введеніе новыхъ растительныхъ видовъ составляетъ характерную черту земледѣльческой эволюціи въ Германіи.

То же самое и даже въ еще большей мѣрѣ относится и къ скотоводству, значеніе котораго для мелкихъ хозяйствъ съ высокою производительностью становится все болѣе и болѣе важнымъ. Способы откармливанія скота очень разнообразны, существуетъ много средствъ, улучшающихъ вкусъ корма, возбуждающихъ аппетитъ; и все это приспособляется и измѣняется въ зависимости какъ отъ породы и качества скота, такъ и отъ цѣлей откорма. Правда, существуютъ таблицы кормовъ, съ подробными указаніями, которыми хозяева и пользуются; но эти таблицы,—какъ справедливо замѣчаетъ Эд. Давидъ,—только «облегчаютъ сельскому хозяину обдумываніе, но не замѣняютъ его». Таблицы даютъ только шаблоны, общіе отправные пункты, чрезвычайно важные и полезные для сельскаго хозяина, которые необходимо, однако, приспособлять къ индивидуальнымъ случаямъ и особенностямъ каждаго хозяйства. Въ зависимости отъ того, воспитывается ли рабочій скотъ, мясной, молочный, дающій шерсть или же племенной, измѣняется составъ пищи и характеръ всего содержанія. Но помимо вопроса о кормѣ, весьма важенъ также выборъ соотвѣтствующихъ породъ, приспособленіе количества и видовъ скота ко всему строю даннаго хозяйства. Все это въ высокоорганизованномъ интенсивномъ хозяйствѣ должно быть строго обдумано и одно къ одному приспособлено.

Даже изъ этого бѣглаго перечня,—при чемъ мы не касались еще такихъ сторонъ сельскохозяйственной жизни, какъ выборъ орудій, сѣмянъ, борьба съ врагами сельскаго хозяйства и многое другое,—видно, насколько важно сознательное отношеніе со стороны земледѣльца къ своему труду, пониманіе имъ значенія тѣхъ естественныхъ процессовъ, которые онъ стремится использовать для своихъ хозяйственныхъ цѣлей. Въ существѣ дѣла сознательность труда является въ сельскомъ хозяйствѣ основнымъ условіемъ для увеличенія его производительности. Здѣсь трудъ имѣетъ по преимуществу характеръ подготовительный и вспомогательный для растительныхъ и животныхъ процессовъ жизни, изъ чего вытекаетъ цѣлый рядъ особенностей этого труда. Столь характерное для индустріи простое умноженіе тѣхъ или другихъ манипуляцій, количественный ростъ труда безъ измѣненія его характера, при

интенсификаціи земледѣлія въ большинствѣ случаевъ не достигаетъ цѣли; увеличеніе сбора пшеницы съ данной площади земли въ концѣ концовъ опредѣляется болѣе интенсивнымъ процессомъ органическаго роста, къ чему и долженъ приспособиться трудъ. Общіе шаблоны здѣсь имѣютъ условное значеніе; характеръ почвы, мѣстоположенія, климата требуютъ индивидуальныхъ поправокъ къ этимъ шаблонамъ; перемѣны погоды вызываютъ постоянное регулирующее и направляющее вмѣшательство со стороны хозяина. «Самый искусный пахарь, снабженный самымъ совершеннымъ плугомъ, не гарантируетъ еще продуктивности работы; кромѣ умѣнья работать, онъ долженъ также обладать способностью удачно выбирать время и приспособлять свою работу къ природнымъ особенностямъ мѣста и къ задачамъ даннаго хозяйства» (стр. 272). Но и этого мало, недостаточно еще, чтобы каждая отдѣльная операція была организована цѣлесообразно; необходимо весь производственный ансамбль приспособить къ даннымъ условіямъ: качеству почвы, высотѣ мѣста, характеру погоды и даже къ характеру той рабочей силы, которою располагаетъ данное хозяйство.

Всѣмъ этимъ требованіямъ, какъ оказывается, мелкое крестьянское хозяйство можетъ удовлетворить, и въ культурныхъ западноевропейскихъ странахъ производство въ этихъ хозяйствахъ достигло поразительныхъ успѣховъ. Данія, съ $2^1/_2$ милл. жителей и 3,8 милл. гектаровъ *) земли, т. е. уступающая и по пространству, и по народонаселенію многимъ изъ нашихъ губерній, увеличила сборъ хлѣбовъ, корнеплодовъ и сѣна со времени семидесятыхъ годовъ въ слѣдующей мѣрѣ:

	Хлѣбъ въ тоннахъ **).	Корнеплоды въ тоннахъ (въ 1000 кил.)	Сѣно въ „лэсахъ" (въ 1000 фунт.)
въ 1875—78 г.	19.610.863	6.371.492	2.111.526
» 1891—93 »	22.786.503	32.749.363	2.380.560
» 1894—96 »	23.773.357	40.903.969	2.905.484

Данія—страна *главнымъ образомъ* мелкаго крестьянскаго землевладѣнія. Еще въ предшествующемъ поколѣніи она вывозила хлѣбъ и почти только хлѣбъ за-границу; теперь, несмотря на возросшую производительность земледѣлія, не только не вывозятся продукты земледѣлія, но въ 1900 г. было даже ввезено одного маису *4,08 милл. двойныхъ центнеровъ* ***), стоимостью въ 17 милл. руб. (32,7 милл. кронъ). Продукты земледѣлія, какъ свои, такъ и ввозные, остающіеся за покрытіемъ нужды въ продовольствіи населенія, идутъ на нужды скотоводства, высоко развитого и прекрасно организованнаго въ странѣ. Въ томъ же 1900 г. вывезено было изъ Даніи масла, сала, яицъ, мяса и скота на $120^1/_2$ милл.

*) 3,5 милл. десятинъ.
**) Тонна равна 61 пуду.
***) Центнеръ равенъ 13,14 пуда.

(231,7 милл. кронъ). Въ среднемъ это составитъ почти по 50 руб. на наличную душу и по 250—300 руб. на хозяйство, если считать все населеніе. Почва датскихъ земель во многихъ мѣстахъ очень тоща, удобреніе требуетъ значительныхъ затратъ и много труда, климатъ также не особенно благопріятенъ: лѣто сравнительно короткое и капризное, такъ что указанные успѣхи нельзя отнести на счетъ благопріятныхъ внѣшнихъ условій, и «этотъ экономическій и культурный прогрессъ достался въ руки датскихъ крестьянъ не въ видѣ упавшаго съ неба подарка».

Въ Германіи повышеніе производительности земледѣлія, поднятіе урожайности, привело къ тому, что ростъ добываемыхъ въ земледѣліи продуктовъ, вопреки предсказаніямъ Мальтуса, обгоняетъ ростъ населенія. Но и здѣсь въ крестьянскихъ хозяйствахъ, идущихъ по пути увеличенія производительности, замѣчается та-же тенденція, что и въ Даніи: вмѣстѣ съ ростомъ производства продуктовъ земледѣлія сбытъ ихъ сокращается и увеличивается сбытъ продуктовъ скотоводства. По приводимымъ Давидомъ словамъ Штумпфе, Германія наибольшихъ успѣховъ въ скотоводствѣ достигла не въ дворянскихъ имѣніяхъ, не въ областяхъ съ крупнымъ землевладѣніемъ, а исключительно, или почти исключительно, на крестьянскихъ дворахъ, въ областяхъ съ мелкокрестьянскимъ землевладѣніемъ, и для облагораживанія и улучшенія стадъ лучшихъ животныхъ доставляли, доставляютъ еще и до сихъ поръ крестьяне помѣщикамъ, а не наоборотъ. «Въ мѣстахъ, гдѣ, главнымъ образомъ, развито коневодство, въ восточной Пруссіи, Литвѣ, Шлезвигъ-Гольштиніи, Ганноверѣ, Ольденбургѣ,—самые лучшіе результаты въ раціональномъ скотоводствѣ даютъ опять таки крестьянскія хозяйства» (стр. 381). По мнѣнію владѣльца одного крупнаго имѣнія въ Познани, крестьянинъ является превосходнымъ скотоводомъ, такъ какъ скотъ у него постоянно передъ глазами, уходъ индивидуализируется, при малѣйшей надобности помощь оказывается своевременно, все, что можетъ принести малѣйшій вредъ, немедленно устраняется.

Представивъ себѣ всю массу работы по уходу за растеніями и ихъ охранѣ, которой требуетъ раціональное земледѣліе, и всю сложность задачъ, стоящихъ предъ сельскимъ хозяиномъ въ области скотоводства, легко понять, какое значеніе должно принадлежать въ современномъ сельскомъ хозяйствѣ интеллигентности работника. «Давно прошли времена,—замѣчаетъ Эд. Давидъ,—когда справедлива была пословица, гласящая, что самый крупный картофель родится у самыхъ глупыхъ крестьянъ... Въ настоящее время самый крупный картофель воздѣлываютъ самые умные крестьяне» (стр. 345). Тогда какъ на очень многихъ стадіяхъ современнаго промышленнаго производства, благодаря успѣхамъ техники, ручной трудъ чрезвычайно упростился, въ сельскомъ хозяйствѣ наблюдается совершенно обратное: характеръ труда здѣсь по мѣрѣ про-

гресса производства становится все сложнѣе, обращеніе съ орудіями требуется все болѣе тонкое, весь строй производства нуждается все въ большей интеллигентности и сообразительности участниковъ его.

Эта зависимость между интеллигентностью земледѣльческаго населенія и интенсификаціей сельскохозяйственнаго производства, между высотой образованности крестьянина и высотой урожаевъ на его нивѣ уже давно усвоена культурными государствами. И въ западноевропейскихъ странахъ, на ряду съ содѣйствіемъ по пріобрѣтенію удобреній, распространенію улучшенныхъ орудій, на ряду съ опытными станціями и показательными полями, осуществляется рядъ широкихъ общественныхъ мѣропріятій по распространенію школьнаго и внѣшкольнаго, какъ спеціальнаго, такъ и прежде всего общаго образованія. Первоначальная народная и дополнительная школы даютъ нѣмецкому крестьянину весьма солидное общее образованіе; различныя общества, товарищества, популярныя лекціи и газеты дополняютъ затѣмъ эти знанія и создаютъ ту атмосферу интеллигентности среди населенія, безъ которой школьное обученіе быстро хирѣетъ и вывѣтривается. Въ Даніи въ этомъ отношеніи достигнуты еще болѣе блестящіе результаты. По образованію датскій крестьянинъ въ настоящее время стоитъ выше и англійскаго, и французскаго, и германскаго; датскимъ широко распространеннымъ университетамъ датское масло въ значительной степени обязано тѣмъ, что на международномъ рынкѣ оно оцѣнивается выше, чѣмъ какое бы то ни было другое *).

Образованіе необходимо не только при болѣе высокихъ степеняхъ сельскохозяйственной культуры; оно необходимо такъ же въ началѣ процесса, какъ и на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія. Только оно можетъ побудить земледѣльца отрѣшиться отъ тѣхъ традицій, отъ тѣхъ вѣками выработанныхъ шаблоновъ, которые стоятъ въ видѣ стражей на пути примѣненія первыхъ, сравнительно даже несложныхъ, нововведеній. Безъ образованія трудно сдвинуть крестьянскую массу съ традиціонной рутины; и причина этого кроется не только въ слѣпой привязанности къ старинѣ, но прежде всего въ невозможности понять и овладѣть въ сознаніи той подвижной приспособляемостью къ перемѣнамъ физической и соціальной среды, которая требуется переходомъ къ болѣе культурному веденію хозяйства. Для того, чтобы человѣкъ началъ дѣлать нѣчто новое, необходимо, чтобы онъ сознавалъ и понималъ его значеніе. И для этого далеко недостаточно узко профессіональныхъ знаній; эти знанія сами по себѣ могутъ дать шаблоны, примѣнять которые въ той неустойчивой обстановкѣ, какую представляетъ собою сельское хозяйство, можно только при извѣстномъ сознательномъ отношеніи къ нимъ. «Сельское хозяйство,—говоритъ Эд.

*) Наиболѣе низко оцѣнивается русское масло.

Давидъ,—революціонизировали не техническія изобрѣтенія, а научныя открытія». Техническое приложеніе этихъ открытій приходилось въ извѣстной мѣрѣ вырабатывать самимъ хозяевамъ, примѣнительно къ особенностямъ разнаго типа и положенія хозяйствъ. У насъ, въ печати неоднократно отмѣчался удивительно ничтожный спросъ на книги по сельскому хозяйству, сравнительно съ другими книгами, въ сельскихъ библіотекахъ, т. е. въ средѣ земледѣльческаго населенія. И это вполнѣ естественный результатъ низкаго уровня общаго развитія у читателей этихъ библіотекъ: только общее умственное развитіе можетъ воспитать довѣріе къ книгѣ и знанію, дать способность разобраться въ содержаніи книги и сознательно отнестись къ нему. Самая хорошая техническая книга для грамотнаго, но недостаточно развитого читателя останется по этому безполезною: необходимо общее развитіе, необходима интеллигентность.

Конечно, и въ Западной Европѣ, и въ Германіи, и въ Даніи не всѣ крестьяне образованные люди, не всѣ окончившіе школы обладаютъ тѣмъ, что именно называется интеллигентностью. Весьма многіе изъ нихъ, вѣроятно, даже значительное большинство, ведутъ свое хозяйство примѣнительно къ болѣе даровитымъ сосѣдямъ. Но чрезвычайно важна та общая атмосфера, въ которой живетъ деревня, то свободное обсужденіе, чтеніе лекцій по всѣмъ интересующимъ населеніе вопросамъ, которые и создаютъ тотъ живой интересъ, то довѣріе къ примѣненію указаній науки къ практической дѣятельности, которыя и двигаютъ впередъ эту дѣятельность. Но эта-то общая атмосфера свободнаго обращенія знаній среди сельскаго населенія у насъ и служитъ главнымъ камнемъ преткновенія. Само собою разумѣется, что противъ того, чтобы крестьянинъ интересовался навозомъ, раннимъ паромъ, телятами, ровно никто рѣшительно ничего не имѣетъ. Но вѣдь стоитъ только допустить свободное обращеніе знаній въ деревнѣ, какъ крестьянинъ сейчасъ же станетъ проявлять интересъ не только къ телятамъ, но и къ политикѣ; станутъ сейчасъ обсуждать — почему да какъ, на что идутъ подати, касательно полиціи, земскихъ и т. п. А это добромъ не кончится, поэтому и допущено не можетъ быть. Пусть крестьянинъ останется безъ хлѣба, но и безъ политики.

У насъ весьма распространено мнѣніе, что для сколько-нибудь солиднаго поднятія уровня образованія среди сельскаго населенія у насъ нѣтъ необходимыхъ средствъ. Но при искреннемъ желаніи средства найти не трудно: одно только упраздненіе тѣхъ расходовъ, которые теперь производятся на охрану крестьянской среды отъ проникновенія туда знаній, сверхъ допущенныхъ по штатамъ, уже составило бы не малую сумму, не говоря уже о томъ, что и сама по себѣ такая отмѣна опеки надъ головами крестьянъ, даже безъ всякихъ расходовъ, отразилась бы благопріятно на состояніи образованія въ странѣ. А если бы то, что обыватель проявляетъ

интересъ къ общественнымъ дѣламъ своей родины, стремится и самъ оказать то или другое вліяніе на эти дѣла, перестало считаться преступленіемъ, если-бы занятіе «политикой» и интересъ къ ней сдѣлались общедоступными, какъ это есть во всѣхъ культурныхъ странахъ, то освободились бы прямо огромныя средства, которыя теперь затрачиваются на охрану обывателя отъ политики и политики отъ обывателя. Этихъ средствъ на первое время хватило бы, а дальше само развитіе хозяйственной жизни страны создало бы и необходимыя средства. Очевидно, препятствіе тутъ не въ средствахъ.

Хотя интенсивное земледѣліе, какъ мы видѣли выше, имѣетъ по преимуществу индивидуализированный характеръ, требуетъ внимательнаго приспособленія труда къ условіямъ даннаго положенія, подымаетъ значеніе сознательности въ трудѣ и умаляетъ значеніе машины, тѣмъ не менѣе, та же интенсификація создаетъ цѣлый рядъ такихъ положеній, при которыхъ настоятельно требуется соединеніе мелкихъ производствъ въ союзы и товарищества. Пользованіе нѣкоторыми машинами, какъ, напр., молотилкой, рядовой сѣялкой, сепараторомъ, пріобрѣтеніе удобреній, кормовыхъ средствъ, орудій, содержаніе племенныхъ производителей,—все это можетъ быть выгодно и цѣлесообразно организовано только при объединеніи, общемъ удовлетвореніи нуждъ болѣе или менѣе значительнаго числа мелкихъ хозяйствъ. Хозяйство съ высокой производительностью при настоящихъ соціальныхъ условіяхъ можетъ быть только по преимуществу мѣновымъ, чѣмъ оно неизбѣжно вовлекается въ общій товарный оборотъ, и поэтому кредитъ для него является постоянною, нормальною потребностью, оно не можетъ обходиться безъ кредита. Наиболѣе отвѣчающую нуждамъ мелкаго хозяйства и наиболѣе выгодную для него форму кредита можетъ создать, — какъ это показалъ опытъ западно-европейскихъ странъ, — только товарищеская организація его. Организованный и совмѣстный сбытъ представляетъ громадныя преимущества. Условія сбыта иногда требуютъ даже отъ отдѣльныхъ хозяевъ нѣкоторой согласованности производства, приблизительной однокачественности вырабатываемаго продукта, что тоже достигается только при существованіи объединяющей организаціи. Пополненіе знаній, обсужденіе вопросовъ, выдвигаемыхъ хозяйственною практикой, лучше всего удовлетворяется тоже въ мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ обществахъ.

Все это требуетъ широкаго развитія среди крестьянскаго населенія кооперативнаго движенія, широкой и свободной самодѣятельности крестьянъ по созданію разнообразныхъ общественныхъ организацій, приспособленныхъ для удовлетворенія всевозможныхъ нуждъ развивающейся хозяйственной дѣятельности; требуетъ простора для созданія и увѣренности въ прочности существованія для созданнаго. И все это связано съ интенсификаціей мелкаго хозяйства въ одинъ общій неразрывный процессъ, въ которомъ коопе-

ративной молочной, кредитному товариществу, популярнымъ лекціямъ принадлежитъ та же роль, что и ранней вспашкѣ, усовершенствованному плугу и т. п. Однимъ словомъ, культурное сельское хозяйство требуетъ и культурной общественной среды, требуетъ обезпеченія за населеніемъ гражданскихъ правъ, при которомъ только и возможно широкое развитіе указанныхъ нами безусловно необходимыхъ формъ самодѣятельности среди крестьянскаго населенія.

И, дѣйствительно, мы видимъ, что въ Западной Европѣ повышеніе производительности крестьянскаго сельскаго хозяйства вездѣ сопровождается широкимъ развитіемъ кооперативнаго движенія среди крестьянъ; эти два теченія неизбѣжно одно другому сопутствуютъ. Данія вся покрыта всевозможными обществами, союзами и товариществами. Въ 1898 г. въ этой небольшой странѣ было 1013 молочныхъ товариществъ съ 125,000 членовъ. Товарищества не только организуютъ совмѣстную выдѣлку и сбытъ масла, но и слѣдятъ за содержаніемъ коровъ, за качествомъ молока и всѣми мѣрами помогаютъ своимъ сочленамъ поднять производительность хозяйственной дѣятельности. Очень распространены также потребительные союзы; въ 1901 г. ихъ было около 1000, болѣе 700 изъ нихъ были объединены въ центральное общество для оптовыхъ закупокъ, оборотъ котораго въ этомъ году составилъ болѣе 7 милл. руб. (13,51 милл. кронъ). «У насъ меньше (чѣмъ въ Германіи) людей, имѣющихъ слишкомъ много, но и меньше людей, имѣющихъ слишкомъ мало. И всѣмъ этимъ мы обязаны, прежде всего, нашему кооперативному движенію» (стр. 466). Такъ оцѣниваютъ значеніе товарищескихъ организацій сами датскіе крестьяне.

Въ Германіи точно также очень распространены среди земледѣльческаго населенія разнообразныя товарищества, но наибольшею славой пользуется германская организація мелкаго кредита, выработанная продолжительною практикой и составляющая результатъ свободной и сознательной самодѣятельности германскаго крестьянина. Среди крестьянскаго населенія получили особенно широкое распространеніе райффейзенскія ссудныя кассы, объединенныя «Сельскохозяйственною центральною ссудною кассою Германіи» (въ Нейвидѣ), и ссудосберегательныя кассы, объединенныя «Всеобщимъ союзомъ германскихъ сельскохозяйственныхъ товариществъ» (въ Дармштадтѣ). Къ первой организаціи, по докладу на съѣздѣ въ 1902 г., примыкало 3850 кассъ съ годовымъ оборотомъ въ 250 милл. руб. (540 милл. марокъ) и ко второй, по отчету за 1900 г.,—4343 кассы съ оборотомъ въ 345,75 милл. руб. (746,75 милл. марокъ). Кромѣ того, въ деревняхъ Германіи дѣйствуютъ еще приблизительно 2000 кассъ, объединенныхъ въ болѣе мелкія организаціи. И недалеко то время, — говоритъ Эд. Давидъ,— «когда въ Германіи каждая деревня будетъ имѣть свою товарищескую кассу... Деревенскій ростовщикъ, которому марксисты те-

оретики въ 60-хъ годахъ приписывали такую большую роль... обреченъ на гибель. Творческая сила идеи товарищества освободила отъ него крестьянство» (стр. 459). Въ 1902 г. въ Германіи насчитывалось 16,097 различныхъ сельскохозяйственныхъ товариществъ. Обозрѣніе развитія кооперативнаго движенія среди германскаго крестьянства Эд. Давидъ заканчиваетъ такими словами: «общественный классъ, который въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій въ состояніи былъ создать мощную организацію, охватывающую и измѣняющую весь его экономическій бытъ, такой классъ не страдаетъ старческою слабостью и не обреченъ на гибель» (стр. 463).

Такимъ образомъ, крестьянинъ, вступая на путь интенсификаціи своего хозяйства, нуждается въ широкой свободѣ для образованія разныхъ союзовъ, обществъ, для обсужденія всевозможныхъ вопросовъ, возникающихъ изъ новыхъ условій и техники и отношеній къ сосѣдямъ; нуждается въ общественномъ строѣ, который обезпечивалъ бы ему увѣренность, что организованная имъ хозяйственная дѣятельность не будетъ грубо нарушена безотвѣтственнымъ произволомъ. Интенсивное хозяйство можетъ вести только организованное крестьянство *).

Противъ профессіональной организаціи никто ничего не имѣетъ, здѣсь и нашему крестьянину готовы «предоставить» широкую свободу. Но... въ дѣло опять вмѣшивается политика. Вотъ недавно собрался было въ Москвѣ съѣздъ по кооперативному дѣлу, который вмѣсто того, чтобы обсуждать преимущества мещерскаго сыра предъ швейцарскимъ, килекъ предъ шпротами, установить сравнительное достоинство крупчатой муки голубого клейма и такой же муки зеленаго клейма и пр. подобное, сталъ интересоваться положеніемъ служащихъ въ потребительныхъ лавкахъ и вообще вдаваться въ политику. Ну, разумѣется, пришлось прекратить это «безобразіе». Еще когда-то Либихъ формулировалъ такъ называемый «законъ минимума», заключающійся въ томъ, что, если въ почвѣ имѣются всѣ необходимыя для питанія растенія вещества въ относительно разномъ достаткѣ, то урожай будетъ зависѣть отъ

*) Въ своемъ классическомъ трудѣ объ организаціяхъ промышленныхъ рабочихъ въ Англіи супруги Веббъ, въ результатѣ чрезвычайно детальнаго изслѣдованія, устанавливаютъ, что англійская промышленность своимъ высокимъ развитіемъ въ значительной и даже преимущественной степени обязана тому вліянію, какое производило на нее постепенное развитіе стройной и могущественной организаціи рабочихъ. Автократическія правительства боятся такихъ могущественныхъ, охватывающихъ всю страну организацій членовъ одного класса и поэтому не допускаютъ ихъ свободнаго развитія. „Изъ этого слѣдуетъ,—дѣлаютъ выводъ авторы,—что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, автократія не въ состояніи развить такой высокой производительности національнаго труда, какъ демократія". *Сидней и Беатриса Веббъ*. Теорія и практика англійскаго трэдъюніонизма. Русск. перев. Т. II. Спб. 1901. Стр. 659.

того вещества, котораго наименѣе достаточно, которое находится въ minimum'ѣ; если фосфора мало, то сколько бы ни прибавляли въ почву калія, извести, селитры, урожай не можетъ быть выше того, какой опредѣляется наличнымъ количествомъ фосфорной кислоты; чтобы повысить урожай, прежде всего необходимо увеличить количество фосфорной кислоты въ почвѣ. Послѣ этотъ законъ сталъ прилагаться къ гораздо болѣе широкому кругу явленій, чѣмъ почва. Несомнѣнно, онъ примѣнимъ въ извѣстной мѣрѣ и къ соціальной средѣ. Примѣняя его къ нашей общественной средѣ, приходится придти къ заключенію, что у насъ въ такомъ минумумѣ находится именно политика. Поэтому съ чего бы вы ни начали,—съ суперфосфатовъ, килекъ, племенныхъ телятъ, съ народнаго чтенія о Кириллѣ и Меѳодіи, первоучителяхъ славянскихъ, съ оказанія помощи голодающимъ, жизнь въ концѣ концовъ обязательно упретъ васъ въ политику, и дѣло останавливается: все это, безспорно, хорошо и полезно, но.. политика—это никакъ невозможно. Стоитъ она непреодолимымъ препятствіемъ и на пути къ интенсификаціи крестьянскаго сельскаго хозяйства.

Кромѣ широкой свободы распространенія образованія и правового общественнаго строя, возможная степень интенсификаціи сельскаго хозяйства зависитъ еще и отъ общаго культурнаго уровня страны; та организація сельскаго хозяйства, какая оказывается весьма выгодною и цѣлесообразною недалеко отъ Лондона, Парижа, Берлина, была бы полнѣйшею нелѣпостью въ среднеазіатскихъ степяхъ. Если бы какому-нибудь малоземельному крестьянину въ какой-нибудь Обираловкѣ пришла въ голову блажь вложить свой трудъ, вмѣсто малоприбыльныхъ заработковъ у сосѣднихъ помѣщиковъ, въ свой огородъ и замѣнить на немъ картофель культурой спаржи, или же вспахать заступомъ поле подъ рожь, то это была бы не интенсификація, а просто — вздорная затѣя. Законъ убывающей доходности почвы не имѣетъ того абсолютнаго значенія, которое ему стремились придать нѣкоторые; но онъ вполнѣ справедливъ въ томъ смыслѣ, что при каждомъ данномъ уровнѣ развитія науки и техники для данныхъ культурныхъ условій существуетъ извѣстная степень интенсивности, за предѣлами которой всякое новое усиленіе затратъ труда и капитала въ хозяйствѣ становится невыгоднымъ. Количество труда, которое можно цѣлесообразно вложить въ данное хозяйство, работопоглощаемость этого хозяйства ограничивается не только сознательнымъ усмотрѣніемъ хозяина, но и внѣшними условіями, культурностью той общественной среды, въ которой находится хозяйство. Община Момбахъ близь Майнца за аренду лучшей огородной земли получаетъ годовой платы *800—1000 марокъ за гектаръ* (400—500 р. за десятину). Но никакими мѣрами невозможно заставить давать въ настоящее время такой же доходъ землю гдѣ-нибудь въ Бугурусланскомъ уѣздѣ.

Предѣлы работопоглощаемости колеблются въ зависимости отъ степени интенсивности хозяйства въ весьма значительныхъ предѣлахъ. Эд. Давидъ приводитъ разсчетъ, сдѣланный Бензингомъ, согласно которому на одну и ту же площадь хозяйства трудъ требуется въ лѣтнее время въ такомъ отношеніи: при трехпольи 1, при норфолькскомъ хозяйствѣ 4,6, при свекловичномъ 10. «Но трехпольное хозяйство не есть низшая, а свекловичное хозяйство не есть высшая ступень интенсивности сельскохозяйственнаго производства»,—справедливо замѣчаетъ Давидъ (стр. 195). Во всякомъ случаѣ, это указываваетъ на то, что прогрессирующая интенсивность сельскохозяйственнаго использованія даннаго участка земли требуетъ соотвѣтствующаго увеличенія и живой рабочей силы, требуетъ извѣстной густоты населенія. Съ этой точки зрѣнія проявляемая въ послѣднее время заботливость о переселеніи крестьянъ въ Сибирь стоитъ въ противорѣчіи съ заботами объ интенсификаціи сельскаго хозяйства. Вообще, переселенія нельзя считать мѣрой, способствующей поднятію культуры въ той мѣстности, откуда населеніе уходитъ. Разумѣется, съ точки зрѣнія общенародныхъ интересовъ эволюція сельскохозяйственнаго производства не всегда должна направляться въ сторону интенсификаціи; при извѣстныхъ условіяхъ заселеніе и привлеченіе къ сельскохозяйственной культурѣ дикихъ пустующихъ земель имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ усилія поднять производительность уже занятыхъ земель. Что цѣлесообразнѣе и что выгоднѣе для страны, это для каждаго момента и для каждой мѣстности лучше всего рѣшается свободной и сознательной иниціативой заинтересованныхъ лицъ; и во всякомъ случаѣ это можетъ быть разрѣшаемо по соображеніямъ не хозяйственнаго, а политическаго характера. Та же аграрная окрошка, которая изготовляется у насъ въ настоящее время и которую придется расхлебывать ближайшему будущему, свидѣтельствуетъ только о дѣйствительномъ характерѣ заботливости относительно преуспѣянія крестьянскаго хозяйства.

Въ Западной Европѣ интенсификація крестьянскаго хозяйства совершалась въ самой тѣсной связи съ общимъ ростомъ производства, съ общимъ подъемомъ культуры. Если въ Германіи въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій ростъ сельскохозяйственнаго производства обогналъ ростъ населенія, то ростъ потребностей населенія оказался еще выше. «Поднятіе всего нашего (германскаго) сельскаго хозяйства,—говоритъ Эд. Давидъ,—на болѣе высокія ступени интенсивности немыслимо безъ увеличенія внутренняго спроса на сельскохозяйственные продукты высшихъ сортовъ» (стр. 549). Сельскохозяйственныя культуры съ высшей работопоглощаемостью всегда располагаются по возможности ближе къ рынку. Сельское хозяйство образуетъ какъ бы рядъ поясовъ около культурныхъ и промышленныхъ центровъ, по мѣрѣ удаленія отъ которыхъ понижается и интенсивность хозяйства, и наибо-

лѣе отдаленныя мѣста, какъ Западная и Южная Америка, Сибирь, могутъ пока вести только экстенсивное хозяйство.

Такимъ образомъ, для созданія условій, при которыхъ интенсификація сельскаго хозяйства могла бы пріобрѣсти у насъ общее и сколько-нибудь могущественное значеніе, ее долженъ сопровождать общій подъемъ культуры, производства, накопленія капитала, нужна, однимъ словомъ, экономическая политика, не истощающаяся силы страны, не связывающая хозяйственную жизнь путами экономическихъ привилегій, не уповающая на неистощимость «послѣдней копѣйки», а политика содѣйствія здоровому и свободному развитію всѣхъ производительныхъ силъ страны, политика, отвѣчающая интересамъ общенароднымъ, а не интересамъ немногочисленныхъ привилегированныхъ классовъ.

Въ связи съ различными предѣлами интенсивности, которыхъ могутъ достичь хозяйства въ различныхъ культурныхъ условіяхъ, стоитъ и измѣненіе размѣровъ земельныхъ участковъ, на которыхъ средняя крестьянская семья могла бы прилагать свой трудъ съ наибольшею выгодой; участокъ долженъ быть больше или меньше въ зависимости отъ высоты организаціи хозяйства, достижимой при данныхъ условіяхъ. Поэтому невозможно ставить задачей для хозяйства интенсификацію, не справляясь съ его размѣрами; нельзя требовать, чтобы хозяйство шло по пути прогресса, т. е., накопляло бы капиталъ, вложенный въ хозяйство, создавало бы болѣе высокія формы производства, когда на данной площади правильная организація производства, цѣлесообразное использованіе труда невозможны. Совѣтъ калужскому крестьянину, сидящему на 2—3 десятинахъ земли, переходить къ веденію болѣе интенсивнаго хозяйства совершенно тождественъ съ совѣтомъ голодающему дѣлать сбереженія. Переходъ къ интенсивному хозяйству есть въ существѣ дѣла источникъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и признакъ роста благосостоянія; поэтому онъ и доступенъ только для хозяйства, экономически способнаго увеличивать свое благосостояніе, а не нищающаго. Эд. Давидъ въ своей книгѣ, посвященной доказательству того, что мелкое крестьянское хозяйство можетъ и дѣйствительно достигаетъ самыхъ высокихъ степеней интенсивности, что оно даже имѣетъ въ этомъ отношеніи существенныя преимущества передъ крупнымъ, неоднократно указываетъ, что подъ мелкимъ хозяйствомъ онъ разумѣетъ хозяйства, ведущія производство безъ постоянной чужой помощи, но и безъ побочнаго заработка, хозяйства, достаточныя для того, чтобы доставить крестьянской семьѣ все содержаніе и возможность цѣлесообразнаго использованія имѣющейся въ хозяйствѣ рабочей силы. «Нашей границей въ мелкомъ землевладѣніи,—говоритъ онъ,—является такой участокъ, который даетъ достаточно работы и нормальное пропитаніе только всѣмъ членамъ самостоятельной крестьянской семьи» (стр. 392). Что же касается крестьянъ, сидящихъ на карликовыхъ участкахъ,

«полу-крестьянъ» и «четверть-крестьянъ», то они и по мнѣнію Эд. Давида прежде всего нуждаются въ «нормальномъ дополненіи», которое выражается при недостаткѣ земли въ постороннихъ заработкахъ; но при необходимости прибѣгать къ постороннимъ заработкамъ цѣлесообразная организація своего хозяйства большею частью неосуществима.

Размѣры мелкихъ участковъ, на которыхъ въ Германіи ведется интенсивное хозяйство, колеблются въ весьма значительныхъ предѣлахъ. «Смотря по климатическому положенію, качеству почвы, характеру производства и его интенсивности, участокъ земли, необходимый для содержанія и занятія семьи, можетъ быть большій или меньшій. При чрезвычайно интенсивномъ производствѣ овощей, плодовъ, вина или промышленныхъ растеній минимальный участокъ мелкаго хозяйства доходитъ до 1 гектара» *). На хорошей почвѣ для хозяйствъ съ интенсивнымъ скотоводствомъ въ западной Германіи минимальный предѣлъ подымается до *3—4 гектаровъ*, а при средней почвѣ и съ большей долей хлѣбопашества и до *10 гектаровъ*. Въ болѣе суровыхъ, гористыхъ мѣстностяхъ для цѣлесообразной организаціи хозяйства требуется *10—20 гектаровъ* (стр. 29—30, 396). Эд. Давидъ приводитъ заимствованныя имъ у Морица Гехта данныя относительно трехъ баденскихъ деревень: Гагсфельдъ, Бланкенлохъ и Фридрихсталь, свидѣтельствующія о повышеніи урожайности на крестьянскихъ участкахъ за послѣдніе полвѣка приблизительно вдвое. Размѣры средняго участка въ теченіе послѣдняго столѣтія значительно сократились и составляютъ для Бланкенлоха *2—3 гектара*, а для Фридрихсталя всего *1,8 гектара*; за тотъ же періодъ населеніе въ этихъ деревняхъ утроилось. «Но благосостояніе отдѣльныхъ жителей и всей общины возросло еще въ большемъ размѣрѣ. Несложныя прежде потребности сдѣлались гораздо болѣе разнообразными. Все населеніе сдѣлалось гораздо болѣе культурнымъ». Опасность пролетаризаціи при дальнѣйшемъ свободномъ дробленіи земли, по мнѣнію автора, еще очень далека; 1—2 гектара теперь удовлетворяютъ потребностямъ въ такой мѣрѣ, какъ въ истекшія столѣтія 10 гектаровъ (стр. 395—396).

Разумѣется, и въ нашей странѣ для разныхъ мѣстностей и разныхъ условій существуютъ различные размѣры такихъ хозяйственныхъ участковъ, на которыхъ возможна раціональная организація земледѣльческаго промысла. Только къ такимъ хозяйствамъ и можно предъявлять требованія, только отъ такихъ хозяйствъ и можно ожидать, чтобы они вступили на путь улучшеній, на путь интенсификаціи сельскаго хозяйства. Недостаточно же обезпеченныя землей хозяйства не могутъ сразу перескочить на болѣе высокую стадію веденія хозяйства, при которой можно бы было

*) 0,91 десят.

довольствоваться 2 дес. земли; путь интенсификаціи не есть путь скачковъ, а путь постепеннаго развитія. Степень интенсификаціи, достижимая въ данное время, а въ связи съ этимъ и размѣры участка, позволяющіе осуществлять эту степень, не могутъ быть избраны произвольно; все это опредѣляется данными культурными условіями. Поэтому на путь интенсификаціи могутъ вступить только тѣ крестьяне, которые имѣютъ въ своемъ распоряженіи необходимое для этого количество земли.

Такимъ образомъ, резюмируя все изложенное выше, приходится сдѣлать тотъ выводъ, что интенсификація нашего крестьянскаго сельскаго хозяйства можетъ быть сколько-нибудь широко и серьезно осуществляема только при наличности слѣдующихъ условій: а) свободнаго и широкаго распространенія образованія среди земледѣльческаго населенія, б) обезпеченія гражданскихъ правъ населенія установленіемъ правового общественнаго строя, в) отвѣчающей интересамъ широкихъ слоевъ населенія государственной экономической политики и г) расширенія крестьянскаго землевладѣнія до нормы, которая позволила бы крестьянскому хозяйству стать на ноги, которая дала бы возможность крестьянину изъ полупролетарія, каковымъ онъ является теперь, превратиться въ самостоятельнаго хозяина. И всѣ эти требованія представляютъ собою не заоблачныя мечтанія, не синицу за моремъ, а, казалось бы, того воробья, котораго ничто въ существѣ дѣла не мѣшаетъ завтра же имѣть въ рукахъ. Препятствіе къ выполненію этихъ требованій лежитъ не въ нихъ самихъ, не въ трудности ихъ осуществленія, а внѣ ихъ. Всѣ упорные разговоры объ интенсификаціи, сопровождаемые гоненіями на образованіе и защитой бюрократическаго самовластія, или не искренни, или исходятъ изъ неспособности понимать и видѣть то, что совершенно очевидно. Если германскій хозяинъ можетъ удовлетворять свои потребности, хозяйничая на 2 десятинахъ, то почему бы и нашему не дѣлать того же? Но германскій крестьянинъ дошелъ до этого, идя по пути общаго прогрессивнаго движенія своей родины, пользуясь всѣми указанными нами условіями; откройте эту дорогу для русскаго крестьянина, современемъ и онъ будетъ довольствоваться при благопріятныхъ условіяхъ 2 десятинами. Интенсификація не есть реформа или переворотъ, а постепенный процессъ. Само собою разумѣется, что одно расширеніе крестьянскаго землевладѣнія не способно разрѣшить нашихъ экономическихъ, даже узко аграрныхъ затрудненій, что ростъ населенія скоро снова поставитъ вопросъ о малоземельи. Это, однако, не устраняетъ неизбѣжности для настоящаго момента этой мѣры, и она вовсе не устраняется интенсификаціей крестьянскаго хозяйства. Только осуществленіе всѣхъ указанныхъ условій создастъ то прогрессивное теченіе въ сельскомъ хозяйствѣ, которое устранитъ опасность малоземелья въ будущемъ, подыметъ производительность страны въ уровень и даже выше роста

населенія и отодвинетъ въ область невозвратнаго прошлаго тотъ мракъ, гнетъ и нужду, которые сковываютъ въ настоящее время силы русскаго крестьянства.

Я вспоминаю, съ какою грустью и обидой за свою родину я читалъ лѣтъ 8 тому назадъ въ «Русск. Вѣд.» письмо А. И. Чупрова изъ Италіи, въ которомъ онъ разсказываетъ, какъ въ теченіе двадцати лѣтъ политическая свобода, широкое распространеніе знаній и быстро развившаяся на этой почвѣ самодѣятельность населенія превратили пармскую провинцію въ цвѣтущую страну, съ высокимъ развитіемъ земледѣлія, потребовавшаго притока рабочихъ силъ изъ другихъ мѣстностей, тогда какъ раньше большая часть мѣстнаго населенія, полуголоднаго, обнищавшаго и страдавшаго отъ изнурительныхъ лихорадокъ, жила отхожими заработками. Свободный и сознательный трудъ въ два десятилѣтія сдѣлалъ страну неузнаваемой.

А у насъ... нищета, голодовки, эпидеміи, выколачиваніе «послѣдней копѣйки», разгромы помѣщичьихъ усадебъ, карательные отряды, тюрьмы и надъ всѣмъ этимъ безправное невѣжество и невѣжественный произволъ.

Я. Имшенецкій.

Безъ работы *).

I.

Послѣ того, какъ былъ проѣденъ послѣдній фартингъ тѣхъ двухъ шиллинговъ, которые получила за шаль отъ закладчика Флоренсъ Грэй, она три дня пролежала въ постели. Наконецъ, сильно ослабѣвшая, она поднялась, обулась и, несмотря на то, что въ головѣ пылало все, а ноги дрожали,—вышла на улицу. Туда ее потянулъ стадный инстинктъ, присущій человѣку. Опредѣленныхъ цѣлей у Флоренсъ Грей не было. Хотѣлось только быть тамъ, гдѣ есть люди.

Больше двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ молодая дѣвушка Флоренсъ Грэй, служившая прежде въ деревенскомъ трактирѣ *Голова Турка*, явилась въ Лондонъ, поселилась въ Жемчужной

*) Для большей наглядности я придалъ собраннымъ матеріаламъ о безработныхъ нѣсколько иную форму, чѣмъ носятъ обыкновенно мои письма изъ Англіи. Статистическія данныя о безработныхъ и мѣры, выработанныя парламентомъ для борьбы съ безработицей, были, впрочемъ, приведены въ одномъ изъ прошлыхъ писемъ.

Аллеѣ и стала нашивать пуговицы для фирмы «Блэкъ, Пэмбертонъ и К°». Съ тѣхъ поръ Флоренсъ Грей прожила несмѣнно въ одной и той же комнатѣ, и здѣсь, за тою же работой, превратилась незамѣтно въ старуху. Философъ древности сказалъ: «Скоро наступитъ время, когда ты забудешь; но еще скорѣе случится, что тебя забудутъ всѣ». Вторая часть афоризма сбылась очень скоро. Флоренсъ Грэй не только забыли всѣ въ трактирѣ, но не замѣтили даже, какъ она ушла изъ деревни. Такъ не замѣчаютъ приблудшую кошку, которая посидѣла у порога и убѣжала, вспугнутая собакой. За то первая часть афоризма оказалась невѣрной. Флоренсъ Грэй не забывала прошлаго. И, чѣмъ больше уходило лѣтъ, чѣмъ больше сотенъ тысячъ пуговицъ нашивала она на синіе кусочки картона; чѣмъ больше сѣдыхъ волосъ появлялось въ головѣ,—тѣмъ чаще возвращалась Флоренсъ Грэй къ прошлому, точнѣе, къ одному моменту. Она вспоминала жаркій лѣтній день, тихую рѣку и нависшія ветлы. Надъ водой вьются зеленыя стрекозы. Въ воздухѣ сильно пахнетъ бѣлыми цвѣтами, растущими у самой воды. На травѣ сидитъ Флоренсъ, а рядомъ съ ней—краснощекій Дикъ Путнеръ. Черезъ день ему нужно быть въ Кардифѣ, на кораблѣ *Жаворонокъ*, который уходитъ куда-то далеко на югъ, къ испанскому материку, какъ называютъ до сихъ поръ англичане Южную Америку. Дикъ Путнеръ—матросъ. Онъ такой веселый, здоровый, добродушный. Щеки у него буры, носъ и скулы лоснятся. Дикъ Путнеръ, громко чмокая, цѣлуетъ Флоренсъ и поетъ ей старыя пѣсни матросовъ: про Испанскую армаду, про пирата сэра Говера, снявшаго буй съ колоколомъ, которымъ была обозначена подводная скала, про ограбленіе буканирами Номбре-де-Діосъ и пр. И изъ всѣхъ пѣсенъ Флоренсъ Грэй запомнила одну, не морскую, а про удалого разносчика, выкликающаго: «Перчатки, пахнущія дамаскими розами, маски для лицъ и для носовъ, браслеты, янтарныя ожерелья». Пѣснѣ этой столько же лѣтъ, сколько и балладѣ про разгромъ Испанской армады или про пирата сэра Говера. Каждый куплетъ кончается припѣвомъ:

„Come buy of me, come; come buy, come buy;
Buy, lads, or else your lasses cry:
Come buy".

(Покупайте, покупайте у меня, парни, иначе ваши дѣвушки будутъ плакать; покупайте). Дикъ Путнеръ говорилъ тогда, что отправляется въ *послѣднее* плаванье, послѣ котораго вернется и женится на Флоренсъ. Плаванье, дѣйствительно, было послѣднее; но Дикъ Путнеръ не женился на Флоренсъ Грэй, потому что не возвращался больше. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ стали говорить, что *Жаворонокъ* со всѣми «руками» на немъ погибъ, захваченный штормомъ гдѣ-то въ Карибскомъ морѣ. Флоренсъ Грэй къ тому времени нужно было оставить деревню. Она ушла въ Лондонъ. Здѣсь родился ребенокъ, прожившій только недѣлю. И когда Флоренсъ оправилась, она достала работу

и поселилась въ Жемчужной Аллеѣ. Флоренсъ забыла морскія баллады, которыя пѣлъ ей Дикъ, забыла напѣвъ ихъ; но запомнила она пѣсню про удалого разносчика. Собственно, въ памяти остались отдѣльныя слова и весь припѣвъ. Что касается напѣва, то онъ звучалъ въ памяти, хотя Флоренсъ никогда не пробовала повторить его.

Никто не могъ бы сказать, почему тотъ тупой переулокъ, въ которомъ поселилась Флоренсъ Грэй, назывался Аллеей, да еще Жемчужной. Вмѣсто деревьевъ, въ Аллеѣ были только два ряда черныхъ, двухъ-этажныхъ домиковъ, двери которыхъ находились наравнѣ съ тротуаромъ. Аллея была такъ узка, что сосѣдки, перругивавшіяся изъ противоположныхъ оконъ, почти могли вцѣпиться другъ другу въ волосы. Нѣкоторые домики, въ которыхъ жили накрашенныя женщины, выходившія только ночью, были особенно шумны. Тамъ постоянно ругались или били кого-нибудь. Но въ Жемчужной Аллеѣ жили также мирные, тихіе люди, работавшіе съ утра до поздней ночи. Тутъ ютились жертвы «выжимальщиковъ пота». Въ домикѣ № 14, напримѣръ, жила горбунья, которую постоянно можно было видѣть у громадныхъ пяльцевъ. Она обшивала золотой ниткой украшенія на воротникахъ военныхъ мундировъ. Горбунья была такъ искалѣчена, что безъ посторонней помощи не могла взобраться на высокій стулъ у пяльцевъ. Въ верхнемъ этажѣ того же домика № 14 жила женщина съ тремя дѣтьми. Они клеили коробки для фирмы, выпустившей какіе-то новые конфекты, для которыхъ придумала новое слово «маиспопъ». За двѣнадцать дюжинъ такихъ коробокъ женщина получала $2^1/_4$ пенса, при чемъ должна была покупать свой клейстеръ. Рядомъ, въ другомъ домикѣ въ нижнемъ этажѣ жили иностранцы, доканчивавшіе панталоны для большой и богатой фирмы. Каждую субботу оборванныя, растрепанныя дѣвочки, нагруженныя черными фрачными панталонами, сѣрыми, кашемировыми и короткими твидовыми брюками отправлялись въ центръ города сдавать работу. Надъ иностранцами помѣщался высокій, высохшій, какъ скелетъ, жилецъ, всегда тщательно выбритый, съ длинными полусѣдыми кудрями до плечъ. То былъ актеръ, когда-то пользовавшійся большою популярностью въ мюзикъ-холлахъ. Актеръ страдалъ тихимъ помѣшательствомъ. Какіе-то старые друзья присылали ему правильно десять шиллинговъ въ недѣлю. Каждый день актеръ, тщательно выбрившись, накинувъ свое единственное длинное и широкое выцвѣтшее пальто, отправлялся пѣшкомъ въ центръ города, гдѣ находятся главные театры. Здѣсь онъ помѣщался у дверей того мюзикъ-холла, въ которомъ имѣлъ когда-то успѣхъ, и стоялъ неподвижно до тѣхъ поръ, покуда публика начинала расходиться. Тогда онъ тоже отправлялся домой. Актеръ былъ совершенно одинокъ, никого онъ не зналъ и жилъ только своимъ собственнымъ внутреннимъ міромъ. Домикъ № 20 сравнительно съ другими былъ чистый. Здѣсь жилъ аристократъ

Жемчужной Аллеи—работникъ Джо Торнъ, служившій уже лѣтъ двадцать пять въ сосѣдней громадной каретной мастерской, гдѣ онъ отдѣлывалъ ручки. Никто въ Жемчужной Аллеѣ, кромѣ Джо Торна, не зарабатывалъ сорокъ шиллинговъ въ недѣлю. Никто, кромѣ миссисъ Торнъ, не покупалъ по субботамъ на воскресенье большую ногу баранины. Ни у кого, кромѣ Торна, не было книжки въ сберегательной кассѣ, никто, наконецъ, въ Жемчужной Аллеѣ, кромѣ Джо, не ощущалъ необходимости растегнуть пуговицы на жилетѣ послѣ обѣда и дать просторъ желудку. Джо Торнъ привыкъ къ почету. Онъ не переселялся изъ Жемчужной Аллеи, главнымъ образомъ, потому, что здѣсь игралъ первую роль. Когда дѣти Джо Торна подросли и устроились самостоятельно, въ домѣ освободилась комната, которую сдавали за три шиллинга въ недѣлю калѣкѣ Фьюстнеру. Онъ работалъ раньше не въ Лондонѣ, а въ Генлей, на гончарномъ заводѣ; здѣсь у Фьюстнера появилась сперва слабость и дряблость мускуловъ, потомъ начались жестокія колики въ самомъ центрѣ живота. Цѣлыми днями донимала невральгія. Стали дрожать руки и ноги. Наконецъ, разъ на фабрикѣ Фьюстеръ свалился въ жестокихъ конвульсіяхъ. Врачъ осмотрѣлъ синія полоски на деснахъ у корня зубовъ и констатировалъ свинцовое отравленіе. Больного отправили въ больницу. Какъ только онъ немного оправился, то опять пошелъ на работу. Невральгія и дрожаніе конечностей опять возвратились еще въ болѣе жестокой формѣ. Снова повторились колики. Явилась подагра. Каждый мѣсяцъ отравленный болѣлъ нѣсколько дней. Заводъ пришлось покинуть. По закону объ отвѣтственности предпринимателей за жизнь и здоровье работниковъ, заводъ выдалъ больному вознагражденіе въ 112 ф. ст. Съ этими деньгами Фьюстнеръ явился въ Лондонъ. Онъ нашелъ несложную работу у зеленщика. Болѣзнь являлась періодически. Въ это время работу приходилось оставлять. Сперва Фьюстнеръ сидѣлъ въ это время дома; но такъ какъ въ нетопленной комнатѣ зимой холодно, то онъ отправлялся грѣться въ ближайшую безплатную библіотеку. Здѣсь онъ сталъ читать и думать. Скоро Фьюстнеръ пристрастился къ чтенію и живо заинтересовался экономическими вопросами. Память на факты и цифры у него была изумительная. Лѣтомъ, когда окна были открыты, все населеніе Жемчужной Аллеи часто слышало, какъ Фьюстнеръ споритъ съ Джо Торномъ, у котораго снималъ комнату. Джо, горячій поклонникъ *Maily Mail*, которую читалъ изо дня въ день, оттуда черпалъ свои политическіе и экономическіе взгляды. «Мы, англійскіе работники,—солидно говорилъ Джо,—не вѣримъ пустымъ бреднямъ. Вашъ соціализмъ намъ не надобенъ. Всѣ необходимыя реформы можно осуществить и при нынѣшнемъ порядкѣ». Джо былъ очень доволенъ этой фразой и засосалъ трубку, ожидая, что скажетъ оппонентъ. Фьюстнеръ заволновался и, по обыкновенію, засыпалъ противника цифрами.

— Вѣдомо ли вамъ, что годичный доходъ всего населенія Соединеннаго Королевства достигаетъ 1.750 мил. ф. ст.? Вѣдомо ли вамъ, что 600 мил. ф. ст. изъ всей этой суммы берутъ себѣ 250.000 человѣкъ? Знаете ли вы, что пять милліоновъ населенія имѣютъ доходъ въ 850 мил. ф. ст.? Что же, по вашему мнѣнію, они *зарабатываютъ* эти деньги? Знаете ли вы, что 39 милліоновъ людей получаютъ въ Англіи столько же, сколько 5 милліоновъ богачей и состоятельныхъ людей? Скажете ли вы, что это справедливое распредѣленіе? Ежегодно умираютъ 700 тысячъ человѣкъ, изъ нихъ 600.000 не оставляютъ никакого наслѣдства. Въ прошломъ году сумма оставленныхъ наслѣдствъ достигла 299 мил. ф. ст. И знаете еще что? Двадцать одна тысяча скончавшихся оставили наслѣдство въ 280 мил. ф. ст. Четыре тысячи человѣкъ оставили наслѣдство въ 218 мил. ф. ст. Какъ вы думаете, эти люди *заработали* всѣ эти деньги? Землевладѣльцы и капиталисты получаютъ въ годъ въ видѣ ренты и процентовъ 650 мил. ф. ст. Чтобы получить эти деньги, капиталистамъ не приходится ударить даже палецъ о палецъ.

— Mate (обращеніе англійскихъ работниковъ другъ къ другу), почтительно замѣчаетъ Джо,—вашъ «кокосовый орѣхъ» (тутъ Джо тыкалъ пальцемъ въ лобъ собесѣдника) начиненъ цифрами, какъ гранатовое яблоко сѣмячками.

— Знаете ли вы, что въ Англіи двѣнадцать милліоновъ народа находится всегда на границѣ бѣдности?—продолжаетъ между тѣмъ Фьюстнеръ. - Знаете ли вы, что въ Лондонѣ милліонъ людей, зарабатывающихъ не больше гиней въ недѣлю? Сельскій работникъ получаетъ въ недѣлю только отъ 10 — 17 шиллинговъ. Въ городѣ многіе работники имѣютъ не больше сорока восьми фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Вы хорошо знаете, что семья изъ пяти человѣкъ не можетъ жить прилично меньше, чѣмъ на 21 шил. 8 пенсовъ въ недѣлю. И это тогда, если большакъ не пьетъ пива, не куритъ, не читаетъ газетъ и не устраиваетъ себѣ отдыха разъ въ годъ. Въ Лондонѣ каждый изъ трехъ умираетъ въ рабочемъ домѣ въ госпиталѣ или пріютѣ. Милліонъ дѣтей идутъ въ народную школу безъ завтрака. Люди женятся, чтобы имѣть семью, свой очагъ. Между тѣмъ милліонъ замужнихъ женщинъ отправляются ежедневно на работу на фабрики и въ мастерскія. Въ любое время въ Англіи не меньше пятисотъ тысячъ безработныхъ. Неужели намъ не надобенъ соціализмъ? Соціализмъ дастъ намъ здоровую и справедливую общественную систему. Когда производство будетъ организовано по новому и хорошему, всѣ получатъ возможность жить прилично. Соціализмъ организуетъ производство и замѣнитъ дьявольскую систему соперничества коопераціей. Вотъ уже болѣе ста лѣтъ, какъ выяснено ужасное положеніе массъ. Реформы не дали почти никакихъ результатовъ. Необходимо кореннымъ образомъ измѣнить все. Только соціализмъ можетъ сдѣлать это.

Джо къ этому времени оправился уже отъ потрясенія, произведеннаго градомъ цифръ. Онъ пріобрѣлъ прежній апломбъ, приличествующій первому лицу въ Жемчужной Аллеѣ, человѣку, который испытываетъ необходимость растегивать послѣ обѣда жилетъ.

— Mate, не говорите глупостей! —спокойно замѣтилъ онъ. Потомъ, вспомнивъ аргументъ изъ „Daily Mail", прибавилъ:—Вашъ соціализмъ установитъ только рай для бездѣльниковъ.

— Рай для бездѣльниковъ нечего устанавливать,—возразилъ калѣка:—онъ существуетъ теперь. Соціализмъ превратитъ землю въ рай для желающихъ работать.

— Хорошъ рай, въ которомъ армія чиновниковъ будетъ гнать палками народъ на работы! - иронически замѣтилъ Джо, вспомнивъ еще разъ вычитанное изъ „Daily Mail".

— Если при соціализмѣ, дѣйствительно, всѣхъ станутъ гнать палками на работу,—отпарировалъ Фьюстнеръ,—то какъ же это будетъ рай для бездѣльниковъ?

Джо раскрылъ даже ротъ отъ изумленія.

— Mate, вы остры, какъ бритва!—прохрипѣлъ онъ, наконецъ:—но стойте, у меня еще аргументъ: если государство будетъ давать каждому, сколько ему нужно, то что же заставитъ людей работать? Я иду въ карстную мастерскую, потому что мнѣ нужны сорокъ шиллинговъ. Если бы мнѣ давали сорокъ шиллинговъ такъ, то я бы не вставалъ въ шесть часовъ и не отправлялся въ мастерскую, а сидѣлъ бы цѣлый день безъ сюртука у окна, курилъ бы мою трубку, пилъ пиво и читалъ бы „Daily Mail".

— Я уже говорилъ вамъ, что государство это — весь народъ. Онъ не можетъ давать каждому всего, если люди не работаютъ. Когда государственная машина, дѣйствительно, будетъ находиться въ рукахъ всего народа, бездѣльникамъ придется или работать, или околѣвать съ голода. Свободный, образованный народъ не допуститъ существованія орды бездѣльниковъ. Ихъ рай *теперь*. По послѣдней переписи въ Англіи 665.000 человѣкъ, не имѣющихъ никакого дѣла, но живущихъ на капиталъ. Затѣмъ у насъ есть люди, не имѣющіе дѣла, потому что не находятъ спроса на силу своихъ рукъ. Потомъ бездѣльниковъ мы имѣемъ въ разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ. Теперь поощряютъ ничегонедѣланіе. Богатые бездѣльники существуютъ потому, что у насъ нѣтъ чувства самоуваженія и потому, что мы не смѣемъ сбросить лѣнтяя, усѣвшагося намъ на плечи. Бѣдные бездѣльники существуютъ потому, что мы сочувствуемъ несчастнымъ. При настоящемъ порядкѣ вещей мы никогда не знаемъ, почему ходитъ человѣкъ безъ дѣла и нищенствуетъ: потому ли, что *не можетъ*, или потому, что *не хочетъ* достать работу. При соціализмѣ никто не сможетъ жаловаться, что нѣтъ работы. Ее хватитъ на всѣхъ. Никто не сможетъ сказать, что онъ не способенъ работать. Такимъ образомъ, рай бездѣльниковъ будетъ разрушенъ.

II.

Флоренсъ Грэй нашивала перламутровыя пуговицы для фирмы «Блэкъ, Пэмбертонъ и К°». За четырнадцать тысячъ пуговицъ платили $2^1/_2$ шиллинга. Такъ какъ Флоренсъ Грэй необходимо было выработать $7^1/_2$ шиллинговъ въ недѣлю, то для этого приходилось нашивать сорокъ двѣ тысячи пуговицъ. Это означало четырнадцать часовъ работы и семь рабочихъ дней въ недѣлю. За двадцать слишкомъ лѣтъ жизни въ Лондонѣ Грэй знала только дорогу отъ Жемчужной Аллеи до Шордича, гдѣ помѣщалась фирма «Блэкъ, Пэмбертонъ и К°». Сюда она ходила каждую субботу въ 4 ч., чтобы сдать работу, получить $7^1/_2$ шил. и взять новый запасъ пуговицъ. Перламутровыя пуговицы заполнили весь горизонтъ Флоренсъ Грэй и вытѣснили все. И когда послѣ четырнадцати часовой работы Флоренсъ Грэй ложилась спать, то ей снились только перламутровыя пуговицы.

Само солнце, когда оно показывалось, покрытое, какъ всегда въ Лондонѣ, туманной дымкой, представлялось Флоренсъ Грэй большой перламутровой пуговицей. Двадцать лѣтъ прошли, какъ недѣля, не оставивъ почти никакихъ воспоминаній. Изъ пребыванія въ Жемчужной Аллеѣ Флоренсъ Грэй помнила только первый вечеръ. То было еще въ 1887 г., въ душный августовскій день, когда черные кирпичи великой каменной пустыни, въ которой находится Жемчужная Аллея, накалились, какъ печь. Флоренсъ, какъ теперь, помнитъ десятки дѣтей, высыпавшихъ изъ душныхъ домиковъ и гомазившихся на мостовой среди капустныхъ листьевъ и лоскутковъ бумаги, помнитъ всѣ ихъ разговоры. Девятилѣтняя Марджори, только что возвратившаяся съ берега моря, гдѣ провела цѣлую недѣлю съ другими дѣтьми, отправленными туда благотворительнымъ обществомъ, разсказывала своей пріятельницѣ Мэйбель, которая никогда никуда не выѣзжала, про чудеса «country» (деревни).

— Молоко берутъ отъ коровы. Корова ѣстъ траву, а вечеромъ люди берутъ чистое ведро и идутъ къ коровѣ.

— Но за-то въ деревнѣ скучно, — старается обезцѣнить «country» Мэйбель, пораженная чудеснымъ способомъ добыванія молока.

— Нѣтъ, очень весело, — горячо защищала Марджори деревню.

— Тамъ людей нѣтъ.

— Кишмя кишатъ. Повернуться негдѣ.

— А карусели тамъ есть?

— Милліоны. Сто милліоновъ каруселей.

— А итальянцы, развозящіе въ повозочкахъ мороженое?

— Отъ нихъ прохода нѣтъ!

Мэйбель смущена и поражена чудесами и великолѣпіемъ деревни. Дѣвочка не находитъ даже, что сказать.

Десятки дѣтей, взявшись за руки, вертѣлись, припѣвая: «Вотъ какъ мы ходимъ вокругъ шелковичнаго дерева въ ясное и морозное утро» *). Наконецъ, имъ надоѣло вертѣться.

— Будемъ играть въ золотой юбилей, — предложила десятилѣтняя Куини, первая красавица во всей Жемчужной Аллеѣ. Слухъ про юбилей Викторіи достигъ даже до каменной пустыни. Предложеніе было немедленно принято всѣмъ обществомъ, но возникли недоразумѣнія по поводу того, кому быть королевой. Куини категарически заявила, что Викторію изображать будетъ она, такъ какъ, помимо всего, можетъ достать «карету». Скоро устроилась и процессія. Впереди выступалъ лордъ Робертсъ, держа въ рукахъ, вмѣсто маршальскаго жезла, мѣдный пестикъ отъ ступки; потомъ шествовала музыка, играя усердно на губахъ. Индійская гвардія тщательно вычернила себѣ лица углемъ. Наконецъ, шесть двуногихъ лошадей волокли «ландо», т. е. ящикъ изъ-подъ крахмала, съ королевой Викторіей. Она кланялась и ласково улыбалась подданнымъ.

— Куини!—послышалось изъ одного окна—Вы скверная дѣвчонка! Сейчасъ ступайте сюда и помогите мнѣ приготовить постели

— Мы играемъ въ золотой юбилей.

— Я вамъ такъ наюбилею сейчасъ, что до рождественскаго пуддинга помнить будете.

— Еще одинъ разъ проѣдемся!

— Если скажете еще слово, то отправлю спать безъ ужина.

Въ виду такой перспективы, королева Викторія рѣшила сложить съ себя санъ. Она выскочила изъ кареты и побѣжала домой. Процессія разрушена, но возникли другія игры. Дюжій Робби, изображавшій лорда Робертса, сталъ у стѣны и согнулся.

— Мельникъ, мельникъ, тащи мѣшки!—закричали мальчики и одинъ за другимъ стали прыгать на спину Робби. Въ эту игру дѣвочекъ, конечно, не принимали. Тогда онѣ затѣяли свою собственную игру въ лавочку. «Лавочница» усѣлась у стѣны и на доскѣ разложила товары: кусочки дерева, камни и тряпочки.

— Здравствуйте, *ma'am*,—начала одна покупательница.—Какой хорошій день, не правда-ли? Какъ поживаетъ ваше бэби, *ma'am*?—Лавочница съ достоинствомъ отвѣчаетъ, что бэби чувствуетъ себя хорошо, но только мучается зубами.

— Чѣмъ могу служить?—дѣловито спрашиваетъ она.

— Дайте мнѣ,—говоритъ покупательница, подтягивая спадающій чулокъ,—двадцать пять самыхъ лучшихъ пирожковъ съ ва-

---

*) Дѣтская англійская игра.

реньемъ и двѣ тысячи фунтовъ лучшаго мороженаго различныхъ цвѣтовъ.

Громадный заказъ нисколько не смущаетъ лавочницу. Она спокойно заворачиваетъ двѣ деревяшки и получаетъ въ обмѣнъ камушекъ.

— Благодарю,—говоритъ она, слегка наклоняя голову.—Чѣмъ могу еще служить сегодня? У насъ очень хорошее имбирное пиво (родъ шипучаго кваса, очень любимаго англійскими дѣтьми). Есть у насъ еще отличный шербетъ, который шипитъ, какъ не знаю что.

Покупательница задумывается, взвѣшивая въ головѣ предложеніе, и, наконецъ, спрашиваетъ «тридцать девять бушелей шербета».

— Мы вамъ пришлемъ на домъ покупку, *ma'am*, не безпокойтесь. Какъ ваши дѣти?—Покупательница отвѣчаетъ, что хорошо, но она не знаетъ, что дѣлать съ средней дѣвочкой. Просто бѣда съ нею.

Мало-по-малу изъ оконъ стали звать дѣтей, и Жемчужная Аллея опустѣла. Только первый вечеръ пребыванія въ Жемчужной Аллеѣ помнила ясно Флоренсъ Грэй. Больше двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Марджори была потомъ замужемъ за Робби, который умеръ два года тому назадъ. Теперь она опять живетъ въ Жемчужной Аллеѣ съ тремя дѣтьми и клеитъ коробки. Берти Пальмеръ, который изображалъ вождя индійской гвардіи, пошелъ потомъ въ солдаты и пропалъ безъ вѣсти гдѣ-то въ Южной Африкѣ. Никто не знаетъ, гдѣ лежатъ его кости. Здоровякъ Билли Нолисъ—въ тюрьмѣ. Маленькій Френки Снэльгровъ вышелъ въ большіе люди. Теперь, говорятъ, животъ у него вдвое больше, чѣмъ у Джо, и на животѣ—двѣ золотыя цѣпочки. Красавица Куини въ семнадцать лѣтъ исчезла изъ Жемчужной Аллеи. Говорили потомъ, что она бродитъ ночью, накрашенная, по тротуару. Черезъ нѣсколько лѣтъ кто-то сказалъ, что Куини вытащили изъ Темзы. Бывали и въ Жемчужной Аллеѣ большія событія, какъ, напримѣръ, тогда, когда въ домѣ № 21 задавили накрашенную женщину. Кто это сдѣлалъ, такъ и осталось невыясненнымъ. Два дня въ Аллеѣ толпились полисмэны, сыщики, газетные репортеры, фотографы, а потомъ все опять успокоилось. Потомъ туфельщица Глэдисъ Ридъ пыталась во время мертваго сезона утопиться въ мутномъ и вонючемъ обводномъ каналѣ. Ее вытащили, привели въ чувство и привлекли къ суду; но у магистрата Глэдисъ безстрашно разсказала, какъ трудно ей жить съ четырьмя дѣтьми. Лучше смерть, чѣмъ видѣть, какъ они голодаютъ. Случай произвелъ тогда большое впечатлѣніе. Газеты въ тотъ день писали, что Лондонъ не знаетъ про то, какъ живутъ тысячи людей. Глэдисъ отпустили безъ наказанія. Въ Жемчужной Аллеѣ появились послѣ того дамы-благотворительницы, которыя навезли теплое платье, чай, сахаръ и обувь дѣтямъ.

А Флоренсъ Грей все нашивала пуговицы. Прошло болѣе двадцати лѣтъ. За это время открыли Центральную Африку, изобрѣли удивительныя машины, овладѣли воздухомъ, нашли радій и аргонъ, создали теоріи, перевернувшія старые незыбленные взгляды, начался и кончился цѣлый рядъ войнъ. Люди говорили, что міръ стремительно мѣняется, а въ Жемчужной Аллеѣ Флоренсъ Грэй все нашивала перламутровыя пуговицы. Каждую субботу въ четыре часа дня она отправлялась въ Шордичъ, чтобы сдать фирмѣ «Блэкъ, Пэмбертонъ и К°» работу и получить новый запасъ пуговицъ. Фирма была большая, и Флоренсъ не знала мертвыхъ сезоновъ.

III.

И вотъ времена измѣнились. Проявленіе холеры даже въ слабой формѣ, даже тогда, когда она ограничивается двумя-тремя жертвами, ставитъ на ноги всю страну. Принимаются чрезвычайныя предосторожности; щедро льются деньги; всякая жертва окружается необыкновенными заботами. Между тѣмъ есть постоянная болѣзнь, присущая всѣмъ культурнымъ государствамъ, захватывающая иногда неизмѣримо больше жертвъ, чѣмъ холера, — и замѣчаемая только тогда, когда жертвы отказываются страдать молча. Страданіе это —безработица. Болѣзнь эта—эндемическая, но иногда принимаетъ характеръ эпидеміи и передается изъ одной страны въ другую. Такой именно характеръ носитъ безработица, надвинувшаяся на Англію осенью 1908 г. Писатели и общественные дѣятели спорили между собою при опредѣленіи причинъ «экономической эпидеміи». Одни говорили, что болѣзнь зародилась въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ послѣдствіе денежнаго кризиса. Въ настоящее время экономическая жизнь всѣхъ странъ такъ тѣсно связана, что кризисъ въ одномъ углу земли немедленно отражается всюду. Что общаго, напримѣръ, имѣетъ Перу съ Болгаріей и Турціей? А между тѣмъ, когда Болгарія провозгласила свою независимость, на лондонской фондовой биржѣ одновременно упали не только болгарскія, турецкія, русскія, сербскія и австрійскія бумаги, но также и перувіанскія. Кризисъ въ Соединенныхъ Штатахъ, доказывали экономисты, не могъ не повести за собою кризиса въ Англіи. Другіе экономисты столь же убѣдительно доказывали, что всему виною система свободной торговли. Нѣмцы и американцы, — говорили экономисты, — навезли въ Англію свои фабрикаты, пустили ихъ по крайне низкой цѣнѣ и, такимъ образомъ, довели англійскихъ заводчиковъ, если не до банкротства, то до необходимости искать за границей для своихъ капиталовъ поле дѣятельности. Одна фабрика за другой вынуждена теперь прекратить работу. Послѣдствіемъ, конечно, является безработица. Чтобы уничтожить ее, необходимо, поэтому, прежде всего, возвратиться

къ охранительнымъ, если не къ покровительственнымъ, тарифамъ. Высокія пошлины на ввозные товары дадутъ возможность окрѣпнуть англійскимъ заводамъ и фабрикамъ. Возникнутъ новыя отрасли промышленности, захваченныя теперь иностранцами (При этомъ обыкновенно указывалось на изготовленіе автомобилей). При возникновеніи новыхъ фабрикъ явится усиленный спросъ на рабочія руки, что, въ свою очередь, поведетъ къ повышенію заработной платы и къ сокращенію рабочаго дня. Такимъ образомъ, протекціонизмъ означаетъ работу для всѣхъ. А такъ какъ таможенныя пошлины дадутъ значительный доходъ казнѣ, то государство сможетъ уменьшить подоходный налогъ. Другими словами, протекціонизмъ означаетъ еще уменьшеніе налоговъ.

— Если все то, что выговорите о протекціонизмѣ, вѣрно,—возражали экономисты-фритрэдеры,—то чѣмъ же объяснить существованіе безработныхъ въ странахъ, оцѣпленныхъ таможеннымъ кордономъ? Нѣтъ другой страны, гдѣ таможенныя пошлины были бы такъ высоки, какъ въ Россіи. Заводчики и фабриканты являются тамъ любимыми и въ достаточной степени наглыми дѣтищами правительства. Между тѣмъ, ни въ одной странѣ нѣтъ столько безработныхъ, какъ въ Россіи. Нѣтъ также другой страны въ Европѣ, гдѣ населеніе было бы такъ бѣдно. Предположимъ, въ значительной степени это объясняется тѣмъ, что англичане называютъ misgovernment.

Возьмемъ, въ такомъ случаѣ, другія протекціонныя страны: республиканскіе Соединенные Штаты и высоко культурную Германію. По оффиціальнымъ отчетамъ «New York Department of Labor» безработныхъ въ городахъ Сѣверо-Американской республики было въ 1902 г.—14,8%, въ 1903 г.—17,5%, въ 1904 г.—16,9%, а въ 1905 г.—11,2%. Теперь же безработныхъ въ большихъ городахъ 34%. «Богатства Соединенныхъ Штатовъ такъ безграничны,—читаемъ мы въ «The Encyclopedia of Social Reform»,—источники доходовъ такъ обильны; благоденствіе нѣкоторыхъ классовъ такъ очевидно, а заработная плата такъ высока, что не вѣрится въ возможность существованія людей, хронически не могущихъ достать работу. А между тѣмъ такова дѣйствительность». Въ Берлинѣ около 12% безработныхъ. Въ Англіи въ нормальное время безработныхъ только 2,8%. Такимъ образомъ, при системѣ свободной торговли Англія имѣетъ значительно меньше безработныхъ, чѣмъ защищенные таможенными тарифами Соединенные Штаты и Германія. Нигдѣ въ Европѣ массы не живутъ такъ сытно, просторно, уютно и тепло, какъ въ Англіи. Правда, теперь число безработныхъ значительно увеличилось и достигло до безпримѣрной въ Англіи цифры—9%; но въ Берлинѣ теперь 16% безработныхъ, а въ Нью-Іоркѣ—34%. Увеличеніе числа безработныхъ въ Англіи обусловливается не свободной торговлей, а общимъ кризисомъ. Такимъ образомъ, утвержденіе, что протекціо-

низмъ принесетъ съ собою работу для всѣхъ—не выдерживаетъ критики. Въ такой же степени не основательно второе утвержденіе («протекціонизмъ принесетъ съ собою уменьшеніе налоговъ»). Въ самомъ дѣлѣ. Высокія пошлины или остановятъ ввозъ иностранныхъ фабрикатовъ, или не остановятъ. Если остановятъ, значитъ, казна не будетъ получать доходовъ отъ пошлинъ, а потому не сможетъ насчетъ ихъ уменьшить подоходный налогъ. Если не остановятъ, то, значитъ, иностранные фабрикаты по прежнему будутъ конкурировать на внутреннемъ рынкѣ съ мѣстными товарами.

Разсужденія фритрэдеровъ были совершенно правильны. Безработныхъ въ Англіи дѣйствительно только 9%, тогда какъ въ Берлинѣ 14, а въ Нью-Іоркѣ—34%; но тѣмъ, которые попали въ эти 9%, трудно было утѣшиться подобными доводами.

— Причина безработицы лежитъ не въ свободной торговлѣ и не въ протекціонизмѣ, а въ другомъ,—объясняли иные экономисты.

Промышленные кризисы обусловливаются простыми естественными причинами, какъ, напримѣръ, хорошей или дурной погодой. Всѣ богатства приходятъ отъ земли или отъ моря. Большій или меньшій притокъ ихъ зависитъ отъ естественныхъ причинъ и лежитъ совершенно внѣ контроля человѣка. Поразительнымъ классическимъ примѣромъ является развитіе и паденіе ганзейскихъ городовъ въ зависимости отъ нереста сельдей. Подобные примѣры случаются ежегодно. Предположимъ, что страну по ту сторону рѣки Трэнтъ постигъ большой неурожай. Фермеры понесли большія потери. У нихъ теперь меньше, что продавать, а потому покупательная способность уменьшилась. Вслѣдствіе этого, всѣ тѣ, которые обслуживаютъ въ обычное время фермеровъ: заводчики сельскохозяйственныхъ машинъ, поставщики сѣмянъ, суконщики, бакалейщики и т. п.,—получаютъ теперь меньше заказовъ. Теперь посмотримъ на то же явленіе, но только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ.

Изъ года въ годъ Англія получала изъ Соединенныхъ Штатовъ три четверти всей потребляемой ею пшеницы. Но вотъ въ Соединенныхъ Штатахъ большой неурожай. Республика не имѣетъ больше хлѣба, который могла бы вывезти. Англія должна обратиться къ Аргентинѣ и Индіи. Но Соединенные Штаты, не имѣя хлѣба для экспорта, сократили также покупку англійскихъ товаровъ. И вотъ произошло полное нарушеніе равновѣсія на международныхъ рынкахъ, послѣдствіемъ котораго явилась безработица.

— Ни протекціонизмъ, ни свободная торговля, ни нарушеніе равновѣсія на международныхъ рынкахъ вслѣдствіе стихійныхъ причинъ не играютъ главной роли, опредѣляющей причину безработицы,—говорятъ еще экономисты. Всѣ эти обстоятельства имѣютъ только второстепенное значеніе. Главной причиной безработицы

является пристрастіе англійскихъ массъ къ крѣпкимъ напиткамъ. Знаете, сколько каждый работникъ въ среднемъ несетъ въ недѣлю въ кабакъ? пять шиллинговъ. Рабочія массы въ Англіи пропиваютъ въ годъ сто милліоновъ ф. ст.

За шиллингъ въ недѣлю каждый, принадлежащій къ большому профессіональному союзу, можетъ, въ извѣстной степени, застраховаться отъ безработицы. Въ случаѣ болѣзни или потери работы застрахованный будетъ получать отъ своего трэдъ-юніона въ теченіе одного года по десяти шиллинговъ въ недѣлю. На верфяхъ на Клайдѣ теперь безработица. Сколько страданій можно было бы предупредить, если бы всѣ рабочіе тамъ носили свои шиллинги не въ кабакъ, а въ трэдъ-юніонъ! И теперь, несмотря на безработицу, на Клайдѣ въ одинъ мѣсяцъ пропито 4 мил. ф. ст.

Были, наконецъ, такіе экономисты, которые доказывали, что безработица неизбѣжное послѣдствіе капиталистической формы производства. Будетъ ли расцвѣтъ промышленности или кризисъ; будетъ ли страна окружена таможеннымъ кордономъ или нѣтъ,— безработица въ странѣ съ капиталистической формой производства неизбѣжна.

Какъ бы тамъ ни было, промышленный кризисъ надвинулся, и число безработныхъ стало быстро возрастать. На верфяхъ остановилась постройка новыхъ кораблей; въ томъ промышленномъ мірѣ, центромъ котораго является Бирмингэмъ, стали закрываться заводы. Въ Ланкаширѣ фабрики работали только черезъ день. Такъ какъ у фабрикантовъ накопился громадный запасъ товаровъ, то предприниматели понизили заработную плату на 5%. Рабочіе отвѣтили стачкой, тѣмъ именно, чего добивались фабриканты. Фабрики остановились, что дало предпринимателямъ возможность очистить склады. Остановившіеся станки прибавили къ кадрамъ безработныхъ тысячи людей, косвенно живущихъ «отъ хлопка». Изъ маленькихъ городковъ и деревень безработное населеніе устремилось въ большіе города, еще больше ухудшая тамъ такимъ образомъ положеніе ищущихъ работы. Англичанинъ по натурѣ своей не склоненъ терпѣть молча. И по мѣрѣ роста кадровъ безработныхъ увеличивалось раздраженіе, на что было указано въ парламентѣ, когда обсуждалось тамъ положеніе вещей. «Я долженъ сказать палатѣ, что если безработныхъ ставятъ внѣ закона, то нельзя ожидать отъ нихъ также уваженія къ закону,—заявилъ одинъ изъ каммонеровъ.—Я не ограничусь произнесеніемъ рѣчей въ спокойной обстановкѣ, гарантируемой мнѣ парламентомъ, но пойду къ страдающему отъ голода народу и возьму на себя отвѣтственность за тѣ совѣты, которые дамъ ему. Страна должна быть выведена изъ бездѣйствія. Правительство, я надѣюсь, пойметъ всю серьезность положенія дѣлъ и внесетъ какую-нибудь рѣшительную реформу. Необходимо немедленно принять мѣры къ тому, чтобы люди не голодали на улицахъ богатѣйшаго въ мірѣ

города». Правительство обѣщало внести радикальную реформу зимой, а покуда предложило парламенту «болеутоляющую» мѣру, какъ выразился премьеръ. Она заключалась въ ссудахъ муниципалитетамъ $1^1/_2$ мил. ф. ст. для немедленнаго осуществленія намѣченныхъ работъ. Кромѣ этого, предложено вызвать двадцать четыре тысячи резервистовъ для ученія зимой. Проектировано отпустить 300,000 ф. ст. существующимъ уже комитетамъ для пріисканія работы нуждающимся въ ней. Всѣ эти мѣры признаны были недостаточными людьми, стоявшими близко къ безработнымъ. «Въ настоящій моментъ намъ нужны не деньги,—сказалъ коммонеръ, критикуя въ парламентѣ предложеніе премьера.—Намъ нужна организованная система, которая поставила бы безработныхъ на работу. Если бы правительство отпустило не $1^1/_2$ мил. ф. ст., а десять мил. ф. ст., то положеніе дѣлъ нисколько не улучшилось бы. Здѣсь говорятъ объ ассигнуемыхъ деньгахъ. Намъ нужна *работа*. Правительство отпускаетъ 300,000 ф. ст. спеціальнымъ комитетамъ. «Хорошо,—говорятъ безработные,—но гдѣ мы заработаемъ эти деньги?—Не знаю!—отвѣчаетъ правительство». Отъ имени правительства отвѣчалъ этимъ коммонерамъ Джонъ Бернсъ, когда-то безработный, а теперь—министръ. «Къ правительству предъявляются требованія, чтобы оно сразу уничтожило безработицу и нищету,—сказалъ Бернсъ.—Внушающіе рабочимъ классамъ, что правительство можетъ это сдѣлать, находятся въ глубокомъ заблужденіи. Причины безработицы многочисленны. Мы имѣемъ тутъ факторы соціальные, экономическіе, политическіе и, такъ сказать, индивидуальные. Всѣ эти факторы дѣйствовали на протяженіи многихъ вѣковъ. Одною мѣрою невозможно уничтожить всѣ накопившіеся результаты». По утвержденію Джона Бернса, острота кризиса значительно преувеличена. Въ палатѣ было сказано, что теперь въ Англіи до двухъ милліоновъ безработныхъ. Это утвержденіе не согласно съ фактами. Въ Лондонѣ, напримѣръ, въ 1907 г. на 1000 населенія 24,1 получали общественную помощь. Въ 1908 г. процентъ нуждающихся только слегка поднялся, а именно 24,7 на тысячу. На тысячу населенія въ Англіи и Уэльсѣ было въ 1907 г.—21,5 нуждающихся, а теперь—21,9. Въ Лондонѣ 31 комитетъ призрѣнія неимущихъ (Board of Guardians). Изъ нихъ пятнадцать комитетовъ имѣютъ теперь на попеченіи меньше неимущихъ, чѣмъ въ прошломъ году. Только три комитета, находящіеся въ восточномъ Лондонѣ, имѣютъ теперь гораздо больше работы, чѣмъ въ прошломъ году. Въ семи приходахъ (Parishes) восточнаго Лондона 715,739 населенія, въ томъ числѣ неимущихъ, находящихся на общественномъ попеченіи, 25,826 человѣкъ. Въ трехъ приходахъ число пауперовъ уменьшилось, а въ трехъ—увеличилось на 2883. Рабочіе депутаты требуютъ, чтобы правительство отпускало не деньги, а поручило бы муниципалитетамъ устраивать какія-нибудь общественныя работы насчетъ

суммъ, собираемыхъ путемъ городскихъ налоговъ. Но именно это дѣлалось въ тѣхъ округахъ восточнаго Лондона, гдѣ теперь больше всего пауперовъ.

IV.

За стѣнами парламента, на площадяхъ, перекресткахъ и въ паркахъ произносились гораздо болѣе страстныя и зажигательныя рѣчи. Появился цѣлый рядъ ораторовъ, внезапно выдвинувшихся изъ массъ. Эти ораторы изъ года въ годъ проповѣдывали въ паркахъ, но газеты никогда не находили надобнымъ отмѣчать ихъ рѣчи. Таковъ былъ Вильямсъ, или «Джэкъ», коренастый, широкоплечій человѣкъ съ круглой, большой головой, маляръ по профессіи. Маляры періодически страдаютъ отъ безработицы, а потому имѣютъ нѣсколько профессій. «Джэкъ» состоялъ секретаремъ какого-то трэдъ-юніона. Стремительно выдвинулся Стюартъ Грэй, или «служитель евангелія», какъ онъ самъ себя называлъ. Онъ ходилъ всегда въ длинномъ, бѣломъ балахонѣ, съ большимъ отложнымъ воротникомъ. Подпоясывался Грэй всегда ораремъ, какой носятъ дьяконы. Стюартъ Грэй организовалъ особый отрядъ, который называлъ Голодными дружинниками. Одинъ изъ фланговыхъ этой дружины Маскетъ быстро сталъ извѣстенъ призывами къ насилію. Но въ особенности изъ ораторовъ, обращавшихся къ безработнымъ, получилъ извѣстность Викторъ Грэйсонъ. Онъ былъ коммонеромъ, но его удалили на всю сессію за оскорбленіе всей палаты. Рѣчи Грэйсона дышали, прежде всего, глубокой ненавистью къ Джону Бернсу, котораго ораторъ именовалъ не иначе, какъ Іудой Искаріотомъ.

— Предложеніе, сдѣланное премьеромъ, не затрогиваетъ даже вопроса о безработныхъ,—говорилъ Грейсонъ. Аскитъ и я мы знаемъ, что случится. Если зимою не найдутъ работы для безработныхъ, то Вэстъ-энду будетъ плохо. Гдѣ ни выступятъ на платформѣ министры кабинета,—они прежде всего услышатъ про безработныхъ. Въ нашихъ рукахъ теперь ключъ позиціи. Мы скоро будемъ хозяевами. Кризисъ захватилъ насъ. Если вы не можете достать хлѣба для вашихъ голодающихъ женъ и дѣтей, то вотъ вамъ мой совѣтъ: грабьте и отнимайте.

— Вы не должны устраивать митинги за три мили отъ парламента. Ступайте ближе къ палатѣ, возьмите коммонеровъ за лацканы и заставьте выслушать ваши аргументы,—совѣтовалъ «Джэкъ» Вильямсъ.—Необходимо отравить существованіе коммонерамъ. Тогда они поймутъ, что нельзя терять времени.

— Я, Стюартъ Грэй, служитель евангелія и вождь Голодныхъ дружинниковъ—между вами. Если правительство захочетъ отправить меня въ тюрьму, вы должны испортить архитектуру этого зданія. Нельзя посылать въ тюрьму человѣка за то, что онъ го-

воритъ правду. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ казнили человѣка за то, что онъ дерзнулъ вѣщать правду. Теперь за это не смѣютъ казнить, но все же отправляютъ въ тюрьму. Не пройдетъ и трехъ мѣсяцевъ, какъ мы свершимъ дѣянія, которыя будутъ вписаны въ исторію. Мы разбудимъ спящую палату. Вы, безработные, голодные и страдающіе! Выползайте изъ вашихъ берлогъ. Идите съ вашими страданіями къ палатѣ общинъ. Заставьте силой коммонеровъ, чтобы они васъ выслушали. Я буду всегда впереди въ самыя трудныя минуты. Отдаю себя всецѣло на жертву за народное благо.

Но самыя рѣзкія рѣчи произносились «фланговымъ» Голодныхъ дружинниковъ Маскетомъ. Онъ прямо призывалъ къ насилію.

— Вооружайтесь не палками и камнями, а бомбами и ступайте къ парламенту. Я поведу васъ. Необходимо послать этихъ лѣнтяевъ химическимъ экспрессомъ на тотъ свѣтъ. Я былъ солдатомъ и принялъ тогда присягу сражаться за родину. Присяга эта въ силѣ еще и теперь. Я—въ вашемъ распоряженіи... Отравляйте существованіе богатымъ людямъ. Уничтожайте все, что дорого имъ. Ступайте въ національную галлерею и тамъ уничтожайте картины.

Стюарта Грэя и Маскета привлекли къ магистрату за произнесеніе рѣчей, призывающихъ къ безпорядкамъ.

— Вы иностранецъ?—спросилъ магистратъ у Маскета.

— Нѣтъ, англичанинъ.

— А въ домѣ умалишенныхъ сидѣли?

— Нѣтъ.

— Такъ вы были пьяны. Иначе не могу объяснить, какимъ образомъ англичанинъ, въ здравомъ умѣ и имѣющій представленіе о конституціи своей страны, можетъ произносить подобныя рѣчи.

Вызванный свидѣтель показалъ, что знаетъ Маскета около двухъ лѣтъ и за все это время почти не помнитъ его трезвымъ. Магистратъ обязалъ обоихъ обвиняемыхъ вести себя тихо въ продолженіе шести мѣсяцевъ.

Крайне рѣзкія рѣчи раздавались не только въ паркахъ и на площадяхъ, но также съ церковнаго амвона. Извѣстное впечатлѣніе произвело письмо настоятеля церкви св. Троицы въ Блэкли—Скофильда Батерсби, къ епископу манчестерскому. Епископъ предлагалъ всѣмъ настоятелямъ церквей своей епархіи устраивать денежные сборы въ пользу безработныхъ. «Владыко, — писалъ настоятель Скофильдъ Батерсби въ отвѣтъ на это,—когда же церковь и вожди ея поймутъ, что безработные требуютъ не милостыни, а справедливости? Когда церковь пойметъ, что нынѣшняя система правленія, какъ свѣтская, такъ и духовная, основана на несправедливости и на анти-христіанскомъ принципѣ. Никакіе палліативы не могутъ принести справедливости въ міръ, держащійся на ненависти, человѣконенавистничествѣ и на всемъ, что отъ дьявола. Современная плутократическая система гибнетъ и разсыпается въ прахъ. Приближается великій переворотъ. Въ виду

этого церковь должна взять на себя роль вождя, какъ и тогда, когда погибалъ древній міръ. Обновленная церковь должна отречься отъ лукавыхъ вождей, заполонившихъ ее и предавшихся всецѣло сильнымъ міра сего. Прежде всего по отношенію къ безработнымъ необходима теперь справедливость. Помогать безработнымъ, не думая объ измѣненіи причинъ, производящихъ безработицу, могутъ только или ограниченные, слѣпые люди, или нечестные (knaves) Владыка, вы должны помочь намъ осудить тѣхъ богачей, которые, путемъ эксплуатаціи труда бѣдняковъ, вопреки евангельской заповѣди, накопляютъ земли и дома. Поведите насъ въ походъ противъ тѣхъ лицемѣрныхъ христіанъ, которые кощунственно бормочутъ про братство людей и въ то же время готовы послать вооруженныхъ людей для пролитія крови во имя защиты правъ собственности; противъ тѣхъ лицемѣровъ, которые говорятъ о помощи безработнымъ и въ то же время всѣми своими поступками увеличиваютъ число ихъ. Владыка, въ вашей епархіи въ Ланкаширѣ всюду видны зданія, камни которыхъ скрѣплены кровью и слезами. Эти камни вопіютъ къ Богу объ отомщеніи. Вы совѣтуете мнѣ молиться за безработныхъ. Но не оскорблю ли я Господа тѣмъ, что, молясь за безработныхъ, не обращаюсь къ производящимъ безработицу? Въ началѣ Господь сотворилъ не только небеса, но и землю, которую отдалъ человѣку, чтобы онъ жилъ на ней и кормился отъ плодовъ ея. Въ настоящее время мы имѣемъ десятки тысячъ акровъ, которые могутъ быть превращены въ страну, текущую молокомъ и медомъ. Съ Божьяго благословенія земля эта кормила бы всѣхъ желающихъ работать на ней. Но что же мы видимъ въ дѣйствительности? Христіанское правительство, съ благословленія христіанской церкви, закрѣпляетъ всю эту землю, столь необходимую народу, за нѣсколькими изнѣженными двуногими существами дабы они могли утолить свою жажду крови охотой на невинныхъ птицъ и четвероногихъ. Мы, священники, постоянно живущіе среди народа и наблюдающіе круглый годъ безработныхъ, приходимъ къ такому заключенію. До сихъ поръ всѣ силы христіанскаго государства отданы были плутократіи и помогали ей создавать хроническую бѣдность. Этотъ порядокъ вещей необходимо уничтожить. Если христіанское государство бьетъ дубинами и стрѣляетъ въ народъ во имя созданія хронической бѣдности, то не имѣемъ ли мы, священнаго права прибѣгнуть къ насилію во имя правъ человѣка? Если церковь станетъ во главѣ движенія, то переворотъ свершится мирно, безъ пролитія хотя бы единой капли крови. Но если церковь попрежнему будетъ отстаивать интересы только богатыхъ насильниковъ, тогда она погибнетъ. Что же касается движенія, то оно не остановится, но только будетъ сопровождаться рѣками крови».

V.

Кризисъ и безработица отразились, конечно, на населеніи Жемчужной Аллеи. «Выжимальщики пота», столь безжалостные по отношенію къ своимъ работникамъ, обыкновенно раньше всѣхъ становятся жертвами надвигающагося кризиса. Каждый день кто-нибудь новый изъ обитателей Жемчужной Аллеи получалъ отдыхъ, котораго не желалъ. Большинство мужского населенія присоединялось къ партіямъ безработныхъ, бродившихъ по улицамъ Лондона. Обыкновенно такія партіи носятъ знамя съ надписью: «Мы требуемъ наше право на трудъ». Десятка два человѣкъ поютъ «голодные гимны», сложенные еще дѣдами въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Человѣкъ десять гремятъ коробками и приглашаютъ прохожихъ опускать туда пенсы. Такую партію провожаютъ обыкновенно два полисмэна. Тѣ мужчины изъ Жемчужной Аллеи, которые не участвовали въ шествіи безработныхъ, окружали обыкновенно калѣку Фьюстнера и просили его выяснить имъ положеніе дѣлъ. Калѣка объяснялъ, почему происходитъ безработица.

— Почему мы не въ состояніи найти работу, хотя готовы и умѣемъ работать? Доступъ къ землѣ для насъ закрытъ. Вся земля принадлежитъ теперь немногимъ собственникамъ. Всѣ богатства идутъ отъ земли. Если государство находитъ справедливымъ, чтобы источникъ всѣхъ богатствъ находился въ рукахъ немногихъ, то оно *обязано* найти работу для насъ, которыхъ оно устранило отъ этихъ источниковъ. Государство не должно грабить насъ и лишать *права на трудъ*. Намъ говорятъ, что извѣстный процентъ безработныхъ неизбѣженъ. Но это говорятъ люди, лишившіе насъ права на трудъ. Мы, попавшіе въ «неизбѣжный процентъ безработныхъ», не желаемъ мириться съ этимъ.

— Говорятъ еще, что времена теперь плохи, а когда улучшатся, то и безработныхъ будутъ меньше,—замѣтилъ одинъ изъ внимательныхъ слушателей.

— Дѣла могутъ поправиться, а безработные все-таки будутъ,— отвѣтилъ Фьюстнеръ.— Люди толкуютъ о работѣ такъ, какъ будто она зависитъ отъ дождя или солнца. Одни говорятъ: «Состояніе промышленности хорошо или плохо». Хорошее состояніе промышленности никогда не разрѣшаетъ вопроса о безработныхъ и не можетъ разрѣшить. Намъ говорятъ, что, когда положеніе промышленности улучшится, работа будетъ для всѣхъ желающихъ. Если бы это было вѣрно, то и теперь работы должно было бы хватить на всѣхъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ состояніе промышленности было плохо, и сотни тысячъ безработныхъ бродили по улицамъ. Населеніе Англіи зарабатывало тогда 1.300 мил. ф. ст. въ годъ. Теперь оно зарабатываетъ 1.710 мил. ф. ст. Такимъ образомъ,

состояніе промышленности улучшилось. Между тѣмъ, въ Соединенномъ Королевствѣ мы имѣемъ теперь 12 милліоновъ человѣкъ, которыхъ вся жизнь проходитъ впроголодь. Не доказываетъ ли это, что хорошее состояніе промышленности не разрѣшаетъ вопроса о безработныхъ?

Лекція эта происходила на тротуарѣ, гдѣ дѣти играли въ hopscotch, для чего на камняхъ начерчивается большой прямоугольникъ, раздѣленный на отдѣльные квадраты. Дѣти, прыгая на одной ногѣ, гонятъ носкомъ камешекъ изъ одного квадрата въ другой. Калѣка взялъ кусокъ мѣла, начертилъ на плитахъ тротуара прямоугольникъ и раздѣлилъ его на четыре квадрата. Въ первомъ и во второмъ квадратахъ онъ положилъ по камешку и подписалъ подъ каждымъ: «помѣщикъ», «хозяинъ». Въ третій квадратъ онъ положилъ десять камешковъ и подписалъ «рабочіе». Въ четвертый квадратъ калѣка положилъ одинъ камешекъ и подписалъ: «безработный».

— Вотъ вамъ положеніе Англіи,—сказалъ онъ, когда кончилъ чертежъ. Годовой доходъ помѣщика, хозяина и десяти работниковъ, т. е. стоимость богатствъ, производимыхъ ими въ годъ, составляетъ, въ среднемъ, 13 тысячъ ф. ст., въ которыхъ безработному не принадлежитъ никакой доли. Помѣщикъ не дозволитъ безработному даже пройти по землѣ; хозяинъ не желаетъ взять безработнаго. На всемъ островѣ нѣтъ спроса на его трудъ. Помѣщикъ и хозяинъ—отмѣнные политики и государственные дѣятели. Они говорятъ рѣчи безработному и увѣряютъ его, что работа явится тогда, когда улучшится состояніе промышленности и когда найдутъ новые рынки. Прошло двадцать лѣтъ. Доходъ помѣщика, хозяина и десяти работниковъ достигъ семнадцати тысячъ ф. ст. Дѣла на островѣ процвѣтаютъ. Богатства возрастаютъ. Общій доходъ страны увеличился почти въ полтора раза, тогда какъ населеніе возросло только на 20%. А, между тѣмъ, мы еще видимъ безработнаго. Что выигралъ онъ отъ того, что дѣла улучшились и страна разбогатѣла? Ничего. Рѣшительно ничего. Итакъ, mates, запомните: улучшеніе состоянія промышленности не только не разрѣшаетъ, но и никогда не можетъ разрѣшить вопросъ о безработныхъ.

Толстый Джо тоже слушалъ объясненіе, но только безъ обычнаго сознанія собственнаго превосходства. Джо теперь находился въ безпрерывномъ страхѣ. Отправляясь каждое утро на работу въ свою каретную мастерскую, онъ трепеталъ отъ сознанія, что, быть можетъ, въ послѣдній разъ, что, быть можетъ, сегодня получитъ разсчетъ. И впервые толстый Джо сталъ задумываться надъ вопросомъ справедливости порядка, при которомъ человѣка, проработавшаго тридцать лѣтъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, выбрасываютъ на улицу только потому, что надвинулась старость, ослабѣли глаза и пальцы перестали такъ проворно шевелиться, какъ въ двадцать пять лѣтъ.

Флоренсъ Грэй нашивала пуговицы. Она замѣтила безработицу развѣ нѣсколько больше, чѣмъ міровыя событія, случившіяся за двадцать лѣтъ. Но вотъ разъ въ субботу, когда Флоренсъ отнесла нашитыя пуговицы на Шордичъ, принимающій работу сказалъ, что фирма перестаетъ существовать. «Блэкъ, Помбертонъ и К°» прекратили платежи. Въ спеціальной прессѣ говорили, что во всемъ виноваты иностранные конкуренты, пользующіеся дешевымъ тюремнымъ трудомъ; но Флоренсъ не допытывалась до причины. Она поняла только, что сразу исчезли не только средства къ существованію, но и все то, что двадцать лѣтъ наполняло жизнь. Образовалась пустота, безконечная, темная и страшная. Англійскій государственный дѣятель такъ объяснялъ въ парламентѣ послѣдовательные шаги потерявшаго работу. «Сперва работникъ переселяется изъ болѣе удобнаго помѣщенія въ менѣе удобное, затѣмъ изъ менѣе удобнаго въ плохое. Потомъ работникъ мало-по-малу продаетъ мебель, платье, вещицы, пріобрѣтенныя въ хорошія времена. И если описанное состояніе продолжается, работникъ становится пауперомъ, семья распадается и идетъ просить общественной помощи». Но прежде, чѣмъ сдѣлать послѣдній шагъ, потерявшій работу испытываетъ всѣ муки голода. Прежде, чѣмъ пойти въ рабочій домъ, работникъ долженъ предварительно вытравить въ себѣ self-respect, т. е. чувство самоуваженія, на которомъ держится англійская культура. Флоренсъ Грэй съ поразительной быстротой прошла всѣ ступени, намѣченныя выше. Она не перебралась только «въ худшую квартиру», такъ какъ и безъ того помѣщеніе въ Жемчужной Аллеѣ было плохо. Процессъ реализаціи имущества продолжался очень не долго; за двадцать лѣтъ было нажито такъ мало! И вотъ, наконецъ, три дня послѣ того, какъ былъ проѣденъ послѣдній фартингъ изъ двухъ шиллинговъ, полученныхъ отъ закладчика за шаль,—голодная, больная Флоренсъ рѣшила пойти къ людямъ, гдѣ не такъ страшно.

VI.

Тотъ день былъ исключительный. Безработные потеряли терпѣніе и рѣшили устроить большую манифестацію въ центрѣ города. Съ своей стороны, лѣвое крыло суфражистокъ выпустило къ безработнымъ прокламацію, въ которой просило «помочь женщинамъ ворваться въ парламентъ». Флоренсъ ничего этого не знала, и ее поразило необычайное оживленіе на улицахъ. Былъ вечеръ. Осень стояла удивительная для Лондона—ясная и погожая. На общественномъ лугу, покрытомъ обрывками газетъ (лѣтомъ и осенью здѣсь стояли бездомные, закутавшись, вмѣсто одѣялъ и простынь, въ газетные листы), по обыкновенію, лежали всюду мужчины и женщины; по обыкновенію, растрепанныя дѣвочки привезли своихъ

маленькихъ братьевъ и сестеръ въ повозочкахъ, сдѣланныхъ изъ свѣчныхъ ящиковъ. Но было и нѣчто не совсѣмъ обычное. Подъ старымъ, разрисованнымъ, измочаленнымъ непогодой знаменемъ стояло человѣкъ сто. То формировалась одна изъ многочисленныхъ процессій, которая потомъ должна была въ условленномъ мѣстѣ присоединиться къ большой процессіи безработныхъ. Обитатели Жемчужной Аллеи и другихъ аллей подобнаго рода, люди въ засаленныхъ котелкахъ, въ разбитыхъ башмакахъ, въ изорванныхъ штанахъ, изъ которыхъ выглядывали голыя колѣни, чувствовали себя нѣсколько неловко у знамени. Все это были не сознательные работники, привыкшіе къ общественной жизни и къ демонстраціямъ, а забитые чернорабочіе, для которыхъ безработица— хроническое состояніе. Было тутъ также не мало «unamployable», какъ называютъ англичане людей, неспособныхъ, по слабости воли, по наклонности къ пьянству и вслѣдствіе физическаго или умственнаго уродства, къ правильной работѣ. Толпа эта не знала, что собственно нужно дѣлать. Организаторы демонстраціи выстраивали безработныхъ по шести въ рядъ. Затѣмъ роздали книжечки съ пѣснями. Одинъ изъ организаторовъ подсвистывалъ на дудкѣ напѣвъ, а десятка два безработныхъ сперва неувѣренно, а потомъ смѣлѣе пѣли по книжечкамъ:

«Швеи, слѣпнущія въ норахъ; женщины, надрывающіяся на фабрикахъ! Вы слишкомъ покорны и смирны. Явитесь сюда, какъ валкиріи, прекрасныя въ вашемъ гнѣвѣ. Спойте намъ пѣсню про доблесть. Вдохновите насъ на бой.

«Довольно намъ страдать и видѣть, какъ жены и дѣти наши гибнутъ отъ голода. Мы были слишкомъ долго рабами; но ночь проходитъ. Наступаетъ разсвѣтъ. Довольно плакать и стонать».

То была старинная пѣсня, сложенная еще дѣдами во время чартистскаго движенія и вытѣсненная потомъ куплетами, сочиненными въ мюзикъ-холлахъ. Напѣвъ безработные запоминали сразу, потому что всѣ пѣсни подобнаго рода поются въ Англіи на мотивъ старинныхъ церковныхъ гимновъ. Послѣ второго куплета толпа уже увѣренно подхватила припѣвъ:

«Onward! friends of freedom,
Onward! for the strife,
Each for all we struggle,
One in death and life.

(Впередъ, друзья свободы! Впередъ, на бой! Мы боремся всѣ за одного. Мы всѣ объединены на жизнь и смерть).

Флоренсъ Грэй тоже присоединилась къ толпѣ и двинулась потомъ вмѣстѣ съ нею. Хорошо одѣтые прохожіе оглядывались на толпу съ любопытствомъ, страхомъ, сочувствіемъ или насмѣшкой въ глазахъ. Многіе опускали мѣдныя или серебряныя монеты въ спеціальные ящики, которыми гремѣли нѣкоторые изъ толпы.

«Помогите безработнымъ!»—кричали они. Два громадныхъ полисмэна, надвинувъ шишаки на глаза, молча провожали толпу. И когда пришли на площадь у моста, то задержались надолго. По выработанной программѣ здѣсь должны были присоединиться зарѣчные безработные; но тѣ запоздали почему-то. Точно такъ, какъ каждую армію провожаютъ маркитанты, каждую большую демонстрацію, какъ бы бѣдны ни были учавствующіе въ ней, сопровождаютъ десятки продавцомъ всякаго рода. Появились они возлѣ демонстрантовъ, остановившихся на площади у моста. Оборванцы предлагали оборванцамъ лимонадъ, бананы, орѣхи; но больше всего было продавцовъ литературы всякаго рода. Каждый изъ нихъ имѣлъ вѣрное средство отъ безработицы. Джентльмэнъ въ цилиндрѣ, въ черномъ сюртукѣ, съ таблицами на груди и спинѣ, рекомендовалъ отъ безработицы спеціальныя проповѣди, сочиненныя имъ. Молодой человѣкъ въ красномъ галстукѣ предлагалъ за пенни брошюрку, въ которой на 16 страничкахъ разрушалось старое общество, держащееся на неправдѣ, и создавалось совершенно новое, основанное на принципахъ справедливости. Настоятельнѣе всѣхъ выхвалялъ свою литературу высокій, дряхлый старикъ, съ длинными сѣдыми волосами ниже плечъ. Онъ держалъ въ рукахъ пачку маленькихъ брошюрокъ подъ названіемъ «Джонъ Булль и докторъ Соціализмъ». И по тону старика, по манерѣ его рекомендовать свой товаръ, наконецъ, по формѣ самихъ брошюрокъ видно было, что то довольный авторъ, который, вѣроятно, самъ же набиралъ и брошюровалъ свое произведеніе. Чтобы заставить публику охотнѣе покупать брошюрку, старикъ, наконецъ, принялся читать вслухъ выбранныя мѣста.

— Товарищи-сограждане,—началъ старикъ.—Весь вопросъ о причинахъ безработицы и многихъ другихъ соціальныхъ болѣзней излагается въ этомъ произведеніи въ видѣ діалога между больнымъ Джономъ Буллемъ и докторомъ Соціализмомъ, котораго онъ призвалъ къ себѣ. Вотъ послушайте. Докторъ Соціализмъ совѣтуетъ паціенту не падать духомъ и не терять надежды на выздоровленіе.

— Надѣяться?—переспрашиваетъ Джонъ Булль:—докторъ, я перепробовалъ уже сотню различныхъ лѣкарствъ. Какіе только врачи не перебывали у меня? Что вы мнѣ посовѣтуете?

— Прежде опишите мнѣ нѣкоторые симптомы вашей болѣзни,—предлагаетъ докторъ Соціализмъ.

— Хорошо, что вы сказали «нѣкоторые». Чтобы перечислить всѣ симптомы, мнѣ понадобилось бы не меньше недѣли. Съ чего бы начать? Я страдаю отъ анеміи и плохого питанія. За послѣдній вѣкъ я получаю все больше и больше запасовъ и тѣмъ не менѣе такъ же слабъ и такъ же плохо питаюсь, какъ и раньше.

— Сколько вы получаете теперь?

— Около 1.750 милліоновъ ф. стер. въ годъ.

— Вамъ нужно накормить около 44 мил. ртовъ. Гм! Это составляетъ около 200 ф. ст. на каждую семью изъ пяти человѣкъ. При такомъ доходѣ можно быть здоровымъ.

— Вы думаете такъ? Но многіе получаютъ гораздо больше, а другіе гораздо меньше, чѣмъ 200 ф. ст. въ годъ.

— Теперь, мистеръ Булль, я хочу задать вамъ одинъ вопросъ: кто вырабатываетъ всѣ эти 1,750 мил. ф. ст.?

— Конечно, народъ.

— Вы хотите сказать, что каждая семья производитъ все то, что получаетъ?

— О, нѣтъ. Шестьсотъ пятьдесятъ милліоновъ ф. ст., т. е. треть всего дохода, идетъ людямъ, которые палецъ о палецъ никогда не ударятъ, чтобы произвести цѣнности.

— А кто получаетъ это колоссальное незаработанное приращеніе?

— Нѣсколько богачей. Они называютъ это рентой и процентами. Тридцать девять милліоновъ небогатыхъ людей получаютъ небольшую долю.

— Товарищи-сограждане,—продолжалъ старикъ.—Вотъ тутъ дальше начинается самое интересное мѣсто. Докторъ Соціализмъ, выслушавъ объясненія больного, говоритъ ему: «Опишите мнѣ еще другіе симптомы. Вы страдаете отъ плохаго питанія, не такъ ли?—Да,—отвѣчаетъ Джонъ Булль,—такъ сказали мнѣ другіе доктора. Они говорятъ, у меня нѣтъ достаточно дохода для всего населенія.

— Гм! А каковы результаты этого недостаточнаго питанія?

— Милліоны результатовъ: язвы, параличъ нѣкоторыхъ членовъ, подавленность духа, ракъ, чахотка, апатія, клептоманія, хулиганство, нервная истощенность, рахитъ, водянка. Всѣхъ болѣзней не пересчитаешь. Я никогда не бываю здоровъ. Конечно, случаются хорошія времена; но и тогда чувствую боль въ какой нибудь части тѣла.—Скажите мнѣ, какого рода язвы у васъ бываютъ?—спрашиваетъ докторъ.—Язвы голоданія,—отвѣчаетъ Джонъ Булль.—Я имѣю ихъ съ тѣхъ поръ, какъ помню себя. Какъ бы ни увеличивался мой доходъ, язвы эти не исчезаютъ. Подумайте только: изъ населенія въ 44 милліона 12 милліоновъ всегда живутъ впроголодь.—Это должно быть мучительно!—Мучительно? Это—адъ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ тѣхъ безтолковыхъ докторовъ, которыхъ я звалъ раньше, все доказывали, что пора мнѣ уже привыкнуть къ своимъ язвамъ: всегда-де были бѣдняки и всегда будутъ.—Что вы еще чувствуете?—спрашиваетъ докторъ.—Періодическія боли, причиняемыя безработными. Порой онѣ положительно доводятъ меня до безумія. Подумайте только: сотни тысячъ мужчинъ и женщинъ, желающихъ работать, ходятъ праздно, такъ какъ не могутъ найти работу. Они голодаютъ, потому что для нихъ не уготовлена работа. Не ужасно ли это? Я перепробовалъ всѣ лѣ-

карства. Мнѣ постоянно давали во время острыхъ приступовъ болѣзни микстуру подъ названіемъ *новые рынки*; но она нисколько не помогаетъ. Говорятъ, болѣзнь «безработные» исчезнетъ, если государство будетъ давать работу, но мои доктора противъ этого лѣкарства — Почему?—спрашиваетъ докторъ Соціализмъ. — Они говорятъ, чтобы дать работу не имѣющимъ ея, нужно отнять у тѣхъ, которые работу имѣютъ.

— Я думаю, бѣдность и безработица—ваши самыя мучительныя хроническія болѣзни?—Не знаю,—отвѣчаетъ Джонъ Булль,—я еще ужасно страдаю отъ своего рода некремія. Ежегодно я теряю сто тысячъ младенцевъ. Умираютъ будущіе производители національныхъ богатствъ. Почему они мрутъ? Доктора мнѣ говорятъ, что эти младенцы «не приспособлены къ жизни». Теперь я начинаю думать, что всѣ эти слова—пустяки... Организмъ у меня очень здоровый, но болѣзней столько, что порой я впадаю въ отчаяніе. Доктора убѣждаютъ меня все, что я совсѣмъ не такъ боленъ, и что сосѣди мои чувствуютъ себя гораздо хуже. Но какая мнѣ радость въ этомъ? Доктора совѣтуютъ мнѣ жить по прежнему. Одинъ врачъ рекомендуетъ, впрочемъ, принять «протекціонныя» пилюли. Я почти согласенъ слѣдовать совѣту.

— Такъ вы думаете, что «протекціонныя» пилюли помогутъ вамъ? — спрашиваетъ докторъ Соціализмъ.—Но развѣ вы ихъ раньше не пробовали? Вѣдь это не новое средство!

— Мнѣ кажется, я ихъ пробовалъ. Я принималъ все; но «протекціонными» пилюлями я лѣчился такъ давно, что забылъ результаты. Почему, дѣйствительно, не попробовать? Я слишкомъ долго пилъ микстуру *свободная торговля*.—Такъ микстура не помогла вамъ?—О, нѣтъ. Я говорилъ вамъ про голодныя язвы, про «безработныя» боли и про некремію. Докторъ, рекомендовавшій мнѣ микстуру, обѣщалъ, что всѣ эти болѣзни исчезнутъ; но такъ не случилось.

— Такъ вы думаете, что «протекціонныя» пилюли принесутъ вамъ облегченіе?

— Во всякомъ случаѣ, мнѣ не можетъ быть хуже. Докторъ увѣряетъ, что «протекціонныя» пилюли дадутъ работу и заработную плату, которыя теперь отнимаются иностранцами.

— Позвольте вамъ задать одинъ вопросъ!—говоритъ докторъ Соціализмъ.—Правда ли или нѣтъ, что большинство народа работаетъ уже и теперь слишкомъ много?

— Да, правда. Массы постоянно жалуются на слишкомъ длинный рабочій день. Конечно, безработные совсѣмъ не имѣютъ работы. — Что же вамъ стоитъ уменьшить рабочій день однихъ и создать, такимъ образомъ, работу для другихъ? Очевидно, имѣющіе работу, жалуются не на недостатокъ ея, а на нѣчто другое?

— На что именно?

— Конечно, на низкую заработную плату, — отвѣчаетъ док-

торъ Соціализмъ.—Что производитъ ваши «голодныя» язвы? Двѣнадцать милліоновъ недоѣдающихъ почти всѣ имѣютъ работу; тридцать девять милліоновъ производителей національныхъ богатствъ тоже имѣютъ почти всѣ работу. Вы сказали мнѣ, что на ихъ долю выпадаетъ только половина національнаго дохода, тогда какъ пять милліоновъ богатыхъ людей берутъ себѣ другую половину. Вы страдаете потому, что одна девятая вашего организма получаетъ чрезмѣрно обильное питаніе, тогда какъ восемь девятыхъ—слишкомъ недостаточное. Предположимъ, человѣкъ имѣетъ коня, которому даетъ большой запасъ хорошаго корма. Предположимъ также, что, вслѣдствіе какого-то чуда, кровь, мускулы и нервы, въ которые претворяется пища, не распредѣляются равномѣрно между всѣми органами животнаго. Такъ, напримѣръ, хвостъ, не работающій совершенно, вырастаетъ до необыкновенныхъ размѣровъ; ноги становятся тонки и слабы; брюхо раздувается чрезмѣрно; на спинѣ вырастаютъ громадные желваки; одно ухо вытягивается, какъ колосъ, а другое—наливается жиромъ; одинъ бокъ впадаетъ, а другой — вздувается горой; голова отъ тяжести отвисаетъ; глаза заплываютъ. Что вы подумали бы, взглянувъ на этого коня?

— Я подумалъ бы, что его слѣдуетъ или отправить на живодерню, или продать, какъ рѣдкую игру природы, Барнуму.

— Не пришли бы вы къ заключенію, что органы коня не въ порядкѣ и что питаніе распредѣляется неправильно? Вы тоже—конь подобнаго рода. Ничего нѣтъ удивительнаго поэтому, что вы представляете собою мѣшокъ болѣзней всякаго рода. Вамъ, мистеръ Булль, необходимо предписать полное перераспредѣленіе. Вы нуждаетесь въ иномъ способѣ организаціи труда.

VII.

— Идутъ! Идутъ! — раздались крики. Послышались апплодисменты. По мосту плыли красныя и бѣлыя знамена, вздуваемыя вѣтромъ. То шли зарѣчные безработные. Оба отряда соединились вмѣстѣ и тронулись дальше. На слѣдующей площади ждали уже три отряда, прибывшіе изъ сѣвернаго Лондона. И когда всѣ соединились вмѣстѣ, то образовалась уже большая армія, оборванная, злая, раздраженная. По пути уже кое гдѣ заколачивали досками окна магазиновъ.

Англичанинъ, если только онъ не принадлежитъ къ «обломкамъ человѣчества», по натурѣ своей не склоненъ страдать молча и терпѣливо. По поговоркѣ: прирожденное право британца, это—ворчать на свое правительство. Когда же британецъ голоденъ, онъ свирѣпѣетъ и грозитъ революціей. Правительство это отлично знаетъ и поспѣшно идетъ на встрѣчу въ надлежащій моментъ со

смѣлыми реформами. Раздраженіе демонстрантовъ видно было уже по надписямъ на знаменахъ. На одномъ значилось: «Работу или революцію! Правительство выбирай любое. Требуемъ права на трудъ!» На другомъ знамени была изображена голова съ пучкомъ травы во рту, наткнутая на пику. Надпись гласила: «Эпизодъ изъ французской революціи». Народъ просилъ хлѣба. Фулонъ отвѣтилъ: «Пусть жрутъ траву». Народъ тогда отвѣтилъ этимъ». Знамя это было приготовлено безработными изъ квартала Соо, гдѣ живутъ выходцы изъ романскихъ странъ, по преимуществу, французы. Только напѣвъ ихъ пѣсенъ не походилъ на церковные гимны. Они пѣли: «Возстаньте, проклятые голодомъ. Возстаньте, каторжники, прикованные къ землѣ. Кратеръ вулкана гремитъ. Близится послѣднее изверженіе». Затѣмъ, когда эта пѣсня кончилась, французы запѣли еще болѣе живую:

«Ah! S'ils avaient le sens commun,
Tous les peuples n'en feraient qu'un.
Au lieu de s'égorger
Ils viendraient tous manger
A la même gamelle,
Vive le son, vive le son,
A la même gamelle,
Vive le son du canon».

(т. е. «Ахъ, если бы люди обладали здравымъ смысломъ, то всѣ народы слились бы въ одинъ. Вмѣсто того, чтобы душить другъ друга, они всѣ пришли бы кормиться изъ общаго котла. Да здравствуетъ громъ, пушечный громъ!»).

За французскимъ знаменемъ слѣдовало еще болѣе мрачное. На длинномъ шестѣ торчалъ громадный гипсовый черепъ. Въ видѣ савана висѣло бѣлое знамя съ черной надписью: «Околѣваемъ съ голода въ странѣ изобилія». И когда процессія проходила по улицѣ, обстроенной гигантскими великолѣпными отелями, тѣ, которые таскали черепъ, подносили его къ окнамъ ресторановъ, гдѣ въ это время садились уже за обѣдъ богатые англичане и американцы. Громадный черепъ, заглядывающій въ окна, производилъ на обѣдающихъ такое же впечатлѣніе, какъ голова Маріи Ламбаль на семью Людовика XVI въ Тамплѣ. «Безработные, боритесь! Только псы околѣваютъ безропотно»!—значилось на слѣдующемъ знамени. Теперь, когда къ процессіи присоединились безработные изъ разныхъ мѣстъ Лондона, она растянулась больше, чѣмъ на версту. Когда голову процессіи задерживало что нибудь, то останавливались всѣ. И тогда задержкой пользовались ораторы, чтобы произносить рѣчи... Страстность послѣднихъ возрастала съ каждой остановкой.

— Цѣль наша—сдѣлать безработныхъ предметомъ страха,—говорили ораторы.—Опытъ научилъ насъ, что правящіе классы уступаютъ только подъ впечатлѣніемъ страха. Товарищи, мы можемъ

нагнать трепетъ. Мы въ состояніи создать такое положеніе вещей, что ни жизнь, ни собственность богатыхъ людей не будутъ болѣе находиться въ безопасности до тѣхъ поръ, покуда намъ не даютъ работы, покуда наши дѣти голодаютъ.

— Безработные, организуйтесь!—говорилъ другой ораторъ на слѣдующей остановкѣ. Не дайте погаснуть пламени мятежа. Боритесь съ демономъ апатіи.

Въ Англіи признаютъ право за страдающими и обиженными выражаться сильно и энергично. Полисмэны безстрашно слушали эти рѣчи.

Процессія вышла на громадную площадь съ гигантской колонной въ центрѣ ея. Эта площадь является однимъ изъ двухъ форумовъ лондонцевъ. Плинтусъ колонны представляетъ собою каѳедру для ораторовъ. На форумѣ, согласно заранѣе составленной программѣ, сгрудились уже безработные изъ другихъ частей Лондона. Сюда же спѣшили десятки тысячъ любопытныхъ. А когда совсѣмъ стемнѣло, къ безработнымъ и къ любопытнымъ примѣшались тысячи подозрительныхъ людей, выползающихъ на свѣтъ, когда пахнетъ большимъ буйствомъ, хорошей потасовкой и чужими карманами. Въ толпѣ всюду ходили дамы съ трехцвѣтными лентами черезъ плечо и раздавали прокламаціи, въ которыхъ говорилось, что набѣгъ суфражистокъ на парламентъ состоится ровно въ 7½ вечера.

Слышались выкрикиванія мальчишекъ, продававшихъ «экстраспеціальныя» изданія вечернихъ газетъ и размахивавшихъ афишами, на которыхъ значилось: «Палата общинъ въ осадѣ», «Поиски полиціи за вождями», «Безработные штурмуютъ лондонскій муниципалитетъ». Послѣднее относилось къ бурной сценѣ, которая произошла въ полдень въ совѣтѣ Лондонскаго графства. Совѣтникъ Смитъ не въ очередь заговорилъ о положеніи безработныхъ. Предсѣдатель напрасно хотѣлъ его остановить. «Въ Лондонѣ теперь тысячи голодныхъ гражданъ!—крикнулъ Смитъ.—Я не буду молчать!» Совѣтника поддержали, какъ его товарищи, рабочіе представители, такъ и безработные на галлереѣ «Продолжайте Смитъ,—крикнулъ кто-то сверху.—Мы голодны». Предсѣдатель потомъ пригрозилъ Смиту, если онъ не замолчитъ, вывести его силой. Но совѣтникъ отвѣтилъ, что такого права предсѣдатель не имѣетъ. Галлерею очистили при помощи полиціи, а засѣданіе пришлось прекратить.

Площадь съ громадной колонной въ центрѣ была залита народомъ. На плинтусахъ колонны и на окраинахъ бассейновъ тоже всюду стояли и сидѣли люди. И были тутъ такіе, которые явились, какъ Флоренсъ, не для того, чтобы демонстрировать, а только чтобы быть съ людьми. Эти лежали на каменныхъ скамьяхъ вдоль стѣнъ, поднявъ для тепла воротники куртокъ и зажавъ руки колѣнями. Толпа была возбуждена и раздражена. Ораторы нѣсколько

разъ пытались обращаться къ ней, но были остановлены полиціей. Тамъ и сямъ происходили небольшія стычки ораторовъ съ полисмэнами. Больше всего народа было, впрочемъ, не на площади, а вокругъ нея. Тротуары, ступени церкви, балконы, улицы, — все это было залито того типа зрителями, которые пройдутъ десять верстъ, чтобы посмотрѣть на хорошую драку. Сквозь толпу продирались дамы въ великолѣпныхъ шляпкахъ съ дорогими страусовыми перьями, гремя ящиками для сбора денегъ. Другія дамы, такъ же парадно одѣтыя, вертѣли шарманки, которыя услужливо волокли господа въ цилиндрахъ и пенснэ. Далѣе нарядныя дамы предлагали прохожимъ купить спички, шнурки для башмаковъ и карандаши. У всѣхъ дамъ черезъ плечо были ленты съ надписью: «Избирательныя права для женщинъ». Суффражистки назначили «день самоотреченія» и собирали такимъ образомъ деньги для общаго дѣла. О тревожности момента свидѣтельствовало изобиліе полисмэновъ. Они были всюду. На каждомъ перекресткѣ стояло ихъ человѣкъ пять. Въ каждомъ закоулкѣ синѣли ихъ мундиры. Такъ какъ предвидѣлась возможность большого мятежа, то полисмэновъ собрали со всего Лондона. Вотъ толпа зашевелилась. Площадь стала похожа на громадный горный бассейнъ, прорвавшій берега. Живой потокъ хлынулъ по широкой улицѣ, ведущей отъ форума къ парламенту. И точно такъ, какъ вода уноситъ вѣтку, живой потокъ оторвалъ отъ процессіи Флоренсъ, завертѣлъ ее и носилъ въ разныхъ направленіяхъ. Слабая отъ голода, работница еще болѣе ослабѣла отъ утомленія. Она почти уже не сознавала, что дѣлается кругомъ. Чѣмъ ближе живой потокъ приближался къ парламенту, тѣмъ больше полисмэновъ встрѣчалъ онъ, покуда натолкнулся, какъ на дамбу, на сплошную живую цѣпь пѣшихъ и конныхъ полисмэновъ. Толпа остановилась. Въ общемъ она была настроена добродушно, хотя конныхъ полисмэновъ встрѣчала свистомъ, улюлюканьемъ и криками: «бу-у-у!» Добродушно также встрѣтила толпа рядъ шарабановъ, въ которыхъ сидѣли дамы и мужчины, вооруженные биноклями. То предпріимчивая компанія Кука показывала гостящимъ въ Лондонѣ американцамъ и американкамъ, какъ англичане устраиваютъ революцію. Стемнѣло. Лондонъ окутался туманомъ, не чернымъ, но достаточно густымъ для того, чтобы сдѣлать смѣлѣе и предпріимчивѣе наиболѣе буйную часть толпы. Гдѣ-то стали напирать сильнѣе на живую дамбу. И вотъ часть послѣдней по готовому плану отдѣлилась и живой стѣной наперла на толпу. Но послѣдняя была непроницаема. Тогда живая стѣна перестроилась въ греческій клинъ и врѣзалась въ толпу, дѣйствуя локтями, такъ какъ полисмэны не вооружены. Толпа распылилась и хлынула въ боковыя улицы.

Вмѣстѣ съ частью толпы Флоренсъ очутилась снова на улицѣ громадныхъ отелей, по которой проходили уже съ процессіей. Сотни мужчинъ во фракахъ и дамъ въ вечернихъ туалетахъ (только что кончился

обѣдъ) выглядывали изъ оконъ и стояли на порогахъ отелей. Въ темнотѣ на улицѣ гдѣ-то раздались крики «ура», смѣхъ, обрывки пѣсенъ. Отъ неизвѣстной причины толпа стремительно бросилась бѣжать, увлекая съ собою Флоренсъ. Впереди со свистомъ мчались мальчишки въ возрастѣ отъ 8 до 15 лѣтъ. Для нихъ манифестація была, прежде всего, большимъ и неожиданнымъ праздникомъ. Флоренсъ была выброшена толпой на набережную, составляющую гордость Лондона. Широкая рѣка, окутанная туманомъ, при мертвомъ свѣтѣ электрическихъ фонарей казалась фантастическимъ потокомъ изъ расплавленнаго желѣза, о которомъ говоритъ эпосъ полярныхъ народовъ. На набережной было просторнѣе, и здѣсь гуляли тысячи мужчинъ и женщинъ, дожидаясь «событія». Матери принесли грудныхъ младенцевъ. Мальчишки пока что играли въ чехарду, катились колесомъ по асфальту и взбирались на фонари. А на скамьяхъ, чуждыя общему движенію, дремали бездомныя старыя женщины въ поломанныхъ шляпкахъ, съ накинутыми шалями. Эти бездомныя спѣшили воспользоваться движеніемъ, чтобы соснуть: пока толпа была на улицѣ, ихъ не трогали полисмэны и не прогоняли со скамей. Громадная башня парламента слилась съ темнотой. Свѣтилъ только во мглѣ циферблатъ башенныхъ часовъ да громадный электрическій фонарь на вершинѣ, показывающій, что народные представители совѣщаются. Фонарь гаснетъ, когда засѣданіе прекращается. Вотъ часы пробили два, потомъ семь. Половина восьмого. Условленное время, когда суффражистки собрались штурмовать парламентъ. Толпа въ ожиданіи. Ничего. Все спокойно. Прошло еще четверть часа. Тоже самое. Толпа двинулась къ свѣтящемуся въ темнотѣ зданію, но, какъ волны во время прибоя, сейчасъ же отхлынула. Опять раздались крики «ура»! Промчались съ гикомъ и свистомъ мальчишки, подкатываясь всѣмъ подъ ноги. Затѣмъ показались бѣгущія женщины, взвизгивавшія не отъ страха, а отъ возбужденія. Вотъ бѣгущая женщина споткнулась и уронила ребенка; но нѣсколько рукъ подхватили его и вручили матери. А сзади между тѣмъ напирали бѣгущіе сплошной стѣной. То полисмэны очищали площадь передъ парламентомъ.

Подхваченная бѣгущей толпой, Флоренсъ бѣжала впередъ. Она давно бы упала, если бы не крѣпкія руки сердобольныхъ людей. Толпа добѣжала до ярко освѣщенной улицы, затѣмъ отхлынула назадъ, оставивъ Флоренсъ на тротуарѣ. Тутъ безработныхъ не было; но тротуары были залиты любопытными. Они высыпали на демонстрацію, какъ на интересное зрѣлище, но не рѣшились подойти ближе къ парламенту. Когда же они узнали, что «все кончено» и «ничего не было» (вечернія газеты успѣли уже выпустить депеши въ двѣ строчки), то остатокъ вечера превратили въ праздникъ для себя. Всѣмъ этимъ сильно занятымъ людямъ, проводящимъ цѣлые дни въ конторахъ, магазинахъ и мастерскихъ, не хотѣлось

уходить домой, когда на улицѣ такъ свѣтло, шумно, весело и оживленно. И между людьми, устроившими себѣ неожиданный праздникъ, бродила, шатаясь отъ слабости, голодная Флоренсъ Грэй. Въ глазахъ у нея вертѣлись круги. Мысли въ головѣ были отрывочны. Она остановилась у ярко освѣщеннаго окна маленькаго ресторана, гдѣ лежалъ громадный кусокъ сырого мяса, окруженный красными томатами и горками пирожковъ съ яблоками. Этотъ кусокъ мяса приковалъ все вниманіе Флоренсъ. Но вотъ рѣзкое пѣніе заставило ее вздрогнуть. Нѣсколько бродячихъ пѣвцовъ, или минестрелей, негровъ (два настоящихъ и три нѣтъ), остановились у тротуара, какъ разъ у окна съ кускомъ сырого мяса. Сперва они всѣ стали стучать въ тамбурины, ударяя то кулаками, то лбомъ, чтобы собрать публику, затѣмъ старый негръ запѣлъ одну изъ пѣсенъ, сложенныхъ на своеобразномъ англійскомъ жаргонѣ черными работниками на хлопковыхъ плантаціяхъ южныхъ штатовъ.

— Нелли Блэй, Нелли Блэй,—пѣлъ старый негръ,—принеси метлу сюда. Вымети чистенько кухню и споемъ вмѣстѣ пѣсенку. Подбавь дровъ, любовь моя; пусть ярче пылаетъ печка, а я стану играть на банджо.

— Эй! Нелли, го! Нелли, слушай!—подхватили всѣ негры припѣвъ.— Слушай, любовь моя! Я спою тебѣ сладкую пѣсенку.—Затѣмъ всѣ негры съ взвизгиваніями пустились плясать. Потомъ минестрели опять забили въ тамбурины и замолкли. Впередъ выступилъ старый негръ, снялъ шляпу и запѣлъ:

— Тѣло Джона Брауна тлѣетъ въ могилѣ. Тѣло Джона Брауна тлѣетъ въ могилѣ. Тѣло Джона Брауна тлѣетъ въ могилѣ, а душа его мчится впередъ. Слава, слава, аллилуія! Слава, слава, аллилуія! Слава, слава, аллилуія! Душа его мчится впередъ!

Былъ своеобразный дикій паѳосъ въ примитивномъ напѣвѣ и въ примитивныхъ словахъ, въ которыхъ разсказывалось про Джона Брауна, казненнаго въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ Виргиніи за возстаніе съ цѣлью освобожденія невольниковъ. Паѳосъ тѣсно захватилъ веселую публику, которая слушала молча.

— Онъ будетъ теперь воиномъ въ арміи Господней, — выводилъ старый негръ. — Душа его мчится впередъ. Слава, слава, аллилуія.

И, когда пѣвецъ кончилъ, въ протянутый тамбуринъ посыпались пенсы. Старый негръ сверкалъ бѣлками и кланялся публикѣ, прикладывая палецъ къ полямъ своего громаднаго цилиндра. Звонъ монетъ, падающихъ въ тамбуринъ, вызвалъ въ больной головѣ Флоренсъ рядъ обрывковъ мыслей.

— Мясо. Чтобы достать мясо, нужны деньги. Негры пѣли, имъ дали деньги. Нужно пѣть, чтобы имѣть деньги и мясо. Слѣдуетъ стать на краю тротуара, какъ эти негры. Вотъ такъ. Потомъ пѣть.

Но что пѣть? Пуговицы, которыя нашивала Флоренсъ больше двадцати лѣтъ, не впускали въ ея голову ничего посторонняго, ни одного куплета пѣсенъ, сложенныхъ въ мюзикъ-голлахъ. У Флоренсъ было только одно яркое воспоминаніе. И изъ невѣдомыхъ тайниковъ памяти стали снова выползать подробности тихаго лѣтняго дня. Запахло бѣлыми цвѣтами, растущими у воды. Послышался легкій металлическій звукъ летающихъ стрековъ. Раздалось пѣніе краснощекаго Дика. Да. Самое лучшее повторять за нимъ пѣсню про удалого разносчика, предлагающаго красавицамъ «перчатки, пахнущія дамаскими розами». «Покупайте, покупайте у меня».

Публика, высыпавшая на улицу, чтобы посмотрѣть на «мятежъ», видѣла только блѣдную, дрожащую, шатающуюся старуху, которая раскрывала только ротъ. Никто, кромѣ Флоренсъ, не слыхалъ ни словъ, ни напѣва, такъ какъ они звучали только въ ея памяти. И если-бы даже кто-нибудь слышалъ, то эта пѣсня была бы всѣмъ чужда. Ее всѣ забыли. Ярче выступали воспоминанія. Флоренсъ закрыла глаза и пѣла неслышную ни кому пѣсню. Прохожіе, видя шатающуюся старуху, считали ее пьяной. И вотъ къ ней подошелъ полисмэнъ. Но, когда онъ положилъ ей руку на плечо, ноги у Флоренсъ подогнулись, она упала на мостовую.

На другой день газеты отмѣтили «casualtys» мятежа безработныхъ: десятокъ подбитыхъ глазъ, одно выдавленное стекло и женщину, подобранную на улицѣ и скончавшуюся въ госпиталѣ, повидимому, отъ голода.

Діонео.

На очередныя темы.

Въ поискахъ.

I. Писатели, которые ничего не желаютъ и никуда не ведутъ.—II. Писатель, который не ведетъ, куда хочетъ.—III.—Люди, которые нашли средство, но потеряли цѣль.—IV. Отклики на „Сумятицу".

I.

Характеръ переживаемаго нами кризиса, казалось бы, не долженъ возбуждать сомнѣній. И въ началѣ, когда онъ разразился, ихъ, дѣйствительно, не было... Впервые мнѣ пришлось писать о немъ вскорѣ послѣ роспуска первой Думы, и я тогда безъ всякихъ колебаній опредѣлилъ его, какъ кризисъ «тактическій» *). Теперь

*) См. «Тактическій кризисъ» въ «Хроникѣ внутренней жизни» «Р. Б.» за сентябрь 1906 года.

даже слова такія, какъ: программа, тактика, организація, звучатъ какъ-то странно, и многимъ, быть можетъ, они кажутся совершенно чуждыми. Но тогда эти термины были общеупотребительными и намъ волей-неволей приходится ихъ вспомнить, если мы хотимъ настоящее поставить въ связь съ прошлымъ.

Съ очень недавнимъ прошлымъ... Рѣчь вѣдь идетъ о томъ, что было всего два-три года тому назадъ. И вотъ тогда-то—повторяю — было совершенно ясно, что причина общаго замѣшательства, завершившагося потомъ сумятицею однихъ и неподвижностью другихъ, заключается не въ цѣляхъ, а въ средствахъ. Ни одна вѣдь общественно - политическая программа, поскольку ею опредѣлялись задачи движенія, не была, да и не могла быть скомпрометирована и, при томъ, по очень простой причинѣ: значившіяся въ этихъ программахъ «требованія» не были осуществлены, а, стало быть, и возлагавшіяся на ту или иную изъ нихъ надежды не были обмануты. Припомнимъ наиболѣе общія задачи, возьмемъ наиболѣе вульгаризированные лозунги...

Ну хотя бы «всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе», о которомъ теперь многіе говорятъ не иначе, какъ со снисходительной усмѣшкой... Можно только недоумѣвать, откуда взялась эта усмѣшка. Развѣ мы убѣдились, что не это намъ требуется? Но когда же и какимъ образомъ. Вѣдь случая испытать на дѣлѣ всеобщее и т. д. у насъ не было... Возьмемъ другой, тоже очень ходкій во время общаго подъема, лозунгъ: учредительное собраніе Можно ли сказать, что мы въ послѣднемъ разочаровались? Но вѣдь мы его не испробовали... Могли ли мы усомниться въ необходимости народной власти и личной свободы? «Воли», увлекавшей насъ, мы вѣдь такъ и не получили...

И въ «землѣ» мы не могли разочароваться. Ни дополнительное надѣленіе, ни муниципализація, ни національзація, ни соціализація не были вѣдь испробованы. Въ силу какихъ же мотивовъ мы отъ нихъ отвернулись бы?

Вообще цѣли тогда у всѣхъ были ясны. Правда, эти цѣли были не совсѣмъ одинаковыя, но онѣ лежали въ одномъ направленіи. Одни — какъ тогда образно выражались — желали ѣхать до Москвы, другіе до Твери, но всѣ стремились въ одну и ту же сторону. Всѣ добивались преобразованія существующаго строя въ направленіи его демократизаціи и соціализаціи. Для всѣхъ было ясно, что нужно освободить личность и облегчить трудящіяся массы. И обѣ эти задачи, хотя нѣкоторые пытались раздѣлить ихъ, неизбѣжно сливались въ одну великую и вмѣстѣ съ тѣмъ неотложную проблему. «Земля и воля»—такова была объединившая ихъ популярная формула.

«Земля и воля!» Какіе широкіе круги населенія были увлечены ими передъ тѣмъ, какъ разразился кризисъ! И какими близкими

вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ представлялись. Вотъ-вотъ—казалось—и мы овладѣемъ ими... Какъ въ баснѣ:

А кисти сочныя, какъ яхонты, горятъ;
Лишь то бѣда—висятъ онѣ высоко...

«Лишь то бѣда».. «Отколь и какъ» къ «землѣ и волѣ» мы ни подходили, достать ихъ такъ и не смогли. Были испробованы, какъ извѣстно, и «сила» и «мнѣніе», и «вооруженное возстаніе» и «пассивное сопротивленіе», и единоличныя и массовыя «выступленія»... И если въ чемъ тогда явились сомнѣнія, то не въ цѣляхъ, а въ средствахъ,—не въ программахъ, а въ тактикѣ. Замѣшательство произошло не потому, что исчезла точка, къ которой каждый шелъ, а потому, что затерялся путь, которымъ онъ надѣялся до нея дойти. «Всѣ дороги занесло»,—какъ выразился я въ прошлый разъ...

Возможно, что это былъ даже не объективный фактъ, а субъективное настроеніе: не хватило силъ, и стали винить дороги... Можно было ожидать, что соберутся люди съ силами, и движеніе вновь пойдетъ прежними путями. Напомню, что тогда же были предприняты многочисленныя попытки привлечь общественное вниманіе къ организаціоннымъ вопросамъ. Было бы, можетъ быть, правильнѣе и самый кризисъ трактовать не столько какъ тактическій, сколько какъ организаціонный. Но останавливаться на этомъ я сейчасъ не буду. Для меня важно было лишь напомнить, что, когда начинался этотъ кризисъ, цѣли движенія оставались внѣ сомнѣнія,—отвращиваться отъ нихъ не было никакого основанія...

Я предупредилъ читателей, что воспользуюсь политическимъ жаргономъ того времени и возьму наиболѣе популярные лозунги. Я понимаю, что выраженныя въ этихъ терминахъ и облеченныя въ эти формулы задачи движенія могутъ показаться черезчуръ узкими, слишкомъ злободневными. Но вѣдь кромѣ «ближайшихъ требованій», предъявлявшихся во имя насущныхъ нуждъ, нерѣдко временныхъ и частныхъ, движеніе имѣло «конечныя цѣли», которыя охватываютъ всего человѣка, обнимаютъ всю землю, освѣщаютъ всю исторію. И эти «конечныя цѣли»,—высокіе идеалы, поставленные передъ нами многовѣковой работой общечеловѣческой мысли,—ни въ коемъ случаѣ, конечно, не могла заслонить временная неудача, какую мы испытали, желая приблизиться къ нимъ, на данномъ клочкѣ земной поверхности. Даже тѣхъ, кто видѣлъ въ ней неудачу цѣлаго поколѣнія, она не могла смутить, разъ ихъ не остановили неудачи цѣлаго ряда предшествующихъ поколѣній...

Какъ бы то ни было, на вопросъ: «куда?» участники движенія не затруднились бы отвѣтить: одни, можетъ быть, назвали бы ближайшіе этапы, другіе самыя отдаленныя цѣли, но всѣ показали бы въ одну и ту же сторону. И если бы съ этимъ вопросомъ—«ку-

да?»—обратиться къ тогдашней литературѣ, то въ ней легко было бы найти вполнѣ опредѣленные на него отвѣты.

Прошло два года... За это время выросла и заняла всю авансцену «молодая литература». Въ ней, какъ мы знаемъ, царитъ большое оживленіе, происходитъ непрекращающееся движеніе. Прокладываются, какъ намъ говорятъ, новые пути, появляются, какъ мы видѣли прошлый разъ, невиданныя еще сочетанія. Этому можно было бы, пожалуй, порадоваться... Но куда все-таки ведутъ эти пути? Ради чего возникаютъ эти группы? Какъ обстоитъ дѣло съ цѣлями въ современной литературѣ?

На эту какъ разъ тему въ «Рѣчи» недавно была помѣщена статья Антона Крайняго подъ заголовкомъ: «Чего хотятъ всѣ?» *). Авторъ привелъ въ ней полученное имъ откуда-то изъ провинціи письмо со своими къ нему комментаріями. Интересно самое письмо, но еще любопытнѣе отвѣтъ, данный на него Антономъ Крайнимъ.

Я обращаюсь къ вамъ—пишетъ ему „Учащаяся"—за помощью, нѣтъ, я сама не знаю, зачѣмъ. Какая-то сила заставила меня написать. Я не знаю, какъ разобраться во всемъ, что окружаетъ меня, какъ разрѣшить всѣ вопросы, которые прямо мучаютъ. Они стоятъ, какъ огненные вопросительные знаки въ глазахъ. Я не знаю, какъ это выразить. Я говорю о литературѣ и о жизни вообще. Я не могу составить себѣ ни о чемъ опредѣленнаго мнѣнія, ни одного зрѣлаго взгляда на вещи. То я соглашаюсь съ однимъ, то съ другимъ. Я увлекалась, да и сейчасъ тоже, Бальмонтомъ, Брюсовымъ, Блокомъ, Ивановымъ, А. Бѣлымъ, Сологубомъ, увлекалась вашими произведеніями, но не находила отвѣта на вопросы, которые меня интересуютъ. Эти вопросы обнимаютъ всѣ отрасли науки, всю жизнь, всю вселенную. Боже! Кому вѣрить? Какъ разобраться въ этомъ водоворотѣ всякихъ противорѣчій? Почему Чеховъ такъ презиралъ жизнь и людей, а Гамсунъ или Купринъ—наоборотъ? Что хотѣлъ сказать Андреевъ въ своей „Тьмѣ"? Что говорятъ Бальмонтъ, Блокъ, Ивановъ? И чего хотятъ всѣ? Къ какой точкѣ, къ какой цѣли они ведутъ?..

Письмо нервное, безпорядочное и даже, если хотите, «наивное», какъ опредѣляетъ его Антонъ Крайній. Но вопросъ поставленъ въ немъ прямо и опредѣленно: «Чего хотятъ всѣ? Къ какой точкѣ, къ какой цѣли они ведутъ»? Смыслъ вопроса, думается мнѣ, совершенно ясенъ: рѣчь, несомнѣнно, идетъ о томъ, что называется «программами» съ ихъ «конечными цѣлями», шире—«направленіями» со свойственными имъ «міровоззрѣніями» и еще шире—«принципами» и «убѣжденіями».

Легко понять, что для той среды, откуда раздался вопросъ,—для молодежи—онъ имѣетъ особенно жгучій характеръ. Не дѣйствовать, оставаться въ неподвижномъ состояніи значитъ—не жить; но какъ двинуться, если не знаешь, куда?

Я—говоритъ авторъ письма—очень хорошо понимаю Ничше, онъ сошелъ съ ума. Если не найти новый путь,—все равно, какимъ образомъ,—то не

*) „Рѣчь". 13 октября.

стоитъ жить. Жить „растительной“ жизнью, мучиться неразрѣшимыми вопросами,—зачѣмъ это? Не стоитъ... Я очень сочувствую и понимаю тѣхъ, кто ушелъ въ «лигу свободной любви». Конечно, это слишкомъ мелко, очень узко, но они всѣ думаютъ найти отвѣты на загадки жизни; и ищутъ ихъ въ „лигѣ свободной любви“... Я не жду отвѣта—говорится дальше—но я буду ждать статей, которыя были бы отвѣтомъ мнѣ и другимъ, какъ я, которые ищутъ, ищутъ впотьмахъ и ничего не находятъ...

И направленъ вопросъ, какъ мнѣ кажется, по надлежащему адресу. Антонъ Крайній одинъ изъ наиболѣе видныхъ публицистовъ, какихъ оказалось въ состояніи выдвинуть русское декадентство, а къ послѣднему, какъ извѣстно, тѣсно примкнула и даже слилась съ нимъ «молодая литература». «Я увлекалась вашими произведеніями»—пишетъ Антону Крайнему его корреспондентка. Такимъ образомъ ему приходится, съ одной стороны, держать отвѣтъ за себя, а съ другой — и за «всѣхъ», кого имѣетъ въ виду «Учащаяся», ему не трудно отвѣтить. И вотъ что онъ отвѣчаетъ:

Приглядываясь, присматриваясь все ближе къ русской литературѣ и жизни послѣднихъ дней, я никакъ не могу рѣшить, „чего хотятъ всѣ“, и даже не знаю еще, *хотятъ*-ли они вообще. Не могу услѣдить уклона воли...

Одно это признаніе стоитъ больше, чѣмъ могли бы дать наши собственныя изысканія: о желаніяхъ вѣдь труднѣе, чѣмъ о чемъ-либо другомъ, судить, глядя со стороны. Но цитируемый мною авторъ, не довольствуясь собственными наблюденіями, ссылается и еще на одного, компетентнаго въ данномъ вопросѣ, свидѣтеля.

Недавно,—разсказываетъ Антонъ Крайній,—одинъ молодой критикъ, самый талантливый изъ „новыхъ“, какой-то странно-грустный и неожиданно-вялый, очень испугалъ меня.

Мы подошли къ вопросу.

— Что же,—говорю я,—значитъ, вы всѣ, вотъ какъ у Горькаго кто-то, исповѣдуете „ничего я не хочу, ничего я не желаю...?“

— Ну, да. Ничего. Только совсѣмъ еще недавно мы это повторяли... какъ бы сказать? съ лихостью, а теперь—съ тихостью.

Странная, грустная „тихость“ лихой пѣсенки хулигана!

«Старый» критикъ русскаго декадентства отдѣляетъ себя отъ «новаго» критика «молодой литературы», но наблюденія ихъ сходятся. Что же оказывается? Въ «молодой литературѣ», можетъ быть, имѣются пути (и даже «перепутья»), можетъ быть, имѣются силы (и даже собранныя), но нѣтъ одного: нѣтъ цѣли, къ которой вели бы эти пути и къ которой направлены были бы эти силы. Люди не знаютъ, чего они хотятъ, и даже не знаютъ, хотятъ-ли они чего...

Сомнѣваясь въ наличности общаго «хотѣнія», Антонъ Крайній допускаетъ все-таки, что многіе изъ перечисленныхъ его корреспондентокой литераторовъ, спрошенные въ отдѣльности, сумѣли-бы сказать, чего каждый изъ нихъ хочетъ. Но про многихъ дѣя-

телей современной литературы, несомнѣнно, и этого нельзя сказать,—и при томъ не только про тѣхъ, которые продолжаютъ писать съ «лихостью», но и про тѣхъ, которые уже пишутъ съ «тихостью». Въ частности, про самого Антона Крайняго я не рѣшился бы сказать, что онъ знаетъ, чего хочетъ...

Въ самомъ дѣлѣ: кто такой Антонъ Крайній? Псевдонимъ имъ самимъ давно уже вскрытъ. Это—г-жа Гиппіусъ-Мережковская, которая подписываетъ такъ свои критическія и публицистическія статьи. И вотъ, вспоминая литературную дѣятельность г-жи Гиппіусъ (Антона Крайняго тожъ), я никакъ не могу себѣ уяснить, чего она хочетъ и чего не хочетъ. Когда-то г-жа Гиппіусъ возвѣстила, что надлежитъ себя любить, какъ бога; а теперь «чета Мережковскихъ», какъ извѣстно, состоитъ въ совсѣмъ иныхъ «богоносцахъ»,—въ тѣхъ самыхъ, которые пытались возродить христіанство. С. А. Венгеровъ, въ качествѣ историка литературы, причисляетъ г-жу Гиппіусъ къ «виднѣйшимъ главарямъ» русскаго декадентства, стремившагося, какъ извѣстно, во что бы то ни стало какъ можно дальше, уйти отъ реализма; а теперь Антонъ Крайній убѣждаетъ г. Александра Блока, что «истинное величіе—только въ реальности»...

Можно, конечно, сказать, что раньше былъ одинъ «уклонъ воли», а теперь другой... Но если мы совсѣмъ забудемъ прошлое, то и за всѣмъ тѣмъ настоящее не станетъ для насъ яснымъ. Чего хочетъ Антонъ Крайній теперь? «Реальности»? Но вѣдь вотъ что онъ про эту самую реальность пишетъ:

Истинное величіе—только въ Реальности. А реальность только тогда реальна и *божественна*, когда она полна, когда безстрашно вводятъ въ нее все, казалось бы, противорѣчивое, всѣ сны, грезы и мечты, все невозможное, какъ и возможное, влюбленность вмѣстѣ со страстью, праздникъ рядомъ съ буднями, порывъ—рядомъ съ черной работой. Реальность всеобъемлюща въ потенціи своей, и, какъ это ни странно звучитъ, но надо сказать, что все движеніе міра есть только постоянная, все большая и большая *реализація реальности*. *)

Вотъ и поймите тутъ... Что это за «Реальность» такая, которая съ большой буквы пишется? Что это за «божественная реальность», которая можетъ вмѣстить «все невозможное, какъ и возможное?» Это ужъ сверхъ-реальность какая-то: не то мистика, не то метафизика, не то просто-на-просто «праздная болтовня»... И это можетъ быть... Въ той же самой статьѣ Антонъ Крайній заявляетъ, что онъ «хочетъ», чтобы г. Блокъ «отъ ликующихъ, праздно болтающихъ» ушелъ въ эту самую «реальную реальность». Но вѣдь г. Блока и г-жу Гиппіусъ мы въ однихъ и тѣхъ же сочетаніяхъ привыкли видѣть, однимъ и тѣмъ же дѣломъ, нужно думать, они раньше занимались. И если то была «праздная болтовня», то не окажется-ли таковой же и реализація реальной реальности?

*) „Рѣчь", 19 октября.

Надо сказать, что г. Блокъ очень скоро отозвался и даже не въ стихахъ, а въ прозѣ. Какъ только пришелъ день литературнаго фельетона въ «Рѣчи», онъ самъ обратился съ призывомъ:

Я обращаюсь,—пишетъ онъ,—къ писателямъ, художникамъ и устроителямъ (вечеровъ новаго искусства) съ горячимъ призывомъ не участвовать въ дѣлѣ, разлагающемъ общество, т. е. не способствовать размноженію породы людей „стиля модернъ", дни которыхъ сочтены. Общество интеллигентное и безъ вечеровъ новаго искусства довольно пропитано ядами косности и праздности, и прибавлять хоть каплю въ море дурныхъ инстинктовъ есть дѣло, недостойное художника и гражданина *).

Такъ пишетъ «молодой» поэтъ, который, по его словамъ, «самъ не разъ читалъ на вечерахъ «новаго» и не новаго искусства, съ благотворительной цѣлью и, увы! даже безъ оной, читалъ съ «успѣхомъ» и безъ успѣха, съ шиканьемъ и съ апплодисментами»... Читалъ, «но всегда и всюду уносилъ чувство недовольства собою, чувство досады отъ нелѣпо проведеннаго вечера; мало этого, всегда было чувство, какъ будто сдѣлалъ что-то дурное»... Читалъ и, наконецъ, убѣдился, что «стихи любого изъ новыхъ поэтовъ читать не нужно и почти всегда *вредно*» (курсивъ г. Блока).

Знаетъ ли теперь г. Блокъ, чего онъ хочетъ. Я не рѣшусь сказать это про человѣка, который «не читаетъ», но пишетъ. Потомъ, быть можетъ, онъ убѣдится, что не только читать, но и писать такіе стихи «вредно», что это тоже «способствуетъ размноженію породы людей стиля модернъ», что общество и безъ того «довольно пропитано ядами косности и праздности»... Можетъ быть, и это ему дастся лишь «путемъ очень непріятнаго и слишкомъ продолжительнаго опыта», а, можетъ быть, и сразу онъ это сообразитъ. Бываетъ это, просіяніе такое.

Одинъ случай не лишне даже вспомнить. Въ ноябрѣ 1905 г. озарило г. Минскаго. Исторію этого озаренія историкъ русской литературы излагаетъ въ слѣдующемъ видѣ.

„Нѣкогда,— говоритъ онъ,—Минскій претендовалъ на печальное титло отца русскаго декадентства, затѣмъ передъ лицомъ петербургскихъ архіереевъ сокрушался о паденіи вѣры и въ своей „Религіи будущаго" доказывалъ, что соціалъ-демократизмъ есть пошлость и нравственное мѣщанство. А теперь, съ наступленіемъ реальныхъ „дней свободы", онъ становится не только соціалъ-демократомъ, не только „большевикомъ", но самымъ крайнимъ изъ „большевиковъ". Савлъ превращается въ Павла, который „борьбу классовъ" понялъ въ прямомъ и непосредственномъ смыслѣ слова. Пишется поистинѣ каннибальскій „Гимнъ рабочихъ" **).

Я не знаю, куда теперь ведетъ или поведетъ своихъ читате-

*) „Рѣчь", 27 октября.

**) С. Венгеровъ. „Побѣдители или побѣжденные". „Русскія Вѣдомости", 18 октября.

лей г. Минскій, столь быстро перемѣнившій декадентскій «уклонъ» на архіерейскій, а потомъ этотъ послѣдній—на пролетарскій. Но, насколько извѣстно, онъ не приложилъ сколько-нибудь замѣтныхъ усилій, чтобы удержаться съ ними на «уклонѣ» 1905 года... Памятуя о немъ и возвращаясь къ «очаровательному по своей наивности» г. Блоку, я могу лишь присоединиться къ пожеланію, уже высказанному Антономъ Крайнимъ, а именно, «чтобы этотъ новый рыцарь не былъ рыцаремъ только на часъ». И это вѣдь бывало и бываетъ... Бываетъ, что человѣкъ захочетъ одного, захочетъ другого, и потомъ вдругъ: «ничего я не хочу, ничего я не желаю»...

«Хотѣнье», которое насъ въ настоящій разъ интересуетъ, назовемъ ли мы его «уклономъ воли» или «программой», «міровоззрѣніемъ» или «убѣжденіями», по общему правилу, получается съ молодости и усвоивается на всю жизнь. Бываютъ, конечно, исключенія, и въ «старой» литературѣ такіе случаи, дѣйствительно, были исключеніями.

Въ «молодой» же литературѣ они чуть не всеобщее правило. Многіе разгуливаютъ въ ней, какъ по улицѣ мостовой, съ «лихой пѣсенкой хулигана» и многіе со «странной тихостью» только еще получаютъ «уклоны воли», совершенно забывая подчасъ тотъ, который они имѣли уже раньше. И если первые завѣдомо ничего не желаютъ, то и относительно вторыхъ не можетъ быть увѣренности, что они, дѣйствительно, знаютъ, чего хотятъ. Въ лучшемъ случаѣ можно сказать, что они ищутъ...

И ищутъ, въ сущности, то, что въ свое время не было потеряно, ищутъ цѣлей, которыя два года тому назадъ были совершенно ясны. Воистину можно сказать: «что имѣемъ—не хранимъ».

«Потерявши — плачемъ»... Да, плачемъ. Не напрасно вѣдь «грустная тихость» начала охватывать тѣхъ, кто недавно еще зубоскалилъ.

II.

Характеризуя настроеніе, которое было передъ кризисомъ, я привелъ отрывокъ изъ всѣмъ извѣстной басни. Читателей это сравненіе, быть можетъ, рѣзнуло. Не профанація ли это—сравнивать одушевлявшія всѣхъ тогда чувства съ ощущеніями лисы, «залѣзшей въ садъ»? Но я позволю себѣ это сравненіе продолжить. Мнѣ кажется, что не только въ тогдашнемъ настроеніи, но и въ дальнѣйшихъ—какъ теперь принято выражаться—«переживаніяхъ» было нѣчто общее съ тѣмъ, что пережила «голодная кума-лиса». Вы знаете, какъ она поступила:

Пробившись попусту часъ цѣлый,
Пошла и говоритъ съ досадою: „Ну, что-жъ?
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ...“

Не такъ ли поступили и многіе участники освободительнаго движенія? И не поэтому ли, между прочимъ, одни теперь вовсе остались безъ цѣлей, а передъ другими—совсѣмъ иного «винограду кисти рдѣютъ»?

Мнѣ, по крайней мѣрѣ, эта картина представляется прямо въ лицахъ. Назову хотя бы П. Б. Струве. Какъ извѣстно, эта «голодная кума» уже въ нѣсколькихъ садахъ побывала: и въ саду экономическаго матеріализма, и въ саду метафизическаго идеализма, и въ саду просто политическаго либерализма мы ее видѣли; и на «экономику» у нея «глаза и зубы разгорались», и на «политику», и на «культуру»... И отовсюду она съ досадой уходила. Такъ было и въ послѣдній разъ. Пошла и говоритъ съ досадой:

— Пусть не говорятъ тутъ о «тактикѣ». Дѣло тутъ не въ «тактикѣ»... *).

Просто-на-просто другой виноградъ нуженъ... «Намъ нужны не только тактическія директивы... Намъ нужны для новой полосы русской исторіи идеи, которымъ была бы присуща воспитывающая сила».

Къ г. Струве болѣе, можетъ быть, чѣмъ къ кому-либо другому, приложимъ употребленный въ баснѣ эпитетъ «голодный». Онъ всегда чего-нибудь «хочетъ», всегда къ чему-нибудь стремится,— и всегда своихъ читателей куда-нибудь «ведетъ»,—то въ одну сторону, то въ другую, хотя бы и прямо противоположную. Безшабашнаго: «ничего я не хочу, ничего я не желаю» мы отъ него никогда не слышали, да, вѣроятно, и не услышимъ. Такова ужъ его личная, подкупающая многихъ, особенность.

И теперь, убѣдившись, что цѣли движенія остались не достигнутыми,—

Хоть видитъ око,
Да зубъ нейметъ,—

онъ немедленно въ другую сторону двинулся. Правда, на этотъ разъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, у него былъ уже другой «садъ» на примѣтѣ. Но если бы этого и не было, онъ, все-таки, вѣроятно, не остановился бы. По самой природѣ своей, это литераторъ «мятущійся».

Есть у г. Струве и другая особенность: аппетитъ у него огромный—задачи онъ всегда ставитъ большія. Было время, когда онъ желалъ ни больше ни меньше, какъ всѣхъ мужиковъ въ «фабричномъ котлѣ выварить». Теперь онъ задумалъ ни много, ни мало, какъ «цѣлое идейное воспитаніе русской интеллигенціи» на-ново передѣлать. Онъ такъ и пишетъ: «Изъ политическаго тупика, въ

---

*) Петръ Струве. „Тактика или идеи. Изъ размышленій о русской революціи". „Русская Мысль" 1907 г. августъ, стр. 234.

который мы зашли, страну можетъ вывести только политическое и моральное перевоспитаніе русской интеллигенціи».

Въ русской революціи, поясняетъ онъ, съ удивительной мощью обнаружилась,—вопреки метафизикамъ „реальныхъ силъ"— ,сила идей и ихъ носительницы—интеллигенціи. Но, съ другой стороны, въ крушеніи этихъ идей столь же ярко обнаружилась ихъ внутренняя несостоятельность. Историческая роль идей напоминаетъ намъ объ ихъ огромномъ значеніи какъ фактора въ созиданіи культуры, крушеніе тѣхъ же идей вынуждаетъ насъ къ ихъ радикальной переоцѣнкѣ по содержанію *).

Когда-то, въ качествѣ экономическаго матеріалиста, г. Струве стремился свести на нѣтъ значеніе идейнаго фактора въ исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и роль интеллигенціи въ общемъ ходѣ жизни; теперь—«вопреки метафизикамъ реальныхъ силъ»—онъ говоритъ объ «удивительной мощи силы идей и ихъ носительницы—интеллигенціи». Еще недавно вмѣстѣ съ другими онъ пытался хотя отчасти воплотить исконныя идеи русской интеллигенціи; теперь—послѣ «крушенія»—онъ обнаружилъ «ихъ внутреннюю несостоятельность» и «вынужденъ» приступить «къ ихъ радикальной переоцѣнкѣ по содержанію»...

Г. Струве—искренній человѣкъ, этотъ эпитетъ давно за нимъ установился. Во что онъ вѣруетъ, то безбоязненно и проповѣдуетъ,—и не его вина, если вѣръ на свѣтѣ такъ много, и не всѣ еще онъ перепробовалъ. Нужно, однако, сказать, что на этотъ разъ съ проповѣдью новой вѣры онъ нѣсколько замедлилъ. Во внутренней состоятельности идей русской интеллигенціи онъ давно уже усомнился и новый «садъ», какъ я уже сказалъ, ранѣе запримѣтилъ...

Переоцѣнка традиціонной идеологіи русской интеллигенціи—говоритъ онъ,—является для меня лично продолженіемъ работы, начатой до основанія „Освобожденія" и лишь прерванной „освобожденскимъ" періодомъ моей литературной дѣятельности. Нить эта для меня идейно никогда не была оборвана. На матеріалѣ политическихъ событій послѣднихъ лѣтъ и критическія и положительныя идеи лишь оформились и утвердились.

Въ докладѣ, прочитанномъ минувшею весною въ женскомъ клубѣ,—если я правильно понялъ сообщенныя объ этомъ докладѣ въ газетахъ свѣдѣнія,—г. Струве заявилъ, что «положительныя идеи» въ свое время имъ были даже на бумагѣ вчернѣ записаны. Но тогда онъ положилъ этотъ черновикъ въ карманъ и уѣхалъ за-границу издавать «Освобожденіе»... Теперь же, когда мы оказались въ «политическомъ тупикѣ», онъ разыскалъ свои черновые наброски, переписалъ ихъ начисто, обосновалъ «матеріаломъ политическихъ событій послѣднихъ лѣтъ» и опубликовалъ въ «Русской Мысли» подъ заголовкомъ: «Великая Россія» **).

*) Ibid, стр. 235.

**) Петръ Струве. „Великая Россія. Изъ размышленій о проблемѣ русскаго могущества". „Русская Мысль" 1908 г., январь.

Въ чемъ же заключаются эти «положительныя идеи»? И въ чемъ ихъ разница отъ «традиціонной идеологіи русской интеллигенціи»? Въ сущности это одна идея, и г. Струве такъ ее формулируетъ:

Оселкомъ и мѣриломъ всей такъ называемой „внутренней политики" какъ правительства, такъ и партій долженъ служить отвѣтъ на вопросъ: въ какой мѣрѣ эта политика содѣйствуетъ такъ называемому внѣшнему могуществу государства?

Таковъ основной тезисъ, «который для обычнаго русскаго интеллигентскаго слуха,—говоритъ г. Струве,—можетъ показаться до крайности парадоксальнымъ».

Обычная, я бы сказалъ,—прибавляетъ онъ,—банальная точка зрѣнія благонамѣреннаго, корректнаго радикализма разсматриваетъ внѣшнюю политику и внѣшнюю мощь государства, какъ досадныя осложненія, вносимыя расовыми, національными и даже иными историческими моментами въ подлинное содержаніе государственной жизни, въ политику внутреннюю, преслѣдующую истинное существо государства, его внутреннее благополучіе.

Эту именно точку зрѣнія на «истинное существо государства» г. Струве и считаетъ «превратной». Онъ находитъ, что «разсужденіе банальнаго радикализма слѣдуетъ поставить вверхъ ногами»: вопросъ о «внутреннемъ благополучіи» слѣдуетъ всецѣло подчинить вопросу о «внѣшнемъ могуществѣ». Другими словами: «конечную цѣль» необходимо перемѣнить... Употребляя послѣдній терминъ, я имѣю въ виду, конечно, тѣ предѣлы, до какихъ доходитъ теперь въ своихъ изысканіяхъ г. Струве.

Свой тезисъ онъ обосновываетъ однимъ философскимъ положеніемъ и двумя историческими посылками, взятыми изъ «матеріала политическихъ событій послѣднихъ лѣтъ». Изъ этихъ посылокъ я приведу сейчасъ одну.

„Революція,—пишетъ г. Струве,—потерпѣла пораженіе именно потому, что она была направлена на подрывъ государственной мощи ради извѣстныхъ цѣлей внутренней политики. Я говорю,—прибавляетъ г. Струве,—„потому что"; но, быть можетъ, правильнѣе было бы сказать: „постольку, поскольку"...

Это, повидимому, конечный итогъ «размышленій о русской революціи». Г. Струве не усомнился предложить его читателямъ «Русской Мысли» въ категорической формѣ, но оспаривать его передъ читателями «Русскаго Богатства» я стѣсняюсь: слишкомъ уже этотъ выводъ идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Отмѣчу лишь обратный выводъ, который слѣдуетъ изъ «потому что» и «постольку, поскольку»: г. Струве, очевидно, полагаетъ, что революція удалась бы, если бы она не была направлена на подрывъ государственной мощи, и что она фактически удалась, поскольку

такого направленія въ ней не было. О! если бы такъ было въ дѣйствительности!..

Философское обоснованіе для своего тезиса г. Струве взялъ, повидимому, изъ упомянутыхъ выше черновыхъ набросковъ. Говорю это, имѣя въ виду, несомнѣнно, метафизическое происхожденіе приводимаго имъ теперь философскаго довода и памятуя, что, передъ отъѣздомъ за-границу, онъ какъ разъ находился въ саду метафизики. Доводъ этотъ таковъ:

Государство есть „организмъ" совершенно особаго свойства.

Можно, какъ угодно, разлагать государство на атомы и собирать его изъ атомовъ, можно объявить его „отношеніемъ" или системой „отношеній". Это не уничтожаетъ того факта, что психологически всякое сложившееся государство есть какъ бы нѣкая личность, у которой есть свой верховный законъ бытія.

Для государства этотъ верховный законъ его бытія гласитъ: всякое здоровое и сильное, т. е. не только юридически „самодержавное" или „суверенное", но и фактически самимъ собою держащееся государство желаетъ быть могущественнымъ. А быть могущественнымъ, значитъ обладать непремѣнно „внѣшней" мощью...

Слово «организмъ», какъ объясняетъ г. Струве, имъ нарочно взято въ кавычки, «потому что,—говоритъ онъ,—я вовсе не желаю его употреблять въ доктринальномъ смыслѣ такъ называемой органической теоріи». Итакъ, «органическая теорія» тутъ ни при чемъ,—это очень упрощаетъ дѣло. Повторимъ все-таки вкратцѣ мысль г. Струве, чтобы ее лучше усвоить: государство есть «какъ бы личность», у которой имѣется «свой верховный законъ бытія», независимый оттого, какъ оно сложено изъ атомовъ, и этотъ верховный законъ состоитъ въ томъ, что государство «желаетъ быть могущественнымъ". Легко понять, что установить эту «личность» и узнать ея «желанія» г. Струве могъ не иначе, какъ поднявшись въ метафизическія сферы, если, конечно, ему не было на этотъ счетъ мистическаго откровенія. На службу этой-то метафизической или мистической «личности», по мнѣнію г. Струве, и должна поступить русская интеллигенція. Мѣриломъ всей внутренней политики послѣдняя должна сдѣлать «желаніе» этого, давно уже воздвигнутаго и теперь только реставрируемаго, идола,—его «желаніе быть могущественнымъ». Таковъ духъ, въ которомъ г. Струве считаетъ необходимымъ «политически и морально перевоспитать русскую интеллигенцію», таково направленіе, въ которомъ онъ желаетъ передѣлать ея «традиціонную идеологію».

И это, дѣйствительно, значило-бы поставить послѣднюю «вверхъ ногами»: цѣль поставить на мѣсто средства, средство на мѣсто цѣли. До сихъ поръ русская интеллигенція, какъ разъ наоборотъ, «во всѣхъ политическихъ вопросахъ дѣлала фокусомъ своего размышленія интересы не націи, не государства, не общины, не провинціи, не федераціи, но личности» *),—и, конечно, не той «какъ-

*) См. „Сочиненія Н. К. Михайловскаго". Т. IV. Стр. 460.

бы личности», которую г. Струве могъ найти только въ сверхъчувственномъ мірѣ, а той реальной личности, которой дѣйствительно присуща психическая жизнь, которая дѣйствительно мыслитъ, чувствуетъ и желаетъ,—тѣхъ «атомовъ», изъ которыхъ состоитъ государство. Интеллигенція стремилась установить между ними такое «отношеніе» или такую «систему отношеній», которая обезпечивала бы имъ «внутреннее благополучіе», и въ этомъ—въ народномъ благосостояніи — она, дѣйствительно, видѣла «истинное существо государства». Внѣшнее могущество являлось въ ея глазахъ лишь однимъ изъ средствъ въ осуществленіи этой цѣли, и при томъ постольку лишь, поскольку внѣшняя безопасность является необходимымъ элементомъ народнаго благосостоянія, и поскольку она является вмѣстѣ съ тѣмъ необезпеченной иными средствами въ виду «досадныхъ осложненій, вносимыхъ расовыми, національными или даже иными историческими моментами въ подлинное содержаніе государственной жизни». Это не значитъ, конечно, что вся внѣшняя политика сводилась для русской интеллигенціи только къ этимъ досаднымъ осложненіямъ, и что всемірная исторія представлялась ей «сплошнымъ рядомъ недоразумѣній довольно скверного свойства». Интеллигенція никогда не ограничивала своихъ цѣлей, какъ это дѣлаетъ теперь г. Струве, предѣлами современнаго государства, и не *его* благополучіе, не благополучіе государства, какъ подставляетъ теперь тотъ-же г. Струве, а благо человѣческой личности являлось ея конечною цѣлью. Въ современномъ государствѣ она видѣла лишь одну изъ временныхъ формъ, въ какія отлилась жизнь человѣчества въ процессѣ своего развитія. И во всемірной исторіи при всѣхъ «скверныхъ недоразумѣніяхъ», какія ей свойственны, интеллигенція находила—и г. Струве раньше находилъ—совершенно опредѣленную тенденцію, ведущую къ той же конечной цѣли. Да, у русской интеллигенціи было свое «мѣрило» *)... Это «мѣрило» было одно для внутренней политики и для внѣшней, для всей земли и для всей исторіи,—и это «мѣрило» было совершенно не то, какое предлагаетъ теперь г. Струве.

Предлагаемая имъ идеологія, дѣйствительно, была бы совершенно «новая» для русской интеллигенціи. Усвоивъ ее, послѣдняя должна была бы отказаться отъ всего своего прошлаго и признаться въ немъ, какъ въ своемъ «грѣхѣ передъ народомъ», что, дѣйствительно, и предлагаетъ сдѣлать г. Струве **). Но въ этой «новой» для интеллигенціи идеологіи по существу нѣтъ ничего новаго. Въ дѣй-

---

*) Къ слову сказать, какъ разъ то же самое слово „мѣрило" было употреблено 30 лѣтъ тому назадъ Н. К. Михайловскимъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употребляетъ его теперь г. Струве. „Мѣриломъ достоинства всякаго союза—партіи, кружка, семьи, націи и проч.—долженъ служить интересъ личности" (Н. К. Михайловскій, „Письма о правдѣ и неправдѣ" 1877 г.)

**) „Тактика или идеи", стр. 233.

ствительности, это идеологія старой русской государственности, и не случайно свой лозунгъ: «Великая Россія» г. Струве заимствовалъ ни у кого иного, какъ у П. А. Столыпина. Я бы сказалъ, что даже для старой государственности это—«банальная идеологія», и если г. Столыпинъ во второй Думѣ воспользовался именно ею, то потому только, что въ его распоряженіи не оказалось никакого другого, менѣе поношеннаго, идеологическаго плаща, чтобы прикрыть отстаиваемые имъ интересы и вожделѣнія. Что эта идеологія изжита, это давно сознано самими приверженцами самодержавія, и они не разъ уже пытались подновить ее, украсивъ кромѣ «внѣшняго могущества» еще и «національнымъ богатствомъ». Напомню хотя бы С. Ю. Витте, который потратилъ такъ много народнаго труда и народныхъ рессурсовъ, чтобы подбить старый плащъ новой подкладкой, и такъ много собственнаго своего краснобайства, чтобы увѣрить всѣхъ въ ея красотѣ и прочности, пока эта самая подкладка не стала расползаться въ его же рукахъ, и ему не пришлось—во всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1903 годъ—признать, что самодержавію приходится вернуться къ старой идеологіи и при томъ сильно урѣзанной: не о внѣшнемъ могуществѣ уже въ то время пришлось говорить, а о внѣшней безопасности... Послѣ того плащъ «внѣшняго могущества» окончательно истрепался. И вотъ эту-то, совершенно изжитую, идеологію г. Струве желаетъ теперь реставрировать,—въ этотъ-то, совершенно изорванный, плащъ онъ желаетъ русскую интеллигенцію вырядить.

Мнѣ пришлось уже какъ-то спеціально говорить о томъ, какимъ образомъ народная потребность въ національной независимости и внѣшней безопасности оказалась въ теченіе русской исторіи раздутой до стремленія къ внѣшнему могуществу, какъ къ какому-то самостоятельному благу, и почему возникшая, на основѣ указанной потребности, русская государственность отлилась въ «самобытную форму» со свойственной ей идеологіею; пришлось мнѣ говорить и о томъ, какимъ образомъ эта «самобытная форма» съ теченіемъ времени сдѣлалась самодовлѣющею цѣлью и какъ она сдавила весь народный организмъ, при чемъ это внутреннее давленіе было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ внѣшнее могущество было больше. Не разъ приходилось мнѣ останавливаться въ своихъ статьяхъ и на томъ, какую роль идеологія старой государственности играла въ народной жизни, какіе своекорыстные интересы ею прикрывались, какія тяжкія жертвы отъ народа во имя ея требовались. Да и безъ моихъ статей читатели это хорошо, конечно, знаютъ...

Великая Россія... Преклонитесь передъ нею, сдѣлайте ее предметомъ вашихъ желаній, подчините этой идеѣ всю вашу дѣятельность,—говоритъ русской интеллигенціи г. Струве.—Но что будетъ съ трудовымъ народомъ? Каковы будутъ его судьбы, если онъ по-

прежнему останется только средствомъ?—въ правѣ, въ свою очередь, спросить интеллигенція.

Идея внѣшняго могущества,—говоритъ г. Струве,—нужна намъ для «новой полосы русской исторіи»... Но вѣдь подъ властью этой идеи русскій народъ жилъ цѣлое тысячелѣтіе. Не будетъ ли «новая полоса» простымъ продолженіемъ прежней? И русская интеллигенція, если она отдастъ себя служенію этой идеѣ, не поступитъ ли просто-на-просто на службу старой русской государственности?

«Уклонъ воли», который пріобрѣлъ г. Струве и который онъ рекомендуетъ интеллигенціи, очень вѣдь скользкій,—и это мы видимъ на его собственномъ примѣрѣ. Къ дѣятелямъ старой государственности онъ очень уже близокъ,—ближе, можетъ быть, чѣмъ это замѣчаетъ...

«Намъ нужна,—сказалъ г. Столыпинъ,—великая Россія». «Намъ нужна,—говоритъ г. Струве,—великая Россія». «Имъ нужны,—сказалъ г. Столыпинъ,—великія потрясенія». «Имъ нужны,—подтверждаетъ г. Струве,—великія потрясенія». Да, и это уже повторилъ вслѣдъ за поборникомъ стараго режима проповѣдникъ «новой» идеи.

«Имъ»—это значитъ: «противникамъ государственности», какъ сказалъ въ своей рѣчи г. Столыпинъ. «Имъ»—это значитъ: интеллигенціи, какъ пояснилъ въ своихъ статьяхъ г. Струве.

Въ русскомъ обществѣ,—говоритъ онъ,—развивался и разливался враждебный государству духъ. Дѣло тутъ вовсе не въ революціи и не въ въ „революціонности" въ *полицейскомъ* смыслѣ. Можетъ быть революція во имя государства и въ его духѣ... Враждебный государству духъ сказывается въ непониманіи того, что государство есть „организмъ", который, во имя *культуры*, подчиняетъ народную жизнь началу *дисциплины*, основному условію государственной мощи. Духъ государственной дисциплины былъ чуждъ русской революціи *).

«Это обнаружилось,—по словамъ г. Струве,—въ забастовочной *тактикѣ*, усвоенной себѣ русской революціей въ борьбѣ съ самодержавно-бюрократическимъ строемъ», это сказалось въ «извѣстномъ манифестѣ совѣта рабочихъ депутатовъ и примкнувшихъ къ нему организацій», который «призывалъ прямо къ разрушенію государственнаго хозяйства». Г. Струве рѣшительно отказывается допустить, чтобы «эти дѣйствія и лозунги» были тактическими [illegible]ками,—нѣтъ! «они были внушены духомъ, враждебнымъ государству».

Отк[illegible]новываясь на этихъ выдержкахъ, нѣсколько трудно сказать, гдѣ [illegible]огдменно гнѣздился враждебный государству духъ, пропитавшій русск[illegible]ю революцію: не то въ революціонныхъ «организаціяхъ», не то в[illegible]ичновсемъ «обществѣ»... Но г. Струве указалъ эту среду въ бо[illegible]ему ранней статьѣ, это—интеллигенція. Онъ констатировалъ у

Но

*) „В[illegible]еликая Россія", стр. 147.

*) „В[illegible]

[illegible]оябрь

послѣдней «отсутствіе политическаго и историческаго смысла, доходившее до бѣшенства стремленіе къ разрушенію»,—однимъ словомъ,—«цѣлый душевный строй, которому предшествовало цѣлое идейное воспитаніе» *). Поэтому то г. Струве и задумалъ перевоспитать ее.

Какъ бы то ни было, получается вѣдь вотъ что: г. Струве, съ точки зрѣнія «великой Россіи», полагаетъ, что русскую революцію дѣлали враги государственности; г. Столыпинъ, ссылаясь на ту же «великую Россію», этихъ противниковъ государственности преслѣдуетъ. Замѣчаетъ ли г. Струве это совпаденіе своей идеологіи со столыпинской, — совпаденіе не только въ конечной цѣли, но и въ оцѣнкѣ окружающей ихъ обоихъ дѣйствительности?

Попутно читатели могли замѣтить и еще одинъ рискованный пунктъ, до котораго уже скатился г. Струве. «Основное условіе государственной мощи», по его словамъ, это «дисциплина». «Если можно,—говоритъ онъ дальше,—въ двухъ словахъ опредѣлить ту болѣзнь, которою пораженъ нашъ народный организмъ, то ее слѣдуетъ назвать исчезновеніемъ или ослабленіемъ дисциплины труда» **). Крайне характерно, что «дисциплину» вообще и «дисциплину труда» въ частности выдвигаетъ на это мѣсто человѣкъ, который, при выступленіи на литературную арену, всталъ подъ знамя, поднятое группой «освобожденія труда». Правда, «идею дисциплины труда» г. Струве считаетъ возможнымъ соединить съ «идеей права и правъ», и въ такомъ сочетаніи не было бы, пожалуй, ничего рискованнаго, если бы «дисциплина» не являлась въ то же время «основнымъ условіемъ государственной мощи».— этого «верховнаго закона» для г. Струве. Ну, а если дисциплина труда на почвѣ права и правъ—на почвѣ свободы—сразу не разовьется? Тогда какъ? Не признаетъ ли тогда г. Струве необходимымъ поддерживать ее принудительнымъ порядкомъ? Не пожертвуетъ ли онъ «правомъ и правами» ради «внѣшней мощи»?

Которой изъ этихъ двухъ идей должно принадлежать верховенство? Русская интеллигенція всегда отдавала его правамъ личности, г. Струве полагаетъ, что суверенитетъ долженъ принадлежать государственной мощи. Не покроетъ ли въ такомъ случаѣ новая «идеологія» г. Струве исконной «политики» русскаго правительства и въ ея отношеніяхъ къ трудящимся?

Трудно предугадать, куда можетъ зайти г. Струве при [illegible] решнемъ его «уклонѣ воли» и при свойственной ему страст[illegible] а нерѣдко и запальчивости. Фельетонисты, рисуя будущее [illegible] изображали намъ его «правѣе Пуришкевича»... Но не это [illegible] въ настоящій разъ интересуетъ. Если я остановилъ внима[illegible]

*) „Тактика или идеи", стр. 234.
**) „Великая Россія", стр. 148.

тателей на послѣднихъ движеніяхъ г. Струве, то съ совершенно особою цѣлью.

Мы слышали про людей, которые не знаютъ, чего они хотятъ, и даже не знаютъ, хотятъ-ли они чего,—про писателей, которые неизвѣстно куда ведутъ. Теперь мы видимъ передъ собою человѣка, который знаетъ, чего онъ хочетъ,—писателя, который ведетъ въ опредѣленную сторону. Нашъ глазъ, утомленный безалаберщиной, которая царитъ теперь въ сферѣ идей и настроеній, съ удовольствіемъ можетъ на немъ остановиться... Но... Дѣйствительно-ли г. Струве знаетъ, чего онъ хочетъ? И туда ли онъ ведетъ своихъ читателей?

Да, я позволяю себѣ въ этомъ усомниться... Неужели г. Струве дѣйствительно желаетъ «внѣшней мощи»? Неужели это и есть то высшее благо, къ которому нужно, по его мнѣнію, всѣми силами стремиться? Неужели это и есть для него тотъ богъ, котораго онъ возлюбилъ всею душою своею, всѣмъ сердцемъ своимъ, всѣмъ помышленіемъ своимъ?.. Нѣтъ! онъ и самъ не рѣшается выдать его за «верховную цѣнность съ государственной точки зрѣнія». *).

Мнѣ кажется, что «внѣшнее могущество» государства такъ же нужно г-ну Струве, какъ въ свое время ему нужны были «производственныя отношенія». И россійскаго обывателя онъ съ тою же цѣлью теперь считаетъ нужнымъ «дисциплинировать», съ какою когда-то намѣревался русскаго мужика «выварить». Да, мнѣ кажется, что со стороны солдатской казармы теперь, какъ когда-то со стороны фабричнаго котла, а потомъ со стороны избирательной урны, г. Струве къ одному и тому же, въ сущности, «винограду» подобраться хочетъ.

Я вынужденъ опять воспользоваться этимъ образнымъ выраженіемъ, такъ какъ до сихъ поръ не могу уяснить себѣ, что именно составляетъ предметъ вожделѣній давно мятущагося на нашихъ глазахъ г. Струве. Возможно, что и самъ онъ ясно не представляетъ себѣ этого предмета. Несомнѣнно, что въ послѣднемъ есть элементы и экономическаго достатка, и политической свободы, и всяческой культуры—всѣ элементы, необходимые для всесторонняго и гармоническаго развитія личности, что является для интеллигенціи ея конечною цѣлью,—но въ какой пропорціи и какъ они соединены между собою и какой въ цѣломъ фруктъ представляютъ,—я не знаю. Не знаю я и того, на чемъ этотъ «фруктъ», по мнѣнію г. Струве, держится. Когда онъ пишетъ объ экономикѣ, когда онъ пишетъ о политикѣ и когда онъ пишетъ о культурѣ, я не вижу связи этихъ хорошихъ вещей съ живой человѣческой личностью: какъ будто это «блага въ себѣ»,—блага, которыя къ ему угодно прицѣпить можно.

Но, несомнѣнно, что этихъ благъ онъ все время желаетъ...

*) „Великая Россія", стр. 145.

Когда-то ему казалось, что это—гроздья капитализма: стоитъ последнему развиться, какъ слѣдуетъ, и нужные фрукты сами собой появятся и даже сами собой въ ротъ повалятся. Такъ и теперь... Ему, несомнѣнно, представляется, что стоитъ только «внѣшнимъ могуществомъ», какъ слѣдуетъ заняться, и достатокъ, свобода, культура непремѣнно появятся: ихъ мы, такъ сказать, попутно получимъ. Если и есть разница, то такая: прежде онъ полагалъ, что эти блага явятся *слѣдствіемъ* развитія производительныхъ силъ, а теперь думаетъ, что они явятся въ качессвѣ *средства* для развитія внѣшней мощи... Вникните въ его «Великую Россію»,— и вы увидите, что черезъ всю статью проходятъ эти надежды.

Какъ раньше, такъ и теперь г. Струве отодвигаетъ въ ту или иную сторону истинный предметъ своихъ желаній и подмѣняетъ его совершенно иною вещью, которая сама по себѣ не можетъ вызывать вожделѣній. И при этомъ, какъ раньше, такъ и теперь онъ остается метафизикомъ,—и въ цѣляхъ, и въ средствахъ. Только раньше онъ былъ метафизикомъ реальныхъ силъ, а теперь— идеальныхъ.

Г. Струве все хочетъ найти какую-то «какъ бы личность», которой нужно только потрафить—удовлетворить ея «желанія»—и дѣло будетъ сдѣлано. Въ качествѣ марксиста онъ видѣлъ ее въ «производственныхъ отношеніяхъ», которыя, развиваясь въ силу «имманетнаго закона», дадутъ намъ все, что нужно. Наша роль только имъ не препятствовать. Теперь онъ видитъ такую же «какъ бы личность» въ государствѣ, которое, въ силу «верховнаго закона», желаетъ быть могущественнымъ. Намъ нужно только помогать ему въ этомъ желаніи. Раньше г. Струве приглашалъ насъ «на выучку къ капитализму»... Я боюсь, что теперь онъ зоветъ насъ ни больше ни меньше, какъ на службу къ деспотизму.

Какъ въ цѣляхъ, такъ и въ средствахъ онъ вовсе игнорируетъ живую человѣческую личность. По контрасту мнѣ опять вспоминается Н. К. Михайловскій.

Вы,—писала послѣднему полтавская интеллигенція въ день 40-лѣтняго его юбилея,—дали нашему молодому и часто неустойчивому, въ тяжелые годы—растерянному, обществу именно то, что прежде всего ему нужно: вѣру въ мысль, умѣнье создать и любить свои идеалы. Вы съ небывалой силой показали русскимъ людямъ, привыкшимъ къ подавленности, къ пассивности, къ разъѣдающимъ рефлексіямъ, что на нихъ лежитъ высокій общечеловѣческій долгъ—создавать самимъ свою исторію, свое счастье, самимъ опредѣлять это счастье и сознательно для него работать... *)

Г. Струве, несомнѣнно, не даетъ того, что нужно «въ тяжелые годы—растерянному обществу». Подмѣняя цѣли движенія,

*) Этотъ отрывокъ изъ полтавскаго адреса мнѣ пришлось уже цитировать въ „Матеріалахъ для характеристики русской интеллигенціи“ (см. „Къ вопросу объ интеллигенціи“, стр. 69).

приглашая интеллигенцію отказаться отъ своихъ идеаловъ и призывая своихъ читателей,—вмѣсто того, чтобы «самимъ опредѣлять свое счастье и сознательно для него работать»,—на службу русской государственности, находящейся всецѣло во власти гг. Столыпиныхъ и Дубровиныхъ, г. Струве только усиливаетъ и безъ того невыразимую сумятицу, которая царитъ въ средѣ русскаго общества...

Да, г. Струве ведетъ въ опредѣленную сторону... Но мнѣ кажется, что было бы лучше, если бы онъ никуда не велъ, такъ какъ онъ ведетъ туда, куда, быть можетъ, даже не хочетъ...

III.

Если я съ такою подробностью остановился на г. Струве, то не потому, чтобы приписывалъ ему сколько-нибудь значительную роль въ современной сумятицѣ. Самъ по себѣ онъ такой роли не играетъ и едва ли будетъ играть. Какъ политическаго дѣятеля, всѣ видѣли его въ послѣдній разъ гдѣ-то между к.-д. и октябристами, и скорѣе ближе къ послѣднимъ, чѣмъ къ первымъ. Послѣ того онъ, вѣроятно, и еще въ томъ же направленіи продвинулся. Вообще, его движеніе вправо столь стремительно, что увести съ собою сколько-нибудь значительныя силы,—а таковыя свои фланговыя движенія совершаютъ сравнительно медленно,—онъ, какъ я думаю, не можетъ. И въ качествѣ политическаго мыслителя онъ не пользуется уже особою популярностью. Правда, когда-то онъ былъ кумиромъ молодежи, но послѣ «измѣнъ», какія за нимъ числятся, довѣріе къ нему уже подорвано, и теперь едва ли онъ можетъ многихъ увлечь, несмотря на свойственную ему въ области мысли страстность.

Г. Струве интересенъ былъ для меня по другой причинѣ. Онъ зарекомендовалъ себя достаточною чуткостью къ нарождающимся и наростающимъ въ обществѣ настроеніямъ и, быть можетъ, благодаря своей стремительности, иногда являлся ихъ провозвѣстникомъ. Напомню хотя бы случай, котораго пришлось касаться выше.

Въ марксистской средѣ далеко еще не закончилась борьба съ господствовавшимъ въ ней «экономизмомъ»; политическая струя не получила еще преобладающаго значенія... Находившійся въ этой средѣ г. Струве, бывшій, можно сказать, однимъ изъ родоначальниковъ «экономизма», дѣлаетъ въ этотъ моментъ нѣсколько стремительныхъ движеній,—и оказывается въ Штуттгардтѣ, всецѣло занятый «политикой» и вовсе чуждающійся (сначала) экономики. Недавній вождь нарождавшагося марксизма оказался, такимъ образомъ, и вождемъ воскресавшаго либерализма...

Я опасаюсь, что и на этотъ разъ г. Струве, выдвинувшійся изъ к.-д. среды съ «великой Россіей», является только провоз-

вѣстникомъ новаго теченія, которое, быть можетъ, уже зародилось въ обществѣ. Я боюсь, что «идейное перевоспитаніе» русской интеллигенціи въ нѣкоторой ея части уже началось. Это не значитъ, конечно, что его задумалъ и совершитъ г. Струве, что отъ него, отъ его статей, отъ его идей возникло новое теченіе. Законы возникновенія и развитія общественныхъ теченій намъ менѣе извѣстны, чѣмъ теченій въ воздушной атмосферѣ. Не даромъ сказано:

Мысли съ вѣтромъ носятся,
Ихъ и вѣтру не догнать...

Фактъ тотъ, что мысли, увлекающія теперь г. Струве, «носятся»,— ихъ приходится встрѣчать даже среди молодежи. И не всегда можно сказать, откуда онѣ появились...

Въ той же «Русской Мысли», гдѣ появились цитированныя мною статьи г. Струве, была потомъ помѣщена статья г. Левченка: «Кризисъ университетской жизни» съ подзаголовкомъ: «Мысли студента» *). Г. Изгоевъ тогда же удостовѣрилъ въ «Рѣчи», что эта, заслуживающая, по его мнѣнію, особаго вниманія статья, дѣйствительно, написана студентомъ. Написана же она подъ несомнѣннымъ вліяніемъ «Великой Россіи»: авторъ прикидываетъ къ студентамъ «мѣрило», предложенное г. Струве, и нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, что почти цѣликомъ воспроизводитъ нѣкоторыя его мысли. Но не отъ одного г. Струве, повидимому, заимствовалъ свои идеи г. Левченко. По крайней мѣрѣ, когда я читалъ его статью, мнѣ вспомнились и нѣкоторые другіе писатели...

«Откуда же,—восклицалъ г. Левченко,—явятся на Руси новые богатыри? Кто долженъ родить ихъ и съ ними новую Россію, какъ не университетъ?» И мнѣ хотѣлось его спросить: «Позвольте, молодой человѣкъ! не у Суворина ли вы это взяли?» Г. Суворинъ вѣдь давно уже о «богатыряхъ» безпокоится, — и къ университету, когда тотъ бастовалъ, онъ не разъ съ этимъ самымъ вопросомъ обращался... Напомнили мнѣ что-то знакомое, уже встрѣчавшееся въ литературѣ, и слѣдующія вдохновенныя строки г. Левченка:

Вспыхнетъ огонь любви къ отчизнѣ, озаритъ самые темные умы, согрѣетъ самыя холодныя сердца, и русскіе граждане, кто бы они ни были, юные ли слушатели школы, зрѣлые ли люди, дѣятели новой жизни—поймутъ, наконецъ, кто они, поймутъ, что и имъ есть чѣмъ гордиться. Они, быть можетъ, пересмотрятъ свою исторію, которую такъ мало знаютъ теперь. На пожелтѣвшихъ отъ времени страницахъ они увидятъ среди мрачныхъ и жестокихъ—прекрасныя и свѣтлыя. Отъ Новгорода и Пскова, отъ сверженія ига татаръ до великаго Петра. Вспомнятъ, быть можетъ, кое-что и изъ эпохи Екатерины и „дней Александровыхъ прекрасное начало“, и реформы Александра II. Вспомнятъ могучія силы народныя, тѣ, что проявлялись и запечатлѣлись огненными буквами въ святомъ образѣ митрополита Филиппа, въ могучихъ образахъ протопопа

*) „Русская Мысль“, май, 1908 г.

Аввакума или патріарха Никона. Предразсвѣтные глашатаи свободы—Новиковъ, Радищевъ, декабристы, такіе государственные дѣятели, какъ графъ Сперанскій и Милютины, вся славная литература Россіи,—все это вспомнитъ и оцѣнитъ русская исторія; а слушатели ея въ университетѣ научатся уважать и любить свой народъ не только во имя тѣхъ грезъ о будущемъ, чѣмъ полны теперь сердца и головы молодежи, но и во имя тѣхъ реальныхъ чертъ прошлаго, которыя достойны благодарной памяти *)...

Какъ будто, въ этомъ же родѣ и въ этомъ же стилѣ писалъ г. Меньшиковъ, когда, напримѣръ, доказывалъ необходимость дорожить «реликвіями» прошлаго, въ томъ числѣ «самодержавіемъ», или убѣждалъ поставить памятникъ своей землячкѣ—кн. Ольгѣ въ Псковѣ... Конечно, это внѣшнее совпаденіе. Г. Левченко, вѣроятно, совершенно иначе представляетъ себѣ «богатырей», чѣмъ г. Суворинъ. И страницы русской исторіи онъ отмѣчаетъ не совсѣмъ тѣ, которыя отмѣчаетъ г. Меньшиковъ. Послѣднему въ такихъ случаяхъ мерещится, вѣроятно, Иванъ Грозный и Малюта Скуратовъ, и едва ли онъ вспоминаетъ Новикова и Радищева. Впрочемъ, при надобности, и ихъ онъ вспомнитъ, всю «славную литературу» въ ходъ пуститъ. Не забудемъ, что «зубры» не разъ уже пытались присвоить себѣ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, даже Тургенева, исключивъ изъ ихъ сочиненій «все нехарактерное для нихъ, все легкомысленное и все неудачно выраженное» (я вспоминаю кое-какіе эпизоды, имѣвшіе мѣсто во время Пушкинскаго юбилея); были попытки со стороны дворянскихъ собраній даже «декабристовъ» присвоить и въ своихъ цѣляхъ использовать... Надо сказать, что и г. Левченко, съ своей стороны, не очень тщательно, повидимому, подбиралъ «прекрасныя и свѣтлыя страницы»: нѣкоторыя изъ нихъ даже сейчасъ г. Меньшикову могли бы пригодиться.

Но не въ этомъ все-таки дѣло, не во внѣшнихъ совпаденіяхъ... Мнѣ кажется, въ данномъ случаѣ есть нѣчто большее. Не случайно вѣдь «любовь къ отечеству и народная гордость» вдругъ охватила г. Левченка. Ему хочется вырвать «патріотизмъ» изъ рукъ казенныхъ патріотовъ,—и онъ не скрываетъ этого намѣренія.

Печально и горько сознаться,—пишетъ онъ,—что русское общество не сумѣло противопоставить лживому патріотизму реакціонеровъ бодраго сознанія своего достоинства; оно безъ борьбы уступило патріотизмъ въ исключительную собственность враговъ и допустило подонкамъ общества загрязнить чистое чувство любви къ родинѣ.

Не скрываетъ онъ и того, для чего ему патріотизмъ понадобился.

Когда наступили событія огромнаго, всенароднаго значенія, они застали общество и молодежь неподготовленными къ ихъ уразумѣнію. Моментъ, когда близилась и росла возможность нашего національнаго

*) „Кризисъ университетской жизни", стр. 118—119.

возрожденія, когда долго жданное счастье обновленія съ изумительною неожиданностью готово было даться намъ въ обладаніе,—этотъ моментъ былъ непростительно упущенъ... Основная идея русской революціи, какъ общенародной борьбы, какъ возстановленія поруганной чести націи, ускользнула отъ сознанія интеллигентской мысли и была подмѣнена инымъ ложнымъ пониманіемъ смысла событій. Борьба классовъ во имя частныхъ интересовъ, междуусобная брань, сопутствовавшая народному движенію и ослабляющая его, была принята, какъ главное, какъ основной принципъ революціи; ей старались содѣйствовать всѣми силами, разжигали и питали ее. Разбиваясь понемногу, девятый валъ революціи не докатился до желаннаго берега, не смывъ и не разрушивъ преградъ. Оскорбленная національная честь осталась не возстановленной...

«Патріотизмъ» нуженъ, чтобы совершить революцію,—для того же самаго, для чего г. Струве нужна идея «великой Россіи» и для чего, повидимому, нужна нѣкоторымъ неожиданно выплывшая около того же времени и получившая уже послѣ того характерныя модуляціи идея «славянской взаимности»... «Патріотизмъ», это,—сила, которая совершила уже много великихъ дѣлъ въ исторіи. И эту силу у враговъ нужно вырвать, нужно самимъ вооружиться ею.

Вотъ откуда взялось, насколько я могу уяснить себѣ, это сходство между людьми совершенно различныхъ, казалось бы, и доселѣ враждебныхъ лагерей. Сходство, прежде всего, въ языкѣ... Національное чувство, національная гордость, національная честь, національное достоинство,—весь, можно сказать, лексиконъ націонализма уже усвоенъ либерализмомъ.

Васъ пугаетъ возрожденіе націонализма?—спрашивалъ г. Маклаковъ на публичной лекціи въ Москвѣ своихъ слушателей.—Я понимаю,—продолжалъ онъ,—что реакція негодуетъ на то, что мы изъ ея рукъ беремъ это знамя, ея единственный психологическій рессурсъ, какъ это назвалъ одинъ русскій писатель; но почему же вы огорчаетесь этому? Развѣ мы можемъ не радоваться возрожденію національнаго чувства? Развѣ этого возрожденія можетъ не быть у народа въ моментъ его обновленія? Развѣ національное чувство народа не то же, что чувство собственнаго достоинства у человѣка?.. *)

Я не буду останавливаться на цѣнности «національной чести», которою такъ увлечены г.г. Левченко и Маклаковъ, какъ самостоятельнаго блага. Не берусь я судить и о томъ, насколько искренно и серьезно это нѣсколько неожиданно вспыхнувшее въ нихъ чувство. Меня больше интересуетъ ихъ замыселъ: вырвать у реакціи ея «знамя», лишить ее «послѣдняго психологическаго рессурса»...

Замыселъ—нѣтъ словъ—грандіозный. Національная идея, какъ показала исторія, громадная сила, и можно думать, что до сихъ поръ она жива въ народѣ. Стоитъ только пробудить въ послѣднемъ національное чувство,—и большія дѣла можно будетъ сдѣлать.

---

*) Цитирую по авторизованному реферату объ этомъ докладѣ, напечатанному въ „Рѣчи“ и „Московскомъ Еженедѣльникѣ“.

Напомню, что въ исторіи дѣйствовала и другая, не менѣе великая сила,—религіозная идея. И она, можно думать, еще жива въ массахъ. Нѣкоторые и за нее пробуютъ ухватиться. И ихъ замыселъ мнѣ тоже представляется грандіознымъ.

Да, мнѣ кажется, что я понимаю этотъ замыселъ: о, если бы можно было воспользоваться этими силами старой государственности и сочетать ихъ съ той силой, которая уже пыталась создать новую, но оказалась для этого недостаточной! Можно вѣдь позавидовать туркамъ, которые сумѣли сочетать исламизмъ и націонализмъ съ либерализмомъ. За то вѣдь у нихъ и революція—не такъ, какъ у насъ,—оказалась удачной. Впрочемъ, турокъ мы лучше оставимъ. Подождемъ, что у нихъ изъ этого сочетанія еще получится... Посмотримъ лучше, осуществимъ ли этотъ замыселъ у насъ, осуществимъ ли онъ въ той исторической стадіи и въ тѣхъ реальныхъ условіяхъ, въ какихъ мы находимся?

Мнѣ кажется, что русская интеллигенція, какъ бы она ни хотѣла этого, уже не можетъ сдѣлаться религіозной; если же сдѣлается, то перестанетъ быть интеллигенціей. Точно также мнѣ кажется, что она не можетъ сдѣлаться націоналистической, а если сдѣлается, то не будетъ уже интеллигенціей. Мнѣ кажется... Это, конечно, не доводъ. Но я сошлюсь на П. Н. Милюкова...

Правда, онъ самъ завязъ въ болотѣ «славянской взаимности». Но я сошлюсь на г. Милюкова не какъ на политическаго дѣятеля, а какъ на историка и мыслителя. Въ качествѣ мыслителя, онъ когда-то видѣлъ въ борьбѣ со славянофильствомъ чуть ли не главную задачу своей жизни. Въ качествѣ историка—для націоналистической идеологіи онъ давно уже приготовилъ могилу. Напомню, что всю «исторію русскаго общественнаго самосознанія» онъ дѣлитъ на три періода:

1) развитіе націоналистическихъ идеаловъ органической (завоевательной) эпохи и начало ихъ критики; 2) послѣднія побѣды націонализма и первые успѣхи общественной критики; 3) развитіе общественнаго мнѣнія критической эпохи.

«Черезъ всѣ три періода проходитъ,—говоритъ онъ,—красною нитью постепенное нарастаніе критическаго воззрѣнія и соотвѣтственное ослабленіе воззрѣнія націоналистическаго». Характеризуя, въ частности, этотъ третій періодъ, онъ пишетъ:

Общественное самосознаніе въ этотъ періодъ все болѣе обращалось отъ завоевательныхъ плановъ внѣшней политики къ проектамъ внутренняго общественнаго устройства. Старые національные идеалы уступили мѣсто въ общественномъ мнѣніи новымъ, которые подверглись упреку въ „космополитизмѣ“ со стороны „патріотовъ“ добраго стараго времени. Число послѣднихъ стало быстро уменьшаться. Таковъ характеръ общественнаго самосознанія въ періодъ, который мы условимся называть *критическимъ* *).

*) П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть третья. Націонализмъ и общественное мнѣніе. Вып. I. Спб. 1901 г. Стр. 12 и 13.

И этотъ третій періодъ, по мнѣнію П. Н. Милюкова, начался уже давно: «оффиціальную побѣду критическихъ элементовъ надъ націоналистическими» онъ относитъ къ XVIII столѣтію. Теперь, повидимому, настало уже время начать новый періодъ русской исторіи,—я не знаю, какъ бы его назвалъ, П. Н. Милюковъ, но онъ мнѣ представляется, если пользоваться его терминами, какъ творческій періодъ общественнаго мнѣнія, какъ осуществленіе «проектовъ внутренняго общественнаго переустройства»... И вотъ на порогѣ этого новаго періода,—можетъ быть, потому только, что мы оказались не въ силахъ переступить его,—намъ предлагаютъ сосредоточить вниманіе на внѣшней политикѣ, заняться возрожденіемъ націонализма, усвоить націоналистическую идеологію. Вѣдь это значитъ вернуться назадъ, отбросить общественное самосознаніе, по меньшей мѣрѣ, во второй періодъ...

Съ націонализмомъ иначе, какъ назадъ, намъ двинуться не куда. И это, я думаю, вполнѣ понятно. Націонализмъ могъ быть прогрессивной силой въ органическую эпоху, когда національное государство еще складывалось; націонализмъ можетъ быть даже революціонной силой, какъ, напримѣръ, у національностей угнетенныхъ; но націонализмъ неизбѣжно является реакціонной силой, когда государство другія національности угнетаетъ. А такова именно, къ нашему стыду и къ нашему несчастію, въ настоящее время русская государственность.

Вы желаете вырвать у реакціи ея знамя? — хотѣлось бы мнѣ сказать лицамъ, работающимъ надъ возрожденіемъ націонализма.— Вы хотите сами нести его? Допустимъ, что вамъ это удастся... Знамя все равно будетъ реакціонное...

«Не таковъ нашъ націонализмъ»,—заявилъ въ Москвѣ г. Маклаковъ, и въ этотъ какъ разъ моментъ приставъ прекратилъ собраніе... Я не знаю, удастся-ли г. Маклакову закончить начатую имъ характеристику. Но я не сомнѣваюсь, что онъ указалъ бы много отличій «возрожденнаго» націонализма отъ «истинно-русскаго». Но и за всѣмъ тѣмъ для русской интеллигенціи онъ можетъ быть только реакціоннымъ.

Даже въ томъ случаѣ, если бы она ухватилась за него въ качествѣ средства... Это значило бы вѣдь опереться на совсѣмъ иную реальную силу, чѣмъ та, въ какой интеллигенція стремилась все время найти опору для своихъ идеаловъ. Это значило бы связать себя не съ трудовымъ народомъ, а съ націей... Націю именно г. Левченко и противополагаетъ «вооруженному пролетаріату и революціонному крестьянству»; къ этимъ лозунгамъ, погубившимъ по его мнѣнію, революцію, онъ относится чуть ли не съ ненавистью. Если бы не было борьбы классовъ и междуусобной брани, если бы революція совершалась всей націей, то она удалась бы... Несомнѣнная истина. И если думать только о средствахъ, то, конечно, лучше ухватиться за націю и не дробить ея силы.

Но въ такомъ случаѣ вѣдь и задачу придется поставить соотвѣтственную. «Основная идея русской революціи, какъ общенародной борьбы», состояла, по мнѣнію г. Левченко, въ «возстановленіи поруганной чести націи». Все остальное—отъ лукаваго, «ложное пониманіе событій» и только. Желая воспользоваться всей націей, какъ силой, приходится пустить на смарку всѣ соціальныя задачи, какія ставитъ себѣ русская интеллигенція.

Остается одно: «возстановленіе поруганной чести націи»... Къ сожалѣнію, г. Левченко не прибавилъ: кѣмъ поруганной? не японцами же, въ самомъ дѣлѣ... Если бы онъ это пояснилъ, то, быть можетъ, самъ немедленно увидѣлъ бы неизбѣжность «междуусобной брани» и невозможность совершить «революцію» силами всей націи. Желая воспользоваться націей, какъ силой, пришлось бы, можетъ быть, вовсе отказаться отъ всякихъ внутреннихъ преобразованій.

Впрочемъ, г. Левченко и къ этому обнаруживаетъ склонность. Онъ приглашаетъ молодежь «отказаться отъ идейныхъ заблужденій прошлой эпохи», отвернуться отъ «тусклыхъ идеаловъ своихъ предшественниковъ», «отречься, главнымъ образомъ, отъ ложной и наивной увѣренности въ единомъ всемогуществѣ внѣшнихъ преобразованій при почти безучастномъ отношеніи къ тѣмъ духовнымъ силамъ, что творятъ жизнь». Я не знаю, какъ можно, по мнѣнію г. Левченко, вообще уравновѣсить эти два «двигательныя начала», но въ той сферѣ жизни, которой посвящена его статья, онъ видитъ исходъ въ томъ, чтобы обратить университетъ въ «храмъ истинъ вѣчныхъ», отвернувшись отъ «чечевичной похлебки временныхъ нуждъ». Что сталъ бы дѣлать г. Левченко, если бы этотъ «храмъ» оказался превращеннымъ въ «казарму»,—а это уже бывало,—я не знаю.

Еще яснѣе, пожалуй, ставитъ дѣло насчетъ «временныхъ нуждъ» и вообще «внутреннихъ преобразованій» г. Маклаковъ.

> Прошла,—говорилъ онъ—революція, пройдетъ реакція, пройдетъ и успокоеніе, а Россія останется; не только власть, но и мы будемъ отвѣтственны теперь за ея международное положеніе; и если она окажется униженной оттого, что занятые внутреннею распрей, мы не хотѣли знать о ея внѣшнихъ задачахъ, никакими отговорками мы не купимъ прощенія нашихъ потомковъ.

И г. Маклаковъ, такимъ образомъ, приглашаетъ насъ оставить «временныя нужды», а вмѣстѣ и внутреннія дѣла, вызывающія распри. Какія же, однако, цѣли ставитъ онъ во внѣшней политикѣ? Онъ видитъ очередныя задачи въ «борьбѣ за славянскую національность—во-первыхъ» и въ «борьбѣ противъ германизма—во-вторыхъ». «Борьба за славянскую національность»,—за польскую, напримѣръ... «Я знаю,—говорилъ г. Маклаковъ,—что польскій вопросъ еще не разрѣшенъ, даже не находится на пути къ разрѣшенію, что онъ только поставленъ». Легко понять, что главное препятствіе къ его раз-

рѣшенію это—внутреннія дѣла Россіи. Но это не смущаетъ г. Маклакова.

Тамъ, въ Прагѣ,—говорилъ онъ,—передъ лицомъ иностранцевъ мы молчали о немъ; здѣсь, въ Москвѣ, у себя, мы его не боимся. И вотъ я хочу сказать имъ такъ громко, чтобы они услышали меня изъ Москвы, что мы о немъ не забыли, что онъ долгъ нашей совѣсти.

Сказать это, конечно, не трудно... Не трудно сказать и герцеговинцамъ то же самое. Но слѣдовало бы, можетъ быть, вспомнить о рейхштадтскомъ договорѣ. Уже 15 января 1877 года, по состоявшемуся еще ранѣе личному соглашенію императоровъ Александра II и Франца Іосифа, Боснія и Герцеговина были предназначены Австріи. Уже съ этого момента русскіе добровольцы, а затѣмъ и русскіе солдаты проливали кровь не за герцеговинцевъ, а за австрійцевъ. Такова можетъ оказаться и теперь затѣваемая г. Маклаковымъ борьба за «славянскую національность».

«Борьба противъ германизма»... Крайне характерно, что теперь о «германской опасности» г. Маклаковъ говоритъ такъ же, какъ когда-то г.г. Суворины старались разжечь русскій народъ разговорами о «желтой опасности». Г. Маклакову, очевидно, не довольно «русскихъ нѣмцевъ», не съ «юнкерами» и «аграріями» онъ хочетъ бороться,—ихъ и въ Россіи достаточно,—онъ хочетъ бороться съ нѣмецкимъ народомъ. И это, конечно, не случайность. Націонализмъ во внѣшней политикѣ при данныхъ условіяхъ неизбѣжно становится шовинизмомъ...

О, какъ это далеко отъ идеаловъ русской интеллигенціи, отъ цѣлей, какія она себѣ всегда во внутренней и внѣшней политикѣ ставила...

Я представляю себѣ случай, когда ей, быть можетъ, придется воспользоваться «національной идеей». Да, съ горечью приходится думать, что такой случай возможенъ. Возможно, что передъ нами опять встанетъ давно, казалось бы, разрѣшенный уже русскимъ народомъ вопросъ о его внѣшней безопасности и національной независимости. Тогда мы поведемъ борьбу всей націей.. Но тогда не мы придвинемся къ Бобринскому и Суворину,—къ сторонникамъ старой государственности,—а они вынуждены будутъ встать подъ наше знамя. И это будетъ знамя не «возрожденнаго», а революціоннаго націонализма...

Вырывать ихъ знамя намъ незачѣмъ. Нечего намъ завидовать и реакціонному «патріотизму»; любви къ родинѣ у насъ достаточно. Можетъ быть, мало силъ, чтобы сдѣлать все, чего эта любовь требуетъ. Будемъ собирать эти силы...

И я увѣренъ, что на этомъ именно русская ителлигенція въ значительной своей части сосредоточитъ свое—разсѣянное теперь—вниманіе. «Націонализмомъ» она не увлечется. Ухватиться за это, можетъ быть, и сильное средство, значило бы для нея отказаться отъ своихъ высокихъ цѣлей.

IV.

Предпринятая мною прошлый разъ попытка дать общую характеристику состоянія, въ какомъ находится сейчасъ русская литература,—особенно при тѣхъ рѣзкихъ квалификаціяхъ *), какія я допустилъ—неизбѣжно должна была вызвать отклики со стороны пишущей братіи. Я этого ждалъ,—больше того: я къ этому стремился.

Пусть,—думалось мнѣ,—пусть на мои рѣзкости отвѣтятъ еще больше рѣзкостями,—не въ этомъ дѣло: нужно же, наконецъ, отнестись сознательно къ современному состоянію всѣмъ намъ дорогой литературы, которое, несомнѣнно, является болѣзненнымъ. Пусть обнаружатся—хотѣлось мнѣ—имѣющіяся въ ней теченія; можетъ быть, они окажутся совсѣмъ не такія, какія мнѣ представляются желательными, но пусть это будутъ опредѣленныя теченія. Надо же вѣдь, чтобы этотъ хаосъ, какой представляетъ изъ себя современная литература въ значительной ея части, превратился когда-нибудь въ «твердь или видимое небо». Читатели вѣдь ждутъ этого «неба», и къ литературѣ съ надеждой или отчаяніемъ обращаютъ они свои взоры. Довольно уже мы ждали «великаго творца», который скажетъ: «да будетъ свѣтъ!»—и сразу все для насъ освѣтитъ. Пора попробовать самимъ разобраться. Можетъ быть, это даже не первобытный хаосъ, а просто аморфный растворъ. Быть можетъ, достаточно маленькой крупинки, чтобы онъ началъ кристаллизоваться...

Такую крупинку я и попробовалъ въ числѣ другихъ бросить. Да, я многихъ при этомъ задѣлъ, но вѣдь личная заинтересованность—одинъ изъ стимуловъ, чтобы возможно точнѣе и яснѣе опредѣлить свою позицію...

---

*) Одну изъ этихъ „квалификацій“ я долженъ исправить, что и сдѣлано уже мною особымъ письмомъ въ газету „Рѣчь“. Привожу это письмо полностью: „Въ статьѣ „Сумятица“, помѣщенной въ № 10 „Русскаго Богатства“, мною была дана рѣзко-отрицательная характеристика понедѣльничныхъ газетъ и, между прочимъ, отмѣчена въ нихъ „видная примѣсь беззастѣнчивой порнографіи“. Я положился въ этомъ случаѣ на общее впечатлѣніе, какое составилось у меня въ результатѣ чтенія „понедѣльниковъ“ за два года. Въ виду протеста г. Василевскаго относительно понедѣльничныхъ газетъ, выходившихъ подъ его редакціей, я вновь пересмотрѣлъ всѣ номера этихъ газетъ, которые оказалось возможнымъ теперь достать, и убѣдился, что мое огульное утвержденіе относительно порнографической примѣси не можетъ считаться достаточно обоснованнымъ. Глубоко сожалѣя о допущенной мною ошибкѣ, считаю необходимымъ заявить о ней, не дожидаясь выхода слѣдующей кн. „Русскаго Богатства“. Эта частная поправка не измѣняетъ, конечно, моего общаго отрицательнаго отношенія къ дѣятельности г. Василевскаго, какъ редактора „понедѣльниковъ“ и какъ издателя „Образованія“, въ качествѣ каковаго я упомянулъ о немъ въ своей статьѣ“.

Мои ожиданія оправдались, но не сбылись мои надежды: по затронутымъ мною общимъ допросамъ никто пока не поднялъ перчатки,—мои квалификаціи были восприняты всецѣло, какъ личныя нападки. Съ г. Василевскимъ мнѣ придется даже разбираться въ третейскомъ судѣ... Но и другіе отклики не таковы, чтобы они хотя въ малой мѣрѣ могли уяснить общіе вопросы.

Для примѣра упомяну здѣсь о наиболѣе рѣзкомъ, но въ то же время и о самомъ, пожалуй, никчемномъ откликѣ—о письмѣ г. Аникина, который выступилъ отъ имени «Бодраго Слова». Я не упоминалъ въ своей статьѣ о г. Аникинѣ, но это онъ объясняетъ моимъ «снисходительнымъ» въ нему отношеніемъ, моимъ «великодушіемъ», которое онъ находитъ, конечно, излишнимъ. Изъ этого уже видно, что кромѣ «личностей» ничего въ моей статьѣ редакція «Бодраго Слова» не замѣтила. И объ этомъ нельзя не пожалѣть,—потому что, какъ оказывается, съ этой именно стороны по одному изъ затронутыхъ мною вопросовъ, мы могли ожидать принципіальнаго отвѣта.

Г. Аникинъ упрекаетъ меня, что я полемизирую съ газетнымъ объявленіемъ о журналѣ, не дождавшись выхода самого журнала. Я не понимаю, почему бы «объявленіе» не подлежало моей оцѣнкѣ: вѣдь именно объявленіемъ, публикуемымъ во всеобщее свѣдѣніе, редакція извѣщаетъ о той физіономіи, которую она намѣрена придать журналу. Упрекъ былъ бы, пожалуй, умѣстенъ, если бы я ошибся и не такъ понялъ эти намѣренія. Но оказывается, нѣтъ... Г. Аникинъ упоминаетъ о какомъ-то «циркулярѣ» (и тоже упрекаетъ меня, что я съ нимъ не познакомился), въ которомъ «чернымъ по бѣлому» было написано объ этихъ намѣреніяхъ—о намѣреніяхъ «обращаться ко всей интеллигенціи», минуя «разногласія, отдѣляющія одну партію отъ другой» и «объединяя всѣ дѣятельно-прогрессивные элементы страны». Такимъ образомъ, странная смѣсь именъ, которая поразила меня въ объявленіи, какъ оказывается, была составлена сознательно, это—планъ, который редакція «Бодраго Слова» себѣ намѣтила. Я понимаю, что можно отстаивать такой планъ, находить его наиболѣе полезнымъ въ наше время и расходиться съ моей точкой зрѣнія, когда я говорю, что въ литературѣ нужнѣе всего сейчасъ «яркіе и опредѣленные органы», а не тѣ или иныя смѣси. Да, я это понимаю... Я серьезно считался, какъ имѣли случай убѣдиться читатели, даже съ тѣми, кто хочетъ объединить не только «всю интеллигенцію», но даже «всю націю»... И если таковъ вашъ планъ, то защищайте его, отстаивайте свою точку зрѣнія,—и не обижайтесь, если кому-либо изъ васъ напомнятъ, что онъ еще недавно держался совсѣмъ иныхъ взглядовъ, не говорите, что на васъ «инсинуируютъ»...

И мнѣ приходится особенно пожалѣть, что г. Аникинъ уклонился отъ этого принципіальнаго вопроса, сведя все дѣло къ «личностямъ». У насъ съ нимъ, казалось бы, могла найтись об-

щая почва для разговора—скорѣе могла бы найтись, чѣмъ у меня съ г. Маклаковымъ,—и этой почвой могли бы послужить интересы трудового народа (Я продолжаю думать, что насъ съ г. Аникинымъ раздѣляютъ средства, а не цѣли). И для читателей этотъ разговоръ могъ бы быть интересенъ. Попутно мы, можетъ быть, разъяснили бы и тотъ частный вопросъ, который г. Аникинъ задумалъ устранить простой ссылкой, что одно дѣло—критика, другое дѣло—законъ 9 ноября. Повидимому, этотъ вопросъ онъ совсѣмъ не понялъ и поэтому я его формулирую: можетъ-ли журналъ быть народническимъ въ отношеніяхъ къ политическимъ злобамъ дня и марксистскимъ въ отношеніяхъ къ литературнымъ явленіямъ, или же онъ долженъ проводить одно, возможно цѣлостное, міросозерцаніе?

Что касается «инсинуацій», какихъ-то намековъ даже на «доносъ», попытокъ свести содержаніе моей статьи къ какимъ-то старымъ счетамъ,—то писать по этому поводу я ничего не буду. Конечно, я могъ бы отвѣтить,—пожалуй, очень рѣзко отвѣтить. Но я не считаю себя вправѣ утруждать читателей такимъ безплоднымъ переругиваніемъ.

Изъ «инсинуацій» я остановлюсь лишь на одной, касающейся не меня лично, а дорогого для меня покойника. Желая, повидимому, сильнѣе уязвить меня, г. Аникинъ задумалъ прочитать мнѣ наставленіе отъ имени Н. К. Михайловскаго и, долго не задумываясь, вложилъ въ уста, которыя уже не откроются, рѣчь собственнаго своего сочиненія и даже заключилъ ее въ кавычки. Напомню, что Николай Константиновичъ болѣе 40 лѣтъ стоялъ «на славномъ посту», оставаясь все время въ одномъ и томъ же, какъ онъ самъ выразился, «сюртукѣ», при томъ наглухо застегнутомъ. Напомню, что щепетильнѣе, чѣмъ кто либо другой, онъ относился ко всякимъ литературнымъ комбинаціямъ и отказывался иногда «пить изъ колодца», опасаясь, что потомъ въ него «плюнуть придется». И не г. Аникину, конечно, не такъ давно еще появившемуся на публичной аренѣ и уже разстегнувшему, повидимому, кой какія пуговицы на своемъ сюртукѣ, поднимать покойника изъ гроба для защитительной рѣчи въ пользу задуманной имъ «смѣси».

Приходится думать, что не только «ругательствами» Н. К. Михайловскаго,—такъ г. Аникинъ называетъ отрицательныя характеристики послѣдняго,—онъ не дорожитъ, но и къ личности покойнаго болѣе, чѣмъ легко, относится.

А. Пѣшехоновъ.

P. S. Моя статья была уже набрана, когда вышелъ № 2 «Бодраго Слова» со статьею г. Бикермана: «Направленство». Статья посвящена принципіальной защитѣ позиціи, какую избралъ себѣ журналъ. «Мы должны искренно и чистосердечно признаться передъ собою и другими,—пишетъ г. Бикерманъ,—что заранѣе

избрать себѣ путь, чтобы идти по немъ, не сворачивая, мы не можемъ. Мы можемъ избрать только направленіе перваго шага или первыхъ шаговъ». Планъ, стало быть, таковъ: жить безъ плана... И этотъ планъ г. Бикерманъ считаетъ не только единственно возможнымъ, но и единственно правильнымъ,—не только въ настоящій моментъ, но и на предбудущія времена. Къ оцѣнкѣ его по существу мнѣ придется, вѣроятно, вернуться; тогда я остановлюсь и на постъ-скриптумѣ, направленномъ по моему адресу. Въ настоящій же разъ могу лишь констатировать, что отъ вниманія редакціи «Бодраго Слова» не ускользнули и общіе вопросы, затронутые мною.

«Добросовѣстный» критикъ.

I.

Въ августовской книжкѣ журнала *„Русская Мысль“* за нынѣшній годъ появилась статья г. Изгоева: *„Изъ исторіи россійскаго невѣжества“*, которая имѣетъ въ виду доказать, что, при ближайшемъ ознакомленіи съ нашимъ переводомъ «Капитала» Маркса, въ немъ оказались «безчисленныя грубѣйшія ошибки, извращеніе смысла, свидѣтельствующія какъ о незнаніи языка, такъ и полномъ непониманія ученія Маркса» («Р. М.» стр. 149). Въ доказательство этого утвержденія г. Изгоевъ приводитъ множество примѣровъ, сопоставляя переводъ съ оригиналомъ.

Такой приговоръ требуетъ объясненія со стороны переводчика.

Что требуется отъ переводчика при переводѣ научнаго труда? Во-первыхъ, конечно, точность. Но при этомъ не слѣдуетъ переводить, такъ сказать, подстрочно, не слѣдуетъ придерживаться буквы, на что имѣется для даннаго случая прямое указаніе Маркса. «Хотя французское изданіе,—пишетъ онъ,—вышедшее въ переводѣ г. Руа, переводчика Фейербаха, и выполнено великимъ знатокомъ обоихъ языковъ, тѣмъ не менѣе, онъ переводилъ временами черезчуръ ужъ буквально. Поэтому я былъ принужденъ передѣлывать по французски цѣлые отрывки... Тѣмъ легче будетъ современемъ переводить съ французскаго на англійскій и романскіе языки» *). Во-вторыхъ, требуется правильность пониманія. Для достиженія этого переводчикъ *обязанъ*, придерживаясь текста оригинала, сличить свой переводъ съ переводами на иностранные языки, въ

*) Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса къ Николай—ону. Спб. 1908, стр. 7.

данномъ случаѣ въ особенности съ французскимъ, который, какъ мы только что видѣли, исправлялъ и измѣнялъ самъ Марксъ. Но кромѣ того переводчикъ долженъ также сличить свой переводъ съ тѣми, которые уже имѣются на томъ же языкѣ. Такъ что съ этой точки зрѣнія всего легче перевести сочиненія, уже имѣющіяся въ переводѣ на другіе языки и, въ особенности, уже имѣющіяся въ переводѣ на родномъ языкѣ. Въ-третьихъ, требуется, конечно, ясность изложенія, а для этого надо умѣло владѣть роднымъ языкомъ, а кромѣ того надо, какъ въ данномъ случаѣ, руководствоваться измѣненіями и дополненіями, сдѣланными самимъ авторомъ во французскомъ переводѣ.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ ни перевода на другіе языки, ни перевода на русскій языкъ, этихъ благопріятныхъ условій для перевода «Капитала», не существовало. Мало того, не было даже критическихъ статей о содержаніи этого труда, а, между тѣмъ, извѣстно, какія трудности представляетъ для пониманія въ особенности первая глава именно въ первомъ изданіи. Немудрено поэтому, что въ переводѣ попадались кое-какія невѣрности. Это будетъ еще менѣе удивительнымъ, если вспомнить только что приведенныя слова Маркса о французскомъ переводѣ «Капитала», сдѣланномъ г. Руа, «великимъ знатокомъ обоихъ языковъ».

Прошло 25 лѣтъ. Появился переводъ французскій, просмотрѣнный и во многихъ случаяхъ не только исправленный, переработанный, но и дополненный Марксомъ. Явился англійскій переводъ, отвѣтственность за который принялъ на себя Энгельсъ. И вотъ, когда явилась возможность переиздать русскій переводъ, слѣдовало воспользоваться этими новыми пособіями, что и было сдѣлано, согласно указанію самого Маркса по отношенію къ французскому изданію. Что же касается до перевода II и III томовъ «Капитала», то, за неимѣніемъ переводовъ на другіе языки, пришлось пользоваться только нѣмецкимъ оригиналомъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что, при переводѣ труда, обнимающаго около 1800 страницъ убористаго шрифта и крупнаго формата, могли оказаться неточности, невѣрности, шероховатости и т. д. За указанія критики на такіе промахи переводчикъ можетъ быть только признателенъ. Но г. Изгоевъ идетъ дальше. Онъ недоволенъ заимствованіями съ французскаго изданія. Фактъ такого заимствованія ему извѣстенъ, но, когда у него пойдетъ рѣчь объ «искаженіяхъ», объ «исправленіяхъ» Маркса переводчикомъ, онъ о такихъ заимствованіяхъ позабудетъ.

Г. Изгоевъ говоритъ: «Французскій переводъ безспорно очень хорошъ (слѣдовательно, онъ извѣстенъ критику. Н—онъ), но все же при внимательномъ сличеніи можно найти нѣсколько неточностей (это послѣ тщательной обработки его самимъ Марксомъ. Н—онъ), и, во всякомъ случаѣ, общая линія, общій тонъ во французскомъ изданіи замѣтно иной, чѣмъ въ нѣмецкомъ. Марксъ и

Энгельсъ внесли въ позднѣйшія нѣмецкія изданія кое-какія поправки, сдѣланныя раньше во французскомъ, но всегда строго различали эти двѣ работы (Французскій переводъ вышелъ въ 1875 году. Второе нѣмецкое изданіе—въ 1873 г.; слѣдовательно, въ немъ Маркъ не могъ дѣлать поправокъ по французскому изданію. Третье нѣмецкое изданіе вышло въ концѣ 1883 г. уже по смерти Маркса, ум. въ мартѣ 1883 г., подъ редакціей Энгельса. Н—онъ). Энгельсъ категорически заявлялъ, что дѣлаетъ только тѣ поправки, на которыя ему указалъ Марксъ. Смѣшивать оба эти изданія въ одно совершенно недопустимо: надо дать переводъ либо съ французскаго, либо съ нѣмецкаго изданія. Между тѣмъ, Н—онъ ухитрился дать переводъ именно гибридный. За основу своего перевода онъ взялъ нѣмецкій текстъ, но тамъ, гдѣ послѣдній казался ему труднымъ, онъ, по собственному выбору, замѣнилъ его французскимъ. Николай—онъ, даже исправляя и дополняя свой переводъ по 4-му посмертному нѣмецкому изданію, нашелъ возможность оставить всѣ допущенныя имъ безъ всякихъ оговорокъ вставки изъ французскаго текста, сдѣланныя въ ущербъ (?!) основному нѣмецкому тексту. Съ капитальнымъ трудомъ, «ставшимъ основаніемъ всей современной теоретической политической экономіи», такъ не поступаютъ», наставительно прибавляетъ г. Изгоевъ (стр. 149).

Между тѣмъ, г. Изгоеву извѣстны письма Маркса къ Н—ону: онъ ссылается на нихъ. А въ этихъ письмахъ Марксъ не разъ выражалъ желаніе, «чтобы переводчикъ постоянно и тщательно свѣрялъ второе нѣмецкое изданіе съ французскимъ, такъ какъ послѣднее содержитъ много важныхъ измѣненій и добавленій» («Письма» и т. д., стр. 15).

Переводчикъ, конечно, подчинился такому указанію автора.

Въ первомъ отдѣлѣ во французскомъ изданіи были сдѣланы Марксомъ, съ одной стороны, сокращенія, а съ другой—исправленія слога, добавленія, дѣлающія мысль болѣе ясною. При русскомъ переводѣ принимались во вниманіе только исправленія второго рода. Допускаемыя авторомъ сокращенія не принимались во вниманіе; въ такихъ случаяхъ за основаніе принимался нѣмецкій текстъ. Нечего и говорить, что указаніями Маркса относительно необходимости воспользоваться дополненіями, сдѣланными имъ во французскомъ изданіи, переводчикъ *обязанъ* былъ подчиниться, какъ этому же *обязанъ* подчиниться *всякій переводчикъ*.

II.

Г. Изгоевъ находитъ, что уже съ первыхъ же строкъ переводъ Николая—она не вѣренъ. Онъ пишетъ, что въ первомъ изданіи переводчикъ правильно передалъ начало такъ: «Богатство общества, въ которомъ господствуетъ капиталистическій способъ про-

изводства, является въ видѣ «громаднаго скопленія товаровъ», и *каждый отдѣльный товаръ представляетъ его элементарную форму*. Наше изслѣдованіе начинается поэтому съ анализа товара». «Николай—онъ,—замѣчаетъ г. Изгоевъ,—очевидно, желая улучшить слогъ перевода, исправилъ это мѣсто *) и написалъ такой курьезъ. «Богатство общества и т. д. является въ видѣ «несмѣтнаго накопленія товаровъ». Наше изслѣдованіе начинается поэтому (почему? спрашиваетъ г. Изгоевъ) съ элементарной формы этого богатства, съ анализа товара». Вотъ французскій текстъ: «La richesse des sociétés dans lesquelles règne le mode de production capitaliste s'annonce comme une «immense accumulation de marchandises». L'analyse de la marchandise, forme élémentaire de cette richesse, sera par consequent le point de départ de nos recherches».

Пусть читатель судитъ самъ, насколько правъ г. Изгоевъ, утверждая, что переводъ курьезенъ, и что пропала мысль Маркса, почему онъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ анализа товара («Р. М.» стр. 146).

«На стр. 6 съ Николай—ономъ случилось прямо-таки водевильное происшествіе,—говоритъ г. Изгоевъ.—У Маркса говорится... слѣдующее: «Jacob сомнѣвается, чтобы золото оплачивалось когда нибудь по его полной стоимости. Еще болѣе справедливо это относительно алмазовъ». Jacob, это Якобъ имя одного изслѣдователя, но оно почему то смутило Н—она. Онъ сталъ размышлять надъ нимъ, и раздумье—увы!—не принесло ему пользы. Въ результатѣ долгихъ думъ Н—онъ такъ *исправилъ* четвертаго переводчика: «Сомнительно, чтобы въ золотѣ была когда-либо оплачена его стоимость. *Съ большимъ правомъ это можно сказать объ алмазахъ*» **). Какъ разъ обратно тому, что утверждалъ Марксъ. Этотъ... переводъ, несомнѣнно, войдетъ въ собраніе анекдотовъ», замѣчаетъ г. Изгоевъ. На стр. 15 французскаго изданія читаемъ: «Il est douteux, que l'or est jamais payé complétement sa valeur. Ceci est encore plus vrai du diamant».

«Я не могу, понятно,—говоритъ г. Изгоевъ,—утомлять читателя множествомъ цитатъ, требующихъ мелочной свѣрки... Могу съ полнымъ правомъ утверждать... исправленія Николай—она, сдѣланныя спустя четверть вѣка, не всегда стоятъ на высотѣ «знанія дѣла». Не могу только не отмѣтить, что даже то мѣсто, про которое самъ Марксъ говоритъ: «это впервые изслѣдовано мною», не передано точно... Николай — ономъ. Въ точномъ русскомъ переводѣ это означаетъ: «Позже обнаружилось, что и трудъ, поскольку онъ отпечатлѣнъ въ стоимости, не обладаетъ болѣе тѣми

*) Такъ какъ во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ „Капитала" первая глава (отдѣлъ) была переработана авторомъ, то Н—онъ вновь перевелъ большую часть этого отдѣла.

**) Для избѣжанія придирокъ критиковъ, вродѣ г. Изгоева, слѣдовало бы эту фразу начать такъ: „Еще съ большимъ правомъ и. т. д.".

отличительными свойствами, которыя присущи ему, какъ творцу потребительныхъ стоимостей»... Николай—онъ, вмѣсто перевода, предпочелъ изложить Маркса своими словами: «Затѣмъ оказалось, что какъ только трудъ, производящій потребительныя стоимости, выразится въ стоимости, всѣ его характерныя отличія исчезаютъ». «Переводить такимъ образомъ «Капиталъ» нельзя», опять-таки наставительно прибавляетъ г. Изгоевъ.

Что же это значитъ? Да опять-таки то, что это мѣсто взято изъ французскаго изданія. Марксъ, въ присылавшихся имъ выпускахъ французскаго перевода «Капитала», дѣлалъ собственноручныя исправленія. И вотъ, какъ разъ эта-то фраза была имъ измѣнена слѣдующимъ образомъ: «Ensuite nous avons vu que dès le travail productif des valeurs d'usage s'exprime dans la valeur, tous les caractères qui le distinguaient disparaissent» (p. 16). Какъ читатель видитъ, «своихъ словъ», приписываемыхъ г. Изгоевымъ переводчику, здѣсь нѣтъ.

«Марксъ,—говоритъ г. Изгоевъ,—пишетъ: «Komplicirte Arbeit gilt als potenzirte oder vielmehr multiplicirte Arbeit» (сложный трудъ считается лишь какъ возведенный въ степень или умноженный простой трудъ). Н.—онъ переводитъ: «Сложный, искусный трудъ есть только болѣе высокая степень простого труда, труда чернорабочаго». Сколько здѣсь прибавлено лишнихъ словъ,—замѣчаетъ г. Изгоевъ,—а тонкій оттѣнокъ, имѣющійся у Маркса, тѣмъ временемъ пропалъ»! «Le travail complexe (skilled labour, travail qualifié) n'est qu'une puissance du travail simple, ou plutôt n'est que le travail simple multiplié» (p. 17). Конецъ фразы, не приведенный почему-то г. Изгоевымъ, Н.—онъ перевелъ такъ: «такъ что меньшее количество сложнаго труда равняется большему количеству простого». Переводъ не подстрочный, а гдѣ тутъ «пропалъ тонкій оттѣнокъ», отмѣченный г. Изгоевымъ у Маркса,—неизвѣстно.

Г. Изгоевъ пишетъ, что точный переводъ приводимой имъ далѣе фразы Маркса таковъ: «Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается, что матеріализація стоимости товаровъ, являющаяся, въ сущности, просто «общественнымъ бытіемъ этихъ предметовъ, можетъ получить свое выраженіе только въ ихъ всестороннемъ общественномъ отношеніи, а слѣдовательно, ихъ форма стоимости должна быть общественно признанною формой». Въ переводѣ Н—она это мѣсто читается такъ: «Такимъ образомъ, становится очевидно, что какъ *товары, которые, съ точки зрѣнія стоимости, представляютъ нѣчто общественное* (курсивъ г. Изгоева) и это *нѣчто*(!) общественное можетъ быть выражено только ихъ всестороннимъ общественнымъ соотношеніемъ, то *такая* ихъ форма стоимости должна быть поэтому общественно-признанною формою». Г. Изгоевъ, приводя это мѣсто, говоритъ: «Переводъ Н.—она, какъ видимъ, сплошная фантазія, не имѣющая ничего общаго съ тѣмъ, что сказано у Маркса. Во французскомъ изданіи Марксъ выражается въ

этомъ мѣстѣ такъ: «De plus, il devient évident que les marchandises, qui au point de vue de la valeur, sont des choses purement sociales (курсивъ Н.—она), ne peuvent aussi exprimer cette existence sociale que par une série embrassant tous leurs rapports reciproques; que leur forme valeur doit par conséquent être une forme socialement validée» (p. 26)». Такихъ якобы «искаженій» приведено у г. Изгоева много.

Изъ всего, до сихъ поръ сказаннаго, видно, что упреки въ искаженіи Маркса, которые дѣлаетъ г. Изгоевъ переводчику, не имѣютъ подъ собою основанія. Н.—онъ имѣлъ въ виду, независимо отъ точности, дать, по возможности, ясный переводъ, а для этого пользовался изложеніемъ мыслей Маркса, независимо отъ того, на какомъ языкѣ онѣ появлялись. Но прежде чѣмъ обвинять въ искаженіи Маркса, г. Изгоевъ долженъ былъ бы справиться съ французскимъ текстомъ «Капитала»...

Но вотъ обвиненія, несравненно болѣе тяжкія, которыя выставляетъ г. Изгоевъ противъ Н.—она.

III.

Просимъ извиненія у читателей, что придется сдѣлать довольно длинную выписку изъ статьи г. Изгоева, гдѣ формулировано это обвиненіе, такъ какъ оно слишкомъ серьезно, и у читателя не должно оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія относительно тѣхъ данныхъ, на которыхъ оно основано.

Вотъ въ чемъ г. Изгоевъ обвиняетъ переводчика («Р. М»., стр. 153). Онъ пишетъ: «На стр. 481 нѣмецкаго оригинала Марксъ смѣется надъ Миллемъ, который называетъ господствующимъ вездѣ тотъ порядокъ, при которомъ капиталистъ *авансируетъ* (vorschiesst) рабочему всѣ издержки, включая и заработную плату. Марксъ, какъ извѣстно, доказываетъ, что не капиталистъ рабочему, а рабочій капиталисту даетъ авансъ въ видѣ труда». Точный переводъ этого мѣста г. Изгоевъ даетъ въ такомъ видѣ: «Странный оптическій обманъ повсюду видѣть тотъ порядокъ, который пока на земномъ шарѣ существуетъ въ видѣ исключенія, впрочемъ,—прибавляетъ дальше Марксъ,—Милль настолько добръ, что согласенъ допустить отсутствіе абсолютной необходимости, чтобы оно такъ было». Просматривая переводъ Н.—она, замѣчаетъ г. Изгоевъ,—на стр. 451 вы увидите, что первой изъ приведенныхъ нами нѣмецкихъ фразъ тамъ *вовсе нѣтъ* («Странный оптическій обманъ» и т. д. Н.—онъ). Переводчикъ не нашелъ ее достойной перевода. Вторая-же переведена такимъ фантастическимъ образомъ: «Милль *хочетъ вѣрить, что даже при такомъ экономическомъ порядкѣ, при которомъ рабочіе и капиталисты составляютъ разные классы*, нѣтъ безусловной необходимости, чтобы это было такъ».

Набранныхъ курсивомъ словъ у Маркса въ данномъ мѣстѣ нѣтъ. Ихъ Николай—онъ прибавилъ отъ себя. Но почему, въ чемъ дѣло?—спроситъ изумленный читатель. А въ томъ, видите-ли, что Николай—онъ снова «исправляетъ» Маркса. А исправляетъ онъ его потому, что не понялъ слова vorschiessen (авансировать), а перевелъ его: «Затрачиваетъ всѣ расходы, въ томъ числѣ и вознагражденіе работника». Перевелъ и задумался: какъ же такъ, вѣдь Милль-то правъ, вѣдь при капиталистическомъ строѣ всѣ затраты, на самомъ дѣлѣ, производитъ капиталистъ. Когда Николай—онъ додумался до этого, онъ рѣшилъ съ Марксомъ поступить сурово. Ироническую фразу о Миллѣ онъ выбросилъ, а ту, которую оставилъ, разбавилъ своей, но за то соціалистической, «въ духѣ Маркса», водой о такомъ порядкѣ, при которомъ рабочіе и капиталисты составляютъ разные классы. А рѣчь-то шла вовсе не объ этомъ, а всего только объ авансахъ. Горе-переводчикъ!» возмущается «просвѣщенный» и «добросовѣстный» критикъ...

Итакъ, господинъ Изгоевъ обвиняетъ Николай—она въ подлогѣ. Въ переводѣ Ник.—она это мѣсто, дѣйствительно, отличается и отъ нѣмецкаго оригинала, и отъ французскаго изданія, изъ котораго оно заимствовано.

Чѣмъ-же это объясняется? Дѣло въ томъ, что, какъ господину Изгоеву должно быть извѣстно изъ писемъ Маркса къ переводчику, авторъ присылалъ ему рядъ исправленій и измѣненій, которыя долженъ былъ сдѣлать переводчикъ. Такъ, въ письмѣ отъ 28 ноября 1878 г., среди другихъ измѣненій, находимъ слѣдующее: «In dem ch. XVI der frs. Ausgabe (in ch. XIV der deutschen Ausgabe nicht befindlich) zugefügten Passus über J. St. Mill ist zu lesen, p. 222, Column II, Zeile 12 von unten: «Je pressupose toujours, dit-il, que l'état actuel des choses qui la, où les travailleurs et les capitalistes sont des classes séparées, prédomine etc». The following two sentences,—viz: «Étrange illusion d'optique de voir universellement un état des choses qui n'éxiste encore que par exception sur notre globe! Mais passons outre»—are to be struck out, and the following sentence is to be read thus: «M. Mill veut bien croire que ce n'est pas une necessité absolue qu'il en soit ainsi—même dans le système économique où les travailleurs et les capitalistes sont des classes séparées» *).

---

*) Т. е. „слова, добавленныя во фр. изд., гл. XVI (которыхъ нѣтъ въ XIV гл. нѣмецкаго изданія), относящіяся къ Дж. Ст. Миллю, стр. 222, столбецъ II, строка 12 снизу, слѣдуетъ читать такъ: „Я постоянно предполагаю,—говоритъ онъ,—господство такого порядка вещей, который преобладаетъ во всѣхъ обществахъ, гдѣ рабочіе и капиталисты составляютъ разные классы", и т. д. Слѣдующія слова: „Странный оптическій обманъ повсюду видѣть тотъ порядокъ, который пока на земномъ шарѣ существуетъ въ видѣ исключенія! Но пойдемъ далѣе"—*должны быть вы*

Просматривая «Капиталъ», Марксъ замѣтилъ, что не точно цитировалъ Милля. Во французскомъ изданіи, а затѣмъ въ послѣдующихъ (3-мъ и 4-мъ) посмертныхъ нѣмецкихъ, эта цитата приведена такъ: «Я всегда предполагаю существующій порядокъ вещей, который, за немногими исключеніями, господствуетъ вездѣ, т. е. я предполагаю, что капиталистъ производитъ всѣ предварительныя затраты, включая сюда и плату рабочимъ». Въ дѣйствительности же, Милль говоритъ: «Я постоянно предполагаю господство такого порядка вещей, который, за немногими исключеніями, *преобладаетъ во всѣхъ обществахъ, гдѣ рабочіе и капиталисты составляютъ разные классы*». Замѣтивъ эту неточность, Марксъ исправилъ цитату, указавъ, что надо читать такъ-то (Это мѣсто набрано курсивомъ. Н.—онъ). Соотвѣтственно такому исправленію цитаты, Марксу пришлось измѣнить и нападки на Милля. Поэтому онъ и пишетъ, что слова: «Странный оптическій обманъ» и т. д., которыя приведены у г. Изгоева, и отсутствіе которыхъ въ переводѣ Н.—она такъ возмутило г. Изгоева—что слова эти «*должны быть вычеркнуты*» (подчеркиваетъ Марксъ), и что слѣдующая фраза должна читаться такъ: «Милль хочетъ вѣрить» и т. д., какъ она приведена у Н.—она.

Эта-то подчеркнутая г. Изгоевымъ фраза и точный переводъ исправленій Маркса дали поводъ г. Изгоеву бросить обвиненіе переводчику въ подлогѣ и заняться «чтеніемъ въ сердцахъ», извѣтами, отыскиваніемъ тѣхъ побужденій, которыя заставили переводчика совершить подлогъ. Этотъ «просвѣщенный» и «добросовѣстный» критикъ, замѣчая не существующія неточности, не замѣтилъ мотива, почему одна фраза вычеркнута, а другая «фантастическимъ» образомъ измѣнена. Г. Изгоевъ «не замѣтилъ», что измѣнена цитата изъ Милля... Занятый чтеніемъ въ сердцахъ, онъ «не замѣтилъ», что прежде напечатанная фраза не вяжется съ точно переданными словами Милля...

Далѣе еще хуже.

Г. Изгоевъ пишетъ: «На стр. 462 онъ (Н.—онъ) набрался такой храбрости, что безъ всякой оговорки прибавилъ Марксу особое примѣчаніе. Если переводчики и снабжаютъ иногда переводимаго автора примѣчаніями, то всегда оговариваютъ это. Въ первомъ изданіи у Николай—она такой смѣлости не было. Двадцать пять

черкнуты, а слѣдующая фраза должна читаться такъ: „Милль хочетъ вѣрить, что даже при такомъ экономическомъ порядкѣ, при которомъ рабочіе и капиталисты составляютъ разные кассы", нѣтъ безусловной необходимости, чтобы это было такъ". Эта выписка можетъ служить примѣромъ обычнаго способа писанія Маркса. Начинаетъ онъ писать на одномъ языкѣ, затѣмъ обыкновенно продолжаетъ на другомъ, а кончаетъ на третьемъ. Въ этой выпискѣ началъ по нѣмецки, продолжалъ по французски, затѣмъ по англійски, а кончилъ по французски.

лѣтъ, прошедшіе со дня выхода перваго изданія, убѣдили нашего переводчика, что онъ имѣетъ право «исправлять Маркса».

Итакъ, господинъ Изгоевъ набрался храбрости вновь обвинить Николай—она въ подлогѣ. Чтобы предъявить такое обвиненіе, самая элементарная добросовѣстность, самая обыденная честность требуетъ тщательно провѣрить, насколько оно основательно. Г. Изгоевъ съ такими пустяками не считается. Для этого «добросовѣстнаго» критика такихъ элементарныхъ понятій не существуетъ.

Но вѣдь этого примѣчанія, дѣйствительно, нѣтъ въ нѣмецкомъ оригиналѣ ни въ одномъ изданіи. Что же это значитъ? Вотъ это примѣчаніе: «Первую формулу мы ставимъ въ скобки, такъ какъ понятіе о прибавочномъ трудѣ въ буржуазной политической экономіи ясно не выражено» (русскій перев., стр. 462).

Открываемъ французское изданіе. Тамъ, на 229 страницѣ, читаемъ: «Nous mettons la première formule entre paranthèses, parceque la notion du surtravail ne se trouve pas explicitement dans l'économie politique bourgeoise».

Какъ назвать послѣ этого поступокъ такого господина, какъ г. Изгоевъ? Невѣжествомъ? Нѣтъ, въ данномъ случаѣ авторъ «Изъ исторіи россійскаго невѣжества» не имѣетъ права отговариваться даже невѣжествомъ, какъ въ предыдущемъ случаѣ. Ему отлично извѣстно, что Н.—онъ пользовался при переводѣ также французскимъ текстомъ. Онъ самъ, какъ мы видѣли, до извѣстной степени одобряетъ французскій переводъ. Ему также извѣстно, что самъ Марксъ его исправлялъ и дополнялъ. Слѣдовательно, прежде чѣмъ бросить обвиненіе въ подлогѣ, онъ не могъ, не имѣлъ права не заглянуть во французскій текстъ.

Пусть же самъ читатель заклеймитъ настоящимъ именемъ поступокъ человѣка, обвиняющаго другого *завѣдомо ложно въ подлогѣ*... Вѣдь въ приведенной выпискѣ прямо сказано: «*Мы* ставимъ въ скобкахъ»... «*Nous* mettons»..., а г. Изгоевъ положительно утверждаетъ, что Н.—онъ говоритъ отъ имени Маркса...

IV.

«Недавно Николай—онъ опубликовалъ полученныя имъ отъ Маркса и Энгельса письма,—пишетъ г. Изгоевъ.—Изъ этихъ отвѣтныхъ писемъ видно, съ какимъ упорствомъ пытался Николай—онъ обратить въ свое непониманіе Энгельса, и какъ тотъ отбивался отъ навязываемыхъ ему утопическихъ взглядовъ на россійскія дѣла. Въ такомъ же направленіи воздѣйствовалъ на Маркса Г. А. Лопатинъ. И надо отдать имъ справедливость: дѣйствовали они не безъ успѣха. Та фраза въ знаменитомъ письмѣ К. Маркса къ редактору «*Отеч. Записокъ*», въ которой усматривается указаніе

на нѣкоторую возможность для Россіи миновать капиталистическую стадію развитія, написана, очевидно, подъ усиленнымъ моральнымъ давленіемъ Лопатина и Николай—она. Вѣдь все это были такіе хорошіе, честные люди! И увлеченный героической борьбой кучки народниковъ-революціонеровъ за соціализмъ, Марксъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи одобрить ихъ самоотверженныя усилія, *хотя бы то, что онъ въ данномъ случаѣ писалъ, не вполнѣ сходилось съ его основными взглядами* (Курсивъ Н.—она). Правда, Марксъ не отправилъ этого письма по адресу и не опубликовалъ его. Оно было опубликовано только послѣ его смерти. Но свою роль оно сыграло и лѣтъ на десять, если не больше, задержало у насъ развитіе подлинныхъ взглядовъ Маркса».

Итакъ, Марксъ написалъ свое извѣстное письмо въ редакцію «*Отеч. Записокъ*» подъ «усиленнымъ моральнымъ давленіемъ Лопатина и Николай—она». Спрашивается: откуда извѣстно г. Изгоеву—въ какомъ направленіи «воздѣйствовалъ на Маркса» Г. А. Лопатинъ, не напечатавшій по этого поводу ни единой строки? Господину Изгоеву, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ своему излюбленному пріему, «чтенію въ сердцахъ», или попросту—къ литературному сыску, слѣдовало бы обратиться за выясненіемъ этого вопроса къ самому письму Маркса, въ которомъ онъ категорически заявляетъ: «*Чтобы имѣть возможность судить со знаніемъ дѣла объ экономическомъ развитіи современной Россіи, я выучился по русски и затѣмъ въ теченіе долгихъ лѣтъ изучалъ оффиціальныя и другія изданія, имѣющія отношеніе къ этому предмету* (Курсивъ Н.—она). Я пришелъ къ такому выводу: если Россія будетъ продолжать идти по тому же пути, по которому она шла съ 1861-го года, то она лишится самаго прекраснаго случая, какой когда-либо представляла исторія какому-либо народу, для избѣжанія всѣхъ злоключеній капиталистическаго строя» («Письма» и т. д., стр. 115).

Да, вмѣсто «чтенія въ сердцахъ» и извѣтовъ, г. Изгоеву слѣдовало бы болѣе внимательно прочесть самое письмо, содержаніе котораго, по его мнѣнію, «не вполнѣ сходилось съ его (Маркса) основнымъ взглядомъ». Дѣйствительно-ли «не сходилось»? Для Маркса, какъ ученаго, законъ какого-нибудь явленія опредѣляется совокупностью предшествующихъ, а также сопутствующихъ ему явленій въ той же области. Для г. Изгоева, какъ доктринера-начетчика, законъ экономическій управляетъ явленіями, а не наоборотъ, не повторяемость явленій при одинаковыхъ условіяхъ опредѣляетъ его закономѣрность. Такъ и въ данномъ случаѣ совокупность условій общественно-хозяйственной жизни Россіи послѣ 1861-го года была отлична отъ совокупности тѣхъ экономическихъ условій, при которыхъ происходило хозяйственное развитіе, напримѣръ, Англіи. Если бы это понялъ г. Изгоевъ, то не сталъ бы заподозривать

Маркса въ томъ, что онъ, въ угоду тому или другому лицу, отступилъ отъ своихъ научныхъ убѣжденій, что было бы недостойно его, какъ ученаго. Г. Изгоевъ судитъ о добросовѣстности Маркса, какъ ученаго, по своей собственной «добросовѣстности», какъ критика.

Надо, кромѣ того, припомнить, что черезъ 15—16 лѣтъ послѣ написанія этого письма уже Энгельсъ пишетъ: «Я вполнѣ подписываюсь подъ письмомъ нашего автора по поводу статьи Жуковскаго» («Письма» стр. 82) *).

Далѣе. «Изъ этихъ отвѣтныхъ писемъ (Энгельса) видно,—пишетъ г. Изгоевъ,—съ какимъ упорствомъ Николай—онъ пытался обратить въ свое непониманіе Энгельса, и какъ тотъ отбивался отъ навязываемыхъ ему (?) утопическихъ взглядовъ на россійскія дѣла».—Отстаивать свою точку зрѣнія на основаніи систематизированнаго фактическаго матеріала, по мнѣнію г. Изгоева, значитъ «пытаться обратить въ свое непониманіе»... Пусть такъ...

Но г. Изгоевъ этимъ не ограничивается и сочиняетъ слѣдующую сказку: «Энгельсъ въ 90-хъ годахъ не былъ такъ податливъ (какъ Марксъ, который «подъ усиленнымъ моральнымъ давленіемъ» и т. д.) и, несмотря на всѣ старанія послѣдняго (Н.—она), ему не удалось заставить вождя нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ выступить противъ П. Б. Струве въ защиту Николай—оновской утопіи».

Такъ съ увѣренностью утверждаетъ г. Изгоевъ. На чемъ же основана его увѣренность, что Н.—онъ старался заставить втянуть Энгельса на выступленіе противъ г. Струве? Изъ статей г. Изгоева, помѣщавшихся въ «Рѣчи», тотчасъ по выходѣ книжекъ «*Минувшихъ Годовъ*», гдѣ первоначально были напечатаны «Письма», видно, что такое его убѣжденіе основано на слѣдующемъ.

Для своихъ статей Н.—онъ просилъ Энгельса воспользоваться нѣкоторыми данными изъ его, Энгельса, писемъ. Съ такою же просьбою Н.—онъ обращался раньше къ Марксу, и Марксъ съ величайшею готовностью согласился на нее («Письма», стр. 26). Энгельсъ же, на томъ основаніи, что цитированіе его *мнѣній* можетъ втянуть его самого въ полемику,—а этого онъ по разнымъ причинамъ совсѣмъ не желалъ,—разрѣшилъ пользоваться только *фактами*, приводимыми имъ, а не мнѣніями его о фактахъ русской дѣйствительности. А въ этихъ *мнѣніяхъ*, какъ читатель можетъ видѣть изъ опубликованныхъ писемъ Энгельса, нѣтъ ни единаго слова о г. Струве. И на этомъ отказѣ Энгельса цитировать его *мнѣнія* г. Изгоевъ построилъ легенду о томъ, что Н.—онъ упо-

---

*) Статья Н. К. Михайловскаго, по поводу которой написано письмо Маркса въ редакцію „Отеч. Записокъ", озаглавлена такъ: „*К. Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.*

требляль всѣ «старанія заставить вождя нѣмецкой соціалъ-демократіи выступить противъ П. Б. Струве»!!

Нечего и доказывать, что это плодъ сочинительства г. Изгоева или, выражаясь мягко, уклоненіе отъ истины.

Вотъ факты. Энгельсъ, въ перепискѣ съ Н.—ономъ, *первый* заговорилъ о г. Струве («Письма», стр. 84—85), указывая Н.—ону на критическую статью о его «Очеркахъ», помѣщенную г. Струве въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ. Н.—онъ спросилъ Энгельса, знакомъ ли онъ съ другими работами этого писателя? Энгельсъ отвѣчалъ, что никакихъ другихъ его статей не знаетъ и *въ томъ же письмѣ*, отвѣчая на просьбу Н.—она, просилъ не цитировать его *мнѣнія* о фактахъ русской дѣйствительности. («Письма», стр. 89). Н.—онъ написалъ ему нѣсколько словъ о г. Струве, какъ о критикѣ «Капитала», посмѣявшись, между прочимъ, надъ его утвержденіемъ, что «теорія населенія Маркса дополняетъ, но не опровергаетъ теоріи Мальтуса» («Письма», стр. 91). Какимъ образомъ Н.—онъ, желаніемъ цитировать письма Энгельса,—которыя теперь напечатаны и для провѣрки доступны каждому,—хотѣлъ «заставить вождя» и т. д. выступить противъ г. Струве, несмотря на то, что Энгельсъ въ своихъ письмахъ ничего противъ него не писалъ и зналъ его только по его статьѣ въ нѣмецкомъ журналѣ,—все это составляетъ тайну г. Изгоева.

Въ добавленіе къ этимъ краткимъ замѣткамъ по поводу критическихъ экскурсій г. Изгоева, считаемъ нужнымъ сдѣлать еще двѣ оговорки.

Приступая къ переводу Маркса, Г. А. Лопатинъ не былъ знакомъ съ древними языками, а потому не взялъ на себя перевода греческихъ и латинскихъ цитатъ. Н.—онъ, также не знающій этихъ языковъ, обратился за ихъ переводомъ къ двумъ рекомендованнымъ ему «знатокамъ» классической литературы. Провѣрить ихъ работы онъ самъ не могъ. И вотъ, въ результатѣ получились кое-гдѣ забавные промахи, вродѣ того, на который указываетъ г. Изгоевъ.

Уѣзжая въ Сибирь, Г. А. Лопатинъ передалъ свою рукопись въ полное распоряженіе Н.—она. Печатаніе ея происходило въ отсутствіе Г. А. Лопатина. Находясь въ иркутскомъ острогѣ, онъ, понятно, не могъ держать авторской корректуры и дѣлать исправленій. Столь же мало участія принималъ онъ и въ послѣдующихъ изданіяхъ, которыхъ даже и не видалъ до своего освобожденія изъ Шлиссельбурга. Поэтому было бы несправедливо дѣлать его отвѣтственнымъ за окончательную форму перевода какой-либо части «Капитала». Эту отвѣтственность принимаетъ на себя сполна Н.—онъ, и г. Изгоеву слѣдовало бы сыпать свои перуны исключительно на его голову.

Всякая добросовѣстная критика цѣнна и для авторовъ, и для переводчиковъ. За указанія на ошибки, неточности, неправильности пониманія, неясности, неудачныя выраженія и т. д., и т. д.,— и тѣ, и другіе могутъ быть только благодарны, хотя далеко не со всѣми такими указаніями г. Изгоева можно согласиться. Г. Изгоевъ, однако, этимъ не ограничивается. Зная, что переводчикъ, кромѣ нѣмецкаго текста, пользовался также французскимъ, г. Изгоевъ, тѣмъ не менѣе, не справляясь съ французскимъ изложеніемъ, укоряетъ переводчика въ искаженіи мыслей автора, когда онъ, по категорическому желанію автора «постоянно и тщательно свѣрять второе нѣмецкое изданіе съ французскимъ», пользовался для перевода и французскимъ текстомъ.

Г. Изгоевъ находитъ, что такъ не переводятъ. Но, повторяемъ, что какъ бы высоко ни стоялъ въ этомъ отношеніи авторитетъ г. Изгоева, въ данномъ случаѣ, каждый переводчикъ *обязанъ* подчиниться указаніямъ самого автора.

Такъ вотъ, не считаясь съ этимъ фактомъ, г. Изгоевъ, укоряя переводчика въ невѣрной передачѣ мыслей автора, въ «искаженіяхъ», когда тотъ пользовался изложеніемъ тѣхъ же мыслей автора, но написанныхъ на другомъ языкѣ, не стѣсняется прибѣгать къ пріемамъ, совершенно не соотвѣтствующимъ серьезности предмета: «чтеніе въ сердцахъ» и извѣты—пріемъ не литературной критики... Но и на это можно было бы только развести руками и пожать плечами: мало ли какіе бываютъ «критики». И не это заставило Н.—она взяться за перо.

За перо заставили взяться еще худшіе пріемы г. Изгоева. Онъ забылъ, что съ печатнымъ словомъ надо обращаться осторожно. Если только что указанные пріемы критики недопустимы, то обвинять кого-нибудь завѣдомо ложно въ подлогѣ—пріемъ недостойный... Такое завѣдомо ложное обвиненіе затрогиваетъ не только то лицо, на которое направлено обвиненіе, но затрогиваетъ достоинство всей печати, которую позорятъ пріемы, допускаемые господами Изгоевыми.

Мы не пойдемъ по стопамъ г. Изгоева, не будемъ заниматься «чтеніемъ въ сердцахъ» и отысканіемъ побужденій, которыя руководили имъ при писаніи его статьи. Одно только очевидно: не мысль объ отысканіи истины руководила имъ при этомъ...

Николай — онъ.

Сентябрь, 1908 г.

Компромиссъ между капиталомъ и трудомъ въ Англіи.

I.

Отъ меня далека мысль охотиться на владѣніяхъ г. Діонео, который съ такимъ умѣньемъ, знаніемъ конкретныхъ подробностей и энтузіазмомъ передъ своеобразной могучей культурой Англіи знакомитъ читателей «Русскаго Богатства» съ тѣмъ, что дѣлается въ избранной предметомъ его наблюденій странѣ. Задача этой статьи— другая: она заключается въ томъ, чтобы вдвинуть въ историческую и интернаціональную перспективу современныя отношенія между англійскимъ трудомъ и англійскимъ капиталомъ. Мнѣ хотѣлось бы, по мѣрѣ силъ и возможности, охарактеризовать смыслъ соціальной борьбы нашихъ дней въ Англіи и указать на ея особенности и на ея мѣсто въ міровой борьбѣ имущихъ и неимущихъ классовъ. Я буду останавливаться на отдѣльныхъ фактахъ лишь постольку, поскольку это строго необходимо для моей цѣли. Меня, главнымъ образомъ, интересуетъ подкладка тѣхъ соціально-политическихъ явленій, которыя привлекаютъ вниманіе наблюдателей британской жизни въ послѣдніе три года, точнѣе говоря, со времени январскихъ выборовъ 1906 г.

Они, какъ извѣстно, охарактеризовались такимъ разгромомъ консервативной и уніонистской партіи, десять лѣтъ стоявшей у власти, какого не ожидали наиболѣе оптимистически настроенные противники Чемберлэна и Бальфура. Прежняя оппозиція, а нынѣ правительственное или, лучше сказать, поддерживающее либеральный кабинетъ большинство превышаетъ, по крайней мѣрѣ, на 300—350 голосовъ совокупность своихъ политическихъ враговъ въ палатѣ общинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ составъ коммонеровъ впервые вошла сравнительно значительная группа представителей рабочаго класса, которая съ самаго же начала заявила о своемъ желаніи не идти на помочахъ ни у консерваторовъ, ни у либераловъ, а вести свою собственную политику. Не связывая себя никакими обязательствами по отношенію къ правительству, «рабочая партія», какъ она назвала себя, рѣшила поддерживать кабинетъ, когда ей это будетъ выгодно, становиться въ оппозицію, когда этого потребуютъ интересы ея избирателей.

Появленіе этой партіи вызвало очень большую сенсацію, и не только въ Англіи, но и во всемъ мірѣ. Какъ ни какъ, а впервые въ самыхъ нѣдрахъ «матери европейскихъ парламентовъ» заявляло такъ громко о своемъ существованіи міровоззрѣніе труда, обнару-

жившее свою жизнеспособность самимъ числомъ своихъ сторонниковъ, которыхъ насчитывалось около трехъ десятковъ, а если считать сочувствующихъ, то и цѣлыхъ четыре. Въ нихъ и враги, и друзья видѣли людей, болѣе или менѣе отвѣчавшихъ представленію о борцахъ за «соціализмъ». И это уже были не единичныя лица, въ родѣ Киръ-Харди, или Кэннингама Грама, или Бёрнса, и проходившія-то раньше въ парламентъ только потому, что ихъ поддерживали буржуазныя партіи. На сей разъ бокъ о бокъ съ двумя великими историческими партіями Англіи выступала въ парламентѣ особая партія труда. Не мудрено, что сейчасъ же она стала предметомъ какъ отчаянныхъ страховъ со стороны защитниковъ современнаго строя, такъ и самыхъ розовыхъ надеждъ со стороны его противниковъ. Въ какой степени послѣдующая дѣятельность англійскихъ «трудовиковъ» оправдала и эти страхи, и эти надежды, мы увидимъ. А теперь мы должны возвратиться назадъ и въ самыхъ общихъ чертахъ дать читателю исторію развитія трудового движенія и міровоззрѣнія въ Англіи. Только въ такомъ случаѣ то, что происходитъ въ настоящее время на почвѣ Великобританіи, не будетъ казаться случайнымъ эпизодомъ политической исторіи.

II.

Нѣтъ ничего распространеннѣе того ошибочнаго взгляда, согласно которому проявляющіяся въ извѣстный историческій моментъ особенности той или другой націи вытекаютъ, будто бы, изъ извѣчнаго, національнаго характера, отличающагося необыкновенной устойчивостью. Въ дѣйствительности, этотъ пресловутый національный характеръ, этотъ «народный духъ» сплошь и рядомъ является продуктомъ опредѣленныхъ историческихъ условій, съ ними возникаетъ, съ ними и исчезаетъ. При этомъ происходятъ даже крайне любопытныя историческія chassés-croisés. Напримѣръ, когда то, что считалось особенностью одной націи на извѣстной ступени ея развитія, въ противоположность другой націи, съ теченіемъ времени ярко прокидывается какъ разъ у этой послѣдней, но пропадаетъ у первой. И обратно.

Кому, напр., не приходилось слышать о революціонномъ темпераментѣ французовъ, низвергнувшихъ въ теченіе послѣднихъ 120 лѣтъ столько монарховъ, и о лояльности англичанъ, съ умиленіемъ взирающихъ на своихъ конституціонныхъ королей? Но всегда ли это такъ было? Отнюдь нѣтъ. Въ потокѣ историческаго развитія французы и англичане перемѣнились ролями. Разверните сэра Джона Фортескью, который во второй половинѣ XV вѣка проводилъ параллель между своими соотечественниками и ихъ заламаншскими сосѣдями въ своемъ сочиненіи о «Разницѣ между абсолютной и ограниченной монархіями». Васъ поразятъ въ немъ

фразы въ родѣ слѣдующей: «Лишь трусость и недостатокъ мужества (lake off hartes and corage) удерживаетъ французовъ отъ возстанія, а не бѣдность; каковаго мужества ни у одного француза нѣтъ и подобія тому, которое есть у англичанина» *). Разверните «Исторію цивилизаціи Англіи» Бокля на тѣхъ дышащихъ благороднымъ негодованіемъ противъ деспотизма страницахъ, гдѣ авторъ говоритъ о духѣ покровительства во Франціи и Англіи или о причинахъ Великой французской революціи. Вы найдете массу цитатъ, какъ нельзя яснѣе показывающихъ, что при «старомъ режимѣ» французы кичились своей лояльностью и упрекали англичанъ за ихъ фрондерство. «Французы... всегда отличались отъ другихъ націй любовью къ своимъ королямъ»,—пишетъ, захлебываясь отъ монархическаго раболѣпства нѣкто Ле-Бланъ. «Англичане не настолько любятъ своихъ государей, какъ этого можно было бы желать»,—говоритъ въ свою очередь, укоризненно качая головой, нѣкій Сорбьеръ. А съ другого берега Ламанша, въ отвѣтъ на эти жалобы, звучитъ мужественный голосъ Бэрнета, и не думающаго отрицать этой тогдашней «національной особенности» англичанъ: «Нѣтъ болѣе справедливой и очевидной вещи, какъ то, что государи созданы для народа, а не народъ для нихъ; и, можетъ быть, нѣтъ другой націи подъ сводомъ небесъ (under heaven), которая была бы болѣе проникнута такимъ представленіемъ о государяхъ, какъ англійская нація въ наше время; такъ что она скоро обнаружитъ свою недоброжелательность по отношенію къ королю, который не будетъ руководиться этимъ правиломъ, а съ теченіемъ времени сдѣлается очень враждебно настроенной противъ него» **).

Мы видимъ, какъ легко можно ошибиться, приписывая якобы неизмѣннымъ народнымъ чертамъ то, что является лишь временнымъ результатомъ мѣняющихся историческихъ условій. Столь же мало, какъ лояльизмъ, можно считать національной особенностью англичанъ и отсутствіе у нихъ якобы революціонныхъ тенденцій въ массахъ и того, что на континентѣ въ настоящее время называется соціализмомъ. Опять-таки здѣсь смѣшивается вліяніе извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ съ мнимыми неизмѣнными проявленіями народнаго духа. Наоборотъ, при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ соціально-политической исторіей Англіи, легко убѣдиться, что какъ ростъ боевого настроенія въ населеніи, такъ и выработка соціалистическаго міросозерцанія шли у англичанъ одно время быстрымъ темпомъ. Остановился же

*) Sir John Fortescue, *The Governance of England: otherwise called the difference between an absolute and limited Monarchy*; Оксфордъ (изд. Clarendon Press), 1885, стр. 141.

**) См. прим. 253 ко второму тому изд. „The World's Classics" Бокля Henry Thomas Buckle, *History of Civilization in England*; Лондонъ, 1908, стр. 200—201.

этотъ процессъ развитія въ силу извѣстнаго сочетанія экономическихъ, политическихъ и культурныхъ причинъ. И новая комбинація этихъ условій можетъ внести существенныя измѣненія въ картину англійской эволюціи, которая отличается, конечно, какъ мы увидимъ, отъ соотвѣтствующаго процесса на континентѣ Европы, но въ самыхъ отклоненіяхъ все же отражаетъ общія міровыя тенденціи. Было бы, дѣйствительно, достойно удивленія, если бы страна, въ которой капитализмъ развился такъ рано и притомъ благодаря необыкновенно энергичной насильственной ломкѣ старыхъ учрежденій и обездоленію народа, ничѣмъ не реагировала на гигантскій соціальный переворотъ.

Уже въ концѣ XVII вѣка, Джонъ Беллерсъ,—котораго Марксъ называетъ «настоящимъ феноменомъ въ исторіи политической экономіи» *),—пораженный все возрастающей арміей «освобожденныхъ» отъ средствъ производства пролетаріевъ, рекомендуетъ въ качествѣ лекарства противъ ужасающей пауперизаціи населенія, устройство особыхъ коммунистическихъ промышленно-земледѣльческихъ колоній (Colleges of Industry of all useful Trades and Husbandry). И взгляды этого замѣчательнаго реформатора отчасти отразятся болѣе, чѣмъ столѣтіе спустя, на планахъ общежитія Роберта Оуэна. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка Томасъ Спенсъ, на котораго производятъ сильное впечатлѣніе результаты скопленія въ немногихъ рукахъ гигантскаго количества земель, провозглашаетъ право каждаго человѣческаго существа на землю и требуетъ перехода всей земельной собственности въ руки не могущихъ больше отчуждать ее общинъ и приходовъ. Его агитація наводитъ страхъ на правительство, которое, пользуясь неоднократной въ тѣ времена отмѣной Habeas corpus'а, нѣсколько разъ арестуетъ его, судитъ, а однажды заключаетъ даже въ тюрьму. Въ это же время и позже, вплоть до половины XIX вѣка, Англія выдвигаетъ отчасти одного за другимъ, отчасти одновременно, цѣлую плеяду замѣчательныхъ соціалистовъ: Вилліама Годвина, Холла, Оуэна, Вилліама Томпсона, Грея, Ходгскина, Брея и т. п. **). Анализъ капиталистическаго общества этими выдающимися мыслите-

*) Karl Marx, *Das Kapital*, I; Гамбургъ, 1883, 3-е изд., стр. 504—505, прим. 109.

**) О нихъ см., между прочимъ, у Антона Менгера (Anton Menger, *Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag in geschichtlicher Darstellung*; Штутгартъ и Берлинъ, 1904, 3-е изд., стр. 40—60) и у проф. Фоксуэлля, автора „Исторіи соціалистическихъ идей въ Англіи", появившейся въ видѣ предисловія къ англійскому переводу менгеровской работы (этюдъ Фоксуэлля извѣстенъ мнѣ по недавнему нѣмецкому переводу сочиненія Томпсона „Изслѣдованіе о началахъ распредѣленія богатствъ", и т. д.: William Thompson, *Untersuchung über die Grundsätze der für das menschliche Glück dienlichsten Verteilung des Reichtums*; Берлинъ, 1903—1904, въ двухъ томахъ,—переводу, предисловіемъ къ которому и служитъ только что упомянутая большая статья Фоксуэлля. См., въ особенности, страницы 12—59).

лями настолько проницателенъ (особенно въ ученіи о стоимости, прибавочной стоимости и классовой борьбѣ), что нѣкоторые авторы, хотя бы тѣ же Менгеръ и Фоксуэлль, считаютъ возможнымъ даже обвинять Маркса въ ихъ плагіатѣ,—правда, неосновательно *).

Нечего и говорить, что рядомъ съ этой выработкой соціалистическаго міровоззрѣнія идетъ движеніе трудящихся массъ, сначала въ формахъ отличающихся такимъ боевымъ характеромъ, что поневолѣ пожимаешь плечами, когда приводишь себѣ на память континентальный предразсудокъ относительно вѣковѣчнаго тяготѣнія англичанъ къ легальности. Изъ XVIII вѣка въ XIX Англія переходитъ уже крупно-капиталистической страной, въ которой гигантская фабрика гордо возвышается на развалинахъ мелкаго ремесленнаго производства. Эксплуатація загнанныхъ въ фабричныя казармы рабочихъ всемогущимъ индустріальнымъ лордомъ не знаетъ себѣ границъ. Капиталъ воистину смѣется надъ законами божескими и человѣческими или, лучше сказать, превращаетъ въ законъ, охраняемый всею силою государства, свои тиранническія велѣнія. Произвольно понижая заработную плату пролетарія, фабрикантъ старается, вмѣстѣ съ тѣмъ, сломить силу сопротивленія рабочихъ драконовскимъ «актомъ противъ стачекъ» (Combination Act) 1799—1800 г. Мало ему этихъ мѣръ, онъ выдвигаетъ противъ рабочихъ цѣлый арсеналъ законовъ о «сносящихся между собою обществахъ», хотя бы даже и «косвенно» (акты 1799 и 1817 г.). Недостаточно ему и этого, онъ пускаетъ въ ходъ законъ о собраніяхъ (актъ 1819—1820), который грозитъ участникамъ въ неразрѣшенномъ собраніи ссылкою до семи лѣтъ. Наконецъ, актъ о «преступномъ сговорѣ» или «конспираціи» захлестываетъ своей растяжимой, какъ каучукъ, петлей виновности всякаго, кто вырвался бы изъ юридическихъ тенетъ перечисленныхъ законовъ. Достаточно сказать, что на основаніи акта о конспираціи бросались въ тюрьму на два года рабочіе, которые обсуждали совѣтъ, данный имъ нѣкоторыми наименѣе жадными хозяевами, потребовать повышенія платы отъ жестокихъ мѣстныхъ эксплуататоровъ *). А, вмѣстѣ съ тѣмъ, немногія ограниченія, которыя это жестокое классовое законодательство ставило соглашеніямъ фабрикантовъ насчетъ сбавки заработной платы, существо-

---

*) Ср. результаты сопоставленія мною подлинныхъ цитатъ изъ Томпсона (William Thompson, *An Inquiry into the principles of the Distribution of Wealth most conducive to Human Happiness; applied to the newly proposed System of voluntary Equality of Wealth*; Лондонъ, 1824) и Маркса: Н. С. Русановъ, *О вліяніи западноевропейскаго соціализма на русскій*; „Минувшіе годы", 1908, ноябрь.

**) См. повѣствованіе объ этомъ невѣроятномъ фактѣ у извѣстныхъ историковъ трэдъ-юніонизма: Sidney and Beatrice Webb, *History of Trade Unionism*; Лондонъ, 1902, новое изд., стр. 73 (1-е изд. вышло въ 1894 г.).

вали лишь на бумагѣ. Ибо дѣла эти разбирались судьями, принадлежавшими къ классу предпринимателей.

Немудрено, что когда простыя стачки наказывались, какъ самыя тяжелыя преступленія, рабочіе прибѣгали нерѣдко къ крайнимъ насильственнымъ дѣйствіямъ. Они жгли фабрики, разрушали машины, громили предпріятія. Повсюду составлялись тайныя рабочія общества, куда члены принимались лишь послѣ серьезнаго искуса, при соблюденіи устрашающихъ воображеніе обрядностей, и гдѣ зрѣла, не взирая на преслѣдованія, могучая солидарность трудящихся.

Это боевое настроеніе эксплуатируемыхъ массъ достигло, наконецъ, такой напряженности, что правительство, подъ давленіемъ наиболѣе гуманныхъ фабрикантовъ, въ родѣ Фрэнсиса Плэса, и радикальныхъ элементовъ въ нижней палатѣ оттѣнка Джозефа Юма, рѣшило отмѣнить законъ о коалиціяхъ. Съ этою цѣлью были изданы законъ 1824 г. и (испортившій его) законъ 1825 г., въ результатѣ которыхъ быстро стали развиваться возникшіе вмѣстѣ съ ростомъ крупной промышленности, — приблизительно съ начала XVIII вѣка,—рабочіе союзы, по англійской терминологіи «трэдъ-юніоны», или «трэдъ-юніоны». Развитію чисто рабочаго движенія сильно помогаетъ въ это время радикальная буржуазія, которая, стремясь къ избирательной реформѣ, опирается на рабочій классъ и добываетъ для него съ этою цѣлью право открытыхъ событій. Въ послѣдніе два года передъ реформой 1832 г., періодическая и брошюрная литература, выражавшая этотъ крайній радикализмъ буржуазіи, носитъ такой яркій боевой характеръ, что нѣмецкій историкъ изъ породы катедеръ-соціалистическихъ филистеровъ, считаетъ даже нужнымъ объяснять для подобныхъ же себѣ читателей, почему «столь дикія проявленія могли быть терпимы въ монархической Англіи» *).

Послѣ реформы 1832 г., перемѣщавшей центръ тяжести управленія страной изъ рукъ аристократіи и джентри въ руки промышленной буржуазіи, радикальные буржуа, за исключеніемъ меньшинства, состоявшаго изъ искреннихъ друзей народа, отхлынули цѣлыми массами отъ арміи своихъ недавнихъ союзниковъ, рабочихъ **). Но движеніе трудящихся продолжается и подвергается

*) Adolf Held, *Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands*; Лейпцигъ, 1881, стр. 330. См. тамъ же забавныя выходки противъ короля, которыя пускаетъ въ ходъ реформистскій листокъ „Республиканецъ".

**) „Наконецъ, когда страна была на волосокъ отъ гражданской войны, актъ о реформѣ 1832 г. обезпечилъ полнѣйшее политическое освобожденіе новаго средняго класса, который тогда сразу успокоился и измѣнилъ пролетаріату, хотя послѣдній отдалъ и напоръ своей массы и свою кровь на помощь буржуазіи въ ея борьбѣ за политическую свободу". William Morris and E. Belfort Bax, *Socialism, its growth and outcome*; Лондонъ, 1893, стр. 176.

двоякому воздѣйствію: со стороны учениковъ Оуэна, которые развиваютъ передъ трудящимися идеалъ мирнаго рѣшенія соціальнаго вопроса путемъ коммунистическихъ общежитій; и со стороны вскорѣ образовавшейся партіи чартистовъ, которая толкаетъ массы въ сторону всеобщей подачи голосовъ и прочихъ политическихъ реформъ, имѣющихъ цѣлью осуществить народовластіе, хотя бы даже,—по мнѣнію лѣваго крыла чартизма,—при помощи революціоннаго возстанія.

Жизнь, однако, оригинально перерабатываетъ это двойственное воздѣйствіе, соединяя рабочихъ вокругъ платформы экономическихъ и политическихъ требованій въ одну партію труда. Такъ, хотя Оуэнъ вообще очень скептически относится къ политической дѣятельности, отрицая, чтобы торжество коммунистическаго плана, или,—какъ онъ выражается,—«образованіе трудовыхъ общинъ хоть сколько нибудь зависѣло отъ завоеванія всеобщаго голосованія и другихъ политическихъ правъ» *), онъ, однако, сильно помогаетъ дѣлу рабочаго класса своей агитаціей въ пользу законодательнаго сокращенія часовъ труда. А нѣкоторые изъ его учениковъ еще въ 1831—1832 гг. дѣятельно боролись за введеніе всеобщей подачи голосовъ.

Съ другой стороны, если чартистская «шестихвостка» не заключала себѣ ни одного соціальнаго требованія, а все чисто политическія, то массы вкладывали въ нее, несомнѣнно, экономическій, можно даже сказать, соціалистическій смыслъ. Вызовите себѣ только въ памяти оригинальную фигуру методистскаго священника Стивенса (Stephens), который пользовался широкой популярностью среди чартистовъ и такъ истолковалъ стремленія громаднаго большинства ихъ: «Чартизмъ, мои друзья, отнюдь не есть политическій вопросъ, въ которомъ рѣчь идетъ о томъ, получите ли вы избирательныя права; но чартизмъ есть вопросъ ножика и вилки; хартія значитъ хорошее жилье, хорошая ѣда и питье, хорошій заработокъ и короткое рабочее время» **). Это былъ тотъ самый священникъ Стивенсъ, который, пылая негодованіемъ на правительство, стремившееся силою разбить великій народный напоръ, обращался съ такою рѣчью къ многотысячной толпѣ: «Вамъ нечего бояться силы правительства, его солдатъ, штыковъ и пушекъ, которые находятся въ распоряженіи вашихъ угнетателей; у васъ есть средство, которое будетъ посильнѣе всего этого, есть оружіе, противъ котораго ничего не подѣлаютъ ни штыки, ни пушки. И этимъ оружіемъ можетъ владѣть десятилѣтній ребенокъ. Вамъ

*) Edouard Dolléans, *Robert Owen*; Парижъ, 1905, стр. 208.

**) Friedrich Engels, *Die Lage der arbeitenden Klasse in England*; Штутгартъ, 1892, 2-е изд., стр. 321 и слѣд., гдѣ читатель найдетъ живое изображеніе чартизма отчасти на основаніи личныхъ наблюденій Энгельса, который самъ сотрудничалъ въ чартистскихъ органахъ и опубликовалъ 1-е изданіе своей книги въ 1845 г., еще до разгрома движенія.

стоитъ только взять одну-двѣ спички да вязанку просмоленной соломы, и тогда я посмотрю, какъ справится правительство и его сотни тысячъ солдатъ съ этимъ оружіемъ, если только его смѣло пускать въ ходъ».

Раздавленное послѣ ряда бурныхъ митинговъ, гигантскихъ факельныхъ процессій и процессій съ петиціями, всеобщихъ стачекъ «священнаго мѣсяца», пожаровъ, штурмованій тюремъ, кровавыхъ столкновеній съ вооруженной силой, арестовъ, процессовъ, заключеній вождей, чартистское движеніе въ теченіе 12—15 лѣтъ (съ 1836 г. по 1848 г. и даже болѣе или менѣе номинально до 1851 г.) успѣло взволновать умы всѣхъ классовъ и оставило на общественной жизни глубокіе слѣды. Въ цѣломъ оно было если не политической революціей на манеръ континентальныхъ, преимущественно французскихъ, революцій, то великой кампаніей соціальной войны, борьбы труда съ капиталомъ. И ознаменовавшіе эту борьбу многочисленные «историческіе дни» своимъ драматизмомъ могутъ удовлетворить вкусу самаго пресыщеннаго романтика революціи, служа яркимъ доказательствомъ того, что англичане отнюдь не всегда являются педантическими поклонниками легальности во что бы то ни стало *). Но правда то, что самъ чартизмъ вызвалъ своимъ pressure from without—любимое англійское выраженіе,—своимъ могучимъ «давленіемъ извнѣ» на имущіе и правящіе классы рядъ реформъ, которыя, сочетаясь съ другими экономическими и политическими факторами, отняли, по крайней мѣрѣ временно, почву у рѣзкаго революціоннаго настроенія массъ.

Такъ, отмѣна хлѣбныхъ законовъ (январь 1846 г.), фабричный актъ 8-го іюня 1847 г., вводившій десятичасовой рабочій день для женщинъ и подростковъ, и т. п. были, несомнѣнно, въ очень значительной степени результатомъ чартистскаго движенія. Точно также, соціальный торизмъ; «христіанскій соціализмъ», желавшій отмежеваться отъ «не-соціальныхъ христіанъ и отъ не-христіанскихъ соціалистовъ» **),—всѣ эти и подобныя имъ политическія и идейныя теченія тоже или усилились, или прямо возникли подъ вліяніемъ общественнаго потрясенія, произведеннаго чартистами. Равнодѣйствующая борющихся силъ передвигается вправо. И ярко-красныя

*) Ср. слѣдующія многозначительныя строки объ этомъ періодѣ Гайндмана: „Поведеніе народа было таково, что наиболѣе опытнымъ наблюдателямъ изъ другихъ странъ да даже и самимъ англичанамъ наша страна представлялась стоящею наканунѣ революціоннаго взрыва, который превзойдетъ яростью и широтой своихъ конечныхъ цѣлей все, что было до сихъ поръ отмѣчено исторіей“. H. M. Hyndman, *The historical basis of socialism in England*; Лондонъ, 1883, стр. 210.

**) „Conflict... with the unsocial Christians and the unchristian Socialists“,—такъ опредѣляетъ идею христіанскаго соціализма его родоначальникъ Морисъ въ письмѣ къ Лэдло. См. документальную и небезынтересную во многихъ отношеніяхъ работу: Louis Cazamian, *Le roman social en Angleterre*; Парижъ, 1904, 2-е изд., стр. 448, прим. 2.

формулы чартиста Джемса Бронтерра О'Бріена, говорившаго еще въ половинѣ 30-хъ годовъ о «настоящемъ правительствѣ Англіи», какъ о «великомъ заговорѣ тунеядцевъ и грабителей противъ работающихъ и простодушныхъ людей», при чемъ «въ немъ не позволено участвовать никому, кто не обладаетъ такъ называемой собственностью, т. е. кто не живетъ путемъ насилія или обмана насчетъ труда другого» *),—эти ярко-красныя формулы замѣняются сѣро-розовыми, гдѣ уже толкуется о совмѣстной борьбѣ «церкви, джентльмэна и рабочаго противъ лавочниковъ и Манчестерской школы» **).

Какъ бы то ни было, начавшееся съ половины 40-хъ годовъ процвѣтаніе англійской промышленности, которое обусловливалось индустріальными преимуществами страны на всемірномъ рынкѣ и усилилось,—хотя и не безъ перерывовъ во время кризисовъ,—съ рѣшительнаго выступленія ея на путь свободной торговли, обламывало острія у соціальнаго вопроса. Въ томъ же направленіи дѣйствовало развитіе фабричнаго законодательства, въ выработкѣ котораго играли такую роль выдающіеся тори-филантропы въ родѣ лорда Ашлея (впослѣдствіи Шэфтсбери), — что, кстати сказать, объясняетъ слабость, которую рабочіе столько разъ обнаруживали къ консервативнымъ министерствамъ. Такъ боевое настроеніе трудящихся падало съ минованіемъ эры презрительнаго индифферентизма или же насильственной политики «классовъ» по отношенію къ «массамъ» (давнишняя англійская терминологія). И болѣе гибкая и благожелательная тактика государственныхъ людей, руководимыхъ, впрочемъ, всегда гораздо менѣе гуманитарными мотивами, чѣмъ тонкимъ пониманіемъ классовыхъ интересовъ, помогала въ значительной степени укрѣпиться среди рабочихъ тому легалистскому настроенію, которое близорукіе наблюдатели считаютъ чуть ли не исконною національною чертою англичанъ. Эта и другія уже указанныя нами выше причины затемняли, вмѣстѣ съ тѣмъ, классовое самосознаніе трудящихся, которые пріучались надѣяться на великія и богатыя милости отъ той или другой изъ двухъ исторически борющихся партій и поставляли обѣимъ сторонамъ вотирующее и агитаціонное мясо. И не лишено интереса то обстоятельство, что либералы, сохранившіе съ давнихъ поръ характерный для буржуа-предпринимателя страхъ передъ ростомъ соціальнаго значенія рабочихъ, въ особенности жестоко обманывали довѣріе «массъ».

---

*) См. питату изъ „Poor Man's Guardian" отъ 7-го марта 1835 г. въ статьѣ: Th. Rothstein, *Verkünder des Klassenkampfes vor Marx*; „Die Neue Zeit", № отъ 27-го марта 1908 г.,—въ которой авторъ съ большой похвалой отзывается объ О'Бріенѣ, какъ писателѣ, предвосхищающемъ взгляды Маркса.

**) Слова христіанскаго соціалиста Кингслэ. См. Cazamian, l. c., стр. 446, прим. 1.

Такъ, если консервативное министерство Дерби-Дизраэли провело въ 1867 г. реформу давнишняго «закона о господахъ и слугахъ», все еще продолжавшаго стѣснять свободу стачекъ, то либеральное министерство Гладстона, сформированное въ 1868 г., наоборотъ, обрушилось на рабочій классъ закономъ 29-го іюня 1871 г. И въ результатѣ цѣлый рядъ поступковъ, вообще не подлежащихъ наказанію, оказался противозаконнымъ, разъ исходилъ отъ рабочихъ: илоту современнаго общества вмѣнялось, напримѣръ, въ преступленіе «наблюдать за входомъ въ помѣщеніе, гдѣ работаютъ, и настойчиво слѣдовать за кѣмъ-нибудь по улицамъ одному или въ сопровожденіи» (пресловутый грѣхъ picketing'a). А что судьи не стѣснялись примѣнять новый законъ, носившій лицемѣрное названіе «акта объ улучшеніи уголовнаго законодательства» и т. д., достаточно показываетъ заключеніе въ тюрьму семи женщинъ за междометіе «ба», обращенное ими къ одному штрейкбрехеру во время стачки 1871 г. въ южномъ Уэльсѣ.

Немудрено, что на слѣдующихъ выборахъ, имѣвшихъ мѣсто въ январѣ 1873 г., рабочіе, убѣдившись, по картинному выраженію одного сочувствовавшаго имъ профессора (позитивиста Бисли), что разница между либераломъ и тори не больше разницы между верхнимъ и нижнимъ жерновами размалывающей ихъ классовой привилегированной мельницы, рѣшили вотировать за кандидатовъ независимо отъ ихъ партійной принадлежности, лишь бы они обѣщали полную свободу стачекъ. А такъ какъ эти обѣщанія охотно давались стремившеюся къ власти консервативною партіею, то послѣдняя и получила большинство. На сей разъ давленіе рабочихъ было такъ сильно, что кабинетъ Дизраэли, поколебавшись было въ началѣ, долженъ былъ исполнить принятое на себя тори обязательство. И лѣтомъ 1875 г. прошли при всеобщемъ ликованіи трэдъ-юніонистовъ два билля, одинъ изъ которыхъ отмѣнялъ либеральное «улучшеніе» 1871 г., а другой подвергалъ дальнѣйшему пересмотру старый законъ «о господахъ и слугахъ», превращая его въ болѣе современный не по названію только, но и по духу законъ «о предпринимателяхъ и рабочихъ».

III.

Но уже новый духъ начиналъ вѣять въ Англіи, и внѣ трэдъюніонистскаго движенія, которое вскорѣ снова подпало подъ вліяніе либеральной партіи, возникаютъ группы, все болѣе и болѣе проникающіяся принципами собственно соціализма. Между тѣмъ какъ конгрессы трэдъ-юніоновъ въ началѣ 80-хъ годовъ еще высказываются противъ всеобщей подачи, а трэдъ-юніонистскій «парламентарный комитетъ» выдвигаетъ реформы мелко буржуазнаго характера, въ родѣ созданія мелкой земельной собственности, умноженія ре-

месленныхъ патентовъ, и т. п., міровоззрѣніе труда находитъ жаркихъ сторонниковъ въ рядахъ радикальной интеллигенціи, разочаровавшейся въ дѣятельности либераловъ. Очень умѣренный соціалистъ, Сидней Уэббъ, одинъ изъ авторовъ уже извѣстной читателю книги о трэдъ-юніонизмѣ, такъ изображаетъ это настроеніе, въ своемъ «Соціализмѣ въ Англіи». Книжная и митинговая дѣятельность американца Генри Джорджа, широко разносившаго по Англіи идеи націонализаціи земли, которыя составляли суть его нашумѣвшаго сочиненія «Прогрессъ и бѣдность», создаетъ благопріятную почву для соціалистической постановки вопроса. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ либеральной партіи отпадаетъ немало искреннихъ радикаловъ, недовольныхъ исключительными мѣрами, направленными Гладстономъ въ 1881 г. противъ Ирландіи, его египетской кампаніей 1882 г., предпринятой въ угоду военной и капиталистической кликѣ, слабостью прогрессивной внутренней политики. «Годы гладстоніанскаго правленія протекли безъ малѣйшаго серьезнаго усилія осуществить соціальныя реформы. Даже давно обѣщанныя фискальныя реформы были преспокойно отброшены въ сторону... Бѣднякъ, повидимому, оказался совершенно внѣ поля зрѣнія «партіи прогресса», вербовавшейся изъ среднихъ классовъ. Пренебреженіе англійскими вопросами давало себя знать все сильнѣе и сильнѣе, и чувство, вызванное этими политическими инцидентами, и было главною причиною возникновенія первой опредѣленной соціалистической организаціи» *).

То была образовавшаяся въ мартѣ 1881 г. «Демократическая федерація», основателями которой были Гайндманъ, Гербертъ Барозъ, падчерица Милля, Елена Тэйлоръ и т. п. Быстро развиваясь въ сторону настоящаго соціализма и выдѣляя изъ себя чисто радикальные элементы, она уже въ 1883 г. стала называться «Соціалъ-демократической федераціей». Къ несчастью, эта федерація съ самаго начала, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Гайндмана, ударилась въ двѣ, казалось бы, исключающія одна другую крайности. Съ одной стороны, она, какъ выразился еще Энгельсъ, «ухитрилась низвести марксовскую теорію развитія на степень застывшей ортодоксіи» **). Съ другой, желая выступить сейчасъ же на арену парламентарной борьбы, она стремилась во что бы то ни стало войти въ палату общинъ и скромпрометировала себя на выборахъ въ 1885 г. денежною помощью, принятою отъ консерваторовъ. Какъ реакція противъ этой тактики, отъ нея въ 1885 г. откалывается группа выдающихся членовъ,—поэтъ Моррисъ ***), фи-

*) Sidney Webb, *Socialism in England*; Лондонъ, 1893, 2-е изд., стр. 22.

**) *Briefe und Auszüge aus Briefen von... Friedrich Engels, Karl Marx...* an F. A. Sorge und Andere; Штуттгартъ, 1906, стр. 412.

***) См. о немъ этюдъ „Красота на служеніи человѣчеству" въ моей книгѣ: Н. С. Русановъ, *Соціалисты Запада и Россіи*; Спб., 1908, стр. 138—199.

лософъ Бельфортъ Баксъ и т. п.,—и чрезмѣрно перегибаетъ палку въ другую сторону. Отказываясь отъ «парламентарнаго кретинизма», она играетъ въ руку приверженцамъ аполитической анархіи и черезъ два-три года теряетъ свое практическое значеніе, оставивъ, однако, слѣдъ на развитіи соціалистической мысли въ Англіи. Еще раньше, а именно въ 1883 г., возникаетъ такъ называемое «Фабіанское общество», члены котораго, въ родѣ Уэббовъ и Бернарда Шо, вербуются изъ рядовъ буржуазной интеллигенціи и становятся на точку зрѣнія самаго мирнаго соціализма, держащагося за постепенное развитіе и «внѣдреніе» соціалистическихъ учрежденій въ современный строй. Вдохновляясь тактикой Фабія Кунктатора,—отъ имени котораго идетъ и названіе ихъ общества,—фабіанцы стараются походить на своего родоначальника не столько тѣмъ, что собираются *побѣдить* капиталистическое общество, сколько тѣмъ, что стараются побѣдить его *медленно* и незамѣтно.

Въ гораздо болѣе тѣсную связь съ трудящимися массами вступила образовавшаяся въ 1893 г. «Независимая рабочая партія», которая пополняла существенный пробѣлъ въ соціально-политическомъ развитіи Англіи, такъ какъ ставила своей задачей перекинуть мостъ между стихійнымъ движеніемъ трэдъ-юніонистовъ и сознательной дѣятельностью сторонниковъ собственно такъ называемаго соціализма. Къ сожалѣнію, работа и этой, хотя гораздо болѣе жизненной, чѣмъ академической организаціи, совершается при крайне своеобразныхъ англійскихъ условіяхъ, которыя своимъ смѣшеніемъ добра и зла очень затрудняютъ торжество міровоззрѣнія труда. Мѣстная экономика и мѣстная политика, съ оригинальными чертами которыхъ на почвѣ Великобританіи мы познакомились въ началѣ этого краткаго очерка, продолжаютъ свое дѣйствіе. Поколебавшееся вслѣдствіе конкуренціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и Германіи, но все еще очень выгодное положеніе Англіи на міровомъ рынкѣ до сихъ поръ притупляетъ остріе классовой борьбы между капиталистами и рабочими изъ-за дѣлежа національнаго дохода. Исторически выработавшееся, по истинѣ замѣчательное умѣнье имущихъ и правящихъ классовъ Англіи защищать свои привилегіи путемъ своевременныхъ частичныхъ уступокъ и ловкихъ диверсій тоже мѣшаетъ дружному напору труда на капиталъ. Корпоративныя организаціи трэдъ-юніоновъ до сихъ поръ благопріятствуютъ образованію аристократіи среди рабочихъ классовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ способствуютъ сохраненію давнишнихъ предразсудковъ на счетъ «самопомощи» и ея благодѣтельныхъ результатовъ въ рамкахъ современнаго капиталистическаго общества. Чрезмѣрная «кусочность» ума; чрезмѣрная любовь къ конкретнымъ деталямъ; историческая устойчивость ассоціаціи идей; медлительность объединяющей мысли у средняго англичанина,—все это мѣшаетъ массамъ слить рѣзкія, но разрозненныя впечатлѣнія отъ капиталистической эксплуатаціи въ одну систему соціализма, который только и можетъ положить конецъ страданіямъ

трудящихся классовъ. Не съ злорадствомъ, а съ чувствомъ искренняго сожалѣнія приходится констатировать, что соціальная борьба въ Англіи сводится вплоть до нашихъ дней, въ лучшемъ случаѣ, не къ торжеству трудового начала, а къ компромиссу между капиталомъ и труломъ, при чемъ частныя пріобрѣтенія послѣдняго ведутъ лишь къ укрѣпленію основныхъ позицій перваго.

Это ясно обнаруживается на исторіи уже упомянутой «Независимой рабочей партіи» и ея растворенія въ «Рабочей партіи» безъ всякаго эпитета, выступленіе которой въ палатѣ общинъ произвело было такую сенсацію три года тому назадъ. Къ этому мы и переходимъ.

IV.

Мы дадимъ слово одному изъ самыхъ выдающихся представителей эволюціоннаго англійскаго соціализма, Джемсу Рамзею Макдональду, имя котораго часто встрѣчается подъ статьями, посвященными англійскому соціализму какъ въ мѣстныхъ, такъ и въ заграничныхъ журналахъ. Онъ выражаетъ, пожалуй, лучше другихъ среднюю равнодѣйствующую стремленій, обнаруживающихся среди типичнаго соціализма Великобританіи. Онъ былъ членомъ фабіанскаго общества, но вышелъ изъ него,—по его собственному признанію въ полемикѣ съ нѣкіимъ зѣло запальчивымъ, но мало убѣдительнымъ оппонентомъ соціализма, д-ромъ Битти-Крожеромъ,—потому, что «вожаки Фабіанскаго общества думали, будто соціализмъ долженъ вползти потихоньку съ задняго крыльца, усѣсться за маленькимъ бюро и править страной отчасти путемъ ловкости, а отчасти путемъ обмана» *). Но онъ обѣими ногами стоитъ на почвѣ мирнаго развитія и, принадлежа къ Независимой рабочей партіи, съ удовольствіемъ исповѣдуется въ своей любви къ постепенности на страницахъ органа, редактируемаго его германскимъ единомышленникомъ, Бернштейномъ: «Мы переживаемъ въ Великобританіи относительный отливъ революціоннаго соціализма и огромный ростъ организацій (Gebilden), въ родѣ Независимой рабочей партіи, которыя понимаютъ соціализмъ, какъ теорію строительства» **).

Такому человѣку, значитъ, и книги, или, лучше сказать, перо въ руки, когда дѣло идетъ о повѣствованіи, откуда есть пошла «Рабочая партія» въ англійскомъ парламентѣ и куда она идетъ. Послѣ январьскихъ выборовъ 1906 г., подъ впечатлѣніемъ тріумфа своихъ товарищей по агитаціи, онъ пишетъ все въ томъ же

---

*) J. Ramsay Macdonald, *Socialism and Politics*; „The Fortnightly Review", 1908, іюнь, стр. 1061.

**) Его же *Socialistische Praxis*; „Socialistische Monatshefte", 1906, январь, стр. 22.

органѣ нѣмецкихъ ревизіонистовъ: «Независимая рабочая партія была основана въ 1893 г.... Члены ея вербовались преимущественно изъ трэдъ-юніоновъ... Джонъ Бёрнсъ (который еще не былъ тогда измѣнникомъ рабочему классу. Н. К.) пытался было принизить значеніе годовыхъ конгрессовъ трэдъ-юніоновъ, видя въ нихъ исключительно поле для пропаганды доктрины политической независимости и соціалистическихъ цѣлей»... Какъ бы то ни было, «въ 1900 г. трэдъ-юніонами и соціалистическими организаціями былъ совмѣстно основанъ «Союзъ представительства рабочихъ». Этотъ-то союзъ, или «Комитетъ» (Labour Representation Committee), какъ онъ чаще называется по англійски, провелъ четырехъ рабочихъ на предыдущихъ выборахъ. Онъ же выдвинулъ и на выборахъ 1906 г. свой листъ кандидатовъ, которые обязались во время избирательной кампаніи не указывать на свою принадлежность къ особой партіи (напр., къ «Независимой рабочей»,трэдъ-юніонамъ и т. д.), а называть себя просто «рабочими кандидатами»... «Мы пошли на выборы съ листомъ изъ 50 кандидатовъ, и изъ нихъ было выбрано 29... Рядомъ съ этимъ мы создали настроеніе, очень помогшее рабочимъ кандидатамъ другихъ партій и такихъ организацій, которыя, какъ, напр., союзъ горнорабочихъ, не примкнули къ намъ... Между членами комитета представительства рабочихъ 14 принадлежатъ къ «Независимой рабочей партіи», 1 къ «Соціалъ-демократической федераціи», 1 къ «Фабіанскому обществу». Такимъ образомъ, 16 изъ нихъ являются рѣшительными соціалистами, а 4 другихъ соціалистами въ практическихъ вопросахъ... Кандидаты комитета получили всего около 400.000 голосовъ... Въ парламентѣ партія будетъ независима... Она будетъ поддерживать правительство или бороться противъ него ровно въ той мѣрѣ, въ какой, по ея мнѣнію, правительство будетъ дѣлать хорошее или плохое дѣло... Наша программа работъ на первую сессію будетъ заключать въ себѣ предложенія, касающіяся реформы закона о сниманіи рабочихъ во время стачекъ. И мы будемъ храбро сражаться за отверженіе судебнаго приговора по дѣлу о стачкѣ въ долинѣ рѣки Таффъ, приговора, который постановляетъ, что трэдъ-юніонъ долженъ возмѣстить предпринимателю ущербъ, который онъ причинилъ ему во время борьбы съ нимъ. Мы будемъ выступать также въ пользу платежа жалованья членамъ парламента, снабженія пищею, насчетъ государства, дѣтей, учащихся въ школахъ, улучшенія закона о безработныхъ и еще другихъ мѣръ... Наши депутаты хотятъ, чтобы ихъ признали партійными товарищами соціалисты въ нѣмецкомъ, французскомъ и прочихъ парламентахъ. Мы стоимъ за миръ и разоруженіе, за международную дружбу и благожелательность, всемірную солидарность трудящихся» *).

---

*) Его-же, *Die Wahlen und die Arbeiterklasse in England*; „Socialistische Monatshefte", 1906, мартъ, стр. 195—198, passim.

Посмотримъ, что же сдѣлала новая партія труда въ парламентѣ, и какія отношенія создавались между нею и либеральнымъ правительствомъ, которое является во всякомъ случаѣ органомъ защиты основныхъ интересовъ капитала и владѣнія. Прежде всего надо поставить точки надъ і въ исторіи образованія партіи англійскихъ «трудовиковъ», какъ она излагается однимъ изъ руководителей ея. Нѣтъ сомнѣнія, что эта партія являлась бы великимъ соціальнымъ прогрессомъ въ Англіи, если бы она дѣйствительно была основана на принципѣ, развитомъ нѣсколькими мѣсяцами позже все тѣмъ же выдающимися лидеромъ: «Соціализмъ безъ поддержки рабочихъ союзовъ осужденъ представлять собою движеніе, выражающееся исключительно въ безплодной критикѣ и безсильной абстракціи; трэдъ-юніонизмъ безъ соціализма является лишь безплодной, утомительной и ровно ничего не рѣшающей борьбой; соціализмъ же и трэдъ-юніонизмъ вмѣстѣ становятся творцами великаго рабочаго движенія, которое должно пересоздать существующій общественный строй» *).

Говоря вообще, это, конечно, такъ. Но весь вопросъ въ томъ-то и заключается, насколько здѣсь гармонично соединены обѣ стороны упомянутаго «великаго», преобразующаго весь міръ движенія, и, наоборотъ, не поглощаетъ ли совершенно трэдъ-юніонистская сторона дѣла сторону соціалистическую. Обратите вниманіе на составъ новой партіи. Почти черезъ два года послѣ выборовъ, когда страсти, возбужденныя поворотомъ политическаго колеса въ Англіи, уже улеглись, Макдональдъ не безъ гордости даетъ слѣдующую, дѣйствительно любопытную таблицу **):

Рабочая партія (1.741.200 членовъ).				
Трэдъ-юніоны (1.700.000 чл.).	Незав. раб. партія (40.000 чл.).	Фабіанское общ. (1.200 чл.).	Соц.-дем. федер. (7.000 чл.).	Соц. раб. партія (200 чл.?)
	Соціалисты (48.400 членовъ).			

Таблица, говоримъ мы, представляетъ большой интересъ. Но въ то время, какъ Макдональдъ видимо пускаетъ ее въ ходъ для доказательства мощи трудовиковъ, люди, стоящіе на опредѣленной соціалистической точкѣ зрѣнія, могутъ и должны, наоборотъ, выводить изъ нея слабость соціализма и, стало быть, отнюдь не торжествовать, а серьезно задумываться надъ этимъ. Въ самомъ дѣлѣ, трэдъ-юніонистовъ, входящихъ въ составъ рабочей партіи, насчитывается 1.700.000 чел. Что представляютъ въ сравненіи съ этой

*) Его-же, *Socialismus oder Arbeiterpolitik*; „Socialistische Monatshefte", 1906, августъ, стр. 652.

**) Его же *Socialismus, Gewerkschaften, Arbeiterpartei*; „Socialistische Monatshefte", 1907, октябрь, стр. 830.

массой 40000 членовъ Независимой рабочей партіи, 7.000 членовъ Соціалъ-демократической федераціи, 1.200 фабіанцевъ, и т. д.? Каплю масла на поверхности обширнаго бассейна, которая можетъ окрасить своей тонкой радужной пленкой небольшое пространство всей поверхности водъ, но не въ силахъ измѣнить составъ водяной толщи. А кто знаетъ, какъ медленно зрѣютъ соціалистическія идеи внутри англійскихъ рабочихъ союзовъ, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ сторонники послѣдовательнаго міровоззрѣнія труда прислушиваются къ резолюціямъ ежегодныхъ трэдъ-юніонистскихъ конгрессовъ касательно ихъ отношеній къ соціализму; какъ часто въ этой сферѣ надежды смѣняются разочарованіями, и за шагомъ-двумя впередъ слѣдуетъ шагъ назадъ,—тотъ не удивится, что таблица Макдональда способна наводить на искренняго соціалиста все, что угодно, но только не ликованье. Пусть припомнятъ хотя бы только невѣроятно спутанныя пренія и противорѣчивыя резолюціи на конгрессахъ желѣзнодорожниковъ и горнозаводскихъ рабочихъ въ октябрѣ 1906 г., когда тяготѣнье трэдъ-юніонистовъ къ либераламъ, страхъ передъ соціалистами, но въ то же время голосованье націонализаціи желѣзныхъ дорогъ и копей переплелись въ самый хаотическій узоръ, давшій поводъ либеральнымъ министрамъ ничуть не хуже тори обличать «тиранію коллективизма» *).

Я уже не говорю о томъ, что фабіанствующіе историки трэдъ-юніоновъ, извѣстные читателю супруги Уэббы, въ своемъ другомъ сочиненіи, на которое они сами смотрятъ, какъ на «соціологію» трэдъ-юніонизма, не безъ удовольствія отмѣчаютъ тотъ фактъ, что промышленное развитіе рабочихъ союзовъ гонитъ ихъ въ направленіи, совершенно обратномъ тому, какое передовая мысль требуетъ для эволюціи политическихъ учрежденій. Послѣдовательные демократы ставятъ, дѣйствительно, передъ человѣчествомъ перспективу все большаго и большаго участія каждаго члена общежитія въ управленіи. Не только выборность, но и полная смѣняемость всѣхъ должностныхъ лицъ и возможно частое обновленіе администраціи; референдумъ; народная иниціатива,—въ этомъ должна выражаться демократизація власти. А вотъ какой выводъ дѣлается Уэббами изъ наблюденія надъ процессомъ развитія англійскихъ трэдъ-юніоновъ: «Если... демократія означаетъ, что всякая вещь, «которая касается всѣхъ, должна и рѣшаться всѣми», и что каждый гражданинъ долженъ пользоваться равною и тожественною долею участія въ правительствѣ, то исторія трэдъ-юніоновъ ясно указываетъ на неизбѣжный въ этомъ отношеніи отрицательный результатъ. Правительство, опирающееся на такіе пріемы, какъ

*) См. отчетъ объ обоихъ конгрессахъ Миддльтона, второго секретаря „Рабочей партіи": G.-S. Middleton, *Congrès corporatifs anglais*; „La Revue Syndicaliste", 1906, ноябрь, № 19, стр. 214—218.

переходъ должностей по очереди отъ одного къ другому, массовыя собранія, референдумъ и инициатива, или делегаты, ограничиваемые императивнымъ мандатомъ, ведетъ прямо или къ бездѣйствію и разложенію, или къ безконтрольному владычеству отдѣльнаго диктатора или опытной бюрократіи. Смутно и почти безсознательно это заключеніе, послѣ цѣлаго столѣтія опытовъ, проникло въ самые передовые трэдъ юніоны. Старинная теорія демократіи составляетъ еще предметъ вѣры и постоянно выплываетъ, когда возникаетъ организація съ совершенно новыми цѣлями; но трэдъ-юніонистскія конституціи претерпѣли молчаливую революцію... Въ концѣ концовъ мы встрѣчаемся въ мірѣ трэдъ-юніоновъ съ типическими формами современной демократіи, выборнымъ собраніемъ представителей, назначающимъ и контролирующимъ исполнительный комитетъ, подъ управленіемъ котораго постоянный штатъ чиновниковъ дѣлаетъ свое дѣло» *).

При такихъ условіяхъ убѣжденнымъ соціалистамъ должно вести энергичную, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень обдуманную политику по отношенію къ трэдъ-юніонамъ. Ибо въ послѣднихъ, несомнѣнно, заключается неистощимый источникъ жизненныхъ силъ для реализаціи міровоззрѣнія труда. Но чисто корпоративное движеніе должно освѣщаться идеаломъ ясной соціалистической мысли. А для этого, не унижая съ высоты абстракцій стихійное выступленіе арміи труда, соціалистамъ приходится рѣшительно вступать въ ея ряды, вести вмѣстѣ съ нею борьбу во имя существенныхъ интересовъ трудящихся, но не свертывать и не скрывать своего соціалистическаго знамени съ его основными требованіями. Это, напр., понимали и до сихъ поръ понимаютъ буржуазныя партіи консерваторовъ и либераловъ, которыя умѣли, путемъ соглашеній и договоровъ съ трэдъ-юніонами, пользоваться для своихъ партійныхъ цѣлей громадною реальною силою, заключенною въ англійскихъ рабочихъ союзахъ. И до сихъ поръ среди выдающихся трэдъ-юніонистовъ вы найдете немало людей, примыкающихъ къ той или другой, особенно же либеральной, партіи. Вспомните хотя-бы ветерана желѣзнодорожнаго трэдъ-юніонизма, депутата Ричарда Белля который до сихъ поръ, борясь за чисто профессіональные интересы своихъ товарищей, тѣмъ не менѣе въ вопросахъ общей политики и клянется, и божится символомъ вѣры либеральной партіи.

Хорошо, конечно, было то, что новая партія труда рѣшила выступать самостоятельно отъ существующихъ партій. Но не хорошо было то, что она не только не хотѣла открыто провозгласить свой соціалистическій лозунгъ и выставить свою опредѣленную программу въ отличіе отъ буржуазныхъ программъ, а, наоборотъ, старалась стереть все, что могло указывать на ея принципіальную

*) Sidney and Beatrice Webb, *Industrial Democracy*; Лондонъ, Нью-Іоркъ и Бомбей, 1897, въ двухъ томахъ, т. I, стр. 36–37.

обособленность отъ міра капитала и владѣнія, вплоть до названія. Не характерно ли, что во время выборовъ кандидатамъ новой партіи было строго воспрещено всякое оффиціальное употребленіе словъ: «соціализмъ» и «соціалистическій»? И поклонники этой хитроумной политики «вползанья соціализма съ задняго крыльца»,— какъ самъ же Макдональдъ охарактеризовалъ фабіанцевъ,—дѣлали въ этомъ отношеніи лишь ту уступку, что позволяли кандидатамъ въ уже соціалистическихъ округахъ заявлять себя соціалистами, когда того требовали перипетіи выборной кампаніи. Мало того, когда послѣ торжества на выборахъ, проведшій ихъ «Комитетъ представительства рабочихъ» искалъ названія для новой партіи, членами различныхъ входившихъ въ нее организацій было рѣшено отказаться отъ какой бы то ни было ближайшей квалификаціи и назваться просто «рабочей партіей». Отброшенъ былъ даже такой эпитетъ, какъ «независимая», и отброшенъ потому, что съ прошлой дѣятельностью «Независимой рабочей партіи» связывалось все-таки представленіе о соціалистическомъ міровоззрѣніи ея вожаковъ, напр., Киръ-Харди и др. Теоретическими истолкователями этого потайного, стыдливаго, подразумѣвавшагося только для посвященныхъ соціализма было даже вмѣнено въ особую заслугу новой партіи, что она не согласилась ввести въ оффиціальную програму «обобществленія средствъ производства и обмѣна».

Немудрено, что напоръ рабочей партіи въ парламентѣ на буржуазныя партіи и либеральное правительство оказался гораздо болѣе слабымъ, чѣмъ на то разсчитывали Маккіавелли соціализма. А чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ все меньше и меньше проявляется у имущихъ и правящихъ классовъ спасительный страхъ передъ новымъ міровоззрѣніемъ. Правительство же все больше и больше умѣряетъ свой преобразовательный пылъ, развивая свою дѣятельность въ плоскости очень выгоднаго для него компромисса капитала съ трудомъ, при чемъ все оттягиваемыя и въ лучшемъ случаѣ частичныя реформы только закрѣпляютъ общую вассальную зависимость рабочихъ отъ предпринимателей, а сами англійскіе «трудовики» легко могутъ на слѣдующихъ же выборахъ пострадать вмѣстѣ съ либералами отъ натиска повидимому уже крѣпнущей торійской демагогіи.

Посмотримъ, дѣйствительно, чего добилась «напиравшая» на правительство рабочая партія, и какъ велъ себя дѣйствовавшій подъ этимъ напоромъ либеральный кабинетъ. Для подведенія итоговъ этимъ результатамъ намъ нечего укладывать реформы на прокрустово ложе какой-нибудь доктринерской формулы, а лишь безпристрастно всматриваться въ факты.

V.

Наибольшую сенсацію своимъ «радикализмомъ» возбудили земельные проекты либеральнаго министерства, часть которыхъ уже стала законами, другая фильтруется пока въ палатѣ лордовъ. И, дѣйствительно, когда правительственные реформаторы, порою даже безъ всякаго сопротивленія консервативной партіи и послѣ нѣкотораго ломанья со стороны лордовъ, провозглашаютъ принципъ «муниципализаціи» земли, ея «обязательнаго отчужденія», то присутствуешь, какъ будто бы, при цѣлой революціи традиціоннаго права собственности. Но не слѣдуетъ черезчуръ увлекаться этимъ. Нѣкоторые писатели, напр., уже знакомый читателямъ Антонъ Менгеръ *), не безъ основанія указываютъ на ту особенность соціально-политической жизни Англіи, что въ этой странѣ необыкновенно развитаго капитализма планы реформъ обращаютъ, однако, по большей части, свое остріе не противъ промышленнаго капитала, а противъ капитала земельнаго: крупной собственности и получаемой ею ренты. Дѣло въ томъ, что политическая сила землевладѣльческаго класса, который очень немногочисленъ и общественное значеніе котораго уже ослаблено рядомъ реформъ, не можетъ въ Англіи идти и въ сравненіе съ политической силой собственно капиталистическаго класса. Реформаторы направляются въ сторону меньшаго сопротивленія, и, напр., даже консервативная партія безъ особаго страха пускаетъ въ ходъ, когда это ей нужно, тактику государственнаго вмѣшательства въ земельныя отношенія. Не консерваторы ли еще совсѣмъ недавно провели законъ 1-го ноября 1903 г., который далъ возможность нѣсколькимъ сотнямъ тысячъ ирландскихъ фермеровъ купить земли на десятки милліоновъ фунтовъ стерлинговъ? Такъ что прошедшій въ 1907 г. билль министра по ирландскимъ дѣламъ Биррелля представляетъ лишь расширеніе консервативной реформы путемъ введенія обязательнаго отчужденія Тотъ же принципъ обязательнаго отчужденія проходитъ красною нитью и черезъ вошедшій съ начала этого года въ силу законъ о муниципализаціи земли въ Англіи, цѣлью котораго является развитіе и укрѣпленіе класса мелкихъ арендаторовъ на сдаваемыхъ имъ органами мѣстнаго самоуправленія «мелкихъ фермахъ» (Small Holdings) и «участкахъ» (Allotments).

Спрашивается, однако, что есть въ этихъ законахъ соціалистическаго? Ничего, если не считать провозглашенія того принципа,— уже неоднократно, впрочемъ, выдвигавшагося въ англійской, да и не въ одной англійской государственной жизни,—что въ случаѣ необходимости нація можетъ вмѣшиваться въ сферу частно-право-

*) Menger, l. c., стр. 146.

выхъ отношеній. Если можно еще держаться тѣхъ или иныхъ взглядовъ на значеніе муниципализаціи земли въ Англіи, то новая реформа въ Ирландіи уже во всякомъ случаѣ означаетъ не иное что, какъ насажденіе частной земельной собственности. И надо быть фанатичнымъ до потери смысла консерваторомъ, чтобы характеризовать современное положеніе вещей въ Ирландіи словами нѣкоего «капитана» Перси Крида: «Настоящія условія жизни на югѣ и западѣ Ирландіи, при господствѣ Объединенной ирландской лиги, являются замѣчательнымъ примѣромъ приложенія,—дѣйствительнаго или пока лишь обѣщаннаго,—соціалистическихъ идеаловъ къ современному общежитію. Въ Ирландіи мы не говоримъ о соціализмѣ. Мы называемъ его просто гомрулемъ» *).

Рабочая партія пробовала было выдвинуть противъ правительственнаго проекта «муниципализаціи» земли въ Англіи свой проектъ націонализаціи. Но сдѣлала это безъ особаго энтузіазма, не желая становиться въ оппозицію къ либеральному кабинету на этой почвѣ, и даже заявила, что будетъ вотировать за правительственное рѣшеніе вопроса въ виду относительной «полезности» билля. Хотя ея же ораторы въ странѣ, не связанные въ такой степени парламентарными соображеніями, рѣзко развивали тотъ взглядъ, что правительственное рѣшеніе есть въ сущности не рѣшеніе, ибо поставитъ, всего черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, націю лицомъ къ лицу съ проблемою усиленнаго аграрнаго неравенства и, стало быть, съ необходимостью передать землю въ руки всего общества.

Посмотримъ, что сдѣлала рабочая партія собственно для рабочихъ, и какъ складывались въ этой сферѣ отношенія между ней и правительствомъ. Единственная серьезная реформа, которую она провела съ достаточной энергіей, была реформа, гарантировавшая свободу коалицій, легализировавшая picketing и отмѣнявшая судебный прецедентъ по дѣлу стачки желѣзнодорожниковъ въ Таффской долинѣ (см. выше объясненія Макдональда). Тутъ новая партія выступила, дѣйствительно, такъ рѣшительно, считалась съ поведеніемъ правительства въ этомъ вопросѣ такъ мало, что заставила либеральный кабинетъ капитулировать въ самомъ началѣ преній. Правительству пришлось взять свой билль о трэдъ-юніонахъ, далеко не удовлетворявшій рабочихъ, какъ только «трудовики» представили свой законопроектъ, гораздо болѣе полный и гораздо энергичнѣе охранявшій кассы союзовъ отъ покушеній «потерпѣвшихъ» при стачкѣ капиталистовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рабочая партія успѣла по этому поводу поднять такую агитацію, что волны расходившагося общественнаго мнѣнія внушительно докатились до курульныхъ креселъ почтенныхъ лордовъ. И эта доблестная кор-

*) Capt. Percy Creed, *The Government and Communism in Ireland*; „The Fortnightly Review", 1908, октябрь, стр. 582.

порація, подталкиваемая извѣстнымъ вожакомъ консерваторовъ Бальфуромъ, не рѣшилась до конца сопротивляться могучему голосу міра труда и вотировала законопроектъ «рабочей партіи».

То было, впрочемъ, въ самомъ началѣ дѣятельности новой палаты общинъ, когда только что обновленная парламентарная метла мела сравнительно хорошо, и въ ушахъ избирателей еще звучало эхо пламенныхъ обѣщаній либераловъ, клявшихся въ пылу выборной кампаніи открыть невиданную эру «соціальной справедливости». Но чѣмъ дальше шло дѣло, тѣмъ болѣе рабочая партія начинала считаться съ видами правительства, тѣмъ болѣе либералы подливали воды въ свое вино, и тѣмъ чаще оттягивались и проваливались предложенія «трудовиковъ». Такъ, билль рабочей партіи о «безработныхъ» долго не шелъ, въ силу какой-то «случайности» (sic!) дальше первого чтенія въ 1907 г. И до сихъ поръ попеченіе о пріисканіи работы фатальнымъ жертвамъ капиталистическаго перепроизводства лежитъ на обязанности пресловутыхъ «комитетовъ» (Distress Committees), которые вызваны къ жизни консервативнымъ закономъ октября 1905 г. и состоятъ изъ дорого оплачиваемыхъ лазутчиковъ буржуазнаго класса, шныряющихъ по логовищамъ несчастныхъ безработныхъ и старающихся обвинить ихъ въ «нежеланіи» трудиться. А это избавляетъ администрацію отъ необходимости занимать ихъ общественными работами или находить для нихъ дѣло у частныхъ предпринимателей. При этомъ, пока пройдетъ представленный Асквисомъ и Бёрнсомъ билль о безработныхъ, кстати сказать очень неудовлетворяющій требованіямъ искреннихъ друзей народа, «государственное попеченіе о бѣдныхъ принимаетъ такія жестокія формы, которыя положительно не находятъ себѣ примѣра за послѣднюю четверть вѣка»,—говоритъ негодующій свидѣтель совершающагося на его глазахъ краха либеральныхъ обѣщаній *).

Знаменательна также судьба биллей о государственной пенсіи для престарѣлыхъ, восьмичасовомъ рабочемъ днѣ въ горной промышленности, кормленіи дѣтей въ школахъ, свѣтскомъ обученіи и т. п.,—биллей, которые или предлагались рабочей партіей, или выдвигались правительствомъ подъ вліяніемъ «трудовиковъ», но съ видимою цѣлью обезцвѣтить и обезвредить для капитала и владѣнія эти реформы. Такъ, правительственный пенсіонный билль принялъ положительно видъ законопроекта о раздачѣ милостыни тѣмъ, кто будетъ признанъ властями «обнаруживающимъ желаніе работать, но не могущимъ» **), и при томъ подъ условіемъ имѣть не

*) Th. Rothstein, *Englische Wandlungen*; „Die Neue Zeit", № отъ 2 октября 1908 г., стр. 14.

**) Какъ тутъ не вспомнить негодующаго выпада Оскара Уайльда противъ „добродѣтельныхъ бѣдняковъ"? „Можно легко признать добродѣтели бѣдныхъ, но должно очень сожалѣть о нихъ. Часто приходится слышать, что бѣдные благодарны за милостыню. Иные между ними, несо-

менѣе 70 лѣтъ отъ роду. Это вызвало при третьемъ чтеніи негодующую реплику члена рабочей партіи Сноудэна, обвинявшаго правительство въ вѣроломствѣ и за всѣмъ тѣмъ заявлявшаго отъ лица товарищей, что, несмотря на все «отвращеніе», трудовики будутъ вотировать за него. Исторія выработки правительствомъ восьмичасового дня для горнорабочихъ напоминаетъ приводимыя Марксомъ казуистическія мудрованія судей насчетъ того, что называть въ капиталистическомъ строѣ днемъ и что ночью. Ибо оказалось, что подъ восьмичасовымъ рабочимъ днемъ либералы у власти разумѣютъ въ сущности девятичасовой рабочій день: вольно же, молъ, рабочему забираться такъ глубоко въ шахту, что на входъ туда и выходъ оттуда онъ тратитъ лишній часъ. И, несмотря на протесты трудовиковъ, въ этомъ отношеніи министерство ничего, кромѣ довольно неопредѣленныхъ обѣщаній «исправить результатъ недоразумѣнія», пока не сдѣлало.

Искаженъ до неузнаваемости—на сей разъ лордами,—билль о даровомъ кормленіи дѣтей въ школѣ, возникшій по иниціативѣ рабочей партіи. Точно также искаженъ—и опять-таки лордами—и безъ того уродливый правительственный билль 1906 г. объ образованіи, которымъ либеральное министерство думало было замѣнить клерикальные по духу школьные акты 1902 г. (вошелъ въ силу 26 марта 1903 г.) и 1903 г. (вошелъ въ силу 1 мая 1904). И теперь правительство тщетно пытается новымъ биллемъ совмѣстить несовмѣстимое и объять необъятное, боясь прямо отказаться отъ требуемой либеральными принципами свѣтской школы и въ то же время желая угодить своимъ союзникамъ ирландцамъ, стоящимъ за духовную школу, да не отпугнуть либеральныхъ нонконформистовъ, ненавидящихъ поповство «Высокой церкви». А пока вотъ уже который мѣсяцъ въ странѣ и прессѣ идетъ жаркая полемика главнымъ образомъ между сторонниками вполнѣ свѣтскаго образованія, преимущественно находящимися въ рядахъ радикаловъ и

мнѣнно, благодарны, но *лучшіе между бѣдняками никогда не бываютъ благодарны*. Они неблагодарны, недовольны, непослушны и склонны къ мятежамъ. И они совершенно правы. Они чувствуютъ, что филантропія является до смѣшнаго мизернымъ возвращеніемъ награбленнаго, или сантиментальной подачкой, обыкновенно сопровождающейся со стороны филантропа нахальнымъ желаніемъ тиранически врываться въ частную жизнь бѣдняковъ. Почему они должны быть благодарны за крохи, падающія со стола богачей? Они сами должны бы сидѣть за столомъ... Что касается до недовольства, то человѣкъ, который не былъ бы недоволенъ такими условіями и такимъ жалкимъ образомъ жизни, былъ бы настоящимъ скотомъ. Именно непокорность въ глазахъ всякаго, кто только знакомъ съ исторіей, и есть основная добродѣтель человѣка. Лишь благодаря непокорности совершался прогрессъ, благодаря непокорности и мятежу". Oscar Wilde, *The soul of man under Socialism*; американское изданіе „The Humboldt Library of Science", Нью-Іоркъ, № 147 отъ 15-го марта 1891, стр. 7—8.

соціалистовъ *), ярыми клерикалами, стоящими за конфессіональную школу **), и межеумочными элементами, требующими «общехристіанскаго воспитанія» ***).

Не мѣшаетъ кстати по этому поводу замѣтить, что, натыкаясь столько разъ на сопротивленіе лордовъ, либеральный кабинетъ тѣмъ не менѣе и не думаетъ стать на почву коренного рѣшенія вопроса, т. е. уничтоженія верхней палаты,—что входитъ, напр., въ програму рабочей партіи. Нѣтъ, настоящее министерство грозитъ лишь ихъ лордскимъ сіятельствамъ сложнымъ проектомъ совмѣстной коммиссіи изъ представителей двухъ палатъ, которая пыталась бы чрезъ полугодовые промежутки приводить къ соглашенію лордовъ и коммонеровъ на почвѣ спорнаго билля, при чемъ послѣдній послѣ троекратнаго отверженія верхней палатой становился бы все-таки закономъ.

Между тѣмъ, тотъ самый кабинетъ, который такъ скоро «потекъ и ослабѣлъ» въ области внутренней политики, гдѣ онъ, становясь у руля великобританскаго корабля, сулилъ великія реформы прогрессивнымъ элементамъ страны, проявляетъ такую своеобразную энергію въ «колоніальной» и внѣшней политикѣ, что хоть бы впору самымъ заядлымъ «имперіалистамъ». Новый премьеръ Асквисъ, замѣнившій умершаго Кэмпбелля-Баннермана, съ паѳосомъ развиваетъ теперь «аксіому» о необходимости для англійскаго флота быть настолько сильнымъ, чтобы справляться съ флотами, по крайней мѣрѣ, двухъ державъ,—и это послѣ горячихъ тирадъ сошедшаго со сцены вождя о разоруженіи. Съ своей стороны сэръ Эдвардъ Грей, отвѣчая на запросы въ парламентѣ, чуть не каждый день прославляетъ «счастливѣйшіе результаты англо-русскаго соглашенія», которое отдало Персію на совмѣстное съѣденіе волкамъ британскаго и россійскаго капитализма и позволяетъ либеральному министерству смотрѣть снисходительно на подвиги истинно-персидскаго Ляхова. Кабинетъ «соціальной справедливости» пріемлетъ и нимало вопреки глаголетъ кровавымъ репрессіямъ, которыя правительство Натальской колоніи примѣнило къ злополучнымъ доведеннымъ его же агентами до возстанія зулусамъ. Въ Индіи царитъ ужасающій режимъ исключительныхъ мѣръ, подавшій нынѣшнимъ лѣтомъ поводъ къ любопытному обмѣну мыслей въ парламентѣ между вожакомъ рабочей партіи, Киръ-Харди, и поддерживающимъ кабинетъ большинствомъ насчетъ того, «точно-ли», или «не точно какъ» въ Россіи функціонируетъ правительственная машина на Индустанскомъ полуостровѣ. Ибо тамъ

*) См., напр., J. Ramsay Macdonald, *The Education bill: the secular solution*; „The Fortnightly Review"; 1908, апрѣль, стр. 707—716.

**) The Rev. W. G. Edwards Rees, *The folly of the secular solution*, Ibid., май, стр. 905—913.

***) The Rev. I. Guinness Rogers, *An educational Concordat*; Ibid., стр. 897—904.

манифестаціи разгоняются солдатами, митинги запрещаются, и на основаніи спеціально сфабрикованныхъ законовъ о «возбужденіи населенія къ бунту» выдающіеся туземные публицисты за газетныя статьи бросаются на годы въ тюрьму или отправляются въ ссылку (дѣло извѣстнаго бомбейскаго писателя Тилака, дѣло издателя Дхонду-Фадкэ и т. д. *). И совсѣмъ недавно, въ ноябрьскомъ письмѣ короля къ населенію Индіи, по случаю 50-лѣтія присоединенія къ коронѣ территоріи бывшей Остъ-Индской компаніи, посулы насчетъ «расширенія» представительныхъ учрежденій и амнистіи только рѣзче подчеркиваютъ твердое рѣшеніе правительства «со всею строгостью противодѣйствовать всякимъ заговорамъ». Наконецъ, въ Египтѣ, между тѣмъ какъ агитація въ пользу конституціи изъ рядовъ мѣстной интеллигенціи и все расширяющихся слоевъ населенія, переходитъ даже въ высшія учрежденія страны и сказывается на бурныхъ засѣданіяхъ совѣщательнаго «Законодательнаго совѣта» (Legislative Council), британское либеральное правительство неумолимо слѣдуетъ политикѣ подавленія свободолюбивыхъ стремленій и оправдываетъ мѣры государственнаго террора «незрѣлостью туземной расы»...

И вотъ въ то самое время, какъ мы присутствуемъ при идейномъ и жизненномъ крахѣ англійскаго либерализма, близко напоминающемъ крахъ французскаго радикализма, рабочая партія не находитъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы рѣшительно отмежеваться отъ либераловъ. И, однако, эта политика компромисса труда съ капиталомъ можетъ только способствовать соціальной демагогіи консерваторовъ, мутная волна которой уже какъ будто грозитъ захлеснуть вмѣстѣ съ либералами и «трудовиковъ». Агитація на почвѣ «тарифныхъ реформъ» или, проще сказать, протекціонизма дѣлаетъ свое дѣло. Частичные выборы (by-elections) поворачиваются все болѣе и болѣе противъ правительства. Сторонники либеральной политики, правда, увѣряютъ, будто «ужъ это такое обыкновеніе, что всякое правительство теряетъ на частичныхъ выборахъ», какъ это тщился констатировать еще въ началѣ этого года либеральный членъ парламента, Чарльзъ Мастерманъ **). Однако, попутный вѣтеръ начинаетъ столь сильно надувать паруса консерваторовъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ истолкователи и защитники ихъ политики уже заговорили о «Возстановленіи уніонистской партіи» ***). Какъ бы то ни было, въ теченіе первыхъ девяти мѣсяцевъ текущаго года (приблизительно до 1 октября) произошло четырнадцать частичныхъ выборовъ, и, за исключеніемъ округа умершаго премьера, вездѣ либералы потеряли со времени общихъ

*) См. напр., „The Times. Weekly Edition", № отъ 24-го іюля 1908 г.

**) Charles T. G. Masterman, *Politics in Transition*; „The Nineteenth Century and after", 1908, январь, стр. 2.

***) W. G. Howard Griffen, *The Restauration of the Unionist Party*; „The Fortnightly Review", 1908, іюль, стр. 100--109.

выборовъ очень значительное число голосовъ (до 12.000), тогда какъ протекціонисты-консерваторы выиграли еще болѣе этой либеральной потери (14.000). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прежнее либеральное большинство сжалось до крайне незначительныхъ размѣровъ. Въ другихъ большинство превратилось въ меньшинство. Но рядомъ съ либералами потерпѣли и «трудовики».

По отношенію къ послѣднимъ придется констатировать печальные результаты той межеумочной позиціи, которую не переставала занимать «рабочая партія» на всѣхъ этихъ выборахъ. Ея оффиціальные руководители слѣдовали тактикѣ избирательнаго соглашенія съ либералами, вопреки интересамъ самостоятельно возникавшихъ то тамъ, то сямъ дѣйствительно рабочихъ кандидатуръ. При этомъ происходили акты положительнаго политическаго самоубійства. Послѣдовательные соціалисты до сихъ поръ не могутъ безъ негодованія вспомнить перипетій двухъ особенно типичныхъ выборовъ. Въ одномъ случаѣ дѣло шло о томъ, чтобы въ двойномъ избирательномъ округѣ Дёнди, который уже имѣлъ одного рабочаго депутата, выставить кандидатуру еще другого трудовика. Дёнди— важный портовый и промышленный городъ Шотландіи, въ которомъ рабочіе на механическихъ заводахъ и ткачи джутовыхъ матерій составляютъ очень симпатизирующее «трудовымъ» принципамъ большинство населенія. Здѣсь и второй рабочій депутатъ имѣлъ серьезные шансы пройти въ парламентъ. Иначе рѣшилъ руководящій органъ рабочей партіи, который, чтобы не помѣшать избранію либерала, прямо атаковалъ своего же брата трудовика. Другой случай имѣлъ мѣсто въ Манчестерѣ. Здѣсь не безызвѣстный и русской публикѣ писатель Уэлльзъ (Wells), членъ Независимой рабочей партіи и вмѣстѣ фабіанецъ, написалъ открытое письмо къ рабочимъ избирателямъ, жарко рекомендуя имъ вотировать не за соціалиста, а за либерала...

Такъ происходитъ вредное для рабочаго класса сближеніе партіи труда съ либералами, и представители массъ подвергаются опасности потерять начавшій было возрастать среди міра трудящихся престижъ новой политической организаціи *). Такъ и англійскій умѣренный соціализмъ становится на наклонную плоскость «сотрудничества классовъ», по которой сползъ въ объятія радикальной буржуазіи его французскій собратъ. По одну сторону Ламанша ex-соціалисты Вивьяни и Бріанъ, министры въ кабинетѣ бывшаго анархо-радикала Клемансо, «участвуютъ» въ правитель-

*) Иное, повидимому, думаютъ сами представители постепеновскаго, „органическаго", „англійскаго" соціализма Надо, дѣйствительно, носить сильно окрашенные въ розовый цвѣтъ очки, чтобы смотрѣть на вещи столь оптимистически, какъ это дѣлаетъ въ своей поверхностной, но характерной для эволюціониста исторіи „Соціалистическаго движенія въ Англіи" нѣкто Брумъ Вилліерсъ (Brougham Villiers, *The Socialist movement in England*; Лондонъ, 1908, особенно стр. 207—224 о „Вліяніи рабочей партіи").

ствѣ, подавляющемъ силою синдикальное движеніе рабочихъ. По другую сторону пролива, бывшій соціалистъ Бёрнсъ, обѣщавшій когда-то «пропитать» (permeate) либерализмъ идеями соціализма, но, вмѣсто того, ставшій вульгарнымъ ренегатомъ рабочаго класса, «участвуетъ» въ министерствѣ, которое въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ успѣло, какъ нельзя яснѣе, обнаружить свое банкротство въ области соціальныхъ реформъ. Примѣры, которые должны служить, казалось-бы, хорошимъ предостереженіемъ для защитниковъ интересовъ труда!..

Не надо забывать, кромѣ того, что на континентѣ Европы самостоятельное движеніе рабочихъ представляетъ собою хорошій коррективъ противъ примиренческихъ тенденцій соціализма политикановъ à la Милльранъ или à la Бріанъ. Въ частности, на почвѣ Франціи революціонный синдикализмъ, несмотря на свои преувеличенія и тактическія ошибки, мѣшаетъ заснуть боевому политическому соціализму на лаврахъ. А въ болѣе миролюбивой Германіи «сотрудничеству классовъ» мѣшаетъ, къ счастію, сама буржуазія, которая обнаруживаетъ такой сервилизмъ по отношенію къ полуфеодальной власти, какого, кажется, трудно найти во всей новѣйшей исторіи. Не то въ Англіи. Здѣсь уснувшія какъ-будто за послѣднія 60 лѣтъ революціонныя стремленія массъ открываютъ широко ворота той политикѣ компромисса труда съ капиталомъ, которая выражается въ томъ, что рабочій классъ идетъ на буксирѣ у очень ловко маневрирующихъ либераловъ и консерваторовъ и, довольствуясь частными реформами, укрѣпляетъ основную твердыню капитализма. Бутада «независимаго соціалиста» Виктора Грэйсона, вырвавшаяся у него во время недавнихъ преній въ палатѣ о безработныхъ и брошенная имъ по адресу рабочей партіи: «измѣнники своему классу»,—эта бутада показываетъ, что опасность одомашненія рабочей партіи больно чувствуется искренними друзьями трудящихся массъ.

Однако, эта партія, послѣ треній на международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ, повидимому, входитъ въ великую семью интернаціонала трудящихся. По крайней мѣрѣ, на недавнемъ съѣздѣ Международнаго соціалистическаго бюро (въ Брюсселѣ), представляющаго собою исполнительный комитетъ конгрессовъ, было рѣшено отправить приглашеніе на слѣдующій международный конгрессъ и рабочей партіи Англіи. Въ такомъ случаѣ, хотѣлось бы надѣяться, что ея соприкосновеніе съ организованнымъ трудомъ всего міра придастъ ей больше послѣдовательности и больше политическаго пониманія и отниметъ у нея желаніе служить орудіемъ стараго и вѣчно юнаго компромисса между трудомъ и капиталомъ на почвѣ Англіи. Ибо мало на словахъ заявлять себя независимой отъ либераловъ и консерваторовъ партіей. Надо не давать ни малѣйшаго повода буржуазнымъ партіямъ затемнять посулами сознаніе великой арміи трудящихся...

Н. Е. Кудринъ.

Холера.

Въ прошломъ году была холера, въ нынѣшнемъ году была холера, будетъ, надо полагать, и въ будущемъ, если не случится особыхъ приключеній на небѣ и на землѣ... Быть можетъ, и въ будущіе года... Я не претендую на рѣшеніе вопроса въ цѣломъ— что дѣлать?—на научное рѣшеніе вопроса, мнѣ хотѣлось только подѣлиться съ читателемъ моимъ личнымъ опытомъ, вынесеннымъ изъ работы по холерѣ 1892—94 года, наблюденіями надъ холерой нынѣшняго года и тѣми выводами, которые получились у меня...

Въ холеру 92—94 года мнѣ пришлось работать въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ холера была очень интенсивна, притомъ я поставленъ былъ въ условія, особенно благопріятныя для наблюденій надъ холерой, для ознакомленія съ нею. Я жилъ на ярмаркѣ и работалъ на знаменитыхъ «Пескахъ». Это островъ на Окѣ между ярмаркой и городомъ, гдѣ происходитъ торговля уральскимъ желѣзомъ и гдѣ съ весны до глубокой осени идетъ кипучая жизнь, гдѣ устраиваются такъ называемые балаганы всѣхъ уральскихъ заводовъ. Кромѣ служащихъ, пріѣзжающихъ съ Урала вмѣстѣ съ желѣзомъ, довѣренныхъ, конторщиковъ, при казчиковъ, лоцмановъ, водоливовъ, подъ моимъ наблюденіемъ было около трехъ тысячъ грузчиковъ, т. е. рабочихъ, работающихъ самымъ напряженнымъ трудомъ и находящихся въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ жилья и питанія.

Я лѣчилъ и на ярмаркѣ, — и приказчиковъ, и хозяевъ, и пріѣзжихъ купцовъ, культурную и богатую публику, и въ то же время не бросалъ и городъ, продолжалъ лѣчить своихъ обычныхъ паціентовъ, въ особенности въ томъ районѣ, гдѣ всегда жилъ, окраинномъ районѣ, населенномъ мелкимъ мѣщанствомъ и ремесленнымъ людомъ, принималъ дѣятельное участіе въ городской синитарной коммиссіи и въ обществѣ врачей, и былъ приглашаемъ въ холерную коммиссію знаменитаго «искорененіемъ» холеры генерала Баранова, — т. е. имѣлъ возможность наблюдать холеру у людей низкаго и высокаго званія и борьбу съ ней низовъ и верховъ.

За три года нижегородской холерной эпидеміи у меня успѣлъ накопиться значительный опытъ и довольно большой запасъ наблюденій и личныхъ впечатлѣній. Повторяю, я не претендую на ихъ научное значеніе, но считаю не безынтереснымъ подѣлиться ими съ читателями, тѣмъ болѣе, что научныя наблюденія не страдаютъ чрезмѣрной научностью и данныя бактеріологіи и эпидеміологіи, такъ сказать, не согласованы и пребываютъ по сіе время

въ неразрѣшимомъ конфликтѣ. И сами люди науки, какъ мы увидимъ ниже, тоже не согласованы другъ съ другомъ и, случается, вступаютъ въ конфликтъ и съ наукой, и другъ съ другомъ.

Юношей я видѣлъ въ деревнѣ холеру, страшную въ обстановкѣ деревенской безпомощности, и одно это воспоминаніе объясняетъ мнѣ многое въ томъ стихійномъ паническомъ ужасѣ, который вызывало и вызываетъ по сіе время у людей одно извѣстіе, что идетъ холера. У людей не только низовъ, но и верховъ,—у культурныхъ интеллигентныхъ людей, которые такъ же, какъ и люди низовъ, какъ то не смѣли въ то время выговаривать слово «холера», а замѣняли обходными словами: «болѣзнь», «эпидемія», въ особенности словомъ «она», которое приходилось въ равной мѣрѣ слышать и отъ ремесленниковъ, звавшихъ къ больному, и въ клубѣ отъ карточнаго завсегдатая.

Но *врачемъ* я подошелъ къ холерѣ только въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 92-мъ году. Я подошелъ къ ней съ тѣмъ же двойственнымъ отношеніемъ, съ какимъ подходило, вѣроятно, большинство русскихъ врачей,—съ тѣмъ неразрѣшимымъ конфликтомъ данныхъ бактеріологіи и эпидеміологіи.

Съ одной стороны и по самому мѣсторожденію и точкѣ отправленія, и по опыту разныхъ странъ, вырисовывалось огромное значеніе и почвенныхъ, и соціальныхъ, экономическихъ условій, а съ другой стороны вотъ тутъ предъ тобой микроскопъ, разводки на питательномъ бульонѣ, холерный вибріонъ, тогда называвшійся Коховская запятая, нравы и повадки котораго такъ точно изучены, такъ несомнѣнно установлены... И невольно продвигалась впередъ, такъ сказать, всеобъемлемость, всемогущество, исчерпывающее значеніе Коховской запятой въ вопросѣ о холерѣ,—а слѣдовательно, и въ лѣченіи, и въ борьбѣ съ ней...

Мои первые же шаги породили во мнѣ массу недоумѣній, и чѣмъ дальше шли мои наблюденія, тѣмъ больше выростало конфликтовъ съ общепринятымъ пониманіемъ значенія холернаго вибріона. Пришлось пересмотрѣть все мое прежнее представленіе о холерѣ, о причинахъ и источникахъ ея, даже о картинѣ ея.

За годъ до холеры въ Нижнемъ-Новгородѣ была эпидемія инфлуэнціи. Это была необыкновенная эпидемія, до такой степени необыкновенная, что тогда возникало предположеніе,—не новая-ли это неизвѣстная эпидемія. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что переболѣло болѣе половины жителей Нижняго-Новгорода. Люди заболѣвали массами, захварывали цѣлыми семьями, отъ мала до велика, этажами, домами. Гимназіи, училища, суды, банки и конторы были полны чихавшими, кашлявшими и лихорадившими

людьми. Въ большинствѣ случаевъ, дѣло оканчивалось только насморкомъ, чиханіемъ и недолгимъ повышеніемъ температуры, но было много и гриппозныхъ воспаленій легкихъ, плевритовъ, бронхитовъ, и тогдашняя инфлуэнція подобрала въ Нижнемъ-Новгородѣ довольно много старыхъ людей, истощенныхъ людей, затяжныхъ хрониковъ, тубуркулезныхъ, «скрипѣвшихъ» до нея. Болѣли не одни люди, переболѣли кошки, лошади. Я помню удивительное зрѣлище: десять-пятнадцать стоявшихъ на биржѣ лошадей чихали и кашляли такъ же, какъ сидѣвшіе на козлахъ извозчики.

Приблизительно то же происходило въ Нижнемъ-Новгородѣ въ началѣ холерной эпидеміи 92-го года *). Развились массовые поносы. Нижній «несло», людей «перебирало», народъ «валился». И это было не одно мое личное, но и наблюденіе всѣхъ нижегородскихъ врачей.

У меня нѣтъ статистическихъ цифръ, но думаю, что людей съ поносами тогда было не меньше, чѣмъ за годъ предъ тѣмъ чихавшихъ и кашлявшихъ. Поносы рѣзко отличались отъ обычныхъ лѣтнихъ разстройствъ желудка, они были типичные, характерные, «рисовые». Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, дѣло поносами и кончалось, но бывали случаи, что на другой, на третій день присоединялась рвота, являлись судороги, и развертывалась вся типичная картина холеры. И, чѣмъ дольше шли мои наблюденія, чѣмъ больше накапливалось у меня случаевъ, тѣмъ несомнѣннѣе становилось для меня, что эти характерные поносы, хотя безъ рвоты и судорогъ, есть несомнѣнная холера,—пусть недоразвившаяся, такъ сказать, амбулаторная, но настоящая холера.

Собственно говоря, это открытіе сдѣлали грузчики на Пескахъ, и именно работа на Пескахъ дала мнѣ самое цѣнное изъ наблюденій надъ холерой. Тамъ было нѣчто въ родѣ лабораторнаго опыта...

Въ самомъ началѣ холеры я былъ приглашенъ завѣдывать только четырьмя балаганами изъ двадцати шести, помѣщавшихся на Пескахъ, и подъ моимъ вѣдѣніемъ находилось 600—700 грузчиковъ. Въ первые дни (я велъ съ ними предварительныя бесѣды о холерѣ, въ родѣ маленькихъ лекцій, и мы уговорились, чтобы ко мнѣ обращались немедленно съ каждымъ поносомъ) изъ артелей ко мнѣ ежедневно обращались по 10—15 человѣкъ—и вотъ они обратили мое вниманіе, стали сообщать, что такого-то и такого-то несло такъ же, какъ ихъ, они не захотѣли идти ко мнѣ, а ночью судороги начались, и «въ баракъ стащили». И именно это обстоятельство опредѣлило мою позицію на Пескахъ и до извѣстной степени разсѣяло жуткую, напряженную атмосферу

*) Я не думаю устанавливать здѣсь какую-нибудь связь между холерой и инфлуэнціей, какъ одно время пытались это сдѣлать въ общей прессѣ. Онѣ рѣзко различаются даже въ эпидеміологіи, и если можно ставить вопросъ, то только о массовомъ, такъ сказать, потрясеніи организмовъ, испытанномъ за годъ до появленія холеры.

психологіи людей Песковъ. Это было первое время холеры, время наибольшей паники и взрыва враждебныхъ чувствъ ко всѣмъ, кто хотѣлъ усмирить холеру.

Я былъ «вольный докторъ», по опредѣленію самихъ грузчиковъ, я не состоялъ ни правительственнымъ, ни даже ярморочнымъ врачомъ и приглашенъ былъ частнымъ образомъ заводоуправленіями. Меня нѣсколько знали на Пескахъ по работѣ предшествующихъ лѣтъ и, тѣмъ не менѣе, въ моей памяти остались мрачныя реплики изъ заднихъ рядовъ толпы, коварные вопросы, предлагавшіеся простодушнымъ голосомъ; въ особенности остался въ памяти сумрачный взглядъ темныхъ глазъ, которымъ провожали меня вначалѣ на длинныхъ мосткахъ балагановъ Песковъ. И вотъ то обстоятельство, что своевременно обращавшіеся съ поносами выздоравливали, а не обращавшіеся заболѣвали настоящей холерой и попадали въ баракъ, было такъ очевидно, такъ демонстративно для Песковъ, что въ нѣсколько дней настроеніе совершенно измѣнилось, и уже не заводоуправленія, а сами артели грузчиковъ стали обращаться ко мнѣ, чтобы я взялъ ихъ въ свое завѣдываніе. Я вездѣ велъ тѣ же бесѣды о холерѣ, и съ тѣхъ поръ за всѣ три нижегородскія холеры, въ которыя я работалъ на Пескахъ, я уже не встрѣчалъ ничего, кромѣ ласковаго и почтительнаго вниманія, и нужно было видѣть, до какой степени тщательно исполнялись мои совѣты относительно пищи и образа жизни. Именно тамъ, на многочисленномъ штатѣ служащихъ и трехъ тысячахъ грузчиковъ я пришелъ къ той истинѣ, что характерные поносы въ холерное время— есть несомнѣнная холера. До извѣстной степени это подтвердилось и экспериментальнымъ путемъ. Эти поносы такъ заинтересовали врачей, что начали дѣлать бактеріологическія изслѣдованія,—и въ поносахъ людей, у которыхъ не развивалось ни рвоты, ни судорогъ, открывали холерные вибріоны.

Изъ этого выросло для меня новое впечатлѣніе,—массовой характеръ заболѣваній холерой и *ничтожный* процентъ смертности при ней. Я подчеркиваю: ничтожный... Знаменитый процентъ смертности вообще въ эпидемическихъ заболѣваніяхъ подверженъ величайшему сомнѣнію. Строго говоря, должной постановки, разумной и научной общественной организаціи дѣла народнаго здравія не было никогда и нѣтъ по настоящее время нигдѣ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ регистрируются только *лѣченные* случаи и даже изъ нихъ, главнымъ образомъ, больничные случаи. Каждому опытному врачу извѣстны случаи амбулаторнаго тифа, даже амбуларторнаго крупознаго воспаленія легкихъ, которые переносятся на ногахъ и иногда только случайно попадаютъ въ сферу наблюденія врачей. Даже такая демонстративная болѣзнь, какъ скарлатина, протекаетъ иногда безъ высыпи и явленій въ горлѣ, и только по послѣдовательному шелушенію или типичному нефриту удается установить ее post factum...

Если это справедливо вообще относительно эпидемическихъ заболѣваній, то втройнѣ справедливо относительно холеры, и въ виду упомянутыхъ поносовъ, и въ виду всегда широко практиковавшагося *скрыванія* холерныхъ больныхъ.

Отсюда же выросло у меня впечатлѣніе и объ легкой излѣчимости отъ холеры, во всякомъ случаѣ, объ огромномъ значеніи своевременно принятыхъ лѣчебныхъ мѣръ. Именно *мѣръ*... Я не хочу сказать, что мною примѣнялся какой-нибудь особенно удачный лѣчебный методъ,—это было, въ сущности, то же, что практиковалось многими врачами и сводилось, главнымъ образомъ, къ обеззараживанію кишечника и къ подкрѣпленію, увеличенію самозащиты организма. Путемъ не только лѣкарствъ, но и должнаго питанія. И тотъ странный фактъ, что холера на Пескахъ протекла наиболѣе благополучно, въ сравненіи съ другими ярмарочными мѣстностями, объясняется, по моему, именно увеличеніемъ самообороны организма.

Подъ вліяніемъ паники,—тогда начинали брать разсчетъ водоливы, служившіе въ заводахъ по двадцати лѣтъ, и суда съ невыгруженнымъ желѣзомъ начинали тонуть—заводоуправленія развязали мнѣ руки и дѣлали все, что я считалъ необходимымъ по части устройства жилья для рабочихъ и въ особенности питанія. Всѣмъ выдавалась горячая мясная пища, люди не спали на землѣ, чай можно было пить, когда угодно, всѣмъ была предоставлена для питья кипяченая вода съ краснымъ виномъ и при первомъ разстройствѣ желудка горячій кофе и все то, что я считалъ нужнымъ давать. Это было такъ убѣдительно и демонстративно не только для меня, но и для рабочихъ, что рабочіе сами рѣшили увеличить расходъ на пищу въ артеляхъ, согласно моимъ указаніямъ.

Не одни «Пески». За всѣ три года холеры мнѣ вообще рѣдко встрѣчались случаи,—я говорю уже о полной картинѣ холеры со рвотой и судорогами,—гдѣ бы не предшествовалъ періодъ,—въ сутки-двое тѣхъ же поносовъ и очень часто встрѣчались случаи, гдѣ весьма подозрительные поносы даже со рвотой и легкими судорогами быстро и благополучно оканчивались при своевременномъ обращеніи къ медицинской помощи.

Здѣсь мнѣ нужно упомянуть о такъ называемой сухой, молніеносной холерѣ, о которой въ нынѣшнемъ году были извѣстія въ петербургскихъ газетахъ, и которая вызываетъ всегда воистину паническій ужасъ. Быть можетъ, то была случайность, но за три года нижегородской холеры мнѣ поразительно рѣдко приходилось встрѣчать ее и даже слышать о ней отъ товарищей. Несмотря на сравнительно большое количество несомнѣнно холерныхъ случаевъ, прошедшихъ черезъ мои руки и кончавшихся то смертью, то выздоровленіемъ, я могу вспомнить только пять-шесть случаевъ «сухой холеры» за всѣ три года. Они и теперь у меня въ памяти. Двое—

были приказчики, получившіе сухую холеру, одинъ даже безъ рвоты и поноса, а только съ судорогами и быстрымъ паденіемъ дѣятельности сердца, послѣ безмѣрныхъ, чисто-ярмарочныхъ кутежей въ продолженіе нѣсколькихъ дней и ночей. Одинъ былъ рабочій, только что выпущенный изъ больницы послѣ брюшного тифа и одинъ былъ купецъ-персъ, по заявленію его приказчиковъ, изъ боязни холеры не ѣвшій ничего, кромѣ риса. Обыкновенно же сухой холерой называли просто тяжелые случаи, кончавшіеся смертью, а въ дѣйствительности бывшіе обыкновенными холерными случаями съ предварительными поносами, но только съ быстро и тяжело развертывавшейся картиной. И почти всегда эти нелѣпыя легенды, — я имѣлъ случай провѣрить ихъ,—складывались именно объ умиравшихъ богатыхъ людяхъ: повидимому, самая смерть отъ холеры богатаго человѣка поражала толпу и заставляла объяснять эту смерть непремѣнно молніеносной холерой.

И странное дѣло,—на фонѣ этихъ массовыхъ заболѣваній очень быстро стало вырисовываться впечатлѣніе малой заразительности самого холернаго больного. Да, массы, цѣлыя группы людей заболѣвали сразу, одновременно, но зараженія одного человѣка отъ другого,—въ томъ смыслѣ, какъ это бываетъ при скарлатинѣ, сыпномъ тифѣ,—установить не удавалось. Въ особенности это бросалось въ глаза въ верхнихъ улицахъ Н.-Новгорода, въ томъ районѣ, о которомъ я говорилъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ тамъ бывали единичныя заболѣванія,—я говорю о вполнѣ выраженной картинѣ болѣзни. Маляръ, слесарь, «номерной», служащій всякаго рода, работавшій па Нижнемъ Базарѣ, на ярмаркѣ, на Сибирской пристани и только ночевать приходившій къ себѣ на квартиру,—заболѣвалъ холерой. Онъ выздоравливалъ или умиралъ, но этимъ дѣло и кончалось. Оставалась семья въ той же квартирѣ, иногда въ той же единственной комнатѣ (производилась, конечно, дезинфекція, но всегда это было одна смѣхота)—и члены семьи не заболѣвали. За всѣ три года въ моей практикѣ не было *ни одного случая*, гдѣ бы развивалась семейная эпидемія, не только аналогичная гриппозной, но даже такая, какая бываетъ при скарлатинѣ, сыпномъ тифѣ. Если на ярмаркѣ «валило», то въ верхнихъ улицахъ города «похватывало». Даже и на ярмаркѣ въ существѣ дѣла происходило то же самое; въ особенности это было характерно для второй и третьей нижегородской эпидеміи. Въ большинствѣ случаевъ, въ лавкахъ заболѣвалъ одинъ, и тѣмъ дѣло кончалось, несмотря на то, что ярмарочная лавка вмѣстѣ съ тѣмъ и квартира для хозяина и приказчиковъ (надъ лавкой). И тѣ случаи «молніеносной» холеры тоже никого изъ окружающихъ не заразили.

Вообще, причину заболѣванія, *путь* зараженія точно устано-

вить почти никогда не удавалось. Приходилось гадать, строить предположенія, и если можно о чемъ-нибудь серьезно говорить, какъ о поводѣ къ заболѣванію, то только о всякихъ, такъ сказать, нарушеніяхъ равновѣсія организма. Кутежи и другіе эксцессы, чрезмѣрная, напряженная работа, какая бываетъ на ярмаркѣ и у рабочихъ, и у служащихъ, и у хозяевъ, съ недостаточнымъ сномъ, иногда предшествовавшія другія заболѣванія, ослаблявшія организмъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, казалось, чрезмѣрно длинное купанье очень разгоряченнаго тѣла и т. д. И, быть можетъ, сравнительно большое число заболѣваній состоятельныхъ людей на ярмаркѣ объясняется именно тѣмъ, что всѣ эти пріѣзжіе люди рѣзко мѣняли свой обычный режимъ,—и въ смыслѣ работы, и въ смыслѣ жилья и питанія,—такъ или иначе нарушали равновѣсіе организма. Менѣе всего приходилось заподозривать непосредственное зараженіе отъ больного. И также почти никогда не удавалось устанавливать зависимость отъ того или другого сорта пищи и, въ частности, отъ фруктовъ. Единственный случай, гдѣ можно было, по крайней мѣрѣ, ставить это предположеніе,—это незначительное повышеніе заболѣваній послѣ яблочнаго разговѣнья :тогда еще сохранялся обычай разговляться яблоками 6-го августа; но повышеніе было такъ незначительно, и вмѣстѣ съ яблоками было и Преображеніе—праздникъ, т. е. не одно яблочное нарушеніе равновѣсія организма, что, можетъ быть, не слѣдуетъ и говорить серьезно объ этомъ случаѣ.

Мнѣ пришлось очень близко и очень внимательно наблюдать тогдашнюю борьбу съ холерой. Я не буду въ подробности передавать ее. Она, вѣроятно, еще у всѣхъ въ памяти: холерные, непремѣнно спеціально холерные, а иногда еще выкрашенные въ спеціальную краску, отдѣльные бараки, особый костюмъ, нелѣпыя, спеціально изобрѣтенныя для холерныхъ фуры, особыя панихиды, засыпаніе мертвыхъ известкой, особыя кладбища. И принудительное тасканіе больныхъ въ это спеціальное, особо страшное... Въ памяти, вѣроятно, какъ населеніе реагировало на эту энергичную работу администраціи по искорененію холеры,—пустующіе холерные бараки, холерные бунты, скрываніе больныхъ и... отказъ отъ своевременной медицинской помощи, которая такъ важна, такъ много можетъ сдѣлать...

Въ Н.-Новгородѣ во многомъ удалось избѣгнуть дикой нелѣпицы тогдашней борьбы съ холерой: все велось открыто и гласно, на обыкновенныхъ извозчикахъ и даже въ колясках возили холерныхъ больныхъ, обыкновенныя панихиды служили, а амбулаторная лѣчебная помощь населенію была поставлена, какъ нигдѣ, и сдѣлала большое дѣло.—Но и въ Нижнемъ-Новгородѣ было *принужденіе*,—это проклятіе административной борьбы съ холерой, сдѣлавшее такъ много зла, такъ энергично способствовавшее

распространенію холеры. Оно было отмѣнено въ разгарѣ первой эпидеміи, но дѣйствовало въ началѣ и свирѣпствовало во вторую эпидемію. Главное стремленіе было направлено на то, чтобы уничтожить, искоренить очаги заразы и убить холернаго вибріона. И, прежде всего, выдѣлить, изолировать заболѣвшаго человѣка, этотъ очагъ заразы, обезвредить его для окружающихъ людей,—путемъ принудительнаго помѣщенія его не въ обычную больницу, къ которой населеніе привыкло, а непремѣнно въ холерный баракъ. Пусть это стремленіе было логично, но, какъ мѣра борьбы съ холерой, оно было глубоко безсмысленно именно на фонѣ тогдашней холерной эпидеміи! Если даже считать человѣка очагомъ и носителемъ заразы, то при тѣхъ массовыхъ поносахъ, безъ рвоты и судорогъ, но съ холерными вибріонами, поносахъ, дѣлавшихъ «посѣвы» на всемъ протяженіи города и ярмарки и въ громадномъ большинствѣ случаевъ не попадавшихъ въ сферу медицинскаго наблюденія и воздѣйствія,—смѣшно возлагать всѣ надежды на изолированіе отдѣльнаго больного и практиковать для этого такія страшныя мѣры, какъ насиліе надъ населеніемъ, игнорировать его психологію. И не только смѣшно и безсмысленно, но и прямо вредно въ интересахъ той же борьбы съ холерой, такъ какъ больше всего распространяло панику въ населеніи. Заболѣвшихъ людей вывозили ночью на лодкахъ, на телѣгахъ, прикрывши сѣномъ, соломой, мѣшками, рогожами,—лишь бы вывезти,—и, конечно, развозили холеру по окрестностямъ. Больныхъ тщательно скрывали, лѣчили своими средствіями: парили на полкахъ въ баняхъ (три цѣлковыхъ банщику!), растирали крапивой и пр. и пр.,—и только, когда нельзя было скрыть, больной собирался умирать, и могла выйти скверная исторія съ похоронами,—отправляли въ холерный баракъ.

Тогда являлась полиція и докторъ, и начиналось убіеніе холернаго вибріона. Это было, конечно, не вредно, а только глупо. Нужно было знать эти дворы бѣдныхъ, да и не бѣдныхъ домовъ, переполненныя отхожія мѣста, а иногда и отсутствіе ихъ («отправленія» на открытомъ воздухѣ), глубоко пропитанную вѣковой грязью почву и проистекающую изъ этого постоянную возможность зараженія питьевой воды, наконецъ, «культуру» обывателя, чтобы понять глубокую пустопорожность такъ называемой дезинфекціи, всѣхъ этихъ присыпокъ порошками и примочекъ разными жидкостями, направленныхъ на убіеніе холернаго вибріона, котораго, быть можетъ, сколько угодно, разгуливало предъ окнами въ грязи улицы,—чтобы понять, что эта громоздкая, пустопорожняя, стоившая, между тѣмъ, огромныхъ денегъ мѣра могла имѣть, въ лучшемъ случаѣ, только, такъ сказать, психологическое значеніе, какъ способъ успокоенія для тѣхъ, кто декретировалъ эти мѣры.

Второй мѣрой борьбы съ холерой было не пустить холернаго вибріона въ человѣческій ротъ. Это была вторая «линія поведе-

нія» административно-медицинскихъ слоевъ, и здѣсь тоже была затрачена значительная доля энергіи. И тоже трудно было рѣшить,—чего было больше: смѣшного и безсмысленнаго, или трагическаго и вреднаго.

При въѣздѣ въ городъ, на моихъ глазахъ, останавливались возы съ огурцами; огурцы сваливали въ кучу на дорогу и обливали керосиномъ. Цѣлыми коробами выбрасывались въ Волгу яблоки, плыли по Волгѣ арбузы, дыни. А населенію было объявлено, что ѣсть сырые фрукты и овощи вредно. Въ другихъ мѣстахъ Поволжья были милостивѣе и разрѣшали ѣсть огурцы и яблоки, только обмывши ихъ слабымъ, о! совсѣмъ слабымъ, растворомъ *сулемы*... Было много научныхъ методовъ, но меня, въ данномъ случаѣ, интересуютъ не административныя воздѣйствія, а вообще профилактическія мѣры, поскольку и какъ онѣ были восприняты обывателемъ. Онѣ очень скоро сдѣлались единственной линіей поведенія обывателей. Въ то время самодѣятельность общества была хотя и не въ той степени, какъ сейчасъ, но достаточно ограничена на точномъ основаніи законовъ; Верхній обыватель и тогда зналъ, что можно сдѣлать много,—просвѣтить низы хотя бы только пониманіемъ холеры, оздоровить и подкрѣпить въ смыслѣ жилищъ и въ особенности питанія и тѣмъ, до извѣстной степени, обезопасить себя, верхняго обывателя, отъ низовъ, гдѣ всегда, прежде всего, поселяется холера и откуда разселяется въ верхніе этажи, но пути были заказаны, и осталась только одна личная профилактика. Спасайся, кто можетъ! И люди спасались... разными способами. И тогда было объявлено, какъ основной принципъ, *не мѣнять рѣзко режима*, но рядомъ съ этимъ были сдѣланы многочисленныя примѣчанія и дополненія. Нельзя пить сырое молоко, квасъ. Нельзя ѣсть огурцовъ, яблокъ, арбузовъ, дынь и вообще сырыхъ фруктовъ и овощей. Т. е., другими словами, нужно измѣнять свой обычный режимъ. Какъ общее положеніе, принципъ остался, но мысль обывателя направлена была только на то, какъ бы не пустить холернаго вибріона въ ротъ, на обозрѣніе пищевыхъ продуктовъ, съ которыми онъ можетъ проскочить. Конечно, здѣсь лучше переусердствовать, чѣмъ недоусердствовать. И обыватель проявилъ здѣсь большое творчество, такъ какъ начальственныя прокламаціи оставляли много вопросовъ открытыми. Люди стали рѣшать, что холера «любитъ» и чего она «не любитъ». Огурцы и яблоки она любитъ, тоже свѣжую икру, но паюсную не одобряетъ, потому что она соленая, и паюсную можно было ѣсть. Тоже, напримѣръ, лукъ, рѣдьку, хрѣнъ, селедку: они горькіе, и холера не должна ихъ любить. Тутъ было широкое разнообразіе мнѣній и открытій, но дѣло окончилось тѣмъ, что, за рѣдкимъ исключеніемъ, всѣ культурные и интеллигентные люди рѣзко измѣнили свой пищевой режимъ, т. е именно нарушили равновѣсіе организма. Огромное большинство

страшно сузило пищевой режимъ, даже щи и борщъ считались нѣсколько подозрительными, царствовали супы, молоко тоже было подозрительно, сырые овощи и фрукты совсѣмъ исключались. Въ результатѣ получилось однообразное мясное питаніе, вредно вліявшее на цѣлую категорію хрониковъ съ желудочными и кишечными непорядками, подагриковъ, сердечныхъ больныхъ, просто людей за пятьдесятъ. А если принять во вниманіе, что при общемъ, однообразно мясномъ питаніи въ зимніе мѣсяцы русскихъ культурныхъ людей, лѣтніе мѣсяцы, съ обиліемъ фруктовъ и овощей, должны играть особенно большую роль въ общей экономіи русскихъ организмовъ, то, несомнѣнно, для массы людей наносился ущербъ питанію. Это была еще благоразумная часть общества, но были люди и семьи, которые сводили питаніе до минимума, лишь бы не пустить вибріона въ ротъ: я знаю случаи, гдѣ люди питались только чаемъ съ сухарями (при томъ привезенными изъ дому) или однимъ бульономъ и яйцами. И нечего удивляться, что были случаи заболѣванія именно этихъ, чрезмѣрно осторожныхъ людей.

И тоже не всегда на счастье были быстро воспринятые публикой совѣты, клонившіеся къ убіенію холернаго вибріона... Я знаю случаи, гдѣ люди наживали разстройство пищеваренія отъ неумѣреннаго употребленія соляной кислоты, гдѣ люди, никогда не пившіе, спивались отъ краснаго вина. А въ слояхъ древняго уклада были живы преданія старины: крапива и деготь, старые рецепты, спеціальныя снадобья. Воскресла знаменитая, непреоборимая Баклановская жидкость, которой генералъ Баклановъ на Кавказѣ излѣчивалъ своихъ солдатъ отъ холеры, куда входила въ числѣ другихъ многочисленныхъ ингредіентовъ «крѣпкая водка». Мой знакомый купецъ имѣлъ свое снадобье. По секрету онъ мнѣ сообщилъ, что туда входитъ стручковый перецъ, водка пополамъ со спиртомъ и полынь, при томъ выписанная отъ пріятеля изъ Саратова, гдѣ будто бы растетъ особенно сурьезная полынь, и съ гордостью говорилъ: «Она» этого не любитъ! Противъ этого «она» ужъ не выстоитъ»... И когда къ нему заходилъ въ лавку покупатель, такой же «оптовикъ», какъ онъ самъ, онъ его встрѣчалъ словами:

— Ты подожди говорить... Знаешь, какое время! Можетъ, «она» въ тебѣ сидитъ... Дай-ка я тебя обеззаражу!..

Покупатель тоже ничего не имѣлъ противъ, они успѣшно обеззараживались и потомъ начинали коммерческіе разговоры.

По просьбѣ моего знакомца, я разъ испробовалъ его снадобья и долженъ былъ сознаться, что о вибріонѣ сказать трудно, но что я выстоять не могу. А онъ говорилъ:

— То съ тѣмъ, то съ другимъ... А будешь лавку запирать,— глядишь—четверть-то пустая!..

Но ни огурцовъ, ни яблокъ онъ не ѣлъ и былъ вполнѣ увѣ-

ренъ, что онъ выстоялъ противъ холеры, именно благодаря своему снадобью. И въ существѣ дѣла его психологія была психологіей массы культурныхъ и образованныхъ людей, нужно только замѣнить дикое и примитивное снадобье соляной кислотой, краснымъ виномъ, коньякомъ. И въ результатѣ всѣхъ этихъ профилактическихъ мѣръ выходило, что куда-то уходилъ въ теоретическую даль главный, основной и дѣйствительно важный принципъ—не мѣнять рѣзко житейскаго режима, люди круто мѣняли, именно, свой пищевой режимъ и или рѣзко самоограничивали себя въ питаніи, въ смыслѣ однообразія, а случалось и прямого недоѣданія, или набрасывались на всякія снадобья, рецепты и напитки, тоже рѣзко измѣнявшіе обычный режимъ человѣка. Не сырыхъ фруктовъ и овощей не ѣли. И, можетъ быть, потому, что у людей низовъ огурцы, такъ сказать, выхватывались изо рта, а люди культурные такъ были напуганы, большинство заболѣвавшихъ холерой были люди, не ѣвшіе «сырости». Потомъ «отпустило», но въ 1892-мъ году былъ какой-то ужасъ у многихъ людей передъ огурцами, квасомъ и яблоками, и уже потому одному смѣшно было винить ихъ въ распространеніи холеры. Больше того, было какое-то смутно-враждебное отношеніе къ озорникамъ, которые не исполняли этихъ несомнѣнныхъ медицинскихъ правилъ. Помню, какъ однажды, въ ярмарочной гостиницѣ, я съ товарищемъ, старымъ врачомъ, заказалъ себѣ свѣжую икру и ботвинью,—какое настороженное и нѣсколько непріязненное вниманіе возбудили мы! Мой товарищъ, видавшій холерные виды, дѣйствительно, не мѣнялъ режима и, какъ всегда, ѣлъ попеременно, въ качествѣ перваго блюда, одинъ день ботвинью, другой окрошку.

Повторяю, изъ всей этой безтолковой сумятицы профилактическихъ мѣръ въ конечномъ подсчетѣ выходило именно рѣзкое измѣненіе пищевого режима и, весьма возможно, то общее нарушеніе равновѣсія организма,—которое единственно я могъ уловить въ безплодныхъ поискахъ причинъ холерныхъ заболѣваній. И, оглядываясь на прошлое, я не знаю, чего больше принесли эти профилактическія мѣры,—пользы или вреда..

Была холера въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1893 и въ 1894 году... Я не буду касаться ихъ въ подробности и отмѣчу только особенности ихъ въ сравненіи съ эпидеміей 92 года. Не чувствовалось «заноса». Не было тѣхъ массовыхъ «подозрительныхъ» поносовъ. Людей не перебирало и не валило, а «похватывало». То тутъ, то тамъ, безъ всякой возможности установить какую-нибудь связь между тутъ и тамъ. Чрезвычайно мало было заболѣваній въ Нижнемъ-Новгородѣ, и почти не было заболѣваній у меня, на Пескахъ, въ средѣ постоянныхъ заводскихъ служащихъ, переболѣвшихъ въ предшествовавшемъ году подозрительными поносами. Получалось

впечатлѣніе, что люди какъ бы устроили себѣ иммунитетъ, самопрививку...

И въ вопросѣ о борьбѣ съ холерой я ограничусь общимъ впечатлѣніемъ, полученнымъ за эпидемію 1892—1894 года, не только изъ личныхъ наблюденій надъ Нижнимъ-Новгородомъ и ярмаркой, но и изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя я могъ получить литературнымъ и инымъ путемъ. Для меня внѣ сомнѣнія значеніе лѣчебныхъ мѣръ въ широкомъ смыслѣ слова, для меня внѣ сомнѣнія ихъ вліяніе на процентъ смертности, но у меня получилось горькое разочарованіе въ возможности борьбы съ холерой въ условіяхъ русской дѣйствительности. Я не знаю ни одного случая, гдѣ бы можно было называть борьбой съ холерой то, что предпринималось противъ нея,—ни одного случая, гдѣ бы человѣческія усилія въ чемъ-нибудь измѣнили естественный, такъ сказать, нормальный ходъ эпидеміи. Люди кричали, шумѣли, грозили висѣлицами, сыпали направо и налѣво порошками, заливали землю полезными жидкостями, оберегали себя профилактическими мѣрами, а холера шла сама по себѣ, нормально, своей естественной жизнью, не безпокоясь о человѣческихъ мѣропріятіяхъ. Нормально, по какому-то закону. Въ свое время, даже въ свои положенные мѣсяцы появлялась она, быстро наростала до максимума, держалась на немъ три-четыре недѣли, и медленно, медленнѣе, чѣмъ наростала, спускалась внизъ въ положенное время, въ свои положенные мѣсяцы, т. е. продѣлывала, въ большемъ или меньшемъ масштабѣ, все одну и ту же исторію петербургской холеры нынѣшняго года.

Мнѣ хочется закончить эту главу воспоминаній живой картиной изъ того прошлаго опыта борьбы съ холерой. Беру ее изъ отчета по городу Керчи *). Картина интересна и характерна во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, это былъ рѣдкій случай, когда административной медицинѣ удалось поймать первое и единственное въ то время въ городѣ заболѣваніе холерой, а, во-вторыхъ, потому, что подъ вліяніемъ страха и подъ давленіемъ власти городъ Керчь вооружился до зубовъ и затратилъ большія для Керчи средства для того, чтобы встрѣтить этотъ первый случай: выстроилъ *три* холерныхъ барака въ разныхъ частяхъ города и, вообще, выработалъ заблаговременно стройный планъ антихолерныхъ мѣропріятій. Отчетъ оговариваетъ, что первоначальный стройный планъ, по которому предполагалось, что «у квартиры каждаго больного учреждается полицейскій постъ, не допускающій посторонней публики къ больному»,—вслѣдствіе «печальныхъ событій въ нѣкоторыхъ приволжскихъ городахъ», не могъ быть проведенъ во всей чистотѣ и, такъ сказать, принципіальности, но, тѣмъ не

*) Протоколъ засѣданія Таврическаго губернскаго врачебнаго совѣта 7 апрѣля 1908 года, по вопросу о борьбѣ съ холерою.

менѣе, встрѣча холеры въ Керчи произошла въ рѣдко обставленной «научной» обстановкѣ.

«Первый... холерный случай былъ единственный въ городѣ, поэтому былъ обставленъ въ отношеніи ухода и дезенфекціи весьма удовлетворительно. Домашняя обстановка этой первой больной была удовлетворительная. Больную посѣщали почти всѣ врачи города. Лѣчащимъ врачемъ состоялъ санитарный врачъ, онъ-же слѣдилъ и за своевременной дезинфекціей. Для ухода за больной, несмотря на присутствіе мужа и прислуги, незначено два брата милосердія, кои больничными врачами обучены были какъ уходу за больными такъ и первоначальнымъ санитарнымъ мѣропріятіямъ. Для загрязненнаго бѣлья поставлена кадка съ 0,1% растворомъ сулемы, также оставленъ растворъ въ ведрѣ для омыванія рукъ. Полъ вблизи кровати обильно облитъ тѣмъ-же растворомъ, дворъ дезинфицированъ согласно программѣ... Черезъ два дня случайно было открыто слѣдующее: кадка съ растворомъ сулемы помѣщается во дворѣ и наполнена бѣльемъ, которое цѣлой горой выдается надъ поверхностью раствора. Рядомъ съ кадкой баба готовитъ обѣдъ и тутъ-же стираетъ какое-то бѣлье. Мухи цѣлой кучей сидятъ на холерномъ бѣльѣ. Приставленные братья милосердія, несмотря на предупрежденія, ѣдятъ и пьютъ въ комнатѣ больного... Что касается вообще обстановки больныхъ и отношенія къ нимъ окружающихъ, то составитель отчета даетъ безнадежный отзывъ чего-либо достигнуть мѣрами дезинфекціи».

Керченская исторія типичная. Какъ знаменитый 9-футовой рейдъ передъ Астраханью со всей «полнотой» власти, примѣнявшейся тамъ, не остановилъ шествія холеры, такъ и керченскія мѣропріятія не повліяли на развитіе эпидеміи. Кажется, все было сдѣлано: и подробный планъ борьбы, хотя и не вполнѣ «научно» проведенный, былъ заблаговременно выработанъ, и рѣдкая удача выпала на долю Керчи,—поймать и достойнымъ образомъ обставить *первый* случай холеры въ городѣ,—и, тѣмъ не менѣе, эпидемія холеры 92—94 года дала въ Керчи 1021 заболѣваніе и 543 смерти при народонаселеніи всего 43.698, т. е. свирѣпствовала, какъ нигдѣ въ Крыму, и составила чуть не ¼ всего количества заболѣваній въ Таврической губерніи (4663). Не знаю, о Керчи-ли, но въ томъ-же «Протоколѣ» значится, что холерные бараки «оставались пустыми, несмотря на старанія полицейскихъ властей, земскихъ и городскихъ чиновъ»...

Не безмолвствовала въ ту эпидемію и высшая наука. Былъ командированъ профессоръ Анрепъ для контроля за борьбой съ холерой. Онъ былъ въ тотъ годъ и въ Н.-Новгородѣ, но не успѣлъ проявить творчества, такъ какъ всѣ главныя мѣры обсуждены и приняты были до его пріѣзда, и ему оставалось только работать съ правительствомъ генерала Баранова, но въ Керчи онъ себя проявилъ. «Въ личной бесѣдѣ съ врачами», говоритъ отчетъ, «указывая на необ-

ходимость обеззараживанія больного, пр. Анрепъ указалъ на недостатокъ организаціи борьбы съ холерой, замѣчающійся въ отсутствіи спеціальныхъ санитаровъ, завѣдующихъ дѣломъ постоянной дезинфекціи. По мнѣнію профессора, достаточно было имѣть для Керчи 25—30 такихъ санитаровъ, обученныхъ дѣлу и спеціально слѣдящихъ за обеззараживаніемъ всего окружающаго больного»... Вотъ какъ мило!.. И, тѣмъ не менѣе, повторяю, мнѣ неизвѣстенъ ни одинъ случай за ту эпидемію, гдѣ-бы холера была прекращена раньше положеннаго ей времени.

Прошло пятнадцать лѣтъ, снова холера разлилась по Россіи, и снова развертывается все та же картина безсмысленности борьбы съ ней, безпомощности и безсилія Россіи справиться съ холерой... Все тѣ же, осужденныя мнѣніемъ всѣхъ врачей, дискредитированныя исторіей, опытомъ прошлаго санитарно-исполнительныя коммиссіи завѣдуютъ дѣломъ борьбы съ холерой! Такъ же что-то сыплютъ, чѣмъ-то примачиваютъ холернаго вибріона. И все такъ же реагируетъ населеніе на эту административно-медицинскую борьбу. Все по старому, все какъ прежде... Та же злоба и недовѣріе, такъ-же нападаютъ на бараки и такъ же, какъ прежде, пустовали въ Крыму въ нынѣшнемъ году холерные бараки, такъ же бьютъ санитаровъ, убиваютъ (фельдшера въ Таганрогѣ). Та же грязь, пользительная для холернаго вибріона, то же нестроеніе мѣстнаго самоуправленія съ Оппенгеймами во главѣ, та же безсмысленная чистка городовъ въ 24 часа, та же паника... Такъ же, какъ и въ ту эпидемію, нигдѣ холеру не «прекратили». Согласно своимъ склонностямъ и обычаямъ, невозбранно, никѣмъ не тѣснимая, въ свое время пришла холера въ Петербургъ, наростала, какъ ей полагается, должное время держалась на максимумѣ и теперь медленно сползаетъ на нѣтъ. И все тѣ же мѣры личной профилактики... Люди ничего не забыли и ничему не научились.

Во многихъ отношеніяхъ дѣло пошло назадъ. Обсужденіе вопроса о холерѣ въ прессѣ и самоуправленіяхъ стало какъ-то ниже и уже, болѣе жалко, чѣмъ пятнадцать лѣтъ назадъ. Быть можетъ, въ этомъ виновата общая атмосфера русской жизни. Да, конечно, для тѣхъ городовъ, гдѣ была холера, вопросъ о ней стоялъ близко для каждаго обывателя и, быть можетъ, временно отодвигалъ другіе вопросы; но для страны въ цѣломъ онъ тонулъ въ страшномъ обще-русскомъ вопросѣ, который давно уже держитъ въ напряженномъ состояніи всю Россію: случаи заболѣваній и смертей отъ холерной эпидеміи тонули въ той эпидеміи исключительныхъ положеній, арестовъ, обысковъ, высылокъ, экспропріацій и смертныхъ казней, которая охватила сейчасъ всю страну. Да, тамъ гдѣ-то холера, столько-то заболѣваній и смертей и даже совсѣмъ близко и даже со случаями сухой, молніеносной холеры, но

у насъ своя холера: столько-то арестовъ, высылокъ, столько-то разгромовъ культурныхъ учрежденій и столько-то сухихъ, молніеносныхъ смертныхъ казней.

Потому-ли, или по другому, но обсужденіе вопроса о холерѣ въ печати и въ мѣстномъ самоуправленіи, повторяю, какъ-то принизилось, сузилось, стало какимъ то жалкимъ и безпомощнымъ. Тогда, 15 лѣтъ назадъ, при обсужденіи вопроса о холерѣ проводилась доминирующая нота о необходимости оздоровленія городовъ и селъ, велась пропаганда путемъ брошюръ правильнаго пониманія населеніемъ вопроса о холерѣ, гдѣ можно было, читались лекціи, издавались брошюры. Настойчиво указывалось на важность въ борьбѣ съ холерой лучшей постоянной организаціи общественно-врачебнаго дѣла, на необходимость широкой постановки санитарныхъ мѣропріятій: водопровода, канализаціи, жилищнаго вопроса, устройства столовыхъ для улучшенія питанія плохо питающихся людей.

Замѣчательно не то, что въ нынѣшнюю эпидемію запрещалось чтеніе лекцій о холерѣ, а то, что было мало и попытокъ къ такимъ чтеніямъ; мнѣ не попадались въ руки и не читалъ я изъ газетъ о новыхъ брошюрахъ о холерѣ. Приходилось читать въ петербургскихъ газетахъ вялыя, нечленораздѣльныя рѣчи о вялости и апатіи общества, объ отсутствіи общественной иниціативы и самодѣятельности въ борьбѣ съ холерой въ провинціи и въ Петербургѣ. Получалось впечатлѣніе, что никто въ серьезъ не интересуется холерой, что люди считаютъ совершенно безполезнымъ или невозможнымъ дѣломъ свое личное участіе въ борьбѣ съ эпидеміей, въ оздоровленіи своего мѣста.

Все это куда-то провалилось, словно по какому-то безмолвному соглашенію снята была съ очереди общая, широкая постановка вопроса, и уродливо продвинулся впередъ вопросъ о личной профилактикѣ,—о томъ, что ѣсть и что пить. Этимъ—личной профилактикой—полны были безконечныя интервью съ профессорами и видными докторами, этимъ и только этимъ, повидимому, заполнена была мысль обывателя. Уродливо это не потому только, что личныя профилактическія мѣры, по существу, доступны только сотнямъ тысячъ и совершенно недоступны милліонамъ русскаго населенія...—Ну, что-же—спасайся, кто можетъ, и гибни, немощный, безоружный!—а уродливо по скудости, убожеству, вульгарности мысли, положенной въ основу... Личная профилактика... Опять огурцы, яблоки, квасъ...

Я несправедливъ, впрочемъ... Прогрессъ и въ этой области совершался. Повидимому, огурцы и яблоки, арбузы и квасъ въ значительной мѣрѣ реабилитированы: по крайней мѣрѣ, нынѣшнимъ лѣтомъ мнѣ не приходилось наталкиваться въ газетахъ на обвиненіе ихъ въ спеціальномъ распространеніи холеры; но за то произведены были новыя открытія и по обвиненію въ холероноси-

тельствѣ привлечены къ слѣдствію новые обвиняемые... Мои знакомыя дамы съ полнымъ убѣжденіемъ увѣряютъ меня, что арбузъ не холерный, а дыня холерная, что яблоко не виновно, а груша виновна и не заслуживаетъ никакого снисхожденія... А профессоръ Бертенсонъ открылъ, что виноградъ изъ холерныхъ мѣстностей можетъ разносить холеру... И какъ-то скоро послѣ его открытія воспослѣдовало и подтвержденіе высоко-авторитетнаго мнѣнія: всѣ газеты обошла телеграмма, что въ Петербургѣ околоточный надзиратель умеръ отъ съѣденной имъ *виноградной вѣтки*. Извѣстіе нѣсколько удивило читателей, такъ какъ они знали, что именно въ Петербургѣ околоточные надзиратели выбираются изъ особо бравыхъ людей, которые, надо думать, вмѣщаютъ въ себя за день не только виноградную вѣтку; но непреложность телеграммы, въ связи съ высоко-авторитетнымъ мнѣніемъ профессора Бертенсона, произвела, можно сказать, ошеломляющее дѣйствіе на публику. Воспослѣдовали всѣмъ извѣстные факты продажи на Николаевскомъ вокзалѣ винограда по $^1/_2$ копѣйкѣ за фунтъ, воспослѣдовали другіе факты, быть можетъ, менѣе извѣстные публикѣ,—полное прекращеніе на югѣ спроса на виноградъ. Конечно, помимо воли и вопреки намѣреніямъ профессора Бертенсона, его открытіе сдѣлалось народнымъ бѣдствіемъ. Настолько народнымъ бѣдствіемъ, что предсѣдатель ѳеодосійскаго сельскохозяйственнаго общества С. С. Крымъ обратился къ профессору Бертенсону съ письмомъ, гдѣ просилъ его или опровергнуть газетное сообщеніе, или точно и опредѣленно высказать свое мнѣніе, такъ какъ,—писалъ г. Крымъ— «ссылаясь на ваше имя, пріостановлены всѣ сдѣлки по столовому винограду, культурой котораго занимаются мелкіе виноградари-татары», благодаря чему «большинство поселянъ-виноградарей останутся на зиму безъ куска хлѣба».

Изобрѣтеніе ткацкой машины вызвало въ началѣ голоданіе англійскихъ ткачей, но это не резонъ, чтобы не изобрѣтать ткацкой машины. И голоданіе крымскихъ, елизаветпольскихъ и, быть можетъ, еще какихъ-нибудь «поселянъ-виноградарей»—еще не резонъ, чтобы московскіе и петербургскіе люди умирали отъ ихъ винограда. Вообще цѣнность научнаго открытія остается независима отъ чьихъ-бы то ни было преходящихъ интересовъ. Это такъ, но вотъ что любопытно. Въ своемъ отвѣтѣ на письмо С. С. Крыма *) почтенный профессоръ, устанавливая ограничительное толкованіе своего открытія («мною было лишь отмѣчено, что виноградъ въ числѣ другихъ плодовъ и овощей»...), подтверждаетъ, «что потребленіе винограда, привозимаго изъ холерной мѣстности, представляется опаснымъ», и ссылается, что такъ понимается и практикуется и въ другихъ хорошихъ домахъ,—въ Европахъ,—но ни однимъ словомъ не

*) „Крымскій Вѣстникъ", № 209.

упоминаетъ о какихъ-либо прямыхъ опытахъ, объ экспериментальномъ изслѣдованіи, приведшемъ его къ такому заключенію. И потому позволительно думать, что это была, такъ сказать, амбулаторная мысль, случайно забредшая въ голову почтеннаго профессора, не подвергшаяся клинической провѣркѣ, что въ основѣ ея лежитъ то же предположеніе нижегородскихъ обывателей и моихъ знакомыхъ дамъ о томъ, что холера «любитъ», и чего она не «любитъ».

Но magister dixit. Но вотъ другой magister, профессоръ Высоковичъ, гастролировавшій въ нынѣшнемъ году въ Крыму, заявилъ газетному сотруднику, что онъ не раздѣляетъ мнѣнія профессора Бертенсона объ опасности винограда *). А по прошествіи весьма непродолжительнаго времени бактеріологическая станція на Кавказѣ заявляетъ, что она производила экспериментальныя изслѣдованія, и въ результатѣ оказалось, что если впихнуть холерный вибріонъ въ нутро винограда, то онъ можетъ тамъ черезъ силу прожить 5 дней, т. е. не доѣдетъ живымъ съ Кавказа въ Петербургъ, а что на кожицѣ виноградной ягоды онъ совсѣмъ не развивается и скоропостижно помираетъ.

И удивленные народы не знаютъ, какъ имъ поступать... Взять, напримѣръ, яблоко... Нужно сказать, что и здѣсь произошелъ нѣкоторый прогрессъ. «Крѣпкіе сорта (какъ, напр., антоновскія яблоки) не уничтожались врачами, какъ не представляющіе опасности для зараженія холерой. При осмотрахъ въ Москвѣ особенное вниманіе было обращено на фрукты и овощи, привозимые по Московско-Казанской, Курской и Павелецкой линіямъ; уничтожались виноградъ, яблоки груши» *). По старому—вали валомъ, послѣ разберемъ!—хотя-бы это и причиняло народное бѣдствіе. Но вопросъ о яблокѣ остался подрежнему въ подвѣшенномъ состояніи. Я согласенъ, что антоновское яблоко крѣпкое, и холерному вибріону его не укусить, допускаю, что холера любитъ яблоки мягкія: анисъ, боровинку, андреевскій «бѣлый наливъ»; но остается открытымъ вопросъ: какъ понимать крымское яблоко—синапъ, шафранъ, кальвиль, размаринъ... Любитъ ихъ холера или не любитъ? Могутъ они выстоять противъ вибріона, или не могутъ, и тоже подлежатъ съ другими прочими обвиняемыми уничтоженію московскими базарными врачами?

И вотъ что еще смущаетъ меня. Въ упомянутомъ сообщеніи не говорится объ экспериментальномъ изслѣдованіи, а вѣдь даже явно преступныя яблоки, какъ извѣстно, «съ кислотой», которую такъ не любитъ, и въ которой такъ быстро погибаетъ холерный вибріонъ. Можетъ-ли и долго-ли можетъ жить внутри яблока вибріонъ, и способенъ-ли онъ жить на кожицѣ хотя-бы аниса и бѣлаго налива,—

*) Промытый въ кипяченой водѣ, по мнѣнію профессора, виноградъ вполнѣ безопасенъ. „Русск. Слово", № 215.

**) Засѣданіе въ Москвѣ коммиссіи городскихъ санитарныхъ врачей. „Русск. Вѣд.", № 221.

не совершается-ли при казни ихъ судебной ошибки, за которую при томъ платятся раззореніемъ и голодомъ люди, выращивающіе яблоки? *) И старые обвиняемые—арбузъ, дыня, «кожица» которыхъ, къ слову сказать, въ ротъ не попадаетъ?

Я не производилъ экспериментальныхъ изслѣдованій, но ихъ, повидимому, не производили и профессоръ Бертенсонъ, и московскіе врачи, казнившіе фрукты, и поэтому, не собираясь дѣлать открытій, я въ такомъ-же правѣ дѣлать не менѣе удачныя гаданія и предположенія... Не говоря уже о мягкомъ и сладкомъ, что вкусно для насъ, и что поэтому должна любить холера,—земляника, клубника, смородина, кружевникъ, ежевика, малина, теренъ, — но даже и «крѣпкіе» овощи, которые по нашимъ соображеніямъ, холера не должна бы любить: лукъ, хрѣнъ, брюква, салатъ, рѣдька,—не являются-ли тоже распространителями холеры? Взять, напр., петербургскую редиску... Профессоръ Мечниковъ говоритъ, что именно редиску нужно обеззараживать тщательнѣе, дольше держать въ кипяткѣ...

И у меня является грѣшная мысль: нѣтъ-ли во всей этой борьбѣ съ фруктами и овощами нѣкоторой доли средневѣковой алхиміи? Не вытекаетъ-ли безусловное осужденіе ихъ изъ не слишкомъ научнаго и не очень мудренаго силлогизма: въ лѣтнее время нерѣдко отъ фруктовъ и овощей случается поносъ; первое проявленіе холеры — поносъ, выводъ — фрукты и овощи разносятъ холеру...

Пусть на нихъ садятся холерные вибріоны и съ ними попадаютъ въ человѣческій ротъ,—вполнѣ допускаю... Но вотъ что: кіевскіе люди сообщали мнѣ, что въ прошломъ году у нихъ было много заболѣваній среди булочниковъ, и что черезъ хлѣбъ распространялась холера. Но они не сообщили мнѣ, какъ дѣло обстояло съ печеніями, колбасами, ветчиной, семгой, сыромъ и всѣмъ тѣмъ пищевымъ довольствіемъ, которое добывается обывателями изъ магазиновъ, — какъ все это, — крѣпко было или слабо насчетъ холеры? Любитъ все это холера, или не любитъ?

Вотъ проф. Высоковичъ, опровергая цѣнность открытія профессора Бертенсона относительно винограда, сообщаетъ свое открытіе, что холера весьма любитъ сливочное масло («особенно упорно держатся холерные вибріоны»)... Охотно допускаю, что проф. Высоковичъ имѣлъ большія основанія и дошелъ экспериментальнымъ научнымъ путемъ до своего открытія, но онъ ничего не говоритъ о чухонскомъ маслѣ, о сметанѣ, о молокѣ, о сливкахъ... Во всемъ этомъ и хотя бы въ томъ же малороссійскомъ салѣ не держится-ли также упорно холерный вибріонъ? Нѣтъ, не извѣстно, мы въ сомнѣніи...

---

*) „Въ съѣдобной мякоти ихъ (арбузовъ и дынь, грушъ, яблокъ, персиковъ и т. д.), навѣрное, не существуетъ холерной заразы". Профессоръ Мечниковъ.

Пусть всѣ пищевые продукты останутся подъ сомнѣніемъ, но является вопросъ: одни-ли пищевые продукты? Извозчичья пролетка, на которой можетъ быть оставилъ слѣды холерный больной, сидѣніе трамвая, уличная грязь съ холерными вибріонами, пристающая къ подошвамъ, засаленая рублевка, потная рука знакомаго, который пожимаетъ вашу руку, ручки дверей, книги, газеты, даже порошки изъ аптеки,—не является-ли все это распространителемъ холеры? Быть можетъ, правы мелитопольскіе обыватели, отказавшіеся получать петербургскія газеты и просившіе мѣстную почту сохранить ихъ до болѣе безопаснаго времени?

А главное, человѣкъ.... Если считать человѣка очагомъ и носителемъ заразы, если припомнить категорическое утвержденіе ученыхъ, что человѣкъ можетъ чувствовать себя совершенно здоровымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ носить въ себѣ сколько угодно холерныхъ вибріоновъ и дѣлать соотвѣтствующіе посѣвы, то является поистинѣ изумительнымъ, что виноградную вѣтку, ѣдущую изъ холерной мѣстности уничтожаютъ, а человѣку, ѣдущему оттуда же, предоставляютъ широкое право передвиженія. Вотъ докторъ П. К. въ «Русскомъ Словѣ» *) обращаетъ вниманіе на то, что въ холерное время въ желѣзно-дорожныхъ поѣздахъ разъѣзжаютъ по всей Россіи явные и тайные холерные люди и невозбранно, чрезъ уборныя, дѣлаютъ по всей Россіи холерные посѣвы, и выводитъ отсюда возможность разнесенія этимъ путемъ по городамъ и селамъ, по всѣмъ мѣстамъ русской земли, по которымъ идетъ желѣзнодорожный путь, холерной заразы. Это конечно предположительно, но ничуть не менѣе основательно, чѣмъ предположеніе о развозѣ холеры виноградомъ.

Оповѣщены у серьезныхъ людей случаи заноса человѣкомъ даже здоровымъ заразы съ собой,—своимъ бѣльемъ. Проф. Мечниковъ сообщаетъ очень убѣдительный случай, какъ докторъ, работавшій на холерѣ въ Тулонѣ и остававшійся все время здоровымъ на примѣтѣ, возвратился въ Брестъ, гдѣ въ то время не было ни одного холернаго случая и своимъ бѣльемъ заразилъ свою мать типичнѣйшей холерой **). Крымскіе врачи нынѣшней осенью разсказывали мнѣ, что первой заболѣвшей холерой въ Алуштѣ была прачка, стиравшая бѣлье какого то пріѣхавшаго изъ Петербурга господина, и что отъ нея пошла холера въ Алуштѣ въ нынѣшнемъ году.

Конечно, виноградъ, огурцы, арбузы, яблоки, груши можно уничтожать,—но что дѣлать съ людьми? Уничтожать ихъ въ интересахъ борьбы съ холерой никто еще до сего времени не предлагалъ,—въ такомъ случаѣ что же съ ними дѣлать? Обдавать ихъ кипяткомъ, какъ яблоки, или обмывать слабымъ растворомъ сулемы или опрыскивать растворомъ карболки, посыпать хлорной известью?

---

*) „Русск. Слово", № 213.
**) „Русск. Вѣд." № 216, - Бесѣды о холерѣ.

Или устроить пятидневные карантины для людей, ѣдущихъ изъ Керчи въ Вологду и изъ Вологды въ Керчь, какіе въ нынѣшнемъ году были устроены въ Турціи для пріѣзжающихъ изъ Крыма,— карантины въ Петербургѣ, въ Керчи, въ Царевококшайскѣ, въ Астрахани?! Или пятидневный надзоръ за пріѣзжающимъ, какой былъ устроенъ въ Парижѣ за русскими?

Быть можетъ, нужно просто запереть въ холерной мѣстности человѣка, какъ виноградную вѣтку, и не позволять выѣзжать хотя бы изъ того же Петербурга ни публикѣ, ни разнымъ чиновнымъ землеустроителямъ, которые могутъ распространять холеру по всей Россіи...

Но и внутри охваченнаго эпидеміей мѣста тоже человѣкъ съ человѣкомъ въ непрерывномъ общеніи... Дѣти ходятъ въ школы, а родители въ канцеляріи, въ присутствія, въ конторы, въ бани, въ театры, въ рестораны—вездѣ человѣкъ, вездѣ зараза. Какъ тутъ принимать научно профилактическія мѣры? Много людей одиночекъ, которые должны обѣдать въ кухмистерскихъ, въ ресторанахъ и, слѣдовательно, не имѣютъ возможности подогрѣвать хлѣбъ до рекомендуемой проф. Мечниковымъ температуры и ѣсть кушанья, какъ онъ совѣтуетъ, съ блюдъ, подъ которыми стоитъ спиртовая лампочка. Не безопаснѣе обстоитъ дѣло и въ семьяхъ, гдѣ можно устроиться и съ хлѣбомъ, и съ спиртовыми лампочками. Тамъ есть прислуга, человѣкъ въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ слова. Человѣкъ не очень опрятный, не очень чистоплотный, бѣгающій въ лавочку, приходящій въ ежеминутное общеніе съ другими, тоже не очень опрятными и не очень чистоплотными человѣками... И тотъ же проф. Мечниковъ разсказываетъ *) случай въ Александріи въ Египтѣ, гдѣ умерла пожилая дама, питавшаяся главнымъ образомъ мяснымъ бульономъ, гдѣ ни о «сырой водѣ, ни о сырой пищѣ не могло быть рѣчи», дама, заразившаяся, по заключенію лѣчившихъ ее лучшихъ докторовъ, черезъ холодный бульонъ, который она пила лѣтомъ, отъ прислуги, болѣвшей «легчайшимъ» разстройствомъ кишекъ, сопровождавшимся выхожденіемъ изъ ея организма множества холерныхъ вибріоновъ, присутствіе которыхъ было доказано бактеорологическими изслѣдованіями...

. . . . . .

Скучно перебирать все это... Невольно приходитъ въ голову мысль, не являются-ли всѣ и все, къ кому и къ чему человѣкъ прикасается, источникомъ заразы,—не сидитъ-ли вездѣ вибріонъ? Нельзя-ли сказать вообще, что въ холерное время вибріонъ всюду и вездѣ,—до такой степени всюду и вездѣ, что рѣшительно всѣ живущіе въ мѣстности, охваченной холерой, воспринимаютъ въ себя тѣмъ или инымъ путемъ холерный вибріонъ, до такой сте-

---

*) Ил. Мечниковъ. О мѣрахъ личнаго предохраненія противъ холеры. Изд. Свободной Россіи, стр. 11—12.

пеки всюду и вездѣ, что совершенно безсмысленно разыскивать тѣ или иные пищевые продукты, изолировать способы передачи заразы и пытаться этимъ путемъ предохранить себя отъ проникновенія холернаго вибріона.

Отъ всего этого смѣшно и стыдно. Смѣшно отъ этой мало осмысленной ловли холернаго вибріона и стыдно за то убожество, нищету, вульгарность мысли, которая сказывается въ попыткахъ *такимъ* путемъ бороться съ холерой...

Вѣдь въ концѣ концовъ изъ всего этого получается единственный логическій выводъ: разбѣжаться людямъ по лѣсамъ, по степямъ, по морямъ, по горамъ, по необитаемымъ островамъ, или, въ лучшемъ случаѣ, запереться у себя дома и прекратить всякое общежитіе, свиданія другъ съ другомъ, пароходныя и желѣзнодорожныя сообщенія,—перестать жить группой, обществомъ, народомъ...

Но, можетъ быть, не такъ ужъ страшно? Нельзя ли и во время холеры жить въ Петербургѣ, не лишая себя благъ культуры и цивилизаціи?

Прежде всего, благополучно ли обстоитъ дѣло съ самимъ холернымъ вибріономъ, въ смыслѣ сведенія къ нему одному и клинической картины заболѣванія, и всего хода и развитія холерной эпидеміи? Тѣ недоумѣнія, которыя возбудила въ этомъ отношеніи холера 92 — 94 года, не разсѣялись, а скорѣе сгустились въ нынѣшнюю эпидемію. Несомнѣнная холера, а вибріоновъ въ выдѣленіяхъ не оказывается; человѣкъ несомнѣнно здоровъ, а въ выдѣленіяхъ масса холерныхъ вибріоновъ... «Закончено бактеріологическое изслѣдованіе выдѣленій ткачихи... поступившей въ фабричную лѣчебницу 12-го сентября съ симптомами болѣзни, подозрительными по холерѣ... — холерныхъ вибріоновъ не найдено. Бактеріологическимъ изслѣдованіемъ въ выдѣленіяхъ кухарки А. Фокина (умершаго отъ холеры) найдено много вибріоновъ азіатской холеры, но кухарка чувствуетъ себя здоровой и настойчиво требуетъ, чтобы ее выпустили изъ Измайловской больницы (Москва)»... Это изъ одной и той-же замѣтки *), и такихъ совпаденій можно было подыскать, сколько угодно.

Я остановлюсь только на одномъ крупномъ и всѣмъ извѣстномъ фактѣ,—заболѣваніи холерой юнкеровъ Павловскаго военнаго училища. Оффиціальное сообщеніе въ «Русскомъ Инвалидѣ» **) гласило: «6-го сентября вечеромъ и ночью заболѣло острокишечнымъ разстройствомъ 9 юнкеровъ, днемъ девятаго число заболѣвшихъ возросло до 25, 10-го достигло 57. *У 15 юнкеровъ* при бактеріологическомъ изслѣдованіи найдены холерные вибріоны». Два кадета умерли.

---

*) „Русск. Вѣдомости“ № 214.

**) Цитирую по „Крымскому Вѣстн.“ № 207.

«Новое Время» ***) вноситъ значительныя поправки къ оффиціальному сообщенію. *6-го сент.*—повидимому, опечатка, т. к., по «Нов. Вр.», юнкера стали съѣзжаться 8-го сентября. Въ тотъ же день къ вечеру одинъ юнкеръ заболѣлъ желудочно-кишечнымъ разстройствомъ, а къ 12 ч. ночи слегли въ лазаретъ съ той-же болѣзнью еще 12 человѣкъ, въ 2 часа ночи было уже 24 больныхъ юнкера *со всѣми признаками холеры* и т. д.

Случай въ Павловскомъ военномъ училищѣ необыкновенно интересенъ и важенъ во многихъ отношеніяхъ. Тутъ все интересно: и заболѣваніе сразу массы людей, а не зараженіе другъ отъ друга, и быстрота наростанія заболѣванія, и неизвѣстность непосредственнаго источника эпидеміи,—сласти и фрукты, привезенные юнкерами изъ дому, упоминаемые въ «Нов. Врем.» потреблялись, конечно, юнкерами и дома, и въ пути, да и въ печати были сообщенія о кухонномъ мужикѣ, незадолго передъ тѣмъ перенесшемъ холеру. (Мнѣ передовали освѣдомленные люди, что тамъ холерные вибріоны найдены были и у пекарей, которые не только пекли хлѣбъ, но и рѣзали его...) И весь этотъ случай является точной копіей того, что происходило въ эпидемію 92-го года въ артеляхъ рабочихъ на Пескахъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, — до ничтожнаго процента смертности включительно (Изъ 57 заболѣвшихъ, по однимъ извѣстіямъ, двое умерло, а по другимъ—четверо). Но меня интересуетъ въ этомъ случаѣ совсѣмъ другое.

Болѣзнь, несомнѣнно, одна и та же, это для всякаго очевидно (*«со всѣми признаками холеры»*). И, тѣмъ не менѣе, въ пятнадцати случаяхъ оказались холерные вибріоны, а въ 42-хъ не оказалось, на каковомъ основаніи эти двѣ группы и были размѣщены въ строго изолированныя другъ отъ друга палаты. Получается изъ этого и изъ другихъ фактовъ одинъ непреложный выводъ: холерный вибріонъ, очевидно, не вездѣсущій и не всеисчерпывающій фактъ, по крайней мѣрѣ, діагностическій, для холеры.

Но допустимъ, что холерный вибріонъ и холера—одно и то же, покрывающія другъ друга понятія, что есть вибріонъ, значитъ, есть и холера, и наоборотъ, и, что попадая въ человѣческій ротъ, онъ непремѣнно производитъ у человѣка холеру. Пусть. И выводы, проистекающіе изъ этого, вполнѣ ясны и несомнѣнны. Какъ-бы это ни было трудно и сложно, — разъ холера отъ холернаго вибріона, попадающаго въ человѣка черезъ ротъ, необходимо ловить его, во что бы то ни стало и чего-бы то ни стоило. Ловить и снимать съ кожицы арбуза и дыни, съ виноградной вѣточки... Но вотъ что. Культурные, интеллигенные люди города Петербурга трепещутъ и обливаются холоднымъ потомъ при одномъ словѣ холера, и все свое вниманіе и всю свою жизнь направляютъ на то, чтобы какой-нибудь шальной холерный вибріонъ не попалъ въ ихъ ротъ,—

*) Цитирую по „Русскимъ Вѣдомостямъ".

но вотъ профессоръ Петенкоферъ и ученикъ его Эммерихъ выпили разводку изъ превосходныхъ жизнедѣятельныхъ гамбургскихъ вибріоновъ. Это было, по существу, даже не путешествіе Нансена на сѣверный полюсъ, а это былъ полетъ Андре на воздушномъ шарѣ... Тотъ же страшный опытъ самопожертвованія, на который способны только люди великаго исканія истины, продѣлалъ проф. Мечниковъ съ своимъ ассистентомъ.

И Петенкоферъ, и проф. Мечниковъ приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы опытъ прошелъ въ чистомъ видѣ. Они приняли предварительно растворъ соды, чтобы не помѣшала чистотѣ опыта соляная кислота желудочнаго сока, вредная для холернаго вибріона. Принимали въ разныхъ видахъ холерный вибріонъ и другіе люди, цѣнящіе свою жизнь ниже истины. Многократно принималъ въ себя холерныхъ вибріоновъ и пр. Заболотный, благополучно здравствующій.

И вотъ что оказалось. Несмотря на всѣ «профилактическія мѣры», направленныя къ тому, чтобы не помѣшать развернуть въ полномъ видѣ свое дѣйствіе холерному вибріону, онъ оказывался безсильнымъ или, вѣрнѣе, слабосильнымъ.

Да, послѣ добрыхъ довъ холернаго вибріона у Петенкофера былъ поносъ, продолжавшійся даже около 10 дней, но онъ все время велъ свою обычную жизнь и свои университетскіе занятія. И только Эммерихъ, не только обезвредившій соляную кислоту, но и устроившій, спеціально для чистоты опыта, предварительно «эксцессы въ пищѣ и питьѣ» — добился для себя нѣкотораго подобія азіатской холеры. Профессоръ Мечниковъ упоминаетъ въ своей статьѣ *) о нѣсколькихъ другихъ лицахъ, поглощавшихъ подъ его наблюденіемъ холерныя разводки... «Спустя нѣкоторое время, развилось растройство кишечнаго канала, не представлявшее ни малѣйшей опасности и не сопровождавшееся ни однимъ изъ признаковъ настоящей холеры. У нихъ не было ни рвоты, ни судорогъ, ни общей слабости, ни пониженія температуры тѣла и проч.».

Проф. Мечниковъ говоритъ о юношѣ изъ его лабораторіи, который выпилъ разводку холерныхъ вибріоновъ и получилъ, наконецъ, настоящую азіатскую холеру съ рвотой и судорогами, хотя и благополучно перенесенную имъ. И этотъ единственный удачный экспериментальный опытъ, повидимому, убѣждаетъ проф. Мечникова, что все дѣло холеры сводится къ Коховскому холерному вибріону. Такъ. Было,—значитъ, было,—юноша получилъ отъ вибріона настоящую холеру... Но почему же, — профессоръ Петенкоферъ не заболѣлъ? Почему опыты самого профессора Мечникова, его ассистента и «нѣкоторыхъ другихъ лицъ», безукоризненно въ научномъ смыслѣ поставленные, не дали должной картины азіатской холеры?

*) „Русск. Вѣд." № 215.

Трудность сведенія всего вопроса о холерѣ къ «запятой» такъ очевидна, трещина въ цитадели Коховской теоріи такъ огромна, что мимо нея нельзя пройти даже приверженцамъ этой теоріи. И тотъ же проф. Мечниковъ для того, чтобы обойти многочисленные случаи безнаказаннаго принятія внутрь огромнаго количества холерныхъ вибріоновъ и объяснить единственный случай ихъ вредоноснаго дѣйствія, долженъ былъ допустить предположеніе, что въ дѣлѣ холеры принимаетъ участіе не одинъ x—Коховскій вибріонъ, но и y, остающійся по сіе время неизвѣстнымъ. Проф. Мечниковъ говоритъ въ той же статьѣ о «бактеріальной флорѣ нашего кишечнаго канала», которая можетъ благопріятствовать или не благопріятствовать проявленію жизнедѣятельности холернаго вибріона. И этой разницей кишечной флоры объясняетъ упомянутый случай съ юношей.

Если это такъ, если для полученія полной картины азіатской холеры нужна и неизбѣжна, рядомъ съ Коховскимъ холернымъ вибріономъ, наличность соотвѣтствующей флоры въ кишечникѣ человѣка, то къ чему же сводится роль этого холернаго вибріона? Если самая постановка этого теоретическаго вопроса играетъ огромную роль въ научномъ слыслѣ, то въ практическомъ отношеніи, въ смыслѣ профилактическихъ мѣръ, она если не сводитъ къ нулю, то обязываетъ къ полному пересмотру всѣ шаблонные, ходячіе совѣты и мѣропріятія. Наличность соотвѣтствующей флоры въ кишечникѣ человѣка, помогающей вибріону или губящей его...

Да, сливочное масло, яблоки, груши, арбузъ, виноградная вѣтка,—пусть ихъ холерный вибріонъ любитъ,—но какъ они вліяютъ на кишечную флору человѣка,—въ благопріятномъ для холернаго вибріона или вредномъ смыслѣ? И устраненіе ихъ изъ пищевого бюджета въ холерное время благопріятствуетъ или не благопріятствуетъ развертыванію холернаго вибріона въ картину азіатской холеры? Кто это знаетъ? Проф. Мечниковъ, очевидно, не знаетъ, такъ какъ допускаетъ совершенно странное положеніе... «Легко понять поэтому, что въ данной мѣстности или въ данное время, когда развивается холерная эпидемія, это флора должна благопріятствовать Коховскому вибріону у многихъ лицъ, тогда какъ въ городахъ, невоспріимчивыхъ къ холерѣ, она должна оказывать обратное дѣйствіе».

Понять не легко, а необычайно трудно...

Да, кромѣ икса, недавно неизвѣстнаго и сдѣлавшагося совершенно извѣстнымъ, есть игрекъ, темный, необслѣдованный...

Есть игрекъ Петенкофера, —почвенныя условія, въ томъ смыслѣ, какъ это разумѣется относительно маляріи, гдѣ между малярійнымъ началомъ и человѣкомъ есть передаточная станція-комаръ, *пока* одинъ комаръ... *Комара* для холеры до сего времени не найдено,

но вліяніе мѣстности—такой утесъ, о который разбиваются не холерные вибріоны, а исторія, сводящая всю холеру къ холерному вибріону...

Тутъ идетъ расхожденіе данныхъ бактеріологіи и эпидеміологіи. И странное дѣло,—именно вступая въ область этого Петенкоферскаго игрека, получаешь впечатлѣніе, какъ будто изъ темнаго нелѣпаго лабиринта, перегруженнаго нелѣпыми виноградными вѣтками, средневѣковой алхиміей, амулетами и заговорами, выходишь на широкій свѣтъ, гдѣ много солнца, гдѣ все ясно, все видно...

Извѣстно и переизвѣстно, что есть мѣстности, города, села, области, которые холера любитъ, и которыхъ она не любитъ, гдѣ она часто бываетъ и подолгу засиживается, и куда она совсѣмъ не заглядываетъ. Тотъ же проф. Мечниковъ отмѣчаетъ Франкфуртъ на Майнѣ и Штутгардтъ, какъ не воспріимчивые къ холерѣ города; рядомъ съ холернымъ Парижемъ не холерный Версаль и въ особенности, странный Ліонъ, не воспріимчивый къ холерѣ, несмотря на то, что онъ какъ разъ помѣщается въ серединѣ между воспріимчивыми Марселемъ и Парижемъ. Въ Россіи тоже извѣстны города, не воспріимчивые къ холерѣ, какъ Царское Село, Липецкъ, повидимому, Балаклава, нѣкоторыя мѣстности Финляндіи. Эта область эпидеміологіи мало разработана, но существуютъ данныя, приблизительно намѣчающія, какія мѣста холера любитъ, и какія она не любитъ. Я позволю себѣ привести нѣкоторыя свѣдѣнія изъ источника, который я уже цитировалъ *).

Оказалось, что у большой холеры 92—94-го года, при всей капризности распредѣленія заболѣваній холерой, была опредѣленная тенденція. Любопытно, что изъ 230 мѣстъ, захваченныхъ эпидеміей холеры 92—94 года, въ Таврической губ. въ ста, т. е. приблизительно въ половинѣ случаевъ, холера дала одно-два заболѣванія. Это были, въ существѣ дѣла, тѣ же единичныя заболѣванія въ верхнихъ улицахъ Нижняго-Новгорода, о которыхъ я упоминалъ.

Вотъ два села,—назовемъ: Ивановка и Петровка. Люди живутъ бокъ-о-бокъ, въ одинаковыхъ климатическихъ и бытовыхъ условіяхъ, одна у нихъ кишечная флора, поскольку зависитъ она отъ питанія, и, тѣмъ не менѣе, въ Ивановкѣ народъ валится, а въ Петровкѣ «болѣзни» нѣтъ. Въ Петровку люди пріѣзжаютъ изъ Ивановки и привозятъ съ собой холеру и дѣлаютъ тамъ посѣвы,—случается, заболѣетъ одинъ, но эпидеміи не дѣлается... Положимъ, въ Ивановкѣ принимаются всякія строжайшія профилактическія мѣры, согласныя съ послѣдними словами науки, а въ Петровкѣ игнорируютъ всякую профилактику и безсовѣстно ѣдятъ виноградныя вѣтки и сливочное масло, если оно полагается по чину,

*) Протоколъ засѣданія врач. совѣта Таврической губ.

и яблоки, груши, дыни и арбузы, привезенные изъ Ивановки. И ничего съ петровцами не дѣлается прискорбнаго, какъ не дѣлалось прискорбнаго съ Петенкоферомъ и Мечниковымъ, и только единичными случаями оканчивается несомнѣнный заносъ холеры. Въ томъ же обзорѣ хода холерной эпидеміи въ Таврической губ. за 92—94 гг. отмѣчалось, что холера развертывалась въ низкихъ мѣстностяхъ, у моря, у рѣкъ, она шла долинами, балками, по степнымъ рѣчкамъ, по Днѣпру и не заходила или давала 1—2 заболѣванія въ селахъ, расположенныхъ на высотѣ отъ 20 до 60 саженъ надъ уровнемъ моря, а въ нагорной части Ялтинскаго уѣзда совсѣмъ не появлялась.

Но еще важнѣе, чѣмъ мѣста, не воспріимчивыя къ холерѣ по своимъ естественнымъ условіямъ, отмѣтить мѣста, сдѣлавшіяся не воспріимчивыми, благодаря усиліямъ людей. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, въ 71-мъ году Ялта, въ которой тогда не было канализаціи, тогдашняя маленькая Ялта, дала до 80 случаевъ холерныхъ заболѣваній; въ 93 году Ялта дала только 16 заболѣваній, изъ которыхъ только 1 падаетъ на канализированную часть города, а остальныя на Дерекой и Зарѣчье (9), тогда еще не присоединенные къ канализаціи. Изъ 18 извѣстныхъ мнѣ случаевъ, случаевъ нынѣшняго года опять-таки только 1 падаетъ на канализированную часть Ялты, въ канализированномъ Зарѣчьѣ уже холеры не было, а попрежнему она развивалась въ Дерекоѣ и въ слободкахъ, гдѣ нѣтъ канализаціи.

Цѣлыя страны оказываются въ состояніи забронировать себя отъ холеры, *сдѣлаться* не воспріимчивыми къ холерѣ. Было время, когда и въ Англіи валился народъ отъ холеры *), и вотъ уже 50 лѣтъ, какъ Англія не знаетъ холеры. Она не устраиваетъ у себя карантиновъ, со всѣхъ концовъ міра привозятъ къ ней на корабляхъ все, что даютъ всѣ концы міра, въ томъ числѣ и холернаго вибріона. Лондонъ вчетверо больше Петербурга, тамъ тѣ же приблизительно климатическія условія, какъ въ Петербургѣ, есть своя Нева, то же обиліе влаги, еще меньше солнца и больше тумановъ, чѣмъ въ Петербургѣ,—и, тѣмъ не менѣе, ни въ Лондонѣ, ни въ Глазго, ни въ Саутгемптонѣ не бываетъ петербургскихъ исторій. Дѣло, конечно, не въ одной канализаціи,—не вездѣ она,—а въ общихъ условіяхъ индивидуальной и соціальной жизни, во всемъ томъ, что такъ рѣзко отдѣляетъ Англію отъ Россіи, въ томъ общемъ прогрессѣ страны, который такъ рѣзко понизилъ процентъ смертности въ Англіи за указанные 50 лѣтъ.

Дѣло не въ одной канализаціи, не въ однихъ почвенныхъ условіяхъ, вообще не въ однихъ сонитарныхъ мѣропріятіяхъ; въ вопросѣ о холерѣ останется пустое мѣсто, если не остановить

*) Въ одномъ 1849 году въ Англіи умерло (въ 21 городахъ) 53.237 человѣкъ.

вниманія на воспріимчивости организма къ заболѣваніямъ, на степени сопротивленія организма эпидемическимъ заболѣваніямъ вообще, на самозащитѣ человѣческаго организма въ широкомъ смыслѣ слова.

Вѣроятно, многіе изъ публики изъ популярныхъ брошюръ и лекцій слышали о знаменитомъ открытіи того же проф. Мечникова о существованіи въ организмѣ человѣка самообороны противъ поступающихъ въ него вредныхъ бациллъ. Человѣчество давно вымерло бы отъ одного туберкулеза, если бы въ организмѣ человѣка не заложено было самозащитныхъ средствъ. Туберкулезъ вездѣ—въ пыли улицъ, въ воздухѣ всѣхъ мѣстъ скопленія людей, въ театрахъ, школахъ, въ церквахъ, въ конторахъ, въ банкахъ. Вскрытія въ Берлинѣ умершихъ отъ другихъ болѣзней дали что-то около 90% туберкулеза въ разныхъ стадіяхъ,—медленно протекавшихъ очаговъ, зарубцевавшихся фокусовъ, у людей, поступавшихъ въ больницы не для лѣченія туберкулеза, умиравшихъ отъ другихъ болѣзней, быть можетъ, даже не подозрѣвавшихъ у себя туберкулеза. Несомнѣнно, заболѣваемость туберкулезомъ гораздо больше, чѣмъ думаютъ, и процентъ смертности опять таки ниже оффиціальныхъ цифръ. Въ сторону повышенія этихъ самозащитныхъ средствъ организма идетъ вся работа по туберкулезу до туберкулинныхъ впрыскиваній включительно, и онѣ, оборонительныя силы организма, а не ловля туберкулезнаго бацилла, избавятъ человѣчество отъ туберкулеза. Я говорю о самозащитныхъ средствахъ организма въ широкомъ смыслѣ слова.

Гораздо въ большей степени примѣнимо это къ холерѣ. При той, такъ сказать, всеобщности заболѣваній ею, о которой я говорилъ,—населеніе городовъ и цѣлыхъ областей, несомнѣнно, вымирало-бы поголовно, если бы не эти силы самообороны, заложенныя въ организмѣ. И, быть можетъ, нигдѣ человѣкъ не поставленъ такъ благопріятно въ своей самозащитѣ, какъ именно въ дѣлѣ холеры. Уже тѣ массовые холерные поносы, которые мнѣ приходилось наблюдать, и которые отмѣчаются всѣми врачами, говорятъ, какъ легко справляется человѣкъ съ холерно-заразнымъ началомъ. Намъ извѣстно, что инфлуэнція не щадитъ бель-этажей, для нея нѣтъ табели о рангахъ, и нѣтъ той высоты, куда ни забиралась бы она. Холера, по преимуществу, болѣзнь—нижнихъ ступеней соціальныхъ лѣстницъ. Публикѣ мечутся въ глаза профессоръ, богатый купецъ, полковникъ, дама изъ культурныхъ слоевъ, — только потому, что это *замѣтные* люди, только потому, что ихъ имена упоминаются въ газетахъ, и она не останавливается передъ фактомъ безконечно малаго процентнаго заболѣванія бель-этажа въ сравненіи съ низами и благоустроенныхъ кварталовъ въ сравненіи съ окраинами и слободками. Если взять тотъ же Нижній-Новгородъ за прошлую эпидемію, то окажется, что въ самомъ городѣ было ничтожное количество заболѣваній и смертей въ культурныхъ и

состоятельныхъ слояхъ. Очевидно, достаточно этой самообороны, извѣстнаго благоустройства условій жизни и питанія, чтобы бороться съ холернымъ вибріономъ, который, повторяю, всюду и вездѣ.

И въ томъ удивительномъ фактѣ, что западно-европейскія государства сумѣли забронироваться отъ холеры, несомнѣнную роль играетъ не только канализація и водопроводы, а вообще санитарное благоустройство, и не одно гражданское и государственное благоустройство, но и повышеніе самозащиты отдѣльнаго организма. Западно-европейская масса,—я говорю о низахъ,—при прочихъ равныхъ условіяхъ чище и опрятнѣе живетъ, просвѣщеннѣе мыслитъ и... лучше питается, чѣмъ русская рабочая масса. Быть можетъ, извѣстная исторія съ появленіемъ холеры въ Пруссіи сразу въ семидесяти съ чѣмъ-то мѣстахъ, гдѣ проявлялись отдѣльные случаи холеры, и нигдѣ не доразвилась она до эпидеміи, объясняется не только почвенными условіями и даже не дѣйствіями бравой прусской администраціи, а и культурой населенія, улучшеннымъ питаніемъ, именно повышенной самообороной человѣческихъ организмовъ.

Меня огорчило бы, если бы читатель сдѣлалъ изъ моей статьи превратные выводы. Коховскій холерный вибріонъ есть фактъ, одно изъ крупныхъ завоеваній человѣческаго ума, но онъ еще не вся истина по отношенію къ холерѣ, онъ—полуистина, быть можетъ, будущее скажетъ—четверть истины. Что сдѣлала бактеріологія за послѣднія 30 лѣтъ, всѣмъ извѣстно, и никому и никому не извѣстны тѣ размѣры *побѣды человѣчества*, къ которой приведетъ она, но пока не все открыто и ясно для нея въ холерѣ. Будетъ ли разработанъ вопросъ о новыхъ микробахъ, нужныхъ и полезныхъ для холернаго вибріона, будетъ-ли открытъ «комаръ», но заключительныя главы статьи о холерѣ еще не написанны, и вотъ съ этой точки зрѣнія меня изумляло упорное сведеніе всего холернаго вопроса,—и въ личномъ, и въ общественномъ смыслѣ,—къ холерному вибріону. И уродливость выдвиганія впередъ мѣръ личной профилактики, какъ-то незамѣтно ставшихъ мѣрами чуть-ли не общественной борьбы съ холерой, и нѣкоторое недомысліе въ самой постановкѣ ихъ.

Я не смѣюсь надъ профилактическими мѣрами, я понимаю, что когда холера уже пришла, некогда и не ко времени говорить о канализаціи и о другихъ прекрасныхъ вещахъ: нужно принимать мѣры сейчасъ же, нужно человѣку знать, что ему дѣлать, какъ жить. Да, нужно ѣсть горячія блюда; да, нужно стараться обѣдать дома; нужно осторожнѣе относиться къ магазиннымъ закускамъ,—но вѣдь это и всегда нужно, всегда полезно. Да, не нужно пить невской сырой воды; да, нужно обмывать кипяченой водой фрукты. Но кто же изъ культурныхъ людей пьетъ сырую невскую воду! И

не нужно ли всегда тщательно обмывать фрукты? И, быть можетъ, не столько для холернаго вибріона, который умираетъ при высыханіи и, повидимому, не можетъ развиваться на кожицѣ винограда, яблока, арбуза, сколько для того же туберкулезнаго бацилла, которому именно нужно высохнуть, чтобы быть усвоеннымъ человѣкомъ. И т. д. и т. д. Мнѣ смѣшны, и я считаю праздными именно попытки переловить холернаго вибріона, не допустить его въ человѣческій ротъ. «Не мѣнять рѣзко режима»,—не пустой звукъ, а серьезнѣйшая вещь, и рѣзкое и грубое измѣненіе этого режима, въ смыслѣ суженія и ограниченія питанія, нужно считать въ высокой степени вреднымъ фактомъ, болѣе, быть можетъ, располагающимъ къ холерному заболѣванію, а не къ обереганію отъ него.

Въ сторону повышенія самозащиты организма должны идти личныя профилактическія мѣры. Эксцессы всякіе,—переѣданіе и недоѣданіе, пьянство, чрезмѣрно напряженная физическая и умственная работа,—вредные всегда, особенно вредны въ холерное время. Человѣкъ долженъ спать особенно хорошо, онъ долженъ давать себѣ должный отдыхъ отъ работы, онъ долженъ чисто и опрятно жить, долженъ особенно хорошо питаться. Не мѣнять режима. Если онъ пилъ квасъ, пускай пьетъ квасъ; если онъ ѣлъ фрукты, пускай ѣстъ всякіе фрукты, и чѣмъ шире и разнообразнѣе будетъ его питаніе, тѣмъ легче ему будетъ обороняться отъ холеры... Меня огорчило бы, если бы читатель получилъ превратное толкованіе, въ смыслѣ увеличенія страха и чувства безпомощности предъ холерой; я настаиваю на своемъ мнѣніи: процентъ смертности при холерѣ ничтожный и потомъ,—въ огромномъ большинствѣ случаевъ рвотѣ и судорогамъ предшествуетъ періодъ обыкновеннаго поноса, и своевременно принятыя медицинскія мѣры именно въ холерѣ даютъ прекрасные результаты. Мечутся предъ глазами обывателя случаи молніеносной холеры. Я слѣдилъ за ними, и если даже принимать эти газетныя сообщенія за истину, то и то, мнѣ кажется, за петербургскую холеру ихъ было значительно меньше, чѣмъ хотя бы трамвайныхъ молніеносныхъ смертей. Всѣмъ извѣстно, что холерный вибріонъ—ничтожнѣйшій по своей жизненности. Онъ умираетъ отъ солнца, онъ умираетъ отъ высыханія, онъ умираетъ отъ ничтожнаго количества кислоты, онъ умираетъ въ сырой водѣ отъ другихъ враждебныхъ микроорганизмовъ, онъ умираетъ въ почвѣ, онъ умираетъ въ пыли улицъ, онъ умираетъ въ желудкѣ человѣка, разъ желудокъ этотъ нормально функціонируетъ, онъ нерѣдко пребываетъ даже въ кишечникѣ человѣка, не сказываясь никакими рѣшительно послѣдствіями. Онъ такъ летучъ и недолговѣченъ, что нужны исключительныя условія, чтобы онъ укрѣпился въ данномъ мѣстѣ, и борьба съ холерой, какъ эпидеміей, чрезвычайно *легка*, разъ эта борьба поставлена въ должныя условія, разъ эта борьба *возможна*. Та же Западная Европа по сіе время не можетъ освободиться отъ туберкулеза, отъ брюшного тифа, отъ скарлатины,

кори, дифтерита, даже оспы, а отъ холеры освободилась. Уже это одно показываетъ, до какой степени неустойчиво холерное начало, до какой степени легка борьба съ нимъ.

Нужно ли говорить о выводахъ, которые приходится сдѣлать по вопросу о борьбѣ съ холерой, какъ съ эпидеміей? Нужно ли повторять то, что много разъ уже говорилось, что скоропалительное очищеніе города или деревни—безсмыслица, брошенныя зря деньги, что важно постоянное оздоровленіе и очищеніе почвы путемъ тщательнаго дренажированія, путемъ канализаціи, нужна здоровая питьевая вода, нужны не спеціальные холерные бараки, а упорядоченіе постояннаго больничнаго дѣла, что безсмысленно расходуемыя огромныя деньги на пустопорожнюю дезинфекцію было бы безконечно продуктивнѣе употреблять на улучшеніе жилищныхъ условій рабочей массы въ городахъ, на улучшеніе питанія безработныхъ и вообще бѣдной части населенія, на усиленіе самозащиты организмовъ тѣхъ низовъ, гдѣ развивается и откуда пробирается въ бель-этажи холерный вибріонъ.

И главный выводъ: съ холерой можно бороться, только *пока она не пришла* (я говорю объ Россіи), и единственныя «профилактическія мѣры», о которыхъ можно и должно говорить, не смѣшно говорить,—тѣ, которыя направлены на *предупрежденіе* ея, на невозможность развитія ея, на самооборону города, мѣстности страны...

Строго говоря, единственный правильный выводъ для людей, не желающихъ ни самообманываться, ни обманывать другихъ, что настоящая борьба съ холерой при данныхъ условіяхъ русской жизни не возможна тогда, когда холера уже пришла. Тамъ, гдѣ административная медицина и населеніе—двѣ воюющія стороны, гдѣ прочитать лекцію о холерѣ—дѣло огромной трудности и сложности, а иногда и опасности, гдѣ пиши статью о холерѣ и оглядывайся на все исчерпывающую 129 ст., гдѣ принципъ—«расходись», гдѣ невозможа никакая самодѣятельность общества, скопленіе народа даже во имя борьбы съ холерой, гдѣ прекратили дѣйствіе законы, гдѣ нѣтъ гражданской нормальной жизни,—тамъ смѣшно въ серьезъ говорить о борьбѣ съ холерой. Тамъ остается только дѣлать открытія по части виноградной вѣтки или сливочнаго масла, остается именно строить холерные бараки, присыпать холеру порошкомъ, примачивать примочками.

Именно здѣсь нужно сказать наоборотъ извѣстную пословицу: что нѣмцу здорово, то русскому смерть. Нѣтъ самозащиты въ цѣломъ государствѣ во всемъ русскомъ организмѣ. Пошатнувшаяся экономически, хронически голодающая, подавленная духовно, расшатанная и неустроенная государственно,—Россія не можетъ самообороняться не только въ Цусимскихъ бояхъ, но даже отъ холернаго вибріона,—отъ такого ничтожнаго врага, съ которымъ такъ легко справляются западно-европрейскія государства.

Еще въ 1871 году англійскій ученый Джонъ Симонъ проводилъ въ своемъ докладѣ основную мысль: «Холера, , какъ и другія заразныя болѣзни, тамъ лишь можетъ находить почву для своего развитія, гдѣ мѣстныя санитарныя условія и основые санитарные факторы неблагопріятны и вопіющи, и поэтому раціональная борьба съ холерой должна заключаться въ улушеніи мѣстныхъ санитарныхъ условій и въ обезпеченіи населенію основныхъ санитарныхъ факторовъ его благополучія, какъ-то: вода, почва, воздухъ, жилище, питаніе и проч.» *)

Въ этомъ направленіи шла борьба съ холерой въ Западной Европѣ, этимъ путемъ Англія добилась огромнаго пониженія процента смертности и того, что съ 1866 года холера не заходитъ въ Англію. Въ этомъ направленіи, а не въ сторону ловли холернаго вибріона, должна идти работа государственныхъ и общественныхъ учрежденій, изъ этого основоположенія должна исходить мысль всѣхъ тѣхъ, кто не желаетъ ни самообманываться, ни обманывать другихъ, кто хочетъ дѣйствительно бороться съ холерой.

Къ формулѣ нужно прибавить—государственное и гражданское благоустройство, о которомъ и въ 1871 году не было надобности говорить англичанину,—гражданское благоустройство, которое является не только «основнымъ санитарнымъ факторомъ», но и предпосылкой ко всѣмъ остальнымъ санитарнымъ факторамъ, и вопіющія нарушенія котораго дѣлаютъ безоружнымъ общественный организмъ и безсильными, безплодными усилія общественныхъ учрежденій и отдѣльныхъ людей въ дѣлѣ борьбы съ холерой. Нужно помнить опытъ прошлаго, говорящій, что холера не любитъ странъ, гдѣ существуютъ конституція и канализація, и очень любитъ страны, удовлетворяющіяся болѣе примитивными формами жизни...

Что-то странное творится съ холерой. Было время, когда она обходила всю Европу и была ужасомъ для Европы.

Вторая эпидемія (1844—1861 г.) дала 5.788,211 заболѣваній и 2.324,040 смертностей,—при тогдашнемъ народонаселеніи Европы. И она неслась бурно и стремительно, несмотря на тогдашнее, такъ сказать, бездорожье. Съ тѣхъ поръ страшно возросло народонаселеніе, безконечно увеличилось желѣзнодорожное и пароходное сообщеніе, а количество заболѣваній и смертей становится все ниже, область распространенія эпидеміи дѣлается все уже, и медлительнѣе ходъ ея. Какъ будто именно развитіе путей сообщенія и колоссальное увеличе-

*) Цитирую по статьѣ д-ра М. М. Грана: „Послѣднія эпидеміи холеры въ Россіи въ связи съ состояніемъ современныхъ эпидеміологическихъ знаній“. Журналъ общества русскихъ врачей въ память Пирогова 1908 г. № 6.

ніе сношеній людей другъ съ другомъ, стало поперекъ дороги холерѣ. За послѣднія эпидеміи, 1902—1904, прошлаго и нынѣшняго года, она идетъ вялая, неувѣренная, потерявшая свою старую стремительность, какими-то странными зигзагами, мало объяснимыми спорадическими вспышками,—словно нащупываетъ почву, словно пробуетъ, примутъ или не примутъ ея... И эпидемія нынѣшняго года, быть можетъ, наиболѣе характерная... Въ Нижнемъ-Новгородѣ, этомъ желѣзнодорожномъ и пароходномъ узлѣ, гдѣ всегда любила засиживаться холера, ее плохо приняли: количество заболѣваній тамъ было относительно ничтожно. Въ Петербургѣ, этомъ конечномъ пунктѣ желѣзнодорожной и рѣчной системы, ее превосходно приняли. А въ Москвѣ, куда холерный вибріонъ ѣхалъ и съ юга, и съ сѣвера, и съ востока, и съ запада, въ этомъ узлѣ, завязавшемъ всю Россію, холеру совсѣмъ не приняли. Если относительно Нижняго-Новгорода можно допустить предположеніе, что нижегородскіе люди, такъ сказать, привили себѣ холеру въ 1892—1895 г., то къ Москвѣ это объясненіе непримѣнимо, такъ какъ и тогда холера дала въ Москвѣ ничтожное количество заболѣваній. Остается предположить, что московскій организмъ успѣлъ за послѣдніе 20 лѣтъ поднять средства самозащаты, сумѣлъ, до извѣстной степени, самооборониться, забронировать себя,—быть можетъ, хорошей питьевой водой, полями орошенія, канализаціей, менѣе безобразнымъ, чѣмъ въ Петербургѣ, городскимъ самоуправленіемъ, т. е. всѣмъ тѣмъ, что такъ понизило процентъ смертности въ Москвѣ за двадцать лѣтъ.

Туманъ, обволакивавшій холеру, не разсѣялся за послѣднія эпидеміи, а сгустился еще больше. Все въ ней стало странно, даже вопросъ о заносѣ холеры, еще недавно казавшійся такимъ непреоборимымъ, стоящимъ внѣ спора. Индія, Персія, Россія, Европа... А въ Россіи Астрахань, Самара, Нижній-Новгородъ, Москва и т. д.

Въ прошломъ году въ Петербургѣ холеры не было, и газеты, и городское самоуправленіе единодушно третировали петербургскую холеру нынѣшняго года, какъ заносную, и характерный фактъ одновременнаго вскрытія холеры въ разныхъ частяхъ города люди объясняли недосмотромъ санитарно-медицинскаго надзора, тѣмъ, что проглядѣли и не успѣли уловить первыя заболѣванія, разнесшія по Петербургу вибріоны, и тѣмъ еще, что рано выпускали выздоравливающихъ, до погибели въ нихъ вибріоновъ... Можетъ быть. Но вотъ проф. Подвысоцкій *) объясняетъ газетному сотруднику относительно заноса холеры въ Петербургъ слѣдующее: «Ходячее мнѣніе таково, что холера пришла къ намъ изъ чужихъ странъ въ этомъ году. Это еще подъ сомнѣніемъ. Въ Петербургѣ, въ февралѣ этого года, д-ръ Кулеша далъ мнѣ для изслѣдованія внутренности больной, смерть которой, повидимому, произошла отъ

*) „Русское Слово", № 213.

тифа. Я нашелъ въ кишечникѣ холерный вибріонъ... Кто его знаетъ, не ждала ли холера благопріятнаго случая проявиться?» Я усомнился въ точности газетнаго сообщенія и лично обратился къ профессору Заболотному. Пр. Заболотный, производившій изслѣдованіе присланной д-ромъ Кулеша разводки,—безусловно подтвердилъ результаты изслѣдованія.

Въ февралѣ... Я не знаю другихъ аналогичныхъ случаевъ, но, быть можетъ, и въ ноябрѣ, и въ январѣ, быть можетъ, всю прошлую зиму холерные вибріоны жили въ Петербургѣ; быть можетъ, если бы изслѣдованія поставлены были шире и шли въ этомъ направленіи, нашлись бы и другіе холерные вибріоны, которые ждали благопріятнаго случая проявиться. И вся исторія послѣдняго семилѣтія странная въ смыслѣ заноса. Въ 1902-мъ году холера пришла въ Сибирь откуда-то изъ *Дальняго Востока*... Да, въ 1904 г. холера пришла легальнымъ путемъ—черезъ Персію, но съ тѣхъ поръ три года холеры въ Россіи не было, если не считать маленькой и тоже чрезвычайно странной вспышки въ 1905 г. въ Царствѣ Польскомъ; но вотъ въ прошломъ году холера пошла *изъ Самары*. Нарушенъ былъ классическій путь, такъ какъ ни въ Персіи, ни въ Закаспійской области въ то время холеры не наблюдалось. Нарушенъ былъ и спеціально русскій путь: уже не Астрахань посылала вибріоны въ Самару, а Самара въ Астрахань (въ Самарѣ первый случай зарегистрованъ 3-го іюля, а въ г. Астрахани только 22-го іюля). Если вопросъ о заносѣ нынѣшней холеры въ Петербургъ остается «подъ сомнѣніемъ», то еще подъ большимъ сомнѣніемъ остается вся самарская исторія. Остается думать, что холера «перезимовала» не одну зиму, а цѣлые три года, и что заносъ, охватившій въ прошломъ году 45 губерній и областей, былъ, такъ сказать, внутренній, шелъ изъ Самары... (Взято изъ ст. м-ра Грана).

Въ нынѣшнемъ году въ Европѣ холеру стали называть уже не азіатской, а русской холерой... А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ холера становится русской болѣзнью, постоянной болѣзнью Россіи? Быть можетъ, холера уже нащупала почву, быть можетъ, она уже акклиматизировалась въ Россіи? Быть можетъ, нижнее теченіе Волги въ ближайшемъ будущемъ сдѣлается своего рода Гангомъ, гдѣ, какъ и въ области Ганга, то будутъ засыпать на зиму, можетъ быть, и на три зимы, то вспыхивать и разливаться пожаромъ по Россіи холерныя эпидеміи? Великія переселенія совершаются не въ однѣхъ человѣческихъ массахъ... Тридцать лѣтъ назадъ молодымъ врачемъ я встрѣчалъ на востокѣ Россіи старыхъ врачей, которые никогда не видали въ жизни дифтеритной пленки и ручались мнѣ, что въ ихъ мѣстахъ никогда дифтерита не было,—теперь дифтеритъ сдѣлался постояннымъ явленіемъ въ русской жизни и, думаю, мудрено теперь найти врача, который не видѣлъ бы дифтеритной пленки... Ялтинскіе и севастопольскіе старожилы единогласно утверждаютъ,

что раньше у нихъ москитовъ не было и даже точно устанавливаютъ дату, когда они привезены были изъ Константинополя и такъ быстро и успѣшно акклиматизировались въ Крыму. Холерный вибріонъ только 75 лѣтъ назадъ заглянулъ въ Европу, и я не знаю, какія существуютъ научныя данныя, которыя могли бы безусловно отрицать возможность акклиматизаціи его въ астраханскихъ и прикаспійскихъ странахъ и даже въ самарскихъ и выше самарскихъ.

Это все, конечно, спорно и находится въ области предположеній, но въ холерѣ и по сіе время много спорнаго и предположительнаго. И, можетъ быть, именно по отношенію къ Россіи возможны самыя удивительныя предположенія...

Вездѣ бываетъ недостатокъ и избытокъ дождей, недостатокъ солнца и чрезмѣрность солнца, вездѣ бываютъ недороды, но вотъ уже давно Западная Европа не знаетъ голода, какъ результата этихъ недородовъ, а въ Россіи за послѣдніе годы недородъ и голодовка стали не случаемъ, а нормальнымъ фактомъ русской жизни, русской національной особенностью. Не сдѣлается ли такой же національной русской особенностью и холера, изгнанная изъ Европы, холера, которая такъ любитъ хронически голодающія страны?

Я не хочу дѣлать выводовъ изъ этихъ предположеній, я хотѣлъ бы только отмѣтить ту грозную позицію, какую создаетъ для холеры прошлогодняя самарская исторія. Пусть читатель самъ сдѣлаетъ выводы...

С. Елпатьевскій.

Хроника внутренней жизни.

1. Всѣ побѣдили. Тревога „Россіи“ и „Голоса Москвы“. Емелькина статистика. Система запирательства и непониманія.—2. Мечты соціальныя и мечты политическія. Наша опора. Необходимость status quo.—3. Торгово-промышленная фронда. Офицерскій вопросъ. Отъ щедринскаго капитана Полосухина до братьевъ Коваленскихъ. Офицеры-юнкера и офицеры штатскіе. Польза мечтаній и вредъ аграрныхъ преній.

Думская сессія «началась закономъ 9 ноября». И произошло это при нѣсколько оригинальной обстановкѣ. Въ началѣ «октябристы» предлагали этотъ «законъ» отложить до внесенія въ него «дополненій» правительствомъ. За отложеніе высказались и крайніе правые, въ лицѣ г. Маркова 2-го. Противъ отложенія высказались к.-д., с.-д., трудовики и «умѣренные правые». При голосованіи къ нимъ присоединились и октябристы. Такимъ образомъ «законъ 9 ноября» былъ «поставленъ на первую очередь» голосами всѣхъ

думскихъ группъ противъ крайней правой. Черезъ нѣсколько дней «Новое Время», ссылаясь на «Современное Слово», «открывало закулисную тайну»: въ послѣднюю, дескать, минуту «октябристскому Одиссею-Гучкову» было по телефону предложено «заняться земельнымъ вопросомъ, дабы охладить депутатовъ, разгоряченныхъ внѣшними событіями на Ближнемъ Востокѣ»... *) Еще черезъ нѣсколько дней въ качествѣ претендентовъ на побѣду выступили крайніе правые. По ихъ толкованію, они эту штуку устроили для того, чтобы держать на привязи октябристовъ. Правительство-де поставило Думу въ извѣстность, что послѣдуетъ роспускъ, если «законъ 9 ноября» будетъ отвергнутъ. Такъ вотъ они, крайніе правые, подъ угрозой подать голоса противъ закона и тѣмъ провалить его, а вмѣстѣ съ нимъ и Думу, заставляютъ «партію центра» плясать по своей дудкѣ и, въ частности, принудили голосовать за своихъ ставленниковъ въ президіумѣ. Оказалась еще и третья сторона, которая также объявила своею побѣдою постановку закона 9 ноября въ первую очередь: «Рѣчь» привѣтствовала это рѣшеніе, какъ «яркое торжество оппозиціи и демократическихъ элементовъ Думы»... **).

Гдѣ всѣ оказываются побѣдителями, тамъ обыкновенно никто не знаетъ, ради чего ведутся сраженія и какой толкъ вообще имѣетъ война. Характерно, однако, что побѣдителями оффиціально (въ «Россіи») и оффиціозно (въ «Голосѣ Москвы») были объявлены и признаны кадеты. «Россія» поспѣшила даже объяснить, для чего именно «господамъ изъ оппозиціи» эта самая побѣда понадобилась. По мнѣнію органа совѣта министровъ, «господа изъ оппозиціи» просто-на-просто желали устроить «рядъ бенефисовъ»:

Какъ извѣстно, законъ 9 ноября представляетъ собою „матеріалъ"... благодарный для „оппозиціонной" тактики. Тутъ есть о чемъ поговорить и есть по поводу чего вести „линію поведенія". Вотъ сколько причинъ, чтобы облюбовать этотъ законъ, какъ очередной... (Цит. по „Голосу Москвы", 23 октября).

«Голосъ Москвы» сумѣлъ прочесть въ побѣдоносныхъ кадетскихъ сердцахъ нѣчто болѣе злокозненное:

„Новая сессія Государственной Думы—пишетъ онъ—открылась при самыхъ дурныхъ предзнаменованіяхъ... Премьеръ-министръ обратился съ письмомъ къ Н. А. Хомякову, прося обождать *недѣлю-другую* со внесеніемъ закона 9 ноября на обсужденіе Думы и дать возможность правительству внести въ него предварительно нѣкоторыя измѣненія... Центръ естественно предложилъ сначала приступить къ обсужденію реформы мѣстнаго суда. Не тутъ-то было. Политическіе игроки сейчасъ же воспользовались случаемъ для того, чтобъ начать свою игру... Центру не оставалось ничего

*) „Новое Время", 26 октября.
**) „Рѣчь".

дѣлать, какъ только присоединиться къ предложенію поставить на первую очередь обсужденіе закона 9 ноября... Таково начало. Что же предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ? Польются потоки рѣчей изъ устъ людей, присвоившихъ себѣ монополію печальниковъ народа, радѣтелей крестьянъ... Будутъ говориться все слова и слова... А возъ законодательства будетъ тѣмъ временемъ стоять на мѣстѣ недвижимо. Торжествовать будутъ и на крайнемъ правомъ флангѣ, и на лѣвомъ. Ненавистная гг. Марковымъ-вторымъ Дума вновь докажетъ свою безполезность, свою неспособность къ положительной работѣ, свой вредъ, *какъ очагъ возбужденія народныхъ страстей*. Торжествовать будутъ и ловцы политическихъ конъюнктуръ, старающіеся изъ всѣхъ силъ свалить ненавистную Думу 3 іюня, поднять снова общественныя волны *).

Невинный «бенефисъ» «Россіи» при болѣе тщательномъ разслѣдованіи руководящаго органа октябристовъ оказывается прямо-таки покушеніемъ на бунтовщическое и измѣнническое дѣяніе со стороны «политическихъ игроковъ», имена которыхъ «Голосъ Москвы» скрывать вовсе не намѣренъ: «игроки» суть: «яркое созвѣздіе въ лицѣ гг. Милюкова, Гегечкори и Булата». Эти «ловцы политическихъ конъюнктуръ» хорошо обдумали и подготовились:

Вслѣдъ за выступленіемъ въ Думѣ означеннаго созвѣздія, въ радикальной печати возобновились всевозможныя инсинуаціи по адресу октябристовъ, которые, будто бы, вмѣстѣ съ правительствомъ хотятъ, во что бы то ни стало, затянуть аграрное законодательство, отложить его ad calendas graecas... Словомъ, сигналъ къ атакѣ данъ по всей линіи **).

Въ виду столь грозной опасности, «Голосъ Москвы» призываетъ «партію центра»:

Собрать воедино и совокупить всѣ свои нравственныя силы, чтобы предотвратить грядущее крушеніе думской положительной работы... предохранить Думу отъ превращенія ея въ агитаціонную трибуну, въ митингъ ***)...

Надо зажать ротъ «гг. Милюковымъ, Гегечкори и Булатамъ»... Для этого, конечно, могутъ быть пущены въ ходъ разныя средства. Въ первую очередь «Голосъ Москвы» рекомендовалъ отмѣнить или измѣнить «§ 127 (думскаго) наказа, въ силу котораго предложенія о прекращеніи преній отклоняются, если противъ нихъ выскажется хотя бы только 50 человѣкъ; этотъ minimum можетъ парализовать всякія усилія думскаго большинства ввести въ спокойное русло думскую законодательную работу» («Голосъ Москвы», 24 октября). Если же и по отмѣнѣ § 127 наказа гг. Милюковы, Гегечкори и Булаты станутъ произносить рѣчи, превращающія Думу въ «очагъ возбужденія народныхъ страстей», то у «думскаго центра» имѣется много другихъ средствъ, чтобы «съ

*) „Голосъ Москвы", 24 октября. Курсивъ мой—*А. П.*
**) Ibid.
***) Ibid.

спокойнымъ мужествомъ, съ презрѣніемъ ко всѣмъ инсинуаціямъ и уколамъ мелкой партійной и газетной злобы вынести на своихъ плечахъ великое и трудное дѣло устроенія родной земли». Задавить «мелкую злобу» внутри Думы мы, во всякомъ случаѣ, сумѣемъ. Что же касается «радикальной прессы», «мелкой газетной злобы», то начальникъ главнаго управленія г. Бельгардъ уже выработалъ соотвѣтствующій законопроектъ, принципіально одобренный «самимъ П. А. Столыпинымъ». «Главнѣйшія основанія этого законопроекта, по свѣдѣніямъ того же «Голоса Москвы», во многомъ сходны съ временными правилами о печати, изданными при гр. Витте». Но, во-первыхъ, относительно «отдѣльныхъ книгъ и брошюръ» проектъ г. Бельгарда устанавливаетъ отвѣтственность, а слѣдовательно, по русскимъ обычаямъ, и цензуру «владѣльца типографіи». А, во-вторыхъ, «оставляя явочный порядокъ изданія газетъ и вообще произведеній повременной печати», проектъ предлагаетъ «установить залогъ, который будетъ требоваться при каждомъ заявленіи о новомъ изданіи; для газетъ этотъ залогъ исчисляется въ размѣрѣ нѣсколькихъ тысячъ рублей» *). Это подражаніе, между прочимъ, Наполеону III невольно напоминаетъ фразу того же «Голоса Москвы»:

— «Мало Цусимы,—хотите еще Седана».

За два мѣсяца до начала второй думской сессіи эта октябристская фраза прозвучала одновременно съ октябристской угрозой «перековать серпы на мечи». Теперь мы видимъ, куда «Голосъ Москвы» намѣренъ направить свои «мечи». И, конечно, не потому онъ ихъ сюда направляетъ, что «оппозиція» не согласилась повременить «недѣлю-другую» «съ закономъ 9 ноября»: недѣлею позже начались бы тѣ «рѣчи и слова», одна возможность которыхъ нервировала «Россію» и «Голосъ Москвы», или недѣлею раньше,—разница слишкомъ невелика. Всуе также кивать на «Марковыхъ 2-хъ», которымъ, дескать, выгодно, чтобы «ненавистная Дума», заговоривъ о законѣ 9 ноября, превратилась въ «очагъ возбужденія народныхъ страстей», «Голосъ Москвы» долженъ знать и, безъ сомнѣнія, знаетъ, что именно «Марковы 2-ые» наиболѣе настойчиво хотѣли «законъ 9 ноября» отложить. Можно бы предположить, что октябристы просто боятся «критики». Но въ томъ же № «Голоса Москвы» отъ 24 октября, гдѣ выраженъ ужасъ по поводу ожидаемыхъ рѣчей, помѣщено и похвальное слово. Оказывается, этотъ «законъ» соотвѣтствуетъ «стремленіямъ лучшей части крестьянства», пріобрѣлъ популярность, число его сторонниковъ среди крестьянства растетъ, имъ воспользовались и выдѣлились изъ общины уже сотни тысячъ крестьянскихъ хозяйствъ,—выдѣлилось бы гораздо больше, если бы не «чрезмѣрная канцелярщина, всячески тормозящая широкое проведеніе закона»... Народъ до того въ восторгѣ отъ закона

*) „Голосъ Москвы", 25 октября.

9 ноября, что предсѣдатель земельной комиссіи г. Родзянко счелъ долгомъ выступить (въ кулуарахъ) съ успокоительными заявленіями относительно намѣреній Думы.

Крестьяне,— говорилъ онъ,—могутъ быть вполнѣ спокойны,—поправки не измѣнятъ ни въ чемъ сущности закона... Крестьяне могутъ быть спокойны—законъ пройдетъ. Возврата къ прежнему нѣтъ. Въ большинствѣ губерній половина земли уже подъ хуторскими участками; уже въ Екатеринославской губерніи подъ ними находится 80 тысячъ квадратныхъ верстъ. Результаты превосходные. Культура процвѣтаетъ. („Рѣчь", 19 октября).

Ну, а разъ крестьянамъ такъ милъ законъ 9 ноября, разъ они такъ боятся, что онъ не пройдетъ въ Думѣ, или будетъ существенно измѣненъ, опасаться «критики», очевидно, нечего. Наоборотъ, пусть эти самые «политическіе игроки», эти «ловцы политическихъ конъюнктуръ» критикуютъ какъ можно рѣзче, какъ можно откровеннѣе, — тѣмъ дальше отшатнется отъ нихъ крестьянство, тѣмъ яснѣе увидитъ въ нихъ своихъ враговъ. Пусть гг. Милюковы, Гегечкори и Булаты валяютъ во всю, пусть они сами себя губятъ во мнѣніи народа,—«Россія» и «Голосъ Москвы» плакать, конечно, не станутъ. Но вотъ въ томъ-то и странность, что, казалось бы, бѣда и гибель грозятъ Милюкову, а дрожатъ отъ страха «Россія» и «Голосъ Москвы».

Это—странность основная, фундаментальная. А подходя къ ней, мы невольно задѣли цѣлый рядъ другихъ странностей, на первый взглядъ, какъ будто случайныхъ и мимолетныхъ, но въ достаточной степени характерныхъ. Вотъ, напр., г. Родзянко, между прочимъ, засвидѣтельствовалъ, что въ большинствѣ губерній половина земли подъ хуторами»... Цифрою: 80 тысячъ квадратныхъ верстъ подъ хуторскими участками, спеціально для Екатеринославской губерніи приходится совершенно пренебречь. Г. Родзянко—екатеринославскій помѣщикъ; былъ чуть ли не 2 трехлѣтія предсѣдателемъ мѣстной губернской земской управы. И ему, навѣрное, извѣстно, что цифра 80 тыс. кв. верстъ въ полтора раза больше площади всей Екатеринославской губ. Но и помимо этого явнаго недоразумѣнія, сама по себѣ огульная справка на счетъ половины земель въ большинствѣ губерніи—тоже вѣдь явное недоразумѣніе. Г. Родзянко, пожалуй, скажетъ, что это лишь обмолвка, что во всѣхъ остальныхъ частяхъ его показанія вполнѣ вѣрны: и законъ 9 ноября крестьянамъ милъ, и результаты превосходные», и «культура процвѣтаетъ»... И этотъ резонъ надо бы считать сильнымъ: дѣйствительно, если человѣкъ обмолвился или даже нѣсколько увлекся въ одномъ случаѣ, это еще не значитъ, что онъ вообще есть тотъ самый Емеля, на котораго стыдливые люди давно махнули рукой:—Меля, твоя недѣля.

Но, къ сожалѣнію, мы слишкомъ богаты прецедентами. «Русскія Вѣдомости» какъ-то попытались сравнить правительственныя дан-

ныя, опубликованныя въ іюнѣ 1908 г., съ правительственными же данными, опубликованными въ сентябрѣ того же года. И оказалось нѣчто мистическое, сверхчувственное:

Въ Екатеринославской губерніи по прежней публикаціи значился выдѣлъ (изъ общины) 591 двора, а теперь, по 1 августа, показано только 221, т. е. почти втрое меньше; куда же дѣвались 370 остальныхъ дворовъ? По Воронежской прежде было показано 47, а теперь 36, по нижегородской—255, а теперь 61 (цит. по „Рѣчи", 12 сентября).

Не менѣе мистическія обстоятельства вскрылись, благодаря оригинальной полемикѣ между тѣми же «Русскими Вѣдомостями» и «Россіей». Въ правительственномъ оффиціальномъ очеркѣ землеустроительныхъ работъ на 1908 г. оказались, между прочимъ, и такія данныя:

Крестьянскія общества Уманскаго у. (Кіевской губ.), гдѣ до сихъ поръ было почти исключительно общинное землевладѣніе, въ громадномъ большинствѣ выразили желаніе перейти къ подворному землепользованію и разбить на отрубные участки принадлежащія имъ надѣльныя земли.

«Русскія Вѣдомости» попросили оффиціально разъяснить, съ какихъ поръ въ Уманскомъ уѣздѣ водворилось «почти исключительно общинное землевладѣніе»? «Россія» отвѣтила:

Существованіе общиннаго землевладѣнія въ Кіевской губ.—фактъ довольно извѣстный. Если не вѣрите правительственнымъ источникамъ, то вотъ въ книгѣ профес. Ходскаго указано, что въ Кіевской губерніи 16,3% крестьянской надѣльной земли состоитъ въ общинномъ пользованіи. *).

Такимъ образомъ, «почти исключительное общинное землевладѣніе» превратилось въ 16,3%; а «громадное большинство» крестьянъ, перешедшихъ на отруба, «Россія» замѣнила «значительнымъ числомъ»... «Обмолвка», сколько можно понять, сводилась въ весьма странной операціи: старые подворники Кіевской губ. (и одной ли Кіевской?) перечислены въ разрядъ новообращенныхъ. Емеля не просто мелетъ, онъ доказываетъ, что, во первыхъ, земельная политика г. Столыпина въ короткое время достигла результатовъ блестящихъ, а во-вторыхъ, «законъ 9 ноября» пользуется огромнымъ сочувствіемъ населенія. Однако, Емелю во время его патріотическихъ трудовъ поймали съ поличнымъ. И послѣ этого, казалось бы, ссылаться на емелькину статистику, если и можно, то съ большими оговорками и съ нѣкоторымъ конфузомъ. Но вотъ, напр., 24 октябры «Голосъ Москвы», бодрствующе писалъ: «Законъ 9 ноября... пріобрѣтаетъ постоянно увеличивающееся число сторонниковъ». «Лучшее доказательство—тѣ 300.000 крестьянъ, которые уже не замедлили воспользоваться возможностью избавиться отъ благъ общиннаго землевладѣнія». Въ

*) Цит. по „Одесскимъ Новостямъ", 1 августа 1908 г.

тотъ же день столь же безтрепетно и съ тою же цѣлью товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Лыкошинъ въ Государственной Думѣ ссылался также на цифру 300.000 крестьянъ. И при этомъ ни малѣйшей оговорки, ни тѣни конфуза. Допустимъ, однако, что «Голосъ Москвы» и г. Лыкошинъ просто на просто обмануты. сами того не вѣдая. Газетъ не читаютъ, полемика «Русскихъ Вѣдомостей» съ «Россіей» имъ неизвѣстна, и фактъ документальнаго опороченія цифръ, коими они оперируютъ, отъ нихъ ускользнулъ, Допустимъ, говорю, что «Голосъ Москвы» и г. Лыкошинъ ничего этого не знали, а если и знали, то позабыли. Но вотъ другая, еще большая странность.

Того же 24 октября въ Думѣ г. Шингаревъ, между прочимъ, коснулся статистическихъ данныхъ, на которыхъ основывались авторы указа 9 ноября. Однимъ изъ аргументовъ служила ссылка г. Гурко на то, что «45% общинъ не передѣлялись и какъ бы замерли». Значитъ, община умираетъ сама собою. Значитъ, и и спорить нечего. Земельная коммиссія 3-й Думы округлила цифру 45 до «половины», фактъ естественнаго умиранія общины признала безспорнымъ и на этомъ основаніи ввела въ законъ 9 ноября постановленіе: общины, въ которыхъ не было общихъ передѣловъ въ теченіе двухъ лѣтъ, объявляются наслѣдственно участковыми. Вотъ на этихъ цифрахъ: «половина», 45%, и остановился г. Шингаревъ въ своей рѣчи:

Не касаясь,—говорилъ онъ,—вопроса о томъ, насколько общину, не производившую передѣловъ, можно считать замершею, я укажу просто на то, что процентъ этихъ общинъ составляетъ не 45, какъ утверждаетъ г. Гурко, не половину, какъ утверждаетъ докладъ (земельной коммиссіи), а 28%. Люди, которые оперируютъ въ оффиціальномъ документѣ надъ цифрами, потрудились бы, по крайней мѣрѣ, провѣрить то, на что они ссылаются *).

Въ своей отвѣтной рѣчи товарищъ министра Лыкошинъ возразилъ и на эту деталь. Но при этомъ фундаментальнаго указанія, что отсутствіе передѣловъ въ общинѣ вовсе не доказываетъ ея смерти и вовсе не свидѣтельствуетъ о переходѣ къ подворному владѣнію, онъ сумѣлъ совершенно не замѣтить. Что же касается «процента обществъ, которыя передѣлялись и не передѣлялись», то, «можетъ быть, согласился г. Лыкошинъ, свѣдѣнія эти и не вполнѣ точны, но болѣе обстоятельныхъ... не было, а между тѣмъ, это ставится правительству въ упрекъ»... **) Согласитесь, въ высшей степени странно и даже подозрительно это непониманіе товарища министра. Какъ можно, въ самомъ дѣлѣ, видѣть мелочный упрекъ, почти придирку тамъ, гдѣ взрывается фундаментъ капитальнѣйшаго изъ правительственныхъ мѣропріятій? Мыслимы,

*) „Рѣчь", 25 октября.
**) „Голосъ Москвы", 26 октября.

конечно, всякаго рода ошибки. Можетъ случиться, что по оплошности или вслѣдствіе торопливости г. Гурко или г. Лыкошинъ не пойметъ значенія цифръ и ошибется въ итогахъ. Но ошибка сдѣлана. На ея основаніи начинаютъ отвергать установившійся взглядъ, что община при данныхъ хозяйственныхъ и бытовыхъ условіяхъ—явленіе естественное, неустранимое и неизбѣжное. На основаніи ошибки, насъ начинаютъ увѣрять, что община умираетъ. На основаніи ошибки, вотъ уже два года, ломаютъ насильственно якобы умирающій хозяйственный и бытовой укладъ. И вотъ, наконецъ, г. Лыкошину объясняютъ, что цифры имъ неправильно поняты, что итоги невѣрно подведены, что община вовсе не умираетъ. И г. Лыкошинъ соглашается, можетъ быть, молъ, итоги и невѣрны, можетъ быть, молъ, и не умираетъ... Но вѣдь если такъ, то насильственное разрушеніе общины теряетъ всякую тѣнь основанія и подлежитъ немедленной отмѣнѣ. Однако, товарищъ министра, а вмѣстѣ съ нимъ и вся «партія думскаго центра» странно не замѣчаютъ этого, казалось бы, яснаго и убійственнаго для «закона 9 ноября» вывода.

Не замѣчаютъ они и многаго другого. Г. Лыкошинъ, привелъ, напр., цифры: 300.000 выдѣловъ до 1 августа, 700.000 заявленій о выдѣлѣ до 1 сентября. Значеніе этихъ цифръ, повторяю, условно. Помимо статистической предпріимчивости вообще, помимо причисленія къ новымъ выдѣламъ старыхъ отрубныхъ хозяйствъ, блестящіе результаты «земельной политики П. А. Столыпина» подтверждаются вѣдь и кое-какими другими средствами. «Въ Саратовской, напр., губерніи, писали, между прочимъ, «Русскія Вѣдомости»,—3.350 дворовъ выдѣлили себѣ всего 7.674 десятины, т. е. въ среднемъ меньше 2-хъ десятинъ на дворъ или по дроби десятины на душу. Что это за хозяйства? Что могло быть тутъ выдѣлено?..» Частью, конечно, это настоящія хозяйства не съ дробями десятины на душу. Но если вычесть эту часть изъ общей суммы 7.674 десятины, то останется... Видите ли, министерство понуждаетъ губернаторовъ, губернаторы земскихъ начальниковъ, земскіе пишутъ по волостямъ: «Поручаю волостному правленію принять энергичныя мѣры къ наибольшему поступленію заявленій отъ крестьянъ о выходѣ изъ общины, въ противномъ случаѣ, старшина и писарь за бездѣйствіе будутъ привлечены къ отвѣтственности за неразъясненіе крестьянамъ закона» *). Старшинѣ же и писарю «подымать склыку» среди настоящихъ хозяевъ резона нѣтъ. Ну и выручаютъ «бездушные дворы», у которыхъ по тѣмъ или инымъ причинамъ «только всего и земли», что усадьба подъ постройками, да огородикъ, да еще иногда садокъ. На «бездушныхъ» и обрушиваются «энергичныя мѣры»:

*) Этотъ подлинный циркуляръ былъ воспроизведенъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ". Цитирую по „Руси", 30 марта, 1908 г.

— Выдѣляйся, такой-сякой... Потому изъ-за тебя не токмо старшина съ писаремъ, но и вся волость можетъ попасть на замѣчаніе насчетъ политической неблагонадежности.

Да оно и удобно, ибо «усадьбы,—какъ напоминаютъ «Русскія Вѣдомости»,—и прежде были отрубными». И само собою понятно, что численность такихъ «выдѣленій, по замѣчанію той же газеты, годится больше для показа, для подкраски общихъ итоговъ, которые все-таки остаются ничтожными» *). И много бы можно разсказать и комическаго, и трагическаго по поводу этой «подкраски итоговъ». Но оставимъ это. Во всякомъ случаѣ, итоги подкрашены. И г. Лыкошинъ не забылъ подчеркнуть ихъ краснорѣчіе. Однако, онъ не забылъ также промолчать о другомъ явленіи—о стремленіи выдѣлившихся крестьянъ снова «приписаться къ общинѣ». **) Явленіе это должно быть извѣстно товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ, несмотря на всѣ мѣры вразумленія при посредствѣ земскихъ начальниковъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, въ концѣ концовъ, и при томъ незадолго до начала осенней думской сессіи нынѣшняго года, оказалось вынужденнымъ разослать, вслѣдствіе запросовъ съ мѣстъ, особый циркуляръ «для свѣдѣнія и руководства» крестьянскимъ учрежденіямъ.

„Вышедшій изъ общины домохозяинъ,—говорится, между прочимъ, въ этомъ циркулярѣ,—можетъ снова возвратиться къ общинному землевладѣнію лишь по продажѣ обществу крѣпостнымъ порядкомъ укрѣпленной въ личную собственность земли и по полученіи права на участіе въ пользованіи общинною землею по особому приговору, постановленному большинствомъ $^2/_3$ домохозяевъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ“ (Цит. по „Сѣверу“, 25 сентября).

Положимъ, это не столько циркуляръ, сколько законъ, создающій препоны возврату къ общинному землевладѣнію. Но разъ стремленіе къ возврату столь велико, что, наконецъ, даже центральная власть вынуждена принять мѣры и ввести единообразіе, какъ могло случиться, что г. Лыкошинъ продолжаетъ настаивать на умираніи общины естественною смертью? Неужели онъ не знаетъ и не понимаетъ собственныхъ только что подписанныхъ циркуляровъ? Наконецъ, если ужъ г. Лыкошинъ такой врагъ общины и такой сторонникъ хуторскихъ разселеній и отрубныхъ хозяйствъ, почему бы ему не собрать, въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, данныя, полученныя на основаніи опыта? Частичные переходы отъ общины къ подворкѣ происходили задолго до 1906 г. Происходили, между прочимъ, и въ центральныхъ, понынѣ общинныхъ губерніяхъ. И, казалось бы, сторонники указа 9 ноября

*) Цит. по „Саратовскому Листку“, 12 октября.

**) Явленіе это, между прочимъ, особенно замѣтно въ Котельническомъ у. (Вятской губ.), Тетюшскомъ (Казанской), и въ Смоленской губ. (См. „Смоленскій Вѣстн.“, 29 октября).

должны особенно заинтересоваться этими опытами, собрать несокрушимые въ свою пользу аргументы. Но въ томъ-то и странность, что сторонники указа, какъ будто, совершенно не интересуются этими опытами. И что всего страннѣе, ими интересуются какъ разъ противники указа. Въ видѣ примѣра, укажу хотя бы на «Смоленскій Вѣстникъ», который, по его словамъ, собралъ «многочисленныя данныя, полученныя отъ корреспондентовъ съ мѣстъ по всей территоріи первоначальнаго разселенія на хутора». Въ Смоленской губерніи разселенія начались давно по иниціативѣ самихъ крестьянъ. И нынѣ, по словамъ названной газеты, сообщенія корреспондентовъ «почти всѣ по характеру своему удивительно похожи другъ на друга, совпадаютъ во всѣхъ деталяхъ» и рисуютъ результатъ опытовъ вовсе не радужно:

Еще лѣтъ 15 тому назадъ,—разсказываетъ, напр., корреспондентъ изъ Лоинской волости, — крестьяне сосѣднихъ деревень Сельца, Михалева, Марышекъ, Денисова, Малиновки, Лемешекъ и т. д., имѣвшіе сравнительно много надѣльной земли, порѣшили разселиться на ковалки... Дорого крестьянамъ обошлась эта затѣя... Многимъ хуторянамъ ужъ надоѣла волчья жизнь, и они теперь начинаютъ хлопотать о переселеніи въ Сибирь, гдѣ, дескать, земли вволю и селиться можно снова деревнями и общинами. Даже бывшій лоинскій волостной старшина, одинъ изъ иниціаторовъ хуторскаго разселенія, сумѣвшій во время старшинства пріобрѣсти себѣ участокъ земли около 50 десятинъ, и тотъ теперь движется въ Сибирь („Смолен. Вѣст.", 15 октября).

Это общая характеристика результатовъ. Другіе корреспонденты смоленской газеты останавливаются на причинахъ. Причины разныя и много ихъ. И въ общей совокупности онѣ лишь подтверждаютъ установленную истину, что община при данныхъ условіяхъ есть явленіе неизбѣжное и неустранимое. Но я не критику «закона 9 ноября» пишу. Сейчасъ меня больше интересуетъ система явнаго запирательства, фантазированія, сосредоточеннаго незнанія и непониманія, какую избрали не только отдѣльныя лица, въ родѣ гг. Родзянко и Лыкошина, но и все вообще, такъ называемое, «правительственное большинство». Когда имъ говорятъ, напр., о незакономѣрности «указа 9 ноября», когда имъ доказываютъ, что такая мѣра не могла быть принята въ порядкѣ 87 ст., они отвѣчаютъ:

— Но вѣдь эта мѣра по существу ничего новаго не содержитъ. Она лишь повторяетъ общее положеніе 1861 г. и въ частности его ст. 12.

Когда имъ возражаютъ, зачѣмъ же было издавать новый законъ, если онъ ничего новаго не содержитъ и лишь повторяетъ законы старые, они начинаютъ разсуждать о благахъ частной собственности или о чемъ-либо другомъ, столь же не относящемся къ поставленному въ упоръ вопросу. Противники иногда пытаются подойти съ другой стороны. Между прочимъ, 24 октября г. Шингаревъ въ своей думской рѣчи счелъ нужнымъ отвѣтить на обычныя увѣренія, что указъ 9 ноября соотвѣтствуетъ положенію 1861 года:

Въ объяснительной запискѣ—говорилъ онъ—мы все время читаемъ, что указъ имѣетъ цѣлью дополнить и развить ст. 12 положенія... Но... ст. 12 говоритъ: 1) о выдѣлѣ въ собственность крестьянину, который пожелаетъ выдѣлиться, и 2) о правѣ общины откупиться отъ такого выдѣла, разъ общество признаетъ его невозможнымъ. А указъ? Онъ говоритъ о правѣ собственности, но о правѣ общества заступиться молчитъ... Забыли вторую часть (12 статьи) о правѣ общества заплатить выдѣляющемуся деньгами. Это основное начало, дѣйствовавшее 50 лѣтъ, забыто *).

Забыли, забыто,—упрекалъ г. Шингаревъ. Г. Лыкошинъ отвѣтилъ на этотъ упрекъ. Онъ говорилъ, что тутъ «вопросъ чисто-юридическій, что и раньше «каждый домохозяинъ имѣлъ право досрочно выкупать все количество земли, находившееся въ его владѣніи»; говорилъ г. Лыкошинъ и еще кое о чемъ, но о «второй половинѣ 12 статьи» онъ опять забылъ. Позже повторные упреки въ забывчивости заставили таки докладчика земельной коммиссіи г. Шидловскаго вспомнить и высказаться:

По мнѣнію коммиссіи,—заявилъ онъ въ Думѣ 29 октября,—вторая часть (12 статьи) никогда не предоставляла общинѣ дискреціоннаго права допускать отдѣльнаго выдѣла крестьянина, или не допускать. Она давала лишь право обществу, въ случаѣ неудобства выдѣла, указывать на это и протестовать *).

Словомъ, опять-таки вопросъ «юридическій», вопросъ разнаго толкованія законовъ, хотя на мѣстѣ г. Шидловскаго не всякій рѣшился бы «право откупиться деньгами», о которомъ говорили напоминавшіе о 12 статьѣ, замѣнить «дискреціоннымъ правомъ». Проще было бы да и ближе къ дѣйствительности указать, что въ основныхъ положеніяхъ 1861 году есть много и спутаннаго, и неяснаго, и противорѣчиваго, непригоднаго и даже прямо-таки вреднаго для крестьянъ. Положеніе это видоизмѣнялось, урѣзывалось, отражало разныя настроенія правительственныхъ верховъ. И надо думать о томъ, какъ лучше, а вовсе не о томъ, какъ бы не вышло противорѣчія «положенію». Да и самъ по себѣ «вопросъ», затронутый г. Шингаревымъ, важенъ не столько юридически, сколько по существу. Законъ 9 ноября предоставляетъ каждому члену общины закрѣпить лично за собою часть коллективной собственности, находящейся формально или фактически въ пользованіи его семьи. И какъ бы ни было желаніе отдѣльнаго общинника раззорительно для всей общины, какъ бы ни протестовала она, ей не дано права и возможности въ законномъ порядкѣ отстоять свои интересы. Воля одного поставлена выше интересовъ всѣхъ. Въ этомъ смыслѣ авторы указа 9 ноября узаконили одинъ изъ крайнихъ анархическихъ лозунговъ. Это именно внесеніе принципа анархіи въ сферу имущественныхъ отношеній,

*) „Рѣчь", 25 октября.
**) Цит. по отчету „Рѣчи", 30 октября.

въ крестьянскій «міръ», въ господствующую форму крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія. Ради торжества этого анархическаго принципа пришлось однимъ росчеркомъ пера уничтожить право семейной собственности. Ради торжества анархіи указъ замѣнилъ выдѣленіе хозяйства изъ общины укрѣпленіемъ въ собственность надѣльныхъ полосъ; выдѣлить участокъ все-таки нельзя безъ соглашенія съ обществомъ, ну, а «закрѣпить» на бумагѣ клочки, клинки и полоски, разбросанные по всему полю, можно, не выходя изъ канцеляріи земскаго начальника. Пришлось, далѣе, пренебречь правами общинной собственности. Пришлось пренебречь многимъ другимъ. И если бы у насъ не было революціи, если бы указъ 9 ноября появился въ совершенно спокойныя времена,— онъ одинъ заключаетъ въ себѣ достаточно данныхъ для водворенія «неслыханной смуты». Попытка одной рукою сохранять верхи традиціоннаго государственнаго зданія, а другой переустроить низы этого зданія на началахъ анархизма, ничего не можетъ создать, кромѣ столкновенія противорѣчій, кромѣ тяжкихъ потрясеній и поножовщины. Творцамъ закона 9 ноября такъ и было предъявлено обвиненіе, что они именно натравливаютъ въ крестьянствѣ брата на брата.

Предъявлено, между прочимъ, это обвиненіе и съ «думской трибуны»:

— Существенною цѣлью указа 9 ноября — говорилъ, напр., депутатъ Гегечкори, — является стремленіе разбить солидарность крестьянъ... усилить рознь въ ихъ средѣ.

— Законъ (9 ноября),—говорилъ г. Шингаревъ,—несетъ смуту и, разрушая однимъ ударомъ семейную собственность, возстановляетъ отцовъ противъ дѣтей и дѣтей противъ отцовъ *).

Но г.г. Лыкошинъ и Шидловскій, видите ли, не понимаютъ и не замѣчаютъ. Для нихъ это «вопросъ юридическій»... П. Н. Милюковъ въ своей думской рѣчи (5 ноября) настойчиво и категорически подчеркнулъ, что тутъ вопросъ вовсе не юридическій, что дѣло идетъ именно о пусканіи по всей странѣ «зажигательныхъ снарядовъ». Съ отвѣтомъ выступилъ, между прочимъ, кн. Голицынъ (октябристъ). Онъ говорилъ о выборгскомъ воззваніи, о достоинствѣ дворянства, о кадетскомъ іезуитизмѣ, по существу же предмета заявилъ:

„Указъ 9 ноября является необходимымъ дополненіемъ ст. 12 общ. полож. о крестьянахъ, слѣдствіемъ необходимости сдвинуть съ мѣста вопросъ объ эволюціи нашихъ давно... отжившихъ формъ землепользованія“ (Цит. по „Слову“, 6 ноября).

Вы спросите, напр., почему «отжившихъ формъ»? Чѣмъ доказано, что онѣ отжили и даже *давно* отжили? Въ отвѣтъ вамъ предъявятъ

*) Изъ рѣчей, произнесенныхъ въ засѣданіи Думы 24 октября. Цит. по „Рѣчи“, 25 октября.

все тѣ же 45%, которыми оперировалъ г. Гурко, и ту же емелькину статистику... Опровергайте, ссылайтесь на факты, уличайте, доказывайте. «Они» не уязвимы.

И вотъ что еще характерно. К.-д. Шингаревъ почти дифирамбически отнесся къ «воспѣванію благъ частной собственности»: онъ «лично полагаетъ» въ этомъ воспѣваніи «много справедливаго, глубокаго»; онъ «вѣритъ въ силу личной собственности глубоко» *). С.-д. Гегечкори видѣлъ бы въ «установленіи права свободнаго выхода изъ общины на началахъ справедливости шагъ впередъ» **). Г. Родичевъ «думаетъ, что въ настоящее время для русскаго народа необходимо земельное владѣніе, основанное на личномъ правѣ» ***). К.-д. Бабянскій «заявилъ себя сторонникомъ личной земельной собственности» ****). Всѣ они возражаютъ не столько противъ закона 9 ноября, сколько противъ тѣхъ его сторонъ, которыя ведутъ къ междоусобицѣ. Собственно, эти стороны и составляютъ главный, если не единственный, пунктъ разногласія между правовѣрными октябристами, соціалъ-демократами и многими кадетами, поскольку рѣчь идетъ о законѣ 9 ноября. Будь законъ освобожденъ отъ этихъ сторонъ, «думскій центръ» и значительная часть «лѣвыхъ», видимо, могли бы въ предѣлахъ даннаго вопроса придти къ довольно тѣсному единенію. И если понадобилась система запирательства и непониманія, то, именно, для защиты благъ крестьянскаго междоусобія. Это и есть ключъ позиціи, главный редутъ. И чтобъ лучше представить глубину непониманія, какою пришлось для защиты этого основного пункта вооружиться, я позволю себѣ напомнить одну изъ мелкихъ деталей по исторіи вопроса. Мнѣ пришлось выше сказать нѣсколько словъ относительно «обмолвки» предсѣдателя земельной коммиссіи г. Родзянка. Г. Родзянко—давнишній сторонникъ «хуторского разселенія». И, между прочимъ, въ 1901 г. онъ поднялъ этотъ вопросъ въ екатеринославскомъ губернскомъ земствѣ, гдѣ только что начиналъ тогда службу въ должности предсѣдателя управы. Доводы «за хутора» были систематизированы въ докладѣ мѣстнаго агронома. И въ числѣ ихъ былъ и такой аргументъ: крестьянское хозяйство некультурно, а потому продаетъ продукты дешево, т. е. представляетъ опаснаго и непобѣдимаго конкурента хозяйству помѣщичьему, поэтому и надо крестьянъ разселить на хутора и тѣмъ поднять культуру. Въ ту пору столичная печать просто высмѣяла эту аргументацію. Мѣстная вынуждена была отнестись въ серьезъ. Ей пришлось поневолѣ вскрыть, что дѣло собственно не въ культурѣ, а, между прочимъ, въ желаніи путемъ нарочитаго и экстреннаго обезземеленія кресть-

*) „Голосъ Москвы", 25 октября.
**) „Рѣчь", 25 октября.
***) „Слово", 30 октября.
****) Ibid.

янскихъ массъ создать дешевыя рабочія руки. Пришлось также и отмѣтить, что затѣя сразу перейти отъ деревень къ хуторамъ, при всей ея зловредности, крайне утопична вообще, и въ частности въ Екатеринославской губерніи, гдѣ, помимо всего прочаго, разселеніе на хутора связано съ вопросомъ о водѣ, а чтобъ покрыть екатеринославскую степь достаточнымъ числомъ колодцевъ, нужна работа нѣсколькихъ поколѣній. Въ этой старой полемикѣ, между прочимъ, и мнѣ приходилось принимать участіе. Намеками, иносказаніями, насколько было можно, по условіямъ мѣстной цензуры, приходилось коснуться и основного пункта: положимъ, дворянство оскудѣло и наканунѣ банкротства, но предлагаемый выходъ—обезземелить значительную часть крестьянства—вовсе не выходъ: банкротство наступитъ гораздо раньше, чѣмъ удастся деревни и села разметать на хутора.

За 7 лѣтъ, которые прошли со времени этой старой, мѣстной, екатеринославской полемики, много воды утекло. Г. Родзянко за это время успѣлъ половину всѣхъ губерній разселить на хутора; онъ, видимо, и колодцы уже вырылъ, и степи оросилъ, и «культура» у него уже «процвѣтаетъ», и крестьяне его ждутъ, какъ манны небесной, «закона 9 ноября», котораго, впрочемъ, нечего ждать, ибо онъ дѣйствуетъ. Подобно актерамъ, которыхъ нѣкогда наставлялъ Гамлетъ, онъ сумѣлъ переродить самого Ирода. Гг. Лыкошинъ и Шидловскій, надо отдать имъ справедливость, играютъ эту роль, хоть и не важно, но все-таки тоньше. Во всякомъ случаѣ, у г-на Родзанка есть шансы, что средство, о которомъ онъ говорилъ еще въ 1901 г., нынѣ думскимъ большинствомъ будетъ «узаконено». Да если бы въ Думѣ и составилось иное большинство,—о послѣдствіяхъ говорятъ сами депутаты и при томъ открыто, съ «трибуны»: въ случаѣ отклоненія «закона 9 ноября» Дума, какъ ей угрожаютъ, будетъ распущена, и «законъ» все-таки останется закономъ. И снова приходится рѣшать: спасется этимъ средствомъ дворянское землевладѣніе, или не спасется? Успѣютъ они «разселить Россію на хутора» прежде, чѣмъ наступитъ крахъ, или не успѣютъ?

II.

Попробуемъ немножко помечтать. Пока судъ да дѣло, а междоусобица въ крестьянствѣ началась и силою вещей должна углубляться. Это, во всякомъ случаѣ, не шутка. Бывшую надѣльную землицу тѣмъ временемъ скупаютъ, «прибираютъ къ рукамъ» разные ловкіе люди. Много-ли, мало-ли они приберутъ—не такъ ужъ важно. И не такъ ужъ важно,—разселятся они на хутора, или не разселятся. Если не играть роли Ивана, непомнящаго родства, то само собою разумѣется, что первоначально разселеніе на хутора дальше единичныхъ случаевъ, играющихъ ни-

чтожную роль въ общей массѣ, дѣло пойти не можетъ: степь вѣдь сразу не оросишь, дорогъ за одинъ годъ не построишь—это процессъ длительный, на нѣсколько поколѣній. А долго мы ждать не можемъ. Для насъ важнѣе вотъ что:

Въ южныхъ степныхъ губерніяхъ примѣненіе закона 9 ноября вызвало появленіе бездомной и безземельной голытьбы, которую мѣстные жители называютъ шатунами. Шатуны... бродятъ со своимъ скарбомъ по степнымъ дорогамъ въ поискахъ мѣста, гдѣ можно бы приткнуться и начать новую жизнь. Шатуны посылаютъ своихъ женъ и дѣтей по кусочки, или... принимаются грабить осѣдлое населеніе. Тяжелую картину представляютъ эти номады, расположившіеся гдѣ-нибудь за селомъ на выжженномъ пыльномъ выгонѣ. Вокругъ повозокъ съ поднятыми оглоблями, на которыхъ развѣшано тряпье, сидятъ женщины и дѣти, усталыя, съ измученными лицами. Мужчины на всѣ вопросы отвѣчаютъ вяло, лѣниво и равнодушно:

— Куда идемъ? Да кто-жъ его знаетъ. Сказываютъ, будто за Кубанью есть еще какая-то земля («Рѣчь», 30 октября).

Слава Богу, часть крестьянъ уже удалось перевести на цыганское положеніе! И которые люди глупые, тѣ при видѣ этихъ первыхъ вѣстниковъ грядущей побѣды начинаютъ мечтать насчетъ развитія фабрично-заводской отечественной промышленности. Рукъ-то, рукъ свободныхъ, ртовъ-то, ртовъ голодныхъ,—Господи! Сила несмѣтная! Англію изъ Россіи можно сдѣлать. У предпріимчиваго человѣка слюнки должны бы течь. Но слюнки текутъ, именно, у глупыхъ людей. Которые люди умные, тѣ и въ 1901 г. на счетъ развитія отечественной промышленности до размѣровъ, способныхъ поглотить обезземеленныхъ при «хуторскомъ разселеніи», держались скептическаго образа мыслей. А нынѣ говорить о превращеніи Россіи въ Англію или Германію... Нѣтъ, мы будемъ мечтать по-умному, по-хорошему.

«Шатуны», пишетъ «Рѣчь», грабятъ. Но на этотъ счетъ мы съ г. Родзянко можемъ быть спокойны. Теперь у насъ есть союзникъ—то «осѣдлое населеніе», которое прибрало земельку къ рукамъ. То есть, конечно, безъ грабежей, разбоевъ, смертоубійствъ дѣло не обойдется. Но успокойтесь, осѣдлое населеніе шатунамъ потачки не дастъ, и въ концѣ концовъ скрутитъ. «Сказываютъ, будто еще за Кубанью есть какая-то земля»... Ха-ха-ха! Пусть попробуютъ за Кубанью. Пошатаются еще. Побродятъ таборами. А потомъ,—куда-жъ имъ дѣться, если не идти къ пану? Придутъ. И не съ нахальствомъ, а безъ шапки. На колѣни станутъ. Въ ножки поклонятся. Ручку панскую... Что ручку—сапогъ панскій цѣловать будутъ... Оскудѣло дворянство. Инвентаря для хозяйства съ широкимъ размахомъ завести не изъ чего. Да и знаній маловато. Всѣхъ шатуновъ произвести въ батраки не удастся. Да это и не нужно. Это даже лишнее. А мы вотъ какъ: явился шатунъ съ повинной,—сейчасъ ему клочокъ земли:

— Коли тебѣ негдѣ «приткнуться», притыкайся тутъ. Построй

себѣ хату своими средствами. А насчетъ воды—ямку вырой,—дождевую, снѣговую собирай. Не хватитъ,—ручей есть въ 5 верстахъ. Жена твоя не барыня—сходитъ. А потомъ колодецъ вырою. Только договоръ: обрабатывай и кормись, мнѣ плати столько-то въ годъ, а когда я тебя прогоню, постройки, какія ты построишь, мои, и все, что ты сдѣлаешь—мое, и ты не смѣешь ничего портить и ломать—иначе, въ острогъ. Вообще, покуда мнѣ нравишься, будешь жить тутъ. Ну, а станешь прекословить—не прогнѣвайся.

Да, ежели мечтать по-умному да по-хорошому, можетъ еще выйти изъ Россіи въ нѣкоторомъ родѣ Англія. Можетъ выйти такъ, что будетъ г. Родзянко въ родѣ, какъ англійскій лордъ, взимающій, примѣрно, съ ирландскихъ фермеровъ плату за право обрабатывать его землю. И какъ оно славно,—ни хлопотъ, ни огорченій, и все тебѣ равно—дождь-ли, ведро-ли, урожай-ли, голодъ-ли—выколачивай съ фермеровъ плату, и больше никакихъ. Которые люди непонимающіе, тѣ идутъ дальше. Вонъ Марковы и Дорреры непремѣнно хотятъ, что-бы при всемъ этомъ сохранились незыблемыя основы. Оно, конечно, ежели создать фермеровъ при незыблемыхъ основахъ, то выйдетъ гораздо лучше крѣпостного права. Но нельзя желать невозможнаго. Вѣдь, кромѣ фермеровъ, будутъ еще «крѣпкіе собственники-крестьяне», будутъ горожане, будутъ заводскіе и фабричные люди, государственные долги, наконецъ, просто внѣшнія опасности, въ виду которыхъ самое напоминаніе о незыблемыхъ основахъ равносильно намеку на Мукденъ и Цусиму. Нѣтъ, что ни говорите, а «правовой порядокъ» нуженъ. Нуженъ даже съ точки зрѣнія указа 9 ноября... Ибо понимаемъ же мы въ самомъ дѣлѣ, что нельзя насаждать и укрѣплять частную собственность внѣ условій правового строя.

Нѣтъ, нельзя попрежнему жить. Не меншенфрессеры же мы, въ самомъ дѣлѣ, и не головотяпы, наконецъ. Надо, чтобъ, по крайности, гармонія была: ужъ коли лорды и фермеры, такъ, значитъ, невозможно безъ увѣнчанія зданія. Немножко на англійскій манеръ бреемся,—по-англійски и стричься надо. По умному, по хорошему мы будемъ мечтать—ну, примѣрно, такъ, какъ мечталъ еще совсѣмъ недавно «Голосъ Москвы»: это было, когда «вся печать» трубила о «полѣвѣніи» октябристовъ, словно для того, чтобъ вслѣдъ затѣмъ трубить объ ихъ поправѣніи. Всѣхъ мечтаній, конечно, не изложишь. Но кое на какихъ надо остановиться. Я напомню, напримѣръ, что писалъ «Голосъ Москвы» по поводу кіевскаго миссіонерскаго съѣзда, «этого недоразумительнаго собранія, какъ остроумно выразился Н. А. Хомяковъ» *).

Миссіонерскій съѣздъ,—читаемъ въ „Голосѣ Москвы" 22 іюля—принялъ рядъ резолюцій, рѣзко расходящихся съ принципомъ вѣротерпи-

*) „Голосъ Москвы", 30 августа.

мости. Этого совершенно достаточно, чтобы съ увѣренностью сказать, что съѣздъ обрекъ свою дѣятельность на полную безрезультатность. Резолюціи съѣзда не могутъ и не будутъ реализироваться въ русской дѣйствительности... Возставая противъ вѣротерпимости, кіевскій съѣздъ возстаетъ противъ воли правительства, народныхъ представителей и государя императора. Онъ хочетъ опрокинуть всю русскую государственность и поставить надъ нею свою волю... Нужно быть совершенно ослѣпленнымъ фанатизмомъ, чтобы задаваться подобными цѣлями. Нужно быть людьми съ узкимъ, лишеннымъ государственной складки умственнымъ горизонтомъ, чтобы, вмѣсто серьезной работы, устраивать безсмысленныя и ни къ чему не ведущія демонстраціи...

«Нужно быть совершенно ослѣпленнымъ фанатизмомъ»... Эти слова пришлось «Голосу Москвы» повторить въ иной редакціи, когда синодъ, осуществляя постановленія миссіонерскаго съѣзда, выступилъ со своими мѣропріятіями по поводу толстовскаго юбилея. Затѣмъ, когда синодъ запретилъ представленіе уже разрѣшенной «Саломея», такъ какъ эта пьеса затрагиваетъ преданія объ Іоаннѣ Крестителѣ, «Голосъ Москвы» снова протестовалъ противъ «узости религіознаго міровоззрѣнія, граничащаго съ ханжествомъ». Кромѣ того, оказались запрещенными молитвенныя собранія баптистовъ. Наконецъ, и вся программа кіевскаго съѣзда удостоена одобренія высшаго правительства, о чемъ и опубликовано въ установленномъ порядкѣ къ свѣдѣнію и исполненію всѣхъ, кому вѣдать надлежитъ. И органъ октябристовъ, хотя еще и продолжаетъ мечтать о вѣротерпимости, но, съ другой стороны, находитъ, что въ этомъ вопросѣ «логика теоріи» не совпадаетъ съ «логикой жизни», и разумный человѣкъ долженъ различать «религію субъективную», которую каждый можетъ таить про себя, отъ «религіи объективной», сирѣчь оказательства:

Напримѣръ, исповѣданіе православной вѣры, точнѣе, церкви представляетъ... религіозный союзъ, положимъ, въ 60 милліоновъ индивидуальностей... Но... у одного болѣе чистыя и глубокія представленія и понятія... у другого менѣе, одинъ болѣе религіозенъ... другой... только номинально или формально сынъ церкви („Голосъ Москвы", 28 октября).

«Логика жизни» убѣждаетъ насъ, что съ этимъ разнообразіемъ надо мириться, ибо власть проникнуть внутрь каждой индивидуальности не въ силахъ. «Иное дѣло», если начинается оказательство вѣры. Органъ октябристовъ считаетъ совершенно недопустимымъ, напримѣръ, оказательство свободомыслія, внѣцерковности, которую кстати «Голосъ Москвы» пользуясь случаемъ, называетъ «безбожіемъ». Открытаго свободомыслія, объективной «безконфессіональности» власть ни въ коемъ случаѣ допускать не должна. «Безконфессіональность» можетъ быть предметомъ только «субъективной вѣры», но съ тѣмъ необходимымъ условіемъ, чтобы «безцерковный» принадлежалъ, хотя формально и номинально, къ церковному союзу и «добровольно подчинялся общепринятымъ въ этомъ союзѣ нормамъ».

Это новое толкованіе вѣротерпимости можно пояснить примѣромъ. Живетъ, между прочимъ, безцерковный человѣкъ Левъ Толстой. И не только «субъективно безцерковный», но и чинящій оказательства. До сихъ поръ русскіе законы не предусмотрѣли этой «логики жизни». Но погодите,—«партія центра», руководящее большинство Думы напишетъ законъ, по которому «безконфессіонное» состояніе Л. Н. Толстого сумѣетъ стать предметомъ разбирательства, положимъ, особаго присутствія судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей... Такимъ образомъ, уже намѣчены первые пролеты моста отъ мечтаній къ программѣ того самого «собранія», которое хотя и названо «самимъ Н. А. Хомяковымъ» «недоразумительнымъ», но свыше одобрено... Не странно ли,—мечтали мы по умному и по хорошему, а выходитъ совсѣмъ даже наоборотъ. И хуже всего, что у жизни оказывается почему-то не одна, а двѣ «логики».

Съ одной стороны, есть старообрядцы, молокане, баптисты, есть безчисленное множество сектантовъ, есть религіозное броженіе внутри православныхъ. Накапливать раздраженіе и недовольство въ этой средѣ—значитъ, въ нашъ вѣкъ всеобщаго недовольства и раздраженія слишкомъ рисковать. Это значитъ отбрасывать весь инославный и иновѣрный міръ Россіи, со всѣми его возможностями матеріальной и моральной поддержки, въ объятія революціи. Чтобы дѣлать такія стратегическія ошибки, дѣйствительно, нужно обладать «узкимъ умственнымъ горизонтомъ, лишеннымъ государственной складки». А съ другой стороны, тѣ же хотя бы молитвенныя собранія баптистовъ такъ привлекали православныхъ, производили такое впечатлѣніе на «сѣрыя массы», что вѣдь ничего не оставалось дѣлать, какъ запретить. И мнѣ уже приходилось говорить, что не меньшія опасности для синода представляетъ «свобода старообрядцевъ». Логика жизни требуетъ привлечь «расколо-сектантство» къ правительству, или, по крайней мѣрѣ, не усиливать «расколо-сектантствомъ» революцію, страшную своимъ лозунгомъ: «земля». И та же логика жизни заставляетъ принять программу миссіонерскаго съѣзда, ибо иначе церковь растеряетъ стадо и реакція, съ ея лозунгомъ: «помѣщикъ», лишится всей той поддержки, которую оказываетъ православное духовенство. Что тамъ ни говорите, а старообрядческій «попъ» или баптистскій пресвитеръ есть величина народная, и только на православнаго священника можно опереться, какъ на лицо, служащее по назначенію отъ правительства. Какой же логикѣ слѣдовать,—той ли, которая умная, или той, которая «лишена государственной складки»?

Мечталъ «Голосъ Москвы» и о свободѣ печати. Было это совсѣмъ еще недавно, когда даже «Новое Время» писало:

„Никто не скажетъ, что положеніе нашей печати вполнѣ нормально Ежедневные штрафы, достигшіе какого-то эпидемическаго характера...

Правительство, по слухамъ, вноситъ въ Государственную Думу законопроектъ, о печати, болѣе или менѣе суровый" *).

Положимъ, мы и въ разгаръ самыхъ пылкихъ мечтаній вовсе не склонялись отказываться отъ мѣръ обузданія. Но нельзя же не понимать «логику жизни», которая требуетъ, наконецъ, пріобщить Россію къ благамъ умѣренной гласности. Не говоря уже о томъ, что само по себѣ народное представительство требуетъ нѣкоторыхъ облегченныхъ способовъ организаціи благонамѣреннаго общественнаго мнѣнія, нуженъ также и органъ контроля общественнаго. Богъ знаетъ мы до чего дожили! Только и слышишь: тамъ вымогательства, тамъ хищенія, тамъ завѣдомый воръ и атаманъ разбойничьей шайки оказался начальникомъ сыскного отдѣленія... Дошло вѣдь до того, что агенты полиціи на Кавказѣ, какъ недавно открылось, похищали людей и брали за нихъ выкупъ... Нельзя, совершенно нельзя безъ гласности. Но какъ разъ въ то время, когда мы готовились учесть эту логику жизни, со стороны «Россіи» послѣдовалъ окрикъ: «мы не считаемъ «Голосъ Москвы», въ настоящемъ его видѣ, газетою серьезною» **). Одновременно въ провинціи «Голосъ Москвы» сталъ изгоняться изъ народныхъ читаленъ. А затѣмъ и самъ заговорилъ о недопустимости депутатскихъ рѣчей, «возбуждающихъ народныя страсти». То есть, конечно, опасныя рѣчи неустранимы,—ихъ можетъ произнести и правый, и лѣвый. Кромѣ того, много значитъ разнообразіе мѣстныхъ условій. Самъ г. Гучковъ при сужденіяхъ, напр., о генералѣ Думбадзе можетъ сказать нѣчто, безразличное для Москвы, но весьма опасное, «возбуждающее народныя страсти» въ Ялтѣ. И, ставъ на эту точку зрѣнія, можно найти только одинъ выходъ,—ввести цензуру для произнесенныхъ въ Думѣ рѣчей,—какъ общую, такъ и мѣстную. По крайней мѣрѣ, посылка, диктующая этотъ единственно возможный выводъ, уже признана. Получается абсурдъ. Но въ немъ опять-таки есть своеобразная логика жизни.

Вонъ въ Германіи по случаю непріятныхъ разговоровъ Вильгельма II поднялся шумъ. Много весьма горькаго и непріятнаго для императора наговорилъ рейхстагъ, въ газетахъ дошло дѣло до требованія отречься отъ престола. Устраивались митинги,—между прочимъ, завѣдомыми республиканцами, соціалъ-демократами. И никому какъ-то въ голову не приходило, что изъ этого можетъ вырасти насильственное ниспроверженіе существующаго строя. Политическій строй Германіи весьма далекъ отъ совершенства. И все таки тамъ на столько обезпечены легальные способы отстаивать свои мнѣнія и свои интересы, что насильственными потрясеніями шумъ—и митинговый, и газетный, и парламентскій—не угрожалъ. Императоръ переживетъ нѣсколько болѣе или менѣе

*) Цит. по «Сѣверу», 31 августа.

**) Цитирую по „Кіевской Мысли" 3 октября.

непріятныхъ минутъ, получитъ хорошій урокъ напредки,—вотъ и все. Ну, а въ Россіи сейчасъ можно обезпечить легальные способы отстаивать свои интересы и мнѣнія?

Будемте откровенны,—если вы сейчасъ предоставите крестьянамъ легальные способы отстаивать ихъ крестьянскій интересъ, ихъ крестьянское право,—вамъ прежде всего не удастся провести въ жизнь законъ 9 ноября, вашу едва ли не единственную въ данный моментъ надежду на лучшее будущее. Но оставимъ законъ, ибо онъ, въ концѣ-то концовъ, лишь деталь. 31 октября въ Думѣ П. Н. Милюковъ въ своей рѣчи цитировалъ нѣкоего «дворянскаго публициста Елишева»:

При современномъ—говоритъ этотъ публицистъ—господствѣ эгалитарныхъ идей крѣпость государственнаго самодержавнаго строенія неизбѣжно требуетъ, чтобы правительство имѣло себѣ твердую опору въ высшемъ сословіи, дворянскомъ. И эта задача его—быть политической опорой самодержавнаго—правительства—едва ли не должна быть въ наше время поставлена на первое мѣсто („Рѣчь", 1 ноября).

Правые и октябристы встрѣтили эту цитату возгласами: «правильно». И воистину,—правильно. Дѣйствительно, сейчасъ это не только естественная, но и единственная соціальная опора даннаго направленія правительственной политики. Синодъ, департаментъ полиціи, армія чиновниковъ,—не опора. Это оружіе, послушное направляющей рукѣ. Въ 1905 г. синодъ писалъ хотя и двусмысленное, но въ общемъ одобрительное посланіе манифесту 17 октября. А нынѣ, наравнѣ съ другими вѣдомствами, принималъ мѣры, чтобы третья годовщина манифеста не была ознаменована какими-либо неумѣстными празднествами или воспоминаніями. Настоящая, соціальная опора—дворянство. Но какая же это опора? Опора капиталистическаго строя Западной Европы—буржуазія. И въ рукахъ западно-европейскаго владыки страшные капиталы, орудія производства, пути и средства сообщенія, національный кредитъ. Онъ владыка и законодатель, ибо въ его рукахъ колоссальная экономическая мощь. Но что въ рукахъ нашего дворянства? До 1861 года оно жило крѣпостнымъ правомъ, изъ года въ годъ «оскудѣвая». Къ моменту освобожденія крестьянъ $^2/_3$ крѣпостныхъ ревизскихъ душъ находились уже въ залогѣ, и на помѣщичьей землѣ оказался долгъ въ 425 милліоновъ рублей *). Послѣ 1861 г. дворянство жило, помимо доходовъ земли, за счетъ выкупныхъ платежей, безконечныхъ воспомоществованій изъ государственнаго казначейства, и тѣмъ не менѣе потеряло почти половину своихъ земель, а другую заложило и перезаложило. Сейчасъ наша опора сидитъ въ долговой ямѣ, а вмѣстѣ съ опорою сидимъ и мы. За послѣднее время то и дѣло приходится читать въ газетахъ извѣстія о массовомъ назначеніи дворянскимъ банкомъ земель къ продажѣ.

*) См. сборникъ: „Борьба за землю", стр. 244—245.

«Симбирскъ. Дворянскій банкъ назначилъ въ продажу за неуплату недоимокъ 197 имѣній» — сообщалъ, напр., «Голосъ Москвы» 28 октября. Читатель мало интересуется этими цифрами, въ увѣренности, основанной на многолѣтнемъ опытѣ:

— Не продадутъ. Отсрочатъ. Дадутъ поблажку. Сколько лѣтъ попустительствовали, ну, и впредь будутъ также.

Поблажки, попустительство... Есть, однако, и необходимость. Если сейчасъ начать серьезно безъ поблажекъ и попустительствъ взыскивать съ дворянства долги, если безъ фальши выбросить на аукціонный рынокъ милліоны десятинъ,—что станетъ съ нашими искусственно вздутыми земельными цѣнами, къ которымъ, однако, приноровленъ нынѣшній ипотечный кредитъ. Только благодаря поблажкамъ и попустительствамъ, мы и спасаемся отъ потрясенія кредитныхъ цѣнностей,—конечно, не только ипотечныхъ. Дворянство такъ сумѣло залѣзть въ долги, что его даже нельзя продать съ аукціона. И для кредитора, каковымъ является по преимуществу государственное казначейство, есть единственный выходъ—обратить имущество должника на себя, въ общегосударственный земельный фондъ. Страшный вопросъ о принудительномъ отчужденіи въ значительной части сводится къ безпопустительному взысканію съ дворянства по долговымъ обязательствамъ. И криками «принудительное отчужденіе недопустимо» въ значительной части маскируется мысль:

— Недопустимо, чтобы съ насъ взыскивали долгъ. Недопустимо, чтобъ были прекращены поблажки, попустительства, воспособленія государственнаго казначейства, и все прочее, что мы привыкли получать и безъ чего мы не можемъ жить.

«Руководящему большинству» 3 Думы многое понятно въ этой дворянской трагедіи. И не даромъ изобрѣтенъ проектъ такъ уничтожить земскихъ начальниковъ, чтобы они сохранились подъ названіемъ участковыхъ коммиссаровъ. Положеніе, дѣйствительно, столь безвыходно, что даже земскихъ начальниковъ нельзя упразднить, ибо если дворянское землевладѣніе лишится поддержки и помощи, какую оказываетъ ему эта «близкая къ народу» и надѣленная сверхъестественными полномочіями власть, подписавшіе вторую закладную будутъ окончательно ввергнуты въ пучину бѣдствій, остальнымъ придется подписывать новыя закладныя и ближе подойти къ пропасти, изъ коей нѣтъ возврата... По старой памяти, мы со словомъ: «опора» связываемъ представленіе о чемъ-то такомъ, что само по себѣ могущественно, обладаетъ самостоятельною силою, чтобы всему государству диктовать свою волю. Но, въ сущности, это миражъ. У нашей опоры нѣтъ ничего, кромѣ фактическаго обладанія обще-государственными рессурсами, и при первомъ толчкѣ, который вышибетъ это оружіе изъ ея рукъ, удѣлъ «опоры»—умереть съ голоду подъ заборомъ.

Недавно въ газетахъ разсказывалось характерное дѣло о не-

доимкахъ кн. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго. Этотъ князь накопилъ недоимокъ по окладнымъ листамъ уфимской уѣздной земской управы около 128.000 р., да въ Златоустовскомъ уѣздѣ за нимъ числится «не менѣе значительная» сумма. И вотъ земская управа захотѣла, наконецъ, найти легальные способы получить съ князя причитающійся ей долгъ. Послѣ долгихъ хлопотъ земства, законное содѣйствіе рѣшился было оказать златоустовскій исправникъ. Онъ приступилъ уже къ описи княжескаго имущества. Но вмѣшался губернаторъ и приказалъ прекратить взысканіе «до полученія особыхъ распоряженій». Земство обратилось къ губернатору, — отвѣта не послѣдовало. Земство обратилось къ министру внутреннихъ дѣлъ,—министръ промолчалъ. Земство постановило «о назначеніи къ продажѣ въ уплату недоимокъ нѣкоторыхъ принадлежащихъ князю пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій, нынѣ находящихся въ арендномъ пользованіи горнозаводскихъ крестьянъ». Министръ внутреннихъ дѣлъ приказалъ,—пріостановить. Тогда земство послало въ Петербургъ уполномоченное лицо для «ходатайства передъ центральнымъ правительствомъ» о соблюденіи нынѣ дѣйствующаго закона относительно взысканія недоимокъ. «Успѣха и это ходатайство не имѣло» *).

«Легальные способы»... «Правопорядокъ». Объ этихъ вещахъ хорошо говорить западно-европейскому буржуа. Для князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ «правопорядокъ» означаетъ взысканіе недоимокъ, распродажу имущества и подведеніе итоговъ. При наличности правопорядка и легальныхъ способовъ, «оскудѣвшіе» погибнутъ гораздо раньше, чѣмъ народится съ помощью закона 9 ноября «сословіе фермерское», долженствующее ихъ спасти. То есть оно не доказано, спасетъ ли насъ «фермерское сословіе». Но это послѣдняя надежда, послѣдняя ставка, послѣдній козырь въ игрѣ. Теперь у насъ, вмѣсто права, порядка и легальности обострился режимъ административной предпріимчивости и административной виртуозности. И отъ этого режима ни на одну іоту нельзя «опорѣ» отказаться, пока не завершенъ процессъ образованія «фермеровъ», предположенный закономъ 9 ноября. Затѣмъ ни на одну іоту нельзя отступить, пока опора не расплатится съ долгами, пока она не окрѣпнетъ на столько, что существованіе правопорядка не будетъ угрожать ей смертью. На такое сословное возрожденіе, если бы оно вообще было возможно, требуется много десятковъ лѣтъ, а можетъ быть, и столѣтія. Но оно, увы!—невозможно. И остается одинъ выходъ: сохранить, елико возможно дольше, существующій порядокъ вещей, съ его чрезвычайными охранами, ссылками, висѣлицами, съ военными и щегловитовскими судами, съ его безтолочью, безнадежностью, съ его беззаконіемъ, возведеннымъ въ законъ, съ упраздненіемъ возможности легальнымъ способомъ отстаивать гра-

*) „Рѣчь". 1 ноября.

жданскіе права и интересы, съ пресѣченіемъ всего того, что ведетъ къ организаціи, къ сплоченію и объединенію общественныхъ силъ. Мы не можемъ допустить ни собраній, ни обществъ, ни союзовъ, ни свободной печати, ибо все это сплачиваетъ и объединяетъ людей. Мы должны убивать и раздроблять всякій зародышъ организаціи, интересы которой противоположны интересамъ «опоры». «Опора» ежеминутно должна помнить, что малѣйшее повышеніе общественной волны угрожаетъ требованіемъ уплатить долги, а это равносильно смерти, или хотя бы только сокращеніемъ льготъ и воспособленій, что, впрочемъ, также равносильно смерти. Этотъ жестокій моментъ долженъ рано или поздно наступить. И вся задача «успокоительной политики» состоитъ въ томъ, чтобы онъ наступилъ возможно позднѣе. Такова «логика» жизни.

III.

Когда октябристы начинаютъ вслухъ мечтать о представительномъ строѣ и прочихъ хорошихъ вещахъ, и въ печати, да и просто у обывателя невольно срываются замѣчанія вовсе не лестнаго свойства:

— Полно, дескать, зубы-то заговаривать.

И надо правду сказать, искусство это—заговаривать зубы—не вовсе чуждо «руководящему думскому большинству» и его тоже «руководящимъ» органамъ. Упреки въ двоедушіи, въ лицемѣріи, во всякомъ случаѣ, октябристами заслужены. Но едва ли все тутъ можно свести къ лицемѣрію. Полагаю, простыми укоризнами въ лицемѣріи и двоедушіи не объяснить непрестаннаго октябристкаго «полѣвѣнія», сопровождаемаго непрестаннымъ «поправѣніемъ».

Существуетъ дополнительное объясненіе, что октябристы — конгломератъ разнородныхъ политическихъ взглядовъ и настроеній. Не разъ предсказывали даже, что эта «случайная группа» вотъ-вотъ разсыплется на составныя части. Не разъ были газетныя статьи по случаю не только возможныхъ, но и чаемыхъ перегруппировокъ въ 3 Думѣ. Однако, Саулы, прорицавшіе это, пока не заслужили званія пророковъ. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, октябристы дѣйствовали и дѣйствуютъ вполнѣ сплоченно, какъ люди, достаточно единодушно познавшіе, какихъ имъ раковъ надо ловить, и гдѣ оные раки зимуютъ. Пока удалось лишь подмѣтить въ ихъ средѣ чисто словесныя разногласія,—такъ сказать, разныя манеры мечтанія. Одни изъ нихъ, дѣйствительно, мечтаютъ по-умному, другіе по-Пуришкевичу. Но и тѣ, и другіе не обнаруживаютъ постоянства. Одни и тѣ же лица нынче впадаютъ въ либерализмъ, такъ что самъ г. Родзянко не можетъ отличить себя отъ г. Маклакова, завтра тотъ же г. Родзянко не знаетъ, чѣмъ онъ, собственно, разнится отъ г. Дубровина. При упорномъ постоян-

ствѣ поступковъ мы имѣемъ дѣло съ чрезвычайною измѣнчивостью мечтаній. И обусловлена эта измѣнчивость, мнѣ кажется, не только криводушіемъ центра, но и нѣкоторыми болѣе общими причинами.

«Логика жизни», требующая, чтобы въ Россіи былъ сохраненъ режимъ административнаго вдохновенія, конечно, непреложна. Но вѣдь непреложна и другая «логика жизни», которую, между прочимъ, недавно счелъ долгомъ подчеркнуть во «всеподданнѣйшей телеграммѣ» по случаю «знаменательнаго дня 17 октября» челябинскій биржевой комитетъ:

Неуклонное проведеніе въ жизнь страны, напоминаетъ эта телеграмма, возвѣщенной съ высоты престола три года назадъ конституціи, какъ основы законности и незыблемыхъ правъ гражданъ, послужитъ къ экономическому развитію нашей дорогой родины, росту ея производительныхъ силъ, выведетъ промышленность и торговлю изъ того упадочнаго состоянія, въ какомъ она теперь находится *).

Увы! помимо всѣхъ прочихъ невзгодъ, торгово-промышленная фронда, было стихнувшая, одно время частично примирившаяся съ программою объединеннаго дворянства, теперь начинаетъ подымать голову. Она напоминаетъ центру о необходимости платить по выданнымъ три года назадъ обязательствамъ. Она напоминаетъ «опорѣ» объ «оффиціально-установленномъ министерствомъ финансовъ» «фактѣ болѣе высокаго подесятиннаго обложенія земскими сборами крестьянскихъ надѣльныхъ земель по сравненію съ частновладѣльческими»; она колетъ «опорѣ» глаза «искусственными пріемами расцѣнки, благодаря которымъ высшія по цѣнѣ угодья оказываются наиболѣе распространенными въ составѣ надѣльныхъ земель, и обратно—угодья, занимающія значительную площадь въ частномъ землевладѣніи, бываютъ расцѣниваемы ниже». Она требуетъ, во имя «элементарной справедливости», измѣнить земскую избирательную систему въ томъ направленіи, чтобы въ мѣстныхъ учрежденіяхъ получили надлежащее и справедливое представительство всѣ группы плательщиковъ, прекратить «преобладаніе... сословныхъ интересовъ землевладѣнія» **).

— Не угодно ли, въ самомъ дѣлѣ, оскудѣвшимъ и обанкротившимся занять въ государственномъ обиходѣ мѣсто, подобающее банкроту...

Торгово-промышленную фронду можно бы, конечно, успокоить какимъ-либо экстреннымъ покровительствомъ отечественной промышленности. «Бабы суютъ дѣтямъ соску, чтобы ротъ заткнуть». Но состояніе государственныхъ финансовъ таково, что о сооруженіи экстренныхъ сосокъ и думать нельзя. Правда, у «Голоса Москвы» «невольно напрашивается вопросъ»: нельзя ли сократить численность дѣйствующей арміи, употребивъ освободившуюся часть

*) „Саратовскій Листокъ", 21 октября.
**) „Промышленность и Торговля", 1 октября, стр. 331.

военнаго бюджета на постройку новыхъ и, главнымъ образомъ, стратегическихъ путей сообщенія?.. *). Дѣйствительно, для «желѣзодательныхъ», напримѣръ, дѣтей это была бы хорошая соска. Но казармовладѣльцы и армейскіе поставщики подняли бы крикъ. Да и вообще этотъ вопросъ чреватъ всякаго рода опасностями, наипаче же политическими, ибо сокращать дѣйствующую армію въ моментъ напряженной борьбы съ внутренними врагами для опоры, по меньшей мѣрѣ, рискованно. Органъ такъ называемаго «совѣта съѣздовъ» предлагаетъ изготовить соску другимъ способомъ,—облегчить, елико возможно, «торговопромышленный классъ» отъ налоговъ: для этого «остается, дѣйствительно, единственное при данныхъ условіяхъ средство,—это использованіе казной питейныхъ силъ крестьянства, не взирая на всѣ послѣдствія подобной финансовой системы» **). «Приблизить» еще болѣе водку къ населенію и населеніе къ водкѣ и поднять на нее цѣны... Но этотъ проектъ сама «Промышленность и Торговля» сопровождаетъ саркастическими оговорками и замѣчаніями, что никакими другими рессурсами наша опора, «при данныхъ условіяхъ», не располагаетъ. Средствъ заткнуть ротъ торговопромышленной фрондѣ новыми сосками пока не найдено. И нѣтъ надежды найти. А такъ какъ старыя соски все болѣе и болѣе истощаются, то фронда, по всѣмъ видимостямъ, должна возрастать до опасныхъ размѣровъ.. Купецъ до послѣдняго времени былъ единственною, хотя и не безкорыстною, но не состоящею на прямой службѣ у правительства, общественною силою, которая въ борьбѣ между опорою и мужикомъ соблюдала дружественный опорѣ нейтралитетъ. Но есть еще нейтралитетъ враждебный. Мыслимъ и прямой переходъ нейтральной среды на сторону врага. Купцу тожъ нѣтъ резона долго терпѣть «упадочное состояніе» только потому, что баринъ желаетъ, во что бы то ни стало, увильнуть отъ уплаты долговъ. Купецъ тожъ, въ случаѣ чего, можетъ крикнуть:

— Коли задолжалъ, такъ плати. Денегъ нѣтъ—землю давай.

Впрочемъ, противъ купца, если бы онъ вздумалъ прекословить опорѣ, штыкъ столь же дѣйствительное средство, какъ и противъ мужика. Въ концѣ концовъ, въ нашей внутренней политикѣ это самый высшій и самый неотразимый аргументъ. Но и въ немъ есть нѣчто, внушающее тревогу. Не даромъ «Голосу Москвы» кажется, «что послѣ... слѣпой небывалой войны, годины горькихъ бѣдствій, лишеній... послѣ досаднаго разочарованія и тяжелаго народнаго напряженія, прежде чѣмъ начать какія-либо другія преобразованія и реформы въ нашемъ военномъ вѣдомствѣ, надо... во что бы то ни стало, разработать вопросъ офицерскій». «Офицеры это—устои! восклицаетъ газета.—Въ арміи офицеръ—все!»

**) „Голосъ Москвы“, 28 октября.

**) „Промышленность и Торговля“, 1 сент., стр. 225.

«Офицерскій вопросъ», впрочемъ, на первый взглядъ, представляется органу октябристовъ въ довольно-таки элементарномъ видѣ:

Ни для кого не секретъ,—пишетъ онъ,—что офицеры, и особенно молодые, бѣгутъ изъ армiи, 14% личнаго (низшаго) состава не хватаетъ, оставшіеся 86% только и жили долгожданнымъ, волшебнымъ январемъ 1909 г... и вотъ вмѣсто новогодняго *заслуженнаго и обѣщаннаго подарка*—ужасный проектъ министерства финансовъ (Курсивъ мой,—*А. П.*).

Дѣло, видите-ли, въ томъ, что хотя съ 1909 г. и предположено увеличить жалованье офицеровъ, но въ болѣе скромномъ размѣрѣ, чѣмъ ожидалось:

Проектъ министерства финансовъ объ увеличенiи офицерскаго содержанія самымъ настойчивымъ, рѣшительнымъ образомъ протестуетъ противъ ассигнованія на нужды командного состава арміи 30 милліоновъ. Всѣ предложенія военнаго вѣдомства: лагерныя и суточныя деньги, отпуски на пособія, особыя суммы для кончающихъ училища офицеровъ, суммы на обзаведеніе необходимымъ имуществомъ и пр.,—отвергнуты. Въ своемъ неудержимомъ урѣзываніи составители проекта пошли такъ далеко, что лишили даже подпоручиковъ прибавки...

...Какъ обидно, грустно, больно и какъ сжимается сердце нашего военнаго общества, ожидающаго такъ долго серьезныхъ мѣръ... И какъ тяжело и горько чувствовать, что армію забываютъ, не вѣрятъ ея острому офицерскому кризису *)...

Въ такой постановкѣ «офицерскій вопросъ» сводится къ ассигнованію 30 милліоновъ руб., которое «Голосъ Москвы» странно называетъ «подаркомъ» и при томъ «новогоднимъ», «заслуженнымъ» (чѣмъ?) «обѣщаннымъ» (за что?). Съ точки зрѣнія самой «партіи центра» было бы, мнѣ кажется, умѣстнѣе замѣнить слово: «подарокъ», полное намековъ, болѣе дѣловымъ терминомъ: «улучшеніе матеріальнаго быта». Правда, при дѣловой постановкѣ «офицерскій вопросъ» приходится разсматривать, какъ деталь болѣе общаго вопроса о содержаніи лицъ (военныхъ и гражданскихъ), служащихъ по назначенію отъ правительства. «За ничтожное, грошевое, почти нищенское,—плачетъ «Голосъ Москвы»,—жалованье служатъ офицеры... въ дикихъ, глухихъ, безпросвѣтныхъ, медвѣжьихъ углахъ»... Однако, за еще болѣе «ничтожное, грошевое, нищенское жалованье» въ тѣхъ же «медвѣжьихъ углахъ» служатъ учителя, судебные, полицейскіе и многіе иные чины, не имѣя при этомъ права на очень существенныя натуральныя пособія, въ родѣ, напр., «казенной прислуги» и льготнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. Но, допустимъ, именно ради удобства, чтобъ не затрагивать общаго вопроса, взято слово: «подарокъ». Допустимъ, это именно «подарокъ», «новогодній», «обѣщанный», такъ сказать, за особыя заслуги и не въ примѣръ прочимъ. Допустимъ, именно потому, что «въ долгожданномъ, волшебномъ январѣ» не будетъ получено *обѣщаннаго*, «обидно, грустно, больно... сжимается сердце

*) „Голосъ Москвы", 8 октября.

военнаго общества». Но вѣдь надо полагать, не менѣе «обидно, грустно, больно» сжималось сердце г. Коковцова, что вотъ 30 милліоновъ «обѣщаны», «заслужены», а онъ нынужденъ «рѣшительнымъ образомъ протестовать». Передъ нами, очевидно, вопросъ не столько офицерскій, сколько финансовый: состояніе государственнаго казначейства не позволяетъ «подарить» «командному элементу арміи» обѣщанныя и заслуженныя деньги. Это «ужасно». Если такъ дальше идти, то придется-таки осуществлять проектъ «Голоса Москвы» о сокращеніи арміи, и не ради постройки стратегическихъ горогъ, а просто въ цѣляхъ увеличенія офицерскаго жалованья. По крайней мѣрѣ, сами офицеры пишутъ,—между прочимъ, и въ «Голосѣ Москвы»,—что предположенное увеличеніе жалованья, по ихъ мнѣнію, недостаточно. Необходимо больше. Въ предупрежденіе недовольства, необходимость эту надо, конечно, удовлетворить. Есть и еще необходимости. Ихъ перечисляетъ, между прочимъ, «Новое Время» (№ 11727, 3 ноября).

1) Необходимо рѣшительно, въ законодательномъ порядкѣ, установить незыблемое правило: никакіе вычеты изъ жалованья,—ни казенные *), ни частные, ни товарищескіе не допускаются.

2) Расходы по содержанію библіотекъ, разныхъ полковыхъ спортивныхъ призовъ, офицерскихъ клубовъ... включительно до скромнаго общаго стола въ теченіе всего лагернаго періода слѣдуетъ отнести насчетъ казны.

3) Нельзя пройти молчаніемъ одного обстоятельства, также угнетающе дѣйствующаго на офицеровъ. Дѣло идетъ о стоянкахъ... у чорта на куличкахъ. Стратегическое положеніе не остается неизмѣннымъ... Въ виду того, что новое распредѣленіе войскъ не за горами, очень желательно обратить вниманіе на удовлетвореніе... запроса офицерства въ лучшемъ ихъ (войскъ?) расквартированіи.

4) Семейныхъ офицеровъ слѣдуетъ поддержать, главнымъ образомъ, въ лицѣ ихъ дѣтей... Устройство подготовительныхъ пансіоновъ... съ филіальными отдѣленіями... Устройство дѣтскихъ садовъ... Возможность воспитать не только сыновей, но и дочерей казенными пансіонерками...

Офицерскій вопросъ, такимъ образомъ, развертывается въ цѣлую экономическую программу. Въ такомъ видѣ онъ все еще остается вопросомъ, по преимуществу, финансовымъ, хотя уже очевидно, что «обѣщаннаго подарка» въ 30 милліоновъ рублей слишкомъ недостаточно. Какъ водится въ Россіи, каждая такая программа, кромѣ пунктовъ экономическихъ, должна содержать «вѣжливое обращеніе». Есть, оказывается, «вѣжливое обращеніе» и въ «офицерскомъ вопросѣ».

По отношенію къ подчиненнымъ,—читаемъ въ томъ же № „Новаго Времени",—начальники старыхъ традицій считаютъ нужнымъ держать себя въ позиціи „остерегайтесь взрыва". Накричать, оборвать передъ фронтомъ, посадить на гауптвахту за малѣйшее упущеніе. Однимъ словомъ, надѣлать шуму и грому... У офицера сложились свои идеалы ры-

*) Рѣчь идетъ, повидимому, и о пенсіонныхъ вычетахъ.

царскаго служенія. И вдругъ этого рыцаря начинаютъ пушить, унижать, и нерѣдко передъ его же подчиненными...

Программа, развернутая «Новымъ Временемъ», скорѣе смягчаетъ, чѣмъ преувеличиваетъ излагаемое офицерами въ спеціальной военной печати, но, во всякомъ случаѣ, развернута широко. Однако и въ такомъ видѣ она «офицерскаго вопроса» не исчерпываетъ. Изъ цѣлаго ряда судебныхъ офицерскихъ процессовъ мы знаемъ, напримѣръ, что часть «командного состава арміи» за послѣдніе 3 года такъ или иначе оставила службу по причинамъ политической неблагонадежности. Далѣе мы знаемъ, что пришлось установить чрезвычайное наблюденіе за образомъ мыслей какъ низшихъ чиновъ, такъ и командного состава. И если, съ одной стороны, это создало рядъ сверхъобычныхъ неудобствъ для каждаго нижняго чина, то, съ другой стороны, даже въ газеты проникли извѣстія обратнаго порядка,—объ офицерахъ, пострадавшихъ по доносамъ того или иного юркаго солдатика. И оказывается, каждый юркій солдатикъ можетъ сдѣлать это довольно просто,—стоитъ лишь сблизиться съ мѣстными «союзниками» и, при случаѣ, пошептать имъ на ухо... Создалась, словомъ, въ армейскомъ быту особая атмосфера, достаточно отравленная постоянною опасностью полицейскаго сыска и политическаго доноса. И когда намъ говорятъ: «офицеры бѣгутъ», «въ арміи некомплектъ», то мы плохо вѣримъ, что это обстоятельство вполнѣ объясняется скуднымъ жалованьемъ. Помимо сыска и доноса, кое что значитъ и новое пониманіе цѣлей военной службы, не совсѣмъ согласное съ пониманіемъ традиціоннымъ. По воинскому уставу, есть два «врага»—внѣшній и внутренній. И традиціонное пониманіе сосредоточивалось, главнымъ образомъ, на словѣ «внѣшній»; главное и основное назначеніе вооруженной силы полагалось именно въ защитѣ государства отъ внѣшнихъ невзгодъ. И вотъ уже 4 года центръ тяжести оффиціально и безповоротно перенесенъ на врага внутренняго. «Войска въ Россіи—какъ формулировалъ это новое пониманіе воинскаго устава П. Н. Милюковъ въ Государственной Думѣ—не для внѣшней войны, а для усмиренія смуты». Думская правая криками: «правильно» *), подтвердила, что находитъ эту формулировку достаточно точной и вполнѣ пріемлемой. Но такую пертурбацію въ понятіяхъ о назначеніи арміи, очевидно, не всѣ могли вынести. Неприспособленные къ столь обнаженному порядку вещей стали «убѣгать». И если говорить откровенно, не лицемѣря, то въ «бѣгствѣ офицеровъ» для «Новаго Времени» и для «Голоса Москвы» есть своя отрадная сторона.

Убѣжали традиціонно мыслившіе о назначеніе военной силы? Убѣжали не приспособленные къ несенію полицейской, усмирительной службы? И отлично. Скатертью имъ дорога. Согласитесь, намъ нужны не мечтатели, а люди дѣла. Убѣгаютъ слабогрудые и

*) „Слово", 6 ноября.

слабонервные господа, которые, видите ли, не могутъ дышать въ «атмосферѣ полицейскаго сыска и политическаго доноса»? И прекрасно. Значитъ, командный составъ арміи очищается отъ элементовъ сомнительныхъ. Значитъ, въ немъ остаются именно «приспособленные». Но вотъ приспособленныхъ не хватаетъ; образовался «некомплектъ». И одновременно настойчиво стали заявлять о себѣ растущія нужды и потребности въ комфортѣ. Тутъ многое, конечно, объясняется сильнымъ повышеніемъ цѣнъ на предметы первой необходимости. Но все ли объясняется этимъ? Потребности, во всякомъ случаѣ, растутъ, и Богу одному вѣдомо, до какихъ предѣловъ вырастутъ. Будь приспособленныхъ больше, чѣмъ нужно, ростъ потребностей и нуждъ регулировался бы въ порядкѣ спроса и предложенія. На гражданскихъ поприщахъ дѣятельности росту противополагается локаутъ, прекращеніе предпріятія, сила. Къ командному элементу арміи эти средства, конечно, не примѣнимы. Остается, слѣдовательно, надежда на благоразуміе офицерской среды, на ея, такъ сказать, внутреннее убѣжденіе, что потребности не могутъ расти свыше мѣры, и что заявленіе о нихъ нельзя облекать въ форму, угрожающую потрясеніями.

За неимѣніемъ другихъ рессурсовъ, можно бы успокоиться ссылками на благоразуміе и внутреннее убѣжденіе. Но въ «офицерскомъ вопросѣ» есть и еще одна сторона. По выраженію г. Меньшикова, «наша разстроенная армія связана смутою». И это ставитъ офицера въ положеніе совершенно исключительное. Отъ «смуты», отъ населенія, пораженнаго крамолой, онъ получаетъ человѣческій матеріалъ, изъ котораго составляются роты, батальоны, полки. И противъ «смуты» же онъ этотъ матеріалъ направляетъ. Въ этомъ смыслѣ, въ нашей арміи, дѣйствительно, «офицеръ— все». И съ этой точки зрѣнія пріобрѣтаютъ особенно жуткій смыслъ такіе факты, какъ стрѣльба на маневрахъ по командирамъ (напомню, хотя бы, недавнее пораненіе генерала Мищенка). Внутренняя жизнь арміи сокрыта отъ насъ. Разсказы очевидцевъ, что на японской войнѣ не мало русскихъ офицеровъ погибло отъ руки собственныхъ солдатъ, слишкомъ трудно провѣрить и можно по разному объяснять. Разсказы о нынѣшнихъ неладахъ между офицерами и солдатами тоже случайны, глухи. Факты безспорные, недвусмысленные, какъ стрѣльба по штабу г. Мищенка во время маневровъ, до насъ доходятъ въ изложеніи, ужъ слишкомъ оффиціальномъ, не затрагивающемъ ни причинъ, ни поводовъ. Очевидно лишь, что между офицерствомъ и солдатами есть что-то неблагополучное. И сохранять безусловную увѣренность, что человѣческій матеріалъ, полученный отъ смуты, дѣйствительно, превращается въ гибкое и послушное орудіе командного состава, не такъ-то легко. А съ другой стороны, не вполнѣ успокоительная позиція командного состава и относительно обывателя.

Положимъ, въ этой позиціи искони было нѣчто, не всегда

удобное. Еще щедринскій «отставной военный» Рогожкинъ съ упоеніемъ воспоминалъ, какія они «въ полку свои удовольствія имѣли». И на возраженіе: «Ну, какія удовольствія! Чай, кошку на улицѣ зашибить»—съ горячностью отвѣтилъ:

— Нѣтъ-съ, не кошку зашибить, а тоже жидовъ собаками травливали-съ... Капитанъ Полосухинъ у насъ въ ротѣ былъ: „пойдемте, говоритъ господа, шинокъ разбивать!"—и разбивали-съ...

...Или вотъ тотъ же капитанъ Полосухинъ: „полюбилась, говоритъ, мнѣ Маша Цыплятева,—надо, говоритъ, ее выкрасть" А Марья Петровна была тоже супруга помѣщика-съ... И, однако, мы ее выкрали. Такъ это не кошку-съ... Нѣтъ-съ. Чтобы только это дѣло замазать Полосухинъ 800 душъ продалъ-съ... *)

Эти старыя «невинныя шалости» проистекали, такъ сказать, отъ изобилія темперамента. Это было сованіе рукъ въ первую попавшуюся штатскую физіономію, но безъ опредѣленной цѣли, единственно ради озорства. И офицерами, болѣе солидными и болѣе дѣльными, это безпредметное озорство и рукосуйство не одобрялось. Съ появленіемъ смуты старый презрительный взглядъ на «штафирокъ», въ которомъ неуклонно воспитались многія офицерскія поколѣнія, получилъ новое обоснованіе и новый смыслъ. Каждый «штафирка», «обыватель», гражданскій человѣкъ сталъ ex officio предполагаемымъ крамольникомъ, внутреннимъ врагомъ. А каждый капитанъ Полосухинъ превратился ex officio въ искоренителя крамолы. И то, что въ добрыя старыя времена было просто озорствомъ и рукосуйствомъ, нынѣ оказалось если не подвигомъ, то, во всякомъ случаѣ, дѣятельностью, оправдываемой «тонкими и больше политическими соображеніями». Прежде онъ «травилъ жида собаками», теперь это уже не «жидъ», а подозрѣваемый, если не въ соціализмѣ, то въ анархизмѣ. Прежде онъ «разбивалъ шинокъ», теперь это уже не шинокъ, а «притонъ революціи». Въ прежнія снисходительныя къ милому шалуну времена Полосухина по случаю затравленнаго собаками «жида» все-таки сажали на гауптвахту. Нынѣ при находчивости, при умѣньи, какъ слѣдуетъ, отрапортовать, за это самое можно получить если не награду, то одобреніе.

Нѣсколько измѣнились взгляды и солиднаго, дѣльнаго офицерства. Помню, лѣтомъ 1905 года въ городишкѣ Козельцѣ, Черниговской губ., мнѣ пришлось попасть въ довольно таки характерную «передѣлку». Уже передъ отъѣздомъ, приводя въ порядокъ свои дорожныя замѣтки, я вдругъ услышалъ зычный голосъ, угрожавшій немедленно добраться до какихъ-то смутьяновъ и агитаторовъ, потомъ площадную брань, женскій визгъ, тяжелые шаги по коридору гостиницы, затѣмъ дверь моего номера съ трескомъ распахнулась, ко мнѣ вбѣжала дочь содержателя гостиницы, а за нею со

*) „Губернскія очерки".

сжатыми кулаками артиллерійскій офицеръ. При взглядѣ на меня онъ какъ-то сразу смутился, покраснѣлъ, пробормоталъ: «извините» и ушелъ, впрочемъ, сердито и безцеремонно хлопнувъ дверью. Повидимому, онъ узналъ меня. И я его узналъ. Мы встрѣчались до этого маленькаго дорожнаго приключенія. Уже не первой молодости, крайне безпечный относительно наукъ и литературы, этотъ офицеръ на меня, по крайней мѣрѣ, до случая въ Козельцѣ, производилъ впечатлѣніе человѣка добродушнаго, по своему порядочнаго и по своему не глупаго. Случилось же собственно слѣдующее. Онъ прибылъ въ Козелецъ по казенной надобности. Дочь содержателя гостиницы, на свою бѣду, съ обычною словоохотливостью евреекъ, вздумала объяснять «господину капитану», что вотъ ему отводятъ «маленькій номеръ», но если «господинъ капитанъ» желаетъ, то онъ можетъ потомъ перейти въ «большой номеръ», занятый «однимъ штатскимъ господиномъ», такъ какъ этотъ штатскій господинъ скоро уѣзжаетъ, а пріѣхалъ онъ «сегодня утромъ». Услышавъ о «штатскомъ», который сегодня же пріѣхалъ и сегодня же уѣзжаетъ, «господинъ капитанъ» сразу догадался, что это— агитаторъ, съ которымъ надо немедленно «поступить», и «большой номеръ» для своей надобности очистить. Не ожидавшая такого оборота, еврейка стала просить, чтобы «господинъ капитанъ не дѣлалъ скандала». Тутъ «капитанъ», видимо, окончательно утвердился въ мысли, что «штатскій» есть «агитаторъ», а еврейка— укрывательница. Онъ ринулся, прежде всего, на еврейку. Ей было можно убѣжать только въ мой номеръ... И, знаете ли, въ извѣстной степени счастливы проѣзжающіе, если они сталкиваются въ пути съ капитанами, которыхъ имѣли удовольствіе знать, и которые обладаютъ достаточною зрительною памятью, чтобы съ одного взгляда узнавать своихъ знакомыхъ.

Признаться, я до сихъ поръ не вполнѣ уяснилъ себѣ, что, собственно, раздражило козелецкаго «капитана». Можетъ быть, его очень оскорбила мысль, что вотъ онъ, офицеръ, долженъ пріютиться въ «маленькомъ номерѣ» только потому, что жиды, ведущіе какую-то адскую интригу противъ Россіи, отвели «большой номеръ» «агитатору». Какъ хотите, а самая мысль, что «агитаторъ» пользуется большими удобствами, чѣмъ офицеръ, содержитъ въ себѣ нѣчто оскорбительное для воинской чести. Возможно, однако, что дѣйствіями «капитана» руководила не столько оскорбленная честь, сколько желаніе собственноручно проучить смутьяновъ и представить, куда слѣдуетъ. Капитанскіе мотивы и побужденія для меня лично такъ и остались неуслѣдимыми. И эта неуслѣдимость мотивовъ и побужденій ставитъ обывателя въ особо невыгодное положеніе. Уже въ 1906 г. пошли промежъ обывателей такіе, примѣрно, полуразговоры-полужалобы:

— Всегда, бывало, по желѣзнымъ дорогамъ ѣздилъ во второмъ классѣ... А теперь ѣзжу въ третьемъ...

— Что такъ?

— Офицерскій классъ...

— Что-жъ изъ этого? Развѣ офицеры не такіе же люди, какъ и мы?

— Люди-то люди. А только никогда не знаешь, что ему покажется. По нынѣшнимъ временамъ, и съ солиднымъ офицеромъ нужна большая осторожность. А какъ попадется изъ молодыхъ ранній, да особенно если онъ форсъ любитъ показать... А всего хуже, если онъ при всѣхъ этихъ качествахъ въ подвышитіи... Я ужъ три раза нарывался. Слуга покорный,—больше не хочу.

Теперь, когда тѣни между командным составомъ арміи и обывателемъ сгустились до крайности, какъ-то особенно болѣзненно чувствуется невозможность опредѣлить, что «ему» въ томъ или иномъ случаѣ можетъ «показаться». Редакторъ «Нивы», г. Свѣтловъ сталъ объясняться съ «штабсъ-капитаномъ запаса» по поводу непринятой рукописи. Штабсъ-капитану что-то показалось, и «разговоръ принялъ рѣзкій характеръ». Г. Свѣтловъ сдѣлалъ прощальный поклонъ и направился въ свой кабинетъ. Штабсъ-капитану запаса въ этомъ показалось что-то въ высшей степени оскорбительное; онъ крикнулъ: «не смѣйте поворачиваться спиной къ офицеру», и прислалъ секунданта [1]). Нельзя, однако, поручиться, что не было бы никакого недоразумѣнія, если бы г. Свѣтловъ пятился въ свой кабинетъ—спиной къ дверямъ, лицомъ къ штабсъ-капитану. Быть можетъ, послѣднему и въ этомъ показалось бы что-либо умышленное и оскорбительное:

— Какъ вы смѣете наблюдать за офицеромъ!

— Какъ вы смѣете предполагать, что офицеръ нападетъ на васъ сзади!..

Положимъ, г. Свѣтловъ—человѣкъ не ограниченный въ правахъ придать своему тѣлу то или иное положеніе. Относительно г. Свѣтлова, все-таки, можно предполагать, что онъ повернулся или не повернулся спиной не спроста, а съ умысломъ нанести оскорбленіе. Но вотъ другой, также петербургскій, случай. Поручикъ Годлевскій пожелалъ ночью пройти съ «неизвѣстными дамами» въ меблированный домъ на Жуковской улицѣ. Швейцаръ заявилъ, что это ему допускать не приказано. Казалось бы, ясно, что швейцаръ—человѣкъ подневольный; никакого выбора у него нѣтъ; можетъ говорить только то, что говоритъ. И ужъ одно это свидѣтельствуетъ объ отсутствіи оскорбительнаго умысла. Однако, г. Годлевскому что-то показалось, и онъ бросился на швейцара съ обнаженною шашкою. Швейцаръ выскакиваетъ на улицу и убѣгаетъ. Г. Годлевскій тоже выскакиваетъ и гонится. Замѣтьте, г. Годлевскому, разъ швейцаръ убѣжалъ, ничто не мѣшало пройти и провести своихъ дамъ. Навѣрное, онъ такъ и поступилъ бы, если бы дѣло

---

[1]) «Рѣчь», 26 октября.

сводилось къ тому, чтобы швейцара «попугать» и выгнать. Но нѣтъ, онъ гонится съ обнаженною шашкою, онъ долженъ зарубить, кровью смыть какое-то оскорбленіе, но какое именно, и въ чемъ оно заключается, мы не знаемъ. Сцену видятъ двое городовыхъ. Они «просятъ остановиться и объяснить, въ чемъ дѣло». Г. Годлевскій бросается къ нимъ и кричитъ:

— Не смѣйте приближаться. Я вамъ напомню Коваленскаго.

«Напомню Коваленскаго», какъ сейчасъ увидимъ, означаетъ: «убью». Опять-таки рѣчь идетъ о намѣреніи кровью смыть оскорбленіе; и, очевидно, оскорбленіемъ считается самый фактъ «приближенія» городовыхъ къ офицеру. Наконецъ, вызываютъ помощника пристава. Послѣдній обязанъ узнать, въ чемъ дѣло. И офицеру, казалось бы, должно быть извѣстно, что приставъ тоже человѣкъ въ данномъ случаѣ подневольный.

— Не желаю объясняться съ гражданскимъ чиномъ,—заявилъ г. Годлевскій,—зовите градоначальника *)...

Весьма часто и по служебнымъ, и по частнымъ дѣламъ офицеры объясняются съ «гражданскими чинами». И надо бы думать, что ничего унизительнаго въ томъ для русской арміи нѣтъ. Но вотъ г. Годлевскому что-то показалось. И онъ до такой степени обнаруживалъ готовность расправиться съ предполагаемыми оскорбителями, что помощнику пристава пришлось удовлетворить его желаніе и призвать на помощь комендантское управленіе.

Предусмотрѣть, что «ему можетъ показаться», очевидно, нельзя. Основная, первоначальная мысль, повторяю, была ясна и понятна: «штафирка» есть нѣчто подозрительное по крамолѣ и подлежащее усмиренію, офицеръ есть усмиритель. Ясна и проста возникшая на этой почвѣ психологія. Это, какъ бы, психологія войсковой части въ странѣ завоевываемой, среди враждебнаго гражданскаго населенія. Офицеръ очутился въ положеніи человѣка, который вѣчно насторожѣ, который подмѣчаетъ каждый жестъ предполагаемаго противника, каждое движеніе, каждое слово; создалась привычка взвѣшивать буквально каждую мелочь:

— Нѣтъ ли, молъ, тутъ какого-либо протеста, демонстраціи, умысла или даже намека, враждебнаго, пренебрежительнаго, непочтительнаго и тѣмъ самымъ оскорбительнаго.

Разладъ, возникшій на почвѣ политической, силою вещей принялъ бытовыя формы и, въ качествѣ бытового явленія, достигъ тѣхъ уродливыхъ крайностей, которыя столь прихотливо сочетались въ дѣлѣ братьевъ Коваленскихъ (сыновья сенатора Коваленскаго, одинъ—корнетъ нижегородскаго полка, другой—воспитанникъ пажескаго корпуса). 21 октября на Невскомъ проспектѣ автомобиль (принадлежащій, какъ потомъ оказалось, жандармскому вѣдомству и везшій переодѣтыхъ чиновъ полиціи) столкнулся съ экипажемъ

*) „Голосъ Москвы", 26 октября

Коваленскихъ. Оба брата выпали на мостовую. И, поднявшись, «набросились на шофера» (каковымъ, какъ опять-таки впослѣдствіи оказалось, былъ переодѣтый жандармъ). Изъ случайной уличной толпы раздались крики: «зачѣмъ бить?» Корнетъ Коваленскій обнажилъ шашку и закричалъ: «Зарублю, кто посмѣетъ *еще* оскорблять меня». И, въ самомъ дѣлѣ, шоферъ могъ вѣдь умышленно направить автомобиль на экипажъ съ офицерами, умышленно не посторониться, умышленно оказать непочтительность, при посредствѣ, такъ сказать, уличнаго столкновенія экипажей выразить революціонную идею протеста. Образовавшееся при этомъ скопище штафирокъ оказалось уже явно протестующимъ. И воинская честь, естественно, была задѣта за живое. Первымъ подвернулся артельщикъ Мироновъ и получилъ въ «морду». Дворникъ Венедиктовъ поднялъ было къ губамъ полицейскій свистокъ,—осмѣлился прибѣгнуть къ средству, обычно примѣняемому при буйствѣ пьяныхъ мастеровыхъ. Умыселъ очевидный. Свистокъ вырванъ, потомъ демонстрантъ-дворникъ получилъ и пулю. Подскочилъ городовой Химичевъ,—его «въ морду». Заговорилъ студентъ Санинъ, что нельзя «бить городового при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей». Получилъ пулю. Городовой Химичевъ дерзнулъ схватить офицера за руку,—получилъ пулю...

При газетномъ обсужденіи этого дѣла, затронуты были разныя стороны. Наибольшее вниманіе, кажется, привлекла, такъ сказать, процессуальная несправедливость. Обыкновенныхъ смертныхъ въ такихъ случаяхъ «заключаютъ» и безъ промедленія судятъ по той 279 ст. воинск. уст. о наказ., которая заранѣе, до суда, предрѣшаетъ смертный приговоръ. Коваленскіе были выпущены.

Кромѣ процессуальной стороны, затрагивался вопросъ о безопасности, о нравахъ офицерской среды, о многомъ другомъ... Признаюсь, мнѣ лично наиболѣе важной показалась необыкновенная сложность бытовой формы, въ какую облекалась первоначальная политическая мысль. На одной сторонѣ оказался корнетъ Коваленскій съ его покровителями и вдохновителями, на другой—чины охранной полиціи, городовые, дворники, студентъ, случайная уличная толпа, возмущенная, окружившая участокъ, куда, въ концѣ концовъ, увели Коваленскихъ, и требовавшая примѣрнаго наказанія. Эти случайные и весьма разные люди объединились при видѣ шофера, избиваемаго корнетомъ. У нихъ оказалось нѣкоторое общее чувство, вылившееся въ фразѣ студента Санина: «Не оскорбляйте городового». И городовые, товарищи раненаго Химичева, пришедшіе потомъ въ больницу благодарить студента Санина, также раненаго, лишь подчеркнули необыкновенную сложность бытовыхъ явленій. А затѣмъ, словно въ противовѣсъ огульнымъ выводамъ и огульному смѣшиванію всѣхъ носящихъ офицерскій мундиръ въ одну кучу, произошло столкновеніе компаніи офицеровъ съ городовыми въ Одессѣ. Полиція открыла пальбу,—двухъ офицеровъ

застрѣлила, двухъ случайныхъ прохожихъ ранила. Когда я пишу это, обстановка «одесскаго случая» сокрыта отъ печати. Изъ газетъ извѣстно лишь, что офицеры одесскаго гарнизона «облеклись въ трауръ», что на похоронахъ убитыхъ офицеровъ «небывалое стеченіе народа, что среди многочисленныхъ вѣнковъ былъ вѣнокъ и отъ студентовъ съ надписью: «за что?» Сколько можно понять, въ Одессѣ офицерскій мундиръ и штатскій пинджакъ оказались въ нѣкоторомъ демонстративномъ единомысліи относительно безграничныхъ полномочій полиціи пускать въ ходъ оружіе. Пинджакъ какъ бы величина перемѣнная, склоняющаяся то на ту, то на другую сторону, по внутреннимъ своимъ убѣжденіямъ. Величиною же постоянною и тамъ, и здѣсь оказывается опасный для опоры антагонизмъ между полицейскимъ и офицерскимъ мундиромъ. И хуже всего, что это антагонизмъ не случайный. Конечно, «офицеръ—все»; онъ—сила, направленная противъ внутренняго врага, хотя бы таковой оказался и въ нѣдрахъ полиціи. Но вѣдь и «полиція—все»; она тоже—сила, направленная противъ внутренняго врага, хотя бы таковой оказался и среди офицерства. Это логическое противорѣчіе неминуемо должно было привести и уже привело къ междоусобному раздраженію и къ междоусобнымъ столкновеніямъ двухъ силъ, другъ друга дополняющихъ, но частично одна противъ другой направленныхъ. Эти вспышки не мимолетны. Производя неизбѣжное волненіе въ офицерской средѣ, онѣ тѣмъ опаснѣе, что эта среда сама по себѣ отнюдь не однородна.

„Корпусъ русскаго офицерства,—напоминаютъ, между прочимъ, С.-Петербургскія Вѣдомости" — ...можно раздѣлить на двѣ неравныя части: на офицеровъ-юнкеровъ (въ прусскомъ смыслѣ) и на офицеровъ-штатскихъ. Прототипомъ первыхъ являются Коваленскіе, прототипомъ вторыхъ,—почти вся артиллерія, саперы, инженеры и огромная часть армейской пѣхоты. Первые экзальтированные наслѣдственной вырождаемостью, лѣнью, развратомъ, а главное—виномъ, пытаются тамъ и сямъ поддержать „честь мундира" способами, о которыхъ общество узнаетъ изъ полицейскихъ протоколовъ. Вторые, увлеченные политическими идеями, наукой, угнетенные нуждой и общимъ разладомъ русской жизни, къ чести своего мундира относятся довольно равнодушно... Армія наша въ рукахъ этихъ разновидностей, не скрывающихъ взаимнаго антагонизма *).

Оставимъ въ сторонѣ «честь мундира», «политическія идеи», «науки» и прочія вещи, неясныя и спорныя. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что значительная часть офицеровъ—дѣти нашихъ сосѣдей, братья нашихъ женъ, сыновья, зятья или иные родственники приказчиковъ, ремесленниковъ, торговцевъ и всякой другой «штатской сволочи», какъ выражался корнетъ Коваленскій, подстрѣливая дворниковъ и городовыхъ, извозчиковъ и прохожихъ. Это именно офицеры-штатскіе; съ одной стороны, они обязаны по долгу службы насъ усмирять, а съ другой стороны—они просто

*) Цит. по „Слову", 6 ноября.

люди, связанные съ нами и кровно, и дѣловыми отношеніями, и бытовыми условіями. И теперь, когда несуразности первоначальной мысли—направить армію противъ врага главнымъ образомъ, если не исключительно, внутренняго — стали принимать конкретную форму, Богъ вѣсть, къ какимъ выводамъ придетъ «офицеръ-штатскій», и какое у него обнаружится умонаклоненіе. И это, очевидно, самая щекотливая и самая опасная сторона «офицерскаго вопроса».

У насъ нѣтъ средствъ «рѣшить» финансовую сторону «офицерскаго вопроса». Но, при надеждѣ на благоразуміе господъ офицеровъ, протянуть можно. У насъ нѣсколько подозрителенъ въ смыслѣ политической благонадежности солдатскій матеріалъ, поставляемый крамольною страною въ порядкѣ всеобщей воинской повинности. Но при надлежащемъ надзорѣ, при наличности преданнаго и приспособленнаго команднаго состава, и съ этимъ зломъ можно сладить. Но относительно самой щекотливой и самой опасной стороны офицерскаго вопроса, мы, очевидно, въ положеніи до нѣкоторой степени неустойчиваго равновѣсія, неопредѣленности и неувѣренности. При такомъ положеніи наше единственное утѣшеніе—мечтать. Это все равно, какъ у Горькаго «На днѣ». Дѣло-то ясное, видимое, безнадежное. Дно—уйти некуда и нельзя. Но именно потому-то и мечтать хочется. Да оно и не безъ пользы до сихъ поръ было.

Припомните прошлогоднюю осеннюю думскую сессію. Октябристы мечтали. Глядя на нихъ, и кадеты мечтали. А по ихъ примѣру и съ Божьею помощью во всей почти русской прессѣ нѣкоторая сладкая мечтательность водворилась. Посреди этихъ мечтаній сначала шепотомъ, потомъ намеками, а потомъ и во всеуслышаніе стали люди отъ «земельки» отбрыкиваться. Совсѣмъ было «земельку» рѣшили похѣрить. А кн. Е. Н. Трубецкой даже съ сознаніемъ нѣкотораго превосходства умнаго человѣка надъ дураками прямо объявилъ, что самый вопросъ о семъ лежитъ внѣ реальной политики. И правда, осталась на поверхности только «реальная политика». Представительный строй у насъ «укрѣплялся». Полицію мы собирались реформировать, армію возродить, флотъ построить. Неприкосновенность личности... Вѣротерпимость... Мѣстный судъ... Многое другое разное. И мечтали тожъ по разному. Одинъ говорилъ, что все это надо «по мѣрѣ возможности». Другому желалось «хоть что-нибудь». Третій требовалъ мечтать о реформахъ «примѣнительно къ подлости». Споры вѣдь изъ-за этого самаго происходили. Да какіе! До инцидентовъ и даже до дуэлей дѣло доходило. И это тоже хорошо, ибо дуэль есть въ нѣкоторомъ родѣ путь къ рукопожатіямъ и обмѣну любезностями... Межъ тѣмъ, годъ, слава Богу, прошелъ. И я отчасти понимаю тревогу «Россіи» и «Голоса Москвы» по случаю дебатовъ о «законѣ 9 ноября». Это тревога не за участь «закона». Законъ пройдетъ въ Думѣ. А если бы и возникла опасность отклоненія, у большинства всегда найдется

способъ затормазить, отложить, затянуть дѣло. Законъ во всякомъ случаѣ дѣйствуетъ. Но вотъ что тревожно. Въ прошлогоднюю осеннюю сессію, когда на сценѣ была только «реальная политика», тѣ же хотя бы кадеты протягивали руку октябристамъ. Октябристы имѣли внѣшность, располагающую наивныхъ людей къ мечтаніямъ. И нынѣшняя сессія началась было прекрасно—«единодушнымъ», «единогласнымъ» принятіемъ запроса по поводу запрещенія преній на собраніи, посвященномъ балканскимъ дѣламъ.

Но едва начались пренія о законѣ 9 ноября, и на обѣдѣ по случаю переизбранія думскаго президіума, во-первыхъ, «кадетовъ», по словамъ «Рѣчи» не оказалось, а во-вторыхъ, г. Хомяковъ умиленно назвалъ г. Пуришкевича «нашимъ буйнымъ товарищемъ» и «трижды съ нимъ облобызался» *). Вмѣсто «единодушія» какъ-то сразу намѣтилась «линія водораздѣла», рѣзко обозначающая границу между Хомяковымъ-Пуришкевичемъ, съ одной стороны, и Милюковымъ-Булатомъ—съ другой. И чтобы понять, что именно эти стороны раздѣляетъ, какая реальность между ними лежитъ, достаточно вспомнить озлобленные крики «правой» и «центра», когда г. Милюковъ документально выяснялъ въ своей думской рѣчи по поводу закона 9 ноября роль дворянства и дворянскаго сословнаго интереса въ аграрныхъ мѣропріятіяхъ правительства.

«Землей не пахнетъ» въ 3 Думѣ, радостно констатировалъ г. А. Столыпинъ въ «Новомъ Времени», когда только что начались «аграрныя пренія». Увы! землею запахло, хотя и въ другомъ смыслѣ. Вмѣсто мечтаній, запахло реальностью. Стала обнажаться жизненная необходимость для опоры сохранить нынѣшній порядокъ вещей, одинаково драгоцѣнный, какъ для г. Пуришкевича, такъ и для г. Хомякова, заключавшихъ другъ друга въ братскія объятія. Запахло выясненіемъ, что землица есть вопросъ не только соціальной справедливости, не тольно крестьянской нищеты, но и дворянскаго оскудѣнія. Запахло сознаніемъ, что если мы землицу похѣримъ, то и «все 17 октября» должны упразднить, цѣликомъ безъ остатка. «Землей запахло». И линія водораздѣла, къ прискорбію «Голоса Москвы», намѣтилась. Удастся ли снова смѣшать шашки и возвратиться въ состояніе успокоительной мечтательности?

А. Петрищевъ.

---

*) „Рѣчь", 7 ноября.

Политика.

Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.—Текущія событія: Вильгельмъ промахнулся; на Балканахъ; покушеніе шаха на отмѣну конституціи; смѣна правленія въ Китаѣ.

I.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки 4 ноября (21 октября) произошли президентскіе выборы, самое выдающееся событіе отчетнаго мѣсяца. Это событіе, вскрывающее съ поразительною ясностью историческую эволюцію, проходимую великою заатлантическою націей, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ и серьезное международное значеніе. Особенно послѣ того, какъ правительствомъ Штатовъ дано новое толкованіе такъ называемой доктринѣ Монроэ. Прежде, прикрываясь этою доктриною, вашингтонскіе правители говорили правителямъ Стараго Свѣта: «мы въ ваши дѣла не мѣшаемся, не мѣшайтесь же и въ наши дѣла, въ дѣла Новаго Свѣта». Теперь эти слова читаются совершенно иначе: мы готовы вмѣшаться всюду, а вы не мѣшайтесь. Именно эта «имперіалистская» точка зрѣнія и была составною частью программы республиканской партіи. Ея побѣда на выборахъ означаетъ, что американская нація раздѣляетъ это новое истолкованіе доктрины Монроэ, это новое пониманіе, имѣющее огромный всемірно-историческій смыслъ...

Избранъ *Тафтъ*, кандидатъ республиканской партіи, большинствомъ 308 голосовъ противъ 176, поданныхъ за О'Брайана, кандидата демократической партіи, которая на этотъ разъ выступила съ программою, дѣйствительно демократическою: ограниченіе рабочаго дня на фабрикахъ; обезпеченіе рабочихъ на старости, болѣзни, инвалидность; защита женскаго и дѣтскаго труда; рѣшительная борьба съ трестами и синдикатами; пониженіе таможенныхъ пошлинъ; отрицаніе всякаго вмѣшательства въ дѣла Стараго Свѣта и т. д. Эта программа отвергнута большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, а если взять во вниманіе, что южные (бывшіе невольничьи) штаты, сплошь подавшіе голоса за О'Брайана, подавали этотъ голосъ не за него и его программу, а *противъ Тафта*, представителя ненавистной республиканской партіи, то надо признать, что за серьезно-демократическую программу О'Брайана стоитъ самая ничтожная часть американскаго народа. Протекціонизмъ, тресты, имперіализмъ восторжествовали вмѣстѣ съ Тафтомъ.

Вице-президентомъ избранъ Шерманъ, уличенный передъ самыми выборами въ соглашеніяхъ съ трестами.

За республиканцевъ подали свои голоса слѣдующіе штаты:

Айдаго (13).
Айова (13).
Вайоминъ (3).
Вашингтонъ (5).
Вермонтъ (4).
Виргинія Зап. (7).
Висконсинъ (13).
Дакота Сѣв. (4).
Дакота Южн. (4).
Делаваръ (3).
Иллинойсъ (27).
Индіана (15).
Калифорнія (10).
Канзасъ (10).
Колорадо (5).
Конектикутъ (7).
Массачузетсъ (16).
Миннезота (11).
Мичиганъ (14).
Мэнъ (6).
Невада (3).
Нью-Гампширъ (4).
Нью-Джерси (12).
Нью-Іоркъ (39).
Огайо (23).
Орегонъ (4).
Пенсильванія (34).
Родъ Айландъ (4).
Утахъ (3).

Въ скобкахъ проставлены числа голосовъ, которыми располагаетъ каждый поименованный штатъ на президентскихъ выборахъ (сообразно его населенію сравнительно съ населеніемъ всѣхъ штатовъ). Всего за Тафта 29 штатовъ и 308 отъ нихъ выборщиковъ.

Демократическихъ выборщиковъ назначили слѣдующіе штаты:

Алабама (11).
Арканзасъ (9).
Виргинія (12).
Георгія (13).
Каролина Сѣв. (12).
Каролина Южн. (9).
Кентуки (13).
Луизіана (9).
Мериландъ (8).
Миссисипи (10).
Миссури (18).
Монтана (5).
Небраска (8).
Оклагама (7).
Тенесси (12).
Техасъ (18).
Флорида (4).

Итого—17 штатовъ и отъ нихъ 176 выборщиковъ. Въ этомъ спискѣ отмѣчены *курсивомъ* 3 штата (посылающіе всѣ трое вмѣстѣ 18 выборщиковъ), именно Монтана, Небраска и Оклагама, единственные не входившіе въ число невольничьихъ штатовъ. Остальные 14 штатовъ, отдавшіе свои голоса О'Брайану, суть сплошь бывшіе невольничьи штаты. Рабовладѣльцы и ихъ политическіе преемники подали голосъ за демократическую (въ европейскомъ смыслѣ этого слова), отчасти даже соціалистическую програму О'Брайана! Только благодаря этой поддержкѣ помѣщиковъ и плантаторовъ Юга, кандидатура демократической партіи не оказалась комически ничтожною...

Соціалистическія требованія, проводимыя почти исключительно помѣщиками,—политическая конъюнктура для Европы, невозможная и непонятная, если не вдуматься серьезно въ особыя историческія условія, сложившіяся на почвѣ Новаго Свѣта, по крайней мѣрѣ той ея части, которая почитается человѣчествомъ подъ именемъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.

II.

Восточный (Атлантическій) берегъ Сѣверной Америки отъ Флориды на югѣ до Лабрадора на сѣверѣ былъ колонизованъ европейцами преимущественно въ XVI—XVII вв. То были, главнымъ образомъ, англичане, голландцы и французы. Колоніи голландскія и французскія въ тѣ же столѣтія завоевали англичане, такъ что ко времени возстанія колоній во второй половинѣ XVIII в. весь восточный берегъ (кромѣ испанской Флориды на югѣ) уже принадлежалъ Англіи. Однако, это огромное владѣніе далеко не было однородно. На сѣверѣ Канада, тогда недавно завоеванная англичанами французская земля, еще не забывшая вражды съ сосѣдними къ югу англійскими землями, не поддержала ихъ возстанія и доселѣ осталась коронным британскимъ владѣніемъ. Канаду отъ Новой Англіи, какъ называлась страна южныхъ сосѣдей Канады, отдѣляла рѣка Св. Лаврентія, но на верхнюю часть этой рѣки выходила и голландская колонія, нынѣшніе штаты Нью-Іоркъ, Пенсильванія и Делаваръ. Такимъ образомъ, Новая Англія была окружена Атлантическимъ океаномъ, Канадою и голландскими колоніями, представляя замкнутую страну чисто британскихъ колоній. Въ настоящее время на этой территоріи расположены семь штатовъ: Мэнъ, Коннектикутъ, Нью-Гампширъ, Нью-Джерси, Массачузетсъ, Родъ-Айландъ и Вермонтъ.

Эта Новая Англія, изолированная отъ всего міра и предоставленная собственному историческому развитію, была сначала заселяема довольно медленно выходцами изъ Англіи и Шотландіи, уже въ XVI в. почувствовавшими на родинѣ нарушенной свою религіозную совѣсть. Торжество реакціи въ началѣ XVII в. въ Англіи (при первыхъ Стюартахъ) быстро двинуло дѣло заселенія края. Уже при Іаковѣ I толпы пуританъ и пресвитеріанъ кинулись за океанъ; при Карлѣ I это движеніе обратилось въ массовое бѣгство, остановленное, наконецъ, силою и отчасти возобновившееся при Карлѣ II и Іаковѣ II. Страна оживилась, выросли земледѣльческія поселенія, процвѣтавшія столько же благодаря дѣвственному плодородію почвы, сколько и благодаря отсутствію ландлордовъ, духовныхъ лордовъ, королевскихъ коммиссаровъ и другихъ дольщиковъ въ добытыхъ народнымъ трудомъ продуктахъ. Росли и процвѣтали и города, доставляя земледѣльческому населенію свои фабрикаты и заморскіе товары и отсылая избытки земледѣлія за море. Создавались школы; основаны университеты; самоуправленіе слагалось на демократическихъ основахъ; королю оставались только доходы въ видѣ пошлинъ и мужественная народная милиція, не однажды испытанная королями въ войнахъ съ французами и голландцами. Новая Англія XVIII в. была своеобразная страна ра-

ботающей буржуазіи средняго достатка, надъ которою не было ни феодальныхъ классовъ, ни плутократіи, а подъ которою не было ни рабовъ, ни пролетаріата, какъ сословія. Фактически пролетаріи существовали, но ихъ сравнительная немногочисленность, земельный просторъ, политическая свобода и культурная и религіозная близость съ хозяевами превращали ихъ, большею частью, въ *постоянныхъ* рабочихъ, какъ бы членовъ семьи земледѣльческаго, ремесленнаго или торговаго хозяина. Основы народнаго хозяйства были вполнѣ и типично буржуазныя, какъ нигдѣ въ Европѣ, но вышеперечисленныя условія давали имъ видъ болѣе демократической формы. Самочувствіе тогдашняго населенія Новой Англіи должно было быть именно такимъ демократическимъ и довѣряющимъ демократизму своего хозяйственнаго строя, уже носившему въ своихъ еле вспаханныхъ бороздахъ сѣмена того ядовитаго чертополоха, который называется плутократіей и который при помощи, именно, этихъ ново-англійскихъ штатовъ одержалъ такую блестящую побѣду на президентскихъ выборахъ 1908 года. Тогда, однако, полтора вѣка тому назадъ, Новая Англія была идилліей политически равноправнаго, хозяйственно обезпеченнаго, нравственнаго и трудолюбиваго населенія...

Къ югу отъ Новой Англіи разстилалась земля, населенная тогда голландцами, уже завоеванная англичанами, но культурно еще не слившаяся съ сосѣдними британскими колоніями. За голландцами, еще южнѣе, снова британскія колоніи, но совершенно иного типа, чѣмъ Новая Англія. Это были: Мериландъ (Maryland, земля Маріи, въ честь знаменитой королевы Маріи Кровавой), Виргинія (въ честь королевы-дѣвственницы Елисаветы), Каролина Сѣверная, Каролина Южная (обѣ колоніи въ честь короля Карла Стюарта) и Георгія (самая поздняя, названа въ честь перваго короля ганноверской династіи). Основанныя, какъ видно изъ самихъ названій, переселенцами-дворянами, вѣрными подданными своихъ королей, эти колоніи, съ благодатною природою и благословеннымъ южнымъ климатомъ, получили европейское населеніе, привыкшее управлять, воевать, охотиться и получать доходъ отъ труда другихъ. Они переселялись и основывали на американской почвѣ помѣстныя хозяйства по образцу Старой Англіи. Необходимая свита, вся эта дворовая челядь помѣщичьихъ домовъ слѣдовала за господами и въ Новый Свѣтъ. Помѣщичій домъ на новомъ мѣстѣ обставлялся великолѣпно: челядь, лошади, собаки, дары природы и вывезенные изъ стараго отечества дары культуры. Все бы хорошо, да мужикъ изъ стараго отечества за бариномъ не поѣхалъ, а если ѣхалъ, то въ Новую Англію. Нѣтъ мужика, кто же накормитъ барина, его собакъ и его челядь? Сначала кавалеры рѣшили, что накормятъ туземцы, но это были свободолюбивые и мужественные индѣйцы. Здѣсь жили Могикане, Ирокезы и другія племена, которыя предпочли смерть рабству. Ихъ болѣе

нѣтъ. Ихъ имена безслѣдно прозвучали въ исторіи. Помѣщики ихъ замѣнили неграми, вывозимыми изъ Африки. Такъ возникло невольничество, и такъ сложился строй и бытъ первыхъ пяти невольничьихъ штатовъ. Они соединились съ Новой Англіей для борьбы съ Англіей и для освобожденія (бывшія голландскія земли тоже вошли въ это движеніе). Имъ принадлежитъ и главная заслуга въ этомъ дѣлѣ. Изъ ихъ среды былъ Георгъ Вашингтонъ, побѣдитель англичанъ и первый президентъ новой республики. Изъ ихъ же среды вышелъ и Джефферсонъ, второй президентъ и основатель новой конституціи. Знаменитый Монроэ былъ тоже отсюда. Они были образованнѣе, искуснѣе въ военномъ дѣлѣ, лучше знали управленіе. Они организовали новое государство, создали оборону на сушѣ и сильный флотъ на морѣ, завязали дипломатическія и коммерческія сношенія съ европейскими націями и ввели свое молодое отечество, какъ новаго уважаемаго члена, въ семью цивилизованныхъ народовъ.

Я, конечно, не собираюсь здѣсь излагать шагъ за шагомъ исторію великой націи, родившейся во второй половинѣ XVIII в. Я хотѣлъ только указать на тотъ хозяйственный строй, съ которымъ она явилась на свѣтъ исторіи. Типично-буржуазное на сѣверѣ, рабство—на югѣ, таковы были основы народнаго хозяйства первой большой республики среди странъ европейской культуры. Эти основы, по существу, носили внутреннее противорѣчіе и должны были кончиться или распаденіемъ государства, или паденіемъ одного изъ двухъ хозяйственныхъ типовъ, уже давшихъ оба ростки на плодотворномъ просторѣ Новаго Свѣта. Въ 1861 году исторія и пришла къ этому.

Въ выше очерченномъ составѣ населенія, съ глубокими контрастами общественнаго строя, начала сѣверо-американская республика свою самостоятельную исторію около полутора столѣтія тому назадъ. Конституція республики была спеціально приспособлена къ внутреннимъ контрастамъ общественнаго строя. Строго федералистическая, она предоставляла каждому штату устраиваться у себя, какъ ему угодно. Американской націи еще не существовало, но было двѣ націи, двѣ культуры и одно союзное государство, въ которое обѣ были включены, и въ которомъ могла выработаться и единая нація. Вопросъ заключался въ томъ, какой изъ двухъ типовъ одержитъ верхъ. Иначе государство распадется на два. Нѣкоторое время можно было ожидать, что одержитъ верхъ южное теченіе. Присоединеніе къ республикѣ испанской Флориды и французской Луизіаны значительно усилили рабовладѣльческую область, а это обстоятельство вмѣстѣ съ преимуществами южанъ, о которыхъ упомянуто выше, передало въ ихъ почти безсмѣнную власть и центральное управленіе союза. Но ясна была и непрочность этого преобладанія. Быстрота размноженія сѣверныхъ свободныхъ штатовъ, огромный приливъ туда же европейскихъ переселенцевъ,

давали сами по себѣ огромное преимущество сѣверному строю, обѣщавшему крѣпнуть и расти. Это естественное хозяйственное развитіе Сѣвера совпало съ распространеніемъ колонизаціи на Дальній Западъ съ его черноземными преріями и золотыми розсыпями. На этихъ новыхъ поприщахъ экономическая роль невольничества была ничтожна, экономическаго буржуазнаго свободнаго хозяйства громадно. Всѣ условія экономической жизни Сѣверной Америки складывались для торжества сѣвернаго строя, и онъ восторжествовалъ, ниспровергнувъ южный строй съ его рабовладѣльческою системою и аристократическими традиціями, послѣдними небуржуазными элементами на сѣверо-американской почвѣ. Успѣхи сѣверянъ, закончившіеся въ 1860 году избраніемъ Авраама Линкольна съ программою постепеннаго освобожденія невольниковъ, привели къ междоусобію. Въ концѣ-концовъ сѣверъ долженъ былъ побѣдить, и онъ побѣдилъ, и съ нимъ побѣдило то начало, которое положили въ основу общественнаго строя пресвитеріане и пуритане XVI—XVII в.в. Мы уже видѣли, что эти религіозные и политическіе эмигранты были выходцами изъ третьяго сословія, изъ буржуазіи. Мы видѣли, что они насадили въ Новой Англіи именно принципы буржуазіи. Нигдѣ никогда буржуазный строй не былъ осуществленъ въ такой принципіальной чистотѣ, какъ въ штатахъ Новой Англіи. Нигдѣ никогда онъ не былъ предоставленъ такъ полно самому себѣ и логическому натуральному развитію своихъ принциповъ. Около половины XIX в. онъ встрѣтилъ внѣшнее препятствіе во встрѣчномъ развитіи рабовладѣльческаго строя, но вступилъ въ рѣшительную борьбу, одолѣлъ своего аристократическаго соперника и свои принципы сдѣлалъ принципами общественнаго строя всей сѣверо-американской республики. Прошло почти полвѣка со дня торжества сѣверныхъ штатовъ, время, достаточное для выясненія даровъ, принесенныхъ восторжествовавшимъ хозяйственнымъ и политическимъ строемъ. Любопытно спросить исторію великой республики, что дали эти долгіе годы для счастья и славы американскаго народа? Что сдѣлалъ исторически-важнаго и замѣчательнаго этотъ молодой народъ, даровитый, просвѣщенный и трудолюбивый? Въ этотъ огромный періодъ старая Европа совершенно измѣнила свою физіономію, въ политическомъ, экономическомъ и культурномъ отношеніи. Она творила новыя широко и глубоко обдуманныя идеи; она создала системы, призванныя дать новыя основы общественнаго строя, лучше приспособленныя для блага *всего* населенія; она реформировала міросозерцаніе... Она боролась за лучшее будущее, многое перетерпѣла и перестрадала, но кое-что и завоевала, никогда не теряя вѣры въ силу благородной мысли и въ торжество великихъ идей. Въ ней все смѣшалось въ этой великой эволюціи: и торжествующая буржуазія, и вѣрующій въ свое торжество организованный пролетаріатъ, и дезорганизованное пока крестьянство, и феодалы, и духовенство, и короли... Этой пестроты

въ Соединенныхъ Штатахъ не имѣется. Полвѣка надъ страною тяготѣетъ неоспоримое господство кристально-чистаго буржуазнаго строя. Здѣсь все для него, но и все отъ него... Интересно спросить исторію Штатовъ, какіе же дары принесли великому народу его властители и правители?

Полвѣка—срокъ, достойный вниманія.

III.

Цитирую мой отчетъ о президентскихъ выборахъ 1888 года, ровно двадцать лѣтъ тому назадъ («Политическая лѣтопись» въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*, 1888, № 12). Это былъ мой первый обстоятельный отчетъ (въ журнальной, а не газетной статьѣ) о сѣверо-американскихъ президентскихъ выборахъ. Избранъ былъ республиканскій кандидатъ Гаррисонъ. Въ предварительныхъ замѣчаніяхъ къ изложенію выборовъ пришлось сказать слѣдующее:

«Въ 1865 году закончилось междоусобіе, возстановлено дѣйствіе конституціи и окончательно уничтожено рабство. Тогда же былъ убитъ Авраамъ Линкольдъ, президентъ-освободитель невольниковъ, и президенское кресло занялъ Джонсонъ, вице-президентъ Союза. Нечаянное президентство Джонсона ознаменовалось завершеніемъ реформъ въ пользу негровъ и рѣзкимъ столкновеніемъ между президентомъ и народнымъ представительствомъ. Палата депутатовъ предала его суду (за его дѣятельность въ пользу возстановленія автономіи южныхъ побѣжденныхъ штатовъ). Сенатъ судилъ его, но для осужденія не хватило одного голоса (требуется большинство двухъ третей). Въ 1869 году на его мѣсто былъ избранъ генералъ Грантъ, одинъ изъ героевъ междоусобной войны, которому сѣверяне, въ значительной степени, были обязаны побѣдой. Онъ былъ переизбранъ въ 1873 году, такъ что правилъ страною въ теченіе восьми лѣтъ при неизмѣнно республиканскомъ большинствѣ въ конгрессѣ (и въ сенатѣ, и въ палатѣ). Всѣ три власти въ Союзѣ принадлежали одной партіи и дѣла шли безъ внутренней борьбы, но что сдѣлала за это время Америка? Добилась удовлетворенія отъ Англіи за инцидентъ съ «Алабамой» (крейсеромъ южанъ, вооруженнымъ въ Англіи и оттуда вышедшимъ для грабежа коммерческихъ судовъ сѣверянъ), построила трансъатлантическую желѣзную дорогу (первую въ исторіи), привела государственные финансы (разстроенные во время междоусобія) въ удовлетворительное состояніе, издала законъ о заселеніи пустопорожнихъ земель на началахъ мелкаго фермерства, усердно возвышала покровительственныя пошлины и дважды перенесла торговые крахи. Кромѣ того, за это же время она прославилась продажностью своей администраціи и своихъ законодателей. Скандальныя разоблаченія волновали Америку и дошли до такой степени, что выборы

1877 года (президентскіе) были произведены главнымъ образомъ на мотивѣ честности въ управленіи. Страна даже дала большинство (двухъ или трехъ голосовъ) демократическому кандидату Тильдену, но явная подтасовка голосовъ, сдѣланная республиканцами (т. е. правительствомъ), привела къ избранію однимъ голосомъ республиканскаго кандидата Гейсса, который довольно безславно проправилъ свои четыре года. Жалобы на испорченность росли, и въ 1880 году сама республиканская партія, желая парировать неизбѣжное пораженіе, выдвинула кандидатомъ Гарфильда, извѣстнаго своей честностью и стремленіемъ къ оздоровленію управленія. Гарфильдъ былъ избранъ и въ 1881 году вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, но скоро былъ убитъ именно за преслѣдованіе злоупотребленій (чиновниковъ). Его замѣнилъ вице-президентъ Арзеръ, при которомъ дѣла пошли еще хуже, чѣмъ при Грантѣ и Гейссѣ. Общественное мнѣніе отвернулось отъ республиканцевъ, опозорившихъ себя своимъ управленіемъ, и въ 1885 году вступилъ впервые послѣ 1861 года демократическій президентъ Кливлендъ (ум. въ 1908 году). Онъ былъ избранъ именно на почвѣ искорененія злоупотребленій. Его личная честность, стоявшая внѣ нареканій, и двадцатичетырехлѣтнее недопущеніе къ власти демократовъ, которые прежде не пятнали себя мошенничествомъ и подкупами, давали надежду на исправленіе. Четырехлѣтнее пребываніе демократовъ у власти ничего, однако, не измѣнило, и нація снова ихъ прогнала, снова давъ большинство республиканцамъ, и республиканскій кандидатъ Гаррисонъ снова вступаетъ въ бѣлый домъ 4 марта 1889 года (писано было послѣ подсчета ноябрьскаго голосованія, въ концѣ 1888 года). Скандальныя разоблаченія, скандальные процессы, скандальные крахи продолжаютъ составлять главный интересъ и главное содержаніе американской общественной жизни. Другимъ интересомъ является борьба за протекціонныя пошлины (которая рѣшила борьбу въ пользу Гаррисона, протекціониста). Разныя финансовыя и промышленныя предпріятія и спекуляціи—третій главный интересъ. Чудовищныя стачки желѣнодорожниковъ, нефтепромышленниковъ и т. д. (слово «трестъ» еще произнесено не было, но явленіе уже нарождалось и отмѣчено 20 лѣтъ тому назадъ) волнуютъ экономическую жизнь вопросами, мало извѣстными въ старой Европѣ, которая среди всяческаго старья сохраняетъ еще нѣкоторое старое уваженіе къ нравственнымъ принципамъ».

Такъ вырисовывалось внутреннее состояніе сѣверо-американской республики двадцать лѣтъ тому назадъ. Президентскіе выборы 1888 года тѣмъ и замѣчательны, что вопросъ объ оздоровленіи администраціи, игравшій такую огромную роль на выборахъ президента въ 1876, 1880 и 1884 гг., совершенно былъ снятъ съ очереди. Нація, какъ бы, примирилась съ испорченностью правителей и законодателей, махнула рукой на злоупотребленія и на-

живу своихъ избранниковъ и рѣшила лишь руководить ихъ общею политикою. Прежде всего, протекціонизмъ, который и восторжествовалъ въ лицѣ Гаррисона, человѣка во всѣхъ отношеніяхъ ничтожнаго (за нимъ стоялъ организаторъ плутократіи Бленъ, конечно, далеко не ничтожный). Большинство въ пользу Гаррисона было почти такое же значительное и рѣшительное, какъ и теперь въ 1908 году, въ пользу Тафта. За Гаррисона 20 лѣтъ тому назадъ подали штаты: Айова, Вермонтъ, Висконсинъ, Иллинойсъ, Индіана, Калифорнія, Канзасъ, Колорадо, Массачузетсъ, Минезота, Мичиганъ, Мэнъ, Небраска, Невада, Нью-Гампширъ, Нью-Іоркъ, Огайо, Пенсильванія и Родъ-Айландъ, всего двадцать штатовъ и 233 выборщика. Демократическихъ выборщиковъ тогда послали штаты: Алабама, Арканзасъ, Виргинія, Виргинія Западная, Георгія, Делаваръ, Каролина Сѣверная, Каролина Южная, Кентуки, Конектикутъ, Луизіана, Мериландъ, Мисиссиппи, Миссури, Нью-Джерси, Тенесси, Тахасъ, Флорида, всего восемнадцать штатовъ и 163 выборщика. Побѣда плутократіи (впервые не просто буржуазіи, а ея порожденія и продолженія, плутократіи) была полная, и четырехлѣтнее правленіе Гаррисона (Блена) такъ возмутило еще разъ нравственное чувство всѣхъ, еще не вовлеченныхъ въ плутократическую эволюцію, что къ выборамъ 1892 года составился союзъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, ничего общаго между собою не имѣющихъ, кромѣ отвращенія къ плутократамъ, сбросившимъ съ себя и послѣдній фиговый листъ. Самъ великій Бленъ выступилъ кандидатомъ республиканской партіи, но потерпѣлъ пораженіе. Коалиція антиплутократическихъ элементовъ провела Кливленда, и демократы снова очутились у власти и снова ничего не улучшили за свое четырехлѣтіе, да и не могли ничего сдѣлать, потому что явились только *отрицаніемъ* торжествующаго режима безъ сколько-нибудь обдуманной и выработанной программы *положительной*. Не мудрено, что въ 1896 году ихъ опять низложили, и власть перешла въ руки республиканцевъ. Избранъ былъ Макъ-Кинлей, прославившійся своими прямо запретительными пошлинами. Протекціонистъ безъ узды, Макъ-Кинлей былъ такъ же сторонникомъ монометаллизма и золотой валюты. Противъ него выступалъ О'Брайанъ съ программою биметаллизма и серебряною валютой. Для американской плутократіи эта сторона программы была ненавистнѣе даже фритредерства. Огромные капиталы, затраченные въ акціи, облигаціи, государственные и муниципильные фонды, при серебряной валютѣ, могли становиться все менѣе и менѣе доходными, благодаря постепенному пониженію цѣны серебра. Получая одинаковое условленное число долларовъ съ своихъ бумагъ, владѣльцы фонда хорошо знали, что это число при переводѣ на международную золотую валюту оказалось бы эквивалентнымъ меньшему числу фунтовъ стерлинговъ, франковъ или марокъ. Правда, въ то время, какъ получатели процентовъ теряли или могли терять нѣкоторую часть

доходовъ при серебряной валютѣ, при валютѣ золотой также теряли или могли терять плательщики процентовъ (не столько непосредственные плательщики, сколько выплачивающіе ихъ въ цѣнѣ пріобрѣтаемыхъ товаровъ, основываемыхъ хозяйствъ и пр.). Ихъ интересы защищалъ О'Брайанъ, интересы получателей отстаивалъ Макъ-Кинлей, который и былъ избранъ.

Правленія Макъ-Кинлея было расцвѣтомъ плутократической политики, внутренней и внѣшней (впервые и внѣшней). Побѣдоносная война съ Испаніей передала въ руки американскихъ плутократовъ богатыя испанскія колоніи и открыла новое широкое поприще для выгоднаго помѣщенія американскихъ капиталовъ. Доведенный до крайности, протекціонизмъ ускорилъ скопленіе капиталовъ въ рукахъ высшей буржуазіи. Въ это же время вполнѣ расцвѣтаютъ тресты и синдикаты. Окончательно принятая золотая валюта укрѣпляетъ доходы милліардеровъ. Такимъ образомъ, къ выборамъ 1900 года программа республиканской партіи окончательно формулируется въ четырехъ словахъ: имперіализмъ, протекціонизмъ, тресты и золотая валюта. Отрицаніемъ этихъ всѣхъ четырехъ словъ является программа демократовъ съ присоединеніемъ подоходнаго налога и мѣръ къ борьбѣ съ подкупами. Южные штаты боролись просто противъ плутократіи, не входя въ отдѣльные пункты. На Западѣ привлекали серебрянная валюта и фритредерство. Борьба съ трестами и съ имперіализмомъ находила понемногу сочувствіе всюду. Битва 1900 года была такъ же важна, какъ битва 1888 года и какъ нынѣшняя битва 1908 года.

За Макъ-Кинлея въ 1900 году подали голоса штаты: Айова, Вайоминъ, Вашингтонъ, Вермонтъ, Виргинія Западная, Висконсинъ, Дакота Сѣверная, Дакота Южная, Делаваръ, Иллинойсъ, Индіана, Калифорнія, Коннектикутъ, Массачуветсъ, Мериландъ, Минезота, Мичиганъ, Мэнъ, Небраска, Нью-Гампширъ, Нью-Джерси, Нью-Іоркъ, Огайо, Орегонъ, Пенсильванія, Родъ-Айландъ, всего за имперіализмъ и плутократію 26 штатовъ и 288 выборщиковъ.

Демократическихъ выборщиковъ послали штаты: Айдаго, Алабама, Арканзасъ, Виргинія, Георгія, Канзасъ, Каролина Сѣверная, Каролина Южная, Кентуки, Колорадо, Луизіана, Мисиссипи, Миссури, Монтана, Невада, Теннеси, Техасъ, Утахъ, Флорида, всего 19 штатовъ и 165 голосовъ. Въ числѣ этихъ штатовъ находимъ 6 западныхъ и не находимъ трехъ южныхъ (Западная Виргинія, Мериландъ и Делаваръ) и ни одного сѣвернаго.

Выборы 1904 года только подтвердили этотъ приговоръ 1900 г. Республиканскій кандидатъ Рузвельтъ получилъ 325 голосовъ, а демократическій кандидатъ Паркеръ только 153. Демократическая партія, и въ этомъ случаѣ, выступила съ программою, въ существенныхъ чертахъ отрицательною. Этого мало для такого событія. Въ 1908 году демократы поправили эту ошибку и выставили, какъ

выше приведено, очень содержательную и прогрессивную программу, но и это не помогло. Что же это значитъ? Европейскія идеи, положенныя въ основу демократической программы, оказываются-ли въ самомъ дѣлѣ чуждыми американскому пониманію жизни? Или американская плутократія должна довершить циклъ своей хищнической эволюціи, сама себя скушать и тогда лишь очистить поле для новыхъ болѣе благородныхъ общественныхъ комбинацій? Или, наконецъ, битва 1908 года есть только проба для народа, и въ 1912 году онъ сумѣетъ организоваться для борьбы съ всесильною теперь плутократіей?

Не хочу быть пророкомъ, но думается мнѣ, что разрѣшеніе второго и третьяго вопросовъ тѣсно между собою связано. Назрѣваютъ и грандіозный крахъ плутократіи, и ростъ сознанія американской демократіи.

Красивый жестъ Вильгельма II такъ и застылъ въ воздухѣ. Исторія его оставила висѣть на поученіе королямъ и народамъ. Исторія еще не дала ему полнаго разрѣшенія, но встряхнула всю Германію. Отвѣтственность министерства скромно выглядываетъ изъ-за блестящаго королевскаго жеста. Этотъ жестъ повредилъ германскимъ интересамъ, а нѣмцы уже научились защищать свои интересы и не любятъ, когда ихъ нарушаютъ тѣ, кому поручено ихъ оборонять. Теперь о нѣмцахъ самъ Берне не сказалъ бы, что они народъ лакеевъ. Были, но отъ лакейства излѣчились и явили себя безъ различія партій гражданами своего великаго и славнаго отечества. Проникли въ печать слухи, что Вильгельмъ сильно занемогъ... Возможно, что ему понадобится отдыхъ и южная природа... Быть можетъ, на долгіе годы.

Австрійская политика на Балканахъ все еще темновата. Повидимому, дѣло было разсчитано тонко и сложно, но гдѣ-то нити спутались, и дипломатія толчется на одномъ мѣстѣ. До сихъ поръ не успѣла рѣшить вопросъ о конференціи, а это первый шагъ къ рѣшенію. Рѣшительное заявленіе Англіи, что она не допуститъ никакихъ компенсацій за счетъ Турціи, отняло у вѣнскаго кабинета всю ту игру дипломатическихъ обѣщаній и посуловъ, которая одна могла замутить воду для ловли рыбы въ мутной водѣ. «Никакихъ компенсацій»—это ужасно. Пожалуй, г. Извольскій напрасно объѣзжалъ всѣ столицы Европы... Ему не начать-ли бы съ Лондона или съ Константинополя? Въ остальномъ прочемъ въ Турціи дѣло идетъ хорошо. Попытка части султанской гвардіи на какой-то, поступокъ (не выяснено) была остановлена въ зародышѣ. Нѣкоторыя столкновенія при выборахъ надо было предвидѣть, но въ тотъ день и часъ, когда я пишу эти строки, общіе результаты выборовъ еще неизвѣстны.

Въ Персіи, съ одной стороны, шахъ Али-Могамедъ отмѣнилъ конституцію, съ другой стороны, черезъ два дня отмѣнимъ эту

отмѣну по требованію державъ, а тавризскіе конституціоналисты одерживаютъ частичные успѣхи. Общее положеніе неясно, междоусобіе затягивается, и мелкій тиранъ, засѣвшій съ ляховской бандой въ Бадешахѣ (подъ Тегераномъ), пожалуй, еще долго будетъ угнетать и раззорять иранскій народъ, достойный лучшей участи.

Смерть китайскаго императора, а днемъ позже и китайской императрицы-регентши поставили было остро вопросъ о престолонаслѣдіи. Оказалось, однако, что императрица Це-ши успѣла сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія, и можно не опасаться серьезныхъ осложненій. Новый регентъ Китая принцъ Чжунъ считался сторонникомъ реформъ. Останется-ли онъ реформаторомъ, когда у него въ рукахъ очутилась неограниченная власть? That is the question! Конечно, не въ одномъ Китаѣ...

С. Южаковъ.

Наброски современности.

XVII.

„Нео-славизмъ“ и внутренніе вопросы.

За послѣднее время у насъ много пишутъ и еще больше говорятъ о славянскомъ вопросѣ. Этотъ вопросъ какъ-то неожиданно всплылъ на поверхность нашей общественной жизни и, повидимому, сосредоточилъ на себѣ вниманіе весьма широкихъ и разнообразныхъ круговъ нашего общества. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ то и дѣло говорятся рѣчи, читаются публичныя лекціи и устраиваются публичныя же собесѣдованія на тему о жизни славянъ, при чемъ главнымъ мотивомъ всѣхъ этихъ рѣчей, лекцій и собесѣдованій является мысль о необходимости культурнаго объединенія славянства и о большой роли, какую можетъ и должна сыграть въ дѣлѣ такого объединенія Россія. Судя по количеству такихъ рѣчей, можно подумать, что на нашихъ глазахъ складывается новое общественное движеніе, рѣзкимъ пятномъ выдѣляющееся на сѣромъ и тускломъ фонѣ русской обывательской жизни. И это, какъ будто складывающееся движеніе тѣмъ болѣе любопытно, что, будучи очень шумнымъ по своимъ внѣшнимъ проявленіямъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ является чрезвычайно разнороднымъ, чтобы не сказать—пестрымъ, по составу своихъ участниковъ. Въ немъ сходятся вмѣстѣ—и сходятся, по всей видимости, съ полнымъ единодушіемъ—люди, принадлежащіе къ различнымъ политическимъ

лагерямъ и во многихъ отношеніяхъ занимающіе совершенно противоположныя позиціи. Г. Милюковъ и г. Филевичъ, г. Родичевъ и гр. Бобринскій, г. Маклаковъ, гр. Комаровскій и г. Красовскій сообща устраиваютъ собранія для обсужденія славянскаго вопроса и, если ихъ рѣчи на этихъ собраніяхъ до нѣкоторой степени и разнятся въ оттѣнкахъ, это нисколько не мѣшаетъ всѣмъ названнымъ ораторамъ звать русское общество къ одной и той же, всѣхъ ихъ, повидимому, объединяющей цѣли. Присматриваясь со стороны къ этой пестрой компаніи отечественныхъ либераловъ, умѣренныхъ консерваторовъ и реакціонеровъ, сошедшихся вмѣстѣ для какого-то общаго дѣла въ интересахъ славянства, и прислушиваясь къ ихъ рѣчамъ объ этомъ дѣлѣ, невольно ставишь себѣ вопросъ, что собственно происходитъ передъ нами—серьезное ли общественное движеніе, величіемъ своей задачи сближающее различныхъ людей и стирающее ихъ частныя разногласія, или же по-просту крупное недоразумѣніе.

Для того, чтобы найти отвѣтъ на этотъ вопросъ, не мѣшаетъ прежде всего припомнить ту обстановку, въ которой ведутся у насъ сейчасъ разговоры о славянскомъ объединеніи. Эти разговоры начались минувшей весной, когда въ Петербургъ пріѣхало нѣсколько западныхъ славянъ, въ томъ числѣ небезъизвѣстный чешскій депутатъ, г. Крамаржъ. Тогда именно въ нашей прессѣ была поднята рѣчь о «нео-славизмѣ», какъ о новомъ идейномъ теченіи, явившемся на смѣну покойному славянофильству и имѣющемъ своею цѣлью культурное объединеніе славянства. Тогда же выяснилось, что на почвѣ этого «нео-славизма» возможно объединеніе такихъ разнородныхъ дѣятелей, какъ гг. Милюковъ, Суворинъ и Башмаковъ. Тѣмъ не менѣе самая сущность «нео-славизма» оставалась, повидимому, очень мало выясненной и для русскихъ его сторонниковъ, и для пріѣзжихъ «славянскихъ гостей». По крайней мѣрѣ, послѣдніе за время всѣхъ торжествъ, какія устраивались въ Петербургѣ по случаю ихъ пріѣзда, обмолвились, кажется, лишь однимъ конкретнымъ предложеніемъ, да и то сводилось къ проекту устройства въ Россіи славянскихъ банковъ. Представленный такимъ образомъ «нео-славизмъ», конечно, не могъ разсчитывать на симпатіи сколько-нибудь широкихъ общественныхъ круговъ, и на первыхъ порахъ интересъ къ нему, дѣйствительно, не вышелъ за предѣлы тѣснаго круга петербургскихъ газетныхъ сотрудниковъ и членовъ Государственной Думы. Немногимъ расширилъ эти предѣлы и состоявшійся лѣтомъ въ Прагѣ славянскій съѣздъ, на который сочли нужнымъ явиться и нѣкоторые изъ думскихъ октябристовъ и ка-детовъ. Большого интереса въ Россіи этотъ съѣздъ не вызвалъ, и симпатіи къ «нео-славизму» продолжали оставаться достояніемъ небольшихъ и чрезвычайно случайныхъ по своему составу кружковъ, члены которыхъ не вполнѣ, повидимому, разбирались въ томъ, что именно соединило

ихъ вмѣстѣ, но за то были твердо увѣрены въ совпаденіи своихъ неоформленныхъ стремленій со стремленіями всего славянства. Иначе повернулось дѣло послѣ крупныхъ событій, происшедшихъ осенью на Балканскомъ полуостровѣ и, въ частности, послѣ присоединенія Австро-Венгріей Босніи и Герцеговины. Это присоединеніе, представляющее собою, несомнѣнно, важный фактъ для всего славянскаго міра, въ средѣ сторонниковъ «нео-славизма» вызвало къ себѣ совершенно различное отношеніе. Часть австрійскихъ славянъ, и въ числѣ ихъ прежде всего г. Крамаржъ, поспѣшили съ точки зрѣнія австрійскаго патріотизма выразить свое одобреніе совершившемуся факту. Наоборотъ, русскіе сторонники «нео-славизма» приняли сторону возмущенныхъ этимъ фактомъ сербовъ и приложили всѣ усилія къ тому, чтобы сорганизовать въ Россіи протестъ противъ окончательнаго присоединенія Босніи и Герцеговины къ Австріи. Такимъ образомъ совпаденіе тенденцій всѣхъ «нео-славистскихъ» кружковъ при столкновеніи съ дѣйствительностью оказалось простой фикціей, за которой не скрывалось никакого реальнаго содержанія. За то передъ русскими «нео-славистами» открылась широкая арена политической дѣятельности. И съ выступленіемъ названнаго движенія на эту арену не замедлили обнаружиться его характерныя черты. Но для того, чтобы полнѣе вскрыть эти черты, мнѣ придется напомнить читателю нѣкоторые конкретные факты.

14 октября въ Петербургѣ было назначено публичное собраніе для выслушанія доклада проф. Погодина: «Боснія и Герцеговина подъ оккупаціей Австро-Венгріи». Въ газетахъ заранѣе сообщалось, что къ докладу будутъ сдѣланы дополнительныя сообщенія нѣсколькими другими лицами, въ томъ числѣ гг. Родичевымъ и Маклаковымъ. На самомъ собраніи выяснилось, однако, что дополнительныя сообщенія не могутъ состояться вслѣдствіе запрещенія полиціи. «Градоначальникъ — гласило полученное устроителями собранія извѣщеніе—не призналъ возможнымъ допустить дополнительныхъ сообщеній къ лекціи проф. Погодина, потому что эта лекція предполагается не въ закрытомъ, а въ публичномъ собраніи». Собравшейся публикѣ, среди которой было, между прочимъ, много членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, пришлось удовольствоваться однимъ лишь докладомъ проф. Погодина. На другой день открылись засѣданія Государственной Думы, и 87 депутатовъ внесли въ нее запросъ о незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ петербургскаго градоначальника, настаивая на признаніи этого запроса срочнымъ. Мотивировку и этого послѣдняго требованія, и самаго запроса взялъ на себя г. Маклаковъ, и его мотивировка оказалась очень любопытной. Указаніе на нарушеніе закона градоначальникомъ, запретившимъ пренія въ публичномъ собраніи потому, что оно публичное, играло

въ ней лишь подчиненную роль, а на первый планъ были выдвинуты иные мотивы.

«Если бы дѣло шло—говорилъ г. Маклаковъ — только о нарушеніи правилъ 4 марта, тѣхъ правилъ, которыя, какъ мы хорошо знаемъ, нарушаютъ весьма часто, чуть не ежедневно и, во всякомъ случаѣ, повсемѣстно, то тогда этотъ запросъ подлежалъ бы предъявленію, но, быть можетъ, не подлежалъ бы принятію срочнымъ. Но есть особенное обстоятельство, которое выдѣляетъ этотъ запросъ изъ ряда прочихъ и даетъ право тѣмъ, кто его подписалъ, настаивать на признаніи его срочнымъ. Государственная Дума знаетъ, что на собраніи, гдѣ должна была читаться лекція Погодина и гдѣ должны были быть сдѣланы дополненія другими, указанными въ заявленіи лицами, что на этомъ собраніи должна была идти рѣчь о вопросѣ, который близко касается не только національныхъ интересовъ Россіи, но и того, что несомнѣнно дорого для насъ,—русскаго національнаго достоинства. Государственная Дума знаетъ, что въ этомъ вопросѣ, въ вопросѣ о русскомъ государственномъ достоинствѣ, общественное мнѣніе безучастнымъ остаться не можетъ, что это общественное мнѣніе, быть можетъ, обнаружитъ менѣе колебаній и ошибокъ, чѣмъ правительственная оффиціальная дипломатія, и Государственная Дума знаетъ, что въ тотъ моментъ большой важности, который мы переживаемъ, громкое и единодушное выраженіе общественнаго мнѣнія для правительства, которое блюдетъ національное достоинство страны, было бы не помѣхой, а опорой и поддержкой въ его дальнѣйшей дѣятельности. И вотъ въ такой моментъ и по такому вопросу не только передъ лицомъ Россіи, которая къ нарушеніямъ закона привыкла, но и передъ лицомъ тѣхъ, кто въ Европѣ смотритъ на насъ и на русскую власть и на русское общество, передъ лицомъ нашихъ друзей и нашихъ противниковъ, запрещеніе градоначальника, состоявшееся по мотивамъ даже не формальнымъ, а по мотивамъ противозаконнымъ, является не только актомъ беззаконія, но и актомъ, глубоко антинаціональнымъ» *).

Дѣло сводилось, слѣдовательно, не столько къ протесту противъ нарушенія закона о собраніяхъ,—«Россія къ нарушеніямъ закона привыкла»,—сколько къ огорченію по поводу того, что это нарушеніе закона было совершено «передъ лицомъ Европы» и при томъ по вопросу, касающемуся не внутренней жизни страны, а внѣшней ея политики. Мотивированный такимъ образомъ запросъ былъ единогласно принятъ Думой. Тѣмъ не менѣе правительство не поторопилось отвѣтить на него. Но за то, какъ бы взамѣнъ такого отвѣта, въ газетахъ появилось сообщеніе «освѣдомительнаго бюро», утверждавшее, что «обстоятельства дѣла» съ лекціей проф. Погодина «получили совершенно неточное освѣщеніе, какъ въ печати, такъ и въ Государственной Думѣ».

«11 сего октября—разсказывало «освѣдомительное бюро» въ своемъ сообщеніи—къ министру внутреннихъ дѣлъ явился бывшій членъ второй Думы А. А. Стаховичъ съ просьбой допустить въ С.-Петербургѣ и Москвѣ лекціи о положеніи Босніи и Герцеговины съ публичными, по окончаніи ихъ, преніями. Обсудивъ это ходатайство совмѣстно съ временно управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и не встрѣтивъ препятствій разрѣшить лекціи, министръ внутреннихъ дѣлъ не нашелъ возможнымъ допустить пуб-

*) „Рѣчь“, 16 октября.

личныя по поводу этихъ лекцій собесѣдованія, о чемъ гофмейстеръ Чарыковъ и сообщилъ письменно г. Стаховичу за два дня до лекціи. Въ соотвѣтствіи съ симъ и на основаніи указаній, преподанныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ одновременно какъ с.-петербургскому, такъ и московскому градоначальникамъ, генералъ-маіоръ Драчевскій допустилъ только лишь публичную лекцію г. Погодина и отклонилъ ходатайство устроителя лекціи о разрѣшеніи по поводу ея дополнительныхъ публичныхъ преній и сообщеній...

«Право с.-петербургскаго градоначальника на запрещеніе публичныхъ преній и сообщеній по поводу лекціи проф. Погодина—поучительно прибавляло къ своему разсказу «освѣдомительное бюро»—основано на положеніяхъ, предоставляемыхъ дѣйствующимъ въ столицѣ положеніемъ о чрезвычайной охранѣ, на точномъ основаніи статей 23 и 16 котораго отъ с.-петербургскаго градоначальника зависѣло не разрѣшить и самой лекціи проф. Погодина. Такимъ образомъ въ дѣлѣ этомъ никакихъ незакономѣрныхъ стѣсненій свободы собраній допущено не было».

Не ограничившись своимъ разсказомъ и присоединеннымъ къ нему нравоученіемъ о невозможности «незакономѣрныхъ стѣсненій» тамъ, гдѣ законъ даетъ властямъ право на всякія стѣсненія, «освѣдомительное бюро» нашло нужнымъ еще заявить, что «вся отвѣтственность за послѣдствія, связанныя для третьихъ лицъ съ неожиданнымъ для нихъ запрещеніемъ заранѣе оповѣщенныхъ устроителями лекцій дополнительныхъ сообщеній, падаетъ всецѣло и исключительно на А. А. Стаховича», который «былъ своевременно и совершенно опредѣленно поставленъ въ извѣстность о томъ, что администраціей не будутъ допущены никакія публичныя сужденія по поводу лекціи проф. Погодина», но, «очевидно, не ознакомилъ устроителей собранія съ содержаніемъ полученнаго имъ письма». Это заявленіе вызвало возраженіе г. Стаховича, въ длинномъ письмѣ въ газеты разсказавшаго исторію своихъ хлопотъ передъ властями о разрѣшеніи публичныхъ собесѣдованій о судьбахъ Босніи и Герцеговины, а письмо г. Стаховича повлекло за собою новое сообщеніе «освѣдомительнаго бюро». Было бы слишкомъ долго слѣдить за всей этой газетной полемикой, но нѣкоторыя обстоятельства, выяснившіяся въ ней, стоитъ отмѣтить.

Какъ разсказываетъ г. Стаховичъ, его хлопоты передъ властями о разрѣшеніи публичныхъ собесѣдованій по славянскому вопросу начались съ «частной бесѣды» между нимъ и исполнявшимъ должность министра иностранныхъ дѣлъ г. Чарыковымъ. Въ этой «частной бесѣдѣ» г. Стаховичъ упомянулъ о рѣшеніи московскаго «общества славянской культуры», постановившаго, въ цѣляхъ ознакомленія широкихъ круговъ русскаго общества съ мало имъ знакомымъ и по существу своему довольно сложнымъ боснійскимъ вопросомъ, устраивать публичныя лекціи и собесѣдованія по этому вопросу. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Стаховичъ упомянулъ, однако, и о сомнѣніяхъ, какими было встрѣчено это рѣшеніе со стороны лицъ, по опыту знакомыхъ съ тѣмъ, какимъ образомъ примѣняетъ теперь русская администрація законъ 4 марта 1906 г. о публичныхъ собраніяхъ. Самъ г. Стаховичъ, «сердечно сочувствуя трагическому

положенію славянъ-сербовъ, боялся, что они объяснятъ дѣйствія русскаго министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ несочувствіе Россіи ихъ участи». Эту точку зрѣнія онъ постарался внушить и своему собесѣднику, доказывая ему, что запрещенія собраній для обсужденія боснійскаго вопроса «могутъ создать дипломатическія затрудненія его министерству», такъ какъ «славянскія и другія страны, освѣдомленныя черезъ печать о томъ, что органы русскаго солидарнаго правительства запрещаютъ русскому обществу знакомиться со столь близко касающимся всего славянства вопросомъ, могутъ составить себѣ превратное понятіе объ отношеніяхъ русской дипломатіи къ славянскому вопросу вообще и боснійскому въ частности». Исходя изъ всѣхъ этихъ соображеній, г. Стаховичъ просилъ своего собесѣдника поговорить съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, чтобы послѣдній далъ подчиненной ему администраціи инструкцію не препятствовать устройству собраній, посвященныхъ обсужденію боснійскаго вопроса. Г. Чарыковъ, однако, настаивалъ на томъ, чтобы его собесѣдникъ самъ переговорилъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ концѣ концовъ г. Стаховичъ согласился на это и вступилъ въ непосредственные переговоры съ г. Столыпинымъ.

„Въ довольно продолжительной бесѣдѣ этой—разсказываетъ онъ—сперва П. А. Столыпинъ находилъ невозможнымъ допустить собесѣдованія по боснійскому и славянскому вопросамъ... Я довольно продолжительно настаивалъ на томъ, что запрещеніе кому-либо участвовать въ обсужденіи лекціи, разрѣшаемомъ закономъ о собраніяхъ, будетъ очевиднымъ и при томъ противозаконнымъ стѣсненіемъ ознакомленія русскаго общества со столь волнующими его вопросами; указывалъ ему, что подобныя стѣсненія и запрещеніе того, что закономъ разрѣшено, могутъ поставить въ непріятное положеніе нашу дипломатію. Къ концу нашей бесѣды мы договорились, что на подобныхъ собраніяхъ, кромѣ лекцій, онъ распорядится разрѣшать допущеніе дополнительныхъ сообщеній по тому же вопросу и по той же программѣ и другихъ лицъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы за сутки до собранія были заявлены соотвѣтственнымъ представителямъ администраціи имена и фамиліи лицъ, которыя сдѣлаютъ эти сообщенія. На примѣненіе же къ публичнымъ сообщеніямъ по названнымъ вопросамъ закона 4 марта 1906 г. онъ, несмотря на мои настойчивыя убѣжденія, не согласился».

Окончательный свой отвѣтъ г. Столыпинъ обѣщалъ дать черезъ посредство г. Чарыкова. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдній, дѣйствительно, написалъ г. Стаховичу письмо, въ которомъ извѣщалъ его, что министръ внутреннихъ дѣлъ далъ инструкцію «разрѣшать въ публичныхъ собраніяхъ лекціи, а собесѣдованія только въ собраніяхъ членовъ общества славянской культуры» и что «это распоряженіе невозможно отмѣнить». Въ сущности смыслъ этого письма былъ, конечно, совершенно ясенъ. Но г. Стаховичъ, «договорившись» съ г. Столыпинымъ, полагалъ, что этотъ «договоръ» уже вступилъ въ силу, и далъ соотвѣтствующія указанія устроителямъ лекціи проф. Погодина, которые и пригласили гг. Родичева и Маклакова сдѣлать, съ разрѣшенія градоначальника, «дополнительныя сообщенія» къ этой лекціи. Разсчетъ былъ сдѣланъ, однако, не совсѣмъ вѣрно.

Г. Столыпинъ не считалъ еще «договоръ» окончательно заключеннымъ, и «дополнительнымъ сообщеніямъ» на лекціи г. Погодина не пришлось состояться.

Впрочемъ, г. Столыпинъ вскорѣ, повидимому, оцѣнилъ удобныя стороны отвергнутаго было имъ плана «публичнаго обсужденія» славянскаго вопроса, и лекціи съ «дополнительными сообщеніями» получили право гражданства. Собранія, на которыхъ читаются эти лекціи съ сопровождающими ихъ дополнительными сообщеніями, устраиваются какъ разъ по тому рецепту, на счетъ котораго «договорились» между собою г. Столыпинъ и г. Стаховичъ. По внѣшнему виду передъ нами какъ будто обыкновенныя публичныя собранія, въ которыхъ ведутся пренія и совершается обмѣнъ мнѣній. На дѣлѣ же, говорить въ этихъ собраніяхъ могутъ лишь лица, имѣющія на это предварительное разрѣшеніе отъ полиціи, а для свободнаго обмѣна мыслей, являющагося необходимымъ условіемъ выработки общественнаго мнѣнія, въ такихъ собраніяхъ вовсе нѣтъ мѣста. Но немалая часть нашей печати склонна сейчасъ закрывать глаза на послѣднее обстоятельство и, всецѣло примыкая къ иниціатору «договора» съ г. Столыпинымъ, готова принимать эти фиктивныя общественныя собранія за средство выраженія подлиннаго общественнаго мнѣнія. «Благодаря рѣчамъ, лекціямъ, обмѣну мнѣній въ клубахъ и общественныхъ собраніяхъ,—писала не такъ давно «Рѣчь»—единодушное мнѣніе русской печати сдѣлалось и мнѣніемъ общества. Если на международную конференцію Россія должна идти для признанія боснійской аннексіи, то лучше всего, чтобы конференціи вовсе не было: таково это мнѣніе» *). Не менѣе, если не болѣе, рѣшительно выражается по этому поводу «Слово» «Наиболѣе выгодная для насъ сейчасъ позиція,—говорила недавно эта газета—рѣшительный протестъ противъ присоединенія Босніи и Герцеговины и до конференціи, и во время ея. Это прежде всего требованіе всего русскаго общества, вытекающее изъ существа его національной идеи» **).

Я вовсе не собираюсь обсуждать сейчасъ вопросъ о томъ, нужно или не нужно русской дипломатіи признавать присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австріи. Но, какъ бы кто ни рѣшалъ этотъ вопросъ, одно, думается мнѣ, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Говорить, въ данномъ случаѣ, о какихъ-либо требованіяхъ всего русскаго общества значитъ сознательно уклоняться отъ истины и оглушать себя и другихъ громкими фразами, такъ какъ въ дѣйствительности русское общество вовсе не высказывалось и не могло высказываться по этому вопросу. Объ немъ велись бесѣды въ небольшихъ кружкахъ, объ немъ говорили въ бо-

*) „Рѣчь", 20 октября.
**) „Слово", 10 октября.

лѣе или менѣе значительныхъ собраніяхъ отдѣльныя лица, которымъ это разрѣшали власти, но общество въ лучшемъ случаѣ могло лишь молча прислушиваться къ тѣмъ рѣчамъ, какія ему позволяли выслушать. При такихъ условіяхъ отожествлять эти рѣчи съ единодушнымъ мнѣніемъ всего русскаго общества возможно только при помощи очень ужъ смѣлаго логическаго прыжка и очень ужъ явнаго подмѣна одного понятія другимъ.

Много лѣтъ назадъ къ такого рода подмѣну понятій, случалось, прибѣгали старые славянофилы, изъ отдѣльныхъ случаевъ славянскихъ манифестацій заключавшіе, что весь русскій народъ видитъ важнѣйшую свою задачу въ разрѣшеніи славянскаго вопроса. Современные проповѣдники «неославизма» идутъ въ этомъ случаѣ до нѣкоторой степени по слѣдамъ славянофиловъ. Но есть между ними и существенная разница. Въ построеніяхъ славянофиловъ эмпирическія доказательства вообще играли очень ничтожную роль, такъ какъ въ основѣ этихъ построеній лежало апріорное представленіе о сущности русскаго народнаго духа, опредѣляющей собою всю исторію народа. Стоя на почвѣ этого представленія, не нужно было даже и спрашивать народъ, чтобы знать, въ чемъ онъ видитъ свои задачи. Но значительная часть сторонниковъ нынѣшняго «нео-славизма», по крайней мѣрѣ, та ихъ часть, которая причисляетъ себя къ либераламъ, едва-ли рѣшится вернуться къ этому метафизическому представленію о народномъ духѣ, отъ вѣка единомъ и постигаемомъ даже внѣ его конкретныхъ проявленій. Съ другой стороны, эти сторонники «нео-славизма» знаютъ и то, что «запрещеніе кому-либо участвовать въ обсужденіи вопроса, разрѣшаемомъ закономъ о собраніяхъ, будетъ очевиднымъ и притомъ противозаконнымъ стѣсненіемъ общества». И, тѣмъ не менѣе, зная это, они сами вступаютъ въ «договоръ» какъ разъ о такомъ «противозаконномъ стѣсненіи», а результаты дѣйствія этого договора трактуютъ, какъ проявленіе единодушнаго мнѣнія всего русскаго общества. Въ концѣ концовъ этотъ пріемъ обобщенія своихъ мнѣній является не менѣе, если только не болѣе, грубымъ, чѣмъ аналогичные пріемы прежняго славянофильства.

Впрочемъ, сходство между старымъ славянофильствомъ и современнымъ «нео-славизмомъ» можно найти не только въ пріемахъ ихъ пропаганды, но до нѣкоторой степени и въ самомъ ея содержаніи. Правда, здѣсь рѣчь можетъ идти только о сходствѣ, но никакъ не о тожествѣ. Старые славянофилы были прежде всего людьми цѣльнаго міровоззрѣнія, людьми одной господствующей идеи, опредѣлявшей собою всѣ ихъ взгляды, и въ ихъ кругъ не было доступа для людей, отрицавшихъ эту идею. Наоборотъ, нынѣшніе «нео-слависты» это—люди, сошедшіеся съ разныхъ сторонъ, изъ различныхъ лагерей, принесшіе съ собой далеко не совпадающіе и во многомъ прямо противоположные взгляды. Среди «нео-славистовъ» есть, повидимому, ученики и поклонники славя-

нофиловъ, но есть также и преемники стараго либеральнаго западничества. Тѣмъ не менѣе, въ идеологіи славянофильства и «нео-славизма» есть, по меньшей мѣрѣ, одна черта несомнѣннаго сходства. И любопытнымъ образомъ именно на эту черту указалъ недавно одинъ изъ вновь появившихся у насъ поборниковъ «славянской идеи», г. Маклаковъ, пытаясь опредѣлить различіе между старымъ славянофильствомъ и тѣмъ «возрожденіемъ интереса къ славянству», которое получило названіе «нео-славизма». «Этотъ интересъ—говорилъ г. Маклаковъ въ одной изъ своихъ недавнихъ лекцій въ Москвѣ—былъ вызванъ пріѣздомъ австрійскихъ славянъ, и это характерно. Его вызвалъ не южный славянинъ, единовѣрецъ, угнетаемый туркомъ, а славянинъ-католикъ, притѣсняемый нѣмцемъ. Онъ и опредѣлился, какъ борьба за славянскую національность—во-первыхъ; какъ борьба противъ германизма—во-вторыхъ... Объединеніе всего славянства, какъ родныхъ по крови народовъ; объединеніе на общей задачѣ защиты своей національности противъ волны германизаціи; объединеніе на началахъ не подчиненія, не поглощенія, а уваженія къ каждому—вотъ символъ вѣры нео-славизма» *).

Сравнительно недавно вступивъ въ ряды проповѣдниковъ «славянской взаимности», г. Маклаковъ, надо полагать, не успѣлъ еще познакомиться съ своими предшественниками на этомъ поприщѣ. Иначе онъ, вѣроятно, зналъ бы, что тѣ особенности, которыя онъ приписываетъ спеціально «нео-славизму», были не чужды и прежнему славянофильству, и что самый «символъ вѣры нео-славизма», переданный имъ, входилъ и въ исповѣданіе вѣры славянофиловъ, хотя входилъ, правда, лишь какъ часть въ цѣлое. Во всякомъ случаѣ и славянофилы стараго времени мечтали объ объединеніи всего славянства. И они включали въ кругъ своихъ заботъ не только южныхъ славянъ, но и западныхъ. И они, наконецъ, проповѣдывали борьбу славянства съ «германизмомъ» и одну изъ наиболѣе существенныхъ своихъ задачъ видѣли именно въ развитіи этой борьбы и приданіи ей возможно болѣе энергичнаго характера. Короче говоря, проповѣдь «нео-славизма», представляемаго г. Маклаковымъ и его товарищами, является ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ въ нѣсколько ослабленномъ видѣ лозунговъ того славянскаго націонализма, на почвѣ котораго стояло и который проповѣдывало—правда, съ большей послѣдовательностью—старое славянофильство.

«Бываютъ слова, которыя обязываютъ», сказалъ, между прочимъ, г. Маклаковъ въ цитированной мною рѣчи. И эта сентенція какъ нельзя болѣе оправдалась на немъ самомъ и на его ближайшихъ товарищахъ. Разъ ставъ на почву націонализма, они неизбѣжно должны были придти къ вполнѣ опредѣленному взгляду

*) „Рѣчь", 2 ноября.

на задачи общественной дѣятельности. Народные интересы, согласно этому взгляду, должны отступить на второй планъ передъ національнымъ достоинствомъ, и сообразно этому внутренняя жизнь страны не такъ важна, какъ внѣшняя ея политика. Эти ноты явственно прозвучали уже въ той рѣчи г. Маклакова, которою онъ обосновывалъ въ Думѣ запросъ о дѣйствіяхъ петербургскаго градоначальника. Еще болѣе отчетливо слышались онѣ въ нѣкоторыхъ другихъ рѣчахъ того же оратора. «Вопросъ о вмѣшательствѣ Россіи въ славянскія дѣла—говорилъ г. Маклаковъ въ одной изъ такихъ рѣчей, въ собраніи клуба общественныхъ дѣятелей,—вопросъ принципа и долга. Правда не всегда побѣждаетъ сразу, но отступиться отъ правды изъ-за малодушія—преступленіе. Не зачѣмъ вѣчно твердить о нашей слабости. Кто мѣрилъ силы Россіи? Если мы были слабы въ розни и распряхъ, то будемъ сильны въ единеніи и дружбѣ на національной идеѣ» *). Такимъ образомъ г. Маклаковъ не только намѣтилъ для русскаго народа вполнѣ опредѣленную задачу—вмѣшательство въ славянскія дѣла съ цѣлью возстановленія въ нихъ «правды»,—но указалъ и путь, на которомъ всего вѣрнѣе можно достичь удачнаго выполненія этой задачи. Пусть интересы народныхъ массъ внутри самой Россіи остаются неудовлетворенными, пусть они попираются самымъ беззастѣнчивымъ образомъ,—изъ-за этого во всякомъ случаѣ не стоитъ затѣвать «розни и распрей». Избѣгая розни и распрей, надо воспитывать «единеніе и дружбу на національной идеѣ»—тогда «мы будемъ сильны», тогда Россія сможетъ оберегать свое «національное достоинство», сможетъ заняться «борьбой противъ германизма» и добываніемъ «правды» для славянскихъ народовъ. А во внутренней жизни самого русскаго народа все можетъ остаться и по старому.

Этого послѣдняго, впрочемъ, г. Маклаковъ не говоритъ. Наоборотъ, по его взгляду, высказанному имъ въ другой разъ, «прогрессивная внѣшняя политика непремѣнно сочетается и съ прогрессивной политикой внутренней». Сообразно этому, по мнѣнію г. Маклакова, «съ точки зрѣнія русскихъ прогрессивныхъ партій надо радоваться, что въ законное чувство національнаго возрожденія вкладывается достойное содержаніе, которое идетъ на защиту славянскихъ національностей противъ ихъ угнетателей, которое дѣйствуетъ во имя идеи свободы и равенства, а не насилія и порабощенія» **). Но въ сущности эти утвержденія краснорѣчиваго оратора, при всей ихъ категоричности, не свидѣтельствуютъ о слишкомъ большомъ его знакомствѣ съ исторіей. Въ дѣйствительности уже одинъ примѣръ русско-турецкихъ войнъ могъ бы показать ему, что прогрессивная внѣшняя политика вовсе не непре-

*) „Рѣчь", 17 октября.
**) „Рѣчь", 2 ноября.

мѣнно сочетается съ прогрессивной внутренней политикой. Заглянувъ же поглубже въ исторію, г. Маклаковъ легко могъ бы найти въ ней и другіе примѣры, краснорѣчиво говорящіе о томъ, что стремленіе возстановлять «правду» въ чужихъ земляхъ очень легко соединяется съ желаніемъ уйти отъ «правды» въ своей собственной странѣ.

Правда, при нѣсколько большемъ вниманіи къ дѣйствительности, г. Маклаковъ могъ бы замѣтить это, и не прибѣгая къ урокамъ исторіи, а просто оглянувшись вокругъ себя и, въ частности, вглядѣвшись въ ту компанію, какая собралась вмѣстѣ съ нимъ подъ націоналистическимъ знаменемъ, подъ которое онъ сталъ самъ и подъ которое приглашаетъ стать «русскія прогрессивныя партіи». Охотниковъ служить «славянской идеѣ» и вести «борьбу противъ германизма» оказалось достаточно, и среди этихъ охотниковъ, въ свою очередь, нашлось немало желающихъ возстановить «правду» въ славянскихъ земляхъ. По крайней мѣрѣ, въ обличеніяхъ нѣмецкой «неправды» мы за послѣднія недѣли недостатка не имѣли, и при этомъ очень часто подобныя обличенія исходили отъ такихъ людей, которые ровно ничего не имѣли и не имѣютъ противъ совершенно аналогичной русской «неправды». Недавно, напримѣръ, въ октябристскомъ клубѣ общественныхъ дѣятелей гр. В. Бобринскій дѣлалъ сообщеніе на тему о томъ, существуетъ ли свобода совѣсти въ Австро-Венгріи. «Лекторъ—разсказывали объ этомъ сообщеніи газеты—привелъ цѣлый рядъ фактовъ въ доказательство безвастѣнчивости австрійскихъ властей по отношенію къ православному населенію. Переходъ изъ уніатства въ православіе, несмотря на разрѣшеніе закона, всячески затрудняется. Упорствующіе же подвергаются «драгонадамъ», административнымъ взысканіямъ и т. д. Въ дѣлахъ, касающихся православныхъ, судъ проявляетъ сервилизмъ передъ властью» *). Уже по этому газетному сообщенію можно видѣть, что гр. Бобринскій и его товарищи способны проявлять не меньшую чуткость къ нарушенію гражданскихъ правъ славянскаго населенія Австріи, чѣмъ гг. Маклаковъ и Родичевъ. Но дальнозоркость, позволяющая названнымъ дѣятелямъ такъ хорошо замѣчать недостатки австрійскаго государственнаго механизма, страннымъ образомъ соединяется у нихъ съ близорукостью, мѣшающей имъ видѣть то, что происходитъ гораздо ближе къ нимъ, передъ самыми ихъ глазами.

Въ Австро-Венгріи нѣтъ полной свободы совѣсти, и это очень огорчаетъ гр. Бобринскаго. Пусть такъ. Но что дѣлается въ этой области въ Россіи? На дняхъ въ газетахъ появилось такое сообщеніе изъ Елисаветграда: «Мѣстные евангельскіе христіане оштрафованы по 50 р. и посажены подъ арестъ за молитвенное собра-

*) „Рѣчь", 31 октября.

ніе» *). Быть можетъ, такія сообщенія—а ихъ за послѣднее время появилось уже не мало — говорятъ о движеніи Россіи къ свободѣ совѣсти? Или, быть можетъ, объ этомъ говорятъ тѣ газетныя сообщенія, которыя изображаютъ перемѣны, происходящія въ послѣднее время въ положеніи русскихъ евреевъ? Минувшей весной харьковская губернская администрація распорядилась воспретить евреямъ жительство въ дачныхъ мѣстностяхъ вокругъ г. Харькова **). Тогда же было воспрещено евреямъ жительство на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, и пріѣзжавшіе туда на лѣченіе больные евреи, по разсказамъ газетъ, «массами выселялись подъ конвоемъ полиціи» ***). Усиленно выселяютъ евреевъ въ текущемъ году и изъ всей Сибири, при чемъ «среди выселяемыхъ имѣются и такіе, которые прожили въ одномъ мѣстѣ десятки лѣтъ» ****). Казалось бы, все это факты, имѣющіе прямое отношеніе къ вопросу о свободѣ совѣсти, но не слышно было, чтобы гр. Бобринскій и его единомышленники сколько-нибудь интересовались ими и выражали по поводу ихъ хотя бы чисто платоническое огорченіе.

Не такъ давно, около мѣсяца тому назадъ, было опубликовано высочайше утвержденное положеніе совѣта министровъ, предписывающее «въ отношеніи пріема евреевъ въ высшія учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ, за исключеніемъ консерваторій Императорскаго русскаго музыкальнаго общества, постановить, что въ тѣхъ изъ упомянутыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, по которымъ не имѣется точныхъ по сему предмету указаній въ подлежащихъ уставахъ и положеніяхъ, соблюдаются слѣдующія процентныя, по отношенію къ общему числу учащихся, нормы: 3 процента для столичныхъ учебныхъ заведеній, 5 процентовъ для находящихся въ прочихъ мѣстностяхъ имперіи внѣ черты еврейской осѣдлости и 10 процентовъ въ районѣ сей осѣдлости». До послѣдняго времени у насъ не существовало закона, устанавливавшаго процентную норму евреевъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Норма эта устанавливалась лишь министерскими циркулярами, которые не могли быть приравнены къ закону. Теперь такой законъ появился, помимо Думы, хотя, какъ будто, и существуетъ правило, по которому ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ безъ согласія Думы. Но Государственная Дума, столь озабоченная, по увѣреніямъ г. Маклакова, охраненіемъ «національнаго достоинства» и столь ревниво относящаяся, даже въ лицѣ своихъ откровенно реакціонныхъ членовъ, къ нарушеніямъ свободы совѣсти въ Австро-Венгріи, повидимому, совершенно не замѣтила закона, изданнаго помимо ея вѣдома въ Россіи и представляющаго собою новый и весьма

*) „Рѣчь", 16 октября.
**) „Совр. Слово", 29 апрѣля.
***) „Совр. Слово", 1 мая.
****) „Евр. Извѣстія", 30 апрѣля.

рѣшительный шагъ по пути ограниченія свободы совѣсти русскихъ гражданъ.

Наши отечественные консерваторы настойчиво приглашаютъ Россію защищать права славянъ, и либеральные ораторы, въ лицѣ гг. Маклакова, Родичева и ихъ товарищей, съ своей стороны подтверждаютъ, что «Россія 17 октября» непремѣнно должна взять на себя эту задачу. Но гдѣ, собственно, находится страна, торжественно именуемая «Россіей 17 октября»? Этотъ вопросъ, пожалуй, не такъ уже легко разрѣшить. Варшавская администрація, сообщали недавно газеты, не разрѣшила «мѣстному русскому союзу, основанному на началахъ манифеста 17 октября», устроить торжественное собраніе въ годовщину этого манифеста *). И варшавская администрація въ этомъ случаѣ не была одинока. По свѣдѣніямъ газетъ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ заблаговременно былъ разосланъ всѣмъ мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ циркуляръ, предписывавшій не допускать устройства какихъ бы то ни было митинговъ, собраній, шествій и манифестацій въ день 17 октября. Вмѣстѣ съ тѣмъ министерскій циркуляръ предписывалъ мѣстнымъ властямъ не допускать въ день 17 октября какихъ бы то ни было забастовокъ въ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ, равно какъ на фабрикахъ и заводахъ **). «Россія 17 октября», лишенная возможности чѣмъ бы то ни было ознаменовать день 17 октября, представляла собою, несомнѣнно, весьма любопытное зрѣлище, но, повидимому, это зрѣлище нисколько не задѣвало чувства «національнаго достоинства» большинства дѣятелей третьей Думы, и они, очевидно, находили такое зрѣлище вполнѣ нормальнымъ. Съ другой стороны, и новоявленнымъ либеральнымъ націоналистамъ это зрѣлище, казалось бы, достаточно поучительное, нисколько не помѣшало произносить громозвучныя рѣчи о величіи международныхъ задачъ, какія предстоитъ сейчасъ разрѣшить «Россіи 17 октября». И шумный паѳосъ этихъ рѣчей какъ будто не оставлялъ возможности самимъ ихъ авторамъ оглянуться вокругъ и спросить себя, кто же собственно и какими средствами будетъ выполнять восхваляемыя ими задачи. А между тѣмъ этотъ вопросъ могъ бы оказаться далеко не празднымъ.

Гр. Бобринскій и его товарищи изъ націоналистическаго лагеря склонны горько жаловаться на «сервилизмъ суда» въ Австріи и на стѣсненіе австрійскимъ правительствомъ свободы славянскаго общественнаго мнѣнія. Но и въ этомъ случаѣ они опять-таки хорошо видятъ вдаль и какъ будто совсѣмъ не замѣчаютъ того, что дѣлается въ непосредственной близости къ нимъ. А замѣчать, казалось бы, есть что. Недавно, по словамъ газетъ, въ Думѣ пере-

*) „Рѣчь", 17 октября.
**) „Вечеръ", 8 октября.

давали, что ярославскій губернаторъ Римскій-Корсаковъ разослалъ циркулярное предписаніе волостнымъ правленіямъ о томъ, чтобы послѣднія не смѣли выписывать такихъ крамольныхъ газетъ, какъ «Биржевыя Вѣдомости» и «Голосъ Москвы» *). Если-бы нѣчто подобное случилось въ Босніи или Герцеговинѣ, гр. Бобринскій, несомнѣнно, былъ бы очень взволнованъ. Но рѣчь идетъ не о боснякахъ или герцеговинцахъ, а всего лишь объ ярославскихъ крестьянахъ, и о волненіи гр. Бобринскаго ничего не слышно. Не взволнуетъ его, конечно, и приговоръ харьковской судебной палаты, о которомъ недавно сообщали газеты. Въ харьковской палатѣ слушалось дѣло гг. Ошерова, Исаева, Степанскаго и Моравскаго, обвинявшихся по 102 статьѣ уголовнаго уложенія за принадлежность къ лохвицкой организаціи соціалъ-демократической партіи. Между прочимъ, по отношенію къ одному изъ подсудимыхъ, г. Моравскому, обвиненіемъ было установлено только то, что онъ, будучи секретаремъ названной организаціи, разсылалъ во время предшествовавшей выборамъ въ Государственную Думу агитаціи воззванія о выборѣ кандидатами въ выборщики лицъ по списку с.-д. партіи, при чемъ воззванія эти сами по себѣ ничего преступнаго въ себѣ не заключали. Несмотря на это, Моравскій, какъ и всѣ другіе подсудимые, былъ присужденъ палатой къ лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ на поселеніе **). Этотъ судебный приговоръ создаетъ, несомнѣнно, весьма любопытное положеніе. Извѣстная партія можетъ даже засѣдать въ Государственной Думѣ, но, если эта партія не легализована правительствомъ, то лица, содѣйствовавшія выбору ея кандидатовъ, уже въ силу одного этого оказываются въ глазахъ властей преступниками. При такихъ условіяхъ самые выборы въ Думу являются чѣмъ-то въ родѣ ловушки, подставляемой населенію на предметъ извлеченія изъ его среды преступныхъ элементовъ. И тѣмъ не менѣе можно безошибочно предсказать, что такіе результаты выборовъ въ третью Думу нисколько не взволнуютъ большинство ея дѣятелей. Вѣдь рѣчь идетъ опять-таки не о Босніи и Герцеговинѣ, а всего только о Россіи, которая «къ нарушеніямъ закона привыкла» и для которой всего важнѣе «единеніе и дружба на національной идеѣ». Другое дѣло, если бы рѣчь шла о признаніи русскимъ правительствомъ присоединенія Босніи и Герцеговины къ Австріи. Тогда правительству, если вѣрить гр. Бобринскому, «слѣдовало бы немедленно распустить третью Думу и всѣхъ ея членовъ арестовать» ***).

Россія должна служить «славянской идеѣ». Это не устаютъ на разные лады повторять и гр. Бобринскій, и г. Красовскій, и многіе другіе ихъ единомышленники, усердно зовущіе Россію защищать славянъ отъ Австріи. Но какъ складывается подъ аккомпани-

*) „Рѣчь", 14 октября.
**) „Рѣчь", 29 октября.
***) „Рѣчь", 17 октября.

ментъ этихъ призывовъ жизнь славянскихъ народовъ въ самой Россіи въ рамкахъ того режима, сохраненіемъ и укрѣпленіемъ котораго дѣятельно озабочены гр. Бобринскій и его товарищи?

Быть можетъ, лучшею иллюстраціей къ этому вопросу является школьная исторія, только что разыгравшаяся въ Варшавѣ. За послѣднее время въ Варшавѣ было нѣсколько случаевъ нападеній на русскихъ студентовъ, поступившихъ въ мѣстныя высшія учебныя заведенія, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ бездѣйствовавшія вслѣдствіе оставленія ихъ польскою молодежью. Во всѣхъ случаяхъ такихъ нападеній таинственные виновники ихъ оставались неразысканными полиціей. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ городѣ появились прокламаціи, выпущенныя отъ имени никому неизвѣстнаго «народнаго рабочаго союза» и приглашавшія населеніе къ «безпощадному бойкоту» русскихъ студентовъ. Въ отвѣтъ на эти прокламаціи варшавскій генералъ-губернаторъ Скалонъ 14 октября напечаталъ въ «Варшавскомъ Дневникѣ» особое оффиціальное сообщеніе. «Я не вѣрю пока,—говорилъ онъ въ этомъ сообщеніи—чтобы все польское общество могло сочувствовать, а тѣмъ болѣе содѣйствовать дикой кулачной расправѣ надъ учащимися. Культурность польскаго общества, казалось бы, должна его предостеречь отъ подобнаго варварскаго пріема, а присущая полякамъ любовь къ родинѣ не можетъ не привести ихъ къ сознанію, что, чѣмъ больше они, подданные русскаго государства, будутъ ополчаться противъ русской школы, тѣмъ быстрѣе будетъ умаляться возможность полученія изъ рукъ того же государства (а изъ другихъ рукъ получить невозможно) прочныхъ гарантій дальнѣйшаго сохраненія частной польской школы. Бойкотъ русской школы приведетъ не къ защитѣ польской, какъ заблуждаются насильники, а наоборотъ—къ ея гибели». Генералъ-губернаторъ высказывалъ предположеніе, что «безумная и преступная мысль бойкота вышла отчасти изъ среды незрѣлой молодежи, не отдающей себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, частью же изъ подонковъ общества». «Этимъ преступнымъ, какъ въ глазахъ правительства, такъ и самого общества отщепенцамъ—продолжалъ онъ—открыто объявляю, что безнаказаннымъ я не оставлю ни одного прямого или косвеннаго насилія надъ учащимъ или учащимся въ русской мѣстной школѣ. Отвѣтъ будутъ нести всѣ, какъ непосредственные виновники, такъ и ихъ пособники, укрыватели и даже пассивно относящіеся къ происходящему на ихъ глазахъ насилію. Въ мѣрахъ же наказанія я не остановлюсь предъ самыми крайними степенями. Помните, что чрезвычайная охрана существуетъ и военные суды будутъ дѣйствовать и впредь».

Польская печать не замедлила отозваться на это удивительное сообщеніе. На другой же день во всѣхъ главныхъ варшавскихъ газетахъ появились статьи, указывавшія, что польское общество не имѣетъ ничего общаго съ террористическими нападеніями на русскихъ студентовъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ ни польское обще-

ство, ни польская школа не могутъ нести и отвѣтственности за эти нападенія. Тѣмъ не менѣе, хотя никакихъ новыхъ нападеній на русскихъ студентовъ не произошло, 15 же октября состоялось постановленіе генералъ-губернатора Скалона о закрытіи 16 польскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Варшавѣ, благодаря чему около 6-ти тысячъ дѣтей были выброшены изъ стѣнъ школы на улицу. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ - губернаторъ объявилъ, что въ случаѣ повторенія нападеній на русскихъ студентовъ будутъ закрыты всѣ польскія школы въ Варшавѣ, а затѣмъ и во всемъ краѣ. Польская печать встрѣтила эту мѣру отзывами, исполненными глубокаго недоумѣнія. Различные органы варшавской прессы въ одинъ голосъ указывали на то, что предшествовавшее этой мѣрѣ сообщеніе генералъ-губернатора, при всѣхъ содержавшихся въ немъ угрозахъ, все же носило лишь характеръ предупрежденія, обращеннаго къ обществу, и не давало возможности предполагать немедленнаго примѣненія къ польской школѣ репрессій, вовсе къ тому же не заслуженныхъ ею и являющихся тяжелымъ ударомъ для всей польской націи. Прошло нѣсколько дней, и въ варшавскихъ газетахъ появилось заявленіе представителей трехъ польскихъ политическихъ партій: національной демократіи, партіи реальной политики и польскаго прогрессивнаго объединенія. Въ этомъ документѣ представители названныхъ партій заявляли, что, согласно ихъ взгляду, «польское общество въ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію своихъ національныхъ нуждъ и къ расширенію своихъ правъ, не можетъ прибѣгать къ некультурнымъ средствамъ и тѣмъ болѣе къ насилію ни въ какой формѣ и ни въ какой области», что польская школа имѣетъ своей задачей «воспитывать молодежь въ любви къ родной землѣ, не прививая при томъ чувства какой-либо ненависти», и что они, будучи вполнѣ освѣдомлены о такомъ именно духѣ польской школы, «положительно высказываются противъ того, чтобы на все польское общество и на польскія школы возлагаема была отвѣтственность за преступныя дѣянія отдѣльныхъ лицъ, стоящихъ внѣ вліянія и дѣйствующихъ вопреки идеямъ и взглядамъ общества и съ явнымъ для него вредомъ». На другой день послѣ этого, 21 октября, въ «Варшавскомъ Дневникѣ» было опубликовано новое сообщеніе генералъ-губернатора.

«14 октября,—говоритъ онъ здѣсь,—я обратился къ польскому обществу съ призывомъ воздѣйствовать на прекращеніе возраставшаго бойкота мѣстной русской школы. Какъ бы въ отвѣтъ на это, нѣкоторыя польскія газеты въ тотъ же вечеръ, а другія впослѣдствіи заявили, что общество помочь бѣдѣ не можетъ, что оно безсильно и находится въ безвыходномъ положеніи.

«Видя въ этомъ заявленіи прискорбный фактъ уклоненія отъ желаемаго, въ интересахъ самого же общества воздѣйствія, я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ административной репрессіи, возможности примѣненія которой часть общества, повидимому, еще не вѣрила даже по прочте-

ніи моего воззванія. На слѣдующій же день 16 среднихъ учебныхъ заведеній въ Варшавѣ были закрыты.

«16 октября одной польской депутаціи, явившейся съ ходатайствомъ о скорѣйшемъ открытіи школъ, я поручилъ отвѣтить, что пока общество устами своихъ политическихъ вождей не будетъ имѣть мужества гласно осудить бойкотъ государственной школы, независимо отъ формъ его проявленія, до тѣхъ поръ объ удовлетвореніи этого ходатайства не можетъ быть и рѣчи.

«Вчера въ мѣстныхъ польскихъ газетахъ опубликовано отъ имени всѣхъ польскихъ явныхъ политическихъ партій воззваніе, осуждающее бойкотъ „въ какой бы то ни было формѣ и области".

«Привѣтствуя этотъ знаменательный актъ, какъ неопровержимое доказательство торжества трезвой политической мысли польскаго общества надъ остатками потухающей вѣры въ самоуправство, я вмѣстѣ съ тѣмъ полагаю, что со вчерашняго дня молодежь, желающая учиться въ государственной школѣ, пріобрѣла новую гарантію своей физической и духовной неприкосновенности, болѣе прочную, чѣмъ полицейскія мѣры или огульныя суровыя репрессіи. Этою новою гарантіею является теперь защита, порука самого общества.

«Въ виду такого поворота дѣла я сегодня же распорядился открытіемъ всѣхъ закрытыхъ въ Варшавѣ польскихъ учебныхъ заведеній».

Для ген. Скалона при обуревающей его административной энергіи, видимо, не существуетъ трудныхъ положеній. Все для него представляется въ высшей степени простымъ и яснымъ. Нападаютъ на улицахъ Варшавы неизвѣстные люди на русскихъ студентовъ, и полиція не можетъ разыскать виновниковъ этихъ нападеній,—можно возложить отвѣтственность за нихъ на все польское населеніе города и даже цѣлаго края и пригрозить закрытіемъ польскихъ школъ. Не нравятся генералъ-губернатору отзывы польскихъ газетъ объ этой угрозѣ, не вѣритъ часть польскаго общества въ ея осуществимость,—можно привести угрозу въ исполненіе. Просятъ представители польскаго общества отмѣнить нелѣпую огульную кару, наложенную на все населеніе за проступки таинственныхъ незнакомцевъ,—можно предварительно потребовать отъ «политическихъ вождей» общества отреченія отъ солидарности съ этими проступками и можно даже восхвалять полученное такимъ путемъ отреченіе, какъ прочную гарантію порядка, «болѣе прочную, чѣмъ полицейскія мѣры или огульныя суровыя репрессіи». И было бы, конечно, совершенно безполезно пытаться убѣдить ген. Скалона въ томъ, что разыскивать преступниковъ дѣло не общества, а полиціи, что институтъ круговой поруки давно отжилъ свое время и что недовольство генералъ-губернатора тономъ польскихъ газетъ во всякомъ случаѣ не должно отражаться на судьбѣ польскихъ школъ. Такая попытка была бы тѣмъ болѣе безполезна, что въ сущности вѣдь ген. Скалонъ лишь отражаетъ въ своемъ лицѣ общій порядокъ, лишь осуществляетъ въ своихъ пріемахъ управленія общую систему дѣйствующаго режима. И когда люди, поддерживающіе этотъ режимъ, въ который входятъ подобные опыты надъ польскимъ народомъ, одновременно утверждаютъ, что главное

назначеніе Россіи заключается сейчасъ въ томъ, чтобы служить «славянской идеѣ» и осуществлять «славянскую взаимность», невольно приходитъ на умъ, что они обманываютъ или сами себя, или кого-то другого. Въ дѣйствительности, вѣроятно, происходитъ и то, и другое.

Я взялъ лишь немногіе частные эпизоды современной русской жизни. Дѣло, конечно, не въ частныхъ эпизодахъ, и, если я все-таки позволилъ себѣ напомнить читателю нѣкоторые изъ нихъ, то лишь для того, чтобы на ихъ примѣрѣ нагляднѣе и рельефнѣе представить создавшееся въ нашей жизни общее положеніе. Націоналистическая проповѣдь въ современной русской общественной средѣ сохраняетъ то самое значеніе, которое было присуще ей всегда и вездѣ. Раздуваніе интереса къ внѣшнимъ задачамъ государства соединяется въ ней съ стремленіемъ уйти отъ задачъ, поставленныхъ развитіемъ внутренней жизни народа. Громкія рѣчи о «національномъ достоинствѣ» и «національной чести» прикрываютъ собою холодное равнодушіе къ нуждамъ и интересамъ народныхъ массъ, обращаемыхъ въ пассивное орудіе для достиженія цѣлей, не ими поставленныхъ и не вытекающихъ непосредственно изъ ихъ жизни. И такое положеніе дѣла нисколько не измѣняется, когда въ націоналистической пропагандѣ принимаютъ участіе и либеральные элементы. Послѣдніе при этомъ лишь дѣлаютъ шагъ впередъ навстрѣчу защитникамъ существующаго порядка, лишь помогаютъ имъ укрѣпить оберегаемыя ими позиціи или, по меньшей мѣрѣ, отвлечь вниманіе отъ этихъ позицій. Присоединяясь къ проповѣди «единенія и дружбы на національной идеѣ», либеральные дѣятели естественно переходятъ вслѣдъ затѣмъ къ призывамъ во имя этой идеи прекратить «рознь и распри» на соціальной почвѣ и тѣмъ самымъ начинаютъ служить дѣлу, прямо противоположному общественному прогрессу. Попытка въ критическій моментъ народной жизни отойти отъ роковыхъ вопросовъ, поставленныхъ ею, и подмѣнить ихъ задачами внѣшней политики не можетъ пройти безнаказанной и неизбѣжно влечетъ за собою перемѣну знамени.

Дѣло сводится въ данномъ случаѣ именно къ перемѣнѣ знамени. Если бы рѣчь шла только о расширеніи знакомства русскаго общества съ другими славянскими племенами и о созданіи идейнаго сближенія между ними, противъ этого, само собой разумѣется, нельзя было бы возражать. Мы имѣли бы передъ собою культурное предпріятіе, не менѣе цѣнное, чѣмъ и всякое другое, ему подобное. Но передъ нами происходитъ нѣчто совершенно иное, намъ ставится чисто политическая задача для текущаго момента и ее-то и приходится оцѣнивать. Для такой оцѣнки стоитъ лишь вспомнить наше недавнее прошлое. Всего четыре года тому назадъ, громадное количество нашихъ общественныхъ дѣятелей громко выражало убѣжденіе, что при существующихъ въ Россіи порядкахъ «дальше жить нельзя». Теперь, когда тѣ же самые по-

рядки не только сохранились, но и достигли небывалой степени напряженія, когда вся громадная страна вплоть до послѣдняго ея уголка мечется въ судорогахъ отчаянія и стонетъ подъ неслыханнымъ еще гнетомъ произвола и насилія, часть тѣхъ же дѣятелей увѣряетъ насъ, что въ существующихъ условіяхъ не только можно жить, но можно переживать «національное возрожденіе» и должно ставить странѣ «задачу единенія на національной идеѣ» въ цѣляхъ разрѣшенія славянскаго вопроса. И самую постановку такой задачи передъ нами оправдываютъ тѣмъ, какъ это сдѣлалъ хотя бы г. Маклаковъ въ не разъ уже цитированной мною лекціи, что, проповѣдуя возрожденіе націонализма, «мы беремъ изъ рукъ реакціи это знамя, ея единственный психологическій рессурсъ, какъ это назвалъ одинъ русскій писатель» *). Но если вражескія знамена и берутъ, то вѣдь не для того, чтобы подъ нихъ становиться, а лишь для того, чтобы сдать ихъ въ музей на память объ одержанной побѣдѣ. Стать же подъ чужое знамя можно, только уйдя изъ-подъ своего собственнаго, а это едва-ли можно считать серьезнымъ шагомъ къ побѣдѣ.

Сами либеральные дѣятели, перешедшіе въ націоналистическій лагерь, по всей видимости, склонны считать этотъ переходъ весьма серьезнымъ шагомъ, обѣщающимъ повлечь за собою большія послѣдствія. Но, глядя со стороны, трудно присоединиться къ этому мнѣнію. Не такъ ужъ много серьезнаго въ воинственномъ бряцаніи оружіемъ при нынѣшнемъ состояніи Россіи. Не особенно много серьезнаго и въ разговорахъ о «Россіи 17 октября», готовой идти на защиту славянъ, но высказывающей свои взгляды только устами ораторовъ, которымъ разрѣшила говорить полиція, и могущей осуществить свое желаніе только черезъ посредство г. Извольскаго. Не особенно серьезно, наконецъ, и самое возрожденіе идей славянскаго націонализма, какъ будто происходящее среди одной, по крайней мѣрѣ, части нашей интеллигенціи. Почва, на которой эти идеи могли прочно укореняться и давать пышные цвѣты, давно исчезла изъ нашей духовной жизни, и теперь онѣ врядъ-ли смогутъ оказаться у насъ особенно долговѣчными. Правда, рѣчи нашихъ новоявленныхъ проповѣдниковъ славянскаго націонализма полны громкаго паѳоса, но это паѳосъ особаго рода, немного сродни тому, съ которымъ пишутся теперь даже балетныя рецензіи.

На-дняхъ мнѣ случилось прочитать въ одной большой и серьезной петербургской газетѣ необыкновенно патетическую замѣтку объ исполненіи балета «Дочь Фараона». Вся эта замѣтка, написанная, очевидно, спеціалистомъ балетнаго дѣла, была полна глубокаго чувства, но съ особенной силой паѳосъ автора прорывался въ заключительныхъ строкахъ. «Г-жа Эдуардова, исполнявшая

*) „Рѣчь", 2 ноября.

«Неву»,—горестно указывалъ авторъ замѣтки — совершенно не знаетъ, что такое «русская». Неужели послѣ Л. П. Радиной нѣтъ болѣе никого на эти роли? Скоро хотятъ возобновить «Русалку». Кто же будетъ исполнять славянскій танецъ?» *).

Я не знаю, кто будетъ исполнять «русскую» въ «Дочери Фараона» и «славянскій танецъ» въ «Русалкѣ», но въ нашей общественной жизни есть теперь много охотниковъ исполнять и «славянскій танецъ», и «русскую». Если вѣрить газетнымъ свѣдѣніямъ, члены третьей Думы собираются даже вскорѣ устроить въ залахъ Дворянскаго собранія цѣлый костюмированный славянскій балъ. Но танцами все-таки не разрѣшить ни славянскаго вопроса, ни вопросовъ русской жизни. Танцы смотрятся и забываются. А суровая жизнь идетъ своей дорогой и дѣлаетъ свое дѣло.

В. Мякотинъ.

Новыя книги.

Сергѣй Ауслендеръ. Золотыя яблоки. Разсказы. Книгоиздательство „Грифъ". Москва. 1908. Ц. 1 руб.

Въ книжкѣ г. Ауслендера собрано нѣсколько историческихъ разсказовъ, въ которыхъ значительныя историческія событія отступаютъ на задній планъ, рисуясь въ отдаленной перспективѣ, чтобы уступить первое мѣсто душевной жизни людей стараго времени, ихъ бытовой обстановкѣ, ихъ повседневному обиходу. Въ детальномъ изображеніи послѣдняго авторъ проявляетъ извѣстную настойчивость; чувствуется, что онъ старался узнать то, чему хочетъ учить другихъ, чувствуется, что онъ начитанъ. Къ сожалѣнію, послѣднее чувствуется слишкомъ сильно—настолько сильно, что заглушаетъ всякое иное впечатлѣніе, которое могли бы произвести разсказы г. Ауслендера. Болѣе всего эта чрезмѣрная книжность, эта надоѣдливая литературность проявляется въ невыносимо искусственной манерѣ, въ которой авторъ излагаетъ свои повѣствованія. Онъ разсказываетъ не такъ, какъ разсказываютъ теперь; онъ старается воспроизвести обстоятельную манеру стариннаго разсказчика и, кажется, въ этомъ воспроизведеніи старой книжной формы разсказа заключается для г. Ауслендера задача его творчества и смыслъ его произведеній. Иногда это подражаніе ему удается, иногда вмѣстѣ съ манерой стараго повѣствованія оно

*) «Рѣчь», 21 октября.

схватываетъ кой-что и изъ настроеній разсказчика; иногда мелочи обстановки и обихода, намѣченныя имъ, мелькаютъ, какъ напоминаніе объ интимной жизни прошлаго. Но все это мелочи; мелка манера г. Ауслендера, мелки его литературные интересы, однообразны его пріемы, и не только его разсказы, но и его герои надоѣдливо похожи одинъ на другого. Онъ разсказываетъ не отъ своего имени—разсказчикомъ является то французъ эпохи великой революціи, то авторъ «Занятной книги любовныхъ и трагическихъ приключеній», то новеллистъ изъ итальянскаго Возрожденія, то нѣкто, причастный еще живому міру эллинизма,—но всѣ они разсказываютъ на одинъ ладъ, стараясь показать, что это ладъ старинный, разсказываютъ протяжно, обстоятельно, въ весьма распространенныхъ и длительныхъ фразахъ съ вводными эпизодами и многочисленными придаточными предложеніями, построенными не всегда грамматично, но, тѣмъ болѣе, архаично. Такимъ образомъ, героемъ занятныхъ новеллъ г. Ауслендера является для автора по преимуществу сочиненный разсказчикъ. Во всемъ этомъ чувствуется больше теоріи и моды, чѣмъ дѣйствительно творческой внутренней необходимости.

«Издали слѣдуя за Монклеръ, я вздрогнулъ отъ неожиданности, когда въ узенькомъ темномъ коридорѣ двѣ нѣжныя руки обвились вокругъ моей шеи, и, цѣлуя со смѣхомъ, она, видимо хорошо знавшая расположеніе дома, увлекла меня въ маленькую, совершенно такую же, какъ въ которой я переодѣвался, комнату, изъ всей мебели имѣвшую одинъ столъ, что, впрочемъ, не слишкомъ затруднило насъ».

Въ этой взятой безъ большихъ поисковъ фразѣ весь г. Ауслендеръ съ его миленькой манерностью, миленькой сверхкультурностью, миленькимъ безстыдствомъ. Любовными соединеніями—на столѣ или подъ столомъ—богатъ каждый его разсказикъ, и каждое изъ нихъ изображено съ такой же божественной скромностью, какъ въ приведенной фразѣ. Первобытная наивность безгранично свободнаго и естественнаго существа должна проникать всѣ эти разсказы, изъ которыхъ ни одинъ не ведется отъ лица нашего современника. Но не здоровый и могучій въ порывахъ своего первобытнаго темперамента человѣкъ свободнаго отъ морали прошлаго смотритъ на насъ изъ этихъ разсказовъ, а скорѣе испорченный мальчуганъ современнаго большого города. Онъ «позволяетъ себѣ», онъ старается, онъ мудритъ, онъ литературничаетъ—и объ этомъ надо жалѣть, потому что у него есть маленькое дарованіе, есть вкусъ, есть историческая угадка. Жаль, что онъ не идетъ дальше безпредметнаго эстетизма, дальше салонно-имморальныхъ бездѣлушекъ, дальше рѣшенія стилистическихъ задачъ, которыя, право, не такъ замысловаты, какъ кажется ему самому.

А. А. Измайловъ. Кривое зеркало. Пародіи и шаржи. Изд. журнала „Театръ и Искусство". Спб. 1908. Стр. 179. Ц. 1 р.

Содержаніе веселой книжки г. Измайлова не только забавно, но и поучительно. Съ даромъ критическаго здравомыслія онъ соединяетъ недурное умѣніе владѣть стихотворной и беллетристической формой—и, пародируя, язвитъ каррикатурой то, съ чѣмъ борется въ легкой прозѣ своихъ критическихъ статей. Задача его была не трудна: поэты, избранные имъ, въ большинствѣ случаевъ такъ далеко идутъ въ экстравагантности своихъ измышленій, что сами переступаютъ роковую грань. Но даромъ въ вольномъ подражаніи г-жѣ Зинаидѣ Гиппіусъ поэтесса у г. Измайлова говоритъ:

На себя сама строчу
Злѣйшія пародіи...

А вмѣсто пародіи на критическое глубокомысліе г. Андрея Бѣлаго г. Измайловъ просто взялъ подлинную цитату изъ критической статьи этого автора, напечатанной въ № 5 «Вѣсовъ» за текущій годъ: и здѣсь подлинникъ вышелъ злѣе всякой пародіи. Конечно, настоящей злости нѣтъ у г. Измайлова—и его благодушіе позволяетъ ему съ одинаковымъ успѣхомъ пародировать и Вячеслава Иванова, и Тургенева. Его литературная сатира не убиваетъ, надъ его шаржемъ осмѣянный авторъ можетъ посмѣяться вмѣстѣ съ читателемъ. Но эти пародіи способны служить не только забавѣ; утрируя, онѣ выясняютъ среднему читателю слабыя стороны осмѣянныхъ авторовъ; онѣ показываютъ, какъ много банальности, манеры и условности въ томъ, что подчасъ прикидывается свободнымъ творчествомъ, какъ мало подлинной индивидуальности какъ разъ въ томъ, что во имя индивидуализма столь охотно попираетъ всѣ законы божескіе и человѣческіе: не только законы морали и благопристойности, но—увы! также законы русской рѣчи и здраваго смысла. Здѣсь хороша шаржирующая насмѣшка г. Измайлова. Но и тамъ, гдѣ она изъ сатирической пародіи переходитъ въ просто забавляющее травести—напр., въ подражаніяхъ кургановскимъ анекдотамъ—даже въ этихъ безпредметныхъ образцахъ искусства для искусства она очень мила и способна не только вызвать веселый смѣхъ, но и научить кой чему. Лучше всего удаются г. Измайлову стихотворныя пародіи на современныхъ лириковъ; не разъ, вѣрно, будутъ цитированы его стихи «подъ Скитальца»:

Мнѣ вмѣсто головы дала природа молотъ,
Не сердце въ грудь, а горнъ, не руки, а клещи.
Въ безумной роскоши тонулъ вашъ гнусный городъ,
А я ѣлъ щи!..

или «подъ Вячеслава Иванова»:

Эрота выспреннихъ и стремныхъ крыльяхъ на
Отъ мірныхъ пущъ въ вошшбѣ мечты лечу далече.
Чувствъ пламныхъ посреди горю, какъ купина,
Съ тобой, безликой, алчу встрѣчи.

Удачны также циклы: «Любовь у старыхъ и новыхъ писателей» и «Исторія русской критики». Напрасно только въ послѣдней авторъ удѣляетъ мѣсто нѣкоему Россовскому, никому неизвѣстному рецензенту: если ужъ онъ рѣшилъ пародировать образцы современнаго критическаго хулиганства, то слѣдовало выбрать болѣе славныхъ его представителей. Но, конечно, не благодушной пародіи г. Измайлова бороться съ этой литературной скверной.

Р. Киплингъ. Избранные разсказы. Переводъ Н. П. А. подъ редакціей Ив. А. Бунина. Кн. I и II. Москва 1908.

Редіардъ Киплингъ писатель съ большими недостатками и съ еще большими достоинствами. Онъ воплотилъ въ себѣ хищную завоевательную сторону англійскаго генія. Если бы Гастингсъ и лордъ Клайвъ, завоеватели Индіи, писали повѣсти, они писали бы ихъ стилемъ Киплинга. Киплингъ не только завоеватель, это фибустьеръ и пиратъ, какъ увѣряютъ его противники. За то это пиратъ настоящій и доподлинный. Быть пиратомъ такъ весело. Киплингъ часто проливаетъ кровь, но никогда не проливаетъ воду. Основное правило Киплинга: «Не жди, чтобы тебя ударили, самъ первый ударь». Этимъ онъ напоминаетъ Горькаго. Но Горькій долженъ былъ спуститься до «дна», чтобы отыскать это правило у «бывшихъ людей». Въ Англіи этимъ правиломъ проникнутъ весь народъ и каждый отдѣльный человѣкъ. И благо этому народу, онъ не позволитъ наступить себѣ на ногу ни врагу своему, ни своему правительству. Киплинга называютъ шовинистомъ, но это шовинизмъ особенный, англійскій. При всѣхъ своихъ порокахъ, этотъ шовинизмъ, по крайней мѣрѣ, не совершаетъ покушеній съ негодными средствами, онъ устраиваетъ своему флоту Трафальгаръ, а не Цусиму, онъ совершаетъ жестокости, но не переходитъ мѣры, и бурскую войну заканчиваетъ примиреніемъ и свободнымъ бурскимъ парламентомъ. Киплинга называютъ также милитаристомъ, и въ этомъ есть правда. Но въ то же самое время онъ проникаетъ въ психологію военщины съ неожиданной глубиной и безстрашіемъ. Онъ срываетъ съ нея покровъ часто противъ воли и открываетъ ее передъ нами во всей звѣриной и необузданной наготѣ. Военныя картины Киплинга не забываются. Здѣсь есть всѣ моменты военной жизни: битва, грабежъ, пораженіе, дезертирство, бунтъ.

Съ другой стороны, Киплингъ воплотилъ въ себя также всю ширину англійскаго географическаго простора. Этотъ англійскій креолъ, рожденный въ Индіи и воспитанный въ Англіи, принесъ съ собою одно изъ важнѣйшихъ расширеній литературнаго поля, связанное со всей исторіей новѣйшей литературы. Ибо расширеніе литературнаго поля происходитъ по двумъ направленіямъ: вглубь, въ сторону болѣе широкихъ соціальныхъ слоевъ, и въ ширь, въ сторону покоренныхъ народностей и племенъ малоизвѣстныхъ. То

и другое совершается почти одновременно. Ибо такъ называемые «бѣднѣйшіе классы населенія» имѣютъ съ инородцами общую судьбу даже въ литературѣ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ фигурами въ лохмотьяхъ, съ голой грудью и засученными рукавами, являются другія фигуры въ тюрбанахъ и пестрыхъ мантіяхъ. Рядомъ съ бѣлыми людьми являются черные и желтые, рядомъ съ христіанами буддисты и язычники. Самыя краски мѣняются. Являются южные цвѣта, яркіе, брызжущіе солнцемъ: синее индиго изъ настоящей Индіи, алая марена съ Кавказа; являются краски полярныя, нѣжныя, дрожащія и призрачныя, отраженныя отъ глубокой прозрачности ледяныхъ горъ, или отъ дѣвственныхъ снѣжныхъ равнинъ. И литературы отдѣльныхъ народовъ сливаются и перемѣшиваются, и получается новое: литература всего человѣчества.

Индійскіе разсказы Киплинга,—одни изъ лучшихъ существующихъ въ литературѣ. Они простые, мудрые, страшные, прекрасные, какъ жизнь. Одни полны глубокаго внутренняго юмора. Другіе съ первыхъ двухъ словъ открываютъ предъ нами зловѣщую трагедію, возможную только на востокѣ. Самая манера письма у Киплинга сгущается еще больше, становится короткой, отрывистой, молніеносной. Его фразы, почти какъ вопли, которые вырываются изъ суроваго сердца въ порывѣ жестокой страсти. Въ то-же самое время Киплингъ вмѣстѣ съ Мопассаномъ и Чеховымъ представляетъ одну и ту же полосу въ развитіи литературы. Всѣ трое явились въ одно и то же время. Они какъ бы завершили эпоху наблюденія 19 вѣка и выбросили предъ нашими глазами необъятную груду человѣческихъ документовъ. Они какъ бы заранѣе знали, что послѣдующая эпоха будетъ меньше смотрѣть въ жизнь, и торопились подарить намъ свои неисчислимыя богатства. Мопассанъ, Чеховъ, Киплингъ,—каждый изъ нихъ характеризуетъ цѣлый народъ. Первые двое умерли рано. Мопассанъ отъ больного мозга, Чеховъ отъ больного сердца. Киплингъ живъ и здравствуетъ. Онъ сдѣланъ изъ болѣе грубого и прочнаго человѣческаго матеріала. Но, несмотря на несходство характеровъ, Киплингъ и Чеховъ близки многими частями своего творчества. Чиновничьи разсказы Киплинга во всемъ напоминаютъ Чехова. Иные изъ нихъ беззаботные, полные странныхъ сплетеній и причудливаго смѣха. Другіе болѣе жутки, болѣе трагичны. Это разсказы о неизвѣстныхъ людяхъ, заброшенныхъ въ глуши, живущихъ жалованьемъ, половину котораго приходится посылать роднымъ. Надъ ними сверкаетъ раскаленное небо Индіи. Кругомъ нихъ голодъ, холера, чума. Они заработываются до смерти, спиваются, умираютъ отъ заразы или отъ сумасшествія. Чеховъ описывалъ такими чертами жизнь земскихъ врачей, фельдшеровъ, учителей, страховыхъ агентовъ.

Поле наблюденій Киплинга поистинѣ громадное. Оно тянется отъ Лондона до Калифорніи и отъ Калькутты до Новой Зеландіи.

Англійскіе критики называютъ Киплинга «писателемъ въ пространствѣ». До послѣдняго времени онъ имѣлъ одновременно двѣ осѣдлости, одну въ Англіи въ графствѣ Вильтширъ, а другую въ Америкѣ, въ штатѣ Вермонтъ. Эту вторую осѣдлость репортеры окрестили «вороньимъ гнѣздомъ». Такъ называется въ морскомъ обиходѣ бочка, привязанная на верху корабельной мачты. Она носится по океану вмѣстѣ съ судномъ. Въ бочкѣ сидитъ матросъ. Его глаза вооружены подзорною трубою. Днемъ и ночью онъ наблюдаетъ за измѣненіемъ стихій. Киплингъ писатель-путешественникъ. Онъ описываетъ индійскія джунгли, американскія преріи, Суданъ, Бирму, Австралію, Капскую Землю. Все это онъ видѣлъ и посѣтилъ не разъ.

Точность наблюденій Киплинга не менѣе поразительна.

Вотъ четвертая серія его разсказовъ, знаменитая звѣриная серія. Онъ выводитъ передъ нами безконечно длинный рядъ животныхъ, каждое въ своей особой обстановкѣ, съ собственнымъ именемъ и собственными мыслями, даже съ оригинальнымъ языкомъ, который какъ будто хранитъ слѣды перевода съ подлиннаго звѣринаго языка. Вотъ Моугли, волчій братъ, мудрый удавъ Каа, ученый медвѣдь Балу, черная пантера Баггира; вотъ ручная серія, слуги королевы: Слонъ Двоехвостъ, вьючный мулъ Билли, обозный рабъ верблюдъ и тысячи другихъ.

Вотъ новая серія, пятая числомъ, разсказы изъ области механики, *локомотивъ № 007*, *судно, которое заговорило собственнымъ языкомъ*. Киплингъ неожиданно становится кочегаромъ, машинистомъ, корабельнымъ механикомъ и описываетъ каждую шестерню съ полнымъ знаніемъ дѣла. Машины у Киплинга не только слажены правильно и точно. Онѣ живутъ, рождаются, вступаютъ въ драку. У нихъ своя борьба, свое хвастовство.

У насъ въ Россіи мало знаютъ Киплинга, несмотря на значительное количество существующихъ переводовъ и изданій. Всѣ они случайны, разрознены и плохи. Худшія вещи переведены, напр.: «Копуко», «Наулака». Лучшія вещи остались безъ перевода. Почти всѣ переводы назначены для дѣтскаго чтенія, и сами переводчики называютъ ихъ не книгами, а книжками. А между тѣмъ Киплингъ, конечно, не только дѣтскій писатель. Переводить Киплинга трудно даже при хорошемъ знаніи англійскаго языка. Онъ употребляетъ десятки говоровъ и нарѣчій: англоиндійское, англо-американское и англо-австралійское, вставляетъ мѣстныя словечки и туземныя выраженія. Лучшія англійскія изданія снабжены даже словаремъ этихъ выраженій. Языкъ Киплинга такъ труденъ, что, по моему мнѣнію, переводить его могутъ только писатели-художники. Въ этомъ отношеніи Брюсовъ, Блокъ, Зайцевъ и другіе писатели ввели прекрасный обычай, который слѣдовало бы расширять и культивировать всѣми мѣрами.

Еще труднѣе дѣлать выборъ изъ Киплинга. Ему 43 года отъ

роду, но онъ написалъ 32 тома разсказовъ и стиховъ. Киплингъ—писатель неровный. Далеко не всѣ его повѣсти имѣютъ одинаковую цѣнность.

Чтобы дать русскимъ читателямъ понятіе о Киплингѣ, слѣдуетъ всѣ переводы расположить по серіямъ, чиновничьи разсказы особо, и военные особо, индійскіе особо и звѣриные также особо. Хотя, разумѣется, англійскія изданія не соблюдаютъ такого раздѣленія и придерживаются хронологическаго порядка.

Новое изданіе Киплинга, подъ редакціей Бунина, къ сожалѣнію, мало отличается отъ самыхъ плохихъ переводовъ прежняго времени. Разсказы надерганы случайно и перемѣшаны, какъ будто, нарочно. Напримѣръ, во второмъ томѣ, между двухъ военныхъ разсказовъ, помѣщенъ разсказъ «Въ лѣсу», который составляетъ окончаніе извѣстной «Книги о Джунгляхъ», хотя и написанъ позже. Въ отдѣльномъ видѣ его даже трудно понять. Тутъ же зачѣмъ-то помѣщенъ разсказъ: «Бывшій человѣкъ», одинъ изъ худшихъ у Киплинга, особенно ненужный для насъ, русскихъ. Онъ описываетъ возвращеніе англійскаго офицера, который будто бы былъ взятъ въ плѣнъ во время крымской кампаніи и сосланъ въ Челябинскъ (?). Въ этомъ разсказѣ фигурируетъ нелѣпый казачій офицеръ Дирковичъ, онъ произноситъ нелѣпыя слова, будто бы русскія, написанныя англійскими буквами. Почти третья часть повѣстей въ обоихъ томахъ принадлежитъ къ болѣе слабымъ изъ повѣстей Киплинга.

Языкъ переводовъ тяжелый, почти мучительный. Весь цвѣтъ и запахъ Киплинга пропалъ. Онъ сталъ вялымъ, прѣснымъ и соннымъ. Англійскіе солдаты въ руссомъ переводѣ разговариваютъ такъ: «Умри и будь проклятъ послѣ сего!» (т. II, стр. 277). Это Третьяковскій, а не Киплингъ. На каждомъ шагу попадаются самыя забавныя, самыя удивительныя ошибки. Copper городовой превратилось въ собственное имя Копэръ (т. II, 270). Infant—Малютка (такъ былъ прозванъ молодой офицеръ за свой огромный ростъ) тоже превратилось въ собственное имя—Инфантъ (т. II, стр. 125). Bluebeard—Синяя Борода опять-таки сдѣлалось собственнымъ именемъ, г. Бльюбердъ, (т. II, стр. 258). Какая-то неистовая страсть къ собственнымъ именамъ. Бирманскіе офицеры попадаютъ въ черногорскую экспедицію, хотя въ Бирмѣ есть собственныя Черныя Горы, и дѣло идетъ именно о нихъ (т. II, стр. 125). Вмѣсто: фунтъ дикихъ сливъ переведено: фунтъ дикихъ перьевъ (т. I, стр. 276); переводчикъ смѣшалъ plums сливы и plumes перья. Lunatic, сумасшедшій, упорно переводится: лунатикъ.

— Благодарю тебя, Братъ внутренней Стражи, — сказалъ Крукъ, хладнокровный, какъ огурецъ безъ соли,—такъ говорятъ у переводчика ирландскіе офицеры (т. II, стр. 282).

— Каждый дѣйствуетъ на свой манеръ, равно какъ и ухаживаетъ за дѣвчонками (т. II, стр. 283),—такъ выражаются тамъ же

ирландскіе солдаты. «Равно какъ и»,—это стиль департаментскихъ бумагъ. Такіе переводы только отдаляютъ возможность знакомства русской публики съ настоящимъ, неискаженнымъ Киплингомъ.

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Выпускъ II. Москва. 1908. Изд. „Научнаго Слова". Стр. 180. Ц. 1 р. 25 к.

Въ двухъ выпускахъ своей книги г. Айхенвальдъ даетъ почти полное обозрѣніе новой русской литературы. Конечно, многія ея явленія—даже изъ значительныхъ—еще не затронуты авторомъ, но случайности не чувствуется въ его выборѣ; есть, очевидно, планъ, который постепенно выполняется и будетъ законченъ. Правда, критическіе пріемы г. Айхенвальда даютъ возможность говорить о планѣ лишь съ нѣкоторой оговоркой. Въ лучшемъ случаѣ онъ даетъ лишь галлерею силуэтовъ, полную по составу, но разъединенную по выполненію. Онъ не историкъ литературы, онъ индивидуальный портретистъ; отдѣльныя фигуры крупныхъ и мелкихъ писателей чередуются у него безъ всякой взаимной связи, безъ всякой внутренней динамики: нѣчто вродѣ альбома портретовъ любимыхъ писателей. Перелистываешь такой альбомъ, здѣсь призадумаешься, тамъ любовнымъ взглядомъ остановишься на знакомомъ и миломъ лицѣ, тамъ отмѣтишь сходство, здѣсь отмѣтишь неудачу портретиста, выбравшаго точку зрѣнія, съ которой видно лишь случайное и побочное—и, захлопнувъ такой альбомъ, не пожалѣешь о минутахъ, проведенныхъ за нимъ. Кой-что онъ воскресилъ изъ забытаго, кой-что заронилъ новое. Лучше всего то, что г. Айхенвальдъ окидываетъ писателя общимъ взглядомъ, даетъ его общую характеристику, не разбрасываясь въ частностяхъ; поэтому для первоначальныхъ попытокъ уяснить себѣ обликъ писателя его книга можетъ служить полезнымъ пособіемъ. Наиболѣе выдающуюся способность автора составляетъ то, что называютъ способностью сочувственнаго переживанія,—и онъ охотно пользуется соотвѣтственными критическими пріемами. Онъ освѣщаетъ писателя изнутри, на время сливаясь съ нимъ духовно, претворяясь въ его личность, отказываясь на это время отъ своей, что не такъ трудно, такъ какъ она слаба и невыразительна. И перевоплотиться въ другого онъ, конечно, можетъ лишь въ слабой степени,—нельзя безнаказанно перевоплощаться во всѣхъ,—и оттого, какъ ни разнообразны облики писателей, взятыхъ г. Айхенвальдомъ, какъ ни различны ихъ отраженія въ его душѣ, все-таки, когда отойдешь отъ нихъ подальше, въ его характеристикахъ есть что-то безнадежно монотонное и нивеллирующее. Слабый и туманно-благодушный, онъ удѣляетъ Щербинѣ вниманіе, котораго тотъ не заслужилъ, и позволяетъ себѣ невинную роскошь безвреднаго «посягательства» на Тургенева и разноса Островскаго: и читатель полу-

чаетъ—невѣрное, конечно—впечатлѣніе, что Щербина ближе душѣ критика, чѣмъ Тургеневъ и Островскій.

Въ этомъ очеркѣ о Тургеневѣ, не лишенномъ не[illegible]нно[illegible]тныхъ замѣчаній, есть нѣчто фатальное для г. Айхенвальда. Не только потому, что онъ не удержался въ своихъ обличеніяхъ и, какъ всѣ слабые, хватилъ черезъ край, не только потому, что онъ изъ-за деревьевъ не увидѣлъ лѣса и оказался явно несправедливымъ, но потому, что съ какой-то преувеличенной запальчивостью посягая на своего—охотно вѣримъ этому—любимаго писателя, онъ характеризуетъ себя больше, чѣмъ Тургенева. Онъ какъ будто нашелъ у Тургенева недостатки, общіе со своими, и оттого такъ яростно набросился на нихъ, бичуя себя. Когда г. Айхенвальдъ говоритъ, что Тургеневу «слѣдовало прямо выступить русскимъ Боккачіо», что онъ поверхностенъ, что онъ «не создалъ великихъ твореній», что «онъ Лизу сдѣлалъ религіозной, приказалъ ей такою быть, а не то, чтобы эта религіозность органически вытекала изъ ея души»,—то просто удивляешься несправедливости этихъ указаній, хочешь спорить. Но рядъ другихъ замѣчаній направляетъ мысль въ иную сторону. «Онъ говоритъ обо всемъ, у него и смерть, и ужасъ, и безуміе,—но все это сдѣлано поверхностно и въ тонахъ слишкомъ мелкихъ. Онъ вообще легко относится къ жизни, и даже оскорбительно видѣть, какъ онъ трудныя проблемы духа складно умѣщаетъ въ свои маленькіе разсказы, точно въ коробочки... Его мягкость—его слабость... Плавный, занятный, такой безукоризненный въ формѣ, тщательно выписывая детали, онъ удобенъ... Онъ бросаетъ намъ всякіе воланы—всѣ эти изреченія и афоризмы, которые притязаютъ, и часто безъ успѣха, на глубокомысліе и убѣдительность; онъ охорашивается, и свойственны ему литературное кокетство и манерность»... О комъ это? О г. Айхенвальдѣ? Здѣсь каждое слово подходитъ къ нему. Нѣтъ, это г. Айхенвальдъ о Тургеневѣ.

Всего любопытнѣе то, что никакъ нельзя назвать эту характеристику Тургенева невѣрной. Но она была бы вѣрна въ другихъ сочетаніяхъ, въ другой перспективѣ, въ другихъ устахъ. «Истина въ оттѣнкахъ»: подъ перомъ г. Айхенвальда вѣрныя замѣчанія о слабостяхъ Тургенева получили его фатальную акварельную легкость. «Онъ не имѣетъ паѳоса и подлинной серьезности. Онъ показалъ дѣйствительность, но прежде вынулъ изъ нея ея трагическую сердцевину». Если это можно сказать о Тургеневѣ, то со сколь большимъ правомъ должно замѣтить это о г. Айхенвальдѣ. Онъ серьезенъ, конечно, и добросовѣстенъ, и внимателенъ, и литературу любитъ, но именно «трагической сердцевины» у него нѣтъ ни слѣда и оттого, когда онъ говоритъ, что его посягательство на Тургенева «тяжелѣе всего самому посягающему», въ этихъ словахъ нѣтъ вѣса, нѣтъ значительности. Надо вѣрить—тяжело г. Айхенвальду, но немного вѣситъ

эта тяжесть, иначе онъ не жонглировалъ бы ею, не такой ужъ онъ богатырь. «Непріятно, что онъ краснорѣчивъ». О! какъ много—и имен простотѣ—могъ бы еще учиться г. Айхенвальдъ у Тургенева. Отъ того непріятнаго привкуса краснорѣчія много теряетъ его книга, ибо это приподнятое, немножко московское краснорѣчіе вредитъ ея дѣйствію какъ разъ въ тѣхъ кругахъ, куда она должна идти. Есть люди, которыхъ надо ввести въ атмосферу литературы, которыхъ надо заразить лирикой литературнаго увлеченія: очерки г. Айхенвальда отлично восполняютъ эту пропедевтическую задачу. Отъ нихъ писатель становится если не яснѣе, то ближе нашему сердцу—и жаль, если это сближеніе бываетъ нарушено риторическимъ возгласомъ, манернымъ ухищреніемъ. Недурны въ книгѣ г. Айхенвальда также отдѣльныя замѣчанія, иногда тонкія и основательныя, напр.: «нельзя дѣлать предметомъ идилліи самого себя» или указаніе, что Тургеневъ «если и пишетъ съ натуры, то лишь на первыхъ порахъ, для первыхъ штриховъ, а затѣмъ онъ ее бросаетъ и ужъ дальше просто дедуцируетъ: выводитъ поступки героевъ изъ прежняго описанія, характеры изъ характеристики». Много хорошаго также въ очеркахъ, посвященныхъ Достоевскому и Толстому. Основанный на недоразумѣніи, впрочемъ, старомъ въ русской критикѣ, представляется намъ въ значительной части характеристика Щербины. Онъ считалъ себя по крови эллиномъ и писалъ эллинизирующія стихотворенія, и критика повѣрила его эллинству. Но игра воображенія играла здѣсь, конечно, неизмѣримо большую роль, чѣмъ кровное родство. Въ смѣшанной до безконечности крови южно-русскаго обывателя почему-бы съ такой отчетливостью выступила кровь древняго эллина? Но еще важнѣе то, что, быть можетъ, и не было ея совсѣмъ въ маріупольскихъ грекахъ, изъ среды которыхъ вышелъ Щербина; предполагаютъ, что это были огреченные готы. А россіянинъ Щербина по ошибкѣ счелъ себя потомкомъ древнихъ грековъ и воспѣвалъ прекрасный міръ своей мнимой родины—и критика строила и продолжаетъ строить свои заключенія на этомъ забавномъ заблужденіи: любопытный примѣръ произвола и случайности, господствующихъ до сихъ поръ въ критическихъ и историко-литературныхъ предположеніяхъ, смѣло выдающихъ себя за научную истину. Говорятъ о научной критикѣ: гдѣ ужъ тамъ! Хоть бы можно было говорить о критикѣ добросовѣстной и осторожной, и то ужъ было бы хорошо. Къ области послѣдней, несомнѣнно, относятся «Силуэты» г. Айхенвальда, при всѣхъ слабостяхъ и этого импрессіонистскаго жанра, и этого расплывчатаго выполненія.

Шеллингъ. Философскія изслѣдованія о сущности человѣческой свободы.—Бруно, или о божественномъ и естественномъ началѣ вещей. Пер. съ нѣмец. Спб. 1908. X+164 стр. ц. 1 р.

Шеллингъ принадлежитъ исторіи философіи. И, хотя несомнѣнно, что отъ его философіи въ настоящее время не осталось камня на камнѣ, тѣмъ не менѣе, всякому образованному человѣку будетъ весьма полезно ознакомиться по первоисточнику съ мыслями этого, нѣкогда столь могущественнаго «властителя думъ» начала XIX в. Впрочемъ, для насъ, русскихъ, Шеллингъ, пожалуй, имѣетъ и не одинъ историческій интересъ. Вѣдь существуетъ у насъ теперь цѣлая группа философовъ, открыто объявляющихъ себя учениками и послѣдователями Владиміра Соловьева. А что такое Владиміръ Соловьевъ, какъ не русское изданіе Шеллинга въ концѣ XIX в.?

Переводчики выбрали весьма удачно двѣ небольшія работы Шеллинга, которыя являются однѣми изъ важнѣйшихъ среди всѣхъ его трудовъ, и по которымъ вполнѣ можно составить себѣ понятіе о философскихъ пріемахъ автора. Первая изъ этихъ работъ трактуетъ «о сущности человѣческой свободы», вторая—«о божественномъ и естественномъ начала вещей».

Вопросъ о сущности человѣческой свободы приводитъ къ пресловутой проблемѣ о возникновеніи зла. Какъ извѣстно, на рѣшеніе вопроса о происхожденіи зла потрачено не мало человѣческаго генія, а вопросъ этотъ такъ и остался-бы нерѣшеннымъ, если-бы въ концѣ концовъ, не догадались, что такого вопроса нельзя и задавать, и что если ужъ изслѣдовать вопросъ о происхожденіи, то, конечно, не о происхожденіи зла, а о происхожденія добра. Дѣйствительно, великимъ вопросомъ является вопросъ о возникновеніи нравственнаго чувства, чувства любви и долга, а существованіе зла, какъ физическаго, такъ и нравственнаго, не нуждается въ глубокихъ изысканіяхъ.

Но, конечно, подобный взглядъ, будучи вполнѣ естественнымъ для человѣка, стоящаго на научно-эволюціонной точкѣ зрѣнія, совершенно не пріемлемъ для сторонниковъ до-эволюціоннаго міровоззрѣнія. Для нихъ, напротивъ, проблема возникновенія зла являлась одной изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ проблемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, «прежде Бога и помимо Бога нѣтъ ничего» (стр. 26); затѣмъ, Онъ всемогущъ и всеблагъ. Какимъ-же образомъ возможно существованіе зла (какъ физическаго, такъ и нравственнаго) на землѣ? Невольно возникаетъ предположеніе, что Богъ или не можетъ уничтожить зло, но тогда, гдѣ-же Его всемогущество,—или Онъ не хочетъ уничтоженія зла, но тогда, гдѣ-же Его всеблагость! Что бы выпутаться изъ этой страшной дилеммы, нѣкоторые (напр., Лейбницъ) пытались доказать, что зла, собственно говоря, никакого и нѣтъ; что намъ лишь кажется, будто оно существуетъ, а, на самомъ дѣлѣ, зло имѣетъ лишь отрицательное существованіе, и все идетъ наилучше въ этомъ лучшемъ изъ воз-

можныхъ міровъ. Но стонъ страждущаго человѣчества былъ слишкомъ громокъ, чтобы можно было долго пребывать въ этой утѣшительной иллюзіи.

Для поверхностнаго взгляда могло казаться, что проблема эта рѣшается весьма просто принятіемъ существованія свободы воли. Богъ не хотѣлъ лишить человѣка его драгоцѣннѣйшаго сокровища: свободы и поэтому предоставилъ ему возможность поступать, какъ хорошо, такъ и худо. Но, не говоря уже о томъ, что при этомъ зло физическое лишь съ большими натяжками сводится къ грѣховности самого страждущаго человѣка,—даже самая возможность злоупотребленія человѣкомъ своей свободой, въ концѣ концовъ, плохо мирится со всемогуществомъ и всеблагостію Бога...

Въ такомъ, приблизительно, положеніи была проблема возникновенія зла, когда за ея рѣшеніе взялся Шеллингъ. И онъ далъ одно изъ самыхъ тонкихъ и остроумныхъ рѣшеній вопроса. И если это рѣшеніе, въ концѣ концовъ, лишь доказало остроуміе Шеллинга, но ничего не разъяснило, то причина этого, какъ мы знаемъ, заключается въ томъ, что и разъяснять было нечего, что самый вопросъ былъ мнимымъ вопросомъ...

Въ основу своего рѣшенія Шеллингъ кладетъ необычайно тонкое «различеніе между сущностью, поскольку она существуетъ, и сущностью, поскольку она есть только основаніе существованія» (стр. 25). Конечно, «прежде Бога и помимо Бога ничего не существуетъ» (стр. 26), и слѣдовательно, и зло не можетъ имѣть существованія, вполнѣ независимаго отъ Бога. Однако, «содержащаяся въ Богѣ основа его существованія не есть Богъ въ абсолютномъ смыслѣ, т. е. Богъ поскольку онъ существуетъ; ибо она—лишь основаніе его существованія. Она есть *природа въ Богѣ*, неотдѣлимая, правда, отъ него, но все-же отличная отъ него сущность» (стр. 26.).

Такимъ образомъ, Шеллингъ открылъ въ Богѣ сторону, правда, совершенно неотдѣлимую отъ Бога, но, все-таки, въ извѣстномъ смыслѣ чуждую ему. Легко догадаться, что именно эта сторона Бога и связана, по Шеллингу, со зломъ. Такимъ образомъ зло оказывается хотя и связаннымъ съ Богомъ, но съ той именно его частью, которая, собственно, не есть Богъ, а лишь основа его существованія.

Будемъ стоять на исторической точкѣ зрѣнія. Признаемъ остроуміе этого рѣшенія вопроса, которое въ свое время чаровало лучшіе умы Европы, и не станемъ подчеркивать того обстоятельства, что Шеллингъ, навязавъ себѣ съ самаго начала массу ничѣмъ не провѣренныхъ предпосылокъ, орудуя постоянно критически не провѣренными понятіями, заранѣе сдѣлалъ все, чтобы привести свою систему къ гибели.

Максъ Фервордъ (профессоръ въ Геттингенскомъ университетѣ). **Механика душевной жизни**. Пер. В. Линдъ. М. 1908. 142 стр. ц. 50 к.

Весьма охотно рекомендуемъ нашимъ читателямъ эту небольшую книжку извѣстнаго физіолога Макса Ферворна, который дастъ здѣсь популярное, но вполнѣ научное изложеніе вопроса о «механикѣ душевной жизни». Книжка эта является воспроизведеніемъ лекцій, читанныхъ авторомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ «Свободной Нѣмецкой Высшей Школѣ». Лекцій было пять и, соотвѣтственно, книга разбита на пять главъ: 1) Душа и тѣло; 2) Явленія, происходящія въ элементахъ нервной системы; 3) Явленія сознанія; 4) Сонъ и сновидѣнія; 5) Гипнозъ и внушеніе.

Приступая къ выясненію *механики* душевной жизни, авторъ, конечно, прежде всего, сталкивается съ возраженіемъ «гласящимъ, что о механикѣ можно говорить, когда дѣло идетъ о матеріальныхъ явленіяхъ, а душа есть нѣчто нематеріальное и, слѣдовательно, здѣсь говорить о механикѣ неумѣстно. Другими словами, авторъ, прежде всего, сталкивается со сголь распространеннымъ дуализмомъ «души и тѣла». Опроверженію дуализма и защитѣ монизма поэтому и посвящена первая глава его книги. «Я утверждаю, - говоритъ онъ на стр. 14, —что дуализмъ души и тѣла въ дѣйствительности вовсе не существуетъ. Нѣтъ двухъ рядовъ явленій, физическаго и духовнаго, а есть только одинъ рядъ, все равно какъ бы его ни называли».

Авторъ дѣлаетъ бѣглый обзоръ ученія о психо-физическомъ параллелизмѣ, матеріалистическаго монизма, монизма Спинозы, энергетики Оствальда и др. Всѣ эти точки зрѣнія онъ отвергаетъ, какъ не научныя, ибо единственную вещь, которую мы можемъ изучить, это —вопросъ объ условіяхъ возникновенія явленій. «Древній дуализмъ матеріи и духа, переданный намъ первобытными народами, въ дѣйствительности не существуетъ. Существуетъ только безконечное разнообразіе частей, входящихъ въ составъ міра и закономѣрно обусловливающихъ одна другую. Вслѣдствіе этого исчезаетъ также главная разница между такъ называемыми духовными науками и естествознаніемъ, хотя изъ практическихъ соображеній раздѣленія труда дифференціація общаго изученія на отдѣльныя, произвольно и условно разграниченныя области изслѣдованія является цѣлесообразной. Но принципы изслѣдованія въ послѣдней инстанціи должны быть во всѣхъ отрасляхъ одинаковы. Они состоятъ только въ изысканіи совокупности условій, необходимыхъ для возникновенія воспринимаемаго нами явленія или состоянія. Изучивъ ихъ, мы узнаемъ управляющіе имъ законы. Это и есть единственный научный путь, который открытъ намъ для анализа механики душевной жизни» (стр. 29—30).

Здѣсь не мѣсто разсматривать вопросъ о томъ, не связано-ли то пониманіе монизма, какое дастъ намъ авторъ, съ какими либо затрудненіями. Намъ здѣсь было важно лишь указать, съ какой

точки зрѣнія ведется нашимъ авторомъ изложеніе механики душевной жизни.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи нервно-психическихъ процессовъ, въ изложеніи обоихъ основныхъ процессовъ душевной жизни: явленія возбужденія и явленія задержки, у нашего автора нѣтъ ничего существенно новаго, но за то все его изложеніе ведется мастерски, съ полнымъ знаніемъ дѣла, при полномъ обладаніи предметомъ.

Генрихъ Риккертъ. Философія исторіи. Пер. съ нѣм. С. Гессена, съ предисловіемъ автора къ русск. изд. Изд. Жуковскаго. Спб. 1908. XV—154 стр. Цѣна 75 коп.

Первыя двѣ главы книги Риккерта «содержатъ, какъ онъ самъ заявляетъ въ предисловіи къ русскому переводу, по возможности краткое и исчерпывающее изложеніе тѣхъ мыслей, которыя я подробнѣе изложилъ и обосновалъ въ моей книгѣ «О границахъ естественно-научнаго образованія понятій» (стр. XII). Риккертъ различаетъ два различныхъ типа наукъ: въ однѣхъ наукахъ, которыя онъ называетъ генерализирующими, методъ состоитъ «въ подведеніи частнаго подъ общее, въ образованіи общихъ родовыхъ понятій, по отношенію къ которымъ объекты являются экземплярами» (стр. 22). Сюда относятся, напр., физика, химія, ботаника, психологія и т. д. Въ другихъ, «индивидуализирующихъ» наукахъ, наоборотъ, мы имѣемъ дѣло съ объектомъ во всей его индивидуальности и цѣлостности (напр., исторія земли, исторія такого-то вида, такой-то революціи). Такъ, напр., «всегда и всюду историкъ стремится понять историческій предметъ,—будь это какая-нибудь личность, народъ, эпоха, экономическое или политическое, религіозное или художественное движеніе, — понять его, какъ единое цѣлое, въ его единственности и никогда не повторяющейся индивидуальности и изобразить его такимъ, какимъ никакая другая дѣйствительность не сможетъ замѣнить его» (стр. 27—28). Понятно поэтому, что «объектами исторіи являются не ряды развитія вообще, но единичные и индивидуальные ряды развитія», а также, что «понятіе историческаго развитія и понятіе закона взаимно исключаютъ другъ друга» (стр. 36 и 37). Но Риккертъ согласенъ, что «всѣ элементы историческихъ сужденій и понятій общи», такъ что исторія «всегда прибѣгаетъ къ помощи общихъ понятій о дѣйствительности, пользуясь ими, какъ послѣдними элементами для своихъ индивидуальныхъ понятій, и лишь извѣстнымъ образомъ сочетая эти общіе элементы, она даетъ намъ индивидуализирующее изображеніе дѣйствительности» (стр. 38).

Индивидуализирующая наука рѣзко различается отъ генерализирующей еще и тѣмъ, что въ послѣдней существенное, интересующее изслѣдователя, «совпадаетъ съ общимъ, какъ таковымъ» (стр. 49), т. е. «съ тѣмъ, что обще извѣстному множеству объек-

товъ» (стр. 53), тогда какъ въ индивидуализирующей наукѣ неизбѣжный выборъ существеннаго производится на другихъ основаніяхъ. «Вслѣдствіе индивидуальности и необозримаго многообразія дѣйствительности, говоритъ Риккертъ, индивидуализирующее пониманіе ея не въ состояніи разсмотрѣть всего индивидуальнаго многообразія дѣйствительности... Историкъ всегда выбираетъ изъ содержанія своихъ объектовъ то, что для него существенно» (стр. 47), при чемъ выборъ основывается на предварительномъ признаніи цѣнности за опредѣленными объектами. «Исторически существенными, по словамъ Риккерта, могутъ стать лишь тѣ объекты, которые по отношенію къ общественнымъ или соціальнымъ интересамъ обладаютъ значеніемъ» (стр. 68). Къ такимъ «всеобщимъ цѣнностямъ» Риккертъ относитъ, напр., государство, экономическую организацію, искусство, религію и т. п. «Если процессъ реализаціи всеобщихъ соціальныхъ цѣнностей въ теченіе историческаго развитія мы назовемъ культурой, то тогда мы сможемъ сказать, что главнымъ предметомъ исторіи является изображеніе частей и цѣлаго культурной жизни человѣка» (стр. 68). При этомъ Риккертъ отличаетъ отъ «чисто теоретическаго отнесенія къ цѣнности» практическую оцѣнку объектовъ (положительную или отрицательную), и эту послѣднюю оцѣнку онъ также считаетъ неизбѣжной и необходимой. «Никто не можетъ писать или читать политической исторіи, говоритъ онъ, не ставя политическія цѣнности въ извѣстное отношеніе къ своимъ собственнымъ положительнымъ или отрицательнымъ оцѣнкамъ, т. е., не подходя вообще съ какой-нибудь оцѣнкой къ политическимъ вопросамъ». Именно этимъ историкъ, по словамъ Риккерта, и отличается отъ естествоиспытателя (стр. 63).

Кромѣ постановки задачъ исторіи, какъ особой науки, философія исторіи должна, по мнѣнію Риккерта, дать критерій для оцѣнки самихъ историческихъ цѣнностей и ихъ систематизированія. «Лишь найдя цѣнности съ внѣвременною значимостью, мы сможемъ, говоритъ Риккертъ, отнести къ нимъ всю массу эмпирически констатируемыхъ культурныхъ цѣнностей, возникшихъ въ теченіе историческаго развитія, и попытаться, систематизировавъ ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ критически отнестись къ нимъ» (стр. 110). Но, разумѣется, поскольку дѣло идетъ о такихъ «сверхъ-историческихъ» цѣнностяхъ, «основныя положенія философіи исторіи совпадаютъ... вообще съ основными положеніями философіи, какъ науки о цѣнностяхъ» (тамъ же). Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ отдѣлъ философіи исторіи, повидимому, теряетъ raison d'être, но Риккертъ этого вывода не дѣлаетъ. Наконецъ, третьей и послѣдней задачей философіи исторіи Риккертъ считаетъ изслѣдованіе: «какія изъ критически обоснованныхъ цѣнностей реализовались пока въ теченіе исторіи и на какія великія эпохи распадается весь этотъ процессъ реализаціи цѣнностей» (стр. 148). Но именно этимъ и занимается

обычная, эмпирическая исторія, и потому, опять таки, нѣтъ основаній для созданія особой дисциплины на ряду съ ней.

Наиболѣе цѣнной частью книги Риккерта являются, такимъ образомъ, его разсужденія о задачахъ и характерѣ исторической науки, но для русскаго читателя они совсѣмъ не новы, такъ какъ почти буквально повторяютъ положенія П. Л. Лаврова. Лавровъ различалъ соціологію, изучающую явленія повторяющіяся, отъ исторіи, имѣющей дѣло съ «эволюціей, совершающейся въ единственномъ экземплярѣ» («Задачи пониманія исторіи», 2-ое изд., стр. 15), при чемъ «для законовъ повторяющихся явленій важны именно тѣ элементы предмета или процесса, которые повторяются, и въ той степени, въ какой они повторяются» (стр. 85). Этотъ объективный критерій не примѣнимъ для исторіи, и потому въ ней необходимо «научное приложеніе субъективныхъ пріемовъ мышленія»— прежде всего «въ оцѣнкѣ сравнительной важности того или другого элемента культуры или той или другой отрасли работы мысли въ опредѣленную эпоху». Другимъ приложеніемъ субъективныхъ пріемовъ мышленія является «признаніе того или другого элемента культуры или работы мысли здоровымъ или патологическимъ для опредѣленной эпохи» (стр. 84). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ противоположность Риккерту, Лавровъ считаетъ возможными законы исторіи, какъ законы необходимой послѣдовательности развитія. Лавровъ несомнѣнно правъ, ибо, если признать, какъ это и дѣлаетъ Риккертъ, что индивидуальные процессы представляютъ только сочетанія общихъ элементовъ, тогда и общій историческій процессъ представляетъ измѣняющееся сочетаніе этихъ элементовъ и, въ этомъ ряду можетъ быть открыта правильность. А потому возможны и историческіе законы. Къ сожалѣнію, пониманіе историческаго процесса, какъ измѣняющагося сочетанія болѣе или менѣе постоянныхъ элементовъ, очень мало затронуто Лавровымъ и Риккертомъ. Между тѣмъ, такое пониманіе ставитъ очень важный вопросъ о возможности объективнаго, количественнаго критерія при выборѣ процессовъ, заслуживающихъ вниманія. Историческое, такъ сказать, естествознаніе (напр., исторія земли) приблизительно и слѣдуетъ этому критерію, точно такъ же какъ и географія, которую Риккертъ относитъ къ тому же типу наукъ.

Въ общемъ книга Риккерта, написанная хорошимъ языкомъ, ясно и сжато, заслуживаетъ полнаго вниманія читателей, требуя, впрочемъ, нѣкоторой подготовки. Переводъ удовлетворителенъ, но мѣстами тяжеловатъ. Къ книгѣ приложенъ указатель нѣмецкой литературы по философіи исторіи и коротенькій списокъ русской.

Проф. В. М. Хвостовъ. Этюды по современной этикѣ. М. 1908 г. XVI+207 стр., ц. 1 руб.

Проф. Хвостовъ, юристъ по спеціальности, сравнительно недавно обратился къ этическимъ проблемамъ и стремится разрѣ-

шать ихъ въ духѣ религіозной философіи кн. С. Н. Трубецкого, памяти котораго онъ посвятилъ отдѣльную статью своего сборника. «Религіозное міровоззрѣніе Кн. Трубецкого, говоритъ г. Хвостовъ, произвело на меня сильное впечатлѣніе, и чѣмъ дальше я подвигался въ разработкѣ этическихъ проблемъ, тѣмъ больше истины находилъ я въ тѣхъ мысляхъ, которыя постоянно проповѣдывалъ и защищалъ этотъ философъ»... (Стр. IX). Вліяніе Трубецкого сказалось въ томъ, что г. Хвостовъ, какъ и всѣ метафизическіе идеалисты, начиная съ Владиміра Соловьева, не столько занятъ вопросами этики, сколько отысканіемъ трансцендентныхъ основаній для этики. Собственно, вопросы этики намѣчены г. Хвостовымъ довольно туманно. Г. Хвостовъ съ полнымъ уваженіемъ относится къ ученію о справедливости, какъ о «вѣковомъ выводѣ соборнаго человѣческаго разума» (стр. 202); онъ согласенъ, что дарвинизмъ и историческая наука могутъ удовлетворительно объяснить происхожденіе моральнаго чувства и общеловѣческихъ моральныхъ идеаловъ (требованія свободы, равенства и братства). Но г. Хвостову недостаточно имѣть теорію и исторію нравственности. „Настоящая этическая проблема, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы получить отвѣтъ на вопросъ, почему же эти понятія свободы, равенства и братства такъ дороги людямъ», почему нужно содѣйствовать ихъ осуществленію, и почему противодѣйствіе и равнодушіе къ нимъ вызываетъ осужденіе? (стр. 147). «Нельзя строить этическихъ ученій, нельзя создавать идеаловъ, не зная смысла жизни» (стр. 197), говоритъ г. Хвостовъ. «Если міръ не имѣетъ никакого опредѣленнаго смысла, если наше земное существованіе не связано ни съ какой опредѣленной цѣлью, то всякія стѣсненія въ морали должны отпасть». (стр. 47). На вопросы о смыслѣ человѣческаго существованія и міра вообще «философія не дала до сихъ поръ удовлетворительнаго отвѣта» (стр. 147), ибо «познать этотъ смыслъ невозможно одними только средствами положительной науки» (стр. 98). Правильнѣе было бы сказать, что наука и позитивная философія просто считаетъ самые эти вопросы не законными. Но г. Хвостовъ, какъ мы уже говорили, стоитъ на иной почвѣ и ищетъ матеріаловъ для своихъ построеній въ области метафизики и религіи. Мы находимъ у него, напр., такую тираду: «Не могутъ животныя подняться до свойственной только человѣку любви къ человѣчеству вообще, и въ связи съ этимъ, до любви ко всему міру, до той любви, которая выражается въ конечномъ своемъ итогѣ въ религіозномъ чувствѣ любви и преданности Божественному началу, проникающему собой весь міръ» (стр. 174). Эта послѣдняя любовь и есть «самая высокая, на которую способенъ человѣкъ». На это можно отвѣтить, что высшей заповѣдью человѣческой этики является не любовь къ существамъ, созданнымъ фантазіей людей, а любовь къ реальному человѣку. «Выше человѣческой личности мы не знаемъ на свѣтѣ ничего» (Чернышевскій).

Большую половину книги г. Хвостова занимаетъ критика этическихъ воззрѣній Ничше, излагающая эволюцію его взглядовъ, уличающая его въ противорѣчіяхъ, но, въ общемъ, дающая очень мало новаго и интереснаго. Если, признаетъ и г. Хвостовъ, «Ничше представляется часто не столько философомъ, сколько поэтомъ, лирикомъ, безъ стѣсненія отдающимся своимъ настроеніямъ и выражающимъ ихъ въ литературной формѣ» (?), то врядъ ли стоило труда доказывать, что ему «не удалось создать содержательной и хорошо обоснованной этической теоріи» (стр. 92). Интересны замѣчанія г. Хвостова о «Жизни человѣка» Андреева, которую онъ не считаетъ типичной человѣческой жизнью. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Андрееву, и Ничше, и вообще всѣмъ разбираемымъ писателямъ проф. Хвостовъ задаетъ свои неразрѣшимые вопросы о смыслѣ жизни и міра, и такъ какъ они, разумѣется, не могутъ отвѣтить, то и получаютъ неудовлетворительный баллъ (см. стр. 139 о Менгерѣ, 147 о Каутскомъ, 177 объ Андреевѣ, 139 о Петражицкомъ). Самъ же г. Хвостовъ, вопреки вышеприведеннымъ заявленіямъ, утверждаетъ, что «современная мысль уже располагаетъ немалыми средствами для того, чтобы поставить на правильную почву вопросъ о смыслѣ жизни»... но благоразумно умалчиваетъ о томъ, въ чемъ онъ заключается.

Самой слабой стороной книги г. Хвостова являются его философскія экскурсіи. Онъ утверждаетъ, напр., что на смѣну стараго метафизическаго матеріализма появился новый—историческій или экономическій (стр. VI), хотя не только профессору, но и среднему студенту должно быть извѣстно, что историческій матеріализмъ не философская, а соціологическая теорія, и, какъ таковая, можетъ быть соединена, какъ съ философскимъ матеріализмомъ (примѣръ—г. Плехановъ), такъ и съ другими философскими направленіями (напр., эмпиріо-критицизмомъ и т. п.). Въ другомъ мѣстѣ г. Хвостовъ связываетъ неудовлетворительность научной теоріи съ неспособностью человѣческаго ума «проникнуть въ самую тайну бытія» (стр. 206), хотя между этими двумя вещами нѣтъ никакой связи. Объ этомъ г. Хвостовъ можетъ узнать у величайшаго изъ метафизиковъ, Шопенгауэра.

Достоинствомъ книги г. Хвостова является добросовѣстное изложеніе разбираемыхъ имъ авторовъ; но и оно слишкомъ конспективно и блѣдно.

А. Луначарскій. Религія и соціализмъ (ч. I. Введеніе. Важнѣйшія до-христіанскія религіи въ ихъ отношеніи къ научному соціализму). Изд. „Шиповникъ" Спб. 1908. Стр. 228.

Въ предисловіи г. Луначарскій разсказываетъ, что интересъ автора «къ религіознымъ и художественнымъ выраженіямъ сердечной жизни человѣка... исконный, съ дѣтскихъ годовъ проявившійся»,

что «настоящая работа .. задумана 10 лѣтъ тому назадъ, въ годы ранней молодости» (7—9). Однако независящія обстоятельства помѣшали автору сдѣлать работу тѣмъ, чѣмъ она «должна была быть» (а должна она была быть не больше, не меньше, какъ «цѣлой исторіей религій съ матеріалистической точки зрѣнія, со включеніемъ въ нее европейской метафизики, утопическаго соціализма и, наконецъ, научнаго соціализма», стр. 8),—и русскій читатель, столь не избалованный по части обстоятельной критической литературы по исторіи религій, долженъ довольствоваться «идейнымъ абриссомъ» теоріи г. Луначарскаго.

Много,—потому что на нѣмъ и лежитъ печать широкаго плана «ранней молодости»; мало,—потому что изъ этого плана не возникаетъ никакого зданія. Во всякомъ случаѣ, если книга г. Луначарскаго и соотвѣтствуетъ многообѣщающему подзаголовку: «Важнѣйшія до-христіанскія религіи въ ихъ отношеніи къ научному соціализму», то развѣ лишь съ поправкой: «въ ихъ отношеніи къ научному *соціалисту*»,—г. Луначарскому. Вѣдь какъ бы ни истолковывать отношенія научнаго соціализма къ религіямъ, орудіемъ истолкованія, очевидно, можетъ быть лишь наука о религіяхъ, которая, особенно въ послѣднее время, обогащается все болѣе цѣнными пріобрѣтеніями. Между тѣмъ, г. Луначарскій именно въ такихъ случаяхъ, когда научное трактованіе вопросовъ исторіи религій является особенно значительнымъ и интереснымъ, или проходитъ мимо вопроса, отсылая къ авторитетамъ прошлаго, или, что̀ еще хуже, воображаетъ, что и вопроса-то никакого не существуетъ. Приведемъ два-три примѣра.

По такому интересному поводу, какъ происхожденіе вѣры въ духовъ, г. Луначарскій отдѣлывается незначительной фразой: «Мы не можемъ останавливаться подробно на этой сторонѣ дѣла, прекрасно выясненной Тэйлоромъ, Липпертомъ, Спенсеромъ и др.» (50). Не говоря уже о томъ, что авторъ не только не «подробно», а и *совсѣмъ* не останавливается на «этой сторонѣ дѣла» (совсѣмъ не маловажной), онъ какъ будто и знать не хочетъ, что «и другіе» довольно основательно оспаривали теорію упомянутыхъ авторитетовъ и даже «прекрасно выясняли» ея неудовлетворительность. Не менѣе рѣшительно авторъ утверждаетъ, что анимизмъ—«религія и наука первобытнаго человѣка»... «*самое простое и естественное толкованіе* природы для совершенно некритическаго ума» (37—38), опять-таки какъ будто и не подозрѣвая объ изслѣдованіяхъ Фрэзера, Прейса, Фиркандта, убѣдительно доказывающихъ существованіе болѣе примитивной стадіи первобытнаго толкованія природы (прэанимизмъ). Въ отдѣлахъ, посвященныхъ религіямъ персовъ, іудеевъ, грековъ, кромѣ «авторитетныхъ» ссылокъ на произведенія 60—80 гг. прошлаго вѣка (Ренана, Дармстеттера), читатель наталкивается на такія общія мѣста, какъ: «грекъ обо-

жалъ природу» (149); «персъ -дѣйствительность счелъ центромъ міра (126) и т. п., которыя, ничего рѣшительно не говоря объ отношеніи современной науки къ религіямъ, развѣ лишь напомнятъ обобщенія стараго солдата у Гл. Успенскаго: «поляки—народъ чистый»!

Было бы, однако, несправедливо судить книгу г. Луначарскаго только со стороны ея научно-критической аргументаціи. Собственно говоря, задача автора—совершенно догматическая, можно даже сказать—церковно-религіозная. Еще въ предисловіи онъ заявляетъ, что дѣло идетъ «объ опредѣленіи мѣста соціализма *среди другихъ религіозныхъ* религіозной системы», и его задача лишь указать надлежащее его мѣсто среди догмъ и ересей. А такъ какъ соціализмъ, исповѣдуемый почтеннымъ авторомъ, «научный», то наука и религія примирены у него, такъ сказать, a priori. Разумѣется, отъ добра добра не ищутъ,—и соціалистическая наука г. Луначарскаго не вѣдаетъ тѣхъ сомнѣній, которыя занимаютъ науку о религіяхъ вообще.

Вводя соціализмъ въ оборотъ религіозныхъ системъ, авторъ опредѣляетъ религію, какъ психологическое разрѣшеніе «противорѣчій законовъ жизни и законовъ природы», при чемъ находитъ, что именно соціализмъ наилучшимъ образомъ разрѣшаетъ эти противорѣчія, «выставляя идею побѣды жизни, покоренія стихій разуму путемъ познанія и труда, науки и техники» (40—41). Но вѣдь въ такой широковѣщательной формулѣ «побѣды жизни» прекрасно умѣстится и современный капитализмъ, вооруженный познаніемъ и техникой,—почему же г. Луначарскій исповѣдуетъ и проповѣдуетъ именно религію соціализма? Очевидно, онъ молчаливо принимаетъ какую-то формулу прогресса, по которой соціализмъ оцѣнивается выше капитализма. Дѣйствительно, еще въ началѣ своей работы г. Луначарскій ставитъ «задачу оцѣнки» во всей ея широтѣ и даже усматриваетъ «узость» марксизма въ небреженіи къ ней. Но «on revient toujours à ses premiers amours», — и нашъ авторъ совершенно въ духѣ марксистской «узости» не умѣетъ включить моментъ оцѣнки въ свою формулу религіи соціализма. Впрочемъ, какъ бы изъ духа противорѣчія марксизму, онъ постоянно изрекаетъ довольно наивныя «оцѣнки» минувшаго, вродѣ того, что «паѳосъ дистанціи» (Ницше)—«подлѣйшая черта человѣка», «отвратительнѣйшая изъ пережитыхъ человѣкомъ соціально-психическихъ болѣзней» (58), или: «жрецъ отравляетъ душу» (65); «страшный порокъ орфизма» (204), или (о мистицизмѣ неоплатониковъ): «регрессъ очевидный» (226). Всѣ эти безполезныя для философіи исторіи «оцѣнки» не мѣшаютъ, однако, г. Луначарскому, въ припадкѣ новаго противорѣчія, говорить, что «нѣтъ ничего наивнѣе скорби и одобренія по поводу прошлаго» (56). Но

это, повидимому, исключительно для того, чтобы досадить «субъективистамъ».

Какъ это ни странно, но наиболѣе оригинальныя и плодотворныя мысли г. Луначарскаго восполняютъ «узость» марксизма элементами міросозерцанія Фейербаха, Гюйо (о послѣднемъ онъ почему-то умалчиваетъ, хотя лучшія страницы его книги очень напоминаютъ блестящаго французскаго мыслителя), т. е. какъ разъ тѣми элементами, которые существеннымъ образомъ входили въ ученіе «субъективистовъ»: Лаврова, Михайловскаго. Между тѣмъ, г. Луначарскій совершенно-чудно и не подозрѣваетъ, что никто такъ ярко и опредѣленно не поставилъ проблему оцѣнки, антропологическій методъ въ построеніи міросозерцанія, сліяніе философіи дѣйствительности и дѣйствія, какъ Лавровъ и Михайловскій.

Здѣсь не мѣсто, конечно, входить въ оцѣнку обезличенной религіи «вида человѣческаго» (стр. 95, 132, 145), которую, въ концѣ концовъ, проповѣдуетъ г. Луначарскій, силясь примирить свой субъективизмъ съ марксистской догмой, этой, какъ онъ выражается, «пятой великой религіей, формулированной іудействомъ (!)» Соціалъ-демократія слишкомъ рано стала церковью, чтобы сдѣлаться теперь религіей (вѣдь обыкновенно бывало наоборотъ),—и религіозное рвеніе г. Луначарскаго можетъ вызвать недовѣріе ну, ужъ эту-ту религію, навѣрное, выдумали жрецы!

Книжка издана неопрятно, со многими погрѣшностями въ транскрипціи собственныхъ именъ.

Письма К. Маркса къ члену Интернаціонала Кугельману. Съ предисловіемъ Карла Кауцкаго. Изд. Библіотеки научнаго соціализма. Пер. съ нѣмецкаго. Спб. 1907. 104 стр. Цѣна 40 к.

Письма Маркса къ Кугельману, котораго онъ называетъ своимъ «интимнѣйшимъ другомъ въ Германіи» (стр. 51), охватываютъ очень интересный періодъ жизни Маркса (1862—1874 гг.), періодъ подготовленія къ печати, изданія и первыхъ успѣховъ «Капитала», участія Маркса въ Интернаціоналѣ и его отношеній къ Парижской Коммунѣ. Письма въ общемъ очень кратки, такъ какъ Марксъ былъ сильно поглощенъ литературными и общественными работами, да къ тому-же почти постоянно хворалъ и довольно часто находился въ затруднительныхъ матеріальныхъ условіяхъ. По поводу «Капитала» онъ пишетъ, напр., что «никогда, можетъ быть, такого рода произведеніе не было написано при болѣе трудныхъ условіяхъ» (стр. 29).

Въ теоретическомъ отношеніи интересны нѣсколько замѣчаній Маркса о діалектическомъ методѣ, о теоріи цѣнности и о государствѣ. «Мой методъ не гегелевскій, говоритъ онъ, я матеріалистъ, Гегель же идеалистъ. Гегелевская діалектика—это основная форма

всякой діалектики, но только послѣ того, какъ откинуть ея мистическую форму, и въ этомъ-то и отличіе моего метода» (стр. 39 и 40). Въ другомъ мѣстѣ, по поводу замѣчанія Ланге, что Марксъ двигается съ неслыханной свободой въ эмпирическомъ матеріалѣ, Марксъ замѣчаетъ: «онъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что это «свободное движеніе въ матеріалѣ» есть не что иное, какъ перефразъ того метода, при помощи котораго я разсматриваю этотъ матеріалъ, а именно діалектическаго метода». Такимъ образомъ, Марксъ и здѣсь, какъ и въ «Капиталѣ», выводами (матеріалистическими или идеалистическими) не опредѣленными для, въ чемъ этотъ методъ заключается.

По поводу цѣнности Марксъ замѣчаетъ: «болтовня о томъ, что необходимо доказать понятіе о цѣнности, основывается только на полномъ невѣжествѣ, какъ на счетъ того, о чемъ идетъ рѣчь, такъ и насчетъ метода науки. Каждый ребенокъ знаетъ, что всякая нація, переставшая работать, не скажу на годъ, но хотя бы на нѣсколько недѣль, пропадетъ съ голоду. Каждый ребенокъ знаетъ также, что массы продуктовъ, соотвѣтствующія различнымъ массамъ потребностей, требуютъ различныхъ и качественно опредѣленныхъ массъ общественнаго труда... Мѣновая цѣнность продуктовъ и есть та форма, которую принимаетъ дѣйствіе этой пропорціональности распредѣленія труда въ обществѣ, гдѣ началомъ, связующимъ общественный трудъ, является обмѣнъ индивидуальныхъ продуктовъ труда частныхъ лицъ» (стр. 47 и 48). Здѣсь Марксъ отличаетъ понятія цѣнности и мѣновой цѣнности, но вкладываетъ въ первое понятіе довольно неопредѣленный смыслъ. Разумѣется, люди не могутъ существовать безъ пищи и безъ направленнаго на ея производство труда, но при чемъ здѣсь категорія цѣнности? Наконецъ, по поводу Парижской коммуны Марксъ говоритъ о государствѣ въ чисто анархистскихъ выраженіяхъ. «Ближайшій подъемъ французской революціи, по его словамъ, будетъ имѣть своей цѣлью не передачу бюрократически-военнаго механизма изъ однѣхъ рукъ въ другія, какъ это происходило раньше, а *разрушеніе* (курс. Маркса) этого механизма, и въ этомъ заключается предварительное условіе всякой дѣйствительно народной революціи на континентѣ» (стр. 95). Вмѣстѣ съ перепиской помѣщено также «конфиденціальное извѣщеніе» о дѣятельности Бакунина, чрезвычайно грубое по тону и содержащее, между прочимъ, прямую клевету на Герцена и Бакунина.

Переводчикъ почему-то перевелъ не всѣ иностранныя слова, которыми постоянно пестритъ переписка Маркса: не переведено, напр., нѣсколько разъ встрѣчающееся выраженіе pour le roi de Prusse (по пустякамъ), а англійское слово blacklegs (буквально чернонотіе, такъ называютъ въ Англіи штрейкбрехеровъ) переведено «гнусные субъекты». Отмѣтимъ, наконецъ, безобраз-

ный, совершенно искажающій мысль Маркса переводъ извѣстнаго выраженія: «Statt das Elend hervorzubringen, hat das Gemeineigentum allein es gemässigt» («Neue Zeit», XX b. 2, S. 415), т. е., «общинное землевладѣніе не только не вызвало нищеты, но, наоборотъ, только оно смягчило ее». Переводчикъ передаетъ это такъ: «общинное землевладѣніе не вызвало нищеты, оно только сдѣлало ее болѣе равномѣрной» (стр. 66).

„Колоколъ" А. И. Герцена. №№ 1—22. Спб. 1908. Стр. 184.

Переиздать Герценовскій «Колоколъ» — въ высшей степени удачная мысль. Старое, самимъ Герценомъ выпущенное изданіе «Колокола» давнымъ давно исчезло съ книжнаго рынка, и полные его комплекты являются въ настоящее время совершенно исключительной по своему значенію библіографической рѣдкостью. Въ заграничное изданіе сочиненій Герцена, также давно уже распроданное, вошли лишь немногія статьи изъ «Колокола», и при томъ по преимуществу статьи болѣе общаго содержанія, не имѣвшія газетнаго характера. Въ 1887 г. въ Женевѣ было выпущено, подъ редакціей г. Л. Тихомирова, собраніе «избранныхъ статей» Герцена изъ «Колокола», но и эту книгу въ настоящій моментъ приходится причислить въ библіографическимъ рѣдкостямъ, не говоря уже о томъ, что въ ней собраны не всѣ, а лишь «избранныя» статьи Герцена, изъ числа напечатанныхъ имъ въ «Колоколѣ». Наконецъ, въ вышедшее недавно въ Россіи Павленковское изданіе сочиненій Герцена, изданіе, вообще очень неполное, включены лишь весьма немногія статьи изъ «Колокола». А между тѣмъ статьи, въ теченіе одиннадцати лѣтъ, съ 1857 по 1869 годъ, помѣщавшіяся Герценомъ въ «Колоколѣ», составляютъ неотъемлемую и весьма важную часть литературной дѣятельности великаго писателя. Безъ знакомства съ ними нельзя узнать и оцѣнить Герцена во всю мѣру его роста и значенія. Въ этихъ статьяхъ, представляющихъ собою какъ бы ежедневные отклики на событія русской жизни, во всемъ цвѣтѣ развернулся могучій публицистическій талантъ Герцена, въ этихъ статьяхъ полностью раскрывается его міросозерцаніе и въ нихъ же во всѣхъ своихъ деталяхъ проходитъ передъ читателемъ мучительная душевная трагедія, пережитая Герценомъ и его соратниками въ виду событій, разыгравшихся въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка въ Россіи. И съ этой послѣдней точки зрѣнія высокій интересъ представляютъ не только статьи Герцена, но и все вообще содержаніе «Колокола». Не говоря уже о томъ, что исторія нашей «нелегальной» прессы не знаетъ другого журнала, равнаго «Колоколу» по богатству и блеску литературнаго содержанія, Герценовскій журналъ является однимъ изъ наиболѣе яркихъ памятниковъ «эпохи великихъ реформъ», настолько яркимъ,

что многія страницы этого журнала и теперь еще не пережили себя и отъ нихъ вѣетъ на читателя ароматомъ современности.

Все сказанное заставляетъ какъ нельзя болѣе горячо привѣтствовать попытку переизданія Герценовскаго журнала. Вышедшіе до сихъ поръ 22 номера его охватываютъ промежутокъ времени немногимъ болѣе года, съ 1 іюля 1857 г. по 1 сентября 1858 г. Остается только пожелать, чтобы издатели довели свою попытку до конца и дали русскому читателю полное изданіе «Колокола».

Н. Денисюкъ. Критическая литература о произведеніяхъ Н. Г. Чернышевскаго. Съ портретомъ, біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями. Выпускъ I. Изд. Панафидиной. М. 1908. 336 стр. Ц. 1 р. 25 коп.

Г. Денисюкъ, по его словамъ, принялъ на себя трудъ соединить въ этомъ сборникѣ все, что было написано о нашемъ выдающемся писателѣ и «отцѣ русскаго соціализма». Это, конечно, теоретически возможно, но на практикѣ врядъ ли осуществимо, въ виду значительнаго количества литературы, посвященной Чернышевскому, да врядъ ли и нужно, такъ какъ большая часть ея малоцѣнна, не говоря уже о постоянныхъ повтореніяхъ одного и того же. Для выбора же статей, имѣющихъ значеніе, нужно предварительное знакомство съ ученіемъ Чернышевскаго, чѣмъ г. Денисюкъ не обладаетъ. Изъ предисловія г. Денисюка совершенно не видно, чѣмъ онъ руководствовался, помѣщая однѣ статьи и не помѣщая другихъ. Онъ заявляетъ, что располагать критическій матеріалъ въ хронологическомъ порядкѣ почему-то «не стоитъ труда», и располагаетъ ихъ какъ попало. Онъ перепечаталъ, напр., въ первомъ выпускѣ своего сборника нѣсколько статей, дающихъ общую характеристику Чернышевскаго (Андреевича, Иванова-Разумника, Русанова, Фомина и статью изъ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза) и не помѣстилъ статей того же Андреевича (изъ другой его книги «Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка»), Кульчицкаго, Венгерова и др.; нѣтъ также прекрасной статьи изъ «Большой Энциклопедіи» (изд. Просвѣщенія). Объ эстетическихъ взглядахъ Чернышевскаго нѣтъ статей Аничкова, Овсянико-Куликовскаго, Владиміра Соловьева, Скабичевскаго и т. д.; о романѣ «Что дѣлать» пропущены статьи Волжскаго, Страхова и любопытная критика романа въ оффиціальномъ изданіи, перепечатанная въ книгѣ Лемке «Эпоха цензурныхъ реформъ». Разумѣется, отсутствуетъ интересная статья Каутскаго «Мальтусъ и Чернышевскій» (не переведенная еще на русскій языкъ). Трудно понять, почему г. Денисюкъ помѣщалъ однѣ статьи того же автора и не помѣщалъ другихъ (статей Плеханова въ «Соц.-Дем.», статей Писарева «Мыслящій пролетаріатъ» и др., статьи Протопопова и т. д.), или почему онъ выпускалъ отдѣльныя главы помѣщаемыхъ имъ статей

(глава XXIX книги Иванова «Исторіи русской критики», конецъ главы «60-е годы» у Андреевича). Заглавія главъ г. Денисюкъ не разъ выкидываетъ или придумываетъ собственныя. Напр., у Плеханова нѣтъ статей «Чернышевскій и Писаревъ» и «Философскіе взгляды Чернышевскаго», а есть статья «Эстетическая теорія Чернышевскаго», которую г. Денисюкъ для чего-то разрѣзалъ на куски. Наконецъ, статью г. Венгерова въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза г. Денисюкъ приписалъ Заку, которому принадлежитъ только послѣдняя треть статьи «Чернышевскій», первыя же двѣ трети написаны (и подписаны) г. Венгеровымъ.

Примѣчанія г. Денисюка въ лучшемъ случаѣ безполезны, хотя онъ и не особенно щедръ на нихъ. Къ первой статьѣ (Писарева) сдѣлано примѣчаніе о взглядахъ Писарева вообще, но слѣдующіе авторы идутъ безъ нихъ, хотя у нихъ взяты большей частью нецѣльныя статьи, а отдѣльныя главы и отрывки. Нечего и говорить, что г. Денисюкъ не въ состояніи оцѣнить и объяснить противорѣчивые отзывы различныхъ авторовъ о Чернышевскомъ. Такъ, по мнѣнію г. Скворцова, Чернышевскій далъ «наиболѣе остроумную и основательную» критику теоріи Мальтуса (стр. 240), а г. Плехановъ считаетъ эту критику невѣрной даже въ математическомъ отношеніи (рѣзко расходясь въ этомъ отзывѣ съ Каутскимъ). Г. Денисюкъ въ своемъ примѣчаніи даетъ только отрывочныя и мало интересныя свѣдѣнія объ эпохѣ Мальтуса и ни къ селу, ни къ городу разсказываетъ объ «извѣстномъ римскомъ патриціи Мененіи Агриппѣ» и его баснѣ (стр. 241). Въ другихъ замѣчаніяхъ, особенно философскихъ, г. Денисюкъ обнаруживаетъ поразительное невѣжество. «Въ 40-хъ годахъ, говоритъ онъ, напр., какъ въ нашемъ обществѣ, такъ и въ наукѣ, господствовалъ духъ сенсуализма, т. е. философскаго ученія, считающаго чувство единственнымъ источникомъ познанія. Отсюда (?) разумъ и точныя знанія были въ загонѣ. Отдавшись разрушенію столповъ, на которыхъ покоилось міропониманіе «отцовъ», Чернышевскій попытался отвести почетное мѣсто находившемуся въ пренебреженіи разуму и критически мыслящей личности. Такимъ образомъ, сенсуализму былъ противопоставленъ раціонализмъ, т. е. ученіе Декарта и Канта, по которому «чистый разумъ» является единственнымъ источникомъ познанія, могущимъ замѣнить какъ чувство, такъ и опытъ» (стр. 64). Такимъ образомъ, въ 40-хъ годахъ вмѣсто гегельянства г. Денисюкъ открылъ сенсуализмъ, приписалъ ему пренебреженіе къ точнымъ изслѣдованіямъ и, наконецъ, зачислилъ Чернышевскаго, бывшаго ближе всего къ сенсуализму и матеріализму Фейербаха, въ его противники и въ сторонники Канта! Столь же ужасны разсужденія г. Денисюка о матеріализмѣ и идеализмѣ (стр. 252) и т. д.

Въ общемъ сборникъ г. Денисюка представляетъ случайное собраніе нѣсколькихъ статей о Чернышевскомъ, испорченныхъ его примѣчаніями. Цѣну нужно признать очень высокой.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Спб. Зимовье на Студеной. Изд. 4-ое. Ц. 5 к. 1908 г. ***Его-же.*** Три конца. Уральская лѣтопись. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к. ***Его-же.*** Изъ Уральской старины. Охонины брови. Братья Гордѣевы. Повѣсти. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. ***Его-же.*** Черты изъ жизни Пепко. Романъ. Изд. 3-ье. Ц. 1 р. 25 к. ***Его-же.*** Дѣтскія тѣни. Разсказы. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к. ***Его-же.*** Старинка и новинка. Сборникъ разсказовъ для дѣтей школьнаго возраста. Съ 16 илл. худ. С. И. Панова. Ц. 1 р. 75 к. 1909 г.

Всеобщая библіотека. Спб. 1908 г. Вып. № 11. ***Вин. Аловъ.*** Русскіе „еретики" XIV—XVI вв. Ц. 10 к. Вып. №№ 12, 13. ***Даніель-де-Фо.*** Робинзонъ Крузо. Ц. 20 к. Вып. № 14. Проф. ***П. Н. Кудрявцевъ.*** Римскія женщины. Ц. 10 к. Вып. 15. ***М. Метерлинкъ.*** Слѣпые. Внутри. Сестра Беатриса. Три пьесы. Ц. 10 к. Вып. №№ 16, 17, 18. Проф. ***А. Рамбо.*** Исторія французской революціи. Ц. 30 к. Вып. № 22. ***М. Н. Загоскинъ.*** Кузьма Рощинъ. Ц. 10 к. Вып. 31. П. И. Чайковскій. Его жизнь и дѣятельность. Ц. 10 к. Вып. №№ 32, 33. Гамлетъ принцъ Датскій. Ц. 20 к.

Всемірная библіотека. Одесса. 1908 г. ***Кнутъ Гамсунъ.*** Мелкіе разсказы. Ц. 10 к. ***Его же.*** Викторія. Ц. 20 к. ***Франкъ Ведекиндъ.*** Пробужденіе весны. Трагедія дѣтской души. Ц. 15 к. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и Мск. 1908 г. ***Вл. Семеновъ.*** Царица міра. Романъ фантазія. Ц. 75 к. Свободное знаніе. Д-ра мед. ***В. Ларіоновъ.*** Психологія краснорѣчія. Ц. 30 к. ***А. Л. Погодинъ,*** проф. Варш. ун-та. Почему не говорятъ животныя. Ц. 60 к.

Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и Мск. 1907 г. ***Л. Н. Геделундъ.*** Исторія Даніи. Пер. съ датскаго гр. Н. Протасова-Бахметева. Ц. 1 р. 20 к.

Книгоизд. В. Л. Богушевскаго. Спб. 1908 г. ***Е. Игнатьевъ.*** Безъ руля и безъ вѣтрилъ. Повѣсти и разсказы. Ц. 1 р. ***Его же.*** Въ царствѣ смекалки. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. О. Норвежскаго. Библіотека интеллигента. ***Тонни Келленъ.*** Газета и Журналъ. Пер. съ нѣм. Спб. Ц. 75 к.

Изд. Т-ва Знаніе. Спб. ***В. Бончъ-Бруевичъ.*** Избранныя произведенія русской поэзіи. Изд. 5-ое. Ц. 2 р. ***Шоломъ Аишъ.*** Т. I. Разсказы съ еврейскаго. Ц. 1 р. ***Н. Гаринъ.*** Т. VII. Деревенскія панорамы. Ц. 1 р. ***Г. Григорьевъ.*** Краткій курсъ химіи. Изд. VI. Ц. 80 к.

Изд. „Научное Слово". Мск. 1908 г. ***Ю. Айхенвальдъ.*** Пушкинъ. Ц. 80 к.

Книгоизд. „Научная Мысль". Спб. 1909 г. ***Э. Гекнель.*** Естественная исторія міротворенія. Кн. II-я. Ц. 3 р.

Изд. Т-ва „Общественная польза". Спб. ***М. Гюйо.*** Безвѣріе будущаго. Соціологическое изслѣдованіе. Пер. съ фр. подъ ред. Я. Л. Сакера. 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.

П. Г. Мижуевъ. Счастливая Австралія. Ц. 1 р. ***Р. Шпрингеръ.*** Національная проблема. Пер. съ нѣм. М. Брагинскаго и А. Брумберга. 1909 г. Ц. 2 р.

Книгоизд. „Основа". Мск. 1909 г. Страница изъ половой исповѣди студенчества. Ц. 20 к.

Книгоизд. „Польза". В. Антикъ и К°. Мск. 1908 г. ***А. Боровой,*** прив.-доц. Мск. ун-та. Популярный курсъ политической экономіи. Ц. 1 р. 60 к. ***Е. И. Вишняковъ*** и ***В. И. Пичета.*** Очерки русской исторіи. Ц. 1 р. 50 к. ***Н. М. Мендельсонъ.*** Очерки по исторіи русской литературы. Ц. 1 р. 50 к. Научно-популярная библіотека. № 1. Проф. ***Э. Д. Гримлъ.*** Мирабо. Ц. 50 к. № 2. ***А. Г. Михайловскій.*** Реформа городского самоуправленія въ Россіи. Ц. 50 к. № 3 и № 4. ***А. К. Дживелеговъ.*** Начало итальянскаго возрожденія. Ц. 1 р. № 3. А. В. Быкова. Франція и французы. Ц. 40 к.

Книгоизд. О. Н. Поповой. Спб. 1909 г. ***Б. Веселовскій.*** Исторія земства за сорокъ лѣтъ. Т. I. Ц. за 2 тома 12 р.

Кн во „Проблемы Искусства“. Мск. 1908 г. Кризисъ театра. Сборникъ статей. Ц. 1 р. 75 к.

Изд „Посредника“. П. Бирюковъ. Л. Н. Толстой. Біографія. Т. II. Ц. 2 р. 25 к. Л. Н. Толстой. Крейцерова соната. Повѣсть Ц. 18 к. *Его-же*. Власть тьмы. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Ц. 20 к. *Его-же*. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Ц. 20 к. *А. С. Пругавинъ*. Предполагавшееся заточеніе Л. Н. Толстого въ Суздальскій монастырь. Ц. 7 к.

Изд. Т-ва Д. И. Сытина. Мск. [illegible] *Н. В. [illegible]*[illegible]*новъ*. Наша родина. Географическая христоматія для начальныхъ училищъ. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 70 к. *Вас. Немировичъ-Данченко*. На миру. 1909 г. Ц 1 р. К-во „Современныя проблемы“. Мск. 1908 г. *Л. Зерингъ*. Метерлинкъ, какъ философъ и поэтъ. Пер. съ нѣм. М. Кадитъ. Ц. 60 к. Собр. соч. *А. Стриндберга*. Т. IV. Утопіи въ дѣйствительности. Ц 1 р.

Изд-во Студенческій Голосъ. Мск. 1908 г. *Выдринъ*. Основные моменты студенческаго движенія въ Россіи. Ц. 50 к.

Книгоизд. „Сотрудничество“. Мск. 1908 г. *В. Черновъ*. Соціалистическіе этюды. Ц. 1 р. 95 к. Книгоизд. „Скорпіонъ“. Мск. 1907 г. *Шарль ванъ Лерберъ*. Панъ. Пер С. А. Полякова. Ц. 1 р. *Изд. «Шиповникъ»*. Литературно-художественные Альмаманахи. Книга шестая.

Книгоизд. „Сеймъ“. Протоколы конференціи націон. соціалистическихъ партій въ Россіи. Спб. 1908 г. Ц. 60 к.

Книгоизд. А. И. Селевина. Л. Н. Толстой Божеское и человѣческое. Елисаветградъ. 1906 г. Ц. 8 к.

Изд. Т-ва. Бр. А. и И. Гранатъ и Ко. Исторія Россіи въ XIX в. Вып. № 13 и вып. № 14. Изд. Д. Е. Жуковскаго. Спб. 1908 г. *Шеллингъ*. Философскія изслѣдованія о сущности человѣческой свободы. Бруно или о божественномъ и естественномъ началѣ вещей.

Изд. С. Скирмунта. Мск. 1908 г. *Ялмаръ Бергстремъ*. Голосъ жизни; пьеса въ 4 дѣйствіяхъ. Пер. съ датскаго А. П. Ганзенъ. Ц. 40 к.

Изд. Л. И. Тоссъ. Московскій Городской Народный Университетъ имени Шанявскаго. Мск. Ц. 15 к.

А. А. Алексѣевъ. Къ ученію о парламентаризмѣ. Спб. 1908 г.

А. И. Агатовъ. На фонѣ ночи. Ц. 40 к. *Его-же*. Поэмы-гимны. Ц. 30 к. 1908 г.

Азфертъ. Дѣлатель жизни (По поводу 80-тилѣтняго юбилея Л. Н. Толстого) Харьковъ. Ц. 10 к.

С. Аргаманова. Жертвы тьмы. Драма въ 5 дѣйств. и 6 картинахъ. *Его-же*. Недостатки современной системы обученія. Ц. 60 к. *Его же*. Въ чемъ состоитъ признанное докторомъ Пабстомъ вліяніе луны на образованіе и перемѣщеніе минимумовъ. Ц. 30 к. Полоцкъ. 1908 г.

Р. М. Бланнъ. Роль еврейскаго населенія въ экономической жизни Россіи. Спб. 1908 г. Ц. 20 к.

Н. Н. [illegible]. Сарапулъ и Среднее Прикамье. 1908 г. Второе изд. Ц. 25 к.

Проф. Р. Випперъ. Очерки исторіи Римской имперіи. Мск. 1905 г. Ц. 1 р. 75 к.

С. І. Гликманъ. Терапевтическіе очерки. Спб. 1908 г.

Н. Глѣбовъ. Координаты. Спб. 1908 г.

И. Гранатъ. Къ вопросу объ обезземеленіи крестьянства въ Англіи. Мск. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

К. Дружининъ. Воспоминанія о Русско-Японской войнѣ 1904—1905 гг., участника-добровольца. Спб. 1909 г. Ц. 3 р. 50 к.

Изгнанникъ. Онъ вернулся. Симбирскъ. 1907 г. Ц. 10 к.

Ивановъ-Разумникъ. О смыслѣ жизни. Ѳ. Сологубъ, Л. Андреевъ, Л. Шестовъ. Спб. 1908 г. Ц. 1 р.

И. Катаевъ. Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Вып. I. Ц. 50 к. Вып. II. Ц. 80 к. Мск. 1908 г.

В. А. Келтуяла. Краткій курсъ исторіи русской литературы. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I. Вып. I. Ц. 1 р. Вып. II. Ц. 1 р. Спб. 1908 г.

В. В. Лунневичъ. Два эскиза. I. Невольники Шлиссельбурга. II. Муть и накипь. Женева 1908 г. Ц. 1 фр.

М. И. Маляревскій. Онанизмъ и борьба съ нимъ. Изд. 2-ое. Спб. 1907 г. Ц. 30 к.

А. Мастрюковъ. Всякій человѣкъ геній. Ц. 20 к. Мск. 1909 г.

Б. Николаевъ. Философская бесѣда медика, математика и юриста. Спб. 1908 г.

И. Наживинъ. Письмо къ молодежи о половомъ вопросѣ. Мск. 1908 г. Ц. 10 к.

Инженеръ *А. Пушечниковъ*. О современномъ положеніи нѣкоторыхъ вопросовъ желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Спб.

Іосифъ Редлихъ. Англійское мѣстное самоуправленіе. Пер. съ нѣм. Ф. Ельяшевичъ. Т. II. Спб. 1908 г. Ц. 3 р.

Н. В Слюнинъ. Современное положеніе нашего Дальняго Востока. Спб. 1908 г.

М. Топорскій. Стихотворенія. Съ рис. Н. Н. Каразина. Мск. 1908 г.

Н. Тичеръ. „Единство школы" для всего народа, какъ требованіе русскихъ политическихъ партій. Спб. 1908 г. Ц. 50 к.

Проф. Л. В. Ходскій. Политическая экономія въ связи съ финансами. Изд. 4-ое. Т. I. Политическая экономія. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. 1. Основные факторы нар. хозяйства Россіи. 2. Очерки государственнаго хозяйства. 3. Очерки исторіи полит. экономіи. Ц. 2 р. 50 к. Спб. 1908 г.

Памяти К. Маркса. (1818—1883) къ двадцатипятилѣтію со дня его смерти. (1883—1908). Спб. 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.

Фюстель де-Куланжъ. Римскій колонатъ. Пер. подъ ред. проф. И. М. Гревса. Спб. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. Флеровъ. Дѣтскій Другъ. Вторая послѣ букваря книга. Мск. 1908 г. Ц. 60 к.

А. И. Фаресовъ. Спб. 1908 г. Пробужденный народъ. Ц. 1 р. *Его-же*. Голоса земли. Ц. 1 р.

Л. Шестовъ. Начала и концы. Сборникъ статей. Спб. 1908 г. Ц. 1 р.

Э. Махъ. Анализъ ощущеній и отношеніе физическаго къ психическому. Пер. съ нѣм. Г. Котляра. Изд. второе. С. Скирмунта. Москва. 1908. Ц. 1 р.

Гуго Линдеманъ. Пролетаріатъ и городское хозяйство. Пер. съ нѣм. А. Розенштейнъ. Изд. С. Скирмунта. Москва. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Отто Бауеръ. Національный вопросъ и соціалъ-демократія. Ч. I. Пер. съ нѣм. В. Соловейчикъ. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Г. М. Барацъ. Библейско-Агадическія параллели къ лѣтописнымъ сказаніямъ о Владимірѣ Святомъ. Кіевъ. 1908. Ц. 75 к.

Ив. Вл. Богословскій. Развитіе жизни. Спб. 1908. Ц. 2 р. 75 к.

Г. С. Лиховицера. О качествѣ известняковъ, примѣняемыхъ на русскихъ сахарныхъ заводахъ. Кіевъ. 1908.

П. П. Гензель, прив.-доц. Моск. ун-та. Библіографія финансовой науки. Ярославль. 1908. Ц. 60 к.

В. фонъ-Гумбольдтъ. Опытъ установленія предѣловъ государственной дѣятельности. Пер. *А. Н. Паевской*. Изд. В. Ф. Лушнина. Спб. 1908. Ц. 60 к. Весь доходъ отъ изданія поступаетъ въ кассу Литературнаго фонда.

М. И. Тимофеевъ. Азбука. Первые уроки. Ц. 20 к.—*Его же*. Естественный звуковой методъ. Ц. 50 к. Одесса. 1908.

А. Измайлова. Л. Толстой для школы и дома. М. 1908. Ц. 20 к.

О. Циммерманъ. Руководство для преподаванія нѣм. языка. Ч. I. М. 1908. Ц. 95 к.

О. Н. Смирновъ. Народный учитель. Казань. 1907. Ц. 50 к.

Отчетъ о дѣятельности консультаціи пом. прис. повѣренныхъ при Моск. мировомъ съѣздѣ за 1907 г.

Къ десятилѣтію рабочаго общества взаимопомощи. Харьковъ. 1908,

Статистическое отдѣленіе Псковской губ. земской управы. Урожай хлѣбовъ и травъ въ 1908 г.

Отчетъ о дѣятельности Харьковской коммиссіи по устройству народныхъ чтеній за 1907 г. Харьковъ. 1908.

В. В. Винеръ. Отчетъ Шатиловской сельскохозяйственной опытной станціи. В. II и III. Спб. 1908.

Еврейскій вопросъ въ III-ей Государ. Думѣ. Отчетъ Члена Гос. Думы Л. Н. Нисселовича. Спб. 1908 г.

Труды по лѣсному дѣлу въ Россіи. Вып. IV, V, VI, VII, VIII, IX, X. 1907—8 г.

Вечерніе общеобразовательные курсы въ г. Митавѣ.

Отчетъ за 1907—8 учебный годъ. Митава. 1908 г.

Авторское право. Докладъ комиссіи. Спб. Литературнаго Общества. Спб. 1908 г. Ц. 50 к.

Статистическое Отдѣленіе Мск. губ. Земской Управы. Московская губернія по мѣстному обслѣдованію 1898—1900 гг. Т. III. Вып. 2-ой. Мск. 1908 г.

Краткій отчетъ о дѣятельности Мск. комитета Общ. Помощи Голодающимъ въ продовольственную кампанію 1906—1907 г. Мск. 1908 г.

Каталогъ избранныхъ книгъ для дѣтей. Составленъ „Комиссіей по дѣтскому чтенію" при Учеб. Отд. Общ. Распр. Техн. знаній. Мск. 1908 г. Ц. 30 к.

Матеріалы по опредѣленію физическаго состоянія населенія Моск. губ. Физическое развитіе дѣтей въ сиротскомъ пріютѣ Моск. губ. Земства за 1901—1905 гг. Изд. Мск. губ. Земства Мск. 1908 г.

Письма въ редакцію.

I.

Въ виду нѣсколько субъективнаго, на мой взглядъ, истолкованія моихъ словъ, сдѣланнаго г. Пѣшехоновымъ въ его статьѣ «На [illegible] «Русскаго Богатства», прошу васъ дать мѣсто на страницахъ вашего журнала нижеслѣдующей выпискѣ изъ журнала засѣданія III Отдѣленія В.-Э. Общества отъ 13 дек. 1906 г., помѣщеннаго въ № 6 «Трудовъ» этого Общества:

М. П. Миклашевскій. Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ этомъ законѣ съ чисто домашней, нашей интеллигентской, точки зрѣнія. *Отрицательное отношеніе къ этому закону было*, по самому существу дѣла,— *необходимостью для каждаго, всходящаго на эту каѳедру.* Исключеніемъ, до нѣкоторой степени, явился А. Е. Лосицкій, почти не останавливавшійся на отрицательныхъ сторонахъ указа 9-го ноября. *Тамъ, гдѣ должно было происходить органическое постепенное развитіе, тамъ этотъ указъ, какъ уже отмѣчено предыдущими ораторами, произведетъ грубую, болѣзненную ломку, съ обычной бюрократической развязностью разрывая сложныя сплетенья жизни.* Я хочу съ особой точки зрѣнія выступить апологетомъ указа 9 ноября. Дѣло въ томъ, что жестокіе удары правительственной реакціи обращены не только противъ реальныхъ факторовъ жизни, но и противъ идей. И иногда эти удары, по отношенію къ идеямъ, бываютъ благодѣтельны. Когда я вижу, какъ прогрессивныя партіи, въ настоящую серьезную минуту, отворачиваются отъ предвыборнаго соглашенія другъ съ другомъ, я вывожу: должно быть, правительство еще не достаточно вымуштровало нашу интеллигентскую мысль. Очевидно, интеллигентская мысль еще нуждается въ муштровкѣ. И вотъ новое *поощреніе хищническихъ элементовъ деревни указомъ 9 ноября* должно открыть глаза интеллигенціи и уничтожить еще одну старую утопію, утопію о соціализаціи земли и объ единствѣ интересовъ всего „трудового" крестьянина, и т. д. Я не думаю, чтобы въ ближайшемъ будущемъ начали сказываться результаты указа. Если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, то уже сейчасъ, въ различныхъ мѣстностяхъ, „міръ" принимаетъ свои мѣры противъ осуществленія этого закона. Покуда не улеглось крестьянское движеніе, я думаю, законъ этотъ въ жизнь не войдетъ. Но когда и поскольку онъ войдетъ въ жизнь, тогда и поскольку деревня наша явитъ себѣ такое зрѣлище, которое совершенно разобьетъ надежды нашихъ „соціализаторовъ". Эта утопія живуча, она безусловно вредна, и если новый законъ поспособствуетъ ея исчезновенію, то онъ принесетъ свою пользу, и я почти готовъ буду его привѣтствовать (стр. 53—54).

При этомъ считаю не лишнимъ замѣтить, что характеристика закона 9 ноября, заключающаяся въ подчеркнутыхъ мною словахъ, на самомъ дѣлѣ была сдѣлана мною въ еще болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ, смягченныхъ редакціей «Трудовъ», повидимому, изъ цензурныхъ соображеній.

М. Невѣдомскій (Миклашевскій).

II.

Со своей стороны, считаю не лишнимъ обратить вниманіе на заключительную часть приведенной рѣчи г. Миклашевскаго: она достаточно опредѣленна и въ той редакціи, въ какой записана въ журналѣ. О своемъ отношеніи къ «апологіи указа 9 ноября» съ «особой точки зрѣнія» я заявилъ въ томъ же засѣданіи, о которомъ идетъ рѣчь. «Что касается М. П. Миклашевскаго,—было сказано мною,—то я боюсь, что его разсужденіе было не достаточно серьезнымъ: въ странѣ будетъ происходить грандіозная ломка, а мы должны утѣшаться тѣмъ, что это прояснитъ нѣсколько головъ въ этой залѣ!..» (Журналъ засѣданія 13 декабря 1906 г. стр. 55).

А. Пѣшехоновъ.

Краткая программа изученія крестьянскаго обычнаго права.

I. ПРЕДИСЛОВІЕ.

Одно время, преимущественно въ 70-е годы прошлаго вѣка, изученіе крестьянскаго быта вообще и обычнаго права крестьянъ въ особенности глубоко увлекало русскую интеллигенцію. Оно окрасило собой цѣлый періодъ русской литературы, дало такія художественныя картины, такія научныя изслѣдованія народной жизни, равныхъ которымъ до сихъ поръ нѣтъ нигдѣ въ мірѣ.

Потомъ настало время, когда интеллигенція отошла далеко отъ народныхъ массъ. А вмѣстѣ съ этимъ заглохло и художественное, и научное ихъ изученіе. Беллетристы увлекались другими формами и другимъ содержаніемъ, большинство ученыхъ экономистовъ и юристовъ стали отвергать всякое будущее за крестьянствомъ и въ частности за его обычнымъ правомъ, стали даже отрицать самое существованіе этого права.

Теперь пришло, кажется, время снова обратиться къ изученію народной жизни и обычнаго права. Теперь, какъ почти полвѣка назадъ, народныя массы опять пережили періодъ, если еще не великихъ реформъ, то во всякомъ случаѣ великихъ потрясеній. Опять, какъ тогда, народныя массы освободились или наканунѣ освобожденія хотя бы отъ части своихъ путъ и стали играть въ общественной жизни во всякомъ случаѣ болѣе активную, чѣмъ раньше, роль. Столь же потому естественно и неизбѣжно, какъ и тогда, новый участникъ исторической жизни Россіи долженъ привлечь къ себѣ усиленное вниманіе, долженъ послужить предметомъ глубокаго и всесторонняго изученія.

Во всякомъ случаѣ за такое изученіе должны взяться всѣ тѣ, кто хочетъ строить свое общественное міровоззрѣніе и свою политическую программу не на догматахъ отвлеченныхъ теорій, а на выводахъ изъ познанія дѣйствительныхъ явленій соціальной жизни. Чѣмъ шире наблюдается теперь разочарованіе въ политическомъ догматизмѣ, тѣмъ шире долженъ быть приливъ къ изученію соціальной дѣйствительности и обновленію обществовѣдѣнія этимъ изученіемъ. И оно теперь получитъ новую великую силу въ томъ, что будетъ дѣломъ не одной только интеллигенціи, какъ въ 70-е годы, а также и болѣе сознательныхъ слоевъ самихъ народныхъ массъ, будетъ не только изученіемъ народа, но и самопознаніемъ народа.

Только такимъ путемъ и можетъ быть выполнена эта огромная и сложная задача. Только дружное участіе во всѣхъ концахъ Россіи десятковъ, сотенъ, даже тысячъ сознательныхъ сотрудниковъ въ собираніи и разработкѣ необходимой для опредѣленныхъ и твердыхъ выводовъ массы всякаго рода данныхъ, — при наличности, конечно, и соотвѣтственныхъ матеріальныхъ средствъ, дастъ быстрый и прочный успѣхъ великому дѣлу самопознанія народа.

Занимаясь болѣе пятнадцати лѣтъ изслѣдованіями народной жизни въ Россіи, собравъ и обработавъ уже значительныя массы матеріаловъ и издавъ нѣсколько печатныхъ работъ *), я рѣшаюсь обратиться ко всѣмъ сочувствующимъ вышенамѣченной задачѣ изученія народнаго быта и обычнаго права съ настоятельной просьбой принять участіе въ этой работѣ, оказать ей содѣйствіе, кто чѣмъ можетъ.

Для начала я печатаю и хотѣлъ бы возможно шире распространить самую краткую программу для собиранія свѣдѣній по обычному праву. Затѣмъ я предполагаю предложить и болѣе подробныя и спеціальныя программы по разнымъ областямъ народной жизни. Но уже, конечно, и сейчасъ я могу быть только благодаренъ, если тѣ изъ откликнувшихся на это обращеніе, которые найдутъ эту программу неполной, дополнятъ ее сами новыми интересными по ихъ мнѣнію вопросами и доставятъ на нихъ отвѣты.

По мѣрѣ полученія отвѣтовъ, матеріалы будутъ немедленно разрабатываться и въ обработанномъ (а частью и подлинномъ) видѣ будутъ печататься въ газетахъ и журналахъ съ тѣмъ, чтобы потомъ послужить основаніемъ для отдѣльныхъ большихъ работъ.

Отвѣты на программу, а также и всякіе вообще матеріалы, сообщенія, предложенія и запросы по поводу настоящаго обращенія прошу направлять:

С.-Петербургъ, Невскій, 147, Редакція журнала «Вѣстникъ Знанія», для К. Качоровскаго.

---

*) См. мои книги „Русская Община“ т. I и „Народное право“ и составленныя при ближайшемъ моемъ участіи: П. Веніаминовъ „Крестьянская община“ (служащая продолженіемъ „Русск. общины“) и коллективная работа „Борьба за землю“ т. I.

II. ПРОГРАММА.

1. a) Названіе уѣзда, откуда присылается отвѣтъ. b) Объ одномъ ли селѣ дается отвѣтъ или о нѣсколькихъ и сколькихъ именно? c) Какого разряда описываемые крестьяне: бывшіе государственные или помѣщичьи, удѣльные или какіе? d) Занимаются ли только земледѣліемъ или промыслами? Какими именно? e) Кто по сословію и занятію самъ отвѣчающій, долго ли живетъ въ деревнѣ?

2. Существуетъ ли у крестьянъ свое «обычное право», отличающееся отъ примѣняемыхъ въ общихъ судахъ законовъ? Наблюдаются ли, напр., самостоятельно выработанные земельные распорядки? Самостоятельные порядки наслѣдованія имущества? Семейныхъ раздѣловъ? И т. д. Въ чемъ состоятъ эти обычноправовыя отношенія? Кому, напр., принадлежитъ земля и имущество: главѣ семьи въ личную собственность или всей семьѣ? Необходимо вообще дать побольше примѣровъ наиболѣе замѣтныхъ и постоянныхъ крестьянскихъ обычаевъ, характерныхъ для деревни. Нѣтъ ли какихъ измѣненій въ этихъ обычаяхъ съ теченіемъ времени? Какія именно измѣненія?

3. Какъ дѣйствуетъ волостной судъ? Судитъ ли онъ по крестьянскимъ обычаямъ или по закону? Добросовѣстно ли судитъ? Какихъ выбираютъ судей? Каково вліяніе писаря, старшины, земскаго начальника? И здѣсь очень важно дать побольше примѣровъ, а также подлинныхъ выписокъ различныхъ рѣшеній суда. Слѣдуетъ особо привести примѣры добросовѣстныхъ и недобросовѣстныхъ рѣшеній, а также соотвѣтствующихъ и несоотвѣтствующихъ обычному праву и крестьянскимъ правовымъ воззрѣніямъ. Каковы съ теченіемъ времени измѣненія въ дѣйствіи волостного суда? Не рѣшаются ли различныя дѣла и споры по обычаямъ крестьянъ сельскими обществами и земельными общинами? Какія именно?

4. Можно ли сказать, что крестьянское обычное право и крестьянскія воззрѣнія на то, что правильно и справедливо, основаны на трудовыхъ воззрѣніяхъ, т. е. напр., что владѣніе землей и другимъ имуществомъ по ихъ мнѣнію должно быть основано на трудѣ? Или, напр., распространено ли такое мнѣніе, что каждый человѣкъ имѣетъ право на пропитаніе посредствомъ своего труда? Наоборотъ, не распространено ли легкое отношеніе къ чужому трудовому имуществу: захватъ силой, обманомъ, кражи трудового имущества своихъ же крестьянъ? Необходимо подтвердить отвѣтъ подробными примѣрами.

5. Какія общественныя дѣла обсуждаются и рѣшаются на сходахъ? Необходимо перечислить всѣ безъ исключенія мірскія дѣла и вопросы. Часто ли собираются? Многолюдны ли сходы? Кто имѣетъ вліяніе: старики или молодые? Зажиточные или бѣдные? Темные или сознательные? Какія во всемъ этомъ съ теченіемъ

времени замѣчаются измѣненія: увеличивается ли число вопросовъ на сходахъ, проходятъ ли сознательнѣе, рѣшаютъ ли добросовѣстнѣе и правильнѣе или наоборотъ?

6. Были ли и бываютъ ли передѣлы? Общіе (всей земли сразу между всѣми хозяевыми) или частные (свалки - навалки надѣловъ между отдѣльными хозяевами)? По какимъ душамъ дѣлится земля (по ревизскимъ, по мужскимъ наличнымъ, по работникамъ, по ѣдокамъ)? Происходятъ ли передѣлы согласно или съ большими раздорами?

7. Происходятъ ли выдѣлы изъ общины по указу 9 ноября 1906 г.? Много ли такихъ выдѣловъ, когда начались? Съ теченіемъ времени уменьшается или увеличивается ихъ число? Кто выдѣляется: малыя семьи съ большимъ числомъ надѣловъ или безхозяйные, или, наоборотъ, лучшіе хозяева для улучшенія своего хозяйства? Часто ли выдѣленные надѣлы продаются? Кому? Остаются ли надѣлы въ черезполосномъ владѣніи, или выдѣляются къ одному мѣсту?

8) Какъ относится община къ выдѣляющимся? Не служили ли выдѣлы препятствіемъ къ передѣлу? Если было много выдѣловъ, изъ боязни передѣловъ, то не отмѣняетъ ли община передѣловъ, чтобы прекратить выдѣлы? Если большинство общинниковъ противъ выдѣловъ, то какія мѣры принимаютъ для борьбы съ выдѣлами?

9) Стоитъ ли большинство крестьянъ за общинное владѣніе землей или противъ него? Какіе именно изъ крестьянъ являются сторонниками и какіе противниками: старые или молодые? Зажиточные или бѣдные? Темные или сознательные? Какіе именно находятъ преимущества и недостатки во владѣніи общинномъ и какіе въ подворномъ?

10. Что больше всего занимаетъ сейчасъ мысли крестьянъ? Сильно ли стремленіе крестьянъ покупать землю? Идетъ ли переселеніе, говорятъ ли о немъ? Что именно и какъ говорятъ? Не распространяется ли среди крестьянъ стремленіе къ кореннымъ улучшеніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ? Въ чемъ именно это проявляется?

11. Замѣтно ли среди крестьянъ какое либо кооперативное движеніе, а именно: возникаютъ ли сельско-хозяйственныя общества, потребительныя общества, кредитныя товарищества? Необходимо указать о каждомъ изъ такихъ начинаній: когда оно возникло, насколько успѣшно развивается, сколько въ немъ участниковъ, какіе преимущественно крестьяне участвуютъ: темные или сознательные? бѣдные или богатые? старые или молодые? И перечислить, какъ можно подробнѣе, все, что входитъ въ дѣятельность этихъ обществъ и товариществъ.

12. Особенно интересно и желательно подробно описать всѣ случаи совмѣстныхъ земледѣльческихъ работъ, какъ такихъ, гдѣ все хозяйство отъ начала до конца ведется сообща общиной или

товариществомъ, такъ и такихъ, гдѣ соединяются только для отдѣльныхъ работъ, напр., для совмѣстнаго пользованія рабочимъ скотомъ или орудіями для совмѣстной вспашки, совмѣстной уборки, молотьбы, храненія и т. д. При этомъ необходимо подробно описать всѣ случаи совмѣстныхъ работъ не только чисто земледѣльческихъ, но и всякихъ другихъ, какъ, напр., по садоводству, огородничеству, пчеловодству, лѣсному хозяйству и т. д. О каждомъ такомъ случаѣ необходимо указать: сколько времени существуютъ данныя совмѣстныя работы, число участниковъ въ каждой, насколько успѣшно и согласно идутъ работы, какъ именно распредѣляются и ведутся работы, какъ дѣлится продуктъ, не вводятся ли какія либо улучшенія, какія именно? Есть ли наемные рабочіе, на какихъ условіяхъ?

13. Каково общее настроеніе теперь среди крестьянъ? Надѣются ли они на коренныя реформы въ ихъ пользу въ ближайшемъ будущемъ? Если не надѣются, то почему именно? Если надѣются, то отъ кого именно ихъ ожидаютъ? Какъ смотрятъ на нынѣшнюю Государственную Думу? Какъ относятся къ интеллигенціи? Ждутъ ли крестьяне улучшенія своей жизни отъ кого либо со стороны или надѣются только на свои собственныя усилія? Въ послѣднемъ случаѣ каковы именно ихъ намѣренія и планы?

14. Желательно какъ можно подробнѣе описать и охарактеризовать умственную жизнь современнаго крестьянства и измѣненія въ ней за послѣдніе 3—5 лѣтъ. Многіе ли изъ крестьянъ и много ли читаютъ? Больше ли прежняго и насколько? Какого характера книги больше всего читаютъ? Перечислите для примѣра наиболѣе популярныя въ деревнѣ книги. Замѣтно ли появленіе среди крестьянъ новыхъ понятій, интересъ къ новымъ вопросамъ? Примѣры этого. Можно ли вообще сказать, что за послѣдніе годы замѣтно измѣнилось міровоззрѣніе крестьянской массы, или это можно сказать только объ отдѣльныхъ крестьянахъ? Особенно желательно подробно обрисовать измѣненія въ религіозныхъ и политическихъ чувствахъ и воззрѣніяхъ. Какъ эти измѣненія въ теоріи и на практикѣ проявляются?

К. Качоровскій.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ О. Г.—3 р.; черезъ М. П.—30 р. 50 к.

Итого . . . . . 33 р. 50 к.

Въ пользу б. шлиссельбуржцевъ: отъ В. В.—10 р.

Въ пользу пострадавшихъ депутатовъ 2-й Госуд. Думы: отъ В. Ш.—5 р.

Редакторъ-издатель *Вл. Короленко.*

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Подъ ред. прив.-доц. Е. В. Аничкова, проф. А. К. Бороздина и проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.

Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНЪ и Т-ва „МІРЪ“.

Вышли: „Народная Словесность“, вся (5 вып.), „Ист. Рус. Лит. до XIX в.“—4 вып., „Ист. Рус. Лит. въ XIX в.“—4 вып.

Изданіе составитъ 30—35 выпусковъ, въ 80 стр. больш. форм. каждый, и будетъ иллюстр. болѣе 300 снимковъ съ литерат. памятниковъ и портретовъ писателей, въ томъ числѣ 100—120 меццо-тинто-гравюръ и 50 хромолитографій. Условія подписки: при подпискѣ уплачивается задатокъ въ 2 р., при полученіи перв. двухъ выпусковъ по 1 р. 50 к., при полученіи остальн. по 1 р. (включ. перес.) и по 10 к. за переводъ платежа.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ. Проспекты безплатно.

Обращаться въ Главную конт. Т-ва „Міръ“, Москва, Б. Никитская, 22.

Отдѣленіе въ С.-Петербургѣ: Невскій, 104, кв. 30.

Новое изданіе Т-ва МІРЪ въ Москвѣ.

Карусъ Штерне.

ЭВОЛЮЦІЯ МІРА.

Переводъ съ посл. нѣм. изданія, перераб. **В. Вельше.**, подъ ред. **В. К. Агафонова**, съ дополнит. статьями проф. **Н. А. Умова** и **Н. А. Морозова.**

СОДЕРЖАНІЕ: Эволюція міровоззрѣній Проф. **Н. А. УМОВА**. Предисловіе **В. Вельше.** I. Въ царствѣ луча. II. Изъ дневника земли. III. Царство минераловъ. IV. Возникновеніе и развитіе жизни на землѣ. V. Царство первичныхъ существъ. VI. На зарѣ растительнаго царства. VII. Царство кишечно-полостныхъ. VIII. Предтечи высшихъ животныхъ формъ. IX. Во всеоружіи. X. Первые обладатели жилищъ. XI. Отъ многоногихъ къ шестиногимъ. XII. Нарядъ земли. XIII Родоначальники владыкъ земли. XIV. Между сушей и водой. XV. Гады. XVI. Владыки воздуха. XVII. Связь матери съ дѣтенышемъ. XVIII. Происхожденіе человѣка. XIX. Душа человѣка и животныхъ. XX. Развитіе обществен. наклонностей и рѣчи. XXI. Начатки культуры. XXII. Развитіе письменности. XXIII. Религіи и міровоззрѣнія. XXIV. Теорія происхожденія. XXV. Взглядъ въ будущее.

Эволюція элементовъ. **Н. А. Морозова.**

Изданіе составитъ 10 выпусковъ, по 128—160 стр. каждый, и будетъ иллюстрировано прибл. 800 рисунковъ, въ т. ч. 49 однотонными и цвѣтными на отдѣльн. листахъ. Первый выпускъ выйдетъ въ ноябрѣ, послѣдующіе ежемѣсячно по одному выпуску.

Цѣна съ пересылкой и доставкой по предварит. подпискѣ 15 руб., каковыя деньги уплачиваются въ слѣд. пор.: 2 руб. при подписаніи заказа и по 1 р. 30 к. при полученіи кажд. выпуска и сверхъ того по 10 коп. за переводъ платежа.

Проспекты безплатно. Главн. конт. т-ва Міръ: Москва, Б. Никитская, 22. Отд. въ Петербургѣ, Невскій. 104, кв. 30.

Корсеты М-ме ПЕРЕ

Будучи знакома съ анатоміей и слѣдя за медицин. литерат., я всегда стараюсь усовершенствовать покрой моихъ корсетовъ и сдѣлать вполнѣ безвредн. и гигіенич. Притомъ мои корсеты скрадыв. полноту живота, выполн. бюстъ и даютъ изящную фигуру.

Гигіеническіе корсеты на волосѣ, бюстъ-гальтеры, Paresseses, Stella, Viola, Marcedes, Nora Adrienne, Zarotte. Корсеты съ прямой бланжеткой для кормленія и со спинодержателемъ. Корсеты «реформъ». Корсеты для подростковъ и неправильныхъ фигуръ.

Спб., Екатерининскій каналъ, 47—24. (у Кам. моста).

Иногородн. заказы исп. въ кратч. срокъ и высыл. налож. плат.

Подписка на 1908-9 г. открыта

„Современный Журналъ"

для семейн. чтенія и самообразован.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

2р.8 к. со всѣми прилож. въ годъ, съ перес. 2р.80 к.

Подробная иллюстрированная программа безплатно.

Контора „Современнаго Журнала":

СПБ., Вознесенскій пр., д № 6.

Техническая контора ДЕСЛЕРЪ и КРОССЪ.

С.-Петербургъ, Невскій, 135—3.

Самый опытный и дешевый источникъ для покупки разныхъ машинъ, двигателей, мельничныхъ принадлежностей и пр. какъ новыхъ, такъ и малодержанныхъ. Смѣты по первому требованію.

КНИГИ ВЪ РАЗСРОЧКУ.

Всемірная библіотека, собр. сочин.: Пушкина, Островскаго, Потѣхина, Лермонтова, Крылова, Помяловскаго, Кольцова, Максимова, Гоголя, Диккенса, Оржешко, Брандеса, Мопасана Г. де, По Эдгара, всего 150 томовъ - 211 р. 50 к.

Каталогъ и проспекты безплатно. Разсрочка платежа на 30 мѣсяцевъ отъ 1 руб. въ мѣсяцъ.

Книготорговое Товар-во „КУЛЬТУРА".

С.-Петербургъ, Невскій, 28 (д. КОМП. ЗИНГЕРЪ).

ОТДѢЛЕНІЯ: въ Вильнѣ, Екатеринбургѣ, Баку, Варшавѣ, Владивостокѣ, Екатеринославѣ, Иркутскѣ, Казани, Кіевѣ, Лодзи, Москвѣ, Одессѣ, Ростовѣ н. Д., Ташкентѣ, Тифлисѣ, Томскѣ, Харьковѣ.

СЛѢДИТЕ ЗА МОДОЙ.

Вся Евр. носитъ теп. только нов. часы „Патентъ 1-ый сортъ"., Часы эти плоск. немн. толще серебр. рубля изъ черн. стали, ходъ на камн. ремонт., съ метал. циферб., зав. безъ ключа разъ въ 36 ч.. Фасонъ часовъ наст. изящ., что удовл. вкусу кажд. (обрат. вним. на рис.). Чтобы ознак. Россію съ этими прел. час., фабр. назн. на нихъ оч. деш. цѣну 3 р. 25 к., двое час. 6 р., выс. сор. 4 р. 40 к., 2 шт. 8 р. 50 к. Такіе же дамск. 3 р. 75 к., высш. сор. 4 р. 75 к. Такіе же сереб. муж. 5 р. 75 к., двое час. 11 р. Дам. сер. съ 3 крыш. глух. 6 р. 50 к. и 8 р. Часы муж. съ 8-мидн. зав., черн. ворон. стали 5 р. и 6 р. 50 к. Сер. 8 р. 75 к. и 11 р. Новость часы съ вѣч. календ. вм. 15 р. только 3 р. 75 к. Если Вы люб. изящ., то вып. отъ насъ эти часы, и Вы буд. всегда благод. Кажд. часы снабж. руч. на 6 л. Перес. отъ 1 до 4 шт 40 к., въ Сибирь 75 к. Выс. нал. плат. безъ зад. Цѣпи нов. золот. никогда нечерн. и нетемн. 1 р., 1 р. 75 к., 2 р. 50 к., 3 р. и 4 р Дам. шейн. цѣпи 1 р. 80 к., 2 р. 50 к., 3 р. и 4 р. М. Б. МЕЛЬНИКЪ, Спб., Невскій пр., 72 Н. Прошу не смѣш. съ Варшавой.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ имѣются слѣдующія новѣйшія изданія

Книгоиздательскаго Т-ва «ПРОСВѢЩЕНІЕ».

С.-Петербургъ, Забалканскій просп., соб. домъ № 75.

Сочиненія академика Ив. Ив. Янжула.

ВЪ ПОИСКАХЪ ЛУЧШАГО БУДУЩАГО. Соціальные этюды. 2-ое изданіе. Цѣна 3 рубля, въ изящномъ переплетѣ 3 руб. 75 коп.

КАКЪ АНГЛИЧАНЕ КРИТИКУЮТЪ СВОИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ. Съ предисловіемъ *М. М. Ковалевскаго.* 2-ое изданіе. Цѣна 1 руб. 25 коп., въ изящномъ переплетѣ 1 руб. 75 коп.

ПЬЯНСТВО, КАКЪ СОЦІАЛЬНЫЙ НЕДУГЪ, и БОРЬБА ПРОТИВЪ НЕГО. Цѣна 30 коп., въ переплетѣ 42 к.

Собранія сочиненій:

Н. В. ГОГОЛЯ, подъ редакціей *В. В. Каллаша.* Критически провѣрен. текстъ, біографія, вступительныя статьи, примѣчанія, художественныя приложенія, портреты, факсимиле. Вышли: Томъ I. Юношескіе опыты. Вечера на хуторѣ близъ Диканьки.—Томъ II. Миргородъ.—Томъ III. Арабески.—Томъ IV. Мертвыя души. Цѣна за томъ 1 руб., въ изящномъ коленк. переплетѣ 1 руб. 50 коп.

С. В. МАКСИМОВА, съ портретомъ автора и критико-біографич. очерк. *П. В. Быкова.* Вышли: Томы I—IV. Сибирь и каторга. Цѣна за томъ 1 руб., въ переплетѣ 1 руб. 50 коп.—Томъ V. Куль хлѣба и его похожденія. Цѣна 1 руб. 25 коп., въ переплетѣ 1 руб. 75 коп.—Томы VI—VII. Бродячая Русь Христа ради. Цѣна за томъ 1 руб. 50 коп., въ переплетѣ 2 р.

ГЮИ ДЕ МОПАСАНА, съ портретомъ автора, художественными приложеніями и критико-біографическимъ очерк. *З. А. Венгеровой.* Вышли: Томъ I. Милый другъ, романъ.—Томъ II. Сильна, какъ смерть, романъ.—Томъ III. Наше сердце, романъ.—Томъ IV. Монтъ-Оріоль, романъ. Цѣна за томъ 1 руб., въ переплетѣ 1 руб. 50 коп.

ЭЛИЗЫ ОРЖЕШКО, съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очерк. *С. Ѳ. Зелинскаго.* Вышли: Томъ VII. Хамъ. Вѣдьма.—Томъ VIII. Ad astra (Къ звѣздамъ, дуэтъ).—Томъ IX. Bene nati. Цѣна за томъ 75 коп., въ переплетѣ 1 руб. 25 коп.

ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА, съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очерк. *Д. П. Сильчевскаго.* Вышли: Томы XIII—XV. Крошка Доррить.—Томъ XVI. Тяжелыя времена. Цѣна за томъ 75 к., въ перепл. 1 р. 25 к.

ГЕОРГА БРАНДЕСА, съ портретомъ автора и вступительной статьей *М. В. Лучицкой.* Вышли: Томъ VII. Реакція во Франціи.—Томъ VIII. Натурализмъ въ Англіи. Цѣна за томъ 75 к. въ переплетѣ 1 руб. 25 коп.

ИСТОРІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА. Всемірная исторія. Составлена выдающ. нѣм. учеными подъ общ. ред. *Г. Гельмольта.* Вышелъ томъ VI. Средняя и Сѣверная Европа. Съ дополнит. примѣч. къ русск. изд. проф. Е. В. Тарле. Цѣна 5 руб., въ полукожаномъ переплетѣ 6 руб.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА ВСѢХЪ ВРЕМЕНЪ и НАРОДОВЪ. Сочиненіе проф. *К. Вермана.* Вышли 12—13 и 14—15 вып. II тома, подъ ред. проф. Д.В. Айналова. Цѣна за выпускъ 40 коп.

На складѣ Товарищества «Просвѣщеніе» поступили:
Всѣ изданія книгоиздательствъ

В. М. Саблина въ Москвѣ и Н. М. Глаголева въ С.-Петербургѣ,

а также:

АЛЬМАНАХЪ МОЛОДОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Книга I. Цѣна 1 руб. 25 к.

СРЕДИ АРЕСТАНТОКЪ. Очерки тюремной жизни. Сочиненіе *М. Шефферъ.* Цѣна 60 коп.

ГЛАВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ (1863—1907 гг.). Сочин. проф. *А. Л. Погодина.* Цѣна 3 руб., въ переплетѣ 3 руб. 75 коп.

ТЕАТРЪ ЕВРИПИДА. Полный стихотворный переводъ всѣхъ пьесъ и отрывковъ, дошедшихъ до насъ подъ этимъ именемъ, съ введеніемъ и объяснительн. статьями *И. Ѳ. Анненскаго.* Томъ I. Ц. 6 р., въ пер. 7 р. 25 к.

Со всѣхъ изданій, имѣющихся на складѣ Т-ва „Просвѣщеніе", гг. книгопродавцы пользуются издательской скидкой.

Подробный каталогъ высылается, по первому требованію безплатно.

ЧАСЫ ЗА 1 Р. 75 К.

Перв. въ Швейцаріи фабрика, желая ознакомить Россію со своими выдающимися часами, назначила цѣну **ТОЛЬКО ЗА 1 РУБ. 75 КОП.** Часы эти муж., карм., изъ черн. ворон. стали, зав. безъ ключа, „Анкеръ", часы зав. разъ въ 36 ч.; по виду и изящ. не уступ. дорог. час. въ 15 р. Часы изв. швейц. фабр. „Мозеръ" очень модн. и плоск., толщ. час. не болѣе серебр. рубля, изъ наст. черн. вор. стали, откр., ходъ на 15 камн., зав. голов., разъ въ 36 ч., съ фантаз. метал. циферблатомъ и ручат. за вѣрность хода, только 3 руб. 75 коп. Такіе же лухіе съ 3-мя крышками на 1 руб. дороже.

Что такое Бонеръ???

Это вновь усоверш. карман. часы ворон. стали, прекр. фантаз. фасона, сов. плоск, толщ. не прев. сер. рубля, съ фантаз. метал. позол. или серебр. циферблатомъ, ремонтуаръ съ зав. разъ въ 36 ч., на камн. и съ красив. наруж. маятник. Особ. вним. обращ., однако, на вѣрн. ходъ часовъ, кот. вывѣр. до 1-й мин. и наст. прочны, что фабр. выд. гаран. за нихъ на 6 л. **Цѣна часовъ только 3 р. 75 к.** Часы эти стоили раньше 8 р. Часы выс. нал. плат. и безъ зад.

Пересылка 40 коп., въ Сибирь 75 коп. М. В. Мельникъ, Спб., Невскій пр., 72. Н.

Открыта подписка на новое изданіе 16 частей

полнаго собр. соч. Гр. Л. Н. ТОЛСТОГО,

до сихъ поръ печатавшихся за границей. Цѣна съ пересылкою 8 р. Допускается разсрочка при подпискѣ 4 р. и къ Пасхѣ 1909 г. 4 р. Желающіе болѣе широкой разсрочки платятъ за каждыя 4 части по 2 р. или за каждыя 2 части по 1 р. (наложенный платежъ на 20 к. дороже). Вышло 8 частей и высылаются немедленно, остальныя части печатаются и будутъ высылаться по мѣрѣ ихъ выхода въ свѣтъ. Уплачивающіе одновременно 8 р. получатъ всѣ 16 частей въ 4 англійскаго коленкора переплетахъ съ тисненіемъ золотомъ (по 4 части въ каждомъ). Требованіе адресовать: С.-Петербургъ, Лѣсной Корпусъ, книгоиздательство „ЯСНАЯ ПОЛЯНА".

ПРИМИТЕ къ свѣдѣнію всѣ, что мой подробный прейсъ-курантъ портретовъ и фотоэмаль миніатюръ высылается безплатно. Заказывайте и убѣдитесь, что работа портрет. художественна и удовольствіе доступно каждому, ибо цѣны внѣ конкур. Портр. 10×12 верш. въ рамѣ 3 р. 50 к., акварелью 4 р. 85 к.; при перес. въ Азіатск. Россію и Вост. Спб. приплата по вѣсу. Мои работы удост. золотой медали. Ателье Степанова, Спб., Невскій, 69.

СЧАСТЬЕ И РАДОСТЬ ВАШЕЙ СЕМЬИ ЗАВИСЯТЪ ТЕПЕРЪ ТОЛЬКО ОТЪ ВАСЪ.

Т-во соед. фабр. Франціи предлаг. всѣмъ гражданамъ Россіи ознаком. съ выдающ. изобрѣтеніемъ и учрежд. въ Россіи времен. „аукціонъ" (внѣ конкуррен. распродажу) граммоф. лучш. франц. сборки и усовершен. констр. 850 аппаратовъ и 10.000 пластинокъ (русск.) для распростр. распрод. за $^1/_3$ стоим. ихъ. Безпл. прилаг. къ кажд. аппарату 12 конц. пласт. не бужаж. „Гигантъ Экстра" всѣхъ знамен. артист. русск. и иностр. Послѣдн. безшум. записи и 1000 концертн. иголокъ.

№ 9 (на складѣ 250 шт.) Тонармъ „Везувій" и ящ. аппар. корпусъ подъ орѣхъ, полир. или цвѣтн. лакир. съ 3-хъ пруж. тщат. пров. механизм. Рупоръ (вращ. вокр. своей оси) очень больш. цвѣтн. „Тюльпанъ-Лотосъ" Мембрана „Prima". Цѣна 16 р. 95 к. (Перес. 2 р. 35 к.).

№ 15 (на скл. 150 шт.) Тонармъ-„Гигантъ" съ замѣч. крас. цвѣтн. корп. съ рѣзн. украш. въ стилѣ „фантазія", съ безк. пруж. крѣпк. механ. (Игр. нѣск. пласт. однимъ зав.). Рупоръ сам. больш. худож. цвѣтн. „Тюльпанъ-Лотосъ", Мембрана патент. a la „Эксибишенъ". Ц. 24 р. 75 к. (перес. 3 р. 40 к.). Аппар. выс. пров. нал. плат. по получ. стоим. только пересылки. (Можно почт. марками въ заказ. письм.).

Пластинки прод. и отд. „Гигантъ Экстра" двухст. по 1 р. 50 к.; 10 шт.—13 р. 50 к. Иголки въ жест. кор. „Герольдъ", лучш. сортъ 1 р. и 1 р. 50 к. тысяча. Льгота: Покуп. грам. съ 20-ю пласт. замѣнимъ въ теченіе 1 года 20 стар. пласт. на сов. нов. **М. В. МЕЛЬНИКЪ, Спб., Невскій пр., № 72 Б.** Прошу не смѣшивать съ Варшавой.

БЕЗПЛАТНО

высылаетъ проспектъ **УДЕШЕВЛЕННЫХЪ КНИГЪ:** изданій т-ва Просвѣщеніе, Брокгауза и Ефрона, Маркса и др. и полныхъ сочиненій писателей, бывшихъ прилож. къ различн. журналамъ, книжный магаз. Н. И. ѲЕДОРОВА, СПБ., Вознесенскій пр., здан. Ново-Александровскаго рынка, 126.

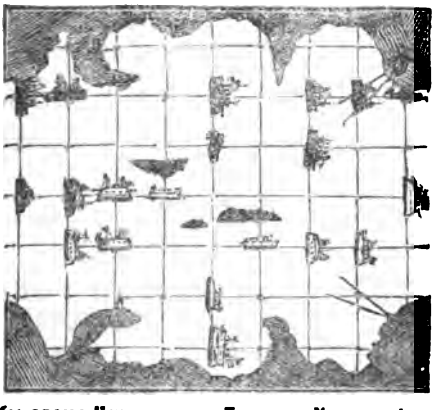
15 МИНУТЪ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ

„Силородъ“ аппаратъ для домашн. упражн., разв. силу и энергію, даритъ бодрость и весел. Силородъ необх. въ каждомъ домѣ, для кажд. возр. и обоего пола. Цѣны доступ. для всѣхъ: „Атлетъ“ для слаб.—4 р. 25 к. „Геркулесъ“ для средн.—5 р. „Гигантъ“ для силачей 8 р. 50 коп. „Комбинація“ для цѣлой семьи, дается регулировать—6 р., 7 р. 50 к. и 10 р. Спец. аппар. для дамъ: развиват. красив. формы тѣла и груди—4 р. 25 к. и 5 руб. Перес. 1 шт. 45 к., 2 шт. 65 к. При кажд. аппар. прилаг. безпл. наставленіе: „Моя новая система“ съ рисун. для правильн. упражн. Высыл. почтою налож. платеж. и безъ задатка. Проф. Мюллеръ говоритъ: „Кто имѣетъ „Силородъ“, тому не приходится ходить къ доктору“. М. В. Мельникъ, Спб. Невскій, 72 Н. Перв. источн. и для торговцевъ.

Открытъ секретъ

играть на фортеп. и фисгарм. безъ знан. нотъ. Пробн. урокъ съ подр. и перес. 50 к. (можно марк.). 7 легк., вещей 1 р., книжка 20 коп. Каталогъ пьесъ безпл. Налож. менѣе 1 руб. не высыл. Складъ изд.: Спб. Садовая, 44.
А. И. ПОПЕРЕКОВЪ.

ВОЕННО-МОРСКАЯ ИГРА.



(Изъ отзыва). . . Она (игра), правда, гораздо проще шахматъ, но именно эта упрощенность, не лишающая все же игру занимательности, обезпечиваетъ ей будущность, на ряду съ шашками. Въ этомъ отношеніи Военно-морскую игру можно поставить между шашками и шахматами: она проще шахматъ, но сложнѣе и даетъ большій просторъ изобрѣтательности и находчивости игрока, нежели шашки.
(«Прир. и Люди» 1907 г. № 30).

Игра рекомендована, какъ развлеченіе въ свободное отъ службы время Циркуляромъ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній 1907 г. № 64 и Циркуляромъ Главнаго Морского Штаба 1907 г. № 410.

Цѣна игры—20 металлическихъ фигуръ-кораблей, доска, изображающая море, съ объясненіемъ, въ коробкѣ 2 руб. 50 коп., съ пересылкой 3 руб. Обращаться: С.-Петербургъ, В. Конюшенная, 7, кв. 17. И. Д. Ермишкину.

КОМИТЕТЪ

ПО УСТРОЙСТВУ ДОМА-МУЗЕЯ ИМЕНИ Л. Н. ТОЛСТОГО ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Состоявшійся въ іюнѣ 1908 г. въ Петербургѣ всероссійскій съѣздъ представителей повременной печати постановилъ въ ознаменованіе 80-лѣтія Л. Н. Толстого открыть повсемѣстный сборъ для устройства **Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.** Въ домѣ этомъ, въ зависимости отъ собранныхъ средствъ, предполагается помѣстить, кромѣ Музея, и другія культурно-просвѣтительныя учрежденія имени великаго писателя русской земли.

СОСТАВЪ КОМИТЕТА: Л. Н. Андреевъ, К. В. Аркадакскій, Ф. Д. Батюшковъ, В. Я. Богучарскій, С. А. Венгеровъ, В. В. Водовозовъ, Г. К. Градовскій, М. М. Ковалевскій, В. Г. Короленко, П. Н. Милюковъ, Д. С. Мережковскій, Г. В. Плехановъ, Л. З. Слонимскій, М. А. Стаховичъ и М. М. Федоровъ.

Пожертвованія принимаются у всѣхъ членовъ Комитета, а также въ редакціяхъ петербургскихъ газетъ: «Рѣчь», «Слово» и «Современное Слово» и журналовъ: «Современный Міръ», «Русское Богатство» и «Минувшіе Годы».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ.

на двухнедѣльный журналъ (4-й годъ изданія)

„ЯСНАЯ ПОЛЯНА".

Въ журн. печатаются издав. за гран. журналы освободит. движенія:

„БЫЛОЕ", „ИСКРА" и „КОЛОКОЛЪ" А. Герцена.

24 КНИГИ ПРИЛОЖ. СЛѢДУЮЩАГО СОДЕРЖАНІЯ:

4 КНИГИ полнаго собранія сочиненій **ИММАНУИЛА КАНТА**, перев. по тексту, изданія Дюрра въ Лейпцигѣ подъ редакціею проф. Карла Форлендера.

4 КН. «Библіотеки Знанія» соч. проф. Виндельбанда, Гефдинга, Риля и др., въ образц. перев. подъ ред. и вступ. статьями доктора фил. Г. Полонскаго и проф. К. Жакова.

1 КН. Разсказъ о семи повѣшенныхъ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА, съ портретомъ, биограф. и вступ. статьею проф. К. Жакова.

4 книги „Художественныя сокровища всѣхъ странъ и народ." (картины съ объяснительнымъ текстомъ).

4 книги „КРУГЪ ЧТЕНІЯ"— мысли мудрыхъ людей, собранныя Гр. Л. Н. Толстымъ.

4 книги Сборникъ сочиненій, бывшихъ до сихъ поръ подъ запретомъ въ Россіи.

3 книги ИСТОРІИ РОССІИ.

Подписная цѣна 7 руб. на годъ съ перес.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

При подпискѣ 3 р., къ Пасхѣ 1909 г. и въ Іюнѣ по 2 р., или 7 мѣс. по 1 р. (нал. плат. 1 р. 30 к.).

По примѣру прежнихъ лѣтъ первые 5000 подписчиковъ, подписавшіеся хотя бы и въ разсрочку, получатъ еще безплатно 24 выпуска „Народнаго Университета". (Лекціи, читанныя профессорами и лекторами) подъ редакціей *К. И. Арабажина* и 24 выпуска „Исторіи Революціи" всѣхъ странъ и народовъ. Вышелъ № 1 съ 1 выпускомъ Народнаго Университета и Исторіи революціи. Остальные №№ будутъ аккуратно выходить 1 и 15 числа каждаго мѣсяца. Требованія адресовать: С.-Петербургъ, Лѣсной Корпусъ, книгоиздательство „Ясная Поляна". Подробное объясненіе высылается безплатно.

ДЕКАБРЬ. 1908.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1908.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 г. (второй годъ изданія)
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ И ЮМОРА

САТИРИКОНЪ

Всѣ годовые подписчики въ 1909 г. получатъ, въ видѣ безплатнаго приложенія, роскошно изданные юмористическіе разсказы

ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА и А. И. КУПРИНА

въ 2-хъ томахъ, съ иллюстраціями извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ-карикатуристовъ. Въ отдѣльную продажу это изданіе не поступитъ. Подписчикамъ, внесшимъ подписную плату за годъ полностью, безплатное приложеніе будетъ разослано въ началѣ подписного года.

СОСТАВЪ СОТРУДНИКОВЪ:

ХУДОЖНИКИ: Б. Анисфельдъ, Л. Бакстъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Н. Герардовъ, Олафъ Гульбрансонъ (Мюнхенъ), М. Добужинскій, Б. Кустодіевъ, Е. Лансере, Дм. Митрохинъ, В. Невскій, А. П. Остроумова-Лебедева, А. Радаковъ, Н. Ремизовъ (Ре-ми), О. Шарлемань, А. Юнгеръ (Баянъ), А. Яковлевъ и другіе.

ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, А. Аверченко (Ave). В. Азовъ, Александръ Блокъ, И. М. Василевскій (не-Буква), Л. М. Василевскій, К. Антиповъ (Зарницынъ), Сергѣй Горный, Сергѣй Городецкій (Сатиръ), А. Измайловъ, В. Князевъ, М. Кузминъ, А. Кугель (Homo Novus), А. И. Купринъ, В. Лихачовъ, С. Маршакъ, О. Л. Д'Оръ, Потемкинъ. Саша Черный, Александръ Рославлевъ, Скиталецъ (Яковлевъ), В. Сладкопѣвцевъ, графъ Алексѣй Толстой, Тэффи, Н. Шебуевъ, Умановъ-Каплуновскій, Н. И. Фалѣевъ (Чужъ-Чужениннъ), А. Яблоновскій и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ **6** Р. На полгода **3** Р. На три мѣсяца **1** Р. **50** К.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журнала „САТИРИКОНЪ": СПБ., Невскій пр., 9—20 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и провинціи.

Редакторъ *А. Т. Аверченко.* Издатель *М. Г. Корнфельдъ.*

КОМИТЕТЪ

ПО УСТРОЙСТВУ ДОМА-МУЗЕЯ ИМЕНИ Л. Н. ТОЛСТОГО

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Состоявшійся въ іюнѣ 1908 г. въ Петербургѣ всероссійскій съѣздъ представителей повременной печати постановилъ въ ознаменованіе 80-лѣтія Л. Н. Толстого открыть повсемѣстный сборъ для устройства Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ. Въ домѣ этомъ, въ зависимости отъ собранныхъ средствъ, предполагается помѣстить, кромѣ Музея, и другія культурно-просвѣтительныя учрежденія имени великаго писателя русской земли.

СОСТАВЪ КОМИТЕТА: Л. Н. Андреевъ, К. В. Аркадакскій, Ф. Д. Батюшковъ, В. Я. Богучарскій, С. А. Венгеровъ, В. В. Водововъ, Г. К. Градовскій, М. М. Ковалевскій, В. Г. Короленко, П. Н. Милюковъ, Д. С. Мережковскій, Г. В. Плехановъ, Л. З. Слонимскій, М. А. Стаховичъ и М. М. Федоровъ.

Пожертвованія принимаются у всѣхъ членовъ Комитета, а также въ редакціяхъ петербургскихъ газетъ: «Рѣчь», «Слово» и «Современное Слово» и журналовъ: «Современный Міръ», «Русское Богатство» и «Минувшіе Годы».

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
1.	**Дома**. Разсказъ. *Ив. Саванова*.	1— 41
2.	**Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ**. *В. Семевскаго*. Окончаніе. .	42— 61
3.	**Проступокъ**. Повѣсть. *А. Деренталя*. Окончаніе .	62— 88
4.	**Господа дворяне**. *Жерома и Жана Таро*. Переводъ съ французскаго А. Н. Тверитинова. . . .	89—121
5.	**Парижскіе силуэты**: 1. Раненый человѣкъ.—2. По части перевозки мебели.—3. Нужны свидѣтели.—4. „Организаторъ". *П. Я. Рысса*	122—141
6.	**Perpetuum mobile**. *А. Зарина*	142—161
7.	**Разсказы Андрея Струга**: 1. Уличный скрипачъ.—2. Некрологъ. Переводъ съ польскаго	162—182
8.	**Изъ исторіи первыхъ лѣтъ университета св. Владиміра**. *Л. Пантелѣева*	183—205
9.	**Слово**. Стихотвореніе *Леонида Б.*	205—206
10.	**Передвинутыя души**. Очерки. *Тана*. Окончаніе . .	207—224
11.	**Куда дѣвалась Варенька Олесова** (Около „проблемы пола" и около купальщицъ)? *А. Е. Рѣдько* . . .	1— 24
12.	**Счастливая книга несчастнаго автора** (Отто Вейнингеръ. Полъ и характеръ). *П. Мокіевскаго* . . .	24— 48
13.	**Вторая слава**. *Діонео*.	48— 77
14.	**Хроника внутренней жизни**: I. Виленскій запросъ. Провокація и польза службы. Полицейскій формуляръ и сенаторскія ревизіи.—II. Плоды ревизій и разоблаченій въ Кіевѣ. Ревизія сенатора Гарина. Полицейскія полномочія и полицейская репутація. Клептократія.—III. Двойная атака на крестьянство. Атака на разныя группы населенія. Необходимость	

(*См. на оборотѣ*).

СТРАН.

въ чрезвычайной охранѣ. Почва сенаторскихъ ревизій. *А. Петрищева*. . . . . 77—109

15. **Уроки прикладной соціологіи** (По поводу послѣднихъ событій въ Германіи). *Н. Е. Кудрина* . . 110—134

16. **На очередныя темы.** Въ поискахъ.—1. Политическіе алхимики.—2. Взаимныя препирательства.—3. Почему силъ у насъ не хватило?—4. Помогутъ ли смѣси? *А. Пѣшехонова* . . . . . 134—159

17. **Политика.** Краткая характеристика 1908 года и его историческаго смысла и значенія. *С. Южакова*. . 160—166

18. **Новыя книги:**

Г. Василевскій. Интеллигентная колонія Криница.—С. Васюковъ. Типы и характеры.—10-ый томъ произведеній В. А. Карповой-Монгирдъ.—О дѣтскихъ книгахъ.—В. Виндельбандъ. Исторія новой философіи.—Л. Мехелинъ. Разногласія по русско-финляндскимъ вопросамъ.—Гершензонъ. Исторія молодой Россіи.—Проф. Э. Д. Гриммъ. Революція 1848 г. во Франціи.—А. К. Дживелеговъ. Начало итальянскаго возрожденія.—Фюстель де-Куланжъ. Римскій колонатъ.—Проф. Р. Випперъ. Очерки исторіи римской имперіи.—Новыя книги, поступившія въ редакцію . . . 166—195

19. **Страничка изъ воспоминаній.** *Н. Анненскаго* . . . 195—207

20. **Отчетъ конторы редакціи.**

21. **Объявленія.**

Знакъ заявленъ Отд. Пром.

Главный Представитель
Феликсъ Карловичъ Кевке

ПОЛНОЕ УНИЧТОЖЕНІЕ

КРЫСЪ и МЫШЕЙ

БЕЗВРЕДНО ДОМАШНИМЪ ЖИВОТНЫМЪ

„РАТИНЪ" приготовл. подъ контролемъ Датскаго Правительства. Поставщики правительствъ: Даніи, Швеціи, Германіи и казенныхъ учрежд. Англіи, Норвегіи, Финляндіи и Россіи. Подр., а также отзывы иностранные и русскіе высыл. безпл. Центр. Конторой „РАТИНЪ", С.-Петербургъ Невскій, 28—80, телеф. 13—46.

Очистка отъ крысъ и мышей, генеральная и годовая, по желан. съ гарантіей. Для крысъ: жестянки по 2 руб. Большая упаковка (равная шести малымъ) 8 руб. 50 коп. Для мышей: бутылки 2 р. или меньшія по 1 руб. 25 коп. Способъ употребленія прилагается.

Иногородн. заказы исполняются по получ. задатка (одной трети стоимости).

ТАБЛЕТКИ ІОГУРТ д-ра ТРАЙНЕРА для пріема послѣ ѣды (Болгарскія палочки, рекоменд. Мечниковымъ и др. медиц. авторит.) при всѣхъ желудочно-кишечн. заболѣваніяхъ. Превосходно регулируютъ пищевареніе и запоръ. Цѣна 2 р. Налож. пл. 2 р. 50 к. (2-х-недѣльн. леченіе). Продажа въ аптекахъ и лучш. аптек. магаз. Литература высылается безплатно. С.-Петербургъ, О. П. Петерсонъ. Невскій, 28—1, д. Зингера.

ДОМА.

Разсказъ.

I.

Какъ только въ золотистой осенней степи закраснѣлась станція, а за ней блеснули въ ветлахъ кресты и острыя крылья вѣтряковъ, казаки въ пятомъ вагонѣ столпились въ раздвинутыхъ дверяхъ и дружно грянули пѣсню. Привѣтомъ милой родинѣ полилась она, широкая и вольная, на обѣ стороны въ душистую степь, переливаясь, звеня и заглушая грохотъ вагоновъ...

Ближе и ближе подходитъ вокзалъ. Гудятъ рельсы, трубитъ крикливо стрѣлочникъ. Ширится и растетъ радостная пѣсня...

Примолкли и встрепенулись сѣрыя фигуры, усѣявшія платформу, рванулись навстрѣчу знакомой пѣснѣ. Затуманились глаза слезами счастливаго ожиданія.

— Ѣдутъ, милые наши казачки! Ѣдутъ!..

Поѣздъ остановился далеко, на запасномъ пути. Сразу оборвалась пѣсня. Квадратныя окна и двери вагона украсились, какъ розами, красными, потными отъ возбужденія лицами. Замахали платками, фуражками и мѣшками. Отъ вокзала, спотыкаясь о рельсы, живымъ, разноцвѣтнымъ потокомъ двинулся народъ и плотнымъ кольцомъ охватилъ вагонъ. Въ массѣ длинныхъ, синихъ мундировъ, бритыхъ одинаковыхъ лицъ трудно разобраться, и толпа, толкаясь и давя другъ друга, торопливо металась по сторонамъ, широкими ожидающими глазами отыскивая своихъ.

— Коньковъ! Коньковъ! А нашъ гдѣ? Гдѣ нашъ?..

— Держи мѣшокъ, милый человѣкъ! Держи! Вали прямо!..

— Стойте, братцы! Никакъ старуху чью-то придавили!.. Зачѣмъ тебя, старая, несетъ сюда, подъ колесо!..

Возбужденные крики сплетались въ пестрый, звонкій

клубокъ. Чмокали поцѣлуи. Кто-то всхлипывалъ и причиталъ старческимъ басомъ.

Семена Люлькина встрѣчалъ отецъ. Старый, худой и желтый, съ такой же желтой бородой, которая въ концѣ свалялась жгутомъ, на подобіе хвоста, а на щекахъ желобилась, какъ жесть, онъ стоялъ въ сторонѣ и молча бѣгалъ выцвѣтшими глазами по окнамъ. Отъ частой ѣзды и тяжелой работы у него выработалась привычка держать руки всегда согнутыми въ локтяхъ. И теперь, съ жаднымъ, вытянутымъ лицомъ, онъ напоминалъ человѣка, который собрался прыгнуть на крышу вагона.

— Батенька! Батенька!..

Старикъ дрогнулъ отъ знакомаго голоса, оглянулся, кинулся къ вагону, но синій потокъ оттолкнулъ его назадъ. Онъ побѣжалъ на другую сторону, споткнулся черезъ мѣшокъ и остановился, растерянно почесывая ушибленное колѣнко и не сводя глазъ съ оконъ.

— Здравія желаю, милые родители!..

Высокій, бѣлоусый казакъ, держа на отлетѣ блестящую фуражку, улыбается около него.

— Сёма! Милый сынокъ!..

Старикъ хватается за шапку, хочетъ утереть слюнявый ротъ, но поздно: сынъ уже обнимаетъ его за плечи и, переваливая голову изъ стороны на сторону, три раза звучно цѣлуетъ...

Первое, что замѣтилъ старикъ, это—запахъ духовъ и бѣлый галунный воротникъ.

— Сёма! Да никакъ ты урядникъ?..—воскликнулъ онъ недовѣрчиво и робко.

— Обвязательно!..—самодовольно улыбнулся сынъ, надѣвая фуражку.

— Спасибо, милый!—залепеталъ растроганный старикъ, утирая слезы.—Утѣшилъ на старости!..—И онъ опять полѣзъ цѣловаться.

И запахъ духовъ, и галуны, и чистое, бѣлое лицо, и какая-то особенная господская рѣчь—умиляли старика, и казалось невѣроятнымъ, что это его сынъ Семенъ. Онъ дергалъ локтями, какъ кузнечикъ крыльями, хихикалъ и безтолково суетился.

Сѣли на мѣшки, выпили по рюмкѣ и закусили пирогомъ съ кислыми лѣсными яблоками. Подошелъ кумъ, Андрей Ивановичъ, съ зятемъ, тоже служивымъ. Незамѣтно и молча подсѣлъ Кузнецовъ, всегда, какъ тѣнь, появлявшійся около выпивки. Жадно глянувъ на сверкавшую бутылку, онъ съ готовностью раздвинулъ усы. Поцѣловались, выпили еще.

Народъ разбился на кучки. Сидѣли на сундукахъ, на

пяткахъ, на залитой нефтью землѣ. Шумѣли, звенѣли рюмками, пѣли. Рѣзко свистѣлъ маневрирующій поѣздъ, ржали и стучали о полъ вагона лошади. Отъ дверей буфета извивалась сплошная лента людей, блестѣло въ рукахъ стекло бутылокъ. Грустное сентябрьское солнце тоже принимало участіе въ праздникѣ, отмѣчало урядниковъ, зажигая ихъ галуны, и нестерпимымъ блескомъ прыгало въ новыхъ козырькахъ. Тонкая пыль золотилась высоко въ голубомъ небѣ.

Старику Люлькину не сидѣлось на мѣстѣ, хотѣлось раздѣлить распиравшія сердце чувства. Онъ толкался въ народѣ, приставалъ къ бабамъ и цѣловался со служивыми.

— Эй, чадушки! Поднесите старому упырю чарочку!.. — выкрикивалъ онъ беззубымъ ртомъ, забираясь въ самую гущу.—Мово не видали? Вонъ онъ въ галунахъ!.. Урядникъ! Урядникъ Семенъ Ивановичъ Люлькинъ!.. Во-онъ онъ сидитъ!..

Онъ, втянувъ голову и сгорбившись, показывалъ пальцемъ на сына и захлебывался отъ радости.

Уже солнце спряталось за вокзаломъ, и на платформу легла фіолетовая тѣнь, когда по пыльной дорогѣ къ станицѣ потянулись подводы съ мѣшками и высокими обтянутыми парусиной сундуками. Гарцовали рядомъ служивые въ полной формѣ. Горячились и плясали кони послѣ долгой стоянки въ вагонѣ.

Семенъ Люлькинъ молодцовато сидѣлъ на своемъ буланомъ меринѣ и, сверкая бѣлизной перчатокъ и галуновъ, кланялся всѣмъ, знакомымъ и чужимъ. Пьяный отъ бурныхъ, радостныхъ чувствъ и отъ вина, онъ то-и-дѣло пришпоривалъ коня и скакалъ, наклонивъ голову на-бокъ и любуясь собой. Думалось, что на улицѣ всѣ слѣдили только за нимъ и, въ восхищеніи, спрашивали другъ друга: „Чей это такой красивый урядникъ?..“ И хотѣлось набрать полныя легкія родного воздуха и гаркнуть на всю станицу:

— Смотрите! Вотъ ѣдетъ урядникъ Люлькинъ.

Старикъ, взобравшись высоко на сундукъ, не успѣвалъ за сыномъ, дергалъ локтями, подпрыгивалъ на ухабахъ и чмокалъ на свою сѣрую конопатую кобылу, которая была такъ худа и костлява, что, когда, отчаянно выворачивая лопатки, пускалась вскачь, за нее становилось страшно. Казалось, вотъ-вотъ поломаются ея тонкія ноги и оторвется мотающаяся голова.

— Но-но, добрая!..—весело покрикивалъ старикъ.—Тряхни шкелетомъ, старушка!..

II.

Отъ станицы до хутора было еще три версты, и, пока доѣхали, мундиръ Семена сталъ сѣрымъ отъ пыли.

Дорога шла лугомъ. Купались въ золотѣ лучей косматыя янтарныя вербы, рдѣлся за хуторомъ на горѣ кровавый вишенникъ, а вдали струились хрустальные дворцы-миражи и дрожащей волной уплывали въ высокое, прозрачное небо. Цѣплялись за бурую траву длинныя нити паутины и, незамѣтныя въ тѣни, сверкали на солнцѣ, какъ серебряныя струны. Еще бѣгали чрезъ дорогу хлопотливые, коротконогіе суслики, и золотистыя мушки безтолковой, но дружной компаніей проворно чертили безконечную линію въ тепломъ воздухѣ. Покойно позванивали балабоны на рыжихъ быкахъ, и бодро перекликались далеко на озерѣ гуси.

Это была сказочная страна, лишенная рѣзкихъ зеленыхъ тоновъ, гдѣ въ красивой, печальной гармоніи, ласково и покорно, замирала земля и дышала въ небо тонкимъ ароматомъ лежалыхъ листьевъ и утреннихъ росъ; гдѣ въ душу просились вмѣстѣ и бодрость, и тихая грусть...

Семенъ остановился, какъ зачарованный. Въ сладкомъ трепетѣ замерло сердце. Вотъ оно, о чемъ онъ тосковалъ и мечталъ четыре года!.. Отъ избытка бурной радости Семенъ пригнулся къ лукѣ и ринулся впередъ, оставивъ старика въ облакахъ пыли.

Когда съ глухимъ шумомъ пробѣжала зыбкая плотина черезъ озеро, вербы на левадахъ сразу раздвинулись, и одинокимъ окномъ глянулъ въ прогалину родной курень. Онъ постарѣлъ и еще больше похилился на сторону, сиротливо прижавшись къ такому же старому, корявому тополю. Солома на крышѣ почернѣла и взъерошилась, какъ нечесаная голова.

Окруженный голосистой свитой собакъ, Семенъ вскочилъ въ раскрытыя ворота и спрыгнулъ съ коня.

Выбѣжала мать, низенькая старушка, остановилась на крыльцѣ, всплеснула руками и заплакала. Потомъ, обмахнувшись фартукомъ, кинулась къ сыну и замерла, прильнувъ къ нему своимъ дряхлымъ, костлявымъ тѣломъ. Вышла еще какая-то незнакомая молодая, чернобровая казачка, молча стала рядомъ и ждала. Поцѣловались и съ ней.

Жены на хуторѣ не было. Пока Семенъ выслуживалъ урядника, она соскучилась, уѣхала въ Астрахань и поступила сначала въ прислуги, а потомъ въ содержанки къ

богатому армянину. Каждую весну она пріѣзжала за паспортомъ и ходила по хутору въ шляпѣ, въ модномъ платьѣ, звеня на ходу браслетами и серьгами, какъ лошадь бубенчиками. Была она вѣтрена и раньше, любовь остыла, и Семенъ давно примирился съ ея измѣной, но теперь все же было больно, что жены нѣтъ здѣсь, и какъ будто стыдно предъ другими...

— Ну, ну, бабы, бабы! Шевелись живѣй! Ставь самоваръ! Жарь яичницу!..—засуетился и зашумѣлъ старикъ, какъ каланча, торжественно въѣзжая въ ворота.

Запахло кизякомъ, закурилась труба и забѣгали бабы. Пришли сестра съ мужемъ, съ дѣтьми и старшій братъ, жившій въ отдѣлѣ. Перелѣзъ черезъ плетень дядя Сергѣй, въ чадровыхъ порткахъ и безъ шапки, какъ поилъ скотину. Выпивъ рюмку водки, онъ наскоро утерся ладонью и торопливо предупредилъ:

— Постойте, братцы, не пейте! Я побѣгу, новыя шаровары надѣну!..

И пустился бѣгомъ домой.

Скоро горница наполнилась народомъ, а со двора застучали ставнями дѣвки и ребятишки. При свѣтѣ висячей лампы туманно расплывались красныя, потныя лица. Волновался табачный дымъ, шипѣлъ на столѣ самоваръ, звенѣли рюмки, и возбужденный говоръ сливался въ гулъ, отъ котораго пухла голова и дрожали окна.

Семенъ сидѣлъ въ переднемъ углу и длинно разсказывалъ про службу, стараясь выдерживать высокій стиль. Довольное бритое лицо его свѣтилось отъ пота, волосы липли на лбу, но онъ не снималъ мундира и держалъ на столѣ руку, сіяя галуномъ.

— Ну, не остался я на вторительную... Старики жалуются, живутъ уже, какъ сироты, можно сказать, безъ призора. Надо, думаю, спокой имъ дать на старости лѣтъ!..— говорилъ Семенъ вялымъ, лѣнивымъ баскомъ и для убѣдительности часто дѣлалъ длинный, медленный жестъ, вытягивая сложенную лодочкой ладонь.—Ну, разумѣется, тянуло и на родину, въ прародительскія палестины! Свой кизякъ, какъ говорится, уже милѣе чужого бревна... А полковой командиръ дюже упрашивалъ остаться. Человѣкомъ, говоритъ, тебя сдѣлаю... Про службу я вамъ, милый дядяша, прямо-таки корректно скажу: слава Богу!.. Много лучше напротивъ прежняго. И пища тоньше, и алкоголемъ балуютъ, и начальство побаивается... Въ настоящее время многіе у насъ сознательность въ себѣ имѣютъ. Какъ чуть что, поступокъ какой вульгарный—сейчасъ на видъ поставятъ. Ну, и побаиваются... Денежку тоже можно зашибить.

Отъ бунтовъ и разгромовъ многіе попользовались. Клочковъ машинку швейную женѣ принесъ. А Игнатъ Щукинъ двѣ дюжины ложекъ серебряныхъ, хапаныхъ... Ну, я не бралъ. Нѣтъ! Совѣсть не дозволяетъ, милый дядяша!..

Тянулось съ угла взволнованное, красное лицо дяди. Рюмка плескалась въ его рукѣ, и водка текла прямо въ яичницу. Протискивалась мать, о чемъ-то заботливо спрашивала шамкающими, дрожащими губами и не сводила счастливыхъ глазъ съ сына. Слова терялись въ общемъ крутящемся хаосѣ звуковъ, нельзя было понимать другъ друга, и каждый говорилъ о своемъ, стараясь перекричать другихъ.

Семенъ вытягивалъ длинную шею по всѣмъ направленіямъ, улыбался и кивалъ головой. Рядомъ съ нимъ, подъ образами, сидѣла давешняя чернобровая незнакомка, улыбалась и пила красное вино. Похоже было, что она тоже занимаетъ какое-то привилегированное положеніе среди гостей и отнимаетъ часть вниманія. Семену это не нравилось. Онъ долго косился на нее и, наконецъ, спросилъ:

— Никакъ, мадамъ, я васъ не вспомню, чьи вы такія есть!..

Баба засмѣялась, а отецъ виновато заморгалъ глазами и почесалъ локти.

— А это бабочка, того... Удумали мы это со старухой... Дескать, придетъ казакъ на холодную постель... Такъ, значитъ, того... Было бы кому встрѣтить, напримѣръ. Обласкать... Такъ во-отъ!.. Жена-то шкура ушла, въ барыни опредѣлилась...

Семенъ понялъ, самодовольно улыбнулся и закрутилъ кольцомъ бѣлые усы.

— Выпьемъ, бабочка! Не знаю, какъ васъ величать...

Баба вдругъ застыдилась, закраснѣлась и провела по лицу платочкомъ.

— Катерину Глазкову неужто забыли? Въ горѣлушки вмѣстѣ играли...

— А-а! Катенька!.. Какая же изъ васъ распрекрасная бабеночка вышла! Выпьемъ!..

Растроганный предусмотрительной заботливостью родителей, сытый, напившійся, Семенъ разстегнулъ мундиръ и, качнувъ головой въ сторону Катерины, довольнымъ голосомъ замѣтилъ:

— Ну, ничѣмъ я, милые родители, такъ не ублаготворенъ, какъ этимъ самымъ женскимъ вопросомъ! Сами знаете, жизнь походная!..

Зять напился и, по обыкновенію, началъ скандалить.

— Ты мнѣ поносныхъ словъ не говори!—кричалъ онъ

кому-то въ углу.—Священной особы не касаюсь. Но-о за неправильные поступки скажу: министерство надо смѣстить!..

Въ прихожей бабы, сидя на кровати, пѣли пѣсни. Широко разставивъ коротенькія ноги въ новыхъ широкихъ шароварахъ, предъ ними стоялъ дядя Сергѣй, низенькій, черноволосый, съ пьяными озорными глазами и жесткими усами и, размахивая рукой, подтягивалъ баритономъ. И лицо у него было напряженное и серьезное, какъ въ церкви. Не мѣшая своей чистой мелодіи съ пьянымъ гуломъ, пѣсня прорѣзывала густой, словно масло, дымный воздухъ и вырывалась въ раскрытую дверь.

Отецъ безтолково толкался среди гостей, какъ дурачекъ, и заплетающимся языкомъ хвалился, что онъ упырь и можетъ разгонять тучи. Наконецъ, хмель подкосилъ его и, упавъ въ прихожей поперекъ кровати и выдавивъ головой окно, онъ уснулъ. И вѣтеръ со двора всю ночь перебиралъ его сѣдые волосы, вылѣзшіе въ раздавленное стекло.

Ужъ пѣли пѣтухи, и блѣдная заря погасила на востокѣ звѣзды, когда гости съ пьяными пѣснями пошли по домамъ, будя сонный хуторъ.

III.

Гуляли и на другой, и на третій день, ходили толпой по хутору. Катерина ходила рядомъ съ Семеномъ, пѣла, приплясывала и помахивала надъ головой согнутой кистью руки.

Всѣ дни голова была залита туманомъ и, просыпаясь по утрамъ, съ горечью во рту, Семенъ долго не могъ сообразить, гдѣ онъ. А когда вспоминалъ, то закручивалъ усы и счастливо улыбался, предвкушая веселый полупьяный день.

На первыхъ порахъ смѣшнымъ и страннымъ казалось, что весь хуторъ, кривое озеро у воротъ и самые люди—все, что раньше было огромнымъ и значительнымъ, теперь почему-то представлялось маленькимъ, игрушечнымъ, какъ будто сквозь уменьшительное стекло. А на улицѣ онъ испытывалъ такое неловкое ощущеніе, словно голова его была выше куреней, и чрезъ нихъ ее видно съ поля. Что-то большое стало между нимъ и прошлой жизнью и отбросило въ перспективу всѣхъ ея спутниковъ. И уже ясно было, что старое не воротится, а впереди стоитъ темное новое. Отъ этого брало раздумье и становилось немного грустно.

Вечеромъ на третій день отецъ отозвалъ Семена и, сдѣлавъ скорбное лицо, таинственно сказалъ:

— Дай-ка мнѣ, сынокъ, трешницу! Придутъ казаки, надо водченки купить...

Въ воскресенье послѣ обѣдни всѣ служивые заказывали молебенъ и освѣщали принесенную въ даръ церкви хоругвь. Потомъ собрались въ правленьи, и атаманъ поздравлялъ ихъ, здороваясь со всѣми за руку. По этому случаю опять выпили.

Возвращались на хуторъ навеселѣ, вдвоемъ съ дядей Сергѣемъ.

Съ утра хмурилось небо и пахло дождемъ. Синеватая мгла туманила дали. Вѣтеръ съ шумомъ гонялъ у плетней сухіе листья. Становилось скучно отъ мысли, что прошли красные, теплые дни.

Около гуменъ казаковъ догналъ Монашкинъ, сухой старичекъ съ строгими и острыми, какъ жало, глазами и рѣдкой бѣлой бородкой. Онъ пошелъ рядомъ, постукивая длиннымъ костылемъ и печатая по дорогѣ квадратные слѣды своими твердыми, старинными сапогами.

— Ну, что, Сема? Все гуляешь?—сказалъ онъ, часто моргая глазами, какъ будто затаивъ подъ ними злую, ехидную мысль.—Гуляй, погуливай, соколъ! А голодающіе мужички пусть поплачутъ... Отъ вашихъ-то плетокъ! Эхъ,—казаки-й!.. Платочковъ-то шелковыхъ много принесъ? Или ты золотомъ бралъ?..

Дядя Сергѣй засмѣялся, а Семенъ обидѣлся и покраснѣлъ.

— Нисколько даже не принесъ!— отвѣтилъ онъ глухимъ голосомъ.—И напрасно вы уже взяли себѣ такую идею обо мнѣ. Скажу вамъ корректно, хотя я и отличенъ начальствомъ отъ прочихъ, но противъ совѣсти не шелъ! Служилъ вѣрой и правдой... Строгій приказъ былъ намъ насчетъ бунтовъ, но исполнять его уже никакъ было невозможно. Потому въ махъ убьютъ! Наша сотня вся въ себѣ сознательность имѣла...

— Хорошо, коль не врешь!..—недовѣрчиво замѣтилъ Монашкинъ.—Ху-у, поганое, братцы, дѣло! Озоруютъ наши казаки! Обижаютъ русскій народъ!.. Намъ все хаханьки!.. А восплачемъ и мы! Горько восплачемъ... Насъ по головкѣ гладятъ: „Донцы-удальцы!“ А мы и рады, какъ дѣтишки свѣтлымъ чачанькамъ...

Онъ остановился, придержавъ Семена за рукавъ, и долго стоялъ молча, моргая и прокалывая его взглядомъ. Когда отъ миганья большая, твердая фуражка насѣла ему на глаза, онъ сшибъ ее взмахомъ руки на затылокъ, пошелъ потихоньку и сказалъ:

— Ты думаешь, галуны-то тебѣ даромъ пройдутъ? Нѣ-етъ! Сдерутъ за нихъ! Втрое сдерутъ... Погляжу, какъ жить будешь, соколъ!.. Паёкъ-то за коня пошелъ. По-гляжу!..

Не то угрозой, не то злорадствомъ звучали его слова. Семенъ краснѣлъ, чувствовалъ униженіе и сдерживалъ желаніе ударить старика по головѣ. „Ишь каркаетъ, старая ворона! Чортъ его уже поднесъ!..“ думалъ онъ, стараясь принять беззаботный независимый видъ.

Скучное, сѣрое небо вдругъ какъ-то сразу свернулось, осѣло и засыпало мелкимъ дождемъ. Дядя Сергѣй поглядѣлъ вверхъ и накрылъ фуражку носовымъ платкомъ. Семенъ съ грохотомъ развернулъ пахнувшую бензиномъ резиновую накидку, вымѣнянную на поддевку въ Варшавѣ, и, немного конфузясь, накрылся ею.

Черными точками запестрѣла дорога и запахла пылью. По озеру, берегомъ котораго шли, запрыгали бѣлыя, бойкія кочки и ровнымъ, сиплымъ шумомъ наполнили воздухъ.

— Тоже и я шелъ домой-то, какъ на праздникъ...—продолжалъ Монашкинъ, ни на кого не глядя:—сюртукъ суконный справилъ, манишки тамъ разныя, пятое-десятое. Вотъ, думаю, такъ всѣ и ахнутъ!. Пришелъ домой—ни земли, ни хаты, а жена сына родила! Да... Вышелъ на дворъ, обнялъ коня и заплакалъ горючими слезами... Ну, ничего, однако, выдулся. Возрастилъ, справилъ Андрея. Ну, думаю, придетъ, отдохну. Анъ, хвать, пишетъ—конь на маневрахъ зашибъ. Пришелъ домой, чахнетъ, на грудь жалится!.. Богатымъ ничего, а нашему брату натужно часомъ приходится. А ихъ не укусишь! Они съ насъ же возьмутъ... Ишь, чудное дѣло! Крокодилъ подъ леваду весь прогонъ захватилъ, на арбузахъ 200 монетъ въ лѣто выручаетъ. А я ночнымъ бытомъ двѣ вербы загородилъ,—пріѣхалъ помощникъ. „Какъ смѣешь, такой-сякой, общественное захватывать!..“ Сопливый чортъ!.. Присудили къ штрафу... Какъ бѣдный, такъ и клюютъ. Вотъ ты теперь, скажемъ, урядникъ. Ну-ка, какъ тебя чинъ прокормитъ! Ну-ка!.. Нѣ-етъ, взвоешь и ты, соколъ! Отецъ-то побираться ѣздитъ...

Брякали подковками сапоги, постукивалъ глухо костыль, и крѣпкія, твердыя, какъ булыжникъ, слова вылетали изъ-подъ густыхъ бѣлыхъ усовъ, а изъ-подъ такихъ-же косматыхъ бровей сверкали острые, ядовитые глаза и сверлили насквозь. И весь онъ былъ твердый и прямой, какъ кочерыжка. Быть можетъ, потому и слова его такъ больно ударяли по сердцу. А, быть можетъ, еще и оттого, что раскрывали глаза на будущее, о которомъ пока не хотѣлось думать...

Съ грохотомъ подкатила телѣга. У казака пьяное воз-

бужденное лицо и смѣющіеся глаза. Мокрая фуражка съѣхала на затылокъ, одна нога на телѣгѣ, другая болтается внизу.

— Стой! — дико крикнулъ онъ самому себѣ.—Садись, Илья Захарычъ, подвезу! Садись, Сема!.. Садитесь всѣ, ядри ее за ногу! Кобыла добрая!.. Но-о!..

Онъ замахалъ руками, загикалъ и заболталъ ногой. Запрыгала телѣга, захлопала лопнувшей шиной. Семенъ вздохнулъ облегченно—Монашкину говорить нельзя: языкъ прикусишь.

Отецъ, свѣсивъ ноги, сидѣлъ на кровати, худой и желтый. Взлохмаченные волосы сбились и стояли кольцами, какъ шерсть на овчинѣ. Онъ хворалъ съ похмелья и только что поднялся. Увидавъ Семена въ накидкѣ, изъ-подъ которой эффектно выглядывалъ галунъ, онъ зачесался и опять засмѣялся отъ радости.

— Ну, теперь будя, Сема!..—забормоталъ онъ, тряся головой.—Шабашъ!.. Погуляли, попили! Слава тебѣ Господи!.. Надо удумывать, какъ кусокъ добыть...

Семенъ снялъ мундиръ, повѣсилъ его на гвоздикъ, рядомъ съ шашкой, и легъ на кровать въ горницѣ.

Безконечной скукой и уныніемъ осени глядѣли въ окна потемнѣвшія, заплаканныя дали за озеромъ, черные плетни и туманныя, словно вырѣзанныя изъ картона, деревья.. Вздыхала гдѣ-то за перегородкой старуха. То-ли оттого, что проходилъ веселый хмѣль, оставляя въ головѣ тупую пустоту, и впереди были будни, то-ли отъ словъ Монашкина, которыя почему-то не забывались,—Семену вдругъ въ первый разъ въ родномъ домѣ стало скучно, тоскливо и захотѣлось убѣжать куда-нибудь въ шумное, веселое и свѣтлое мѣсто...

— Отдалъ бы ты, Сема, этому дьяволу толстому, крокодилу, пять цѣлковыхъ!.. Опять нынче приставалъ. Занималъ я у него предъ тобой.. Того, сего надо, пятое-десятое... А деньжатами-то я подшибся...

„Крокодиломъ“ звали въ станицѣ атаманова брата, Аркадія, толстаго, чернаго казака съ двойнымъ подбородкомъ. Онъ торговалъ хлѣбомъ, косами, дегтемъ и отбиралъ за долги левады, а на сходахъ кричалъ такъ, что звенѣли окна и шарахались на улицѣ кони, какъ отъ верблюда.

— Отдалъ бы, пра!.. Ну его ко псу!..

Колючее, злобное чувство вползало въ душу. Хотѣлось оборвать старика, сказать ему грубость.

— Вы уже думаете, милые родители, что у меня монетный дворъ!.. Денегъ у меня даже очень немного...

Вошла Катерина въ новомъ кашемировомъ платкѣ, щип-

нула Семена за руку, засмѣялась и защелкала сѣмячками. Она овдовѣла годъ тому назадъ и жила у отца въ станицѣ, но послѣ встрѣчи Семена домой не пошла и осталась у Люлькиныхъ на правахъ невѣстки. Ея красивое смуглое лицо отсвѣчивало, словно вымазанное масломъ, на щекахъ играли ямки, а глаза были большіе, ясные и невинные, какъ у ребенка.

Семенъ смотрѣлъ на нее и никакъ не могъ вспомнить ее дѣвушкой и когда онъ игралъ съ ней въ горѣлки.

— Ни-чего, Сема!.. Проживемъ, Богъ дастъ, и безъ денегъ!.. Эко дѣло какое!.. Ничего!..—бормоталъ старикъ.

IV.

Лѣто затянулось. Дни стояли теплые, ясные и тихіе. Таялъ воздухъ, голубой и прозрачный, и, какъ звѣзды, свѣтились въ немъ плавающіе кусочки паутины и ожившія бабочки. Блестѣли на гумнахъ золотыя скирды соломы, и далеко отъ нихъ струился медовый запахъ свѣжаго зерна. На припекѣ, за плетнями, на токахъ послѣ дождя пошла новая дѣвственно-чистая и пахучая зелень. А въ Богаевскомъ саду, на горѣ, второй разъ зацвѣтали яблони. И нельзя было безъ грусти смотрѣть на милыхъ, нѣжныхъ гостей весны, одинокихъ и печальныхъ, среди желтыхъ, корявыхъ листьевъ...

Полевыя работы кончались, и бабы у озера варили нардекъ *). Неподвижными прямыми столбами тянулся изъ глиняныхъ печей ѣдкій дымъ кизяка и цѣлый день, какъ туманъ, висѣлъ надъ хуторомъ. Бурлилъ въ котлахъ сладкій черный нардекъ, суетились дѣти, оживленный бабій говоръ перекатывался по озеру и разбѣгался въ лѣсу. Горѣли печи и ночью и красными дрожащими глазами свѣтились въ водѣ...

По вечерамъ долго не спалъ хуторъ. Гомонилъ и возился невидимый народъ то по дворамъ, то на яру, то по заваленкамъ. Скрипѣли калитки. Мелькали въ красной полоскѣ зари черныя тѣни головъ, вырѣзывались острые, какъ углы, профили фуражекъ и, потолкавшись въ обрѣзѣ свѣта, исчезали неизвѣстно куда. Веселыми стайками, точно суетливыя, любопытныя рыбки, пробѣгали дѣвчата и сходились на гумнахъ, принося туда звонкій хохотъ, топотъ пляски и оживленные крики. Звенѣла оттуда въ тихомъ воздухѣ пѣсня. И, слушая ее, непонятно становилось, какъ такія смѣшливыя, озорныя и беззаботныя существа могли пѣть эти грустныя пѣсни, въ которыхъ билась и трепетала живая тоска, живая, задумчивая печаль одинокаго сердца.

---

*) Арбузный медъ.

Когда умирали вверху послѣдніе звуки, такія-же пѣсни, какъ эхо, долетали изъ станицы, и углубленная разстояніемъ печаль ихъ была еще острѣе.

Старикъ Люлькинъ каждый вечеръ ѣздилъ на станцію, за пассажирами. Если ему удавалось заработать четвертакъ, онъ возвращался шумный, довольный и хвалился, что умѣетъ заговорить сѣдока и отбить у другихъ извозчиковъ. Каждому своему поступку онъ придавалъ какое-то особое значеніе, ему одному понятное, и считалъ себя необыкновеннымъ человѣкомъ.

— Меня любятъ и уважаютъ народы! Да!..—говорилъ онъ.—Вотъ трошки огляжусь, махну по мельницамъ да по ихъ благородіямъ. Никто не посмѣетъ отказать старику-упырю... На всю зиму наберу муки и зерна. Не отка-ажутъ. Чуютъ, что меня мать прокляла... Въ прошломъ годѣ Хворостянскій есаулъ, Разстегаевъ, выгналъ меня. „Пошелъ, говоритъ, вонъ, побирушка!“ Да!.. Анъ, глядь, чрезъ недѣлю его такъ скрючило, что на человѣка не сталъ похожъ! Безъ рукъ, безъ ногъ валяется... Такъ во-отъ!.. Побаиваются.

Жизнь была сѣрая, бѣдная, нужда давила со всѣхъ сторонъ, и удивительно было, какъ могъ старикъ удержать у себя эту наивную, жалкую вѣру въ покровительство неземной силы.

Семенъ широко пользовался исключительностью своего положенія, съ утра надѣвалъ мундиръ, новые сапоги и уходилъ, неизмѣнно появляясь вездѣ, гдѣ собирались казаки. Пьянила свобода, независимость, уваженіе и почтительность со стороны тѣхъ, которые еще недавно звали его Семкой.

Такъ продолжалось съ мѣсяцъ, а потомъ онъ началъ замѣчать, что интересъ къ нему ослабѣваетъ, что его бѣлое лицо и чистое платье вносятъ какой-то диссонансъ въ толпу загорѣлыхъ, грязныхъ казаковъ, и что слушаютъ его часто лишь изъ любезности. Въ его отсутствіе народились новыя слова, новыя понятія, яркія и смѣлыя, которыя глубоко западали въ душу и попадали тамъ на какое-то больное мѣсто. Между степенными казаками не журчали уже старые, мирные разговоры о славѣ прошлаго, о войнахъ и походахъ. Говорили о религіи, о попахъ, о начальствѣ, крѣпко связывая съ нимъ свои тяготы и нужду, говорили горячо, злобно и рѣшали твердо и безповоротно. Какъ будто сразу всѣ глянули въ одну сторону и сразу замѣтили въ зданіи жизни ту громадную трещину, которая ширилась десятками лѣтъ.

Семену не нравились новыя рѣчи, и многаго онъ не понималъ. Въ затемненномъ годами службы мозгу наросла плотная кора и упрямо отталкивала новое. Съ болью и раз-

драженіемъ онъ видѣлъ лишь одно, что въ привычный родной бытъ ворвалось что-то незнакомое и огромное. Ворвалось и остановилось на порогѣ, а люди мятутся и не знаютъ, откуда оно пришло и куда уйдетъ. И при свѣтѣ этого новаго всѣ предметы смотрѣли иначе, не давали отъ себя тѣни, а старыя краски меркли. Служба, удаль, галуны и чины теряли прежній смыслъ и высокое значеніе. Для молодого урядника это было обидно. Семенъ вступалъ въ споръ, горячился и доказывалъ, дѣлая свой длинный, просящій жестъ.

— Тоже старики-и! А послушать отъ васъ нечего!.. За этакія-то выраженія я могу и шапку обнажить!..—бурчалъ онъ раздраженно и уходилъ, чувствуя себя побѣжденнымъ и одинокимъ.

Такъ было среди старыхъ, выносившихъ на своихъ крѣпкихъ плечахъ всю казацкую маяту. Молодежь же, малолѣтки и первоочередные, по прежнему думали о присягѣ, о службѣ, подучивали уставъ, пѣли военныя пѣсни и играли въ шашки въ правленьи на майданѣ. Выходило такъ, какъ будто люди перепутались ролями: въ старыхъ было новое и молодое, а въ молодыхъ—старое, изжитое.

Здѣсь Семенъ находилъ всегда себѣ жадныхъ слушателей и становился центромъ вниманія. Чувствуя себя въ ударѣ, скрипя начищенными сапогами и блестя нашивками, онъ часто поражалъ и слушателей, и себя неожиданными познаніями изъ всѣхъ областей жизни.

— А вотъ эти уже самыя тучи, напримѣръ, не только видѣлъ вблизяхъ, какъ васъ, но уже и руками щупалъ!—разсказывалъ онъ, покручивая усы.—Были мы въ Тифлисѣ въ командировкѣ. Ну, горы стоятъ кругомъ, какъ пики. И вотъ зацѣпится туча за макушку и стоитъ себѣ. Полѣзли мы разъ. Дай, молъ, глянемъ, что за штука такая!.. Ну, долѣзъ я, ухватился, отломилъ кусокъ... Растирается въ рукахъ, склизкая, какъ сопли...

— А-а! Какъ сопли!..—удивлялась молодежь и смотрѣла ему прямо въ ротъ...

Но когда Семенъ приходилъ домой и ложился спать, слушая, какъ кряхтитъ за перегородкой старикъ и кричитъ голодная кошка, думалъ онъ почему-то не о молодежи, а о томъ, что говорили старики. Взвѣшивая и повѣряя ихъ слова, онъ просматривалъ годы своей службы. И тутъ память его всегда задерживалась на одномъ ничтожномъ случаѣ. Вставала предъ глазами широкая, сѣрая площадь, плотно набитая черными, однообразными, какъ галки, людьми. Звенятъ подковы, мчится сотня галопомъ. Точно цѣпы на гумнѣ, мелькаютъ плети въ клубахъ сѣдой пыли. Рѣдкіе револьверные выстрѣлы похожи на хлопки отъ пробокъ...

Вотъ онъ врѣзывается въ гущу съ какимъ-то хмельнымъ, азартнымъ чувствомъ, какъ на пожарѣ, поднимаетъ плеть и на моментъ заглядываетъ внизъ. Стонетъ кто-то подъ лошадью, не то юноша, не то дѣвушка, должно быть, со сломанной ногой. Молящіе, широкіе отъ слезъ и страшно черные, какъ норы, глаза на бѣломъ, словно высѣченномъ изъ мѣла, лицѣ. И столько мольбы и животнаго, безумнаго ужаса глядитъ изъ этихъ норъ, что до сихъ поръ становится жутко и дрожь бѣжитъ по спинѣ. Все это понялъ Семенъ уже послѣ, когда опустилась плеть и дернулась лошадь...

Тутъ по странной ассоціаціи память выхватываетъ изъ далекаго прошлаго другую картину. Стоитъ Семенъ въ камышахъ по колѣно въ водѣ. Пузырится около ногъ вонючая озерная вода. Въ рукахъ утка съ раненымъ крыломъ... Онъ хочетъ добить ее о прикладъ, а она, не мигая, смотритъ на него блестящими, совершенно черными глазами, въ которыхъ стоитъ та же огромная мольба, тотъ же непобѣдимый безумный ужасъ смерти, содрогающій все маленькое теплое тѣльце. И Семенъ не можетъ оторваться отъ этого взгляда. Устанавливается какая-то связь между двумя парами глазъ, и въ молчаніи они понимаютъ другъ друга. Семенъ помнитъ, что тогда онъ забрался, замочивъ штаны, на середину озера, въ самый густой камышъ и пустилъ утку. И долго послѣ этого не бралъ ружья въ руки...

Почему же не поднялась рука на раненую утку, а раненаго, умирающаго и безвреднаго человѣка онъ могъ ударить? Дальше въ мозгу начинаютъ вертѣться неясныя, но жгучія мысли, готовыя отлиться въ опредѣленный выводъ. Но Семенъ боится этого, поворачивается на другой бокъ и разомъ глушитъ все въ головѣ, точно дуетъ въ лампу.

„Чушь лѣзетъ въ башку!.. Отъ бездѣлья... Надо на должность поступать... Присягалъ, крестъ цѣловалъ, чего еще?..“— думаетъ онъ.

Катерина ровно и спокойно дышитъ ему тепломъ въ лицо.

V.

По ночамъ строевой меринъ, Симка, грызъ ясли, топталъ сѣно и ржалъ, прося овса.

— Загубилъ коня! Запаршивѣетъ!..—озабоченно думалъ Семенъ и на утро шелъ покупать отрубей.

Старикъ сердился и ненавидѣлъ за это Симку. По вечерамъ онъ водилъ коней поить. Симка танцовалъ на своихъ тонкихъ, красивыхъ ногахъ и дергалъ узду. Дѣдъ билъ его ладонью и озлобленно кричалъ:

— Ну, чертяка! Заплясалъ съ хлѣбовъ-то!.. Корми тебя бѣса гладкаго, а самъ голодный сиди!.. У-у, гадюка!..

Когда Семена провожали въ полкъ, правленье купило ему, какъ несостоятельному, коня и сѣдло и въ уплату отдало Крокодилу паекъ въ аренду на восемь лѣтъ. Приходилось всей семьѣ перебиваться на одномъ дѣдовомъ пайкѣ. Теперь, пока, коня нельзя было ни продать, ни промѣнять. Семенъ долженъ былъ представлять его на смотры такимъ, какимъ онъ значился въ описи. О ненужной, безполезной лошади приходилось заботиться ровно столько же, сколько и о себѣ. Ресурсы не увеличились, а въ конюшнѣ ржалъ лишній, прожорливый ротъ...

— Чѣмъ мы только его, дьявола гладкаго, кормить будемъ! Сѣна-то у насъ не ахти какіе бугры...—часто говоривалъ старикъ, прислушиваясь къ ржанью.—Навязали идола на нашу шею! А паекъ отобрали... Доберусь я какъ-нибудь до атамана!.. Пошелъ бы ты, Сема, самъ! Пра, пошелъ-бы!.. Поговорилъ бы съ нимъ по-господски. Можетъ, дозволитъ промѣнять, паекъ отдастъ... Ты урядникъ, тебѣ всякое уваженіе сдѣлаютъ...

— Схожу. Время не позднее!—лѣниво отвѣчалъ Семенъ. Онъ не останавливалъ своего вниманія на такихъ пустякахъ и думалъ, что стоитъ только обратиться къ атаману, какъ все уладится...

У поселковаго *) и на улицѣ часто встрѣчался Монашкинъ. Онъ молча долго моргалъ глазами, что-то вспоминая, а потомъ говорилъ:

— Ты вотъ что, соколъ! Иди ты въ правленіе и бери атамана за грудки!.. Нехай онъ отдастъ тебѣ паекъ! Нѣтъ такихъ правовъ! Бери травяной, а польской пай не тронь!.. Прямо за грудки бери!.. Поступай по закону, по правилу...

— Нельзя, милый дядяша!..—улыбался Семенъ.—Не могу я допустить такихъ поступковъ! Хоть я и имѣю на себѣ чинъ, но какъ онъ поставленъ уже начальствомъ, то не могу! Присягу принималъ...

— Не можешь?—спрашивалъ Монашкинъ. Глаза его вспыхивали гнѣвомъ и костыль стучалъ по землѣ.—Ну, гнись, дура! Гнись! На шею сядутъ,—вези..! Мы за что справляемся, тяготу несемъ всю жизнь? За что?—За землю. Земля у насъ безъ податей, наша собственная, кровопотная! Вотъ за что... А твоя земля гдѣ? За что служилъ? То-то... Не имѣютъ права! Дай имъ повадку, курени начнутъ продавать. Имъ лишь бы предъ начальствомъ выслужиться!.. Не понимаешь? Небось, поголодаешь—поймешь! Взвоешь!.. Онѣ тебѣ сядутъ въ холку, нашивки-то!..

---

*) Хуторской атаманъ.

„Серьезный старикъ!.. И недозволенныя слова противъ начальства выпускаетъ. Попадетъ онъ въ передѣлъ за эти фразы!..“—думалъ Семенъ и опять разстраивался на цѣлый день. Грознымъ предостереженіемъ ложились эти слова на сердце и долго оставались тамъ живыми и чуткими...

Встрѣча съ атаманомъ произошла случайно у правленія. Былъ царскій день, и атаманъ шелъ отъ обѣдни. Величественно колыхалось его грузное, массивное тѣло и твердо стучала впереди насѣка, поблескивая серебрянымъ набалдашникомъ. И по тому, какъ онъ держалъ ее, было замѣтно, что онъ ни на минуту не забываетъ о своемъ званіи. Разсказывали, что въ жилахъ его текла черкесская кровь. Когда-то давно его дѣда мальчикомъ взяли казаки въ плѣнъ на Кавказѣ, окрестили, женили и приняли въ общество. Старый круглый домъ съ болясами, въ которомъ жилъ атаманъ, до сихъ поръ называли „Черкесовымъ“. Быть можетъ, оттого у атамана былъ хищный носъ съ горбинкой, черные глаза и широкіе, сѣдые усы, которые, какъ бѣлыя ленты, спускались на плечи. Казаки не любили его, поговаривали даже, что онъ иногда дерется, но почему-то выходило такъ, что его каждый разъ выбирали въ атаманы, хотя и не хотѣли. Пьяные, равнодушные ко всему старики сокрушенно разводили руками и говорили:

— Судьба! Значитъ, быть по сему!..

Не подавая Семену руки, атаманъ остановился и тяжело навалился на насѣку. Онъ немного прихрамывалъ и даже въ канцеляріи не разставался съ палкой.

Семенъ боялся уронить свое достоинство, старался быть развязнымъ, качалъ головой, пожималъ плечами и пускалъ въ оборотъ самыя изысканныя фразы своего лексикона. Но лицо у него все-таки потѣло при видѣ офицерскаго погона, и руки по привычкѣ тянулись книзу, ко швамъ.

— Ты это сужденіе насчетъ пайка оставь про себя!— угрюмо прохрипѣлъ атаманъ, раздраженный длинной обѣдней и голодомъ.—Не придется твое дѣло. 200 рублей обществу сталъ, а платить не хочешь!.. На что намъ нуженъ травяной пай? Сколько за него дадутъ?

— Войдите въ критическое положеніе, ваше благородіе! При такой стѣснительности фактовъ придется продавать коня! Ну, никакого уже продовольствія для него нѣтъ...

Ему, уряднику, было стыдно говорить о своей нуждѣ, унижать себя просьбой, поэтому онъ старался доказывать и убѣждать.

— Что жъ! Продай! Попробуй! Продай!.. Я тебѣ продамъ!— вдругъ зычно выкрикнулъ атаманъ, побагровѣвъ.—Я не посмотрю, что ты урядникъ!.. Противъ власти, противъ обще-

ства идешь!.. Хахали дьявольскіе! Нахватаются тамъ разнаго духу, да и мудруютъ тутъ! Смотри...

Семенъ пересталъ улыбаться и покраснѣлъ.

— Я вамъ, ваше благородіе, уже нормально все объяснилъ: питанія нѣтъ. А вы неудовольствіе заводите! Я самъ чинъ имѣю...

— М-лчать! Сказалъ,—и никакихъ!..

Болтнулась, блеснувъ на солнцѣ, медалька на крутой груди, брякнула сухимъ деревомъ насѣка, и квадратная спина поплыла мимо. Казакъ-сидѣлецъ, несшій сзади атаманское пальто, подмигнулъ Семену и выразительно тряхнулъ кулакомъ.

Домой Семенъ вернулся поздно ночью, пьяный. Онъ топалъ ногами на Катерину, кричалъ на отца и заснулъ въ мундирѣ и въ одномъ сапогѣ.

Встревоженный старикъ тоже долго не могъ уснуть, вздыхалъ, ворочался и толкалъ локтями бабку.

— Чего-то парень нашъ не въ себѣ! Перехватилъ!..— бормоталъ онъ съ закрытыми глазами.—Надо бы, бабка, ему конскаго навозу оттопить! Попоить-бы... Кабы не захворалъ...

VI.

Погода испортилась какъ-то сразу. Съ утра начался мелкій, холодный дождь и шелъ пять дней. Не бодрый и освѣжающій, какъ лѣтомъ, а нудный и назойливый, непрерывно сыпалъ онъ по затвердѣвшимъ листьямъ, шумѣлъ по крышѣ, и казалось уже, что красные дни были сномъ, который никогда не повторится. Почернѣли и разбухли соломенныя крыши, и, нахохлившись, угрюмо смотрѣли изъ-подъ нихъ низенькіе курени, какъ Монашкинъ изъ-подъ надвинутой фуражки.

Какими-то невѣдомыми, темными ходами холодная вода пробиралась въ хату и размѣренно, какъ часы, капала гдѣ-то въ углу, за печкой. Капъ! Капъ! Капъ!... Звуки были тихіе, робкіе, но въ ихъ упрямой настойчивости жила непонятная сила, которая глушила другіе звуки. И, что бы люди ни дѣлали, о чемъ бы ни думали, они слыхали эти звуки и ни на минуту не могли забыть, что протекаетъ крыша.

Семенъ лазилъ на подоловку, закладывалъ уголъ соломой, засыпалъ золой и ругался. Но ничто не помогало. Живые, любопытные и свѣтлые, какъ глазъ, шарики безпрерывно выскакивали на потолкѣ и, продвинувшись немного впередъ, летѣли въ подставленную чашку...

Пахучая, холодная сырость нахально лѣзла въ дверь и въ щели, а потомъ, согрѣвшись, опять просилась на дворъ и, точно птица, кидалась въ окна, залѣпляя ихъ сплошнымъ перламутровымъ налетомъ.

Тѣснѣе стало въ хатѣ. Люди толкались безъ дѣла, надоѣдали другъ другу и ругались. Въ голову лѣзли нудныя, скучныя мысли. Замѣчалось и тяготило то, что раньше терялось и топилось въ яркихъ лучахъ солнца. Изо всѣхъ щелей вылѣзла нужда и глядѣла своими странными, уничтожающими глазами. Оказалось, что кончается мука, корову сглазила вѣдьма, а картофель таскаютъ крысы. Подъ кроватью погнили арбузы...

Семенъ по цѣлымъ днямъ лежалъ, и все его большое, сильное тѣло томилось и скучало безъ дѣла. Положеніе казалось временнымъ, и не хотѣлось вѣрить, что придется пережить длинную, голодную зиму.

— Теперь, Сема, надо тебѣ ваканцію какую-нибудь отыскивать!..—часто говорилъ старикъ, робко поглядывая на сына.—Чего тутъ корку-то грызть!.. Ты человѣкъ полированный, заслуженный! На всякое мѣсто примутъ. Такъ вотъ...

Семенъ молчалъ и сдерживалъ раздраженіе.

Въ воскресенье дядя Сергѣй, забрызганный грязью, привезъ съ почты письмо. Прежде, чѣмъ распечатать, всѣ, столпившись у стола, долго съ жаднымъ любопытствомъ разглядывали сѣрый таинственный пакетъ, строго глядѣвшій черными штемпелями. Думали, угадывали, откуда онъ.

— Чижолый! Должно, отъ казны!..—замѣтилъ старикъ, почтительно пощупавъ уголокъ, и поглядѣлъ на сына съ уваженіемъ.

Казалось необычайнымъ, что кто-то, далекій и потому большой и важный, вспомнилъ о нихъ, зналъ ихъ сѣрый, бѣдный хуторъ, хату подъ соломенной крышей и нѣкоторое время, пока писалъ, думалъ о нихъ. Кто-же это?.. Бабка подперла рукой щеку и по привычкѣ приготовилась плакать. У Семена дрожали пальцы отъ радостнаго, смутнаго предчувствія, что это письмо принесло ему выходъ... Быть можетъ, кто-нибудь зоветъ на службу, предлагаетъ мѣсто...

Письмо оказалось изъ Астрахани отъ жены. „Слышу я, прослышу—вернулся мой милый муженекъ“...—писала она въ лирическомъ тонѣ.—„Надоѣло мнѣ по чужимъ людямъ жить, чужимъ кускомъ кормиться. Доживу мѣсяцъ и пріѣду. Пропишите про свои обстоятельства“... Для всѣхъ было очевидно, что она боялась возвращаться, нащупывала почву и хотѣла вывѣдать настроеніе мужа.

Катерина отвернулась въ уголъ и вдругъ заплакала грубымъ мужскимъ голосомъ, часто сморкаясь въ фартукъ. На нее глядя, заплакала и бабка.

Дядя Сергѣй, оставшійся послушать, сидѣлъ на порогѣ, крутилъ цыгарку и крякалъ.

— Да. Вотъ онѣ какія наши бабы-то! Намочила хвостъ да къ мужу!..

— Ты, Катенька, не плачь!—твердо проговорилъ Семенъ, свертывая письмо.—Хоть и вѣнчаны мы съ ней, ну, она уже не жена мнѣ, коль скоро нарушила предѣлъ вѣрности. Ты для меня теперь дороже. Ты встрѣтила меня на родномъ порогѣ и согрѣла лаской... Не плачь!..

Онъ сходилъ къ поселковому за чернилами и до вечера писалъ отвѣтъ, широко раскинувъ локти и склонивъ голову. „... Живете вы тамъ съ армяшками и разными народами, ну и живите“, медленно выводилъ онъ: „А мнѣ васъ уже не нужно за подобные поступки. При чемъ, для васъ и фуражу здѣсь нѣтъ. Привыкли вы къ булкамъ, а тутъ и пирога чернаго часомъ не хватаетъ“...

Катерина сидѣла за спиной и благоговѣйно, но въ то же время зорко и ревниво слѣдила за его рукой.

Исписавъ три страницы стихами и прозой, Семенъ отеръ со лба потъ и круглыми буквами съ высокими завитками подписался: „Бывшій супругъ вашъ, урядникъ Семенъ Ивановъ Люлькинъ“. А на оставшейся страничкѣ нарисовалъ дерево съ большими черными яблоками.

Отцу отвѣтъ не понравился, и онъ неодобрительно покачалъ головой.

— Такой дамѣ этакія слова выражаешь! Не хорошо!.. Нехай бы пріѣхала. Можетъ, деньжонки есть, глядишь, и помогла бы... Не хорошо! Какъ-же это такъ? Законъ, напримѣръ, принимали, а спустя время вдругъ не надо?..

— Законъ у меня, милые родители, вотъ гдѣ!—показалъ Семенъ на грудь.—Какая она жена! Шлюха она уже, а не жена. А то—законъ! На что мнѣ вашъ законъ нуженъ?..

— Ну, а я не желаю, чтобы, напримѣръ, чужая баба въ домѣ жила!—рѣзко вдругъ крикнулъ старикъ, и маленькіе, выцвѣтшіе глаза его выкатились и покраснѣли.—Не желаю! Зазорно мнѣ! Ѣдоковъ много, а работниковъ нѣтъ... Не желаю!..—И онъ стукнулъ локтями о перегородку.

Началась ссора. Озлобленные непогодой, скукой и голодомъ, сверкая глазами и размахивая руками, отецъ и сынъ кричали гнѣвно и долго, какъ давнишніе враги, и обливали другъ друга ядомъ накопившейся злобы противъ неправды всей жизни...

Подвывалъ въ трубѣ вѣтеръ, плакала Катерина, и частый

дождь горохомъ сыпалъ въ мутныя окна. Казалось, погибло все, и отъ бѣшеныхъ криковъ нѣтъ возврата къ мирному прошлому. Каждый по своему чувствовалъ себя обиженнымъ, одинокимъ и жизнь свою навсегда испорченной.

По мѣрѣ того, какъ освобождалось сердце отъ тяжести, глохли голоса, переходя въ отрывочныя восклицанія и передразниванія... Красные, еще не совсѣмъ остывшіе, недавніе враги сидѣли по разнымъ угламъ, виновато косили глазами и уже недоумѣвали, какъ они, родные и близкіе, могли быть такими жестокими и несправедливыми другъ къ другу. Словно въ нихъ кричалъ кто-то другой, а не они сами. Въ душѣ ныли пустота и стыдъ, какъ послѣ буйнаго хмеля...

Поздно вечеромъ Семенъ осѣдлалъ коня и повезъ письмо на почту.

Дождь пересталъ, было темно и тихо. Звучно и строго чмокали по грязи копыта. Двигались впереди темныя уши лошади и, расплываясь, мѣняли свою форму. Больше ничего нельзя было разглядѣть въ сыромъ черномъ мракѣ, который мягко давилъ со всѣхъ сторонъ. Только на мѣстѣ станицы, то исчезая за вербами, то выныривая, боролся съ тьмой огонь, а надъ нимъ, какъ легкое облако, дрожалъ свѣтлый кругъ.

Отъ послѣднихъ дней въ душѣ у Семена осталась какая-то боль. Была она тупая и неясная, какъ будто онъ заспалъ дурной сонъ, но въ ней уже чудилось зачатіе какого-то новаго чувства, которое, какъ надоѣдливый гость, днемъ и ночью стучится въ запертое сердце, съѣдаетъ радость и деревянитъ лицо во время смѣха.

Беззвучно, словно черное привидѣніе, проплылъ старый, темный отъ дождя, тополь у дороги. И Семенъ вспомнилъ, что здѣсь онъ когда-то первый разъ обнялъ свою жену Анну. Была она тогда стройной, веселой дѣвушкой съ широкими, радостными глазами, умѣла звонко пѣть и смѣяться, показывая мелкіе острые зубки. Шли они въ яркое лѣтнее утро отъ обѣдни и здѣсь, въ круглой тѣни, отдыхали. И помнитъ онъ еще, что на ней было новое, жесткое и пахучее платье, а за кустами шли казаки и разговаривали. Онъ обнималъ ее, прижимался къ трепетавшей молодой груди и думалъ, что впереди идетъ широкая, свѣтлая жизнь, свободная и радостная, какъ солнце. И думалось, ничто ее не охватитъ, не затемнитъ, и не будетъ конца счастью...

„Какая жизнь была! Какая жизнь!..“ думалъ Семенъ и печально качалъ головой. А теперь гдѣ все это? Гдѣ радость, гдѣ Анна?.. Тамъ позади, въ молодости, все ясно, по-

нятно, красиво и полно свѣта, какъ въ яркой картинѣ кинематографа. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше путается, все темнѣе и тѣснѣе становится жизнь, словно онъ лѣзетъ въ узкую, черную нору. Жизнь складывается изъ службы, изъ холопства предъ сильными, изъ борьбы за кусокъ хлѣба и мелкой злобы... Служба, смотры, конь, галуны—на что все это, когда нечего ѣсть? „За вѣру, царя и отечество"... О Богѣ онъ никогда но думалъ, вѣрилъ въ него по привычкѣ, и эта холодная вѣра не грѣла сердца и не давала утѣшенія. Положимъ, царь отплатилъ ему галунами, но что́ дало отечество? Отецъ нищій, хата разваливается, общество взяло землю, городъ взялъ жену. Катерину гонятъ, и завтра она можетъ оставить его одинокимъ... Кто виноватъ?..

Острая злоба повернулась, какъ горячій камень, въ груди Семена, заставивъ его скрипнуть зубами. Онъ развелъ ноги и ударилъ коня сапогами. Застрекотала грязь, влажный, тяжелый воздухъ ударилъ въ лицо и свистнулъ въ ушахъ...

Симка обо что-то споткнулся и сразу перешелъ въ шагъ. Семенъ нагнулся и заглянулъ подъ лошадь. И опять ему вдругъ вспомнилось бѣлое лицо съ огромными и глубокими отъ смертнаго ужаса глазами. Онъ отшатнулся, но лицо не исчезло и шло рядомъ во мракѣ, не освѣщая его, какъ бѣлый бумажный фонарь. И новаго въ этомъ было то, что теперь мысль не затрепетала въ испугѣ и не забилась въ уголъ, какъ робкая, побитая собачонка. Она упрямо и твердо держала въ мозгу страшное лицо и вилась около него, острая и горячая...

„Ахъ, не надо-бы! Зачѣмъ я такъ?.."—заныло вдругъ въ груди. Содрогнулось и охнуло все тѣло, отъ головы до ногъ, въ нѣмомъ, жгучемъ испугѣ предъ невозвратностью и непоправимостью прошлаго.—„Чего нужно было?.. Значитъ, довели людей до точки, коль идутъ на пику... Отъ хорошей жизни не пойдешь!.."

И Семенъ удивился простотѣ этого вывода и тому, отчего онъ не приходилъ въ голову раньше. Теперь захотѣлось думать объ этомъ больше и глубже, рѣшить, кто виноватъ, и какъ исправить задавленную жизнь. И казалось, что безъ этого рѣшенія теперь уже нельзя успокоиться.

VII.

Какъ только подморозило и зазвенѣла подъ ногами дорога, старикъ засуетился со страстью стараго охотника и сталъ собираться.

— Махну за Донъ по господамъ!.. Никто не откажетъ упырю! Побаиваются...—бормоталъ онъ, зарывая въ повозку

рваные, грязные мѣшки.—Ты ужъ тутъ, Сема, одинъ управляйся съ дровами-то! Вози день и ночь, а то разворуютъ... А я на промыселъ. Такъ во-отъ!..

Каждые два года дѣлили общественный лѣсъ на дрова. Лѣтомъ тамъ ходила скотина, съѣдая молоднякъ и вѣтви, и осинки росли корявыми, низкими, съ обломанными сучьями. Люлькинымъ достались пайки въ одномъ десяткѣ съ Монашкинымъ, у высокаго песчанаго бугра, который назывался „пупкомъ". Онъ стоялъ на грани, за которой тянулся высокій, хорошій лѣсъ, отданный церкви на украшеніе.

Тотчасъ послѣ дѣлежки начали рубить и рубили торопливо, опасаясь, что дрова разворуютъ. А ночью сами ѣздили въ церковный лѣсъ и воровали...

Звонко и пусто было въ лѣсу. Между рѣдкими деревьями кланялись черныя папахи, хоромъ стучали топоры, сверкая холодной сталью и крякали подрубленныя, падавшія осины. Подъ ногами, какъ черепки, сухо гремѣли замерзшіе листья. Сквозь голыя деревья виднѣлся въ трехъ верстахъ хуторъ, а по другую сторону, гдѣ лѣтомъ стояла почти сплошная зеленая стѣна, теперь ясно выступала станица. Какъ будто сократилось разстояніе, придвинулись горизонты, все обузилось и пригнулось. Ушло изъ природы что-то обширное, занимавшее много мѣста, и теперь стало просторно, свѣтло, и гуляло свободно эхо, какъ въ комнатахъ, изъ которыхъ вынесли мебель.

Симка не привыкъ къ запряжкѣ, упрямился и пугался длиннаго, вѣтвистаго хвоста, который шумѣлъ по дорогѣ сзади воза. Катеринѣ приходилось всю дорогу вести его въ поводу.

Въ полдень на парѣ съ колокольчиками пріѣхалъ атаманъ. Не выходя изъ тарантаса и не отвѣчая на поклоны казаковъ, онъ захрипѣлъ:

— Что же это такое, господа? Опять какой-то сукинъ сынъ ночью церковный лѣсъ рубилъ!..

Казаки молчали, и слышно было, какъ вѣтеръ игралъ листьями. Атаманъ тяжело дышалъ и, чувствуя себя въ глупомъ положеніи, долго водилъ сердитыми глазами.

— Чей конь? Чей конь?..—вдругъ торопливо и какъ будто обрадовавшись, закричалъ онъ, подскакивая и тыча пальцемъ въ Катерину.—Какой такой подлецъ на строевомъ конѣ дрова возитъ? Чей конь?..

У Семена дернулись брови, и побѣлѣло все лицо.

— Мой конь. Кобыла, ваше благородіе, въ отлучкѣ... Такъ что по необходимости...

„Не такъ надо говорить! Не такъ!.."—кричало что-то вну-

три его, но не слушался ни голосъ, ни руки, по привычкѣ тянувшіяся по швамъ.

— Ты знаешь, 20-го смотръ! Мнѣ за тебя отвѣчать, сукинъ сынъ! Общественный конь! Какимъ ты его представишь? А?..—кричалъ атаманъ.

— Не кричи, атаманъ, печенка лопнетъ!—вдругъ строго сказалъ Монашкинъ и посмотрѣлъ на него исподлобья.— Не кричи!.. Нашли дурачка. На кой ему бѣсъ конь, когда жрать нечего? Любоваться на него, а дрова на женѣ возить? Общественный!..

— Ты молчи, Монашкинъ! Замолчи! Не твое дѣло!..

— Послѣдніе штаны готовы снять съ казака, лишь бы выслужиться!—не унимался Монашкинъ.—Горлопаны!.. Тоже „церковный" лѣсъ! Пропили попу лѣсъ, да и говорятъ— церковный!..

Атаманъ задохнулся отъ гнѣва и замахалъ руками, багровый, какъ тыква. Тяжело вывалившись изъ тарантаса, хромая и спотыкаясь, онъ подскочилъ къ Монашкину.

— Ты... мнѣ... такія фразы! Сторожемъ на паромъ безъ срока!.. Я до тебя давно добираюсь! Я вижу, ты казаковъ мутишь!..

— Я до тебя тоже добираюсь!—блеснувъ глазами, сказалъ Монашкинъ и, рѣшительно плюнувъ въ ладонь, перекинулъ топоръ въ правую руку.—Вдарить, что ли, хочешь? Ну, вдарь!.. Ѣхалъ въ свое мѣсто, ну и ѣзжай! Нечего тутъ воронъ распугивать!..

Хмуро молчали казаки, сбившись за спиной Монашкина, и трудно было понять, на чьей они сторонѣ.

Атаманъ круто повернулся, чуть не упавъ, молча сѣлъ въ тарантасъ и уѣхалъ. Долго въ морозномъ синемъ воздухѣ, замирая, звенѣли колокольчики, а казаки смотрѣли вслѣдъ, курили и смѣялись.

— Мы тебя, дядя, не выдадимъ!—говорили они Монашкину.—Здорово ты ему перья ощупалъ!.. Никогда въ жизни не выдадимъ. Будь благонадеженъ!..

Вечеромъ къ Люлькину пришли два молодыхъ сидѣльца изъ правленья, долго мялись, курили.

— Какъ же быть, Семенъ Ивановичъ? А? Атаманъ не велѣлъ безъ тебя являться...

Семенъ закрутилъ усы и приподнялъ плечи.

— Вамъ уже сказано корректно, что не пойду. Заявите, что не нашли...

— А вѣдь въ самъ-дѣлѣ!..—обрадовались неожиданному выходу казаки и, почтительно пожавъ ему руку, ушли.

Являлись они и на другой день, но Семенъ спрятался.

А Монашкина казаки поймали на улицѣ въ станицѣ, и онъ отсидѣлъ сутки при правленьи...

Отъ пышекъ съ нардекомъ и гороха болѣлъ по ночамъ желудокъ. Семенъ долго не спалъ и думалъ. Жизнь стояла предъ нимъ страшной загадкой. Темная неправда задавила всѣхъ, и въ ея цѣпкихъ лапахъ бьются и погибшая жена, и отецъ, и Катерина, и онъ самъ. Хотѣлъ онъ поставить на озерѣ сѣти, пришелъ Богаевъ, толстый, жирный, и сказалъ:—„Я снялъ воды! Мое озеро!..“ Поѣхала Катерина собирать валежникъ, лѣсникъ ударилъ ее плетью: „церковный лѣсъ!..“ Отецъ говоритъ: „мой домъ“. Крокодилъ: „мой пайекъ“. А атаманъ: „Мои казаки. Должны подчиняться!..“

„Гдѣ же моя-то доля въ жизни?“—съ тоской думалъ Семенъ: „Мое-то гдѣ же?..“ Онъ могъ сказать: мой мундиръ. Но вѣдь его нельзя даже всегда носить, и если на смотру найдутъ изъянъ,—оштрафуютъ. Могъ сказать: моя душа, мое сердце. Но и ихъ захватили богатые и сильные и заставляютъ любить тѣхъ, кого они сами любятъ, и ненавидѣть своихъ враговъ. Захвачена вся жизнь, ничего не осталось. Ее свели къ службѣ, къ охранѣ чужой жизни. Своего нѣтъ, какъ нѣтъ у старой собаки, которую посадили на цѣпь...

Горько становилось отъ такихъ думъ, хотѣлось ломать, драться. Семенъ сжималъ кулаки, скрипѣлъ зубами и грозилъ кому-то:

— Ну, погодите же!..

Ходилъ онъ уже не въ мундирѣ, а въ старой овечьей шубѣ безъ воротника. Мундиръ, закрытый платкомъ, висѣлъ на стѣнѣ, и только при взглядѣ на него Семенъ вспоминалъ, что онъ урядникъ, подходилъ, поднималъ платокъ и, склонивъ на бокъ голову, съ тихой грустью смотрѣлъ на свѣтлый галунъ...

У поселковаго часто собирались старики и говорили. Стало тянуть туда и Семена.

— Да, да! Снаряженіе на казенный счетъ! Это правильно... И чтобы земли офицерскія отобрать!..—поддакивалъ онъ, сидя въ углу въ своей бабьей шубѣ.

Стучалъ костылемъ Монашкинъ.

— Мало вамъ! Вы только говорить умѣете!.. Нѣтъ, пускай у васъ послѣднее отберутъ! Пускай отберутъ, жилы вытянутъ!.. Тогда вы только образумитесь, за грудки возьмете... А то здоровая штука—офицерскія земли!..

VIII.

Семенъ сидѣлъ на завалинкѣ и курилъ, задумчиво покачивая ногой. Былъ праздникъ, и гдѣ-то за угломъ играли на гармоникѣ.

Утромъ выпалъ первый, нѣжный и липкій, снѣгъ и принесъ съ собой много свѣта, чистоты и новыхъ звуковъ. Даже собаки, ошеломленныя бѣлизной, лаяли по новому, звонко и раскатисто. Полнѣе и шире раскинулись деревья и, обманутыя тяжестью, къ которой они привыкли лѣтомъ, качались тихо и удовлетворенно. Казалось, вся жизнь освѣтилась чѣмъ-то новымъ и чистымъ, и ужъ не хотѣлось думать ни о нуждѣ, ни о будущемъ.

Подошелъ Лука Чижовъ, высокій казакъ съ красивой, черной бородой и грустнымъ, болѣзненнымъ лицомъ. Онъ былъ выпивши, вяло хлопалъ глазами и что-то жевалъ.

— Въ стражники нынче записался!—объявилъ онъ, садясь рядомъ.—Прислалъ, стало быть, окружной строгій приказъ набрать казаковъ куда-то въ имѣнье. Не то въ Тулу, не то въ Ригу, не упомню... Тридцать рублей конному, а за усердную службу подарки окромя... Атаманъ нынче прокламацію эту самую вычитывалъ. Я записался, дери ее пузыремъ!.. Весной пріѣду. Тридцать рублей въ нашемъ быту—цифра огромадная! Хату новую поставлю... Теперь, стало быть, такое дѣло: надо отъ станицы 12 человѣкъ, а комплекта никакъ не набирается. Хребтится Васькѣ Суслику, ну мы его не примемъ. Дюже поганый человѣкъ! Первое дѣло—воряга, второе—бабникъ и озорникъ... Вотъ какое дѣло-то!.. Ты, Сема, не запишешься?

Семенъ озлобленно толкнулъ ногой подбѣжавшую собаку и сплюнулъ на сторону.

— Нѣтъ, я погожу!..

О томъ, что записываются въ стражники, онъ слышалъ и раньше и рѣшилъ этотъ вопросъ для себя безъ колебаній, какъ-то просто и легко, какъ будто рѣшеніе уже давно готовымъ жило въ его душѣ.

— Мнѣ эта самая военная служба уже въѣлась въ холку!—сказалъ онъ.—Гдѣ собаку нужно, тамъ казака ставятъ. А мы идемъ уже безо всякой сознательности...

— Это, Сема, тебѣ Монашкинъ надулъ въ уши разныхъ словъ! Брось...

— Я, парнище, самъ на такой точкѣ, что въ пору забунтовать! Ни хлѣба, ни пайка, а коня корми! Ну, только моментъ не выходитъ... А мужики пускай бунтуютъ. Намъ отъ

этого не хуже... Тоже и васъ тамъ не конфетками встрѣтятъ!..

— Это вѣрно! Служба опасная! Можно сказать, въ самый дымъ лѣземъ! Ну, ничего не подѣлаешь—нужда! Дѣтишки голопузыя ходятъ...

— Нѣтъ! Я уже по другому сталъ разсуждать... По совѣсти-то не выходитъ...

Вышелъ отецъ и остановился въ калиткѣ, весь въ заплатахъ и мукѣ, пестрый, какъ паяцъ. Онъ возвратился наканунѣ, злой и хмурый, и привезъ только пуда три муки и немного пшена.

— Да... Люди норовятъ, значитъ, какъ бы копѣйку добыть, а мы не желаемъ...—забормоталъ онъ, моргая красными, слезящимися глазами.—Не охота! На боку лежать лучше... Такъ во-отъ!.. Заѣхалъ я, стало быть, къ господину Емельянову на мельницу, а онъ спрашиваетъ: „пришелъ сынъ?"— Пришелъ, молъ, слава Богу!—„Что же онъ теперь дѣлаетъ?"— Да чего ему дѣлать-то! Съ бабой, молъ, спитъ... А онъ какъ зыкнетъ на меня и, значитъ, того... прогналъ.

Семенъ отвернулся, чуть-чуть поблѣнѣвъ, и закачалъ ногой, принимая непринужденный видъ. Вдали, въ выемкѣ между холмами, какъ въ окнѣ, бодро пробѣжалъ черный игрушечный поѣздъ, попыхивая тающими комочками пара, и крикнулъ призывно и весело... Затосковало сердце по счастью, по шумной, кипучей жизни. Уѣхать бы куда-нибудь далеко, далеко!..

„Трава моя, тра!.."—вдругъ пьянымъ, дикимъ голосомъ звонко рявкнулъ кто-то за плетнемъ и сразу оборвалъ, словно оступился. Вскорѣ, покачиваясь на короткихъ, кривыхъ ногахъ, изъ-за угла вышелъ толстый, заросшій рыжими волосами и похожій на гориллу, казакъ Глазковъ, отецъ Катерины. Сопя носомъ и оставляя послѣ себя громадные черные слѣды, какъ большой звѣрь, онъ подошелъ къ воротамъ и, молча оттолкнувъ старика, застучалъ корявой палкой.

— Катька! Выходи! Родитель пришелъ!—кричалъ онъ, выпучивъ глаза на красномъ, свирѣпомъ лицѣ.—Изъ прародительскаго крова ушла, сука!.. А я туда-сюда—нѣтъ дочери! Пропала!.. А она вонъ гдѣ объявилась!..

Катерина доила корову и, растопыривъ мокрые пальцы, съ испуганнымъ лицомъ нерѣшительно подошла къ воротамъ.

— Какъ ты смѣла?.. П-шла домой! Женихъ нынче придетъ... Что глаза вытаращила?.. Ты что-о на меня глаза вытаращила?..

Онъ тяжело, развернувшись, замахнулся палкой.

— Я не позволю вашихъ поступковъ!—глухо крикнулъ Семенъ, кидаясь къ нему и хватая сзади палку.

Они запыхтѣли и затопали ногами, выкручивая другъ у друга палку на вытянутыхъ рукахъ. Похоже было, будто они играютъ.

Старикъ Люлькинъ бѣгалъ около нихъ кругомъ и пилилъ согнутыми локтями, какъ кузнечикъ крыльями.

— Я отецъ! Я хозяинъ въ дому!..—визгливо, бабьимъ голосомъ, кричалъ онъ.—Не желаю чужую бабу! Живи законно!.. Пускай возьметъ! Не желаю!..

И, не зная, на кого лаять, такъ же осторожно кружилась собачонка, хватая за ноги то одного, то другого...

— Ты мнѣ не указчикъ!.. Ты чей такой есть?..—вдругъ рявкнулъ Глазковъ, раскрывая, какъ пасть, дымящійся паромъ волосатый ротъ.

Неожиданнымъ боковымъ движеніемъ онъ вырвалъ палку и ударилъ Семена по головѣ.

Отецъ висѣлъ на рукавѣ, визжалъ въ самое ухо и связывалъ движенія. Семенъ разсердился и толкнулъ его локтемъ въ грудь. Старикъ полетѣлъ въ снѣгъ и долго лежалъ, поднявъ вверхъ бороду и выставивъ, какъ оглобли, худыя ноги.

Торопливо поправляя обѣими руками платокъ, Катерина бѣжала по дорогѣ, а за ней отецъ размахивалъ палкой, словно шашкой.

Семенъ, закусивъ губу и сжавъ кулаки, кинулся за ними, высоко и быстро выбрасывая длинныя ноги. Въ молчаніи, четко печатаясь на бѣломъ, дѣвственномъ фонѣ, помчались впередъ три черныя фигуры...

У плотины Семенъ остановился и, приложивъ руки къ груди, долго слѣдилъ жадными глазами за двумя темными точками, которыя мелькали уже въ кустахъ. Глухо, рѣзкими толчками, колотилось сердце, точно кто-то скакалъ по мягкой дорогѣ. И эти отчетливые звуки наполняли все мертвое поле, отдаваясь въ ушахъ сплошнымъ гуломъ.

„Ушла! Теперь не догонитъ...“ подумалъ Семенъ, и вдругъ страшная пустота и боль одиночества охватили его душу. Взяли послѣднее, кругомъ чужіе! Какъ жить? Что дѣлать?.. Безпокойныя, жгучія мысли засуетились въ мозгу, Но были онѣ растерянны, робки, метались въ испугѣ безъ начала и конца и путались, какъ нитки.

Онъ постоялъ, поправилъ шапку и пошелъ домой.

Отецъ сердился и, сидя около печки въ мокромъ отъ снѣга пиджакѣ, даже не обернулся, когда хлопнула дверь.

— Вы очень подлые люди, милые родители!.. — тяжело дыша, сказалъ Семенъ, вѣшая шапку. — И поступки ваши

вульгарны! Сами человѣка примоловали, а спустя время гоните!..

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, вытянулъ лодочкой ладонь, но раздумалъ, плюнулъ и ушелъ въ горницу...

На другой день прибѣгала Катерина. Собирая все свое въ узелъ, она плакала и говорила, что отецъ грозитъ выдать ее замужъ. Затѣмъ попрощалась и ушла.

— Что жъ! Я ничего... Баба она добрая...—пробормоталъ растроганный прощаньемъ старикъ. — Въ сердцахъ лишнее слово сказалъ... Ишь бѣда какая!.. Нехай еще поживетъ! Богъ съ ней!.. Баба она ничего, не воровка... Такъ во-отъ!..

Семенъ мало сталъ бывать дома и съ Катериной видѣлся только урывками. То самъ ходилъ въ станицу, то она забѣгала на хуторъ. Короткія были встрѣчи, грустныя, и послѣ нихъ горько и безпросвѣтно становилось на душѣ.

IX.

Вечера были длинные, пустые. Несмѣло царапался о стѣну сухимъ, какъ старческій палецъ, сучкомъ озябшій тополь, словно просился въ хату. Бормоталъ и стоналъ во снѣ старикъ. Мать ложилась рано, съ зарей, но часа черезъ три вставала, гремѣла самопряхой, потомъ ложилась опять. За окномъ игралъ вѣтеръ сухимъ снѣгомъ, гонялъ его между плетнями и, поймавъ въ узкомъ проходѣ, поднималъ вверхъ и горстями озлобленно бросалъ въ низкое окно. Сонная, тупая тишина давила хуторъ, не свѣтилось ни одно окно, и казалось, что во всемъ хуторѣ жили одни лишь собаки да пѣтухи, недовольными озябшими голосами кричавшіе въ синемъ разсвѣтѣ.

Иногда по ту сторону озера выходили волки, садились и, жадно втягивая въ себя запахъ жилья, выли, нудно и съ болью, жалуясь на бездомную, голодную жизнь. Разноголосымъ, тревожнымъ ревомъ откликались имъ на этой сторонѣ собаки. На разныхъ берегахъ метались братья по крови, сытые и голодные, рвались и захлебывались странной злобой другъ противъ друга. Долго въ такую ночь не могъ успокоиться хуторъ, и пестрая волна крикливыхъ звуковъ перекатывалась съ края на край...

Сначала робко и неувѣренно, потомъ все громче и громче стали поговаривать о мобилизаціи 2-ой очереди, о какой-то таинственной бумагѣ, которая лежитъ въ правленьи нераспечатанной. Сходились у озера бабы и, перекидывая тяжелыя коромысла съ плеча на плечо, шептались о томъ, что на колокольнѣ, на самомъ крестѣ, каждую ночь кричитъ пугачъ

Поджимали губы, качали головами и охали до тѣхъ поръ, пока не синѣли отъ холода и не замерзала въ ведрахъ вода.

Смутное, тревожное настроеніе росло, народъ волновался ожиданіемъ чего-то большого и рѣшительнаго, начала новыхъ событій. Были робкія бунтарскія мысли, но не родились сильныя и крѣпкія чувства и воля, чтобы покончить со старымъ. Мысли разъѣдали, но новаго не вносили въ жизнь. И люди ждали толчка извнѣ, думая, что онъ дастъ имъ то, чего нѣтъ въ душѣ...

— Брехня!—упрямо твердилъ Монашкинъ на всѣ слухи.— Другая мобилизація! Брехня!.. Будетъ съ нихъ и одной! Чуютъ они!..

Онъ стучалъ сухимъ, твердымъ кулачкомъ, какъ камнемъ, по ладони и кричалъ:

— Ежели только они такъ — будетъ бунтъ! Повѣрьте моему слову! Всѣ забунтуютъ!.. Только этого народъ и ждетъ... Съ кѣмъ воевать? За что? Чужое охранять, а свое благопріобрѣтенное раззорять!.. Пу-скай только объявятъ! Пускай!..

По праздникамъ ѣздили въ станицу къ обѣднѣ. Въ однѣ сани наваливались кучкой человѣкъ по десяти. Оттуда пріѣзжали поздно,—казаки пьяные, а бабы голодныя и сердитыя.

— Ничего не извѣстно! Нѣтъ объявки! — махали руками казаки на разспросы. — Писарь говоритъ: може брехня, а може и нѣтъ!..

Семенъ искалъ мѣста. Онъ обошелъ начальника станціи, засѣдателя, слѣдователя, ѣздилъ въ сосѣднюю станицу. Вездѣ приходилось говорить о своей бѣдности, кланяться, держать руки по швамъ, робѣть предъ грубыми окриками, краснѣть отъ выговоровъ за безпокойство. На просителя привыкли смотрѣть, какъ на нищаго, явно презирали его и не пускали дальше крыльца. Придя домой, каждый разъ Семенъ чувствовалъ себя униженнымъ и разбитымъ, словно кто-то побилъ его.

Время шло, мѣста не находилось. Въ работники идти не хотѣлось, да и было ихъ только четверо на всю станицу. Будущее по-прежнему оставалось темной загадкой.

— Не иначе, какъ ѣхать тебѣ, Сема, въ городъ!..—часто совѣтовалъ ему Монашкинъ. — Не миновать! Какая тутъ должность! Злыдни, а не люди! Все на шермака норовятъ, задарма... Въ городѣ приличное мѣсто сыщешь...

Отецъ молчалъ и только крякалъ, поглядывая на сына. Что-то обиженное и сиротливое было во всей его худой фигурѣ, когда онъ, сгорбившись, сидѣлъ въ рваной рубашкѣ.

Видъ его угнеталъ Семена и упрекалъ въ бездѣятельности и тунеядствѣ.

Одинъ разъ отецъ возвратился со станціи шумный, довольный, велѣлъ ставить самоваръ, а потомъ въ однихъ чулкахъ сгорбился на табуреткѣ и, хлюпая чаемъ и обжигаясь, торопливо началъ разсказывать:

— Стою это я, значитъ, на плацформѣ. Народу не густо. Ну, думаю, пора по дворамъ... Глядь, подлетаетъ господинъ Пѣтуховъ, есаулъ, въ саквояжѣ. „Ты что здѣсь стоишь?..“ Признаться, дюже я оробѣлъ. Кабы чего не вышло!—Извозомъ, говорю, занимаюсь, ваше высокоблагородіе!—„Поѣдемъ!“ Привезъ, ничего. „Сколько?“ спрашиваетъ. Да,—молъ, сколько милость ваша будетъ! Гляжу, а онъ вынимаетъ по-олтину! „Дай, говоритъ, сдачи!“ — У меня, молъ, ваше высокоблагородіе, нѣтъ!—„Ну бери, говоритъ, все. Твое счастье!..“ Хо-орошій господинъ, дай Богъ здоровья!.. Прямо ко мнѣ подошелъ, на другихъ и окомъ не вскинулъ!.. Такъ во-отъ! Дюже образованный господинъ!..

— Будешь образованнымъ!—угрюмо замѣтилъ Семенъ:— сто цѣлковыхъ въ мѣсяцъ огребаетъ да жирѣетъ, какъ станичный жеребецъ...

— Не въ томъ, чудакъ-человѣкъ! Уваженіе оказалъ старику! Вотъ въ чемъ разговоръ. Да... Видалъ я, стало быть, еще Кузьму Калачева. Опять записался въ стражники. Ну, говоритъ, житье-малина! Служба легкая, всѣ тебя уважаютъ, чаемъ поятъ. А жалованье само собой!..

Старикъ захлебнулся, закашлялся и покосился на сына покраснѣвшими, испытующими глазами. Намекъ былъ ясенъ и наивенъ. Старику хотѣлось пристроить Семена, и съ жадностью голоднаго онъ бросался на первый попавшійся кусокъ, не разсуждая, не понимая и раздражаясь упрямствомъ сына.

Надо бы доказать ему, убѣдить, но гдѣ взять такое могучее слово, которое было бы сильнѣе голода?..

Семенъ надѣлъ шубу и ушелъ къ поселковому.

X.

Атаманъ съ утра былъ разстроенъ. Онъ разогналъ писарятъ, обругалъ помощника и то-и-дѣло заглядывалъ въ сторожевскую, гдѣ, откинувъ багровую голову и выпучивъ глаза, медленно тянулъ изъ горлышка пиво. Окружной прислалъ напоминаніе о скорѣйшей отправкѣ стражниковъ.

Огнемъ жгли, бросали въ потъ страшныя слова, густо подчеркнутыя карандашемъ: „Люди нужны въ имѣнье. На-

дѣюсь, атаманъ, что не оскудѣлъ тихій Донъ, и вы сумѣете подобрать казаковъ, стойкихъ и надежныхъ, которые покажутъ себя достойными сынами Дона. Въ эшелонѣ непремѣнно долженъ быть урядникъ...“

Атаманъ въ смущеніи чесалъ бритый подбородокъ, вздыхалъ и чувствовалъ себя окончательно погибшимъ человѣкомъ.

„Гм!.. Къ высокой особѣ! Вотъ такъ задача!..“—бормоталъ онъ: „Гдѣ-же ихъ взять у чортовой матери, стойкихъ-то?.. Всѣ воришки, озорники! Развѣ хорошаго загонишь?.. Хоть-бы урядничишка-то какой-нибудь попался!.. Они, сукины сыны, готовы съ голоду подохнуть, лишь бы за женину юбку держаться!..“

Дѣло принимало серьезный оборотъ. Окружной строгъ и напоминать не любитъ. Кромѣ того, близились выборы...

Когда въ канцелярію бокомъ, нерѣшительно, влѣзъ Семенъ Люлькинъ, атаманъ встрѣтилъ его неподвижнымъ угрюмымъ взглядомъ исподлобья. Но потомъ черныя брови его вдругъ зашевелились, какъ живыя піявки, на сѣдомъ лицѣ, и щеки дрогнули отъ улыбки. Онъ вспомнилъ, что Люлькинъ—урядникъ. Не давъ Семену поклониться, онъ великодушно протянулъ руку.

— Ты вотъ что, Люлькинъ! Чѣмъ тебѣ тутъ снѣгъ-то утаптывать да бабъ портить, записывайся-ка, братъ, въ стражники! А?.. Тридцать рублей, на боку лежа, будешь получать. Людей подъ началомъ имѣть! А?.. И сытъ, и пьянъ, и носъ въ табакѣ!.. А?..

Семенъ слѣдилъ за игрой своихъ рукъ, не давая имъ опускаться по швамъ. Онъ совалъ ихъ въ карманы, закидывалъ назадъ, наконецъ, подобравъ шапку подъ мышку, замкнулъ ихъ пальцами на животѣ и успокоился.

— Я уже разсуждалъ объ этомъ, ваше благородіе! — началъ онъ развязно.—Ну, нашелъ неподходящимъ. Очень поганая служба!..

— То есть, какъ это—поганая? У высокой особы—поганая?.. Ты лишнихъ словъ, Люлькинъ, въ казенномъ мѣстѣ не выражай!..

Атаманъ нахмурился и отвернулся.

— Въ городѣ на штатскую должность хочу поступить. Дозвольте мнѣ отпускъ. Потому, какъ кормиться мнѣ уже совсѣмъ нечѣмъ, родители въ преклонномъ возрастѣ...

Семенъ чувствовалъ, что говоритъ неубѣдительно, что доводы его слабы. Нужно кричать и требовать, ударить словомъ по сердцу, какъ острымъ камнемъ. Такія слова жили въ мозгу, но были они большими и никакъ не укладывались въ узкія формы готовыхъ фразъ.

Онъ въ волненіи вытянулъ ладонь лодочкой, какъ-бы для подаянія, и шагнулъ впередъ.

— Не хочу я въ военную службу!.. Я своего ищу!.. По совѣсти... Какъ прочіе живутъ...—проговорилъ онъ, потѣя.

— Дуракъ!—сердито и коротко отрубилъ атаманъ, поворачиваясь къ нему бокомъ.—Не хватай руками за столъ! — заревѣлъ онъ вдругъ:—тутъ дѣло казенное, бумаги лежатъ, а ты хватаешь! Осади назадъ!.. „Не хочу!" Велика птица! Не хочешь, да пойдешь!.. Сперва во вторую очередь перейди, тогда и отпускъ проси!.. Хвать, мобилизація, гдѣ тебя искать у чортовой матери!.. Нѣтъ отпуска! Не велѣно... Даютъ тебѣ кусокъ, ну и бери, не топырься!

Поблѣднѣвъ отъ отчаянной рѣшимости, Семенъ отступилъ назадъ и сказалъ:

— Я наказному буду жаловаться на ваши поступки!..

— Ступай, жалуйся!... Ахъ, чортъ паршивый! Жаловаться хочетъ!—обернулся атаманъ къ писарю. Тотъ осторожно вынулъ кусочекъ ваты изъ уха и наставилъ его въ эту сторону, вынулъ изъ другого и улыбнулся.

— Я тебѣ покажу жалобу! Ты у меня еще въ плодовомъ табунѣ послужишь!.. Молчать!.. Помни, что я тебѣ въ лѣсу сказалъ! Почему ты ослушался и не пришелъ на отсидку?..

Дальше произошло что-то такое, что потомъ всю жизнь вспоминалось, какъ сонъ. Полусознательныя, порывистыя движенія, горячая волна въ головѣ, громкія, какъ удары, слова, заскакивающія впередъ мысли... Кричалъ атаманъ, оскорбленный и обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, кричалъ яростно, съ хрипомъ, вертясь на стулѣ, какъ на стержнѣ. Кричалъ Семенъ, колотя себя въ грудь кулакомъ и стараясь доказать свое неотъемлемое право устраивать жизнь по своему разумѣнію и желанію. Глядя на нихъ, кричалъ и писарь и лѣзъ черезъ столъ, хватая воздухъ длинными руками. А въ дверной щели шевелились усы сидѣльцевъ и сверкалъ рядъ жадныхъ глазъ...

Затѣмъ Семенъ очутился въ высокой, полутемной комнатѣ съ рѣшетчатымъ окномъ и измочаленнымъ, какъ въ конюшнѣ, поломъ. На первыхъ порахъ Семенъ кричалъ и здѣсь и рвался все что-то доказать. Но потомъ затихъ и сѣлъ на нары, какъ будто примирившись съ своимъ положеніемъ...

Съ колокольни доносился далекій звонъ, въ который причудливо вплетались охающіе крики галокъ. Звуки мирные, спокойные, но теперь они почему-то казались неумѣстными, страшными и такими навсегда застыли въ ушахъ.

Когда Семенъ увидѣлъ въ окно клочокъ розоваго вечер-

няго неба, мысль о ночевкѣ здѣсь показалась ему настолько дикой, что никакъ не могла умѣститься въ головѣ.

— Отворите! Все правленье расшибу!..—закричалъ онъ, дрожа отъ негодованія, задыхаясь и гулко колотя сапогами по нарамъ.

Звонкая пустота хватала звуки, бросала ихъ изъ угла въ уголъ, какъ резиновый мячъ, и, наигравшись, глотала гдѣ-то у потолка.

Подчиняясь бѣшеному порыву бить и ломать, Семенъ подскочилъ къ дверямъ и заколотилъ кулаками и сапогами.

— Какой тамъ чортъ еще буянитъ! Мебель казенную бьетъ!.. — послышался въ коридорѣ чей-то басистый, лѣнивый голосъ, и долго звенѣли шаги, приближаясь къ двери.

— Али усмиреніе дать?..

Въ пріотворенную дверь просунулась голова въ заломленной на затылокъ фуражкѣ. Скорѣе по голосу, чѣмъ по лицу, Семенъ узналъ приказнаго Ковалева.

— Люлькинъ! Дружина! Ха-ха-ха!.. За какимъ дьяволомъ тебя сюда занесло?.. — радостно воскликнулъ приказный, поднимая брови.—Здо-оровая штука!.. Пойдемъ къ намъ!.. Никакихъ чертей!..

Онъ взялъ Семена подъ руку и потащилъ въ дверь.

— Ушелъ хайло-то! Наорался и пошелъ пиво жраты!.. И мы выпьемъ, ядри ее кочерыжку!.. „Пу-скай не лю-убитъ! Пу-скай разлю-убитъ!..“ Нынче весь день пьяный! Здоровая хабара попала. Захватилъ съ обходомъ у Саньки-Венгерки какого-то станціоннаго. Ну, привязался, хотѣлъ посадить, а онъ намъ рублевку выкинулъ!.. „Пускай не лю-убитъ!..“ Никакихъ чертей не признаю!..

Рядомъ съ майданомъ была длинная комната, гдѣ ночевали сидѣльцы, отбывающіе полицейскую службу. Было здѣсь пусто, просторно и звонко. Боролись, пѣли, хохотали здоровыми глотками молодые праздные казаки и хлопали другъ друга по носамъ тяжелыми картами.

Всю ночь пилъ и игралъ съ ними Семенъ, а въ арестантской на нарахъ спалъ пьяный сидѣлецъ, закрытый тулупомъ.

XI.

Все уже стягивался кругъ, и съ каждымъ днемъ яснѣе видѣлъ это Семенъ. Два раза присылалъ атаманъ, и оба раза Семену приходилось прятаться. Казаки говорили, что атаманъ хочетъ поставить его къ плодовому табуну. Глупая, скучная и унизительная служба голодному караулить сытыхъ жеребцовъ!..

На смотру Семена обругалъ приставъ и пригрозилъ посадить за то, что не оказалось парадныхъ шароваръ.

Дома давила нужда, попреки, бездѣятельность и скука. Въ будущемъ было: или грубыя придирки атамана, рядъ униженій, или мобилизація, или необходимость идти въ работники... Не хотѣлось быть ни урядникомъ, ни казакомъ, а просто свободнымъ человѣкомъ, имѣющимъ свою волю, свой уголъ, свой уютъ, свою любовь, на которую не показывали бы пальцами. Весь бы день возиться на дворѣ, чистить навозъ, починять плетни, а ночью спать крѣпко и долго, безъ думъ. По праздникамъ ѣздить въ станицу, не стыдиться овчинной шубы, пѣть, плясать и буянить въ кабакѣ...

Съ отцомъ послѣ ареста установились какія-то странныя, молчаливыя отношенія, что-то холодное и недружелюбное встало между ними. Старикъ не разспрашивалъ, но, очевидно, все зналъ и томился, вынашивая въ сердцѣ обиду. Оба упорно молчали и понимали, что молчатъ объ одномъ и томъ же, и что разговоръ на непріятную тему рано или поздно неизбѣженъ.

Какъ-то въ концѣ ноября прибѣжала Катерина въ желтомъ, длинномъ тулупѣ, съ опухшими глазами. Мѣшая слова съ плачемъ, она разсказала, что отецъ приставалъ къ ней съ гнуснымъ предложеніемъ и грозитъ выдать за богатаго старика Чикмарева, который сватается еще съ весны.

— Сема! Родной!.. Не хочу я! Не хочу!.. Я къ тебѣ хочу...— рыдала она, колотясь головой объ грудь Семена.—Возьми меня!.. Говоритъ, въ мясоѣдъ свадьба...

Хмурый и сосредоточенный, Семенъ долго молчалъ, глядя на ея качающійся затылокъ.

— Не отдастъ!..—хрипло крикнулъ онъ и поблѣднѣлъ, сжавъ кулаки.—Я ихъ, старыхъ кобелей, жизни рѣшу!.. Я ему покажу, какъ за молодыми гоняться!..

Взволнованный, съ бѣшеными глазами, готовый на все, онъ порывался идти къ Глазкову сейчасъ же и искалъ ружье, а мать хватала его за руки. До сихъ поръ ему казалось, что связь съ Катериной временная, и ее легко порвать, стоитъ только захотѣть. Но теперь отъ одной мысли, что у Катерины будетъ мужъ, у него темнѣло въ глазахъ и холодѣли ноги. Оказалось, что Катерина для него необходима, какъ воздухъ, что онъ ее любитъ, и жизнь безъ нея не возможна. Это открытіе почему-то разсердило его.

— Ну, будетъ ревѣть-то! Сказано, не удастся имъ,—и больше ничего!.. До мясоѣда далеко. Нечего тутъ!..—грубо сказалъ онъ и, сѣвъ на кровать, долго о чемъ-то думалъ.

— Ишь, дѣло-то какъ повернулось! А!.. Боже мой... За-

губятъ бабенку!..—смущенно бормоталъ старикъ и моргалъ красными глазами.

Катерина скоро успокоилась и начала уже смѣяться.

Семенъ надѣлъ шапку и проводилъ ее до плотины. Здѣсь онъ какъ-то сразу размякъ, отдался чувству и съ влажными глазами долго цѣловалъ Катерину въ холодныя, румяныя и твердыя, какъ осеннее яблоко, щеки. И ему казалось, что онъ въ первый разъ цѣлуетъ эти губы и щеки, какъ будто не было прошлаго и не было скучной привычки къ женщинѣ. Изъ распахнувшагося тулупа шелъ теплый знакомый запахъ ея тѣла, который былъ тоже новымъ и волновалъ по новому, сладкимъ, разслабляющимъ туманомъ наполняя голову.

— Никому я тебя не отдамъ, любушка!.. Зубами буду рвать всѣхъ! Жизни рѣшу! Не уступлю!.. Потерпи трошки, уѣдемъ...—бормоталъ онъ, прижимаясь и тиская ее въ рукахъ подъ тулупомъ.

Раньше онъ зналъ въ ней одно только тѣло, дававшее ему наслажденіе, теперь же почему-то вдругъ ясно почувствовалъ и увидалъ ея душу, душу страдающаго, любящаго человѣка, близкаго и дорогого въ своемъ одиночествѣ. И это двойное обаяніе красиваго тѣла и родной души было могуче и непобѣдимо. Хотѣлось смять Катерину въ маленькій комочекъ, взять на руки и съ нѣжной заботой унести далеко, далеко въ новую радостную, чистую жизнь...

Былъ уже вечеръ, когда Семенъ возвращался домой. Розовый снѣгъ млѣлъ въ холодномъ воздухѣ. Горбатой синей тѣнью печаталась на закатѣ гора, и золотой обрѣзъ ея горѣлъ и искрился въ послѣднихъ лучахъ. Кровавыми пятнами тянулись отъ озера съ водопоя быки, и вереницей бѣжали овцы, шлепая и гремя обмерзшими, грязными хвостами. Курились бѣлыя хаты, и гулкими испуганными криками наполняли небо галки.

Старикъ что-то разсказывалъ матери и оживленно дергалъ локтями, но, увидавъ сына, замолчалъ. По его пытливому, ищущему взгляду Семенъ догадался, что говорили о немъ, и что ему на этотъ разъ не избѣжать непріятныхъ объясненій. Сразу стало скучно, пусто въ душѣ и захотѣлось уйти, убѣжать за Катериной.

Сѣли вечерять. Старикъ долго гонялъ языкомъ по рту кусокъ хлѣба, обмакнутый въ кислое молоко, и нерѣшительно началъ:

— Болтаютъ казаки, будто ты, Сема, въ жигулевкѣ сидѣлъ за прекословіе... Нехорошее дѣло! А-яй!... Не знаю, чего ты, парень, добиваешься!.. Мыслимое дѣло! Господина атамана за грудки схватилъ! А?..

— Да мнѣ чортъ съ нимъ и съ атаманомъ! Низкое мнѣ-

ніе о себѣ никому не позволю выражать! Вотъ и все. Сидѣлъ и сидѣлъ—никому дѣла до этого нѣтъ!..

— Да!... Господинъ атаманъ добра желалъ, ваканцію давалъ. Жалованье, говоритъ, само собой, а весной паекъ выкупишь. А онъ за грудки!.. Заважничалъ ты очень!.. Такъ во-о-тъ!..

— Не хочу я въ стражники!—крикнулъ Семенъ и всталъ, бросивъ ложку.—Надоѣла мнѣ собачья жизнь! Не хочу!.. И прекратите всякій вашъ разговоръ!..

Старикъ тоже выскочилъ изъ-за стола и съ грохотомъ уронилъ табуретку.

— А чужой хлѣбъ хочешь ѣсть? — взвизгнулъ онъ, и глаза у него округлились, какъ у кошки.—Пріѣхалъ къ господину Емельянову, а онъ и говоритъ: „Такого лодыря кормишь, да еще съ бабой!.. Пошелъ, говоритъ, вонъ, старый дуракъ!..“ Люди смѣются! Я отецъ! Мнѣ больно!.. Ишь какой господинъ! „Не хочу!“ А я хочу!.. Я не посмотрю, что ты урядникъ! Должонъ старика-отца почитать и слушаться...

Быстро наростала злоба и подчиняла мысль, ядомъ несправедливости отравляя слова.

— Здоровая птица—отецъ! Не кричи, не очень испугался!.. Можетъ, я самъ два раза отецъ!.. Замолчи, не раздражай! Что ты присталъ, какъ...

У старика поднялись волосы, какъ перья у пѣтуха, задергалась борода и все лицо.

— Пшелъ изъ моего дома! Вонъ!.. Непочетчикъ... Я тутъ хозяинъ!.. Не желаю!.. Пшелъ!..

Они стояли лицомъ къ лицу, какъ два разъяренныхъ звѣря, готовые вцѣпиться другъ въ друга. Старикъ сучилъ кулаками и притопывалъ ногами, а Семенъ развернулся въ вызывающей позѣ.

Металась между ними, какъ между двухъ огней, блѣдная, трясущаяся старуха, хватая за руки то одного, то другого.

— Болѣзные мои! Родные! Не деритесь!.. Чадушки мои!.. Не деритесь!..—кричала она точно такимъ же визгливымъ высокимъ голосомъ, какъ и старикъ. И трудно было разобраться, что кричитъ она и что отецъ.

— Нѣтъ тебѣ родительскаго благословенія! Озорникъ! Вонъ изъ дома!..

Семенъ, тяжело дыша, сѣлъ на стулъ и замолчалъ. Старикъ долго еще выкрикивалъ бранныя слова, грозилъ, но тоже уже замѣтно остывалъ.

Внезапно обратилъ на себя вниманіе какой-то новый щелкающій звукъ. Черный, блестящій котъ, сидя на столѣ,

ѣлъ изъ чашки молоко, сладострастно извивая хвостомъ и передвигая имъ ложки.

Старикъ и мать съ дикой яростью накинулись на него, какъ будто это и былъ ихъ злѣйшій врагъ, закричали, загремѣли табуретками и долго гонялись съ палками по хатѣ. Когда кота выкинули за дверь, старикъ совсѣмъ успокоился, залѣзъ за столъ и сталъ изъ этой же чашки доѣдать молоко...

Семенъ ушелъ въ горницу и легъ на кровать. Сѣрѣли запотѣвшія, холодныя окна, а въ одномъ изъ нихъ дробился пыльный золотой кружокъ отъ всходившей гдѣ-то луны.

Въ сердцѣ ныла тупая боль. Чувство огромной обиды разрывало грудь. И въ этой обидѣ не былъ виноватъ ни отецъ, ни другіе, а вся жизнь, огромная и страшная, предъ которой Семенъ началъ чувствовать себя ничтожнымъ, раздавленнымъ...

Когда подушка подъ щекой стала сырой и холодной, Семенъ выругался и перевернулся на другой бокъ. Почему-то болѣла шея и неловко было лежать. Собачій лай подъ окномъ, звонкій, какъ въ пустой бочкѣ, раздражалъ и не давалъ забыться. Семенъ перевалился на спину и уже ясно почувствовалъ всѣмъ своимъ тѣломъ, что ему не уснуть...

Такъ онъ ворочался и думалъ всю ночь.

А на утро молча вычистилъ сапоги, надѣлъ старыя резиновыя калоши, пошелъ въ правленіе и записался въ стражники.

XII.

Опять высоко взгромоздившись на сундукъ, ѣхалъ старикъ Люлькинъ въ заплатанномъ овчинномъ тулупѣ и отчаянно дергалъ локтями, понукая кобылу. Накрытый попоной, неохотно шелъ рядомъ Симка и печально моталъ головой, какъ будто чувствуя себя виноватымъ. Семенъ въ короткомъ темномъ пиджакѣ и огромной, мохнатой шапкѣ похожій на разбойника, мрачно шагалъ сзади, глядя себѣ подъ ноги.

Выпили мало, настроеніе было тяжелое, и дядя Сергѣй напрасно тормошилъ сзади бабъ и заставлялъ пѣть. Грустно и жалко чернѣла кучка людей среди мертваго бѣлаго поля, и въ торопливомъ, молчаливомъ шествіи ея чудилось что-то похоронное.

Дулъ ровный сырой вѣтеръ, и красныя вербы у плотины гудѣли мерзлыми вѣтвями уныло и протяжно, какъ проволока. Сѣрое, скучное небо давило землю, грязнило дали снѣгъ, такой нѣжный и яркій подъ солнцемъ. И такъ же,

какъ грязь, онъ липнулъ къ ногамъ и острыми кочками сбивался на каблукахъ, мѣшая идти.

Точно времени никто не зналъ, и на вокзалъ пріѣхали рано, часа за три до поѣзда.. По этому поводу стали выпивать. Подъѣхали другіе стражники, и маленькій буфетъ наполнился народомъ, зашумѣлъ. Запѣли пѣсни.

Семенъ скоро захмелѣлъ и впалъ въ безпокойно-суетливое, дѣловое настроеніе. Когда грузились, онъ безтолково метался по платформѣ съ озабоченнымъ видомъ.

— Гдѣ сѣдло?.. Гдѣ шашка?.. Шинель положили?..—коротко и торопливо, словно задыхаясь, спрашивалъ онъ товарищей.

— Ну, слава Богу! Все погрузили, уложили!..—подбѣгалъ онъ то къ матери, то къ отцу.

— Смотри, сынокъ, кабы того... не уперли что! Поглядывай!..—робко совѣтывалъ старикъ.

Пришелъ на проводы и Монашкинъ. Онъ стоялъ въ сторонѣ, твердый и прямой, какъ кочерыжка, неподвижно смотрѣлъ вдаль и по своему загадочно крякалъ, какъ будто важное что таилъ про себя. Семену все время казалось, что это онъ смѣется надъ его малодушіемъ. Краска стыда жгла лицо. Онъ подошелъ и сконфуженно развелъ руками, какъ-бы извиняясь.

— Ну, ничего не подѣлаешь, милый дядяша! Прижали къ самому краю!.. Никакой вакансіи не выходитъ... И самъ бы я забунтовалъ, ну, нельзя - присяжный человѣкъ! Подъ разстрѣлъ попадешь... Какъ есть въ кругъ попалъ... Силóмъ тянутъ...

И опять у него не хватило словъ, и онъ понялъ, что сказанное мелко и ничтожно, а упомянуть о Катеринѣ почему-то было стыдно.

Старикъ поморгалъ глазами, подумалъ и сшибъ на затылокъ шапку.

— Въ кругъ, говоришь, попалъ? Ну, такъ ломай его, рви!.. А ты концовъ ищешь, нѣтъ ли щелки, какъ бы пролѣзть! Ты не лазь, а бей прямо! Гадина только на пузѣ-то лазитъ... Чуть нажали, вы уже и сдаваться! Нѣтъ, ты за это дѣло все отдай, ходъ другимъ покажи!.. То-то!.. Думалъ я про васъ, надѣялся. Вотъ, молъ, молодые дойдутъ, подрастутъ наши орлы, всю жизнь перевернутъ... А вы такое же дрянцо, хуже насъ стариковъ!.. Намъ-то скоро помирать, а вамъ жить надо...

— Эхъ, милый дядяша!—съ горечью воскликнулъ Семенъ и тряхнулъ краснымъ, взволнованнымъ лицомъ.—Орлы-то были, да перемерли! Коршуны теперь народились... Говорятъ: „казаки-удальцы, казаки-смѣльчаки". Брешутъ это люди, дя-

дяша! Брешутъ... Нѣтъ у насъ смѣлости. Вонъ мой старикъ. Ему 65 лѣтъ, скоро въ рай пойдетъ, а какъ увидитъ начальство,—поджилки трясутся и штаны спадаютъ... Потому служба да нужда... А отъ стариковъ и къ намъ перешло. Гдѣ намъ чего взять? Гдѣ поучиться?.. Эхъ!—крикнулъ онъ вдругъ, взмахнувъ рукой:—подрался бы я теперь!.. Попадись атаманъ, показалъ бы развязку! Все равно!.. Вотъ до чего болитъ мое сердце, дядяша!..

Лука Чижовъ, пьяный, слюнявый, белъ шапки, толкался среди казаковъ.

— Вы ужъ, милые сосѣдушки, бабу тутъ мою не обижайте! Остается она съ малыми ребятами, можно сказать, безо всякаго призора... А, между прочимъ, фуражки моей тутъ не примѣчали?.. Что за чо-ортъ! Куда-жъ она, дьяволъ, дѣлась!..

„Ой-да скоро миленькій уѣде-етъ,
Ой-да скоро скроется изъ гла-азъ!..“

Печально и тоскливо звенѣли на платформѣ высокіе женскіе голоса и чистой дорогой струей вливались въ пьяный мутный водоворотъ крикливыхъ словъ.

„Ой-да скрò“...—крякалъ дядя Сергѣй сочнымъ баритономъ и смолкалъ, расправляя усы и поджидая, пока женскіе голоса извивались и плакали въ сложной фіоритурѣ.

„...ое-оется изъ гла-азъ!..“—подхватывалъ онъ, поддерживая нѣжные, слабѣющіе отъ печали и уже готовые пасть голоса.

Стояла тутъ же и Катерина... И гдѣ бы ни былъ Семенъ, что бы ни дѣлалъ, онъ видѣлъ и чувствовалъ на себѣ ея большіе, сѣрые глаза, изъ которыхъ глядѣла на него огромная тоска и вся жгучая любовь обиженнаго женскаго сердца...

Шипя и содрогая вокзалъ, бодро подкатилъ поѣздъ и, тяжело выдохнувъ остатки пара, остановился. Началась обычная безтолковая, шумная суета, какъ-будто произошло внезапное несчастье.

Прицѣпили воинскій вагонъ, и казаки стали прощаться.

— Ты ужъ, Сема, того...—слабымъ голосомъ говорилъ отецъ:—слово какое жесткое, али что... Ты ужъ извиняй старика!.. И самъ не радъ, съ сердцемъ не совладаешь... Извиняй, милый! Можетъ, больше не увидимся! Старый я...

Голосъ у него перешелъ въ шепотъ, и задрожали губы.

— Ничего, милый батенька! Не тужи! Вернусь весной, пай выручимъ... Али наша судьба въ лѣсъ убѣжала? Али въ синемъ морѣ потонула?..—утѣшалъ Семенъ стариковъ, стараясь казаться развязнымъ, но голосъ его звучалъ глухо, словно давился словами.

Старикъ молча слушалъ и вытиралъ слезы шапкой, какъ обиженный ребенокъ.

Мать не плакала. Въ бѣлой овчинной шубкѣ, съ маленькимъ, сморщеннымъ, какъ печеное яблоко, лицомъ, она была похожа на дѣвочку, которая не знаетъ, что ей дѣлать—плакать, молиться или проклинать. И взглядъ у нея былъ растерянный, недоумѣвающій. Зачѣмъ отрываютъ отъ сердца кровавый кусокъ? Почему вдругъ подъ старость такой пустой и голой становится жизнь?.. Скоро черная, страшная пасть могилы безвозвратно проглотитъ ее, а она еще не видала радости, не успѣла даже наглядѣться на сына, о которомъ тосковала и молилась длинными безсонными ночами...

Она ничего не понимала. Одно только она видѣла ясно: и тогда умчала сына эта проклятая красная, глазастая змѣя съ черными дьяволами, которые копаются и свистятъ около трубы. И теперь она же увозитъ его опять куда-то въ темноту неизвѣстности, за грань понятной, знакомой жизни. Она—живая, эта гадюка, иначе она не сдѣлала бы столько зла!.. И старуха ненавидѣла ее всею ненавистью своей маленькой души, всѣми своими робкими мыслями. Все время она презрительно косилась въ ту сторону, гдѣ шипѣлъ ея злѣйшій врагъ—паровозъ...

Предъ третьимъ звонкомъ Катерина вдругъ смертельно поблѣднѣла, потеряла самообладаніе и, рѣзко вскрикнувъ, кинулась къ Семену, не стѣсняясь постороннихъ. Дрожа всѣмъ тѣломъ и плача и цѣлуя, она обнимала его за плечи, за шею, впиваясь пальцами.

— Не бросай!.. Я съ тобой поѣду!.. Сема! Родной! Свѣтъ мой!.. Не бросай!—захлебывалась она слезами и металась, какъ въ предсмертной тоскѣ. Платокъ у нея сбился и упалъ кольцомъ на желтый воротникъ шубы, краснѣли отъ холода уши, а иней пудрилъ темные волосы.

— Катя! Катя! Не хорошо! Люди смотрятъ!..—шептала сестра, оттаскивая ее за рукавъ.

Семенъ сконфузился отъ неожиданности. Казалось, остановилась суета, замерли люди и смотрятъ на нихъ удивленными глазами. Но вотъ стукнуло рѣзкимъ толчкомъ сердце и разъ, и два, сдавило грудь, и руки сами упали на плечи Катерины.

— Развѣ я оставлю тебя сиротой, болѣзная моя?—съ нѣжной грустью сказалъ онъ.—Не плачь! Сейчасъ мнѣ некуда тебя дѣть. Пріѣду на мѣсто, огляжусь,—получишь письмо. Вяжи узлы, выправляй видъ и ѣзжай! Судьба наша—вмѣстѣ горе мыкать! Жди!..

„Взвейся, да ты взве-ейся, сизый голубо-очикъ!
Взвейся да ты надо мно-о-ой!..“

Выговаривалъ дядя Сергѣй, раскачиваясь, присѣдая въ тактъ и дирижируя руками предъ бабами. И опять вилась печальная пѣсня и острой тоской впивалась въ сердце...

Дерзко рявкнулъ паровозъ и сразу оборвалъ пѣсню. Заплакали дѣти, казаки замахали шапками. Но не грянула оттуда пѣсня, не прозвучало бодрое слово. Не за славой и подвигами ѣхали, и, быть можетъ, ненужная, рабская смерть ждала ихъ въ туманной дали...

— Ну, прощай, миляга!..

— Путь-дорога, милые мои!.. Дай Богъ живыми, здоровыми назадъ вернуться!..

—Денегъ привозите больше, ядри вашу кочку! Денегъ!..— оралъ дядя Сергѣй, грозя кулакомъ.

Дрогнула и поплыла мимо платформа.

Семенъ старался казаться равнодушнымъ и, напряженно выпучивъ глаза, стоялъ на площадкѣ 3-го класса. Но когда взглядъ его въ послѣдній разъ, уже назади, задержался на старикахъ и Катеринѣ, которые стояли отдѣльной группой,— эти близкіе, дорогіе люди показались ему такими маленькими, жалкими и убитыми, что захватило дыханіе. Какое-то жуткое предчувствіе рвануло сердце, и почему-то вдругъ вспомнилась розовая вода на озерѣ, желтые камыши и тополи, далекій звонъ балабоновъ, пѣсни, вспомнилась сразу вся золотая, милая и беззаботная осень. И стало невыносимо тяжело...

Онъ кинулся зачѣмъ-то на другую сторону, потомъ метнулся обратно, навалился на желѣзныя перильца и, вися надъ крутящейся землей, все смотрѣлъ и смотрѣлъ назадъ. А слезы тихо катились по лицу и холодными капельками дрожали на усахъ...

Ив. Сазановъ.

Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ.

IX.

Въ области политическихъ реформъ предположенія декабристовъ такъ же не оставались неизмѣнными, какъ и въ области соціальныхъ преобразованій; съ этимъ развитіемъ ихъ идей необходимо считаться, чтобы не принимать за окончательное рѣшеніе того, что было лишь временнымъ мнѣніемъ одного изъ нихъ. Даже Пестель не сразу проникся республиканскими идеями (несмотря на то, что Новиковъ, членъ Союза Спасенія, отстаивалъ предъ нимъ республиканское устройство) и сохранился его набросокъ на франц. языкѣ, гдѣ «на вершинѣ соціальнаго зданія» еще поставленъ «государь и его августѣйшее семейство». Имъ было написано также разсужденіе о верховной власти, гдѣ соображенія въ пользу монархіи были развиты подробнѣе, чѣмъ въ пользу республики. Пестель показывалъ Н. Муравьеву краткій проектъ конституціи, составленный, если вѣрить Муравьеву, въ 1820 г. (но, быть можетъ, въ дѣйствительности нѣсколько ранѣе), гдѣ исполнительная власть и участіе въ законодательной предоставлялись императору, законодательная власть принадлежала народному вѣчу, состоящему изъ 1000 членовъ, избираемыхъ на два года, при чемъ половина выходила по жребію и замѣнялась новыми, а «умѣрительная» власть находилась въ рукахъ сената, члены котораго назначались императоромъ изъ числа кандидатовъ, представляемыхъ ему вѣчемъ. Члены вѣча избирались двухстепенными выборами, при чемъ для участія въ выборахъ первой степени не требовалось имущественнаго ценза; въ нихъ могли участвовать всѣ совершеннолѣтніе м. п. Но чтобы быть «избирателемъ представителей» въ народное вѣче, нужно было «имѣть извѣстное состояніе».

Однако, отъ этихъ первоначальныхъ предположеній Пестель быстро эволюціонировалъ влѣво, при чемъ очень важную роль сыграла книга Дэтю де-Траси, «Комментаріи на Духъ Законовъ Монтескьё», извѣстная ему въ изданіи, вышедшемъ въ Парижѣ въ

1819 г. Уже въ началѣ 1820 г., на собраніи у Глинки, Пестель, какъ мы видѣли въ IV главѣ, изложилъ выгоды и невыгоды монархіи и республики такимъ образомъ, что всѣ присутствовавшіе въ совѣщаніи голосовали за республику. Въ отрицательномъ отношеніи къ конституціонной монархіи его поддерживала горячая ненависть, какъ къ феодальной аристократіи, такъ и къ богатой, могущественной буржуазіи, любовь къ бѣднякамъ, живущимъ своимъ трудомъ, убѣжденія, что аристократы, стоящіе стѣною между монархомъ и народомъ, скрываютъ, ради собственныхъ выгодъ, истинное положеніе послѣдняго. Развитію республиканскихъ идей Пестеля содѣйствовали и революціи въ Испаніи, Неаполѣ и Португаліи (1820 г.).

Между тѣмъ, какъ проекты Пестеля становились все радикальнѣе, Н. Муравьевъ, подавъ голосъ на совѣщаніи у Глинки въ 1820 г. за республику, склонился при составленіи своего проекта конституціи къ болѣе умѣреннымъ взглядамъ. Въ одномъ изъ своихъ показаній онъ говоритъ, что въ 1821—22 гг. убѣдился въ необходимости конституціонной монархіи, которую Тайному Обществу было бы легче осуществить, Пестелю же онъ писалъ, что составляетъ конституцію «въ монархическомъ смыслѣ» не потому, чтобы сочувствовалъ монархіи болѣе, чѣмъ республикѣ, что, напротивъ, самъ лично онъ остается такимъ же приверженцемъ республиканскаго правленія, какъ и прежде, но чтобы, по выраженію Пестеля, «сблизиться съ понятіями вновь вступающихъ въ общество членовъ». Н. Муравьевъ надѣялся даже убѣдить въ необходимости введенія конституціоннаго строя и императорскую фамилію, но если бы она на это не согласилась, то, по его собственному показанію, онъ считалъ необходимымъ изгнать ее и ввести республику.

Муравьевъ, положивъ въ основу своего проекта конституціонную монархію, стремился какъ можно болѣе ограничить власть государя, предоставивъ широкія права народному вѣчу, состоящему изъ двухъ палатъ: палаты представителей и верховной думы, не только въ области законодательства, но и въ такихъ дѣлахъ, какъ объявленіе войны, дарованіе амнистіи, заключеніе мира, назначеніе главнокомандующихъ арміей и флота и другихъ высшихъ военныхъ начальниковъ. Но главнымъ порокомъ проекта Н. Муравьева было то значеніе, которое онъ придалъ имущественному цензу *).

*) По первой редакціи конституціи Н. Муравьева, чтобы быть избирателемъ, требовалось имѣть недвижимое имущество въ 500 р. или движимое—въ 1000 р. Муравьеву указали на неудобство этого постановленія относительно крестьянъ, которые имѣли землю не на правѣ собственности, а въ „общественномъ владѣніи", и обратили его вниманіе на то, что цензъ создаетъ «неравенство правъ и, слѣдовательно, различіе состоянія". Во второй редакціи онъ предоставилъ право участія въ выборахъ крестьянамъ некрѣпостнымъ (государственнымъ, удѣльнымъ, вольнымъ хлѣбопашцамъ и бывшимъ военнымъ поселянамъ), но установилъ выборы не прямые, а двустепенные, для участія же въ прямыхъ выбо-

При оцѣнкѣ конституціонныхъ плановъ Н. Муравьева нужно исходить не изъ нашихъ современныхъ понятій, а принимать во вниманіе тогдашнее состояніе Россіи и тѣ западные образцы, которыми онъ могъ руководствоваться. Правда, въ конституціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, которою онъ широко воспользовался при составленіи проекта, нѣтъ никакого имущественнаго ценза, но, очевидно, Муравьеву казалось, что въ Россіи это неосуществимо при данномъ соотношеніи реальныхъ силъ.

Н. Муравьеву была извѣстна и испанская конституція 1812 г. (учредившая кортесы изъ одной палаты), по которой въ первой степени выборовъ депутатовъ участвовали всѣ имѣвшіе въ немъ осѣдлость жители прихода со включеніемъ свѣтскаго духовенства, но самые выборы были четырехстепенные. Имущественнаго ценза не требовалось *).

рахъ повысилъ цензъ въ 10 разъ, т. е. установилъ его въ размѣрѣ 5000 р. сер. недвижимаго и 10.000 р. движимаго имущества. Пестель, даже и вообще, не находилъ возможнымъ ввести прямые выборы, но повышеніе Н. Муравьевымъ въ 10 разъ, сравнительно съ первою редакціею конституціи, ценза, необходимаго для прямого участія въ выборѣ депутатовъ, лишало избирательныхъ правъ большую часть городского населенія Россіи. Лишены были этихъ правъ и всѣ бывшіе крѣпостные, т. е. половина всего крестьянскаго населенія Россіи. Для пассивнаго ценза по 1-й редакціи, чтобы быть народнымъ представителемъ въ низшей палатѣ народнаго вѣча, а также, чтобы быть членомъ палаты выборныхъ въ законодательномъ собраніи одной изъ „державъ" и областей, на которыя дѣлилась Россія, нужно было имѣть движимое имущество въ 2000 р. или недвижимое въ 4.000 р.; по второй же редакціи пассивный цензъ въ обоихъ этихъ случаяхъ былъ отмѣненъ.—Члены верховной думы, т. е. верхней палаты народнаго вѣча, выбирались не прямыми выборами, а „правительственными сословіями державъ и областей", т. е. палатою выборныхъ и державною думою въ соединенномъ засѣданіи. Чтобы быть членомъ верховной думы, нужно было по обѣимъ редакціямъ конституціи владѣть недвижимымъ имуществомъ въ 30.000 или движимымъ въ 60.000 р. с. Имущественный цензъ требовался и для того, чтобы быть присяжнымъ засѣдателемъ (въ 1-й редакціи—500 р. недвижимаго имущества, а во второй уже 5.000 р.).—Около 1810 г. цѣна десятины казенной земли въ Воронежской губ. равнялась 30 р., въ Орловской—100 р. ас („Чтен. общ. ист. и древн. рос." 1860 г. т. II, 211). Въ 1820 г. цѣна земли должна была быть выше. Принявъ въ это время въ среднемъ стоимость десятины земли около 70 р. ас., т. е. около 20 р. серебромъ, мы получимъ, что только 1500 дес. земли (безъ крестьянъ) составляли бы требуемый имущественный цензъ. Что касается населенныхъ имѣній, то министръ финансовъ въ половинѣ 1820-хъ годовъ опредѣлялъ ихъ цѣнность съ души отъ 200 до 500 р. ас. (Иконниковъ „Графъ Мордвиновъ" 323); если принять въ среднемъ 350 р. ас. или 100 р. с., то для ценза въ 30 тыс. р. с. нужно было имѣть 300 душъ м. п.

*) Dufau, Duvergier et Guadet, Collection des constitutions P. t. V, 1823, p. 90—99. Г. Мейеръ, „Избирательное право. М. I. 65. Любопытно, что испанская конституція была признана русскимъ правительствомъ по трактату, заключенному между Россіею и Испаніею въ Великихъ Лукахъ 20 іюля 1812 г.

Въ Англіи для пользованія въ графствахъ избирательными правами при выборахъ въ нижнюю палату нужно было получать 40 шиллинговъ чистаго годового дохода *съ свободной поземельной собственности* (*freehold*), но такъ какъ земельныхъ собственниковъ было очень мало, а большинство населенія жило на наемной землѣ, то въ 1768 г. общее число избирателей не превышало въ Англіи 160.000 человѣкъ, и политическое господство въ этой странѣ находилось всецѣло въ рукахъ аристократіи. Чтобы быть депутатомъ отъ графства, нужно было имѣть очень высокій цензъ— 600 фунт. стерл. годового *дохода*, а для депутатовъ отъ города или мѣстечка — 300 ф. стерл.; Муравьевъ же установилъ въ первой редакціи проекта пассивный цензъ для народныхъ представителей въ 2.000 р. недвижимаго *имущества* (или 4.000 р. движимаго), а во второй—онъ совершенно отказался отъ него. Если принять во вниманіе, что въ выборахъ по 2-й редакціи конституціи могло принять участіе свободное крестьянство Россіи (хотя и по двухстепенной выборной системѣ), то мы убѣдимся, что избирательная система Муравьева для выборовъ въ низшую палату народнаго вѣча была неизмѣримо либеральнѣе англійской. Цензъ для присяжнаго засѣдателя въ 1-й редакціи былъ ниже, а во 2-й выше, чѣмъ въ Англіи, гдѣ для этого нужно было имѣть свободный участокъ земли, приносящій годовой доходъ въ 10 ф. стерл., или капиталъ, дающій 20 ф. стерл. *). Что же касается пассивнаго ценза для членовъ верхней палаты по проекту Н. Муравьева, то, при всей его чрезмѣрной величинѣ, нужно не забывать, что при сравненіи съ Англіею въ предположеніяхъ Муравьева была та положительная сторона, что членами верхней палаты должны были быть не наслѣдственные лорды, какъ большинство членовъ верхней палаты въ Англіи, а выбираемые, хотя бы и по двухстепенной системѣ и съ огромнымъ имущественнымъ цензомъ. Правда, большинство выбираемыхъ членовъ нынѣшняго государственнаго совѣта чрезвычайно плохо представляетъ интересы населенія именно потому, что выбирается по не демократической системѣ, но Муравьевъ не имѣлъ въ виду такого опыта.

По французской конституціи 1791 г., нѣкоторыми параграфами которой Муравьевъ воспользовался въ своемъ проектѣ и которая устанавливала двухстепенные выборы, для участія въ выборахъ первой степени нужно было, кромѣ другихъ условій, уплатить налогъ не менѣе стоимости трехдневной заработной платы, а чтобы быть избирателемъ депутата, нужно было быть собственникомъ, рантье, нанимателемъ квартиры или арендаторомъ какого либо

---

*) Чтобы быть назначеннымъ мировымъ судьею въ Англіи, нужно было имѣть очень высокій цензъ — 100 ф. стерл. чистаго дохода съ земли. Вотье. „Мѣстное управленіе въ Англіи". Пер. В. В. Водовозова. Спб. 1896 г., стр. 40—42.

владѣнія, *доходъ* съ котораго равнялся, смотря по мѣстности, отъ 100 до 400 рабочихъ дней. Но, чтобы быть выборными въ законодательный корпусъ, достаточно было званія активнаго гражданина, для чего необходима была уплата въ видѣ налога стоимости трехдневнаго заработка *). Важнымъ преимуществомъ этой конституціи была однопалатная система.

По французской хартіи 1814 года **) требовался для избирателя въ палату депутатовъ высокій цензъ — уплата *налога* въ 300 франковъ, а пассивный цензъ равнялся даже 1000 фр. налога, тогда какъ Муравьевъ совершенно отвергнулъ пассивный цензъ для депутатовъ нижней палаты, а активный—для прямыхъ выборщиковъ установилъ во второй редакціи въ 5—10 тыс. руб. сер. *имущества*. Выборы по закону 5 февраля 1817 г. во Франціи были прямые, но законъ 1820 г. установилъ двойное голосованіе (le double vote), особенно выгодное для наиболѣе богатыхъ: окружныя коллегіи выбирали 258 депутатовъ, а затѣмъ коллегіи департаментскія, состоявшія изъ четвертой части всѣхъ избирателей, платившихъ подати, выбирали еще 172 депутата. Такъ какъ по тому же закону 1820 г. депутаты безвозмездно исполняли свои обязанности, то участіе въ законодательствѣ сдѣлалось монополіей людей богатыхъ ***). Палата перовъ по французской хартіи состояла изъ членовъ по назначенію короля пожизненныхъ или наслѣдственныхъ.

Въ одномъ изъ русскихъ журналовъ были сообщены свѣдѣнія о норвежской конституціи 1814 г. ****). Для того, чтобы быть на основаніи ея избирателемъ, требовалось въ деревняхъ имѣть собственную землю, подвергнутую кадастру, или арендованную на срокъ не менѣе 5 лѣтъ, а для горожанъ—быть членомъ городского сословія или владѣть въ городѣ или приморскомъ порту домомъ, или вообще недвижимою собственностью, *стоимостью не менѣе трехсотъ рейхсталеровъ*. Выбранные члены стортинга избираютъ изъ своей среды четвертую часть, которая образуетъ высшую палату (латтингъ), а остальные три четверти составляютъ нижнюю палату (одельстингъ) *****). Такимъ образомъ высшая палата обра-

---

*) Tripier. Les constitutions de la France. P. 1848; Эсменъ „Общія основанія конституціоннаго права", пер. под. ред. В. Ѳ. Дерюжинскаго. Спб. 1898 г., стр. 166—169. Полагаютъ, что по конституціи 1791 г. было активныхъ гражданъ во Франціи до 4 мил. на 2 мил. гражданъ пассивныхъ, т. е. не пользовавшихся политическими правами. Н. И. Карѣевъ. „Происхожденіе современнаго народно-правового государства" Спб. 1908 г., стр. 187.

**) Она была переведена въ «Сынѣ Отечества». 1814 г. т. XIV, 259—270.

***) Эсменъ, 175; Карѣевъ, 234. Въ 1817 г. во Франціи было только 90878 избирателей и 16052 избираемыхъ. Г. Мейеръ. Избирательное право. М. 1906. I, 77.

****) „Вѣстн. Евр." 1816 г. ч. 88, стр. 284—295.

*****) Dufau. Duvergier et Guadet. Collection des constitutions, P. 1822, t. III, 331.—2, 335. Г Мейеръ, I. 66.

зуется здѣсь по гораздо болѣе демократической системѣ, чѣмъ въ проектѣ Муравьева, но для всѣхъ избирателей существуетъ двухстепенная система выборовъ, а для верхней палаты даже трехстепенная.

Въ одномъ изъ русскихъ журналовъ были полностью переведены баварская и баденская конституціи 1818 года. По баварской конституціи въ верхней палатѣ генеральныхъ штатовъ—палатѣ государственныхъ совѣтниковъ или сенаторовъ засѣдаютъ члены, имѣющіе на то право по своему званію, и лица, назначенныя королемъ пожизненно или наслѣдственно. Нижняя состояла изъ представителей поземельныхъ собственниковъ, имѣющихъ право суда въ своихъ помѣстьяхъ и не засѣдающихъ въ первой палатѣ ($^1/_8$ часть депутатовъ), владѣльцевъ земельной собственности, не имѣющихъ права суда (половина депутатовъ), депутатовъ отъ духовенства католическаго и протестантскаго ($^1/_8$ часть), отъ городовъ и мѣстечекъ ($^1/_4$) и, наконецъ, отъ каждаго изъ трехъ университетовъ по одному депутату *).

По баденской конституціи 1818 г. верхняя палата состояла изъ членовъ, имѣющихъ на то право по своему званію, изъ 8 депутатовъ отъ дворянства, владѣющаго поземельною собственностью, изъ 2 депутатовъ отъ университетовъ и лицъ, назначаемыхъ великими герцогами **). Въ выборѣ дворянскихъ депутатовъ могли участвовать всѣ дворяне, владѣющіе дворянскими помѣстьями. Но великій герцогъ могъ даровать владѣльцу дворянскаго имущества право подавать голосъ и быть выбираемымъ на дворянскихъ выборахъ лишь въ томъ случаѣ, если тотъ владѣлъ родовымъ или леннымъ имѣніемъ, стоимостью не менѣе 60.000 гульденовъ. Возможно, что отсюда Муравьевъ и заимствовалъ свой чрезмѣрно высокій цензъ для члена варховной думы (30000 р. с. недвижимаго и 60000 р. движимаго имущества). Но онъ забывалъ, что баденская конституція была дарована великимъ герцогомъ, а декабристы надѣялись добиться конституціоннаго строя путемъ вооруженнаго возстанія и созыва учредительнаго собранія. Члены нижней палаты въ баденскомъ великомъ герцогствѣ выбирались отъ городовъ и округовъ гражданами по двухстепенной системѣ выборовъ,

---

*) Dufau, Duvergier et Guadet, 11, 240—241; „Духъ Журналовъ“ 1818 г. ч. XXXI, ноябрь, стр. 204—207. По приложенному къ конституціи, но не переведенному на русскій языкъ эдикту о собраніи земскихъ чиновъ первичные выборы въ Баваріи производились органами мѣстнаго управленія. Чтобы быть выбраннымъ въ городахъ, нужно было платить налогъ, смотря по роду занятій, въ 10—40 гульденовъ, въ селахъ—10 гульденовъ. Мейеръ I, 99, ср. 87.

**) Главы дворянскихъ фамилій, которымъ великій герцогъ даруетъ достоинство высокаго дворянства, вступаютъ наравнѣ съ главами этихъ послѣднихъ фамилій въ первую палату, какъ наслѣдственные члены, но они должны имѣть, по праву старшинства и наслѣдованія, родовое имущество или ленное имѣніе, цѣною не менѣе 300000 гульденовъ.

но, чтобы быть выбраннымъ въ депутаты, требовался имущественный цензъ не менѣе 10000 гульденовъ или ежегодный пожизненный доходъ не менѣе 1500 гульденовъ *).

Членъ Сѣвернаго Общества Н. А. Бестужевъ познакомился въ 1815 г. на мѣстѣ съ конституціей Нидерландскаго королевства (1815 г.) и сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ней въ одномъ изъ русскихъ журналовъ **). Здѣсь производились выборы по сословіямъ (отъ дворянъ, горожанъ и крестьянъ) въ провинціальные штаты, а послѣдніе избирали отъ себя депутатовъ въ нижнюю палату генеральныхъ штатовъ, члены же верхней назначались королемъ пожизненно ***).

Безъ сомнѣнія, Муравьеву была извѣстна польская конституція 1815 г., на основаніи которой сенатъ (верхняя палата) состоялъ изъ лицъ, пожизненно назначаемыхъ королемъ изъ кандидатовъ, представленныхъ сенатомъ подъ условіемъ уплаты ими ежегодно *налога* въ 300 р. с.; палата же пословъ — изъ представителей дворянства и городовъ, при чемъ первыхъ было болѣе, чѣмъ вторыхъ—слѣдовательно, законодательство было отдано въ сущности въ руки дворянъ. Участвовать въ выборныхъ городскихъ собраніяхъ могли всѣ недворяне, платящіе съ своей земельной собственности какой нибудь налогъ, фабриканты и хозяева мастерской, а также купцы съ имущественнымъ цензомъ въ 10.000 злотыхъ (1.500 р. с.), всѣ священники, лица, занимающіяся народнымъ просвѣщеніемъ, и выдающіеся художники. Такъ какъ бывшіе помѣщичьи крестьяне были освобождены въ Польшѣ безъ земли, то требованіе отъ лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, имущественнаго ценза въ видѣ поземельной собственности лишало огромное большинство крестьянъ политическихъ правъ; ихъ лишены были и евреи.

Было уже указано (въ гл. III) на предшествующіе проекты и предположенія времени Александра I, составители которыхъ возлагали надежды на аристократію въ дѣлѣ ограниченія самодержавія: записка Сперанскаго 1802 г., мнѣніе гр. П. А. Строганова, выраженное въ бесѣдѣ съ гр. С. Р. Воронцовымъ въ томъ же году, проекты гр. Мордвинова, предположеніе Н. Тургенева въ его

*) Dufau, Duvergier et Guadet, t. II, 315—317; „Духъ Журналовъ“ 1818 г. ч. XXXI, декабрь, стр. 287—242; Мейеръ I. 101. Въ Пруссіи Фридрихъ Вильгельмъ III эдиктомъ 27 октября 1810 г. обѣщалъ дать странѣ національное общегосударственное представительство, но закономъ 5 іюня 1823 г. были введены только провинціальные чины—сословная организація съ преобладаніемъ дворянства надъ горожанами и крестьянами. Во всѣхъ восьми провинціяхъ тогдашней Пруссіи насчитывалось около 625 такихъ «земцевъ», среди которыхъ дворянъ было около 300, горожанъ — 200, крестьянъ — 125. Карѣевъ, 249; Max Lehmann, Freiherr von Stein, III, 1905, стр. 85—86.

**) „Соревнователь Просвѣщенія“ 1821, т. XV, 287.

***) Dufau, Duvergier et Guadet, t. III, 177, 184, 186.

дневникѣ объ учрежденіи палаты пэровъ первоначально въ видѣ совѣщательнаго собранія изъ богатыхъ помѣщиковъ, освободившихъ своихъ крестьянъ, проекты гр. Дмитріева-Мамонова и М. Ѳ. Орлова. По проекту конституціи Новосильцева, сенатъ (верхняя палата) долженъ былъ состоять изъ лицъ, назначаемыхъ государемъ и получающихъ съ недвижимаго имущества *дохода* не менѣе 1000 р. с. въ годъ. Среди декабристовъ-членовъ Сѣвернаго Общества представителемъ аристократическихъ взглядовъ является Батеньковъ. Нужно думать, что на нѣкоторыхъ членовъ Сѣвернаго Тайнаго Общества вліялъ въ аристократическомъ смыслѣ Мордвиновъ, хотя такимъ выдающимся декабристамъ, какъ Н. Тургеневъ и Рылѣевъ, были противны его аристократическія притязанія *). Основывая свою верховную думу на выборномъ началѣ, Муравьевъ шелъ въ сущности въ разрѣзъ съ этимъ аристократическимъ теченіемъ и въ этомъ пунктѣ своей избирательной системы, основанной въ значительной степени на имущественномъ цензѣ, поддавался вліянію буржуазныхъ взглядовъ. Но можно ли эту часть взглядовъ Муравьева приписывать всѣмъ членамъ Сѣвернаго общества? Въ предыдущей главѣ уже было указано на то, какъ подъ давленіемъ мнѣній другихъ членовъ общества онъ перешелъ отъ мысли о безземельномъ освобожденіи крестьянъ къ предположенію о надѣленіи ихъ хотя бы и небольшимъ земельнымъ надѣломъ. Точно также сильныя возраженія возбуждали и его предположенія относительно имущественнаго ценза. Мы уже видѣли, что во второй редакціи конституціи онъ отказался отъ требованія имущественнаго ценза для членовъ нижней палаты народнаго вѣча. Пестель и Южное Общество вообще были горячими противниками предположеній Муравьева относительно имущественнаго ценза; но и въ средѣ Сѣвернаго Общества его взгляды встрѣчали серьезныя возраженія. По поводу постановленія о высокомъ пассивномъ цензѣ для членовъ верховной думы, правителей державъ и ихъ намѣстниковъ, тысяцкихъ, членовъ державныхъ думъ и судовъ и членовъ совѣтовъ въ державахъ было сдѣлано замѣчаніе: «Почему богатство только опредѣляетъ достоинство правителей? Это не согласно съ законами нравственными». Митьковъ сообщаетъ въ своемъ показаніи, что Тургеневъ въ разговорѣ съ нимъ не одобрялъ проекта Муравьева и соглашался, что «эта конституція есть пустое». Показаніе Митькова подтверждается

*) Упомянемъ, наконецъ, о томъ, что Бенжаменъ Констанъ, сочиненія котораго были извѣстны многимъ декабристамъ, стоялъ за наслѣдственность званія членовъ верхней палаты и успѣлъ провести этотъ принципъ въ „Добавочномъ Актѣ", изданномъ во время Ста Дней. Что касается имущественнаго ценза для избирателей, то, по его мнѣнію, онъ долженъ былъ (въ видѣ собственности поземельной или промышленной или формы на условіи продолжительной аренды), быть такого размѣра, чтобы давать возможность существовать безъ заработной платы, которая, по мнѣнію Б. Констана, дѣлаетъ зависимымъ отъ другого. Cours de politique constitutionelle, I. 249.

тѣмъ, что въ своихъ позднѣйшихъ предположеніяхъ объ установленіи конституціоннаго строя въ Россіи Тургеневъ исходилъ изъ совершенно другихъ началъ *). Морякъ Торсонъ въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ Муравьева рѣшительно высказывается противъ какого бы то ни было пассивнаго имущественнаго ценза для членовъ верховной думы **).

Такимъ образомъ, избирательная система въ проектѣ Муравьева, вызвала значительное недовольство, а между тѣмъ только одобренный большинствомъ членовъ обоихъ Обществъ проектъ «государственнаго устава» считали возможнымъ представить великому собору члены совѣщанія, собравшагося у Рылѣева въ 1824 г. во время пріѣзда Пестеля въ Петербургъ.

Въ главѣ IV-ой я привелъ много доказательствъ того, что въ Сѣверномъ Обществѣ существовало довольно замѣтное республиканское теченіе, что конституція Н. М. Муравьева одобрена Обществомъ еще не была и что при выборахъ въ учредительное собраніе предполагалось исходить изъ другихъ началъ, а именно, думали произвести выборы въ этомъ случаѣ по сословіямъ, при чемъ имущественнаго ценза указывать не предполагалось. Что лучшіе члены Сѣвернаго Общества не были проникнуты сословными и классовыми взглядами, видно изъ признанія принципа всеобщей воинской повинности и равенства всѣхъ въ несеніи налоговъ и въ области уголовныхъ каръ.

Въ нашей литературѣ была предложена такая группировка декабристовъ по ихъ преобразовательнымъ стремленіямъ: 1) тѣ, которые ставили на первое мѣсто реформы политическія—Н. Муравьевъ и нѣкоторые другіе члены Сѣвернаго Общества, 2) отдававшіе первенство реформамъ соціальнымъ—Н. Тургеневъ ***) и 3) одинаково враждебное отношеніе и къ аристократіи, и къ абсолютизму (Пестель, а за нимъ и Южное Общество вообще, принявшее его планы). Но такое раздѣленіе въ сущности не выдерживаетъ критики. Выдѣленіе Н. Тургенева въ особую группу изъ Сѣвернаго Общества основывается болѣе всего на его собственныхъ тенденціозныхъ показаніяхъ въ оправданіяхъ, посланныхъ изъ-заграницы имп. Николаю I, и въ его книгѣ «La Russie et les Russes», и на его запискѣ по крестьянскому вопросу, поданной имп. Александру въ январѣ 1820 г. Если повѣрить Тургеневу, то можно было бы думать, что только онъ одинъ въ Тайномъ Обществѣ го-

*) La Russie et les Russes, t. III, 222—228.

**) Пестель въ одномъ изъ своихъ показаній утверждалъ даже, будто бы конституція Н. Муравьева „большей части членовъ весьма не нравилась".

***) „Приматъ политическаго надъ соціальнымъ и аристократія, какъ узда абсолютизма" (Н. Муравьевъ): „приматъ соціальнаго надъ политическимъ и самодержавіе, какъ узда аристократіи" (Н. Тургеневъ). Ивановъ-Разумникъ. „Исторія русской общественной мысли", т. I, изд. 2-е, 1908 г., стр. 115—116.

рячо стремился къ освобожденію крестьянъ (желая для этого до поры до времени сохраненія самодержавія), но мы видѣли, что это несправедливо, и хотя, дѣйствительно, онъ занимаетъ первое мѣсто въ Сѣверномъ Обществѣ по тому вниманію, которое онъ отдавалъ вопросу объ уничтоженіи крѣпостного права, но его практическія предложенія были умѣреннѣе даже предположеній Муравьева, если имѣть въ виду предложеніе послѣднимъ надѣлить крестьянъ землею по 2 десятины на дворъ. А затѣмъ—развѣ Тургеневъ занимался, какъ членъ Тайнаго Общества, только главнѣйшимъ соціальнымъ вопросомъ—предположеніями относительно освобожденія крѣпостныхъ; не менѣе онъ работалъ надъ проектомъ судебной реформы, и это ему было даже прямо поручено Обществомъ; наконецъ, онъ высказался въ 1820 г. на совѣщаніи у Глинки за республику, и позднѣе его находили въ республиканскомъ настроеніи. Изъ свидѣтельства кн. Волконскаго, въ его запискахъ видно, что Тургеневъ вполнѣ сочувствовалъ и подготовкѣ вооруженнаго возстанія и принималъ отъ Волконскаго во время его ежегодныхъ пріѣздовъ въ Петербургъ отчеты о дѣйствіяхъ Южнаго Общества. Имѣя все это въ виду, нѣтъ основанія выдѣлять его изъ числа членовъ Сѣвернаго Общества, стремившихся къ уничтоженію самодержавія.

Нѣтъ основанія также утверждать, что для Н. Муравьева и для лицъ, близкихъ ему по взглядамъ, реформы политическія стояли на первомъ мѣстѣ сравнительно съ реформами соціальными. Въ обоихъ Обществахъ двѣ реформы были неотдѣлимы одна отъ другой: политическая—уничтоженіе самодержавія и соціальная—уничтоженіе крѣпостного права. Аграрный вопросъ въ Южномъ Обществѣ рѣшался неизмѣримо радикальнѣе, чѣмъ въ Сѣверномъ, но вѣдь и требованіе политическихъ преобразованій проявлялось въ Южномъ Обществѣ въ гораздо болѣе рѣшительной формѣ, и республиканскій строй былъ поставленъ тамъ во главу угла будущихъ преобразованій. Слѣдовательно, нельзя группировать членовъ Тайнаго Общества, смотря по тому, *что* они ставили на первое мѣсто, чему они отдавали преобладающее значеніе, а лишь смотря по тому, *какъ* они рѣшали эти вопросы. Но мы видѣли, что нельзя говорить и объ исключительно монархическихъ тенденціяхъ Сѣвернаго Общества. Въ немъ были члены, весьма сочувствующіе республикѣ, и если бы учредительное собраніе высказалось за республику (чего, впрочемъ, въ то время нельзя было ожидать), то члены Сѣвернаго Общества, какъ можно предполагать на основаніи заявленія стоявшаго во главѣ его Рылѣева, этому подчинились бы, а нѣкоторые и весьма сочувствовали бы такому рѣшенію.

Что касается политическихъ взглядовъ Пестеля, то прежде всего отмѣтимъ показаніе Бестужева-Рюмина, что на собраніи наиболѣе вліятельныхъ членовъ Южнаго Общества въ Кіевѣ, во время контрактовъ (ярмарки) 1823 года, послѣ единогласнаго рѣшенія о республиканской формѣ правленія, Пестель, между прочимъ, поста-

вилъ вопросъ о томъ, будутъ ли выборы прямые или косвенные, т. е. двухстепенные. С. Муравьевъ-Апостолъ заявилъ, что предпочитаетъ прямые, но «основанные на собственности» (т. е. имущественномъ цензѣ); къ его мнѣнію присоединился и Бестужевъ-Рюминъ, но Пестель, Юшневскій и Давыдовъ отстаивали «косвенные» выборы, а Волконскій молчалъ. Въ «Русской Правдѣ» Пестель высказался за двухстепенные выборы.

По «Государственному Завѣту» власть законодательная была поручена народному вѣчу изъ одной палаты, состоящему изъ народныхъ представителей, выбранныхъ на 5 лѣтъ, при чемъ ежегодно 1/5 часть замѣняется новыми выборами; правительство не можетъ распустить его. «Законы завѣтные», т. е. конституціонные, составляются инымъ порядкомъ, чѣмъ всѣ остальные: первые обнародываются и предлагаются «на сужденіе всей Россіи»; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ примѣняется референдумъ. Власть «верховно-исполнительная» принадлежитъ державной думѣ, состоящей изъ пяти членовъ: каждая губернія предлагаетъ ежегодно кандидата, и изъ нихъ народное вѣче выбираетъ членовъ державной думы; ежегодно одинъ членъ этой думы выходитъ изъ ея состава и замѣняется другимъ лицомъ. Державная дума ведетъ войну и переговоры о мирѣ, но право объявлять войну и заключать миръ принадлежитъ вѣчу. Наконецъ, власть блюстительная поручена верховному собору, состоящему изъ 120 пожизненныхъ бояръ. Губерніи назначаютъ кандидатовъ, а народное вѣче замѣщаетъ изъ нихъ вакантныя мѣста въ верховномъ соборѣ. Соборъ утверждаетъ законы, одобренные вѣчемъ, не разсматривая ихъ по существу, а только наблюдая, чтобы сохранены были всѣ формы.

Имущественнаго ценза, ни активнаго, ни пассивнаго при выборахъ депутатовъ, присяжныхъ и чиновниковъ Пестель не устанавливалъ для всѣхъ гражданъ, приписанныхъ къ волостямъ.

Никита Муравьевъ во введеніи къ первой редакціи своей конституціи высказался за «федеральное или союзное правленіе», которое, по его мнѣнію, «одно согласило величіе народовъ и свободу гражданъ», и потому, раздѣливъ Россію (по 2-ой редакціи конституціи) на 13 державъ и 2 области, предполагалъ, кромѣ двухпалатнаго народнаго вѣча для всей Россіи, устроить двухпалатныя правительственныя собранія и въ державахъ съ законодательными функціями въ вопросахъ, касающихся каждой державы. Напротивъ, Пестель рѣшительно вооружился противъ федеративнаго строя, считалъ допущеніе его однимъ изъ главныхъ недостатковъ конституціи Н. Муравьева и нашелъ необходимымъ подробно обосновать свой взглядъ въ «Русской Правдѣ». Между тѣмъ какъ образцомъ для проекта Муравьева послужила конституція Соединенныхъ Штатовъ, Пестель, повидимому, не вполнѣ ясно представлялъ себѣ ихъ государственное устройство. «Верховная власть», говоритъ онъ (гл. I, § 4), «по существу дѣла въ федеративномъ государ-

ствѣ не законы даетъ, но только совѣты, ибо не можетъ иначе привести свои законы въ исполненіе, какъ посредствомъ областныхъ властей, не имѣя особенныхъ другихъ принудительныхъ средствъ. Ежели же область не захочетъ повиноваться, то, дабы къ повиновенію ее принудить, надобно междуусобную войну завести». М. М. Ковалевскій обратилъ вниманіе на то, что въ этихъ словахъ Пестель рисуетъ «тѣ порядки, какіе извѣстны были Республикѣ Соединенныхъ Нидерландъ и Швейцаріи до 1848 г., которые существовали одно время въ Сѣверной Америкѣ, но которымъ положенъ былъ конецъ принятіемъ нынѣ дѣйствующей конституціи, конституціи 1787 г. Пестель, очевидно, недостаточно былъ знакомъ съ нею», а потому и высказался за устройство въ Россіи «на началахъ политически централизованнаго государства, въ которомъ за отдѣльными областями признано право самоуправленія, а не автономіи», такъ же какъ и за уѣздами и волостями *). Недоразумѣніе, въ которое впалъ Пестель, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что въ шеститомномъ сборникѣ конституцій, изданномъ Дюфо, Дювержье и Гадэ въ Парижѣ въ 1821—23 гг., которымъ могъ пользоваться Пестель, были напечатаны декларація независимости Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ 4 іюля 1776 г., правила конфедераціи 9 іюля 1777 г., конституціи отдѣльныхъ штатовъ, регламенты сената и палаты представителей, но, какъ это ни странно, нѣтъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ 17 сентября 1787 г., выработанной на конвентѣ штатовъ Вашингтономъ и депутатами отдѣльныхъ штатовъ Гамильтономъ, Франклиномъ и др. **).

Пестель въ «Русской Правдѣ» желалъ не только ограничиться сохраненіемъ существованія самостоятельности Польши, но думалъ увеличить ея размѣры, присоединивъ къ ней часть западнаго края. Предполагаемыя имъ границы между Польшею и Россіей указаны въ «Русской Правдѣ», но Пестель желалъ обставить осуществленіе этой мѣры весьма серьезными условіями.

Александръ I имѣлъ намѣреніе расширить предѣлы Царства Польскаго на счетъ западной Россіи ***). Изъ писемъ Константина Павловича къ имп. Николаю видно, что объ этомъ своемъ предположеніи онъ говорилъ даже въ послѣдній свой пріѣздъ въ Варшаву въ 1825 г. Поэтому намѣренія Пестеля и Южнаго Общества въ этомъ отношеніи соотвѣтствовали предположеніямъ Александра I, хотя способы осуществленія взглядовъ русскаго императора и русскихъ революціонеровъ были совершенно различны.

---

*) М. Ковалевскій, „Русская Правда“ Пестеля. „Минувшіе годы“ 1908 г. № 1, стр. 10—14. Срав. Dufau, Duvergier et Guadet, t. II, 462, III, 106—107, Брайсъ. Американская республика, I, 17, 485.

**) См. V-й и VI-й тома этого изданія.

***) См. мою статью въ „Рус. Бог.“ 1907 г. № 5, стр. 111—113, № 11, стр. 68; ср. Sz. Askenazy Lukasinski. Warsz. 1908, I, 76, 80.

На кіевскихъ контрактахъ въ январѣ 1824 г. были ведены переговоры между Бестужевымъ-Рюминымъ и С. Муравьевымъ-Апостоломъ отъ имени русскаго тайнаго общества и Крыжановскимъ со стороны поляковъ. И на словахъ былъ заключенъ договоръ, требовавшій еще, впрочемъ, утвержденія его и русскимъ, и польскимъ обществами. Бестужевъ-Рюминъ записалъ послѣ этого совѣщанія содержаніе условій соединенныхъ дѣйствій обоихъ обществъ, въ числѣ которыхъ со стороны русскихъ было обѣщано, что поляки «могутъ надѣяться получить» области, не довольно, обрусѣвшія, а именно губернію Гродненскую *), часть Виленской, Минской и Волынской», а поляки—возстать одновременно съ русскими, не допустить какими бы то ни было средствами цесаревича Константина Павловича возвратиться въ Россію и учредить республиканское правленіе **).

Во время переговоровъ Пестеля съ кн. Яблоновскимъ въ 1825 г., послѣдній, какъ видно изъ донесенія Варшавской слѣдственной коммиссіи, заявилъ, что единственная цѣль польскаго тайнаго общества—возвращеніе независимости Польши—по русскимъ показаніямъ въ границахъ, бывшихъ до второго раздѣла, а по показаніямъ польскимъ—во всемъ прежнемъ ея пространствѣ. Пестель отвѣчалъ согласіемъ на возвращеніе Польши части присоединенныхъ къ Россіи земель и прибавилъ, что если бы возникли какія либо сомнѣнія на этотъ счетъ, «то *жителямъ дадутъ на выборъ присоединиться къ тому или другому государству по своей волѣ*». По вопросу о формѣ правленія произошло разногласіе. Пестель восхвалялъ республиканскій строй, Яблоновскій же отвѣчалъ, что Патріотическое Общество, считая время рѣшительныхъ дѣйствій и перемѣнъ отдаленнымъ, не разсуждало о предполагаемой формѣ правленія. Пестель утверждалъ въ своихъ показаніяхъ, что было положено ввести одинаковый образъ правленія въ Польшѣ и Россіи, Яблоновскій же это отрицалъ. По показаніямъ кн. Волконскаго, присутствовавшаго на совѣщаніи, Яблоновскій сказалъ, что польское Патріотическое Общество не желаетъ республики, но что, однако-жъ, онъ согласился на учрежденіе временнаго правительства, пока не будетъ извѣстна воля всей націи. Яблоновскій и это отрицалъ ***). По донесенію варшавской слѣдственной коммиссіи, Пестель допускалъ, что къ принятію рѣшитель-

---

*) Въ „Русской Правдѣ" прибавлено: и Бѣлостокскую область.

**) „Гос. Арх." I В. № 396, л. 47 об.—49 об., 167—177; Базилевскій (В. Я. Богучарскій) „Государственныя преступленія въ Россіи" I. 80, 84—86; Кропотовъ „Жизнь гр. Н. Н. Муравьева", Спб. 1874 г., стр. 414—417.

***) По показанію Гродецкаго, Пестель требовалъ, чтобы на первый годъ поляки приняли такой же образъ правленія, какой будетъ введенъ въ Россіи, а потомъ могутъ измѣнить его по своей волѣ. Г. А. I В. № 327.

ныхъ мѣръ нельзя приступить ранѣе трехъ лѣтъ *), Пестель же въ своихъ показаніяхъ утверждалъ, что во время переговоровъ съ Яблоновскимъ только вообще говорилось о независимости Польши и не упоминалось объ уступкѣ тѣхъ или иныхъ губерній, «но въ собственныхъ нашихъ предположеніяхъ», оговаривался онъ, «уступались имъ тѣ части, которыя на моей картѣ назначены». Съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ поляки обязывались поступить такъ, какъ будетъ поступлено съ прочими великими князьями въ Россіи. Во всякомъ случаѣ готовность Южнаго Общества уступить Польшѣ часть западной Россіи подтверждается «Русскою Правдою», но при этомъ въ высокой степени замѣчательна мысль Пестеля о плебисцитѣ населенія мѣстностей, предположенныхъ къ возвращенію Польшѣ, о томъ, остаться ли имъ въ Россіи, или перейти къ Польшѣ. Мысль эта была, очевидно, навѣяна событіями времени французской революціи, когда въ 1791 г. былъ присоединенъ къ Франціи Авиньонъ, въ 1792 г. Савойя и въ 1793 г. Бельгія, съ *согласія жителей присоединенныхъ территорій* **). Кондорсэ предложилъ законодательному собранію декларацію, въ которой объявляется, что французская нація не будетъ нарушать природныя права другихъ людей и не нанесетъ ущерба независимости другихъ народовъ, и декретъ, объявляющій войну, повторилъ эту мысль. Карно признаетъ «за каждою націею ненарушимое право жить отдѣльно, или соединиться съ другими, если онѣ этого желаютъ ради общаго блага; французы считаютъ суверенами только самыя націи, и система ихъ господства есть система братства» ***). Допущеніемъ народнаго плебисцита планы Пестеля относительно западной Россіи прежде всего и отличаются отъ предположеній по тому же предмету императора Александра. Южное Общество желало провести границу между Польшею и Россіею согласно желанію жителей областей, предположенныхъ къ возвращенію Польшѣ, а Александръ I считалъ возможнымъ рѣшить этотъ вопросъ однимъ почеркомъ своего пера. Неизвѣстно, предполагалъ ли Пестель развить эту идею въ «Русской Правдѣ», но она была высказана имъ въ переговорахъ съ Яблоновскимъ въ 1825 году, а

---

*) *Базилевскій (Богучарскій)* I, 89—90; „Гос: Арх. I В. № 399, л. 41 43, № 394, л. 208.

**) Жителямъ Авиньона было предоставлено высказаться въ пользу или противъ присоединенія къ Франціи. Подача голосовъ производилась открыто подъ надзоромъ трехъ французскихъ коммиссаровъ, изъ которыхъ одинъ на вопросъ: „будетъ ли гарантирована безопасность воздержавшихъ, отвѣчалъ: „Нѣтъ никакой опасности для сторонниковъ присоединенія, но я не отвѣчаю за головы тѣхъ, кто будетъ голосовать въ пользу папскаго владычества!“ При гораздо большихъ гарантіяхъ производился плебисцитъ 1792 г. по вопросу о присоединеніи Савойи. *А. Ладыжинскій.* „О плебисцитѣ въ международномъ правѣ“ М. 1883 г.

***) *Laurent.* Histoire du droit des gens, t. XVIII. La Philosophie de l'histoire. P. 1870, p. 532—534.

въ это время, по свидѣтельству Пестеля, «Русская Правда», плохо писалась. Не даромъ Пестель объяснялъ это измѣненіемъ его взглядовъ, и вопросъ о народномъ плебисцитѣ при рѣшеніи польскаго вопроса, вѣроятно, былъ бы внесенъ современемъ въ его замѣчательный трудъ. Идея обращенія къ народу во внутреннемъ законодательствѣ была усвоена имъ ранѣе, какъ видно изъ установленія въ «Государственномъ Завѣтѣ» референдума относительно законовъ «завѣтныхъ», т. е. конституціонныхъ. Весьма естественно было приложить ее и къ рѣшенію спорнаго территоріальнаго вопроса при устройствѣ судьбы двухъ свободныхъ, братскихъ народовъ. Этотъ фактъ имѣетъ величайшую важность и еще въ одномъ отношеніи: Сѣверное Общество выражало несочувствіе установленію диктатуры временнаго верховчаго правленія. Особенно настоятельно Рылѣевъ повторялъ, что рѣшеніе вопроса о будущемъ государственномъ строѣ Россіи должно быть предоставлено великому собору, т. е. учредительному собранію, что ничего нельзя силою навязывать народу. На примѣрѣ рѣшенія русско-польскихъ отношеній мы видимъ, что Пестель не думалъ игнорировать желанія народа.

Переговоры съ поляками, начатые по рѣшенію руководителей Южнаго Общества, не во всѣхъ его членахъ, однако, встрѣчали сочувствіе. Кн. Волконскій показалъ, что Бестужевъ-Рюминъ первый посовѣтовалъ вступить въ сношенія съ поляками, и что «его предложеніе было даже поводомъ нѣкотораго негодованія сочленовъ» *).

Но все же въ Южномъ Обществѣ считалось принятымъ мнѣніе Пестеля относительно рѣшенія польскаго вопроса; въ Сѣверномъ же Обществѣ къ его мнѣніямъ по этому предмету отнеслись весьма несочувственно **). Члены Сѣверной Думы доказывали Давыдову,

*) 3-го ноября 1824 г. Матв. Ив. Муравьевъ-Апостолъ писалъ брату Сергѣю, участвовавшему вмѣстѣ съ Бестужевымъ-Рюминымъ въ переговорахъ съ Крыжановскимъ въ январѣ этого года въ Кіевѣ: „Признаюсь я еще болѣе недоволенъ вашимъ сближеніемъ съ поляками; вы поставили себя относительно нихъ въ такія отношенія, какихъ никогда не слѣдовало допускать, судя по тому, что вы мнѣ говорили. Вы неосмотрительно прибѣгли къ посреднику" (т. е. къ Бестужеву-Рюмину; Матв. Муравьевъ-Апостолъ относится къ нему въ этомъ письмѣ весьма отрицательно), „который неминуемо долженъ былъ привести къ такому панибратству. Я первый буду противиться тому, чтобы Польша разыграла въ кости судьбу моей родины (Довнаръ-Запольскій. „Мемуары декабристовъ", 270). В. Л. Давыдовъ далъ такое показаніе: „Я никогда не отпирался, что зналъ о сношеніяхъ съ поляками и предположеніяхъ на сей счетъ Пестеля, Муравьева и Бестужева и видѣлъ даже начертаніе на картѣ, сдѣланное Пестелемъ на счетъ новыхъ границъ. Но совершенно былъ на все сіе противнаго мнѣнія и при нихъ самихъ могу подтвердить и въ свидѣтели призываю кн. Волконскаго который раздѣлялъ мое мнѣніе, хотя послѣ, по слабости своей, согласился быть дѣйствующимъ лицомъ въ сихъ сношеніяхъ".

**) Кн. Трубецкой заявилъ, что въ разговорахъ съ Бестужевымъ-Рю-

а потомъ Пестелю, что это было бы «противно духу и самолюбію» русскаго народа, но оба они отвѣчали: «это воля южныхъ бояръ,— обѣщано, и перемѣнить нельзя».

Для характеристики отношенія членовъ Сѣвернаго Общества къ польскому вопросу напомню, что кн. Трубецкой считалъ необходимымъ ввести представителя Царства Польскаго во временное верховное правленіе «или депутатовъ для опредѣленія мѣръ» *). Завалишинъ утверждаетъ, что нѣкоторые желали организовать верховное управленіе изъ пяти или семи членовъ и въ такомъ случаѣ ввести въ составъ его одного поляка, чтобы внушить довѣріе и въ тѣхъ окраинахъ Россіи, гдѣ эта національность преобладала въ образованныхъ сословіяхъ.

Общество Соединенныхъ Славянъ до того, какъ оно стараніями Бестужева-Рюмина было присоединено къ Южному Обществу, стремилось къ федераціи славянскихъ народовъ. По словамъ члена его, Горбачевскаго, оно имѣло главною цѣлью освобожденіе всѣхъ славянскихъ племенъ отъ самовластія, уничтоженіе національной ненависти, существующей между нѣкоторыми изъ нихъ, и соединеніе всѣхъ обитаемыхъ ими земель федеративнымъ союзомъ. Предполагалось съ точностью опредѣлить границы каждаго государства, ввести у всѣхъ народовъ форму демократическаго представительнаго правленія, составить конгрессъ для управленія дѣлами союза и для измѣненія, въ случаѣ надобности, общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній. Основатель общества Соединенныхъ Славянъ, Борисовъ 2-й, показалъ: «Федеративный Союзъ славянскихъ поколѣній, подобный греческому, но гораздо его совершеннѣе, былъ

минымъ и Муравьевымъ-Апостоломъ онъ соглашался на отдѣленіе отъ Россіи польскихъ провинцій, но не желалъ его, такъ какъ полагалъ, что это очень отдалитъ Россію отъ Европы и вредно будетъ для успѣховъ народнаго просвѣщенія. Рылѣевъ показалъ, что, узнавъ отъ Трубецкого о рѣшеніи Пестеля признать независимость Польши и возвратить ей захваченныя провинціи—Литву, Подолію (?) и Волынь, сильно возсталъ противъ этого, утверждая, что никакое общество не въ правѣ заключить такой договоръ и что подобныя дѣла должны быть рѣшены на великомъ соборѣ. По показанію кн. Оболенскаго: „извѣстно мнѣ было, что Южное Общество сдѣлало условіе касательно независимости Польши и отдѣленія отъ Россіи Литвы, Подоліи (?) и Волыни. Но такъ какъ сіе положено было только при началѣ дѣйствій, которое отъ насъ отдалено было, то я никакого рѣшительнаго мнѣнія.... не подавалъ, личное же мое о семъ мнѣніе было, что мы не имѣемъ права располагать какою либо областью Россіи, но что сіе слѣдуетъ предоставить палатѣ представителей". По показанію Н. Муравьева, сношенія Южнаго Общества съ поляками „весьма огорчили членовъ Сѣвернаго Общества, полагавшихъ, что не должно уступать пріобрѣтеній и собственности Россіи".

*) Новое доказательство, что конституція Никиты Муравьева не была принята Сѣвернымъ Обществомъ, такъ какъ на основаніи ея Царство Польское было включено въ составъ Западной державы.

моимъ прожектомъ *). На восьмиугольной печати Общества Соединенныхъ Славянъ были обозначены 8 славянскихъ народовъ: русскіе, сербы-хорваты, болгары, чехи, словаки, лужичане, словинцы и поляки, всего до 90 мил. Объ украинскомъ народѣ упомянуто не было, а между тѣмъ въ Малороссіи въ это время проявлялись нѣкоторыя стремленія къ національному возрожденію **).

И устройство двухъ независимыхъ славянскихъ государствъ, Россіи и Польши, какъ это предполагалъ Пестель, и устройство федераціи славянскихъ народностей, какъ этого желало Общество Соединенныхъ Славянъ, рѣшало, конечно, національный вопросъ на государственно-территоріальномъ основаніи. При рѣшеніи русско-польскаго вопроса по плану Пестеля литовцы во всякомъ случаѣ должны были войти въ составъ или Россіи, или Польши. Въ границахъ каждаго члена славянскаго союза по плану Общества Соединенныхъ Славянъ, конечно, также была бы примѣсь славянскихъ или иныхъ народностей, при чемъ народность, находящаяся въ меньшинствѣ, очевидно, должна была бы подчиниться господствующей народности. На этомъ вопросѣ члены общества Соединенныхъ Славянъ, повидимому, не останавливались. Напротивъ, Пестель въ «Русской Правдѣ» внимательно отнесся къ этому вопросу, но рѣшилъ его въ анти-національномъ духѣ: для него имѣли первостепенное значеніе вопросы политическіе и соціальные, національный же вопросъ игралъ вполнѣ подчиненную роль. «Права народности», т. е. сохраненія своей національности, Пестель признавалъ лишь за тѣми народами, которые имѣютъ силу сохранить свою независимость въ видѣ особаго государства. Всѣ же остальные должны слиться съ господствующимъ народомъ: по его мнѣнію, это будто бы даже выгоднѣе для нихъ самихъ. Кромѣ поляковъ, Пестель ни за однимъ народомъ, населяющимъ Россію, не признавалъ права на сохраненіе своей національности. Изъ Финляндіи онъ не думалъ образовать даже особую область, а включалъ ее въ составъ Чудской области вмѣстѣ съ частью Петербургской губ. и Олонецкимъ округомъ, и желалъ не только ввести въ ней тотъ же порядокъ, что и въ Россіи, но даже обрусить населеніе, устраивая училища и принимая для этого другія мѣры. Онъ руководствовался при этомъ и тѣмъ, что введеніе въ Финляндіи республиканскаго строя на широкомъ выборномъ началѣ будетъ для ея населенія «благодѣтельнѣе» и пріятнѣе ея тогдашняго государственнаго устройства, основаннаго на сословномъ представительствѣ.

---

*) Борисовъ 2-й, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ изученія классической древности, очевидно, имѣлъ тутъ въ виду Ахейскій союзъ. См. объ его устройствѣ сочиненіе В. Г. Васильевскаго „Политическая реформа и соціальное движеніе въ древней Греціи въ періодъ упадка". Спб. 1869 г., гл. V.

**) См. о масонской ложѣ въ Полтавѣ, основанной членомъ Союза Спасенія и Союза Благоденствія Новиковымъ, въ моей статьѣ „Декабристы-масоны". „Минувшіе Годы", 1908 г. № 3, стр. 146—151.

Изъ Остзейскаго края Пестель также не предполагалъ образовать особую область, а включилъ его въ составъ Холмской съ областнымъ городомъ Новгородомъ. Завалишинъ свидѣтельствуетъ о желаніи нѣкоторыхъ членовъ Тайнаго Общества ввести одного нѣмца въ составъ временнаго верховнаго правленія, если въ немъ будетъ 5 или 7 членовъ. Пестель, очевидно, во время своей службы въ Митавѣ, обратилъ самое серьезное вниманіе на тяжелое положеніе латышей и съ величайшею проницательностью отмѣтилъ, что оно даже хуже положенія русскихъ крестьянъ, несмотря на «*мнимую вольность*», имъ (т. е. латышамъ) дарованную (разумѣется, онъ говорилъ о наиболѣе обычномъ положеніи русскихъ крестьянъ, а не о печальной жизни крѣпостныхъ у исключительно жестокихъ помѣщиковъ). Онъ требовалъ отъ временнаго правленія, чтобы оно приняло всѣ мѣры для совершеннаго, окончательнаго искорененія остатковъ феодализма, столь долго свирѣпствовавшаго на западѣ Европы и пустившаго и сюда свои «гнилые корни» и ввело въ Остзейскомъ краѣ такой же новый порядокъ, какъ и во всемъ государствѣ. Слѣдовательно, и латыши должны были войти въ составъ волостей и получить право на землю, а также и права политическія наравнѣ съ населеніемъ Россіи вообще. Тоже самое предложилъ Пестель и относительно одноплеменныхъ съ латышами литовцевъ въ тѣхъ частяхъ Виленской и Минской губерній, которыя останутся за Россіей.

Предъ еврейскимъ вопросомъ Пестель остановился въ нѣкоторомъ раздумьѣ. Во время французской революціи, евреи добились полнаго равноправія во Франціи, которое дано имъ было декретомъ учредительнаго собранія 28 сентября 1791 г. *); въ 1796 г. признано было равноправіе евреевъ въ Батавской республикѣ. Въ благопріятномъ смыслѣ измѣнилось положеніе евреевъ и въ тѣхъ государствахъ, которыя образовались въ Германіи волею Наполеона: въ Вестфальскомъ королевствѣ въ 1808 г. евреи были объявлены полноправными гражданами; въ герцогствѣ Баденскомъ въ 1809 г. полноправіе получили евреи, занимающіеся искусствами, науками, болѣе крупною торговлею и имѣющіе фабрики; въ великомъ герцогствѣ Франкфуртскомъ въ 1811 г. они достигли на время равноправія съ остальными гражданами. Въ Пруссіи указомъ 11 марта 1812 г. евреямъ былъ открытъ доступъ ко всѣмъ промышленнымъ занятіямъ, къ учительскимъ и общественнымъ должностямъ, и они избавлены были отъ всѣхъ спеціальныхъ налоговъ, отъ ограниченій ихъ гражданскихъ правъ, но еще не были допущены къ государственной службѣ. Противъ полнаго уравненія ихъ въ правахъ, къ сожалѣнію, раздавались еще

---

*) См. Дубновъ «Эмансипація евреевъ во время великой французской революціи 1789—91 г.» 1906 г., стр. 71—72.

нѣкоторыя возраженія *). Но; безъ сомнѣнія, Пестелю было извѣстно, что по польской конституціонной хартіи евреи не получили политическихъ правъ. Жизнь въ юго-западной Россіи дала Пестелю возможность лично наблюдать евреевъ, при чемъ онъ пришелъ къ неблагопріятнымъ заключеніямъ относительно ихъ вліянія на экономическое положеніе крестьянъ **). Особенно неодобрительно отнесся онъ къ ихъ полной обособленности, къ тому, что они, такъ сказать, составляютъ государство въ государствѣ, и нѣкоторыя стороны ихъ жизни, какъ, напр., право не давать рекрутъ, побудило его утверждать, что они пользуются бо́льшими правами, нежели христіане, несмотря на то, что они не имѣли даже права повсемѣстнаго въ Россіи жительства, не говоря уже о множествѣ другихъ ограниченій ихъ правъ. Пестель сдѣлалъ верховному правленію два предложенія: созвать ученѣйшихъ раввиновъ и умнѣйшихъ евреевъ, выслушать ихъ представленія и принять мѣры для устраненія еврейской обособленности. Второе же предложеніе было навѣяно сіонистскими стремленіями, сказавшимися тогда до нѣкоторой степени въ еврейскомъ обществѣ. Такъ, еврей-лютеранинъ, Перетцъ, принятый по его показанію, Ѳ. Н. Глинкою въ Тайное Общество, много говорилъ ему о необходимости основать общество для освобожденія евреевъ, разсѣянныхъ по Россіи и Западной Европѣ и поселенія ихъ въ Крыму или на востокѣ въ видѣ отдѣльнаго народа. Подобною же мыслью задавался отецъ Перетца (винный откупщикъ), но для этого, по ихъ мнѣнію, было необходимо учредить общество капиталистовъ и заручиться содѣйствіемъ ученыхъ людей. Соотвѣтственно этому и Пестель считалъ желательнымъ устройство особаго еврейскаго государства въ Малой Азіи. Для этого онъ совѣтовалъ назначить сборный пунктъ для евреевъ и дать имъ въ помощь войско. Онъ полагалъ, что если бы всѣ евреи Запад. Россіи и Царства Польскаго собрались въ одно мѣсто, то ихъ оказалось бы болѣе двухъ милліоновъ, и они могли бы преодолѣть всѣ препятствія, которыя турки противопоставили бы осуществленію этого проекта. Но Пестель понималъ величайшую трудность исполненія такого «исполинскаго

*) Гретцъ. Исторія евреевъ отъ начала мендельсоновской эпохи до новѣйшаго времени, 1750—1884, Спб. 1848 г., стр. 194, 255, 260, 262: Goette. Das Zeitalter der deutschen Erhebung. 1891, S. 387; Alfr. Stern. Die Entstehung des Ediktes vom 11 März 1812, betreffend der bürgerlichen Verhältnisse der Juden in dem preussischen Staate въ его Abhandlungen u. Aktenstücke zur Geschichte der preussischen Reformzeit 1807—15. 1885.

**) Напротивъ, польскій революціонеръ Валер. Лукасинскій въ изданной имъ въ 1818 г. брошюрѣ по еврейскому вопросу обвинялъ въ раззореніи крестьянъ польскую шляхту, эксплуатирующую ихъ при посредствѣ евреевъ. М. Л. Вишницеръ. „Проекты реформы еврейскаго быта въ герцогствѣ Варшавскомъ и царствѣ Польскомъ“. Сборникъ „Пережитое“, 1908 г, стр. 206—208.

предпріятія» *) и потому не ставилъ его въ «непремѣнную обязанность» временному верховному правленію, а упоминалъ лишь въ видѣ «намека» на то, что можно было бы сдѣлать **) Въ вопросѣ національномъ Пестель ставилъ временному верховному правленію одну цѣль: чтобы всѣ племена, населяющія Россію, слились въ одинъ русскій народъ съ однимъ языкомъ, одними законами и однимъ образомъ управленія, и онъ имѣлъ даже наивность вѣрить въ возможность достиженія этой цѣли!

Изъ всего изложеннаго въ этомъ и предшествующихъ очеркахъ ясно видно, что, несмотря на нѣкоторые серьезные недостатки плановъ декабристовъ относительно политическихъ и общественныхъ преобразованій, ихъ революціонная пропаганда должна была имѣть самое благотворное вліяніе на русское общество. Это вліяніе было чрезвычайно усилено тѣмъ беззавѣтнымъ самопожертвованіемъ, съ которымъ они провозгласили требованіе политической свободы и на Сенатской площади въ Петербургѣ, и во время возстанія Черниговскаго полка въ юго-западной Россіи. Лучшіе русскіе люди, послѣ комедіи суда надъ ними, были или казнены, или заточены въ Восточной Сибири и въ крѣпостяхъ европейской Россіи, отправлены на поселеніе или на службу въ разные медвѣжьи углы. Однако, несмотря на всѣ старанія правительства прервать идейную преемственность двухъ поколѣній, уже въ ближайшіе годы послѣ расправы съ декабристами, въ Москвѣ возникаютъ кружки, ставящіе себѣ цѣлью продолженіе ихъ дѣла; такимъ стремленіемъ, въ числѣ другихъ, были проникнуты юные друзья— Герценъ и Огаревъ. Достаточно припомнить благоговѣніе къ декабристамъ, которое всю жизнь они питали (Герценъ придавалъ огромное значеніе аграрнымъ планамъ Пестеля), чтобы понять, какую значительную роль сыграли наши первыя тайныя общества въ русскомъ освободительномъ движеніи. Смѣлость, съ которою декабристы поставили на карту и свою жизнь, и свое личное счастіе ради осуществленія дорогихъ для нихъ идей, будетъ долго еще служить примѣромъ для всѣхъ тѣхъ, кто способенъ бороться для завоеванія свободы русскому народу.

В. Семевскій.

*) Правда, Общество для урегулированія еврейской эмиграціи заявляетъ, что за пятилѣтіе 1903 — 1907 гг. изъ Россіи выселилось болѣе полумилліона евреевъ («Рѣчь» 1908 г. № 232), но вѣдь при Александрѣ I не было еврейскихъ погромовъ.

**) Муравьевъ въ своемъ проектѣ конституціи, въ отличіе отъ польской конституціи 1815 г., предоставилъ евреямъ права политическія. Нужно замѣтить, впрочемъ, что при высокомъ имущественномъ цензѣ, установленномъ его проектомъ конституціи для не крестьянъ, лишь ничтожная часть евреевъ могла бы быть выборщиками, хотя они и могли бы быть выбираемы въ депутаты. Въ первой редакціи онъ еще колебался относительно предоставленія имъ права селиться внѣ черты осѣдлости и оставлялъ это на рѣшеніе народнаго вѣча; но во второй редакціи это было исключено.

ПРОСТУПОКЪ.

Повѣсть.

VIII.

Въ это время Осокинъ сидѣлъ, сгорбившись и охвативъ колѣна руками, у самаго моря...

По ту и другую сторону, такъ далеко, насколько было доступно зрѣнію, тянулся плоскій, усыпанный камнями, берегъ. Низкорослый кустарникъ возвышался сзади зеленой стѣной. Горы вдали горѣли пламенными красками тускнѣющаго заката.

Осокинъ смотрѣлъ и думалъ.

Подгонявшія одна другую волны безконечно бѣжали передъ нимъ. Слышался ихъ отрывистый, точно зовущій плескъ...

Однообразно набѣгали волны и вновь откатывались назадъ, а отзвуки прошлаго, далекія воспоминанія забытыхъ дней то неожиданно появлялись передъ его тоскливо устремленными глазами, то скрывались гдѣ-то среди равнодушной мглы, разбуженныя моремъ и безслѣдно исчезнувшія въ немъ, точно смытыя только-что отхлынувшей отъ берега волною.

Осокинъ пытался дать самому себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ за послѣдніе дни, но ничего не выходило. Онъ смутно чувствовалъ, что неправъ, и это ощущеніе почему-то еще больше раздражало его. Ему нужно было доказать себѣ, что мнѣніе Елены Павловны объ его поведеніи ему совершенно безразлично, но, вмѣсто того, онъ испытывалъ на душѣ тяжелую горечь, которая не покидала его ни на секунду...

Неопредѣленная тоска окутывала сѣрой дымкой медленно ворочавшіяся въ мозгу усталыя и одинокія размышленія. Осокину хотѣлось лечь тутъ же на камни и долго, долго плакать, прижавшись къ нимъ, подъ ласковый шелестъ

волнъ, пока не выльется слезами вся эта наболѣвшая на сердцѣ тяжесть...

Между тѣмъ, заря на западѣ тускнѣла и гасла. Длинныя тѣни потянулись по волнующейся поверхности моря. Оно какъ-то сразу потемнѣло и словно нахмурилось. Прозрачный сумракъ началъ спускаться на землю изъ синѣющихъ ущелій. У подножья горъ показались первые скользящіе клочья чуть замѣтно поднимающагося бѣлаго тумана...

Осокинъ протянулъ впередъ ноги, онѣмѣвшія отъ неподвижнаго сидѣнья, и снялъ шляпу. Всклокоченные волосы сейчасъ же мягко зашевелились... Вѣтеръ усиливался. Подъ его порывами кустарникъ тревожно и томительно зашумѣлъ.

— Какое право имѣетъ она негодовать и удивляться?..— вспыхнула давно уже безсознательно разгоравшаяся искра.— Почему именно мнѣ это не позволено, а любому дураку можно?.. Кто поставилъ меня куда-то вбокъ отъ прочихъ людей, и я только долженъ смотрѣть на нихъ, какъ они мимо меня проходятъ? А если я самъ тоже желаю вмѣстѣ съ ними идти?.. Если я хочу быть, какъ и всѣ?.. Можетъ-мнѣ нисколько даже не интересно, что меня считаютъ чѣмъ-то непохожимъ на другихъ... человѣкомъ идеи... долга, самопожертвованія и т. д... А вдругъ я хочу быть вполнѣ обыкновеннымъ, безъ всякаго долга и самопожертвованія! Хочу любить, быть счастливымъ... смѣяться, ухаживать... наслаждаться жизнью...

Осокинъ задумался. Ему ясно представилось, что всегда его жизнь тянулась вплоть до нынѣшнихъ дней, наполненная лишеніями и борьбой, но безъ проблеска личнаго счастья. Постоянно онъ былъ въ самомъ центрѣ какихъ-нибудь общественныхъ дѣлъ: въ гимназіи—кружки самообразованія и совмѣстнаго чтенія, украдкой отъ гимназическаго начальства; въ университетѣ—сперва чисто студенческіе, потомъ уже политическіе вопросы; а тамъ захватило волной, какъ щепку, и пошло носить отъ партійныхъ собраній до сибирскихъ снѣговъ, отъ тюремной тишины до многотысячныхъ, шумныхъ митинговъ, и оттуда — снова за желѣзную рѣшетку...

Осокинъ никогда не зналъ женской любви. Когда имѣлось для этого свободное время, онъ былъ слишкомъ робокъ и неуклюжъ, а потомъ уже стало совсѣмъ некогда: общественная работа поглотила его совершенно...

Онъ часто думалъ объ этомъ, расхаживая по безмолвно прислушивающейся къ его шагамъ тюремной камерѣ, или же склонившись надъ своимъ наборнымъ станкомъ. Несбыточныя мечты далеко уносили его, но онъ зналъ, что онѣ никогда не осуществятся!

— Чего же не хватаетъ мнѣ?.. Чего?..—часто спрашивалъ онъ самъ себя съ мучительнымъ сожалѣніемъ... Отвѣта не было, но онъ зналъ, что, дѣйствительно, ему все-таки чего-то не хватаетъ...

Когда Осокинъ былъ еще въ гимназіи, его всѣ считали начитаннымъ и умнымъ. На гимназическихъ вечерахъ онъ одиноко бродилъ между жизнерадостной толпой своихъ сверстниковъ, гулявшихъ подъ руку съ наивно щебечущими, какъ птички, или же кокетливо играющими во взрослыхъ женщинъ гимназистками, вдыхалъ въ себя всю эту атмосферу неуловимой влюбленности и чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ.

Прислонившись къ стѣнѣ, онъ смотрѣлъ на вертящіяся передъ нимъ въ восторженномъ упоеніи и смѣняющія одна другую пары—губы его по привычкѣ кривились въ саркастическую усмѣшку...

— Какой онъ серьезный!.. Онъ принципіально не танцуетъ...—доносился до него иной разъ почтительный шепотъ какой-нибудь гимназисточки, проходившей мимо съ своимъ безусымъ, но уже чрезвычайно важнымъ кавалеромъ...

— Н-да!..—солидно подтверждалъ тотъ—Осокинъ у насъ не отъ міра сего... ученый...

Но если бы знали они, съ какой захватывающей радостью бросился бы онъ вертѣться сію же минуту вмѣстѣ со всѣми ими, если бы умѣлъ танцовать!.. Съ какимъ восторгомъ бѣгалъ бы.... суетился, размахивалъ руками и кричалъ: „en avant!.. cavaliers à gauche—mesdames à droite, s'il vous plait!..“—не хуже, чѣмъ Володя Журавлевъ, первый танцоръ гимназическихъ вечеровъ и ихъ неизмѣнный дирижеръ-распорядитель.

Но Осокинъ чувствовалъ себя неспособнымъ къ подобной роли. Случайно какъ-то увидавъ въ зеркалѣ отраженіе своей комически-растопыренной фигуры, онъ навсегда отказался отъ надежды сдѣлаться танцоромъ.

Въ университетѣ было то же самое. На сходкахъ, на рефератахъ, на вечеринкахъ, всюду, когда дѣло шло о какихъ-нибудь серьезныхъ вещахъ, Осокинъ былъ желаннымъ гостемъ. Но лишь только кончались дебаты, и собравшаяся молодежь начинала веселиться, онъ сразу же становился всѣмъ чужой и сидѣлъ въ углу, почти никѣмъ не замѣчаемый и забытый. Обычно къ нему подсаживался кто-нибудь изъ „серьезныхъ людей“ или мнящихъ себя таковыми и начиналъ безконечные разговоры.

Кругомъ шло молодое веселье: пѣли, смѣялись, ухаживали, танцовали. Осокинъ же принужденъ былъ выслушивать разныя „соображенія“ по поводу „назрѣвавшихъ во-

просовъ", мысленно посылая своего собесѣдника ко всѣмъ чертямъ...

Онъ не понималъ: почему другіе умѣютъ совмѣщать серьезность съ беззаботнымъ весельемъ, а у него это никакъ не выходитъ... Чего-то не хватало для этого... Но чего?..

Осокинъ поднялся и, не спѣша, повернулъ къ дому. Скоро онъ замѣтилъ какую-то бѣлую фугуру, одиноко сидѣвшую на крыльцѣ. Это была Яся, но онъ принялъ ее въ темнотѣ за Елену Павловну.

Сердце его усиленно и часто застучало. Онъ остановился, чтобы перевести дыханіе.

Фигура не двигалась.

— Подойду и молча сяду... Она пойметъ меня... Она проститъ...—Осокинъ нерѣшительно двинулся впередъ. — Она сильный и уравновѣшанный человѣкъ... Ей мое поведенье кажется дикимъ... недостойнымъ даже... быть можетъ!.. Я это признаю... Я былъ неправъ... Прежде всего—передъ ней неправъ: я оскорблялъ ее всякими подозрѣніями, требовалъ чего-то, чего и самъ не знаю!.. Конечно, она возмутилась и оттолкнула... Она—чистая, святая... Лгать она не умѣетъ, но я былъ слишкомъ измученъ для того, чтобы повѣрить сразу... Сергѣй для нея, конечно, легкомысленъ... Развѣ женщина способна увлечься человѣкомъ, который дурачится, какъ мальчишка, и при томъ постоянно насмѣхается надъ ней?.. И даже неостроумно иногда... Онъ хорошій, милый... словъ нѣтъ!.. Но развѣ его можно поставить на одну доску рядомъ съ Еленой?.. Вздоръ и пустяки!.. Конечно — я замѣчалъ въ ней маленькое кокетство, когда онъ пріѣзжаетъ... Но вѣдь у насъ тутъ такъ скучно... Поневолѣ свѣжому человѣку обрадуешься... Съ Сергѣемъ пріятно поболтать, посмѣяться,— но любить его... Какой вздоръ!.. За что, спрашивается?.. Къ тому же, Елена знаетъ, что онъ очень непостояненъ... Сегодня одна—завтра другая... Прямо какое-то тру-ля-ля... и больше ничего!.. Женщинамъ это не должно нравиться: онѣ любятъ, чтобы къ нимъ относились серьезно...

Осокинъ подошелъ къ калиткѣ.

Между тѣмъ, Яся, давно уже сидѣвшая на крыльцѣ въ ожиданьи Осокина, думала о своемъ, и вся была охвачена обаяніемъ этой задумчиво затихнувшей ночи.

Кругомъ была тьма. Гдѣ-то неподалеку призывно и страстно звенѣли въ травѣ безчисленныя цикады. Влюбленныя лягушки перекликались странно урчащими голосами. Въ темномъ и влажномъ воздухѣ чудилась безотчетная весенняя тоска...

Яся смотрѣла прямо передъ собой широко раскрытыми,

точно очарованными глазами, но она не видѣла и не слышала ничего.

Она видѣла лишь то, что происходило у нея на душѣ въ этотъ смутный часъ, когда небо сливается съ землей и моремъ въ одну чернѣющую мглу... Она слышала лишь тотъ неясный, внутренній голосъ, который ей нашептывалъ среди волнующей ночной тишины, что нужно жить, что жизнь хороша, но только скоро проходитъ, и поэтому необходимо ловить ея безслѣдно ускользающія, счастливыя мгновенья...

Море тоже умолкло за окутанной вечернимъ мракомъ стѣною кустовъ. Оно, какъ будто, исчезло куда-то, и было непонятно и жутко, что больше уже не доносится оттуда его привычное, однообразно прерывающееся плесканіе...

Всколыхнувшееся прошлое медленно развертывалось въ сознаніи смутной тѣнью... Сѣрые призраки тоскливо исчезнувшихъ дней... Сколько было въ нихъ одинокой горечи и разочарованія...

Жизнь тащилась вяло и монотонно. Дикая семья съ цѣлымъ роемъ предразсудковъ и вѣрованій, старозавѣтныхъ традицій и анафемой всѣмъ тѣмъ, кто осмѣлится нарушить въ нихъ малѣйшую іоту... Въ домѣ трепетъ и животный страхъ передъ отцомъ. Мать, забитая, запуганная, больная... Голодные родственники, жадно ждущіе подачки съ богатаго стола. Вѣчные споры и крики по поводу каждой истраченной копѣйки... Въ банкѣ же сотни и сотни тысячъ, и вся округа въ рукахъ отца...

Единственная дочь... гордость семьи... ея надежда... Нужно учиться, „пускай ученая будетъ“...

Гимназія... первыя брошенныя въ глаза оскорбленія изъ-за происхожденія и вѣры... Тоскливая, ненужная жизнь... Упорный трудъ безъ проблеска впереди, безъ искры тепла и свѣта... Но за то—первая ученица... золотая медаль... и надорванныя силы... Усталость душевная, покорность и робость...

Но вотъ—неожиданное пламя вспыхиваетъ въ душѣ при первыхъ прочтенныхъ книгахъ, при первыхъ встрѣчахъ съ новыми людьми, и, повинуясь, его невѣдомому призыву, она бросаетъ все и идетъ...

Вторая полоса жизни: снова трудъ, изнуряющій, тяжелый, но за то на душѣ озаренная тишина... Хорошо мечтать о томъ, что будетъ когда-нибудь послѣ,—сейчасъ еще нѣтъ ничего, но какъ радостно это ликующее, бодрое ожиданіе!..

Безконечной цѣпью тянутся дни... недѣли и мѣсяцы проходятъ повторяющимися звеньями сквозь смутную дымку воспоминаній... Аресты, ссылки... Неотвязныя думы среди

безмолвія враждебно сомкнувшихся, каменныхъ стѣнъ, тоска по волѣ и снова свобода...

Прошли эти кошмарныя ночи съ чернѣющей на темномъ небѣ тюремной рѣшеткой, далеко позади осталось пережитое спокойствіе могилы, день за днемъ опустошающее душу,— снова солнце и жизнь впереди... Но отчего же прежнее одиночество не гаснетъ?..

И вдругъ, — среди мертвой пустыни привѣтно мерцающій, неожиданный огонекъ... Какая тихая радость охватываетъ душу!.. Какъ хорошо пригрѣться и отдохнуть послѣ утомительной и одинокой дороги...

Огонекъ этотъ, правда, не ярокъ и малъ, но для того, кто измучился въ его ожиданіи, онъ замѣнитъ самыя лучезарныя звѣзды...

Яся неожиданно очнулась отъ нахлынувшихъ на нее обрывковъ воспоминаній. Но сейчасъ же мысли ея вернулись къ прежнему направленію. Этотъ вечеръ она непрерывно думала объ Осокинѣ.

— Какой онъ слабый, безпомощный,—думала она.—Ему надобно бросить пить, и тогда онъ поправится... Ему очень вредно, а онъ этого не понимаетъ... Глупый!.. Развѣ же можно такъ разрушать свое здоровье... Теперь всякій человѣкъ на учетѣ—постоянные аресты... провалы... А онъ такой чудный техникъ... Онъ страдаетъ, должно быть, сильно, а не хочетъ ничего сказать... Сказалъ бы мнѣ,—вдвоемъ легче перенести, чѣмъ одному... Но нѣтъ!.. Скрытный онъ... Все одинъ хочетъ...

Въ это время Осокинъ подошелъ къ крыльцу.

— Елена Павловна! — срывающимся голосомъ позвалъ онъ въ темнотѣ.

— Елены здѣсь нѣтъ, это я...—съ грустной нѣжностью возразила ему Яся. Мягкая и ласковая волна хлынула ей въ голову, и она томительно закружилась. Неожиданное появленіе Осокина смутило Ясю. Она даже густо покраснѣла, но Осокину это не было видно.

— А Елена Павловна гдѣ?..

— Ушла съ Сергѣемъ къ морю...

— Съ Сергѣемъ?.. Откуда вдругъ взялся Сергѣй?..

— Онъ пріѣхалъ подъ вечеръ, когда васъ не было...

— Вотъ какъ!..

— А вы почему съ ними не пошли?..—отрывисто спросилъ онъ.

Яся улыбалась и молчала. Но такъ какъ Осокинъ не могъ замѣтить ея улыбку изъ-за темноты, то, выждавъ нѣсколько мгновеній, повторилъ еще разъ, но уже съ большей настойчивостью:

— Почему же вы съ ними не пошли?..

Яся вспомнила, какъ, вернувшись въ комнату изъ кухни, застала Сергѣя цѣлующимъ Елену Павловну, и невольно засмѣялась. Этотъ смѣхъ заставилъ Осокина насторожиться. Ему почудилось въ немъ какое-то подозрительное значеніе. Онъ рѣзко и грубо шагнулъ впередъ.

— Я васъ спрашиваю: почему вы съ ними тоже не пошли?.. Желаете вы мнѣ отвѣтить?.. Или вамъ, быть можетъ, не велѣно говорить?..

Его горячее, тяжело прерывающееся дыханіе коснулось щеки Яси и обожгло ее.

Яся неопредѣленно пожала плечами.

— Ну вотъ, что за пустяки!.. „Не велѣно“ — съ какой это стати?.. Просто не хотѣлось мѣшать... вотъ и все... Развѣ пріятно быть пятой спицей въ колесницѣ?..

— Какъ... что такое?..—сперва было не понялъ Осокинъ, но сейчасъ-же мучительно яркій лучъ разрѣзалъ тьму, и все стало сразу яснымъ. Онъ зашатался и чутъ было не упалъ. Тупая боль судорожно сжала пересохшее горло.

— В... вотъ, значитъ, какъ!..—съ трудомъ пробормоталъ онъ, стуча зубами, какъ въ лихорадкѣ. Отвратительныя картины, одна другой ярче и неожиданнѣе, съ болѣзненной торопливостью побѣжали въ услужливо заработавшемъ воображеніи.

Изъ груди его противъ воли вырвался глухой и жалобный стонъ.

Яся встревоженно вскочила.

— Боже мой!.. Что такое?.. Что съ вами? Вамъ не хорошо?..

Осокинъ съ силой стиснулъ грудь обѣими руками, но не могъ удержаться.

— Тоска... тоска!.. Боже мой—какая тоска!..—съ хриплымъ стономъ снова вырвалось у него...

Яся съ внезапнымъ порывомъ нѣжности наклонилась къ нему и зашептала:

— Милый!.. Ну, что съ вами?.. Ну, скажите?.. Ну... ради Бога!... Ну, хотя бы для меня... Вѣдь я тоже страдаю вмѣстѣ съ вами... Давайте же вмѣстѣ страдать, если ужъ счастья намъ не дано... Будемъ теперь горе пополамъ дѣлить... легче будетъ... Ну, милый!. ну захотите... Боже мой, какъ измучилась я за васъ!.. Ахъ, Осокинъ, если бы вы знали только... Ну, послушайте же меня—скажите: какая тоска васъ мучитъ?.. Можетъ, я и сумѣю ее разогнать... Ну, скажите!.. Я вѣдь всегда одна... Господи!.. Я сама не знаю, что я сейчасъ говорю!.. Осокинъ, милый!.. Я съ ума схожу... Я люблю васъ... Въ первый разъ въ жизни люблю... Когда

я увидѣла сегодня, какъ Сергѣй цѣловалъ Елену, я подумала...

— Вы лжете!.. Лжете вы!..—Осокинъ съ злобой выкрикнулъ ей эти слова прямо въ лицо. Яся испуганно замолчала. Ей почудилось, что все, что происходитъ сейчасъ, не настоящее, сонъ, кошмаръ...

— Господи!.. Осокинъ!.. Что съ вами?.. Вы мнѣ не вѣрите?..

— Не вѣрю!...—упрямо заявилъ Осокинъ.

— Не вѣрите, что я васъ люблю?..—Яся прошептала это такъ тихо, что онъ не услышалъ, а скорѣе угадалъ слова.

Онъ насильственно и коротко засмѣялся.

— Ахъ, да не объ этомъ я!.. Я говорю, что вы лжете насчетъ Елены и Сергѣя...

Яся поднялась и съ силой хрустнула пальцами стиснутыхъ рукъ. Но она сейчасъ же должна была прислониться къ баллюстрадѣ, чтобы не упасть. Земля колебалась и поплыла подъ ея ногами.

— Такъ вотъ что!.. Вотъ отчего!.. Теперь я все понимаю,— беззвучно шептали ея помертвѣвшія губы.

— Я ихъ все-таки найду!.. — съ бѣшенствомъ отчаянья пробормоталъ Осокинъ, и черезъ секунду его высокая фигура исчезла во мракѣ между кустовъ.

Яся осталась одна. Когда Осокинъ скрылся изъ виду, она молча легла навзничь на жесткій песокъ и долго билась головой о смутно бѣлѣющія въ темнотѣ ступеньки. Плакать она не могла...

А кругомъ попрежнему темнѣла тихая ночь. Звенѣли цикады, и въ канавѣ за дачей слышалось весеннее кваканье влюбленныхъ лягушекъ, томительно журчащими голосами призывавшихъ другъ друга...

Море загадочно молчало вдали.

IX.

— Слушай, Сергѣй,—ну, не странно ли это?.. Я люблю тебя... ты мой!.. Ты весь мой!.. Я знаю и люблю въ тебѣ каждую черточку твоего лица, каждую линію твоего тѣла, все вѣдь это родное, близкое мнѣ... а, между тѣмъ, ты попрежнему остаешься для меня неизвѣстнымъ!..

— Т. е. какъ это такъ?..—спросилъ Сергѣй.

— Я хочу сказать, что до сихъ поръ еще не знаю, кто ты такой?..

Сергѣй засмѣялся.

— Вонъ оно что!.. Такъ по твоему, значитъ, въ нашихъ отношеніяхъ должно что-нибудь измѣниться, если я тебѣ сообщу, какъ меня по настоящему зовутъ?.. Признаюсь, не совсѣмъ понимаю... Къ чему это?.. Развѣ тебѣ станетъ легче, если ты узнаешь, что я, предположимъ, Петръ, а не Сергѣй?

— Нѣтъ... Я вижу, ты меня тоже не понимаешь. Не въ этомъ совсѣмъ дѣло... Я твоего метрическаго свидѣтельства у тебя не прошу... Я хочу только знать: какъ тебя зовутъ, и кто ты?.. Ты только пойми: мнѣ все время кажется, что я люблю кого-то другого, а не тебя!..

— Вотъ тебѣ разъ!.. Это по какой-же причинѣ?

— А очень просто... Когда я мысленно говорю про себя твое имя: „Сергѣй!..“ — во мнѣ сейчасъ же появляются связанныя съ нимъ воспоминанія... Вотъ наша первая встрѣча, когда ты ночевалъ у насъ въ квартирѣ послѣ побѣга, вотъ то... другое... третье что-нибудь... одно за другимъ встаетъ и поднимается въ душѣ... И такъ свѣтло становится... такъ радостно, словно солнце выглядываетъ изъ-за тучъ—хочется пѣть и смѣяться!.. И вдругъ я вспомню иной разъ, что Сергѣй — это вѣдь совсѣмъ не тотъ человѣкъ, котораго я люблю... Того какъ-то иначе зовутъ—какъ?.. Я не знаю... На самомъ-же дѣлѣ — никакого Сергѣя нѣтъ!.. И все сразу становится тусклымъ... Когда я начинаю думать о томъ, что мнѣ нельзя знать ни прошлаго твоего, ни тѣхъ людей, которые тебя раньше окружали, мнѣ хочется плакать отъ обиды... Гдѣ-то, кому-то все это извѣстно,—а для меня цѣлая полоса твоей жизни подъ замкомъ!.. Были же женщины, которыя любили тебя, какъ того, кто ты есть въ дѣйствительности, а не какъ Сергѣя... невѣдомаго какого-то... несуществующаго... У нихъ есть воспоминанья, а у меня ничего... Меня злоба душитъ—я ревную, не зная ихъ... Мнѣ такъ это все тяжело, а ты, повидимому, даже понять этого не желаешь!..

Елена Павловна порывисто сломала сухую вѣтку, которую все время вертѣла въ рукахъ. Сергѣй молчалъ, попыхивая красновато-свѣтящейся въ темнотѣ папиросой.

Потомъ онъ вдругъ неожиданно расхохотался.

— Нѣтъ, это ловко, чортъ возьми!.. Не успѣлъ пріѣхать, а она уже злится на меня... Что же будетъ, если мы съ тобой вмѣстѣ жить станемъ?.. Воображаю семейное счастье... Но—шутки въ сторону!.. Давай лучше по душамъ поговоримъ...

Онъ отшвырнухъ отъ себя окурокъ папиросы, пролетѣвшій по темному воздуху разсыпающейся мелкими искрами дугою, и уже серьезнымъ тономъ продолжалъ:

— Слушай, Елена, глупо ссориться изъ-за пустяковъ. Я разъ

навсегда говорю тебѣ: теперь я не имѣю еще возможности сказать тебѣ, кто я такой?.. Это не моя только тайна... Есть причины, по которымъ товарищи не желаютъ, чтобы я себя открывалъ — значитъ, о чемъ же рѣчь?.. Ясно, кажется?.. А ты, между прочимъ, въ претензіи на меня... По моему, это совершенно несправедливо... А затѣмъ я немного иначе смотрю на эти вещи. Я думаю, въ данный моментъ совсѣмъ не важно и не зачѣмъ оборачиваться назадъ,—кто стоялъ у моей колыбели?.. Какія вліянія окружали меня съ младыхъ ногтей?.. Не все ли равно въ концѣ-то концовъ?.. Важенъ я такой, какой есть сейчасъ, а не такой, какимъ былъ когда-то... Вѣдь, можетъ, жить мнѣ осталось всего трое сутокъ, а можетъ, и пять часовъ, и возможно, что и аридовы вѣки еще проживу, если счастье мое будетъ такое. Зачѣмъ же, спрашивается, старое вспоминать?.. Нужно жить только настоящимъ да въ будущее, въ тьму эту неизвѣстную, съ веселымъ и яснымъ сердцемъ смотрѣть... А придетъ моментъ,—умирай!.. Жизнь твоя ярко прожита... не жаль и разставаться съ ней, все хорошее и худое полной чашей уже выпито. Вотъ, по моему, какъ надобно жить... И я хочу для себя именно такой жизни...

Сергѣй низко нагнулся къ Еленѣ Павловнѣ и, обнявъ ее за талію, притянулъ къ себѣ.

Она неохотно повиновалась.

— Знаю я тебя!.. Наговоришь... наскажешь,—и опять я, какъ дура набитая, буду слушать, разиня ротъ... Я все-таки сержусь на тебя...

— За что?

— Ты бы могъ меня какъ-нибудь извѣстить, чтобы я понапрасну не волновалась... Я эти ночи почти не спала... Кажется, можно было бы догадаться!.. Ну, хотя бы Осокину, что-ли, пару словъ прислалъ: живъ, молъ, здоровъ... Нѣтъ... ни звука!.. Какъ ключъ въ воду канулъ... Чего только не передумала я!.. А ему, какъ съ гуся вода...

— Елена, а кто обѣщалъ мнѣ быть ласковой со мной сегодня?..

— Не могу я быть ласковой... Я сама на себя сержусь, что, какъ ты пріѣзжаешь, вся моя воля куда-то расплывается безъ остатка... Какъ въ туманѣ хожу!..

— Скажите!.. Онѣ очень горды и потому не желаютъ быть въ подчиненіи... Моя воля—законъ... Я такъ хочу...

— Пусти меня... Ты опять начинаешь меня дразнить...

— А если я не пущу?..

— Тогда я сама уйду...

— Попробуй...

Зашуршали и стремительно забулькали обрывающіеся

въ воду съ берега мелкіе камешки. Послышался сдавленный смѣхъ.

— Ага!..—торжествующе возгласилъ Сергѣй.—Ну, что ты на это скажешь?.. .

— Еще бы... Я гимнастикой не занимаюсь, какъ ты... Гдѣ же мнѣ справиться?

— То-то и есть... Признавай, значитъ, мое главенство, или въ воду брошу...

— Не признаю!..

— Брошу вѣдь... лучше уступи...

— Не уступлю... сказала—и кончено!..

— Ну, значитъ, Господи благослови!.. Разъ...

— Сергѣй, что ты дѣлаешь?.. Сергѣй...

— Два... два... и...

— Ай... ай!.. Сумасшедшій!.. Что онъ дѣл...

— Три!..

— Вотъ и не бросилъ!.. Что, не хватило духу?..

— Сознаюсь, побѣжденъ... Только у меня къ этому есть уважительныя причины...

— Какія же?..

— Жалко стало бросать...

Сергѣй снова крѣпко прижалъ ее къ себѣ.

— Елена, сегодня ночью... да?..—несвязно зашепталъ онъ, ища ея губъ своими губами:—ты придешь къ морю?.. Пускай сегодня будетъ такъ же, какъ тогда... въ тотъ вечеръ... Ты помнишь?..

— Помню,—чуть слышно шепнула она, безсильнымъ движеніемъ запрокидывая назадъ голову подъ его порывистымъ и длительнымъ поцѣлуемъ...

Обнявшись, они медленно повернули обратно.

— Милый!.. Я такъ соскучилась... такъ тебя ждала... — донесся изъ темноты взволнованно-вздрагивающій голосъ Елены Павловны. Потомъ все стихло.

Осокинъ, блѣдный отъ злобы и униженія, вышелъ изъ-за кустовъ. Казалось, все вокругъ бѣжитъ и вертится въ стремительно исчезающемъ вихрѣ. Хаотическія мысли уродливо вспыхиваютъ въ мозгу.

Онъ сжалъ обѣими руками пылавшую голову.

— Подлая... подлая...—беззвучно шепталъ онъ, самъ не понимая, что такое шепчетъ.—О подлая!.. Обмануть такъ безжалостно... такъ жестоко... Значитъ, вотъ что они... А я?.. Боже мой, какъ я былъ довѣрчивъ и глупъ!.. Воображалъ себѣ: она, молъ, чистая... святая... Хороша святая!.. Нечего сказать!..—онъ хрипло и насильственно засмѣялся, но сейчасъ же умолкъ отъ неожиданно вырвавшихся изъ горла вмѣстѣ со смѣхомъ рыданій...

Ему почудилось, что онъ сходитъ съ ума. Но усиліемъ воли онъ заставилъ себя очнуться и тихо побрелъ по направленію къ дачѣ. Все его тѣло внезапно охватила разслабляющая усталость. Ноги двигались вяло и неохотно. Онъ часто спотыкался о камни и разъ чуть было не упалъ. Но теперь ему было все равно. Въ своей апатіи онъ даже не различалъ, куда идетъ, и очнулся только тогда, когда до его ушей донесся веселый и раскатистый смѣхъ Сергѣя.

Они всѣ: Сергѣй, Елена Павловна, дьяконъ и его жена, сумерничали на крыльцѣ. Неясный силуэтъ Яси одиноко выдѣлялся на верхней ступенькѣ.

Она сидѣла отдѣльно отъ прочихъ.

— Да не можетъ этого быть?..—говорилъ Сергѣй, стараясь удержаться отъ смѣха.—Неужто вы... вы, отецъ дьяконъ, и вдругъ въ гусары собирались поступить?..

— А почему бы и нѣтъ?..—нѣсколько обиженно отозвался дьяконъ:—я вѣдь не всегда былъ такой старый да страшный... и у меня своя молодость была... А въ молодые-то годы—сами знаете... Эхъ, да о чемъ и говорить, все равно станете смѣяться...

— Нѣтъ, отецъ дьяконъ... Я, ей-Богу, сейчасъ серьезно... Разскажите только... Ну, пожалуйста... Это же такъ любопытно: хотѣлъ гусаромъ быть, а очутился дьякономъ!..

— Мало-ли что случается на свѣтѣ... Одинъ Богъ только знаетъ, кому какая судьба... Вы вотъ, къ примѣру скажемъ, о томъ да о другомъ загадываете, а на самомъ дѣлѣ получится что-нибудь третье... Такъ и со мной было...

— Ну... положимъ, что свою судьбу я до нѣкоторой степени уже знаю напередъ... И загадывать даже нечего...

— Никто, какъ Богъ, а человѣку такихъ вещей знать не дано... Напрасно только похваляетесь, Сергѣй Палычъ...

— Ну, такъ какъ же вы изъ гусара въ дьякона обратились...

— Да совсѣмъ я даже не обращался, а просто въ гусары не попалъ... Смолоду-то я очень все о военной службѣ мечталъ... У насъ вѣдь всѣ въ роду военные: и отецъ, и дядя... и братья двоюродные... Ну, вотъ и я туда же, за ними!.. А жили мы тогда въ глухомъ мѣстечкѣ въ Карталиніи... Тамъ у матери былъ участокъ небольшой, съ садомъ... Отецъ же мой померъ давно... Ну—какъ достигъ, значитъ, я двадцати лѣтъ, то поѣхалъ хлопотать въ Питеръ, чтобы меня тамъ вольноопредѣляющимся приняли... на первыхъ порахъ.. Связи у меня были... Полковникъ, князь Николадзе, мнѣ даже троюроднымъ кузеномъ приходился... И вдругъ въ самый неожиданный моментъ получается письмо изъ дому: оказывается, мать

моя померла, и остались маленькія сестры однѣ... Пришлось взять бумаги обратно и уѣхать... Какая ужъ тутъ военная служба, когда двѣ сиротки на плечахъ... Такъ и не попалъ я въ гусары!.. И вотъ, дьякономъ уже пятнадцать лѣтъ... Ничего, слава Богу, живу!.. Участокъ вотъ купилъ себѣ... домикъ... садъ есть... чего еще?.. Такъ и проживу здѣсь, покудова не умру... Торопиться и спѣшить некуда...

Наступило продолжительное молчаніе. Осокинъ слегка пошевелился въ кустахъ.

— Кто это тамъ?..—испуганно вскрикнула Елена Павловна.

— Это Николай Егоровичъ,—отвѣтилъ дьяконъ, у котораго было необычайно острое зрѣніе.

Осокинъ принужденъ былъ выйти изъ своей засады.

— Здорово, братъ!.. Ты чего это тамъ прячешься?..— Сергѣй дружелюбно протянулъ товарищу руку.

— Я вовсе не прячусь... Я гулялъ... — возразилъ Осокинъ, неохотно прикасаясь холодными пальцами къ протянутой рукѣ Сергѣя.

Затѣмъ онъ отыскалъ себѣ мѣстечко подальше и молча усѣлся на ступеньку.

— Что съ тобой?..—спросилъ Сергѣй.

— Ровно ничего. А тебѣ бы чего хотѣлось?..

— Ну, если ты все-то еще не въ своей тарелкѣ, мы лучше послѣ поговоримъ... У меня есть къ тебѣ дѣло...

— Очень пріятно... Амурное какое-нибудь?..

— Это что значитъ?

Сергѣй повернулся къ дьякону.

— Мнѣ бы, отецъ дьяконъ, хотѣлось вамъ одинъ маленькій вопросъ задать...

— Пожалуйста, Сергѣй Палычъ... Какой же именно?..

— А вотъ: довольны вы сейчасъ своей жизнью, или нѣтъ?..

— То есть, какъ это „доволенъ?"...

— А такъ... Находите ли вы, что—какъ вы сейчасъ живете, такъ и нужно жить?.. „Жена, дѣти, домъ... садикъ... чего жъ еще?.. Некуда торопиться?.."

— Ну... а по вашему, надобно что?..

— Я не такъ думаю.

— Какъ же вы думаете, Сергѣй Палычъ?.. Скажите... это интересно...

— Въ то время, когда вы въ гусары собирались, тогда лишь, по моему, и жили вы на бѣломъ свѣтѣ... А какъ кончили собираться, такъ и перестали жить!..

— Вотъ ужъ этого я никакъ не понимаю... Что жъ, по вашему мнѣнію, я теперь уже не живу?..

— Я думаю такъ: какъ кончилъ человѣкъ душой метаться и искать жизни, непохожей на свою нынѣшнюю жизнь, такъ ему тутъ и крышка!.. Судите сами: рѣка волнуется и все впередъ, да впередъ въ невѣдомую даль бѣжитъ, а болото стоитъ себѣ на одномъ мѣстѣ неподвижно... Конечно, и въ болотѣ своя жизнь идетъ, но что это за жизнь?.. Лягушки какія-то... ослизлыя, черныя жабы... А въ рѣчныхъ струяхъ дно играетъ разноцвѣтными камнями, плещутъ въ нихъ серебряныя рыбы... плывутъ люди за своей судьбой.., Все въ рѣкѣ перемѣнчиво и красиво: тамъ свѣтлыя дали... яркое солнце... широкій просторъ... а въ болотѣ?.. Слушайте, отецъ дьяконъ... Елена, и ты послушай!.. Я сейчасъ вамъ одно свое стихотвореніе прочту... Оно глупое, быть можетъ, и я, какъ авторъ, прошу извиненія... Но въ немъ изложено то, что я думаю на этотъ счетъ...

Сергѣй стремительно поднялся и, не дожидаясь отвѣта, началъ въ темнотѣ:

Среди бури, въ полночь глухую
Подымается бѣлая чайка...
Она плачетъ, рыдаетъ тоскливо
И крылами надъ бездною машетъ...
Далеко ея крики несутся
И сливаются съ пѣною крылья;
Кто услышитъ ту чайку—погибнетъ,
Съ этой ночи покоя не зная!..
Ужъ давно уляжется буря,
Стихнетъ вѣтеръ и волны смирятся—
А ему все-то чудиться будетъ,
Что по прежнему море бушуетъ...
И умолкнувшій крикъ среди ночи
Въ его сердцѣ тоской отзовется...
Сонъ тревожная дума отгонитъ,
По невѣдомой чайкѣ тоскуя...
Тамъ, гдѣ плещется тихое море,
На скалѣ станетъ онъ дожидаться;
Не увидитъ ли бѣлыя крылья?..
Не услышитъ ли крикъ тотъ призывный?..
Все спокойно... На глади безбрежной
Ярко солнце лучами сіяетъ—
Ничего тамъ не видно, не слышно...
Лишь при бурѣ та чайка летаетъ!..
Вотъ беретъ онъ свой челнъ и садится...
Вѣтеръ парусъ и рветъ, и бросаетъ—

Но впередъ лишь онъ смотритъ упорно
И кипящую бездну не видитъ...
Онъ плыветъ къ своей чайкѣ навстрѣчу—
Сердце бьется тревогою счастья...
И все дальше, все дальше плыветъ онъ,
Чтобъ назадъ никогда не вернуться...
Снова слышитъ онъ крикъ надъ волнами...
Голосъ бури зоветъ его властно—
И не хочетъ на берегѣ мирномъ
И не можетъ онъ дольше остаться!..

Сергѣй умолкъ и снова опустился на свое мѣсто.

— Ничего не понимаю! — недоумѣвающе произнесъ, наконецъ, дьяконъ послѣ недолгаго молчанія. — Какая такая чайка?... Что она должна собою означать?

— А я понимаю!—порывисто возразила Елена Павловна.— Я точно такъ же думаю, какъ Сергѣй...

Осокинъ почувствовалъ, какъ жгучая волна безумной ревности хлынула ему въ сердце.

— Тогда я, отецъ дьяконъ, могу вамъ объяснить, что это за чайка такая! — неожиданно и какимъ-то чужимъ голосомъ заявилъ онъ.

— Вотъ это любопытно. Пожалуйста, Николай Егорычъ.

Дьяконъ выжидательно повернулся къ нему.

Яся тревожно зашевелилась.

— Не надо! Ради Бога—не надо...—забывъ всякую конспирацію, хотѣла было крикнуть она Осокину, но внезапно похолодѣвшія губы отказались повиноваться, и она что-то лишь прошептала глухо и невнятно. Никто не услышалъ ее.

Осокинъ, между тѣмъ, продолжалъ, лихорадочно стуча зубами и сознавая, что съ каждымъ произнесеннымъ словомъ онъ все ниже и непреодолимѣе падаетъ въ темную бездну.

— Чайка это—баба! Сергѣй Палычъ, какъ глубоко художественная натура, не можетъ равнодушно пройти мимо мелькнувшей женской юбки. Отсюда поэтическое видѣніе: бѣлыя крылья среди волнъ!.. Очевидно, въ данномъ случаѣ подразумѣвается нижняя юбка... Кто набилъ себѣ руку по этой спеціальности, тотъ легко можетъ замѣтить, насколько основательно почтенный авторъ изучилъ разбираемый вопросъ... И потому...

— Чортъ возьми! Да ты что это, парень? Ври, да знай же мѣру!..

Сергѣй вскочилъ, возмущенный и разсерженный. Мягкое прикосновеніе руки Елены Павловны удержало его.

— Оставь... не стоитъ! — тихонько шептала она.—Ты же видишь: онъ не въ себѣ...

Какъ ни были тихо произнесены эти слова, однако они все таки достигли до ушей Осокина. Онъ сразу же смолкъ и обезсилѣлъ. Наступила тягостная, томительно тянущаяся тишина...

Вдругъ съ верхней ступеньки, гдѣ сидѣла Яся, послышалось сдавленное рыданіе. Всѣ обернулись.

— Что ты, Яся?—съ тревогой спросила Елена Павловна.

— Ничего, барыня!.. Это такъ.—Яся судорожно стиснула зубы и черезъ секунду, овладѣвъ собой, поспѣшила отвѣтить притворно веселымъ голосомъ. — Умаялась я за день то... Жарища... духота... Голова до смерти разболѣлась...

— Такъ иди же скорѣе спать. Мы и безъ тебя ужинать накроемъ...

Осокинъ сидѣлъ, понуря голову, какъ бы не понимая, гдѣ онъ и что съ нимъ... Ему хотѣлось скорѣе забыть про все... Куда-нибудь исчезнуть, — но онъ зналъ, что ни то, ни другое было уже невозможно.

Прошло минуты двѣ. Онѣ всѣмъ показались невыносимыми. Наконецъ, дьяконъ притворно зѣвнулъ и началъ подниматься.

— Время-то идетъ! Ну, жена, собирайся. Спать пора... Дѣло къ ночи...

Жена его торопливо поднялась вслѣдъ за нимъ. Всѣмъ стало сразу же легче.

— Ну-съ, спокойной ночи!.. Пріятнаго сна...

— И вамъ того же! До свиданья...

— Ходить во снѣ по аллеямъ, умываться розовой водой, завтра видѣться со мной!..

— Не можете вы, Сергѣй Палычъ, безъ шутокъ! Николаю Егоровичу—всего!..

— Прощайте,—неохотно буркнулъ Осокинъ, не поднимая головы.

Всѣ разошлись.

— Подожди!..—остановилъ Сергѣй Осокина, когда тотъ хотѣлъ было тоже проскользнуть къ себѣ.—Выйдемъ сейчасъ на балконъ... Мнѣ съ тобой нужно поговорить...

Осокинъ безмолвно послѣдовалъ за Сергѣемъ.

— Скажи, пожалуйста, что сей сонъ означаетъ? — безъ всякихъ предисловій началъ Сергѣй, лишь только они остались одни.—Съ ума ли ты сошелъ?.. Или соскучился тутъ... или, можетъ, на меня какое зло имѣешь? Пожалуйста, объяснись!.. Нельзя, чтобы дальше такъ продолжалось. Мнѣ Елена и Яся разсказали про тебя... Я нахожу твое поведеніе недостойнымъ. Не забудь, во-первыхъ, что ты сей-

часъ не одинъ и не вправѣ располагать собой по своему усмотрѣнію. Если тебѣ хочется губить себя—губи!.. Сдѣлай одолженіе, но не прежде, чѣмъ ты сдашь всѣ дѣла и уѣдешь отсюда. Я тебя удерживать не стану: ты не маленькій, самъ долженъ понимать... Но мнѣ все же хотѣлось бы, чтобы ты сперва сказалъ мнѣ причину...

Осокинъ угрюмо молчалъ...

Сергѣй прошелся раза два по балкону, потомъ круто остановился.

— Осокинъ!..—ласково заговорилъ онъ, дѣлая къ нему шагъ на встрѣчу.—Ну что же это такое съ тобой?.. Ну, скажи... Вѣдь я же твой другъ... Помнишь, сколько мы вмѣстѣ и худого, и хорошаго пережили?.. Развѣ же это не должно было связать насъ крѣпко и неразрывно?.. Ты только вспомни... Я смутно улавливаю въ твоемъ молчаніи какую-то странную и непонятную для меня враждебность, и мнѣ это тяжело... Если я оскорбилъ твое самолюбіе какой-нибудь глупой шуткой, то скажи прямо!.. Ну, хорошо!.. У меня есть этотъ недостатокъ смѣяться и дурачиться, когда другимъ, быть можетъ, совсѣмъ не до того... Я знаю, ты до болѣзненности подозрителенъ и самолюбивъ... Я прошу у тебя прощенія... Давай, помиримся, и ты мнѣ тогда все разскажешь... Ты опять молчишь?.. Отчего?.. Отчего ты не хочешь мнѣ дать возможность помочь тебѣ?.. Вѣдь ты же знаешь, что я отношусь къ тебѣ искренно и серьезно...

Осокинъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Пусти меня!.. Я уйду.. Я спать хочу...

Онъ попытался было отстранить Сергѣя, стоявшаго у дверей, но Сергѣй задержалъ его.

— Такъ нельзя... Мы должны съ этимъ немедленно же покончить... Ты меня оттолкнулъ сейчасъ, ты не хочешь, чтобы я былъ твоимъ другомъ... Дѣло твое... Но такъ какъ у меня съ тобой есть слишкомъ много взаимно связующихъ насъ звеньевъ, то я не могу пустить тебя равнодушно... Слушай, Осокинъ, мнѣ кажется, что я понялъ тебя!.. Ты, должно быть, испыталъ какое-нибудь тяжелое разочарованіе?.. Вѣрно?.. Я вѣдь угадалъ?.. Но развѣ можно отчаяваться изъ-за какой-нибудь ничтожной, ничего не стоящей причины... Вѣдь въ томъ великомъ общемъ, открывающемся передъ нашими глазами, всякая личная причина, какова бы она ни была, сама по себѣ всегда будетъ и останется ничтожной... Если ты уже выбралъ, Осокинъ, свой путь, если ты идешь уже въ сторону общаго, необъятно-захватывающаго и большого, то почему какое-то маленькое и незамѣтное частное можетъ стать тебѣ поперекъ дороги?.. Откинь его ногой къ чорту!.. Встряхнись и иди себѣ впередъ, какъ ни въ чемъ не бы-

вало... Ты только подумай, въ какое интересное время мы живемъ... Кругомъ тускнѣютъ и рушатся старые кумиры... Новая жизнь прекрасной грезой витаетъ передъ нами впереди... Враги насъ отбрасываютъ назадъ... гнетущая тяжесть прошлаго, закорѣнѣлые предразсудки, боязнь передъ новымъ, страхъ за привычный, мелочный житейскій укладъ, который такъ тѣсно слился съ сѣрымъ сумракомъ ихъ существованія, все это кошмары и призраки, омрачающія нашъ побѣдный путь... Но мы все-таки побѣдимъ!.. Оглянись вокругъ, какъ радостно все... какъ хорошо!.. Гибнетъ старый міръ... гибнетъ стремительно и неудержимо... Весело жить!.. И особенно намъ, извѣдавшимъ уже счастье борьбы и тоску несбывшихся ожиданій!.. Мы жили, и волны жизни носили насъ. Почему же ты хочешь сейчасъ быть выкинутымъ ими на отмель?... Въ чемъ дѣло?.. Скажи мнѣ... Неужели ты усталъ и больше не вѣришь?.. Нѣтъ... не можетъ этого быть!.. Ты слишкомъ много пережилъ и перестрадалъ, чтобъ не вѣрить, что свѣтъ и правда все-таки восторжествуютъ!.. Тогда что же съ тобой?.. Ну, скажи!..

Сергѣй нагнулся къ Осокину и пытливо заглянулъ ему въ глаза. Его невольно поразило, что они стали въ темнотѣ необычайно огромными, точно блѣдность исхудалаго лица увеличила ихъ размѣры.

Осокинъ не двигался и молчалъ.

— Ну, что же ты?..—повторилъ Сергѣй.

Осокинъ неохотно повернулся.

— Слышишь?..—глухимъ голосомъ произнесъ онъ, указывая рукой по направленію къ виднѣющимся во мракѣ разбросаннымъ огонькамъ мѣстечка.

— Что „слышишь?..“

— А вотъ, прислушайся хорошенько, это полезно...—въ тонѣ Осокина проскользнула, какъ будто, насмѣшка...

Сергѣй недоумѣвающе пожалъ плечами.

— Ничего не понимаю.

— Помолчи немного, можетъ, тогда поймешь.

Сергѣй замолчалъ. Стало тихо, и въ тотъ же моментъ отдаленные звуки оркестра донеслись до нихъ изъ мѣстечка вмѣстѣ съ шелестомъ вѣтра и плескомъ волнъ, немолчно разбивавшихся о берегъ. На бульварѣ было, очевидно, гулянье, и военный оркестръ игралъ тамъ красивый и меланхолическій вальсъ. Нѣсколько секундъ они оба прислушивались къ знакомымъ звукамъ, мягко и задумчиво расплывавшимся среди тишины.

— Въ чемъ же дѣло, наконецъ?..—неожиданно спросилъ Сергѣй.

Осокинъ вздрогнулъ и отвернулся.

— Оставь меня... не приставай!.. — чуть слышно произнесъ онъ,—я одинъ остаться хочу...

— Я уйду сейчасъ... но, ей-Богу, я ничего, какъ есть, не понимаю!..

— Ты ничего и не поймешь... Вы всѣ этого никогда не поймете... Вы... которымъ жизнь улыбается и которыхъ она забавляетъ и тѣшитъ отъ рожденія до могилы... Вы баловни счастья, и вамъ должна быть чужда моя тоска!.. Уйди же отсюда... Оставь... Я тебя прошу...

— Нѣтъ, постой, Осокинъ, погоди... Я, конечно, сію же минуту уйду, но, ей-Богу... честное слово...

— А.. что мнѣ твои честныя слова!.. На что мнѣ они?. Куда я съ ними пойду, и чѣмъ они мнѣ могутъ помочь?.. Ерунда это все... Безполезное сотрясеніе воздуха и ничего больше... Я жизни хочу... Понимаешь ли ты меня?.. Ты, который самъ живешь такъ ярко и красиво... Но... „сытый голоднаго не разумѣетъ“. Я голоденъ... Ты же по горло сытъ!.. О чемъ мы можемъ разговаривать другъ съ другомъ?.. Вонъ, въ городѣ на бульварѣ вальсъ играютъ... Знаешь ли ты, что тамъ сейчасъ?.. Тамъ ходятъ люди подъ темными деревьями, и толкуютъ и мечтаютъ о чемъ-то непонятномъ и томительно-сладкомъ... Любви они ждутъ... Любви!.. Понимаешь ли ты это самое слово?.. Да... нѣтъ!.. Куда тебѣ!.. Ты слишкомъ много въ жизни счастливыхъ приключеній испыталъ; изъ тѣхъ ты, которые сливки жизни постоянно снимаютъ и такъ уже къ этому привыкли, что перестали даже замѣчать... А намъ, одинокимъ и блуждающимъ по свѣту, какъ бездомовныя собаки, вы еще мораль читаете: „надо, молъ, въ великомъ общественномъ мелкое частное утопить“... Словно общественность — огромная лужа, а личная жизнь—паршивый маленькій щенокъ!.. Нѣтъ, не согласенъ я на ваши возвышенныя предложенія... Откажитесь вы сперва сами отъ личнаго счастья и отдайте себя на общее дѣло безъ остатка, тогда и я, пожалуй, за вами пойду... А на такое раздѣленіе труда я не согласенъ!.. Небось, легко говорить о самоотреченіи, когда самъ уже все хорошее въ жизни извѣдалъ... Это все равно, что курить до шестидесяти лѣтъ, а послѣ начать проповѣдывать воздержаніе отъ табаку... Эхъ, да что тутъ и толковать... Напрасная трата времени... Попъ свое и чортъ свое...

— Сергѣй!.. Осокинъ!.. Ужинать пора,—поспѣшно крикнула имъ изъ комнаты Елена Павловна, уже давно съ тревогой прислушивавшаяся къ ихъ разговору, стоя у дверей.—Не заставляйте дожидаться... Я спать хочу!..

Ужинъ прошелъ вяло и напряженно. Всѣ дѣлали видъ, что ѣдятъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, поданное осталось почти

не тронутымъ на тарелкахъ. Яся упорно отворачивалась въ сторону, стараясь скрыть свои заплаканные и опухшіе глаза. Осокинъ каталъ на скатерти хлѣбныя крошки и казался всецѣло погруженнымъ въ это занятіе. Ему не хотѣлось смотрѣть на Елену Павловну, сидѣвшую напротивъ. Одинъ Сергѣй, по обыкновенію, пытался вести себя непринужденно. Но это ему удавалось плохо.

Наконецъ, всѣ встали изъ-за стола.

— Покойной ночи, прекрасныя синьорины!..—съ неестественной веселостью воскликнулъ Сергѣй.—Пора баиньки... Значитъ, до завтра...

— До завтра,— отвѣтила ему Елена Павловна за себя и за Ясю.

Осокинъ поднялъ на нее глаза.

Елена Павловна, съ чуть искрящейся усмѣшкой на тонкихъ губахъ, смотрѣла прямо на Сергѣя. Взглядъ ея былъ теменъ и смѣлъ.

— „Приду сегодня",—прочелъ Осокинъ въ неподвижной глубинѣ ея взволнованно-расширенныхъ зрачковъ. Грудь ея чуть замѣтно колыхалась.

— До завтра..—съ неуловимымъ подчеркиваніемъ повторила она.

Сергѣй усмѣхнулся и вышелъ. Осокинъ послѣдовалъ за нимъ съ безсильнымъ отчаяніемъ въ опустѣвшей душѣ. Онъ съ трудомъ удержался, чтобы снова не застонать...

Въ своей комнатѣ онъ бросился на кровать, не раздѣваясь.

Сергѣй подошелъ къ нему и сѣлъ рядомъ.

— Ну, что съ тобой?.. Скажи же, наконецъ!.. Вѣдь я другъ...

— Лжешь!..

— Почему я лгу?.. Объясни...

— Оставь меня... уйди... Я ненавижу тебя!.. Слышишь ты?.. Ненавижу...

— Богъ съ тобой, коли такъ... Поговоримъ лучше, когда ты будешь въ здравомъ разсудкѣ...

Сергѣй неторопливо поднялся.

— Бабій прихвостень!..—услышалъ онъ позади себя.

— Ну, братъ... на эту удочку я не поддамся!.. Если ты ссоры захотѣлъ, то заранѣе предупреждаю: съ невмѣняемыми я не дерусь... А покамѣстъ—спокойной ночи... Лампу тушить?..

Осокинъ ничего не отвѣтилъ.

— Ну, тогда я, значитъ, тушу... Прощай!..

Комната погрузилась въ темноту. Стало слышно, какъ море плещется внизу подъ окнами дачи. Осокинъ продол-

жалъ неподвижно лежать. По его исхудавшему, давно уже небритому лицу текли горячія и медленныя слезы. Онъ задыхался отъ нихъ и чувствовалъ, какъ подушка вокругъ головы становится мокрой. Но глаза его все время были открыты, чутко и напряженно. Спать онъ не могъ и не хотѣлъ. Онъ рѣшилъ не допустить Сергѣя на назначенное сегодня ночью свиданіе...

X.

Прошло около часу.

Поднявшійся къ ночи вѣтеръ разогналъ тучи. Краешекъ багровой, поздно выкатившейся луны показался изъ-за невидимыхъ горъ на горизонтѣ. Море черной сталью заблестѣло въ окно...

Въ сосѣдней комнатѣ послышалось легкое шлепанье ночныхъ туфель, надѣтыхъ на босую ногу. Скрипнуло по полу кресло, нечаянно задѣтое въ темнотѣ. Очевидно, Елена Павловна начала уже одѣваться...

Осокинъ, судорожно стиснувъ противъ воли колотившіеся другъ о друга зубы, съ полуоткрытыми глазами дожидался, что теперь станетъ дѣлать Сергѣй?.. Сердце его усиленно билось: нервная дрожь пробѣгала по внезапно озябшему тѣлу. Но онъ старался все время дышать ровно, какъ это бываетъ во снѣ, и даже слегка похрапывалъ, чтобы не возбудить подозрѣнія Сергѣя.

Наконецъ, Сергѣй, тоже притворявшійся спящимъ, осторожно приподнялъ голову съ подушки. Лицо его оставалось въ тѣни и при слабомъ свѣтѣ луны, заглядывавшей въ комнату, казалось совершенно темнымъ.

Прислушавшись, Сергѣй спустилъ ноги съ кровати.

Осокинъ, съ замирающимъ ожиданіемъ, крѣпко зажмурился и принялся дышать еще усиленнѣе и чаще. Онъ чувствовалъ, какъ Сергѣй приблизился къ нему крадущимися шагами и, наклонившись, долго его разсматривалъ, точно все еще въ чемъ-то сомнѣваясь. Потомъ отошелъ и сталъ одѣваться. Движенія его были увѣренны и безшумны.

Окончивъ свой туалетъ, онъ двинулся было къ дверямъ, но въ это мгновенье Осокинъ бросился передъ нимъ и загородилъ дорогу.

— Ты туда не пойдешь!..—звенящимъ шепотомъ произнесъ онъ.

Сергѣй невольно отшатнулся.

— Фу, чортъ!.. Испугалъ какъ меня... Ты что это: окончательно спятилъ?..

— Ты туда не пойдешь...—съ тоскливымъ бѣшенствомъ повторилъ Осокинъ.

Сергѣй недоумѣвающе пожалъ плечами.

— Куда это, собственно, ты меня не пускаешь?.. Если я, напримѣръ, прогуляться хочу?..

— Пойдемъ вмѣстѣ!

— А если я желаю одинъ?..

— Ты лжешь... Ты одинъ не будешь...

— Съ кѣмъ же я буду?..

— Ты лжешь!..

— Заладилъ одно и то же, какъ попугай... Чѣмъ болтать зря, лучше объясни...

— Нечего мнѣ объяснять... Я тебя отсюда никуда не выпущу...

— Ого, вотъ какъ... Что жъ, я здѣсь арестованъ?..

— Да, до утра ты изъ этой комнаты не выйдешь...

— Въ такомъ случаѣ: немедленно же пропусти!..

— Не пропущу!..

— Осокинъ!.. Я тебѣ говорю серьезно...

— Я тоже не шучу...

— Въ такомъ случаѣ...—Послышалась глухая и тяжелая возня. Въ темнотѣ загрохотали падавшіе стулья.

— Боже мой!.. Что тамъ...—Елена Павловна, совсѣмъ уже одѣтая, со свѣчкой въ рукахъ, появилась на порогѣ. Изъ-за ея плеча испуганно выглядывали мерцавшіе черные глаза Яси. Обѣ были встревожены и блѣдны.

— Да вотъ Осокинъ тутъ, кажется, съ ума сошелъ!..— со злобой отозвался Сергѣй, поправляя разорванный во время возни воротъ рубахи.

Осокинъ, задыхающійся и несчастный, стоялъ, крѣпко прижимая руку къ груди. Другой рукой онъ инстинктивно стискивалъ рукоятку бывшаго у него въ карманѣ револьвера, съ которымъ никогда не разставался. При появленіи Елены Павловны онъ уже окончательно потерялъ самообладаніе.

— Пришли? — иронически встрѣтилъ онъ ее.—Милости просимъ!.. Васъ только здѣсь и не хватало...

— Что съ вами, Осокинъ?..—Елена Павловна попробовала подойти къ нему, но Осокинъ грубо отшатнулся.

— Прочь отъ меня! Не трогайте... Идите лучше къ своему Сергѣю... Не лгите!..

Сергѣй отъ неожиданности даже свистнулъ.

— Вотъ оно что!.. А я то никакъ еще не могъ догадаться... Ну и дуракъ же ты, братецъ мой, послѣ этого... Никакъ не ожидалъ!..

— Да! Я дуракъ... Совершенно правильно изволили замѣтить... Именно дуракъ... и... и... очень вѣрно... Я имѣлъ

глупость вѣрить людямъ, и они меня за это обманули... Впередъ наука. Да здравствуетъ товарищъ Сергѣй!.. Смѣшно, очень смѣшно... Господа!.. будемте же смѣяться... Ха... ха... ха...

Осокинъ дико и судорожно захохоталъ, все еще не вынимая руки изъ кармана.

— Сергѣй, смотри...—тихонько шепнула Елена Павловна, указывая Сергѣю глазами на карманъ Осокина, замѣтно оттопыренный подъ тяжестью револьвера.

Тотъ молча кивнулъ головой.

— Ложись спать!..—обратился онъ къ Осокину холоднымъ тономъ.—Завтра, если хочешь, мы сведемъ наши счеты... Сейчасъ же мы рискуемъ привлечь на себя вниманіе со стороны...

— Завтра?..—саркастически усмѣхнулся Осокинъ, — а до завтра еще будетъ немножко сегодня?.. Да?.. Вѣдь правду я говорю?.. Ахъ, какая романтически поэтическая ночь!.. Можно подумать, что по спеціальному заказу... „Мы вспомнимъ тотъ вечеръ... Пускай сегодня будетъ, какъ тогда“... О... какъ я васъ обоихъ ненавижу!.. Ненавижу и презираю... Слышите вы? Оба вы жалкіе... оба трусы... Вы побоялись мнѣ въ лицо взглянуть... Вамъ было стыдно, и вы лгали... Подло и презрѣнно лгали за моей спиной!.. А я вамъ обоимъ вѣрилъ... Тебя я другомъ считалъ... ее же... ее... Я любилъ ее... Слышишь ты,... неотразимый, обольстительный мужчина!.. Тебѣ этого никогда не понять... И оба вы меня обманули...

— Не кричи, Осокинъ,—угрюмо произнесъ Сергѣй,—ты всѣхъ сосѣдей разбудишь...

— А... что мнѣ до нихъ... Вѣдь вы душу... душу мою опоганили и растоптали... До васъ я вѣрилъ... Я надеждой на счастье жилъ... А вы? Рабы, которые стыдятся своего чувства и прячутъ его ночью подальше отъ всѣхъ... Я бы ни передъ кѣмъ не побоялся сказать, что я Елену люблю, а ты... ты изворачивался и лгалъ!.. Зачѣмъ ты лгалъ?.. Потому что вы оба и не любите другъ друга совсѣмъ... И никогда не любили. Это не любовь вовсе... это... это... Боже мой!.. Да гдѣ же теперь моя прежняя наивная, дѣтская вѣра въ людей?., Гдѣ она?.. Вѣдь вы все во мнѣ исковеркали... все поломали... Тоска моя!.. Голову я разобью сейчасъ о стѣну... Зачѣмъ вы оба лгали мнѣ?.. Что же другіе тогда, если и вы...

— Осокинъ... не унижайтесь!..—крикнула вдругъ Яся, и въ голосѣ ея прозвенѣло невыносимое страданіе, но онъ, не обращая на нее вниманія, продолжалъ:

— А вы... а онъ... Да у него такихъ сколько угодно! И здѣсь, и тамъ... всюду... Вы только будете одной изъ нѣ-

сколькихъ, а воображаете, что одна... Какая ужъ тутъ къ чорту любовь!..

— Это не ваше дѣло... Мои поступки касаются только меня самой. А васъ я совсѣмъ не приглашала въ судьи моего поведенія...

— Отворите, Сергѣй Палычъ!—послышался встревоженный голосъ дьякона въ сѣняхъ. — Что такое у васъ случилось?

— Дождался! — съ нескрываемымъ презрѣніемъ кинулъ Сергѣй Осокину и, быстро подойдя къ двери, закричалъ:

— Ничего, ничего, отецъ дьяконъ! Не безпокойтесь!.. Это съ Николаемъ Егоровичемъ маленькій припадокъ... Скоро пройдетъ!

Какая-то подмывающая и въ то же время жуткая злоба охватила Осокина.

— Вретъ онъ все, отецъ дьяконъ!—громко крикнулъ онъ,—никакого припадка нѣтъ... Просто-на-просто я его не пустилъ сейчасъ на свид...

— Молчи, предатель!..—съ поднятыми кулаками бросился на него Сергѣй.

— Предатель... я... я?.. — у Осокина помутилось въ сознаніи.

— Онъ убьетъ его!.. Онъ убьетъ!..—пронзительно закричала Елена Павловна, бросаясь между ними.

Но было уже поздно: отрывистый звукъ выстрѣла раздался и смолкъ.

— Промазалъ!.. — съ дикой радостью воскликнулъ Сергѣй, ударомъ кулака вышибая револьверъ у Осокина. Яся безсильно, въ глубокомъ обморокѣ, лежала на полу. Около нея, свиваясь и корчась въ ожесточенной схваткѣ, возились два крѣпко стиснувшія другъ друга тѣла. Елена Павловна растерянно металась по комнатѣ взадъ и впередъ.

Дьяконъ, испуганный и ошеломленный, давно уже бѣжалъ со всѣхъ ногъ, подобравъ полы своего подрясника, на сосѣднюю дачу, гдѣ былъ телефонъ. Разбудивъ тамъ дворника, онъ наскоро сообщилъ ему о происшедшемъ и попросилъ немедленно же вызвать полицію.

Когда Сергѣю, наконецъ, удалось справиться съ Осокинымъ, отчаянно барахтавшимся и вырывающимся изъ-подъ него съ проклятіями и стонами, нѣсколько городовыхъ поспѣшно поднимались уже по лѣстницѣ наверхъ.

— Лежи смирно! — задыхаясь, говорилъ Сергѣй, сидя верхомъ на лежащемъ на спинѣ Осокинѣ.

— Подлецъ! Пусти...

— Я тебя сейчасъ же отпущу, если ты мнѣ обѣщаешь лечь спать и успокоиться. Слышишь?

— Пусти...

— Ты обѣщаешь?..

— Ничего я не обѣщаю!.. Пусти...

— Ты же губишь насъ...

— Подлецъ!.. Ты мою душу погубилъ...

Рѣзкій стукъ въ дверь заставилъ его замолчать.

— Эй!.. Кто тамъ? Отворяй! — послышался на лѣстницѣ повелительный окрикъ.

— Полиція...—прошепталъ Сергѣй, выпуская Осокина.— Надѣюсь, ты теперь можешь быть доволенъ?..

Осокинъ неподвижно лежалъ. Въ расширенныхъ зрачкахъ его свѣтился ужасъ внезапнаго отрезвленія.

Сергѣй рѣшительными шагами подошелъ къ дверямъ.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ, стараясь придать своему голосу спокойное выраженіе. — Чего вы ломитесь ночью?

— Полиція... Отворяй!

— Да у насъ уже все спокойно...

— Говорятъ тебѣ: отворяй! А не то...

Дверь стремительно и глухо затрещала подъ напоромъ чьего то дюжаго плеча.

Сергѣй отошелъ отъ нея и вынулъ изъ-подъ подушки свой револьверъ.

— Жги бумаги! — коротко приказалъ онъ Еленѣ Павловнѣ, бросившейся къ нему.—Тамъ... въ портфелѣ... на столикѣ... Унеси свѣчку въ другую комнату... Надо, чтобы было темно...

Осокинъ началъ медленно подниматься.

— Дай мнѣ... дай я...—чуть слышно прошепталъ онъ. И затѣмъ еще тише:—Если можешь, прости!..

— Не обо мнѣ теперь рѣчь...—сухо отозвался Сергѣй,— ты же вѣдь зналъ, что если меня возьмутъ—то повѣсятъ... Но... будетъ объ этомъ!.. Уже дѣло прошлое... А сейчасъ, когда я открою, ты стрѣляй...

Онъ нагнулся и, подавъ ему другой револьверъ, который все еще валялся на полу, быстрымъ движеніемъ распахнулъ двери.

Осокинъ, не цѣлясь, спустилъ курокъ.

Въ темнотѣ началось страшное смятенье. Въ отвѣтъ раздалось нѣсколько торопливыхъ и безпорядочныхъ выстрѣловъ, и по лѣстницѣ загрохотали шаги бѣгущихъ городовыхъ.

Все стихло.

— До прихода патруля успѣемъ сжечь,—отрывисто произнесъ Сергѣй, снова захлопывая двери.—А насъ возьмутъ...

Осокинъ, понуривъ голову, молча стоялъ съ опущеннымъ

книзу дуломъ револьвера. Въ немъ не было уже ни одной мысли, ни искорки сознанья. Душа и мозгъ безнадежно и тягостно опустѣли.

Такъ прошло нѣсколько секундъ. Въ сосѣдней комнатѣ по стѣнамъ торопливо бѣгали клубившіяся тѣни. Это Елена Павловна жгла бумаги и конспиративные адреса. Яся попрежнему лежала, какъ мертвая, около ножекъ кровати. Сергѣй порывисто ходилъ большими шагами вдоль комнаты, поминутно заглядывая въ безмолвно темнѣвшее окно. Снаружи доносился короткій и тревожный плескъ волнъ. Вершины деревьевъ въ саду протяжно шумѣли...

— Готово!..—воскликнула Елена Павловна:—все сожгла...— Неясный силуэтъ ея появился на порогѣ, освѣщенный сзади колеблющимся свѣтомъ оставленной въ другой комнатѣ свѣчки.—А Яся гдѣ?..

— Здѣсь Яся... Она безъ чувствъ...

Сергѣй снова тоскливо метнулся къ окну.

— Бѣжать бы теперь, разъ все уничтожено!.. Но они, навѣрное, въ саду стерегутъ... Уже поздно...

Онъ еще разъ заглянулъ внизъ, въ ночную темноту и вдругъ чутко насторожился.

— Идутъ... Слышите шумъ?.. Это они...

Сергѣй отошелъ отъ окна и опять вернулся.

— Съ факелами идутъ...—прошепталъ онъ.—Вишь, какъ свѣтло стало... Но что за чортъ?.. Въ саду попрежнему тихо... Неужели?..

Онъ выпрямился и мягкимъ и неожиданнымъ движеніемъ прыгнулъ изъ окна въ черную тьму. Елена Павловна успѣла только тихо ахнуть.

— Елена,—глухо послышалось оттуда,—они забыли насъ окружить... Скорѣй давай сюда Ясю... Можетъ, успѣемъ еще.. къ морю...

Осокинъ и Елена Павловна разомъ бросились поднимать Ясю, безсильно распростертую на полу. Но въ это мгновеніе она слабо зашевелилась и открыла глаза.

— Не бойся, Яся!..—шепнула ей Елена Павловна.—Ничего опаснаго нѣтъ... Намъ надобно только вылѣзть въ окошко...

Она торопливо схватила висѣвшее на стѣнѣ полотенце и, сунувъ одинъ конецъ его Осокину, другой опустила внизъ.

— Скорѣй же, Яся... скорѣй!..—торопила она.

Яся, пришедшая въ себя, но все еще, повидимому, не понимающая, что такое съ ней происходитъ, безропотно повиновалась, какъ во снѣ. Внизу Сергѣй ловко подхватилъ ее на руки и поставилъ около себя.

— Елена!.. Торопись!..

Елена Павловна такъ же спустилась на землю.

— Осокинъ!.. Да скоро ли ты, наконецъ?..—въ негромкомъ окрикѣ Сергѣя слышалось плохо скрываемое волненіе.

— Я сейчасъ... Идите себѣ... Я васъ догоню...—Осокинъ крѣпко стиснулъ ручку револьвера.—Да бѣгите же!.. Я потомъ...—нетерпѣливо и настойчиво повторилъ онъ. Онъ уже слышалъ. какъ ступеньки лѣстницы скрипятъ подъ тяжелыми подымавшимися шагами.

— Бѣгите вдоль берега!..—Онъ отошелъ къ дверямъ. — Пока я буду отстрѣливаться, они уйдутъ!..

Онъ вдругъ почувствовалъ, какъ прежняя радость жизни хлынула въ него неудержимой волной. Онъ безотчетно и счастливо улыбнулся.

— Сейчасъ я умру...—подумалъ онъ.—Но за то я все смою и заглажу... Прощайте всѣ... Я васъ всѣхъ любилъ!..

Онъ машинально началъ загораживать входъ.

— Пора!..—трескъ ломаемой двери былъ отвѣтомъ на эту мимолетно скользнувшую мысль.

Между тѣмъ, остальные бѣжали, продираясь сквозь колючіе кусты, падая и снова поднимаясь. Среди темноты ихъ никто не замѣтилъ, и они благополучно добрались до мѣстечка, гдѣ у Сергѣя былъ знакомый контрабандистъ.

Осокинъ же стрѣлялъ и думалъ:

— А гдѣ-то они теперь?.. Далеко ли успѣли скрыться?..

Мысли его стали сразу же размѣренны и спокойны. Онъ снова нашелъ самого себя. Только что пережитое казалось далекимъ и невѣроятнымъ.

Когда онъ увидѣлъ, что въ обоймѣ остались только двѣ пули, онъ пустилъ одну изъ нихъ въ кого-то большого и темнаго, который въ этотъ моментъ первымъ ворвался въ разломанныя двери, и затѣмъ, приложивъ нагрѣвшееся отъ выстрѣловъ дуло револьвера къ виску, нажалъ спускъ.

Толпа, вбѣжавшая вслѣдъ за этимъ въ наполненную дымомъ комнату, съ разбитыми стеклами и отвалившимися кусками штукатурки, невольно остановилась: два трупа лежали рядомъ на полу.

Мертвое лицо Осокина было торжественно и печально.

А. Деренталь.

ГОСПОДА ДВОРЯНЕ.

Жерома и Жана Таро.

Пер. съ французскаго А. Н. Тверитинова.

— За столъ, господа, за столъ!

Столъ вильфэньскаго кюре славился во всей округѣ. Четыре раза въ годъ, въ дни ярмарокъ, батюшка расплачивался съ сосѣднимъ дворянствомъ за обѣды, которые получалъ отъ нихъ въ свое время. Когда его горничная поставила передъ нимъ трехъ каплуновъ, онъ распредѣлилъ ихъ между своими гостями.

— Этого разрѣжете вы, Пьеръ! Этого вы, Моншармэнъ! А этого скопца—мнѣ.

Изъ каплуновъ, распоротыхъ однимъ взмахомъ руки, разсыпались по тарелкамъ трюфеля, которые надували ихъ золотистую кожу.

Каплуны были кстати. Собесѣдники выѣхали на разсвѣтѣ. Они цѣлое утро спорили по постоялымъ дворамъ съ мясниками. Былъ уже третій часъ. Они ѣли съ аппетитомъ.

Всѣ они принадлежали къ тому мелкому дворянству, нуждающемуся, объѣдающемуся и дикому, которымъ изобилуетъ Перигоръ. Чувство, что здѣсь они еще представляютъ что-нибудь, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ они были бы ничѣмъ, гордость, а также бѣдность удерживаютъ ихъ въ ихъ помѣстьяхъ. Они засѣли въ этихъ лѣсахъ, помогающихъ ихъ лѣни, которая заставляетъ ихъ пренебрегать полезными работами и даетъ возможность развлекаться охотой, обѣдами и игрой. Чрезъ открытое окно были видны поля, покрытыя цвѣтами. Лучшимъ лѣтнимъ днямъ не удастся развеселить эту мѣстность, суровость которой болѣе подходитъ къ большимъ массамъ облаковъ и тумановъ, поднимающимся съ отсырѣлой почвы. Ея красота въ блескѣ ея вѣчно-зеленыхъ луговъ. Они слѣдуютъ за причудами странно изрытой почвы; они спускаются, какъ водопады

вдоль склоновъ, скользятъ по дну узкихъ долинъ, заходятъ въ глубину лѣса.

Крики боровов, оскопляемыхъ въ одномъ углу ярмарочной площади, мычаніе проходящихъ быковъ, ревъ ословъ, стукъ деревянныхъ башмаковъ, вопли, смѣхъ, ругательства крестьянъ, сидящихъ за столами въ трактирахъ, музыка каруселей, выкриванія зубодера и, наконецъ, гулъ ярмарки,— все это аккомпанировало разговору нашихъ собесѣдниковъ.

— Слава Богу,—сказалъ священникъ,—всякая опасность войны устранена.

— А я, ей-Богу, жалѣю,—отвѣтилъ одинъ изъ братьевъ де-Виванъ:—этихъ пруссаковъ слѣдуетъ проучить! Читали вы „Консерватора"?

Г. дю-Ландье, который жилъ въ тридцати километрахъ отъ мѣстечка въ усадьбѣ, куда не проникали ни газеты, ни письма, былъ пораженъ этими словами и, тряся головой, съ появившейся уже просѣдью, хотя онъ еще былъ молодъ, пробормоталъ:

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Императоръ... хотѣлъ объявить войну?

Его пріятели расхохотались: послѣдній мужикъ это зналъ, и, не сообщивъ ему ничего болѣе, каждый сталъ справляться о томъ волчонкѣ, котораго онъ помѣстилъ въ свою стаю.

— Ну, и волкъ! — отвѣтилъ де-Борнь. — Мы охотились вмѣстѣ въ четвергъ утромъ. Вышли, потеряли слѣды дичи и нагнали собакъ, какъ вдругъ, на бѣгу, я роняю шляпу. Его волкъ на нее набрасывается. Я ему и говорю: „Остерегайся своего волка, онъ съ тобой поступитъ, какъ съ моей шляпой!" Дуракъ хохочетъ. Хорошо. Четверть часа спустя, онъ наклоняется, чтобы подвязать свой башмакъ. Мигомъ волкъ на немъ. Оба слились въ одного звѣря. Въ кого вы стали бы стрѣлять, господа?

— Онъ бы мнѣ не причинилъ вреда,—пробормоталъ дю-Ландье, жалѣя своего волка.

— Господа,—закричалъ де-Моншармэнъ среди смѣха, возбужденнаго этой забавной жалостью.—Знаете ли вы, что у Ля-Сикотьера родилась дочь?

— Перестаньте,—сказалъ кюрэ, — могу побожиться, что у меня дочь будетъ раньше, чѣмъ у него.

Но зачѣмъ медлить сообщеніемъ такихъ новостей? Природный характеръ и привычка къ продолжительнымъ обѣдамъ дѣлаютъ перигорскихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ неподражаемыми разсказчиками. Они обладаютъ той мужицкой медлительностью, тѣмъ простымъ сознаніемъ жизни, тѣмъ отсутствіемъ вкуса и идей, которые необходимы для того, чтобы хорошо разсказывать. Слова на ихъ губахъ даютъ

такой звукъ, какого они не имѣли бы на другихъ губахъ, и часто интереснѣе всего не столько ихъ разсказы,—хотя эти мѣста богаты приключеніями и оригинальными типами,—сколько полное совпаденіе разсказчика съ разсказомъ.

— Мина! водки!—закричалъ кюрэ.

Въ этотъ моментъ, позади изгороди огорода показался разносчикъ телеграммъ Меньшой, который унаслѣдовалъ это прозвище отъ своего дѣда, самаго меньшаго по возрасту изъ четырнадцати дѣтей. Собесѣдники замолчали, увидавъ его, смущенные, какъ бываютъ смущены люди, которые пользуются телеграфомъ только при извѣщеніяхъ о смерти. Онъ несъ пакетъ изъ подпрефектуры.

Мэръ вскрылъ пакетъ, пробѣжалъ письмо, и съ устъ мужика, который никогда въ жизни не произносилъ ни одного слова, могущаго потрясти слушателя, сорвалось:

— Господа, война!

Послѣ мгновеннаго изумленія всѣ помѣщики вскочили, стащивъ со стола скатерть и посуду. Они схватили мэра за руки и, такъ какъ почти всѣ были отчаянные роялисты, дружно провозгласили „ура“ императору.

— Пустите меня,—сказалъ мэръ,—я велю бить въ барабанъ.

— А я звонить въ колокола,—сказалъ кюрэ.

Тѣмъ временемъ другіе провозглашали въ окно: „война! война“, подобно тому, какъ они на охотѣ кричали: „заяцъ, заяцъ!“ Крестьяне и животныя останавливались; трактиръ выпустилъ на улицу своихъ пьяницъ. Звуки колокола смѣшивались съ завываніями дантиста, съ барабанной дробью, съ мычаньемъ быковъ, и въ деревнѣ, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ церковный колоколъ только одинъ отвѣчалъ наковальнѣ кузнеца, слово „война“ моментально произвело настоящій мятежъ. Но это смятеніе продолжалось недолго. Граница была далеко, побѣда обезпечена, и война въ это время могла тревожить только тѣ семейства, у которыхъ были въ арміи сыновья, посланные туда замѣщать за небольшую сумму денегъ какого-нибудь болѣе счастливаго молодого человѣка. Крестьяне закончили ярмарку и начали собираться по домамъ, не задерживаясь въ мѣстечкѣ долѣе обыкновеннаго.

Возвращеніе съ ярмарокъ всегда одинаково. По дорогамъ идутъ въ согласіи, тихимъ шагомъ, скотъ, пьяныя головы и влюбленныя сердца. Юноши держатъ въ рукѣ орѣховые прутья, на концѣ которыхъ они оставили по пучку листьевъ; дѣвушки, напудренныя пылью, покачиваютъ своимъ маленькимъ пальцемъ руку своего возлюбленнаго; иногда останавливаются и цѣлуются; матери слѣдятъ издали, чтобы не стѣснять

этой игры. Цѣлый день полонъ общественныхъ развлеченій. Всякая дорога, всякій проселокъ забираетъ себѣ народъ съ большой дороги: деревни снова завладѣваютъ своимъ добромъ.

Господа дворяне тоже разъѣзжаются. Каждый сворачиваетъ въ свою сторону, вглубь этой гористой, убогой страны. Одинъ стремился на своей загнанной клячѣ снова ловить дроздовъ, куропатокъ, горлицъ, которые населяли единственный этажъ его развалившагося дома; другой возвращался на чердакъ, гдѣ расписывалъ разноцвѣтными чернилами родословныя древа мѣстныхъ дворянскихъ родовъ; третій, чтобы слишкомъ позднимъ возвращеніемъ не разсердить сожительницу, снабжающую его ѣдой и любовью, усердно погонялъ клячу своего рыдвана, еще съ зимы забрызганнаго грязью. Оба брата Виваны возвращались верхомъ, раскланиваясь по пути со встрѣчными; они всѣхъ знали.

Это были здоровые молодые люди, только одинъ былъ хромой. Во время ссоры, въ дѣтствѣ, братъ сломалъ ему ногу. Это увѣчье, хотя и незначительное, было для молодого дворянина источникомъ постояннаго униженія и скрытой злобы. И когда его братъ теперь, въ пути объявилъ ему, что рѣшилъ поступить на службу, онъ, обозленный при мысли, что не будетъ въ состояніи его сопровождать, погналъ свою лошадь и сдержалъ ее лишь у каштановой аллеи, которая ведетъ къ ихъ дому, и гдѣ тѣнь отъ деревьевъ даетъ даже среди лѣта вѣчную прохладу.

Всадники сошли съ коней во дворѣ замка и поднялись къ своей матери въ единственную, нѣсколько приличную во всемъ зданіи комнату, гдѣ она обыкновенно находилась. Когда они вошли, она подняла на нихъ свое потемнѣвшее лицо, озаренное лихорадочнымъ взглядомъ.

— Вы слишкомъ поздно пріѣхали, дѣти.

— Знаете новость?

— Знаю!—отвѣтила она, не проявляя большого волненія. Пьеръ имѣлъ наемнаго *замѣстителя,* а Бернаръ былъ хромой. Поэтому, думала она, ни тотъ, ни другой не пойдетъ въ армію.

Послѣ нѣкотораго молчанія она сказала:

— Я сомнѣваюсь, чтобы эта война принесла намъ что-нибудь хорошее. Искатель приключеній занялъ мѣсто нашихъ государей...

Лакей объявилъ, что кушать подано и, взявъ въ руку канделябръ, на которомъ была зажжена только одна свѣча, пошелъ впереди своей госпожи, которая оперлась на руку своего старшаго сына.

Свѣча освѣтила по дорогѣ деревянныя перила лѣстницы,

шкуры на стѣнахъ, шкафъ для оружія, наконецъ, обширную пустую комнату, съ тремя высокими окнами, позеленѣвшими отъ ночного свѣта. Господа усѣлись въ концѣ длиннаго стола, только здѣсь накрытаго скатертью. Отставшіе отъ стѣны обои, на которыхъ изображена была библейская исторія Іосифа, держались лишь прибитыми къ нимъ трофеями охоты. Комната была бы мертвенно беззвучна, если-бы мельничная плотина не наполняла ее монотоннымъ шумомъ воды. Было подано уже второе блюдо, а никто еще не нарушилъ молчанія. Вдругъ Бернаръ де-Виванъ громко, съ выраженіемъ неизлѣчимой горечи проговорилъ:

— Не было, значитъ, въ странѣ способнаго костоправа, чтобы починить мою ногу?

Потрясая бѣшенымъ ударомъ кулака блюда, стоявшія на столѣ, братъ его отвѣтилъ:

— Я отдалъ бы свои обѣ ноги, чтобъ починить тебѣ твою, а также свои обѣ руки и въ придачу возможность уѣхать въ армію, только, Бога ради, не говори больше о своей ногѣ, не говори!

— Вы уѣзжаете!—вскрикнула мать.

— Конечно, онъ уѣзжаетъ! Вы вѣдь не хотѣли бы, чтобы онъ прятался дома, когда всѣ наши въ арміи.

Она осматривала Бернара съ ногъ до головы, между тѣмъ какъ орѣхи изъ корзинки, стоявшей у нея на колѣняхъ, катились одинъ за другимъ по полу. Она опустила голову.

Эта женщина никогда не была красива. Въ восемнадцать лѣтъ ее выдали замужъ за де-Вивана, ея двоюроднаго брата, офицера королевскаго флота. Онъ женился на ней изъ-за приданаго. Это былъ красавецъ, дѣлавшій большую карьеру. Уговорились, что послѣ свадьбы онъ совершитъ послѣднее путешествіе и удалится въ свое помѣстье, но онъ не сдержалъ своего обѣщанія. Когда онъ пріѣзжалъ въ Виванъ, онъ наскоро получалъ по счетамъ отъ своихъ арендаторовъ, посѣщалъ въ окрестностяхъ нѣсколько знакомыхъ семей, разсказывалъ имъ свои похожденія, а затѣмъ быстро получалъ отвращеніе къ ихъ жизни, которая стояла все на одномъ мѣстѣ: къ ихъ закрытымъ горизонтамъ, къ этимъ людямъ, узникамъ своихъ стѣнъ, къ этимъ существамъ, ограниченнымъ предѣлами поля. Онъ зѣвалъ нѣсколько дней, и затѣмъ исчезалъ.

Шли годы, путешествія слѣдовали за путешествіями, и г-жѣ Виванъ никогда не удавалось задержать своего странствующаго мужа. Она его любила. Это было несчастіе: въ тѣлѣ, лишенномъ граціи, таилась пламенная душа. Въ глубинѣ затерянныхъ деревень страсти тѣмъ болѣе живы, что нѣтъ ничего, что могло бы ихъ разсѣять, и трагизмъ

заимствуетъ у этихъ деревенскихъ декорацій романтическую мрачность, которой не знаютъ города.

Сколько томительныхъ лѣтъ провела эта женщина, черствая и страстная, съ глазами, прикованными къ романтическому портрету г-на Вивана, гдѣ онъ изображенъ стоящимъ на берегу бурнаго моря, между валами прибоя и грознымъ небомъ! Она придумывала слова и жесты, которыми она, быть можетъ, сумѣетъ его очаровать, но онъ появлялся въ полной парадной формѣ, подобный попавшему въ лѣсъ попугаю, и она умѣла проявить только свою неловкость и застѣнчивость, свойственныя какой-нибудь горничной. Нечаянно, во время своихъ наѣздовъ, онъ ей оставилъ двоихъ сыновей.

Однажды вечеромъ вдругъ онъ вернулся домой въ каретѣ, съ длинной бородою, странными глазами, укутанный въ полинялую солдатскую шинель. Говорили, что по небрежности онъ потопилъ свое судно и послѣ этого крушенія сошелъ съ ума. Онъ давился во время ѣды, приходя въ страшное бѣшенство; затѣмъ слѣдовали припадки слезъ, а отъ прежней профессіи онъ сохранилъ только странную манію: какая бы ни была погода, онъ, ускользая изъ своей комнаты, большими шагами ходилъ по периламъ балкона. Обнаженныя вершины, возвышавшіяся за синеватыми перелѣсками, онъ принималъ за мачты кораблей и зычнымъ голосомъ командовалъ этой воображаемой эскадрой. Г-жа де-Виванъ, которая въ этомъ человѣкѣ не узнавала мужа, владѣла имъ теперь, какъ ребенкомъ. Она ухаживала за нимъ съ нѣжностью, бывшею контрастомъ съ той грубостью, которую она всегда проявляла,—суровая по отношенію къ мужикамъ, безжалостная къ арендаторамъ, строгая къ своимъ сыновьямъ, надъ которыми власть ея никогда не ослабѣвала.

По окончаніи обѣда братья де-Виванъ всегда провожали свою мать въ маленькую гостиную, гдѣ она позволяла имъ выйти покурить на балконъ. Затѣмъ сквозь чащи цвѣтовъ они доходили до скамеекъ, каждый день ожидавшихъ ихъ послѣ обѣда. Оба они жалѣли о своей грубости и оба искали какихъ-нибудь словъ, чтобы загладить воспоминаніе о ней. Подъ надменной наружностью, часто такіе господа скрываютъ чрезвычайную застѣнчивость и неодолимое отвращеніе распространяться о своихъ чувствахъ: молчаніе полей сковываетъ ихъ мысли. Братья де-Виванъ не находили словъ, которыя они хотѣли бы сказать, или же непобѣдимая стыдливость задерживала эти слова на ихъ губахъ. Часто они принимались играть на рожкахъ.

Въ наши дни не слышно нигдѣ, даже въ деревняхъ,

сохранившихъ прежнюю простоту, игры на валторнѣ, а если случается, что ухо поражено охотничьимъ рожкомъ, то можно биться объ закладъ, что играющій или лакей, или старикъ. Но еще двадцать лѣтъ тому назадъ играть на рожкѣ входило въ кругъ образованія мелкопомѣстныхъ перигорскихъ дворянъ. Разбуженныя трубой, деревенскія собаки выли, а ихъ друзья съ фермъ отвѣчали имъ такимъ же протяжнымъ воемъ. Долго г-да де-Виванъ въ этотъ вечеръ держали въ возбужденномъ состояніи мужиковъ и собакъ.

На другой день, рано утромъ Пьеръ де-Виванъ вошелъ въ комнату своей матери, чтобы попрощаться съ нею. Онъ засталъ ее за туалетомъ; горничная заплетала ея волосы, которые, казалось, чернѣли по мѣрѣ того, какъ болѣзнь и возрастъ придавали печальный видъ ея лицу. Какъ только послѣднія шпильки были заколоты, и служанка отпущена, она встала, взяла въ деревянной чашкѣ мѣшочекъ изъ синей фланели и надѣла его сыну на шею. Этотъ мѣшочекъ де-Виванъ привезъ однажды изъ Іерусалима: онъ заключалъ частицу святой земли; индульгенція in articulo mortis была привязана къ нему. Она передала ему также обращеніе къ святому Гонзальву, каковое надлежало читать каждое утро.

Молодой человѣкъ сунулъ фланель за рубашку, довольный, что время проходитъ, и эти наставленія сокращаютъ прощаніе. У него была одна только мысль: покончить скорѣе, выйти изъ этой спальни, гдѣ жара развивала удушливый запахъ помады. Но когда онъ обнялъ мать, онъ пожалѣлъ, что такъ спѣшитъ уѣхать, и долго держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, растроганный ея неожиданною нѣжностью.

Наконецъ, онъ вышелъ. Госпожа де-Виванъ не послѣдовала за нимъ, потому что хотя она и часто призывала смерть, но никогда не выходила изъ своей комнаты до полудня, изъ боязни простудиться въ сѣняхъ. Братъ сопровождалъ его на разстояніи нѣсколькихъ лье, до станціи, гдѣ тотъ долженъ былъ сѣсть на поѣздъ. Они продолжали чувствовать то же стѣсненіе, что и наканунѣ: ужасъ дать замѣтить свое волненіе и боязнь показаться равнодушными. Индюшки, которыхъ нагружали въ вагоны, наполняли деревню ужаснымъ крикомъ.

— Мобилизація птицы!—воскликнулъ старшій братъ съ нѣсколько дѣланнымъ смѣхомъ.

Но поѣздъ тронулся; они разстались на этихъ словахъ, не будучи въ состояніи хотя бы на минуту преодолѣть свою стыдливость.

Въ теченіе недѣли, каждое утро всѣ мѣстные помѣщики собирались въ Вильфэнь за новостями. Часы проводились

въ домѣ священника за обсужденіемъ событій, которыя сообщалъ „Консерваторъ". Императоръ на Рейнѣ, Австрія ждетъ не дождется начала кампаніи, Викторъ Эммануилъ готовъ перейти черезъ Альпы, сѣверная эскадра маневрируетъ.

— Чортъ возьми! А моя обѣдня!—вспоминалъ кюрэ, удаляясь къ церкви.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ уже возвращался обратно.

— Да вы, батюшка, глотаете свои обѣдни?

— Вы еще лучше проглатываете мои бутылки! Если война продолжится только пятнадцать дней, то мой Арманьякъ весь сгоритъ!

Но такъ какъ въ рабочій сезонъ всѣ эти сельскіе люди были сильно заняты на своихъ поляхъ и такъ какъ газеты не позволяли еще предвидѣть какое-нибудь рѣшительное дѣйствіе, то, утомившись каждое утро дѣлать по десяти верстъ, чтобы ничего не узнать, они условились, что первый, кто что-нибудь узнаетъ, затрубитъ въ рожокъ, и остальные тотчасъ же съѣдутся къ нему.

— А если я первый узнаю о побѣдѣ?—спросилъ кюрэ.

— Если вы, батюшка,—звоните въ колокола!

Прошло нѣсколько дней, и никто не далъ условленнаго сигнала.

Но разъ, когда де-Виванъ съ матерью занимался счетами своихъ арендаторовъ, онъ услышалъ звукъ отдаленнаго рожка, едва проникшаго черезъ затворенныя окна.

— Побѣда, матушка!—воскликнулъ онъ:—я слышу басъ дю-Ландьэ!

Другой сигналъ задрожалъ въ направленіи Бражо, гдѣ жилъ де-Борнь, а справа, со стороны Вильфэня, послышался почти тотчасъ же отвѣтившій ему Дагури. Де-Виванъ бросился на дорогу, не стущаясь ночной темнотой.

Представьте себѣ романтическій пейзажъ: узкая долина, на одной сторонѣ каштаны, а на другой—одно изъ тѣхъ жилищъ, которое тамошній мужикъ зоветъ замкомъ, а путешественникъ, видящій его съ дороги, назоветъ лачугой—и вы будете имѣть представленіе о помѣстьи, гдѣ проживалъ дю-Ландье.

Де-Виванъ нашелъ его среди куропатокъ и перепеловъ, которыхъ онъ воспитывалъ въ своей комнатѣ; онъ обучалъ чернаго дрозда насвистывать охотничью пѣсню.

Какъ только де-Виванъ открылъ дверь, по всей комнатѣ, съ дикимъ пискомъ разлетѣлись испуганныя птички, закрутилась пыль и перья. Нечаянно онъ придавилъ двухъ цыплятъ.

— Боже мой!—закричалъ дю-Ландье, бросаясь ему подъ ноги.

— Ахъ, поди ты со своими птицами! Трубилъ ты, или нѣтъ?

— Ну да, конечно: мы побѣдили.

Дуя на своихъ ошеломленныхъ цыплятъ, чтобы оживить ихъ, онъ разсказалъ объ одномъ изъ тѣхъ успѣховъ авангарда, которые въ началѣ войны правительственныя газеты всегда представляютъ, какъ побѣды: битва разразилась на берегу рѣки; самъ императоръ былъ тамъ; десять тысячъ пруссаковъ потоплены и, по слухамъ, наслѣдникъ контуженъ.

Звонъ бубенчиковъ и лязгъ желѣза прервалъ его разсказъ: подъ окнами остановился экипажъ.

Не различая въ темнотѣ людей, которые выпрягали лошадей, де-Виванъ кричалъ имъ:

— Привезли вы новости?

По голосу онъ узналъ Дагури, который отвѣтилъ:

— Нѣтъ, чортъ возьми! Я за ними пріѣхалъ! Посвѣтите-ка мнѣ, батюшка!

Вскорѣ появился мэръ и священникъ, съ двумя длинными бутылками подъ мышкой:

— Рейнвейнъ, господа! Пить его сегодня или никогда не пить!

Дю-Ландье и де-Борнь, устремившіеся въ погребъ, вынесли оттуда бутыль въ соломенномъ чехлѣ: то было хорошее французское вино.

Выпили за здоровье императора, императрицы, наслѣднаго принца, Базэна, Канробера, Макъ-Магона, Пьера де-Вивана.

Около двухъ часовъ утра всѣ были пьяны. Де-Виванъ перегонялъ птицъ съ одного стула на другой. Де-Борнь, валяясь на столѣ, объяснялъ священнику свое родство съ Карломъ Великимъ; священнослужитель, внимательно слушая, методически наполнялъ свой стаканъ и выливалъ на свою рясу. Дагури, спустившись въ конюшню, чтобы запречь свой экипажъ, свалился, захваченный ночною свѣжестью, на подстилку и уснулъ. Дю-Ландье, совершенно пьяный, шатаясь, увлекалъ кюре раздѣлить съ нимъ его постель. Въ комнатѣ понемногу воцарилось глубокое молчаніе.

Въ этотъ моментъ де-Моншармэнъ возвратился изъ Брантома, гдѣ онъ игралъ въ карты всю ночь. Новости о двойномъ пораженіи въ Форбахѣ и Виссанбургѣ, принесенныя изъ Периге въ кафе Золотого Льва, прервали его партію. Впечатлѣніе неудачи, раздраженіе отъ проигрыша, сонливость и предразсвѣтный холодъ угнетали его.

Подъѣзжая къ дю-Ландье, онъ замѣтилъ во дворѣ вы-

пряженные экипажи и на подоконникѣ свѣчу, которая все еще горѣла. Взбираясь на лѣстницу, онъ оступился, толкнулъ полуотворенную дверь и увидѣлъ своихъ друзей спящими въ повалку.

— Пьяныя свиньи!—выругался онъ. И, опрокидывая ногою столъ, подсвѣчникъ, кружку и стаканы, закричалъ:

— Мы разбиты, мы разбиты!

Испуганные этимъ крикомъ, нѣсколько спящихъ проснулись и привстали.

— Разбиты, разбиты!—кричалъ имъ Моншармэнъ.—Гагенау взятъ, генералъ погибъ!

— Какой генералъ?—спросилъ голосъ, который, казалось, никому не принадлежалъ.

— Дуэ! Дуэ! Дуэ! Это знали еще сегодня ночью... И какъ мнѣ не везло сегодня! Когда пришло извѣстіе, у меня не было и трехъ пуантовъ на рукахъ. Догадайтесь: бросилъ ли я карты?

Но его никто не слушалъ.

Одинъ за другимъ, всѣ возвращались ко сну, и самъ онъ, бросивъ на своихъ друзей презрительный взглядъ человѣка, который случайно среди пьяницъ оказался трезвымъ, вытянулся въ креслѣ и, изнемогая отъ усталости, въ свою очередь заснулъ.

Съ этого дня помѣстное дворянство больше не разъѣзжало по гостямъ. Перигорскіе помѣщики, которыхъ охота, обѣды, игра, свадьбы и похороны до сихъ поръ неизбѣжно выбрасывали на дорогу, теперь не покидали своихъ помѣстій. Пораженіе прекратило собранія и развлеченія.

Одинъ только де-Моншармэнъ сновалъ по всей округѣ, развозя новости, преувеличивая ихъ, искажая и, въ случаѣ надобности, выдумывая. Его болтливый темпераментъ приспособлялся ко всѣмъ событіямъ, каковы бы они ни были: только былъ бы предлогъ для болтовни.

Чаще, чѣмъ когда-либо, его видѣли въ Нонтронѣ, Брантонѣ, Периге, гдѣ онъ провожалъ на поѣздъ мужиковъ, догонявшихъ армію. На набережной онъ поилъ ихъ на свой счетъ, напивался съ ними и, если какой-нибудь парень кричалъ ему; уѣзжая: „Берегите хорошенько вашихъ блохъ, г-нъ де-Моншармэнъ!“ или другую глупость того же сорта, онъ отъ души смѣялся и не замѣчалъ въ словахъ парня насмѣшки.

По возвращеніи изъ каждой такой поѣздки, онъ устраивалъ объѣздъ дворянскихъ помѣстій и развозилъ по своимъ друзьямъ пошлость и дымъ кофеенъ.

Де-Борня онъ старался застать въ фруктовой кладовой,

пропитанной запахомъ яблокъ и служившей хозяину библіотекой; здѣсь между двумя дворянами, однимъ грубымъ, дерзкимъ на языкъ, сохранившимъ мужицкую натуру предковъ, и другимъ, менѣе мужиковатымъ, но ожесточеннымъ, недовольнымъ своей деревенскою жизнью, скрыто-жаждущимъ политической роли,—тянулся безконечный разговоръ о томъ, какое правительство—имперія, республика или монархія—выйдетъ изъ пораженія.

Если имъ казалось, что кто-то подходитъ, де-Борнь шепталъ: „Тсс! жена...“ Появлялась молодая женщина, маленькая, беременная. Сразу разговоръ измѣнялся и по тону, и по предмету, потому что мужъ не терпѣлъ, чтобы въ ея присутствіи говорили о войнѣ, изъ боязни, какъ бы слишкомъ сильное волненіе не повредило ей въ ея положеніи. Моншармэнъ тотчасъ же вспоминалъ одну изъ своихъ шутокъ, которыя всѣхъ мѣстныхъ дамъ заставляли говорить о немъ: „Ахъ, этотъ мосье де-Моншармэнъ“...

Оттуда, позавтракавши, онъ охотно отправлялся къ своему арендатору Бусилю выпить стаканъ бѣлаго вина. Онъ садился, болталъ, говорилъ, что чувствуетъ себя сыномъ простаго народа, спрашивалъ у Бусиля, нѣтъ-ли писемъ отъ его сына. Это былъ тотъ самый парень, которому за замѣну его въ арміи онъ заплатилъ тысячу двѣсти франковъ. По совѣсти, онъ полагалъ, что въ лицѣ своего замѣстителя онъ такъ или иначе принимаетъ участіе въ походѣ.

Опорожнивъ бутылку, онъ снова садился на коня и пускался въ поиски за своимъ другомъ дю-Ландье.

Онъ находилъ его на какой-нибудь лѣсной тропинкѣ, съ руками, сложенными на спинѣ, и съ поникшею головою; за собой на грабляхъ онъ неизмѣнно тащилъ внутренности козы для какой-нибудь западни.

Съ какимъ наслажденіемъ донималъ Моншармэнъ своего пріятеля, выставляя свои добродѣтели и обличая этого дикаря, думающаго въ такое время только о волкахъ, да кабанахъ!

Испуганная войною, крупная дичь набросилась съ востока на лѣса центральной Франціи и переполнила Перигоръ. Страна въ нѣсколько недѣль стала дикой. Вездѣ поля уничтожались стадами кабановъ, овцы дѣлались добычей волковъ, пастухи не смѣли больше выходить изъ дома, дю-Ландье жилъ въ лѣсу.

Подъ упреками своего друга онъ склонялъ униженно голову, какъ провинившееся дитя; то, что происходило на границѣ, ему казалось не имѣющимъ значенія; его невинная мысль видѣла въ сражающихся арміяхъ только громадныя толпы загонщиковъ, направлявшихъ къ нему дичь.

Какъ только гость уѣзжалъ, онъ возвращался къ своему звѣрью...

Въ провинціи теперь то и дѣло раздавалась барабанная дробь, призывавшая резервы въ армію. Оставляя свою работу, крестьяне бѣжали на этотъ призывъ. Они съ изумленіемъ узнавали странныя имена мѣстъ, гдѣ происходили сраженія. Одинъ изъ нихъ справился, далеко-ли эти мѣста, глашатай отвѣтилъ: „Ты попадешь туда скорѣе, чѣмъ захочешь". И, слѣдуя своей дорогой, продолжалъ оглашать страну повелительнымъ призывомъ своего барабана.

Сборъ запасныхъ и вѣсти о пораженіяхъ болѣе, чѣмъ всѣ сообщенія о первыхъ убитыхъ, потрясли благодушіе крестьянъ.

Воображеніе очень живо въ старомъ Перигорѣ. Въ 1790 году было достаточно пьяному ямщику, проѣзжавшему подъ стѣнами Периге, закричать, въ вихрѣ пыли, что десять тысячъ разбойниковъ приближаются къ Генни, какъ по всей провинціи разнесся слухъ со скоростью, какую пріобрѣтаютъ всякіе слухи, распространяющіеся въ первобытной странѣ. Воспоминанія объ англійскомъ господствѣ, почитавшіяся уже стертыми; еще болѣе древнія воспоминанія о нашествіяхъ сарациновъ усиливали этихъ воображаемыхъ разбойниковъ двадцатью тысячами англичанъ и такимъ же количествомъ мавровъ, съ добавленіемъ еще тулонскихъ каторжниковъ, которые, по слухамъ, разбили свои цѣпи. Жители прятались въ лѣса, куда уносили и цѣнныя вещи; дѣти, стороживщія на вершинахъ деревьевъ, видѣли уже, какъ пламя поднималось выше Периге.

Въ эти первые дни сентября 1870 года, подъ вліяніемъ военныхъ неудачъ, неистовая паника охватила всю страну.

Въ развѣшенномъ на кустарникѣ бѣльѣ видѣли уланскія шинели; ночныхъ прохожихъ принимали за нѣмецкихъ лазутчиковъ и разсказывали, что днемъ эти шпіоны находятъ себѣ убѣжище въ тайникахъ дворянскихъ замковъ. Злились на мелкихъ дворянъ, не ушедшихъ въ армію. Ихъ осторожность служила неизмѣнной темой для оскорбительныхъ остротъ, въ которыхъ охотно изощряется деревенскій умъ. Сборъ, установленный среди дворянъ въ пользу Краснаго Креста, усилилъ басню, будто они хотятъ низвергнуть имперію и пересылаютъ деньги пруссакамъ, чтобы тѣ наводнили за это Францію королями.

Распространялось еще множество слуховъ, и тѣмъ большую находили они вѣру, чѣмъ были нелѣпѣе. Не было дома,—хотя бы самаго одинокаго,—откуда бы ни выходила, какъ дымъ изъ его трубы, какая-нибудь изъ нелѣпыхъ сказокъ; не было каштановой рощи, которая бы ни насе-

лялась этими чудовищами, точно грибами послѣ дождливаго лѣтняго дня. Слухи поднимались изъ глубины народной совѣсти, изъ того заразительнаго возбужденія, которое всегда придаетъ провинціи тревожный характеръ. Воспоминанія революціи 1815 года питали, безъ сомнѣнія, эти легенды. Настроенія накопляются въ душѣ крестьянина, какъ пыль на паутинѣ въ амбарѣ. Все кажется правдоподобнымъ ихъ дѣвственному воображенію. Пустяка достаточно, чтобы возбудить до изступленія эти потрясенные умы, надъ которыми властно царятъ легковѣріе и страхъ. Въ толпѣ они мгновенно теряютъ то кажущееся самообладаніе, которое такъ выгодно отличаетъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности; и, какъ иногда лѣтомъ огонь безъ всякой видимой причины вдругъ охватываетъ ихъ крыши, такъ иногда бываетъ, что они сходятъ съ ума безъ всякаго повода, точно взбѣсившееся животное.

Бернаръ де-Виванъ палъ жертвой этого ужаснаго состоянія умовъ.

Послѣ печальной ночи у дю-Ландье онъ проводилъ свои дни на берегу рѣки, протекающей вблизи его дома, за чтеніемъ старыхъ газетъ, читая и перечитывая разсказы о тѣхъ сраженіяхъ, гдѣ до послѣднихъ минутъ побѣда оставалась подъ сомнѣніемъ, а затѣмъ слѣдовало отступленіе. Онъ читалъ, не ожидая ничего, кромѣ вечера и вечерней почты. Затѣмъ онъ вытаскивалъ изъ воды свою удочку, забиралъ добычу и возвращался по тропинкѣ въ Виванъ; по дорогѣ онъ заходилъ на кухню узнать, былъ-ли почталіонъ.

Если онъ еще не приходилъ, то де-Виванъ шелъ поджидать его на дорогу. Въ сумракѣ умирающаго дня странная тишина охватывала деревню; лишь издали доносились мѣрные удары цѣповъ.

Вскорѣ почталіонъ показывался на вершинѣ холма. Сердце де-Вивана начинало биться безумной надеждой. Нѣтъ-ли, наконецъ, побѣды? Но почталіонъ всегда приносилъ только смутныя свѣдѣнія, противорѣчащія одни другимъ, сообщенія о непонятныхъ движеніяхъ армій, объ успѣхахъ, всегда вызывавшихъ опроверженія.

Еще печальнѣе возвращался онъ домой. Всѣ старыя непріятности, точно сговорившись, сразу набросились на него. Онъ недоволенъ былъ своими полями, что онѣ тощи, своими крестьянами, что они рутинеры, собою, что онъ хромой, и Пьеромъ, что онъ уѣхалъ...

Однажды вечеромъ, около пяти часовъ, сидя въ комнатѣ матери, онъ услышалъ необычный шумъ въ кухнѣ и бросился внизъ.

Мать поспѣшила за нимъ, слабая и какъ бы схваченная страшнымъ предчувствіемъ.

Снизу Бернаръ крикнулъ ей:

— Императоръ сдался со всей арміей!

— Слава Богу,—отвѣтила она, опираясь о стѣну,—а я думала, что твой братъ умеръ...

На другой день Бернаръ отправился въ Вильфэнь. Всѣ съѣхались сюда: слишкомъ велико было несчастье.

Де-Виванъ нашелъ всѣхъ дворянъ за столомъ у мэра. Ему издали кричали: „Сюда, сюда!",—и какъ только онъ показался на порогѣ, каждый со своего мѣста, продолжая ѣсть, выкрикивалъ ему новости: имперія ниспровергнута, палата переполнена толпами простонародья, императрица въ бѣгахъ, Гамбетта и его шайка—хозяева Парижа.

Онъ остолбенѣлъ, пораженный этими извѣстіями.

Республика вѣдь это окончательная гибель страны, ужасный итогъ пораженій, катастрофа, болѣе непоправимая, чѣмъ Седанъ!

Онъ схватилъ стулъ, разбилъ его о полъ и закричалъ:

— Парижъ, прекрасно! Ну, а мы, принимаемъ мы ее, ихъ республику?

— Любезный другъ,—возразилъ де-Борнь въ тонѣ презрительнаго превосходства, — все это можно было предвидѣть: имперія уже была революціей.

— Вѣдь одно только правительство имперіи способно было защищать то, что мы любимъ: религію, семью и собственность!

— Вы правы,—сказалъ кюрэ,—прискорбны эти событія. Но присядьте: остывшее жаркое теряетъ свою цѣну.

Провозглашеніе республики въ Парижѣ было далеко и не могло задержать на долго этихъ господъ внѣ ихъ умственнаго кругозора. Очень скоро они возвратились къ своимъ игривымъ разговорамъ, къ сладостямъ перигорской кухни; Моншармэнъ разсказывалъ священнику, какъ онъ засталъ свою любовницу на соломѣ со своимъ кучеромъ, и какъ онъ ихъ прогналъ обоихъ вилами, когда явилась горничная доложить, что его арендаторъ Бусиль желаетъ съ нимъ поговорить.

— Пусть войдетъ!—отвѣтилъ онъ.

Вошелъ крестьянинъ лѣтъ пятидесяти. Онъ принесъ своему хозяину деньги за двухъ телятъ, которыхъ продалъ сегодня утромъ.

— Ну,—спросилъ его Моншармэнъ, какъ только возвратилось къ нему хорошее расположеніе духа,—есть новости отъ твоего сына?

Тотъ вытащилъ изъ кармана жилета бумажку и подалъ

хозяину. Это было извѣщеніе о смерти его сына, Жюльена Бусиля, убитаго 14 августа въ Борни. Какъ ни вяло было деревенское воображеніе Моншармэна, онъ представилъ себя на мѣстѣ Жюльена Бусиля. Съ волненіемъ человѣка, который только что избѣжалъ страшной опасности, онъ прочелъ и перечелъ еще разъ, не говоря ни слова, эту бумажку, гдѣ было написано прописью только имя его замѣстителя, время и мѣсто кончины. Затѣмъ онъ подалъ ее г-ну кюрэ, который ее передалъ г-ну де-Борнь, пустившему ее въ свою очередь въ оборотъ, и когда бумажка возвратилась въ его руку, онъ положилъ ее на столъ и закрылъ своимъ волосатымъ кулакомъ.

— Представьте себѣ, что это я уѣхалъ-бы на войну,— сказалъ онъ, бросивъ своимъ друзьямъ взглядъ человѣка, удивленнаго, что онъ цѣлъ.—Ахъ, эта жизнь...

Всѣ взоры обратились въ сторону арендатора. Ничего нельзя было прочесть на его лицѣ, побурѣвшемъ отъ свѣжаго воздуха и плохого мытья.

— Бѣдняга Жюльенъ,—сказалъ кюрэ, — а вѣдь я крестилъ его.

Остальные молчали. Моншармэнъ, не успокоившійся отъ своего волненія, старался выдумать что-нибудь подходящее къ своему затруднительному положенію.

— Береги деньги за телятъ,—сказалъ онъ, отдавая Бусилю черный коленкоровый мѣшокъ, который тотъ положилъ передъ нимъ.

И, опрокинувшись на спинку кресла, онъ закричалъ по направленію къ кухнѣ:

— Стаканъ для Бусиля!

Крестьянинъ взялъ свою бумагу, тщательно сложилъ ее по прежнимъ складкамъ и снова спряталъ въ карманъ; затѣмъ онъ провозгласилъ здоровье присутствующихъ, чокнулся съ хозяиномъ и удалился послѣ долгихъ извиненій что обезпокоилъ компанію.

Какъ только онъ вышелъ, гостей, на минуту стѣсненныхъ и непріятно пораженныхъ неумѣстнымъ напоминаніемъ о смерти, вдругъ охватилъ какой-то неудержимый потокъ веселья: очевидно, была настоятельная необходимость успокоить встревоженное сердце. Каждый со стаканомъ въ рукѣ, съ шутками и остротами поздравлялъ хозяина съ избавленіемъ отъ неминуемой гибели; предлагали уморительные тосты, тѣмъ болѣе смѣхотворные, чѣмъ болѣе очевидно было, что онъ возволнованъ и скрываетъ это. Его колотили по спинѣ, чтобы заставить смѣяться. Удивительно комиченъ былъ видъ этого выкупленнаго покойника, этого толстаго

человѣка, сіявшаго здоровьемъ и силой, который заплатилъ тысячу двѣсти франковъ за огромное удовольствіе жить.

— Совсѣмъ даромъ!—кричали ему:—вѣдь это цѣна средняго быка.

Одинъ только де-Борнь не шутилъ, предвидя, что смерть Бусиля вызоветъ печальныя послѣдствія въ странѣ. Крестьяне не переставали болтать о томъ, что за тысячу двѣсти франковъ господа посылаютъ ихъ умирать вмѣсто себя! И онъ, смотря на Моншармэна, думалъ, что, въ сущности, эта скотина должна была отдать родинѣ свою голову, а не чужую. И, совершенно не стѣсняясь, онъ громко высказалъ свою мысль въ полу-шутливомъ тонѣ.

— Господи!—возразилъ Моншармэнъ,—какъ бы кровь ни приливала отъ душевнаго волненія, страсбургскихъ пироговъ и вина, но нельзя же думать, что ты желалъ бы видѣть меня въ землѣ!

Всѣ засмѣялись; но каждый изъ собесѣдниковъ чувствовалъ, что въ немъ пробуждаются заботы, раздѣляемыя и другими. До окончанія обѣда они разговаривали только о признакахъ явной враждебности, какую каждый день проявляютъ ихъ крестьяне. Поочередно они перечисляли свои невзгоды: имъ больше не кланяются, рубятъ ихъ деревья, убиваютъ ихъ собакъ, перекапываютъ канавы, угрожаютъ ихъ сторожамъ. Они чувствовали себя одинокими, брошенными, потерянными, окруженными ненавистью, недовѣріемъ, скрытой враждой... И Моншармэнъ, вставая, резюмировалъ общія чувства со своей обычной грубостью:

— Честное слово, потому что у нихъ дѣти въ арміи, они думаютъ, что они—хозяева страны.

На этомъ они разошлись, мало смущаясь, что ночь застанетъ ихъ на большой дорогѣ.

Де-Виванъ поговорилъ еще съ кюрэ, а затѣмъ около четырехъ часовъ, онъ вышелъ, чтобы пойти запречь свою лошадь, по обыкновенію оставленную у трактира. Приближаясь къ конюшнѣ, онъ вдругъ увидѣлъ, что де-Борнь бѣжитъ по полю, а за нимъ гонится толпа крестьянъ. Очень заинтересованный и немного встревоженный, онъ бросился въ ту же сторону.

Крестьяне не умѣютъ быстро бѣгать. Очевидно, не надѣясь догнать бѣглеца, они прекратили преслѣдованіе и возвращались по дорогѣ, когда де-Виванъ подошелъ къ нимъ спросить, зачѣмъ они гнались за его другомъ.

Они отвѣчали хоромъ: де-Борнь радовался, когда узналъ, что французы побѣждены; всѣ кругомъ говорятъ, что пруссаки приведутъ назадъ во Францію королей.

— Господинъ де-Борнь — мой другъ,—возразилъ имъ

де-Виванъ.—Онъ не могъ это говорить, я въ этомъ ручаюсь. Но у пруссаковъ ружье стрѣляетъ пять разъ въ то время, какъ наше стрѣляетъ только три раза, и, къ несчастью, дѣйствительно, можно опасаться...

Не успѣлъ онъ окончить своихъ словъ, какъ дубины обрушились на его голову и спину. Вся злоба крестьянъ, очевидно, возбужденныхъ какимъ-нибудь его неблагоразумнымъ словомъ обратилась противъ него.

Его поволокли по деревенской улицѣ, гдѣ шумъ собралъ тотчасъ же толпу крестьянъ человѣкъ въ двѣсти или триста. Въ нѣсколько минутъ всѣмъ собравшимся на базарѣ, женщинамъ и даже дѣтямъ, показалось совершенно очевиднымъ, что де-Виванъ — измѣнникъ, это онъ отправлялъ деньги пруссакамъ, чтобы привести обратно во Францію королей.

Они съ крикомъ разсуждали о томъ, что съ нимъ дѣлать. Одни хотѣли свести его къ мэру, другіе—передать его жандармеріи, но большинство ревѣло:

— Онъ роялистъ! попъ! Сами поступимъ по закону!

Изъ окна одного трактира, куда они зашли, чтобы сыграть послѣднюю партію въ пикетъ, дю-Ландье и Моншармэнъ замѣтили его. Голова его представляла окровавленный шаръ. Они тотчасъ же откинулись въ комнату и захлопнули окна. Въ борьбѣ между слабымъ желаніемъ помочь товарищу и страхомъ раздѣлить его участь, они смотрѣли другъ на друга. Наконецъ, дю-Ландье сдѣлалъ движеніе. Маншармэнъ схватилъ его, шепнувъ на ухо:

— Съ ума ты сошелъ? Они тебя разорвутъ на куски.

Затѣмъ, спрятавшись за кружевными занавѣсками, они съ гнетущимъ чувствомъ слѣдили за успѣхами внезапной народной ярости, причину которой они постигали довольно смутно.

При крикахъ, раздавшихся передъ его квартирой, Дагури, опоясанный шарфомъ мэра, вышелъ на крыльцо. Криками потребовали отъ него, чтобы онъ указалъ мѣсто, гдѣ бы запереть измѣнника до прибытія жандармовъ. Но онъ, или изъ опасенія, чтобы его домъ не подвергся разграбленію, или потому, что его жена и горничная забаррикадировали дверь, предложилъ посадить де-Вивана въ хлѣвъ.

И его втолкнули туда кулаками. При видѣ этого, паника охватила дю-Ландье и Моншармэнъ. Оторвавшись отъ своего окна, они тихо спустились по лѣстницѣ, прошли въ конюшню, быстро запрягли свой кабріолетъ и уѣхали...

Въ толпѣ распространился слухъ, что кюрэ всѣхъ угощаетъ виномъ. Священникъ, въ безумной надеждѣ залить виномъ жажду убійства, вдругъ охватившую его деревню, рѣшилъ выбить дно у бочки на своемъ дворѣ.

Здѣсь собралась разъяренная толпа. Оставивъ на время свою жертву подъ охраной двухъ или трехъ человѣкъ, крестьяне заполнили дворъ священника; но къ вечеру, опорожнивъ бочку, они возвратились въ хлѣвъ еще болѣе ожесточенными; ихъ сопровождалъ Бусиль, крича:—Кто подумаетъ защищать де-Вивана, будь онъ баринъ или арендаторъ, отъ того лишь клочья останутся на мѣстѣ.

Подъ крышей задыхался несчастный и просилъ:

— Пить!

— Ты пилъ кофе въ комнатахъ, натертыхъ воскомъ,— отвѣтилъ ему одинъ шутникъ,—а теперь попьешь въ хлѣву.

Два парня, взобравшись на крышу, содрали съ нея черепицу и черезъ отверстіе вытащили его изъ хлѣва.

Онъ былъ ужасенъ: лицо вымазано кровью и сокомъ фигъ, которыя онъ срывалъ, чтобы утолить жажду, съ вѣтки дерева, пробравшейся въ хлѣвъ черезъ трещину въ стѣнѣ.

Ослѣпленный свѣтомъ и блескомъ, онъ тупымъ взоромъ разглядывалъ крестьянъ, которые столпились вокругъ него, и вдругъ бросился (можетъ быть, для того, чтобы укрыться въ тѣнь) подъ станокъ для ковки воловъ.

Въ этотъ моментъ тряпичникъ Піарути пролѣзъ подъ станокъ и ударилъ его въ затылокъ крюкомъ своего безмена.

Ударъ показался толпѣ смертельнымъ.

Одинъ крестьянинъ подошелъ и потрогалъ его рукою. Отъ этого прикосновенія несчастный хромой вдругъ вскочилъ, сдѣлалъ три прыжка, три настоящихъ скачка лягушки, и упалъ въ крапиву канавы.

Среди раскатовъ смѣха тряпичникъ бросился за нимъ, схватилъ его за ноги и сталъ звать:

— Кто со мной? Сюда.

Народъ толкался, чтобы помочь ему.

Со всѣхъ сторонъ кричали:

— Измѣнникъ! Сжечь его! Опалить эту свинью!

Его потащили за ноги къ лужѣ, всегда просыхавшей лѣтомъ. Здѣсь валялись вязанки хвороста въ ожиданіи зимы. Туда бросили де-Вивана.

Но ни у кого не было спичекъ, чтобы поджечь хворостъ: курильщики въ деревнѣ употребляли еще огниво. Одному мальчугану дали сантимъ и послали бѣгомъ въ мелочную лавку.

Первые язычки пламени были встрѣчены неистовыми криками. Женщины довольно громко высказывали сожалѣніе, что пропадаетъ такое хорошее сало; парни скакали черезъ костеръ, точно въ Ивановъ день; одна изъ ногъ несча-

стнаго стала подергиваться: подумали, что онъ еще живъ, и толкнули его дальше въ огонь.

Наступила ночь. Бросивъ на половину обуглившійся трупъ, пришлые крестьяне покинули, наконецъ, мѣстечко. Многіе, проходя по деревнямъ, разсказывали, что они сожгли измѣнника и надѣются получить за это награду отъ правительства.

Между тѣмъ, пока они разсѣивались по дорогамъ Перигора, г-жа де-Виванъ безпокоилась, что ея сынъ долго не возвращается домой. Она подошла къ окну, чтобы взглянуть на аллею, не ѣдетъ-ли Бернаръ; но, замѣтивъ по направленію Вильфэня красное зарево, подумала: должно быть, пожаръ, Бернаръ, вѣроятно, помогаетъ тушить, и успокоилась...

Въ кухнѣ уже знали, что хозяинъ убитъ. Былъ обычай, что послѣ ярмарокъ арендаторы пріѣзжали въ Виванъ съ отчетомъ и получали угощеніе. И въ этотъ день они не преминули явиться. Они приходили группами въ два-три человѣка и съ возбужденіемъ разсказывали, каждый по своему, какъ произошло дѣло. Они усаживались за столъ, кухарка, Мари, раздавала имъ пищу съ ругательствами:

— Вотъ тебѣ, трусъ! Вотъ тебѣ, скотина, тутъ больше, чѣмъ ты стоишь!

Если вѣрить имъ, всѣ пытались защищать своего барина, и въ то же время допускали, что если онъ убитъ, то, значитъ, онъ того хотѣлъ.

— Теперь будетъ разговаривать,—объявилъ кучеръ:— надо пойти сообщить барынѣ.—Возгорѣлся споръ. Арендаторы громко доказывали, что это дѣло служащихъ. Прислуга возражала, что, не бывши на ярмаркѣ, она не можетъ разсказать то, чего она не видала.

Звонокъ прекратилъ споры. Госпожа де-Виванъ кого-то позвала по дѣламъ службы. Кучеръ ускользнулъ, подъ предлогомъ, что идетъ запрягать; молодая крестьянка, исполнявшая обязанности горничной, затерявшись въ толпѣ арендаторовъ, ушла на дворъ; кухарка осталась одна. Всѣ стали смѣяться и шутить надъ Мари. Взбѣшенная Мари принуждена была подняться въ верхній этажъ.

Прошла минута, въ кухнѣ слышно было только, какъ кипитъ въ котлѣ вода, и какъ сырыя дрова шипятъ въ печи. Одни видѣли барыню уже недвижно-мертвою, а другимъ казалось, что они слышатъ, какъ раздаются нечеловѣческіе крики, которыми въ деревнѣ выражается горе. Арендаторы упали на колѣни и, въ свою очередь начали причитать, перебирая достоинства покойнаго. Но наверху все было тихо, можно было подумать, что въ послѣднюю минуту перепуганная Мари не осмѣлилась сказать ничего.

Вдругъ распахнулась дверь, и послышались поспѣшные шаги и слова:

— Запрягать! Запрягать!

Карету подали; кучеръ на козлахъ. Г-жа де-Виванъ бросилась въ экипажъ, и лошади рванулись впередъ.

Была глубокая ночь, когда показались первые дома Вильфэня.

За смятеніемъ дня наступила тишина.

Конный жандармъ загораживалъ дорогу въ деревню. Кучеръ спросилъ его, куда перенесли трупъ Бернара де-Вивана.

— Въ церковь, — отвѣтилъ онъ, отступая съ дороги, чтобъ дать каретѣ проѣхать.

Пріѣзжіе наполнили шумомъ улицу, тѣни показались у оконъ и въ дверяхъ. Съ испугомъ узнали экипажъ.

Останки де-Вивана поставили на хорахъ.

Мать нашла ихъ подъ охраной полевого сторожа. Къ счастью, лишь двѣ жалкихъ свѣчки горѣли во тьмѣ и позволяли очень смутно различать слѣды огня и ударовъ. Она взяла одну свѣчку, чтобы освѣтить тѣло своего сына, но, лишь только приблизилась, какъ свѣча выпала изъ ея рукъ. Въ какое состояніе привели его эти звѣри!

Упавъ на трупъ, она лежала поперекъ его, какъ мертвая. Сторожъ, испугавшись, бросился къ кюрэ. Когда тотъ пришелъ, они вдвоемъ подняли ее, и священникъ сталъ извиняться, что не встрѣтилъ ее въ церкви.—Прокуроръ,—сказалъ онъ ей,—только что пріѣхалъ изъ Нонтрона и остановился въ моемъ домѣ, чтобы допросить первыхъ свидѣтелей.

При этихъ словахъ къ г-жѣ де-Виванъ вернулось все ея хладнокровіе.

Она захотѣла тотчасъ-же увидѣть представителя правосудія.

Черезъ дверь ризницы священникъ провелъ ее въ свою квартиру.

При входѣ ея, прокуроръ всталъ, но она остановила его соболѣзнованія жестомъ, вся поглощенная мыслью о мщеніи, и, чтобы не задержать ни на одну секунду правосудіе, проговорила только:—Продолжайте, пожалуйста.

Болѣе четверти часа прокуроръ тщетно старался извлечь изъ Дагури разсказъ о событіяхъ минувшаго дня. Въ испаринѣ отъ страху, дрожа на ногахъ, опоясанный шарфомъ, который онъ, растерявшись, забылъ снять, вильфэнскій мэръ отказывался говорить. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, прокуроръ сорвалъ съ него шарфъ и отправилъ его въ кухню подъ конвоемъ жандарма.

Кюрэ послѣдовалъ за нимъ. Упавъ на стулъ, толстякъ

плакалъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Для храбрости, священникъ налилъ ему большой стаканъ крѣпкаго вина.

— Говори! Да говори же! чего ты боишься?—уговаривалъ онъ мэра.—Бѣдняга, вѣдь ты тутъ ничего не могъ сдѣлать!

— Я не буду больше мэромъ! не буду!—бормоталъ несчастный, щелкая зубами.

— Дуракъ! конечно, не будешь, если тебя посадятъ въ тюрьму!

Насильно кюрэ привелъ его въ столовую. И здѣсь изъ несвязныхъ словъ, обиняковъ и умолчаній этого человѣка, боявшагося въ равной степени своихъ односельчанъ и правосудія, г-жа де-Виванъ получила первое представленіе о событіи, которое она собиралась прослѣдить въ мельчайшихъ подробностяхъ.

Съ этого дня эту женщину, боявшуюся свѣжаго воздуха въ прихожей, видѣли на всѣхъ большихъ дорогахъ и до сихъ поръ еще со страхомъ вспоминаютъ въ странѣ карету, въ которой всю осень и часть зимы она рыскала по округѣ, разыскивая убійцъ.

Карета была старая, внутри оклеенная газетами, чтобы было не такъ холодно. Когда наступалъ вечеръ, лакей вѣшалъ внутри экипажа фонарь, чтобы при его свѣтѣ барыня могла тотчасъ же записать всѣ факты, которые она собрала въ теченіе дня.

Во всякую погоду, на самыхъ пустынныхъ проселкахъ встрѣчали эту зловѣщую карету. Дѣти узнавали ее издали и бѣжали предупредить о ея приближеніи. Двери домовъ тотчасъ же запирались.

Если бы трубы не продолжали дымиться, деревня казалась-бы вымершей. Если старухѣ удавалось неожиданно проникнуть въ какой-нибудь домъ, то ужасъ, наводимый ею, былъ такъ великъ, что ей не рѣшались лгать, и она заставляла крестьянъ свидѣтельствовать другъ на друга. Не разъ случалось, что женщины, возбужденныя ея бѣшенствомъ, угрожавшимъ ихъ мужьямъ и дѣтямъ, бросались къ каретѣ, чтобы расправиться съ матерью такъ же, какъ расправились съ ея сыномъ. Кучеру приходилось стегать лошадей и удирать подъ градомъ камней.

Ненависть какъ-бы вернула молодость больной старухѣ. Всѣ недуги, которые удерживали ее въ теченіе многихъ лѣтъ въ ея комнатѣ, какъ будто исчезли. Она выносила лучше своего кучера суровость времени года. Она была создана по образцу суровой деревни, неуступчивою, непреклонною. Въ ней была настойчивость косогоровъ, ко-

торые безпрерывно поднимаются по извилинамъ лощинъ. Ея душа не нашла себѣ удовлетворенія въ любви и теперь расцвѣтала во мщеніи. Она отказывалась понять, что убійство ея сына было слѣдствіемъ болѣзненнаго припадка бѣшенства толпы. Ея воображеніе представляло ей громадный заговоръ, въ которомъ вся страна принимала участіе; на немъ она строила весь обвинительный актъ, поражавшій въ подробностяхъ психологической проницательностью, тонкостью и изумительной неправдою.

Часто ночь застигала ее въ нѣсколькихъ лье отъ Вивана. Сломанная ось, порванныя постромки останавливали ее среди поля, въ страшный зимній холодъ. Но и вернувшись домой въ чрезвычайно поздній часъ, она отнимала еще часть у ночи для переписки съ прокуроромъ или же съ своимъ старшимъ сыномъ, который, попавъ въ плѣнъ подъ Седаномъ, былъ отправленъ въ глубину нѣмецкой провинціи. Одинъ свѣтъ ея лампы, видимый издалека, терроризировалъ всю округу.

Съ большей злобой, чѣмъ къ крестьянамъ, она относилась къ старымъ друзьямъ сына, которые не защитили его. Она ихъ презирала тѣмъ болѣе, что по собственному опыту знала, какъ легко запугать мужиковъ. Сколько разъ на большихъ дорогахъ, когда ея сыновья были маленькими; мужъ гонялся по свѣту, и она сама управляла своимъ помѣстьемъ, ей встрѣчались въ темную ночь враждебно настроенные люди. И каждый разъ было достаточно, чтобы она изъ своего плаща вынула негодный пистолетъ или просто показала уголъ своего кожанаго портфеля. И когда теперь она думала, что у друзей ея сына были подъ рукой лошади и кареты, что имъ стоило только броситься съ хлыстомъ на дикую толпу, чтобы разсѣять ее, эта женщина, не знавшая никогда смѣха, вдругъ улыбалась особой рѣзкой улыбкой, обличавшей ея горе и презрѣніе.

Друзья же ни въ чемъ не упрекали себя, считая, что въ изступленной деревнѣ всякое вмѣшательство было тщетно, и было бы противоестественно поступить не такъ, какъ поступили они. Они старательно избѣгали своей бѣшеной сосѣдки. Но она разстраивала ихъ планы каждый разъ, когда въ интересахъ слѣдствія считала необходимымъ ихъ видѣть.

Дэ-Борнь принялъ тщательныя предосторожности, чтобы она не попала къ нему. Однако, случилось разъ такъ, что, явившись къ нему, когда его не было дома, она встрѣтила его беременную жену, которая сидѣла передъ своимъ домомъ и грѣлась на солнцѣ. Съ первыхъ же словъ старуха поняла, что сосѣдка ничего не знаетъ о событіи въ Виль-

фэнѣ. Тогда, взбѣшенная мыслью, что ея сынъ заплатилъ жизнью за злобу крестьянъ, направленную противъ мужа этой женщины, а она даже и не подозрѣваетъ всего этого, старуха разсказала ей всю драму, не скрывъ отъ нея ни единой подробности, и остановилась въ своемъ разсказѣ только тогда, когда г-жа де-Борнь съ дикимъ крикомъ поднесла руку къ животу и лишилась сознанія.

На крикъ прибѣжала горничная.

— Спрысни ей немножко лицо водой,—сказала горничной г-жа Виванъ, уже садясь въ свою карету.

Изъ всѣхъ дворянъ одинъ только дю-Ландье скитался нѣсколько дней по своимъ лѣсамъ отъ угрызенія совѣсти, что не защитилъ своего друга. Глубокій стыдъ, непреодолимая тоска, отвращеніе къ самому себѣ овладѣли его простою душою. Наконецъ, онъ не выдержалъ и рѣшилъ собрать на Луарѣ перигорскихъ запасныхъ и отправиться съ ними на войну.

Оставивъ своихъ собакъ и свой птичникъ на попеченіе своей горничной, онъ разыскалъ Моншармэна, передалъ ему чернаго дрозда, котораго предпочиталъ всѣмъ птицамъ, и распрощался съ нимъ.

— Подумалъ ли ты?—воскликнулъ тотъ.—Зачѣмъ? Вѣдь все пропало.

Когда же онъ почувствовалъ, что ничто не поколеблетъ его друга, онъ положилъ руку на его плечо и сказалъ:

— Ты славный малый. На твоемъ мѣстѣ я бы сдѣлалъ то же, но, ты знаешь, я уже заплатилъ свой долгъ.

Наконецъ, день отмщенія насталъ. Въ пять часовъ утра г-жа де-Виванъ уже приказала запрягать карету. Во всю длину большой дороги непрерывная вереница шарабановъ, колымагъ, кабріолетовъ, пѣшеходовъ, всадниковъ, дворянъ и мужиковъ торопилась въ Периге, гдѣ засѣдалъ судъ. Карета г-жи де-Виванъ, казалось, увлекала за собою всю округу. Предъ судомъ предстало сто тридцать крестьянъ. Такъ какъ скамья подсудимыхъ не могла вмѣстить всѣхъ, то многихъ размѣстили въ части зала, отводимой обыкновенно публикѣ; было почти невозможно отличить обвиняемыхъ отъ тѣхъ крестьянъ, которые сбѣжались за десятки верстъ изъ окрестностей, чтобы присутствовать на процессѣ.

Разбирательство продолжалось три дня. Сперва шли монотонные вопросы, которые были всѣ похожи одинъ на другой и разсказывали одну и ту же исторію; тянулось чтеніе свѣдѣній, присланныхъ разными мэріями; изъ нихъ видно было, что обвиняемые по большей части просто теп-

лые ребята. Самое большее, ихъ упрекали въ пьянствѣ или насиліи. Они всѣ откровенно признавали факты, которые имъ ставили въ вину, и въ защиту свою твердили одно:—Господа судьи, если бы вы были въ тотъ день на ярмаркѣ, вы бы дѣлали то же, что и мы.

Но искреннее веселье овладѣло аудиторіей, когда секретарь произнесъ: „Піарути"! и изъ толпы обвиняемыхъ выдѣлилась курносая физіономія, обрамленная рыжей бородой, съ торчащими ушами, насмѣшливыми глазами, злобнымъ ртомъ: странная смѣсь дикой необузданности и интеллигентности.

Предсѣдатель приказалъ ему снять его кроличью шапку. Подсудимый повиновался, но при этомъ сдѣлалъ движеніе, которое вызвало бѣшеный хохотъ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ деревенскихъ старьевщиковъ, какіе бродятъ изъ деревни въ деревню, продавая зонтики, покупая старое желѣзо; они услужливы и популярны; они исполняютъ порученія и, какая бы погода ни была, охотно сворачиваютъ съ пути, чтобы оказать небольшую услугу. Піарути знали всѣ. Онъ не только былъ непосредственно полезенъ, но даже заочно, такъ какъ его именемъ матери пугали своихъ дѣтей. Сколько разъ г-жа де-Виванъ говорила Бернару или Пьеру: „Берегись! Піарути увезетъ тебя въ своей телѣжкѣ!" Сколько разъ она благодарила старьевщика, когда онъ привозилъ въ своей телѣжкѣ ея мужа, заблудившагося на какой-нибудь дорогѣ!

Обвиненіе говорило, что онъ 6 сентября на вильфэньской ярмаркѣ ударилъ де-Вивана своимъ безменомъ, чѣмъ долженъ былъ причинить ему смерть; что затѣмъ пошелъ мыть свой безменъ, выпачканный кровью, въ отдаленномъ родникѣ и, наконецъ, разжигалъ костеръ и возбуждалъ мужиковъ неприличными шутками.

Во время чтенія обвинительнаго акта онъ водилъ своими смѣющимися глазами по аудиторіи и, узнавая то или другое лицо, здоровался съ нимъ взглядомъ.

Онъ энергично возражалъ только противъ указанія, что мылъ свой безменъ въ родникѣ, утверждая, что онъ его чистилъ на виду у всѣхъ у сточной трубы одного трактира,—доказательство, что онъ не скрывался, и что, ударяя де-Вивана, не думалъ, что поступаетъ дурно.

Въ заключеніе, обращаясь къ предсѣдателю, онъ сказалъ: —Вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ я скупаю старое желѣзо и мотаюсь по Перигору. Это меня не обогатило. Если вамъ нужна моя голова—берите ее. Я только васъ предупреждаю, что въ ней вы ничего не найдете. Ну, а вы прочіе!—прибавилъ онъ, обращаясь къ аудиторіи,—вы найдете для

своихъ порученій другого. Прощайте, мое странствіе окончено. Піарути переходитъ въ другой департаментъ. Онъ завѣщаетъ свои пожитки палачу, свое тѣло—собакамъ, свою шапку—чорту и своего осла—вамъ, господинъ предсѣдатель!

Онъ сѣлъ среди гомерическаго хохота.

Послѣ него допрашивали Бусиля. Такъ какъ онъ былъ самымъ богатымъ изъ обвиняемыхъ, то возбудилъ больше любопытства, чѣмъ другіе. Его строгое лицо было совершенно не похоже на кривлявшуюся физіономію старьевщика, и для внимательнаго наблюдателя не было никакой разницы между этимъ лицомъ, важнымъ, чисто выбритымъ, какъ будто никогда не смѣявшимся, и серьезнымъ лицомъ предсѣдателя суда.

Съ тѣмъ же безстрастнымъ видомъ, съ какимъ онъ въ столовой вильфэньскаго мэра приносилъ Моншармэну деньги за телятъ, онъ выслушалъ обвинительный актъ, выставлявшій его главнымъ виновникомъ убійства. Со всѣми пунктами обвиненія онъ соглашался кивкомъ головы. Когда же предсѣдатель поставилъ ему вопросъ:

— Что вы можете сказать въ свое оправданіе?

Онъ просто отвѣтилъ:

— Я потерялъ сына на войнѣ.

Затѣмъ очередь была за Жантилемъ, молочнымъ братомъ г. де-Вивана. Этотъ тащилъ его за ноги съ крыши хлѣва въ помойную яму. Онъ объявилъ, что былъ пьянъ и ничего не помнитъ, но что люди, которые показывали противъ него, люди добросовѣстные, что онъ ихъ всѣхъ знаетъ, и они едва ли хотѣли повредить ему. Послѣдній изъ главныхъ виновниковъ, давшій мальчугану сантимъ на спички, былъ Поатевэнъ, уроженецъ деревни Сенъ-Жени л'Анфантье. Аудиторія имъ не интересовалась. Его поведеніе было, впрочемъ, гнусно, и свѣдѣнія о немъ были крайне неблагопріятны.

Съ большимъ удовольствіемъ выслушала г-жа де-Виванъ въ отведенной ей ложѣ обвинительную рѣчь прокурора, который требовалъ казни четверыхъ крестьянъ. Послѣ прокурора говорили адвокаты по назначенію. Одни выставляли на видъ, что вильфэньскіе крестьяне ослѣплены своей привязанностью къ имперіи, что наши несчастія свели ихъ съ ума, и что невозможно относиться къ нимъ, какъ къ уголовнымъ преступникамъ. Другіе требовали для своихъ кліентовъ примѣненія амнистіи, которую новая республика недавно дала всѣмъ политическимъ преступникамъ. Третьи указывали на мужицкую темноту, на безсознательность дикой толпы, которая не болѣе виновна, чѣмъ градъ, изби-

вающій жатву, гроза, сломавшая дерево, или кабанъ, истоптавшій поле.

Присяжные удалились для совѣщанія. Подъ взорами жандармовъ толпа обвиняемыхъ медленно очистила залъ. Часомъ позже засѣданіе было возобновлено, и предсѣдатель, стоя, прочелъ вердиктъ присяжныхъ.

— По правдѣ и по совѣсти, передъ Господомъ Богомъ и людьми,—сказалъ онъ среди полнѣйшей тишины,—рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей таково: Виновны ли Матье Бусиль, Марсіаль Жанти, Леонардъ Арно, по прозванію Піарути, Франсуа Шамборъ, по прозванію Поатвэнъ, въ томъ, что по своей волѣ совершили преднамѣренное убійство, лишивъ жизни Бернара де-Вивана? Большинствомъ голосовъ: да, виновны.

— Виновны ли Этьенъ Кампосъ старшій, Антоань Лешель, Франсуа Мезьеръ, Тибо Лимэ, Жанъ Фредерикъ, Бертранъ Ламузи, Матье Мюргэ, Жанъ Сарла, Пьеръ Бовэ, Винцентъ Кампосъ, Марсіаль Бэссъ, Леонардъ Делажъ въ томъ, что рѣчами, возгласами и угрозами въ общественномъ мѣстѣ возбудили исполнителей преступленія? Большинствомъ голосовъ: да, виновны.

— Виновны ли Пьеръ Брю, Жанъ Брульэ, Жираръ Фейтуа, Роланъ Лишоннъ, Франсуа Сарла и его сынъ въ томъ, что наносили удары или раны де-Вивану, но безъ намѣренія убить его? Большинствомъ голосовъ: да, виновны. Есть смягчающія обстоятельства въ пользу Винцента Кампоса, Этьеня Кампоса старшаго, Антоаня Лешеля, Жана Фредерика, Бертрана Ламузи, Жана Сарла, Пьера Бовэ, Матье Мюргэ.

Предсѣдатель опустилъ бумагу, сѣлъ и отдалъ приказъ ввести обвиняемыхъ.

Слушатели отнеслись къ рѣшенію суда равнодушно, потому что эти безграмотные люди были мало знакомы съ языкомъ юстиціи.

Всѣ взгляды были обращены къ двери, откуда попарно появлялись обвиняемые. Когда они были на своихъ скамьяхъ и шумъ прекратился, секретарь звучнымъ голосомъ прочелъ вердиктъ присяжныхъ.

Затѣмъ состоялось совѣщаніе суда, и предсѣдатель прочелъ приговоръ: Бусиль, Піарути, Жантиль и Поатвэнъ приговорены къ смерти; нѣкоторые къ каторгѣ, большинство остальныхъ къ многолѣтнему тюремному заключенію.

Поднялось страшное смятеніе. Изъ всѣхъ угловъ залы неслись угрозы по адресу г-жи де-Виванъ, которую едва замѣчали за рѣшеткой ея ложи. Піарути ругалъ судей; оправданные, воспользовавшіеся смягчающими обстоятель-

ствами, обмѣнивались со своими родными или друзьями призывами, знаками радости, криками. Пока предсѣдатель суда благодарилъ присяжныхъ засѣдателей за вниманіе и стараніе, которыя они проявили, слушатели кричали на мѣстномъ нарѣчіи съ такимъ ожесточеніемъ, точно собирались мстить за жестокость суда.

Судъ удалился, но крестьяне остались. Они и здѣсь, какъ на ярмарочной площади, когда торгъ давно кончился,— не могли справиться съ своимъ волненіемъ.

Ихъ пришлось удалить силой. Они столпились тотчасъ же передъ дверью, откуда должны были выйти осужденные, и ждали очень долго, несмотря на ночь и леденящій холодъ.

Наконецъ, арестанты появились подъ сильнымъ конвоемъ жандармовъ и въ ручныхъ оковахъ. Крестьяне ихъ встрѣтили глухимъ ропотомъ, откуда вырывались рыданія и пронзительные крики женщинъ. Они сопровождали ихъ до тюрьмы; потомъ, когда тюремная дверь захлопнулась, они разсѣялись по трактирамъ предмѣстій, гдѣ остановились, чтобы подкрѣпить себя горячей пищей и виномъ, прежде чѣмъ вернуться въ свои деревни.

Г-жа де-Виванъ ѣхала впереди ихъ по дорогѣ.

По окончаніи засѣданія суда ее провели черезъ потайную дверь на одну изъ узкихъ улицъ, окружавшихъ судъ, и лошади увезли ее. Была страшная снѣжная мятель. Старуха сидѣла закутанная въ свои шали, а ноги ея были завернуты въ газеты.

Четыре казни и болѣе ста лѣтъ тюрьмы ее едва удовлетворяли. Она возстановляла въ умѣ процессъ по своему. Наконецъ, истомленная четырьмя мѣсяцами безсонницы и тремя днями засѣданій суда, она заснула въ своей каретѣ.

Когда лошади остановились во дворѣ ея дома, кучеръ замѣтилъ, что она спитъ; но она внушала ему такой страхъ, что онъ не посмѣлъ разбудить ее.

Онъ потихоньку выпрягъ своихъ лошадей, поставилъ ихъ въ конюшню, а самъ вернулся къ каретѣ. Госпожа де-Виванъ все еще спала. Онъ сталъ подлѣ кареты и ожидалъ ея пробужденія.

Въ это время Пьеръ де-Виванъ катилъ темной ночью въ дрянномъ наемномъ кабріолетѣ по дорогѣ изъ Лиможа въ Брантомъ.

Онъ возвращался изъ далекаго Померанскаго захолустья.

Какъ много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ братъ провожалъ его на станцію. Парижъ, Шалонъ, Седанъ, два дня битвы. Его взяли въ плѣнъ. То пѣшкомъ, то въ одноколкѣ, то въ вагонѣ онъ черезъ всю Германію добрался до Штетина. И здѣсь, за столикомъ въ одной пивной, гдѣ по окон-

чаніи обязательныхъ работъ, онъ пробовалъ со словаремъ въ рукѣ переводить новости изъ Франціи, напечатанныя въ мѣстныхъ газетахъ, онъ вдругъ наткнулся на свою фамилію. Четверть часа понадобилось для уразумѣнія замѣтки въ десять строкъ, которыя сообщали ему о гибели его брата. Онъ тотчасъ же сталъ настойчиво ходатайствовать передъ комендантомъ, чтобы ему разрѣшили уѣхать; онъ показалъ ему газетное сообщеніе, прибавилъ нѣсколько подробностей, доставленныхъ письмомъ его матери, чудеснымъ образомъ дошеддшимъ до него (другія затерялись), и доказывалъ, что ему крайне необходимо пріѣхать въ Перигоръ къ началу процесса.

Офицеръ его слушалъ съ большимъ вниманіемъ, прерывая его по нѣскольку разъ съ цѣлью заставить его повторить то или другое слово или фразу. Пьеръ замѣтилъ, что нѣмецъ обрадовался случаю взять у него нѣсколько безплатныхъ уроковъ французскаго языка... Наконецъ, его отпустили. Онъ снова проѣхалъ Германію, съ еще большими затрудненіями пробрался черезъ Францію, явился въ Лиможъ, нанялъ кабріолетъ на условіи сдѣлать десять лье въ теченіе ночи,—и все это для того, чтобы найти у двери родного дома свою мать, спящую въ каретѣ подъ охраной кучера.

Отъ восклицанія кучера, который, при свѣтѣ фонаря, узналъ своего барина, г-жа де-Виванъ проснулась.

Она такъ привыкла къ сильнымъ ощущеніямъ, что появленіе сына въ такой необычный часъ не особенно удивило ее.

Тотчасъ же она увлекла его въ свою комнату.

Не давъ ему времени даже снять шинель, покрытую снѣгомъ и инеемъ, она начала разсказъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ погибъ Бернаръ, о слѣдствіи, которое она вела, и о трехъ дняхъ судебнаго разбирательства. По мѣрѣ того, какъ она говорила, ея голосъ становился все выше и выше; жестикуляція усиливалась, иногда казалось, что она бросаетъ на свои колѣни четыре головы. Когда она дошла до приговора, ея землистая физіономія освѣтилась такимъ дикимъ блескомъ, что сынъ посмотрѣлъ на нее испуганнымъ взглядомъ: онъ не могъ подняться до высоты ея ненависти.

Жившій въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ только мыслью о бѣгствѣ изъ Помераніи, о возвращеніи домой, теперь онъ уже не понималъ болѣе этой поспѣшности возвращенія въ тѣ мѣста, гдѣ его ожидалъ такой пріемъ. И съ тѣмъ же нетерпѣніемъ, съ какимъ нѣкогда рвался въ армію, онъ желалъ теперь только одного: чтобы мать его скорѣе покон-

чила со своимъ запасомъ злобы, и онъ могъ во снѣ забыть эти ужасы.

Какъ только она умолкла, онъ всталъ и приблизился къ ней. Пристально заглядывая въ глубь его глазъ, она вдругъ произнесла слова, которыя поразили: его въ нихъ, несомнѣнно, выражалось чувство, болѣе глубокое, чѣмъ потребность мести.

— Теперь, Пьеръ, тебѣ надо жениться.

Судъ постановилъ, чтобы гильотина была построена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ де-Виванъ былъ сожженъ.

Въ этой казни провинціальное благодушіе выразилось во всей красотѣ.

Всю ночь по дорогамъ во всевозможныхъ экипажахъ, несмотря на безпрерывно идущій снѣгъ, толпа прибывала въ мѣстечко. Всѣмъ хотѣлось видѣть зрѣлище, какого никогда еще не видали. Жалость, любопытство, а у многихъ сознаніе, что, только благодаря случаю, они сегодня не на мѣстѣ приговоренныхъ, привели всю страну въ движеніе.

Однако солнце взошло надъ деревней, болѣе безлюдной, чѣмъ обыкновенно. Смутное сознаніе соучастія и страхъ передъ судомъ удерживали любопытныхъ внутри домовъ. Ни одного крестьянина не было на единственной улицѣ Вильфэня; одни жандармы шагали взадъ и впередъ, держа подъ уздцы своихъ лошадей, да нѣсколько куръ тамъ и сямъ искали зеренъ въ снѣгу.

Въ семь часовъ церковный колоколъ началъ звонить и оповѣстилъ населеніе, скопившееся въ деревнѣ, что скоро начнется месса. Изъ этого слѣдовало, что ранѣе получаса зрѣлища не будетъ. И каждый спѣшилъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы выпить и закусить.

Кюрэ служилъ обѣдню. Четыре крестьянина слушали его, сидя, отдѣленные другъ отъ друга жандармами. Когда служба кончилась, священникъ подошелъ къ нимъ и спросилъ, не можетъ ли онъ чѣмъ нибудь смягчить ихъ послѣднія минуты.

Бусиль попросилъ чашку кофе; Жантиль кивнулъ головою, въ знакъ того, что и онъ охотно бы выпилъ; Піарути выразилъ желаніе съѣсть одну изъ тѣхъ гроздій винограда, который сохраняютъ большую часть зимы подвѣшеннымъ къ балкамъ. Что касается Поатвена, то онъ такъ одурѣлъ отъ страха, что, казалось, ничего не понялъ изъ предложенія кюрэ.

Священникъ отправился разыскивать палача. Онъ спросилъ у него позволенія свести осужденныхъ къ себѣ подкрѣпиться. Палачъ и его помощники, промерзшіе на ледя-

номъ вѣтрѣ, нестерпимо дувшемъ на этомъ плоскогорьѣ, отказали въ этой просьбѣ.

Наканунѣ повозка, которая везла эшафотъ въ Вильфэнь по гололедицѣ, раздавила своимъ колесомъ одного изъ служителей гильотины. Этотъ несчастный случай привелъ остальныхъ въ плохое расположеніе духа, и всѣ спѣшили поскорѣе оставить это непривѣтливое мѣсто. Но кюрэ все-таки убѣдилъ ихъ послѣдовать за нимъ въ мэрію. Здѣсь, вытащивъ изъ своего подрясника бутылку стараго Арманьяка, онъ пригласилъ ихъ выпить за его здоровье.

Уходъ палача и священника поднялъ внутри домовъ неописуемое волненіе. Подумали, что изъ Периге пришло помилованіе осужденнымъ, и что кюрэ только что сообщилъ новость палачу.

Теперь всѣ были увѣрены, что казни не будетъ. Несчастіе, случившееся наканунѣ съ однимъ изъ помощниковъ палача, показалось предзнаменованіемъ, что Провидѣніе не одобряетъ приговора суда.

Когда кюрэ вышелъ изъ мэріи, со всѣхъ сторонъ, пока онъ переходилъ площадь, раздавались крики:

— Помилованы? помилованы?

Но онъ исчезъ безъ отвѣта въ сѣняхъ своего дома.

Разочарованіе было велико, когда узнали, что помилованія не будетъ. Экономка священника распространила эту печальную новость. Такъ какъ виноградъ священника сгнилъ въ кладовой, то она бѣгала по домамъ искать его. Ея приходъ разстраивалъ всѣхъ. Нигдѣ, впрочемъ, она не нашла винограда, но всякій хотѣлъ чѣмъ-нибудь выказать свою симпатію къ осужденнымъ. Одни давали ей ветчины, другіе сыру, гречневыхъ лепешекъ; давали свѣжаго хлѣба; а нѣкоторые нагружали ея уже наполненный передникъ нѣсколькими бутылками водки.

— Ахъ, бѣдняки! — сказала она, возвращаясь въ свою кухню,—вы не всегда умираете съ голоду!

Она высыпала на столъ припасы изъ своего передника. Четверо осужденныхъ сѣли къ столу и принялись медленно, по-деревенски ѣсть, такъ что всякій, вошедшій туда, принялъ бы ихъ за поденщиковъ, завтракающихъ передъ отправленіемъ въ поле на работу.

Сидя возлѣ нихъ, священникъ вертѣлъ рукоятку кофейной мельницы, стоявшей у него на колѣняхъ, и старался веселымъ разговоромъ отогнать ихъ мысли отъ смерти.

Возмущенная его поведеніемъ, экономка позвала его въ столовую подъ предлогомъ, что сама не можетъ открыть шкафъ.

— Какъ вамъ не стыдно, — сказала она ему, — говорить имъ такіе пустяки вмѣсто того, чтобы говорить о Богѣ?

— Старая скотина! — отвѣтилъ онъ ей, — они вѣдь увидятъ его сейчасъ! Посмотри-ка лучше, кипитъ-ли твоя вода?

Самъ онъ, войдя въ кухню, медленно, по каплѣ заваривалъ кофе кипяткомъ; затѣмъ, выливъ изъ стакановъ остатки вина, налилъ туда горячаго чернаго кофе.

Всѣ чокнулись: жандармы, осужденные и даже экономка

Въ этотъ моментъ раздался бой барабана. Каждый обернулся и увидѣлъ палача, выражавшаго на улицѣ нетерпѣніе.

— Идемъ, идемъ,—закричалъ ему старьевщикъ.

Собесѣдники встали, осужденный изъ Сенъ-Жени л'Анфантьэ былъ уже пьянъ.

Конвоируемые жандармами и сопровождаемые священникомъ, четверо крестьянъ не безъ сожалѣнія оставили кухню.

Во главѣ шелъ старьевщикъ, таща на рукѣ Поатвена. Снѣгъ обсыпалъ бѣлыми хлопьями его кроликовую шапку; онъ шелъ съ поднятой головой, бросая вокругъ себя такіе же взгляды, какъ въ былое время, когда, идя позади своего осла, онъ спрашивалъ въ каждомъ домѣ: нѣтъ-ли продажнаго стараго желѣза? и казалось, что теперь готовъ кричать, какъ обыкновенно, о своемъ приходѣ.

Онъ не балагурилъ, но, проходя мимо трактира, остановилъ шествіе, чтобы громко заявить:

— Все-таки вотъ здѣсь я мылъ свой безменъ. А судейскіе крючки ни за что не захотѣли этому повѣрить!

Тутъ онъ плюнулъ и вновь пустился въ путь.

Позади шелъ Бусиль, чисто выбритый, одѣтый по-воскресному. Съ того момента, какъ онъ у кюрэ попросилъ чашку кофе, онъ не сказалъ ни слова. Наконецъ, плелся бѣднякъ Жантиль, дрожащій отъ холода въ своей блузѣ.

По мѣрѣ того, какъ они проходили, люди, запершіеся въ домахъ, выступали къ дверямъ и смотрѣли на нихъ издали.

Осужденные прошли, такимъ образомъ, дорогу, по которой они тащили несчастнаго де-Вивана. Станокъ для ковки воловъ, куда они его бросили, дворъ, гдѣ они пили, крыша хлѣва, ступеньки квартиры Дагури, маслина, крапива въ канавѣ,—все это было покрыто снѣгомъ.

При выходѣ изъ деревни, они оставили большую дорогу, свернули на узкую дорожку, которая ведетъ къ пруду, и вдругъ, въ концѣ тропинки, увидѣли гильотину.

Сразу смѣлость и мужество покинуло ихъ: понадобилось двое жандармовъ, чтобы нести Жантиля, двое другихъ, чтобы поддерживать Поатвена; Піарути самъ схватился рукою за

шею одного изъ помощниковъ палача. Одинъ только Бусиль, поднимаясь по косогору, не опирался ни на кого.

На площадкѣ возлѣ пруда возвышалось странное сооруженіе, покрытое снѣгомъ; одинъ изъ помощниковъ подметалъ его. Потихоньку, ударъ за ударомъ, сталъ звонить церковный колоколъ, будя въ окрестныхъ деревняхъ и въ отдѣльныхъ помѣстьяхъ мысль объ усопшихъ.

Черезъ поля и лѣса эти печальные звуки принесли понятную вѣсть и г-жѣ де-Виванъ.

Она поднялась, открыла окно, долгое время прислушивалась, пристально всматриваясь по направленію къ Вильфэнъ.

Наконецъ, когда въ морозномъ воздухѣ замеръ всякій шумъ, она затворила окно и возвратилась къ камину, вся дрожа отъ холода и сильной радости.

Болѣе тридцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и за эти тридцать лѣтъ перигорскія деревни очень измѣнились. Здѣсь уже не встрѣчается больше древняго дворянства, которое оживляло своею веселостью прекрасныя долины. Смерть, бѣдность, притягательная сила городовъ выселили господъ дворянъ изъ ихъ помѣстій, и большая часть некультурныхъ героевъ этого разсказа давно уже исчезла.

Пьеръ де-Виванъ—одинъ изъ немногихъ, которые до сихъ поръ живутъ тамъ. Въ мглистой атмосферѣ захолустья его имя производитъ еще впечатлѣніе, какого оно не производитъ нигдѣ, и его присутствіе на собственныхъ поляхъ сохраняетъ въ его глазахъ какое-то величіе и какую-то необходимость. Онъ живетъ въ самомъ абсолютномъ одиночествѣ, такъ какъ питаетъ отвращеніе къ людямъ. Онъ не женился.

На краю дороги изъ Брантома въ Нонтронъ г-жа дю-Ландье оканчиваетъ жизнь въ своемъ разворенномъ помѣстьѣ. Равнодушный путешественникъ, проѣзжая мимо, уноситъ воспоминаніе объ одномъ изъ этихъ покинутыхъ Богомъ и людьми жилищъ, гдѣ ему не хотѣлось бы жить; но кто знаетъ ту августовскую ночь, которую провели нѣсколько мѣстныхъ дворянъ за веселой выпивкой, забывается въ созерцаніи этого одинокаго дома, гдѣ даже пораженіе не могло разбудить пьяныхъ людей.

Каждое лѣто, когда я пріѣзжаю въ Перигоръ, эта старая исторія охватываетъ меня. Я все спрашиваю эти мѣста, пытаясь лучше понять ихъ, и все возвращаюсь къ нимъ.

Сколько разъ, остановившись на одномъ изъ этихъ склоновъ, по которымъ спускаются прекрасныя широкія дороги къ бѣднымъ деревнямъ, я вдругъ смутно ощущалъ, что какъ будто проникъ въ тайну звѣрства крестьянъ.

Но смутное было безсильно перейти въ опредѣленную идею. Это было только радостное ощущеніе основной, характерной черты души этихъ мѣстъ.

Я хотѣлъ сдѣлать свой разсказъ болѣе сильнымъ, чтобъ онъ имѣлъ и ту важность, за которой эти крестьяне скрываютъ остатки звѣриныхъ страстей, и все легкомысліе этихъ дворянъ-охотниковъ, которые исчезаютъ изъ этихъ мѣстъ вмѣстѣ съ лѣсной дичью. Я хотѣлъ, чтобы на моемъ разсказѣ запечатлѣлась вся эта тишина лѣта и вся бѣлизна этой снѣжной зимы... Я хотѣлъ заключить въ эти страницы поэзію первобытной Франціи, — но ее можно подслушать лишь въ лѣсахъ, которые бережно стерегутъ ее. И она ускользнула изъ моихъ рукъ, какъ только я подкрался, чтобы схватить ее.

Парижскіе силуэты.

I.

Раненый человѣкъ.

— Мсье, мсье! Одну минуточку!—Кто-то дергаетъ меня за рукавъ. Оборачиваюсь: предо мной стоитъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти большой, горбатый носъ свѣшивается внизъ къ буро-желтымъ усамъ худое землистое лицо покрыто массой мелкихъ морщинокъ, онѣ развѣтвляются у глазъ и прихотливыми струйками расходятся по лицу.

Старикъ одѣтъ бѣдно и неряшливо: изъ галстуха торчитъ вата, воротничекъ скомканъ и слѣзаетъ, брюки вымазаны въ грязь, ботинки—дырявы. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ подставку для лотка, перекинутаго черезъ плечо.

— Вѣдь вы землякъ, русскій—а?.. Ну-да, развѣ я когда-нибудь ошибаюсь?.. Очень радъ, очень даже... Вы хотите купить настоящаго шоколаду? Что вы говорите? вы не любите совсѣмъ шоколада? Въ первый разъ, сколько я живу, встрѣчаю человѣка, который не уважаетъ шоколадъ. Нѣтъ, вы только попробуйте, вы увидите тогда, какой это шоколадъ!..

Онъ ставитъ лотокъ на козлы и быстро шаритъ.

— Вотъ это стоитъ су, только одно су, это—два... Вы, можетъ быть, хотите орѣховъ въ сахарѣ? Есть и орѣхи въ сахарѣ, пакетъ, цѣлый пакетъ—и всего два су!

Онъ нервно перебираетъ пакетики, вытаскиваетъ одинъ и суетъ мнѣ въ руку.

— Кушайте на здоровьечко! А-а... правда — замѣчательный вкусъ? Не бойтесь, я земляку ничего такого не продамъ... Кушайте, кушайте! Вотъ и спасибо, что помогли раненому человѣку большое вамъ спасибо, чтобы Богъ прислалъ здоровья!..

Онъ говоритъ быстро, жестикулируетъ, лукаво улыбается, поводитъ блестящими сѣрыми глазами, киваетъ головой.

— Правда—шоколадъ первый сортъ? Ой, забылъ, что у васъ совсѣмъ орѣхи... Ну—что?—И смотритъ пытливо, прищуривъ лѣвый глазъ.

— А-а? Ну да, я-же говорилъ вамъ!.. Очень радъ, что угодилъ земляку. Всѣ русскіе покупаютъ у меня, помогаютъ раненому человѣку.

— Вы ранены? Гдѣ, когда?..

— А! Это—старая исторія... очень старая...

— Вы давно изъ Россіи?

— Вотъ ужъ скоро три года кончится... послѣ погрома... Ой, какой погромъ былъ у насъ!.. Вы, навѣрное, мсье, слыхали о погромѣ въ городѣ Одессѣ? Кто не знаетъ, что нигдѣ не было погрома больше, какъ у насъ?.. Послѣ погрома я и уѣхалъ.

— Васъ ранили тогда?

— Нѣтъ, зачѣмъ?!.. Я сховался тогда. Вы думаете, если бъ я не сховался, я бы торговалъ теперь въ самомъ Парижѣ шоколадомъ? Или вы, можетъ, думаете себѣ, что хулиганы не убили-бы меня, какъ другихъ?.. Не все равно для нихъ, какого еврея убить? Абы—еврей...

— Гдѣ же васъ ранили?

— А, мсье, это очень старая исторія... Какъ вамъ сказать... лѣтъ уже, на-авѣрное, двадцать, а можетъ, и больше немножко... У меня мочевой пузырь... Докторъ въ Одессѣ сказалъ, что мнѣ надо рѣзать мочевой пузырь... Камень, я знаю, что тамъ еще!..

Старикъ принимаетъ уничтожающую позу:

— Ну-уу, какъ вы думаете, что я быкъ,—чтобы меня рѣзать? А что докторъ сказалъ, — такъ онъ на то и докторъ, ему что надо?.. Нужно, не нужно — онъ себѣ рѣжетъ... Мало они людей зарѣзали? Какъ же! такъ я имъ и дамъ рѣзать мой мочевой пузырь... не доживутъ они! Что, почему? Почему!.. Болѣзнь можетъ сдѣлаться опасной, вы говорите? Большое дѣло!.. А почему она не стала опасной за двадцать лѣтъ? Вы знаете, мсье, всякій человѣкъ—больной, всякій. У одного ривматизъ, другой имѣетъ на себѣ печенку, третій черезъ желудокъ страдаетъ, четвертый... я знаю, сколько есть болѣзней!.. Ну ничего, всѣ живутъ себѣ и дожидаются еще радостей отъ дѣтей и внуковъ... А какъ операція—такъ сразу и умрешь... Хоть я, какъ Богъ, не живу, а все-таки мнѣ еще не такъ плохо, чтобы взять и умереть... А, какъ вы думаете?

Онъ презрительно улыбается, смотритъ на меня сбоку и дѣловито говоритъ:

— А вотъ, мсье, шоколадку, одну малюсенькую шоколадку попробуйте... Конечно, это не шоколадъ, какъ въ Одессѣ, а все-таки очень хорошій шоколадъ... вы только попробуйте... Ой, Одесса!..— Онъ глубоко вздыхаетъ и, поднявъ глаза кверху, продолжаетъ:

— Въ Одессѣ выйдешь себѣ на Дерибасовскую погулять, купишь шоколадъ, такъ видишь таки, что это настоящій шоколадъ. Въ Одессѣ, мсье, я самъ покупалъ, былъ себѣ хозяинъ, ну-у... что сдѣлаешь? здѣсь я работаю шоколадомъ... Что я тамъ дѣлалъ? Въ

Одессѣ я былъ портной, больше статскій; имѣлъ, слава Богу, хорошую работу, починкой почти не занимался. Ой, мсье, ну зачѣмъ это спрашивать? Почему въ Одессѣ я былъ портной, а въ Парижѣ я не портной? Такъ... Почему въ Одессѣ есть море, а въ Парижѣ нѣтъ моря, почему? Потому, что Одесса—это Одесса, а Парижъ—это Парижъ... Будете вы здѣсь имѣть работу, какъ-разъ таки. Если бы я еще былъ молодой—ну тогда!.. а то теперь начать привыкать къ ихъ фасонамъ... Вѣдь здѣсь настоящая парижская мода... на одинъ,—что я говорю: на одинъ,—вотъ на такую капельку, на четверть сантиметра короче брюки, вотъ такая маленькая складочка подъ мышкой, — и онъ уже недоволенъ, скандалъ, шумъ... Шу-утка сказать—Па-а-ижъ... сегодня штиблетъ острый, завтра—короткій, черезъ два дня опять острый, шнурки, крючки, пуговицы, шмуговицы—чортъ ихъ знаетъ, что они хотятъ!..

Собесѣдникъ мой поднимаетъ руки, зажмуриваетъ глаза, сжимаетъ губы. Но черезъ нѣсколько секундъ онъ уже продолжаетъ:

— И все-таки—ничего... жить можно. Вы знаете, мсье, Парижъ немножко похожъ на Одессу. Ну, конечно, вы понимаете, въ Одессѣ больше зелени, городъ красивѣй, а все-таки и Парижъ ничего... бульвары здѣсь немножко похожи на одесскіе, мостовые, дома... Слушайте, я вамъ скажу по секрету на ухо...

И, схвативъ меня за бортъ пиджака, онъ наклоняется къ уху и тихо-торжественно отчеканиваетъ:

— Такъ, между нами... копѣйки не стоитъ Парижъ передъ нашей Одессой.—Онъ говоритъ быстро, жестикулируетъ все сильнѣе:

— Вы были въ Одессѣ когда-нибудь? А-а, были?.. Ну еще-бы, какой энтиллигентный человѣкъ не былъ въ Одессѣ, какой?.. Вы помните Ришельевскую улицу?.. а Преображенскую... что?.. А Дерибасовская? нѣтъ! гдѣ, скажите мнѣ, гдѣ найти еще одну такую Дерибасовскую улицу?.. Я не былъ въ Петербургѣ, я не былъ въ Москвѣ, ну, а кто былъ, разсказываетъ, что противъ Дерибасовской нѣтъ улицы... Э, зачѣмъ намъ спорить! Вотъ возьмите и назовите мнѣ такую въ Парижѣ!.. Обыкновенно говорятъ: большіе бульвары... пхе, тоже улицы!.. Смѣхъ одинъ противъ Дерибасовской!..

Старикъ замолчалъ. Какъ-то сразу потускнѣлъ взглядъ, опустилась фигура; онъ уныло смотрѣлъ вверхъ и вздыхалъ. Но вотъ онъ очнулся, перекинулъ лотокъ черезъ плечо, сложилъ подставку и заторопился.

— Вы куда идете? По Сенѣ къ Jardin des Plantes? И мнѣ туда надо... значитъ, по дорогѣ... Ну что-жъ, пойдемте вмѣстѣ за компанію... Я такъ радъ, когда вижу земляка... есть хоть съ кѣмъ поговорить... А то мнѣ очень скучно; вы и представить не можете, какъ скучно... Вы думаете, мосье, здѣсь мало русскихъ?.. Хо-хо-хо, ихъ здѣсь столько, что сказать нельзя, но, понимаете, поговорить нельзя... Во-первыхъ, мало энтиллигентовъ, а во-вторыхъ—все бѣд-

ные: рабочіе, приходятъ домой вечеромъ; понимаете сами, у меня работа только и начинается вечеромъ, когда-же время разговаривать?.. Я такъ радъ, что вижу земляка!..

Онъ беретъ меня подъ руку, серьезно смотритъ и съ чувствомъ произноситъ:

— Очень радъ, что познакомился съ интиллигентнымъ человѣкомъ. А то, знаете, за два съ половиной года... скоро три кончится... Я вѣдь сейчасъ послѣ погрома въ Одессѣ... Что тамъ было, что тамъ было!.. Вы знаете, что я вамъ скажу?.—Онъ торопливо оглядывается, словно боится, чтобы кто не подслушалъ:

— Правда, не очень я здѣсь баринъ... Бѣдный человѣкъ иногда не имѣетъ что и покушать... Но хоть то хорошо, что не боишься погрома...

Вдругъ лукавый огонекъ блеснулъ въ глазахъ моего собесѣдника:

— Ой, Боже мой; что я вамъ все про погромъ... Я и забылъ спросить... Ну, скажите мнѣ, что у васъ съ конституціей?.. А?.. будетъ у васъ конституція, или не будетъ у васъ конституція?.. Что-о?.. и вы не знаете?.. А кто-же знаетъ?.. Угадайте, кто знаетъ!.. Богъ?.. Нѣтъ, онъ именно и не знаетъ... Вотъ я вамъ скажу, и вы увидите, что я правъ... Знаетъ По-о-о-бѣ-до-о-носцевъ!.. Что-о? Побѣдоносцевъ умеръ?..

Старикъ останавливается, медленно стаскиваетъ лотокъ, ставитъ его на подставку и удивленными глазами смотритъ на меня:

— Умеръ... Побѣдоносцевъ—и умеръ?.. Хмъ, умеръ совсѣмъ... Вы шутите, мсье, или вы правду сказали?.. Правда?.. Побѣдоносцевъ-таки умеръ?.. Такъ самъ и умеръ?.. Боже мой, Боже мой!.. Я думалъ, что пока евреи живутъ въ Россіи,—и онъ будетъ жить... Умеръ... ну-ну!.. Можетъ, и графъ Игнатьевъ умеръ, можетъ, и Треповъ умеръ?.. Что?.. Что такое?.. Не-е-е мо-о-ожетъ быть?!. Можетъ, это снится старому еврею?.. Умерли... Кто-же теперь остался на нашу голову, кто, а?.. Умерли, всѣ поумирали... Значитъ, новые теперь люди, новые... Нѣтъ, вы подумайте, умеръ Побѣдоносцевъ... По-бѣ-до-носцевъ!.. Это—сказать легко... а сколько онъ насъ мучилъ... ой, сколько!..

И онъ считаетъ, загибая палецъ за пальцемъ, раскачиваясь въ тактъ словамъ:

— Кто былъ за черту осѣдлости?.. Побѣдоносцевъ... Кто былъ за погромы?.. Побѣдоносцевъ... Кто былъ противъ ремесленниковъ?.. Побѣдоносцевъ... Кто былъ, чтобъ еврейскія дѣти не учились?.. Побѣдоносцевъ... Кто былъ, чтобъ землей не заниматься?.. Побѣдоносцевъ... Все—Побѣдоносцевъ... Мало горя, думаете вы, имѣли мы отъ него?.. И теперь—умеръ... И взялъ еще съ собой графа Игнатьева... Ой-ой-ой, какія дѣла теперь у васъ!.. Ну, спасибо вамъ за добрыя новости, большое спасибо!.. Вотъ что значитъ читать русскія газеты!.. Вы что читаете—«Новости?» А?.. тоже

умерли?.. Все умерло!.. Положимъ, разъ Побѣдоносцевъ умеръ... Merci, большое спасибо...

И энергично онъ пожимаетъ мнѣ руку.

— Теперь, значитъ, и говорить, и писать правду можно?.. Все пишутъ?.. Что?.. Нельзя еще?.. Да вѣдь они всѣ умерли!.. И опять нельзя?.. А когда можно будетъ?.. Ну, а кто знаетъ, когда можно будетъ?.. Никто ничего не знаетъ, какъ и раньше... Все по старому... Эхъ-хэ-хэ, дайте конституцію... понимаете, настоящую конституцію, безъ всѣхъ этихъ фокусовъ, и на старости лѣтъ я поѣду въ Россію... Богъ свидѣтель—поѣду, увижу Одессу...

Вы уходите?.. Вамъ по этой улицѣ?.. Ну что-жъ, прощайте, спасибо вамъ... Да и мнѣ надо по кофейнямъ... всего полтора франка торговалъ сегодня... Будьте здоровы... очень, очень радъ, что познакомился съ энтиллигентнымъ человѣкомъ... Вы знаете что, мсье?.. Если хотите меня видѣть и поговорить съ землякомъ,—я такъ буду радъ... Я здѣсь каждый вечеръ отъ шести часовъ вечера... Все съ шоколадомъ мучаюсь... Пожалуйста, приходите!.. А, можетъ, завтра придете?.. Приходите, приходите, поговорите съ раненымъ человѣкомъ. Ну, дай вамъ Богъ счастья... Такое вамъ спасибо, такое...

Онъ трясетъ руку въ послѣдній разъ и плетется къ ярко-освѣщенному кафе; проходитъ мимо столиковъ, предлагаетъ шоколадъ, оборачивается въ мою сторону и кричитъ:

— Такъ каждый день отъ шести... Большое вамъ спасибо!.. merci, monsieur!..—Фигура скользитъ и исчезаетъ за дверью...

II.

По части перевозки мебели.

Разъ-два... Медленно, осторожно, словно боясь произвести шумъ и причинить хлопоты: обычный звонокъ просителей и очень застѣнчивыхъ людей. Въ передней разговариваютъ; тихій голосъ посѣтителя, потомъ шарканье.

— Здѣсь съѣзжаютъ?..

Черезъ нѣсколько секундъ робкій стукъ въ двери, и, мягко ступая, въ комнату входитъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти; останавливается у порога, быстро окидываетъ взглядомъ комнату, меня и, нѣсколько наклонивъ впередъ голову, придерживая лѣвой рукой лацканъ сюртука, дѣлаетъ шагъ впередъ:

— Кажется къ вамъ меня послали?.. Преображенскій...

Протягиваетъ руку и съ виноватой улыбкой бормочетъ:

— Собственно по части перевозки мебели...

А! Такъ вотъ онъ, бѣглый священникъ, о которомъ мнѣ говорили, какъ объ одной изъ оригинальнѣйшихъ фигуръ здѣшней русской колоніи.

— Очень радъ, садитесь, батюшка.

Онъ раздвигаетъ фалды отлично сшитаго, но уже лоснящагося чернаго сюртука, одергиваетъ кверху брюки и опускается въ кресло тихо, степенно, все съ той же виноватой улыбкой на губахъ и въ глазахъ. Батюшка кладетъ руки на колѣни, поджимаетъ ноги и выжидательно смотритъ. Красивымъ назвать его нельзя, но лицо у него породистое, характерное: крупный съ горбинкой носъ, широкій лобъ, густые, нѣсколько суровые усы и большая съ просѣдью борода, аккуратно подстриженная съ боковъ.

Преображенскій откашливается:

— Я, кажется, во-время?.. Мнѣ говорили, что вы дома отъ одиннадцати до двѣнадцати... Такъ что и обсудить можно. Когда изволите съѣзжать? Въ какое мѣсто, позвольте узнать?.. А-а, это близко, отлично...

Онъ солидно киваетъ головой, глубже засовываетъ ноги подъ кресло и, немного подумавъ, спрашиваетъ:

— А позвольте узнать, давно вы въ Парижѣ?

— Два мѣсяца.

— Только-то! Можно сказать, новый еще человѣкъ... Н-да, отлично...

— А вы, батюшка, давно?

— Какъ вамъ сказать... въ Парижѣ, собственно говоря, года три, да до Парижа по заграницамъ нѣсколько лѣтъ, такъ что, изволите видѣть, давно уже изъ Россіи.

— Навѣрное, соскучились?

— Собственно говоря,—нѣтъ... вездѣ люди... Не нравятся одни—можно уѣхать къ другимъ... Имуществомъ, видите ли, не связанъ...— И онъ смѣется короткимъ, хихикающимъ, не соотвѣтствующимъ его фигурѣ и солидности смѣхомъ: такъ смѣются люди виноватые или боязливые, которые трунятъ надъ собой, чтобы предупредить шутки по ихъ адресу постороннихъ.

— ...Совсѣмъ не связанъ... Совершенное отсутствіе имущества.—И, словно оправдываясь, произноситъ внушительно:

— Связываетъ оно, это имущество...

Отводитъ взглядъ въ сторону, осматриваетъ комнату и нарочито-веселымъ голосомъ тянетъ:

— А-а... у васъ много книгъ... отлично... Беллетристика или по части философіи?.. Или, собственно говоря, интересуетесь соціальными науками?.. Много, небось, денегъ стоитъ... н-да!..

И онъ смотритъ на книги, кресла, диванъ, часы на каминѣ съ видомъ человѣка голоднаго, мысленно переводящаго вещи на франки и сантимы.

Слѣдуетъ длинная пауза, неловкая, тяжелая, когда трешь руки, разсматриваешь скатерть и для чего-то лѣзешь въ карманъ за носовымъ платкомъ.

Батюшка прерываетъ молчаніе:

— Ну-съ, и что же? Нравится вамъ Парижъ?—Онъ не дожидается отвѣта и продолжаетъ: лишь бы говорить, лишь бы прогнать смущеніе:

— Городъ, какъ городъ, ничего... Очень удобно жить... Никто тебя не знаетъ, никого—ты... Въѣхалъ—и потонулъ... океанъ можно сказать... Вначалѣ-то, собственно говоря, жутко... потомъ того... даже пріятно...

Постепенно голосъ крѣпнетъ, рѣчь дѣлается плавной.

— Въ Россіи—другое, жизнь, обычаи,—все другое... Я самъ,—изволите знать городъ К?.. Впрочемъ, онъ и въ географіяхъ не значится... N-ской епархіи. Ничего городъ, заштатный, маленькій, зелень, рѣка рыбная, природа, чисто—благодать... Народъ хорошій, хохлы, маловѣрующій народъ, бо-о-ольшой позитивистъ! весьма атеистичный народъ, а хорошій... Такъ вотъ, въ шести верстахъ отъ города въ селѣ Камышеваха былъ я, изволите ли видѣть, іереемъ. Обѣдни, вечерни, молебны, кого причастить, кого отпѣвать позовутъ и прочее... жизнь деревенскаго попа, если изволите знать... Ну ничего, жилъ, а потомъ какъ-то сразу наитіе... бываетъ такъ, живешь-живешь и вдругъ тебя осѣнитъ... Неправильности крупныя, согласитесь сами, въ церкви православной... Н-да, отъ нихъ и пошло у меня... Деревня, сами знаете, для всѣхъ открыта жизнь попа, да и не таилъ я... Съ благочиннымъ разъ-другой крупно поговорилъ, онъ и донеси въ консисторію: такъ и такъ, молъ, ересь проповѣдуетъ, сектантствомъ зараженъ... Туда-сюда,—только вызываетъ преосвященный... Надо, значитъ, ѣхать, начальство требуетъ... Ѣду. Большой образованности мужъ былъ покойный, умеръ уже, царство ему небесное!.. Суровъ обличьемъ, скупъ на слово, скажетъ—ножомъ рѣзнетъ.

— Здравствуй,—говоритъ:—мыслишь много?.. Тщета одолѣла?..

Я ему, какъ на духу, все, по совѣсти, какъ святителю церкви, и изложилъ... Смотритъ онъ на меня, смотритъ да и говоритъ:

— Да ты не изъ евангельскихъ братьевъ?.. Сложи санъ, не гожъ въ пастыри, быть тебѣ въ геенѣ огненной...

Ушелъ я отъ него очень разстроенный... Ну-съ, а тамъ, изволите видѣть, и пошла писать губернія. То да се, только получаю разъ бумагу изъ самаго Святѣйшаго Синода: такъ, молъ, и такъ—санъ слагай, чтобы безъ шума и скандала... Зачѣмъ, думаю. Отписываюсь: христіанинъ я православный, безъ лукавства вѣрующій, да-съ!.. Былъ тогда еще оберъ-прокуроромъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, всеобъемлющаго ума человѣкъ, гигантъ, можно сказать, все самъ лично дѣлалъ. Такъ вотъ, вызываютъ въ Петербургъ... Вижу, дѣло—плохо: а вдругъ въ монастырь заточатъ? бывало частенько!.. Или сана лишатъ, да подальше куда-нибудь?.. Опять же не связанъ я: сына опредѣлилъ въ духовное училище, дочь—въ епархіальномъ курсѣ наукъ проходитъ, на казенный счетъ оба... Матушка померла... вдовъ былъ я тогда уже,

да-съ!.. а одна голова не бѣдна... Подумалъ, поразсудилъ,—да и того... Отправился на станцію, сѣлъ въ поѣздъ, да и айда на Кавказъ!.. Эхъ, страна! Замѣчательное мѣстоположеніе, природныхъ богатствъ—видимо-невидимо... Все съ молоканами былъ тамъ, люди рѣдкихъ качествъ ума, истинные, можно сказать, христіане. Нѣмецъ проѣзжалъ однажды, зоветъ съ собой: «Поѣдемъ,—говоритъ,—въ Германію»... Что-жъ?.. Распрощался съ молоканами, поблагодарилъ ихъ—и уѣхалъ... Ну-съ, что сказать о Германіи? Въ смыслѣ матеріальнаго благополучія было тамъ весьма хорошо: отвели мнѣ, изволите видѣть, комнату, столъ предоставили да еще пятьдесятъ марокъ на расходы ассигновали... чего лучше? Но непріятно; то и дѣло:

—Поѣдемъ въ Лейпцигъ, поѣдемъ въ Дрезденъ, то еще куда...— Языка не знаю, хожу на духовныя собранія, показываютъ меня, какъ чудо заморское:

— Отпалъ-де отъ православія, къ намъ присоединился.—А тутъ, изволите видѣть, какъ на грѣхъ, пріѣхалъ какой-то ихній и допытывается, како вѣрую. Разсердилъ онъ меня, въ душу влѣзаетъ... Да какое тебѣ, прости Господи, дѣло? Вѣрующій я христіанинъ—и довольно... Вижу, что не усидѣть долго, пожелалъ братьямъ счастья—и въ Парижъ, куда больше дѣваться?.. Такъ вотъ и живемъ въ Парижѣ, какъ изволите видѣть... Только здѣсь никакихъ нѣтъ мыслей о вѣрѣ, больше о франкахъ... народъ слишкомъ практическій... Да и мнѣ, знаете ли, о франкѣ подумать надо... Подалъ я черезъ знакомаго, въ Святѣйшемъ Синодѣ служитъ онъ, ходатайство... Уѣхалъ, молъ, изъ боязни, а въ дѣйствительности,—вѣрующій я христіанинъ, православный... пребываю въ большой бѣдности, пенсію бы какую-нибудь. Отписка, переписка, вѣрите, бумаги-то на сто франковъ издержали... снизошли: сорокъ рублей въ годъ назначили. Каждые полгода пятьдесятъ франковъ получаю... и то—капиталъ, не такъ ли?.. Раньше братъ одинъ съ Кавказа ежемѣсячно двадцать рублей присылалъ, ши-и-икарно жилъ!.. А теперь вспомоществованіе прекратилось... Пресквернo въ общемъ, да-съ!.. Ай, батюшки!..

Преображенскій вскакиваетъ:

— Однако, засидѣлся!.. Простите, Христа ради!..

Я удерживаю его:

— Посидите, кстати сейчасъ завтракъ...

Онъ опускается въ кресло и нѣсколько недовѣрчиво смотритъ на меня; я понимаю его мысли:

— Накормить хотите голоднаго?.. Обойдусь и безъ вашего завтрака.

И, какъ бы отвѣчая на свою мысль, онъ важно произноситъ:

— Я, собственно говоря, еще не голоденъ...

Однако, ѣстъ онъ съ удовольствіемъ, медленно, наклоняясь всѣмъ корпусомъ къ тарелкѣ, то и дѣло вскидывая на меня глаза,

чтобы убѣдиться, смотрю ли я на него. Нѣтъ, нѣтъ! Я стараюсь не глядѣть, и батюшка усердно жуетъ и глотаетъ, какъ голодный: вытягивая шею и вбирая ртомъ воздухъ.

Наливаю ему вина; онъ беретъ стаканъ, разглядываетъ на свѣтъ напитокъ:

— Да-съ... играетъ... вино-то,—осторожно, прищуривъ глаза, немного отпиваетъ, пытается вытереть ротъ салфеткой, но откладываетъ ее въ сторону, любовно разглаживая:

— Прачку изволите русскую имѣть?

— Да, русскую.

— Чище дѣло... бѣлье безъ запаху: всякую всячину французы кладутъ, когда стираютъ, н-да-съ!..—Онъ складываетъ ножъ, вилку и начинаетъ оправлять бороду.

— Что-жъ это вы, батюшка, не ѣдите?

— Помилуйте, наѣлся во-какъ... Да и зачѣмъ?.. больше не слѣдуетъ... Мнѣ,—говоритъ онъ, дѣлая очень серьезное лицо,—вредно много ѣсть; желудокъ, изволите видѣть, привыкъ къ недоѣданію... Состояніе хроническаго недоѣданія, такъ сказать...—И батюшка смѣется дребезжащимъ смѣхомъ...

— Отвыкъ я въ Парижѣ отъ пищи... Вначалѣ питался, а потомъ перешелъ на студенческое положеніе... живемъ... отлично!.. Раньше, знаете ли, устроился было, какъ богачъ какой. Комнату на мансардѣ за бисектромъ снялъ... за термъ три-и-дцать франковъ! вотъ какъ-съ... кровать съ матрацомъ по случаю пріобрѣлъ, стулъ, столикъ... сковороду и кастрюлю купилъ новыя... держанныхъ не достанешь... восемнадцать съ лишнимъ франковъ обзаведеніе стоило, да-съ!.. капиталъ по нашему состоянію... Живу... мѣсяцъ, другой, термъ, два терма... Да вдругъ съ Кавказа прекращеніе поступленій, хи-хи-хи... Живу на новый термъ, а платить нечѣмъ... Такъ-съ... проходитъ недѣля, другая... ничего! стараюсь только, по правдѣ сказать, консьержа избѣжать. Но отъ судьбы не уйдешь, какъ говорится, комедія—еще у Островскаго есть такая... Эхъ, не уйдешь, все предопредѣлено на этомъ свѣтѣ... Такъ вотъ, разъ-то и является, изволите видѣть, консьержъ.

— Деньги,—говоритъ,—мусье, пожалуйте, аржанъ... да...

— Нѣту,—отвѣчаю,—аржановъ... нонъ аржан...

А онъ, знаете-ли, одно:—Дай да дай.

— Да нѣту,—говорю:—Ріенъ, смотрите,—показываю.

Сказалъ что-то и ушелъ... А на другой день является и этакъ строго:

— Хозяинъ приказалъ а ля портъ.

Ну, конечно, я разобидѣлся:

— Позвольте,—говорю,—это не порядокъ... Какъ это такъ?.. Я и самъ уйду...

— Сегодня,—требуетъ,—тутъ сюитъ.—Вижу плохо, и-да-съ!..

— Гдѣ,—спрашиваю,—мэтръ? Видѣть хочу.

Хоть и слабъ, долженъ сознаться, насчетъ филологіи, ну, а все же думаю, съ хозяиномъ объяснюсь.

— Хозяину,—отвѣчаетъ,—нѣтъ времени бесѣдовать съ вами.

— Какъ нѣтъ времени?—совсѣмъ я взволновался.—Скажите: нужно поговорить.—Этакъ строго произнесъ... Уходитъ, а минутъ черезъ десять заявляется; вижу, какъ будто мягче сталъ...

— Идите,—говоритъ,—хозяинъ зоветъ.

Вычистилъ я башмаки, сюртукъ хорошенько отполировалъ, единственный онъ у меня, хи-хи-хи... иду. Непріятно немного, ну да что дѣлать?.. Домовладѣлецъ-то богачъ, рантье... старый этакій французикъ, ермолка на затылкѣ, въ рукахъ газета... Отлично! Поздоровались; бонжуръ, бонжуръ... такъ и такъ, говорю, денегъ, изволите видѣть, нѣтъ, будутъ мѣсяца черезъ два,—пенсію ждалъ,—а пока, говорю, ріенъ... А что а ля портъ—напрасно изволите гнать...

— Рюсъ?—спрашиваетъ и смѣется.

— Вуй мусье,—отвѣчаю,—рюсъ.

— Пардонъ,—говоритъ,—мусье, у меня домъ для ренты, съѣзжайте... Жаль, а съѣзжайте...

— Дѣться некуда,—объясняю...—Я уплачу, я не какой-нибудь, а священникъ, изъ Россіи за вѣру убѣжалъ... прэтръ, да-съ...

Пожалъ мнѣ французъ руку.

— Прэтръ, а такой бѣдный... си повръ, си повръ... А все же съѣзжайте, нельзя...

Не дѣйствуютъ, вижу, мои убѣжденія... дѣлать нечего... Подаетъ мнѣ руку.

— Я,—говоритъ,—чтобъ вамъ не безпокоиться, прикажу консьержу снести ваши вещи.—А потомъ полѣзъ въ карманъ, вынулъ портъ-моне и даетъ мнѣ два франка.

— Это на вуатюрку,—говоритъ.—Прощайте, очень жаль...

Французъ добрый, что и говорить... видно, что человѣкъ хорошій, да очень привязанъ къ благамъ земнымъ... Ну-съ, снесъ я вещи и пошелъ къ знакомому студенту... изъ политическихъ онъ, молодой еще человѣкъ. Прихожу и прямо:

— Безъ пристанища есмь, переночевать пустите?..

Добраго сердца юноша, душа на распашку.

— Располагайтесь,—говоритъ,—радъ услужить.

— Расположился я у него,—и подъ кровомъ его... дай Богъ памяти... три... нѣтъ, больше!.. четыре съ гакомъ мѣсяца прожилъ... Два франка на вуатюрку питали насъ съ добрую недѣлю... Спасибо французу... Н-да-а, жить въ Парижѣ, ежели умѣючи, можно, изволите видѣть, даже очень дешево... Супъ, примѣрно, можно варить на четыре дня... Котелъ, понимаете-ли, воды, лавровый листъ на су, лучку, ливръ картошки, мясо-обрѣзки, сорокъ сантимовъ фунтъ, это, значитъ, русскихъ фунтъ съ четвертью... за сорокъ сантимовъ, да-съ!.. Что обрѣзки—не надо смущаться: кипятокъ, изволите ви-

дѣть, очищаетъ отъ грязи... Такъ и жилъ у студента... Ходилъ съ нимъ на собранія,—бросилъ, не интересно... говорятъ много, а безъ вѣры, лишь бы говорить... Ничего, хорошо было... Четыре съ излишкомъ мѣсяца прожилъ, вотъ какъ-съ... Только однажды является это мой студіозъ... Батя, говоритъ, землякъ пріѣхалъ, жить вмѣстѣ будемъ... не можете-ли того?.. Ну, землякъ, понимаете сами, дѣло, такъ сказать, кровное... Что-жъ? Забралъ кровать, матрацъ, монатки—и къ технику... Есть тутъ такой... пріятнѣйшій юноша, тоже изъ политическихъ, соціальными теоріями интересуется... на заводѣ здѣсь служитъ, восемь франковъ въ день получаетъ... Перетащилъ къ нему свою движимость... omnia mea mecum porto... и обосновался... Тамъ по сію пору... на Арагошкѣ, знаете, небось, этотъ бульваръ?.. Да... жить въ Парижѣ очень даже дешево можно... знать только гдѣ что... Вотъ скажу про баню... восемьдесятъ сантимовъ—дешево, не такъ-ли?.. Извольте-ка мыть грѣшное тѣло!.. Отыскалъ... улица Ледрю-Роллэнъ, подлѣ Бастиліи, можетъ знаете?.. Заведеніе тамъ есть такое: теплый душъ, прія-ятнѣйшій! Воды лей, сколько влѣзетъ, и... двадцать сантимовъ... Каждую недѣлю хожу, н-да!.. Знать нужно Парижъ!..

Послѣднія фразы батюшка тянетъ медленно, нудно: онъ утомленъ, видитъ, что утомилъ меня, надо бы уходить, надо, однако, еще кой-что сказать... Онъ чешетъ бороду, откашливается...

— Относительно работы—и думать нечего... Хотѣлъ, изволите видѣть, на заводъ... мастерству не обученъ... въ чернорабочіе—силъ нѣтъ... Опять же языкомъ не владѣю, да-съ!..

Онъ встаетъ, оправляетъ сюртукъ...

— До свиданія... Извините за долгій визитъ... Такъ не забудете?.. Ежели перевозка—пожалуйста, позовите... Имѣю шаретку, у пріятеля беру... собственной обзавестись капиталовъ нѣту...

Преображенскій по старомодному расшаркивается, пожимаетъ руку и уходитъ...

Я высовываюсь изъ окна, чтобы посмотрѣть на батюшку. Онъ выходитъ изъ подъѣзда, стоитъ нѣсколько секундъ у фонаря, словно что-то соображая... Потомъ рѣшительно закладываетъ лѣвую руку за спину, правую—за бортъ сюртука и идетъ походкой гуляющаго человѣка...

III.

Нужны свидѣтели.

Красный, потный, сегодня болѣе обычнаго возбужденный... Бросился въ кресло и жалобно попросилъ воды:

— Испить хоть воды, а то совсѣмъ пропаду.

Живетъ онъ въ Парижѣ уже третій годъ, занимается изліяніемъ недовольства. Всегда возбужденный, увлекающійся, нервный,

какъ истерическая дама,—онъ недоволенъ: недоволенъ Клемансо, Столыпинымъ, Жорэсомъ, Дубровинымъ, Гучковымъ, армянскимъ катиликосомъ, французскимъ пивомъ, нѣмецкой философіей. Онъ—олицетворенный протестъ; если-бъ завтра на землѣ воцарился рай,—Иванъ Семеновичъ и противъ райской жизни протестовалъ бы. И благодаря тому, что онъ всѣмъ недоволенъ и всегда протестуетъ,—за нимъ уйма безтолковыхъ политическихъ дѣлъ, начиная съ обвиненія въ избіеніи городового, вплоть до сотыхъ статей. Въ общей сложности, ему бы пришлось отбыть лѣтъ семьдесятъ каторги и разъ пять быть повѣшеннымъ.

Безъ «чорта» Иванъ Семеновичъ не обходится, пересыпая рѣчь ругательствами и проклятіями.

— Нѣтъ, вы подумайте! Вѣдь этакъ взбѣситься можно!.. Двадцать градусовъ температура... какой двадцать!—до двадцати семи вчера доходило, да-съ! Солнце палитъ, какъ въ Африкѣ, а тутъ извольте паспортныхъ людей добывать!.. Обалдѣть можно, чортъ возьми!..

Осушилъ залпомъ стаканъ воды, наморщилъ лобъ и выругался.

— Отыщите-ка ихъ!..

— О какихъ людяхъ вы говорите?..

— Да такъ... чортъ знаетъ, что за глупая исторія... Дядюшка въ Россіи изволилъ окочуриться... старая скотина—октябристъ... Туда ему, конечно, и дорога, да милостью своей меня не оставилъ... По духовному завѣщанію оставилъ вашему покорному слугѣ двѣ съ половиной тысячи рублей... Вотъ родительница извѣщаетъ, ну формальности тамъ разныя... одно слово—Россія... да! такъ надо, значитъ, выслать ей какую-то дурацкую довѣренность. Туда-сюда, выходитъ—въ консульствѣ россійскомъ надо довѣренность составить. Въ консульствѣ такъ въ консульствѣ, дѣлать нечего—иду... Сидитъ тамъ выхоленный господинчикъ съ крашенными усами, кор-р-р-ректнѣйшая фигура, господинъ вице-консулъ. Прихожу: давайте, молъ, довѣренность соорудимъ.

— Позвольте,—говоритъ,—вашъ паспортъ... па-сс-поръ! Порусски говоритъ, какъ французъ... представитель россійскаго государства, чортъ возьми!.. У меня—и паспортъ... смѣхъ одинъ!

Посмотрѣлъ я на него и отвѣтствую:

— Извините, я больше безъ паспорта...

— То есть какъ это?—удивляется.

— Да такъ... Въ Россіи—фальшивка, а тутъ зачѣмъ-же? Во Франціи не требуется.

А у меня-то изъ всѣхъ бумагъ одна только и уцѣлѣла... въ родѣ свидѣтельства объ оспопрививаніи, да-съ!..

— Нѣтъ у васъ паспорта? Такъ вы,—говоритъ,—представьте двухъ свидѣтелей, чтобы личность вашу удостовѣрили.

Что-жъ, это можно! сколько угодно! Знакомыхъ хоть прудъ пруди, кто не знаетъ Ивана Семеновича?..

— Только людей съ губернаторскими паспортами. Довѣренность,—говоритъ, — засвидѣтельствовать — восемь франковъ, личность—восемь, всего—шестнадцать.

Шестнадцать франковъ, чортъ возьми! Ну да ладно! ужъ очень соблазнительно октябристское наслѣдство!.. И вотъ, повѣрите-ли, третій день гоняю, какъ песъ какой... все паспортныхъ людей ищу...

— И что?

— Охъ, не нашелъ еще... А непріятностей... за всю жизнь, чортъ возьми, не имѣлъ столько непріятностей, какъ за эти три дня... Извольте отыскать субъектовъ съ паспортами!.. Пошелъ къ пріятелю, такъ и такъ разсказываю... Смѣется, каналья...

— У меня,—говоритъ,—нѣтути, съ шестнадцати лѣтъ утерянъ, обходился безъ онаго.

Пришелъ къ Павлу Герасимычу: точно не зналъ, какъ прибылъ сюда. Разсказываю... Обидѣлся!..

— Я-де и самъ безъ паспорта,—дѣло имѣю, а иначе не торчалъ бы здѣсь, а въ Россіи работалъ бы.

— Ну что-жъ, извините, что оскорбилъ въ революціонныхъ чувствахъ...—Отправился дальше. Бѣгалъ-бѣгалъ, нигдѣ нѣтъ, совѣтуютъ всѣ къ студентамъ... Есть тамъ у меня одинъ знакомый, паспо-о-ортный!..—И Иванъ Семеновичъ презрительно скривилъ ротъ.

— Будьте,—прошу,—свидѣтелемъ и другого товарища пригласите, дѣло, молъ, срочное и такъ далѣе... И что-жъ думаете?

— Извините,—говоритъ,—я завтра уѣзжаю, вакаціи теперь... А другого достать не могу: всѣ студенты уже разъѣхались, не осталось знакомыхъ...

— Да вѣдь день-то повременить можно,—чуть не умоляю.

— Нѣтъ, нельзя... папаша, мамаша, бабушка.—А вижу, что просто боится... Обругалъ его послѣдними словами, чорта полосатаго!.. Ну ихъ, этихъ трусовъ, въ болото!..

Куда дѣваться? а тутъ жарища, духота, пыль... Повѣрите, на мэтро франковъ пять издержалъ да на прохладительные напитки сколько-же...

И вдругъ вспомнилъ объ одномъ... товарищъ до нѣкоторой степени... меньшевикъ... ну, хоть и меньшевикъ, а парень ничего...—

Иванъ Семеновичъ былъ «большевикъ».

— ...авось,—думаю,—у него паспортъ имѣется... Какія тамъ дѣла у меньшевиковъ?... Только и дѣла, что рефераты читать да дѣтей плодить... И,—сто тысячъ чертей!—у него тоже нѣтъ! Прямо возмутительно!.. Я ему и скажи:

— У меньшевика нѣтъ паспорта!... Подумаешь—ре-во-люціонеръ!..—А онъ еще огрызается:

— Изъ «Пролетарія»,—ехидничаетъ,—остроту вычитали?

Пошло оно... разругались прямо на смерть!.. Ужъ чего только тутъ не было... чуть не до родителей дошло!..

Охъ, чувствую, что виноватъ... но прямо изнемогъ, обозлился... Вотъ ужъ кончится волокита, пойду ко всѣмъ извиняться... ко всѣмъ, въ родѣ великопостнаго прощенія устрою... Дайте-ка еще водицы... жжетъ, чортъ его побери, какъ въ аду...

— Нда... а главное противно... каждому разсказывай, что да почему, всякъ тебѣ совѣтъ даетъ, въ разныя мѣста посылаетъ... Ходилъ до изнеможенія... отправился къ портному... Отлично пиджаки шьетъ... легальнѣйшій парень! еврей, послѣ погромовъ удралъ... работаетъ здѣсь, среди насъ-же и работу имѣетъ... Съ нимъ, понимаете, дѣло просто: пожалуйте-ка въ свидѣтели, Миронъ!

— Что-жъ,—отвѣчаетъ,—можно и свидѣтелемъ, отчего нѣтъ? господинъ вы хорошій, аккуратный... Только свободенъ я буду завтра, нынче надо заказчику тройку отнести...

Прекраснѣйшее дѣло! можно и завтра!... И такъ это, чортъ возьми, раскисъ... Наслѣдство, говорю, получу, такъ сразу два костюма закажу: одинъ попроще, другой... вы-ход-ной, во-какъ!.

Смѣется бестія:

— Посмотримъ, какъ слово сдержите...

А я ужъ, по совѣсти сказать, и матерію намѣтилъ: коричневая, съ желтоватой полоской...

Посидѣлъ я у Мирона минутъ двадцать, отдохнулъ: половину дѣла, такъ сказать, сдѣлалъ... Собираюсь уходить, прощаюсь, условился даже, когда зайду, да напослѣдокъ говорю:

— Паспортъ не забудьте захватить.

— Что? паспортъ? Какой паспортъ?

— Да паспортъ, заграничный... губернаторскій...

— Нѣту,—говоритъ,—у меня его...

— Какъ нѣту?..? — въ глазахъ ужъ потемнѣло:—Вѣдь изъ Шклова твоего надо было, небось, во Францію переѣхать!..

А онъ все смѣется:

— Мы,—говоритъ,—такъ... Насъ агентъ по три рубля съ носа перевелъ... портные, сапожники, все больше американцы...

И смѣется... Не удержался я...

— Ахъ ты,—говорю,—сволочь!..

— Чего ругаетесь?—отвѣчаетъ: — А у васъ есть паспортъ? Нѣту вѣдь? Значитъ, и вы—сволочь?..

И такъ это все досадно... А дома... Прихожу усталый, разбитый, голодный, а жена пилитъ:

— Ты все въ кабакахъ, должно быть... Радъ случаю и прочее... Какъ это въ Парижѣ не достать двухъ свидѣтелей?..—Иди ты, матушка, къ чорту!.. Какъ не достать. Поди-ка достань!.. Это, можно сказать, въ родѣ какъ соціальную революцію произвести...

Охъ, Господи! Милліонъ терзаній!.. Нынче съ восьми часовъ на ногахъ: далъ женѣ слово, что отыщу паспортныхъ во что-бы то ни стало... Ах-ха-ха!.. что за трагедія, чортъ возьми, быть племянникомъ октябриста!.. Къ студенткѣ направилъ стопы, ба-а-

рышня! Шляпки, перчатки, корсеты—всякая дрянь... только и занята, чтобы разукраситься. Вначалѣ было согласилась, а потомъ вдругъ:

— Въ консульствѣ отмѣтятъ, сообщатъ въ Россію, пойдутъ непріятности ни за что ни про что; пожалуй, и арестуютъ по пріѣздѣ.

Вотъ-съ народъ пошелъ! съ революціонерами боятся и знакомства... То есть общественная реакція, доложу вамъ, какой отродясь не было... Просто чортъ знаетъ, что такое!..

— Да что вы,—говорю ей:—Я могу консулу доложить: дѣвица примѣрная, членъ союза русскаго народа и такъ далѣе... Ужъ уговаривалъ-уговаривалъ, просто за себя стыдно стало... Согласилась... Болтаемъ о томъ, о семъ—большую склонность въ общемъ дѣвица къ большевизму питаетъ, надо только оформить... Какъ вдругъ пріятель какой-то къ ней... Ну и фигура! воротничекъ, чортъ возьми, до ушей, жилетъ—сугубо-фантази, галстухъ а ля попугай, лакированныя ботинки,—изъ «общества» человѣкъ, форменный буржуй! Дѣвица моя къ нему:

— Не хотите-ли, дескать, по свидѣтельской части? — разсказываетъ...

— А второй кто?—спрашиваетъ.

— Я.

— Нѣтъ,—говоритъ,—женщинамъ никакъ нельзя.

Я такъ даже привскочилъ:

— Какъ—нельзя? почему это? Паспортъ вѣдь имѣетъ.

— Да такъ, нельзя—и баста... Такой порядокъ, свидѣтелемъ могутъ быть мужчины.

— Да точно-ли знаете?—спрашиваю.

— Кажется, точно, а впрочемъ,—справьтесь.

А дѣвица-то, вижу, довольна, отъ непріятностей, молъ, избавится; развеселилась, хохочетъ, остритъ:

— Видите, молъ, Иванъ Семеновичъ, какъ назрѣлъ вопросъ относительно равноправія женщины... Боритесь, хлопочите...

— Да чортъ съ нимъ, съ этимъ равноправіемъ!..—Убѣжалъ отъ барышни,—пу-уста-а-я дѣвица!.. Надо къ консулу поѣхать справиться, а то,—быть можетъ, пишутъ и навралъ...

Иванъ Семеновичъ докурилъ папиросу и взялся за шляпу:

— Ну, будьте здоровы! У васъ не спрашиваю, знаю, что человѣкъ вы того-съ... Ну, а все-жъ...

Краснѣя, путаясь, онъ чуть не молилъ:

— ...знаете, бываетъ такъ... ну знакомый... часомъ родственникъ... не найдется-ли у васъ какой завалящій типъ?.. Нѣтути, ахъ ты, грѣхи какіе!.. Ну, прощайте, надо по мытарствамъ... Жена загрызетъ, вѣрно слово... Охъ, ужъ эти бабы!.. Всѣхъ благъ... Спасибо за пожеланія... А?.. Ничего!.. побѣдимъ-съ!.. Куражу побольше, все прочее приложится!.. Цѣлую ручки...

На пятый день два паспорта при людяхъ были отысканы, довѣренность составлена, засвидѣтельствована и отослана.

Иванъ Семеновичъ вошелъ сіяющій, солидно усѣлся и крякнулъ:

— Отлично устроено... Ну-съ, такъ какъ полагаете, каковы виды правительства на будущее?..

IV.

„Организаторъ“.

Льетъ мелкій, тихій дождь. Онъ стучитъ о каменныя плиты мостовой, объ изрытый асфальтъ тротуаровъ однообразно-тихо, словно усталые солдаты отбиваютъ тактъ. Густая сѣть тумана обволакиваетъ громады домовъ, деревья, фигуры проходящихъ людей,— и все кажется сѣрымъ... И рождаются мысли тихія, сѣрыя, печальныя и тянутся одна за другой тоскливо-однообразно и безпрерывно, какъ безпрерывно стучитъ этотъ мелкій, похоронный дождикъ...

Въ такія минуты хорошо блуждать; почему-то кажется, что сейчасъ непремѣнно кого-то встрѣтишь, услышишь знакомую рѣчь, быструю, страстную... Скорѣй, какъ-бы не запоздать, не разминуться!

Итакъ, быстро, словно торопясь по дѣлу, прохожу «русскій» бульваръ С.-Мишель, и въ эту ненастную ночь наполненный кокотками и французами-студентами, сворачиваю въ кривую улицу, еще поворотъ,—начинается древній Парижъ, гдѣ когда-то дѣлалась исторія.

Кругомъ — ни души; изрѣдка пробѣжитъ фигура, застучатъ ставни—и опять мертвая тишина.

Отбиваетъ тихую дробь дождь; плотнѣетъ туманъ, и въ неясныхъ очертаніяхъ засыпаютъ газовые фонари и высокія акаціи.

Разъ... два... три... Съ колокольни средневѣковой церкви несутся ровные; медленные звуки, прорѣзаютъ туманъ и мягкими волнами опускаются внизъ... Одиннадцать часовъ; теперь на улицы выползаютъ изъ своихъ трущобъ подонки города, всѣ эти воришки, отчаянные сутенеры и грабители...

Иду домой, но въ лабиринтѣ переулковъ начинаю блуждать, все больше удаляюсь отъ мѣста, куда направляюсь, и, наконецъ, послѣ часовыхъ блужданій, выхожу къ Сенѣ.

Какая-то небольшая коренастая фигура отдѣляется отъ стѣны, ныряетъ за уголъ, потомъ выходитъ и направляется ко мнѣ. Неизвѣстный поровнялся со мной, остановился, смотритъ... идетъ за мной... Что это—приготовленіе къ нападенію?

Подозрительная фигура идетъ быстро, нагоняетъ...

— Ву зетъ рюсъ?—произноситъ мой преслѣдователь съ отвратительнѣйшимъ французскимъ акцентомъ.

— Вуй...

— Извините, товарищъ...

Здѣсь всѣ «товарищи», и всякій проходимецъ, попавшій въ Парижъ неизвѣстно для чего, обращается къ вамъ не иначе, какъ «товарищъ».

— Что угодно?

— Такъ что, товарищъ, помогите мнѣ.

— Чѣмъ могу помочь?

— Да дайте франкъ.—При слабомъ свѣтѣ фонаря я вижу низкій квадратный лобъ, маленькіе быстро бѣгающіе глаза. Онъ смотритъ изъ подъ нависшихъ бровей сумрачно, тяжело дышитъ и откашливается сиплымъ баритономъ. По костюму, по фигурѣ его можно принять за рабочаго, но манеры, тонъ, которымъ онъ произноситъ «товарищъ», «такъ что»—указываютъ, что это одинъ изъ тѣхъ, которыхъ нынѣ много и въ Парижѣ: до революціи—карманники и грабители, а потомъ... Они величаютъ себя «политическими» и «экспропріаторами», подчасъ титулуются «революціонерами», но непосредственное отношеніе имѣютъ только къ арестантскимъ ротамъ.

Меня коробитъ это «товарищъ» и развязность подозрительнаго субъекта и, отчеканивая каждое слово, я отвѣчаю:

— Не могу вамъ дать.

Онъ пристально всматривается:

— Если не можете франка, дайте хоть пятьдесятъ сантимовъ.

— Не дамъ и пятидесяти сантимовъ.

— Странно... очень странно... гм!..

Третъ крѣпкой ладонью переносицу, откашливается и, какъ будто, «между прочимъ» любопытствуетъ:

— У васъ можетъ брюки запасныя имѣются?

— Имѣются...

— Гм!.. И пиджачишко есть?

— Да, есть.

— Такъ, что я зайду къ вамъ завтра... Позвольте, товарищъ, адресъ... Вы гдѣ живете?

— Вамъ это для чего?

— Да насчетъ костюма... какъ это—для чего?..

— Какого костюма?—Меня интересуетъ дальнѣйшее поведеніе этого человѣка, и я стараюсь продлить бесѣду.

— Да вѣдь говорили, костюмъ есть... Такъ, чтобы взять, зайтить надо... Я часу въ десятомъ буду-съ...

— Я вамъ костюма не дамъ.

— Почему это?—въ тонѣ слышна угроза.

— Потому что—не желаю.

— Гм., странно...—Маленькіе глаза зло сверкаютъ, онъ усиленно пыхтитъ, третъ переносицу...

— Странно!.. Вы не хотите помочь товарищу?.. Да-съ!.. Вы что думаете, я—нищій?

Лѣзетъ въ карманъ и достаетъ бумажку:

— Я—рабочій, да—рабочій... Видите вотъ адресъ, по ему завтра въ шесть часовъ на работу... на фабрику... мѣсто получилъ, понимаете—а?..

— Какъ же вы въ десятомъ часу ко мнѣ зайти собирались?

Онъ нѣсколько мнется и, чтобы преодолѣть смущеніе, кричитъ:

— А вы что тутъ?.. Прокуроръ нашелся какой, вишь-ты!.. Хочу и приду, хочу на фабрикѣ буду... тоже, подумаешь, начальство!.. Какъ да почему?!. А вамъ-то какое дѣло?..

Положительно, онъ интересенъ, этотъ прощалыга съ глазами разбойника!

— Погодите,—прерываю я его.—Зачѣмъ вамъ попрошайничать, когда у васъ уже и мѣсто нашлось?

— Да такъ... конечно... собственно... ночевать.—Онъ радъ, что надумалъ предлогъ и теперь торопится, словно боится забыть что-то...

— Вѣдь ночевать-то надо, надо или нѣтъ?.. А фатеры нѣтъ... А на улицѣ,—такъ ажанъ заберетъ... Такъ вы ужъ франчокъ-то того...

Онъ приближаетъ лицо, и меня обдаетъ запахъ вина.

— Не дамъ.

— И пятидесяти сантимовъ не дадите?

— Нѣтъ.

— Странно... Какой вы кремень... Да вы изъ буржуазіи должно быть?.. Изъ буржуазіи, а-а?..

— Да, изъ буржуазіи.

— Хэ-хэ-ха... оно и видно... Эхъ вы!.. Мы кровь свою за васъ проливали, а вы франка дать не хотите...

— Кто это—«мы?»

— Мы, значитъ... рабочіе... ну вообще... революціонеры!..

— Вы, значитъ, революціонеръ?..

— Ну-да, соціаль-революціонеръ... да-а...—И довольный, предвкушая получить франкъ за «революціонность», громко, почти что крича, продолжаетъ:

— Мы за революцію, потому что революціонеры... Мы не какіе-нибудь, да!.. Въ бѣгахъ ноньче... За свободу, значитъ...

— Да что-жъ вы дѣлали?..

— Я-то?.. Что дѣлалъ?.. Гмъ, я—организаторъ...—Онъ выпучиваетъ глаза и колотитъ себя въ грудь кулакомъ...

— Да-съ, ор-га-ни-за-торъ!.. понимаете?!.

— Нѣтъ, не понимаю, объясните...

— Такъ что—организаторъ... Была, выходитъ, типографія... потайная во-какъ!.. тамъ печатали... скрытая типографія...

— Что-жъ вы печатали?

— Да все... объ революціи печатали... Сочиненія, выходитъ, Маркса, Алексинскаго, Петрова Григорія, батюшки... все печатали... Прокламаціи разныя къ народу... чтобы собирался... Противъ правительства, значитъ, и буржуазіи...

Наглость проходимца меня смѣшитъ, и, улыбаясь, я спрашиваю:

— Въ какомъ это городѣ было?

— Э... было!.. Зачѣмъ это вамъ?.. Чего зубы скалите?.. Знаемъ мы!.. Было—и весь сказъ!.. Гдѣ?!. А вамъ какое дѣло?..

— Интересно.

— Инте-е-ресно!.. Въ Питерѣ—во гдѣ... не хотите?.. Въ Питерѣ, да-съ!..

— Почему-же вы организаторъ?

— Да потому что организаторъ—и крышка... Я, значитъ, главный, орга-ни-зую, понимаете? ну и организаторъ... Да чего-тамъ разговоры разговаривать?.. Такъ какъ-же насчетъ франка-то?..

— Франка я не дамъ.

— Тэ-эк-съ... А какъ вы себѣ мечтаете, ежели-бъ, примѣрно, заявился я къ вамъ еще съ однимъ товарищемъ... Да-съ... пришелъ-бы и сказалъ: «Господинъ хорошій, ручки поднять не угодно-ли, а»?..

— То есть, какъ это поднять?—недоумѣваю я.

— Хэ-хэ-хэ... Да такъ, вы постойте съ ручками вверхъ, а мы полюбопытствуемъ, что у васъ за порядки дома-то...

И онъ улыбается, любуясь впечатлѣніемъ, которое произвелъ на меня.

— А-а... что бы вы себѣ мечтали?..

— Мечтаю, что пристрѣлилъ-бы васъ обоихъ...

— Да ну-у?.. Хэ-хэ-хэ... при-стрѣлилъ уже!.. Экой храбрый!.. Фу ты, ну ты—такъ и пристрѣлилъ уже... Мы, чай, не мальчики, умѣемъ тоже того-съ...

— А эти вещи вы организовали?—спрашиваю я. Собесѣдникъ ничуть не смущается:

— Бывало-съ... Купецъ одинъ... тоже въ родѣ васъ... храбрый нашелся. Я, говоритъ, ничего не дамъ вамъ, и за револьверомъ лѣзетъ, значитъ... Ну какъ-же, сейчасъ и дамъ...—И онъ улыбается, потирая руки.

— Ну-съ, такъ какъ-же, франчишку дадите?..

— Не дамъ и су.

— Ну и чортъ съ вами, не надо... А адресъ дайте; можетъ, пригодится, такъ зайду.

— И адреса не дамъ.

— И адреса дать не хотите?.. Н-да, персо-на-съ... а жаль!.. можетъ, пришелъ бы къ вамъ въ гости, хэ-хэ-хэ... Ну что-жъ, не надо!..—Нахлобучиваетъ фуражку на затылокъ и щуритъ глаза, выдвигая нижнюю челюсть:

— Да вы-бы хоть малую толику того-съ... хоть три су... Нужно—знаете... Папироску одолжите-съ... И папироску дать жалко... у-у!.. Скупердяга, буржуй, подохнешь на деньгахъ на своихъ!.. Ну ладно ужо!..

Я иду по набережной. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня находится и «организаторъ»: онъ не отстаетъ.

— Трехъ су жалко!.. Эхъ, буржуй, сволочь!..

Я оборачиваюсь къ проходимцу и заявляю, если онъ не отстанетъ, я пристрѣлю его немедленно.

Онъ останавливается, кашляетъ... Потомъ, давъ мнѣ пройти шаговъ двадцать, кричитъ, что есть мочи:

— Ну и стрѣляй, буржуй проклятый!.. Эхъ, ты...—И отвратительная ругань несется вслѣдъ...

А дождь, все тотъ-же медленный, тихій, сѣрый дождь барабанитъ по плитамъ мостовой...

П. Я. Рыссъ.

PERPETUUM MOBILE.

Было шесть часовъ утра, когда у дверей зазвонилъ молочникъ. Луша, молодая дѣвушка, вскочила съ постели, на которой спала полураздѣтая, потомъ сѣла и стала съ недоумѣніемъ протирать глаза. Второй, болѣе энергичный, звонокъ заставилъ ее совсѣмъ очнуться, въ темнотѣ найти калоши, замѣнявшія ей туфли, и поспѣшить открыть двери.

Въ кухню съ бутылкою въ рукѣ вошелъ молодой, краснощекій парень.

— Ишь заспалась какъ! Съ пушки впору палить. Получайте свое!—сказалъ онъ шутливо, ставя бутылку на столъ въ то время, какъ Луша, зѣвая и вздрагивая, зажигала жестяную лампу.

— Поработай съ мое, и не такъ заснешь, — отозвалась она,—нако-сь тебѣ, въ третьемъ часу заснула!

— Гости?—спросилъ парень.

— У насъ, что ни вечеръ, то сами въ гости, или къ намъ гости! Заспишься тутъ!—отвѣтила Луша и схватила со стола самоваръ.

— Счастливо вамъ!—сказалъ молочникъ и вышелъ, хлопнувъ дверью.

Луша начала ставить самоваръ.

— Заспишься тутъ,—вполголоса бормотала она,—на тебѣ, въ три легла, въ шесть вставай!

Она поставила самоваръ, а затѣмъ достала ваксу, щетки и начала чистить сапоги для молодого барина и для стараго; самоваръ скоро началъ шумѣть.

Луша торопливо обулась, схватила плетеную корзинку, заборную книжку, накинула на голову платокъ и побѣжала въ булочную, заперевъ за собою дверь.

— Газетку!—встрѣтилъ ее на лѣстницѣ газетчикъ.

— Давай сюда!—Луша на ходу сунула свернутую газету въ корзинку и сбѣжала съ лѣстницы.

— Лукерьѣ Васильевнѣ! Наше вамъ!—воскликнулъ мо-

лодой дворникъ въ огромной шубѣ, загораживая ей дорогу подъ воротами.

— Пусти, лѣшій, ну тя!—сердито отмахнулась Луша, скользнувъ мимо него.

— Вотъ тебѣ и наше вамъ!—съ хохотомъ крикнулъ денщикъ, входя подъ ворота; а Луша уже бѣжала стремглавъ по пустынной улицѣ.

Вбѣжавъ въ булочную, она порывисто перевела духъ и, поставивъ корзинку, сказала:

— Какъ всегда!

Слѣдомъ за нею вошла кокетливо одѣтая горничная.

— А, Луша!—воскликнула она, и онѣ поздоровались.

— Ну, что у васъ?—спросила Луша. Горничная махнула рукой.

— Представленіе цѣлое! Теперь поссорились и сидятъ по комнатамъ: онъ—въ кабинетѣ, она у себя, а я имъ записки таскаю. Только и дѣла. Зоветъ баринъ: „Катя, передайте барынѣ!“ а тамъ барыня: „Катя, передайте барину!“ я и бѣгаю...

Луша разсмѣялась и подхватила свою корзинку.

— До свиданья, пока что!

— Луша, здравствуй!—окликнула ее подъ воротами высокая дѣвушка съ корзинкой въ рукахъ.

Луша поздоровалась и пріостановилась.

— А у насъ Матрена уходитъ,—сказала дѣвушка.

— Да ну? Съ чего?

— Слышь, барыня вчера пилить зачала. Мясо, видишь, жесткое. Ужъ она зудила, зудила. Матрена дверью хлопъ! и ушла. Барыня кричитъ: „сейчасъ вонъ, мерзавка!“ а Матрена ей въ отвѣтъ: „Давайте разсчетъ!“ Нынче и уходитъ. Я стряпать буду.

— А я Катю видѣла. Потѣха у нихъ...—и Луша разсказала, что услыхала въ булочной.

— Ахъ ты, Господи,—прервала она свой разсказъ,—самоваръ-то, поди, ушелъ!

— Лукерьѣ Васильевнѣ съ добрымъ утромъ! Моргенъ фри!—выколачивая генеральскую шинель на площадкѣ лѣстницы, привѣтствовалъ Лушу бравый денщикъ.

— Здравствуйте вамъ!—отвѣтила Луша, быстро подымаясь по лѣстницѣ.

Самоваръ шумѣлъ, бурлилъ и выплескивалъ кипящую воду.

Луша быстро сняла трубу, поставила самоваръ на столъ, сдунула съ него золу и заварила чай. Потомъ достала изъ кухоннаго ящика масло, яйца, изъ которыхъ два опустила въ самоваръ, затопила плиту, поставила кипятить молоко и, ухвативъ сапоги, устремилась въ комнаты.

Въ маленькой комнаткѣ съ письменнымъ столомъ, этажеркою и двумя стульями, свѣсивъ съ подушки лохматую голову и раскрывъ ротъ, храпѣлъ на клеенчатомъ узкомъ диванѣ, замѣнявшемъ постель, Борисъ Подопёнкинъ, гимназистъ 7-го класса.

— Баринъ,—подошла къ нему Луша,—вставайте! Половина восьмого! Пора!

— Мммм... — промычалъ юноша, встряхнулъ головою, какъ лошадь, повернулся на другой бокъ и захрапѣлъ такъ, словно выругался.

— Половина восьмого!—громко произнесла Луша, трогая спящаго за плечо,—опять опоздаете! вставайте!

— А? что?—и, тараща глаза, онъ поднялся и сѣлъ.

— Вставать пора! половина восьмого!—повторила Луша, зажигая на столѣ лампу.

— Лушечка, голубушка, — сипло заговорилъ гимназистъ,—дай мнѣ сюда чай, пожалуйста!

— Опять заснете!

— Ей-Богу, нѣтъ! — и юноша опустился на подушку. Едва Луша вышла, какъ до нея донесся его басистый храпъ.

Луша налила стаканъ чаю, нарѣзала булки, положила на тарелку два яйца и вернулась въ комнату молодого барина, который храпѣлъ, уткнувшись носомъ въ подушку.

— Нате вамъ чай! — громко сказала Луша, подвигая стулъ и ставя стаканъ и тарелку. — Слышите, баринъ! чай пить! Ахъ, ты, Господи! — ткнула она его въ плечо: — уйду вотъ и будить не стану!

— А? что? Хорошо, хорошо! я знаю. Не безпокойся, пожалуйста,—проворчалъ впросонкахъ гимназистъ, зарываясь головою въ подушку.

— Вотъ вамъ чай. Сейчасъ восемь будетъ!—крикнула съ нетерпѣніемъ Луша.

— А? что?—встрепенулся онъ и испуганно обернулся.

— Чай принесла! Восемь часовъ!

— Чай? Спасибо!—онъ повернулся на бокъ и протянулъ руку къ стакану.

— Выпьете, въ стѣнку стукните!—сказала Луша, выходя изъ комнаты.

Дверь съ лѣстницы рѣзко отворилась, и въ кухню, согнувшись подъ тяжестью вязанки дровъ, вошелъ дворникъ. Онъ сдѣлалъ два шага и съ грохотомъ сбросилъ на полъ вязку.

— Наше вамъ почтеніе! — сказалъ онъ добродушно, вытягивая изъ-подъ дровъ веревку,—получай порцію.

— Прачешную, Митрій, готовь! Завтра стирать буду! — проговорила Луша.

— Что больно скоро? Ишь ты какая, ровно блоха прыгаешь, — усмѣхнулся дворникъ.

— Попрыгаешь у насъ! — отозвалась Луша, принимаясь бросать дрова въ ящикъ, что стоялъ у двери.

— Ладно, устроимъ! — сказалъ, уходя, дворникъ.

— Ты чего пришла?—заговорила Луша, увидѣвъ скользнувшую въ двери кошку.—Нашаталась, подлая!

Кошка, осторожно обойдя дрова и совершенно игнорируя Лушу, прошла черезъ кухню и скрылась въ корридорѣ.

— Ахъ ты, Господи!—проворчала Луша:—будетъ теперь потѣха! — и, наскоро перебросавъ дрова, бросилась въ комнаты за кошкой.

— Ксс... ксс...—звала она шепотомъ кошку, которая уже пробиралась въ спальную къ барынѣ, но Луша успѣла перехватить ее.

— Я тебя, подлая! будешь у меня шляться! иди! — она кинула кошку къ кухнѣ и вспомнила о молодомъ баринѣ.

— Спитъ! такъ и есть! — съ сокрушеніемъ и досадою проговорила она, входя къ нему въ комнату. — Баринъ, да что-же это? Опять проспали! Глядите, девятый часъ! Баринъ! Я вотъ сейчасъ барынѣ скажу! ей-Богу!

— А? что?

— Да что! будишь, будишь, добудиться силъ нѣтъ!

— Который часъ?

— Девять скоро! Вотъ который!

Юноша сразу очнулся.

— Что-жъ ты меня раньше не разбудила,—сердито заговорилъ онъ,—вѣдь я же просилъ въ половинѣ восьмого!

— Добудишься васъ!—отвѣтила Луша и тутъ же добродушно прибавила:—чаю-то подать, или встанете?

— Стаканъ здѣсь выпью.

— Ну, ну; не засните теперь еще!—она вышла, взявъ стаканъ съ холоднымъ чаемъ, налила свѣжаго и вернулась въ комнату гимназиста. Онъ уже ѣлъ яйца и курилъ папиросу.

— Теперь не заснете!—сказала Луша.

— Почисть брюки. Я вчера ихъ здорово отшлепалъ, — проговорилъ гимназистъ, прожевывая булку.

Луша захватила брюки и прошла въ кухню. На столѣ у самовара стояла ея большая чашка съ налитымъ чаемъ, про который она позабыла.

— Ишь, совсѣмъ остылъ!—пробормотала она, взявъ кусокъ чернаго хлѣба и отхлебывая изъ чашки, въ то же время доставая платяную щетку.

Выпивъ чай и вычистивъ брюки, она ухватила половую щетку съ тряпкой и направилась въ комнаты, занеся гимназисту брюки.

— Налей еще!—сказалъ онъ.

— Вставать пора!—проговорила Луша, но взяла стаканъ, вернулась въ кухню, налила чаю и, снеся его гимназисту, прошла въ комнаты.

Въ столовой и гостиной было сумрачно и тихо. Сѣрое утро освѣщало буфетъ, въ безпорядкѣ оставленные стулья, столъ, заставленный неубранной посудой, и засоренный полъ. Изъ сосѣднихъ комнатъ доносился храпъ.

Луша принялась за уборку. Она осторожно перетаскала всю грязную посуду на кухню, стряхнула скатерть, разставила въ столовой стулья и перешла въ гостиную. Тамъ она обтерла тряпкою пыль, разставила мебель и начала подметать полъ, быстро и ловко сгребая щеткою весь соръ въ одну кучу.

— Луша! Луша!—вдругъ раздался рѣзкій окрикъ самой Подопёнкиной.

— Проснулась!—съ досадою пробормотала Луша и, бросивъ щетку, устремилась въ спальную барыни.

Толстая, рыхлая Подопенкина, съ тоненькой косичкой, завернутой на самой маковкѣ, протирала глаза.

— Что это ты тамъ, словно Плевну берешь? — сердито встрѣтила она Лушу.—Сколько разъ говорила тебѣ, не убирай гостиной, пока я не проснусь! Никогда мнѣ покоя не дашь! Который часъ? Принеси чаю! Подыми занавѣску!..

Луша подняла занавѣску.

— Ахъ, Господи, скоро ты мнѣ чаю дашь!—проговорила Подопенкина и закричала: — Убери кошку! опять она въ комнатахъ!

— Ксс... ксс... иди сюда! — Луша опустилась на колѣна, залѣзла подъ кровать и вытащила оттуда кошку.

Придя въ кухню, она стала готовить для барыни чашку чаю, хлѣбъ, масло, яйца и понесла все это на подносѣ въ спальную.

Барыня притронулась къ чашкѣ и сердито заговорила:

— Что-жъ ты это нарочно мнѣ холодные помои налила! Развѣ я могу пить такой!..

— Надо быть, остылъ самоваръ,—сказала Луша.

— Надо быть!.. Возьми эту гадость и разогрѣй сейчасъ самоваръ. И гдѣ у тебя голова только? Поставить самоваръ всего и дѣла, и то не можешь! Ну, шевелись!

Луша взяла чашку съ чаемъ, а барыня сердито повернулась на бокъ, достала со столика начатый ею вчера романъ и стала читать.

Луша долила самоваръ и начала раздувать его, когда въ кухню вошелъ гимназистъ, подошелъ къ раковинѣ и принялся мыться подъ краномъ, далеко вокругъ себя разбрызгивая воду.

— Луша!—послышался тонкій, визгливый голосъ.

— Сейчасъ, барышня!—отозвалась Луша и побѣжала по корридору въ комнату Лидочки Подопенкиной, двадцатилѣтней дѣвицы, учившейся музыкѣ и пѣнью.

Она приподняла голову, на которой всѣ волосы были завернуты въ бумажки и, моргая глазами, пропищала:

— Дайте мнѣ чаю, Луша; и, пожалуйста, вычистите мою черную юбку и достаньте красную кофту. Знаете, блузкой которая...

— Хорошо, барышня!

Гимназистъ уже одѣлся.

Луша вернулась въ кухню и наскоро затерла шваброю наплесканную воду.

— А калоши не вычистила,—съ упрекомъ сказалъ гимназистъ, входя въ пальто и шапкѣ въ кухню.

— И забыла вовсе! — отвѣтила Луша и, взявъ сырую тряпку, обтерла на ногахъ гимназиста калоши.

Самоваръ зашумѣлъ. Луша заварила чай и стала готовить для барышни хлѣбъ, масло и яйца; потомъ налила чай барынѣ съ барышней и понесла въ ихъ комнаты.

— Не забудьте юбку вычистить, — снова сказала барышня,—я сегодня до завтрака уйду!

— Помню, барышня,—отвѣтила Луша.

— Ушла и пропала,—ворчливо сказала барыня,—долго ли самоваръ разогрѣть! Который часъ?

— Десятый, барыня!

— Дура! если я тебя спрашиваю, отвѣть точно. Поди посмотри!

Луша заглянула въ столовую.

— Десятаго четверть!

— Молодой баринъ ушелъ?

— Ушли.

— Ну, чего же ты стоишь, какъ столбъ. Или дѣла нѣтъ?

Луша вышла изъ спальной и прошла въ гостиную, гдѣ снова взялась за щетку.

Она вымела соръ черезъ переднюю въ столовую, когда снова раздался окликъ барыни.

— Налей еще, да не клади столько сахара!

Луша взяла чашку.

— Луша!—позвала ее барышня.—Налейте еще, только не такъ крѣпко. Да не забудьте юбку и кофточку! И умыться приготовьте. Я сейчасъ встану!

Лидочка Подопенкина и ея мать мылись теплою водою у себя въ комнатахъ. Луша, обыкновенно, приготовляла воду, приносила въ комнату табуретъ, тазъ и рукомойникъ и помогала имъ умываться.

Она прошла въ кухню, налила чай, разнесла по комнатамъ и снова взялась за щетку подметать столовую.

— Луша, вы здѣсь?—раздался сиплый голосъ,—принесите мнѣ газету и чай!

— Сейчасъ! — откликнулась Луша и, бросивъ щетку, устремилась въ кухню. Хлѣбъ, масло, яйца, стаканъ чаю, газета...

Она вошла въ комнату барина, который спалъ въ своемъ кабинетѣ на оттоманѣ.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ,—дайте со стола папиросы и спички! Ну, все. Да, подымите шторку! Какова сегодня погода? Холодно? Ну, это хорошо. Подморозило, значитъ!

— Луша!—закричала барыня.—Баринъ проснулся?

— Проснулись. Чай пьютъ.

— Кушаютъ, надо сказать. Тебя учи не учи, какъ пень! Спроси его, когда Астафьевъ именинникъ? Не спутай имени!

Луша прошла къ барину.

— Барыня спрашиваетъ, когда Астафьевъ именинникомъ будетъ?

— Сеня, когда Иванъ Степановичъ именинникъ? — раздался пронзительный крикъ самой Подопенкиной.

— 13 ноября!—прокричалъ въ отвѣтъ Подопенкинъ.

— А я думала—12-го!

— Есть Иванъ 12-го и есть 13-го! — и они стали перекрикиваться, а Луша снова взялась за щетку и дотащила соръ уже до корридора, когда барышня закричала, выглядывая изъ двери своей комнаты:

— Умыться, Луша!

— Сейчасъ, барышня,—отвѣтила Луша,—домету только!— и на этотъ разъ промела черезъ корридоръ въ кухню, до самой печки, послѣ чего стала приготовлять для барышни воду.

— Луша!—загремѣлъ голосъ барина.

Она оставила воду и пробѣжала къ барину.

— Зовешь васъ не дозовешься,—сказалъ онъ,—принесите мнѣ еще стаканъ чаю! Да! потомъ возьмите со стола полтинникъ. Нашли? Отлично! и купите мнѣ 25 папиросъ. Только сейчасъ, пожалуйста.

Луша вышла.

— Луша,—вернулъ ее баринъ,—сперва дайте мнѣ чаю.

Луша заглянула къ барышнѣ.

— Вы ужъ подождите малость. Баринъ за папиросами посылаетъ!

— Только скорѣе, Луша!

— Мигомъ, барышня!

— Луша!—позвала барыня.

Луша снесла барину чай и прошла къ барынѣ.

— Тебя баринъ за папиросами посылаетъ, такъ ужъ заодно купи, что надо, къ завтраку.

— Керосину нѣтъ.

— Ну, и керосину купи. А сахаръ есть?

— Не держи ты ее, пожалуйста,—раздался крикъ барина,— я безъ одной папиросы, а она ея не пускаетъ!

Барыня поспѣшно сунула портмонэ назадъ подъ подушку и сказала:

— Бѣги скорѣе! За завтракомъ потомъ сходишь!

Луша прошла на кухню, набросила на голову платокъ и полетѣла въ лавочку за папиросами.

— 25 штукъ!—сказала она, кидая на прилавокъ полтинникъ.

— „Пери" прикажете?—съ галантной вѣжливостью спросилъ лавочникъ, оборачиваясь къ шкафу съ папиросами.

— Извѣстно, „Пери"!

— Еще чего-съ?

— Послѣ приду еще. Давайте сдачу-то!—и захвативъ деньги и папиросы, она съ такой же быстротою пустилась обратно.

— Который разъ?—спросила у нея на ходу высокая дѣвушка, утромъ встрѣтившаяся съ ней подъ воротами.

— Второй еще только!—отвѣтила Луша.

— А я, милая, уже четвертый! Вотъ тебѣ и за кухарку.

Запыхавшаяся Луша передала барину папиросы и сдачу, а затѣмъ побѣжала помогать барышнѣ умыться.

— Лей больше! довольно! лей сюда! полей на шею!— Луша послушно лила воду, и барышня плескалась, какъ утка, расплескивая кругомъ цѣлыя лужи.

— Подотри, Луша, а то ходить нельзя! — сказала она, вытираясь полотенцемъ.

Луша сбѣгала на кухню, вернулась съ тряпкою и, нагнувшись, стала вытирать залитый полъ, послѣ чего подхватила тазъ съ мыльной водою, а за нимъ рукомойникъ съ табуреткою и унесла ихъ на кухню.

— Юбку не забудь, Луша! — крикнула вслѣдъ барышня, садясь къ зеркалу и начиная развертывать папильотки.

Въ красной бумазеевой юбкѣ, въ рубашкѣ, спустившейся съ одного плеча, въ стоптанныхъ туфляхъ на толстыхъ, какъ полѣнья, ногахъ, съ завернутой на макушкѣ косичкой, поднявшаяся съ постели Подопёнкина стояла посреди кухни и, едва вошла въ нее Луша, заговорила:

— А у тебя, милая, какъ говорится, и конь еще не валялся,—она показала на немытую нагроможденную на столѣ посуду, — половина одиннадцатаго. У добрыхъ людей уже обѣдъ готовятъ, а мы еще и посуды не убрали.

— Да гдѣ же время-то было, барыня? Кажется, я...—начала Луша.

— А ты бы спала меньше! — перебила ее барыня.—Скажите! Утромъ встать, поставить самоваръ, убрать двѣ комнаты да проводить молодого барина—всего и работы, а у нея времени нѣтъ! Тогда, милая, на мѣстахъ не служи, а иди въ барыни... Приготовь мнѣ умыться!—и она зашлепала въ свою спальную.

Луша покачала головою, махнула рукой и торопливо стала ополаскивать тазъ и готовить барынѣ воду.

— Луша, юбку и кофточку!—закричала барышня.

— Сейчасъ! — отвѣтила Луша, проносясь къ барынѣ съ табуреткой и тазомъ, а затѣмъ съ рукомойникомъ.

Барыня обнажилась до пояса и начала мыться. Она не жалѣла воды, сопѣла, фыркала и все время, не переставая, говорила съ Лушей:

— Лей, лей! не бойся! Что барышня кричитъ тамъ? юбку и кофту? Вотъ видишь, даже такого пустяка не приготовила. Стыдно! нанялась служить, такъ служи. У насъ не Богъ вѣсть что за работа. Четыре человѣка всего, а есть семьи, гдѣ восемь душъ да ребенокъ маленькій, — и служатъ! А спать нельзя. На все время, голубушка, есть. Подала вечеромъ самоваръ, постлала постели и спи!.. Что?.. воды нѣтъ? ну, бѣги скорѣе!..

Луша бросилась въ кухню, чтобы снова наполнить рукомойникъ. Барышня у себя въ комнатѣ топала ногою и кричала:

— Лушка противная, что-жъ ты мнѣ юбку съ кофточкою! Вѣдь я опоздаю!

— Сейчасъ, барышня! — пробѣгая, отвѣтила Луша,—не могу же я разорваться. Коли я барынѣ мыться даю!

Барыня съ намыленнымъ лицомъ и шеей стояла, наклонясь надъ тазомъ.

— Лей прямо! вотъ такъ! Опять грубость въ тебѣ. Вѣдь ты съ барышней говоришь. Какъ же это кричать ей: „не разорваться мнѣ!“ Эхъ, придется намъ съ тобой разстаться!.. Дай полотенце.

— Да я хоть сейчасъ!—угрюмо сказала Луша.

— И сдѣлай милость! — отвѣтила тотчасъ барыня, — не держу! — и тотчасъ же обычнымъ тономъ заговорила:— Подай барышнѣ, что ей тамъ надо, да подотри здѣсь. Ишь,

сколько наплескала. Подать умыться не умѣешь. А потомъ и въ лавочку надо. Кофе готовить.

Луша унесла тазъ, рукомойникъ и табуретку, достала изъ шкафа барышнины кофту съ юбкой и бросилась на лѣстницу выбивать и чистить ее, а барышня въ коротенькой голубой юбкѣ съ голыми плечами, руками и грудью, затянутая въ корсетъ, прошла къ мамашѣ и, сѣвъ на ея неприбранную постель, заговорила:

— Опоздаю я изъ-за этой Лушки. Чуть проснулась, попросила ее, и вотъ до сихъ поръ.

Подопенкина застегивала на себѣ корсетъ, отчего лицо ея налилось кровью, и глаза, какъ у сумасшедшей, уставились въ карнизъ печки.

— Уфъ! — вздохнула она, когда щелкнула послѣдняя застежка, — рохля она. Не можетъ поспѣть. Безтолочь! А ты куда такъ рано?

— Къ Катришъ зайти обѣщалась. Мы съ ней сегодня весь день, а вечеромъ она къ намъ!

— Емельяновы будутъ!—сказала Подопенкина.—Слыхала: у Федуловыхъ гувернантка-то съ этимъ Петей-дурачкомъ ушла?

— Да что ты, мамаша!—воскликнула Лидочка, и у нея вспыхнули щеки.

— Барышня, юбка готова. Я вамъ положила, — сказала Луша, заглядывая въ спальную.

— Хорошо! — отмахнулась Лидочка и обратилась къ матери.—Какъ же это? когда? отъ кого вы узнали?

— А видишь-ли... — начала Подопенкина, надѣвая верхнюю юбку, и закричала: — Луша! приди съ тряпкой, вытри воду! ахъ, все-то ей ткнуть надо!.. Ну, видишь-ли...

Луша вошла съ тряпкой и начала ерзать ею по полу, а Подопенкина, медленно одѣваясь, стала разсказывать дочери скандальную исторію побѣга гувернантки Федуловыхъ съ Петей-дурачкомъ. Лидочка всплескивала руками, вскрикивала и весело смѣялась.

Луша вытерла полъ и пошла въ кухню, гдѣ у крана мылся, брызгая и фыркая, самъ Подопенкинъ, маленькаго роста, съ плѣшивой головою, большой рыжей бородою и толстымъ, неуклюжимъ, какъ сапожный каблукъ, носомъ.

— Принесите-ка мнѣ, Луша, полотенце! — сказалъ онъ, фыркая подъ струей воды.

Луша пробѣжала къ барынѣ, сняла съ гвоздя полотенце и вернулась къ барину.

Подопенкинъ сталъ вытираться и говорить:

— У васъ и плита еще не топится, а мнѣ на службу торопиться надо! Поспѣшите съ кофеемъ.

— Сейчасъ, баринъ,—отвѣтила Луша,—я это скоро!

— Луша!—послышался окликъ барыни.

Луша устремилась въ комнаты.

Подопенкина въ черномъ платьѣ, перехваченная корсетомъ, отчего фигура ея стала похожа на подушку, стянутую посерединѣ ремнемъ, съ напудреннымъ лицомъ, накладными волосами и съ кольцами на пальцахъ, являлась теперь представительной дамой, какъ и подобало женѣ начальника отдѣленія.

— На тебѣ деньги, купи, что надо, и скорѣе завтракъ готовь. Купи сосисокъ! — сказала она, давая деньги. — А за провизіей потомъ пойдешь!

Луша наскоро затопила загасшую плиту, поставила въ кастрюлѣ воду, одѣлась сама, ополоснула лицо, захватила жестянку для керосина и понеслась въ мелочную лавку, оттуда въ булочную, изъ булочной — въ молочную, изъ молочной въ колбасную и снова домой въ четвертый этажъ.

Подопенкинъ уже надѣлъ свой вицъ-мундиръ и пересматривалъ нужныя бумаги.

— Что, скоро дашь кофе?—спросилъ онъ вошедшую въ кабинетъ жену.

— Сейчасъ. Вотъ Луша только изъ лавки вернется.

— Можно было пораньше ее послать.

— Что же я сдѣлаю съ ней? Не поспѣваетъ! Вотъ и твоей комнаты до сихъ поръ не убрала. Безобразіе!

— Только, пожалуйста, кричи на нее безъ меня. Терпѣть не могу этого содома.

— Тогда бы не заводилъ семьи!—обидчиво отвѣтила Подопенкина и съ шумомъ вышла изъ кабинета.

Луша вбѣжала въ столовую и суетливо начала накрывать на столъ. Она поставила приборы, достала водку, рюмку, принесла посуду и, наконецъ, внесла горячія сосиски, хлѣбъ и кофейникъ.

— Сеня, иди завтракать! — примирительнымъ голосомъ позвала Подопенкина мужа,—Лида, садись!

Луша вооружилась щеткой съ тряпкою и пошла убирать остальныя комнаты, въ которыхъ господа спали. Она складывала постельное бѣлье, убирала постели, раскладывала по мѣстамъ разбросанныя вещи, разставляла мебель, вытирала, подтирала и выметала; потомъ собрала всѣ лампы, подсвѣчники и пепельницы, чтобы налить лампы керосиномъ, заправить свѣчи и вычистить испачканныя пепельницы.

Подопенкинъ ушелъ на службу; Лидочка захватила свой портфель съ надписью „Musique“ и отправились къ подругѣ; Подопенкина величественно вплыла въ кухню.

— Какъ уберешься, — сказала она,—сейчасъ иди въ лавки. Смотри, уже половина перваго, а еще и провизіи нѣтъ. Когда управишься! Обѣдъ нуженъ непремѣнно къ пяти часамъ! Я уйду. Вернется изъ гимназіи молодой баринъ, покорми его. Ну, проводи меня!—и она поплыла въ прихожую.

Луша, вытеревъ о передникъ руки, пошла за нею.

Она надѣла на барынины ноги калоши, помогла надѣть шубу, нашла муфту и перчатки, послѣ чего барыня двинулась, наконецъ, къ двери.

— Если кто придетъ, скажи, что меня дома нѣтъ!—сказала она, выходя на лѣстницу.

— Слушаю!—отвѣтила Луша, запирая дверь, и съ облегченіемъ вздохнула.

Въ квартирѣ на время наступила тишина.

Луша снова стала возиться съ лампами, запѣвъ звонкимъ голосомъ: „Го-рѣли вѣнчальныя свѣчи...“ Потомъ она разнесла по комнатамъ заправленныя лампы, вернулась и стала одѣваться сама. Она старательно умылась подъ краномъ, оправила платье и причесала волосы; затѣмъ взяла большую корзину для провизіи, спрятала въ кошелекъ деньги, накинула неизмѣнный платокъ и весело пошла въ лавки, заперевъ за собою квартиру.

Черезъ полчаса она вернулась домой, запыхавшаяся подъ тяжестью, и тотчасъ принялась за работу. Она обмыла мясо и поставила вариться супъ, разнесла по комнатамъ дрова и затопила печки, послѣ чего принялась за мытье посуды.

Въ плитѣ потрескивали дрова, на плитѣ бурлилъ кипятокъ, солнце бросало косые лучи въ кухню. Луша перемывала тарелку за тарелкой, а передъ нею стояла невысокаго роста плотная курносая дѣвушка, зашедшая взять ключъ отъ общаго чердака, и вполголоса говорила:

— Вотъ те Христосъ уйду! Да развѣ это можно, чтобы никакого покоя! Чуть ночь—и сейчасъ либо самъ, либо сынъ его... Охальники! Я честная дѣвица; а барыня что твоя пила. Нешто можно жить? Ты сколько получаешь?

— Семь на своемъ горячемъ!

— Ну и я также, а только такъ никакъ невозможно! Теперь мнѣ лавочникъ, Никандръ Сафонычъ, обѣщалъ мѣсто... А тебѣ хорошо?

— Распрекрасно,—отвѣтила Луша,—въ воскресенье гулять не пустила даже. Ну ихъ ко псамъ! Гдѣ хорошо-то?

— Ну, я пойду, а то моя пила спохватится! —дѣвушка взяла ключъ и ушла, а Луша окончила мытье посуды, прошла по комнатамъ, помѣшала въ печкахъ и, вернувшись,

сѣла чистить картофель. Супъ бурлилъ и кипѣлъ, когда въ прихожей раздался оглушительный звонокъ.

Луша бросила ножикъ и побѣжала въ прихожую, чтобы впустить молодого барина. Онъ сбросилъ калоши, пальто и въ фуражкѣ направился въ свою коннату, говоря:

— Ѣсть, ѣсть давай! Вотъ ты меня не разбудила сегодня, и мнѣ влетѣло!

— Да ежели вы такъ спите!

— А ты за ноги тащи! Ну, давай ѣсть. Дома никого?

Луша наскоро поставила ему приборъ и подала тарелку супу, а пока гимназистъ съ жадностью уплеталъ супъ, изжарила ему кусокъ мяса.

— Очень хорошо!—сказалъ младшій Подопенкинъ,—теперь я ухожу. Спросятъ, куда,—скажи на катокъ!—и онъ ушелъ; а Луша, заперевъ за нимъ дверь, начала рубить для котлетъ мясо.

Подопенкины, мужъ и жена, вернулись вмѣстѣ.

— Обѣдъ готовъ?—спросила барыня, входя въ переднюю и опускаясь на стулъ. Луша тотчасъ нагнулась снимать съ нея калоши.

— Почти готовъ, котлеты только...

— Накрывай на столъ. Барышню ждать не будемъ. Молодой баринъ вернулся?

Луша объяснила.

— Ну, давай обѣдать. Скорѣе! Эту корзинку возьми къ себѣ. Для вечера!

Луша подхватила съ полу корзинку, которую внесъ баринъ.

— Отчего въ комнатахъ темно? Знаешь, я не выношу этого. Что мнѣ лбомъ стукаться, что ли? Зажги лампы! И что ты дѣлала все время!

Подопенкина устала, проголодалась, ей было тяжело въ корсетѣ, и она чувствовала раздраженіе.

— Опять лукъ на плитѣ поджаривала!—кричала она изъ своей комнаты, переодѣваясь въ капотъ и снимая корсетъ,—всѣ комнаты продушила! А печки вытопила?

— Вытопила!—отозвалась Луша изъ столовой.

— Закрыла безъ угара?

— Безъ угара.

— Знаю я тебя, безъ угара! Ну, торопись съ обѣдомъ!—и, переодѣвшись, она пошла по комнатамъ, заглядывая въ печки и ища въ нихъ неперегорѣвшіе угли.

Луша заметалась. Она накрыла на столъ, поставила приборы, налила въ миску супъ и, подавъ, позвала барыню кушать, а затѣмъ торопливо стала готовить и жарить котлеты.

Послѣ обѣда господа пили чай, а Луша убирала со стола, и Подопёнкина ей говорила:

— Вечеромъ гости будутъ. Непремѣнно вычисти самоваръ, а то онъ у тебя чуть не зеленью поросъ! Да сама одѣнься. Передникъ перемѣни! Корзинку открой и все оттуда за окно поставь. Потомъ, какъ уберешься, приди ко мнѣ. Въ лавку сходить надо!

Господа отпили чай и пошли, каждый въ свою комнату, отдохнуть послѣ обѣда.

Луша убрала со стола, стряхнула скатерть, вымела комнату и, придя на кухню, сдвинула къ краю грязную посуду и сѣла обѣдать сама.

Однако, она не успѣла сдѣлать нѣсколько глотковъ, какъ звякнулъ звонокъ, и, бросивъ ложку, она побѣжала отворить двери.

Вернулась барышня съ подругой.

— Наши пообѣдали?

— Только что. Спать легли.

— Ты покорми насъ, Луша, — вполголоса сказала барышня, пока Луша стаскивала съ нея и ея подруги калоши.—Катришъ, пойдемъ ко мнѣ!

Луша поставила на столъ два прибора и подала обѣдъ барышнѣ и ея гостьѣ.

— Чаю подать?

— Да, Луша, ко мнѣ въ комнату!

Луша снесла двѣ чашки чаю, снова унесла грязную посуду, стряхнула скатерть, подмела комнату и вернулась къ своему обѣду.

Кончивъ ѣду, она принялась за мытье посуды, а затѣмъ чистку самовара, когда вдругъ услышала подлѣ себя голосъ Подопенкиной:

— Я ей сказала, а она хоть бы что! Когда же ты въ лавку пойдешь? А?

Луша обернулась.

— Вотъ только вычищу самоваръ...

— Два часа все самоваръ чистишь! Эхъ, ты горе-работникъ! Ну, торопись!—и Подопенкина еще разъ перечислила все, что она должна купить и приготовить къ вечеру, и ушла со словами:

— Голову причеши себѣ да чистый передникъ надѣнь!

Луша съ ожесточеніемъ стала тереть суконкою самоваръ, вертя его во всѣ стороны.

— Пойдешь, Луша, въ лавки,—сказалъ, входя, самъ Подопенкинъ, — купи папиросъ 100 штукъ. Только въ табачной, пожалуйста!

Онъ положилъ рубль и вышелъ.

— Луша, душечка, — вбѣжала барышня, — пойдешь въ лавку, купи, пожалуйста, карамель съ гаданьемъ. Мы гадать будемъ!

Барышня положила кучу мѣдныхъ монетъ и вышла.

Луша накинула на голову платокъ, ухватила корзинку и выбѣжала изъ кухни.

— Али опять въ лавку?—спросила ее на площадкѣ второго этажа толстая, краснолицая кухарка.

— Гости у нашихъ. Ужинать будутъ.

— И много?

— А шутъ ихъ знаетъ!—отвѣтила Луша и, не вытерпѣвъ, начала жаловаться,—то сами въ гости, домой ночью вернутся, чай подавай, раздѣваться помогай! То у самихъ гости до зари. Шныряй, какъ оглашенная. А днемъ толчешься, толчешься и все ей мало.

— Бранится?

— Шпыняетъ. Ровно въ пеклѣ работаю!

— Извѣстно, въ услуженіи,—качая головой, сказала кухарка

Лушѣ словно полегчало послѣ этой жалобы, и она весело побѣжала по лавкамъ: въ мелочную, табачную, булочную, мясную, зеленную.

У воротъ сидѣлъ уже дворникъ въ овчинной шубѣ когда она возвращалась съ покупками.

— Приходи покалякать,—сказалъ онъ.

— Покалякаешь тутъ!—увертываясь изъ его объятій, отвѣтила Луша и побѣжала вверхъ по лѣстницѣ.

Не успѣла она вбѣжать въ кухню, какъ въ двери выглянула сама Подопенкина и взволнованно сказала:

— Звонятъ! надѣнь передникъ и бѣги отворить!

Луша мигомъ переодѣла передникъ и, завязывая на бѣгу его тесемки, поспѣшила отворить двери.

Звеня коньками, въ прихожую вошелъ младшій Подопенкинъ.

— Ты?!—съ досадой сказала Подопенкина,—могъ бы и съ чернаго хода придти. Только людей тревожишь.

— А зачѣмъ я съ чернаго хода пойду!—сбрасывая калоши отвѣтилъ сынъ.

Луша вернулась въ кухню. Кошка, поднявъ хвостъ, терлась у ея ногъ и мяукала.

— Ахъ ты Господи! тебя-то, я и не накормила! Ну, ну, жри, подлая!—и Луша наскоро набросала ей на плошку остатки мяса. Кошка заурчала и уткнулась въ плошку.

— Все купила?—спросила, входя, Подопенкина, снова представляя своей фигурою перетянутую подушку.—Ну,

теперь ставь скорѣе самоваръ, да накрывай столъ для чая. А какъ сядемъ пить чай, ты сейчасъ же картофель ставь, а то не уварится. Хрѣнъ свари, а сметану за окно.

Луша торопливо выкладывала изъ корзинки свои покупки.

— Папиросы дай мнѣ. Я барину занесу.

— Купила карамельки?—спросила, вбѣгая, барышня.

— А такихъ и нѣтъ,—отвѣтила Луша, — спросила въ булочной. Всякія есть, а съ гаданьемъ и нѣтъ!

— Ахъ, Боже мой! — воскликнула барышня,—да ты во фруктовой спросила-бы. Сбѣгай, пожалуйста!

— Некогда ей теперь,—заступилась сама Подопенкина,— надо самоваръ ставить и на столъ накрывать. Пусть Борька сбѣгаетъ!

— Дудки! я набѣгался!—отозвался Подопенькинъ младшій изъ своей комнаты.

— Я сбѣгаю, барышня, только вотъ съ самоваромъ управлюсь,—сказала Луша,—малость подождите!

— Пожалуйста!

Въ это время раздался звонокъ. Луша бросилась въ прихожую. Пришли первые гости.

Луша помогла имъ раздѣться, повѣсила ихъ шубы, прибрала платки и шапки, и гости прошли въ гостиную.

Луша побѣжала въ кухню.

Она налила въ самоваръ воды и приготовила растопку, когда раздался снова звонокъ, и она опять устремилась въ переднюю. Наконецъ, ей удалось поставить самоваръ.

Въ кухню вошла барыня.

— Самоваръ скорѣе! Что это какъ ты копаешься? Пока что, иди на столъ накрывай!

Въ комнатахъ шумѣли гости.

Луша накрыла на столъ, поставила все, что надо, подала самоваръ, и черезъ десять минутъ барыня позвала ее разносить чай.

Она брала на подносъ чашки, стаканы и относила ихъ гостямъ въ гостиную, въ кабинетъ, къ барышнѣ въ комнату; одному приносила лимонъ, другому сливки, третьему булки, въ кабинетъ—коньякъ, а къ барышнѣ—конфекты.

— Вы, Луша, какъ управитесь,—сказалъ баринъ, снимая съ подноса стаканъ чая,—слетайте намъ за картами. Игру, двѣ колоды, 1-го разбора. Поняли?

— Слушаю-съ!

Подопенкина разливала чай и бесѣдовала съ Мошкаровой, вдовой титулярнаго совѣтника, на неизсякаемую тему о прислугахъ.

— Дѣвушка ничего себѣ,—говорила Подопенкина, только

съ лѣнцой немного, все поторапливать надо. И готовить неважно. Надо за всѣмъ доглядѣть.

— И то спасибо скажите. Нынче онѣ такъ избаловались, такъ распустились,—съ азартомъ отвѣчала Мошкарова,—прямо сладу нѣтъ. Я вотъ за одинъ мѣсяцъ пятерыхъ смѣнила. То ничего не знаетъ, то лѣнивая, а денежки подай!..

— Вообще нравственность упала,—сказала Подопенкина:—онѣ теперь всѣ норовятъ вольничать. Только у меня не больно повадно имъ... Возьми и скорѣе долей самоваръ!—приказала она Лушѣ.

Луша подхватила самоваръ.

— А со двора часто ходитъ?

— Въ двѣ недѣли разъ. И гостей никакихъ!..

Мошкарова одобрительно кивнула, такъ что конецъ кружевной наколки упалъ ей на носъ.

Луша снова долила и поставила самоваръ, послѣ чего побѣжала въ лавку за картами, вспомнивъ и о барышниныхъ конфектахъ.

— И что это ты летаешь такимъ соколомъ! Держать не удержишь!—воскликнулъ у воротъ дворникъ, обнимая Лушу.

— Пусти, чортъ!—вырвалась Луша,—гости у нашихъ-то вотъ и гоняютъ.

— А ты плюнь!

— Плюнешь, поди!—и Луша полетѣла по улицѣ.

Едва переводя духъ отъ быстраго бѣга, вернулась она на кухню и тотчасъ ухватилась за самоваръ.

— Гдѣ ты была?—строго спросила ее барыня,—я тебя зову, зову. Тамъ посуду убрать надо, а тебя и на кухнѣ нѣтъ!

— Коли меня баринъ за картами посылалъ!

Луша снесла барышнѣ карамель „Гаданье“ и барину карты.

— Разложите столъ! Здѣсь разложите!—приказалъ баринъ.

Луша раскрыла ломберный столъ, поставила свѣчи, пепельницы, достала щетки и два крошечныхъ мѣлка.

— Это и все?—воскликнулъ Подопенкинъ.—Ну, какъ знаете, а бѣгите за мѣлками! Да скорѣе только! Господа, по маленькой!—обратился онъ къ гостямъ.

Луша подошла къ барынѣ.

— Баринъ приказалъ мѣлковъ купить!

— А что-жъ ты думала, когда карты брала?

— Развѣ я знаю?

— Снеси сперва чай, а потомъ пойдешь въ лавку—кстати вотъ деньги размѣняешь: на 5 руб. мелочи возьми. И мѣди! Вы вѣдь сыграете въ лото?—обратилась она къ Мошкаровой.

Луша снова полетѣла въ лавочку и обратно.

— Ну, и носитъ тебя!—сказалъ дворникъ.

— И не скажи!—на ходу откликнулась Луша.

— Уберешь со стола и ужинъ готовъ!—сказала барыня.

Луша стала убирать посуду.

Изъ комнаты барышни раздавались визгъ, хохотъ и крикливые голоса; въ гостиной чей-то сиплый голосъ выкрикивалъ:

— Шестнадцать, семьдесятъ семь, восемь!..

А изъ кабинета доносилось:

— Безъ козыря, два безъ козыря, три трефы, пасъ! Я скажу въ червяхъ три!..

Луша загромоздила въ кухнѣ весь столъ убранной посудой, растопила плиту, начистила картофель и поставила его варить, послѣ чего начала вытаскивать изъ-за окна бутылки и закуски.

Время отъ времени ее звали въ комнаты, и, оставляя работу, она бѣжала на зовъ, чтобы подать стаканъ воды или достать папиросы, или поднять закатившуюся подъ диванъ монету. Потомъ возвращалась въ кухню и принималась за стряпню.

Кончивъ съ нею, она стала накрывать на столъ, заполняя его приборами, рюмками, стаканчиками, бутылками и приготовленной закускою въ жестянкахъ и на тарелкахъ.

Гости съ шумомъ и веселымъ говоромъ двинулись въ столовую.

— Луша, передай сюда грибы! Открой бутылку! Убери тарелки, подай чистыя! Голубушка, принесите мнѣ стаканъ воды! Луша, принеси пиво! Подыми салфетку! Давай слѣдующее!

И Луша металась съ одного конца стола къ другому, принимала, подавала, убирала, откупоривала бутылки, устремлялась на кухню, возвращалась бѣгомъ въ столовую, пока барыня не сказала:

— Поди, поставь самоваръ да приготовь чай! Господа, а мы еще сыграемъ!..

Гости шумно поднялись отъ стола, а Луша на кухнѣ уже ставила самоваръ и перемывала стаканы, чашки, чайныя ложки и блюдца.

Въ столовой уже не было возможности быстро прибраться, и барыня приказала Лушѣ самой разливать чай на кухнѣ и разносить его желающимъ.

— Этому фанту что дѣлать?—выкрикивалъ Борисъ Подопенкинъ въ комнатѣ сестры, гдѣ собрались его пріятели и барышни.

— Не ходи одна! Вотъ мы ее цапъ!—раздавалось изъ кабинета слѣдомъ за щелканьемъ карты, а въ гостиной снова кто-то выговаривалъ глухимъ басомъ:

— Тридцать два, двадцать четыре, восемь!

Луша моталась изъ стороны въ сторону.

— Мнѣ, голубушка, еще сахару! Налейте мнѣ стаканчикъ! Луша, принеси пива! Ополосни этотъ стаканъ! Выбрось изъ пепельницы!

И она опять подавала, принимала, убирала и металась изъ кухни въ комнаты и назадъ.

Былъ уже четвертый часъ, когда гости всѣ разомъ поднялись домой.

— Луша, помоги одѣться!—закричала Подопенкина.

— Милая, а гдѣ мое боа! Найдите калоши: буква С.! мое пальто на зеленой подкладкѣ!

Луша искала пальто на вѣшалкѣ, искала калоши подъ вѣшалкой, находила платки, боа, шапки, подавала шубы и надѣвала калоши, а потомъ, взявъ лампу, проводила гостей до самаго низа.

Возвращаясь наверхъ, она встряхивала на лодони два двугривенныхъ, которые придали ей бодрости.

— Ой, устала я, Луша!—проговорила барыня, едва Луша вошла въ прихожую и заперла дверь.—Скорѣе стели всѣмъ кровати, да и спать! Уберешь уже завтра все,—прибавила она милостиво.

Луша прошла въ кабинетъ, вынесла изъ него ломберный столъ и стала стлать постель. На письменномъ столѣ стояли стаканы и недопитыя бутылки, и всюду валялись окурки папиросъ.

Луша прошла къ барышнѣ, потомъ къ молодому барину, быстро постилая постели, и, наконецъ, въ спальную барыни.

Господа, между тѣмъ,сидѣли въ гостиной и жаловались на усталость.

Самъ Подопенкинъ не доспалъ послѣ обѣда, работалъ, „какъ лошадь“, на службѣ и завтра долженъ къ 12 часамъ уже быть въ департаментѣ.

— А мнѣ къ девяти, и Лушка проспитъ, навѣрное!—воскликнулъ младшій Подопенкинъ.

— Ой, мочи нѣтъ, глаза не глядятъ,—сказала сама Подопенькина,—до свиданья. Я спать. Натолклась за день!—и она прошла въ спальную, гдѣ Луша оканчивала уборку.

— Охъ, смерть моя! Сними мнѣ сапоги!—она плюхнулась на кровать, разстегивая лифъ, развязывая тесемки и протянувъ толстую ногу. Луша опустилась на колѣни и сняла съ нея сапоги.

— Ты ужъ прямо ложись, Луша, — сказала Подопен-

кина,—а завтра лучше встань пораньше да бѣлье грязное собери. Я встану и сосчитаемъ!

Она сбросила послѣднюю юбку и полѣзла въ кровать.

— Ну, иди! Погаси лампы и ложись!

Луша пошла гасить лампы. Въ гостиной по полу валялись бумажки отъ конфектъ, апельсинныя корки, окурки папиросъ и куски булки; на столахъ лежали кучи скорлупы отъ орѣховъ. Въ столовой весь столъ былъ заставленъ грязной посудой, недопитымъ и недоѣденнымъ, а полъ былъ и залитъ, и замусоренъ.

Луша загасила вездѣ лампы и пошла на кухню.

— Не забудь разбудить меня!—крикнулъ ей младшій Подопенкинъ.

— Ладно!

Луша добрались до своей кровати и упала въ нее, не раздѣваясь. Все вокругъ нея заволновалось, всколыхнулось, и она словно поплыла куда-то, чувствуя, какъ сладостный отдыхъ разливается по всѣмъ ея членамъ.

— Луша! А, Луша!—услышала она голосъ, и кто-то толкалъ ее въ плечо.

— А? что?—она вскочила и сѣла, не понимая, что съ ней и гдѣ она.

Передъ нею при свѣтѣ выгоравшей и чадившей лампы, въ одномъ бѣльѣ, стоялъ молодой Подопенкинъ и говорилъ съ тревогой:

— Такъ ты смотри, Луша, разбуди меня. Въ семь часовъ. Поняла? Въ семь!

— Поняла,—пробормотала Луша и опять упала на подушку, и опять закачало и понесло ее.

Какъ хорошо!.. Жаркое лѣто, душный день. На деревнѣ храмовой праздникъ. Парни и дѣвки идутъ по улицѣ; вонъ самъ старшина, такой ли важный, ѣдетъ изъ церкви. Колокольчикъ подъ дугой такъ и громыхаетъ: динь-динь-динь! . . . Хорошо . . . . .

Динь, динь, динь! дззинь! дррр. . . . .

Луша вскочила, сѣла и спросонья протираетъ глаза. Въ кухнѣ темно, а звонокъ такъ и вздрагиваетъ, такъ и трезвонитъ.

— Господи, да никакъ и вправду!—спохватывается Луша и бѣжитъ къ двери.

Въ кухню входитъ молочникъ и сердито говоритъ:

— Ужъ и здорова же ты спать! Хоть изъ пушки пали!..

Утро наступило. День начался...

А. Заринъ.

Разсказы Андрея Струга.

Пер. съ польскаго.

I.

Уличный скрипачъ.

Плохія настали времена въ Варшавѣ для „популярной" музыки. Гдѣ теперь услышишь шарманку? Развѣ за заставами. — Объ арфѣ нечего и говорить... У насъ есть за то филармонія и ежедневные концерты. Но вѣдь мы, посѣщающіе филармонію, и всегда съ отвращеніемъ слушали шарманку, а тѣ, кто упивался ея звуками, взамѣнъ не получили ничего. Ихъ попросту лишили музыки. Это сдѣлала культура, которая, на высшихъ ступеняхъ, не выноситъ ни шарманокъ, ни бренчанія арфы. Сдѣлалось это очень медленно, постепенной эволюціей. Пришла канализація, телефоны, подъѣздныя дороги, торцовая мостовая, пришли голубенькіе фонари съ номерами домовъ, пришла, наконецъ, винная монополія, а между тѣмъ уличные виртуозы потихоньку все убирались, пока не убрались совсѣмъ. Никто ихъ изъ Варшавы не выселялъ; ихъ просто унесъ духъ времени, тотъ самый, который привилъ на нашей почвѣ сецессіонистскіе переплеты и автомобили, упразднивъ керосиновые фонари и стихи Деотымы *).

Панъ Якубъ Гельбикъ, артистъ-скрипачъ, вспоминалъ съ тихими, исполненными резиньяціи проклятіями времена, когда онъ въ свои молодые годы ходилъ съ квартетомъ по лучшимъ улицамъ Варшавы, и когда ни одному дворнику не приходило въ голову заграждать входъ во дворы.

Ходили они вчетверомъ. Вторую скрипку исполнялъ панъ Янъ Гондашевскій, на кларнетѣ игралъ старый николаевскій солдатъ Подсѣдокъ, а на віолончели выводилъ Рыпаль-

---

*) Деотыма—недавно умершая старая польская поэтесса. *Прим. перев.*

скій, царство ему небесное... Впрочемъ, можетъ, и первые двое уже покойники... Кто ихъ знаетъ... много лѣтъ...

По тридцати копѣекъ выносили со двора. Если кто кидалъ рубль,—не удивлялись, только играли „тушъ", болѣе, впрочемъ, изъ вѣжливости, чѣмъ отъ восторга. Музыку люди цѣнили. Хорошо зарабатывали на свадьбахъ, на маевкахъ.. А ужъ придетъ, бывало, масляница...

Что подѣлывали послѣ этого тѣ двое, участники квартета, Гельбикъ не зналъ. Думалъ, однако, что Гондашевскій, вѣроятно, окончательно спился, а Подсѣдокъ, должно быть, умеръ, и при томъ давно.

И хорошо сдѣлали, если такъ. Не дожили до позора, постигшаго всѣхъ артистовъ. Теперь артиста считаютъ чуть не попрошайкой; теперь не смотрятъ—хорошо ты играешь или плохо, а смотрятъ только,—слѣпой ты, хромой, или „тронутый"? Изъ милости пускаютъ во дворы,—натурально гдѣ-нибудь въ боковыхъ улицахъ, сохрани Богъ въ какомъ-нибудь порядочномъ, каменномъ домѣ. И то кого пускаютъ? Со скрипкой! Артиста! Кларнетъ и не показывайся, не говоря уже о шарманщикахъ. Эти не въ счетъ, какъ мелкая сошка. Любой плохенькій дворникъ и тотъ спрашиваетъ съ наглостью: „Что такое? Здоровенный мужикъ таскается съ музыкой. Пошелъ отъ воротъ, пошелъ. Стащишь тутъ еще что-нибудь!"

Куда дѣвались давнія времена, когда панъ Гельбикъ былъ, дѣйствительно, „здоровымъ мужикомъ" и когда за нимъ бѣгали дѣвки... потому что... ужъ игралъ, такъ игралъ, да и красивъ былъ чертовски! Онъ не отказывался отъ удачи. И бралъ, и швырялъ... Жилъ! Жилось легко, а приходила минута печали,—то, бывало, заиграетъ себѣ одному свои собственныя композиціи...

Теперь онъ горько жалѣетъ, что убѣжалъ изъ дому съ одной скрипкой въ рукахъ да съ гордостью въ сердѣ. Сталъ бы, пожалуй, порядочнымъ ремесленникомъ... Кто знаетъ, можетъ, была бы и собственная мастерская, жена, дѣти... внуки... почетъ отъ людей... Горе артисту, которому приходятъ въ голову такія мысли!

Да, жизнь прошла... Дѣвки, музыка, выпивки... Остается ждать смерти. А пока Гельбикъ жилъ нищенски отъ своей музыки, пиликая по дворамъ, куда его еще пускали; онъ принялъ званіе слѣпца, на какой предметъ носилъ зеленый козырь надъ глазами, хотя настоящей его болѣзнью былъ докучливый ревматизмъ въ правой рукѣ, которой онъ водилъ, какъ деревяшкой. Но онъ ужъ привыкъ и даже пересталъ печалиться, что не можетъ играть, какъ слѣдуетъ...

Жилъ и жилъ изо дня въ день... Каждое утро выпол-

залъ изъ Парисова, гдѣ занималъ уголъ у бабы, выпускавшей на промыселъ трехъ дочерей. Этимъ она и кормилась, да еще отъ жильцовъ, которые всѣ были воры и рѣдко ночевали дома. Давно уже Гельбикъ пересталъ обращать вниманіе на то, съ кѣмъ приходится водиться. Такъ ужъ сложились обстоятельства. Выходилъ онъ рано. Если было на что,—сразу выпивалъ у заставы пару рюмокъ и начиналъ играть съ Окоповой улицы. Обходилъ заранѣе намѣченные дома, съ такимъ разсчетомъ, чтобы никогда не играть въ одномъ дворѣ два раза на недѣлѣ. Кромѣ того, онъ былъ связанъ договоромъ съ нищими, которые пѣли псалмы, и съ музыкантами, которые уже играли въ тѣхъ мѣстахъ. Приходилось исполнять договоры, потому что онъ былъ уже слишкомъ слабъ для военныхъ дѣйствій. Это заставляло его дѣлать крюкъ. Онъ сворачивалъ по Низкой улицѣ и игралъ вдоль всей Смочьей (съ которой получалъ всего болѣе дохода), завертывалъ въ Гусиную, Павлинью и Дѣльную, остерегаясь, какъ огня, чтобы какъ-нибудь не забрести въ Новолипную, гдѣ ему два раза ломалъ скрипку и подбилъ глазъ старый мошенникъ Гвоздарь, который тутъ пѣлъ псалмы и ползалъ по землѣ, уложивъ въ два ящика отъ гвоздей свои якобы парализованныя ноги. Этотъ негодяй управлялъ цѣлой шайкой нищихъ и воровъ во всемъ Новолипьи, а отчасти на Желѣзной улицѣ до самой Грибной, гдѣ уже начиналось царство людей, пану Гельбику совершенно невѣдомыхъ.

Въ полдень онъ приступалъ къ обѣду въ шинкѣ на „Углу свободы", гдѣ, выпивъ нѣкоторое количество рюмокъ, долго жевалъ беззубыми челюстями булку съ четвертушкой копченой ветчины. Если тутъ случалась на ту пору какая-нибудь веселая компанія, то Гельбикъ наигрывалъ, и ему удавалось иной разъ сорвать нѣсколько копѣекъ или угощеніе. Если не было никого,—онъ спалъ на скамьѣ и отдыхалъ. Послѣ обѣда доходилъ еще до Житной, а затѣмъ возвращался той же дорогой, только заходя въ другіе дома.

Вечернюю порцію онъ выпивалъ уже у Повонзковской заставы и шелъ домой безъ копѣйки, совершенно пьяный.

За помѣщеніе онъ платилъ только рубль, но съ условіемъ: когда къ дочерямъ хозяйки приходилъ гость „познатнѣе", рѣзчикъ или другой рабочій по металлу, которые не жалѣютъ денегъ на дѣвицъ, то ни свѣтъ, ни заря старикъ обязанъ былъ подниматься и играть даромъ у дверей, а иной разъ (будто совершенно слѣпой) и въ той самой комнатѣ, какъ говорится, для большей охоты гостю.

Такъ жилъ онъ у этой бабы десятка полтора лѣтъ, такъ что при немъ она дождалась и внучекъ, при немъ онѣ и

росли, и уже старуха собиралась тоже пустить ихъ по людямъ... Изъ-за этого у нея выходили споры съ дочерьми, которыя мечтали спустить ихъ какому-нибудь графу. Извѣстно, — матери всегда хотятъ дѣтямъ получше. Однако, старуха была права: не такъ ужъ легко найти графа, который бы не сталъ торговаться... Не тѣ времена.

Все это, однако, проходило мимо Гельбика: онъ жилъ уединенно и съ домашними не водился. Онъ, конечно, зналъ, что онъ бѣдный нищій, однако не забывалъ и того, что происходилъ изъ хорошей семьи и самъ помыкалъ людьми, когда у него держались еще деньги и молодыя силы. Въ домѣ на Парисовѣ на его глазахъ творились дѣла, взывающія объ отомщеніи, но Гельбикъ смотрѣлъ на все это, какъ будто былъ, дѣйствительно, слѣпъ и ничего не видѣлъ. Это много облегчало ему жизнь. Съ сосѣдями-ворами онъ жилъ тоже въ полномъ согласіи, но разговаривалъ съ ними только тогда, когда они его задѣвали сами; первый не начиналъ никогда.

Когда же на парисовскія норы нагрянетъ, бывало, полицейская „облава“ (что случалось недѣли въ двѣ разъ, и о чемъ всѣ, кому надо, знали всегда наканунѣ), и когда полиція принималась тормошить бабу-хозяйку, а та начинала отгрызаться, Гельбикъ вынималъ необыкновенно потертую паспортную книжку и спокойно пережидалъ бурю.

Одинъ только разъ съ незапамятныхъ временъ Гельбикъ увлекся гнѣвнымъ порывомъ и вышелъ изъ созерцательнаго покоя. Это случилось года два назадъ, когда всѣ умы на Парисовѣ, на Бураковой и Заокопной улицахъ были заняты сенсаціоннымъ процессомъ Красинскаго и когда устраивались пари: убѣжитъ ли этотъ Красинскій сразу изъ суда, или подождетъ, пока его пошлютъ въ Сибирь. Въ это время какой-то новый жилецъ-воръ, очевидно, по глупости, укралъ у Гельбика скрипку.

Всѣ домашніе глядѣли съ изумленіемъ на преобразившагося, тихаго дотолѣ старика. Казалось, Гельбикъ скинулъ съ плечъ лѣтъ тридцать: громилъ, горячился, грозилъ и, наконецъ, схвативъ шапку, объявилъ, что идетъ съ жалобой къ самому „Бурмистру“, который во всей парисовской округѣ разбиралъ всѣ споры съ ворами и слылъ настоящимъ Соломономъ, такъ какъ былъ мудръ и не зналъ жалости. Воры крѣпко струсили и рѣшили ни въ какомъ случаѣ не допускать этого дѣла до оффиціальнаго разбора, тѣмъ болѣе, что и справедливость была на сторонѣ пана Гельбика. Поэтому они „начистили морду“ глупому товарищу и приказали ему убираться и не приходить назадъ безъ скрипки. Только на третій день воръ вернулся, но

скрипки Гельбика отыскать уже не могъ. За то онъ принесъ другую. Гельбикъ ворчалъ, кипятился и требовалъ во что бы то ни стало свою скрипку, потому что та была очень наиграна. Однако, когда онъ взялъ въ руки новый инструментъ и повелъ смычкомъ, то даже задрожалъ отъ волненія. Скрипка была концертная, наигранная чудесно и, очевидно, очень дорогая... Тѣмъ не менѣе, онъ все еще жаловался и ругался, пока, ради святого спокойствія, ему не накинули вдобавокъ пары новыхъ штановъ.

Съ новой скрипкой къ Гельбику вернулась прежняя любовь къ музыкѣ. Онъ вспоминалъ старыя мелодіи, и его молодость, живая, бурная, красивая, какъ будто опять стала передъ его глазами...

Можно сказать, что онъ игралъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ даже по дворамъ. Чудно звучала скрипка на вонючихъ дворахъ Смочьей улицы. И слушали его всюду внимательнѣе, хотя нельзя сказать, чтобы это вліяло на повышеніе ежедневнаго дохода. Однажды, во время игры къ нему присталъ какой-то господинъ и все уговаривалъ продать ему скрипку. Онъ уже давалъ 50 рублей, но Гельбикъ не думалъ соглашаться. Онъ зналъ, что такому инструменту, въ сущности, нѣтъ цѣны. Когда же этотъ любитель приступилъ къ нему не на шутку и сталъ допрашивать, откуда у него такая дорогая скрипка, Гельбикъ просто-на-просто убѣжалъ въ великомъ страхѣ и никогда уже не заходилъ въ этотъ дворъ.

Онъ значительно обновилъ свой репертуаръ, придя къ справедливому заключенію, что людямъ могло, наконецъ, опротивѣть слушать одно и то же въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ. Онъ откапывалъ въ глубинѣ своей памяти старыя мелодіи, научался новымъ, которыхъ никогда не игралъ, а только когда-то запомнилъ,—и это доставляло ему немалое удовольствіе. Удивительно чистый, чудесный тонъ новой скрипки радовалъ слухъ стараго музыканта даже независимо отъ мелодіи.

Четырнадцатилѣтняя Мэлька, старшая внучка, съ которой одной только во всемъ старомъ домѣ Гельбикъ временами пускался въ разговоры, не отставала отъ него и замучила музыканта просьбами: играть и играть. Тонъ новой скрипки дѣйствовалъ на нее, какъ волшебныя чары,—дѣвчонка просто бѣсилась отъ восторга.

Съ малыхъ лѣтъ она рвалась къ музыкѣ, и временами Гельбикъ подумывалъ приняться учить ее, такъ, просто отъ нечего дѣлать... Но такъ какъ онъ никогда не возвращался домой трезвый, то это дѣло такъ и не вышло. Впрочемъ,—зачѣмъ ей, собственно, музыка?—думалъ онъ.—Выйдетъ изъ

нея то же, что вышло изъ матери, жаль времени и труда.. вѣрно одно: должно быть, зародилась она отъ музыканта и при томъ незауряднаго... Музыка у нея въ крови. Лоботрясы изъ-за нея перебѣсятся... станетъ дѣвка, пожалуй, ѣздить въ каретахъ,—только бы взялась за умъ.

Какъ только онъ возвращался съ работы и начиналъ копаться въ своемъ углу, Мэлька накидывалась на него съ просьбами:

— Сыграйте-ка что нибудь, панъ Якубъ,—а то человѣка, холера хватаетъ съ тоски. Старуха держитъ на привязи, точно въ тюрьмѣ... Взять вотъ да и убѣжать отсюда... Сыграйте что-нибудь печальное.

И Гельбикъ игралъ цѣлыми часами между сумерками и вечеромъ, когда въ домѣ былъ только онъ да Мэлька, не считая младшей дѣтворы, игравшей гдѣ-нибудь на дворѣ.

— Эхъ, панъ Якубъ. Если-бъ вы не были такой старый дѣдъ, полетѣла бы я за вами на край свѣта. И откуда къ вамъ приходитъ эта игра? Какъ это идетъ? Само собой, что-ли?

— Дура ты. Само собой не придетъ ничего. Нужна наука, выработка, понимаешь, въ пальцахъ, нужно знать ноты. Меня училъ профессоръ за большія деньги, и когда уже совсѣмъ выучилъ, то убѣждалъ родителей, чтобы ничего не жалѣли, все заложили бы и отправили меня въ Вѣну еще на одинъ годъ науки. Обѣщалъ, что тогда я смогу разъѣзжать съ концертами по всему свѣту, и всюду мнѣ станутъ платить чистымъ золотомъ. Оно бы такъ и вышло. Вотъ теперь есть господинъ Венявскій, знаменитый во всемъ свѣтѣ (Гельбикъ все думалъ, что Венявскій еще живъ и играетъ, какъ до „повстанія“). А могъ бы, вмѣсто него, быть панъ Гельбикъ. Очень просто. Почему бы нѣтъ?

— О, Господи! И почему же панъ Якубъ не поѣхалъ въ эту Вѣну? Старики не дали денегъ? Что?

— Почему не поѣхалъ? Знаю я, думаешь, самъ—почему? Старики, грѣхъ сказать, соглашались, потому что дѣла у нихъ шли хорошо, держали погребокъ и лавку на Грибной улицѣ... только теперь этого дома уже нѣтъ... на его мѣстѣ паровая пивоварня...

Тутъ Мэлька выжидала нѣкоторое время, чтобы дать старику налгаться вволю. Она помнила по прежнимъ разсказамъ, что его отецъ одновременно былъ чиновникъ, мельникъ и едва-ли не владѣлецъ кожевеннаго завода; къ тому же лучше всего она помнила,—и это было всего правдоподобнѣе,—что Гельбикъ, когда ему было 17 лѣтъ, убѣжалъ изъ дому и съ тѣхъ поръ ничего не зналъ о родителяхъ.

Она уже привыкла, что старикъ каждый разъ лгалъ что-

нибудь новое, а между тѣмъ ему надо было наговориться, иначе не сталъ бы играть. Поэтому она терпѣливо ждала.

— Изъ-за глупаго моего сердца взяли меня черти съ моей карьерой. Я могъ бы имѣть теперь каменный домъ и даже два каменныхъ дома... Могъ бы...

Мэлька принималась зѣвать.

— Она была тогда года на три старше тебя, и не было въ мои времена этой подлости, чтобы такихъ ребятъ, какъ ты, считать за женщинъ. Нѣтъ! Только была шельма какъ разъ такъ черна, какъ вотъ ты бѣла... А глаза — прямо дьявольскіе... Напустилась шельма на меня,—сначала я прямо испугался...

— Ха-ха-ха! И чего-жъ это вы, панъ Якубъ, боялись? Кусалась она, что-ли?

— Дура! Ты думаешь, я и тогда жилъ межъ воровъ. Я изъ хорошей семьи. У насъ въ домѣ было скромно. Мать была набожная, отецъ строгій. Не то, что у васъ, на этомъ гибломъ Парисовѣ.

— О-ва!—смѣялась Мэлька.

— Съ нея-то вотъ и пошло,—до нея я не зналъ даже, зачѣмъ это бываютъ женщины на свѣтѣ. Дѣлала со мной, что хотѣла, шельма этакая. Съ отцомъ я разсорился на смерть, убѣжалъ изъ дому. Приказала бы воровать,—сталъ бы воровать. Ничего не подѣлаешь. Сталъ я тутъ ходить съ музыкантами, зарабатывалъ недурно. Собирались поженить-ся,—да вдругъ бросила меня и ушла.

— О,—умная была дѣвка! Я тоже никогда бы не стала сидѣть съ однимъ!

— Дура ты. Такого, какъ я былъ для нея,— она уже не нашла во всю свою жизнь. Если еще жива, то припомнитъ себѣ не разъ, сука этакая... И хоть-бы она теперь жила ужъ и не знаю въ какомъ дворцѣ...

— Ой, ой! Не безпокойтесь, панъ Якубъ,—ходитъ по мусорнымъ ямамъ и собираетъ кости. Ужъ это вѣрно... Если только не сгнила въ больницѣ.

— А ты, Мэлька, не мечтай, что и тебѣ непремѣнно выпадетъ на долю ѣздить въ каретахъ,—развѣ въ той, что изъ ратуши возить на Павякъ *),—отрѣзалъ старикъ съ раздраженіемъ.—Что съ того, что кровь у тебя горячая, чуть тебя не разопретъ. Ты дура и не хватитъ у тебя ума для такой жизни. Вотъ ты любишь музыку, а это всего хуже: полетишь за какимъ-нибудь оборванцемъ и воромъ, а стоющаго человѣка не уважишь и денегъ удержать не сумѣешь. Та-

*) Павякъ—мѣсто, гдѣ находится тюрьма. *Прим. перев*

кія, какъ ты, любятъ, чтобы съ ними обращались, какъ съ послѣдними. Пойдешь, смотри, и сама собирать кости!

— Пойти, такъ и пойду... Возьму свое, и пусть меня берутъ черти. Не все-ли равно,—когда я состарѣюсь — никто уже меня не захочетъ. Пусть у васъ изъ-за этого голова не болитъ...

— Очень мнѣ нужно...

— Ну, такъ вотъ лучше сыграйте,—а то, пожалуй, вернется старая насѣдка.

И старикъ игралъ во тьмѣ, въ этомъ воровскомъ притонѣ на Парисовѣ. Что вздумаетъ, то и звучало само собой, потому что истинно чудесная была эта краденая скрипка, а Мэлька слушала, то затаивъ дыханіе, то вздыхая глубоко-глубоко, почти со стономъ. А порой глаза у нея загорались и свѣтились въ темнотѣ, какъ у кошки.

Старикъ никогда не думалъ о своей убогой долѣ и не вспоминалъ о прежней жизни. Никогда также ему не приходило въ голову завидовать чужому счастью, или брезгать воровской средой.

Лгалъ иной разъ Мэлькѣ просто такъ, чтобы наговориться, потому что любилъ, въ сущности, дѣвчонку, но и не думалъ слишкомъ проникаться своими исторіями. Онъ отупѣлъ совершенно, и мысли въ немъ застыли. Кто знаетъ: можетъ быть, онъ и совсѣмъ уже не думалъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе годы у него не было уже и минуты, когда бы онъ не былъ совершенно пьянъ или хоть подъ хмѣлькомъ.

Только, когда онъ бралъ въ руки скрипку въ вечерній часъ, — что съ нѣкоторыхъ поръ случалось все чаще, — и когда игралъ себѣ свободно, — скрипка разсказывала ему разныя чудеса о другихъ мірахъ и другихъ людяхъ, гдѣ много есть вещей невѣдомыхъ и даже непонятныхъ, и нѣтъ ничего похожаго на то, что его окружало. И тогда печаль ходила по натянутымъ струнамъ и звенѣла, и жаловалась, та печаль, которой не выразитъ никакое человѣческое слово.

И такъ старикъ могъ играть безъ конца. Но каждый разъ приходилъ кто-нибудь изъ жильцовъ, старуха съ дочками возвращалась изъ своихъ таинственныхъ экскурсій, и музыку кончалась, а домъ наполнялся шумомъ и проклятіями, и обычнымъ вечернимъ адомъ.

Порой Мэлька сама уже не могла болѣе переносить музыку и кричала старику, чтобы пересталъ, потому что человѣка „уже трясетъ холера“, а порой разражалась неудержимыми слезами и рыдала, и вся тряслась отъ этой игры.

Тогда старикъ укладывалъ скрипку и ворчалъ:

— Видишь, Мэлька. Не будетъ тебѣ счастья на свѣтѣ: сердце у тебя мягкое, гдѣ тебѣ выжить съ людьми. Растащутъ тебя по кусочку, хоть и не воры. Пуститъ тебя старуха по рукамъ,—да и что ей дѣлать другого. Такъ уже повелось въ вашемъ роду. А не она, такъ ты и сама сумѣешь—ничего не придумаешь лучше. Только вѣдь и тутъ надо имѣть умъ и твердый характеръ, чтобы никому не поддаться и ничего не жалѣть. Хуже всего, если человѣка такъ забираетъ музыка; не было бы меня вотъ тутъ со всѣми вами, если бы не раскисъ отъ музыки въ своей жизни. Тебѣ, Мэлька, это, разумѣется, все равно, потому что ты наглядѣлась на все это съ малыхъ лѣтъ и ничего другого не знаешь; тутъ и воровство, тутъ и всякое свинство находитъ себѣ пріютъ; кто тутъ живетъ, такъ ужъ за одно это заслуживаетъ тюрьму, за одно то, что этакое безобразіе и оскорбленіе Бога терпитъ и на все это смотритъ. Но я говорю тебѣ, Мэлька: есть другой міръ, только его отсюда, изъ этой парисовской трущобы не видно. Кто къ намъ заглянетъ сюда изъ города? Да только тотъ, кому какъ разъ нужна наша мерзость и злодѣйство. Да и такой трижды плюнетъ и отрясетъ съ себя прахъ, когда уйдетъ отъ насъ... Но есть и другіе, есть... Только, видишь ли: хоть бы тебѣ довелось увидѣть ангела съ небесъ, тебѣ и это ни къ чему... Уже ты не перемѣнишься,—и никакая здѣсь перемѣна невозможна... Гдѣ ужъ!..

Такъ бормоталъ старикъ, укладываясь спать въ своемъ углу. Копался въ темнотѣ въ своихъ лохмотьяхъ, ворочался на лежанкѣ, стоналъ, шепталъ и, наконецъ, начиналъ храпѣть, а Мэлька долго еще сидѣла безъ движенія, огорченная, испуганная, потрясенная, вглядываясь въ окно, изъ котораго разливался по избѣ мутный сумеречный свѣтъ. Она глядѣла на покосившійся фонарь, горѣвшій желтымъ огонькомъ въ закоулкѣ, глядѣла на противоположный полуразвалившійся домъ, гдѣ тоже жили воры и женщины въ родѣ ея бабушки, и на деревья кладбища, раскинувшіяся черной тѣнью, какъ мрачная туча, и у нея было тяжело на душѣ. Она проклинала старика и его музыку, грозила всѣмъ, что она приложитъ всѣ усилія и будетъ-таки ѣздить на резинахъ, какъ дочка одной бабы изъ дома напротивъ, о которой въ Парисовѣ ходили легенды,—и ужъ тогда ни старуху, ни свою мать, никого не пуститъ къ себѣ на порогъ... То опять ее охватывало таинственное и дикое пламя желаній, и она уже поднималась, чтобы летѣть къ королю ножовщиковъ, Черному Антку... Пусть ужъ разъ начнется то, что должно начаться... А за всѣмъ этимъ приходило сожалѣніе,—странный, таинственный невѣдомый гость, ко-

торый долго качалъ надъ нею старой сѣдой головой и присматривался къ ней изъ темноты добрыми, печальными глазами, и выжималъ у нея слезу за слезой, и душилъ ее, и мучилъ, не переставая жалѣть... . . . . .

. . . . . .

Уже поздней осенью, во время первыхъ заморозковъ, панъ Гельбикъ, по обыкновенію, вышелъ на работу. Утро было такое чудное, что обратило общее вниманіе даже въ Парисовѣ, гдѣ люди не привыкли восхищаться погодой. Старикъ съ наслажденіемъ вдыхалъ чистый, морозный воздухъ, глядѣлъ изъ-подъ своего зеленаго козыря на ясный, сверкавшій инеемъ день, на схваченныя морозомъ лужи, на окаменѣлую уличную грязь, на удивительные узоры косматаго дерева, засыпаннаго инеемъ и залитаго веселымъ солнечнымъ свѣтомъ, и радостно напѣвалъ что-то про себя. Когда же, послѣ трехъ обычныхъ рюмочекъ, онъ вышелъ изъ шинка у заставы,—то ему казалось, что съ него свалилась половина его годовъ и что такъ уже останется навсегда. Игралъ онъ въ этотъ день необыкновенно хорошо. Скрипка звенѣла въ морозномъ воздухѣ, точно серебристая, а пальцы ходили легко, какъ никогда прежде.

Поэтому мѣдяки густо сыпались къ нему изъ оконъ, а онъ игралъ все искуснѣе и не уставалъ нисколько. Изъ-подъ смычка такъ и лились „обертасы", пламенные военные марши, мечтательные вальсы. Онъ старался играть разнообразныя пьесы, какъ будто рѣшилъ вознаградить въ этотъ день своихъ слушателей за всѣ годы дряннаго нищенскаго пиликанья...

Во дворѣ одного каменнаго дома на Дѣльной улицѣ ему была даже устроена овація, которая удивительно его растрогала, такъ какъ уже съ незапамятныхъ временъ онъ не слыхалъ рукоплесканій. Въ молодые годы это случалось часто, затѣмъ бывало еще передъ возстаніемъ, когда онъ игралъ на дворахъ однѣ только „польскія" пьески, и хотя въ то время тѣ же пьесы звучали по всѣмъ варшавскимъ дворамъ, тѣмъ не менѣе, народъ былъ до нихъ жаденъ, и всѣ кричали „bis". Съ тѣхъ поръ панъ Гельбикъ не слышалъ уже ни одного „браво" за свою игру. Поэтому, когда послѣ одной пьесы раздались апплодисменты, старый артистъ дрогнулъ и, хотя съ большимъ напряженіемъ, доѣхалъ до конца пьесы безъ ошибки. Пьеса была мало наигранная потому что только недавно она какъ-то смутно воскресла въ его памяти. Изъ благодарности онъ сыпнулъ цѣлый рядъ своихъ лучшихъ вещей и жадно насторожился, ожидая опять звуковъ, пріятныхъ слуху каждаго артиста. Но апплодисментовъ не было, только изъ подвальнаго этажа,

гдѣ подъ всѣмъ флигелемъ помѣщалась столярная мастерская, стали выходить на обѣдъ столяры и обступили его кругомъ.

— Господинъ музыкантъ... Дерните еще тотъ кусочекъ, знаете?.. Только опять съ огнемъ, по нашему...

— Да погромче, понимаете, не по-нищенски... Потому что этакую штуку если ужъ играть, такъ играть во всю, на весь свѣтъ, а то вовсе не надо...

— Ну, вали, вали! Мы заплатимъ.

Догадался панъ Гельбикъ, о чемъ именно идетъ рѣчь, и повторилъ пьесу, за которую ему рукоплескали изъ того-же подвальнаго помѣщенія. Игралъ съ разстановкой, на совѣсть, и такъ нажималъ смычкомъ, что скрипка зазвучала цѣлымъ оркестромъ. Онъ попалъ въ тактъ, понялъ мелодію и видѣлъ самъ, что играетъ хорошо, потому что у слушателей смѣялись глаза, а кое-кто принимался подпѣвать, что уже нѣсколько мѣшало артисту.

— Браво, браво!

— Бисъ!

— Еще разикъ. Ну, и молодчина!

Гельбикъ опять пустился въ путь и, нѣсколько разъ повторивъ музыкальный отрывокъ, закончилъ могучимъ аккордомъ, потому что уже усталъ. Работники пересмѣивались, переговаривались, шарили по карманамъ и набрали цѣлыхъ двадцать копѣекъ. Гельбикъ кланялся и благодарилъ, но никакъ не могъ взять въ толкъ, откуда у этихъ людей явилась такая любовь къ музыкѣ... Вѣдь онъ ходилъ въ этотъ дворъ еженедѣльно лѣтъ уже пятнадцать, и всегда тутъ въ подвалѣ работали столяры, а онъ не видѣлъ отъ нихъ ломанаго гроша.

— Что-то, видно, обновилось во мнѣ, и я, должно быть, играю теперь, какъ игралъ когда-то въ молодые годы. Не къ добру это... Должно быть, смерть недалека, если человѣкъ такъ сразу помолодѣлъ...

Однако, несмотря на это недоброе предчувствіе,—въ немъ радовалась старая истоптанная душа, а умъ, впадавшій въ дѣтство, принимался строить наивные планы.

— Возьму, вотъ, и покину это воровское гнѣздо и переселюсь въ городъ, въ какую-нибудь порядочную семью. Зарабатывать я теперь, извѣстное дѣло, буду много... Можно будетъ и отложить на черный день, потому что здоровье у меня стало плоховато,—испортилось отъ собачьей жизни... Давно уже я объ этомъ подумывалъ, но теперь надо приниматься... Пора...

Въ слѣдующемъ дворѣ онъ прямо началъ этимъ маршемъ, который пришелся людямъ по вкусу, да и ему са-

мому тоже понравился сильно. Тутъ не было апплодисментовъ, но онъ еще не кончилъ пьесы, какъ уже около него зароились слушатели: откуда-то изъ погребка выползло нѣсколько изможденныхъ сапожниковъ, поднялись отдыхавшіе въ обѣдъ работники изъ какой-то маленькой фабрики, которая тутъ дымилась и пыхала въ глубинѣ огромнаго двора. Даже дворникъ слушалъ съ разинутымъ ртомъ и радостной миной.

Опять онъ былъ вынужденъ повторить то же раза три и опять набралъ чуть-ли не тридцать копѣекъ и, при томъ, отъ людей, которые, обычно, слушать-слушаютъ, но никогда не платятъ за игру и на которыхъ уличные артисты никогда не обращаютъ вниманія.

— Играйте такъ всюду, и вамъ будутъ платить, потому что тутъ повсюду полно нашего брата...

— Хорошо, хорошо... Покорно благодарю васъ, — кланялся старикъ.

Онъ задумался. Въ это время онъ шелъ какъ разъ обѣдать въ шинокъ, гдѣ, усѣвшись въ углу, предался глубокимъ размышленіямъ... Послѣ третьей рюмки онъ сдѣлалъ открытіе, что къ нему, очевидно, вернулся прежній талантъ, и люди, наконецъ, признали его.

Съ этихъ поръ дѣла его пошли хорошо, онъ даже поднялъ уровень своего благосостоянія и пилъ ежедневно рюмокъ по пятнадцати.

День-ото-дня все собирался переселиться изъ Парисова, только ему теперь не съ кѣмъ было толковать о своей знаменитости, потому что изъ старшихъ никто не хотѣлъ его слушать, а Мэлька уже была постоянно „занята“ и ей было теперь не до старика. Поэтому онъ разговаривалъ цѣлыми часами самъ съ собой, пока не засыпалъ пьяный. Каждый обходъ онъ начиналъ съ той пьесы, которая принесла ему счастье. Теперь онъ пускался и подальше, на Холодную и Воронью улицы, гдѣ его тоже сопровождалъ успѣхъ. Однажды даже какой-то господинъ кинулъ ему изъ окна цѣлый полтинникъ!

Онъ пытался разспросить у людей, что это за мелодія, которую въ Варшавѣ такъ сильно полюбили теперь даже простые люди, совсѣмъ не знатоки музыки. Но напрасно онъ игралъ ее и своимъ ворамъ, и другимъ обитателямъ Парисова,—никто не зналъ этой пьесы. Слушателей же своихъ спросить не рѣшался, такъ какъ, въ качествѣ истиннаго артиста, чувствовалъ, что это могло нанести ущербъ его славѣ. Впрочемъ, любопытство скоро у него прошло, и онъ довольствовался результатами; только подобралъ къ

этой пьесѣ такія шумныя и красивыя варіаціи и разныя трели, что душа радовалась, слушая.

И, можетъ быть, такъ бы и игралъ старичина донынѣ, на радость своей закатывавшейся жизни и съ успѣхомъ. Но слава погубила его. Въ одинъ день во дворѣ, въ Вороньей улицѣ, какъ разъ въ ту минуту, когда онъ игралъ свою увертюру, окруженный слушателями, на дворъ ввалился самъ околоточный. Слушатели немного смѣшались и отступили отъ старика, который остался одинъ на серединѣ двора, лицомъ къ лицу съ грознымъ начальствомъ.

— А это ты, негодяй, играешь эту мерзость по всему околотку? Гдѣ это ты научился? Кто тебя училъ? Гдѣ живешь? Есть паспортъ? Эй! дворникъ! Веди его въ часть!

Только въ участкѣ, на Холодной улицѣ, узналъ панъ Гельбикъ, какое страшное преступленіе онъ совершалъ все это время. А такъ какъ господинъ коммиссаръ призналъ, что этотъ плутъ, хоть и старъ, но очень опасенъ, такъ какъ очень ловко прикидывается непонимающимъ, то онъ сообщилъ въ „ратушу“ по телефону, и концерты кончились навсегда.

Грянула молва межъ людей, что старика съ зеленымъ козыремъ взяли въ кутузку, и всюду о немъ жалѣли.

— Только за что старина будетъ въ отвѣтѣ? Вѣдь, кажется, онъ ничего этого не понималъ.

— Тамъ понималъ или не понималъ, а дѣлу послужилъ хорошо. Подымалъ духъ и укрѣплялъ сердца...

— Съ чувствомъ игралъ, съ большимъ чувствомъ. О, я вамъ говорю,—старый соціалистъ, это вѣрно!

Такъ говорили люди. Не говорили только, что каждое великое дѣло и каждое дѣло святое, и каждое дѣло, которому принадлежитъ будущее, всюду находитъ своихъ работниковъ. Мыслители намѣчаютъ ему пути, герои отдаютъ за него жизнь, толпы людскія становятся его могучими раменами и кующимъ молотомъ.

А бываютъ и такіе, что безъ мысли и безъ воли становятся орудіемъ великаго дѣла... Подобные птицамъ небеснымъ, разносятъ они сѣмена отъ древа жизни по лицу земли, служа безъ заслуги и страдая безъ вины.

II.

Некрологъ.

Все произошло, какъ слѣдуетъ. Были вѣнки, были красныя ленты и народа—человѣкъ до тысячи. Пѣли надъ могилой „Красное знамя“, была надгробная рѣчь, и толпа слушала. Только докончить рѣчь не удалось. Ворвались казаки и

истоптали могилы конскими копытами... И вышла порядочная свалка; было нѣсколько десятковъ арестованныхъ и большое возбужденіе.

Это подкрѣпляетъ людей и вихремъ проносится въ затхломъ воздухѣ заговорщицкаго подполья. Пригодился ты еще, значитъ, и послѣ смерти!

На мою долю выпало теперь разсказать о твоихъ заслугахъ и вынести на свѣтъ дня твое безвѣстное имя. Стану у кассы и буду набирать букву за буквой и уложу ихъ въ слова. Въ толстой черной каймѣ, подъ двумя костями на крестѣ... Надо почтить тебя, надо...

Пусть узнаютъ люди, что ты былъ на свѣтѣ, а тѣ, кто тебя зналъ лично, пусть узнаютъ, наконецъ, что это былъ именно ты, кого они знали... Теперь уже конспирировать не къ чему... Ты станешь знаменитъ...

Не одного человѣка твое жизнеописаніе и согрѣетъ, и подыметъ, не одному поможетъ устоять въ битвѣ.

Да, ты станешь знаменитъ... Писать о тебѣ нужно...

Вотъ я и сижу надъ четвертушкой бумаги,—сижу уже часа три. И нѣтъ силы начать. Знаю я о тебѣ все, рѣшительно все, что было... Знаю даже то, что неизвѣстно никому на свѣтѣ, кромѣ меня...

Все, все помню...

Только, видишь-ли...

Только тебя, тебя, милый ты человѣкъ, нѣтъ и не будетъ! Какъ же мнѣ описать тебя, какъ начать, когда я этого-то какъ разъ и не возьму никакъ въ толкъ...

Трудно будетъ... Можетъ, и осилю, но откладываю поневолѣ и, скажу тебѣ правду: боюсь!

Стоитъ начать, — стоитъ поставить первыя буквы, — а тамъ я повѣрю и все сразу пойму. И это-то какъ разъ страшно: пойму, что все уже кончено, и что уже никогда...

Никогда — глупое слово, котораго умъ человѣческій не охватитъ. Такъ какъ же мнѣ охватить его да еще приложить къ тебѣ?

О милый другъ...

Уходишь ты въ самую горячую пору. Можно-ли теперь уходить? Работы пропасть! Кого-жъ мы поставимъ на твое мѣсто? Да, не годится, не годится.

Оставилъ насъ сиротами. На Волѣ спрашиваютъ: гдѣ „Вальтеръ“ пропадаетъ? „Провалился“, что-ли? Почему не приходитъ?

Да, провалился, и не видать вамъ уже „Вальтера“, люди изъ Воли.

И на Долѣ *) спрашиваютъ то же: что это съ нашимъ „Молоткомъ“? Отчего его не видно?

Не будешь ты, Молотокъ, пробираться больше на „Повисле“ **). А между тѣмъ, слышишь: варшавскіе углы и трущобы, и закоулки спрашиваютъ про тебя, потому что тоскуютъ!

Сколько ты сапогъ износилъ, сколько потерялъ времени, шныряя въ тѣхъ мѣстахъ? А сосчитай-ка: сколько это лѣтъ? Не мало народа промелькнуло за это время передъ нашими глазами... И всѣ-то тебя любили,—а гдѣ было всего труднѣе, туда ты пробирался и попадалъ какъ разъ во-время. Мало насъ старыхъ осталось за работой: одни погибли въ Сибири, сгнили по тюрьмамъ, другіе истрепались на работѣ и не устояли... Вѣрно, мало насъ стариковъ осталось... а вѣдь мы съ тобой не разъ признавались другъ другу, что все-же старики были лучше...

И теперь бы нужно побольше стариковъ, а ты взялъ себѣ да и ушелъ... Людей много,—правда! Но и работы хватитъ, будь хоть въ сто разъ больше... Теперь вѣдь надо торопиться, надо опереживать время,—самъ ты это говорилъ и не разъ, а все же взялъ и ушелъ...

Неподходящее, братъ, время выбралъ для отставки—можно бы погодить... Сколько лѣтъ пробѣдствовали мы на адской работѣ въ этой толчеѣ, гдѣ минуты не было свободной, не было возможности оглянуться кругомъ—что сдѣлано... Изо дня въ день отваливали мы работу, побольше да поскорѣе; было бы за что подыхать потомъ среди якутовъ...

А все какъ въ лѣсу—не видно слѣда работы... Мы считали по жертвамъ... И было ихъ тьма, только очамъ не видно результатовъ...

Кто могъ знать, что тамъ творилось? Точно въ морскую глубину кидаешь каменья... Почемъ знать, сколько ихъ еще надо до поверхности? Каждый разъ ѣдкая пѣна брызнетъ въ глаза—и только... Брызги и брызги... А что тамъ на днѣ?..

Трудно было. Чудесъ мы, правда, и не ожидали и не думали дождаться. Такова ужъ судьба: одинъ сѣетъ, другой жнетъ, и уже кто-то третій, долго спустя, поѣстъ этого хлѣба. Бывало въ свободныя минуты, что и мы, шутя, мечтали: будетъ такъ и этакъ, будетъ по нашему. Ну, да вѣдь это такъ... разговоры. Никто изъ насъ до того не домечтался, чтобы повѣрить...

И вотъ, пришло мгновеніе, когда блеснулъ неожиданный просвѣтъ и вскрылось таинственное дно нашей работы. На-

---

*) Долъ и Воля,—варшавскія предмѣстія.

**) Улица на Долѣ.

стало боевое лѣто, памятное лѣто, въ послѣдній годъ стараго столѣтія.

Помнишь дни упоенія, которые пришли, захватили насъ и приподняли—насъ, старыхъ, бывалыхъ, осторожныхъ?! И надежда взлетѣла и понеслась высоко, какъ сказочная птица... и заглядѣлись на нее наши очи...

Долго потомъ мы протрезвляли другъ друга. Помнишь? Что намъ дѣлать? Мы готовы—только какъ же начать? Жадно посылали мы взоры къ рубежу, къ молчаливому, тихому рубежу на востокѣ... Слезами заплывали усталыя очи...

Исчезла, разсѣялась радость наша... Грустный ходилъ ты въ тѣ дни... Вѣдь помнишь? Жалко мнѣ теперь этой твоей печали...

Все это уже былое...

Не дождался ты нынѣшняго дня! И много ли не хватило? Короткаго мгновенія жизни...

И жалко мнѣ твоей тогдашней печали, такъ жалко...

Поторопился ты! Не хорошо...

Слушай, братъ, внимательно слушай: вѣдь это идетъ новое! Идетъ и сотрясаетъ землю...

И вотъ ужъ просыпаются! Пробужденіе будетъ могуче, какъ могучъ былъ сонъ... Неужели не вѣришь?

Слушай! Вѣдь правда, начинается!

Идутъ времена новыя, какихъ еще не бывало! Иначе люди смотрятъ, иначе дышатъ... и врагъ уже боится по иному...

И мы уже можемъ добыть изъ-подъ земли наши сокровища, наши запасы и похвалиться нашей долгой работой!

Наше завтра уже недалеко—дождемся!

Слушай, братъ, слушай хорошенько: мы выйдемъ изъ подземелій! На бой съ врагомъ! Лицомъ къ лицу—помѣряемся, сочтемся!..

Тебя одного только не будетъ въ тотъ ясный день, одинъ ты не выйдешь изъ своего подземелья!

Не лучше ли было бы... Не лучше ли взглянуть на этотъ свѣтъ, широко вздохнуть воздухомъ свободы?

Именно такъ, какъ мечталъ ты въ сумеречный часъ, когда тебѣ становилось такъ душно въ подпольи.

Ты жаловался тогда и говорилъ: „Ужасно, это ужасно: всю жизнь оглядываться и всю жизнь таиться и не подать голоса жизни—ужасно это... и позорно...“

Долго плыли мы межъ двумя берегами, и силъ не хва-

тало, и тянула глубь... А все же мы переправились на другую сторону, вотъ онъ, берегъ! Только ты на днѣ!..

И что же мнѣ на этомъ ясномъ берегу... безъ тебя?..

Помнишь?

Наши студенческія бесѣды, и длинные рефераты, и споры, и партіи, и разрывы, и возобновленіе сношеній, и группы, и кружки, и программы, программы, программы...

И нашу славу, облетѣвшую всѣ чердаки Варшавы? И нашу тогдашнюю гордость?..

Кто и когда, какой Наполеонъ болѣе насъ былъ увѣренъ, что владѣетъ судьбами вселенной?

По исключеніи изъ университета мы сказали другъ другу: судьба готовитъ насъ для высшихъ предначертаній.

Когда насъ заперли за рѣшеткой, мы говорили: „Терпѣніе и мужество: міръ смотритъ на насъ"!

Когда же мѣсяца черезъ два насъ выпустили, мы стыдились этого, какъ преступленія...

Потомъ на чужбину, въ далекій свѣтъ... какъ дѣлали всѣ...

Помнишь годы труда и борьбы въ Парижѣ? Помнишь ли нашу парижскую кичливую гордость?!. Помнишь, на улицѣ des Courcelles, за укрѣпленіями, голодъ и собачью, безысходную нужду?!. Помнишь, какъ тратили мы послѣдніе, взятые взаймы сантимы, на печатаніе полемическихъ брошюръ?..

Потомъ безжалостное чудовище Лондонъ... Нищета еще худшая, невыносимая. Помнишь, мерзкій осенній вечеръ, когда, обезсиленные голодомъ, лежали мы на общемъ логовищѣ, въ нетопленой темной конурѣ, на предмѣстіи?..

А эту лѣтнюю звѣздную ночь, съ запахомъ смолы и цвѣтовъ нашей родины, когда мы, блуждая, прокрадывались черезъ пограничные кордоны обратно въ отечество!

Не изливались мы другъ передъ другомъ, но каждый изъ насъ въ то время далъ клятву: не покинемъ уже земли родной до конца...

Какъ это давно... Какъ невѣроятно давно это было...

Началась работа новая, неизвѣданная...

Трудно приходилось... было досадно, было горько...

Какимъ глупымъ оказался сразу весь нашъ умъ и вся наша мудрость, изощренная въ спорахъ безъ конца и предѣла! Какъ безжалостно насмѣхалась надъ нами подлинная

жизнь и этотъ живой трудъ, предъ которымъ опускались неумѣлыя руки...

Помнишь ли? Это было, пожалуй, самое тяжкое, самое трудное испытаніе...

Тутъ вотъ погнулись наши спины подъ непосильнымъ бременемъ, тутъ пришлось стискивать зубы, чтобы устоять, чтобы не поддаться...

Приходили черные, злые часы, уязвлявшіе въ самое сердце—подлый уколъ страха и невѣрія!..

Страшное мгновеніе, когда у солдата не хватаетъ натиска въ наступленіи, когда онъ готовъ бросить оружіе и бѣжать, бѣжать, бѣжать...

Ты, молча, смотрѣлъ мнѣ тогда долго, долго въ глаза... И я возвращался...

Ты былъ сильнѣе...

Помнишь-ли? Вдвоемъ мы остались послѣ разгрома, и никого не было у насъ больше на широкомъ свѣтѣ... Мы поднялись двое...

Теперь, пожалуй, не повѣрятъ, а вѣдь помнишь: насъ, дѣйствительно, осталось только двое, и никого не было больше.

Теперь, послѣ столькихъ лѣтъ и самому трудно повѣрить...

Какъ пробились мы это первое время? Видно, правда, что сказано въ писаніи: бываетъ вѣра, двигающая горами и переносящая ихъ съ мѣста на мѣсто...

Времена голода, холода и гоненій... и людского недовѣрія, и страха, и зависти...

Работали мы за десятерыхъ каждый, а ѣли... едва-ли вдвоемъ за одного.

Рвалась наша пряжа, какъ паутина на вѣтру, мы ее связывали вновь, спрашивая другъ друга: выйдетъ ли что-нибудь изъ этого? Терзала насъ общая тьма и интриги да измѣны... И вѣчное преслѣдованіе. Но не это было самое худшее: привыкли мы жить въ постоянной тревогѣ...

Удавалось какъ-то. А когда случалось, что настигала вѣрная и неизбѣжная гибель, тогда приходило чудо и выручало. Дивились мы, а ты повторялъ: не иначе,—Богъ за насъ.

Помнишь ли, какъ, убѣгая, вскочили мы въ лавчонку, въ Старомъ-Городѣ? Терять было нечего, да и надѣяться не на что—такъ только съ размаху, по инстинкту... Лавочница ничего, и мы ничего, — ни слова... некогда было... А черезъ мгновеніе полиція тутъ, по свѣжимъ слѣдамъ...

И вѣдь скажи: кто ей подсказалъ, кто научилъ ее? „Пробѣжало здѣсь двое, какъ будто на Бугай“... Выпустила насъ потомъ чернымъ ходомъ, черезъ ворота и тоже ни слова... Жива ли еще, избавительница наша?..

Или тотъ еврей въ воротахъ, помнишь?

„Не ходите, господа, наверхъ, въ квартирѣ полиція". Кто онъ былъ? Почему онъ зналъ насъ? Откуда взялся такой еврей?

Кое-какъ пережили безвременіе. А тамъ пошли къ намъ третій, десятый и сотый, и тысячный... Размножилось наше гнѣздо, а нынѣ уже и безъ насъ, пожалуй, обойдутся... Только почему не вмѣстѣ, не въ одинъ день съ тобою?..

И хоть бы минутка посвободнѣе...

Времени никогда не хватало,—день за днемъ, какъ на горячихъ угольяхъ... Вотъ и прошло столько лѣтъ!..

Просто не вѣрится. Сонъ, не сонъ?

Всегда вмѣстѣ, въ бѣдѣ и удачѣ.

Кто у тебя былъ на свѣтѣ, кромѣ меня? Скажи! И у меня вѣдь ты былъ одинъ.

И какъ это могло случиться: ни разу, ни единаго разу не разговорились мы съ тобой по душѣ,—не сумѣли...

Стыдно? Романтизмъ? Ни словечка потеплѣе за всю жизнь! За то какъ часто мы ссорились, грызлись изъ-за пустяковъ, какъ собаки. Людямъ приходилось мирить насъ... Меня-то съ тобой! Ты былъ лѣвѣе, я правѣе,—такъ ужъ пошло сначала, даже тогда, когда мы были только вдвоемъ... И все-таки—всюду мы были вмѣстѣ... стояли другъ за друга, какъ родные братья...

Глупое слово! Что, въ самомъ дѣлѣ, значитъ: братья?

Кто у тебя былъ больше на свѣтѣ? Скажи хоть теперь, не стыдись...

Что же ты никогда рта не раскрылъ? Развѣ ты не видѣлъ, что самъ я заговорить не сумѣю? Что-же ты ждалъ? А теперь, вотъ видишь, уже поздно!..

И попрощаться-то съ тобой я не могъ, какъ слѣдуетъ, чтобы хоть въ глаза-то взглянутъ еще разъ. Нельзя было—и вѣдь какъ много, послушай, намъ было нельзя сдѣлать въ нашей жизни! А ты вотъ, однако, позволилъ себѣ теперь..

Нельзя—служба!

Однако, послушай, увѣряю тебя: если-бы я въ этотъ часъ сталъ надъ тобой и взглянулъ бы...

Увѣряю тебя! Ты-бы всталъ! Ну, допустимъ, не всталъ бы. Потому что... съ какой-же стати, въ самомъ дѣлѣ... За то хоть разъ, наконецъ, встрѣтились бы глаза наши, и разъ, наконецъ, я бы тебѣ высказалъ все, все... безъ словъ,—словами я не сумѣлъ-бы...

Что дѣлать,—обошлось и безъ этого! Обходились мы безъ этого и безъ всего всю нашу жизнь...

Слушай, старина, скажи только одно: въ тотъ послѣдній

часъ, говорятъ, ты оглядывался по комнатѣ, смотрѣлъ по сторонамъ и на двери поглядывалъ поминутно... Въ тотъ послѣдній часъ...

Что же ты искалъ въ тотъ часъ? Кого ты ждалъ? Правду скажи, не увертывайся,—ты долженъ мнѣ признаться, долженъ:

Это я былъ тебѣ нуженъ? Да?

Умеръ ты на чужой кровати. Въ гробъ тебя уложили въ чужомъ сюртукѣ и въ чужихъ сапогахъ, пожертвованныхъ.

Ничего-то, слышь, не было у насъ собственнаго! Сколько лѣтъ не было у насъ угла? Не было своей, свободной минуты? Своего личнаго дѣла?!

Правда, не особенно мы и думали объ этихъ вещахъ, но все-таки потаскались мы съ тобой, порядочно потаскались..

Собачья жизнь...

Надо было тебѣ послушаться, надо было тебѣ уѣхать и хоть разъ въ жизни отдохнуть. Но ты не послушался...

Еще потянулъ бы годокъ, другой, еще бы увидѣлъ кое-что, дождался бы кой-чего, хоть бы зарю посвѣтлѣе! И тогда легче бы тебѣ было...

Твердили мы: отдохнемъ, когда насъ возьмутъ. Отлежимся на оба бока въ тюрьмѣ, въ ссылкѣ...

И бывали минуты, когда мы тосковали объ нихъ. Вырывались порой филистерскія словечки: хоть-бы чортъ ихъ принесъ, наконецъ поскорѣе...

А они, точно на зло, не приходили,—заупрямились.

И вотъ, безъ отдыха, загнанный, какъ послѣдняя кляча, ты палъ въ упряжкѣ...

Ну, отдохни, братъ, отдохни!..

А я вотъ хочу описать твои дѣянія. Словомъ живымъ могучимъ, чтобы помнили тебя люди долго, долго...

Славы громкой, славы великой хочу я для тебя, подпольный человѣче, человѣче безымянный...

Пусть разглашенное имя твое станетъ гордостью тысячей, пусть будетъ для нихъ живымъ знаменіемъ и надеждой, и ободреніемъ, и боевымъ кличемъ!

Пусть знаютъ!

Надо писать,—номеръ готовъ и ждетъ только тебя. Завтра станемъ печатать, а на всю эту ночь я стану у кассы и буду набирать сказаніе о твоихъ заслугахъ. Для тебя отвели одинъ только столбецъ: на немъ должны вмѣститься всѣ дѣянія твоей жизни и вся душа твоя. Тѣсно тебѣ будетъ въ траур-

ной рамкѣ, и коротка будетъ моя повѣсть,—за ночь справлюсь съ работой.

Ночь тиха и безопасна... Вотъ еще одну эту долгую ночь проведу я наединѣ съ тобой, мой отошедшій братъ... Стану складывать букву къ буквѣ и потомъ прочту по набору на выворотъ, слово за словомъ.

И—кто знаетъ?

Быть можетъ, изъ слезъ моихъ воспоминаній, изъ тяжкой печали моихъ мыслей...

Быть можетъ, изъ тишины этой ночи...

Кто знаетъ?..

Подымется, можетъ быть, и явится предо мной твоя тѣнь... придетъ изъ невѣдомаго міра,—встанетъ, тихая и грустная, и взглянетъ мнѣ въ глаза, и постоитъ мгновеніе, и скажетъ „прости“, и потомъ развѣется...

Надо начинать. Завтра станемъ печатать листъ за листомъ, и закипитъ работа въ нашей подземной мастерской. Задвигается станокъ тихо, исправно, — зашелеститъ бумага, и съ часу на часъ станетъ вырастать гора печатныхъ листовъ...

И пойдетъ твой номеръ въ свѣтъ обычными путями. Расхватаютъ его люди по всей польской землѣ изъ края въ край и уронятъ надъ тобой слезу, мужественную слезу, въ которой есть сила и клятва...

Пойдетъ твой номеръ въ свѣтъ широкій, станутъ его передавать одни другимъ все дальше, дальше, изъ рукъ въ руки, пока не дойдетъ измятый лоскутокъ къ людямъ новымъ, недоступнымъ. Понесутъ его судьба и случай, подхватитъ вѣтеръ, и на дорогѣ найдетъ его и подниметъ человѣкъ, еще намъ невѣдомый...

Изъ исторіи первыхъ лѣтъ университета св. Владиміра *).

8 ноября 1833 г. состоялся высочайшій указъ правительствующему сенату объ учрежденіи въ Кіевѣ университета. Въ то время попечителемъ округа былъ Егоръ Ѳедоровичъ фонъ-Брадке. Остзеецъ по происхожденію, фонъ-Брадке получилъ образованіе въ горномъ корпусѣ, курсъ котораго окончилъ 14 лѣтъ; затѣмъ одинъ годъ пробылъ въ школѣ колонновожатыхъ—на томъ его образованіе и закончилось; былъ въ военной службѣ, большею частью по военнымъ поселеніямъ, продѣлалъ польскую кампанію, по окончаніи которой вышелъ въ отставку съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; въ 1832 г., если вѣрить его словамъ, былъ, противъ его желанія, назначенъ попечителемъ вновь образованнаго кіевскаго учебнаго округа. Хотя первая мысль объ открытіи университета въ Кіевѣ принадлежала попечителю харьковскаго округа Филатьеву, тѣмъ не менѣе за фонъ-Брадке остается честь самаго ревностнаго проводника ея. Задача новаго университета ему представлялась такъ: «Учрежденіе высшаго учебнаго заведенія для западныхъ губерній, кромѣ общей всѣмъ подобнымъ заведеніямъ цѣли, должно имѣть цѣлью сближеніе жителей сихъ губерній къ русскимъ нравамъ и обычаямъ, уменьшеніе фанатизма въ отношеніи къ частному ихъ вѣроисповѣданію, содѣланіе имъ любезнымъ общаго отечества» **).

Въ значительной степени благодаря энергіи и настойчивости фонъ-Брадке, за неимѣніемъ казеннаго помѣщенія нанявшаго три частныхъ дома, 15 іюля 1834 г. состоялось торжественное открытіе университета. Въ своей рѣчи при открытіи университета фонъ-Брадке, обращаясь къ многочисленнымъ представителямъ мѣстнаго общества, говорилъ: «Въ сей торжественный день торжественно

*) Главный матеріалъ для настоящей статьи извлеченъ изъ архива М. Н. Просвѣщенія; всякій разъ, когда не указанъ въ примѣчаніи источникъ, цитата взята изъ дѣлъ архива.

**) Архивъ М. Н. Пр. Отношеніе фонъ-Брадке, отъ 16 сентября 1833 г.

обѣщаю, что ваши дѣти всегда найдутъ во мнѣ отца, но не слабаго, потворствующаго порывамъ страстей и дурнымъ наклонностямъ, а твердаго, постоянно заботящагося о направленіи ихъ къ нравственному совершенству» [1]).

По словамъ В. Шульгина (перваго періода, т. е. до «Кіевлянина»), фонъ-Брадке до конца былъ вѣренъ этому обѣту [2]). «Къ нему непосредственно обращались студенты, если чувствовали себя несправедливо наказанными и обиженными», — говоритъ другой исторіографъ кіевскаго университета, проф. Владимірскій-Будановъ [3]). И самъ фонъ-Брадке заявляетъ въ своей «Автобіографіи», что онъ всегда обращался со студентами, какъ отецъ и другъ» [4]).

Ближайшимъ помощникомъ фонъ-Брадке по отношенію къ студентамъ былъ инспекторъ Ѳедоръ Ивановичъ фонъ-Люце, тоже остзеецъ, изъ военныхъ; онъ былъ зять фонъ-Брадке. Хотя фонъ-Люце состоялъ инспекторомъ только первые три семестра, т. е. до 1836 г., тѣмъ не менѣе, память о немъ долго сохранялась между студентами кіевскаго университета [5]), благодаря его строгости. Въ первый годъ студентовъ было 62, въ 1835 г.—120, въ 1836—203 и въ 1837—263; изъ нихъ католиковъ, уніатовъ и армяно-католиковъ: 34, 69, 115 и 168. Соотвѣтственно увеличенію числа студентовъ возрасталъ и составъ инспекціи: съ 2 помощниковъ и 1 педеля при открытіи университета она въ 1837 г. достигла 5 помощниковъ [6]) и 6 педелей. Инспекція, между прочимъ, слѣдила, чтобы

студенты ходили къ обѣднѣ въ воскресные и праздничные дни;

безусловно повиновались властямъ, сохраняли обязанность чинопочитанія;

не заводили тайныхъ обществъ и сходбищъ;

чтобы живущіе не въ домахъ родителей не нанимали себѣ квартиръ въ подозрительныхъ домахъ;

даже своекоштные студенты могли отлучаться изъ своихъ квартиръ только до 10 ч. вечера;

---

[1]) В. Шульгинъ. Ист. ун. св. Владиміра, 57 стр.

[2]) Въ позднѣйшій періодъ тотъ же В. Шульгинъ обвиняетъ фонъ-Брадке, что онъ подпалъ подъ вліяніе „польской интриги" („Древняя и Новая Россія", 1879 г., № 5).

[3]) „Автобіографія", 280 стр.

[4]) Въ одной студенческой пѣснѣ того времени говорилось:

Гнѣвъ, богиня, воспой Ѳедора Люце Иванова сына.
Грозный, который . . . . . .
Многія души могучія славныхъ студентовъ низринулъ
Въ сумрачный карцеръ.

[5]) М. Владимірскій-Будановъ. Ист. унив. св. Владиміра, 160 стр.

[6]) Изъ числа помощниковъ, часто мѣнявшихся, дольше другихъ оставался Гудима, изъ отставныхъ поручиковъ; онъ отличался особенною исполнительностью и строгостью.

всякое отступленіе отъ предписанной формы одежды безусловно воспрещалось;

посѣщеніе лекцій было обязательно подъ страхомъ разныхъ наказаній. Впрочемъ, выговоры, аресты, карцеръ (на хлѣбъ и на воду) за все сыпались, какъ изъ рога изобилія; въ штрафныхъ журналахъ попадаются даже такія отмѣтки: «за неумѣнье надлежащимъ образомъ объясниться съ инспекторомъ — карцеръ на 1 сутки», или даже безъ объявленія причинъ—«карцеръ 1 сутки».

Власть инспекціи была настолько сильна, что студентъ не получалъ перевода, казеннаго содержанія или медали, хотя бы по успѣхамъ этого и заслуживалъ, если инспекторъ студентовъ давалъ неодобрительный отзывъ о его поведеніи.

Сначала все шло хорошо; по словамъ фонъ-Брадке, «хотя и не обходилось безъ юношескихъ увлеченій, но студенты держали себя нравственно» *), «въ политическомъ отношеніи все шло весьма хорошо», такъ что государь при посѣщеніи Кіева въ 1835 г. сказалъ фонъ-Брадке, что «всѣ опасенія относительно настроенія учащейся молодежи нынѣ устранены, и всѣ ея вредныя наклонности окончательны уничтожены». На это фонъ-Брадке отвѣтилъ: «Начало, по милости Божіей, оказалось благопріятнымъ». Но фонъ-Брадке смущалъ парижскій комитетъ, который «съ величайшею тревогою слѣдитъ за сближеніемъ молодежи съ правительствомъ... на что государь изволилъ мнѣ замѣтить... что я тревожу себя безполезными заботами» **).

Въ такомъ положеніи находились дѣла кіевскаго университета въ половинѣ 1837 г.

Дѣло о возмутительныхъ стихахъ, найденныхъ у студентовъ.

22 іюня 1837 г. мин. нар. просв. гр. Уваровъ получилъ отъ товарища шефа жандармовъ ст.-секретаря Александра Николаевича Мордвинова ***) слѣдующее *секретное* сообщеніе:

«Милостивый Государь Сергѣй Семеновичъ! По высочайшему повелѣнію имѣю честь препроводить при семъ къ вашему превосходительству выписку изъ полученнаго мною отъ находящагося въ Кіевѣ полковника корпуса жандармовъ Дохтурова письма и приложенные къ оному возмутительные стихи, найденные въ Кіевѣ, въ домѣ, занятомъ студентами тамошняго университета.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: по произведеніи надлежащаго изысканія, виновныхъ студентовъ посадить

*) „Авт.", 280 стр.

**) „Авт.", 285 стр.

***) Въ 1838 г. Мордвиновъ потерялъ свое мѣсто за разрѣшеніе къ напечатанію портрета А. Бестужева въ сборникѣ „Сто русскихъ литераторовъ".

въ домъ умалишенныхъ, а ежели есть и профессоры замѣшанные, то ихъ судить военнымъ судомъ.

Сообщая вашему превосходительству о сей Высочайшей волѣ, для зависящаго отъ васъ, м. г., къ исполненію по оной распоряженія, имѣю честь быть съ отличнымъ почтеніемъ и преданностью вашего превосходительства покорный слуга Александръ Мордвиновъ».

Въ вышеупомянутой выпискѣ изъ письма полковн. Дохтурова говорилось, что крѣпостной человѣкъ одного чиновника, жившаго на Печерскѣ, замѣтилъ во флигелѣ сосѣдственнаго дома засунутыя подъ бревномъ бумаги, представилъ ихъ своему господину, а тотъ полк. Дохтурову. Между бумагами оказались: маленькая книжка Księngi Narodu Polskiego i Pilgrzcymstwa Polskiego, двѣ тетради рукописныя съ выписками изъ революціонныхъ сочиненій, двѣ молитвы и Гимнъ мщенію. Чтобы узнать, кто живетъ въ означенномъ домѣ, полковн. Дохтуровъ посылалъ переодѣтымъ своего адъютанта шт.-капит. Петрова, который и развѣдалъ, что жильцами дома были студенты кіевскаго университета: Волянскій, Михайловскій, Богдановичъ и Хоминскій.

Нетрудно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело на Уварова сообщенное ему ст.-секр. Мордвиновымъ высочайшее повелѣніе. Дѣло еще осложнялось тѣмъ, что фонъ-Брадке не было въ Кіевѣ, — по болѣзни онъ находился въ отпуску въ Одессѣ. Уваровъ въ тотъ же день, препровождая кіевскому ген.-губернатору графу Александру Дмитріевичу Гурьеву выписку изъ письма полк. Дохтурова вмѣстѣ съ другими полученными матеріалами, писалъ ему: «Покорнѣйше прошу о зависящемъ отъ васъ, м. г., распоряженіи къ произведенію *надлежащаго изысканія*, сколь возможно, негласнымъ образомъ. Между тѣмъ, приказано отъ меня исправляющему должность попечителя кіевскаго учебн. окр. надв. совѣтн. фонъ-Люце *) явиться къ вашему сіятельству для полученія по сему предмету вашихъ показаній. О послѣдствіяхъ же изысканія, ваше сіятельство, не оставьте меня увѣдомить для доклада Его Императорскому Величеству». Въ соотвѣтствіи съ этимъ писалось фонъ-Люце: «Предлагаю вамъ явиться къ гр. Гурьеву для полученія отъ него наставленій». Кромѣ того, было еще заготовлено отъ Уварова письмо къ Гурьеву: «Въ дополненіе къ оффиціальному моему отъ 22 сего іюня отношенію, считаю долгомъ сообщить для собственнаго вашего, м. г., свѣдѣнія, что государь императоръ, повелѣвъ по случаю найденныхъ въ Кіевѣ въ домѣ, занятомъ студентами университета, возмутительныхъ стиховъ, произвести надлежащее изысканіе, изволилъ высочайше присовокупить: «виновныхъ студентовъ посадить въ домъ умали-

*) Въ это время фонъ-Люце былъ инспекторомъ округа; должности помощника попечителя тогда еще не существовало.

шенныхъ, а ежели есть и профессоры замѣшанные, то ихъ судить военнымъ судомъ».

На этомъ проектѣ имѣется надпись: «вмѣсто сего, г. Министръ изволилъ послать собственноручное письмо къ гр. Гурьеву».

Не успѣлъ еще Уваровъ получить изъ Кіева какія-нибудь разъясняющія свѣдѣнія, какъ 30 іюня ст. секр. Мордвиновъ препроводилъ ему отношеніе ген.-маіора Дребуша *), начальника 4 округа корпуса жандармовъ. Дребуша не было въ Кіевѣ, когда полк. Дохтуровъ сдѣлалъ свое интересное открытіе. Провѣряя его, Дребушъ пришелъ къ заключенію: «Навѣрное полагать можно, что все это произведеніе заграничное и здѣшнею молодежью только охотно переписанное». Кто списывалъ, установить еще не удалось; что касается до лицъ, указанныхъ полк. Дохтуровымъ, то по повѣркѣ Дребуша оказалось, что одинъ не студентъ, и всѣ они жили въ разныхъ домахъ, разъѣхались на вакаціи въ разныя губерніи, почерка польского нѣтъ, ибо прошенія объ увольненіи ихъ въ отпускъ писаны по-русски». «Гр. Гурьевъ,—добавляетъ Дребушъ,—предполагаетъ теперь это дѣло не дѣлать гласнымъ, тѣмъ болѣе, что слухъ уже разнесся по городу... надо дать время молвѣ пріутихнуть». Пока же Дребушъ «поручилъ опытному человѣку секретнымъ образомъ развѣдать о свойствахъ подозрѣваемыхъ молодыхъ людей и стараться, сколь возможно, достать польскій почеркъ ихъ руки».

Лишь 9 іюля Уваровъ получилъ донесеніе фонъ-Люце. Тотъ сообщалъ, что 8 іюня до него дошелъ слухъ, что въ концѣ мая жандармское вѣдомство нашло на дворѣ дома, гдѣ жили своекоштные студенты, какія-то запрещенныя бумаги; фонъ-Люце старался развѣдать объ этомъ обстоятельствѣ, но узналъ только, что стихи найдены не у студентовъ; а такъ какъ онъ не имѣлъ никакого повода кого-нибудь подозрѣвать, то и не рѣшился безпокоить министра «неосновательнымъ донесеніямъ». Жандармское вѣдомство стиховъ ему не показывало. Теперь, получивъ распоряженіе министра, фонъ-Люце явился къ гр. Гурьеву, который и передалъ ему тетрадь, писанную разными почерками—польская проза и стихи. Подъ однимъ стихотвореніемъ фонъ-Люце замѣтилъ подпись St... Str... (?) и заподозрилъ въ ней студента Станислава Стройновскаго. При сличеніи съ почеркомъ Стройновскаго оказалось сходство, въ чемъ съ фонъ-Люце согласились инспекторъ студентовъ и другія лица. О своей догадкѣ фонъ-Люце сообщилъ гр. Гурьеву, который и рѣшилъ немедленно арестовать Стройновскаго, находившагося въ кременецкомъ уѣздѣ у своего дяди помѣщика. Въ домѣ, гдѣ была найдена тетрадь, жили студенты Коньскій, Рутковскій, Зволинскій и Хелминскій; упоминаемыхъ

*) Его любопытныя записки о виленскомъ дѣлѣ пр. Мяновского и др. были напечатаны въ „Вѣст. Европы“ за 1880 г.

полк. Дохтуровымъ Волянскаго и Хоминскаго въ числѣ студентовъ университета не состоитъ; что же касается до студентовъ Михайловскаго и Богдановича, то они квартировали въ другомъ домѣ. Фонъ-Люце пояснялъ еще, что до сихъ поръ всѣ упомянутые студенты не навлекали на себя никакихъ подозрѣній и «въ образѣ ихъ мыслей ничего предосудительнаго замѣчено не было». Относительно же Станислава Стройновскаго фонъ-Люце нашелъ нужнымъ дать болѣе подробное «характеристическое свѣдѣніе». Вотъ оно: «18 лѣтъ, исповѣданія римско-католическаго, сынъ отставного поручика русской службы, недвижимаго имущества не имѣетъ. Поступилъ изъ клеванской гимназіи въ студенты университета по 1 от. философскаго факультета 30 іюля 1836 г. на казенный коштъ. Успѣхи въ наукахъ оказывалъ хорошіе, поведенія довольно хорошаго. Способностей отлично хорошихъ. Память имѣетъ превосходную, воображеніе почти поэтическое; умъ его имѣетъ преимущественно направленіе къ литературѣ и исторіи. Сердце благородное и доброе. Несмотря на лѣта, характеръ почти дѣтскій—со всѣми недостатками и со многими совершенствами. Свой собственный образъ мыслей только еще начинается въ немъ, и въ основаніи сего образа примѣтна привязанность къ католицизму даже до предразсудковъ».

По времени пришелъ отвѣтъ и отъ Гурьева (отъ 30 іюля): онъ сообщалъ Уварову, что «незадолго до полученія его «отзыва» отъ 22 іюня полк. Дохтуровъ представилъ ему «подлинные стихи и другія неблагонамѣренныя бумаги», найденныя въ квартирѣ студентовъ. Изъ этихъ словъ видно, что полк. Дохтуровъ свое открытіе нѣкоторое время держалъ въ секретѣ даже отъ высшей мѣстной власти, не только что отъ фонъ-Люце. Хоть фонъ-Брадке и говоритъ о Дохтуровѣ: «человѣкъ пьяный и глупый» *), несомнѣнно, однако, что Дохтуровъ зналъ, что дѣлалъ, и сознавалъ силу, стоящую за нимъ, когда игнорировалъ даже ген.-губернатора.

По распоряженію гр. Гурьева, Стройновскій былъ арестованъ и доставленъ въ Кіевъ со всѣми находившимися при немъ бумагами. Съ перваго же допроса Стройновскій далъ чистосердечное сознаніе, что «неблагонамѣренныя бумаги были получены имъ отъ студента Буяльскаго, который также передалъ ихъ студенту Ругковскому». «Такимъ образомъ,—писалъ гр. Гурьевъ,—открытіемъ лицъ, имѣвшихъ у себя непозволительнаго содержанія бумаги, я исполнилъ свой долгъ. Остается довершить открытіе настоящаго виновника, вѣроятно, не принадлежащаго къ университетскому вѣдомству, который неблагонамѣренностью своею старается развратить юношество». Но дальнѣйшую честь «ближайшаго изслѣдованія» гр. Гурьевъ предоставляетъ попечителю округа, «которому

*) „Авт.“, стр. 286.

коротко извѣстны: поведеніе, наклонности и соотношенія учениковъ между собою».

Этотъ оборотъ въ направленіи дѣла фонъ-Брадке приписываетъ своему возвращенію въ Кіевъ. Въ «Автобіографіи» онъ говоритъ: «Я засталъ его (т. е. Гурьева) въ величайшей тревогѣ, которую я успокоилъ, заявивъ, что мнѣ, какъ попечителю, принадлежитъ право вести это слѣдствіе, что я, въ качествѣ начальника университета, принимаю на себя отвѣтственность, и что онъ совершенно напрасно навлекъ на себя эту заботу» *). Но мы уже знаемъ, что гр. Гурьевъ приступилъ къ разслѣдованію дѣла по приглашенію Уварова; послѣдній, даже получивъ вышеприведенный отвѣтъ гр. Гурьева, тѣмъ не менѣе, 10 августа просилъ его «употребить всевозможныя мѣры къ открытію главныхъ виновниковъ, дабы строгимъ взысканіемъ оградить на будущее время только что возникшій университетъ отъ зловредныхъ вліяній, имѣющихъ цѣлью разрушить его благосостояніе». На это гр. Гурьевъ отвѣтилъ 23 августа, что «при первомъ извѣстіи о неприличныхъ занятіяхъ нѣкоторыхъ студентовъ кіевскаго университета тотчасъ были разысканы и открыты тѣ изъ нихъ, коимъ принадлежали находившіеся у нихъ возмутительные стихи», что все дѣло передано имъ въ руки попечителя, который «найдетъ легчайшія средства къ изслѣдованію и совершенному обнаруженію происшедшаго между ними (т. е. студентами) безпорядка». «Посему,—заканчивалъ гр. Гурьевъ,—доколѣ дѣло сіе не вышло изъ круга университетскихъ розысковъ, не угодно ли будетъ Вамъ обязать г. попечителя фонъ-Брадке доставлять прямо отъ себя требуемыя Вами свѣдѣнія». Хотя фонъ-Брадке и говоритъ о графѣ Гурьевѣ: «онъ ненавидѣлъ всѣ университеты» **), это, однако, совсѣмъ не подтверждается перепиской гр. Гурьева съ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ томъ же отношеніи къ министру народнаго просвѣщенія отъ 23 августа гр. Гурьевъ писалъ: «Когда учебное вѣдомство доставитъ ко мнѣ свѣдѣнія, кто снабжалъ студентовъ непозволительными сочиненіями, то въ отношеніи таковыхъ лицъ мѣстное начальство приметъ свои мѣры, но до того всѣ усилія его не могутъ имѣть никакого успѣха». Другими словами, даже розыскъ стороннихъ лицъ онъ ставилъ въ зависимость отъ разслѣдованія, производимаго представителями министерства народнаго просвѣщенія ***).

---

*) Стр. 286.

**) „Авт.", 282 стр.

***) Быть можетъ, на нѣсколько уклончивое отношеніе гр. Гурьева къ настоящемъ дѣлѣ имѣли вліяніе слова государя, когда онъ отпускалъ его на генералъ-губернаторство въ Кіевъ. Николай сказалъ ему: „Ты знаешь, что я послѣ польскаго возмущенія до поляковъ небольшой охотникъ; но если, по предубѣжденіямъ и по страсти, я увлеченъ буду на принятіе какихъ-нибудь мѣръ несправедливыхъ противъ нихъ, то

Въ довершеніе запуганности всѣхъ властей 14 августа прибылъ въ Кіевъ государь. Еще 10 августа ф.-Брадке получилъ отъ тов. министра гр. Протасова, за отъѣздомъ Уварова, управлявшаго министерствомъ, сообщеніе о грозномъ высочайшемъ повелѣніи, которое было передано Уварову ст.-секр. Мордвиновымъ. Ф.-Брадке черезъ гр. Гурьева представилъ государю записку по дѣлу студентовъ. 15 числа онъ удостоился приглашенія къ обѣденному столу, послѣ котораго былъ позванъ въ кабинетъ государя. «Здѣсь его величество изволилъ начать разспросами о найденныхъ у студентовъ возмутительныхъ стихахъ, о которыхъ государю было не совсѣмъ правильно доложено, а потому я доложилъ его величеству подробности дѣла... послѣ того государь изволилъ сказать, что его величество полагаетъ, что домовые отпуски студентовъ и учениковъ кіевскаго округа, подвергая ихъ часто дурному вліянію родителей и родственниковъ, вредятъ успѣхамъ ихъ нравственнаго воспитанія, а потому изволилъ мнѣ приказать доложить его величеству мое мнѣніе о способахъ прекращенія сего зла... Наконецъ, его величество изволилъ спросить мое мнѣніе о находящихся при университетѣ профессорахъ римско-католическаго вѣроисповѣданія *), на что я имѣлъ счастье доложить, что, не ручаясь за ихъ сокровенныя чувствованія, я, однако же, смѣю увѣрить, что понынѣ въ поступкахъ ихъ не видно ничего такого, что могло бы подать поводъ къ малѣйшему на нихъ подозрѣнію, и что я, слѣдя внимательно за всѣми ихъ дѣйствіями, не открылъ даже намека, по которому бы я могъ счесть ихъ дѣйствующими по какому-либо превратному направленію». Такъ доносилъ ф.-Брадке о своей первой аудіенціи у государя; въ «Автобіографіи» же говоритъ, что при общемъ пріемѣ государь не удостоилъ его ни однимъ словомъ, а на аудіенціи «первоначальный пріемъ его не былъ милостивъ, и его величество отнесся къ этому дѣлу съ самой худшей стороны; полчаса разъяснялъ я ему всѣ обстоятельства. Государь меня обнялъ, упрекалъ, что я слишкомъ огорченъ этимъ дѣломъ, и возвратилъ мнѣ свое милостивое расположеніе **).

На другой день ф.-Брадке опять былъ принятъ государемъ; на этотъ разъ онъ доложилъ свои «предположенія прекратить дурное вліяніе родителей на ихъ дѣтей (объ этомъ будетъ говорено ниже), а равно и объ усиленіи надзора за своекоштными студентами». Интересно, что ф.-Брадке въ этомъ донесеніи (отъ 20 августа) почему-то умолчалъ, что, при докладѣ о виновныхъ студентахъ, государь, «жалѣя о ихъ неопытной юности и изъявляя свое него-

---

обязанность твоя немедленно предупредить меня" („Рус. Архивъ", 1875 г., 474 стр.).

*) Большая часть первоначальнаго состава профессоровъ была польскаго происхожденія, переведенные преподаватели изъ закрытаго кременецкаго лицея.

**) Стр. 286.

дованіе къ тѣмъ лицамъ, кои имъ таковыя сочиненія сообщили, изволилъ сказать:—Хочешь, я ихъ всѣхъ прощу?» На это ф.-Брадке отвѣтилъ: «Я подобной милости принять считаю себя не въ правѣ, а полагаю по изслѣдованіи мѣры вины сихъ студентовъ опредѣлить окончательное ихъ наказаніе, какъ для того, чтобы не дать потачки виновнымъ, такъ и для того, чтобъ подозрѣніе не могло оставаться на невинныхъ». Объ этомъ разговорѣ ф.-Брадке вспомнилъ лишь мѣсяцъ спустя въ оффиціальномъ письмѣ къ гр. Протасову отъ 18 сентября.

16 августа государь посѣтилъ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ, гдѣ было собрано все сословіе университета и всѣ студенты. «Государь,—доносилъ ф.-Брадке,—обошелъ всѣ комнаты института, устройствомъ онаго былъ доволенъ, а, возвратясь въ залу, гдѣ находились чиновники и студенты, изволилъ спросить меня: «Хорошо ли студенты ведутъ себя?» а когда я доложилъ, что большею частью хорошо, вновь изволилъ спросить меня:—«Но не всѣ?» на что я доложилъ:—не всѣ, Государь. Послѣ чего его величество, обратившись къ студентамъ, изволилъ говорить имъ о томъ, что они должны умѣть цѣнить то, что правительство для нихъ дѣлаетъ, а потому буде кто изъ нихъ дурно ведетъ себя, то приказалъ мнѣ таковыхъ, какъ недостойныхъ пользоваться милостями, исключать изъ университета и вообще принимать въ университетъ не иначе, какъ по строгомъ испытаніи. Затѣмъ, обращаясь къ профессорамъ, изволилъ и имъ подтвердить то же самое и присовокупилъ, что тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ усердно служить и направлять юношество сообразно его указаніямъ, никогда не оставитъ, и, напротивъ, при малѣйшемъ уклоненіи отъ своего долга, не пощадитъ. И потомъ, уходя, сказалъ студентамъ: «Я вами теперь недоволенъ, но надѣюсь, что при слѣдующемъ моемъ посѣщеніи буду доволенъ, а теперь на васъ смотрю совсѣмъ не такъ, какъ бы хотѣлъ смотрѣть». Въ сіе время его величество замѣтилъ, что одинъ изъ студентовъ, Хоньскій, не смотритъ въ глаза, изволилъ спросить его, почему онъ не смотритъ въ глаза и какой онъ губерніи и услышавъ, что волынской, изволилъ отойти, сказавъ: «Видно, что не русскій».

Переходимъ къ сущности дѣла, какъ оно оказывается по разслѣдованію ф.-Брадке. 31 мая полк. Дохтурову были представлены найденные возлѣ дома Киріенки, гдѣ квартировали студенты, возмутительнаго содержанія разныя бумаги на польскомъ языкѣ *).

---

*) Въ «Автобіографіи» ф.-Брадке разсказываетъ, что эти возмутительныя прокламаціи «разбросалъ агентъ парижскаго комитета, успѣвшій ускользнуть за-границу, въ виду молодыхъ людей... послѣдніе не воздержались отъ искушенія поднять ихъ; но по прочтеніи проникнись такимъ опасеніемъ, что скрыли ихъ подъ подоконниками. Когда впослѣдствіи между студентами распространилась молва о готовящемся домовомъ обыскѣ, то они вынули ночью эти рукописи и бросили ихъ въ навозную кучу». Стр. 286.

То были:

1) «Перелетныя птицы»; 2) «Молитва къ Богу».

«Сіи стихотворенія, вѣроятно, сочиненія Мицкевича, написаны въ духѣ недоброжелательства къ Россіи и особенно для возбужденія народовъ къ отысканію свободы; рѣзкихъ выходокъ противъ русскаго правительства въ нихъ не заключается».

3) «Пиръ мщенія»—стихотвореніе Северина Гощинскаго—«выражаетъ самую неистовую злобу и звѣрскую жажду мщенія противъ царей, но въ этомъ сочиненіи вовсе не говорится о Россіи и Польшѣ».

4) «Біографія Ходьзки»—писателя польскаго, распространявшаго возмутительныя идеи—не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго».

5) «О товариществѣ взаимнаго вспомоществованія» Еловицкаго (бывш. деп. сейма). «Оно заключаетъ въ себѣ нелѣпыя, но довольно краснорѣчиво и систематически изложенныя предположенія о возстаніи народовъ противъ царей и объ учрежденіи для сего особыхъ товариществъ. Въ немъ есть нѣкоторое приноровленіе къ Россіи и Польшѣ».

6) «Взглядъ на союзы и общества Польши, имѣющіе цѣлью воскрешеніе независимости и національности польской», извлеченіе изъ разныхъ сочиненій. «Здѣсь заключается изложеніе тайныхъ мѣръ и предпріятій поляковъ къ возстановленію своей независимости съ окончанія наполеоновскихъ войнъ до 1833 г. Написано въ духѣ ненависти къ Россіи и властямъ русскимъ, препятствовавшимъ успѣхамъ сихъ тайныхъ обществъ».

«Изъ сихъ шести бумагъ первыя четыре суть произведенія времени бывшаго польскаго мятежа... послѣднія же два сочиненія составлены уже по окончаніи мятежа въ Парижѣ, и нахожденіе ихъ въ Россіи показываетъ, что дѣйствія живущихъ во Франціи поляковъ къ распространенію подобнаго рода сочиненій не совсѣмъ безуспѣшны».

Какъ мы уже знаемъ, арестованный Стройновскій показалъ, что получилъ стихи отъ ст. Буяльскаго, списалъ «Пиръ мщенія» и передалъ для прочтенія ст. Рутковскому, который назадъ ихъ ему не возвратилъ. Буяльскій по окончаніи вакацій былъ арестованъ при въѣздѣ въ Кіевъ, а затѣмъ, по подозрѣнію, арестованы Рутковскій, Богдановичъ, Станиславскій и Кунашевскій. Буяльскій показалъ, что лѣтомъ 1836 года, проѣзжая черезъ деревню Шацкое (волынской губ., владимірскаго уѣзда) получилъ отъ эконома гр. Браницкаго, Маковскаго, два стихотворенія Гощинскаго: «Пиръ мщенія» и «Минута мщенія»; первое онъ далъ Стройновскому для прочтенія; получивъ обратно—сжегъ, второе—у него пропало. Но Маковскій умеръ; однако, ссылка на него «хотя заключаетъ въ себѣ много сомнительнаго, но пріобрѣтаетъ бо́льшее вѣроятіе отъ другихъ его (Буяльскаго) показаній, которыя содѣйствовали къ от-

крытію нѣкоторыхъ виновныхъ», напримѣръ, благодаря Буяльскому открылось, что студентъ Станиславскій и Кунашевскій имѣли запрещенный 3-й т. Dziadow Мицкевича.

Рутковскій призналъ фактъ полученія стиховъ отъ Стройновновскаго, при чемъ объяснилъ слѣдующее: въ маѣ инспекторъ студентовъ приступилъ къ «осмотру» вещей у студентовъ. Богдановичъ предложилъ Рутковскому спрятать стихи, полученные отъ Стройновскаго, вмѣстѣ съ другими запрещенными сочиненіями; мало того, въ отсутствіе Рутковскаго взялъ у него изъ ящика стихотвореніе и спряталъ за домомъ Киріенки.

Однако, ст. Богдановичъ ни въ чемъ не сознался. Въ такомъ положеніи находилось дѣло къ 15 августа, когда ф.-Брадке представилъ свою записку государю. Эту записку ф.-Брадке препроводилъ въ министерство лишь 11 сентября, при чемъ писалъ, что «хотя дѣло по неопредѣленности показаній Богдановича еще не приведено къ совершенному окончанію», тѣмъ не менѣе, «вина прочихъ причастныхъ къ сему дѣлу студентовъ вполнѣ обнаружена и съ точностью опредѣлена», потому ф.-Брадке и представлялъ на усмотрѣніе министра свое мнѣніе о тѣхъ наказаніяхъ, которымъ ихъ слѣдовало бы подвергнуть. Одновременно ф.-Брадке доносилъ министру, что онъ свое мнѣніе о мѣрѣ виновности студентовъ и взысканіяхъ съ нихъ препровождалъ на заключеніе гр. Гурьева. Послѣдній и на этотъ разъ отстранился, давъ такой отвѣтъ: «Мѣра наказанія... должна сообразоваться съ степенью прежде замѣченной въ нихъ благонадежности и направленія ихъ ума и наклонностей, равно и со степенью открытой въ каждомъ изъ нихъ вины, а какъ то и другое чуждо его личному свѣдѣнію, то онъ и находится въ невозможности изложить свое основательное мнѣніе».

18 сентября ф.-Брадке писалъ гр. Протасову: «Окончаніе сего дѣла зависитъ единственно отъ студ. Богдановича, который понынѣ упрямится и, какъ видно, ужасаясь обвиненія многихъ лицъ, всѣми сдѣланными уговорами не приводится къ сознанію; онъ содержится въ крѣпости подъ строгимъ арестомъ, и, можетъ быть, время переломитъ его упрямство». Ожиданіе ф.-Брадке, что время переломитъ упрямство Богдановича, какъ будто, стало оправдываться. При новомъ допросѣ онъ показалъ: «Въ маѣ сего года, проходя мимо корпуса присутственныхъ мѣстъ, онъ увидѣлъ на улицѣ свертокъ бумагъ, который ему показался брошеннымъ шедшимъ передъ нимъ человѣкомъ, сколько онъ помнитъ, средняго роста, въ черномъ пальто». Богдановичъ поднялъ бумаги и принесъ домой,—эти бумаги и оказались фигурирующими въ дѣлѣ; въ числѣ ихъ была еще рукопись, тоже на польскомъ языкѣ: «Охота», съ подписью «Вроблевскій»; ее, какъ не предосудительнаго содержанія, онъ не особенно берегъ, и она затерялась. Но самое главное: при этихъ бумагахъ было письмо на польскомъ языкѣ, которое онъ тоже спряталъ подъ окномъ дома Киріенки, внизу за досками.

Сейчасъ же была произведена повѣрка послѣдняго показанія Богдановича, и ф.-Люце отыскалъ письмо въ указанномъ мѣстѣ. Оно было слѣдующаго содержанія (въ оффиціальномъ переводѣ):

«М. Г. Вы, можетъ быть, удивитесь, что лицо, почти совершенно вамъ незнакомое, питаетъ къ вамъ такое довѣріе, но вы за то не будете сердиться,—я въ томъ увѣренъ, зная вашъ благородный характеръ. Дѣло состоитъ въ томъ: я имѣю у себя нѣсколько бумагъ немного небезпечныхъ, которыя, кажется, принадлежатъ къ числу запрещенныхъ, не знаю, впрочемъ, за что. Жаль мнѣ эти бумаги сжечь, держать же ихъ у себя я опасаюсь: потому-то мнѣ пришло на мысль отдать ихъ вамъ для временнаго сохраненія, какъ человѣку, никѣмъ не подозрѣваемому. Когда я сколько-нибудь сдѣлаюсь покойнѣе, то я попрошу васъ прислать мнѣ эти бумаги обратно и для доказательства, что онѣ принадлежатъ мнѣ, приложу копію съ этого письма. Я увѣренъ, что такое нахальство мое будетъ оправдано вашимъ добрымъ сердцемъ, и, что я въ увѣренности моей не ошибаюсь, въ томъ ручается вашъ благородный характеръ и отчасти даже вашъ собственный интересъ; ибо, если бы на случай объ этихъ бумагахъ, чего я не надѣюсь, узнали посредствомъ васъ, то и вы сами подверглись бы ненужнымъ хлопотамъ, отъ которыхъ въ теперешнее время и самымъ благонамѣреннымъ лицамъ въ такомъ разѣ не легко избавиться... Впрочемъ, не распространяюсь объ этомъ болѣе,—прощайте, остаюсь навсегда съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ».

Подписи и числа нѣтъ.

Опять произведенъ допросъ Богдановичу, но онъ показалъ, что не знаетъ, кѣмъ написано письмо. Такъ какъ отъ него ничего болѣе не удалось узнать, то ф.-Брадке, препровождая министру копію съ письма, писалъ, что считаетъ «изслѣдованіе» о нахожденіи бумагъ у студентовъ университета законченнымъ и въ свое время войдетъ съ представленіемъ о мѣрѣ наказанія Богдановича. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ выполнить послѣднее, въ концѣ сентября въ Кіевъ пріѣхалъ самъ Уваровъ и все дальнѣйшее направленіе дѣла взялъ въ свои руки. Такъ какъ, и по мнѣнію Уварова, дѣло тормазилось «упорствомъ Богдановича, что онъ болѣе ничего не знаетъ», то Уваровъ обратился къ гр. Гурьеву и просилъ его учинить новый допросъ Богдановичу. 29 сентября Богдановичъ былъ доставленъ изъ крѣпости въ домъ военнаго губернатора, гдѣ, какъ докладывалъ потомъ министръ государю, «мы совокупно съ графомъ (Гурьевымъ) и въ присутствіи попечителя употребили всѣ средства убѣжденія и угрозы къ побужденію Богдановича къ полнѣйшему объясненію, но онъ остался при своемъ показаніи, утверждая, что, кромѣ представленныхъ имъ объясненій, онъ ничего не знаетъ и ни имени неизвѣстнаго, будто бы, человѣка, ни другихъ какихъ-либо показаній о немъ присовокупить не можетъ». Послѣ

этого допроса Уварову пришлось убѣдиться въ «безполезности дальнѣйшей проволочки дѣла».

Главный выводъ, къ которому пришелъ Уваровъ, формулированъ имъ такъ: «Преступное покушеніе забросить въ университетъ св. Владиміра первый зародышъ возмутительныхъ понятій принадлежитъ къ дѣйствіямъ той шайки, которая изъ прочихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ государствъ Европы неослабно ищетъ пути, чтобъ проникнуть въ западные предѣлы имперіи. Цѣль этой *пропаганды* можетъ быть двоякая: или приспособить къ своимъ видамъ неопытный духъ здѣшняго юношества, собраннаго въ наши учебныя заведенія, или помрачить въ глазахъ правительства духъ этого юношества и, лишивъ здѣшнія учебныя заведенія довѣрія и съ нимъ покровительства вашего величества, мало по-малу приуготовить ихъ упадокъ и тѣмъ уже получить опять подъ свое непосредственное вліяніе юношество, которое мятежники, безъ сомнѣнія, считаютъ будущимъ орудіемъ правительства къ искорененію мнимой ихъ національности. Не говорю уже о томъ, сколь жадно *пропаганда* искала бы случая возбудить отъ одного конца Европы до другого новые вопли и неистовыя обвиненія касательно угнетенія этого края и разогрѣть, буде можно, искру раздоровъ, дремлющую и охлажденную, если нельзя считать вовсе потушенную въ легкомысленныхъ умахъ здѣшнихъ жителей».

Въ заключеніе своего представленія, отправленнаго изъ Кіева (4 октября 1837 г.), Уваровъ говоритъ: «Принимая во уваженіе, что, чѣмъ незначительнѣе былъ этотъ первый опытъ, тѣмъ бдительнѣе надо предупредить всякій доступъ вредныхъ началъ къ университету, я считаю со своей стороны необходимымъ постановить на сей разъ примѣръ, могущій служить урокомъ для родителей еще болѣе, нежели для сыновей, и этимъ обезпечить благоустройство университета». Но, «желая согласовать требованія необходимой, по моему зрѣлому убѣжденію, строгости съ видами неисчерпаемаго милосердія вашего императорскаго величества», Уваровъ полагалъ:

1) Студ. *Павла Богдановича* за упорство въ сознаніяхъ, вынужденныхъ только долгимъ содержаніемъ въ крѣпости, за непреклонное отрицаніе дальнѣйшихъ, повидимому, ему нѣсколько извѣстныхъ обстоятельствъ,—наконецъ, въ уваженіе того, что изъ среды всѣхъ онъ былъ избранъ для храненія тайныхъ на духъ университета покушеній—написать въ рядовые *), съ отправленіемъ на оренбургскую линію.

2) Равномѣрно написать въ рядовые съ одинаковымъ назначеніемъ ст. *Юліана Буяльскаго,* который, какъ кажется, дѣйствуя осторожнѣе Богдановича, могъ частію знать о подробностяхъ подброшенныхъ сему послѣднему стиховъ. О Буяльскомъ попечитель

*) Это значитъ: безъ лишенія права выслуги.

Кіевскаго округа отзывается, сверхъ сего, какъ о студентѣ поведенія и прежде не совсѣмъ благонадежнаго и неоднократно подвергавшагося взысканіямъ, присовокупляя, что «въ нравѣ Буяльскаго вообще выражается упрямство» *).

3) Студ. *Станислава Рутковскаго*, коего вина состоитъ въ прочтеніи стиховъ запрещенныхъ и въ продолжительномъ несознаніи, опредѣлить учителемъ уѣзднаго училища въ одной изъ отдаленныхъ губерній Казанскаго учебнаго округа, подъ надзоромъ тамошняго начальства.

4) Студ. *Станислава Стройновскаго*, который въ весьма молодыхъ лѣтахъ и при дѣтскомъ направленіи ума, немедленно и съ полной откровенностью учинилъ сознаніе въ винѣ и указалъ на соучастниковъ, принимая во вниманіе прежнее его совершенно хорошее поведеніе, простить, съ оставленіемъ въ университетѣ, подъ особымъ надзоромъ попечителя. Въ пользу Стройновскаго свидѣтельствуетъ также съ своей стороны графъ Гурьевъ, коему онъ открылся со слезами и видимымъ раскаяніемъ.

Затѣмъ двухъ студентовъ: *Станиславскаго* **) и *Кунашевскаго* (сей послѣдній грекороссійскаго исповѣданія), виновныхъ въ прочтеніи и перепискѣ незначительныхъ стиховъ Мицкевича, освободить равномѣрно отъ дальнѣйшаго взысканія, вмѣнивъ имъ такое содержаніе ихъ подъ арестомъ съ 7 и 10 августа по 1 сентября.

«Такое мое заключеніе, съ коимъ соглашается и графъ Гурьевъ, имѣю счастіе всеподданнѣйше представить на благоуваженіе Вашего Императорскаго Величества».

Это «заключеніе» Уварова получило 21 октября высочайшее утвержденіе, и 29 октября было сообщено Гурьеву и ф.-Брадке для приведенія въ исполненіе.

Надо думать, что окончательный исходъ дѣла былъ не особенно пріятенъ ф.-Брадке. Какъ мы уже знаемъ, онъ не имѣлъ возможности высказаться относительно мѣры наказанія Богдановича; что касается до другихъ замѣшанныхъ въ дѣлѣ, то лишь по отношенію къ Станиславскому и Кунашевскому его соображенія были вполнѣ приняты Уваровымъ, а далѣе — нѣтъ. Ф.-Брадке предлагалъ: Рутковскаго на два года назначить учителемъ уѣзднаго училища въ Черниговской губ., а затѣмъ дозволить ему вернуться въ университетъ, Буяльскаго на 6 лѣтъ учителемъ приходского училища въ казанскій округъ; первый попалъ въ казанскій округъ безъ права возврата въ университетъ, а второй угодилъ въ солдаты. За то Стройновскій оказался много счастливѣе; ф.-Брадке тоже предлагалъ оставить его въ университетѣ, но «съ тѣмъ, однако жъ, что предварительно выпуска изъ крѣпости, истребовавъ отца, предоставить ему подвергнуть своего сына

*) Донесеніе ф.-Брадке отъ 11 сент. 1837 г.

**) Впослѣдствіи извѣстный профессоръ, — сначала казанскаго, а затѣмъ харьковскаго университетовъ.

отцовскому домашнему наказанію въ присутствіи училищнаго чиновника».

Въ своей «Автобіографіи» (мы вездѣ ее цитировали по русскому изданію въ «Рус. Архивѣ» за 1875 г.), писанной двадцать лѣтъ спустя, ф.-Брадке не особенно точенъ въ разсказѣ о дѣлѣ 1837 г.; такъ, относительнои схода дѣла онъ говоритъ: «Виновные (четверо) были приговорены военнымъ судомъ къ разжалованію въ солдаты безъ лишенія правъ дворянства; одинъ изъ нихъ умеръ въ Оренбургѣ, а три остальные дослужились скоро до офицерскихъ чиновъ и имѣли хорошія мѣста по службѣ». Никакого военнаго суда не было, а, какъ читателю уже извѣстно, все дѣло закончилось по всеподданнѣйшему докладу Уварова, при чемъ въ солдаты попали лишь двое.

Мы имѣемъ возможность прослѣдить дальнѣйшую судьбу только одного Рутковскаго. Освобожденный изъ крѣпости 15 ноября, онъ получилъ на сборы въ дальнюю дорогу всего лишь одни сутки, при чемъ его всюду сопровождалъ помощникъ инспектора, включительно до выѣзда за заставу. По прибытіи въ Казань, онъ былъ назначенъ къ исправленію обязанностей учителя исторіи и географіи оренбургскаго уѣзднаго училища; 1 апрѣля 1839 г. былъ утвержденъ въ этой должности; 10 октября 1842 перемѣщенъ въ бугурусланское уѣздное училище. 3 февраля 1844 г. высочайше разрѣшено ему поступить на службу въ штатъ канцеляріи командующаго башкирскимъ и мещерянскимъ войскомъ, но съ воспрещеніемъ служить въ обѣихъ столицахъ и западныхъ губерніяхъ; въ 1848 г., по болѣзни, вышелъ въ отставку. Въ 1857 г. (повидимому, проживалъ въ Москвѣ), чувствуя себя опять здоровымъ, Рутковскій вошелъ съ прошеніемъ на имя государя о зачисленіи на службу безъ ограниченія мѣстности.

Дѣло изъ коммиссіи прошеній поступило къ М. Н. Пр. Норову; тотъ запрашиваетъ Закревскаго, который отвѣтилъ, что Рутковскій поведенія и образа жизни хорошаго; наконецъ, 11 іюня 1858 г., уже при министрѣ Е. Б. Ковалевскомъ, Рутковскому высочайше разрѣшено продолжать службу безъ ограниченія мѣстности.

Итакъ, прочтеніе стихотворенія Гощинскаго «Пиръ Мщенія» обошлось Рутковскому въ 21 годъ: сначала высылки, а потомъ разныхъ ограниченій въ правахъ.

Выше было говорено, что государь приказалъ Брадке представить предположенія о «прекращеніи вреднаго вліянія родителей на ихъ дѣтей». Докладъ ф.-Брадке по сему предмету былъ утвержденъ государемъ 16 августа; въ силу его: «1) студентовъ университета Св. Владиміра и учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній Кіевскаго учебнаго округа, неблагонадежнаго поведенія и сомнительнаго образа мыслей, въ домовые отпуски отнюдь не увольнять. 2) Рав-

носильно не увольнять въ домовые отпуски студентовъ и учениковъ, коихъ родители и родственники по приходящимъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ неблагонадежнаго образа мыслей, или которые получаютъ дома явно вредное направленіе».

Сообщая по округу высочайшее повелѣніе, ф.-Брадке отъ себя предписывалъ:

1) Имѣть неослабное наблюденіе за студентами и учениками и, узнавъ о тѣхъ, которые или сомнительнымъ поведеніемъ, или выраженіемъ ложнаго образа мыслей обращаютъ на своихъ родителей подозрѣніе неправильнаго ихъ домашняго образованія — собирать изъ-подъ руки свѣдѣнія о таковыхъ родителяхъ и родственникахъ, не входя въ какія-либо оффиціальныя сношенія и держа сіе предписаніе въ совершенной тайнѣ. 2) Штатнымъ смотрителямъ дворянскихъ училищъ предписать усилить надзоръ за ввѣренными имъ учениками и доносить директорамъ неукоснительно о тѣхъ, которые окажутся или неблагонадежнаго поведенія, или навлекаютъ на себя подозрѣніе въ сомнительномъ образѣ мыслей. Собраніе же свѣдѣній на вышеизложенныхъ основаніяхъ о ихъ родителяхъ предоставляется единственно директорамъ, а штатные смотрители, получая отъ директоровъ предписанія о неотпускѣ тѣхъ, коихъ сіи послѣдніе сочтутъ неблагонадежными, должны считать сіе мѣрою, единственно отъ училищнаго начальства происходящею. 3) Единожды въ годъ, къ 1 мая, инспекторъ студентовъ и директоръ обязаны представлять мнѣ списокъ студентовъ и учениковъ, коихъ родители или родственники признаются ими неблагонадежнаго образа мыслей и ожидать дальнѣйшаго моего распоряженія. Тѣхъ же изъ нихъ, которые окажутся не отпущены директорами въ отпускъ на основаніи 1 п. упомянутаго Высочайшаго повелѣнія, по собственной ихъ неблагодежности, директоры обязаны представлять для свѣдѣнія моего списокъ къ 1-му іюля. 4) Полученное по предыдущему 3 пункту разрѣшеніе мое инспекторъ студентовъ и директоры принимаютъ къ руководству при отпускѣ студентовъ и учениковъ на весь годъ; буде же они признаютъ нужнымъ сдѣлать въ немъ какое-либо измѣненіе или дополненіе, то обязаны входить съ особымъ ко мнѣ представленіемъ».

Насколько эти мѣропріятія могли способствовать «къ содѣянію любезнымъ общаго отечества», читатель самъ можетъ судить.

Дѣло о студентѣ Гордонѣ.

Въ тѣснѣйшей связи съ исходомъ дѣла о «возмутительныхъ стихахъ» находится дѣло о студентѣ Гордонѣ.

«15 ноября 1837 г. помощникъ инспектора студентовъ Гудима, находясь по даннымъ ему порученіямъ въ кіевопечерской цитадели, замѣтилъ, что посланный съ бѣльемъ къ бывшимъ студентамъ Буяльскому и Богдановичу гардеробщикъ казеннокошныхъ студентовъ, отставной унтеръ-офицеръ Запаловъ, имѣетъ тамъ какія то подозрительныя сношенія, и, слѣдя за его поступками, получилъ также сильное подозрѣніе противъ студента Гордона, что онъ есть участникъ сихъ тайныхъ сношеній». Попечитель ф.-Брадке приказалъ немедленно арестовать какъ гардеробщика, такъ и Гордона. Запаловъ сознался, что дѣйствительно принялъ отъ Гордона пакетъ съ деньгами для личнаго врученія Буяльскому; но, не найдя возможности получить къ нему доступъ, передалъ деньги сторожу, состоявшему при арестантахъ. Деньги были завернуты въ бумагу и заложены въ двухъ чистыхъ носовыхъ платкахъ. Сейчасъ же инспекторъ студентовъ, полковникъ Гинглинъ, отправился въ цитадель и тамъ подвергъ допросу Буяльскаго и Богдановича; тотъ и другой сознались въ полученіи денегъ; по ихъ словамъ, онѣ были въ бисерномъ кошелькѣ въ количествѣ 10 полуимперіаловъ, 3 голландскихъ червонцевъ, 14 руб. 10 коп. серебромъ и 10 руб. ассигнаціями. При деньгахъ была записочка; по объясненіямъ Буяльскаго и Богдановича въ ней сообщалось лишь о количествѣ посылаемыхъ денегъ, и была уничтожена при самомъ полученіи. Инспекторъ отобралъ деньги. Сознался плацъ-маіору и крѣпостной сторожъ.

Между тѣмъ, Гордонъ, вѣроятно, узнавъ объ арестѣ гардеробщика, скрылся и, несмотря на всѣ розыски въ тотъ день и ближайшую ночь, не былъ найденъ. Отсюда у попечителя явилось соображеніе, что «по самому дѣлу нельзя было бы полагать, чтобы оно могло побудить его къ умышленной отлучкѣ». Потому онъ распорядился, чтобъ инспекторъ студентовъ сообщилъ кіевскому старшему полицеймейстеру о примѣтахъ Гордона; самъ же обратился къ губернаторамъ кіевскому, черниговскому, волынскому и подольскому съ сообщеніемъ о самовольной отлучкѣ Гордона съ описаніемъ его примѣтъ и прочими свѣдѣніями.

И того же 15 ноября были забраны книги и бумаги Гордона, но въ нихъ ничего предосудительнаго не оказалось.

До вечера 17 числа всѣ поиски Гордона какъ университетскимъ, такъ и гражданскимъ начальствомъ оставались безуспѣшными. Но въ 7-мъ часу вечера этого дня педель Кузьминъ якобы запримѣтилъ Гордона въ совершенно пустынномъ мѣстѣ близъ провіант-

скихъ магазиновъ, неподалеку отъ строившагося тамъ зданія университета. Въ темнотѣ Гордонъ не узналъ педеля и обратился къ нему съ вопросомъ, какъ пройти къ военному госпиталю. Педель нарочно повелъ его болѣе обитаемыми улицами; однако Гордонъ, должно быть, призналъ педеля, по нѣкоторомъ времени подъ предлогомъ усталости присѣлъ на землю, а затѣмъ выстрѣлилъ изъ ружья по педелю, но не попалъ и бросился бѣжать, при чемъ скинулъ съ себя нагольный полушубокъ и обронилъ форменную фуражку за № 9. Въ заключеніе Гордонъ кубаремъ скатился подъ гору, тамъ кинулся въ калитку двора обителя Пащенки и, такимъ образомъ, скрылся изъ виду педеля. Съ подобранными вещами педель явился къ инспектору, а тотъ со всемъ немедленно доложилъ попечителю. Послѣдній, тоже не теряя времени, уже въ 8 ч. поручилъ своему помощнику *) дальнѣйшее разслѣдованіе дѣла, для чего было истребовано содѣйствіе мѣстной полиціи. По недолгомъ времени помощникъ попечителя, полковникъ Гинцель, съ инспекторомъ студентовъ, младшимъ полицеймейстеромъ и достаточнымъ числомъ университетской и полицейской команды окружили всѣ четыре дома Пащенки, «осмотрѣли ихъ съ полнѣйшей тщательностью», но Гордона не нашли. Тѣмъ не менѣе забрали 7 студентовъ, проживавшихъ въ домахъ Пащенки. Посаженные порознь подъ арестъ, студенты въ ту же ночь были подвергнуты допросу. Всѣ студенты согласно отвѣчали, что никто въ домъ къ нимъ не входилъ; то же показали какъ гимназисты, лично допрошенные Гинцелемъ (были ли и гимназисты арестованы, изъ донесенія ф.-Брадке не видно), такъ и всѣ жители дома Пащенки, «хотя многіе изъ нихъ были грекороссійскаго вѣроисповѣданія». Былъ слышенъ шумъ и призываніе къ помощи, потому студенты выходили съ фонарями на улицу, осмотрѣли всю гору, но нашли тамъ только двѣ рубашки, которыя тогда же и отдали хозяину дома. Никто, однако, не показалъ, что слышалъ выстрѣлъ; изъ дѣла также не видно, чтобъ фуражка за № 9 принадлежала Гордону, и довольно неправдоподобно, что Гордонъ могъ кубаремъ покатиться подъ гору, имѣя при себѣ ружье, котораго въ числѣ трофеевъ педеля не оказалось. Вообще, показаніе педеля сильно отзывается сочинительствомъ; напримѣръ, самъ же онъ говоритъ, что было настолько темно, что въ первую минуту Гордона его не призналъ, а, между тѣмъ, самъ онъ на довольно большомъ разстояніи могъ разсмотрѣть, что Гордонъ кинулся въ калитку двора Пащенки.

Не видя ни малѣйшаго намека къ подозрѣнію, ф.-Брадке распорядился на другой день освободить арестованныхъ студентовъ.

---

*) Должность помощника попечителя была учреждена послѣ посѣщенія Кіева государемъ; по представленію ф.-Брадке былъ назначенъ полковникъ артиллеріи Гинцель, лично извѣстный государю.

кромѣ одного, Юрковскаго. Послѣдній на допросѣ «объявилъ, что никакого шума не слышалъ, почему на улицу и не выходилъ», кромѣ того въ немъ «вообще замѣчено какое-то упорство». Къ этому ф.-Брадке еще прибавляетъ: «Какъ сіе мнѣ лично извѣстно, Юрковскій былъ передъ мятежемъ соученикомъ Гордона по винницкой гимназіи и потому возбуждаетъ нѣкоторое подозрѣніе».

Гордонъ, 26 лѣтъ, казеннокоштный студентъ 4-го курса 2-го отд. философскаго факультета, такъ аттестуется ф.-Брадке: «Всегда показывалъ особенную осторожность въ поведеніи и никогда ни въ чемъ предосудительномъ не былъ замѣченъ, занимаясь съ усердіемъ своимъ дѣломъ въ теченіе болѣе трехлѣтняго его пребыванія въ университетѣ, не вовлекался въ ложныя дѣйствія». Потому попечителю казалось мало вѣроятнымъ, «чтобы одинъ открытый университетскимъ начальствомъ поступокъ его къ тайному вспомоществованію Буяльскому могъ побудить его къ столь отчаяннымъ дѣйствіямъ». Исходя изъ этого соображенія и забывая только что имъ же сдѣланную характеристику Гордона, ф.-Брадке пришелъ къ предположенію о прикосновенности Гордона къ дѣлу Буяльскаго и Богдановича, а потому и поручилъ своему помощнику допросить ихъ. Однако ничего не открылось, только Богдановичъ признался, что въ полученной запискѣ отъ Гордона заключалось еще извѣщеніе о постигшей ихъ окончательной участи и о томъ что деньги собраны ихъ товарищами для предстоящей дороги. Что касается до Буяльскаго, то онъ заявилъ просьбу о личномъ свиданіи съ попечителемъ. Фонъ-Брадке не замедлилъ отправиться въ цитадель. Тутъ Буяльскій, подтвердивъ показаніе, ранѣе данное Гинцелю, прибавилъ лишь, что «поелику имъ не дозволено имѣть деньги, то онъ, дабы судьба ихъ не сдѣлалась еще худшею, обязывается мнѣ сказать, что у Богдановича имѣется спрятанныхъ 300 р. ассиг.» Богдановичъ признался въ храненіи лично принадлежавшихъ ему 300 р. и выдалъ ихъ ф.-Брадке.

Воздавъ должное содѣйствію гражданскихъ властей, ф.-Брадке не преминулъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, указать и на свои распоряженія къ дальнѣйшему разысканію Гордона: «Я приказалъ назначить университетскихъ служителей, знающихъ Гордона, ко всѣмъ полицейскимъ чиновникамъ, студенческія квартиры посѣщаются съ самою усиленною дѣятельностью и приняты всѣ мѣры къ наблюденію за ихъ дѣйствіями». Не забылъ ф.-Брадке указать и на то впечатлѣніе, которое произвело дѣло Гордона на студентовъ: «Дѣло сіе, по крайней мѣрѣ, на первый случай произвело, большею частію, между студентами римско-католическаго исповѣданія еще большее негодованіе противъ Гордона, какъ между студентами русскими, ибо они видятъ въ семъ новое на нихъ нареканіе, и я подкрѣпляю ихъ въ сихъ мысляхъ».

Выставляя въ донесеніи свою распорядительность и даже указывая на благопріятное настроеніе студентовъ-католиковъ, ф. Брадке,

какъ бы мимоходомъ, въ концѣ сообщаетъ объ обстоятельствѣ, на которое онъ могъ опасаться непріятностей отъ высшаго начальства. Дѣло въ томъ, что, когда студентамъ стала извѣстна окончательная участь, постигшая Буяльскаго и Богдановича, между ними явилось желаніе устроить денежный сборъ въ ихъ пользу; они обратились за разрѣшеніемъ къ инспектору; тотъ доложилъ попечителю, который и далъ позволеніе подъ условіемъ, что сборъ будетъ производиться извѣстными 4—5 студентами, и чтобы деньги вмѣстѣ съ подписными листами были представлены ему для препровожденія ихъ къ кіевскому ген.-губернатору или оренбургскому. Денегъ было собрано студентами, «кромѣ Гордона», 225 ассиг. «Запозданіе Гордономъ въ принесеніи своей части дало первый поводъ къ подозрѣнію». Изъ словъ, сейчасъ отмѣченныхъ кавычками, надо заключить, что Гордонъ былъ въ числѣ тѣхъ студентовъ, которые съ разрѣшенія (а можетъ, прямо по назначенію) инспектора производили сборъ, но почему-то ф.-Брадке этого прямо не говоритъ. На донесеніи ф.-Брадке, на поляхъ того мѣста, гдѣ говорится о денежномъ сборѣ между студентами, есть помѣтка, повидимому, сдѣланная рукой Уварова: «Это можно допустить».

Однако, энергія, проявленная ф.-Брадке въ дѣлѣ Гордона, зашла черезчуръ далеко, и скоро ему пришлось выслушать отъ Уварова рѣзкую отповѣдь. Въ дополненіе къ предшествовавшему донесенію отъ 19 ноября ф.-Брадке 22 числа того же мѣсяца поспѣшилъ увѣдомить министра, что, согласно отношенію кіевскаго гражданскаго губернатора, Гордонъ изъ Кіева направился въ липовецкій уѣздъ, кіевской губ., гдѣ у него имѣлись родственники. А такъ какъ Гордонъ происходилъ изъ брацлавскаго уѣзда, подольской губ., то у ф.-Брадке явился новый планъ для уловленія Гордона. Онъ обратился въ кіевскую почтовую контору съ заявленіемъ, чтобы всѣ письма, адресуемыя студентамъ изъ липовецкаго и брацлавскаго уѣздовъ, а ровно и всѣ, безъ исключенія, письма на имя Гордона, доставлялись ему, ф.-Брадке. Въ отвѣтъ на это кіевская контора увѣдомила ф.-Брадке, что на удовлетвореніе его требованія не имѣетъ предписанія отъ своего начальства. Потому фонъ-Брадке просилъ министра снестись по сему предмету съ высшимъ почтовымъ начальствомъ. Уваровъ отвѣтилъ, что не усматриваетъ достаточной причины къ отступленію отъ общихъ правилъ, «почему и не рѣшается утруждать Государя Императора подобнымъ ходатайствомъ». Независимо отъ сего, въ тотъ же день (14 дек. 1837) онъ адресовалъ слѣдующее полуоффиціальное письмо ф.-Брадке:

«М. Г. Егоръ Ѳедоровичъ! Я ожидалъ окончанія дѣла о студентѣ Гордонѣ, чтобы сообщить Вашему Превосходительству съ надлежащею откровенностью мои мысли насчетъ хода, даннаго этому дѣлу, но, видя изъ послѣднихъ донесеній Вашихъ, что Гордонъ еще не пойманъ, а изъ партикулярныхъ Вашихъ писемъ, что самое дѣло приняло въ Вашихъ глазахъ другой видъ, я считаю

нужнымъ сообщить Вашему Превосходительству и мое соображеніе: я постигаю, что Вы имѣли въ виду охранить университетъ отъ нареканія въ слабыхъ мѣрахъ начальства, но, съ другой стороны, не могу не видѣть, что чрезвычайныя распоряженія, сдѣланныя съ самаго начала, увеличили общее впечатлѣніе и возбудили ожиданія, кои не могли оправдаться результатами самого событія. Проступокъ студента Гордона состоитъ въ томъ, что онъ, безъ вѣдома начальства, доставилъ въ крѣпость деньги, принадлежащія бывшему студенту Буяльскому.

Всѣ послѣдующія событія не что иное, какъ послѣдствіе страха и необдуманнаго побѣга, хотя и тутъ я не вижу, какимъ образомъ могъ Гордонъ скрыться, будучи взятъ по Вашему приказанію подъ арестъ*)! Мысль, что тутъ кроется какой-либо отголосокъ по дѣлу студентовъ Буяльскаго и Богдановича (по Высочайшей резолюціи уже совершенно конченнаго), явствуетъ изъ сношеній Вашего Превосходительства съ мѣстнымъ начальствомъ и съ кіевскимъ комендантомъ. Все это съ самаго приступа дало дѣлу важность, которой оно не имѣло. Университетское начальство не должно, конечно, оказывать никакой слабости при открытіи зловредныхъ намѣреній кого-либо изъ студентовъ, но не должно возбуждать противъ нихъ подозрѣнія, всегда неблагопріятныя, особенно вслѣдъ за такими событіями, которыя оставили въ умахъ многихъ недовѣрчивость къ духу университетскаго юношества и всегдашнюю готовность увеличивать каждый фактъ, подкрѣплять всякое опасеніе. Я побуждаюсь изъявить Вашему Превосходительству *откровенно и конфиденціально* мысль, внушенную мнѣ разсмотрѣніемъ вашихъ донесеній и сожалѣніемъ о гибели молодого человѣка, котораго Вы аттестуете съ хорошей стороны.

Никто болѣе меня не желаетъ мѣръ твердыхъ и неослабныхъ, и съ этой точки зрѣнія постигаю, какъ я сказалъ, смыслъ Вашихъ распоряженій, но, между тѣмъ, не могу скрывать отъ себя, что подобныя мѣры могутъ вести къ другой крайности, и что не намъ принадлежитъ умножать затрудненія, встрѣчаемыя слишкомъ часто въ исполненіи Вашихъ обязанностей по службѣ, собственнымъ пріувеличиваніемъ событій въ глазахъ постороннихъ начальствъ и публики, преждевременнымъ заключеніемъ о ихъ важности.

Это откровенное объясненіе, къ коему побуждаюсь долгомъ моего званія, докажетъ уповательно Вашему Превосходительству мое уваженіе къ Вашему всегдашнему усердію и опытности по службѣ и мою теплую любовь къ учебнымъ заведеніямъ, Вашему управленію ввѣреннымъ!

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Сергѣй Уваровъ».

Послѣ этого письма въ оффиціальныхъ матеріалахъ, которыми

---

*) Ф.-Брадке доносилъ только, что относительно Гордона было отдано распоряженіе арестовать его.

я располагалъ, еще два раза встрѣчается фамилія Гордона. 28 янв. 1838 г. ф.-Брадке просилъ разрѣшенія министра объ исключеніи Гордона изъ числа студентовъ университета Св. Владиміра, «такъ какъ онъ по сіе время изъ самовольной отлучки не возвратился, неизвѣстно, гдѣ находится и послѣ учиненнаго имъ проступка не можетъ оставаться казеннокоштнымъ студентомъ». Уваровъ отвѣтилъ 23 февраля: «Разрѣшаю исключить изъ университета Св. Владиміра казеннокоштнаго студента Владислава Гордона, который самовольно оставилъ университетъ, и неизвѣстно, гдѣ нынѣ находится». О проступкѣ Гордона, какъ видимъ, въ отвѣтѣ Уварова умалчивается.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія о Гордонѣ изъ печатныхъ источниковъ. В. Шульгинъ въ «Исторіи Университета Св. Владиміра», 1860 г. по поводу внутренней жизни студентовъ самыхъ первыхъ годовъ этого университета говоритъ:

«Мѣстные уроженцы (т. е. студенты-поляки)... составляли отдѣльную замкнутую корпорацію... Студентъ Гордонъ пользовался въ этой корпораціи особеннымъ значеніемъ: самъ человѣкъ не безъ способностей и съ сильнымъ характеромъ, онъ былъ плохой студентъ: наука для него была дѣло постороннее. Увлекшись несбыточными мечтами или, лучше сказать, самъ сбитый съ пути чуждымъ университету вліяніемъ, онъ увлекъ, въ свою очередь, много даровитыхъ натуръ... Кромѣ личнаго вліянія на товарищей посредствомъ убѣжденія, Гордонъ получалъ, говорятъ, деньги, которыя раздавалъ бѣднымъ своимъ землякамъ и тѣмъ связывалъ ихъ съ интересами того общества, котораго самъ былъ орудіемъ».

Позднѣе, въ статьѣ «Ю. З. край подъ управленіемъ Д. Г. Бибикова» (Др. Н. Р. 1879.) В. Шульгинъ уже выражается опредѣленнѣе: «Между студентами (Кіев. ун.) тайное общество (отд. союза польскаго народа) появилось раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, слѣды его проявлялись въ 1836 году и повлекли за собою арестъ студентовъ Буяльскаго и Богдановича и бѣгство студента Гордона, который далъ товарищамъ уставъ общества и потомъ, при первомъ возбужденномъ по его же неосторожности подозрѣніи въ полиціи, пропалъ безъ вѣсти. Какъ потомъ оказалось, онъ долго скрывался на одной дачѣ близь Кіева, наконецъ, былъ своими доставленъ до границы и очутился въ Парижѣ» *).

И еще, мой старый товарищъ и другъ, О. П. Гротовскій указалъ мнѣ на недавно вышедшую во Львовѣ книгу Михаила Ролле, въ которой оказываются интересныя сообщенія о Гордонѣ. Въ ней приводится выдержка изъ конфирмаціи по дѣлу Конарскаго относи-

---

*) Другой историкъ кіевскаго университета, пр. Владиміръ Будановъ, тоже упоминаетъ о Гордонѣ, но, повидимому, лишь со словъ В. Шульгина.

тельно Мрозовскаго, что онъ «еще въ мартѣ 1835 г. съ бывшимъ студентомъ Гордономъ составилъ тайное академическое сообщество». Далѣе оказывается, что Гордонъ за-границей закончилъ настолько свое высшее образованіе, что нѣкоторое время былъ профессоромъ пиротехники въ Льежѣ. Затѣмъ онъ уѣхалъ въ Константинополь, а оттуда, по приказу Чайковскаго (Садыкъ-Паша), вмѣстѣ съ Убыхомъ Карандукомъ отправился на Кавказъ, чтобъ поднять Убыховъ противъ русскаго правительства. Тамъ онъ и погибъ отъ руки того же Карандука, если вѣрить Чайковскому.

Л. Пантелѣевъ.

СЛОВО.

I.

Мнѣ Богъ свободное далъ слово,
Мечъ острый въ битвѣ.
Смиренное, оно готово
Рыдать въ молитвѣ,
Утѣшить друга,
Излиться въ самой нѣжной ласкѣ,
Въ часы досуга
Слагать плѣнительныя сказки...
Но въ дни смятеній и невзгоды
Въ дни торжества враговъ свободы,
Когда усталые народы,
Какъ градомъ выбитые всходы,
Лежатъ во прахѣ,—
Оно, державный ангелъ мести,
Во тьмѣ и страхѣ
Стоитъ на славной стражѣ чести
И грозно измѣнившихъ судитъ,
Казнитъ сурово!
Не умолкай, святое слово,
Пусть твой призывъ уснувшихъ будитъ!

II.

Поникъ могучій,
Истаялъ въ рабствѣ духъ народа,
Изнемогла страна родная...
Но близко время:
Какъ вихрь изъ тучи,
Нежданно налетитъ свобода,
Отчизну всколыхнетъ до края
И сброситъ тягостное бремя!
Омыто кровью,
Взойдетъ посѣянное сѣмя—
Свободное, иное племя—
Роскошной новью
И, вспомнивъ скорбь и мракъ былого,
Благословитъ тебя съ любовью,
Святое слово!

Леонидъ Б.

Передвинутыя души.

(Окончаніе).

VII.

Въ армянскихъ горахъ.

Село Санаинъ лежитъ въ армянскихъ горахъ на высокой террасѣ подъ крутымъ склономъ, поросшимъ буками. Ночью, когда смотришь впередъ черезъ ущелье, верстъ за десять мелькаютъ огни другого селенія Ахпата. А налѣво, въ углу ущелья чуть мерцаютъ еще огни,—это селеніе Ворнакъ.

Все это армянскія села. Они лежатъ по среднему ярусу горныхъ склоновъ. Кругомъ лѣпятся скудныя пашни, а вверху надъ лѣсами стелются сочные альпійскіе луга, гдѣ лѣтомъ пасутся овцы и пастухи живутъ въ палаткахъ и женщины приготовляютъ кислое молоко—мадзунъ, овечій сыръ и масло.

Мы поднялись въ Санаинъ отъ желѣзнодорожной станціи пѣшкомъ, по горной тропинкѣ. Съ нами шелъ крестьянскій парень и тащилъ наши вещи. Тропинка была такая крутая, что камни вырывались изъ-подъ ногъ, и мы хватались руками за кусты, чтобы не съѣхать обратно внизъ.

Когда мы стали подходить къ селенію, насъ, прежде всего, встрѣтили стада. Сѣрый оселъ, кавказскій длинноухій соловей, поднялъ голову и затянулъ свою жалобу, громкую, отчаянную, меланхолическую, какъ будто ревъ парохода, смѣшанный съ крикомъ утопленника. Буйволы шли по тропинкѣ, низко уставивъ широкорогія головы. И въ ущельѣ разсыпалось стадо свиней, мелкихъ, проворныхъ, очень похожихъ на дикаго горнаго вепря. Множество бѣлыхъ поросятъ, маленькихъ, быстрыхъ, сновали взадъ и впередъ, какъ бѣлыя мыши, и взапуски съ ними бѣгали быстроглазые ребятишки, босые, въ лохмотьяхъ.

Села эти полупастушескія. Пашни здѣшнія скудныя, даютъ урожай самъ три, самъ четыре. Крестьяне сѣютъ рожь и полбу. Хлѣба едва хватаетъ на полгода. Люди живутъ скотомъ и платятъ подати

отъ стадъ. Но несмотря на пышность альпійскихъ луговъ, весною безкормица. Крестьяне рубятъ огромные буки въ частныхъ—и даже казенныхъ лѣсахъ и подкармливаютъ скотъ древесными побѣгами. Впрочемъ, помимо того, лѣсъ дѣвать некуда. Нѣтъ дороги и нѣтъ вывоза.

Санаинъ и Ахпатъ это старинныя армянскія села. Каждому больше тысячи лѣтъ. Въ томъ и другомъ селѣ есть старые монастыри IX вѣка.

Монастыри эти большіе, грузные, сложены изъ огромныхъ глыбъ сѣраго тесанаго камня.

У нихъ перекрестныя арки особаго армяно-грузинскаго стиля, и башни тяжелой своеобразной красоты.

Кровли, вмѣсто черепицы, покрыты широкими каменными плитами. Куполы тоже каменные, выведены конусомъ.

Внизу расположены обширныя полуподземныя залы. Постройка такая прочная, что, несмотря на запустѣніе, стоитъ почти безъ поврежденія.

Кто строилъ эти храмы? Каждый изъ нихъ окруженъ могильными плитами. На одной стоитъ сокращенная помѣтка: θх, что означаетъ сокращенное θхνор—царь. А имя изгладилось.

На стѣнѣ Ахпатскаго храма высѣченъ барельефъ. Онъ представляетъ строителей храма, двухъ братьевъ, мѣстныхъ владѣтельныхъ князей армяно-грузинской династіи Багратидовъ. Одинъ изъ нихъ въ коронѣ, другой въ чалмѣ. Оба маленькіе, приземистые. Они возносятъ вверхъ платформу, на которой стоитъ модель храма, похожая на самоваръ.

Въ то время здѣсь были князья и были строители. Тертадъ, строитель собора въ древней армянской столицѣ Ани, въ XI вѣкѣ былъ вызванъ въ Константинополь для ремонта Святой Софіи. На Алавердской горѣ были старинныя копи, здѣсь добывалась мѣдь и также серебро. Теперь эти копи попали въ руки французской компаніи. Она построила заводъ съ высокими трубами, и крестьяне жалуются, что сѣрный дымъ изъ плавильни (отъ сѣрнистой мѣди) наполняетъ ущелье, портитъ сады и заслоняетъ солнце.

Монастыри давно заброшены. Только въ какомъ-нибудь углу прилаженъ алтарь, и по стѣнамъ развѣшаны грубыя иконы, мѣстнаго и русскаго издѣлія, лежитъ рваный молитвенникъ и горитъ свѣча.

При каждомъ монастырѣ живетъ хранитель-монахъ. Онъ собираетъ доходы съ монастырскихъ земель и посылаетъ ихъ въ Эчміадзинъ, въ церковную казну.

Въ великолѣпныхъ залахъ набросаны мусоръ и всякая рухлядь, рогожи и бочки и винныя бутылки. Въ одной изъ этихъ залъ я нашелъ хлѣбный закромъ. Онъ былъ сколоченъ изъ сосновыхъ досокъ и по формѣ походилъ на гробъ. Это, дѣйствительно, былъ наружный деревянный гробъ. Въ немъ привезли съ сѣвера другой гробъ, свинцовый, а въ свинцовомъ гробу было тѣло одного изъ князей Аргутинскихъ. Теперь гробъ наружный сдѣлался закромомъ

Онъ былъ засыпанъ доверху монастырскимъ хлѣбомъ, и голуби влетали въ узкія окна подъ крышей и клевали зерно.

Кругомъ старыхъ монастырей тѣснились крестьянскія сакли. Темныя онѣ были и грязныя. У нихъ были плоскія крыши, земляные полы и никакой утвари. Кругомъ не было дорогъ, только вьючныя тропы. Многія изъ нихъ были недоступны даже коню. Старые каменные водоемы были еще полны воды, но крестьянки ходили къ нимъ за водой съ грубыми кувшинами, выдолбленными изъ дерева.

Впрочемъ, кромѣ крестьянъ, въ этихъ селахъ уцѣлѣли дворянскіе роды. Ибо здѣсь никогда не было турецкаго владычества. Этотъ округъ много вѣковъ принадлежалъ Грузинскому царству. Не далеко отъ Санаина, высоко на скалѣ, виситъ село Акури, родовое гнѣздо князей Лорисъ-Меликовыхъ. Весь этотъ округъ зовется Лори. Лорисъ-Меликъ означаетъ: князь изъ Лори.

Въ селѣ Ихатъ всѣ крестьяне дворянскаго рода, половина Заваровы, другая половина Шавердовы. Санаинъ это родовое село князей Аргутинскихъ. Они тоже размножились. Въ селѣ 50 дворовъ крестьянскихъ, а 47 княжескихъ, все князья Аргутинскіе. Всякіе есть между ними, садовники и генералы, гласные въ Тифлисѣ и пастухи на горныхъ пастбищахъ. Но все-таки крестьяне арендуютъ землю у своихъ сосѣдей по улицѣ, князей Аргутинскихъ.

Я видѣлъ одного крестьянина, онъ снималъ участокъ земли, размѣромъ въ одну десятину. Этотъ участокъ принадлежалъ 23 владѣльцамъ. Это былъ новый для меня видъ черезполосицы. Одинъ арендаторъ и 23 князя хозяина. По обычаю крестьянинъ долженъ давать помѣщику $^1/_4$ урожая. Но онъ возражалъ резонно: «Кому же изъ васъ платить? Я не знаю. А потомъ вы всѣ придете ко мнѣ за обычными подарками»... И онъ не платилъ ничего.

Жизнь въ этихъ селахъ до сихъ поръ патріархальная, мирная и скудная. Семьи большія, старинныя.

Скотъ стерегутъ крупныя, сѣрыя овчарки, похожія на волковъ. Бываетъ и такъ, что овчарка дичаетъ и начинаетъ душить баранту (стадо). Приходится пристрѣлить ее.

Крестьяне молотятъ хлѣбъ тяжелыми молотильными досками, усаженными снизу осколками камней, какъ будто въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. И на утоптанномъ дворѣ хозяинъ вѣетъ зерно лопатой, день и два, и три, наберетъ три мѣшка. Мѣшки ковровые, домашняго тканья.

Женщины пекутъ хлѣбъ въ цилиндрическихъ ямахъ, смазанныхъ глиной. Лѣтъ 50 тому назадъ Гакстгаузенъ, путешествуя по Кавказу, написалъ, что армяне запекаютъ въ свой хлѣбъ вшей. Ему сказали, что они вытряхиваютъ рубахи надъ горящей печью. Армянскій патріотическій журналъ «Ас-гасыръ», издававшійся въ Бомбеѣ, въ Индіи, вступилъ съ нимъ въ негодующую полемику. Насчетъ хлѣба Гакстгаузенъ, дѣйствительно, ошибся. Но рубахи свои армянскіе крестьяне до сихъ поръ вытряхаютъ надъ печами

и надъ кострами, гдѣ придется. Это, впрочемъ, общечеловѣческое. Я видѣлъ эту процедуру у многихъ племенъ Восточной Европы и Азіи, у пастуховъ, охотниковъ и пахарей.

Горцы ѣдятъ и пьютъ умѣренно. Но въ эти ущелья часто является голодъ. Въ одной саклѣ мнѣ показали нѣсколько кусковъ лепешки. Она была проткана плѣсенью, чернѣе земли и горьше полыни.

— Вотъ какимъ хлѣбомъ вы кормите насъ въ голодные года,— сказалъ хозяинъ.

Оказалось, что въ прошломъ году былъ голодъ, и это была правительственная ссуда съ разсрочкой на три года.

Мнѣ было стыдно смотрѣть на это подобіе пищи. Даже самарскій голодный хлѣбъ выглядѣлъ лучше.

Весь Зангезурскій округъ совсѣмъ отказался отъ этой ссуды. 50,000 пудовъ пришлось увезти обратно. Крестьяне сказали: «Такую муку даете на три года. Будете потомъ взыскивать съ процентами, съ плетьми. Не надо ничего».

Милое населеніе горныхъ армянскихъ селеній!.. Дѣвушки съ черными глазами и пышными волосами. Имена у нихъ тоже пышныя: Ргача-Огненноокая, Кохоръ-Драгоцѣнный Камень, Вартуги-Розовый Цвѣтъ. И когда идутъ къ фонтану, онѣ пугливо закрываютъ длиннымъ платкомъ ротъ и подбородокъ, но смотрятъ лукаво изъ-подъ прикрытія. А когда идутъ съ фонтана, съ кувшиномъ на головѣ, выступаютъ медленно и стройно, какъ живыя статуи.

Мужчины высокіе, въ рваныхъ бешметахъ и кожаныхъ лаптяхъ съ цвѣтными покромками. И ходятъ они легкой походкой, какъ будто на пружинахъ. Впрочемъ, въ горахъ такой походкой ходятъ всѣ, люди и кони, бараны и даже ослы.

Я встрѣтилъ на одной изъ тропинокъ стараго охотника. Онъ былъ маленькій, сморщенный, сѣдой, какъ лунь. Изъ-подъ овчинныхъ лохмотьевъ смотрѣла открытая грудь, сожженная солнцемъ. И въ рукахъ онъ держалъ кремневую пищаль.

И на другомъ поворотѣ я встрѣтилъ другого охотника. Онъ былъ молодой, статный, съ суровымъ лицомъ, образецъ мужественной силы и красоты. И когда я любовался имъ, спутники мои, армянскіе интеллигенты изъ города Тифлиса, говорили съ удовлетвореніемъ: «Это только здѣшніе. Такіе ли еще красавцы попадаются въ нашемъ Карабахѣ, въ восточныхъ горахъ».

Гостепріимство въ этихъ ущельяхъ тоже старинное. Мы поднялись на горныя пастбища по утомительной дорогѣ, усталые, голодные до-нельзя. И сперва пастухи встрѣтили насъ съ тревогой. Внизу въ долинѣ происходила военная экзекуція, точнѣе говоря, странствовалъ казачій отрядъ, истреблявшій свѣжую баранину и кахетинское вино. Пастухи опасались, не имѣетъ ли нашъ приходъ отношенія къ новымъ реквизиціямъ. Но потомъ они разглядѣли лица моихъ спутниковъ, успокоились и развеселились. Они

привели насъ къ главному шатру, достали сыра и хлѣба и вина и зарѣзали барана. И долго угощали вареным и жареным, печенымъ и даже сырымъ мясомъ и не отставали, и въ заключеніе въ видѣ упрека за наше городское безсиліе и малую емкость, разсказали лукавый разсказъ стараго времени.

— Жилъ царь Гераклій. Онъ ѣздилъ по гостямъ и ѣлъ много. И когда просили его, то онъ приневоливалъ себя и съѣдалъ по теленку. Послѣ обѣда клали его въ коверъ и трясли, и катали, чтобъ лучше уминалось. И дали ему прозвище: Гераклій Телятникъ...

Мы, впрочемъ, чувствовали себя немногимъ лучше стараго царя Гераклія.

Послѣ обѣда горное гостепріимство угрожало зайти еще дальше. Хозяева стали предлагать намъ подарки, ковры, на которыхъ мы сидѣли, и посуду, изъ которой мы ѣли. Но одинъ изъ моихъ спутниковъ, народный учитель, улыбнулся и отвѣтилъ тоже разсказомъ, такимъ же стариннымъ и такимъ же лукавымъ.

Къ одному мелику (владѣтелю) пришелъ ашукъ—пѣвецъ, и сталъ воспѣвать его подвиги на своей многострунной лютнѣ саазъ. Обрадовался меликъ и сказалъ: «Ступай же на мою конюшню и выбери себѣ любого коня». Ашукъ пошелъ, но конюхи вытолкали его въ шею. Пѣвецъ пришелъ къ мелику съ жалобой: «Ты сказалъ, а они не даютъ». Удивился меликъ: «Я сказалъ, а ты повѣрилъ. Ты мнѣ сказалъ пріятное слово, и я тебѣ сказалъ пріятное слово. А больше ничего».

Всѣ разсмѣялись. И восточное гостепріимство на время унялось.

Эти горные пастухи были во-истину легкомысленные люди. Даже только что минувшую татарскую войну они склонны были разсматривать скорѣе, какъ праздникъ.

— Сколько за эти два года наши съѣли татарскаго краденаго мяса, а татары нашего, бѣда! За всю жизнь столько не съѣли... Даже стада уменьшились.

Однако, подъ мирнымъ покровомъ этой идилліи, въ горныхъ ущельяхъ и въ селахъ, идетъ борьба, глухая и глубокая. Освободительная волна подняла и вынесла вверхъ всѣ обиды, соціальныя и даже личныя. Иные изъ этихъ счетовъ сведены, а другіе сводятся. Конечно, больше всего обидъ крестьянскихъ. Онѣ древнія, застарѣлыя. И за обѣдомъ на чистомъ воздухѣ можно услышать другіе разсказы, кровавые, грозные.

Одинъ изъ крестьянъ, старикъ, разсказывалъ мнѣ: «Дѣды мои и дядья были джюрдами (крѣпостными) дворянъ Улановыхъ. Когда были они на гумнѣ, пришелъ Улановъ и сталъ звать на полевую работу. Они сказали: «У насъ свой хлѣбъ». Тогда Улановъ разсердился и ударилъ палкой моего дѣда, а дѣдъ схватилъ вилы и проткнулъ его. Потомъ бросилъ все свое и ушелъ черезъ ущелье въ Персію. Послѣ вернулся, когда рабства не стало.

Въ Ахпатѣ помѣщики были грузинскіе князья. Объ нихъ мнѣ разсказывали болѣе сложную исторію.

Это случилось въ 1827 году. Елизбаровъ крестьянинъ не представилъ во-время буйволовъ для княжеской пашни. Тогда князь велѣлъ запречь его самого вмѣсто буйвола. Ночью собрался весь родъ Елизбаровыхъ. Они были гордые люди, хотя и крестьяне. Ихъ было 18 мужчинъ. Они рѣшили смыть обиду кровью. Ночью они ворвались въ княжескій домъ и перерѣзали весь родъ владѣльцевъ. Только одинъ младенецъ остался въ люлькѣ. Елизбаровскія жены выпросили ему пощаду. Старый Григоръ Елизбаровъ согласился, но сказалъ: «Вотъ я оставляю для васъ живого змѣеныша. Но изъ него вырастетъ змѣя, и она будетъ жалить весь нашъ родъ». Окончивъ свое дѣло, Елизбаровы сѣли на коней и съ женами и съ дѣтьми ушли черезъ горы въ Эривань, къ татарскому хану. Въ то время Эривань была подвластна Персіи. На слѣдующій годъ Россія объявила войну Персіи. Елизбаровы сначала сражались на персидской сторонѣ, но потомъ одинъ изъ нихъ оказалъ услугу русскому отряду. Тогда генералъ Паскевичъ далъ охранную грамоту Елизбаровскому роду. Елизбаровы вернулись на родину въ Ахпатъ. Выросъ младенецъ и сталъ княземъ, и они снова стали его крѣпостными. Такъ сбылось слово стараго Григора. Когда умиралъ Григоръ, онъ призвалъ къ себѣ старшаго сына и сказалъ ему: «Я слыхалъ, есть земли, въ которыхъ нѣтъ рабства. Быть можетъ, когда-нибудь на нашей землѣ тоже не будетъ. Въ то время придите на мою могилу и крикните: «Григоръ, рабства не стало». И кости мои услышатъ». Въ 1865 году, когда упало крѣпостное право, дѣти Елизбарова пришли на могилу Григора и плакали, зарѣзали барана, лили кровь и кричали: «Григоръ, рабства не стало».

Такая же точно исторія была во внутренней Грузіи, въ Горійскомъ уѣздѣ. Но кончилась она иначе. Власти поставили висѣлицу и повѣсили троихъ зачинщиковъ.

Ссоры мѣстныхъ владѣльцевъ съ Ахпатскими крестьянами дотянулись до настоящаго времени.

Четыре года тому назадъ, наканунѣ Японской войны, опять разыгралась трагедія. Верхнія пастбища, на которыхъ насъ принимали мирно и радушно, принадлежатъ помѣщику. Крестьяне арендуютъ ихъ всѣмъ селеніемъ, потомъ разверстываютъ между собой арендную плату по числу головъ скота.

Помѣщикъ сталъ повышать аренду и довелъ ее вмѣсто прежнихъ 500 р. до 2500 р. Крестьяне отказались отъ аренды и объявили ее подъ бойкотомъ. Началась обычная исторія, штрафы, потравы. Помѣщикъ выписалъ стражниковъ, осетинъ и аджарцевъ—грузинскихъ горцевъ, мусульманъ. Крестьяне рубили господскій лѣсъ. Въ аджарцевъ стрѣляли. Явилась военная экзекуція. Стали описывать крестьянскій скотъ. Одна баба обхватила свою корову за шею и поволоклась вмѣстѣ съ нею за коннымъ страж-

никомъ. Кончилось это по русскому обычаю стрѣльбой. Семь человѣкъ было убито, въ томъ числѣ двѣ женщины. Двѣнадцать крестьянъ и священникъ были арестованы. Они просидѣли два года и судились въ Тифлисѣ въ разгарѣ политическаго возбужденія и были оправданы.

Владѣлецъ въ это время устраивалъ раціональную разработку своихъ великолѣпныхъ лѣсовъ, сталъ проводить колесную дорогу, сдѣлалъ большія затраты, но послѣ этой исторіи махнулъ рукой и продалъ все имѣніе другому, армянскому нефтепромышленнику.

Крестьяне жаловались также и относительно лѣсовъ. Они говорили, что, когда строили желѣзную дорогу, всѣ отчуждаемые участки въ томъ числѣ и крестьянскіе надѣльные, оказались помѣщичьими Часть этихъ земель была подъ лѣсами. Помѣщику достались не только всѣ выкупныя деньги, но также прекрасныя орѣховыя деревья съ крестьянской земли.

У армянскихъ владѣльцевъ съ армянскими крестьянами отношенія вообще мягче. Но ахпатскіе крестьяне продолжаютъ жаловаться.

— Какъ намъ не жаловаться,—говорятъ крестьяне,—у насъ земли нѣтъ. Законный надѣлъ, по положенію 1866 года, был $10^1/_2$ десятинъ на дымъ. Но было также условіе, что если пашенъ не хватитъ, то крестьяне получаютъ, по соглашенію, половину помѣщичьей пахотной земли. Такъ мы получали по 4 десятины на дымъ. Подати платили подымно, записывались по три двора на одинъ дымъ. Теперь у насъ считается 40 дымовъ и 130 дворовъ.

Теперь новыя пашни расчищены, но все помѣщичьи, а у насъ по $1^1/_2$ десятины на дворъ, даже по $^1/_2$ десятины у самыхъ многосемейныхъ.

Да еще платимъ помѣщику отъ урожая четверть. Въ прошломъ году добились, понизили до шестой части, а теперь опять на прежнее приходитъ...

Народный учитель тутъ же сдѣлалъ подсчетъ, что на долю крестьянина остается дохода: *семь копѣекъ въ день.*

Седьмая часть всей земли Ахпата принадлежитъ монастырю. На этой землѣ сидятъ монастырскіе крестьяне. У нихъ нѣтъ надѣловъ. Они разверстываютъ между собою землю, по скольку придется. До революціи они тоже платили четверть урожая. Но съ тѣхъ поръ крестьянскіе платежи на всѣхъ церковныхъ земляхъ понизились до $^1/_6$ и до $^1/_8$. Такимъ образомъ, Ахпатскіе крестьяне платятъ не одинаково. Вдобавокъ, всѣ участки расположены черезполосно. Въ бытность мою въ Ахпатѣ помѣщикъ и монастырь затѣяли обмѣнъ участковъ для исправленія черезполосицы. Предстояло обмѣнять 18 десятинъ земли, на которыхъ сидѣли 12 дворовъ. Пріѣхалъ мировой посредникъ, русскій, недавно назначенный. Среди этихъ сложныхъ аграрныхъ отношеній онъ чувствовалъ себя, какъ будто въ лѣсу. Монастырскіе крестьяне, видя, что ихъ

участки переходятъ къ помѣщику, объявили себя хизанами. Хизаны—приселенцы на чужихъ земляхъ. Но съ 1891 года запрещено прибавлять имъ платежи. Помѣщичьи крестьяне въ свою очередь, переходя къ монастырю, стали требовать себѣ полный надѣлъ. Когда я уѣзжалъ, этотъ обмѣнъ еще не кончился.

Армянская церковь считается національной, однако отношенія между крестьянами и церковью въ это бурное время установились странныя. Часть духовенства сочувствуетъ преобразовательнымъ стремленіямъ, но старики жалуются: «Крестьяне бойкотируютъ церковь. Даже въ воскресенье некому свѣчки купить...»

Стали заводить новые гражданскіе браки. Вмѣсто того, чтобы платить благочинному за разрѣшеніе 10—15 рублей, какъ полагается здѣсь, новобрачные просто придутъ въ церковь, поцѣлуютъ крестъ и уйдутъ. Потомъ празднуютъ. Я уже не говорю о запустѣніи монастырей, которые имѣли прежде по нѣскольку сотъ монаховъ. Ахпатскій монастырь даже имѣлъ 800, а въ Санаинскомъ монастырѣ въ XIII вѣкѣ была схоластическая школа подъ руководствомъ ученаго монаха, Григорія Магистра. Теперь отъ Магистра и его учениковъ остались только старыя могильныя плиты.

Я спросилъ армянскаго архіепископа:—Отчего запустѣли ваши монастыри?

Онъ покачалъ головой и сказалъ:—Увы, время мѣняется. У васъ есть въ Россіи Троицкая лавра. Берегите ее, чтобы она тоже не опустѣла.

Только покойнаго католикоса, Мкртыча Хриміана, весь народъ и вся интеллигенція поминаетъ добрымъ словомъ.

Спутники мои наперерывъ говорили мнѣ: «У этого старца было великое сердце и душа демократа. Онъ былъ для насъ, какъ для васъ Левъ Толстой».

И самый безбожный изъ всѣхъ разсказывалъ съ умиленіемъ о своемъ посѣщеніи популярнаго патріарха: «Когда я вошелъ къ нему и увидѣлъ его старость, невольно всталъ на колѣни передъ его сѣдинами и взялъ его бѣлую тонкую руку и прижалъ къ устамъ».

За то духовенство восхищается покойнымъ Хриміаномъ меньше мірянъ. Когда стали собирать на памятникъ Хриміану, иные болѣе клерикальнаго направленія отказывались давать и говорили: «Онъ намъ разрушилъ наши древніе устои». Но, въ дѣйствительности, напротивъ, Мкртычъ старался возстановить въ полной силѣ древній устой армянской церкви, народовластіе.

Пустые монастыри служатъ теперь, между прочимъ, заѣзжими домами для путниковъ. Каждый желающій можетъ прожить здѣсь три дня. Туземные путники вообще неприхотливы. Они странствуютъ верхомъ, а больше пѣшкомъ, ночуютъ на землѣ, подъ голову кладутъ камень помягче, по мѣстной поговоркѣ. И, приходя въ монастырь, они спятъ въ оградѣ подъ открытымъ небомъ.

Мы тоже зашли въ монастырь и спали въ оградѣ на свѣжемъ

сѣнѣ, среди старинныхъ могильныхъ плитъ. Полная луна заглядывала намъ въ лицо, и монастырское стадо вело противъ насъ правильный приступъ.

Стадо это составляется изъ доброхотныхъ пожертвованій. Крестьяне приносятъ ягнятъ, а ягнята потомъ вырастаютъ въ барановъ. Раньше бараны считались сотнями, теперь же ихъ было—увы!—только восемь. Эти бараны, должно быть, особенно любили пріѣзжихъ. Они бѣгали за нами повсюду, какъ будто собаки, во время обѣда входили въ трапезу, требуя подачки, а ночью сталкивали насъ съ мѣста рогами и безъ церемоніи выдергивали изъ-подъ насъ сѣно.

Хранителемъ Ахпатскаго монастыря былъ Вартапедъ Керопъ, фигура во вкусѣ Рабле. Онъ угощалъ насъ холоднымъ виномъ и кизилевой водкой, маслянистой, краснаго цвѣта. Намъ онъ наливалъ вина, но, когда очередь доходила до его стакана, бутылка кончалась, и онъ поневолѣ доливалъ свой стаканъ водкой. Потомъ выпивалъ до суха и крякалъ, и въ его сѣрыхъ глазахъ мелькали золотистыя искры.

Одинъ изъ моихъ спутниковъ разсказывалъ:—Въ 1906 году, мы пріѣхали въ этотъ монастырь. Насъ было трое. Хранителемъ былъ въ то время Вартапедъ Рафаилъ. О, бойкій старикъ, его весь округъ знаетъ, толстый, высокій, веселый. И вдругъ мы видимъ его въ полномъ уныніи! Что такое? «Соціалы» рѣшили его бойкотировать. А село было за соціалъ-демократами. Отняли у него прислугу, постановили не продавать ему пищи и не приносить воды изъ колодца. Спрашиваемъ его: «За что?» а онъ прямо не говоритъ, а только бормочетъ: «Проклятая баба, стрекотуха»...

— Вина у него много, а хлѣбъ заплѣсневѣлый и воды не хватаетъ. Фонтанъ далеко. Онъ самъ таскаетъ понемногу, да брюхо мѣшаетъ. Говоритъ: «Ради Бога, помирите какъ нибудь». Мы пошли помирили, упросили. Они дали ему прислугу, только не прежнюю, другую, воды принесли и продали барашка. Обрадовался. Шашлыкъ жаритъ, самоваръ ставитъ, завтракъ, обѣдъ, а вино безъ конца. Бокалъ у него двухстаканный изъ пальмоваго дерева. Выпьетъ, скажетъ тостъ, пѣсню споетъ, подброситъ бокалъ вверхъ и поймаетъ на ладонь. Мы не успѣвали за нимъ. Анекдоты такіе разсказываетъ, что зачихаешь, какъ отъ крѣпкаго табаку.

— Все время ругаетъ «соціаловъ», да какъ! А мы говоримъ: «Вотъ этотъ изъ нашихъ тоже «соціалъ». Остолбенѣлъ. Но потомъ помирились. Оба они кахетинцы, пьютъ здорово.

На другой день съ утра то же самое.

— «Нѣтъ,—говоримъ,—мы не можемъ. Мы уѣзжаемъ».

А у него семь бутылокъ початыхъ.

— «Что жъ,—говоритъ,—дѣлать? Я выпью за ваше здоровье»...

И выпилъ всѣ. Тогда уѣхали мы...

Вартапедъ Керопъ не имѣлъ столкновеній съ соціалами. Времена были другія. За то онъ имѣлъ еще худшія непріятности отъ

горныхъ анархистовъ. Они наложили на него дань въ пятьсотъ рублей, и онъ заплатилъ. А между тѣмъ, я видѣлъ у него надъ кроватью винтовку. Патронъ былъ вложенъ и курокъ поднятъ.

Я полюбопытствовалъ, какого онъ мнѣнія объ освободительномъ движеніи. Отецъ Керопъ разсыпался въ похвалахъ:

— Конечно, эти анархисты, разбойники, они не понимаютъ. Думаютъ, что дѣло въ деньгахъ. Народу нужны не деньги, а свобода.

Горные анархисты,—это ново даже на Кавказѣ. Раньше «экспропріаторы съ идеей» водились только по большимъ городамъ, но потомъ они появились и въ горныхъ ущельяхъ. Теперь всѣ уста были полны разсказами объ ихъ подвигахъ. Въ началѣ это была простая разбойничья шайка изъ трехъ человѣкъ, подъ предводительствомъ Зубяна, бѣглаго каторжника. Но потомъ къ нимъ присоединился Вермишевъ, молодой рабочій съ Алавердскаго мѣднаго завода. О Вермишевѣ вообще отзываются довольно благопріятно. Онъ былъ совсѣмъ юноша, способный во всемъ, хорошій работникъ. Но на заводѣ была забастовка, и его хотѣли арестовать. Онъ ушелъ въ горы. Тамъ онъ встрѣтился съ Зубяномъ и присталъ къ шайкѣ. Онъ тотчасъ же предложилъ ей реформу:

— Не будемъ грабить бѣдныхъ, не станемъ зря убивать. Назовемъ себя анархистами, сдѣлаемъ печать. Будемъ богатымъ посылать письма, брать выкупъ. А убивать будемъ только нашихъ враговъ.

Размѣры выкупа Вермишевъ назначилъ напередъ отъ 500 до 3000 р.

— Такъ,—говорилъ онъ,—штрафуютъ и генералъ-губернаторы.

Съ тѣхъ поръ горные анархисты въ этомъ небольшомъ и бѣдномъ округѣ успѣли собрать до 8000 рублей. Они взяли тысячу рублей у священника въ Окури. Пострадавшій пастырь давалъ крестьянамъ деньги на проценты. Они отобрали у него векселя, изорвали ихъ въ клочки и пустили по вѣтру.

Въ селѣ Санаинъ въ то лѣто жилъ на дачѣ тифлисскій архіепископъ, Гарегинъ Сатуніанцъ, видный, представительный и также угодный начальству, съ хорошими связями и даже съ надеждой поставить свою кандидатуру на выборахъ католикоса.

Горные анархисты сдѣлали дерзкую попытку похитить архіепископа среди бѣла дня изъ его резиденціи въ людномъ селѣ.

Мы пріѣхали дня черезъ два послѣ этого случая. Почтенный прелатъ, волнуясь, разсказывалъ намъ подробности этого случая: Какъ анархисты пришли и стали вызывать его будто бы къ благочестивымъ людямъ, ожидающимъ на дворѣ. А потомъ схватили его за полы и стали тащить. Хотѣли стрѣлять въ него, побили его спутника, епископа, и онъ спрятался въ чуланъ, а архіепископъ вырвался и заперся въ кабинетѣ. Потомъ схватилъ ружье и сталъ стрѣлять изъ окна. Разбойники увели его молодого

племянника. Но онъ выдалъ себя за прислужника, они повѣрили и отпустили его.

Храбрѣе всѣхъ держала себя большая домашняя собака. Она бросилась на разбойниковъ и схватила одного. Но они выстрѣлили въ нее и ранили ее въ бокъ.

Послѣ того они ушли и съ околицы села послали архіепископу заказъ со встрѣчнымъ пастушонкомъ:

— Пусть пришлетъ пятьсотъ рублей, не то убьемъ. Скажи: «никого не жалѣемъ, собаку только жалѣемъ. У васъ только она одна, какъ надо, человѣкъ».

Послѣ этого случая консисторія прислала стражниковъ, а начальство—казаковъ. По этому поводу крестьяне говорили мнѣ, почесывая въ затылкѣ:

— Стражниковъ мы содержимъ, а они въ монастырѣ сидятъ, никуда не выходятъ. Мы сами сторожимъ безъ платы на нашемъ кормѣ. Вотъ такъ дѣла!..

Начальство оцѣнило головы Зубяна и Вермишева въ 2000 руб., «для пользы дѣла», какъ сказано въ приказѣ. Но пользы отъ этого пока не видно. Разбойники скрываются въ горахъ. Въ разныхъ селахъ у нихъ есть сообщники, которые носятъ имъ пищу и передаютъ вѣсти. Платятъ они щедро и вообще денегъ не жалѣютъ.

Враговъ своихъ они караютъ свирѣпо.

Такъ, напримѣръ, они убили не очень давно троихъ братьевъ, крестьянъ изъ села Чачканъ, которые хотѣли ихъ выдать мѣстному приставу, и будто бы даже съ одного изъ убитыхъ содрали кожу. Потомъ они заманили въ засаду и самого пристава и ранили его въ плечо. Пришлось ампутировать руку.

Съ богатаго крестьянина Араева, мѣстнаго ростовщика, они потребовали выкупъ. И, въ наказаніе за неуплату, напали на его стада, убили восемь кобылъ, застрѣлили собакъ, изрѣзали шатры и отогнали барановъ.

На зиму разбойники уходили на югъ въ Нахичевань и тамъ жили на покоѣ.

Населеніе относится къ разбойникамъ какъ-то двойственно. Съ одной стороны, они грабятъ только богатыхъ, чужихъ или своихъ, разница не велика.

Мнѣ разсказывалъ одинъ старый крестьянинъ, какъ эти анархисты перехватили на дорогѣ экипажъ одной тифлисской купчихи:

— Высадили ее чинно, благородно. Дочь-красавица съ нею, они отпустили ее домой честно. Провожатый былъ съ ними, его тоже отпустили. А купчиху потихоньку увели вверхъ въ горы и посадили въ пещеру. И черезъ три дня взяли за нее 3000 рублей...

Надо было слышать, съ какой интонаціей произносились эти эпитеты: чинно, благородно, честно, потихоньку.

Конечно, разбойники убиваютъ своихъ враговъ, но по кавказскимъ понятіямъ это самое естественное дѣло. Это ихъ частные счеты и никому не слѣдуетъ вмѣшиваться. Но съ другой стороны, населеніе тоже страдаетъ отъ этихъ непрерывныхъ военныхъ дѣйствій. Напримѣръ, у того же Араева въ табунѣ была чужая лошадь. Разбойники заодно убили и ее. Хозяинъ ея пришелъ къ Араеву съ претензіей: «Убили за твои грѣхи. Ты заплати». Слово за слово. Выхватили револьверы, стали стрѣлять, убили чужого ребенка, шедшаго по улицѣ, нѣсколько человѣкъ ранили.

Населеніе разбойниковъ боится и не знаетъ, что съ ними дѣлать.

Крестьяне разсказывали мнѣ довольно откровенно:

— Мы имъ говорили. «Вы хотите раззорять насъ. Сколько тысячъ вы набрали, куда дѣвали?»—«А кто знаетъ,—говорятъ.—Тому, другому давали. Теперь ничего нѣтъ».—«Уходите отсюда,—говоримъ.—«Не уйдемъ,—говорятъ.—А если на зиму уйдемъ, на будущее лѣто опять придемъ»...

Противъ этихъ запутанныхъ и трудныхъ отношеній начальство нашло премудрое средство, военную экзекуцію.

Казачій отрядъ въ 200 человѣкъ вмѣстѣ съ офицеромъ былъ отправленъ не то, чтобы ловить преступниковъ, а принуждать населеніе къ ихъ поимкѣ и выдачѣ.

Мясо и хлѣбъ для отряда доставляютъ крестьяне.

Я видѣлъ этотъ отрядъ внизу у полотна желѣзной дороги. Лошади стояли у коновязей, и казаки сидѣли у костровъ и жарили куръ, а у вагоновъ стоялъ большой столъ, покрытый бѣлой скатертью и уставленный тарелками и бутылками. Начальникъ станціи гостепріимно угощалъ на чистомъ воздухѣ казачьихъ офицеровъ. Въ то же самое время, несмотря на страдную пору, была собрана противъ разбойниковъ крестьянская облава. Изъ одного села Акури было послано въ нарядъ 25 человѣкъ. Я встрѣтилъ человѣкъ шесть въ духанѣ у станціи. Это были рослые молодцы, но почти безъ оружія.

— Начальство велѣло намъ взять оружіе,—говорили они.—А мы говоримъ: «Откуда его взять? Вы вѣдь насъ обезоружили». А они говорятъ: «Откуда хотите. Продайте барановъ и купите винтовки. Небось, по приказу своихъ комитетовъ покупали, когда хотѣли». Мы стали просить казенныя берданки, да они не дали.

Въ концѣ концовъ эти воины поневолѣ вышли въ поле съ старыми пищалями, съ турецкими ружьями системы Пибоди и Мартини, которыя остались здѣсь еще со временъ русско-турецкой войны.

Одинъ изъ моихъ спутниковъ подумалъ и сказалъ:—А вѣдь они подъ конецъ отберутъ у васъ это оружіе.

— Ну, ничего,—успокоительно говорили крестьяне,—это самое плохое.

Они разсказали мнѣ, что всѣ хорошіе стрѣлки остались дома. Ибо хорошему стрѣлку неприлично вступаться въ такое дѣло. Пожалуй, стрѣлять доведется.

Мимо выстрѣлить, только руку испортить. Попасть—человѣка убить и враговъ нажить.

Ловить такой облавой горныхъ разбойниковъ это все равно, что ловить бреднемъ комара. Вдобавокъ, по нѣкоему молчаливому соглашенію разбойниковъ, ихъ пособниковъ, населенія и даже полиціи, облава была направлена въ такія мѣста, гдѣ разбойниковъ не было и быть не могло. Судьба пострадавшаго пристава была у всѣхъ на памяти.

Разумѣется, облава никого не изловила. И начальство подъ конецъ разсердилось и, дѣйствительно, отобрало у крестьянъ ихъ жалкія пищали и ржавыя винтовки,—ибо Кавказъ долженъ быть разоруженъ...

Все вышло, какъ полагается, и все осталось по старому. Населеніе на своемъ мѣстѣ и разбойники на своемъ и начальство на своемъ.

Я подробно разсказалъ этотъ случай, ибо онъ очень типиченъ для современнаго Кавказа. Всѣ эти подметныя письма, похищенія, выкупы, облавы, съ участіемъ полиціи и безъ онаго, больше всего похожи на какой-то нелѣпый, кровавый, трагическій водевиль. Они происходятъ только потому, что въ жизни нѣтъ никакого творчества, или ему не даютъ развернуться. Кто можетъ,—грабитъ: тифлисское охранное отдѣленіе, или горные анархисты, или даже общій союзъ охранно-анархическій.

Для армянскаго населенія, какъ я уже говорилъ, болѣе героическій характеръ имѣла война съ татарами, ибо она захватила всѣ классы и пробудила въ народѣ рѣшимость стоять до послѣдняго.

Я встрѣтилъ на Алавердскомъ заводѣ шушинскаго дружинника. Онъ разсказывалъ мнѣ подробности пятимѣсячныхъ уличныхъ сраженій, которыя выдержалъ этотъ несчастный городъ, когда женщины и дѣти гибли въ огнѣ и все населеніе сидѣло безъ хлѣба, какъ въ новомъ Портъ-Артурѣ. Но любопытнѣе этихъ подробностей было настроеніе сражавшихся.

— Во время второй рѣзни,—разсказывалъ дружинникъ,—мы сидѣли вверху впереди своего города, а татары сидѣли внизу впереди своего. Между нами была полоса горящихъ домовъ, куда не ходили ни мы, ни они. Настала ночь. Татары перестали стрѣлять. Вышла луна и смотрѣла намъ въ лицо. Мы сидѣли и ждали. И вотъ изъ татарскаго города снизу донесся голосъ, тонкій, высокій, какъ плачъ. Пѣлъ татаринъ, дотжно быть, на кровлѣ высокаго дома. И оттого голосъ его катился далеко и ясно. Онъ прославлялъ павшихъ татаръ и армянъ и проклиналъ живыхъ, которые третій мѣсяцъ дерутся и не могутъ дойти до конца. И наши дружинники молчали и слушали и плакали.

Здѣсь въ Лорійскомъ округѣ все обошлось гораздо благополучнѣе. Одинъ изъ моихъ спутниковъ, Іованнесъ Туріанцъ, извѣстный армянскій поэтъ, горійскій уроженецъ и патріотъ, разсказывалъ мнѣ:

— Когда началась смута, начальство устранилось, приставъ

уѣхалъ. Мы остались сами. Кругомъ насъ татарскія села лежатъ, какъ кайма. Я подумалъ, собралъ 200 всадниковъ, хорошихъ, вооруженныхъ, сдѣлалъ бѣлый флагъ и поѣхалъ по татарскимъ селамъ. Пріѣдемъ, встанемъ на площади, затрубимъ въ трубу и соберемъ народъ. Я рѣчи говорилъ о мирѣ. И татары выходили и тоже говорили. Одна татарка вышла подъ чадрой и такъ говорила за миръ, что всѣ плакали. А послѣ рѣчей праздникъ устроимъ, джигитовку, барановъ жаримъ.

— Всякое бывало. Одинъ разъ изъ селенія Куртахъ помѣщикъ прислалъ жалобу противъ крестьянъ. Одинъ потравилъ поле, другой согналъ свою скотину съ кочевья на его поле, третій согналъ, весь хлѣбъ потравили.

— Я взялъ 25 всадниковъ, пріѣхалъ. Собралъ крестьянъ и говорю при нихъ дружинѣ: «Ребята, пообѣдайте, поотдохните, а къ вечеру идите на поле, какую скотину найдете, загоните въ ограду. Будемъ разбирать дѣло». Вечеромъ вышли на поле, а крестьяне смѣются: «Чорта съ два найдешь хоть одну».

Въ сущности говоря, Іованнесъ Туріанцъ больше года былъ Лорійскимъ исправникомъ, разсылалъ приказы, даже получалъ оффиціальныя бумаги. Стражники и казаки, оставшіеся въ Лори, писали ему просьбы о защитѣ и пропитаніи.

Его хотѣли потомъ отдать подъ судъ, но мирный характеръ его дѣятельности былъ слишкомъ очевиденъ для всѣхъ.

До сихъ поръ Іованнесъ Туріанцъ остается однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ Лорійскомъ округѣ.

Даже горные разбойники прислали ему обидчивый упрекъ: «Зачѣмъ ты отослалъ свою семью въ Гзехъ, а своимъ одиннадцати дѣтямъ велѣлъ не отходить далеко отъ деревни? Кровная обида. Думаешь, кто нибудь посягнетъ на твоихъ дѣтей? Правда, три года тому назадъ ты вздулъ меня, такого то, но вздулъ за дѣло».

Общіе итоги убытковъ армяно-татарской рѣзни по послѣднему подсчету таковы: въ четырехъ губерніяхъ пострадало 7 городовъ и 252 селенія, 119 армянскихъ и 133 татарскихъ. Было разрушено или потерпѣло ущербъ 14,680 домовъ, — армянскихъ 7560, татарскихъ 7120. Имущества истреблено до 10 милліоновъ, на вооруженіе истрачено до 5 милліоновъ. Такую цѣну, не считая цѣны крови, заплатили два племени за свою вражду и за свое послѣдующее примиреніе.

Я описывалъ условія жизни армянскаго сельскаго народа. На фонѣ этихъ условій выросла и развилась интеллигенція, демократическая и націоналистическая, мрачная и рѣшительная. Она мало похожа на насъ, уже и нетерпимѣе, за то не знаетъ рефлексовъ и колебаній, знаетъ только одну дорогу и одну цѣль. Въ другомъ мѣстѣ я описалъ нѣсколько типичныхъ фигуръ армянской интеллигенціи, разсказалъ, какъ она создала литературу при населеніи въ милліонъ съ четвертью, въ предѣлахъ Закавказья, какъ создаетъ и расширяетъ школу, не жалѣя усилій.

Однако армянская школа до сихъ поръ не можетъ наверстать послѣдствія недавнихъ запрещеній и вернуться къ размѣрамъ, которые она имѣла до конфискаціи имуществъ. Армяне съ горечью вспоминаютъ, что закрытіе школъ произошло еще при министрѣ Деляновѣ, который былъ, какъ извѣстно, армянинъ. Вотъ оно бюрократическое безпристрастіе...

Впрочемъ, теперь почти каждый мѣсяцъ вырастаютъ новыя школы.

Интеллигенція много работаетъ и не забываетъ обидъ старыхъ и новыхъ: и ненавидитъ она лучше и постояннѣе насъ.

Мой добрый пріятель, инженеръ Аріарани, говорилъ мнѣ:

— Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ мы всѣ поголовно были русскими патріотами. Русская сила спасала насъ отъ турокъ, а армянскіе генералы помогали Россіи завоевывать Кавказъ и Азіатскую Турцію. Лазаревъ, Аргутинскій, Лорисъ-Меликовъ, Теръ-Гукасовъ. И никто не хотѣлъ писаться на *янцъ*, всѣ писались и назывались по-русски на *овъ*: Акоповъ, Мелконовъ.

— Съ того времени много воды утекло и много крови. Вы думаете, мы забыли, какъ ванскихъ бѣженцевъ ловили на русской границѣ и возвращали назадъ въ Турцію подъ курдское копье?

Случалось, даже офицеры жалѣли и плакали: ничего не подѣлаешь, приказъ...

— И того не не можемъ забыть, какъ отнимали у насъ церковныя имущества. Я, какъ теперь, помню, у насъ въ Баку колоколъ гудитъ, въ церковной оградѣ толпа и ее разстрѣливаютъ. А кругомъ море народное. Реветъ, напираетъ, а пробиться нельзя. Стѣна желѣзная... Для чего это было нужно?

— Недавно въ клубѣ я заспорилъ съ русскимъ инженеромъ, коллегой, изъ истинно-русскихъ.

— Сталъ припирать его къ стѣнѣ.—«Зачѣмъ, говорю, это было нужно: лойяльный народъ превращать въ нелойяльный?»

— А онъ усмѣхнулся такой нехорошей усмѣшкой и говоритъ: «За то мы вамъ рыло наклеили».

— Вотъ ихъ политика. Армяшки, жиды, полячишки, чухна. Вездѣ враги, даже именъ человѣческихъ у нихъ нѣтъ для насъ.

— Было время, вся турецкая Арменія встала бы, какъ одинъ человѣкъ и потянула къ Россіи Зачѣмъ вы пропустили и отбросили насъ? Въ исторіи нельзя отбрасывать. А теперь въ Турціи конституція и въ турецкомъ парламентѣ будетъ больше армянскихъ депутатовъ, чѣмъ въ вашей третьей думѣ...

Въ исторіи нельзя отбрасывать...

VIII. Возвращеніе.

Я возвращался на сѣверъ Военно-Грузинской дорогой, по Арагвѣ и по Тереку.

Долина Арагвы начинается у Мцхета и уходитъ въ горы. И вначалѣ она широка и красива, и горы раздвинулись, и низкія

зеленыя вершины какъ будто убѣгаютъ отъ взгляда направо и налѣво. Мы выѣхали поздно и ѣхали до вечера. Было тихо, тепло. Намъ попадались на встрѣчу сады и виноградники, пахло кизилемъ и абрикосомъ, и кто то бренчалъ на зурнѣ, въ сторонѣ отъ дороги, и чуть слышно напѣвалъ: а-да-ла-да-лай.

Потомъ зеленые склоны подошли ближе къ берегамъ рѣки; пашни и луга поползли вверхъ по отлогимъ подъемамъ, а на верху были лѣса. Села лѣпились на террасахъ, какъ группы ульевъ. И Арагва какъ будто забрасывала впередъ свою узкую серебряную ленту и убѣгала вдаль.

За Млетомъ дорога стала круче и природа мрачнѣе. Явились скалы бурыя, обрывистыя, и водопады узкой тесьмой прижимались къ базальтовымъ отвѣсамъ. И въ перемежку съ ними почти также отвѣсно поднимались по каменнымъ стѣнамъ посѣвы и покосы.

На половинѣ горы приземистыя копны сидѣли, какъ дикіе гуси, и какъ будто собирались вспорхнуть и улетѣть. И на одномъ поворотѣ высоко надъ собою мы увидѣли косца. Онъ косилъ на гору, а отгибался подъ гору. Страшно было смотрѣть на него. Казалось, что еще взмахъ, и онъ свалится въ рѣку внизъ.

Вмѣстѣ со скалами начались осетинскіе аулы. Они были, какъ кучи сѣрыхъ гнѣздъ, сложенныхъ изъ камня и навоза. На высотахъ стояли живописныя сторожевыя башни. Иныя изъ нихъ выцвѣли и осыпались. Онѣ походили на мшистыя скалы. А рядомъ скалы вывѣтрились и походили на башни.

На каждомъ шагу попадались развалины селеній, разрушенныя, но жилыя. Жалкіе люди ютились въ развалинахъ, какъ звѣри.

У каждаго аула насъ встрѣчали и потомъ далеко провожали собаки и ребятишки. Собаки были похожи на шакаловъ. Ребятишки были въ лохмотьяхъ, съ маленькой черной шапочкой на самой макушкѣ, а у другихъ была непокрытая грива волосъ, побѣлѣвшихъ на солнцѣ, какъ ленъ. Они проворно топотали своими босыми ножонками и долго бѣжали за нашей повозкой, и просили милостыню.

Рано утромъ, послѣ перваго ночлега, я вышелъ на дворъ.

Къ самому порогу подходилъ яркій лугъ, пестрый отъ крупныхъ цвѣтовъ.

День былъ ликующій, ясный. Бѣлыя тучки вились по вершинамъ Семи Братьевъ. Гутъ-Гора была справа, нагая, гребенчатая. Туча висѣла надъ Высокой горой и бросала на солнечный склонъ зубчатую тѣнь, какъ гигантская жаба. А рядомъ была другая туча серебристо-сѣрая и на ея свѣтломъ фонѣ тяжко и стройно парилъ черный орелъ.

А по сосѣднимъ откосамъ змѣились бѣлыя полоски не растаявшаго снѣга. Въ одномъ мѣстѣ рядомъ лежали лента не скошенной ржи и лента снѣга, обѣ одной ширины.

Мы выѣхали рано и доѣхали до перевала, и видѣли рожденье Арагвы въ узкомъ ущельѣ далеко внизу. Противъ насъ, на другой сто-

ронѣ ущелья, висѣлъ водопадъ, какъ бѣлая занавѣска. И по карнизу дороги передъ нами на черномъ конѣ, въ черной буркѣ, скакалъ осетинъ, обвѣшанный оружіемъ. Онъ гикалъ на скаку и выхватывалъ ружье изъ длиннаго чехла и стрѣлялъ вверхъ, и скалы гулко повторяли и крикъ, и выстрѣлъ...

Терекъ сбѣгаетъ съ перевала по краснымъ желѣзистымъ камнямъ и быстро набираетъ силы и верстъ черезъ десять становится буйнымъ потокомъ. У станціи Кобн въ него вливается Черная рѣчка, какъ струя нефти, и долго течетъ рядомъ, не смѣшиваясь, и, наконецъ, таетъ въ сѣрыхъ волнахъ.

Мы спускались почти отвѣсно внизъ, и вдругъ на поворотѣ въ узкомъ промежуткѣ трахитовыхъ утесовъ явился Казбекъ. У него была бѣлая голова и черная грудь. И съ правой стороны на грудь Казбека струился широкій ледникъ и завивался внизъ, какъ бѣлая рѣка, густая, отвердѣвшая.

Казбекъ явился и исчезъ, и мы въѣхали въ Дарьялъ.

Онъ былъ странный и страшный, угрюмый и узкій, какъ щель. А стѣны были такой высоты, что глазомъ не охватишь. И темя у скалъ было нагое, безлѣсное. Мы ѣхали по узкой полоскѣ шоссе прямо надъ пропастью. Терекъ ревѣлъ внизу, какъ бѣшеный. И надъ дорогой нависли камни, полуотколотые, неустойчивые. Вотъ знаменитое мѣсто: «Пронеси, Господи».—Когда идетъ дождь, камень внизъ течетъ,—говоритъ ямщикъ.—Недавно четверку лошадей заѣло.—«А пассажиры были?»—Что пассажиры,—возражаетъ онъ равнодушно.

Вотъ обломокъ скалы, который уже сорвался и лежитъ на дорогѣ, на самомъ краю. На немъ выведена надпись крупными красными буквами: «Долой буржуазію».

А немного подальше другая надпись-реклама, вдвое крупнѣе: «Райзеръ, Тифлисъ, складъ велосипедовъ». Юнкера расписались: Рома Петровъ, Саша Носуленко, Наполеонъ Выринскій. Еще надписи, цѣлыя сотни именъ русскихъ, грузинскихъ, нѣмецкихъ, армянскихъ. Онѣ украшаютъ самыя видныя мѣста и преслѣдуютъ васъ всю дорогу до самаго Владикавказа: Леля Тру-ля-ля. Спи, малютка. Бабіевъ, Тагіевъ, Тагѣевъ...

Постоянно попадаются обвалы, старые и новые, потоки огромныхъ глыбъ, полузапрудившихъ Терекъ съ обѣихъ сторонъ. Крупные круглые камни валяются внизу, какъ будто гиганты перебрасывались такими твердыми мячами.

Вотъ опять вверху начинается лѣсъ. На странномъ утесѣ, высокомъ и отдѣльномъ, похожемъ на гигантскую колонну, выросла сосна, единственная. Снизу она кажется маленькой, почти игрушечной. Стоитъ и качается, и утесъ-пьедесталъ, какъ будто, качается вмѣстѣ...

На сѣверѣ Кавказская стѣна обрывается отвѣсно. Мы выѣхали изъ Дарьяла на ровную степь, какъ будто на столъ. И шесть верстъ скакали по пыльной дорогѣ до самаго Владикавказа. Намъ попадались на встрѣчу солдаты, солдаты, солдаты. Двѣ пулемет-

ныя роты. Сотня казаковъ, легкая батарея. Вся эта воинская сила сторожила древнія ворота Кавказа. И даже увеселительный садъ подъ городомъ носилъ казенную надпись: Народное Гулянье Редантъ № 1.

Природа этого края была по своему красива, синіе туманные холмы, зеленые луга, полусжатыя нивы, ясныя дали, теплый воздухъ. Но у меня не было глазъ для этого яснаго простора. Взглядъ мой жадно тянулся назадъ, туда, гдѣ вставалъ огромный хребетъ, цѣпь вершинъ, густая, безпорядочная, въ снѣжныхъ шапкахъ, повитыхъ тучами.

Изъ Владикавказа я выѣхалъ въ Бесланъ по желѣзной дорогѣ, и Кавказскія горы провожали меня всю дорогу. Я смотрѣлъ на нихъ и не могъ оторваться. Огромная стѣна тянулась поперекъ горизонта, высокая, прямая, какъ будто кто-то нарочно построилъ ее отъ моря и до моря.

Оба ея конца направо и налѣво тонули въ туманѣ и таяли. И снѣжные гигантскіе зубцы выступали на синемъ небѣ, какъ бѣлая корона.

И впереди всѣхъ стоялъ Казбекъ, высокій и сильный. Онъ повернулся бокомъ къ желѣзной дорогѣ и былъ весь видѣнъ изъ окна вагона. Его бѣлая голова сверкала на солнцѣ и круто выступала его крѣпкая, упрямая шея. Онъ своевольно откинулъ голову назадъ и смотрѣлъ черезъ горы вдаль.

На станціи во Владикавказѣ я видѣлъ черкесскаго князя. Онъ былъ высокій съ длинными, черными усами. Гулялъ и разговаривалъ съ двумя офицерами и улыбался угодливо. Мнѣ назвали его имя. Онъ былъ изъ молодыхъ да ранній, такой, что для русскихъ чиновныхъ друзей и сестры не пожалѣетъ, а чуть обернется къ своимъ, лицо у него станетъ, какъ будто желѣзное. За княземъ шелъ другой черкесъ, должно быть, старшина. Его папаха была сдвинута на бритый затылокъ. Спереди на поясѣ висѣлъ кинжалъ, а сзади сабля. За ними поодаль и совсѣмъ отдѣльно шелъ третій, очень молодой, тонкій, въ бѣлой чухѣ. Голова его была покрыта широкой бѣлой шляпой. А шея открыта, крѣпкая, кругая. Такая же гордая крѣпкая шея была у Казбека, но только бѣлѣе и чище.

Нашъ поѣздъ уходилъ дальше и дальше. Горы тонули въ туманѣ, только вершины всплывали вверху, какъ будто отрѣзанныя. И нельзя было разобрать, гдѣ горы и гдѣ облака. Прощай, Кавказъ!

Танъ.

Куда дѣвалась Варенька Олесова?

(Около „проблемы пола“ и около купальщицъ).

„Это было давно“... Почти въ доисторическія времена, если расцѣнивать съ точки зрѣнія современныхъ литературныхъ постиженій и отображеній.—Максимъ Горькій былъ еще полонъ своихъ собственныхъ яркихъ и неожиданныхъ переживаній, и его псевдонимъ бросался въ глаза только кокетливымъ противорѣчіемъ съ литературной судьбой... Въ самомъ дѣлѣ, какъ давно это было! Вы почти въ правѣ сказать: «Я не помню, когда это было!» И многіе изъ тогдашнихъ восторженныхъ почитателей М. Горькаго, пожалуй, на самомъ дѣлѣ не помнятъ уже, когда это было: «можетъ быть, никогда», — какъ говорится въ томъ же красивомъ стихотвореніи.

Но съ «интеллигенціей», этимъ вѣчнымъ иксомъ русской исторіи и литературы, М. Горькій, конечно, и тогда велъ безпощадную войну; онъ вѣдь всегда сражался съ ней, а не изображалъ: для этого онъ всегда былъ слишкомъ стороннимъ наблюдателемъ, да еще наблюдателемъ черезъ призму, которую онъ нашелъ у себя готовою на книжной полкѣ.

Мы не собираемся, конечно, воскрешать этой войны. Насъ интересуетъ только одинъ эпизодъ изъ этой войны, какъ нельзя лучше оттѣняющій карикатурные элементы въ теперешнемъ постиженіи (и вульгаризаціи) такъ называемой проблемы пола.

М. Горькому нужно было изобличить—будемъ выражаться по-горьковски точно—«скота» въ русскомъ интеллигентѣ. Нужно было соскоблить лакировку, которая дѣлала изъ него носителя какой-то утонченной или даже «облагороженной» культуры духа. Нужно было показать, что, лишенный энергіи и кипучей силы горьковскихъ героевъ, русскій интеллигентъ совсѣмъ не страдаетъ отсутствіемъ желаній, лишь только дѣло коснется сферы скотской возбудимости.

Какъ же разрѣшилъ эту задачу авторъ «Вареньки Олесовой»? Какое средство онъ нашелъ, чтобы «выявить» скота въ душѣ приватъ-доцента Полканова?

Онъ столкнулъ его съ деревенской барышней-красавицей, здоровой и сильной, *непосредственной* до предѣловъ возможнаго.

Однако, все это было такъ давно, что читателю, быть можетъ надо напомнить, какъ, не допускавшій самой мысли увлечься—подобно всѣмъ *)—примитивной деревенской красавицей, не понимающей разницы между «ботаникой» и «цвѣтоводствомъ», очень скоро—черезъ три мѣсяца знакомства—оказывается во власти самаго «весенняго» и ничуть не загадочнаго влеченія.

И М. Горькаго это искренно радуетъ!—Онъ ничуть не скрываетъ удовлетвореннаго чувства, съ которымъ водитъ своего героя отъ одного терзанія къ другому.

Единственное, что онъ оставляетъ своему герою, это способность безпристрастно взвѣшивать и оцѣнивать свое положеніе. Рефлектируя, Полкановъ признается, что «странная дѣвушка въ теченіе какихъ-то трехъ мѣсяцевъ превратила его почти въ животное» и что вся его душевная жизнь за эти три мѣсяца свелась неожиданно къ двумъ независимымъ элементамъ: одна половина его существа поглощена чувственной красотой дѣвушки и рабски созерцаетъ ее, другая механически отмѣчаетъ состояніе первой и чувствуетъ, что утратила власть надъ ней.

Душевное состояніе своего героя авторъ резюмируетъ словами: «Онъ чувствовалъ себя подавленнымъ позоромъ факта».

Полкановъ разсуждаетъ такъ: если *онъ*, утонченный въ духовномъ развитіи, оказался такъ слабъ, что не можетъ безъ «смятенія» сидѣть рядомъ за столомъ съ красивой дѣвушкой, то что же должна чувствовать она, здоровая и сильная, такъ опредѣленно выражающая интересъ къ «интересному» ученому и такъ просто—на первыхъ же порахъ, при первомъ же знакомствѣ—предлагавшая ему «пощупать у нея мускулы» на рукѣ (чтобы устранить всякія сомнѣнія въ правдивости ея разсказа о собственноручной расправѣ «папашиной нагайкой» съ пьянымъ работникомъ)!

Полкановъ такъ увѣренъ во взаимномъ настроеніи Вареньки, что напередъ учитываетъ, оставаясь наединѣ съ собой, всѣ неудобства имѣть въ лицѣ Вареньки «безспорно очень красивую, но страшно неудобную, тяжелую, глупую любовницу, съ характеромъ дикой кошки и съ грубѣйшей чувственностью, *это ужъ навѣрное*»!

Но М. Горькій жестоко разочаровываетъ своего героя. «Грубѣйшая чувственность» оказывается его исключительнымъ достояніемъ, въ которомъ дѣвушка ничѣмъ неповинна... Изображая и

*) Авторъ отмѣчаетъ, что Варенька—сокрушительница *всѣхъ* мужскихъ сердецъ въ деревенской округѣ.

издѣваясь, издѣваясь и изображая, М. Горькій разсказываетъ, какъ случай, наконецъ, привелъ Полканова ночевать подъ одной кровлей съ Варенькой (въ домѣ ея отца), и какъ онъ всю ночь не спитъ, ожидая оправданія своего прогноза насчетъ «грубѣйшей чувственности»... Что Варенька придетъ, онъ не сомнѣвается. Вѣдь дѣвушка такъ явно выказываетъ интересъ къ нему, интересъ и предпочтеніе! Въ чемъ же этотъ интересъ можетъ выразиться *у такой*, какъ Варенька?

Конечно, придетъ... какъ въ романѣ: тихо, неслышно и молча... Но бѣдняга напрасно не спитъ. Дѣвушка—«дитя природы», заинтересованная имъ только, какъ образчикомъ невиданной высшей культуры,—спитъ спокойно... Лишь подъ утро раздаются желанные шаги. Но это не Варенька: это М. Горькій снова издѣвается надъ лакированной душой, посылая медленную, «какъ волъ», толстую бабу Ѳеклу взять отъ эротическаго мечтателя сапоги для чистки!

Конечно, такой обманъ слуха, въ силу котораго «медленные, тяжелые» шаги Ѳеклы оказываются принятыми за сторожкіе шаги дѣвушки, пробирающейся ночью по правиламъ французскаго романа,—явно несообразенъ. Но М. Горькій не стоитъ за этой несообразностью, когда нужно «раздѣлать» врага, убѣдить его, что скотъ живетъ только въ его собственной лакированной душѣ.

Но горькая чаша для приватъ-доцента еще впереди, когда послѣ мучительной ночи, въ жанрѣ Брюсова, наступаетъ утро.

Полкановъ, бродя по берегу рѣки, наталкивается на купающуюся Вареньку. И *здѣсь* предѣлъ его скорби.

...ослѣпленный, онъ остановился.

Передъ нимъ, по поясъ въ водѣ, стояла Варенька, наклонивъ голову и выжимая руками мокрые волосы. Ея тѣло было розовое отъ холода и лучей солнца, на немъ блестѣли капли воды, какъ серебряная чешуя.

Въ свое время Варенька вызвала жестокія нападки на самого художника, хотя онъ очень старательно отдѣлялъ себя отъ героя, черезчуръ взвинченно описывая красоту, предстоявшую взорамъ Полканова.—Въ изображеніи Максима Горькаго (!) даже водяныя капли, по необходимости падавшія назадъ въ рѣку, старались дѣлать это какъ можно медленнѣе, не желая слишкомъ скоро разставаться съ прекраснымъ... Короче сказать, это было почти райское видѣнье. Ради безпристрастія авторъ готовъ повѣрить, что даже Полкановъ въ первую минуту могъ забыть, что онъ—Полкановъ; могъ забыть объ явной «глупости» и вѣроятной «грубой чувственности» купающейся передъ нимъ женщины; могъ забыть о своихъ ночныхъ ожиданіяхъ и терзаніяхъ... Во всякомъ случаѣ, волей автора передъ вами въ первую минуту даже Полкановъ не Полкановъ, а мистикъ-эстетъ, религіозно любующійся красотою дѣвушки:

«Онъ смотрѣлъ съ восторгомъ, съ благоговѣніемъ, какъ на что-то

святое—такъ чиста и гармонична была красота этой дѣвушки цвѣтущей силой юности, и онъ не чувствовалъ иныхъ желаній, кромѣ желанія смотрѣть на нее».

Не правда-ли: стоитъ къ этой выдержкѣ прибавить: смотрѣть на нее «и молиться»,—и нельзя будетъ М. Горькаго отличить отъ любовнаго романтика 40-хъ годовъ!?

Это, однако, уклоненіе въ сторону.

Для насъ интересно, какъ въ пониманіи М. Горькаго можетъ и должна реагировать на рѣчное любованіе непосредственная деревенская дѣвушка, способная, попросту, предложить «пощупать у нея мускулы».

И въ изображеніи автора «Вареньки» дѣвушка не раздѣлила даже и эстетическихъ восторговъ Полканова.

...хорошее такъ же кратко, какъ рѣдко красивое, и то, что видѣлъ Полкановъ,—онъ видѣлъ нѣсколько секундъ, ибо дѣвушка вдругъ подняла голову и съ гнѣвнымъ крикомъ быстро опустилась въ воду по шею.

Это ея движеніе отразилось въ его сердцѣ,—оно тоже, вздрогнувъ, какъ бы упало въ холодъ, стѣснившій его.

Чѣмъ дальше, тѣмъ рѣзче реагируетъ Варенька на насильное любованіе ею:

Дѣвушка смотрѣла на него сверкающими глазами, а ея лобъ разрѣзала злая складка, исказившая лицо испугомъ, презрѣніемъ и гнѣвомъ Онъ слышалъ ея негодующій голосъ:

— Прочь... идите прочь! Что вы? Какъ не стыдно!..

Но Полкановъ уже не мистикъ и не эстетъ, а то, что есть: университетское животное, оставленное для подготовки къ профессорскому званію.

...ея слова долетали до него откуда-то издалека, неясныя, ничего не запрещавшія ему. И онъ наклонился къ водѣ, простирая впередъ руки едва держась на ногахъ, дрожавшихъ отъ усилія сдержать его неестественно изогнутое тѣло, горѣвшее въ пыткѣ страсти.

. . . . . .

Она гнѣвно вскрикнула, сдѣлала движеніе, чтобы плыть, но остановилась, глухо и тревожно говоря:

— Уходите!.. я никому не скажу...

Но герой М. Горькаго остается, все ярче и ярче пріобрѣтая душу «гадкаго пса», какъ выражается Варенька.

— О! ты... гадкій песъ... ну, я тебя... —съ отвращеніемъ прошептала дѣвушка и вдругъ бросилась изъ воды къ нему.

. . . . . .

...ударъ по лицу чѣмъ то мокрымъ и тяжелымъ ослѣпилъ его и покачнулъ назадъ.

Дѣвушка—если вы припомните—не ударила, а *избила* героя, а успокоившись, прибавила, что она «могла бы *убить*».

— ...Что,—хорошо?.. Какъ вы придете въ домъ такой?.. весь скверный, грязный, мокрый, оборванный... Эхъ вы!.. Скажите хоть, что въ воду съ берега сорвались.. Не стыдно ли?.. Вѣдь я могла убить... если-бъ въ руки попало что другое.

II.

Таковъ культурный скотъ въ изображеніи М. Горькаго и таково нормальное отношеніе къ нему предмета его вожделѣній—женщины!

Нужно ли подчеркивать, что этотъ сардонически нарисованный портретъ принадлежитъ писателю, который никогда не былъ склоненъ къ моральному жеманству?

Нужно ли еще разъ подчеркивать, что возмездіе, въ самой яростной формѣ, этотъ писатель поручилъ не кому иному, какъ здоровой дѣвушкѣ, непосредственность которой граничитъ съ предѣломъ возможнаго?

Въ глазахъ этого писателя, очевидно, иной результатъ, по меньшей мѣрѣ, трудно себѣ представить.

Но прошелъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ, и все измѣнилось подъ старою луной: право насильно разглядывать купающихся женщинъ сдѣлалось однимъ изъ пунктовъ декларацiи человѣческихъ правъ своего рода, своего рода дополненіемъ къ демократической платформѣ, а женщина и дѣвушки, которыхъ застаютъ въ гораздо менѣе защитномъ видѣ, чѣмъ Полкановъ Вареньку, не только не аргументируютъ, чѣмъ придется, а даже довольны; если же не совсѣмъ довольны, то сердятся чуть-чуть, втайнѣ не совсѣмъ недовольныя!

Поворотъ въ психологіи—особенно женской—рѣшительный; если угодно даже цѣлый переворотъ.

Главная роль въ этой революціи принадлежитъ, какъ извѣстно автору «Санина».

Это почти трактатъ объ естественно-историческихъ правахъ Санина.

III.

Чтобы точно оцѣнить размѣры этого переворота, нужно очень немного: стоитъ только сравнить финальную сцену въ «Варенькѣ Олесовой» съ совершенно аналогичной сценой въ «Санинѣ».

Вы помните этотъ великолѣпный діалогъ объ естественномъ правѣ между Санинымъ и пѣвчимъ Ивановымъ, во время праздничной загородной прогулки?

Оба они во-всю насладились яркимъ солнечнымъ днемъ.

Близокъ конецъ дневнымъ впечатлѣніямъ.

Но на счастье обоихъ «ритмъ» событій не понижается: они

слышутъ гдѣ-то вблизи, около нихъ, за островомъ, голоса и смѣхъ купающихся женщинъ.

Санинъ немедленно предлагаетъ «пойти посмотрѣть».

На нерѣшительныя возраженія Санинъ энергично сплевываетъ и почти убѣждаетъ Иванова словами: «Нѣтъ *ни одного* мужчины, который бы не хотѣлъ видѣть красивую женщину... *и даже такого нѣтъ*, который хоть разъ бы въ жизни хоть мелькомъ бы не посмотрѣлъ...»

— Ну, такъ идемъ?

— Да я развѣ что...

— Дурень ты, вотъ что... Иди тише!—улыбаясь, сказалъ Санинъ.

Они почти ползкомъ проползли по душистой травѣ, тихо раздвигая звенящую осоку.

— Гляди, братъ!—восторженно сказалъ Ивановъ.

Зрѣлище оказалось, на самомъ дѣлѣ, захватывающимъ.

Купались какія-то барышни, судя по цвѣтнымъ кофточкамъ, юбкамъ и шляпкамъ, ярко пестрѣвшимъ на травѣ. Однѣ были въ водѣ, брызгались, плескались, и вода мягко обливала ихъ круглыя нѣжныя плечи, руки и груди. Одна высокая, стройная, вся *пронизанная* солнцемъ, отъ котораго казалась *прозрачной*, розовая и нѣжная, во весь ростъ стояла на берегу и смѣялась, и отъ смѣха весело дрожали ея розовый животъ и высокія дѣвичьи груди.

— О, братъ!—сказалъ Санинъ съ *серьезнымъ* восторгомъ.

Ивановъ въ испугѣ полѣзъ назадъ.

— Чего ты?

— Тише... это Карсавина!

— Развѣ? А я даже не узналъ... Какая же она прелестная!—*громко* сказалъ Санинъ.

— Н-да,—широко и жадно улыбаясь, сказалъ Ивановъ.

Въ это время ихъ услышали и, можетъ быть, увидѣли. Раздался крикъ и *смѣхъ*, и Карсавина, испуганная, стройная, гибкая, бросилась имъ навстрѣчу и быстро погрузилась въ прозрачную воду, надъ которой осталось только ея розовое съ блестящими глазами лицо.

Санинъ и Ивановъ, торопясь и путаясь въ осокѣ, счастливые и возбужденные, побѣжали назадъ.

— А-ахъ... хорошо жить на свѣтѣ!—сказалъ Санинъ, широко потягиваясь, и громко запѣлъ:

Изъ-за острова на стрежень
На просторъ рѣчной волны!..

IV.

Чтобы не забѣгать впередъ, не будемъ останавливаться на подчеркнутыхъ мѣстахъ.

Пока отмѣтимъ только, что центральное въ этомъ восторгѣ бытія обусловлено, по точному указанію автора, фактомъ, что купались не замужнія женщины, а барышни (и при томъ *всѣ* съ «круглыми нѣжными плечами», такими же руками и грудями) и сравнимъ эпизодъ—по г. Арцыбашеву и эпизодъ—по М. Горькому.

Не забудемъ, что послѣдній написалъ свой разсказъ въ поношеніе Полканова. Тѣмъ интереснѣе отмѣтить, какъ заботливо и осторожно онъ подготовляетъ финальную сцену насильственнаго любованія женскимъ тѣломъ. Ему не кажется мыслимымъ такъ просто, безъ всякихъ «осложненій», послать Полканова подглядѣть купающуюся *знакомую* дѣвушку, хотя М. Горькій и оговаривается съ самаго начала, что его герой вообще «не былъ скроменъ съ женщинами». Чтобы подготовить это насильственное любованіе, авторъ Вареньки заставляетъ ученаго человѣка пережить мучительно-дергавшую ночь съ эротическими ожиданіями! Только при такихъ условіяхъ М. Горькій считаетъ возможнымъ захватить своего героя безъ прикрасъ.

У г. Арцыбашева ничего не нужно, никакихъ осложненій! Все очень просто.

Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить эпизодъ у М. Горькаго и у автора «Санина», что называется, по пунктамъ.

У М. Горькаго Полкановъ наталкивается на купающуюся Вареньку неожиданно для самого себя.

У г. Арцыбашева Санинъ по шуму женскихъ голосовъ догадывается и идетъ разыскивать купающихся.

У М. Горькаго Полкановъ совершаетъ «преступленіе» въ одиночку и, стыдя его, Варенька обѣщаетъ ему, что никому не скажетъ.

У г. Арцыбашева—герой идетъ со свидѣтелемъ, котораго вдохновенно и успѣшно убѣждаетъ не стыдиться, утверждая, что *нѣтъ* такого мужчины, который не подглядывалъ бы купающихся женщинъ!

У М. Горькаго герой застаетъ дѣвушку по поясъ въ водѣ и одну!

У г. Арцыбашева—на берегу и въ обществѣ другихъ женщинъ.

И, тѣмъ не менѣе, конецъ событія такъ же различенъ, какъ его подробности.

У М. Горькаго—поклонникъ женской красоты и алкатель избитъ, да еще мокрымъ бѣльемъ.

У г. Арцыбашева уходитъ «счастливый и возбужденный» такъ же, какъ и его спутникъ. Уходитъ, резюмируя впечатлѣнія словами: «А-ахъ... хорошо жить на свѣтѣ!»

Наконецъ, у М. Горькаго объектъ его презрѣнія только вожделѣетъ, какъ «гадкій песъ», по квалификаціи дѣвушки.

У г. Арцыбашева субъектъ любованія совершаетъ все, что хочетъ, при первой же «удобной» встрѣчѣ съ дѣвушкой!..

Сравните эти два портрета, изъ которыхъ болѣе мягкій нарисованъ въ цѣляхъ поношенія, а грубѣйшій—въ цѣляхъ прославленія, и вы на самомъ дѣлѣ должны придти къ выводу, что окружающая насъ жизнь пережила цѣлый геологическій періодъ, даже

катаклизмъ. Что-нибудь несомнѣнно измѣнилось: или дѣйствительныя переживанія, или способность художниковъ изображать дѣйствительность въ видѣ сна наяву.

Если бы повѣсть называлась: «Черезъ двѣсти лѣтъ», никакихъ сомнѣній не могло бы быть. Черезъ двѣсти, сто или даже пятьдесятъ лѣтъ все можетъ быть.

Но авторъ не хочетъ откладывать такъ далеко торжество своего героя. Его Санинъ живетъ въ условіяхъ явной современности, включая злободневные споры теоретическаго характера. Ему приходится считаться даже съ реальными подробностями современной жизни, въ родѣ некультурности толпы.

Но если передъ нами наше собственное сегодня; если повѣсть написана реалистически (г. Арцыбашевъ реалистиченъ вплоть до стараго натурализма), то, очевидно, мы въ правѣ требовать отъ автора правды.

Удовлетворяетъ-ли «Санинъ» этому требованію? Представляетъ-ли повѣсть тотъ художественный документъ, по *подробностямъ* котораго (не по настроенію самого автора) будутъ впослѣдствіи судить о переживаемой нами полосѣ жизни? Другими словами, удовлетворяетъ-ли повѣсть двойному требованію: правды реалистической—въ изображеніи и правды психологической—въ развертываніи событій?

V.

Разобраться въ этомъ вопросѣ намъ поможетъ одинъ «пунктъ», который мы намѣренно оставили въ сторонѣ, сравнивая на изображеніяхъ М. Горькаго и автора «Санина» вѣкъ настоящій и вѣкъ минувшій.

Это—отношеніе *женщинъ* къ теоріи и даже къ практикѣ санинскаго новаторства.

Женщины г. Арцыбашева такъ же не похожи на Вареньку М. Горькаго, какъ Полкановъ на Санина. — Параллель между «жертвами» получается такая-же убѣдительная, какъ и при сравненіи субъектовъ «преступленія».

У М. Горькаго дѣвушка была, какъ вы помните, по поясъ въ водѣ, когда замѣтила Полканова, и испуганно погрузилась по шею, какъ только увидѣла Полканова.

У г. Арцыбашева Карсавина стоитъ на берегу во весь ростъ Когда купальщицы замѣчаютъ Санина, раздаются «смѣхъ и крикъ» и Карсавина бросается въ воду, предварительно пробѣжавъ по берегу *лицомъ* къ наблюдателямъ.

У М. Горькаго Варенька говоритъ, что она убить могла-бы, если-бы подъ руки попало что другое.

У М. Арцыбашева никто не угрожаетъ ни серьезно, ни даже полусерьезно. Когда Санинъ ушелъ, по свидѣтельству автора,

«изъ-за зеленыхъ деревьевъ еще долго слышался торопливый, смущенный и *радостный* смѣхъ женщинъ, которымъ было стыдно и весело».

Женщины оказались такъ-же довольны инцидентомъ, какъ и самъ Санинъ.

Остальное само собой разумѣется.

Само собой разумѣется, что, встрѣтившись съ Санинымъ, впервые въ жизни, послѣ эпизода съ купаньемъ, Красавина не только ни словомъ не заикается объ оскорбленіи, за которое Варенька «убить» могла, но охотно соглашается плыть въ лодкѣ: ночью и вдвоемъ.

И само собой разумѣется—у автора «Санина»—чѣмъ все это кончается.

Но это еще верхъ правдоподобія по сравненію съ дальнѣйшими деталями.

Когда Санинъ приходитъ къ Карсавиной уже послѣ эпизода, онъ рѣшается увѣрять плачущую дѣвушку... Впрочемъ, своими словами этого нельзя передать: слово должно принадлежать самому автору.

— Вы страдаете, а вчера было такъ хорошо! — говорилъ онъ: — Но вѣдь эти страданія оттого только, что жизнь наша устроена безобразно, что люди сами назначили плату за свое собственное счастье... А если бы мы жили иначе, эта ночь осталась бы въ памяти насъ обоихъ, какъ одно изъ самыхъ цѣнныхъ, интересныхъ и прекрасныхъ переживаній, которыми только и дорога жизнь!..

— Если-бы!—машинально сказала Карсавина и вдругъ, неожиданно и для себя самой, улыбнулась лукаво.

Какъ будто солнце взошло, какъ будто птицы запѣли и зашумѣли травы, *такъ стало легко и свѣтло въ душѣ* отъ ея улыбки.

Эта лукавая улыбка скоро гаснетъ, но она все-таки *была* у дѣвушки-учительницы, у дѣвушки, которая напередъ знаетъ, что ей въ будущемъ готовитъ (возможное) материнство, и потому—представляетъ одну изъ самыхъ цѣнныхъ подробностей для анализа «Санина».

Оцѣнивать какое-нибудь широкое явленіе въ жизни, опредѣлить свое къ нему отношеніе, — иногда очень тяжелая и рискованная вещь. Особенно, если вы не можете отозваться на него сочувственнымъ душевнымъ движеніемъ. Волей-неволей вы должны колебаться: кто обладаетъ ложнымъ зрѣніемъ — вы или художникъ. Но иногда выручаетъ какой-нибудь пустякъ, какая-нибудь подробность, какъ это часто бываетъ съ выдержанными, но ложными свидѣтельскими заявленіями въ разныхъ случаяхъ.

Такую роль въ «Санинѣ» играетъ лукавая улыбка Карсавиной. Хотя въ этотъ моментъ, по свидѣтельству самого автора, будущая жизнь представлялась Карсавиной не иначе, какъ «въ видѣ тем-

ныхъ, разорванныхъ и грязныхъ клочьевъ изъ сплетенъ, насмѣшекъ, горя и стыда, доходящаго до позора», тѣмъ не менѣе, она все-таки *лукаво* улыбается при мысли, какъ пріятенъ былъ-бы ночной эпизодъ, если-бы человѣчество иначе смотрѣло на такіе эпизоды!

Какъ оцѣнить такую подробность съ точки зрѣнія художественнаго (т. е. психологическаго) правдоподобія? Едва-ли это можно сдѣлать мягче, чѣмъ словомъ Dichtung.

Эта лукавая улыбка (допустите у Карсавиной какой угодно строй убѣжденій)—вѣдь это, несомнѣнно, Dichtung.

Несомнѣнно, что г. Арцыбашевъ сотворяетъ *взамѣнъ* дѣйствительности, а не изображаетъ дѣйствительность.

Но зачѣмъ?

VI.

Знаетъ ли авторъ, сознаетъ ли, что онъ творитъ—выражаясь точно—дѣйствительность? И вѣритъ ли въ своего Санина? На второй вопросъ можно отвѣтить вполнѣ опредѣленно: вѣритъ. Вѣритъ, что Санинъ существуетъ; вѣритъ, что ему принадлежитъ будущее; вѣритъ, что онъ—какъ разъ тотъ самый нужный жизни человѣкъ, который сумѣетъ ее выпрямить и расправить.—Въ этомъ и заключается трагикомедія г. Арцыбашева, какъ автора.

Его Санинъ *долженъ* побѣдить, потому что все въ немъ и весь онъ—по слову Ничше:

«Сладострастіе, властолюбіе, себялюбіе: это троякое зло было до сихъ поръ наиболѣе проклинаемо, на него клеветали больше всего,—это троякое зло хочу и я человѣчески-тщательно взвѣсить.

. . . . . .

«Сладострастіе: для всѣхъ кающихся и ненавидящихъ тѣло это—похоть и умерщвленіе, «міръ» проклятъ у всѣхъ мечтающихъ о другомъ мірѣ: ибо оно презираетъ и гонитъ отъ себя всѣхъ учителей лжи.

«Сладострастіе: это медленный огонь для толпы, на которомъ горитъ она; для червивыхъ деревьевъ, для всѣхъ тряпокъ вонючихъ—это великая, пылающая печь.

«Сладострастіе: невинно и свободно оно для свободныхъ сердецъ, счастье рая на землѣ, благодарный избытокъ будущаго надъ настоящимъ.

«Сладострастіе: это сладкій ядъ лишь для увядшихъ, для тѣхъ же, у кого воля льва, это—великое сердечное подкрѣпленіе, вино изъ винъ, благоговѣйно сбереженное.

. . . . . .

«Сладострастіе—однако, я хочу наложить узду на мысли мои и также на слова мои: чтобъ не ворвались въ сады мои свиньи и изступленные!»

(«Такъ говорилъ Заратустра». Часть третья. «О троякомъ злѣ»).

Развѣ эти строки—не эскизъ, а «Санинъ»—не полотно по этому готовому эскизу?

Развѣ у Санина не «свободное сердце» и не «воля льва»? Развѣ онъ не красивое опроверженіе клеветы на сладострастіе и себялюбіе?

Какъ заботливо подготовляетъ авторъ это впечатлѣніе «льва» для своего героя!—Санинъ—красавецъ. Санинъ—силенъ. Санинъ—статенъ. Санинъ—уменъ. Санинъ всегда побѣдоносенъ въ спорахъ. Санинъ мѣтокъ въ сужденіяхъ, Санинъ всегда видитъ всѣхъ насквозь; у него «острый, *все* видящій взглядъ». Онъ знаетъ даже, что *думаетъ* кто-нибудь въ его присутствіи.

И такъ какъ онъ левъ, то сладострастіе въ немъ, конечно, должно быть «свободно и невинно».

Въ качествѣ льва съ свободнымъ сердцемъ, онъ выпуститъ бабочку, случайно залетѣвшую въ комнату. Онъ не хочетъ ничьей гибели, ничьего страданія. Не хочетъ и страданья Карсавиной. Онъ только левъ; онъ только свободное сердце, и сладострастіе для него—«великое сердечное подкрѣпленіе».

Такъ говорилъ Заратустра, и г. Арцыбашевъ могъ бы точно указать и страницы, и строфы, и строки.

Онъ принялъ во вниманіе даже оговорку Ничше о тѣхъ, кого онъ не желалъ бы пустить въ садъ свой. Санинъ рѣзко разграничиваетъ себя отъ нежеланныхъ гостей Заратустры и самъ грубо смѣется надъ людьми, которымъ нужно брюхо проститутки.

Онъ совсѣмъ не то. Онъ пантеистъ жизни, для котораго сладострастіе—«вино изъ винъ», законно ему принадлежащее.

До какой степени цѣленъ Санинъ (или отваженъ авторъ въ своемъ замыслѣ), ясно изъ одной подробности.

Кто можетъ объяснить, почему братъ не можетъ любить сестру,—«любить» въ томъ специфическомъ смыслѣ, который имѣетъ это слово во всякаго рода проблемахъ пола? Кто можетъ доказать понятными Санину доводами, что это не предразсудокъ?

Никто. И человѣкъ съ свободнымъ сердцемъ и волей льва готовъ воспользоваться своей красавицей-сестрой, такъ же точно, какъ онъ воспользовался Карсавиной...

Именно этимъ онъ и «правъ» передъ Богомъ, какъ значится въ эпиграфѣ.

Онъ не знаетъ никакихъ путъ для своихъ мысли и чувства. На его душѣ нѣтъ никакихъ «гирь». Все, что у него въ побужденіи, то и въ исполненіи.

Естественно, что на немъ всѣ лучшія надежды автора.

Онъ *есть*, и будущее принадлежитъ ему.

Но вѣдь настоящее, въ которомъ онъ живетъ, къ несчастью для замысла, не будущее, и потому онъ полунамѣренно-полуне-

сознательно—создаетъ для него наиболѣе благопріятныя условія изъ числа возможныхъ. А отсюда, конечно, рукой подать до формальной раскраски существующей дѣйствительности подъ тонъ желаемаго...

Вѣдь для торжества Санина необходимо, чтобы его *хотѣли* окружающіе принять такого, какъ онъ есть,—въ качествѣ воплотителя новой—новой и нужной, единственно нужной—правды о человѣкѣ и правды въ человѣкѣ И мы видѣли, какъ это дѣлаетъ онъ или, вѣрнѣе, что онъ для этого дѣлаетъ. Онъ заботливо убираетъ съ пути женолюбиваго героя *Вареньку Олесову* и всѣхъ, сколько-нибудь похожихъ на нее. Ихъ нѣтъ отнынѣ и во-вѣки въ окружающей жизни; онѣ исчезли разъ навсегда. Это такая же ископаемая рѣдкость, какъ ихтіозавръ. Ибо такъ хочетъ авторъ. Ибо такъ нужно, чтобы вы приняли будущее торжество Санина; такъ нужно—въ интересахъ обаянія личности его героя,—обаянія, которому онъ самъ сполна подчинился. Такъ онъ хочетъ, и потому, вмѣсто Олесовой, есть только Карсавина, что улыбается, воскрешая въ памяти пріятный моментъ изнасилованія, и прощается «низкими дѣвичьими нотами» въ голосѣ съ человѣкомъ, котораго она *не* любитъ,—съ человѣкомъ, который вдобавокъ (она не сомнѣвается въ этомъ) не просто раздавилъ ея жизнь, а столкнулъ въ злую яму провинціальной нетерпимости и лицемѣрія.

Та же удача Санину и въ отношеніи сестры... Въ изображеніи автора, онъ правъ не только передъ Богомъ, но и передъ сестрой. Она почти готова идти на встрѣчу его «великому сердечному подкрѣпленію», и если не идетъ,—если въ ней живетъ како-то глухой протестъ, какое-то глухое противодѣйствіе, то только потому, что она не обладаетъ безграничной цѣльностью Санина.

Совершенно такъ же убираетъ съ пути Санина и мужчинъ, которые могутъ оказать сопротивленіе замысламъ автора о Siegeslauf'ѣ Санина. Одни не рѣшаются, потому что не смѣлы, а не смѣлы, потому что чувствуютъ за нимъ неожиданно выросшую правду. Другіе, какъ Зарудинъ, «случайно» оказываются менѣе сильными физически, чѣмъ Санинъ. Третьи недостаточно находчивы и потому въ столкновеніи съ нимъ тоже безсильны.

Въ результатѣ этой авторской усиленной охраны—ничѣмъ не омрачаемое торжество Санина: его Siegeslauf на 260 страницахъ.

Всѣхъ привлекаетъ въ немъ и всѣхъ поражаетъ онъ именно тѣмъ, чѣмъ хочетъ авторъ: своимъ необычайно здоровымъ отношеніемъ къ окружающему и происходящему вокругъ него. Онъ живетъ и только. Какъ будто въ его лицѣ жизнь принесла всѣмъ (включая *женщинъ*) какъ разъ то самое, чего всѣмъ не доставало.

При встрѣчѣ, напримѣръ, съ Карсавиной впечатлѣнія злополучной учительницы отъ человѣка будущаго авторъ характеризуетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Она... постоянно слышала о немъ, какъ о человѣкѣ, совершенно своеобразномъ, и сама чувствовала въ его

присутствіи приближеніе чего-то *новаго*, интереснаго и волнующаго».

Конечно, онъ не чувствуетъ, сколько сарказма въ этой характеристикѣ Санина мыслями Карсавиной, если вспомнить то, что совершится съ ними черезъ какой-нибудь часъ, исчерпывая все мірообновляющее въ Санинѣ!

Но авторъ, какъ очарованный, говоритъ и пѣснопѣвствуетъ!

И всѣ въ повѣсти такіе же зачарованные! Всѣ точно сговорились не останавливаться на сущности санинскаго «здороваго» безразличія ко всему, что не онъ и не въ его интересахъ! Никому не приходитъ въ голову: почему, на самомъ дѣлѣ, должно завидовать, что Санинъ не идетъ, а ломится по прямому направленію, не вѣдая никакихъ колебаній? Вѣдь и лунатики идутъ, не зная никакихъ колебаній!.. Было бы желательно, если бы и нормальные люди умѣли, *когда нужно*, ходить такъ просто по карнизамъ, безъ страха ошибки, но это все-таки для нихъ не возможно. А больнымъ возможно, и имъ никто не завидуетъ. Почему же это такъ завидно у Санина?

Здѣсь снова *воля* автора. Санинъ не отравляетъ *себѣ* жизнь подобно Сварожичу вѣчными колебаніями, куда идти: направо или налѣво.

А г. Арцыбашевъ, повидимому *самъ* бы хотѣлъ *для себя* этого здороваго безразличія и санинскаго «пантеизма». По крайней мѣрѣ, описывая отчаяніе и горе своихъ второстепенныхъ персонажей, онъ нерѣдко дѣлаетъ приписку въ родѣ слѣдующей: «Въ эту минуту Лида была такъ красива, такъ сильна и гибка, что, несмотря на отчаяніе и слезы, выглядѣла *удивительно* новой и молодой». Или: «Соловейчикъ повѣсился... вотъ!—Да не можетъ быть!—вскрикнула Леля, вскакивая *вся бѣлая, розовая и золотая*».

И вотъ онъ готовъ допустить, что санинская непосредственность вплоть до возможности обругать покойника среди близкихъ ему людей—только ничѣмъ не *омраченное здоровье* *).

VII.

Вы вправѣ, конечно, все-таки спросить: ну, а все-таки: что, если Варенька Олесова не ископаемый типъ? Что тогда? Что, если среди близкихъ какого-нибудь другого Сварожича, помимо желанія автора, окажется такой, который будетъ сильнѣе физически Санина и не захочетъ ограничиться порицаніемъ, какъ огра-

*) Между прочимъ, любопытно, отъ какого корня происходитъ фамилія Санина, отъ русскаго или латинскаго (sanitas—здоровье)? Если отъ латинскаго, то прозвище героя г. Арцыбашева является чѣмъ-то въ родѣ термина для сущности человѣческаго здоровья, какъ слово „ванилинъ"—терминъ у химиковъ для обозначенія химической сущности ванили.

ничиваются гимназисты (только они и возмущены у г. Арцыбашева) въ сценѣ похоронъ Сварожича? Что, если вообще окажутся люди, а въ особенности—женщины, которые не захотятъ быть простымъ матеріаломъ для радости санинскаго бытія?

Все это вы вольны спросить. Но отвѣта вы не получите.

Въ будущемъ—санинскомъ будущемъ—такихъ людей не будетъ. Все будетъ гармонично между волками и волчьей ѣдой. За это ручается авторъ. Все «образуется».

А пока онъ торопится кончить свой романъ. Онъ торопливо усаживаетъ его въ символическій вагонъ со «всѣми», но со «всѣми» онъ ѣхать не можетъ: рядомъ какой-то мужикъ истязуетъ свою жену, и Санинъ выскакиваетъ изъ символическаго поѣзда жизни и символически идетъ въ одиночку навстрѣчу солнцу!

Если вы переведете эти символы въ ультра-реалистическомъ романѣ, какъ попытку автора спастись отъ естественнаго вопроса: что же будетъ съ Санинымъ дальше, если онъ снова ночью поѣдетъ въ лодкѣ и вмѣсто Карсавиной окажется Олесова, то вы будете недалеки отъ истины.

Впрочемъ, дѣло вѣдь не въ настоящемъ, а въ будущемъ.

Это вѣдь только грезы автора, силкомъ втиснутыя въ условія современности.

VIII.

Мы подошли къ самому спорному вопросу: о художественной цѣнности «Санина».

Съ нашей точки зрѣнія вопросъ отчасти уже предрѣшенъ предыдущими замѣчаніями.

Можетъ ли считаться разрѣшенной задача? Можетъ ли изображаемый персонажъ быть живымъ, если онъ дѣйствуетъ въ реалистической повѣсти, среди реальной обстановки, но среди несуществующихъ условій, съ упраздненіемъ несомнѣнно существующихъ въ жизни Варенекъ Олесовыхъ и проч., и проч.?

Здѣсь можетъ быть рѣчь только о степени, съ которой удалось автору скрыть отъ читателя свои затрудненія, загипнотизировать его подробностями въ разрисовкѣ самого Санина—почти an und für sich?

Въ этомъ отношеніи авторъ проявилъ, несомнѣнно, много искусства и изобрѣтательности. Все, что могъ онъ сдѣлать, чтобы обезпечить Санину симпатіи читателя, онъ сдѣлалъ, и не его вина, если не всякое дѣло можетъ быть выиграно при помощи искусства.

Въ этомъ, повторяемъ, творческая трагикомедія г. Арцыбашева.

Повѣсть не напрасно наименована по главному дѣйствующему лицу. Все остальное и всѣ остальные въ «Санинѣ»—волей-неволей только аксессуары для того, чтобы сдѣлать яркимъ Санина. И

онъ, на самомъ дѣлѣ, ярокъ по той опредѣленной характеристикѣ, на которую любовно не скупится г. Арцыбашевъ. Въ интересахъ Санина всѣ окружающіе только намѣчены, а онъ вырѣзанъ на доскѣ; всѣ схематизированы, а ему придана скульптурная выпуклость. Всѣ привлекательныя черты, какія авторъ могъ ему придать, онъ придалъ, какъ мы видѣли. Неизмѣнное авторское поклоненіе создаетъ для главнаго дѣйствующаго лица повѣсти желательную атмосферу, которая временами заражаетъ и васъ.

Но что-то мѣшаетъ.

Временами васъ беретъ даже сомнѣніе въ личности излюбленнаго героя г. Арцыбашева,—вы готовы сосчитать у него ноги: не ошибся-ли брошюровщикъ въ переплетной? Не попали-ли въ повѣсть нечаянно страницы изъ Купринскаго «Изумруда»?

Но при повѣркѣ оказывается, что все въ порядкѣ и никакихъ сомнѣній не должно бы быть.

Мѣшающія впечатлѣнія, однако, остаются. Пока вамъ не приходитъ въ голову, что вы не обязаны становиться на точку зрѣнія автора. Можно вѣдь спросить себя: кѣмъ Санинъ *долженъ* быть для читателя по замыслу автора? И можно спросить: кѣмъ онъ *получился* въ авторскомъ исполненіи, независимо отъ авторскихъ намѣреній? Это вѣдь не всегда совпадаетъ у художниковъ.

Если вы станете на эту точку зрѣнія, всѣ колебанія кончаются.

Весь образъ освѣщается сразу опредѣленнымъ свѣтомъ.

Для васъ ясно, что всѣ ваши недоразумѣнія обусловлены только тѣмъ, что авторъ простодушно выдавалъ своего героя за homo novus'a.

Между тѣмъ, это—вашъ старый хорошій знакомый,—всѣмъ знакомый типъ человѣка, лозунгъ котораго брать гдѣ можно и гдѣ нельзя, но съ непремѣннымъ условіемъ: брать, и ни въ какомъ случаѣ ничего не давать въ замѣнъ, если это связано хоть съ крошечнымъ ущербомъ—или даже напряженіемъ—для него самого. Это—смѣшанный типъ не то хищника, не то паразита, счастливаго, беззаботнаго и преуспѣвающаго, пока можно.

При напряженномъ исканіи матеріальныхъ благъ и комфорта, изъ этого типа вырабатывается разновидность хищника, борца за жизнь—въ дарвиническомъ смыслѣ этого термина. При беззаботности насчетъ завтрашняго дня, при готовности удовлетвориться питіями изъ самодѣльнаго стаканчика и огурцомъ—Санинъ.

Провѣрьте эти впечатлѣнія на протяженіи всей повѣсти. Гдѣ и когда онъ что-нибудь далъ хоть съ крошечнымъ ущербомъ для себя? Нигдѣ и никогда. Это немыслимо уже потому, что этого ему никогда не разрѣшилъ бы апологетъ-авторъ. И онъ всегда беретъ и именно этимъ и приводитъ въ восторгъ всѣхъ, начиная съ автора.

Это—типъ неизбѣжный во всякомъ общественномъ или идей-

номъ движеніи; всякій дефектъ въ движеніи находитъ въ немъ самаго искренняго выразителя: онъ здѣсь въ своей стихіи, онъ здѣсь сама непосредственность, онъ здѣсь выраженіе самого себя... Бунтъ противъ традиціонной морали; вульгаризованная проповѣдь ницшеанскаго себялюбія и сладострастія (а въ иныхъ случаяхъ и властолюбія); всякая «проблема» съ законной провѣркой существующихъ моральныхъ догмъ—для него, само собой, такой же благодатный дождь, какъ война для мародера.

И нова въ современной разновидности этого типа только его своеобразная лучистость, какъ въ дѣйствительности, такъ и въ «Санинѣ».

Въ этомъ, однако, нѣтъ ничего неожиданнаго. Переживаемая путаница въ русской (и европейской) мысли представляетъ, несомнѣнно, много благопріятныхъ условій для Siegeslauf'а Санина. И Санинъ это чувствуетъ; это на немъ отражается; это дѣлаетъ его въ художественномъ отношеніи новымъ и интереснымъ. За то автора «Санина» это же самое дѣлаетъ почти...

... забавнымъ! Развѣ можно на самомъ дѣлѣ сохранить серьезное настроеніе, когда авторъ начинаетъ горячо предстательствовать въ пользу Санина въ связи съ самоубійствомъ сестры (послѣ эпизода съ Зарудинымъ), которое предупредилъ онъ, Санинъ. Сестра готова покончить съ собой, потому что ей предстоитъ материнство, и Санину становится, по словамъ г. Арцыбашева, *страшно* за то, что съ нею случится. Если вы забыли эту сцену и вамъ придетъ въ голову, что Санину просто — вѣдь не звѣрь же онъ — стало страшно за *сестру*, то вы ошибетесь и оскорбите и Санина, и автора. Неужели герой г. Арцыбашева способенъ на такое тривіальное душевное движеніе: *просто* за сестру! Душевная боль просто за сестру! Конечно, нѣтъ! Санинъ—пантеистъ жизни; онъ—фанатикъ бытія; дороже всего ему радость жизни, и если ему «страшно» стало, то не за сестру, не за нее самое, а за человѣчество, по крайней мѣрѣ, за «многихъ», которымъ его сестра могла бы доставить «счастіе»!

Вотъ этотъ возмутительный по существу, но забавный въ устахъ апологета отрывокъ:

«Ему вдругъ просто стало *страшно*, что не удастся уговорить ее, и эта красивая, солнечная, молодая женщина, *способная дать счастье многимъ людямъ*, уйдетъ въ безсмысленную пустоту».

Такъ какъ изъ предыдущаго Санину извѣстно, что онъ не будетъ имѣть своей доли въ этомъ счастьѣ многихъ, то вамъ приходится констатировать новый комическій пассажъ: разрушеніе авторскаго замысла о цѣльномъ человѣкѣ «подъ Ницше», не вѣдающемъ никого и ничего внѣ себя и своихъ интересовъ. Санинъ безкорыстно болѣетъ—да какъ болѣетъ! за «многихъ»!

Судите сами, возможенъ ли авторъ простодушнѣе автора «Санина!» Предстательствуя за своего героя, ища необычайныхъ

объясненій для каждаго его душевнаго движенія, не замѣтилъ даже, какъ позаимствовалъ «благопріятные» мотивы совсѣмъ не тамъ, гдѣ нужно: вмѣсто Ничше, что называется, хватилъ отъ старыхъ утилитаристовъ съ возможно большимъ счастьемъ возможно большаго количества! Въ результатѣ и дикій, и комическій пассажъ: его герой нежданно болѣетъ душой за «многихъ», которымъ не достанется его сестра, если умретъ прежде, чѣмъ состарится!

Явный побѣгъ изъ подъ знамени и явная измѣна самому себѣ.

Въ одномъ герой г. Арцыбашева простъ и не измѣнилъ себѣ въ разсказанномъ эпизодѣ: для него женщина никогда не бываетъ человѣкомъ, а только *матеріаломъ* для наслажденія.

Разъ—женщина, значитъ—матеріалъ для него, Санина: въ зависимости отъ бедеръ и прочаго—матеріалъ хорошій или матеріалъ плохой, но всегда матеріалъ. Матеріалъ, но не человѣкъ.

Этого снова не замѣчаетъ авторъ (тѣмъ-то и любопытенъ «Санинъ») и вкладываетъ ему въ уста *горячую* защиту сестры передъ ея бывшимъ женихомъ въ такомъ родѣ: «Ты идіотъ! если-бы подъ твоимъ черепомъ ворошилась хоть одна *здоровая чистая* мысль, развѣ ты страдалъ бы такъ и дѣлалъ несчастнымъ себя и другихъ оттого только, что женщина, свободная и молодая, выбирая самца, ошиблась.., Что тебѣ до ея прошлаго? Она стала хуже, меньше доставитъ наслажденія?... Вѣдь у нея остались *тѣ-же руки, тѣ-же ноги*, та-же страсть и жизнь»!

Припомните эту простодушно разсказанную сцену: гдѣ въ ней хоть одно слово о *человѣкѣ*, независимо отъ бедеръ, рукъ и грудей? Впрочемъ, даже эти бедра, руки и ноги *не для нея самой*: вы помните, что при мысли о самоубійствѣ сестры ему «страшно» стало не отъ того, что *она* не воспользуется своими бедрами, ногами и руками для *своего* «счастья», а только отъ того, что она уничтожитъ весь этотъ матеріалъ, столь нужный «многимъ»! И бедра, и руки ей принадлежатъ ровно настолько, насколько шерсть принадлежитъ овцѣ. Въ этомъ отношеніи Санинъ вѣренъ самому себѣ.

Тѣмъ хуже для автора; тѣмъ хуже для авторской грезы о новомъ человѣкѣ, если онѣ обнимаютъ и интересы женщины. Тѣмъ лучше для русской литературы, не обязанной считаться съ тѣмъ, что хотѣлъ изобразить художникъ.

Для нея достаточно и того, что онъ далъ, мистифицируя самого себя: обликъ человѣка съ выгодною этикеткой ничшеанца *).

---

*) Послѣднія извѣстія говорятъ о шумномъ успѣхѣ „Санина" — въ Германіи.

Въ этомъ нѣтъ ни неожиданнаго, ни непонятнаго.—Во всякомъ случаѣ, зарубежный успѣхъ „Санина" гораздо легче понять, чѣмъ его преувеличенный успѣхъ среди соотечественниковъ Санина.

Въ самомъ дѣлѣ, какія причины могутъ быть у нѣмцевъ, чтобы не принять въ серьезъ все, что разсказано въ „Санинѣ" объ этической ре-

IX.

Въ заключеніе нѣсколько словъ изъ области, промежуточной между патологическимъ и веселымъ.

1907 годъ—годъ появленія въ печати «Санина»—займетъ въ исторіи литературы совершенно особое мѣсто. Это—годъ спеціальнаго хожденія русскихъ беллетристовъ по мѣстамъ женскаго купанья.

Ибо, кромѣ г. Арцыбашева, ходили многіе другіе; ходилъ г. Потапенко («Исторія одной молодости». «Совр. Міръ»); ходилъ и г. Сѣрошевскій («Бракъ». «Русск. Мысль»).

Даже г. Потапенко; даже г. Сѣрошевскій.

У обоихъ почти въ деталяхъ повторяется все та же сцена: нѣкто подбирается и любуется женскимъ тѣломъ.

У одного для этого—одна мотивировка, у другого—другая. Но у обоихъ дороги ведутъ въ Римъ, т. е. къ мѣсту, гдѣ купается въ чудесную погоду женщина съ чудесномъ тѣломъ.

Разница только въ географіи—въ мѣстѣ, гдѣ купаются: у г. Потапенко дѣйствіе происходитъ на берегу малороссійскаго озерка, у г. Сѣрошевскаго—въ Якутской области, въ рѣкѣ.

Наименьшую смѣлость въ руководительствѣ читателемъ обнаружилъ г. Потапенко.

Онъ чувствуетъ, что беллетристъ, желающій идти въ ногу съ вѣкомъ, долженъ отвести читателя на купальныя мѣста, но не рѣшается это сдѣлать такъ же просто, какъ г. Арцыбашевъ.

Его герой—мальчикъ до поступленія въ гимназію, былъ настоящимъ ребенкомъ. Онъ купался до 10 лѣтъ вмѣстѣ съ своей подругой дѣтства и ровесницей, и это было для него въ порядкѣ вещей.

Но вотъ онъ попалъ въ гимназію... Разговоръ объ аистахъ

волюціи въ Россіи? Никакихъ. Наоборотъ, существуетъ рядъ причинъ, чтобы принять именно въ серьезъ, какъ „документъ". Во-первыхъ, Россія вообще страна чудесъ, и нѣтъ такой сверхъ логической вещи, въ которую не могли бы повѣрить, разъ рѣчь идетъ о Россіи. Во-вторыхъ, нѣмцы давно освѣдомлены, что половая имморальность—одна изъ особенностей русской молодежи: объ этихъ чудовищныхъ особенностяхъ ея чуть не на дняхъ говорилось въ Германіи urbi et orbi: и не гдѣ-нибудь, а въ рейхстагѣ съ канцлерскаго мѣста. Въ-третьихъ, „Санинъ" имѣлъ шумный успѣхъ у себя на родинѣ. Другими словами, былъ признанъ тамъ за „документъ" о происходящей революціи.

Откуда—самымъ внимательнымъ читателямъ въ Германіи—знать, что въ дѣйствительности даже Щедринскій городъ Глуповъ больше похожъ на реальный русскій городъ чѣмъ городъ г. Арцыбашева въ „Санинѣ"

среди гимназистовъ. Нелѣпое вмѣшательство директора, и все пропало. Отъ былой бездумности мальчика—къ тринадцати годамъ—не осталось и слѣда.

Онъ возвращается, въ первый разъ за три года, на каникулы домой и сейчасъ же отправляется подглядывать свою подругу дѣтства, когда она купается.

Онъ могъ бы это и просто сдѣлать: дѣвочка попрежнему бездумна (результатъ небытія въ гимназіи) и звала своего стараго компаньона по старому идти купаться вмѣстѣ.

Но онъ этого не хочетъ: онъ и стѣсняется, и предпочитаетъ быть одинъ, и не можетъ совладать съ собой.

Такъ или иначе, но, наконецъ, мальчикъ на берегу озерка, и читатель имѣетъ возможность снова убѣдиться, какъ велика и обильна Россія красивымъ женскимъ тѣломъ всякихъ возрастовъ.

И вотъ она подплыла къ берегу. На мелкомъ мѣстѣ она встала на ноги и свободно, въ полной увѣренности, что ея никто не увидитъ, шла, размахивая руками. Выйдя на песокъ, она *съ минуту* стояла, очевидно, предоставляя солнцу высушить ее.

Къ счастью для автора, «у нея осталась старая дѣтская привычка не брать съ собою простыни».

Маринка была сложена удивительно гармонично, ноги ея теперь не казались такими тонкими, какъ въ платьѣ, и вообще тѣло ея не было такимъ худымъ, какъ я представлялъ себѣ. У нея были красивыя плечи и очаровательная тоненькая шейка. Изъ прежнихъ, низко остриженныхъ—выросли довольно длинные темные волосы. Они быстро высохли на солнцѣ и распустились и казались такими пышными, шелковистыми. Всей своей массой они покрывали ея плечи и обвивали ея шею.

За первымъ случаемъ послѣдовалъ второй, при чемъ мальчикъ готовъ былъ разыграть роль Санина, предоставляя дѣвочкѣ роль Карсавиной. Но дѣвочка заплакала, и все дѣло ограничилось только тѣмъ, что герой-мальчикъ убѣдился, что «въ таинственномъ свѣтѣ сумерекъ» тѣло его пріятельницы казалось «розовато-прозрачнымъ». *Несмотря* на сумерки или *благодаря* сумеркамъ, это остается невыясненнымъ.

Въ общемъ, однако, все въ повѣсти г. Потапенка разрѣшается благополучно, несмотря на двукратное паломничество подъ иву, гдѣ купалась Маринка; несмотря даже на то, что мальчикъ чувствовалъ себя «звѣремъ» (его подлинное выраженіе), когда собирался сыграть роль Санина.

X.

Авторъ «Брака» въ «Русской Мысли» гораздо рѣшительнѣе г. Потапенка.

Ему не нужно никакихъ виноватыхъ педагоговъ. Съ него довольно и того, что Степанъ Мирскій, политическій ссыльный, женился на красавицѣ Софьѣ, и онъ быстро переходитъ къ рѣшительной сценѣ:

Холодныя прозрачныя струи роскошно обвились кругомъ ея стройныхъ ногъ и, по мѣрѣ того, какъ она погружалась все глубже, ласкали ея тѣло. Когда большая, серебристая рыба мелькнула вблизи, она не могла удержать громкаго крика испуга.

— Что случилось?—спросилъ Степанъ, появляясь у воды.

— Ничего, ничего! Уходи!

Между тѣмъ, онъ и не думалъ слушаться, сѣлъ на пескѣ, обнялъ руками колѣни и глядѣлъ на нее восторженными глазами.

— Какъ ты прекрасна!.. Да будетъ благословенъ міръ, природа и жизнь, создавшіе тебя! Да будутъ почтены страданіе и тоска, черезъ которыя мнѣ пришлось узнать и залучить тебя!.. Благо — страхъ твоей утраты, обостряющій чувства и утончающій страсти!.. Благо—самая тѣсность существованія, создающая жадность желаній.

Можете судить, до какой степени видѣніе было райскимъ, если человѣкъ началъ импровизировать въ такомъ родѣ насчетъ счастья «залучить» Софью и «почтенности» предшествовавшихъ этому обстоятельствъ: страданія и тоски ссыльнаго въ Якутской области!

— Что это? Плагіатъ изъ Веды?—спросила она смѣшливо.

Но слушала она, зардѣвшаяся и счастливая, эту незатѣйливую пѣсню любви, и прежнее, беззаботное настроеніе, казалось, возвращалось къ ней.

— Уходи уже, уходи! — шепнула она, наконецъ. — Холодно, хочу выйти.

Она собрала въ горсть свои разсыпавшіеся на спинѣ золотыя косы, *выжала ихъ* и свернула въ большой узелъ на макушкѣ. Онъ все не двигался, а когда она, не обращая уже на него вниманія, вышла на берегъ и наклонилась къ брошенной на пескѣ рубашкѣ, онъ придвинулся къ ней. Она спохватилась только тогда, когда горячая рука его коснулась ея. Она быстро уклонилась.

— Что ты?.. Съ ума сошелъ?.. Здѣсь?..

Она встряхнула головой и глаза ея блеснули гнѣвно и сурово.

— Что-жъ такое? Вѣдь нѣтъ... свидѣтелей... кромѣ рѣки и неба!—попробовалъ онъ пошутить съ неловкой улыбкой.

Дальше мы не пойдемъ. Съ насъ довольно этого. Пора отмѣтить то, что мы приберегли pour la bonne bouche. Замѣтили-ли вы, что и тотъ, и другой чичероне по мѣстамъ женскаго купанья цѣликомъ и начисто сочинили свои сцены? при этомъ и тотъ и другой впадаютъ въ забавнѣйшій курьезъ: у одного мокрые женскіе волосы такъ быстро сохнутъ, что тутъ же на глазахъ у зри-

теля высыхаютъ, дѣлаются шелковистыми, покрываютъ плечи и обвиваютъ шею! Бѣдный чичероне даже и не подозрѣваетъ, какую непосильную работу онъ задалъ солнцу, даже и малороссійскому!

Но это все-таки меньшій курьезъ, чѣмъ у г. Сѣрошевскаго. У его героини «золотые» волоса какъ были золотыми до купанья, такъ и остаются золотыми послѣ того, какъ ихъ *выжали*; даже мокрые—не становятся темными, какъ это всегда бываетъ съ волосами всѣхъ цвѣтовъ; и по прежнему же, какъ у Маринки г. Потапенка, разсыпаются на спинѣ!

Право, не будь современной художественной литературы съ ея тайнами, постиженіями и проблемами,—исчезъ бы, вѣроятно, послѣдній уголокъ въ жизни, гдѣ еще можетъ быть весело!.. Въ самомъ дѣлѣ, посѣдѣвшіе въ литературной работѣ люди вдругъ въ одинъ прекрасный день чувствуютъ, что безъ «проблемы пола» и имъ невозможно. Сами они никогда должными свѣдѣніями не обзаводились, но проблема вѣдь проблема и приходится, сидя за письменнымъ столомъ, придумывать, какой именно видъ имѣютъ голыя женщины въ водѣ!

Бѣдные чичероне во имя проблемы! Бѣдные г.г. Потапенко и старый другъ читателя, Сѣрошевскій!

XI.

Любопытно, что только у М. Горькаго нѣтъ никакихъ вопіющихъ несообразностей, несмотря на романтическій гимнъ тѣлу почти, какъ у Степана Мирскаго.

Ну, а авторъ «Санина», спросите вы, конечно? Увы! Онъ не составляетъ исключенія, какъ, быть можетъ, вы уже замѣтили по подчеркнутымъ выше мѣстамъ въ сценѣ купанья: въ частности по «прозрачному» тѣлу Карсавиной, которая — въ восторженномъ описаніи автора—«пронизана солнцемъ» и потому такъ-же прозрачно-розова, какъ дѣвочка г. Потапенка «въ сумеркахъ»!

Эта подробность не менѣе достопримѣчательна, чѣмъ разсыпавшіеся мокрые волосы у гг. Сѣрошевскаго и Потапенка. Откуда эти заимствовали—неизвѣстно: быть можетъ, съ картинъ, изображающихъ русалокъ; г. Арцыбашевъ же поступилъ по примѣру г. Сергѣя Городецкаго. Этому нужно было описать ощущенія озябшаго чорта. Онъ подсмотрѣлъ озябшую мокрую собаку и воспѣлъ то, что требовалось:

Сырость крадется по шерсти измятой,
Хвостъ онѣмѣлъ, какъ чужой.
Въ мокрой корягѣ надъ хатой проклятой
Вянетъ чертяка лѣсной.

Воспѣлъ и вызвалъ восторгъ у критиковъ, восклицавшихъ, какъ г. Андрей Б.: «*Этого* выдумать нельзя». Надо ощущать и слышать!

Точь-въ-точь сдѣлалъ и г. Арцыбашевъ. Нужно было описать тѣло, пронизанное солнцемъ. Онъ посмотрѣлъ свою ладонь на свѣтъ лампы. Убѣдился, что «пронизанное» свѣтомъ тѣло прозрачно, и удостовѣрилъ розовую прозрачность живота Карсавиной.

Любопытно положеніе прокурора, который долженъ будетъ громить такого сочинителя!

На нашъ взглядъ, судъ могъ бы смѣло оправдать г. Арцыбашева, сославшись на очевидныя доказательства, что передъ нимъ не этическій бунтарь, а только жертва тяжелыхъ условій творчества, которыя тотъ же Ничше грубо формулировалъ грубыми словами: «Зрителей жаждетъ поэтъ, хотя бы то были буйволы»... И если зрители требуютъ купанья и «проблемы», то что остается дѣлать поэту?

При этомъ, конечно, судъ могъ бы указать, что художникамъ все-таки стыдно не знать, что мокрые волосы не разсыпаются, а тѣло человѣческое не бываетъ прозрачнымъ ни при какомъ отраженномъ свѣтѣ.

И судъ могъ бы обязать сочинителей провѣрить свои наблюденія—на Варенькѣ Олесовой.

Это было бы и справедливымъ требованіемъ, и, пожалуй, самымъ жестокимъ наказаніемъ, котораго заслуживаютъ реалисти-сочинители.

X.

Нынѣшнее лѣто намъ пришлось прожить вдали отъ книгъ и газетъ, среди чужой природы и чужихъ условій.

Заглохъ гипнозъ печатныхъ страницъ, и сами по себѣ отодвинулись куда-то далеко въ прошлое и вульгаризація Ничше, и выдумка голыхъ женщинъ, и выдумка человѣческой психологіи «подъ проблему».

Мало-по-малу забылось все: и то, что г. Кузминъ—литераторъ; и то, что садизмъ можетъ быть «мудрымъ», по слову г. Чулкова; и то, что «поэзія, прости Господи, должна быть глуповата», по напоминанію того же г. Чулкова.

Какъ всегда бываетъ, субъективное чувство облеклось въ концѣ концовъ въ формы чего-то объективнаго. То, что субъективно переокрасилось, исчезнувъ изъ живыхъ повседневныхъ впечатлѣній, стало казаться на самомъ дѣлѣ неправдоподобнымъ. Что все это было—не подлежало сомнѣнію, но что это не можетъ быть «тамъ» *теперь*, это тоже стало казаться несомнѣннымъ... Не можетъ быть...

Тѣмъ больше новизны было въ первыхъ впечатлѣніяхъ на родинѣ, когда газетчикъ вручилъ номеръ газеты съ крошечнымъ разсказикомъ г. Каменскаго: «Гимназистка».

Опять чудесная погода! Опять купаются! На этотъ разъ гимназистка четырнадцати лѣтъ (дополненіе къ темѣ г. Потапенка!) и на морскомъ берегу.

«Томная, синеватая, издали теплая масса воды, вся въ танцующихъ ослѣпительно-золотыхъ чешуйкахъ, раскатилась и надвинулась на песокъ, и вдругъ точно ослабѣла и замерла, поджидая Соню».

Но Сонѣ г. Каменскаго не до этихъ красивыхъ подробностей; не до «танцующихъ ослѣпительно-золотыхъ чешуекъ». Ее ждетъ на морскомъ берегу молодой поэтъ.

«Соня вошла въ кабинку и сейчасъ же опустилась на скамью Сильно стучало сердце и безпомощно повисли руки. Тамъ, въ двухъ шагахъ остался онъ, и впереди—цѣлая вѣчность сладкихъ страданій. Какъ пріятно, мучительно и страшно пробѣжать мимо него по сыпучему сверкающему песку, жмурясь отъ солнца, и знать, что онъ слѣдитъ за каждымъ движеніемъ стройнаго тоненькаго тѣла».

Весь вопросъ только въ томъ, какой костюмъ надѣть, чтобы пробѣжать по песку мимо «него».

Голубой или желтый?

Наконецъ, этотъ вопросъ рѣшенъ: «Желтый, конечно, желтый. Онъ отброситъ на ея плечи и ноги теплую золотистую тѣнь».

Наконецъ, она въ водѣ. Наконецъ, она оглядывается на молодого поэта... Увы! молодой поэтъ холоденъ, какъ самъ Анатолій Каменскій! «Поэтъ смотрѣлъ холодно и не улыбался».—Такъ заканчивался болтливый, коротенькій, выдуманный за письменнымъ столомъ разсказъ г. Каменскаго.

Больше ничего. Не сказано даже, чѣмъ былъ недоволенъ поэтъ: быть можетъ, онъ предпочелъ бы голубой костюмъ, ошибочно отвергнутый гимназисткой, а быть можетъ, онъ предпочелъ бы ее видѣть въ костюмѣ Карсавиной, Маринки г. Потапенка и политической ссыльной г. Сѣрошевскаго...

Но гг. купальщики! Сегодня—купанье, завтра—купанье, послѣ завтра—купанье! Два года непрерывнаго купанья и всегда великолѣпная погода!

Не довольно ли купанья и не довольно ли чудесной погоды!? Вѣдь уже весь кругъ пройденъ и все, что можно было свершить, свершено! Раньше раздѣвали, теперь приходится одѣвать—во избѣжаніе однообразія и монотонности.

Ясное дѣло, что пора кончать купаться. Тѣмъ паче, что Ничше здѣсь ни при чемъ. Тѣмъ паче, что именно у него есть еще одинъ грубый текстъ:

> Я усталъ отъ поэтовъ...
> Немного похоти, немного скуки: таковы еще лучшія изъ мыслей ихъ.

Это звучитъ Ничшевскимъ желчнымъ, грубымъ парадоксомъ,

когда вы помните, что это приговоръ надъ всей поэзіей, надъ всѣми поэтами.

Но звучитъ ли это парадоксомъ, когда рѣчь идетъ о современныхъ намъ «проблематическихъ» поэтахъ?

А. Е. Рѣдько.

Счастливая книга несчастнаго автора.

(Отто Вейнингеръ. Полъ и характеръ. Пер. съ нѣм. Спб. 1908).

Шумный успѣхъ выпалъ на долю книги Отто Вейнингера «Полъ и Характеръ». Въ подлинникѣ она въ теченіе пяти лѣтъ выдержала десять изданій и въ странахъ, говорящихъ по-нѣмецки, породила цѣлую литературу. Переводы распространили ея вліяніе и на другія страны; спеціально у насъ, въ Россіи, безспорно, уже имѣется значительный интересъ къ этой книгѣ, что выразилось и успѣхомъ не такъ давно появившагося русскаго перевода книги, и помѣщеніемъ въ разныхъ изданіяхъ статей о ней, и рядомъ лекцій и рефератовъ о ней, и, наконецъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что книга Вейнингера очень часто является теперь темой для частныхъ бесѣдъ, особенно среди учащейся молодежи.

Для объясненія успѣха книги нѣкоторые указывали на разныя постороннія обстоятельства, которыя могли поднять интересъ къ этой книгѣ. Указывали, напримѣръ, на то, что молодой, 23-хлѣтній авторъ, скоро послѣ выхода въ свѣтъ его книги покончилъ жизнь самоубійствомъ, какъ-бы свидѣтельствуя своею кровью о томъ, что ему дѣйствительно удалось поднять завѣсу, скрывавшую отъ нашихъ взоровъ одну изъ самыхъ темныхъ сторонъ человѣческаго существованія. Другіе объясняли успѣхъ книги просто тѣмъ обстоятельствомъ, что издатели организовали самую широкую рекламу книги Вейнингера...

Но, спрашивается, почему объектомъ такой широкой рекламы сдѣлалась именно книга Вейнингера? Очевидно, опытный издатель зналъ, что это—какъ разъ та книга, которая можетъ имѣть большой успѣхъ у публики. Когда, напримѣръ, сильно рекламируютъ какое-либо лѣкарственное средство, то это всегда бываетъ такое средство, которое направлено противъ какой-либо широко-распространенной болѣзни. Рекламируютъ средства противъ нервнаго истощенія, противъ чахотки, противъ порчи зубовъ, но, насколько мы знаемъ, еще никто не рекламировалъ средства, наприм., противъ актиномикоза...

Значитъ, прежде всего, нужно признать, что однимъ изъ условій успѣха книги Вейнингера было то обстоятельство, что въ настоящее время европейскую публику очень интересуютъ вопросы пола. Въ настоящее время книги и брошюры, посвященныя этому вопросу, вообще пользуются значительнымъ успѣхомъ. Такъ, наприм., успѣхомъ, почти равнымъ успѣху книги Вейнингера, пользуется брошюра д-ра Мебіуса: «Ueber den physiologischen Schwachsinn des Weibes» («О физіологическомъ слабоуміи женщинъ»), которая достигла девятаго изданія и въ которой проводится та мысль, что слабоуміе, которое для мужчинъ является чѣмъ-то ненормальнымъ, патологическимъ, для женщинъ есть состояніе нормальное, физіологическое... На книжномъ рынкѣ существуетъ (сверхъ множества другихъ) еще одна пикантно-озаглавленная брошюра о женщинахъ: это—«Ueber den moralischen Schwachsinn des Weibes» («О нравственномъ слабоуміи женщинъ») авторомъ которой является Katinka von Rosen. Книжка эта также достигла извѣстнаго успѣха.

И если среди всѣхъ этихъ изданій на долю книги Вейнингера выпалъ наибольшій успѣхъ, то здѣсь, конечно, въ числѣ причинъ можно отмѣтить и трагическую судьбу автора и рекламу, но, опять-таки, главное основаніе успѣха нужно искать не въ этомъ, а въ томъ, что трудъ Вейнингера является одновременно и самымъ большимъ, самымъ широко-обоснованнымъ и самымъ радикальнымъ изъ всѣхъ работъ подобнаго рода. Что касается его солидности, то достаточно указать на то, что книга (въ подлинникѣ) имѣетъ XXIII+599 страницъ и переполнена всякаго рода ученостью; что-же касается радикализма ея выводовъ, то о немъ заранѣе читатель можетъ составить себѣ представленіе уже на основаніи одного того факта, что самъ проповѣдникъ «физіологическаго слабоумія женщинъ», д-ръ Мебіусъ протестуетъ противъ крайностей Вейнингера и называетъ его книгу «каррикатурой моихъ воззрѣній» (Karrikatur meiner Auschanungen) (см. Geschlecht und Unbescheidenheit. Beurteilung des Buches von O. Weininger «Ueber Geschlecht und Charakter» von dr. P. I. Möbius).

Посмотримъ-же, что говоритъ эта столь ученая и столь радикальная книга.

Первая («подготовительная») часть книги трактуетъ о половомъ многообразіи. Двѣ основныя идеи, развитыя въ этой части, особенно важны для дальнѣйшихъ изысканій автора. Во-первыхъ, авторъ обращаетъ вниманіе на довольно многочисленныя наблюденія біологовъ, констатировавшихъ случаи нахожденія въ организмахъ индивидовъ извѣстнаго пола какихъ-либо чертъ, свойственныхъ другому полу. На основаніи этихъ фактовъ авторъ считаетъ себя въ правѣ относительно человѣка установить, какъ «безусловно вѣрное, слѣдующее. Существуютъ безчисленныя ступени между мужчиной и женщиной — половыя промежуточныя

формы» (стр. 15). Абсолютныхъ мужчинъ и абсолютныхъ женщинъ не существуетъ, и только ради удобства изслѣдованія «мы можемъ принять идеальнаго мужчину М и идеальную женщину Ж, какъ половые типы, которыхъ въ дѣйствительности не существуетъ» (стр. 15).

Исходя изъ этой идеи, авторъ объясняетъ «законы полового притяженія», «половой вкусъ». Законы эти весьма просты. Существо, положимъ, оффиціально считающееся мужчиной, а на самомъ дѣлѣ состоящее изъ $^3/_4$ М и $^1/_4$ Ж, будетъ въ половомъ отношеніи естественно тяготѣть къ своему дополненію, т. е. такому существу, которое, считаясь оффиціально женщиной, будетъ на самомъ дѣлѣ состоять изъ $^3/_4$ Ж и $^1/_4$ М.

Вторая основная идея этой подготовительной части книги Вейнингера связана съ разрѣшеніемъ вопроса о томъ, гдѣ искать признаки, отличающіе другъ отъ друга двухъ индивидовъ одного и того-же вида, но разнаго пола. Еще въ 1846 году датскій зоологъ Стенструпъ на вопросъ: гдѣ заключенъ полъ? отвѣчалъ: «Полъ не есть нѣчто, связанное съ опредѣленнымъ мѣстомъ и выражающееся только въ опредѣленномъ механизмѣ; онъ проявляется повсюду и развитъ въ каждой точкѣ живого существа. Въ мужскомъ индивидѣ каждая, даже самая незначительная, часть—мужская, какъ-бы она ни была похожа на соотвѣтствующую часть женскаго индивидуума; точно также въ послѣднемъ каждая малѣйшая часть женская» (стр. 21). Этотъ взглядъ Стенструпа въ настоящее время усвоенъ многими біологами и къ нему самымъ рѣшительнымъ образомъ присоединяется Вейнингеръ.

Съ этими двумя руководящими идеями: съ идеей всеобщаго распространенія промежуточныхъ половыхъ формъ и съ идеей существованія половыхъ отличій во всѣхъ клѣточкахъ организма,—съ этими идеями и приступаетъ авторъ къ изложенію второй «главной» части своего труда, части, озаглавленной: «Половые типы».

Однако, эта вторая часть сейчасъ-же начинается существенной поправкой, вносимой въ одну изъ этихъ руководящихъ идей. «Несмотря на всѣ половыя промежуточныя формы,—говоритъ авторъ на стр. 92,—человѣкъ, въ концѣ-концовъ, есть одно изъ двухъ: или мужчина, или женщина. И въ этомъ древнѣйшемъ эмпирическомъ дуализмѣ заключается... глубокая истина, которою нельзя безнаказанно пренебречь». А на страницѣ 214 мы встрѣчаемся съ новой, еще болѣе существенной поправкой: «Мужчина,—говоритъ авторъ,—объемлетъ все, но развиваетъ въ себѣ, по слову Пико Мирандолы, только опредѣленныя особенности своей натуры. То онъ восходитъ на высочайшія вершины, то вырождается до безконечности. Онъ можетъ превратиться въ животное, въ растеніе, можетъ стать и женщиной, почему и существуютъ женственные мужчины».

«Но женщина никогда не можетъ стать мужчиной. Такимъ образомъ, здѣсь приходится дѣлать самое существенное ограниченіе выводовъ первой части этого труда. Такъ, я знаю много мужчинъ, которые въ психологическомъ отношеніи не на половину только, а почти совершенно являются женщинами,—но между всѣми женщинами съ мужскими чертами, съ которыми я встрѣчался, я не знаю ни одной, которая, въ основѣ своей, все-таки не оставалась-бы женщиной... И если встрѣчаются лица, которыя, съ анатомической точки зрѣнія, должны быть признаны мужчинами, хотя психологически они—женщины, за то *нѣтъ людей, которые физически были-бы женщинами, а психически—мужчинами, сколько-бы ни наблюдалось въ ихъ внѣшности чертъ мужского типа, какое-бы неженственное впечатлѣніе они ни производили*» (курсивъ нашъ).

Это важное ограниченіе принципа промежуточныхъ половыхъ формъ, повидимому, проглядѣли тѣ, не только противники, но даже и поклонники Вейнингера, которые утѣшали конкретныхъ женщинъ тѣмъ соображеніемъ, что вѣдь все то худое, что говорится авторомъ о женщинѣ, относится къ абсолютной женщинѣ, къ Ж, а вѣдь каждая конкретная женщина имѣетъ еще и частичку благороднаго М. Такъ утѣшали конкретныхъ женщинъ нѣкоторые поклонники Вейнингера и удивлялись, при этомъ, тому обстоятельству, что Вейнингеръ проглядѣлъ столь очевидный выходъ изъ затрудненія. Но мы двумя вышеприведенными цитатами, надѣюсь, показали, что Вейнингеръ принципіально не могъ воспользоваться этимъ выходомъ, что онъ своими вышеприведенными утвержденіями, такъ сказать, плотно законопатилъ этотъ выходъ. Однако, въ оправданіе людей, проглядѣвшихъ это обстоятельство, слѣдуетъ указать на то, что и самъ Вейнингеръ, повидимому, очень легко забывалъ эти свои утвержденія. Онъ ихъ помнитъ, кажется, лишь тогда, когда хочетъ сказать женщинамъ: Lasciate ogni speranza, но какъ только эти утвержденія оказывались ему неудобными, какъ только они начинали грозить его основной идеѣ, идеѣ абсолютнаго ничтожества женщинъ,—онъ сейчасъ-же самымъ рѣшительнымъ образомъ ихъ забывалъ. Въ самомъ дѣлѣ, признанію абсолютнаго ничтожества всѣхъ женщинъ, повидимому, мѣшаетъ то обстоятельство, что всемірная исторія знаетъ примѣры существованія безспорно-выдающихся женщинъ. Но когда Вейнингеру приходитъ въ голову это обстоятельство, онъ сейчасъ-же забываетъ свое утвержденіе, что «нѣтъ людей, которые физически были-бы женщинами и психически мужчинами», и выдвигаетъ впередъ теорію промежуточныхъ половыхъ формъ. И тогда дѣло, конечно, объясняется очень просто: тѣ, кого называютъ выдающимися женщинами, были женщинами только по внѣшности, только физически, психически-же онѣ были мужчинами. На стр. 76 мы читаемъ: «У Ж нѣтъ никакой потребности, а, соотвѣтственно

этому, и никакой способности къ... эмансипаціи. Всѣ дѣйствительно стремившіяся къ эмансипаціи, всѣ дѣйствительно знаменитыя и въ духовномъ отношеніи чѣмъ-либо выдающіяся женщины всегда обнаруживаютъ многочисленныя мужскія черты и болѣе острый взглядъ всегда найдетъ въ нихъ также и анатомически-мужскіе признаки, въ ихъ внѣшнемъ обликѣ найдетъ приближеніе къ мужчинѣ. Только изъ числа наиболѣе явныхъ половыхъ промежуточныхъ формъ (можно было-бы даже сказать—изъ числа среднихъ половыхъ ступеней, все-таки еще причисляемыхъ къ «женщинамъ») выходятъ тѣ женщины прошлаго и настоящаго, имена которыхъ постоянно приводятся защитниками и защитницами женской эмансипаціи, какъ доказательство значительныхъ заслугъ женщинъ. Уже первая изъ исторически-знаменитыхъ женщинъ, Сафо, отличается отъ другихъ женщинъ обратнымъ половымъ ощущеніемъ». А на стр. 77 читаемъ: «Филологи очень ревностно старались очистить Сафо отъ подозрѣній въ любовныхъ отношеніяхъ съ женщинами и свести послѣднія только къ чрезмѣрной дружбѣ: какъ будто такое обвиненіе, если-бы оно было справедливымъ, въ самомъ дѣлѣ унижало-бы женщину въ нравственномъ отношеніи... Это совсѣмъ невѣрно... именно женщинѣ гомосексуальная любовь дѣлаетъ гораздо больше чести, чѣмъ связь гетеросексуальная... склонность женщинъ къ лесбійской любви есть именно проявленіе ея мужественности, послѣдняя-же является условіемъ ея даровитости». Нѣсколькими строками ниже Вейнингеръ заявляетъ, что «отчасти бисексуальны, отчасти исключительно гомосексуальны» были и «всѣ женщины и дѣвушки, хоть сколько-нибудь замѣтнаго дарованія, съ которыми мнѣ лично приходилось встрѣчаться» (остается только удивляться, какъ могъ онъ разузнать такія интимныя подробности относительно *всѣхъ*, сколько-нибудь даровитыхъ своихъ знакомыхъ женщинъ и дѣвушекъ).

Такъ выходитъ Вейнингеръ изъ затрудненія, созданнаго ему фактомъ существованія даровитыхъ женщинъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что у него есть еще и другое очень дѣйствительное средство для устраненія препятствій, создаваемыхъ его теоріи различными фактами, заставляющими, обыкновенно, людей предполагать, что бываютъ женщины, обладающія тѣми или иными достоинствами. Это средство заключается въ указаніи на лживость женщинъ: если какая-либо женщина ведетъ себя такъ, какъ будто-бы она и въ дѣйствительности чего-либо стоитъ, то, значитъ, она лжетъ, прикидывается хорошей, потому что этого желаютъ мужчины.

Но обратимся къ дальнѣйшему изложенію идей нашего автора.

Во второй части книги Вейнингера, послѣ первой главы, имѣющей характеръ введенія, мы находимъ: главу—«Мужская и женская сексуальность» и главу — «Мужское и женское сознаніе».

Этими двумя основными главами опредѣляется характеръ всего дальнѣйшаго изслѣдованія.

Разсматривая вопросъ объ интенсивности полового стремленія, авторъ вполнѣ справедливо отвергаетъ, какъ утвержденіе, будто половое стремленіе у мужчинъ интенсивнѣе, чѣмъ у женщинъ, такъ и обратное утвержденіе, будто оно у женщинъ сильнѣе, чѣмъ у мужчинъ. Вполнѣ правильно онъ указываетъ, что въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣетъ не различіе половъ, а индивидуальныя отличія: «Сила потребности въ половомъ актѣ бываетъ различна даже среди мужчинъ одинаковой степени мужественности, и, повидимому, также среди женщинъ съ одинаковымъ содержаніемъ Ж.» (стр. 101—102).

Если, разсматривая вопросъ объ интенсивности половыхъ стремленій, нельзя замѣтить существенныхъ различій между мужчинами и женщинами, то, съ другой стороны, вопросъ о широтѣ этихъ стремленій приводитъ насъ, по словамъ Вейнингера, къ открытію весьма существенныхъ различій между представителями двухъ половъ. «Женщина только сексуальна, мужчина—сексуаленъ и еще кое-что сверхъ того» (стр. 105). «Состояніе полового возбужденія означаетъ для женщины только высочайше напряженіе всей ея жизни. Послѣдняя всегда и во всемъ сексульна. Женщина совершенно расплывается въ половой жизни, въ сферѣ полового общенія и размноженія... Между тѣмъ, какъ женщина совершенно заполнена и порабощена сексуальностью, мужчина знаетъ еще и много другихъ вещей: борьбу и игру, дружескую бесѣду и кутежъ, споръ и науку, практическое дѣло и политику, религію и искусство» (стр. 104). Соотвѣтственно различію сексуальности во временномъ отношеніи, т. е. соотвѣтственно тому, что мужчина бываетъ иногда сексуаленъ, иногда асексуаленъ, а женщина всегда сексуальна — существуетъ аналогичное различіе и въ пространственномъ отношеніи. «Точки на тѣлѣ мужчины, въ которомъ онъ можетъ быть сексуально возбужденъ, незначительны по числу и строго локализированы. У женщины сексуальность разлита по всему тѣлу, и каждое прикосновеніе къ ней—все равно гдѣ,—сексуально возбуждаетъ ее» (стр. 106). Отлагая общее обсужденіе ученія Вейнингера до конца изложенія всего этого ученія, мы здѣсь ограничимся лишь замѣчаніемъ, что это утвержденіе автора о различіи сексуально-возбудимыхъ раіоновъ на тѣлѣ мужчинъ и женщинъ не подкрѣплено никакими анатомо-физіологическими соображеніями и, вообще, является вполнѣ голословнымъ. Но пойдемъ дальше. По Вейнингеру, женщина именно потому можетъ иногда вполнѣ добросовѣстно считать себя существомъ не сексуальнымъ, что въ ней «нѣтъ ничего, кромѣ сексуальности, что она и есть сама сексуальность... Такъ какъ женщины—только половыя существа, то имъ не достаетъ той двойственности, которая необходима для воспріятія собственной сексуальности, какъ и для всякаго

другого воспріятія; у мужчины же, который всегда представляетъ собой нѣчто большее, чѣмъ сексуальность, послѣдняя отдѣляется не только анатомически, но и психологически отъ всего остального» (стр. 107).

Переходя къ вопросу о «мужскомъ и женскомъ сознаніи», авторъ стремится установить основныя психическія отличія половъ. Онъ начинаетъ съ изученія того, что имъ называется процессомъ «высвѣтленія» психическаго содержанія. «Всякому отчетливому, ясному, пластическому ощущенію (говоритъ онъ на стр. 110) первоначально предшествуетъ хотя бы и очень короткая стадія неясности—такъ же, какъ и всякой отчетливой, рѣзкой мысли, прежде чѣмъ послѣдняя въ первый разъ выразится въ словѣ». «Каждой новой мысли предшествуетъ... стадія «предмыслія», какъ я хотѣлъ бы назвать ее, когда всплываютъ и расплываются измѣнчивые схематическіе образы, фантастическія видѣнія, идеальныя подобія, когда въ сознаніи нашемъ проносятся «колеблющіеся образы», окутанныя туманомъ картины, таинственно-манящія маски. Начало и конецъ всего процесса, который я, для краткости, назову процессомъ внутренняго «высвѣтленія», относятся другъ къ другу примѣрно такъ, какъ два впечатлѣнія, полученныя очень близорукимъ человѣкомъ, въ очкахъ и безъ очковъ, отъ предметовъ, находящихся отъ него на далекомъ разстояніи» (стр. 113—114). Для выясненія этого процесса «высвѣтленія» авторъ пользуется ученіемъ Экснера, терминологіей Авенаріуса и другими столь же учеными аппаратами. Для лучшаго уясненія своей мысли авторъ прибѣгаетъ къ созданію новаго термина: «генида». «Чтобы познакомиться (говоритъ онъ на стр. 116) съ объемомъ и содержаніемъ новаго понятія, необходимо было процессъ высвѣтленія раскрыть во всемъ его развитіи, но для послѣдующаго существенна только начальная стадія, только исходный пунктъ этого процесса... Содержаніе, которое наполнятъ процессъ высвѣтленія, въ первый его моментъ, не опредѣляется даже Авенаріусовскимъ различеніемъ между «элементомъ» и «характеромъ». Поэтому тотъ, кто принимаетъ это раздѣленіе для всѣхъ явленій развитой душевной жизни, вынужденъ будетъ ввести новое названіе для той стадіи, когда такая двойственность еще не различима въ ней. Для психическихъ явленій этого примитивнаго дѣтскаго состоянія я предлагаю, не выражая этимъ никакихъ выходящихъ за предѣлы настоящей работы притязаній, слово «генида»... На абсолютную генидy слѣдуетъ при этомъ смотрѣть только, какъ на предѣльное понятіе. Какъ часто дѣйствительныя психическія переживанія взрослаго человѣка имѣютъ ту степень недифференцированности, которая давала бы право примѣнить къ нимъ это наименованіе,—на этотъ вопросъ не такъ легко съ увѣренностью отвѣтить; но теорія сама по себѣ этимъ не затрагивается. Генидой можно, въ общемъ, назвать то, что случается иногда—у однихъ рѣже, у другихъ чаще—

въ разговорѣ у человѣка совершенно опредѣленное чувство, онъ хочетъ что-то сказать, что-то вполнѣ опредѣленное, но вдругъ другой вставляетъ какое-то свое замѣчаніе, и это «что-то» пропадаетъ, дѣлается неуловимымъ». «Съ принципіальной точки зрѣнія (читаемъ мы на стр. 117) нужно допустить, что генидами можно также хорошо мыслить, жить, какъ и «элементами» и «характерами». Каждая генида это—индивидуумъ, каждая генида отличается отъ всякой другой... нужно принять, что переживанія перваго дѣтства (для первыхъ 14 мѣсяцевъ это, вѣроятно, примѣнимо ко всѣмъ, безъ исключенія, людямъ) суть гениды, хотя и не въ абсолютномъ значеніи слова».

Посвятивши нѣсколько страницъ установленію и развитію теоріи генидъ, Вейнингеръ, затѣмъ, на стр. 118 говоритъ: «Но въ какой связи стоитъ все это изслѣдованіе съ психологіей половъ? Какъ различаются,—а только для отвѣта на этотъ вопросъ я, очевидно, и рѣшился на столь длинное разсужденіе,—какъ различаются М и Ж относительно отдѣльныхъ стадій высвѣтленія нашего сознанія?»

«На это нужно дать такой отвѣтъ: Мужчина обладаетъ тѣмъже психическимъ содержаніемъ, какъ и женщина, но только въ болѣе расчлененной формѣ. Гдѣ она мыслитъ генидами, съ большей или меньшей интенсивностью, тамъ у него уже имѣются ясныя, отчетливыя представленія, которыя сопровождаются опредѣленными и всегда независимыми отъ вещей чувствами. У Ж «мышленіе» и «чувствованіе» образуютъ единое, нераздѣльное цѣлое, у М ихъ можно различить. Итакъ, у Ж многія переживанія остаются еще въ формѣ гениды, когда у М давно уже наступило высвѣтленіе». «Правильность этого взгляда (читаемъ мы на стр. 119), который считаетъ гениду свойствомъ Ж, а дифференцированное содержаніе свойствомъ М и видитъ въ этомъ основную ихъ противоположность, рѣшительнѣе всего доказывается тѣмъ, что вездѣ, гдѣ нужно высказать новое сужденіе, а не повторять лишній разъ, въ формѣ простой сентенціи, уже давно готовое,—Ж всегда ожидаетъ отъ М проясненія своихъ темныхъ представленій, ожидаетъ истолкованія генидъ».

Въ концѣ главы мы находимъ (на стр. 120) слѣдующія строки, какъ-бы являющіяся резюме всей главы: «М живетъ сознательно, Ж безсознательно. Мы имѣемъ теперь право высказать это относительно крайнихъ типовъ. Ж получаетъ свое сознаніе отъ М превращать безсознательное въ сознательное — это половая функція типичнаго мужчины по отношенію къ типичной женщинѣ».

Таково содержаніе главъ 2-й и 3-й второй части книги Вейнингера, главъ, которыя мы назвали «основными главами» этой второй части книги. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ двухъ главахъ нашимъ авторомъ установлено: во-первыхъ, что женщины—существа насквозь сексуальныя и только сексуальныя, что у нихъ, слѣдо-

вательно, нѣтъ ничего, кромѣ сексуальности; во-вторыхъ, что вся психика женщинъ исчерпывается генидами, что, слѣдовательно, женщинамъ недоступно настоящее мышленіе, мышленіе при содѣйствіи понятій и сужденій; мало того, женщинамъ недоступна вообще сознательная жизнь, ибо «Ж живетъ безсознательно». Все, что нашъ авторъ говоритъ дальше о женщинахъ, въ сущности можно разсматривать, какъ простой выводъ изъ факта существованія этихъ насквозь-сексуальныхъ существъ, одаренныхъ однѣми генидами.

А говоритъ онъ о женщинахъ еще очень много и очень колоритно. И мы узнаемъ отъ него, между прочимъ, слѣдующее: «Логическія и этическія явленія, сливающіяся въ понятіи истины въ одну высшую цѣнность, заставляетъ насъ принять умопостигаемое Я, или душу, какъ бытіе высшей, сверхъ-эмпирической реальности. Для существа, у котораго, какъ у Ж, отсутствуютъ логическія и этическія явленія, это допущеніе отпадаетъ. Абсолютно женское существо не знаетъ ни логическихъ, ни моральныхъ императивовъ, и слово законъ, обязанность, долгъ по отношенію къ самому себѣ—звучитъ для него, какъ нѣчто, абсолютно ему чуждое. И мы вполнѣ въ правѣ заключить изъ этого, что такое существо лишено и сверхчувственной личности. У абсолютной женщины нѣтъ никакого Я» (стр. 212).

Существа, лишенныя души, не имѣющія умопостигаемаго Я, мыслящія генидами, конечно, не могутъ имѣть и настоящей памяти. И, дѣйствительно, оказывается, что Ж располагаетъ, вообще, только однимъ классомъ воспоминаній: тѣми, которыя связаны съ половымъ влеченіемъ и размноженіемъ. Она помнитъ о возлюбленномъ и объ ухаживателѣ... о каждой фразѣ мужчины, который ей импонировалъ, но прежде всего—и съ точностью, возбуждающей столько-же презрѣнія, сколько изумленія—о каждомъ комплиментѣ, безъ исключенія, который былъ сдѣланъ ей въ теченіе всей ея жизни. Вотъ и все, о чемъ настоящая женщина помнитъ изъ всей своей жизни» (стр. 144).

Далѣе, на стр. 150, мы узнаемъ, что «у женщинъ совершенно отсутствуетъ всякая потребность въ безсмертіи». А на стр. 238 дается такой перечень того, чего нѣтъ у Ж: «У Ж нѣтъ души, она лишена своего Я и индивидуальности, лишена личности и свободы, характера и воли». Женщина не можетъ быть ни счастливой, ни несчастливой. По крайней мѣрѣ, такой выводъ кажется намъ неизбѣжнымъ изъ слѣдующихъ утвержденій автора. Въ самомъ дѣлѣ, на стр. 341 мы читаемъ: «Не существуетъ ни одного мужчины, который былъ-бы счастливъ. Счастливы только женщины», а въ самомъ концѣ той-же 341 страницы мы читаемъ: «Для женщины-же, которая никогда не можетъ быть глубоко несчастной, счастье именно потому, въ сущности, является пустымъ словомъ».

Наконецъ, на стр. 342 мы узнаемъ, что женщина, собственно

говоря, и не существуетъ. «У женщинъ нѣтъ ни существованія, ни сущности, онѣ не существуютъ, онѣ—ничто». Женщина «даже не можетъ быть злой; она только аморальна, низка» (стр. 225). Женщина есть существо такое низкое, что она не можетъ быть даже преступницей. «Мы (говоритъ Вейнингеръ на стр. 275) не можемъ признать существованія преступной женщины: женщины не стоятъ такъ высоко». Вотъ почему «наиболѣе высоко стоящая женщина стоитъ еще безконечно ниже, чѣмъ наиболѣе низко стоящій мужчина», о чемъ Вейнингеръ заявляетъ дважды: на стр. 304—5 и на стр. 362.

До сихъ поръ мы узнавали отъ Вейнингера лишь то, что у женщинъ нѣтъ того или другого, нѣтъ, оказывается, даже существованія, теперь же мы узнаемъ отъ него о томъ, чего у женщинъ, по его словамъ, очень много, мы узнаемъ о самой сущности женщины, т. е. о сводничествѣ. «Чтобы добраться (говоритъ онъ на стр. 306) до смысла существованія женщины, нужно за исходную точку принять явленіе, хотя и старое и извѣстное, но нигдѣ и никогда еще не удостоившееся серьезнаго разсмотрѣнія и оцѣнки. Это явленіе есть сводничество; оно приводитъ насъ къ самому глубокому, истинному пониманію природы женщины». Сводничество до такой степени составляетъ женскую стихію, что даже «нѣтъ матери, которой было-бы абсолютно непріятно, когда какой-нибудь мужчина, даже съ самыми низкими намѣреніями и недостойными разсчетами, добивается ея дочери и соблазняетъ ее» (стр. 307) «Сводничество (читаемъ мы на стр. 311)—самое общее свойство женщинъ: воля къ тещѣ, т. е. воля стать тещей—еще болѣе распространена, чѣмъ воля къ материнству». Сводническія стремленія женщинъ такъ велики, что Вейнингеръ не можетъ даже выразить это пристойными словами, и, поневолѣ, прибѣгаетъ къ своего рода кощунству, прилагая къ такимъ низкимъ существамъ, какъ женщины, священную, для кантіанца, терминологію: онъ называетъ женщинъ трансцендентальными сводницами. «Женщина (говоритъ онъ на стр. 312—3)—носительница идеи общенія между полами. Женщина высоко цѣнитъ актъ не по отношенію къ опредѣленному какому-либо индивиду и не по отношенію къ самой себѣ, но по отношенію ко всѣмъ существамъ вообще. Оцѣнка эта не индивидуальна, а междуиндивидуальна, сверхъ-индивидуальна, она является, такъ сказать,—на минуту прошу извинить оскверненіе этого слова—трансцендентальной функціей женщины. Ибо если женственность есть сводничество, то ее можно назвать и универсальной секстуальностью. Половой актъ есть высшая цѣнность для женщины, къ нему именно стремится она всегда и вездѣ. Ея собственная сексуальность образуетъ только ограниченную часть въ безграничномъ царствѣ этого хотѣнія».

До сихъ поръ мы говорили о женщинахъ, какъ о чемъ-то единомъ, однородномъ: всѣ характеристики женщинъ считались при-

ложимыми ко всѣмъ женщинамъ. Но, давши общую характеристику, которая относится ко всѣмъ женщинамъ, Вейнингеръ переходитъ къ спеціальной характеристикѣ двухъ основныхъ группъ, на которыя подраздѣляются *всѣ* женщины. По Вейнингеру всѣ женщины бываютъ или матерями, или проститутками. Женщина есть одна сексуальность; но эта сексуальность или имѣетъ въ виду будущаго ребенка—тогда женщина является матерью, или же—это, такъ сказать, сексуальность an und für sich—тогда женщина является проституткой. «Нужно замѣтить (говоритъ Вейнингеръ на стр. 250), что къ типу проститутки принадлежатъ не только продажныя дѣвушки, но и очень многія изъ такъ называемыхъ порядочныхъ дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ, даже такихъ, которыя никогда не нарушали брака, не потому, что не было случая, а потому, что онѣ сами не доводили себя до этого». Это подраздѣленіе: на матерей и проститутокъ является скорѣе подраздѣленіемъ двухъ женскихъ тенденцій, чѣмъ подраздѣленіемъ конкретныхъ женщинъ, ибо, «вѣроятно, въ большинствѣ женщинъ заключены обѣ возможности—какъ матери, такъ и проститутки» (стр. 252). Тѣмъ не менѣе, различіе между этими двумя группами очень велико. «Проститутка хочетъ быть обладаемой всѣми вещами, поэтому она кокетничаетъ даже тогда, когда она одна, даже передъ безжизненными предметами, передъ каждымъ ручьемъ, передъ каждымъ деревомъ; матьже постоянно беременѣетъ—*отъ всѣхъ вещей и во всѣхъ точкахъ своего тѣла*» (стр. 272, курсивъ нашъ).

«Всѣ высокоразвитыя въ духовномъ отношеніи женщины, всѣ тѣ, которыя въ какомъ-либо смыслѣ становились для мужчинъ чѣмъ-то въ родѣ музы, принадлежатъ къ категоріи проститутокъ... Выдающіеся люди всегда любили только проститутокъ» (стр. 263). Мало того, «каждый выдающійся человѣкъ находится въ извѣстномъ родствѣ съ проституткой (каждый политикъ является въ какомъ-либо отношеніи народнымъ трибуномъ, и въ трибунатѣ заключается элементъ проституціи)» (стр. 265).

Сверхъ подраздѣленія на матерей и проститутокъ, женщины, по Вейнингеру, еще дѣлятся на истеричекъ и мегеръ. «Истеричка становится истеричкой вслѣдствіе своей подчиняемости, она совпадаетъ съ духовнымъ типомъ служанки; ея противоположностью, абсолютно неистерической женщиной (которой, какъ идеи, въ опытѣ не существуетъ) была-бы абсолютная мегера. Ибо это тоже одинъ изъ возможныхъ принциповъ подраздѣленія всѣхъ женщинъ. Служанка служитъ, мегера владычествуетъ... Служанка и мегера всегда извѣстнымъ образомъ дополняютъ другъ друга... Мегера лжетъ открыто и нагло, хотя и не сознаетъ этого, ибо, по природѣ своей, она всегда считаетъ себя правой... Служанка послушно держится совершенно чуждаго ея природѣ требованія истины; лживость этого рабскаго подчиненія проявляется въ истеріи» (стр. 327).

Вопросъ объ истеріи приводитъ насъ къ новому важному фак-

тору женской психологіи, фактору, безъ существованія котораго, по признанію самого Вейнингера, все его ученіе разсыпалось-бы прахомъ. Насквозь-сексуальная природа женщинъ такъ ясно себя обнаруживаетъ, что мужчина не могъ-бы не разгадать ея, «если-бы такому уясненію не препятствовалъ своимъ постояннымъ вмѣшательствомъ еще одинъ факторъ. Это обстоятельство, всегда втирающееся въ опытъ, чтобы противодѣйствовать проникновенію мужчины во всеобщую и истинную природу женственности, эту запутаннѣйшую проблему женщины—ея бездонную лживость—и надлежитъ теперь разъяснить... Дѣло въ томъ, что всѣ выводы, казавшіеся, быть можетъ, уже вѣрнымъ пріобрѣтеніемъ, приходится снова поставить подъ сомнѣніе. У женщинъ отрицалась способность къ самонаблюденію, но, несомнѣнно, существуютъ женщины, очень отчетливо подмѣчающія много изъ того, что въ нихъ происходитъ. Имъ было отказано въ любви къ истинѣ,—однако, встрѣчаются женщины, необыкновенно совѣстливо избѣгающія лжи. Утверждалось, что имъ чуждо сознаніе вины,—между тѣмъ, существуютъ женщины, которыя изъ-за самыхъ ничтожныхъ мелочей могутъ жестоко упрекать себя,—мы знаемъ достовѣрно о существованіи кающихся, бичующихъ свое тѣло женщинъ. Чувство стыда было оставлено въ исключительномъ владѣніи мужчинъ,—но не должно-ли мнѣніе о женской стыдливости, о томъ стыдѣ, который, согласно Гамерлингу, знакомъ *только* женщинамъ, основываться на какихъ-нибудь данныхъ опыта, сдѣлавшихъ возможнымъ, даже вѣроятнымъ подобное толкованіе вещей? И далѣе: какъ можно, несмотря на всѣхъ «religieuses», отрицать у женщинъ религіозность? Какъ можно отрицать у женщинъ строгую нравственную чистоту, забывая о всѣхъ исполненныхъ добродѣтели женщинахъ, о которыхъ повѣствуетъ народная пѣсня и исторія? Можно-ли объявлять ее исключительно сексуальной и думать, что для нея имѣетъ цѣнность только сексуальное,—когда достаточно извѣстно, что женщинъ смущаетъ даже намекъ на все, имѣющее малѣйшее отношеніе къ половой жизни, что нѣкоторыя изъ нихъ не только не сводничаютъ, но съ гочерью и отвращеніемъ отворачиваются отъ всякаго разврата, что нерѣдко имъ даже противенъ половой актъ и онѣ гораздо легче отказываются отъ него, чѣмъ любой мужчина?»

«Ясно, что во всѣхъ этихъ антиноміяхъ дѣло идетъ объ одномъ и томъ-же вопросѣ, отъ рѣшенія котораго зависитъ послѣдняя и окончательная оцѣнка женщины. Очевидно также, что если-бы хоть одно единственное, вполнѣ женственное существо было внутренне асексуально или находилось въ дѣйствительномъ отношеніи къ идеѣ нравственной самоцѣнности, то все, что было сказано въ этой книгѣ о женщинахъ, тотчасъ-же и безповоротно потеряло-бы свою всеобщность, какъ психическая характеристика женскаго

пола, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ ударомъ была-бы уничтожена вся позиція этой книги» (стр. 313—314).

Читатель, вѣроятно, уже догадывается, какія мѣры принимаетъ Вейнингеръ для того, чтобы не была «уничтожена вся позиція этой книги». Мѣры эти весьма просты, но рѣшительны: онѣ заключаются въ указаніи на «бездонную лживость» женщинъ и на ихъ легкую внушаемость...

Онъ говоритъ (стр. 314—315): «Чтобы дойти до пониманія этихъ обманчивыхъ противорѣчій, нужно, прежде всего, вспомнить о той необыкновенной подчиняемости вліяніямъ, скорѣе даже впечатлѣніямъ, которой отличаются женщины. Эта чрезмѣрная доступность для всего чужого, это легкое перениманіе чужихъ взглядовъ до сихъ поръ не нашло еще въ этой книгѣ подобающей оцѣнки. *Какъ футляръ къ драгоцѣнностямъ, такъ Ж во всемъ и вполнѣ прилаживается къ М* (курсивъ нашъ), его взгляды становятся ея взглядами, его симпатіи сообщаются ей точно также, какъ и его чисто-индивидуальныя антипатіи; каждое его слово становится для нея событіемъ—и тѣмъ болѣе значительнымъ, чѣмъ сильнѣе онъ оказываетъ на нее вліяніе въ половомъ отношеніи». «Эта-же всеобщая пассивность женской природы (читаемъ мы далѣе на стр. 316) заставляетъ женщинъ акцептировать и перенимать даже тѣ мужскія оцѣнки, къ которымъ у нихъ нѣтъ, по существу, никакого отношенія. Эта способность пропитаться мужскими взглядами, это внѣдреніе чуждаго элемента въ собственную идейную жизнь, это лживое признаніе нравственности, которое нельзя даже назвать лицемѣріемъ, такъ какъ оно не прикрываетъ ничего антиморальнаго, это перениманіе и примѣненіе совершенно гетерономнаго завѣта—можетъ, въ общемъ, поскольку женщина сама не оцѣниваетъ, протекать очень ровно и легко вызвать обманчивую видимость высшей нравственности».

Но за это пропитываніе своего организма совершенно чуждыми ей добродѣтелями женщина и расплачивается истеріей, и вотъ почему женщины бываютъ или истеричками, или мегерами. Авторъ совершенно игнорируетъ почти всѣ ученія невропатологовъ и психіатровъ объ истеріи. Правда, онъ знаетъ, что въ настоящее время «почти у всѣхъ психіатровъ» есть стремленіе искать для объясненія явленій истеріи измѣненія въ тканяхъ и процессы самоотравленія организма, но онъ голословно и величественно рѣшаетъ, что «съ этимъ предразсудкомъ, по справедливости, можно не считаться» (стр. 318). За то онъ цѣликомъ присоединяется къ ученію такого мало выдающагося врача, какъ Фрейдъ, который единственной причиной истеріи считаетъ «травматическое» сексуальное переживаніе. «Женщина (говоритъ Вейнингеръ на стр. 318), которая получила какое-либо сексуальное впечатлѣніе или представленіе, отнесла его прямо или непосредственно къ самой себѣ, и, затѣмъ, опираясь на навязанную и вполнѣ привившуюся ей, перешедшую въ

нее и господствующую надъ всѣмъ ея бодрствующимъ сознаніемъ мужскую оцѣнку, цѣликомъ отвергаетъ это представленіе, возмущается имъ, становится несчастной изъ-за него, и, въ то-же время, благодаря своей женской природѣ, въ своей безсознательной глубинѣ, одобряетъ, утверждаетъ, желаетъ его. Женщина, въ которой этотъ конфликтъ постоянно нарастаетъ, бродитъ внутри и временами прорывается въ видѣ припадка,—такая женщина даетъ болѣе или менѣе типичную картину истеріи».

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, Вейнингеръ счастливо выходитъ изъ затрудненія. «Признаніе органической лживости женщины (говоритъ онъ на стр. 319), ея неспособности дойти до истиннаго пониманія самой себя—благодаря чему она и можетъ мыслить совсѣмъ несвойственнымъ ей образомъ—даетъ, по моему, принципіально удовлетворительное рѣшеніе тѣхъ трудныхъ вопросовъ, которые предъявляетъ намъ этіологія истеріи. Если бы добродѣтель женщины была настоящей, она не могла бы страдать отъ нея; терпитъ же она лишь за ложь противъ собственной, въ дѣйствительности, неослабленной природы». «Правда (читаемъ мы далѣе на стр. 322), совершенно вѣрно, что именно истерички педантично (но всегда съ извѣстной демонстративной умышленностью передъ чужими) избѣгаютъ всякой неправды (!?), но именно въ этомъ—какъ это ни звучитъ парадоксально—заключается ихъ лживость. Ибо онѣ не знаютъ, что требованіе истинности цѣликомъ вошло въ нихъ извнѣ».

Такимъ образомъ, все то, что для близорукаго взгляда казалось проявленіемъ женскаго достоинства, женскихъ добродѣтелей, послѣ проникновеннаго анализа нашего автора оказалось лишь «арміей истерическихъ поддѣлокъ подъ всѣ мужскія преимущества» (стр. 334).

И, конечно, узнавши все это, мы ни мало не удивимся, когда на стр. 408 прочитаемъ: «Настоящая книга есть высшая честь, какая когда-либо была оказана женщинамъ».

Но посмотримъ, не увлекся ли чрезмѣрно Вейнингеръ своимъ желаніемъ поскорѣе оказать эту «высшую честь» женщинамъ. Достаточно ли онъ при этомъ обосновалъ свое ученіе?

Посмотримъ, прежде всего, какъ стремится онъ обосновать свое ученіе. «Быть можетъ (говоритъ онъ на стр. 5), станутъ упрекать отдѣльныя мѣста этого изслѣдованія въ томъ, что они обставлены слишкомъ малымъ количествомъ доказательствъ; но именно это кажется мнѣ наименьшимъ недостаткомъ работы. Ибо что значитъ въ такомъ вопросѣ «доказывать?» То, что здѣсь разрабатывается,—не математика и не теорія познанія... а только предметы научнаго опыта; въ этой же области, въ лучшемъ случаѣ, можно лишь пальцемъ указать на то, что есть; все же, что помимо этого называютъ здѣсь доказательствомъ, не больше, какъ простое совпаденіе новыхъ опытовъ со старыми».

Но вѣдь трудъ автора есть работа въ области физіологіи и

психологіи, а въ этихъ областяхъ одного «указыванія пальцемъ» не достаточно; другіе авторы имѣютъ обыкновеніе приводить здѣсь еще и «доказательства». Однако, мы не будемъ здѣсь останавливаться надъ этой своеобразной теоріей познанія, не будемъ останавливаться уже по тому одному, что этотъ вопросъ мы уже обсуждали въ статьѣ «Къ характеристикѣ современныхъ теченій» («Русс. Бог.» 1908, № 2), по поводу аналогичнаго заявленія г-на Бердяева. Здѣсь мы только замѣтимъ, что, если даже дѣло идетъ о самыхъ общеизвѣстныхъ фактахъ, на которыхъ, дѣйствительно, достаточно только «указать пальцемъ», то и тогда все-таки возможны доказательства. Положимъ, я «указалъ бы пальцемъ» на тотъ общеизвѣстный фактъ, что люди рѣдко доживаютъ до 100 лѣтъ. Спрашивается, могъ ли бы я доказать этотъ фактъ? Конечно, да. *Помимо множества другихъ доказательствъ*, я могъ бы просто сослаться на статистику, на ея таблицы средней долговѣчности человѣка и таблицы возрастнаго состава умирающихъ. А «факты», на которые «указываетъ пальцемъ» Вейнингеръ, далеко не столь общепризнаны, чтобы они ужъ и не нуждались болѣе ни въ какомъ подтвержденіи. Если, напримѣръ, на его заявленіе, что *всѣ* знакомыя ему выдающіяся женщины и дѣвушки были бисексуальны или гомосексуальны, если на это заявленіе мы могли выразить лишь удивленіе, что онъ разузналъ такія интимности о *всѣхъ* своихъ выдающихся знакомыхъ,—то на его заявленіе, что «выдающіеся люди *всегда* (нашъ курсивъ) любили только проститутокъ» (стр. 263), мы, кажется, въ правѣ потребовать еще и доказательствъ, и это уже по тому одному, что *всѣхъ* выдающихся людей (слѣдовательно, выдающихся людей всѣхъ временъ и народовъ) Вейнингеръ лично, конечно, не зналъ, и, слѣдовательно, тотъ «фактъ», что они любили только проститутокъ, онъ долженъ былъ откуда-нибудь узнать. А мы можемъ по этому поводу полюбопытствовать: откуда именно онъ это узналъ? Самъ Вейнингеръ, очевидно, чувствуетъ, что здѣсь недостаточно простого указанія пальцемъ, и пытается привести доказательство. Это доказательство заключается въ безплодіи браковъ у выдающихся людей или въ нежизнеспособности ихъ потомства. А это безплодіе онъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что выборъ выдающихся людей «падаетъ на безплодную женщину», а безплодны только проститутки, ибо «матери», какъ мы видѣли, беременѣютъ отъ всего, даже отъ ручья и дерева. Но теперь становится очевиднымъ, что какъ только Вейнингеръ пытается подтвердить свое «указаніе пальцемъ», то, вмѣсто подтвержденія, онъ лишь компрометируетъ это указаніе. Ибо, не говоря уже о томъ, что далеко не всѣ браки выдающихся людей были безплодны (мы, моментально, и въ одномъ лишь XIX вѣкѣ укажемъ на жизнеспособное потомство Фихте, Маркса, Вагнера, Пушкина, Льва Толстого, Тургенева и мн. др., а, между тѣмъ, по Вейнингеру, выдающіеся люди *всегда любили только* проститутокъ, и всѣ проститутки без-

плодны), такъ, не говоря уже объ этомъ обстоятельствѣ, спрашивается, чѣмъ доказалъ Вейнингеръ, что безплодіе этихъ браковъ зависитъ отъ женъ, а не отъ мужей? Затѣмъ, изъ того общеизвѣстнаго факта, что настоящія уличныя проститутки, дѣйствительно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ безплодны, Вейнингеръ безъ всякаго основанія заключилъ о безплодіи и тѣхъ его своеобразныхъ «проститутокъ», которыя, по его собственному признанію, ни разу не измѣняли своимъ мужьямъ. Между тѣмъ, какъ безплодіе настоящихъ проститутокъ объясняется очень просто, не тѣмъ, что онѣ не «матери», а тѣмъ, что онѣ страдаютъ эндометритами, периметритами, оофоритами и многими другими «итами».

Мы остановились такъ долго на этомъ, сравнительно, маловажномъ случаѣ, чтобы показать, чего стоятъ эти «указанія пальцемъ» Вейнингера, ибо здѣсь онъ пытается подтвердить свое указаніе, а въ другихъ случаяхъ онъ, дѣйствительно, ограничивается однимъ «указаніемъ», на что, конечно, и мы можемъ отвѣтить лишь одно: «Не видимъ того, на что вы указываете». Такое «не видимъ» мы принуждены, напримѣръ, отвѣтить на вполнѣ голословное заявленіе автора, будто «всѣ геніальные люди, *безъ исключенія* (курсивъ нашъ), поскольку они обладаютъ развитымъ поломъ, страдаютъ самыми сильными половыми извращеніями (или «садизмомъ» или—безъ сомнѣнія, всѣ болѣе значительные (?!)—«мазохизмомъ») (стр. 344, примѣчанія). На это можно только сказать: читалъ много біографій геніальныхъ людей, но того, чтобы всѣ они, безъ исключенія, страдали половыми извращеніями—не вычиталъ. Не вычиталъ также въ этихъ біографіяхъ и того, что «значительные люди всегда гораздо суевѣрнѣе, чѣмъ посредственные» (стр. 146). Весьма неожиданнымъ является и такое заявленіе: «Стоитъ только назвать слово двойникъ, чтобы вызвать у большинства мужчинъ сильнѣйшее сердцебіеніе» (стр. 243) (женщины, замѣтимъ, не боятся двойникомъ, ибо у нихъ нѣтъ души, и «никто еще не слышалъ о женщинахъ-двойникахъ»). Въ данномъ случаѣ, намъ остается лишь спросить своихъ читателей-мужчинъ: бываетъ-ли у нихъ «сильнѣйшее сердцебіеніе» при словѣ «двойникъ»? У насъ, по крайней мѣрѣ, не бываетъ. Крайне неожиданнымъ является для насъ и такое «указаніе пальцемъ» Вейнингера: «Всѣ императоры, безъ исключенія (вообще въ своихъ «указаніяхъ» Вейнингеръ не любитъ исключеній), совершенно инстинктивно стоятъ за конституцію... за самое широкое избирательное право» (стр. 268).

Мы могли-бы привести еще много примѣровъ такихъ неожиданныхъ «указаній пальцемъ», но спѣшимъ перейти къ болѣе систематической критикѣ ученія Вейнингера.

Центральнымъ пунктомъ этого ученія нужно признать его теорію «генидъ». Ибо, если-бы, дѣйствительно, было установлено, что понятія и сужденія недоступны женщинамъ, тогда сдѣлалось бы яснымъ, что женщины стоятъ не выше животныхъ, и, слѣдова-

тельно, ни о настоящей нравственности, ни объ умопостигаемомъ Я, ни о прочихъ другихъ высокихъ предметахъ у женщинъ не могло бы быть и рѣчи. А такъ какъ «плоть» у женщинъ, несомнѣнно, есть,—то, пожалуй, этимъ одновременно было бы доказано и насквозь-сексуальное естество женщинъ. Поэтому мы, прежде всего, остановимся на теоріи «генидъ». Предваряя результаты нашей критики, скажемъ, что въ этой теоріи нѣтъ ничего новаго, кромѣ нѣкоторой путаницы и того обстоятельства, что Вейнингеръ, *безъ всякаго доказательства*, отводитъ свои «гениды» въ удѣлъ женщинамъ. Въ ученіи Вейнингера о «высвѣтленіи» нѣтъ ничего новаго, кромѣ названія. Между прочимъ, этому явленію посвятилъ одесскій профессоръ Н. Ланге свою весьма интересную докторскую диссертацію: «Законъ перцепціи». Нѣтъ также ничего новаго и въ утвержденіи, что явленіе сознанія проходитъ чрезъ такое первичное состояніе, въ которомъ нельзя еще отличить даже познавательной стороны отъ стороны эмоціональной: прежде всего, конечно, всѣ тѣ, довольно многочисленные психологи, которые считаютъ познавательный процессъ первичнымъ явленіемъ, а чувство явленіемъ производнымъ, всѣ эти психологи должны были отрицать возможность различенія между познавательнымъ и чувственнымъ элементомъ въ самыхъ первыхъ явленіяхъ сознанія. Но, не говоря уже объ этихъ психологахъ, достаточно указать на ученіе Спенсера о первичныхъ «толчкахъ въ сознаніи», чтобы понять, что и здѣсь у Вейнингера нѣтъ ничего новаго. Наконецъ, самая идея нѣкоторыхъ психическихъ образованій, которыя имѣютъ извѣстную аналогію съ понятіями, но не равны имъ по формальнымъ достоинствамъ, самая эта идея блистательно разработана Роменсомъ въ его весьма извѣстномъ трудѣ «Духовная эволюція человѣка». Въ данномъ случаѣ тому, что Вейнингеръ называетъ «генида», соотвѣтствуетъ у Роменса «рецептъ». Отмѣтимъ здѣсь слѣдующее любопытное совпаденіе: мы видѣли, что Вейнингеръ считаетъ, что ребенокъ мыслитъ «генидами» до 14 мѣсяца своей жизни, а Роменсъ, какъ разъ, утверждаетъ, что «рецептивное мышленіе» собаки соотвѣтствуетъ мышленію 15-мѣсячнаго ребенка. Отличіе Роменса отъ Вейнингера, въ данномъ случаѣ, лишь то, что Роменсъ создалъ свое ученіе о «рецептахъ» для того, чтобы выполнить бездну между человѣкомъ и животными, чтобы возможно приблизить умъ животныхъ къ уму человѣка, а Вейнингеръ создалъ свои «гениды», чтобы возможно отдалить мужчину отъ женщины, чтобы сдѣлать ихъ духовно совершенно чуждыми другъ другу существами.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что во всемъ ученіи о «генидахъ» нѣтъ ничего новаго, кромѣ названія. Выше мы сказали, что нова здѣсь еще нѣкоторая путаница. Что подобная путаница, дѣйствительно, имѣется, объ этомъ даже неопытный читатель Вейнингера можетъ догадаться, прочитавши у него на стр. 117 слѣ-

дующее: «Я боюсь, что кто-нибудь потребуетъ отъ меня болѣе точнаго описанія гениды, спроситъ меня, что, собственно, я разумѣю подъ словомъ генида? Какъ выглядитъ такая генида? Это было бы совершеннымъ недоразумѣніемъ. Самое понятіе гениды и предполагаетъ уже, что ее нельзя ближе описать, что это—нѣчто смутно единое». Изъ того обстоятельства, что «генида» есть «нѣчто смутно единое», еще не слѣдуетъ, что и *понятіе* гениды должно быть смутнымъ. А, между тѣмъ, основываясь на томъ, что сама генида есть нѣчто смутное, Вейнингеръ считаетъ себя въ правѣ уклониться и отъ вполнѣ законнаго вопроса: «Что, собственно, онъ подразумѣваетъ подъ словомъ генида?» Легко показать, что, дѣйствительно, Вейнингеръ и самъ хорошо не знаетъ, что, собственно, онъ подразумѣваетъ подъ этимъ словомъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, «генида» у него есть нѣчто такое «смутно единое», что въ ней нельзя даже отличить того, что Авенаріусъ считаетъ самымъ простымъ, нельзя отличить «элемента» отъ «характера»,—съ другой стороны, женщины весь свой обиходъ совершаютъ при помощи генидъ и только, когда встрѣчаются съ чѣмъ-либо совершенно новымъ, то нуждаются, чтобы мужчина оформилъ эти гениды при содѣйствіи своихъ понятій. Такимъ образомъ, понятіе «гениды» покрываетъ собою огромную психологическую дистанцію, на одномъ концѣ которой лежитъ Спенсеровскій «первичный толчекъ» сознанія, а на другомъ—Роменсовскій «рецептъ», даже то, что Роменсъ называетъ «высшими рецептами», которыхъ только психологъ можетъ отличить отъ настоящихъ понятій.

Такимъ образомъ, наличность одной новинки Вейнингера: путаница понятій—несомнѣнна. Другая новинка, какъ мы знаемъ, заключается въ томъ, что Вейнингеръ, безъ всякихъ доказательствъ, совершенно голословно, однимъ «указаніемъ пальца» отдалъ свои гениды въ удѣлъ женщинамъ.

Процессъ созданія основного понятія «гениды» у Вейнингера былъ, значитъ, таковъ. Сначала онъ подробно излагалъ процессъ «высвѣтленія» и другія вещи, которыя до него и гораздо лучше его были уже установлены. Затѣмъ, спутавъ начало процесса высвѣтленія и одну изъ послѣднихъ его стадій, объединивъ однимъ терминомъ и спенсеровскій «первичный толчекъ» сознанія, и роменсовскій «высшій рецептъ», Вейнингеръ создалъ «смутное» понятіе гениды и простымъ «указаніемъ пальцемъ» вдвинулъ эту генида въ организмъ женщинъ, туда, гдѣ у мужчинъ находится душа, а у женщинъ одна способность «истерической поддѣлки» подъ мужскую душу.

Собственно говоря, уже одного того, что было до сихъ поръ сказано, вполнѣ достаточно, чтобы поставить крестъ надъ всѣмъ ученіемъ Вейнингера. Но такъ какъ вопросы пола теперь въ большой модѣ, такъ какъ книга Вейнингера волнуетъ весьма многихъ

и, сверхъ того, имѣетъ горячихъ поклонниковъ,—мы постараемся до конца разоблачить это пресловутое ученіе.

Мы знаемъ, что сверхъ одного устоя, на которомъ стоитъ ученіе Вейнингера: сверхъ теоріи «генидъ», есть еще и другой устой: ученіе о насквозь-проникающей сексуальности женщинъ. Что эта сексуальность была лишь «указана пальцемъ» Вейнингера, объ этомъ, послѣ всего вышесказаннаго, нѣтъ надобности и говорить. Доказательствъ Вейнингеръ не приводитъ никакихъ. Поэтому мы и не можемъ критиковать его несуществующихъ доводовъ, а подойдемъ къ дѣлу съ другой стороны. Посмотримъ, какія обстоятельства даютъ если не право, то хоть поводъ для заявленія подобныхъ утвержденій.

Процессъ воспроизведенія есть одинъ изъ самыхъ основныхъ процессовъ у всего живущаго. Собственно говоря, это есть второй по значенію процессъ у организованныхъ существъ. Онъ является, какъ бы, продолженіемъ питанія. Одноклѣточный организмъ питается, усвояя изъ окружающей среды извѣстные элементы. Это питаніе сопровождается увеличеніемъ въ объемѣ—ростомъ. Но когда клѣточки настолько увеличатся, что одинъ центръ уже не можетъ сдерживать всей плазмы, то клѣточка распадается на двѣ дочернія клѣточки. Такъ возникаетъ размноженіе. Въ этотъ историческій моментъ актъ размноженія есть высшее проявленіе жизнедѣятельности организмовъ. Первоначально, это размноженіе совершается безполымъ путемъ, путемъ простого дѣленія; но скоро возникаетъ болѣе совершенное половое размноженіе. Въ процессѣ полового размноженія на долю мужского организма выпадаетъ, сравнительно, менѣе сложный процессъ оплодотворенія, а организмъ женскій выполняетъ сложный, продолжительный и трудный актъ созданія новаго организма. Соотвѣтственно съ этимъ и роль половыхъ органовъ въ общей динамикѣ женскаго организма бываетъ гораздо болѣе значительной, чѣмъ въ динамикѣ мужского организма. А такъ какъ къ этимъ чисто-физіологическимъ факторамъ присоединились еще и факторы соціальные: своеобразныя условія, въ которыя поставлена дѣвушки до выхода замужъ, своеобразныя условія нахожденія себѣ мужа и заботы по воспитанію дѣтей, особенно въ первые годы ихъ жизни,—то вполнѣ естественно, что и въ психикѣ женщинъ вопросы половой жизни играютъ своеобразную и гораздо большую роль, чѣмъ въ психикѣ мужчинъ.

Итакъ, основное значеніе воспроизведенія въ жизни организмовъ и бо́льшая роль женскаго организма въ этомъ процессѣ,—вотъ тѣ условія, которыя дали Вейнингеру благовидный поводъ создать свое прямолинейное ученіе. Его ученіе именно страдаетъ крайней прямолинейностью, потому что, открывши всѣмъ очевидный и безспорный фактъ большой роли половой жизни въ женскомъ организмѣ, онъ закрываетъ глаза передъ всѣми остальными, порой столь же очевидными, фактами и безъ всякихъ доказательствъ заявляетъ,

что этой половой ролью исчерпывается вся женщина. Между тѣмъ, изъ того обстоятельства, что извѣстный факторъ лежитъ *въ основѣ* какого-либо явленія, еще не значитъ, что все это явленіе вполнѣ *исчерпывается* однимъ этимъ факторомъ. Вѣдь вся эволюція организмовъ именно и заключается въ томъ, что возникаютъ все новыя и новыя, все болѣе высокія формы взаимодѣйствія факторовъ и, хотя эти болѣе высокія формы имѣютъ въ своей основѣ формы болѣе низкія, онѣ все-таки не сводятся цѣликомъ и безъ остатка на эти болѣе низкія формы. Вѣдь самая основная форма дѣятельности организмовъ—это, безспорно, питаніе. Въ борьбѣ за пищу, въ борьбѣ за самоутвержденіе организмовъ при помощи питанія развилась вся сложная нервная организація высшихъ животныхъ и человѣка; однако, лишь тотъ, кто неспособенъ вмѣстить въ своей головѣ болѣе одной идеи, могъ бы утверждать, что, напримѣръ, и дѣятельность Ньютона, и дѣятельность Бетховена, и дѣятельность Лассаля сводятся къ процессу добыванія себѣ пищи. Слѣдовательно, Вейнингеръ долженъ былъ показать, что въ то время, какъ эволюція мужского организма не остановилась на актѣ воспроизведенія, но выработала и болѣе высокія формы дѣятельности, эволюція организма женскаго закончилась именно возникновеніемъ способности къ воспроизведенію. Этого, какъ мы знаемъ, онъ даже и не пытался сдѣлать. Но этого мало, существуетъ одинъ фактъ, до такой степени очевидный и такой огромной важности, что здѣсь, дѣйствительно, достаточно одного «указанія пальцемъ», чтобы все ученіе Вейнингера моментально разрушилось. Фактъ этотъ—существованіе у женщинъ полушарій большого мозга, тожественныхъ съ полушаріями большого мозга у мужчинъ. Правда, мозгъ женщинъ нѣсколько меньше мозга мужчинъ, но это обстоятельство настолько не имѣетъ рѣшающаго значенія, что и среди спеціалистовъ еще нѣтъ единогласія относительно связи между абсолютной величиной мозга и духовною одаренностью. Извѣстно, что спеціалисты въ настоящее время придаютъ гораздо большее значеніе степени развитія мозговой коры: развитію бороздъ на этой корѣ. А всѣ эти Роландовы, Сильвіевы и другія борозды имѣются въ женскомъ мозгу съ такой же неизмѣнностью, какъ и въ мужскомъ. Теперь спрашивается, зачѣмъ и какъ развилась эта кора большого мозга у существъ, которыя въ ней вовсе и не нуждаются, у которыхъ эта кора и не можетъ функціонировать? Назвать женскій мозгъ «истерической поддѣлкой» подъ мозгъ мужской Вейнингеръ не можетъ уже по тому одному, что отъ этой «поддѣлки» женщинамъ не было бы никакой пользы: пока онѣ живы, мужчины не могутъ видѣть ихъ мозги. Но Вейнингеру, повидимому, даже не приходило въ голову, что, для укрѣпленія своей теоріи, онъ долженъ серьезно посчитаться съ анатоміей и физіологіей мозга. Это плохо рекомендуетъ научность его мышленія.

Впрочемъ, вообще, научность Вейнингера вещь довольно свое-

образная. Несомнѣнно вѣрно, что онъ цитируетъ много работъ; несомнѣнно вѣрно, что онъ много (особенно для своихъ 23 лѣтъ) читалъ. Но, къ сожалѣнію, весьма часто его прямолинейность и его неуравновѣшенный темпераментъ владѣютъ и имъ, и всей его ученостью. Поклонники Вейнингера съ восхищеніемъ указываютъ на то обстоятельство, что свое ученіе онъ связываетъ съ именами чуть не всѣхъ выдающихся философовъ отъ Платона до Ницше. Но если не поддаться гипнозу диллетантскаго благоговѣнія передъ цитатами изъ великихъ философовъ, если отнестись къ дѣлу критически, то безразборчивое пользованіе Вейнингеромъ великими именами вызоветъ у насъ не восхищеніе передъ его ученостью, а чувство сожалѣнія, что этотъ безспорно-даровитый человѣкъ, очевидно, растерялся въ своей собственной учености.

Извѣстно, что великія философскія ученія радикально противорѣчатъ другъ другу. Извѣстно также, что каждая философская система есть болѣе или менѣе стройное цѣлое, въ которой каждая часть имѣетъ смыслъ только въ соотношеніи со всѣми остальными частями. А если это такъ,—то философское ученіе, которое одновременно опирается и на Канта, и на Аристотеля, и на Шеллинга, и на Авенаріуса, и на Лейбница, и на Шопенгауэра, и изъ многихъ другихъ философовъ, по солидности своей обосновки, походило бы на то политическое ученіе, которое заявило-бы, что оно является логическимъ выводомъ и изъ ученія о классовой борьбѣ, и изъ догмата о папской непогрѣшимости, и изъ браминскаго ученія о созданіи кастъ, и изъ соціологіи Огюста Конта...

Чаще всего (и иногда всуе) Вейнингеръ поминаетъ имя Канта; онъ даже формально называетъ себя кантіанцемъ; но это нисколько не мѣшаетъ ему, напримѣръ, доказывать, что «женщина не монада» (стр. 226 и др.), онъ даже подчеркиваетъ спеціально лейбницевское пониманіе монады, говоря о «монадѣ безъ окошекъ» (извѣстное выраженіе Лейбница). Но если онъ усваиваетъ монадологію Лейбница, тогда какъ можетъ онъ оставаться кантіанцемъ? Но и этого мало; вѣдь, по ученію Лейбница, вся вселенная состоитъ изъ монадъ и только изъ монадъ, во всей вселенной нѣтъ ничего, кромѣ монадъ,—и вдругъ оказывается, что женщина-то и не монада. Вѣдь этой поправкой Вейнингеръ уничтожаетъ все ученіе Лейбница!

Несомнѣнно, что Вейнингеръ даже и не замѣтилъ, какъ онъ мимоходомъ раздавилъ бѣднаго Лейбница. Если-бы онъ замѣтилъ, насколько его пониманіе «монады» отличается отъ пониманія самого Лейбница, то онъ, конечно, посвятилъ-бы нѣсколько строкъ на «исправленіе» всей системы Лейбница. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ легко и охотно поступаетъ съ другими мыслителями, когда замѣчаетъ, что ихъ ученія не вполнѣ ему подходятъ. Напримѣръ, бѣдный Зигвартъ всю жизнь свою корпѣлъ надъ своей «Логикой». Правда, ему удалось, такимъ образомъ, написать книгу, пользу-

щуюся высокимъ авторитетомъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, но Вейнингеръ нѣсколькими строками на стр. 179 его исправилъ. На стр. 241 еще болѣе горькая участь постигаетъ Вундта: Вейнингеръ прямо заявляетъ: «Пора-бы перестать говорить о такой безсмыслицѣ, какъ эмпирическая апперцепція», которую проповѣдуетъ Вундтъ. На стр. 177 пораженъ Махъ; а на другихъ страницахъ уничтожаются еще иные, извѣстные ученые,—*и, что самое главное*, все это дѣлается, такъ сказать, мимоходомъ.

Мимоходомъ Вейнингеръ не только поражаетъ отдѣльныхъ ученыхъ, но и совершаетъ цѣлые перевороты въ разныхъ наукахъ. Всякому, работающему въ какомъ-либо отдѣлѣ человѣческаго знанія, при разработкѣ его спеціальной темы, приходятъ различныя побочныя мысли, которыя, въ такомъ случаѣ, обыкновенно, временно оставляются въ сторонѣ, а затѣмъ или подвергаются спеціальной обработкѣ, или, если онѣ лежатъ внѣ компетенціи автора,—оставляются безъ дальнѣйшей обработки, какъ нѣкоторыя догадки, не могущія быть опубликованными. Но Вейнингеръ такъ мало дисциплинировалъ свой умъ, что, какая-бы вполнѣ посторонняя мысль ему ни пришла въ голову, онъ сейчасъ-же втискиваетъ ее въ свою книгу, хотя-бы эта мысль сразу вносила переворотъ въ науку. Такъ, на стр. 149 онъ сообщаетъ: «Фактъ, опрокидывающій всю современную психологію». На стр. 153—4 онъ изслѣдуетъ два юридическихъ вопроса: о договорѣ между двумя лицами и о завѣщаніи. На стр. 155 онъ входитъ въ область политической экономіи и даетъ теорію цѣнности, «вполнѣ охватывая своимъ взглядомъ» ученіе Менгера. На стр. 210 онъ создаетъ новую психіатрію, заявляя: «Геній, впадающій въ помѣшательство, уже не хочетъ быть геніемъ. Онъ хочетъ счастья, вмѣсто нравственности. Ибо всякое безуміе возникаетъ отъ невыносимаго страданія, озареннаго со всѣхъ сторонъ сознаніемъ». На стр. 224—5 онъ вновь становится юристомъ и создаетъ ученіе о преступленіи, гдѣ мы, между прочимъ, узнаемъ, что «нѣтъ такого преступника, который рѣшился-бы оправдывать свое преступленіе», и что «ни одинъ преступникъ не считалъ еще, на самомъ дѣлѣ, что наказаніемъ причиняютъ ему несправедливость». Какъ видите, все утвержденія, если и не вполнѣ обоснованныя, то за то вполнѣ категорическія. Хотите, напримѣръ, знать, почему Наполеонъ I сдѣлалъ великія завоеванія? Быть можетъ, вы подумаете, что ужъ хоть этотъ вопросъ лежитъ внѣ темы Вейнингера. Жестоко ошибетесь. На стр. 266 Вейнингеръ въ нѣсколькихъ строкахъ все это хорошо объясняетъ. Оказывается, что «о себѣ самомъ Наполеонъ никогда не могъ думать, ни одного часу не могъ онъ оставаться безъ великихъ внѣ его лежащихъ вещей, которыя должны были совершенно заполонить его сознаніе: вотъ почему онъ и долженъ былъ предпринять завоеваніе міра». А на слѣдующей (267-ой) страницѣ Вейнингеръ, кстати, еще и объясняетъ, почему «онъ (т. е. Наполеонъ)

становится эпилептикомъ», такъ что мимоходомъ создается здѣсь и новая теорія эпилепсіи.

Мы могли-бы привести и другіе аналогичные примѣры, но думаемъ, что сказаннаго достаточно, чтобы судить, какъ плохо Вейнингеръ дисциплинировалъ свой умъ.

Сдѣлавши много переворотовъ въ области разныхъ наукъ (не исключая и богословія, гдѣ онъ, между прочимъ, объяснилъ и «тайную вечерю»), Вейнингеръ не забылъ и первичной науки человѣка — миѳослагательства. И онъ создалъ миѳъ, который на этотъ разъ отличается хоть тѣмъ достоинствомъ, что имѣетъ отношеніе къ основной темѣ книги. Мы видѣли, что женщина есть нѣчто даже не существующее, какое-то пустое мѣсто, которому только мужчина придаетъ разныя положительныя свойства. Естественно возникаетъ вопросъ, почему же именно женщину мужчина избираетъ объектомъ своихъ благодѣяній? На это Вейнингеръ отвѣчаетъ слѣдующее: «Остается только одна неразрѣшимая загадка (и для Вейнингера, значитъ, существуютъ «неразрѣшимыя» загадки и, какъ разъ, тамъ, гдѣ у другихъ людей загадка рѣшается очень просто): почему именно женщину любятъ этой обожествляющей любовью, а не какое-нибудь другое существо?.. Не покажется-ли черезчуръ смѣлой та гипотеза, которую можно высказать по этому поводу?»

«Быть можетъ, когда метафизическимъ, внѣвременнымъ актомъ былъ созданъ человѣкъ, мужчина удержалъ для себя одного все божественное, всю душу: по какому мотиву это могло совершиться, мы, конечно, представить себѣ не можемъ. Эту свою несправедливость по отношенію къ женщинѣ онъ и искупаетъ въ мукахъ любви, въ которой и посредствомъ которой онъ хочетъ снова вернуть женщинѣ похищенную у нея душу, подарить ей душу, чувствуя свою вину передъ ней» (стр. 303). Ибо «женщина есть первородный грѣхъ мужчины» (стр. 358).

Отдавши «высшую честь» женщинамъ, которыя ему чужды по природѣ, Вейнингеръ рѣшилъ отдать подобную же честь и своимъ единоплеменникамъ — евреямъ. И вотъ почему, въ книгѣ, посвященной женщинамъ, мы довольно неожиданно находимъ цѣлую главу, разсматривающую «еврейство». Но скоро мы перестаемъ удивляться, ибо узнаемъ, что, собственно говоря, женщины и евреи почти что одно и то же. Предупредивши читателей (на стр. 364), что онъ самъ еврей, Вейнингеръ начинаетъ воздавать своимъ единоплеменникамъ точно такую же «высшую честь», какую ранѣе воздавалъ женщинамъ. Конечно, весьма скоро оказывается, что «у абсолютнаго еврея нѣтъ души» (стр. 376), и намъ лишь остается удивляться, почему остальные народы (очевидно, отнявшіе у евреевъ, какъ и у женщинъ, душу въ моментъ созданія человѣка) не пламенѣютъ къ евреямъ такою-же «обожествляющей любовью», какою мужчины пламенѣютъ къ женщинамъ, а наоборотъ, по свя-

дѣтельству Вейнингера, «никто, знающій еврея, не ощущаетъ его, какъ предметъ, достойный любви, даже самъ еврей» (стр. 365). А, между тѣмъ, евреи и женщины такъ похожи другъ съ другомъ, что «каждый, кто размышляетъ и о женщинѣ, и объ евреѣ, долженъ быть странно пораженъ, подмѣтивъ, въ какой степени еврейство какъ будто проникнуто той женственностью, сущность которой мы пытались изслѣдовать до сихъ поръ» (стр. 367).

Поэтому мы не будемъ подробнѣе слѣдить за характеристикой еврейства, дѣлаемой Вейнингеромъ, ибо нашимъ читателямъ будетъ достаточно вспомнить все то, что Вейнингеръ говорилъ о женщинахъ, и перенести его на еврейство. Въ назиданіе историкамъ сообщимъ лишь открытіе Вейнингера, что «никогда не существовало еврейскаго государства, въ истинномъ смыслѣ этого слова» (стр. 368). Тѣмъ же историкамъ и психологамъ полезно будетъ узнать, что «еврей совсѣмъ не вѣритъ, не вѣритъ въ свою вѣру, сомнѣвается въ своемъ сомнѣніи» (стр. 386), и что «еврей не вѣритъ ни во что — ни во что въ себѣ, ни во что внѣ себя» (стр. 386). Такой знатокъ еврейства, какъ Ренанъ, держался, какъ извѣстно, діаметрально противоположнаго мнѣнія. Вспомнимъ, напримѣръ, тѣ замѣчательныя страницы, посвященныя психологіи апостола Павла, гдѣ, между прочимъ, Ренанъ задаетъ себѣ вопросъ, бывали-ли у апостола Павла минуты неувѣренности и сомнѣнія въ собственномъ дѣлѣ, и отвѣчаетъ, что у арійца въ глубинѣ души всегда есть самокритика, сомнѣніе въ себѣ и своемъ дѣлѣ, но у фанатическаго еврея этого не бываетъ.

Лишь одно существенное отличіе находитъ Вейнингеръ между женщинами и евреями—это то, что «женщинѣ совсѣмъ чуждо мышленіе въ понятіяхъ, еврей же склоненъ къ нему въ высокой степени» (стр. 385). Утверждать, что существо, не имѣющее «души», не имѣющее «настоящаго я», можетъ оказаться въ высокой степени склоннымъ къ мышленію понятіями, утверждать это можетъ только очень сомнительный кантіанецъ.

Впрочемъ, не одни евреи женственны, женственны и негры (стр. 362), и китайцы; послѣднее доказывается обычаемъ китайцевъ носить косу (стр. 362) (хотя всѣмъ, кромѣ Вейнингера, извѣстно, что обычай носить косу навязанъ китайцамъ манчжурами, что китайцы до подчиненія своего манчжурской династіи косъ не носили). И вотъ почему у евреевъ есть антропологическое сходство и съ неграми, и съ монголами (стр. 363). Близки къ еврейству также и мы, русскіе, и поэтому-то всѣ русскіе «сплошь антисемиты» (стр. 368 примѣчаніе), ибо «самые настоящіе, наиболѣе арійскіе арійцы, совсѣмъ увѣренные въ своемъ арійствѣ, не бываютъ антисемитами... напротивъ, въ агрессивномъ антисемитѣ можно всегда подмѣтить извѣстныя еврейскія свойства (стр. 364—5).

Впрочемъ, ни насъ, русскихъ, ни китайцевъ, ни негровъ Вей-

нингеръ не удостаиваетъ той «высшей чести», какая выпала на долю женщинъ и евреевъ: онъ даетъ всѣмъ намъ лишь по щелчку, мимоходомъ. Однако, все-таки, на страницахъ его книги созидается довольно своеобразный женско-еврейско-русско-китайско-негритянскій блокъ!

П. Моніевскій.

Вторая слава.

I.

На-дняхъ были разосланы подписчикамъ послѣдніе томы перваго полнаго собранія сочиненій Оскара Уайльда. По этому случаю поклонники покойнаго писателя устроили торжественный обѣдъ въ честь редактора изданія Роберта Росса, одного изъ тѣхъ очень немногихъ друзей Оскара Уайльда, которые не отвернулись отъ него во время катастрофы. На обѣдѣ много говорилось о друзьяхъ «in good an bad weather» (въ хорошія и трудныя времена). Робертъ Россъ въ отвѣтной рѣчи привелъ нѣсколько любопытныхъ цифръ. Катастрофа имѣла то послѣдствіе, что всѣ книгопродавцы отказались держать въ лавкахъ книги Уайльда, а всѣ антрепренеры сняли немедленно со сцены его пьесы, хотя съ точки зрѣнія установленной морали трудно найти болѣе цѣломудренныя произведенія, чѣмъ комедіи: «Вѣеръ лэди Уиндермэръ», «Неинтересная женщина» (A Woman of no Importance) или «Образцовый мужъ». Результатомъ было банкротство Уайльда на сумму въ шесть тысячъ ф. ст. Къ этой суммѣ прибавились потомъ долги, сдѣланные Уайльдомъ въ Парижѣ. Послѣ смерти писателя друзья его сочли обязанностью погасить всѣ долги. «Активомъ» были только произведенія несчастнаго писателя, но даже въ 1901 г. они не представляли никакой мѣновой цѣнности. Публика, запуганная M-rs Grundy (т. е. коллективной посредственностью), не рѣшалась не то что спрашивать произведенія Уайльда, но даже произносить его имя. Молчаніе было нарушено появленіемъ «De Profundis», первое изданіе котораго принесло чистаго дохода 1000 ф. ст., которые внесены были въ уплату долга. Германія, въ значительной степени, указала Англіи значеніе Уайльда. Въ цифрахъ это выразилось такимъ образомъ. Въ короткое время доходы съ авторскаго права на переводы на нѣмецкій языкъ и съ постановки пьесъ Уайльда на германскихъ сценахъ дали такъ много, что друзья писателя могли выплатить всѣ долги его. Робертъ Россъ

добавилъ, что неизвѣстное лицо въ Англіи прислало ему чекъ на три тысячи гиней (30,000 руб.) для постановки памятника Уайльду въ Парижѣ, на кладбищѣ Père La Chaise. Дорогое изданіе полнаго собранія сочиненій, только что выпущенное, уже разошлось. Подсчетъ, сдѣланный во время обѣда, показалъ, что въ залѣ находится 56 писателей, четыре издателя, 12 поэтовъ, четыре ученыхъ, четыре адвоката и пр. Въ томъ числѣ... *два священника.* Тутъ были пэры Англіи, коммонеры, романисты съ громкими европейскими именами. Всѣ они явились, чтобы выразить свое уваженіе къ произведеніямъ едва ли не самаго блестящаго писателя, котораго дала англійская литература. И мнѣ припоминаются страницы изъ любопытной книги Роберта Шерарда, «Oscar Wilde, The Story of an Unhappy Friendship» *) Оскаръ Уайльдъ былъ только что осужденъ въ Old Baily. «Когда я, шатаясь, вышелъ изъ суда,—говоритъ Робертъ Шерардъ,—то смутно слышалъ ликованія толпы, собравшейся на улицѣ. Узнавъ, что «аристократъ» осужденъ, оборванные мужчины и женщины, схватившись за руки, выплясывали на мостовой какой-то дьявольскій хороводъ. Лица плясавшихъ изображали свирѣпый восторгъ». Еще большую жестокость проявили средніе классы. Когда Уайльдъ былъ освобожденъ изъ Уэндсуорта (только часть наказанія онъ отбылъ въ Ридингской тюрьмѣ, воспѣтой въ извѣстной балладѣ), его встрѣтили друзья, въ обществѣ которыхъ онъ въ тотъ же день уѣхалъ въ Діэпъ. Неизвѣстная поклонница прислала Уайльду чекъ на тысячу фунтовъ. Соотечественники травили писателя даже на французской почвѣ. Разъ, напр., одинъ художникъ позвалъ на обѣдъ въ ресторанъ троихъ друзей, въ томъ числѣ и Уайльда. Едва только обѣдающіе усѣлись за столъ, какъ вошелъ хозяинъ и потребовалъ, чтобы Оскаръ Уайльдъ немедленно ушелъ. Оказалось, что живущіе въ отелѣ англичане, узнавъ соотечественника, поставили хозяину ультиматумъ: или пусть выгонятъ его, или всѣ они объявятъ гостиницѣ бойкотъ. Подобныя сцены повторялись потомъ въ Парижѣ и въ Неаполѣ. Средніе классы тогда считали Оскара Уайльда позорнымъ пятномъ на имени Англіи. Теперь даже M-rs Grundy, узнавъ, въ какой славѣ произведенія писателя на континентѣ,—не хмуритъ уже бровей, когда слышитъ его имя.

Объ Оскарѣ Уайльдѣ мнѣ пришлось писать лѣтомъ этого года. Теперь мнѣ хочется поговорить о двухъ только что вышедшихъ послѣднихъ томахъ. Еще сравнительно недавно здѣсь въ Англіи думали, что чѣмъ скорѣе сгніютъ въ подвалахъ существующіе экземпляры произведеній Уайльда, тѣмъ лучше. Теперь въ двухъ послѣднихъ томахъ собраны не только произведенія, набросанныя

*) Авторъ, близкій другъ Уайльда, выпустилъ свою книгу въ 1902 г., когда она была отпечатана всего въ пятидесяти экземп. Въ 1908 г. вышло второе изданіе, по которому сдѣланы всѣ цитаты тутъ.

на лоскуткахъ, но также извлечены изъ старыхъ газетъ всѣ замѣтки Уайльда. Собраніе сочиненій, дѣйствительно, можно назвать полнымъ.

Модернизмъ, какъ онъ понимается у насъ теперь, заключаетъ въ себѣ нѣсколько элементовъ. Во-первыхъ, «заглядываніе по ту сторону бытія», затѣмъ ужасъ передъ жизнью и смертью и, наконецъ, обнаженіе. О первомъ мало приходится сказать, такъ какъ отчеты нашихъ поэтовъ послѣдней формаціи объ экскурсіяхъ «по ту сторону» представляютъ совершенно непонятный наборъ словъ. Прилагаемый поэтами ключъ къ произведеніямъ ничего не раскрываетъ. Ужасъ передъ смертью и передъ жизнью, проходящей, какъ сонъ, ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать новымъ въ русской поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ. Еще въ XVIII вѣкѣ написаны эти сильныя строки:

Едва увидѣлъ я сей свѣтъ—
Уже зубами смерть скрежещетъ;
Какъ молніей, косою блещетъ
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.
. . . . . .
Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою,
На то, чтобъ умереть, родимся.
Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнца ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

О мимолетности жизни тотъ же Державинъ говоритъ: «Едва часы протечь успѣли, хаоса въ бездну улетѣли—и весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ». Поразительные «Стансы» Пушкина «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ» читателю напоминать не приходится. Такимъ образомъ, въ русскомъ модернизмѣ новъ только одинъ послѣдній элементъ, т. е. обнаженіе. Да и то, впрочемъ, отчасти. Объ этомъ свидѣтельствуетъ сборникъ «Потаенная поэзія», изданный въ серединѣ прошлаго вѣка Герценомъ и Огаревымъ въ Лондонѣ.

Какъ мы увидимъ дальше, Оскаръ Уайльдъ, признаваемый идеологомъ модернизма, чуждъ совершенно «обнаженія». Теперь еще одно предварительное замѣчаніе. Несчастье русскаго общества это—лѣнь самостоятельно думать. Этимъ объясняется такое странное явленіе, какъ изумительная смѣна умственныхъ теченій, иногда прямо противоположныхъ. Ни въ одной странѣ писателю, въ особенности беллетристу, такъ не легко найти новообращенныхъ, какъ у насъ. Лѣнью думать самостоятельно объясняется, что у насъ было такъ много властителей думъ только за послѣднее время: и Ничше, и Ибсенъ, и Пшибышевскій, и Ведекиндъ, и Метерлинкъ, и Кнутъ Гамсунъ—«всѣ промелькнули передъ нами, всѣ побывали

тутъ». Это только иностранцы. Стоитъ только въ Россіи появиться талантливому беллетристу, какъ къ нему обращаются съ требованіемъ: «думай за насъ; вѣщай; раскрой всѣ тайны бытія». И несчастье заключается въ томъ, что даже великіе таланты не всегда сохраняютъ равновѣсіе при видѣ этого преклоненія. Даже великіе беллетристы иногда воображали себя пророками и принимались вѣщать. Классическимъ примѣромъ является Гоголь. Геніальный писатель подаетъ какому-то современному Собакевичу совѣтъ: «Учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть, дѣйствительно, вздоръ». Мужика онъ не совѣтуетъ бить, но только потому, что «мужикъ къ этому уже привыкъ и только что почешетъ у себя въ затылкѣ». Мужика надо ругать, благо тотъ Собакевичъ, къ которому письмо написано, «мастеръ на мѣткія слова». Если великій писатель могъ потерять голову, когда его провозгласили пророкомъ, то можно себѣ представить, что дѣлается съ беллетристами просто талантливыми! Трагедія заключается въ томъ, что у насъ быстро канонизируютъ въ пророки и такъ же стремительно валятъ потомъ въ грязь. И въ первомъ, и во второмъ случаѣ публика несправедлива. Многія нелѣпыя и уродливыя произведенія современныхъ русскихъ талантливыхъ беллетристовъ, надъ которыми (произведеніями) будутъ потѣшаться черезъ 10—15 лѣтъ, объясняются именно только тѣмъ, что авторы серьезно вообразили себя пророками, которымъ нужно «вѣщать» и раскрывать самыя сокровенныя тайны бытія. Когда-то Гете двадцать лѣтъ писалъ одного *Фауста*. Теперь люди, во всякомъ случаѣ, уступающіе по размѣрамъ таланта Гете, дарятъ публикѣ двадцать *Фаустовъ* въ одинъ годъ...

Въ Англіи болѣе привыкли къ самостоятельному мышленію, чѣмъ у насъ; но въ извѣстныхъ кругахъ отъ талантливаго писателя тоже требуютъ, чтобы онъ «вѣщалъ». Къ несчастью для Оскара Уайльда, онъ вращался именно въ подобныхъ кругахъ. Преклоненіе передъ нимъ доходило до того, что дамы правили своего рода мессы передъ его бюстомъ. У англійскаго писателя закружилась голова отъ преклоненія, какъ свидѣтельствуетъ Робертъ Шерардъ. И, по всей вѣроятности, не одинъ парадоксъ явился результатомъ сознанія Уайльда, что онъ пророкъ.

Перечитывая заново 14 томовъ полнаго собранія сочиненій Уайльда *), я невольно вспоминаю одно мѣсто изъ сказки Вольтера. Кандидъ и вѣрный слуга его Какомбо, послѣ удивительныхъ приключеній въ Кайенѣ, попадаютъ въ страну Эльдорадо. Здѣсь они съ изумленіемъ видятъ, какъ мальчики играютъ «въ ямки», при чемъ вмѣсто кремней швыряютъ звонкіе куски металла желтаго

*) О нихъ я недавно помѣстилъ статью въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ". Мнѣ приходится повторить здѣсь высказанные уже взгляды.

цвѣта и ослѣпительно сверкающіе камни зеленаго, краснаго и желтаго цвѣта. Затѣмъ мальчики убѣжали, беззаботно бросивъ свои «кремешки», которые при изслѣдованіи оказались слитками чистаго золота, яхонтами, изумрудами и желтыми алмазами невѣроятной цѣны. Оскаръ Уайльдъ напоминаетъ этихъ мальчиковъ изъ Эльдорадо. Ни въ одной изъ извѣстныхъ мнѣ европейскихъ литературъ я не знаю другого такого блестящаго писателя. Ни въ одной литературѣ нѣтъ также писателя, который бы такъ *небрежно* швырялъ свои алмазы и яхонты, какъ Оскаръ Уайльдъ. Самая ничтожная часть богатствъ, вывезенныхъ Кандидомъ и Какомбо изъ Эльдорадо, обогатила сотни людей. Милліонная часть, оставшаяся у Кандида, была достаточна, чтобы обезпечить въ Константинополѣ всѣхъ главныхъ героевъ на всю жизнь. Незначительная часть парадоксовъ, разсыпанныхъ такъ расточительно во всѣхъ 14 томахъ полнаго собранія сочиненій Уайльда, выдвинула бы сразу начинающаго писателя. До тѣхъ поръ, покуда цѣнится вообще талантъ, произведенія Оскара Уайльда будутъ находить восторженныхъ поклонниковъ. До тѣхъ поръ, покуда цѣнится вообще истина, будутъ сожалѣть, что такая великая сила, какъ Оскаръ Уайльдъ, «географической средой» была направлена не на надлежащій путь. А теперь приступимъ къ анализу двухъ послѣднихъ томовъ.

II.

Познакомимся сначала съ произведеніями, появляющимися впервые. Начну я съ отрывковъ драмы «Святая блудница» (у Оскара Уайльда пьеса носитъ французское заглавіе «La sainte Courtisane»). Произведеніе это имѣетъ свою исторію. Оно было почти совершенно окончено въ моментъ ареста автора. Рукопись поступила на храненіе къ поклонницѣ Уайльда, г-жѣ Ливерсонъ, которая въ 1897 г. спеціально поѣхала въ Парижъ, чтобы возвратить драму автору. Въ тотъ же день Уайльдъ забылъ рукопись въ фіакрѣ. Несмотря на всѣ старанія друзей, потеря не нашлась. Теперь отрывки возстановлены издателемъ по черновымъ набросками. «La Sainte Courtisane» во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ «Саломею». Въ пьесѣ Уайльдъ развиваетъ одну изъ своихъ любимыхъ теорій: истину слѣдуетъ держать про себя; пытаясь убѣдить кого-нибудь въ истинѣ, мы сами теряемъ вѣру въ нее. Эта же самая мысль заключается въ поэмѣ въ прозѣ «Учитель мудрости» (The Teacher of Wisdom). Содержаніе драмы сводится къ слѣдующему. Къ отшельнику Гонорію, спасающемуся въ пещерѣ въ Ливійской пустынѣ, является блудница Миррина, чтобы соблазнить его. Гонорій говоритъ ей о христіанской любви, а куртизанка—о любви чувственной. И вотъ Миррина обращена, но самъ

Гонорій теряетъ вѣру. «Истина перестаетъ быть правдой, когда больше одного человѣка увѣруютъ въ нее»,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ въ другомъ произведеніи, тоже появляющемся теперь впервые *). Блудница остается спасаться въ пустынѣ, тогда какъ Гонорій отправляется въ Александрію искать чувственныхъ наслажденій, про которыя ему такъ много говорила Миррина. Драма открывается бесѣдой двухъ темныхъ людей, приносящихъ время отъ времени хлѣбъ великому подвижнику. Они поражены появленіемъ въ пустынѣ красавицы и гадаютъ, кто она можетъ быть. *Первый человѣкъ.* Кто это? Она пугаетъ меня. На ней пурпурный плащъ, а волосы ея подобны нитямъ изъ золота. Я думаю, это дочь императора. Я слышалъ отъ лодочниковъ, что у императора—дочь, которая носитъ пурпурный плащъ. *Второй человѣкъ.* На сандаліяхъ у ней птичьи крылья, а туника ея—цвѣта зеленыхъ колосьевъ. Когда она стоитъ неподвижно, то похожа на всходы весною. Когда женщина движется, то туника подобна зеленымъ колосьямъ, на которые падаетъ тѣнь отъ пролетающаго ястреба. Жемчугъ на туникѣ подобенъ многимъ полнымъ мѣсяцамъ. *Первый человѣкъ.* Они подобны отраженію мѣсяца въ водѣ, когда ее гнетъ набѣгающій съ горъ вѣтеръ. *Второй человѣкъ.* Я думаю, она—одно изъ божествъ. По моему, она прибыла изъ Нубіи. *Первый человѣкъ.* А я такъ увѣренъ, что это дочь императора. Ногти ея выкрашены лавзоніей. Они похожи на лепестки розы. Она явилась сюда, чтобы оплакивать Адониса. *Первый человѣкъ.* Она сама божество. Я не знаю, почему она оставила свой храмъ. Боги не должны оставлять свои храмы. Если она заговоритъ съ нами, не будемъ отвѣчать. Пусть она пройдетъ мимо. *Первый человѣкъ.* Она не заговоритъ съ нами, потому что она дочь императора. *Миррина.* Не здѣсь ли живетъ прекрасный молодой отшельникъ, который не желаетъ глядѣть на лицо женщины? *Первый человѣкъ.* Да, онъ живетъ здѣсь. *Миррина.* Почему онъ не желаетъ смотрѣть на женщинъ? *Второй человѣкъ.* Мы не знаемъ.

Миррина разспрашиваетъ темныхъ людей объ отшельникѣ. *Первый человѣкъ.* Мы тебя не понимаемъ. *Миррина.* Что дѣлаетъ прекрасный отшельникъ? Сѣетъ-ли онъ? Жнетъ-ли? Обрабатываетъ-ли онъ свой садъ или ловитъ рыбу сѣтью? Ткетъ-ли онъ? Пашетъ-ли онъ деревяннымъ плугомъ или гонитъ воловъ? *Второй человѣкъ.* Онъ великій праведникъ, поэтому ничего не дѣлаетъ. Мы—темные, маленькіе люди. Мы работаемъ весь день подъ палящимъ солнцемъ. *Миррина.* Кормятъ-ли его птицы небесныя? Дѣлятъ-ли шакалы съ нимъ свою добычу? *Первый человѣкъ.* Каждый вечеръ мы приносимъ ему пищу. Мы не думаемъ, чтобы птицы небесныя кормили его. *Миррина.* Почему, въ такомъ случаѣ, вы кормите

*) Miscellanies, 176.

его? Какая вамъ польза отъ этого? *Второй человѣкъ.* Онъ большой праведникъ.

Миррина предлагаетъ имъ вызвать Гонорія изъ пещеры, но темные люди отказываются. Тогда блудница сама взываетъ: «Гонорій, Гонорій!» И когда отшельникъ является, она зоветъ его съ собою въ Александрію.

«Домъ мой крытъ кедромъ и надушенъ миррой — говоритъ блудница.—Столбы моего ложа изъ кедра, а наметъ надъ нимъ изъ пурпура. По намету и пологу серебромъ вышиты гранатовыя яблоки. Ступени у ложа моего изъ серебра и посыпаны шафраномъ и миррой. Возлюбленные мои украшаютъ колонны моего дома вереницами цвѣтовъ и лавровъ, а ночью являются въ сопровожденіи рабовъ, играющихъ на флейтахъ и арфахъ. Возлюбленные подносятъ мнѣ яблоки и пишутъ виномъ свои имена на мраморныхъ плитахъ, которыми вымощенъ мой дворъ. Мои поклонники приходятъ изъ самыхъ отдаленныхъ странъ. Повелители земли приносятъ мнѣ подарки. Когда византійскій императоръ услыхалъ про меня, то покинулъ свои порфировыя палаты и поплылъ со своими галерами въ Александрію. Его рабы не имѣли факеловъ, чтобы никто не зналъ про пріѣздъ императора. Повелитель Кипра, когда услыхалъ про меня, прислалъ своихъ посланниковъ. Оба царя Ливіи, родные братья, принесли мнѣ въ даръ амбру. Я отняла у Цезаря его любимца и сдѣлала его своею игрушкою. Цезарь прибылъ тогда ко мнѣ ночью въ носилкахъ. Онъ блѣденъ, какъ нарциссъ, а тѣло его было подобно меду. Сынъ префекта заколося въ честь мою, а тетрархъ киликійскій, чтобы потѣшить меня, согласился быть высѣченнымъ въ присутствіи рабовъ. Царь іерополисскій, который одновременно и жрецъ, и вождь разбойниковъ, самъ разстилалъ ковры, чтобы я могла ступать по нимъ. Иногда я сижу въ циркѣ, и гладіаторы сражаются для меня. Разъ мой возлюбленный гладіаторъ, фракіецъ родомъ, былъ изловленъ сѣтью. Я подала сигналъ убить его, и весь циркъ рукоплескалъ. Иногда я прохожу мимо гимназіума и гляжу на борющихся или состязающихся въ бѣгѣ юношей. Тѣло ихъ лоснится отъ масла, а головы украшены вѣнками изъ ивъ и миртъ. Когда юноши бѣгутъ, пыль слѣдуетъ за ними, какъ облачко. И тотъ, кому я улыбаюсь, покидаетъ товарищей и слѣдуетъ за мною. Иногда также я иду въ гавань, чтобы поглядѣть на купцовъ, выгружающихъ изъ кораблей товары. Пріѣзжіе изъ Тира имѣютъ въ ушахъ изумрудныя серьги, а на плечахъ—шелковые плащи. И тѣхъ, которые прибыли изъ Массиліи, я узнаю по плащамъ изъ нѣжной шестяной ткани и по латуннымъ серьгамъ. И когда мореходцы видятъ меня, то перестаютъ выгружать товары и окликаютъ меня, но я не отвѣчаю имъ. Я захожу въ кабачки и сажусь рядомъ съ моряками, которые тамъ цѣлый день пьютъ темное вино и играютъ въ кости. Царя я превратила въ своего раба, а его раба, тиріянина родомъ,

избрала на цѣлый мѣсяцъ моимъ властелиномъ... Домъ мой полонъ чудесъ. Прахъ пустыни набился въ твои кудри, ночи твои истерзаны терніями, а тѣло обожжено солнцемъ. Слѣдуй за мною, Гонорій. Я облачу тебя въ шелковую тунику. Тѣло твое я умащу миррой, а кудри полью индійскимъ нардомъ. *Гонорій.* Нѣтъ другой любви, кромѣ любви Божьей. *Миррина.* Кто тотъ, чья любовь сильнѣе страсти смертныхъ? *Гонорій.* Взгляни. Вотъ изображеніе его на крестѣ. Онъ—сынъ Божій и рожденъ отъ дѣвы. Три мудреца, повелители востока, принесли ему дары. Пастухи, спавшіе въ полѣ, были разбужены великимъ свѣтомъ. О пришествіи Бога знали Сивиллы. Давидъ и пророки предсказали это. Нѣтъ другой любви сильнѣе любви Божьей. Нѣтъ также любви, съ которой можно сравнить ее. Миррина, тѣло наше бренно. Господь воскреситъ тебя и дастъ другое тѣло, не подвластное тлѣнію. Ты будешь жить въ горнихъ селеніяхъ и созерцать Того, волосы котораго подобны самому нѣжному руну, а ноги подобны мѣди. *Миррина.* Но красота... *Гонорій.* Красота души возрастаетъ до тѣхъ поръ, покуда она, наконецъ, можетъ созерцать божество. Миррина, раскайся! Разбойникъ, распятый рядомъ съ Нимъ, попалъ въ рай. *Миррина.* Какъ странно онъ говоритъ. Съ какимъ презрѣніемъ глядитъ на меня!

Блудница проситъ пустынника повѣдать ей истину. Гонорій дѣлаетъ это. Блудница обращена, но отшельникъ теряетъ свою вѣру. Онъ отдалъ все и теперь ничего не имѣетъ. Въ стихотвореніи въ прозѣ «учитель мудрости», пустынникъ, повѣдавшій истину разбойнику, плачетъ, потому что у него ничего не осталось въ душѣ. Гонорій, отдавъ свою вѣру блудницѣ, восклицаетъ: «Миррина, чешуя упала съ очей моихъ! Я ясно вижу теперь, чего не замѣчалъ раньше. Веди меня меня въ Александрію и дай вкусить тамъ семь грѣховъ.

Миррина. Не глумись надо мною, Гонорій. Не обращайся ко мнѣ съ такими горькими словами. Ибо я раскаялась въ своихъ грѣхахъ. Я ищу теперь пещеру въ пустынѣ, гдѣ могла бы жить и сдѣлать мою душу достойной узрѣть божесто. *Гонорій.* Миррина! Солнце близко къ закату. Идемъ въ Александрію. *Миррина.* Я не пойду туда. *Гонорій.* Такъ прощай!

Блудница остается въ пустынѣ, гдѣ становится жертвой разбойниковъ. Кстати о драмѣ вообще. Оскаръ Уайльдъ много писалъ для сцены. Тутъ комедіи, драмы, трагедіи *). Въ то же время Уайльдъ выступаетъ съ заявленіемъ, что талантъ актера мѣшаетъ драматургу. Чѣмъ талантливѣе актеръ, тѣмъ больше исчезаетъ индивидуальность автора. Отсюда выводъ, что самыми идеальными исполнителями будутъ... маріонетки. Въ послѣднемъ томѣ полнаго

*) О нихъ я говорилъ подробно въ статьѣ „Въ поискхъ за смысломъ жизни" (Русское Богатство, VII, 1908).

собранія сочиненій Оскара Уайльда мы находимъ своеобразную диссертацію «Маріонетки и актеры». «Я убѣжденъ, что сцена для драматическаго произведенія не больше, какъ рама для картины,— говоритъ Уайльдъ.—Пригодность пьесы для сцены не имѣетъ ничего общаго съ достоинствомъ ея, какъ художественнаго произведенія. Въ Англіи, напримѣръ, въ XIX вѣкѣ появились только два дѣйствительно великихъ драматическихъ произведенія: «Ченчи» Шелли и «Аталанта въ Калидонѣ» Суинборна. А между тѣмъ, ни одно изъ этихъ произведеній не пригодно для сцены. Смѣшна даже самыя мысль, что исполненіе пьесы является мѣриломъ ея достоинства. «Индивидуальность актера,—продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ Уайльдъ,—является часто источникомъ опасности для совершеннаго представленія произведенія искусства. Индивидуальность эта можетъ извратить произведеніе. Она можетъ затемнить значеніе. Она можетъ явиться диссонансомъ въ общей симфоніи. Ибо всякій можетъ играть роль. Большинство населенія въ Англіи ничего другого не дѣлаетъ. Чтобы жить въ обществѣ, необходимо быть комедіантомъ... Маріонетки имѣютъ много преимуществъ передъ актерами. Онѣ никогда не умствуютъ. У нихъ нѣтъ никакого представленія объ искусствѣ, нѣтъ у нихъ также частной жизни. Намъ никогда не надоѣдаютъ анекдотами объ ихъ добродѣтеляхъ или порокахъ. Онѣ безусловно признаютъ умственное превосходство драматурга и никогда не надоѣдаютъ разспросами. Онѣ удивительно послушны и совсѣмъ не имѣютъ индивидуальности». И Оскаръ Уайльдъ дальше разсказываетъ, какъ видѣлъ въ Парижѣ «Бурю» въ идеальномъ исполненіи маріонетокъ. Исполненіе было такъ хорошо, что Уайльдъ послалъ маріонеткѣ, игравшей Миранду,- цвѣты, на которые «она не обратила вниманія» *)..

III.

Перейдемъ теперь къ отрывку, которому названіе «Философія для юношей». Это рядъ парадоксовъ въ защиту «позы».

«Первый долгъ въ жизни,—быть насколько возможно болѣе искусственнымъ. Въ чемъ заключается второй долгъ,—никто еще до сихъ поръ не открылъ.

«Порочность—миѳъ, выдуманный добрыми людьми, чтобы объяснить привлекательность другихъ.

«Если бы бѣдняки имѣли только красиво очерченные профили, то разрѣшеніе вопроса о бѣдности не представляло бы никакой трудности».

Оскаръ Уайльдъ въ частной жизни былъ очень добрый, щедрый и великодушный человѣкъ. Дальше, изъ статьи Уайльда о китай-

*) „Oscar Wilde", „Miscellanies p. p. 164–167.

скомъ философѣ Чуангъ-Тцу, читатели увидятъ, что англійскій эстетъ имѣлъ много точекъ соприкосновенія съ діаметрально противоположнымъ міровоззрѣніемъ; но онъ не могъ простить плюгавымъ людямъ, что они такъ некрасивы. Робертъ Шерардъ разсказываетъ, какое отвращеніе вызвалъ въ Уайльдѣ пьяненькій, грязный, слюнявый Поль Верлэнъ съ его лицомъ трактирнаго силэна. Отвращеніе было такъ велико, что Уайльдъ, обыкновенно утонченно вѣжливый, держался почти грубо въ присутствіи французскаго поэта. Эстетъ также не могъ простить бѣдности, что она такъ «неизящна». Въ статьѣ, помѣщенной въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ собранія сочиненій, Уайльдъ жалуется, что лондонская академія художествъ не сдѣлала единственнаго дѣла, которое хоть нѣсколько оправдало бы ея существованіе: она не научила бѣдняковъ носить изящно свои лохмотья. Бѣдность, по мнѣнію эстета, становится только тогда интересна, когда принимаетъ чудовищный, уродливый характеръ. И, чтобы наблюдать эту «интересную» бѣдность, Уайльдъ отправлялся въ Парижѣ въ такія берлоги, какъ кабаки Père Lunette или Château Rouge. «Вмѣстѣ со мною Уайльдъ посѣтилъ притоны преступниковъ низшаго типа и отверженныхъ Парижа, всѣ показныя мѣста столичнаго ада, какъ *Пэръ Люнетъ*, *Шато-Ружъ*,—говоритъ Робертъ Шерардъ.—Кто желаетъ знать, какія мрачныя бездны существуютъ въ жизнерадостной, залитой свѣтомъ столицѣ Франціи,—всегда отправляется въ эти мѣста. Къ нашей партіи присоединились тогда: американецъ Стюартъ Мерриль и извѣстный французскій поэтъ. Оскаръ Уайльдъ заявилъ намъ, что онъ въ восторгѣ отъ предстоящей экскурсіи. «Преступники всегда сильно привлекали меня»,—прибавилъ онъ. Слѣдуетъ вспомнить его очеркъ «Перо, карандашъ и ядъ» *). «Уайльдъ въ тотъ вечеръ былъ одѣтъ съ обычной изысканностью и не снялъ даже ни колецъ, ни брелоковъ... Въ кабакѣ *Шато-Ружъ* есть большая комната наверху, въ которой бездомные бродяги, заплативъ су, могутъ спать на полу до тѣхъ поръ, покуда запирается питейное заведеніе, т. е. до двухъ часовъ утра. Эта комната въ то время извѣстна была подъ названіемъ *Моргъ* или *Зала мертвецовъ* (Salle des Morts) и являлась любимымъ зрѣлищемъ всѣхъ искателей сильныхъ ощущеній. Мы просидѣли нѣсколько минутъ въ вонючей, душной комнатѣ внизу, гдѣ завсегдатаи кабака пьютъ. Здѣсь мы бесѣдовали съ ворами и съ проститутками низшаго типа, слушали безстыдныя пѣсни страшной, безносой старой вѣдьмы и наблюдали, какъ профессіональные нищіе «гримируются», чтобы разжалобить прохожихъ. Для *bonne-bouche* содержатель кабака, сложенный, какъ геркулесъ, предложилъ

*) Оскаръ Уайльдъ пишетъ въ немъ о нѣкоемъ Wainwright, профессіональномъ отравителѣ, который былъ посредственнымъ рисовальщикомъ и поэтомъ. Хвалебный тонъ статьи слишкомъ отдаетъ „позой". То же самое можно сказать о разсказѣ „Lord Arthur Savile's Crime".

намъ заглянуть въ залу мертвецовъ. Уайльдъ выразилъ согласіе, и мы отправились наверхъ, слѣдуя за хозяиномъ, державшимъ въ рукахъ оплывшую свѣчу. На полу, въ неудобныхъ позахъ валялись, какъ трупы, нищіе и бродяги въ грязныхъ, вонючихъ лохмотьяхъ. Нѣкоторые изъ спавшихъ были, повидимому, пьяны, другіе—больны. Мы видѣли культяпки ноги и язвы дурной болѣзни. Я до сихъ поръ помню изящную фигуру моего друга, смотрящаго на «мертвыхъ». На губахъ его была видна легкая складка жалости; но лицо по преимуществу выражало ужасъ, какъ будто при видѣ головы Медузы» *). Какъ ужасна должна быть бѣдность, чтобы она могла заинтересовать эстета!

Возвратимся къ «Философіи для юношей».

«Дѣйствительно хорошо сдѣланная бутоньерка является единственной связью между искусствомъ и природой.

Хорошо воспитанный человѣкъ противорѣчитъ другимъ. Мудрецъ противорѣчитъ себѣ.

«Ничто изъ того, что случается въ дѣйствительной жизни, не представляетъ никакого интереса.

«Во всѣхъ важныхъ вещахъ самое существенное—стиль, а не искренность».

Объ исканіяхъ абсолютной истины въ произведеніяхъ Оскара Уайльда не можетъ быть и рѣчи. Для этого исканія необходимо глубокое убѣжденіе, страстная вѣра. У Оскара Уайльда на первомъ планѣ не истина, а красивый парадоксъ. И не просто красивый, а такой, который «ошеломилъ» бы респектабельную публику. Парадоксъ, по мнѣнію Уайльда, долженъ быть красивъ не столько мыслью, заключенной въ немъ, сколько *формой*, въ которую эта мысль облечена. Искателю истины необходимо только слово, наиболѣе точно передающее мысль. Онъ хватается за первое слово, если оно ясно. Ничего, если это слово неуклюже или недостаточно благозвучно. Оскаръ Уайльдъ отбросилъ бы самую смѣлую и оригинальную мысль, если бы для выраженія ея нашлось только некрасивое, звучащее неизящно слово. Для доказательства я обращаюсь къ той же біографіи, написанной Шерардомъ. Блестящій эстетъ, выбравшій своимъ девизомъ «Rien n'est vrai que le beau», любилъ красивыя слова. Такъ, напр., онъ съ наслажденіемъ произносилъ слово «vermilion» (алый), смакуя его, какъ лучше токайское. За то онъ ненавидѣлъ краску «маджента» (т. е. фуксинъ), отличающуюся только тонами отъ алаго цвѣта, и считалъ ее символомъ всего пошлаго, грубаго, мѣщанскаго.

Про звучность и красоту слова Уайльдъ не забывалъ въ самые ужасные для себя моменты. Онъ арестованъ. Блестящая карьера сразу втоптана въ грязь. Впереди скандальный процессъ.

---

*) R. H Sherard, Oscar Wilde. The Story of An Unhappy Friedship. p. p. 94—97.

Другъ его спѣшитъ изъ Франціи на свиданіе въ тюрьму и находитъ Уайльда въ ужасномъ состояніи. Арестованный стонетъ: «Почему вы не привезли мнѣ яда изъ Парижа?» «Уайльдъ часто повторялъ этотъ вопросъ не только въ этотъ день, но и въ послѣдующіе дни,—говоритъ Шерардъ,—не потому, что хотѣлъ покончить самоубійствомъ, а только потому, я увѣренъ, что аллитерація фразы (по poison from Paris) показалась ему красивой» *). Несчастный Оскаръ Уайльдъ осужденъ. Къ нему въ Дартмарскую каторжную тюрьму ѣдетъ на свиданіе Шерардъ. Другъ долженъ сообщить, что жена Оскара Уайльда перемѣнила имя. «Съ психологической точки зрѣнія,—говоритъ Шерардъ,—меня занимало то безпокойство, съ которымъ Уайльдъ допытывался, какое именно имя приняла жена. Несмотря на клѣтку, на острожное платье и весь ужасъ положенія, Уайльдъ безпокоится больше всего, какъ бы его жена не приняла вульгарное, звучащее неизящно имя» **).

Кстати. На основаніи книги Шерарда можно выяснить теперь одинъ пунктъ.

Ужасная катастрофа, бросившая Уайльда въ тюрьму и разрушившая одну изъ самыхъ блестящихъ литературныхъ карьеръ, не явилась въ такой степени, какъ полагаютъ, результатомъ зависти благовоспитаннаго мѣщанства къ громадному таланту. Самый процессъ явился послѣдствіемъ безумнаго преслѣдованія, начатаго Оскаромъ Уайльдомъ противъ лорда Кинсберри. Во время разбора этого дѣла выяснились компрометирующіе для преслѣдователя факты. Но и тогда судъ медлилъ съ выпускомъ приказа объ арестѣ, желая дать Оскару Уайльду возможность уѣхать во Францію. «Warrant (приказъ объ арестѣ) былъ подписанъ только тогда, когда отошелъ послѣдній поѣздъ въ Дувръ,—говоритъ Шерардъ.—Судъ не могъ медлить больше» ***). «Волна ужаса прокатилась тогда по обществу, въ которомъ вращался Уайльдъ,—продолжаетъ Шерардъ.—Калэ подверглась тогда странному вторженію. Тысяча грѣшныхъ душъ устремилась изъ Лондона на югъ, страшась ареста. На каждомъ отходящемъ изъ Дувра пароходѣ можно было видѣть такія лица, исковерканныя ужасомъ, которыя могутъ только присниться подъ давленіемъ кошмара». Крайнюю жестокость проявили тогда по отношенію къ Уайльду средніе и нижесредніе классы. По ходатайству друзей, Уайльда выпустили на поруки до суда. «Уайльдъ изъ тюрьмы поѣхалъ въ гостиницу, гдѣ сняты были двѣ комнаты,—говоритъ Шерардъ.—То было уже поздно вечеромъ. Какъ только несчастный поэтъ усѣлся, въ комнату вошелъ хозяинъ. «Вы—Оскаръ Уайльдъ?—грубо спросилъ онъ.—Немедленно уѣзжайте отсюда». Изъ этой гостиницы Уайльдъ по-

*) Robert H. Scherard, Oscar Wilde, p. 157.
**) Ib., p. 214.
***) R. Scherard, p. 161.

ѣхалъ въ другую, находящуюся въ другомъ концѣ Лондона и гдѣ эстета не знали въ лицо. Но только что поэтъ легъ въ постель, какъ появился хозяинъ. Оказалось, что добровольцы-сыщики гнались за Уайльдомъ и, найдя, гдѣ онъ остановился, пригрозили хозяину «разгромить домъ», если поэтъ останется хоть минуту болѣе. Далеко за полночь братъ Оскара—Уилли (братья были въ ссорѣ) услышалъ робкій стукъ въ двери. Открывъ ихъ, онъ увидалъ блѣднаго, шатающагося отъ нравственнаго потрясенія и отъ крайняго утомленія Оскара Уайльда. «Уилли, пріюти меня на ночь!—жалобно крикнулъ онъ.—Позволь мнѣ переночевать хоть въ передней на полу. Иначе я умру на улицѣ». «Немногіе друзья, оставшіеся вѣрны Уайльду, настоятельно совѣтовали ему уѣхать во Францію не только ради себя, но и въ виду общественнаго интереса. Лицо, внесшее за Уайльда залогъ, заявило, что охотно согласится на то, чтобы деньги его пропали. Оскаръ Уайльдъ не находился подъ негласнымъ надзоромъ; за нимъ не слѣдили сыщики. Въ любой моментъ онъ могъ сѣсть въ поѣздъ, а потомъ на пароходъ». «И когда я теперь читаю въ фэшіонебельныхъ газетахъ про дѣянія «львовъ» изъ общества,—говоритъ Шерардъ,—что эти львы были замѣшаны въ тѣхъ же скандалахъ, но имѣли благоразуміе тогда уѣхать на время въ Парижъ; когда я вижу теперь самодовольныя, гордыя лица этихъ господъ въ модныхъ ресторанахъ на Пиккадилли и вспоминаю, какой ужасъ выражали эти самыя черты въ 1895 г. на парижскихъ бульварахъ, — я не жалѣю о томъ, что умолялъ тогда Оскара Уайльда бѣжать». На всѣ убѣжденія своего друга Оскаръ Уайльдъ отвѣчалъ: «Жизнь въ изгнаніи будетъ мнѣ нестерпима. Я не могу даже себя представить въ роли бѣглеца, укрывающагося на континентѣ отъ суда». Бѣгство возможно было даже наканунѣ процесса. Оскара Уайльда не только не стали бы преслѣдовать, но несомнѣнно онъ избавилъ бы судъ отъ непріятной и тяжелой обязанности доказывать населенію, что законъ, разъ онъ не отмѣненъ парламентомъ, долженъ быть примѣненъ, каково бы ни было общественное положеніе осужденнаго лица. Такимъ образомъ, въ настоящее время возможно прибавить нѣсколько новыхъ чертъ, выясняющихъ осужденіе Оскара Уайльда. А теперь—еще нѣсколько парадоксовъ изъ «Философіи для юношей»:

«Никакое преступленіе не вульгарно, но каждая вульгарность—преступна.

«Только мелкія натуры знаютъ сами себя.

«Нужно всегда быть немного неправдоподобнымъ.

«Всякій интересъ идеями о томъ, что такое нравственные и безнравственные поступки, свидѣтельствуетъ о пріостановкѣ умственнаго развитія.

«Только боги внушаютъ смерть. Аполлонъ умеръ, тогда какъ

Гіацинтъ, котораго, будто бы, онъ убилъ—живетъ. Неронъ и Нарциссъ живутъ въ воспоминаніяхъ людей.

«Старики вѣрятъ всему; люди среднихъ лѣтъ сомнѣваются во всемъ; молодежь—знаетъ все.

«Только великимъ стилистамъ удается быть темными» *). Въ этомъ отношеніи Оскаръ Уайльдъ противорѣчитъ себѣ. Онъ—признанный теперь величайшій стилистъ англійской литературы. Въ то же время произведенія его отличаются не только удивительной красотой, но и кристаллической ясностью. У него нѣтъ ни одного произведенія, представляющаго собою полную безсмыслицу, какъ зашифрованное письмо. Читатель не нуждается въ томъ, чтобы авторъ приложилъ самъ ключъ къ пониманію своихъ произведеній, какъ дѣлаютъ это современные русскіе геніи, заглядывающіе въ «тайны бытія», при чемъ оказывается, что расшифрованное по данному способу писаніе еще болѣе нелѣпо, чѣмъ зашифрованное.

IV.

Появленіе въ 1890 г. въ *Lippincott's Magazine* наиболѣе популярнаго теперь произведенія Оскара Уайльда, романа «Портретъ Доріана Грэя», вызвало рядъ ожесточенныхъ нападокъ на автора. Оскаръ Уайльдъ вынужденъ былъ отвѣчать въ газетахъ на эти нападки. Письма эстета по поводу романа теперь извлечены издателемъ изъ забытыхъ газетныхъ номеровъ и перепечатаны въ томѣ *Miscellanies*.

Во многихъ отношіяхъ письма эти очень интересны.

«По моему мнѣнію,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ въ одномъ изъ нихъ,—культивированная лѣнь—единственное подходящее занятіе для человѣка. Я терпѣть не могу какіе бы то ни было газетные споры и пререканія. Вотъ почему изъ 216 рецензій на *Dorian Gray*, которыя со стола моего кабинета попали въ корзину, я замѣтилъ только три. Одна изъ этихъ рецензій появилась въ *Scots Observer*. Я обратилъ на нее вниманіе потому, что авторъ говоритъ объ основной мысли романа такое, что требуетъ немедленнаго возраженія. Вторая рецензія появилась въ *St. Jame's Gazette* Она написана оскорбительно и вульгарно. Я счелъ необходимымъ рѣзко отвѣтить рецензенту. Тонъ его является оскорбленіемъ для всѣхъ писателей вообще. Третья рецензія, появившаяся въ *Daily Chronicle*, заключала въ себѣ довольно сдержанное нападеніе. Въ статьѣ говорилось только, что *Dorian Gray*—ядовитое произведеніе. На остальныя двѣсти тринадцать рецензій я не обратилъ никакого вниманія» **). Всѣхъ писемъ по поводу романа Уайльду пришлось

*) Oscar Wilde, Miscellanies, P.p. 177—178.
**) Missellanies, p. 154.

написать восемь. Постараюсь сгруппировать всѣ возраженія автора. «Рецензентъ смѣшно нападаетъ на меня за то, что я вывелъ вѣтрогоновъ. Да, дѣйствительно, они всѣ вѣтрогоны; но послѣдніе въ высшей степени интересны какъ съ артистической, такъ и съ художественной точки зрѣнія... Лордъ Генри Уаттонъ кажется мнѣ превосходнымъ коррективомъ къ тошнотворнымъ идеальнымъ героямъ, которыми кишатъ полу-богословскіе романы нашего времени»... «Я долженъ заявить, что рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ можно художественное произведеніе оцѣнивать съ моральной точки зрѣнія. Сферы искусства и этики совершенно различны и абсолютно не совпадаютъ. Попыткѣ смѣшать обѣ сферы мы обязаны появленіемъ забавной старой дамы Mrs Grundy, представляющей собою единственный юмористическій типъ, созданный средними классами». «Книгу *Doriau Gray* я написалъ только ради собственнаго удовольствія. Мнѣ дѣйствительно процессъ писанія ея доставилъ большое наслажденіе. Популярна ли книга или нѣтъ, — мнѣ въ въ высшей степени безразлично. Боюсь, что ваша рецензія послужитъ рекламой для моей книги. Англійская публика, взятая въ массѣ, совершенно не интересуется произведеніемъ искуства покуда ей не говорятъ, что оно безнравственно. Это именно сдѣлали вы теперь. Ваша реклама, безъ сомнѣнія, сильно увеличитъ продажу журнала, въ которомъ появилось мое произведеніе».

Рецензенты указывали, что такихъ людей, какіе выведены Оскаромъ Уайльдомъ въ его романѣ, не существуетъ въ дѣйствительности. На это авторъ отвѣтилъ, что дѣйствительные люди совершенно не интересны для художника. «Ваши герои — совершенно порочные люди», — продолжали рецензенты. «Съ точки зрѣнія искусства,—отвѣчалъ Оскаръ Уайльдъ,—дурные люди очень интересный предметъ наблюденія. Въ нихъ художникъ находитъ разнообразіе, яркость красокъ и отступленіе отъ шаблона. Хорошіе люди такъ безнадежно шаблонны. Только дурные люди дѣйствуютъ на воображеніе». Криминалистъ, если бы онъ былъ на мѣстѣ рецензента, отвѣтилъ бы, что міръ преступниковъ поражаетъ именно своею *шаблонностью*. Криминалистъ привелъ бы, между прочимъ, въ доказательство нѣсколько любопытныхъ строкъ Маудсли изъ «Responsibility in Mental Disease». «Встрѣчаются ли теперь новые грѣхи? Можетъ ли человѣкъ—такой умный человѣкъ, какимъ онъ привыкъ себя считать въ нашемъ столѣтіи, можетъ ли онъ, говоримъ мы, изобрѣсти какой нибудь новый грѣхъ? Не истощилъ ли онъ уже какъ свои умственныя способности для придумыванія грѣховъ, такъ и свои физическія способности для исполненія придуманнаго? Конечно, при сложныхъ условіяхъ и отношеніяхъ современнаго общества существуетъ полный просторъ для гораздо большаго числа разновидностей и болѣе сложныхъ комбинацій грѣха, нежели въ болѣе простомъ обществѣ, но все-таки превышаетъ ли число нынѣшнихъ разновидностей грѣха число раз-

новидностей, встрѣчавшихся въ старину? Если принять въ соображеніе, какъ изобрѣтателенъ и настойчивъ въ этой отрасли своей дѣятельности былъ человѣкъ съ самаго начала своей исторіи, можно, пожалуй, придти зъ заключенію,—говоритъ Маудсли,—что теперь изобрѣтеніе новаго грѣха было бы величайшимъ открытіемъ современной эпохи». Такимъ образомъ, грѣшнику приходится только слѣдовать шаблону, такъ что напрасно Уайльдъ ищетъ здѣсь оригильности.

«Мнѣ указываютъ, что такіе люди, какіе выведены въ «Dorian Grau», не существуютъ въ дѣйствительности,—отвѣчаетъ дальше Уайльдъ своему рецензенту.—Совершенно вѣрно. Если бы такіе люди существовали, то ихъ не стоило бы выводить. Обязанность художника—выдумывать, а не писать лѣтопись. Такихъ людей нѣтъ. Существуй они, я бы не интересовался ими. Жизнь своимъ реализмомъ всегда портитъ матеріалъ художника. Высшее наслажденіе литературы это—реализація не существующаго». «Совершенно правильно поступаютъ люди, когда кладутъ извѣстныя границы свободѣ дѣйствій; но никакія ограниченія не должны существовать въ искусствѣ. Ему принадлежитъ все то, что существуетъ и что не существуетъ. И даже издатель лондонской газеты не имѣетъ права стѣснять свободу художника въ выборѣ матеріала и темы». «Человѣкъ, способный понять красоту произведенія искусства, мало будетъ интересоваться моральнымъ значеніемъ его. Если темпераментъ цѣнителя болѣе поддается этическимъ, чѣмъ эстетическимъ впечатлѣніямъ,—то такой человѣкъ ничего не пойметъ въ вопросахъ о стилѣ, о выполненіи и т. д. Главное достоинство «Madame Bovary» заключается не въ моральномъ урокѣ, точно такъ какъ заслуга *Саламбо* не въ археологическихъ данныхъ. Флоберъ былъ совершенно правъ, обличая невѣжество людей, нападавшихъ на безнравственность перваго романа и на археологическія погрѣшности второго. И онъ былъ правъ не только въ общепринятомъ смыслѣ слова, но и какъ художникъ, что важнѣе всего. Критикъ долженъ воспитывать публику, а художникъ долженъ воспитывать критика». «Художникъ не признаетъ иного мѣрила красоты, кромѣ того, которое внушено ему темпераментомъ. Художникъ стремится претворить матеріально свою отвлеченную идею красоты, преобразовать идею въ идеалъ. Такимъ образомъ, художникъ создаетъ произведенія. Для этой цѣли художникъ творитъ. Иныхъ цѣлей у него нѣтъ» *).

Оскаръ Уайльдъ, отстаивая такую безграничную свободу для художника, совершенно не имѣлъ въ виду «свободу оголенія». Въ этомъ отношеніи Уайльдъ самый цѣломудренный изъ писателей XIX вѣка. Въ его произведеніяхъ мы не найдемъ ни одной порнографической строчки.

Ни одинъ писатель XIX вѣка не пустилъ въ обращеніе такой

*) Miscellanies, p. p. 135—163.

массы смѣлыхъ и эксцентричныхъ парадоксовъ, какъ Оскаръ Уайльдъ; но смѣлость онъ понимаетъ совсѣмъ иначе, чѣмъ наши «оголители», кошкодавы и садисты. «Для меня все время Оскаръ Уайльдъ былъ *beau ideal* джентельмэна въ лучшемъ смыслѣ слова,— говоритъ Робертъ Шерардъ.—Мужчины на всемъ свѣтѣ одинаковы: послѣ того, какъ выпьютъ, они ведутъ между собою извѣстнаго рода разговоры и разсказываютъ анекдоты опредѣленнаго характера. Тема—одна и та же, сидятъ ли мужчины въ великолѣпной курилкѣ и пьютъ кюрасо или въ кабакѣ за кружкой пива. Быть можетъ, разница только въ выборѣ выраженій для передачи однихъ и тѣхъ же анекдотовъ. Въ присутствіи Оскара Уайльда никто не рѣшался отпустить двусмысленную шутку или разсказать неприличный анекдотъ. Необыкновенной цѣломудренностью рѣчи и деликатностью въ поступкахъ Уайльда объясняется, между прочимъ, почему у него была такая масса преданныхъ друзей среди женщинъ». Послѣ того, какъ Оскаръ Уайльдъ былъ осужденъ, Робертъ Шерардъ присутствовалъ разъ въ курилкѣ большого барскаго дома въ деревнѣ (country mansion). «Я слышалъ, — разсказываетъ Шерардъ,—какъ нѣкая титулованная особа, нашедшая въ шкафу томъ стиховъ Оскара Уайльда, вскрикнула даже отъ ужаса. Особа эта просила хозяина бросить безнравственную книгу въ топящійся каминъ и прибавила, что охотно сдѣлала бы то же самое съ авторомъ. А между тѣмъ, этотъ защитникъ морали за полчаса до того смѣшалъ съ грязью репутацію всѣхъ дамъ, гостившихъ въ томъ же домѣ. Титулованная особа пользовалась при этомъ такими выраженіями, которыхъ постыдился бы даже лодочникъ. Оскаръ Уайльдъ въ словахъ и поступкахъ своихъ былъ наиболѣе цѣломудреннымъ человѣкомъ, какого я когда либо встрѣчалъ» *).

V.

Познакомлю читателей еще съ нѣкоторыми произведеніями Оскара Уайльда, которыя впервые появляются въ отдѣльномъ изданіи, такъ какъ были похоронены въ старыхъ газетныхъ номерахъ. Въ 1886 г. одинъ изъ крупныхъ лондонскихъ издателей предложилъ сэру Джону Лэббоку составить списокъ ста лучшихъ книгъ всѣхъ временъ и народовъ. Лэббокъ назвалъ философовъ, историковъ, поэтовъ, беллетристовъ, естествоиспытателей. Въ списокъ вошли Гомеръ, Геродотъ, Тацитъ, Маркъ Аврелій, Лукрецій, Данте, Боккачіо, Сервантесъ, Бэконъ, Вольтеръ, Гумбольтъ, Гете, Дарвинъ и др. Всѣ эти книги затѣмъ были изданы изящно и дешево въ компактныхъ, однообразныхъ томахъ. Составилась отлично подобранная библіотека для самообразованія, которую

*) Robert H. Sherard, Oscar Wilde, etc p. 13—14.

насъ въ Россіи, гдѣ читатель теперь утопаетъ въ книжномъ наводненіи, слѣдовало бы взять за образецъ. Всѣ «сто лучшихъ книгъ» были потомъ предложены на самыхъ льготныхъ условіяхъ публикѣ (на выплату, по полукронѣ, т. е. по 1 р. 25 к. въ мѣсяцъ). И вотъ по поводу этихъ «ста лучшихъ книгъ» Оскаръ Уайльдъ помѣстилъ въ «Pall Mall Gazette» статью «Читать или не читать?» «По моему мнѣнію, книги можно раздѣлить на три класса: 1) на книги, которыя слѣдуетъ читать, какъ «Письма» Цицерона, «Двѣнадцать Цезарей» Светонія, «Жизнь художниковъ» Васари, «Автобіографія» Бенвенуто Челлини, «Путешествія» сэра Джона Мандевилля *), «Марко Поло», «Мемуары» С. Симона, Момзена и, за неимѣніемъ лучшей, «Исторію Греціи» Грота; 2) на книги, которыя слѣдуетъ перечитывать. Сюда относятся произведенія Платона и Китса. Изъ поэтовъ слѣдуетъ перечитывать мастеровъ, а не подражателей; изъ философовъ—провидцевъ, а не ученыхъ; 3) на книги, которыя совсѣмъ не слѣдуетъ читать. Сюда относятся «Италія» Роджерса, всѣ произведенія Милля, кромѣ трактата «О свободѣ», всѣ отцы церкви, кромѣ св. Августина, всѣ драматическія произведенія Вольтера, «Исторія философіи» Льюиса, всѣ книги умствующихъ авторовъ и всѣ книги, въ которыхъ дѣлается попытка доказать что-нибудь. Третій классъ книгъ—самый важный. Говорить людямъ, какія книги слѣдуетъ читать или безполезно, или вредно, такъ какъ оцѣнка литературнаго произведенія—вопросъ темперамента, а не знанія. Нѣтъ такого учебника, въ которомъ указывалось бы, какъ попасть на Парнасъ. А если и есть, то ихъ не слѣдуетъ читать. Совсѣмъ другое указывать, какія книги *не слѣдуетъ* читать. Такой указатель крайне необходимъ въ нашъ вѣкъ, когда люди читаютъ такъ много, что не остается времени восхищаться; когда пишутъ такъ много, что нѣтъ времени думать». И вотъ Оскаръ Уайльдъ предлагаетъ назначить премію за составленіе списка не ста лучшихъ, а худшихъ книгъ.

Къ числу «лучшихъ книгъ» Оскаръ Уайльдъ, повидимому, готовъ отнести и повареную книгу. Во всякомъ случаѣ, разбирая въ «Pall Mall Gazette» руководство по кулинарному искусству, Оскаръ Уайльдъ пишетъ: «Согласно афоризму Бодлэра, человѣкъ можетъ жить три дня безъ хлѣба, но не можетъ просуществовать и дня безъ поэзіи. Можно жить безъ картинъ и безъ музыки, но

*) Компиляторъ XIV вѣка, оставившій послѣ себя записки о путешествіяхъ по Турціи, Арменіи, Тартаріи, Персіи, Сиріи, Аравіи, Египту, Ливіи, Эѳіопіи, Халдеѣ, „Амазоніи“ и Индіи. Записки, наполненныя невѣроятными приключеніями и описаніями несуществующихъ чудовищъ, составляли любимое чтеніе англичанъ до XVIII вѣка. Современная критика доказала, что сэръ Джонъ Мандевилль передѣлывалъ и украшалъ вымыслами записки современныхъ путешественниковъ (главнымъ образомъ, монаха Одорика Порденонскаго).

нельзя жить безъ ѣды,—говоритъ авторъ «Dinners and Dishes»; и, безъ сомнѣнія, послѣдній взглядъ находитъ больше сторонниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто въ наши дни вырожденія колебался бы въ выборѣ между одой и омлетомъ или между сонетомъ и рагу изъ жареной дичи? Вопросъ отнюдь не праздный. Стряпня—искусство. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ основамъ его не посвящены теперь лекціи въ Южномъ Кенсингтонѣ? Развѣ академія художествъ не даетъ ежегодно банкета? Кромѣ того, такъ какъ демократія, когда станетъ у власти, несомнѣнно, предложитъ кормить насъ пенсовыми обѣдами, то абсолютно необходимо выяснить теперь же основные законы поваренаго искусства. Ибо, если обѣды, которые станутъ готовиться въ національныхъ столовыхъ, подгорятъ, будутъ пересолены или подадутся не подъ соотвѣтствующимъ соусомъ, то можетъ вспыхнуть страшная революція. Въ этомъ отношеніи мы настойчиво рекомендуемъ книгу «Dinners and Dishes» *).

То, что остроумные люди могутъ написать удивительно талантливыя книги, посвященныя обжорству, доказываетъ единственная во всей міровой литературѣ «Physiologie du gout» Брійя-Саварена (Brillat Savarin). Человѣкъ, гастрономическія требованія котораго исчерпываются не совсѣмъ изящной, но сильной украинской поговоркой—«хочь вовны, аби кишка повна» (пусть будетъ хоть шерсть, лишь бы набить брюхо), прочитываетъ и перечитываетъ эту книжечку съ такимъ же наслажденіемъ, какъ и завзятый обжора. Чего стоятъ только основныя начала, изъ которыхъ исходитъ остроумный авторъ! «Вселенная создана для жизни. Все живое питается. Животныя насыщаются; человѣкъ ѣстъ; умный человѣкъ одинъ знаетъ, какъ ѣсть. Судьба народовъ зависитъ отъ манеры ихъ питанія. Скажи мнѣ, что ты ѣшь, и я скажу, кто ты... Обѣденный столъ—единственное мѣсто, гдѣ люди не скучаютъ съ перваго же момента. Открытіе новаго блюда доставляетъ человѣчеству больше наслажденія, чѣмъ открытіе новой звѣзды», и т. д. Авторъ недаромъ сынъ XVIII вѣка (родился въ 1755 г. и умеръ въ 1825 г.). Онъ умѣетъ философствовать и дѣлать одновременно лукавыя замѣчанія **). Итакъ, внѣ сомнѣнія, что очень талантливые и остроумные люди могутъ написать безсмертную книгу даже объ обжорствѣ. Но внѣ сомнѣнія также, что очень талантливые люди, стараясь писать «для позы», могутъ дать неостроумныя и даже неумныя рецензіи. Нагляднымъ доказательствомъ является статья Оскара Уайльда о книгѣ «Dinners and Dishes».

Перехожу теперь къ крайне интересной и характерной статьѣ Уайльда, перепечатанной впервые въ отдѣльномъ изданіи изъ

*) Oscar Wilde, Reviews, p. 1.

**) Напр., „Elle (la truffe)... peut, en certaines occasions, rendre les femmes plus tendres et les hommes plus aimables" („Physiologie du Gout", p. 83. Изданіе 1852 г.).

журнала «Speaker» за 1890 г. Оскаръ Уайльдъ разбираетъ произведенія китайскаго мудреца Чуанга-Тцу, переведенныя на англійскій языкъ Гербертомъ Джилемъ. «Чуангъ-Тцу провелъ всю свою жизнь въ проповѣди великаго символа ничего недѣланія и въ выясненіи безполезности всѣхъ полезныхъ вещей, — говоритъ Уайльдъ. «Не дѣлай ничего и все будетъ сдѣлано—такова доктрина, завѣщанная Чуангъ-Тцу великимъ учителемъ его Лао-Тцу. Цѣлью философа было растворить дѣйствіе въ мысль и мысль въ абстракцію. Подобно туманному древнегреческому мудрецу, Чуангъ-Тцу вѣрилъ въ тожество противорѣчій. Подобно Платону, онъ былъ идеалистъ и питалъ презрѣніе всѣхъ идеалистовъ къ утилитарнымъ системамъ. Подобно Діонисію, Скоту Эригенѣ и Якову Бэму, онъ былъ мистикъ. Вмѣстѣ съ ними и Филономъ, Чуангъ-Тцу проповѣдывалъ отдѣляться отъ самосознанія и стать безсознательнымъ проводомъ для высшаго озаренія. Въ Чуангъ-Тцу мы видимъ первоисточникъ всѣхъ метафизическихъ настроеній отъ Гераклита до Гегеля. Въ своемъ преклоненіи передъ Ничто китайскій мудрецъ предвосхитилъ странныхъ средневѣковыхъ мечтателей, какъ Таулеръ, Экартъ, чтившихъ *purum nihil* и Бездну. Средніе классы, создавшіе, какъ извѣстно, благополучіе, если не цивилизацію Англіи, презрительно пожмутъ плечами и спросятъ не безъ нѣкотораго основанія: «Какое намъ дѣло до тожества противорѣчій? Почему мы должны отдѣляться отъ самосознанія, которое составляетъ нашу характерную черту?» Но Чуангъ-Тцу былъ не только метафизикъ и иллюминатъ,—продолжаетъ Оскаръ Уайльдъ.—Онъ стремился также разрушить общество, какъ оно представляется намъ и среднимъ классамъ. И послѣдніе съ грустью должны узнать, что Чуангъ-Тцу соединяетъ въ себѣ краснорѣчіе Руссо съ умѣніемъ научно мыслить, какъ Гербертъ Спенсеръ. Въ китайскомъ мудрецѣ нѣтъ ничего сентиментальнаго. Богатыхъ людей онъ жалѣетъ еще больше, чѣмъ бѣдняковъ. Матеріальное благополучіе кажется ему столь же трагичнымъ, какъ и нищета.

Онъ не симпатизируетъ, какъ это дѣлается теперь, неудачникамъ и не утверждаетъ, что изъ моральныхъ соображеній слѣдуетъ давать призы тѣмъ, которые приходятъ послѣдними въ жизненной борьбѣ. Мудрецъ возстаетъ противъ самой борьбы. Что же касается соболѣзнованія и сочувствія, которыя стали профессіей многихъ достойныхъ людей въ наше время,—то Чуангъ-Тцу находитъ попытку обращенія дурныхъ людей въ хорошихъ такимъ же глупымъ занятіемъ, какъ «битье въ барабанъ въ лѣсу съ цѣлью найти бѣглеца». Такая попытка—безполезная трата энергіи. Вотъ и все. По мнѣнію китайскаго мудреца, искренно сочувствующій другимъ человѣкъ есть существо, вѣчно пытающееся быть не самимъ собою, т. е. отрицающее своими поступками смыслъ собственнаго существованія. Со вздохомъ сожалѣнія думаетъ мудрецъ

о минувшемъ золотомъ вѣкѣ, когда не было конкурсныхъ экзаменовъ, надоѣдливыхъ системъ воспитанія, миссіонеровъ, дешевыхъ обѣдовъ для бѣдняковъ, государственной церкви, гуманитарныхъ обществъ, скучныхъ лекцій объ обязанностяхъ къ ближнему и нудныхъ проповѣдей, вообще, на какую бы то ни было тему. «Въ эти идеальные дни,—говоритъ намъ Чуангъ-Тцу,—люди любили другъ друга, не имѣя представленія ни о благотворительности, ни о газетныхъ статьяхъ съ призывомъ къ ней. Люди тогда были правдивы и прямодушны, хотя не печатали книгъ объ альтруизмѣ. Такъ какъ каждый держалъ свое знаніе про себя, то міръ былъ чуждъ такого проклятія, какъ скептицизмъ. И такъ какъ каждый держалъ свои добродѣтели про себя, то никто не вмѣшивался въ чужія дѣла. Люди вели тогда простую и мирную жизнь и довольствовались такою пищею и такимъ платьемъ, какія могли достать. Жилье отстояло недалеко отъ жилья, такъ что «сосѣдніе пѣтухи и собаки были слышны». Между тѣмъ, люди старились и умирали ни разу не являясь другъ къ другу въ гости. Тогда никто не болталъ о способныхъ людяхъ и никто не восхвалялъ людей добродѣтельныхъ. Несносное чувство долга было неизвѣстно. Дѣянія человѣчества не оставляли слѣда. Глупые историки не дѣлали изъ нихъ обузы для потомства. Въ злосчастный моментъ появился филантропъ и принесъ съ собою зловредную идею о правительствѣ» *).

«Лучше всего,—говоритъ Уайльдъ,—это оставить человѣчество въ покоѣ. Горше всего, это—попытка управлять имъ». Всѣ формы правленія ошибочны, — продолжаетъ Оскаръ Уайльдъ.—Онѣ не научны, такъ какъ пытаются измѣнить естественную склонность человѣка; онѣ безнравственны, такъ какъ покушаются на свободу индивидуума. Онѣ создаютъ наиболѣе агрессивныя формы эгоизма. Онѣ невѣжественны, такъ какъ пытаются распространить образованіе. Онѣ, наконецъ, разрушаютъ сами себя, такъ какъ порождаютъ анархію. «Въ давніе годы,—говоритъ Чуангъ Тцу, — императоръ впервые предписалъ милосердіе, какъ обязанность каждаго къ своему ближнему. Предписаніе это помѣшало развиваться естественной добротѣ, присущей каждому человѣку. Послѣдователи императора нарушили внутреннее равновѣсіе свое съ цѣлью найти мѣсто для новыхъ добродѣтелей. Люди изнуряли свою настойчивость въ составленіи новыхъ законовъ и терпѣли постоянно неудачу. Духъ человѣческій,—говоритъ китайскій мудрецъ,—можно или поднять искусственно, или подавить. Послѣдствія въ томъ и другомъ случаѣ будутъ роковыя. Яо сдѣлалъ народъ слишкомъ счастливымъ и тотъ былъ недоволенъ. Чіе сдѣлалъ китайцевъ слишкомъ несчастными и породилъ, такимъ образомъ, смуту. Тогда всѣ начали придумывать лучшее средство для исправленія общества. «Очевидно,—говорили они,—что-нибудь необходимо сдѣлать».

*) Oscar Wilde Reviews, p. p. 529—531.

И вотъ всѣ кинулись искать знаній. Послѣдствія были самыя гибельныя. Правительство прибѣгло къ силѣ. И въ результатѣ,—говоритъ китайскій мудрецъ,—добродѣтельные люди вынуждены были искать убѣжища въ пещерахъ, а правители-насильники дрожали въ своихъ наслѣдственныхъ палатахъ». «И когда наступилъ полный хаосъ,—продолжаетъ уже отъ себя Оскаръ Уайльдъ,—явился реформаторъ и сталъ проповѣдывать съ платформы спасеніе отъ золъ, созданныхъ когда-то попытками улучшить общество». «Первоисточникомъ» всѣхъ золъ, какъ выясняется дальше, китайскій философъ, облюбованный Уайльдомъ, считаетъ не попытку насадить добродѣтель, а накопленіе богатствъ. «Накопленіе богатства», по мнѣнію китайскаго мудреца, есть первоисточникъ зла,—говоритъ дальше Оскаръ Уайльдъ.—Богатство дѣлаетъ сильнаго наглымъ, а слабаго — безчестнымъ. Оно создаетъ мелкихъ воровъ и сажаетъ ихъ въ бамбуковую клѣтку. Оно создаетъ также крупныхъ воровъ и возноситъ ихъ на сѣдалище изъ бѣлаго нефрита. Богатство—отецъ соперничества, а соперничество это—напрасная трата и даже уничтоженіе силы. Отвращеніе къ жизни и войны представляютъ послѣдствія искусственнаго общества, основаннаго на капиталѣ. И чѣмъ сильнѣе богатѣетъ это общество, тѣмъ большимъ банкротомъ становится оно въ дѣйствительности, потому что оно не имѣетъ ни достаточной награды для добрыхъ, ни достаточнаго наказанія для злыхъ. Слѣдуетъ помнить также, что существующія нынѣ награды и наказанія унижаютъ человѣка» *). Вѣкъ нашъ никуда не годится, потому что поклоняется успѣху,—продолжаетъ дальше Оскаръ Уайльдъ.—Что касается образованія, то истинной мудрости нельзя научиться. Ее также невозможно преподавать. Мудрость это — душевное состояніе, котораго достигаетъ человѣкъ, живущій въ гармоніи съ природой.

Опредѣленіе это—очень хорошее и въ значительной степени вѣрное, такъ какъ допускаетъ самыя широкія толкованія; но какъ согласить его съ любимымъ тезисомъ Уайльда, что искусство (т. е. высшее проявленіе человѣческаго духа) ничего общаго не имѣетъ съ природой? «Единственная связь художника съ природой это—изящно сдѣланная бутоньерка»,—говоритъ Уайльдъ. Быть можетъ, читатели пробѣжали мою прежнюю статью объ Оскарѣ Уайльдѣ: *Въ поискахъ за смысломъ жизни.* Тамъ приведена вся теорія Уайльда объ отношеніи искусства къ природѣ.

«Знаніе наше поверхностно,—продолжаетъ Оскаръ Уайльдъ,—если мы сравнимъ его съ непознаваемымъ, которое одно только и имѣетъ цѣнность... Къ тому же, какое философское значеніе можетъ имѣть образованіе, если оно составляетъ отличительный признакъ человѣка отъ его ближняго? Мы приближаемся къ хаосу мнѣній, сомнѣваемся во всемъ и впадаемъ въ вульгарную привычку

*) Oscar Wilde Reviews, p. 383.

доказывать. Только совершенно неосмысленный человѣкъ доказываетъ. По мнѣнію Уайльда, умный человѣкъ только *утверждаетъ*. «Взгляните на Гуи-Тцу,—говоритъ цитируемый Уальдомъ китайскій философъ.—Онъ былъ ученый человѣкъ. Его сочиненія не умѣстились бы и на пяти повозкахъ; но ученіе его было озадачливое. Онъ говорилъ, напр., что яйцо заключаетъ въ себѣ также и перья, ибо цыпленокъ покрытъ перьями *); что собака могла бы быть овцой, такъ какъ имена и названія—дѣло совершенно условное; что есть моментъ, когда быстро летящая стрѣла находится ни въ движеніи, ни въ состояніи покоя. Философъ доказываетъ, что если мы возьмемъ палку длиною въ двѣ пяди и раздѣлимъ ее на двѣ части, потомъ каждую часть еще пополамъ, то мы можемъ продолжать это до безконечности. Гнѣдой конь и темно-рыжая корова вмѣстѣ будутъ три, потому что взятыя въ отдѣльности—это будутъ два животныхъ, а поставленныя рядомъ это—будетъ одно и то же (т. е. одинъ и тотъ же цвѣтъ); два и одинъ составляютъ вмѣстѣ три. Гуи-Тцу напоминалъ человѣка, бѣгущаго въ перегонку со своею собственною тѣнью и бьющаго въ барабанъ съ цѣлью заглушить эхо. То былъ только ловкій оводъ. Не больше. Какая въ немъ польза?

VI.

Въ значительной степени все сказанное относится къ морали,—продолжаетъ Оскаръ Уайльдъ, комментируя своего китайскаго философа. Люди, начинающіе морализировать, перестаютъ дѣйствовать по интуиціи, согласно влеченію сердца. Они становятся неестественными, самодовольными и въ ослѣпленіи думаютъ, что у нихъ есть опредѣленная цѣль въ жизни. Тогда являются правительство и филантропы, двѣ величайшія язвы нашего времени. Первое стремится силой заставить людей быть хорошими и такимъ образомъ уничтожаетъ естественную доброту ихъ. Филантропы — шайка назойливыхъ надоѣдъ, производящая путаницу всюду, гдѣ только появляется. Они настолько тупы, что имѣютъ

*) Китайскій мудрецъ былъ въ этомъ отношеніи только предвосхитителемъ, такъ называемой, гипотезы пангенезиса, предложенной когда-то Дарвинымъ для объясненія наслѣдственности. Половыя клѣтки,—говоритъ Дарвинъ во второй части „Прирученныхъ Животныхъ",—суть комплексъ мельчайшихъ частицъ, отдѣлившихся отъ всѣхъ клѣтокъ организма. Если каждая подобная частица есть носительница всѣхъ свойствъ той клѣтки, отъ которой она произошла, то половая клѣтка будетъ носить въ себѣ въ скрытомъ состояніи свойства всѣхъ клѣтокъ организма. „Мы не будемъ считать гипотезу слишкомъ смѣлой, если вспомнимъ случаи прививки, доказывающіе, что созидательный матеріалъ извѣстнаго рода содержится въ тканяхъ растеній. Этотъ матеріалъ воспроизводитъ каждую клѣточку цѣлаго организма" (Darwin. Animals and Plants under Domestication vol. II, 397. Гипотеза пангенезиса, какъ извѣстно, оставлена теперь; но по ней, дѣйствительно, выходитъ, что „яйцо содержитъ перья".

принципы, и настолько несчастны, что слѣдуютъ имъ. Всѣ филантропы причиняютъ только зло, что доказываетъ, что всеобщій альтруизмъ такъ же плохъ, какъ и всеобщій эгоизмъ. Они ловятъ людей на благотворительности и сковываютъ ихъ обязанностями къ ближнимъ».

Кто же—совершенный человѣкъ? Какъ живетъ онъ? На это цитируемый Оскаромъ Уайльдомъ китайскій мудрецъ отвѣчаетъ: «Совершенный человѣкъ ничего не дѣлаетъ. Онъ созерцаетъ только природу. Онъ не стремится занять какое бы ни было положеніе въ жизни. Въ своихъ движеніяхъ совершенный человѣкъ подобенъ водѣ. Во всемъ остальномъ онъ, какъ зеркало. Подобно эху, онъ отвѣчаетъ только на зовъ. Совершенный человѣкъ предоставляетъ другимъ заботиться о себѣ. Ничто матеріальное не вредитъ ему; ничто спиритуальное не можетъ наказать его. Умственное равновѣсіе даетъ совершенному человѣку власть надъ міромъ и никогда не дѣлаетъ его рабомъ обстоятельствъ. Онъ знаетъ, что точно такъ же, какъ лучшій языкъ тотъ, на которомъ никто теперь не говоритъ, точно такъ же, какъ лучшій поступокъ тотъ, который никогда не сдѣланъ. Совершенный человѣкъ пассивенъ и принимаетъ законы жизни. Онъ пребываетъ въ бездѣятельности и созерцаетъ, какъ міръ совершенствуется самъ собою. Совершенный человѣкъ никогда не расходуетъ самого себя на усилія и не думаетъ о нравственныхъ или безнравственныхъ поступкахъ. Онъ знаетъ, что вещи таковы, какъ онѣ есть, и послѣдствія будутъ таковы, какъ должны быть. Разумъ его—зеркало мироздания и всегда покоенъ. Все это, конечно, очень опасно,—продолжаетъ Оскаръ Уайльдъ,—но мы должны вспомнить, что Чуангъ Тцу жилъ болѣе, чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ и поэтому не имѣлъ возможности видѣть нашу несравненную цивилизацію. Ели бы онъ могъ явиться теперь къ намъ, возможно, что онъ сказалъ бы что-нибудь Бальфуру относительно усиленной охраны въ Ирландіи. Наше филантропическое рвеніе заставило бы философа улыбнуться. Онъ покачалъ бы головой при видѣ рабочихъ домовъ. Наша система начальнаго образованія не произвела бы, вѣроятно, сильнаго впечатлѣнія на китайскаго мудреца. Наши идеалы изумили бы его, а результаты, достигнутые нами, заставили бы его опечалиться. Чуангъ Тцу,—продолжаетъ дальше Оскаръ Уайльдъ,—дарвинистъ, явившійся почти за двѣ тысячи лѣтъ до Дарвина. Онъ прослѣдилъ развитіе человѣка отъ зародыша и показываетъ его единство съ природой. Какъ антропологъ, китайскій мудрецъ въ высшей степени интересенъ. Съ точностью докладчика въ Академіи наукъ онъ описываетъ жизнь первобытныхъ людей на деревьяхъ. Подобно Платону, Чуангъ Тцу прибѣгаетъ къ діалогамъ для развитія своихъ взглядовъ *). Уайльдъ восхваляетъ «юморъ китайскаго мудреца,

*) Oscar Wilde. Reviews, P. 536.

проявленный въ его метафизическихъ бесѣдахъ». «Чуангъ Тцу олицетворяетъ тогда свои абстракціи и заставляетъ ихъ дѣйствовать передъ нами. Духъ облаковъ, стремясь по воздуху на востокъ, сталкивается съ Жизненнымъ Началомъ, которое прыгаетъ, хлопая себя по бокамъ. «Кто ты, старикъ? — спрашиваетъ Духъ облаковъ». «Что ты дѣлаешь?»—«Блуждаю,—отвѣчаетъ Жизненное Начало, не переставая хлопать себя по бокамъ,—ибо всякая дѣятельность безконечна.

— Я желаю *познать*,—продолжаетъ Духъ облаковъ.

— Ага!—восклицаетъ Жизненное Начало тономъ неодобренія. И между ними,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ,—завязывается бесѣда, напоминающая діалогъ между Сфинксомъ и Химерой въ любопытной книгѣ Флобера.

Въ діалогахъ китайскаго мудреца фигурируютъ также животныя. Здѣсь вплетены притчи, миѳы и стихи, что дѣлаетъ форму еще болѣе привлекательной.

«Конечно,—заканчиваетъ Оскаръ Уайльдъ, — крайне печально утвержденіе, что быть сознательно добрымъ — безнравственно и что дѣлать нѣчто — худшая форма лѣности. Тысячи превосходныхъ во всѣхъ отношеніяхъ филантроповъ немедленно обнищали бы совершенно, если бы всѣ согласились, что никому не разрѣшается вмѣшиваться въ чужія дѣла. Доктрина о безполезности всѣхъ полезныхъ вещей не только подвергла бы опасности господство англичанъ, какъ торговой націи, но могла бы также принести безчестье многимъ богатымъ и серьезнымъ членамъ класса лавочниковъ. Что стало бы съ нашими любимыми проповѣдниками, священниками и милліонерами модныхъ гостиныхъ, если бы мы обратились къ нимъ со словами Чаунгъ Тцу:

«Точно такъ, какъ комары не даютъ человѣку спать всю ночь,—назойливыя проповѣди о милосердіи и о долгѣ могутъ довести спокойнаго человѣка до бѣшенства. Люди добрые! дайте міру возвратиться къ первоначальной простотѣ. Точно такъ, какъ вѣтеръ дуетъ, куда ему должно летѣть,—добродѣтель утвердится сама собою. Зачѣмъ эта напрасная трата силъ»?

Какова была бы судьба всѣхъ правительствъ и профессіональныхъ политиковъ,—продолжаетъ дальше Оскаръ Уайльдъ, — если всѣ пришли къ заключенію, что нѣтъ такихъ людей, которые могли бы командовать другими людьми?.. Допустивъ справедливость разрушительной критики Чуангъ Тцу, мы должны прекратить наше національное самовосхваленіе. Единственное, что утѣшаетъ человѣка въ творимыхъ имъ глупостяхъ, это — похвальба своими поступками. Есть, однако же, и теперь немногіе, которыхъ утомилъ современный порядокъ вещей. Эти съ восторгомъ встрѣтятъ ученіе Чуангъ Тцу. Но пусть они *только* читаютъ книгу. Пусть они не *обсуждаютъ* ее. Вся жизнь философа была протестомъ противъ

«платформы». «Совершенный человѣкъ не знаетъ себя. Дѣйствительно хорошій человѣкъ не знаетъ дѣйствій». Таково ученіе.

Приведу еще двѣ выдержки, въ которыхъ Оскаръ Уайльдъ развиваетъ, на этотъ разъ отъ себя, тезисы, понравившіеся ему у китайскаго мудреца. «Вмѣстѣ съ властью исчезнутъ и наказанія, Это будетъ уже громадный, безцѣнный выигрышъ. Когда мы знакомимся съ исторіей не по книжкамъ, вычищеннымъ спеціально для школьниковъ и студентовъ, готовящихся къ экзамену, а по современнымъ авторитетамъ каждой эпохи, насъ приводятъ въ ужасъ не преступленія, совершенныя злыми, а наказанія, наложенныя добродѣтельными людьми. *Общество гораздо скорѣе дичаетъ отъ часто повторяющихся наказаній, чѣмъ отъ случающихся иногда преступленій* (Курсивъ Оскара Уайльда). Отсюда, очевидно, слѣдуетъ, что чѣмъ чаще налагаются наказанія, тѣмъ больше это порождаетъ преступленій. Большинство современныхъ законодательствъ ясно сознало это и стремится, насколько возможно, уменьшить наказанія. И тамъ, гдѣ законодательство дѣйствительно сдѣлало это, всюду получились самые лучшіе результаты. Чѣмъ меньше наказаній, тѣмъ меньше преступленій. Когда наказаній совсѣмъ не будетъ, то преступленія или исчезнутъ совершенно, или, если будутъ случаться иногда, то врачи станутъ заботливо лѣчить преступниковъ, какъ людей, страдающихъ тяжелою формою безумія. Люди, которыхъ теперь называютъ преступниками, совсѣмъ не заслуживаютъ этого названія. Современныя преступленія порождены не грѣхомъ. а голодомъ. Вотъ почему преступники, какъ классъ, такъ абсолютно неинтересны съ психологической точки зрѣнія. Это не поразительные Макбеты и не ужасные Вотрэны *), а самые заурядные люди, которые, если ихъ накормить, будутъ вполнѣ респектабельны. Когда частная собственность будетъ уничтожена, исчезнетъ всякая необходимость въ преступленіи. Не будетъ больше спроса на него. Преступленіе перестанетъ существовать... Когда каждый членъ общества будетъ имѣть все необходимое, и когда въ его жизнь не будутъ вмѣшиваться постоянно,—исчезнетъ всякій поводъ для него вмѣшиваться въ чужую жизнь». Какова же роль государства?

---

*) Reviews. P. 538.

**) Герой посредственной драмы Бальзака того же названія. Трудно сказать, чѣмъ эта пьеса понравилась Уайльду. Въ свое время она прогремѣла не столько литературными достоинствами, сколько скандаломъ, вслѣдствіе котораго пьеса была снята послѣ перваго же представленія въ 1845 г. Актеръ, игравшій главную роль глупаго мексиканскаго генерала, загримировался Людовикомъ Филиппомъ. Публика тотчасъ узнала, кого изображаетъ актеръ, какъ только увидала его густые бакенбарды и торчащій кверху хохолъ на головѣ. Театръ разразился хохотомъ. Сходство съ королемъ еще больше увеличилось ужимками актера. Парижскій воздухъ былъ уже насыщенъ тогда электричествомъ приближающейся революціи. Публика была рода всякому случаю для манифестаціи. Поли-

«Государство превратится въ добровольный союзъ, организующій работу. Оно будетъ производителемъ и распредѣлителемъ необходимыхъ предметовъ. *Государство будетъ производить все, что полезно. Индивидуумъ же будетъ творить все, что прекрасно* (Курсивъ Оскара Уайльда). Работа должна производиться при помощи машинъ. До настоящаго времени человѣкъ въ извѣстной степени былъ рабомъ машины. Есть нѣчто трагическое въ томъ фактѣ, что, какъ только человѣкъ изобрѣтаетъ машину, чтобы облегчить работу,—увеличивается число умирающихъ съ голоду. Это обусловливается, конечно, нашей системой собственности и соперничества. Одинъ человѣкъ владѣетъ машиной, выполняющей работу пятисотъ работниковъ. Пятьсотъ человѣкъ, вслѣдствіе этого, теряютъ работу и, не имѣя средствъ къ существованію, становятся ворами. Одинъ человѣкъ, забравшій себѣ машину, имѣетъ въ пятьсотъ разъ больше, чѣмъ долженъ былъ бы имѣть. Будь машина общимъ достояніемъ, всѣ могли бы извлечь выгоду изъ нея... *Теперь машина конкурируетъ съ человѣкомъ. При нормальныхъ условіяхъ машина будетъ служить человѣку* (Курсивъ Оскара Уайльда) *).

VII.

Пора сдѣлать кое-какія заключенія. Оскаръ Уайльдъ много разъ повторяетъ, что стиль это—все. Вслѣдъ за блестящимъ писателемъ этотъ тезисъ повторяютъ у насъ теперь модернисты. Стиль, конечно, далеко не все. При чтеніи произведеній большинства нашихъ модернистовъ мнѣ припоминается афоризмъ желчнаго Шанфора, котораго совершенно напрасно забыли теперь: «Il y a des sottises bien habillées, comme il y a des sots très bien vêtus» (Бываютъ очень хорошо выраженныя глупости, какъ бываютъ отлично одѣтые дураки). Самъ Оскаръ Уайльдъ былъ не только удивительнымъ стилистомъ, быть можетъ, самымъ блестящимъ стилистомъ XIX вѣка, но еще оригинальнымъ мыслителемъ и искателемъ истины. Несмотря на вѣчную «позу», во всѣхъ произведеніяхъ Оскара Уайльда слышится тоскливый стонъ великой души, не пріемлющей уродливаго настоящаго. Стонъ этотъ слышится, какъ я пытался показать въ другихъ моихъ статьяхъ, посвященныхъ Уайльду, даже въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя написаны въ моментъ апогея славы блестящаго писателя (Напримѣръ, стихотвореніе въ прозѣ «The House of Judgment». Въ стихотвореніи въ прозѣ «The Artist» ваятель переливаетъ бронзовую статую «Горя.

ція дала доиграть пьесу, но на другой день она была запрещена, а театръ (Porte-Saint-Martin) закрытъ.

*) The Soul of Man under Socialism. (Полное собраніе сочиненій 1908 г.), 297—298.

продолжающагося вѣчно» въ изображеніе «Наслажденія, продолжающагося мгновеніе» и пр.). Трагизмъ судьбы Оскара Уайльда заключается не только въ томъ, что онъ попалъ въ Риддингскую каторжную тюрьму, но еще въ слѣдующемъ: «Географическая среда» направила мысль Оскара Уайльда по такому пути, по которому онъ могъ дойти только до китайщины. Изъ приведенныхъ отрывковъ мы видѣли, что въ иной географической средѣ, по всей вѣроятности, мысль Оскара Уайльда чаще останавливалась бы на реальномъ объясненіи несчастій человѣческаго рода. На вѣчные вопросы о цѣли жизни, о значеніи добра и зла, о смерти—нѣтъ *общаго* отвѣта и не можетъ быть. Мы всегда стояли передъ стѣной и будемъ стоять передъ ней, покуда живетъ человѣчество на землѣ. Новые метафизики разныхъ категорій и названій совершенно вѣрно указываютъ на то, что не могутъ объяснить матеріалисты. Послѣдніе не только отказываются заглянуть «за стѣну», но не могутъ объяснить вопросъ о возникновеніи сознанія. Старинное положеніе матеріалистовъ: «Nihil est in intellectu quod non fuerit in sensu», т. е. что все наше познаніе возникаетъ изъ опыта, не представляется теперь такой аксіомой, какъ раньше. Раціонализмъ безсиленъ разрѣшить вѣчные вопросы (что онъ, впрочемъ, отказывается дѣлать); но не въ лучшемъ положеніи и метафизики. Они не разрѣшили *ни одного вопроса*, передъ которымъ остановились раціоналисты. Если поэты метафизики и заглядываютъ, какъ увѣряютъ ихъ критики, «по ту сторону бытія», то не въ состояніи сообщить намъ ничего вразумительнаго. Результатами «заглядыванія» является бормотаніе, лишенное всякаго смысла. Людямъ, возстающимъ противъ «узкаго» раціонализма, я хотѣлъ бы напомнить одно великолѣпное мѣсто у Дидро. «Я заблудился темною ночью въ громадномъ, дремучемъ лѣсу. Въ рукахъ у меня былъ только маленькій фонарь, при помощи котораго я могъ надѣяться когда-нибудь выбраться. И вотъ предо мною предсталъ незнакомецъ. «Другъ мой,—сказалъ онъ мнѣ,—чтобы выбраться на дорогу, потуши сперва фонарь». Этотъ совѣтникъ былъ метафизикъ». Итакъ, раціонализмъ не разрѣшилъ вѣчныхъ вопросовъ, которые съ такою страшною силою выставлены Мюссе въ его поэмѣ «L'espoir en Dieu».

„Magré moi l'infini me tourmente.
Je n'y saurais songer sans crainte et sans epoir;
Et quoi qu'on en ait dit, ma raison s'épouvante
De ne pas le comprendre, et pourtant de le voir".

Не всѣ метафизики въ такомъ же положеніи. Нѣкоторые изъ нихъ совѣтуютъ намъ потушить фонарь критическаго изслѣдованія и возвратиться къ теологіи. На вѣчные вопросы нѣтъ *общаго* отвѣта. Каждый разрѣшаетъ вопросъ объ отношеніи къ добру и злу, къ смерти и къ непостижимому — *субъективно*. И въ зависи-

мости отъ «географической среды» находится та или другая окраска субъективнаго рѣшенія. Когда географическая среда чиста и нормальна,—окраска свѣтла. Люди стараются тогда создать разумную, счастливую, богатую красками жизнь, послѣ которой смерть будетъ сномъ. Къ смерти тогда люди относятся мужественно, спокойно. Когда географическая среда уродлива и полна ужасовъ, тогда субъективное рѣшеніе мрачно и порой напоминаетъ бредъ безумнаго. Нагляднымъ доказательствомъ являются произведенія современной русской литературы. Выводъ отсюда, конечно, слѣдующій. Безумный вопль, вырвавшійся у современныхъ пессимистовъ, доказываетъ не «непріемлемость» жизни вообще, а непріемлемость данной географической среды. Чтобы дать иную, болѣе радостную окраску *субъективнымъ* рѣшеніямъ вѣчныхъ вопросовъ, необходимо дать личности болѣе разумную, красивую, здоровую и богатую содержаніемъ жизнь. Необходимо измѣнить совершенно «географическую среду» путемъ радикальной «дизенфекціи» ея и «дренажа». Мы, такимъ образомъ, стоимъ опять передъ необходимостью дать личности свободно развиваться. Крайне любопытно встрѣтить у такого аполитическаго писателя, какъ Оскаръ Уайльдъ, такія строки: «Синія книги вообще скучное чтеніе, но становятся интересны, когда посвящены Ирландіи. Тогда онѣ превращаются въ отчетъ объ одной изъ величайшихъ трагедій въ Европѣ. Въ этихъ синихъ книгахъ Англія составляетъ обвинительный актъ противъ себя и повѣдываетъ міру о своемъ собственномъ позорѣ. И если въ XVIII вѣкѣ система управленія Ирландіей основывалась на расовой ненависти и на религіозномъ предубѣжденіи, то въ XIX вѣкѣ система эта проникнута глупостью, которую усиливаютъ добрыя намѣренія... Изгнаніе было для ирландцевъ тѣмъ же, чѣмъ плѣненіе для евреевъ. Америка воспитала ирландскихъ революціонеровъ», etc. *). Такимъ образомъ, когда дѣйствительность наталкивала Оскара Уайльда на извѣстныя явленія, эстетъ становился не только экономистомъ, но и политикомъ.

Германія когда-то тоже переживала эпоху страшной реакціи. Тогда тоже появились, съ одной стороны, продажныя души, съ другой—философы, звавшіе нѣмцевъ отвернуться отъ мерзкой жизни и заглянуть «по ту сторону бытія». По поводу послѣднихъ, Гейне тогда далъ «Михелю» рядъ совѣтовъ:

„Michel! fallen dir die Schuppen
Von den Augen? Merkst du itzt,
Dasz man dir die besten Suppen
Vor dem Munde wegstibitzt?
Alz Ersatz ward dir versprochen
Reinverklärte Himmelsfreud'
Droben, wo die Engel kochen
Ohne Fleisch die Seligkeit!“

---

*) Oscar Wilde, Reviews. P. 476.

(«Михель! Падаетъ-ли чешуя съ твоихъ глазъ? Замѣчаешь-ли, что у тебя отнимаютъ лучшій супъ? Какъ вознагражденіе, тебѣ обѣщана благодатная небесная радость тамъ наверху, гдѣ ангелы варятъ безъ мяса блаженство»).

Смыслъ существованія укажутъ не тѣ, которые говорятъ «отвернемся отъ жизни»; не тѣ, которые видятъ въ ней только безсмыслицу и смерть; не тѣ, которые говорятъ о человѣкѣ, какъ о гадкомъ, трусливомъ и скованномъ звѣрѣ:

„Мы—плѣненные звѣри,
Голосимъ, какъ умѣемъ.
Глухо заперты двери,
Мы открыть ихъ не смѣемъ".

Смыслъ существованія указываютъ все-таки тѣ, которые зовутъ человѣчество на борьбу за лучшее настоящее, за красивую, полную впечатлѣніями, многогранную жизнь. И если такая жизнь прожита, то пусть придетъ смерть. Люди ее встрѣтятъ спокойно, какъ встрѣчаетъ вручающаго свѣчу привратника туристъ, уставшій за день отъ тысячи новыхъ впечатлѣній и возвратившійся къ себѣ въ гостиницу. Вопросъ о безсмысленности жизни вообще и ужасѣ смерти поднимается въ такую эпоху и въ тѣхъ странахъ, гдѣ «географическая среда»

„Узка, темна и несвободна,
Какъ темный склепъ".

Діонео.

Хроника внутренней жизни.

I. Виленскій запросъ. Провокація и польза службы. Жандармъ Богдановъ и филеръ Пундеръ. Полицейскій формуляръ и сенаторскія ревизіи.—II. Плоды ревизій и разоблаченій въ Кіевѣ. Изъ карьеры полицеймейстера Цихоцкаго. Торжество законности въ Тифлисѣ. Ревизія сенатора Гарина. Опытъ екатеринославскаго земства. Полицейскія полномочія и полицейская репутація. Лаговскій изъ Лубенъ. Клептократія.—III. Положеніе настоящаго и предположенія на будущее. Двойная атака на крестьянство. Атака на разныя группы населенія. Шансы въ игрѣ. Необходимость въ чрезвычайной охранѣ. Савицкій. Дубровинцы и столыпинцы. Почва сенаторскихъ ревизій.

Въ январѣ Государственною Думою былъ «предъявленъ запросъ о виленскомъ охранномъ отдѣленіи». Запросъ «основывался на постановленіи виленскаго военно-окружнаго суда». А изъ этого судебнаго постановленія, между прочимъ, «видно, что чины виленскаго охраннаго отдѣленія, по порученію послѣдняго, контрабандным путемъ провозили въ Россію изъ-за границы революціонную

литературу и оружіе... съ цѣлью задержанія тѣхъ, кто эту литературу получитъ»... *) 19 ноября въ Думѣ объясненія по поводу запроса давалъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, г. Макаровъ. Онъ началъ съ того, что данное постановленіе военно-окружнаго суда не доказательно по формальнымъ причинамъ, ибо отмѣнено. Не доказательно оно и по существу. Въ части, опорочивающей охранную полицію, оно «основывается на свидѣтельскихъ показаніяхъ ротмистра Соколовича и Грамма». Но «ротмистръ Соколовичъ не можетъ удостовѣрить, что водвореніе контрабанды... совершено при томъ или иномъ участіи чиновъ охраннаго отдѣленія». Что же касается Грамма, который это удостовѣряетъ, то онъ, во-первыхъ, еврей, во-вторыхъ, «профессіональный контрабандистъ и содержатель публичнаго дома». Слѣдовательно, самаго факта провокаціи въ данномъ случаѣ не было. Вообще же г. Макаровъ «категорически, твердо, убѣжденно и прямо говоритъ»: «то, что называется провокаціей, недопустимо. Всякіе провокаціонные пріемы являются преступленіемъ, должны претить нравственнному чувству всякаго порядочнаго человѣка». «То, что называется провокаціей», наконецъ, запрещено «§ 8 инструкціи для охранныхъ отдѣленій и циркуляромъ 1907 г.». Былъ, правда, случай, «когда на одной изъ окраинъ завѣдывающій розыскнымъ дѣломъ допустилъ, дѣйствительно, провокацію». Правительство «предало его военному суду, и онъ приговоренъ къ арестантскимъ отдѣленіямъ на 3 года»:

Такъ,—закончилъ г. Макаровъ,—поступаетъ министерство внутреннихъ дѣлъ, такъ онъ относится къ тому, что называется провокаціей, и такъ оно будетъ относиться впредь **).

Это съ одной стороны. А съ другой стороны, министерство поступало и другимъ способомъ. Видите ли, факта провокаціи въ виленской охранѣ не было. Было просто дано порученіе «пресѣчь ввозъ оружія изъ-за границы». Для этой цѣли, по словамъ г. Макарова, былъ командированъ за границу агентъ охраннаго отдѣленія Смѣловъ.

Смѣлову,—говорилъ г. Макаровъ,—удалось сойтись съ проживающими за границей революціонными дѣятелями и контрабандистами... Смѣловъ далъ знать,... что... будетъ совершенъ провозъ контрабанды—революціонной литературы и оружія... При провозѣ (этой) контрабанды контрабандистомъ Граммомъ и его помощникомъ Смѣловымъ, участвовавшимъ изъ боязни выдать себя передъ революціонерами, всѣ три (?) лица были арестованы ***).

Изъ арестованныхъ Смѣловъ заявилъ, что онъ—агентъ охраннаго отдѣленія, и его отпустили. Граммъ также заявилъ, что онъ

*) „Рѣчь", 20 ноября.
**) „Рѣчь", 20 ноября.
***) Ibid.

агентъ охраннаго отдѣленія, однако его задержали, «отправили въ Сувалкскую тюрьму». Но затѣмъ—очевидно, послѣ обычныхъ справокъ и обычной провѣрки—и онъ былъ «отпущенъ на свободу». Словомъ, какъ резюмировалъ г. Маклаковъ въ своей думской рѣчи, товарищъ министра просто промолчалъ, что «еврей», «профессіональный контрабандистъ и содержатель публичнаго дома» Граммъ былъ также и агентомъ охраннаго отдѣленія. Далѣе, Смѣлова самъ г. Макаровъ призналъ агентомъ и даже назвалъ «помощникомъ Грамма». По выраженію самого г. Макарова, «помощнику Грамма» «удалось» не просто выслѣдить «революціонеровъ и контрабандистовъ», но «сблизиться» съ ними. Наконецъ, по признанію опять-таки самого г. Макарова, названный имъ агентъ охраннаго отдѣленія въ провозѣ контрабанды участвовалъ. Такія дѣянія, казалось бы, и составляютъ «то, что называется провокаціей». Но, по мнѣнію г. Макарова, это другое.

Не забудьте, господа,—говоритъ онъ,—что это происходило въ то время, когда революція подняла голову, когда она признала возможнымъ выйти изъ подполья и открыто вступить въ бой съ правительствомъ *).

Конечно, «всякіе провокаціонные пріемы... должны претить нравственному чувству всякаго порядочнаго человѣка». Но не «забудьте, господа», если «революція подняла голову», то... Конечно, въ словахъ министра, опорочивающаго съ парламентской трибуны судебное показаніе свидѣтеля ссылками на то, что этотъ свидѣтель—«во-первыхъ, еврей», злые люди усмотрятъ элементы, относящіеся ко «всякой провокаціи». Но, господа, если это для пользы службы, то... Въ формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ Дума тоже категорически признала провокацію недопустимой. Но и въ думскомъ вотумѣ грань между «провокаціей» и полезной въ цѣляхъ борьбы съ крамолой «иниціативой» осталась не выясненной. И намъ для выясненія этого основного пункта остается лишь обратиться къ фактамъ. Факты, указанные въ запросѣ, «имѣли мѣсто» при «прежнемъ правительствѣ». «Не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, нынѣшній составъ правительства, какъ выразился г. Макаровъ, отвѣчать за предыдущій». Возьмемъ для примѣра какое-нибудь дѣло «нынѣшняго состава»,—ну хотя бы даже такое «темное», какъ процессъ депутата первой Думы Корнильева, жандарма Богданова, «филёра» Пундера и 7 другихъ обвиняемыхъ въ покушеніи на ограбленіе кассы императорскихъ театровъ.

Напомню вкратцѣ, что «темнымъ» это дѣло назвалъ «Голосъ Москвы», когда на выборгскомъ гохгерихтѣ выяснились кое-какія подробности. Вначалѣ же, пока все исчерпывалось «агентурными свѣдѣніями», оно казалось не только яснымъ, но и пригоднымъ для аргументированія весьма важныхъ мѣропріятій. Выборгскій

*) „Рѣчь“, 20 ноября.

жандармъ Богдановъ былъ арестованъ на вокзалѣ съ бомбами, приготовленными для экспропріаціи. Къ шайкѣ экспропріаторовъ оказался причастенъ переводчикъ — врачъ Корнильевъ. Его немедля арестовали, препроводили изъ Выборга въ Петербургъ, водворили въ Петропавловскую крѣпость, хотя преступная организація, принадлежность къ кототорой г. Корнильеву ставилась въ вину, возникла въ Выборгѣ и подлежала финляндскому суду. И это изъятіе предполагаемаго преступника изъ сферы подсудности оказалось не лишеннымъ мудраго предвидѣнія: выборгскій гохгерихтъ не нашелъ данныхъ, чтобы привлечь Корнильева не только въ качествѣ обвиняемаго, но и въ качествѣ свидѣтеля. Семеро другихъ обвиняемыхъ, своевременно не изъятыхъ изъ сферы подсудности, выборгскимъ гохгерихтомъ «за отсутствіемъ уликъ признаны по суду оправданными». Впрочемъ, «улики», пожалуй, и были, но ихъ пришлось признать въ высшей степени странными. Такъ, напр., въ дровяномъ сараѣ обвиняемаго Хуотонена при обыскѣ былъ найденъ динамитъ. Но свидѣтели утверждали, что не задолго до обыска въ этотъ сарай входилъ какой-то неизвѣстный человѣкъ и, пробывъ тамъ нѣсколько минутъ, скрылся *). Предположеніе, что данное «вещественное доказательство» просто подброшено «шпиками», не только высказывалось на судѣ, но удивительно гармонировало съ общимъ характеромъ дѣла, получившаго, благодаря гласному судебному слѣдствію, довольно-таки опредѣленное освѣщеніе.

Наиболѣе безспорны улики противъ жандарма Богданова: съ бомбами пойманъ. Но Богдановъ поступилъ въ распоряженіе «имперскихъ», а не мѣстныхъ, финляндскихъ властей. И въ назначенный день 27 іюля въ засѣданіе гохгерихта «не явился». По просьбѣ обвинителя, дѣло было отложено до 13 августа для вызова и допроса Богданова. Финляндскія власти обратились къ «имперскимъ властямъ». Послѣднія отвѣтили, что «къ доставленію Богданова на судъ будутъ приняты мѣры». Но и 13 августа на окончательный разборъ дѣла Богдановъ «доставленъ» не былъ. Этотъ таинственный жандармъ съ бомбами какъ бы исчезъ, и самое мѣстопребываніе его «покрылось мракомъ неизвѣстности». Пытался гохгерихтъ допросить другого таинственнаго человѣка— какого-то эстонца, называемаго то Пундаремъ, то Пундеромъ. Привлеченные къ дѣлу категорически утверждали, что именно этотъ Пундеръ и склонялъ устроить экспропріацію, имѣлъ постоянно на квартирѣ бомбы, «динамитъ и другія взрывчатыя вещества». Но когда гохгерихтъ попросилъ «доставить Пундера», имперскія власти отвѣтили, что онъ «находится въ заграничной командировкѣ». Словомъ, «выяснилось,—какъ былъ вынужденъ признать даже «Голосъ Москвы»,—что Пундеръ, дѣйствительно, состоитъ агентомъ

*) „Рѣчь", 14 августа.

охраннаго отдѣленія». Не только состоялъ, когда жилъ въ Выборгѣ, оборудовалъ тайный складъ взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ, склонялъ людей ограбить кассу Маріинскаго театра, но и теперь состоитъ, получилъ уже не финляндскую, а настоящую заграничную командировку, снаряженъ въ большое плаваніе...

Словомъ, по отзыву «Голоса Москвы», «дѣло обернулось». Намъ не зачѣмъ спрашивать, претитъ оно или не претитъ нравственному чувству г. Макарова? Но вотъ думское большинство и «Голосъ Москвы»... Какъ, по ихъ мнѣнію, допустимо пундеровское дѣйство или не допустимо? Осуждена эта провокація «вотумомъ» 3 Думы, или въ данномъ случаѣ никакой провокаціи нѣтъ, а есть необходимость перефразировать напоминаніе г. Макарова?

— Не забудьте, дескать, господа, что Пундеръ и Богдановъ выступили въ то время, когда руководящее большинство 3 Думы нуждалось въ аргументахъ для своего запроса о Финляндіи. Не забудьте, что это дѣло послужило однимъ изъ аргументовъ въ кампаніи, направленной противъ «финляндскихъ вольностей». Не забудьте, что и этотъ аргументъ лежалъ на вѣсахъ, когда вопросъ о подчиненіи Финляндіи совѣту министровъ переходилъ изъ стадіи подготовительной въ стадію «окончательнаго завершенія»...

Г. Макаровъ высказалъ мелькомъ любопытное соображеніе. Называя «провокаціонные пріемы» преступленіемъ, онъ пояснилъ: ибо «отвлекаютъ чиновъ охраны отъ серьезной задачи по борьбѣ съ революціей»... Быть можетъ, это соображеніе и есть единственно рѣшающее: «недопустимо», если «отвлекаетъ», желательно, даже похвально, если воспомоществуетъ, и, наконецъ, терпимо, если «серьезной задачѣ по борьбѣ съ революціей», по крайней мѣрѣ, не мѣшаетъ. Такъ мы понимаемъ г. Макарова или не такъ? Таковъ смыслъ вотума, предложеннаго думскимъ большинствомъ, или не таковъ? Прямого отвѣта нѣтъ. И намъ опять-таки остается лишь взвѣшивать факты.

Провокація съ точки зрѣнія юридической—конечно, преступленіе. Но далеко не единственное въ формулярѣ явной и тайной полиціи. Изъ газетныхъ сообщеній по дѣлу Асланова мы знаемъ, напр., что кіевское сыскное отдѣленіе было не только учрежденіемъ провокаторскимъ, но и прямо-таки вертепомъ разбойниковъ, справочной конторой мошенниковъ, шулеровъ, воровъ... Нѣчто въ такомъ же родѣ открыто ревизіей сенатора Гарина въ Москвѣ. Не менѣе преступныя обстоятельства раскрыты ревизіей сенатора Палена въ Туркестанѣ. Обнаружилась «полицейская панама въ Кишиневѣ... затмевающая кіевскую аслановщину»; газеты увѣряли, между прочимъ, что одинъ приставъ оказался организаторомъ и атаманомъ шайки разбойниковъ, а другой приставъ и околоточный его помощниками въ этомъ дѣлѣ *). Въ Вержболовѣ «весь низшій

*) „Сѣверъ", 19 сентября и 9 ноября.

составъ жандармскаго отдѣленія расформированъ въ виду обнаруженныхъ злоупотребленій» *) Въ полтавской губерніи часть стражниковъ-осетинъ стала грабить проѣзжающихъ на большихъ и проселочныхъ дорогахъ **). Въ Екатеринославѣ, въ Тифлисѣ... Впрочемъ, стоитъ ли перечислять, разъ г. Макаровъ можетъ предъявить, такъ сказать, огульный отводъ:

— Да, преступленій и злоупотребленій много, но правительство предаетъ суду, назначаетъ слѣдствія, организуетъ сенаторскія ревизіи, изыскиваетъ и принимаетъ разныя другія мѣры и средства, дабы полицейскій порокъ былъ наказанъ, а законность торжествовала. Чего же вы еще хотите?

«Рѣчь», между прочимъ, подчеркнула характерную деталь:

Когда сенаторъ Гаринъ впервые пріѣхалъ въ Москву для ревизіи, онъ столкнулся съ серьезнымъ препятствіемъ... Какъ только онъ натыкался на лицо, могущее дать цѣнныя свидѣтельскія показанія, лицо исчезало. Оказалось, что администрація, внимательно слѣдившая за Гаринымъ, немедленно на основаніи исключительнаго положенія выслала опасныхъ свидѣтелей ***)

Въ виду этого, если вѣрить «Рѣчи», сенатору Палену, отправленному на ревизію въ Туркестанскій край, было предоставлено право отмѣнять постановленія мѣстныхъ властей, а затѣмъ такое же право было предоставлено и московскому ревизору сенатору Гарину. Вотъ видите—можетъ сказать тотъ же г. Макаровъ:—мы не для пустой формальности посылаемъ сенаторовъ. Мы предоставляемъ имъ чрезвычайные способы выяснять дѣйствительное положеніе вещей. Это факты, господа, а не голословное утвержденіе... И, дѣйствительно, факты. И повторяю, г. Макаровъ могъ бы не мало привести ихъ. «Голосъ Москвы» попытался даже, опираясь на факты, запѣть осанну:

Генералъ Рейнботъ отданъ подъ судъ... Дѣло не въ Рейнботѣ... Отыскался законъ, про который уже думали, что онъ похороненъ... Сразу посвѣтлѣло, стало радостно тѣмъ, которые думали, что потемки вѣчны. Обыватель... вдругъ прозрѣлъ. Онъ увидѣлъ нѣчто свѣтлое и неизмѣримое (?) большое, открывавшее передъ нимъ государственность, гражданство, равенство передъ закономъ, то конституціонное равенство, про которое гласитъ великій актъ 17 октября. Обыватель почувствовалъ въ себѣ гражданина... Начинается равенство передъ закономъ („Голосъ Москвы", 25 ноября).

Что увидѣлъ и что почувствовалъ обыватель,—это оставимъ пока въ сторонѣ. Но въ печати осанна октябристскаго оффиціоза осталась довольно-таки одинокой. Даже «С.-Петербургскія Вѣдомости» по поводу «открытій», совершенныхъ сенаторами-ревизорами, и преданій суду почувствовали нѣкоторую тоску и безнадежность.

*) „Сѣверъ", 8 ноября.
**) „Южная Заря", 22 августа.
***) „Рѣчь", 22 ноября.

Что полиція,—высказывалась эта казенная газета,—насквозь просочена взяточничествомъ, объ этомъ знаютъ и младенцы... Только однихъ патентованныхъ, освященныхъ обычаемъ взятокъ перепадаетъ на долю становаго пристава до 2000 р. въ годъ и на долю исправника—до 4000 р... Въ городахъ, гдѣ собираются крупныя ярмарки, въ уѣздахъ, богатыхъ фабриками и заводами... доходы полиціи исчисляются десятками тысячъ... Имѣются въ виду лишь „обычные доходы"... доходы съ мертвыхъ тѣлъ, паспортовъ, надзора за промыслами и торговлей, рекрутскаго набора и проч. Каждое „мертвое тѣло" даетъ становому 50—100 р. А къ веснѣ вся русская уѣздная полиція питается сплавными билетами... Все это—старыя пѣсни. Отъ манифеста 17 октября ожидали... воздѣйствія на эту сторону жизни... Оказалось наоборотъ: взяточничество за эти три года возросло въ страшныхъ размѣрахъ... Произволъ и насиліе администраціи сдѣлали взятку самымъ нормальнымъ явленіемъ современной русской жизни... Дерутъ теперь съ живого и съ мертваго" (Цит. по „Сарат. Вѣстн.", 27 ноября).

Даже сверхреакціонный «Гражданинъ» ядовито предложилъ по поводу разоблаченій, какимъ подверглась московская полиція съ бывшимъ градоначальникомъ г. Рейнботомъ во главѣ, обратить вниманіе, напримѣръ, на полицію петербургскую. Я уже не говорю о печати либеральной, которую сенаторскія ревизіи, разоблаченія и преданія суду вовсе не настроили на оптимистическій ладъ. «Надо сознаться,—писала, напр., «Рѣчь»,—что въ концѣ-концовъ все это становится очень скучнымъ». А «Кіевская Мысль»—на нее ссылаюсь тоже лишь въ видѣ примѣра,—иронически предлагала упражняться въ склоненіи слова: «панама, панамы, панамѣ», подчеркивая, что «все это» лишь словесный шумъ, словесностью ограничится и дальше словесности не пойдетъ. Конечно, «Голосъ Москвы» можетъ возразить:

— Позвольте,—это мнѣнія. А правительство предъявляетъ намъ факты.

Хорошо, оставивъ мнѣнія. И снова обратимся къ фактамъ.

II.

«Отыскался законъ»... И уже не первый разъ онъ «отыскивается». Для примѣра можно напомнить кіевскую ревизію сенатора Турау. Она тоже многое разоблачила. Генералъ-губернаторъ Клейгельсъ получилъ отставку,—нынѣ состоитъ въ числѣ видныхъ членовъ союза русскаго народа, и самую фамилію: «Клейгельсъ», мнѣ приходилось встрѣчать подъ руководящими статьями «Русскаго Знамени». Получилъ отставку и наперсникъ г. Клейгельса полицеймейстеръ Цихоцкій,—онъ тоже сблизился съ союзомъ русскаго народа и затѣмъ былъ назначенъ полицеймейстеромъ въ Тифлисъ. Дѣйствовавшее подъ непосредственнымъ наблюденіемъ г. Цихоцкаго кіевское сыскное отдѣленіе также пострадало. Начальника сыскного отдѣленія Рудого смѣнилъ Аслановъ; «аген-

сылкѣ лицъ, коихъ «пребываніе найдено вреднымъ для общественнаго спокойствія». Такъ или иначе, опасные люди удалены. Цихоцкій продолжаетъ службу. Тѣмъ временемъ продолжается въ «Новомъ Времени» и органахъ союза русскаго народа усиленная атака противъ нынѣшняго намѣстника. Намѣстникъ, однако, уцѣлѣлъ. Возвратился въ Тифлисъ и—читаемъ, напр., въ «Голосѣ Москвы»—«ускорилъ развязку, но, какъ говорятъ посвященные люди, не безъ сношенія съ Петербургомъ». «Цихоцкому предстояло увольненіе отъ должности и преданіе суду» *). Въ виду этой «развязки» Цихоцкій покончилъ самоубійствомъ. Оставимъ пока въ сторонѣ газетныя намеки на борьбу Цихоцкаго съ намѣстникомъ, на какую-то петербургскую поддержку «браваго полицеймейстера» и даже на какое-то «очень высокое покровительство», какимъ пользовались кн. Мухранская и ея сообщники изъ сыскного отдѣленія. Къ этой сторонѣ дѣла намъ еще придется вернуться. Такъ или иначе Цихоцкаго нѣтъ. Кн. Мухранская съ ея сотрудниками внѣ предѣловъ тифлисскаго генералъ-губернаторства. Спрашивается, однако, что измѣнилось? Привожу на справку хотя бы такой, сравнительно, мелкій эпизодъ. Недавно тифлисскій генералъ-губернаторъ «вызвалъ 15 почетныхъ гражданъ» и объявилъ имъ слѣдующее:

«Въ совѣтѣ министровъ прошелъ проектъ увеличенія штата полиціи Тифлиса», при чемъ на городъ предполагается возложить расходъ на эту часть 250.000 р. Между тѣмъ, теперь городъ платитъ 100.000 р. Онъ, генералъ-губернаторъ, *«не желаетъ ждать, пока проектъ пройдетъ черезъ законодательныя учрежденія»*. И предлагаетъ платить 250.000 р. теперь же, немедленно.

«Почетные граждане» стали прекословить. Въ виду этого генералъ-губернаторъ созвалъ какое-то «многочисленное совѣщаніе изъ почетныхъ гражданъ». «Многочисленное совѣщаніе» также отказалось «платить немедленно» 250.000 р. Тогда генералъ-губернаторъ приказалъ городскому головѣ представить «списокъ зажиточныхъ горожанъ *для взысканія съ нихъ по 3000 р. за нарушеніе обязательныхъ постановленій*». Городской голова отказался выполнить такое предписаніе. «Говорятъ—заканчивается газетное сообщеніе,—списокъ все-таки будетъ составленъ канцеляріей генералъ-губернатора» **). Это называется не экспропріаціей, не вымогательствомъ, не хищеніемъ. Это будетъ вполнѣ закономѣрное «взысканіе по 3000 р.» въ безотчетное распоряженіе генералъ-губернатора. Конечно, списокъ лицъ, подлежащихъ взысканію, генералъ-губернаторская канцелярія лишь перепишетъ набѣло. Составятъ его околоточные. И развѣ очень ужъ наивный человѣкъ удивится, если иной околоточный придетъ къ домовладѣльцу, и спроситъ: «не

*) „Голосъ Москвы".
**) „Кіевская Мысль", 12 октября.

желаете ли—я запишу васъ?» или—«не желаете ли я опредѣлю, почему вы нарушили обязательное постановленіе»? Если таковы легальные способы взиманія, то, право же, можно безъ конца безпокоить сенаторовъ командировками на предметъ ревизіи, не ожидая никакихъ послѣдствій, кромѣ установленія, что жизнь идетъ такъ, какъ должна идти, и ничего новаго, ничего существующаго вопреки принятому порядку вещей въ ней нѣтъ.

Ничего необычнаго и ничего новаго. Наиболѣе нашумѣли въ послѣднее время «открытія» сенатора Гарина въ Москвѣ. Но не даромъ «Русское Слово» замѣтило, что г. Гаринъ собственно «открылъ Америку» послѣ Колумба. Въ самомъ дѣлѣ,—вотъ, напр. одно изъ этихъ открытій въ передачѣ «Голоса Москвы»:

Всѣ наиболѣе выгодныя стоянки извозчиковъ возлѣ вокзаловъ, театровъ и клубовъ были обложены данью отъ 2 до 5 рублей въ мѣсяцъ съ каждаго экипажа. Деньги эти собирались старостой и вносились непосредственно, куда слѣдуетъ. Налогъ этотъ давалъ около 100 тысячъ рублей ежегодно. На обязанности городовыхъ лежало слѣдить за тѣмъ, чтобы сторонніе извозчики не отбивали сѣдоковъ у тѣхъ, которые уплатили налогъ. Такихъ извозчиковъ безпощадно штрафовали и сажали подъ арестъ...

Это напечатано въ «Голосѣ Москвы» 20 ноября. И почти одновременно въ охранительномъ «Свѣтѣ» появились выдержки изъ жалобы 5000 извозчиковъ на петербургскую полицію вообще и на петербургскаго градоначальника въ особенности. По словамъ «Свѣта», петербургскіе извозчики обратились со своею жалобою въ Государственную Думу въ іюнѣ 1908 г. «Дума сообщила» (?) эту жалобу г. Столыпину. Г. Столыпинъ «назначилъ особую коммиссію для производства дознанія». Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ г. Заіончковскаго, дознаніе производила. «Но дѣлу,—говоритъ «Свѣтъ»,—дальнѣйшаго хода дано не было» *). Ему и вообще хода не даютъ.

Въ 1905 г.—пишутъ извозчики—мы жаловались въ правительствующій сенатъ, 15 мая 1907 г. на притѣсненія полиціи жаловались г.-м. Драчевскому, въ февралѣ 1908 г. снова подали жалобу въ сенатъ... черезъ г.-м. Драчевскаго, а отдѣльныя лица изъ насъ жаловались и министру внутреннихъ дѣлъ, и никакого облегченія... все-таки не послѣдовало **).

Теперь они опять обращаются къ Думѣ, хотя и отъ Думы въ іюнѣ «облегченія не послѣдовало». Наоборотъ, послѣдовало нѣчто, довольно-таки странное. Сколько помнится, постановленія Думы о передачѣ жалобы извозчиковъ г. Столыпину не было, да едва ли и могло быть. Однако фактъ передачи не отрицается «Голосомъ Москвы», органомъ фракціи «октябристовъ». И значитъ, для передачи былъ избранъ какой-то особый, частный порядокъ, предста-

*) Цит. по „Смолен. Вѣстнику", 29 ноября.
**) „Голосъ Москвы", 28 ноября.

вляющій тѣ удобства, что «жалоба», не послужившая основаніемъ для запроса, осталась не оглашенной ни въ Думѣ, ни въ печати. И характерно, — теперь она оглашена въ московскихъ и провинціальныхъ газетахъ, и о ней до сихъ поръ старательно умалчиваетъ печать петербургская; исключеніе — «Свѣтъ», но и эта газета напечатала не самую жалобу, а лишь незначительныя выдержки изъ нея. Жалобщики даже не останавливаются на такихъ мелочахъ, какъ обложеніе выгодныхъ стоянокъ данью. Они такъ мирно говорятъ о «систематическихъ, обыкновенныхъ поборахъ, къ которымъ болѣе или менѣе можно приготовиться», словно изъ-за такихъ пустяковъ не стоило бы и начальство безпокоить. Петербургскіе «извозопромышленники — по выраженію «Свѣта»—жалуются на произволъ и притѣсненія... по-истинѣ вопіющіе»... «Дань» же за стоянки «возлѣ вокзаловъ, театровъ, клубовъ» отнюдь не принадлежитъ къ фактамъ, которые вопіютъ и удивляютъ. Наоборотъ, было бы достойно удивленія, если бы сенаторъ Гаринъ сумѣлъ найти хоть одинъ сколько-нибудь крупный городъ, гдѣ «выгодныя стоянки» не обложены данью. Порядокъ этотъ установленъ давно, освященъ обычаями, признанъ безгрѣшнымъ, молчаливо предусмотрѣннымъ штатами. Къ чему лицемѣрить, — «безгрѣшные доходы», дѣйствительно, молчаливо предусмотрѣны: вѣдь того жалованья, какое присвоено, напр., околоточному надзирателю, часто не хватаетъ даже на наемъ писца; начальство-то хорошо знаетъ, что околоточный лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ обойтись безъ найма писцовъ, но «штатами» это не предусмотрѣно, и тѣмъ самымъ какъ бы предусмотрѣно, что каждый околоточный въ случаѣ надобности «добудетъ».

«Открылъ», далѣе, сенаторъ Гаринъ, что московская полиція «облагала данью» «извозопромышленниковъ, содержателей веселыхъ домовъ, хозяевъ меблированныхъ комнатъ съ дурной репутаціей». И опять-таки можно спросить: «а гдѣ этой самой дани нѣтъ»?

«Русское Слово» привело характерную справку изъ недавняго московскаго прошлаго: «15 лѣтъ тому назадъ» служилъ въ Москвѣ «околоточный надзиратель П.», «отставной офицеръ одного изъ блестящихъ гвардейскихъ полковъ».

Онъ говорилъ откровенно. Служить въ полку? Нѣтъ средствъ. На частную службу идти? Сколько мнѣ дадутъ? 50 руб. въ мѣсяцъ. А у меня привычки... Ну, и служу по полиціи... У него была великолѣпная квартира. Лошади. Онъ былъ большимъ селадономъ... И за свой околоточ онъ платилъ ежегодно приставу Замойскому 12000 р. („Рус. Сл.", 9 ноября).

И эти 12000 р. въ годъ приставу Замойскому околоточный П., по утвержденію того же «Рус. Слова» выколачивалъ главнымъ образомъ съ веселыхъ домовъ.

«Открылъ еще, по словамъ того же «Голоса Москвы», сенаторъ

Гаринъ, что у бывшаго градоначальника Рейнбота была «дама сердца», принимавшая просителей и «помогавшая просителямъ». Послѣ щедринскихъ помпадуршъ и щедринскаго губернатора, который цѣлую губернію отдалъ своей «кумѣ» на подержаніе, это открытіе г. Гарина «нѣсть дивно» и «нѣсть ново». Сенаторъ Гаринъ «открылъ» также, что московская полиція не только покровительствовала ворамъ, но и сама принимала участіе въ кражахъ и экспропріаціяхъ, и даже не всегда съ провокаторскою цѣлью, а просто ради наживы. Но опять таки можно назвать множество мѣстъ, гдѣ сдѣланы точь-въ-точь такія же открытія. И въ самой Москвѣ, по справкамъ «Русскаго Слова», за 20—15 лѣтъ до Рейнбота былъ уличенъ въ такихъ же дѣяніяхъ, между прочимъ, только что упомянутый мною приставъ Замойскій. «Замойскаго судили, приговорили къ лишенію правъ и ссылкѣ, что не помѣшало ему до конца дней оставаться приставомъ въ Москвѣ и сохранить всѣ ордена» и другія знаки отличія. Послѣ суда ему выхлопотали помилованіе, и Замойскій «умеръ милліонеромъ» («Рус. Слово», 23 ноября). Не менѣе характерна справка изъ недавняго прошлаго Москвы, приведенная «Рѣчью». По словамъ этой газеты, въ Москвѣ задолго до Рейнбота установлена была полиціей даже такса:

За допущеніе карманниковъ въ соборы во время людныхъ торжествъ—25 р., за покровительство на улицахъ во время крестныхъ ходовъ и вообще во время стеченія публики—15 р., за покровительство въ мѣстахъ увеселеній и зрѣлищъ—10 р. Московскіе жулики безпрекословно подчинялись прейскуранту. Командировавшіеся въ мѣста стеченія публики сыщики получали инструкцію... слѣдить... за тѣмъ, чтобы... среди карманниковъ не было уклонившихся отъ поборовъ *).

Существованіе этого прейскуранта было открыто правительственнымъ разслѣдованіемъ «еще въ началѣ 80-ыхъ годовъ, приблизительно 25 лѣтъ назадъ». И уже въ ту пору была раскрыта и «программа», по которой дѣйствовала полиція:

Всѣ болѣе или менѣе крупныя кражи производились при участіи сыскной полиціи. Если кража учинялась помимо нея, то воры немедленно заявлялись въ сыскную полицію и, отдавъ отчетъ... честно, по христіански дѣлились («Рѣчь», 22 ноября).

Въ цѣляхъ же поддержанія служебной репутаціи, между прочимъ, «устраивались кражи у высокопоставленныхъ лицъ... и затѣмъ украденное возвращалось въ полной неприкосновенности». Вообще казовая сторона службы была поставлена такъ, что «бюрократы не могли нахвалиться ловкостью и искусствомъ московскихъ сыщиковъ». Тогда, 25 лѣтъ назадъ, нѣкоторые виновные понесли наказаніе... И Москва выиграла столько

*) „Рѣчь", 22 ноября.

же, сколько Кіевъ отъ ревизіи сенатора Турау. Москва шла отъ «режима временъ князя Долгорукова» къ Трепову и Рейнботу, какъ Кіевъ отъ Драгомирова къ Клейгельсу, отъ Рудого къ Асланову. И наказанный порокъ въ лицѣ того же, хотя бы покойнаго Замойскаго если и измѣнялся, то лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ измѣнялся наказанный порокъ въ лицѣ покойнаго Цихоцкаго. И замѣтьте, этотъ выводъ дѣлаютъ нынѣ не радикалы, не либералы, не оппозиція. Это—выводъ, между прочимъ, такого допущеннаго даже въ волостныя правленія органа, какъ охранительный «Свѣтъ»:

„Поймите же ради Бога, - восклицаетъ, напр., эта газета,—что вездѣ по всей Россіи творилось совершенно то же самое, что въ Москвѣ. Только *одни вскрытыя единичныя* дѣла составляютъ поистинѣ ужасающую коллекцію. Кронштадтъ, Кіевъ, Тифлисъ... Варшава... Кишиневъ, все полно хищеніями и злоупотребленіями, иногда по просту грабежами, организованными... законнѣйшимъ начальствомъ. И все это началось не вчера, а тянется десятилѣтіями... Память отказывается назвать хотя бы одного губернатора, преданнаго суду. А что творятъ гг. губернаторы!.. (Цитируетъ по „Рѣчи", 6 декабря. Курсивъ мой.—*А. П.*)

Да чего лучше, — возмущается тотъ же «Свѣтъ»: одинъ губернаторъ самолично у обывателя бильярдъ ограбилъ,—ему дали послѣ этого другую губернію, и онъ нынѣ «считается однимъ изъ лучшихъ губернаторовъ».

Таковы факты касательно плодотворности ревизій, разоблаченій и преданій суду. Мы не бѣдны и другими фактами, позволяющими судить, насколько серьезны намѣренія искоренить полицейскій порокъ и насадить добродѣтель. Въ Думѣ при обсужденіи запроса о виленскихъ охранникахъ г. Маклаковъ, между прочимъ, отмѣтилъ, что охранные агенты вербуются изъ людей крайне порочныхъ; а безотвѣтственность, какою пользуются охранныя отдѣленія, сама по себѣ толкаетъ агентовъ на дѣла, болѣе или менѣе темныя и преступныя.

Истина, что охранныя отдѣленія, какъ и сыскныя, пользуются услугами «извѣстныхъ полиціи воровъ», установлена твердо. И противъ нея никто не возражалъ. Да и что можно возразить? Осталось безъ возраженія и общее указаніе г. Маклакова, что самая постановка охранной службы—секретность, безграничная широта полномочій и безотвѣтственность—предрасполагаетъ къ беззаконію. Опять-таки, какъ и чѣмъ можно противъ этого возражать? Однако, у министра юстиціи г. Щегловитова нашлись кое-какіе аргументы. Бесѣдуя съ депутатами, онъ, по свѣдѣніямъ «Современнаго Слова», между прочимъ, сказалъ:

Я желалъ бы видѣть, какъ обошелся бы Маклаковъ въ роли министра безъ охранныхъ отдѣленій (Цит. по „Одесскимъ Новостямъ", 28 ноября).

Какъ же иначе-то? И въ доказательство, что иначе нельзя,

г. Щегловитовъ ссылается на опытъ министра. Опытъ министра, конечно,—удѣлъ немногихъ. Но дабы повѣрить г. Щегловитову, не надо даже быть министромъ. Достаточно быть землевладѣльцемъ, близкимъ по направленію къ «Россіи» и къ «Голосу Москвы». Пожалуй, достаточно даже просто обратить вниманіе на кратковременный опытъ земствъ въ дѣлѣ организаціи земской полицейской стражи и земскаго сыска. Чтобы не углубляться въ эту нѣсколько спеціальную тему, ограничусь только однимъ примѣромъ. На послѣднемъ екатеринославскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи управа, между прочимъ, предложила ассигновать на содержаніе стражниковъ 20.000 руб. Гласные-крестьяне выступили съ протестомъ. И судя по даннымъ, сгруппированнымъ «Южною Зарею», «вопросъ о стражникахъ» выясняется такимъ образомъ. Стражники пьянствуютъ, буйствуютъ, бьютъ, лихоимствуютъ, вымогаютъ, насилуютъ женщинъ, крадутъ и даже «выступаютъ въ роли грабителей». «За стражниками въ уѣздѣ упрочилась столь нелестная репутація, что многія экономіи не пускаютъ ихъ разъѣзды на ночлегъ». «Намъ извѣстенъ случай,—пишетъ «Южная Заря»,—когда не принятые въ экономіи стражники заѣхали въ село и начали ругать крестьянъ за то, что тѣ... не разгромили экономіи». Самъ предсѣдатель екатеринославской уѣздной земской управы г. Бродницкій «не могъ припомнить ни одного факта, который можно было бы поставить въ плюсъ его дѣтищу, и только со скорбью констатировалъ случай заарестованія пьянаго стражника въ Никополѣ». Однако, находя, «съ одной стороны», что отъ стражниковъ «какъ будто никакой пользы нѣтъ», г. Бродницкій, «съ другой стороны», настаивалъ на необходимости ассигновать 20000 р., потому что стражники все-таки нужны... могутъ понадобиться... «Необходимы вѣдь мѣры...» *).

— Э, господа, быль молодцу не укоръ. Мало ли, что согрѣшилъ,—за то вѣдь и дѣло сдѣлалъ, да и впредь сдѣлаетъ...

Таковъ собственно смыслъ аргументаціи г. Бродницкаго. Какъ же иначе?—спрашиваетъ «объединенное правительство», въ лицѣ г. Щегловитова. Нельзя иначе, — отвѣчаетъ г. Бродницкій, какъ представитель помѣстнаго сословія, того самаго сословія, которое руководитъ «земскою жизнью» на мѣстахъ, рѣшаетъ реформы въ «совѣщаніи по мѣстнымъ дѣламъ», оформляетъ «законъ 9 ноября», «разрѣшаетъ» полумилліардный заемъ въ Думѣ и «руководитъ общественнымъ мнѣніемъ страны» посредствомъ «Россіи», «Голоса Правды» и «Голоса Москвы». И какъ-то даже неловко за послѣднюю газету. Вѣдь, несомнѣнно, она хорошо знаетъ, что «иначе нельзя». И ей-то, казалось бы, всего меньше пристало по случаю сенаторской ревизіи въ Москвѣ соблазнять читателей криками о наступленіи конституціи. Во-первыхъ, кто повѣритъ? А во-вторыхъ

*) «Южная Заря», 12 октября.

если даже и найдется наивный человѣкъ, который повѣритъ, «Голосъ Москвы» долженъ бы прекрасно понимать, что такого наивнаго человѣка ждетъ лишь разочарованіе. Зачѣмъ же идти на явное обвиненіе въ покушеніи на обманъ довѣрчиваго читателя?

Но—опять-таки можетъ возразить «Голосъ Москвы»—сенаторскія ревизіи лишь начало. За ними должна послѣдовать обѣщанная реформа полиціи. Мы используемъ западно-европейскій конституціонный опытъ. Мы примѣнимъ его къ нашимъ русскимъ условіямъ и т. д., и т. д.... Я припоминаю даже кое-какія ссылки органа «правительственнаго большинства» на западно-европейскій конституціонный опытъ. Припоминаю, напр., сравнительно недавнюю ссылку на постановку полиціи въ Англіи, гдѣ, чтобы попасть въ кандидаты на полицейскую службу, надо имѣть не только безупречную репутацію; надо еще пройти «training, гдѣ объясняютъ неприкосновенность личности, постановленія суда, законы и все такое», а главное «имя кандидата обходитъ весь околотокъ, и всѣ лица, платящія налоги, отмѣчаютъ на листкахъ, согласны ли они на утвержденіе его въ должности... Иначе нельзя, иначе не было бы «all right» *).

Что-жъ, — развѣ мы чуждаемся западно-европейскаго опыта, хотя бы даже англійскаго? Либералы кололи намъ глаза, что вотъ, молъ, въ Англіи «боби» вооружены только короткими палками, а наши городовые шашками и револьверами. И посмотрите,—теперь и наши городовые на Невскомъ проспектѣ вооружены палками; правда, они вооружены также шашками и револьверами, но вѣдь Россія—вы сами понимаете—не Англія. Или,—вы говорите: training. И отъ этого мы не прочь: слава Богу, и у насъ теперь есть курсы для начальниковъ сыскныхъ отдѣленій и даже для простыхъ филеровъ. Что же касается «безупречной репутаціи» и письменнаго согласія всего околотка на утвержденіе въ должности, то это предметъ особый, требующій соображенія относительно характера полицейской службы. Въ кругъ вѣдѣнія англійской полиціи входитъ «неприкосновенность личности, постановленія суда, законы»... И это понятно: государства, какъ объяснилъ недавно тотъ же «Голосъ Москвы», раздѣляются на юридическія и христіанскія. Англія — государство юридическое. И естественно, тамъ границы полицейской службы опредѣляются признаками юридическими, внѣшними, формальными. Россія — государство христіанское. И тѣмъ самымъ опредѣляется необходимость не столько обращать вниманіе на внѣшность и формальность, сколько вникать во внутренній и сокровенный смыслъ вещей. Теоретическое развитіе этой общей мысли могло бы завести насъ нѣсколько далеко. Поэтому оставимъ теоріи. Для насъ пока достаточно просто напомнить, какъ эта общая мысль воплощается въ дѣйствительность.

---

*) „Голосъ Москвы", 31 октября.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ разсматривалось судебной палатой дѣло о 5 крестьянахъ дер. Мало-Екатериновки, Екатеринославской губ., обвиняемыхъ, между прочимъ, въ насильственномъ отнятіи записной книжки и оружія у станціоннаго жандарма Агулова. Агуловъ записалъ въ своей книжкѣ крестьянина Петра Косу, какъ неблагонадежнаго. На этой почвѣ, сколько можно понять изъ газетныхъ свѣдѣній, и возникло намѣреніе «скопомъ» отнять книжку. На судѣ защитникъ спросилъ у жандарма, выступавшаго въ качествѣ свидѣтеля, за что собственно онъ «записалъ Петра Косу»:

Агуловъ. Крестьяне говорили, что Петръ Коса хорошій человѣкъ.

Защитникъ. Значитъ, если крестьяне говорятъ о комъ-нибудь, что онъ хорошій человѣкъ, то вы сразу его и записываете?

Агуловъ. Да, такъ и записываю. Да и кто мнѣ можетъ воспретить записывать, что я хочу? Кого захотѣлъ—того и записалъ.

Защитникъ. А скажите, свидѣтель, не записали ли вы Петру Косу въ книжку потому, что крестьяне прочили его въ депутаты Государственной Думы?

Агуловъ. Да, и потому надо было его записать („Южная Заря" 28 сентября).

Защитникъ хотѣлъ было спросить, было ли ему поручено это начальствомъ, но тутъ вмѣшался предсѣдатель суда:

Предсѣдатель. Свидѣтель, на этотъ вопросъ можете не отвѣчать. О томъ, что вамъ секретно поручается начальствомъ, можете не говорить.

Агуловъ. Да я и не скажу, что секретъ (Ibid).

Вмѣшательство предусмотрительное, ибо защитникъ могъ и такой вопросъ предложить:

— Скажите, свидѣтель, а не было ли вамъ поручено начальствомъ вызвать волненія въ деревнѣ Мало-Екатериновкѣ, дабы Петра Косу, какъ человѣка опаснаго, привлечь къ отвѣтственности по политическому дѣлу?..

Люди легкомысленные возмущаются и возможностью такихъ предположеній, и отвѣтами жандарма Агулова. И, дѣйствительно, слова: «записалъ, такъ какъ крестьяне говорили, что онъ хорошій человѣкъ»—звучатъ скандально. Съ юридической точки зрѣнія, это абсурдъ. Г. Маклаковъ отъ такихъ полицейскихъ откровенностей придетъ въ ужасъ. Надо же, однако, понимать, что мы, въ самомъ дѣлѣ, государство не юридическое. Представьте такой случай: крестьяне деревни Мало-Екатериновки сплошь благонадежны. Ясное дѣло,—если благонадежная деревня говоритъ: «Петръ Коса—хорошій человѣкъ», то этого Петра Косу агентъ полиціи долженъ поощрять, а не записывать. Представьте другой случай: Мало-Екатериновка, какъ оно и было въ дѣйствительности, неблагонадежна. Разъ такая деревня говоритъ: «Петръ — хорошій человѣкъ», значитъ, ясно, что этотъ Петръ,—наиболѣе неблагонадеженъ, наиболѣе опасенъ, въ первую очередь подлежитъ изъятію. Но какая

деревня благонадежна, а какая неблагонадежна,—это, очевидно, нельзя опредѣлить и придусмотрѣть внѣшними, формальными признаками. Тутъ многое зависитъ не только отъ крайней неуловимости предмета наблюденія, но и отъ измѣнчивости чисто внѣшнихъ условій. Неблагонадежное при однихъ вѣяніяхъ сверху становится благонадежнымъ или, по крайной мѣрѣ, терпимымъ при другихъ вѣяніяхъ. И, наоборотъ, благонадежное и терпимое, положимъ, при Святополкѣ-Мирскомъ становится неблагонадежнымъ и нетерпимымъ при Булыгинѣ. Остается одинъ выходъ: предоставить жандарму Агулову: во-первыхъ, полную свободу опредѣлять, что благонадежно и что неблагонадежно, и, во-вторыхъ неограниченное право рѣшать, когда «хорошій человѣкъ» подлежитъ внесенію «въ записную книжку» и когда не подлежитъ. «Кого захотѣлъ—того и записалъ»... На взглядъ г. Маклакова это, быть можетъ, и дико. Но посмотрѣли бы мы, въ самомъ дѣлѣ, какъ бы иначе поступилъ г. Маклаковъ, будь онъ министромъ не англійскаго, юридическаго, а россійскаго, христіанскаго, государства!..

Вопросъ о письменномъ согласіи жителей околотка на утвержденіе кандидата въ полицейской должности, очевидно, отпадаетъ самъ собою. Помимо общихъ соображеній, при нынѣшнемъ антиправительственномъ направленіи умовъ это было бы равносильно насажденію полиціи, прямо-таки враждебной видамъ и предположеніямъ правительства. Мы если и можемъ заимствовать кое-что изъ англійскаго порядка, то лишь въ предѣлахъ, приблизительно намѣченныхъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ г. Меньшиковымъ въ «Новомъ Времени»: личный составъ уѣздной полиціи опредѣляется не иначе, какъ съ согласія помѣщиковъ. Въ такомъ видѣ рѣшеніе вопроса возможно, а съ точки зрѣнія «Новаго Времени» и «Голоса Москвы», быть можетъ, и желательно. Такую реформу полиціи мы, пожалуй, не прочь осуществить. Но и при такой реформѣ, при опредѣленіи личнаго состава уѣздной полиціи съ согласія помѣщиковъ, вопросъ о «безупречной репутаціи кандидатовъ на полицейскія должности» имѣетъ подчиненное значеніе, и относительно «безупречной репутаціи» нельзя быть слишкомъ прямолинейнымъ.

Разумѣется, очень прискорбно читать и слышать разоблаченія, въ родѣ слѣдующаго, недавно «облетѣвшаго всѣ оппозиціонныя газеты»:

„Владиміръ Мардеръ былъ одинъ изъ мелкихъ воришекъ Одессы. И перекочевалъ въ Минскъ уже въ качествѣ старшаго агента сыскного отдѣленія.. И здѣсь служилъ не только полиціи, но и ворамъ". Послѣ многихъ вымогательствъ и шантажныхъ предпріятій, „онъ попался... Въ его квартирѣ во время обыска нашли массу золотыхъ, серебряныхъ и бриллiантовыхъ вещей изъ числа тѣхъ, которые было поручено разыскивать минскому охранному отдѣленію" („Русское Слово", 17 октября).

Да, это очень прискорбно. Но, господа, нельзя забывать, что полицейская служба, въ томъ видѣ, какъ она рисуется даже показа-

ніями жандарма Агулова, требуетъ способности не брезговать и не смущаться. Не надо закрывать глаза на то, что дѣло это не всегда опрятно; относительно него въ русскомъ обществѣ сложились извѣстныя предубѣжденія; и найти достаточное количество опрятныхъ и порядочныхъ людей—просто нѣтъ физической возможности. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, нельзя же впадать въ односторонность. Владиміръ Мардеръ, говорятъ намъ, воръ мелкій, или воръ крупный. Но, представьте, однако, что при этомъ, конечно, прискорбномъ качествѣ, онъ обладаетъ талантомъ быстро опредѣлять, что благонадежно, и что неблагонадежно, проникать во внутренній, сокровенный смыслъ вещей, «записать», выслѣдить и уличить. Не такъ же оно просто дѣлается: Мардеръ—воръ, значитъ, достоинъ быть «старшимъ агентомъ». Вѣдь, даже по газетнымъ свѣдѣніямъ, онъ еще въ Одессѣ прежде, чѣмъ попасть на должность старшаго агента, «оказалъ какія-то услуги» — стало быть, доказалъ свои таланты, стало быть, обнаружилъ свою полезность въ дѣлѣ борьбы съ внутренними врагами. Какъ ни утверждайте людей въ полицейскихъ должностяхъ—съ согласія или безъ согласія помѣщиковъ, но суровая жизнь заставляетъ слѣдовать завѣту грибоѣдовской старухи:

...Лгунишка онъ, мошенникъ, воръ, я бъ отъ него и двери на запоръ, да мастеръ услужить...

Позвольте еще примѣръ. Вотъ въ послѣднее время нашумѣла исторія полтавскаго пристава Лаговскаго, бывшаго раньше околоточнымъ надзирателемъ въ Лубнахъ. Газеты такъ рисуютъ прошлое этого молодого человѣка до поступленія на полицейскую службу:

Когда Лаговскій былъ еще гимназистомъ (въ 1905 г.), товарищи потребовали увольненія его изъ гимназіи за нанесеніе пощечины... По требованію родительскаго совѣта, Лаговскій былъ исключенъ изъ гимназіи „за безнравственность". По увольненіи онъ праздно шатался по городу затрагивая нерѣдко на улицахъ женщинъ... (Далѣе идетъ краткое напоминаніе о скандальныхъ происшествіяхъ. См. „Кіев. Вѣсти", 23 октября).

Отъ столь милаго юноши, разумѣется, «надо бы двери на запоръ». Но онъ вдругъ «раскрылъ» и «предупредилъ» заговоръ на жизнь исправника, раскрылъ заговоръ на жизнь слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Манжевскаго, раскрылъ какой-то списокъ лицъ, «тянувшихъ жребій» съ цѣлью опредѣлить, кто долженъ убить Манжевскаго, раскрылъ списки «анархистовъ», разсылавшихъ по городу угрожающія и вымогательскія письма, раскрылъ «соціалистовъ», раскрылъ просто неблагонадежныхъ, — много кой-чего раскрылъ... Судите сами, можно ли было человѣка такихъ талантовъ и такой предпріимчивости не принять на полицейскую службу? Конечно, онъ былъ принятъ, сталъ околоточнымъ; затѣмъ «въ темной аллеѣ городского сада» какіе-то неизвѣстные

злоумышленники покушались на его жизнь. Это сразу выдвинуло Лаговскаго; на него посыпались поощренія начальства; его назначили полицейскимъ приставомъ губернскаго города. Чѣмъ же мы виноваты, что Лаговскаго пришлось неожиданно арестовать и посадить въ тюрьму?

Видите ли, сначала «обнаружилось, что Лаговскій, производя обыски, подбрасываетъ вещественныя улики»; затѣмъ возникло подозрѣніе, что онъ самъ фабрикуетъ бомбы, находимыя у «анархистовъ», самъ сочиняетъ и разсылаетъ вымогательскія письма отъ имени тѣхъ же «анархистовъ», самъ «организовалъ», раскрылъ и предупредилъ покушенія на исправника и на слѣдователя, самъ покушался на собственную жизнь... Словомъ, совершенно запугалъ начальство. И когда Лаговскаго арестовали, «въ Лубнахъ наступило успокоеніе. Исправникъ сталъ ходить по улицамъ безъ охраны. Сняли караулъ возлѣ квартиры судебнаго слѣдователя Манжевскаго. Не слышно ни объ обыскахъ, ни объ арестахъ. Революція утихла». Сверхъ того, Лаговскаго обвиняютъ въ истязаніяхъ и пыткахъ арестованныхъ на допросѣ, въ служебныхъ подлогахъ *)... Многообѣщавшій юноша многое и совершилъ. Обстоятельство—опять таки—очень прискорбное. Но можно ли придавать этимъ недочетамъ механизма рѣшающее значеніе? Не слѣдуетъ ли о нихъ разсуждать такъ, какъ всѣ мы разсуждаемъ, напр., о ножѣ:

— Конечно, ножъ—оружіе опасное и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вредное. И ближняго имъ можно зарѣзать, и самому зарѣзаться, но, съ другой стороны, ножъ столь необходимъ, что...

Да, право: «кого хочу—того и запишу» ведетъ къ опаснымъ послѣдствіямъ. Можно предположить, что малоекатериновскій жандармъ Агуловъ «записывалъ», такъ сказать, добросовѣстно, съ единственною цѣлью—«представить начальству». Лаговскій, по словамъ газетъ, имѣлъ уже иную основную цѣль—запугать и обмануть начальство и тѣмъ сдѣлать себѣ карьеру, Возможно, что у него были еще и побочныя цѣли. Вонъ «Кіевскія Вѣсти» пишутъ, что нѣкоторые студенты, «записанные Лаговскимъ», даже теперь, когда продѣлки этого милаго юноши обнаружились, не могутъ получить свидѣтельство о благонадежности. Возможно, что Лаговскій, не только карьеру дѣлалъ, но и мстилъ—школьнымъ товарищамъ, которые въ гимназіи требовали его удаленія, членамъ родительскаго комитета, которые настаивали на его исключеніи за безнравственность... Возможны и болѣе скандальныя злоупотребленія. Тотъ же, напримѣръ, «мелкій воръ изъ Одессы Владиміръ Мардеръ» предоставленное ему право: «кого захочу — того и запишу» обрушилъ на купцовъ и даже таксу установилъ: который купецъ

---

*) Свѣдѣнія о дѣлѣ Лаговскаго заимствую изъ слѣдующихъ газетъ: „Сѣверъ", 25 октября, „Кіевскія Вѣсти", 23 и 28 октября, 6 и 20 ноября.

50 рублей заплатитъ, тотъ и не «записывается» [1]). Трое околоточныхъ въ Кіевѣ, между прочимъ, предъявили (правда, въ пьяномъ видѣ) это право къ прислугѣ «Петербургской» гостиницы и потребовали иной платы: допустить въ номера, занятые дамами [2]). Агентъ варшавской охранной полиціи Пітучкинъ, пользуясь тѣмъ же правомъ, 3 года занимался вымогательствомъ и составилъ за это время однихъ только сбереженій около 40.000 р. [3]). «Какой-то Милобендзскій въ Варшавѣ, содержатель тайной конторы для сводничества и проституціи», оказался обладателемъ того же права ужъ совершенно неизвѣстно на какомъ основаніи: нѣкоему человѣку Милобендзскій долженъ былъ уплатить 500 р., а такъ какъ «содержатель тайной конторы» платить не хотѣлъ, то онъ «записалъ» этого непріятнаго человѣка, и послѣдній просидѣлъ 3 мѣсяца, хотя у него «при обыскѣ ничего найдено не было» [4]). Какой-то кіевскій сутенеръ Бланкманъ—тоже Богъ вѣсть почему—оказался владѣльцемъ права «записывать» и на этомъ основаніи принудилъ пріѣзжую дѣвушку «вступить съ нимъ въ связь... заняться проституціей», отобралъ ея вещи, и когда она ему «надоѣла», онъ все таки «записалъ» ее [5]). Даже прогнанный за пьянство сторожъ астраханскаго общества приказчиковъ Григорій Трофимовъ и тотъ оказался обладателемъ этого страшнаго права,—мало того: онъ предъявилъ, требуя выкупа, это право оффиціально, въ присутствіи полиціи, и въ присутствіи полиціи осуществилъ, когда въ выкупѣ было отказано... Позвольте остановиться вкратцѣ на этой астраханской исторіи,—мелкой, но характерной.

Григорія Трофимова, видите ли, уволили. И онъ потребовалъ отъ двухъ членовъ правленія общества 200 р. А на вопросъ: за что, отвѣтилъ: а вотъ за то самое, что иначе я все ваше общество закрою. Трофимова пригласили въ правленіе. Пригласили также помощника полицейскаго пристава. Трофимовъ въ присутствіи полиціи повторилъ свое вымогательство. Помощникъ пристава составилъ протоколъ. А черезъ часъ явился снова въ правленіе, но уже съ полицеймейстеромъ и съ предписаніемъ жандармскаго полковника: произвести обыскъ. Обыскъ производился по указанію того же Григорія Трофимова. Григорій Трофимовъ вытащилъ изъ-за шкафа, «стоящаго задней стѣной къ окну комнаты сторожа», «нѣсколько брошюръ и журналовъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ»; оба «записанные» имъ, но не уплатившіе 200 р., члена правленія были арестованы; на ихъ квартирахъ «произведенъ тщательный обыскъ» [6])...

---

[1]) „Кіев. Вѣсти", 6 ноября.
[1]) „Русское Слово", 17 октября.
[2]) „Южная Заря", № 734.
[3]) „Сѣверо-Западный Голосъ", 8 ноября.
[4]) „Саратовскій Листокъ", 16 ноября.
[5]) „Кіевскія Вѣсти", 19 ноября.
[6]) „Кіевскія Вѣсти", 21 сентября.

«Мы» понимаемъ, да и нельзя не понимать, что стремленіе проникать въ сокровенную глубь вещей можетъ вести и дѣйствительно ведетъ къ послѣдствіямъ угнетающаго свойства. Мы знаемъ, что для промысла на этой почвѣ не надо даже быть «агентомъ полиціи». Достаточно просто быть негодяемъ. Любой сутенеръ, мошенникъ, червонный валетъ въ любую минуту можетъ васъ «записать» и «представить», куда слѣдуетъ, единственно на томъ основаніи, что, во-первыхъ, это ему не стыдно, а во-вторыхъ, выгодно. И поелику гнусностью промышляютъ по преимуществу гнуснецы, то получается нѣчто въ родѣ клептократіи, если такъ можно выразиться, получается господство негодныхъ элементовъ общества надъ всѣмъ, что есть въ этомъ обществѣ честнаго и порядочнаго. Да, мы понимаемъ тѣхъ почетныхъ гражданъ Тифлиса, которые отвѣтили генералъ-губернатору на требованіе отпустить немедленно для усиленія полиціи 250.000 р., вмѣсто 100 тысячъ:

Полицейскія мѣры въ Тифлисѣ оказались совершенно безсильными прекратить преступныя посягательства на жизнь и имущество горожанъ. Наоборотъ, военное положеніе и репрессіи являются главнымъ источникомъ, создающимъ указанныя преступленія *).

Такъ отвѣтили сначала «15 почетныхъ гражданъ», приглашенныхъ генералъ-губернаторомъ. Такой же отвѣтъ дало и созванное имъ «многочисленное собраніе»:

Всѣ ораторы, за исключеніемъ двухъ, указывали, что тратить деньги на полицію безцѣльно... что почва для преступности создается тѣми невыносимыми условіями, въ которыя населеніе города поставлено военнымъ положеніемъ **)

Да, мы понимаемъ, что со стороны обывателя это—не «теорія», не повтореніе «либеральныхъ фразъ» съ чужого голоса. Конечно, словами тифлисскихъ гражданъ формулируется выводъ, такъ сказать, житейскій, бытовой, строго основанный на фактахъ. Конечно, чрезвычайныя мѣры «охраны» сами по себѣ даютъ просторъ худшимъ, негоднымъ элементамъ общества. Намъ нечего доказывать, что чрезвычайныя полномочія сами по себѣ представляютъ такой соблазнъ для «агентовъ власти», передъ которымъ трудно устоять даже порядочному человѣку, стоящему гораздо выше средняго полицейскаго уровня. Повѣрьте, намъ извѣстно, какъ отражается система повальнаго, перекрестнаго шпіонства и сыска въ нѣдрахъ самой администраціи. Конечно, и здѣсь въ наиболѣе выгодномъ положеніи оказываются люди, которымъ ничего не стоитъ оболгать, оклеветать, учинить подлогъ, смошенничать; и здѣсь система перекрестнаго шпіонства обезоруживаетъ наиболѣе совѣстливыхъ, наименѣе способныхъ прибѣгать къ непозволительнымъ средствамъ

*) „Кіевская Мысль", 12 октября.
**) Ibid.

Но, господа, припомните еще разъ: вѣдь и ножемъ можно зарѣзаться и ближняго зарѣзать, однако...

Критиковать и подмѣчать слабыя стороны легко... Знаемъ, что получается клептократія. Но какъ же иначе-то? Кто отрицаетъ, что право: «кого хочу—того и запишу» есть во всѣхъ отношеніяхъ опасное и даже страшное право? А съ другой стороны,—что же дѣлать, если это право есть необходимость, отъ которой мы никакимъ образомъ не можемъ отказаться?

III.

Да, мы должны были это право подкрѣплять, сохраняя повсемѣстно исключительныя положенія. И при нынѣшнемъ противоправительственномъ, требующемъ неослабнаго надзора направленіи обывательскихъ умовъ мы не можемъ отъ него отказаться. Пусть каждый «кого хочетъ, того и записываетъ»,—въ концѣ концовъ, это наилучшая гарантія, что серьезная опасность будетъ замѣчена во время. И—увы!—намъ необходимо сохранить эту наилучшую гарантію въ виду предположеній на будущее. Сохранить, а быть можетъ, и усугубить.

Предположенія на будущее въ ихъ общей и принципіальной постановкѣ давно уже не составляютъ секрета. Не даромъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» на основаніи уже той позиціи, какую заняло правительство, а за нимъ и «думское большинство» относительно «закона 9 ноября», предсказывали неизбѣжность дальнѣйшихъ шаговъ весьма опредѣленнаго свойства:

Становясь въ ряды сторонниковъ Гурко по вопросу о землѣ,—писала названная газета,—они (октябристы) по неволѣ должны будутъ вмѣстѣ съ одобреніемъ закона 9 ноября одобрить и сословный строй, и дворянскія привилегіи, и аристократическую тенденцію новаго режима.. Они должны будутъ, если не de jure, то de facto, стать въ ряды объединеннаго дворянства и слѣдовать за ними въ вопросахъ не одной экономики... Изъ брички г. Гурко имъ (октябристамъ) не удастся выскочить до полной остановки ея. А остановка эта... угадайте, гдѣ она предположена (цитирую по „Смол. Вѣстн.», 11 ноября)

Теперь уже конкретно выяснилось, что «думское большинство» прямолинейнѣе правительства «одобряетъ» предложенный г. Гурко способъ обезземелить болѣе или менѣе значительную часть крестьянства въ интересахъ аристократической тенденціи». Сколько извѣстно, Гурко предлагалъ общины, въ которыхъ 24 года не было передѣловъ, объявить перешедшими «къ наслѣдственно-подворному владѣнію». Г. Столыпинъ не рѣшился принять этотъ пунктъ. Закрѣпить такимъ способомъ за дворами обычныя крестьянскія «полоски», разбросанныя часто на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, полоски, къ которымъ безъ разрѣшенія владѣльцевъ сосѣднихъ полосокъ и по-

дойти нельзя, значило бы ужъ слишкомъ неумѣренно обезцѣнить надѣльную землю, слишкомъ неумѣренно поощрить ея распродажу, слишкомъ круто создавать кадры безземельныхъ, дешевыхъ рабочихъ и тѣхъ «фермеровъ» арендаторовъ помѣщичьей земли, о которыхъ я писалъ въ ноябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства». Г. Столыпинъ смутился и не рѣшился. Дума 3 іюня не смутилась и рѣшилась. Пунктъ, предлагаемый г. Гурко, принятъ, какъ дополненіе къ закону 9 ноября. Этотъ законъ и въ правительственной его постановкѣ отводитъ вполнѣ опредѣленную роль и массѣ, слабой, обреченной на обезземеленіе, и хищникамъ, забравшимъ по тѣмъ или инымъ причинамъ силу. Въ концѣ концовъ даже г. Столыпинъ въ своей думской рѣчи 5 декабря долженъ былъ признать, что его цѣль: «имѣть въ виду разумныхъ и сильныхъ, а не пьяныхъ и слабыхъ». Развивая эту мысль, «Новое Время» собственно лишь поставило точку надъ, заявивъ, что «хищникъ» есть «хозяинъ», тогда какъ «огромное большинство рождается работникомъ». И естественное состояніе «огромнаго большинства»—быть «батракомъ». А съ «батраками», съ нынѣшнимъ и будущимъ пролетаріатомъ «государству нужно вести себя, какъ съ опасностью—не давать ей пищи... Мѣшать имъ вырождаться и вымирать—грѣхъ передъ природой» (Цит. по «Рѣчи», 7 декабря). Послѣдствія на этомъ пути столь ясны, что даже «С.-Петербургскія Вѣдомости» пишутъ:

Новый законъ, если его немедля же не подкрѣпитъ другой законъ о малоземельныхъ, можетъ вызвать взрывъ долго сдерживаемаго чувства горечи и обиды (Цит. по „Рѣчи", 3 декабря).

Членъ союза русскаго народа, екатеринославскій депутатъ Образцовъ въ самой Думѣ высказывался болѣе опредѣленно:

Этотъ законъ... содержитъ въ себѣ достаточно гремучаго газа для того, чтобы взорвать всю Россію... Что мы дѣлаемъ и куда мы идемъ!. Уже теперь образовался милліонный пролетаріатъ... Вотъ вамъ новый комплектъ безземельныхъ крестьянъ... Какіе заработки готовитъ правительство (новому) милліонному пролетаріату... на что оно разсчитываетъ! („Рѣчь", 2 декабря).

Я беру лишь отрывки изъ рѣчи г. Образцова, видимо не смекнувшаго еще, для чего понадобились «новые милліоны безземельныхъ». Г. Образцовъ (какъ и «С.-Пет. Вѣд.») догадался лишь, что процессъ массоваго обезземеленія не можетъ протекать спокойно. «Взорветъ» онъ Россію или не «взорветъ», но безъ лихорадочнаго повышенія температуры, и безъ того достаточно высокой нынѣ среди крестьянства, дѣло едва ли обойдется. Между тѣмъ, законъ 9 ноября съ думскими дополненіями къ нему—только одинъ изъ путей, которыми «аристократическая тенденція режима» идетъ на «огромное большинство», долженствующее превратиться въ «фермеровъ», или, по терминологіи «Новаго Времени», въ «батраковъ».

Есть еще другой путь, пролагаемый, между прочимъ, выработаннымъ правительствомъ «Положеніемъ о волостномъ управленіи». «Голосъ Москвы» горячо привѣтствуетъ этотъ проектъ:

Конституціонный строй—писала эта газета думскаго большинства—(когда законопроектъ правительства будетъ осуществленъ) пускаетъ глубокіе корни въ народѣ, которые должны будутъ черпать живительные и растительные соки въ гущѣ народной жизни и передавать ихъ вверхъ по стволу, питая дерево представительнаго строя („Голосъ Москвы", 11 ноября).

Восторгъ не безосновательный. Начать съ того, что въ проектируемыя волостныя собранія «владѣльцы экономій, обладающіе полнымъ земскимъ цензомъ, входятъ въ число волостныхъ гласныхъ безъ выбора». Это—гласные ex officio, по праву землевладѣнія. Количество остальныхъ гласныхъ «уѣздный совѣтъ», о которомъ ниже, распредѣляетъ между двумя куріями «на каждой избирательный срокъ». Первую курію составляютъ «земельныя общества и поземельныя товарищества», вторую—«частные владѣльцы, представители казны, удѣловъ, церквей и т. д.», а также и «лица, владѣющія цензомъ, дающимъ право на вступленіе въ число гласныхъ безъ выборовъ». Т. е. «владѣльцы экономій» не лишены возможности подбирать гласныхъ 2-ой куріи по своему вкусу. Волостное собраніе избираетъ: «старшину, его помощниковъ, кандидатовъ къ нему и т. д.». Они утверждаются въ должности «участковымъ начальникомъ». «Волостной старшина есть *предсѣдатель собраній*, исполнитель ихъ постановленій, именуемыхъ приговорами; вмѣстѣ со своими помощниками, онъ составляетъ волостную управу, на подобіе земской управы» *). И какъ-то даже странно было бы посадить въ предсѣдатели «мужика» тамъ, куда «владѣльцы экономій» входятъ «гласными безъ выбора». Во всякомъ случаѣ, если бы и палъ выборъ на мужика, власть утверждать и надзирать предоставлена «участковымъ коммиссарамъ» **).

Къ этимъ послѣднимъ переходятъ—по другому правительственному проекту объ участковыхъ начальникахъ — обязанности нынѣшнихъ земскихъ начальниковъ, правда, безъ «судебныхъ функцій», но съ правомъ налагать «дисциплинарныя взысканія». Участковые начальники назначаются «предпочтительно изъ лицъ, владѣющихъ въ предѣлахъ уѣзда въ теченіе не менѣе года земельною собственностью». Наконецъ, за «волостными управленіями» «надзираетъ» еще «уѣздный совѣтъ», предусмотрѣнный третьимъ правительственнымъ законопроектомъ — «объ уѣздномъ управленіи». Въ составъ уѣзднаго совѣта входятъ: во-первыхъ, «уѣздный начальникъ» (что то въ родѣ «хозяина» уѣзда), его 2 помощника (одинъ по полицейской, другой по административной части),

*) „Голосъ Москвы", 11 ноября.
**) „Смоленскій Вѣстникъ", 15 ноября.

уѣздный членъ окружнаго суда, товарищъ прокурора, податной инспекторъ,—итого 6 «чиновниковъ;» во-вторыхъ, одинъ членъ «по выбору отъ городскихъ самоуправленій» и, въ третьихъ, предводитель дворянства, непремѣнный членъ землеустроительной коммиссіи, предсѣдатель земской управы, членъ по выбору отъ земскаго собранія и, кромѣ этихъ 4, «всѣ участковые начальники». Большинство за интересами «помѣстнаго сословія» крѣпко обезпечено. И сверхъ того уѣздный начальникъ назначается предпочтительно изъ лицъ, бывшихъ вицегубернаторами, предводителями дворянства и другими подобными защитниками все того же помѣстнаго сословія. Говоря коротко, «хозяева» Думы и «хозяева» земства хотятъ также стать хозяевами уѣздной полиціи и администраціи и хозяевами волости. Размахъ героическій. Но вѣдь и задача героическая: какими, скажите, другими средствами можно обезпечить оскудѣвшему, обанкротившемуся соціальному слою матеріальное благополучіе и политическое господство во враждебной этому слою странѣ? «С-Петербургскія Вѣдомости» находятъ, что однихъ только аграрныхъ предначертаній думскаго большинства вполнѣ достаточно, чтобы «вызвать взрывъ долгосдерживаемаго чувства крестьянской горечи и обиды». Ну, а если, сверхъ аграрныхъ предначертаній, думское большинство преподнесетъ мужикамъ еще и эту «реформу мѣстнаго управленія?»

А затѣмъ,—предполагается - вѣдь сдѣлать неизбѣжнымъ лихорадочное повышеніе температуры не только среди крестьянства. На очередь ставится, между прочимъ, и «пересмотръ указовъ о вѣротерпимости», согласно указаніямъ объ опасности ихъ, сдѣланнымъ на кіевскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ органы «правительственнаго думскаго большинства» весьма рѣзко полемизировали съ этимъ съѣздомъ. Но къ открытію нынѣшней думской сессіи они стали замѣтно уступчивѣе. Мнѣ уже приходилось отмѣчать, какъ «Голосъ Москвы» соображеніями о недопустимости «безбожія» расчищаетъ почву для соглашеній съ миссіонерскимъ вѣдомствомъ. Нынѣ названная газета выдвинула взглядъ, что Россія государство христіанское, а не юридическое, спеціально противъ исповѣдныхъ вольностей. «Угадайте, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ предположена остановка «брички г. Гурко»? Несомнѣнно лишь, что нѣкоторые сюрпризы для иновѣрныхъ и инославныхъ готовятся. И надо готовиться къ нѣкоторому повышенію температуры среди инославнаго и иновѣрнаго міра.

Готовятся, далѣе, новыя испытанія для печати; готовятся сюрпризы для разныхъ группъ населенія,—и уже одно рѣшеніе думскаго большинства закрыть порто-франко на Дальнемъ Востокѣ, безъ разсчета и соображенія, насколько это ударитъ по тамошнему чиновничеству, по дальне-восточнымъ казакамъ и переселенцамъ, уже одно это, говорю, рѣшеніе свидѣтельствуетъ, что «бричка-Гурко» способна далеко помчаться. Такъ или иначе задѣваются

за живое огромные и разнообразные слои населенія. Повышенія температуры нельзя не опасаться. А при такихъ перспективахъ, судите сами, можемъ ли мы хоть сколько-нибудь уйти отъ основного права администраціи высшей и низшей:

— «Кого захочу, того и запишу»?

Поймите, у насъ нѣтъ никакихъ внѣшнихъ, формально уловимыхъ признаковъ, по которымъ можно отличить опасное отъ неопаснаго, неблагонадежное отъ благонадежнаго. Мы вотъ говоримъ: «объединенное дворянство», «интересы дворянскаго оскудѣнія». И, несомнѣнно, дворянское званіе—стягъ, ручательство. А съ другой стороны—Л. Н. Толстой—дворянинъ. Родичевъ съ Милюковымъ—тоже дворяне. И Церетелли былъ дворянинъ. Мы говоримъ: «союзъ русскаго народа». И, дѣйствительно,—принадлежность къ союзу, казалось бы, достаточная гарантія. А съ другой стороны, тотъ же депутатъ Образцомъ послѣ многократныхъ, неоспоримыхъ, очевидныхъ оказательствъ благонадежности взялъ да и заговорилъ о законѣ 9 ноября. Да какъ заговорилъ,—даже понять было нельзя: не то онъ и впрямь союзникъ, не то впрямь крамольникъ. Или вонъ саратовскій протоіорей Кречетовичъ,—тотъ самый, который по случаю толстовскаго юбилея городскую думу въ Саратовѣ своими рѣчами и возмутилъ, и разогналъ. Онъ и союзникъ, и къ начальству почтителенъ, и Толстого анаѳемѣ предалъ и стоитъ горою за православіе и самодержавіе. Ему, какъ путному, разрѣшили прочесть лекцію на тему: «Библія и аграрный вопросъ». А онъ и началъ проповѣдывать: «Земля Божья. Её нельзя отдавать въ частную собственность» *). И что всего хуже,—онъ, повидимому, искренно убѣжденъ, что этотъ призывъ къ уничтоженію правъ частной собственности на землю логически вытекаетъ изъ анаѳемы Толстому, изъ православія и самодержавія. Онъ просто мыслитъ какими-то неисповѣдимыми путями, и никто не можетъ предсказать, какой выводъ у него получится изъ его посылокъ. Когда о. Кречетовичъ возглашаетъ: «Святѣйшему синоду многая лѣта», кажется, что онъ—нашъ, совсѣмъ нашъ. А между тѣмъ у него изъ многолѣтія святѣйшему синоду выходитъ, что «земля Божья». Говорятъ, въ союзъ многіе вступили «для обмана», чтобъ отвести глаза полиціи. Но съ обманщиками легче справиться; ихъ такъ или иначе можно выслѣдить. Но что подѣлаешь съ людьми, у которыхъ, какъ у о. Кречетовича, просто есть какой-то логически непостижимый пунктъ. И вѣдь нельзя поручиться, что такого пункта нѣтъ у каждаго въ отдѣльности взятаго «агента власти», даже у самого жандарма Агулова. Агуловъ во всѣхъ отношеніяхъ исправный служака, начальству преданъ, наблюдаетъ и «записываетъ» неукоснительно. Но, какъ знать, быть можетъ, и у него мысль совершаетъ свои круги неисповѣдимыми путями. Придетъ

*) „Саратов. Листокъ", № 236.

Агуловъ, примѣрно, въ деревню Маломарьевку; тамъ мужики разсуждаютъ: «земля Божья». А онъ не только никого не запишетъ, но и умилится:

— Правильно, дескать. Это по-Божьему. Хорошая деревня. Спокойная.

Пойдетъ Агуловъ въ Малоивановку; тамъ мужики на земскаго начальника жалобу пишутъ:

— Ага, бунтъ, революція... А вотъ я васъ, голубчики запишу,— будете знать...

Я беру случай гипотетическій. Но онъ возможенъ. Скажу больше: такіе случаи бывали. Мы живемъ въ такое сумбурное время и при такихъ сумбурныхъ обстоятельствахъ, когда не только Кречетовичи съ Агуловыми, но и г.г. Столыпинъ съ Гучковымъ не знаютъ, что у нихъ выйдетъ завтра изъ того, что они дѣлаютъ сегодня. Поступать-то они поступаютъ, а что къ чему ведетъ, этого имъ знать навѣрняка не дано. И намъ одно остается: никому и ничему не довѣрять, за всѣми и каждымъ неукоснительно наблюдать. И вообще, и въ особенности по причинѣ предположеннаго при посредствѣ Думы натиска, намъ жизненно необходима система перекрестнаго шпіонства. И надо имѣть мужество, чтобы провозгласить вслѣдъ за г. Пуришкевичемъ съ «думской каѳедры»:

— Да, я занимаюсь сыскомъ и горжусь этимъ *).

И не пугайте насъ ужасами клептократіи. Мы сами знаемъ, что данная система ведетъ не только къ господству мошенниковъ надъ честными людьми, но и къ безсилію администраціи справиться съ ея нормальными обязанностями. И вотъ, если хотите, одинъ изъ яркихъ примѣровъ этого безсилія. Въ Черниговской губерніи уже около 10 мѣсяцевъ «гуляетъ» «шайка разбойниковъ атамана Савицкаго». И приказы изъ Петербурга были: непремѣнно Савицкаго поймать. И губернаторъ по этому случаю даже хворалъ. И помѣщики напуганы такъ, что многіе повыѣхали изъ имѣній въ города. И «вся полиція мобилизована». И сыщики командированы. И награда въ 1000 рублей за голову Савицкаго обѣщана. И все-таки,—администрація при самомъ крайнемъ напряженіи своихъ рессурсовъ больше полугода демонстрируетъ передъ всею губерніей свое безсиліе. Изъ газетъ извѣстно, что Савицкій молодой человѣкъ. Его исключили изъ Новозыбковскаго реальнаго училища. И, какъ многіе юноши въ наше время, рѣшилъ объявить борьбу «режиму» на смерть. Но въ образецъ онъ взялъ не современныхъ максималистовъ, а пушкинскаго Дубровскаго. Газетныхъ свѣдѣній объ этомъ новомъ Дубровскомъ и его шайкѣ передавать не буду. Но нѣкоторыми частными сообщеніями, полученными мною отъ мѣстныхъ людей, позволю себѣ подѣлиться съ читателями.

Силы мобилизованы. Савицкаго ловятъ. «Лазутчики» доносятъ,

*) Засѣданіе Думы 3 декабря.

что Савицкій въ Березномъ,—хочетъ напасть на тамошній Домницкій монастырь. Колонны стягиваются въ Березное. Полиція приказываетъ въ случаѣ появленія Савицкаго ночью звонить въ набатъ. Старшина (въ Березномъ—волость) протестуетъ. Крамола, сопротивленіе властямъ, подрываніе престижа. Полицейскій надзиратель немедленно приступаетъ къ проникновенію въ сокровенную глубь вещей. Но въ концѣ концовъ пришлось установить, что въ старшинѣ никакой сокровенной глуби нѣтъ, а есть лишь совершенно резонное соображеніе:

— Развѣ можно звонить въ набатъ, да еще въ ночное время? Вѣдь, если вы зазвоните, наши мужики выбѣгутъ, а вы станете въ нихъ стрѣлять. Нашихъ мужиковъ вы перестрѣляете и переловите, а разбойники межъ тѣмъ уйдутъ.

Пока полицейскій надзиратель изслѣдовалъ сокровенную глубину и пререкался о престижѣ власти, Савицкій, можетъ быть, и около былъ, да весь вышелъ.

— Если бы, — добавляетъ мой корреспондентъ,—наша полиція привыкла соображать о послѣдствіяхъ своихъ шаговъ и объ отвѣтственности за нихъ, то и приказа звонить въ набатъ не было бы. А такъ какъ у нея, наоборотъ, укоренилась привычка дѣйствовать безъ соображенія, съ размаха, по вдохновенію минуты, то и вышла одна непріятность и потеря времени.

Тотъ же надзиратель, «по вдохновенію минуты», сообразилъ, что Савицкій долженъ быть непремѣнно въ парикѣ. Задача обрисовалась просто: найти человѣка, у котораго волосы похожи на парикъ. Нашелъ, подкрался, схватилъ за волосы. Надзиратель тащитъ, человѣкъ благимъ матомъ кричитъ. И опять чинъ полиціи, изслѣдуя принятымъ методомъ сокровенную глубину, вмѣсто глубины наткнулся на обыкновеннаго мужика, ни къ какому дѣлу не причиннаго. Убѣждали этого мужика жаловаться. Онъ только рукой махнулъ: «Слава Богу, говоритъ, что не пристрѣлили по ошибкѣ».

— Все горе этого надзирателя,—добавляетъ мой корреспондентъ,— что онъ каждаго прохожаго можетъ за волосы схватить. Если бы у него такого права не было, онъ все-таки подумалъ бы, на какомъ основаніи можно хватать. А подумавши, можетъ быть, и придумалъ бы что-нибудь болѣе цѣлесообразное.

Базаръ въ с. Сновскѣ. Полицейскій чинъ Богъ вѣсть на какомъ основаніи хватаетъ какого-то мимоходящаго за волосы: «Стой, ты что за человѣкъ?» Тотъ блѣднѣетъ, разѣваетъ ротъ, трясется, но молчитъ... Дѣло видимое. По базару несется крикъ: «Савицкаго поймали!» Дѣйствительно, ведутъ «блѣднаго, какъ смерть», человѣка; кругомъ стражники съ винтовками, съ саблями на-голо. Раздаются голоса:

— Братцы, да это нашъ Артемъ.
— Стой, кто говоритъ: Артемъ? Вы что за люди?..

— Да мы-жъ сѣдневцы. Изъ села Сѣднева. Чеботари мы. И Артемъ этотъ нашъ, тожъ чеботаритъ.

— А почему онъ молчитъ?

— Да онъ у насъ занка, ваше благородіе. А тутъ страсть такая. Не то что у занки, а и у рѣчистаго языкъ отымется...

Затѣмъ мужики начинаютъ смѣяться надъ стражниками:

— Эхъ, вы, чеботаря отъ Савицкаго не отличили!..

— Толкуй! Не отличили... Отличить-то мы очень даже можемъ. А только былъ у насъ въ рукахъ Савицкій, да вышелъ-то Артемъ. Ты про мороку-то слыхалъ? Она самая тутъ и есть. Понялъ теперь?

И увы! Среди «низшихъ агентовъ власти» начинаетъ гулять легенда: «Сила такая въ немъ—и ничего ты съ нимъ не подѣлаешь. Имъ-то тамъ хорошо приказывать—поймай... А какъ ты его поймаешь, ежели онъ въ одну минуту обернется и тебя же въ дуракахъ оставитъ». «Право хватать каждаго мимоходящаго за волосы» превратилось въ источникъ непослушанія и дезорганизаціи. Въ этомъ безсиліи, вытекающемъ изъ чрезмѣрнаго обилія правъ, столько комическаго, что даже чиновные люди, даже губернскаго города, невольно впадаютъ въ юмористическую точку зрѣнія:

„Савицкій написалъ Родіонову *): Ты или я, но двоимъ намъ нѣтъ мѣста въ Черниговской губерніи".

Такова, между прочимъ, одна изъ популярныхъ въ Черниговѣ «великосвѣтскихъ» шутокъ по случаю погони за Савицкимъ. Пока же «великосвѣтскій» Черниговъ шутитъ, на низшихъ ступеняхъ полицейской лѣстницы, какъ пишутъ мнѣ, изъ комизма безсилія выростаетъ «критика», и такіе, примѣрно, серьезные разговоры:

— Что-жъ Савицкій... Пановъ онъ, дѣйствительно, грабитъ. А мужикамъ—первый помощникъ. Голодаетъ деревня—у Савицкаго отказа нѣтъ. На. Сколько у него есть денегъ, всѣ отдастъ. Подати нечѣмъ платить—опять-таки у Савицкаго отказа нѣтъ—на... Нашего брата, полицейскаго, онъ, точно, не милуетъ. Однако и нашихъ, которые попроще да зря не лѣзутъ, не обижаетъ. А при случаѣ, говорятъ, и нашимъ которымъ помогаетъ. И не то что за взятку. А такъ. По душѣ. На, говоритъ,—надо и вамъ тожъ жить...

Вотъ оно какъ далеко, до какихъ разлагающихъ административный механизмъ предѣловъ ведетъ система «чрезвычайныхъ охранъ». Съ точки зрѣнія защитниковъ программы «объединеннаго дворянства» это гораздо страшнѣе, чѣмъ клептократія. И все-таки мы не можемъ отказаться отъ этой системы. При данномъ состояніи страны, при данныхъ предположеніяхъ на будущее сохраненіе права «записывать», а въ случаѣ надобности и «тащить за волосы», кого вздумается, есть вопросъ жизненной необходимости. И если мы тѣмъ не менѣе производимъ шумъ сенаторскими ревизіями, разоблаченіями, преданіями суду, то...

*) Губернатору.

Впрочемъ, и въ самомъ дѣлѣ, почему собственно «мы шумимъ»? Существуетъ упрощенное объясненіе, основанное на фактѣ междоусобной и, повидимому, непримиримой борьбы двухъ «партій»: дубровинцевъ и столыпинцевъ. Объ этой борьбѣ и даже о нѣкоторыхъ шансахъ г. Дубровина одержать побѣду надъ г. Столыпинымъ въ прошлую сессію говорилось, между прочимъ, и съ «думской трибуны». Борьба «партій» въ центрѣ и при томъ съ колебаніемъ шансовъ то въ одну, то въ другую сторону, естественно отражается и въ провинціи. Недавнее «междоусобіе» саратовскаго губернатора (столыпинца) съ саратовскимъ же епископомъ Гермогеномъ (дубровинцемъ) приняло даже формы, давшія благодарный матеріалъ фельетонистамъ. Изъ другихъ пунктовъ можно указать, напримѣръ, Екатеринославъ. Здѣсь дубровинцы имѣютъ опору въ лицѣ вице-губернатора г. Шильднеръ-Шульднера, который идетъ рука объ руку съ союзниками, выступаетъ на ихъ торжествахъ и даже произноситъ на союзническихъ собраніяхъ агитаціонныя рѣчи, призывая всѣхъ русскихъ людей ополчиться на брань «съ космополитической смутой» во имя «русской національной государственности» *). Губернаторъ г. Клингенбергъ, наоборотъ, страдаетъ даже слабостью произносить либеральныя фразы. И недавно его замѣчаніе, что сильная власть разрѣшаетъ собранія, а слабая запрещаетъ, обошло многія газеты, какъ столичныя, такъ и провинціальныя. Разладъ между обоими представителями власти доходитъ до полемическихъ нотъ въ оффиціальныхъ приказахъ. Впрочемъ, никакой бѣды отъ этого нѣтъ, а польза, несомнѣнно, есть. При системѣ всеобщаго и перекрестнаго надзора такъ оно и нужно, чтобы каждый человѣкъ, хотя бы и губернаторъ, хотя бы даже самъ министръ, находился подъ наблюденіемъ ока, живо заинтересованнаго въ томъ, чтобъ не дремать. А затѣмъ каждая изъ борющихся партій имѣетъ свои достоинства и свои недостатки. Дубровинецъ, конечно, безъ колебанія подпишетъ, напримѣръ, смертный приговоръ. Въ этомъ его достоинства. Но, подписавъ смертный приговоръ, дубровинецъ обыкновенно чувствуетъ потребность доказать обывателямъ, что онъ хотя и строгъ, однако, справедливъ. И поэтому, приказавъ одного упразднить, онъ, случается, приказываетъ другого помиловать. Въ этомъ затаенномъ желаніи показать, что дубровинцы не чужды человѣчности, ихъ слабость. Столыпинецъ тоже умѣетъ безъ колебанія подписать упразднительный приговоръ, но при этомъ любитъ довести до обывательскаго свѣдѣнія, что ему извѣстны общія мѣста изъ политической азбуки,—въ родѣ размышленій екатеринославскаго губернатора о сильной власти и свободѣ собраній. Это недержаніе либеральной фразы—слабость столыпинца. За то, сказавъ общее мѣсто изъ политической азбуки,

*) См., напр., „Харьковское Утро“, 7 августа.

онъ обыкновенно чувствуетъ потребность доказать начальству, что знаніе азбуки отнюдь не мѣшаетъ ему быть администраторомъ построже любого дубровинца. И, упразднивъ одного, столыпинецъ не только не помилуетъ другого, но еще прикажетъ упразднить и третьяго. Въ концѣ концовъ столыпинцы безтрепетностью превосходятъ дубровинцевъ. И въ этомъ ихъ сила. У простодушныхъ людей это житейское наблюденіе порою подкрѣпляется нѣсколько неожиданными и нѣсколько наивными ссылками на факты:

— Вотъ, молъ, г. Толмачевъ — дубровинецъ, а г. Клингенберъ — столыпинецъ; въ Екатеринославѣ за протекшій ноябрь по газетнымъ подсчетамъ 53 смертныхъ приговора и 15 смертныхъ казней, а въ Одессѣ опять-таки по газетнымъ подсчетамъ—ни одного приговора, ни одной казни *). Вотъ оно—кто платитъ за истины: «сильная власть не боится свободы собраній».

И «линія поведенія» у простодушныхъ людей выработалась соотвѣтственнымъ образомъ. Ежели начальникъ — дубровинецъ, надо ловить минуту, когда онъ только что отличился на поприщѣ упраздненія и чувствуетъ потребность примирить съ собою обывателя дѣлами милосердія. Поймавъ такую минуту, можно и благодѣяніе получить. Ежели—столыпинецъ, надо убѣгать отъ него подальше въ минуты, когда онъ только что произнесъ либеральную фразу и по этому случаю желаетъ передъ начальствомъ оправдаться.

Словомъ, сколько можно уловить различіе между дубровинцами и столыпинцами, оно состоитъ въ томъ, что первые больше склонны оправдываться передъ публикой, вторые передъ начальствомъ. Но борьба между ними непримиримая. И этою борьбою, повторяю, объясняютъ шумъ разоблаченій. Дубровинцы выдвинули Гурко. Гурко сталъ расправлять крылья и могъ бы взлетѣть высоко. Ну, его и разоблачили. Аслановъ жилъ въ ладу съ кіевскими дубровинцами. И жилъ бы. Но поссорился,—и вотъ... Дубровинцы ведутъ кампанію противъ кавказскаго намѣстника, провели въ Тифлисъ «своего человѣка» Цихоцкаго; столыпинцы увидѣли въ этомъ опасность—и вотъ... Рейнботъ-дубровинецъ имѣлъ поддержку тамъ, гдѣ дѣлается самая высшая политика; сталъ вырастать въ фигуру, ну, и вотъ... Въ этомъ объясненіи—а съ нимъ, пожалуй, можно подойти къ любой изъ нынѣшнихъ ревизій и къ любому изъ преданій суду — есть, пожалуй, доля истины. И все-таки оно, мнѣ кажется, страдаетъ нѣкоторымъ избыткомъ простодушія. На мой взглядъ, дѣло въ однихъ случаяхъ нѣсколько проще, въ другихъ нѣсколько сложнѣе. Вонъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» пишутъ, что за послѣдніе три года «приказное воровство» достигло неслыханныхъ доселѣ даже у насъ въ Россіи предѣловъ. Ну, а если въ мѣшкѣ слишкомъ много шильевъ,

*) Цифры эти заимствую изъ „Рѣчи", 3 декабря.

концы неизбѣжно станутъ вылѣзать наружу. Это въ нѣкоторомъ родѣ законъ природы, дѣйствующій независимо отъ того, «подкапываются» дубровинцы подъ столыпинцевъ, или «не подкапываются». Съ другой стороны, посадите во главу угла хоть Дубровина, хоть Столыпина, установите самымъ строжайшимъ образомъ правило, чтобы сору изъ избы не выносить, и все-таки нѣкоторые предѣлы терпимаго останутся. Когда полиція, какъ въ Тифлисѣ, начинаетъ красть дѣтей, чтобы, подъ угрозою убійства ихъ, вымогать деньги съ родителей,—воля ваша, этого сора никакими запорами въ избѣ не удержишь. Можетъ быть, ради престижа власти, и надо бы удержать. Но какъ вы удержите, когда участники этой воровской шайки настолько увѣрились въ своей неподлежности общеустановленнымъ уголовнымъ карамъ, что сами же доносятъ и обличаютъ другъ друга, подъ вліяніемъ такого, въ сущности, пустяка, какъ взаимное неудовольствіе при дѣлежѣ награбленной добычи? Тутъ даже не борьба «партій», а именно увѣренность, что разъ мы «филеры», значитъ, и наказаніе намъ будетъ наравнѣ съ крыловскою щукой,—прикажутъ «бросить въ воду»... Увы, шумъ ревизій, скандалы разоблаченій являются естественнымъ и неизбѣжнымъ дополненіемъ все той же системы безграничныхъ полномочій и всеобщаго перекрестнаго шпіонства. Эта система логически завершается тѣмъ, что мы назвали ради краткости борьбой «столыпинцевъ» съ «дубровинцами» А въ такой борьбѣ средства въ родѣ сенаторскихъ ревизій и разоблаченій неизбѣжны. Эта система слишкомъ плодитъ, слишкомъ поощряетъ «приказное воровство». А гдѣ слишкомъ много воровства, тамъ его нельзя скрыть. Эта система, наконецъ, предрасполагаетъ къ безудержности, къ эксцессамъ грабительства. А эксцессы опять-таки далеко не всегда можно скрыть.

«Кого захотѣлъ, того и записалъ». Это—норма. Ревизіи, разоблаченія, преданія суду,—неустранимо вытекающія изъ нея послѣдствія. Вы скажете: но вѣдь разъ такія послѣдствія неустранимы, намъ предстоитъ путь безпрерывныхъ скандаловъ? Да, предстоитъ. Но вѣдь это даже и въ неразоблаченномъ видѣ до нѣкоторой степени стоитъ революціонной пропаганды? Да, стоитъ, а до нѣкоторой степени даже сильнѣе дѣйствуетъ. Но вѣдь это путь дезорганизаціи всего правящаго механизма, вѣдь это путь безграничнаго углубленія пропасти между властью и страною? Да, дезорганизаціи; да, углубленія. И все-таки, несмотря на все это, отъ нормы: «кого захотѣлъ, того и записалъ» мы отказаться не можемъ. Мы должны, во что бы то ни стало, сохранить и даже усугубить эту норму, ибо этого требуетъ данное направленіе внутренней политики.

А. Петрищевъ.

Уроки прикладной соціологіи.

(По поводу послѣднихъ событій въ Германіи).

I.

Въ теченіе послѣднихъ недѣль Германія была ареной общественнаго возбужденія, которое съ такою силою лишь рѣдко обнаруживается въ цементированной «желѣзомъ и кровью» имперіи. Оно уже получило свое названіе: борьба противъ личнаго режима. Читатели, конечно, изъ газетъ знаютъ подробности событій, которыя разыгрывались въ странѣ и парламентѣ, вызывая все увеличивающееся волненіе въ различныхъ слояхъ націи. Мнѣ придется поэтому остановиться лишь на главнѣйшихъ фактахъ, въ которыхъ выражалось далеко еще не улегшееся броженіе.

Дѣло началось, какъ извѣстно, съ напечатаннаго въ номерѣ «The Daily Telegraph» отъ 15 (28 н. с.) октября интервью съ императоромъ Вильгельмомъ. Оно, подобно многимъ другимъ ораторскимъ и вообще словеснымъ «выявленіемъ» импульсивнаго главы Германіи, произвело сейчасъ же сенсацію. Но на сей разъ сенсаціонная «бесѣда», носившая многозначительное названіе «германскій императоръ и Англія (The German Emperor and England), скоро пріобрѣла успѣхъ скандала, крупнѣйшаго и вмѣстѣ курьезнѣйшаго пассажа въ области международныхъ сношеній. Вы, дѣйствительно, представьте себѣ только ясно, что въ сущности говорилъ императоръ, и какіе выводы можно было сдѣлать и изъ самаго факта царственнаго интервью, и изъ содержанія его.

Отеческое сердце Вильгельма II, видите ли, обливается кровью при видѣ того, какъ разбиваются о людское непониманіе его усилія устранить политическія недоразумѣнія между Англіей и Германіей. Въ особенности неблагодарны по отношенію къ нему англичане, не желающіе вѣрить горячимъ симпатіямъ императора къ жителямъ Великобританіи. «Вы очумѣли, словно зайцы въ мартѣ» (mad as March hares), — такъ характеризуетъ настроеніе просвѣщенныхъ мореплавателей императоръ, столь же искусившійся въ тонкостяхъ англійскаго языка, какъ и въ таинствахъ охотничьяго спорта. «Я не разъ, а десять разъ повторилъ, что я—другъ Англіи, а ваша печать, по крайней мѣрѣ значительная часть вашей печати, требуетъ, чтобы англійскій народъ оттолкнулъ протягиваемую ему мною руку, и клевещетъ, будто въ другой я держу кинжалъ». Правда,—такъ приблизительно продолжаетъ свои наліянія Вильгельмъ II,—что мнѣ трудно исполнять эту роль искренняго друга Англіи, потому что большинство низшихъ и среднихъ классовъ

«моего народа» враждебно настроено къ англичанамъ, и только «меньшинство націи, состоящее изъ лучшихъ элементовъ, слушаетъ мои слова», подобно, впрочемъ, такому же меньшинству въ Англіи. И императоръ начинаетъ перечислять свои заслуги по отношенію къ этой націи...

Несмотря на то, что общественное мнѣніе въ Германіи во время Трансваальской войны стояло на сторонѣ буровъ, онъ, Вильгельмъ II, и никто, какъ онъ, положилъ конецъ агитаціи противъ англичанъ, отказавшись принять бурскихъ делегатовъ, съ тріумфомъ встрѣчавшихся во всей Европѣ. Но и этого мало. Въ самый разгаръ войны германское правительство получило отъ Франціи и Россіи приглашеніе предъявить Англіи совмѣстное требованіе прекратить войну съ Трансваалемъ. Державы двойственнаго союза имѣли въ виду «унизить этимъ Англію, повергнуть ее въ пыль». Онъ, германскій императоръ, не только отвергъ это предложеніе, но телеграммой извѣстилъ англійскаго монарха о комплотѣ противъ его страны и о своемъ отказѣ участвовать въ такомъ планѣ. Но и это не все. Въ декабрѣ 1899 г., въ дни «черной недѣли», когда пораженіе за пораженіемъ обрушивалось на англичанъ, Вильгельмъ получилъ отъ своей «высокочтимой бабушки», королевы Великобританіи, письмо, исполненное горькихъ мыслей. Опять таки онъ, Вильгельмъ, не только немедленно же отвѣтилъ ей посланіемъ, выражающимъ его горячія симпатіи, но, не ограничиваясь этими платоническими заявленіями, составилъ, при помощи своего генеральнаго штаба, планъ кампаніи противъ буровъ и отправилъ его въ Англію. Каковой планъ,—подчеркиваетъ императоръ это «любопытное совпаденіе»,—и оказался въ общихъ чертахъ тѣмъ самымъ планомъ, который былъ проведенъ позже лордомъ Робертсомъ. Эти документальныя доказательства любви его, германскаго императора, къ Англіи, находятся въ государственныхъ архивахъ Виндзора, ожидая благопріятнаго «суда потомства».

Что касается до постояннаго увеличенія морского бюджета Германіи, то и это, понятно. Германская имперія — страна молодая, быстро развивающая свою міровую торговлю и потому нуждающаяся въ сильномъ флотѣ для защиты своихъ коммерческихъ интересовъ. Кромѣ того, не окажется ли вскорѣ Тихій океанъ ареной очень крупныхъ событій? Посмотрите,—продолжаетъ Вильгельмъ II,—«на успѣхи Японіи, на національное пробужденіе Китая». Не должна ли Германія имѣть подъ рукой могущественный флотъ для рѣшенія предстоящихъ восточно-океанскихъ «проблемъ?» И не будетъ ли «сама Англія», — многозначительно прибавляетъ императоръ,—«очень рада видѣть идущимъ бокъ-о-бокъ со своимъ нѣмецкій флотъ въ тотъ день, когда великія націи вступятъ въ грядущіе великіе дебаты» по этому міровому вопросу?

II.

Вильгельмъ II оправдывался, кромѣ того, въ своемъ интервью отъ упрековъ, которые дѣлались съ разныхъ сторонъ Германіи на ея умышленно-шумливую и будирующую политику въ марокканскихъ дѣлахъ. Но мы можемъ и не трогать этихъ хотя, въ сущности, тоже важныхъ обстоятельствъ. Уже изъ переданнаго нами вкратцѣ содержанія императорской «бесѣды» читатель въ состояніи сдѣлать заключеніе о той безпримѣрной опрометчивости, съ какой Вильгельмъ касался въ своемъ интервью самыхъ больныхъ мѣстъ международной политики. И результатъ не заставилъ себя долго ждать. Сначала большинство людей, мало-мальски интересующихся политикой въ Англіи, Германіи, Франціи и другихъ государствахъ, ждало опроверженія, полагая, что такое неслыханное интервью было цѣликомъ сочинено въ редакціи газеты, гонящейся за сенсаціонными новостями. Отзывы различныхъ органовъ печати были по этому поводу два-три дня еще довольно сдержанными, хотя въ нихъ уже звучала нота крайняго удивленія передъ смѣлостью, съ какой германскій императоръ подносилъ спичку къ пороховому погребу. Не даромъ джингоистская пресса Великобританіи сейчасъ же сдѣлала изъ интервью императора тотъ выводъ, что англичанамъ остается единственная вещь послѣ эффектныхъ изліяній Вильгельма II: это -- возможно скорѣе пустить на море еще съ полдюжины чудовищныхъ броненосцевъ типа «Дреднота». Но когда въ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» появилось оффиціальное сообщеніе о томъ, что произведшая такое возбужденіе умовъ статья заключаетъ въ себѣ изложеніе подлинныхъ взглядовъ императора, хотя въ основѣ ея лежитъ не одно интервью, а рядъ бесѣдъ Вильгельма съ различными знакомыми англичанами, то тутъ уже общественное мнѣніе широкихъ слоевъ населенія въ разныхъ странахъ дало полную волю своему возмущенію. Даже въ стоячей, таинственно-темной водѣ международнаго дипломатическаго болота, гдѣ кайманы внѣшней политики подсиживаютъ другъ друга въ интересахъ правящихъ классовъ своихъ государствъ и за счетъ трудящихся массъ, гигантскій булыжникъ, брошенный Вильгельмомъ, поднялъ великую зыбь и вызвалъ разоблаченія со стороны господъ, обыкновенно предпочитающихъ правдѣ или молчаніе, или многоглаголивую ложь.

Такъ часть французской прессы, инспирированная правительствомъ республики, отбросила обвиненіе въ козняхъ противъ Англіи обратно, заявивъ, что Франція здѣсь, во всякомъ случаѣ, ни при чемъ. Предложеніе вмѣшаться въ Трансваальскую войну было, дѣйствительно, сдѣлано, но сдѣлано Россіей, какъ Франціи, такъ и Германіи. И правительство Германской имперіи если и отказалось

отъ русскаго предложенія, то только потому, что хотѣло воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы потребовать взаимной гарантіи трехъ государствъ относительно неизмѣнности ихъ европейскихъ границъ, т. е., значитъ, добиться, въ сущности, отъ Франціи признанія франкфуртскаго договора 10-го мая 1871 года, присоединившаго къ Германіи Эльзасъ-Лотарингію. На что Франція, не питавшая при томъ никакихъ враждебныхъ чувствъ къ Англіи, пойти, конечно, не могла. Въ этомъ пунктѣ разоблаченія императора имѣли своимъ результатомъ лишь то, что германская политика была изобличена въ явной двуличности; а самъ верховный вождь 60ти-милліоннаго народа оказался въ глазахъ дипломатовъ непонимающимъ даже такого элементарнаго требованія внѣшней политики, какъ сохраненіе ввѣренной ему другими правительствами тайны.

Въ Англіи пресловутое интервью вызвало еще болѣе уничтожающій для государственныхъ способностей Вильгельма приговоръ общественнаго мнѣнія въ томъ отношеніи, что серьезный, почти трагическій характеръ крайне наивной дипломатіи императора скоро потонулъ въ комическихъ подробностяхъ дѣла. Въ странѣ, гдѣ во всѣхъ слояхъ населенія вообще, у политиковъ въ частности, задерживающіе центры функціонируютъ почти всегда очень хорошо, и гдѣ національный юморъ среди самыхъ тяжелыхъ испытаній не теряетъ своихъ правъ, за первыми моментами опасеній и негодованія ярко обрисовалась тенденція не придавать «бесѣдѣ» императора больше значенія, чѣмъ она дѣйствительно имѣетъ. Дѣлая очень прозрачный намекъ на то, что англичане никогда-бы не побѣдили буровъ, не вмѣшайся въ дѣло онъ, великій стратегъ, пришедшій со своимъ планомъ на помощь Робертсу, Вильгельмъ, несомнѣнно, больно наступилъ на «любимый» мозоль Великобританіи. Но за то, послѣ нѣсколькихъ дней негодованія на вѣнценоснаго Лоэнгрина, неосторожно оскорбившаго національное самолюбіе страны, какимъ гомерическимъ хохотомъ встрѣтилъ англійскій парламентъ, а за нимъ и весь англійскій народъ, заявленіе военнаго министра, отвѣтившаго въ палатѣ общинъ на вопросъ депутата Редмонда, нельзя-ли опубликовать полученный отъ императора Вильгельма «планъ», приблизительно такими словами: къ сожалѣнію, онъ, министръ, никоимъ образомъ не можетъ исполнить желаніе высокопочтеннаго джентльмэна—прежде всего уже потому, что, несмотря на всѣ усилія его вѣдомства отыскать знаменитый планъ въ архивахъ военнаго министерства, его вовсе не оказалось!.. Эта реплика, напоминающая знаменитый докладъ нѣкоего русскаго генерала императрицѣ Екатеринѣ II о томъ, что если онъ не могъ салютовать ей, то на то были 34 причины, изъ которыхъ первая это, что у него не имѣлось пушекъ,—остроумная реплика Хальдэна была убійственнымъ отвѣтомъ на претензіи германскаго императора играть всегда и всюду роль провидѣнія, страшнаго для враговъ, но благодѣтельнаго для друзей. Изъ нея выходило, что Вильгельмъ

не только страдаетъ гипертрофіей «я», но что онъ совершенно искренно перемѣшиваетъ Wahrheit и Dichtung, грубую дѣйствительность и поэтическое сочинительство.

Но уже очень серьезное, можно сказать, алармирующее, какъ выражаются дипломаты, дѣйствіе интервью императора произвело на дальнемъ Востокѣ и на дальнемъ Западѣ, по обѣимъ сторонамъ Великаго океана: въ Японіи, Китаѣ и вообще среди пробуждающейся къ сознательной политической жизни желтой расы; и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. До сихъ поръ традиціонной магической формулой германскаго правительства, когда ему приходилось требовать новыхъ налоговъ у своего домашняго Михеля на увеличеніе флота или успокаивать тревоги иностранныхъ державъ насчетъ безпрестаннаго роста этого самаго флота, было, что онъ нуженъ Германіи исключительно для мирныхъ цѣлей охраненія ея развивающейся торговли. И вдругъ, какъ бомба, какъ панкластитная граната, взрывается слово главнѣйшаго представителя современнаго милитаризма, что флотомъ своимъ онъ твердо намѣренъ воспользоваться для рѣшенія «проблемъ» дальняго Востока; мало того: что онъ предполагаетъ дѣйствовать заодно съ англійскимъ флотомъ; и того мало: что ему приходится поступать такъ, имѣя въ виду «успѣхи Японіи», «національное пробужденіе Китая», и т. д. Нечего говорить, какъ эти фразы, оттиснутыя пока лишь чернымъ по бѣлому на столбцахъ «Daily Telegraph», но въ сущности пахнущія кровью сотенъ тысячъ, можетъ быть, милліоновъ человѣческихъ существъ, должны были быть восприняты народами, противъ которыхъ въ зловѣще неопредѣленной, но въ то же время ясной по общему смыслу формѣ бросалъ ихъ императоръ. Что должна была подумать Японія, которая такъ ревниво слѣдитъ за движеніемъ чужихъ эскадръ въ водахъ омывающаго ея острова океана? Какія чувства долженъ былъ испытать Китай, вступившій, по словамъ самого же германскаго императора, въ полосу «національнаго возрожденія», тотъ самый Китай, который не забылъ словъ напутствія, обращенныхъ Вильгельмомъ II 27 іюля 1900 г. въ Бремергавенѣ къ отплывавшему въ восточную Азію экспедиціонному корпусу: «Пощады не давать, въ плѣнъ не брать, такъ работать оружіемъ, чтобы даже черезъ тысячу лѣтъ ни одинъ китаецъ не осмѣливался косо смотрѣть на нѣмца?» А Франція, которая дрожитъ за цѣлость своего индо-китайскаго генералъ-губернаторства? А Сѣверо-Американская республика, которая можетъ показывать отъ времени до времени зубы Ниппону, но которая не поколеблется заключить союзъ съ своимъ соперникомъ, чтобы помѣшать Европѣ превратить Тихій океанъ въ «европейскую лужу?»

III.

Но еще глубже было впечатлѣніе, произведенное интервью въ самой Германіи. Глубже, конечно, прежде всего уже потому, что дѣло касалось непосредственно всей страны, всего режима безъ различія между сферами внѣшней и внутренней политики. Ибо то, что для другихъ государствъ было сенсаціоннымъ эпизодомъ изъ исторіи международныхъ сношеній, для 60 милліоновъ подданныхъ Вильгельма II было кульминаціоннымъ вопросомъ ихъ коллективной политической жизни. Опасность «личнаго режима» (persönliche Regiment) стала ясна для самыхъ заскорузлыхъ поклонниковъ династіи Гогенцоллерновъ. И по всему пространству нѣмецкой земли раскатами понеслось исполинское эхо перекрещивающихся крайне оживленныхъ и почти всюду рѣзко отрицательныхъ сужденій объ императорской бесѣдѣ:

Утки крякнули—берега звякнули...

За исключеніемъ единичныхъ панегириковъ Вильгельму II въ придворно-рептильной печати «Lokalanzeiger'a», общественное мнѣніе самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія, пресса, политическія партіи, вплоть до представителей союзныхъ государствъ,—короче сказать, все, что могло выражать болѣе или менѣе членораздѣльно свое настроеніе въ Германіи, обрушилось съ крайне рѣзкой критикой на слова императора. Они въ данномъ случаѣ пріобрѣтали значеніе пагубнаго для всей страны дѣянія, были равносильны, по мнѣнію нѣкоторыхъ, прямому пораженію. Безпардонный, безпринципный, но талантливый публицистъ, Максимиліанъ Хардэнъ, смѣясь надъ преслѣдованіями властей и конфискаціей своего еженедѣльника, писалъ статью за статьей «Противъ императора» и, между прочимъ, такими яркими красками изображалъ настроеніе умовъ въ первые дни послѣ опубликованія бесѣды: «Буря разразилась; внутри и снаружи. Ярость и издѣвательства, вой и смѣхъ за границей; повсюду... Въ Германіи страстное возмущеніе, какого не переживали въ теченіе послѣдняго полвѣка; на сѣверѣ и на югѣ; во всѣхъ сословіяхъ; даже въ арміи. Никогда еще громко не говорилось такихъ вещей объ императорѣ, никогда такъ не писалось... Личный режимъ, абсолютизмъ, импульсивная манера дѣйствовать, романтическая политика, обязанность отвѣтственнаго совѣтника: мы услышали снова всѣ старые лейтмотивы; только на сей разъ оркестръ былъ гораздо обширнѣе и игралъ fortissimo» *).

И чѣмъ дальше выяснялись обстоятельства дѣла, тѣмъ больше

*) *Gegen den Kaiser*; „Die Zukunft", № 6 отъ 7 ноября 1908 г., стр. 209.

росло раздраженіе противъ главы имперіи, но рядомъ съ этимъ тѣмъ болѣзненнѣе ощущались недостатки огромной правительственной махины. Уже въ томъ самомъ оффиціальномъ сообщеніи «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», которымъ подтверждалась общая подлинность взглядовъ, высказанныхъ императоромъ, хотя и дѣлались попытки затушевать колоссальность ошибки Вильгельма II, публика встрѣчалась поистинѣ съ невѣроятнымъ для благоустроеннаго «правового» государства фактомъ. Оказывалось, что упомянутое интервью, составленное по желанію императора, не было прочитано самимъ имперскимъ канцлеромъ, а, переходя изъ рукъ въ руки, попало въ концѣ концовъ для просмотра второстепенному чиновнику министерства иностранныхъ дѣлъ, который фактически и явился такимъ образомъ отвѣтственнымъ издателемъ крайне серьезнаго документа: виною тому были, видите ли, каникулы, когда императоръ, канцлеръ и т. п. важные органы высшей власти находятся внѣ стѣнъ Берлина и пользуются сравнительнымъ отдыхомъ. Будь знакомъ самъ Бюловъ съ содержаніемъ упомянутой статьи, онъ отсовѣтовалъ бы ея печатаніе. Но во всякомъ случаѣ онъ считаетъ себя отвѣтственнымъ въ столь фатальномъ упущеніи и, покрывая чиновниковъ своего вѣдомства, вручилъ было даже императору свое прошеніе объ отставкѣ. Этой просьбы, впрочемъ, императоръ не принялъ, а сохраняя довѣріе къ канцлеру, «соизволилъ» дать Бюлову разрѣшеніе на напечатаніе оффиціальнаго сообщенія,—чтобы отнять почву у «несправедливыхъ нападокъ».

Такимъ образомъ, благодаря забавному политическому qui pro quo, самъ же виновникъ чреватаго крайне серьезными послѣдствіями акта оказывался въ концѣ концовъ раздавателемъ верховнаго довѣрія тѣмъ исполнителямъ своей воли, которые готовы защищать главу имперіи отъ «несправедливыхъ нападокъ». И словно, чтобы завершить цѣльность и полноту этой высоко любопытной картины политическихъ нравовъ въ странѣ, которая населена однимъ изъ культурнѣйшихъ народовъ и насчитываетъ 60 лѣтъ правильнаго функціонированія представительныхъ учрежденій, божество, всегда инспирирующее,—по мнѣнію прусскихъ исторіографовъ,—Гогенцоллерновъ внушило Вильгельму II новый актъ. Въ то время, какъ возбужденіе умовъ достигло крайняго напряженія, когда повсюду заходила рѣчь о необходимости пересмотра конституціи, когда готовились въ рейхстагѣ пренія по вопросу объ интервью, императоръ рѣшилъ устроить увеселительную поѣздку къ австрійскому эрцгерцогу Францу-Фердинанду. Нужды нѣтъ, что приглашеніе было сдѣлано еще лѣтомъ; и, пропустивъ нѣсколько мѣсяцевъ, императоръ могъ бы обождать еще нѣсколько дней, чтобы такъ или иначе принять участіе въ переживаемомъ цѣлой націей кризисѣ. Вильгельмъ избралъ демонстративно какъ разъ тотъ моментъ, когда вся Германія страстно реагировала на одно изъ эффектнѣйшихъ проявленій «личнаго режима», и преспокойно

отправился на охоту въ замокъ Эккартсау. Отправился, несмотря на то, что,—какъ язвительно подчеркиваетъ въ одной изъ своихъ статей Хардэнъ,—жена эрцгерцога мучилась въ это время родами, осложненными тяжелой инфлуэнцой *).

Тамъ императоръ положилъ на мѣстѣ три дюжины оленей, словно не замѣчая, что озабоченный болѣзнью жены владѣлецъ замка не бралъ въ руки ружья. Вильгельмъ, согласно извѣстіямъ все тѣхъ же придворныхъ исторіографовъ, простеръ свою царственную ласковость до того, что самъ не безъ юмора справлялся съ тѣми легкими неудобствами жизни въ Эккартсау, которыя зависѣли отъ недосмотра больной хозяйки.

Отъ австрійскаго эрцгерцога императоръ отправился въ гости къ князю Фюрстенбергу, въ Донауэшингенъ. И здѣсь, въ живописномъ уголку великаго герцогства Баденскаго, Вильгельмъ оказался неистощимъ, «великолѣпенъ», «колоссаленъ»,—по вѣрноподданническимъ отзывамъ придворныхъ,—въ смыслѣ изобрѣтенія всевозможныхъ развлеченій. Охота за лисицами; пикники въ лѣсу; танцы; представленія спеціально прибывшаго въ Донауэшингенъ франкфуртскаго театра; забавные куплеты, лихо отхватывавшіеся спеціально же приглашенной труппой берлинскаго кабачка «Schwarze Kater», представляющаго тяжеловатое тевтонское подражаніе парижскому «Chat Noir» (нѣкогда столь знаменитой брюановской «Черной кошкѣ»),—все это слилось въ одну пеструю картину императорскаго времяпрепровожденія. Не забыта была даже традиціонная культуртрегерская миссія Гогенцоллерновъ: покровительство наукъ и искусствъ. Разнесся слухъ, что Вильгельмъ поднялся на воздушномъ шарѣ съ графомъ Цеппелинномъ, который былъ въ числѣ лицъ, пировавшихъ съ императоромъ въ Донауэшингенѣ. На слѣдующій день телеграммы, впрочемъ, внесли въ этотъ важный историческій фактъ поправку: полетѣлъ къ небесамъ не самъ владыка, а бывшій при немъ адъютантъ. Императоръ же ограничился тѣмъ, что обнялъ спустившагося на землю аэронавта, далъ ему орденъ Чернаго Орла и назвалъ его «величайшимъ нѣмцемъ XX вѣка». «Летучій графъ» пролилъ при семъ отъ радости рѣки слезныя.

Былъ, впрочемъ, сдѣланъ Вильгельмомъ II экскурсъ и въ область внѣшней, только что столь мастерски затронутой имъ въ интервью политики. Императоръ германскій успѣлъ нанести краткій визитъ императору австрійскому въ Шенбруннѣ. Телеграммы опять разнесли всему міру благовѣстіе о томъ, что главы союзныхъ государствъ обмѣнялись взглядами о текущихъ событіяхъ, и что въ частности инцидентъ въ Казабланкѣ,—столь нелѣпо, кстати сказать, поднятый германскимъ правительствомъ противъ Франціи,—будетъ рѣшенъ въ интересахъ всеобщаго мира. Что касается

*) *Gegenden Kaiser*. III; „Die Zukunft“; № 8 отъ 21 ноября 1908, стр. 299.

до внутренней политики, то Вильгельмъ во время своего увеселительнаго путешествія, видимо, рѣшилъ не особенно заниматься ею. Онъ получалъ, правда, изъ Берлина спеціальныя телеграммы о томъ, что дѣлалось въ это время въ рейхстагѣ, какъ разъ обсуждавшемъ тогда исторію съ императорскимъ сотрудничествомъ въ «Daily Telegraph». Но эти извѣстія очень мало трогали его. Не сказалъ ли онъ, впрочемъ, какъ съ горечью передавали нѣкоторые органы печати, еще уѣзжая въ Эккартсау: «Ну, я оставляю Бергарда (фамиліарное названіе по имени Бюлова), — пусть его тутъ справляется съ болтунами»...

IV.

Къ лагерю болтуновъ принадлежала вся Германія. Повсюду обсуждалось значеніе интервью именно въ смыслѣ нарушенія основныхъ принциповъ великаго конституціоннаго государства. До сихъ поръ германскіе монархисты видѣли преимущество наслѣдственной императорской власти въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, въ области внѣшней политики могла будто бы преслѣдоваться безъ колебаній извѣстная линія поведенія; и что дипломатическія тайны могли сохраняться лучше, чѣмъ при республиканскихъ учрежденіяхъ, которыя якобы вынуждаютъ государственныхъ людей, втянутыхъ въ политическую борьбу партій, поднимать порою больше, чѣмъ слѣдуетъ, Изидино покрывало секретныхъ договоровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, германскіе монархисты защищали отсутствіе въ Имперіи строго парламентарнаго начала министерской отвѣтственности указаніемъ опять-таки на крупныя невыгоды правленія парламентскаго большинства, которое на полѣ уже вышеупомянутой борьбы партій можетъ выродиться въ хаотическую смѣну кабинетовъ и метаніе изъ стороны въ сторону. Но что же давала Германія сильная власть императора? Что ей давалъ режимъ бюрократическихъ министерствъ, существованіе которыхъ не зависитъ отъ довѣрія представителей народа?

Въ самомъ дѣлѣ, что сказали бы о республиканскомъ премьерѣ, который съ откровенностью, достойною лучшей участи, выдалъ бы газетчику ввѣренную ему тайну? А германскій императоръ преспокойно сообщилъ печати о конфиденціальномъ предложеніи Россіи и Франціи и при этомъ совершенно исказилъ роли участвовавшихъ въ переговорахъ державъ. Съ какимъ бы возмущеніемъ отнеслись къ вожаку стоящей у власти партіи, который бы только намекнулъ общественному мнѣнію чужой страны, что онъ, желающій дружественныхъ отношеній съ нею, находится въ своемъ отечествѣ по этому вопросу въ меньшинствѣ! А Вильгельмъ II мало того, что подчеркнулъ якобы враждебное отношеніе значительнаго большинства среднихъ и низшихъ «классовъ своего народа» къ англи-

чанамъ, но совершенно вывернулъ на изнанку дѣйствительное положеніе вещей, принявъ взгляды милитаристовъ и крайнихъ «патріотовъ» изъ рядовъ окружающей его придворной камарильи за настроеніе широкихъ слоевъ. Въ какой бы ужасъ пришли дипломаты монархическихъ странъ, если бы морской министръ республики, противъ мнѣнія своихъ согражданъ, приписалъ угрожающую цѣль дѣятельности своего вѣдомства! Германскій же императоръ прямо заявилъ, что онъ готовится со своимъ флотомъ принять участіе въ опирающемся на силу рѣшеніи тихоокеанскихъ «проблемъ» и даже заранѣе указалъ, на какую сторону онъ станетъ въ «грядущихъ великихъ дебатахъ». Наконецъ, какъ назвали бы начальника главнаго штаба въ республиканскомъ государствѣ, который, имѣя родственникомъ главу сосѣдней державы, не находящейся ни въ какихъ союзныхъ отношеніяхъ съ его отечествомъ, вырабатывалъ бы, при помощи офицеровъ своего вѣдомства, планъ кампаніи для употребленія упомянутой державы въ войнѣ съ ея врагами? Ренегатомъ, измѣнникомъ, для наказанія котораго отечество должно было бы прибѣгнуть къ самымъ строгимъ карамъ? Не такъ ли? И между тѣмъ это, какъ разъ это сдѣлалъ для своей «высокочтимой бабушки» нѣжный внукъ на престолѣ Германіи, тотъ самый императоръ, который, однако, столько разъ клеймилъ соціалистовъ «бандою людей, не имѣющихъ отечества, не достойныхъ названія нѣмцевъ».

А преимущества германской конституціи, чуждой неудобствъ злокозненнаго парламентаризма, въ родѣ отвѣтственности министровъ? Всѣ эти изъяны парламентарнаго правленія сжимались до ничтожныхъ размѣровъ, падали до нуля предъ лицомъ того колоссальнаго недостатка имперской конституціи, который отдавалъ 60 милліоновъ живыхъ человѣческихъ существъ связанными по рукамъ и ногамъ капризу «личнаго режима». При чемъ обнаруживался чудовищный фактъ, что, собственно говоря, великому культурному народу не съ кого было спрашивать отвѣта за необыкновенно крупную неосторожность, совершенную въ области внѣшнихъ сношеній его импульсивнымъ вождемъ. Ибо не считать же выраженіемъ отвѣтственности за судьбы отечества того довѣрія, которое было выражено имперскому канцлеру самимъ же виновникомъ почти не поддающагося достаточно строгой квалификаціи акта!..

А хваленая образцовость нѣмецкой бюрократіи, ея работоспособность, ея дисциплина, безупречная почти научная цѣлесообразность ея пріемовъ? Куда дѣвалась эта легенда въ глазахъ любого, даже самаго непричастнаго къ политикѣ человѣка, когда стало извѣстнымъ, что документы первостепенной важности могутъ въ Германіи, за отсутствіемъ и разсѣянностью высшихъ руководителей политики, подлежать опубликованію безъ всякаго серьезнаго контроля? А высокій патріотизмъ нѣмецкихъ чиновниковъ, умѣющихъ-

де со временъ Фридриха Великаго вѣрою и правдою служить отечеству, даже подъ угрозою навлечь на себя немилость носителей верховной власти? «Есть судьи въ Берлинѣ» звучало теперь забавнымъ парадоксомъ, когда всю прессу обошло извѣстіе, что бюрократы имперіи, особенно же занимающіе второстепенныя мѣста, неизмѣнно поступаютъ такъ, какъ было поступлено въ данномъ, какъ казалось сначала исключительномъ, случаѣ съ интервью. Стоитъ только узнать имъ, что дѣло идетъ о малѣйшей бумажкѣ, выходящей изъ сферъ, близкихъ къ императору, — и они слѣпо готовы немедленно же предать ее тисненію, хотя бы ихъ профессіональная опытность видѣла въ такомъ документѣ цѣлую взрывчатую мину недоразумѣній.

Все это думалось, говорилось, кричалось и служило предметомъ оживленныхъ комментаріевъ въ публикѣ, когда Германія готовилась къ «историческимъ днямъ» преній въ рейхстагѣ по поводу интервью. И историческіе дни наступили. Останавливаясь лишь на самыхъ существенныхъ пунктахъ этихъ дебатовъ, мы можемъ, однако, видѣть, на что способны общественныя силы современной Германіи, а въ частности имущіе и правящіе классы имперіи, которые подъ направляющимъ вліяніемъ Бюлова заключили между собою знаменитую картель, либерально-консервативный блокъ, для вящшаго посрамленія «антисоціальныхъ элементовъ»,—читай: представителей рабочаго класса и защитниковъ истинно демократическихъ принциповъ. Не безынтересно уже то обстоятельство, что по мѣрѣ того, какъ приближался срокъ парламентскихъ дебатовъ, бюргерскія партіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ наиболѣе передовыхъ элементовъ, старались упорядочить свой оппозиціонный пылъ, «перенести борьбу противъ личнаго режима съ улицы въ рейхстагъ». Націоналъ-либералы, даже консерваторы разражались еще горячими фразами на столбцахъ своихъ мало читаемыхъ массами органовъ печати. Собственно же агитація въ странѣ, видимо, претила имъ. Въ то время, какъ соціалъ-демократы пріурочили къ историческимъ днямъ чуть не тридцать митинговъ въ одномъ Берлинѣ и многочисленныя собранія въ различныхъ городахъ; въ то время, какъ члены южныхъ «демократическихъ ферейновъ» устроили нѣсколько рефератовъ, имѣвшихъ извѣстный успѣхъ среди передовой буржуазіи; въ то время, какъ демогоги католическаго центра мѣстами удачно муссировали общественное мнѣніе преданныхъ имъ населеній,—либерально-консервативное ядро «блока» сберегало свои силы для конституціоннаго нападенія на становившійся уже нѣсколько затрепаннымъ «личный режимъ». И конституціонное нападеніе ясно показало, докуда могутъ идти уже всѣ безъ различія бюргерскія партіи, и гдѣ они останавливаются и даже круто поворачиваютъ вспять, боясь играть въ руку злочестивымъ, не признающимъ ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ соціалистамъ.

V.

Ахъ, какъ отступали по своему внутреннему значенію историческіе дни 10 и 11 ноября н. с. въ Германіи передъ историческими днями Франціи, Англіи, даже Италіи. Они не влекли за собой никакой практической санкціи. Съ ними остался соединеннымъ лишь нѣкоторый, очень рѣдкій въ Германіи драматическій интересъ, но и то больше какъ симптомъ совершающихся измѣненій въ душѣ средняго нѣмца. Сама публика скоро почувствовала это, явившись на второй день въ парламентъ уже въ гораздо меньшемъ количествѣ. Это отсутствіе непосредственной санкціи, логически завершающей историческіе дни въ истинно парламентарныхъ странахъ; эта половинчатость политическихъ стремленій типичнаго германскаго бюргера, боящагося,—что бы ни говорила старинная нѣмецкая поговорка,—не только Бога, но неудовольствія своихъ предержащихъ и даже... собственной тѣни; все это бросало меланхоличный свѣтъ на борьбу рейхстага противъ «личнаго режима» и придавало общему политическому ансамблю характеръ какой-то «невсамдѣлишной» картины, условной декораціи. Правда, бюргерскія партіи не безъ гордости указываютъ теперь на то, что ихъ представители не убоялись съ высоты парламентской трибуны, какъ и раньше на столбцахъ газетъ, высказать нѣсколько достаточно горькихъ личныхъ истинъ Вильгельму II. Но именно эта личная критика по адресу императора свидѣтельствовала о томъ, что бюргеръ не дошелъ до пониманія борьбы съ исторически сложившимся въ Германіи императорствомъ, какъ такимъ учрежденіемъ, которое фатально обрекаетъ націю на всѣ опасности личнаго режима и безотвѣтственной передъ народомъ верховной власти. Не знаменательно-ли, что въ рѣчахъ нѣкоторыхъ усиленно либеральничавшихъ ораторовъ современному режиму противоставлялся съ похвалою режимъ Бисмарка, когда, молъ, все въ германской политикѣ шло какъ нельзя лучше? А между тѣмъ, не бисмаркіанство-ли, какъ система управленія, взростило на нѣмецкой почвѣ ядовитыя растенія произвола и пренебреженія къ голосу народа, которыя изъ стадіи пышныхъ черно-бѣло-красныхъ цвѣтовъ, льстившихъ національному тщеславію, перешли въ стадію гибельныхъ, отравляющихъ народную душу плодовъ?

Вдумайтесь, напр., въ содержаніе рѣчи Бассермана, одного изъ самыхъ выдающихся лидеровъ націоналъ-либераловъ. Вожакъ нѣмецкихъ «октябристовъ», какъ не безъ остроумія называютъ эту партію даже наши умѣренные демократы, сравниваетъ значеніе императорской бесѣды съ проигранной битвой. Онъ говоритъ о гибельномъ дѣйствіи, какое было произведено этимъ интервью на дружескія отношенія другихъ государствъ къ Германіи. Онъ неоднократно и на

разные лады возвращается, и возвращается при рукоплесканіяхъ всего рейхстага, къ «единодушному протесту противъ вторженій Его Величества Императора въ оффиціальную политику Германіи». Онъ выражаетъ «серьезное желаніе» всей націи, «чтобы императоръ въ своей политической дѣятельности возложилъ на себя обязанность сдержанности, которая приличествуетъ конституціонному монарху»,—какъ формулируетъ политическую злобу дня прочитанная Бассерманомъ резолюція центральнаго комитета національ-либеральной партіи. «Лишь одно лицо можетъ вести отвѣтственно дѣла имперіи: это—имперскій канцлеръ»,—патетически восклицаетъ ораторъ. Но выводъ? Но практическій выводъ изъ всѣхъ этихъ критикъ и всѣхъ пожеланій этихъ? спроситъ читатель. А вывода нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ отсутствуетъ и сама санкція. Согласно параграфамъ 15 и 17 конституціи Германской имперіи отъ 16 апрѣля 1871 г., въ союзномъ общенѣмецкомъ государствѣ нѣтъ отвѣтственнаго солидарнаго или, какъ выражаются законники страны, «коллегіальнаго» министерства. Есть только якобы отвѣтственный канцлеръ, скрѣпа котораго обязательна для дѣйствительности всѣхъ законовъ Имперіи, «изготовленіе», «обнародованіе» и «наблюденіе за исполненіемъ» коихъ лежатъ на обязанности императора. Но такъ какъ императоръ можетъ назначать и смѣщать канцлера по своему усмотрѣнію,—при чемъ Вильгельмъ II широко пользовался до сихъ поръ этимъ правомъ,—и такъ какъ у народнаго представительства нѣтъ въ рукахъ конституціоннаго средства для дѣйствительнаго проведенія отвѣтственности канцлера, то критика личнаго режима у гг. Бассермановъ и прочихъ бюргерскихъ политиковъ Германіи и сводится къ академической критикѣ личности императора, его личныхъ свойствъ и личныхъ ошибокъ.

Вотъ почему когда въ своей рѣчи вожакъ національ-либераловъ приблизился къ вопросу о практическомъ выходѣ изъ политическаго тупика, то онъ не могъ сказать ровно ничего, или почти ничего. Пожалуй, можно было бы и послать адресъ императору съ выраженными въ немъ пожеланіями рейхстага,—такъ приблизительно витійствовалъ ораторъ германской партіи послѣдняго правительственнаго распоряженія,—это даже очень недурно, но для этого надобно «общее дѣйствіе всѣхъ бюргерскихъ партій». А главное-то, уже сами пренія, по мнѣнію Бассермана, произведутъ важное дѣйствіе на дальнѣйшую политику правительства (при этихъ словахъ непочтительный хохотъ раздался на скамьяхъ соціалъ-демократовъ): должно лишь довести ихъ до свѣдѣнія императора. Читатель, конечно, ни мало не удивится мучительности родовъ, въ результатѣ которыхъ національ-либеральная гора разрѣшилась маленькимъ и скромненькимъ, гладко прилизаннымъ и хорошо выдрессированнымъ мышонкомъ лоялизма. Да и какъ вы хотите, чтобы было иначе, когда Бассерманъ выказывалъ самое пламенное желаніе сохранить во что бы то ни стало столь доре-

гого сердцу блока канцлера, а, главное-то, когда чрезъ всю его рѣчь проходило опасеніе, какъ бы критика центральной личности не перешла въ критику самого учрежденія. Прислушайтесь хоть къ одному этому мѣсту, читатель: «Монархическое чувство, монархическій принципъ не должны страдать въ настоящее время, когда намъ приходится констатировать существованіе сильной республиканской партіи въ Германіи. Въ качествѣ приверженцевъ монархіи мы не можемъ допустить, чтобы Его Величество Императоръ былъ втягиваемъ въ самое средоточіе мятежной (abfälligen) критики. Мы не подвергаемъ изъ-за этого пересмотру нашего монархическаго чувства (*смѣхъ на скамьяхъ соціалъ-демократовъ*). Но широкіе круги въ Германіи, питающіе республиканскія воззрѣнія, видятъ въ такихъ событіяхъ желанный матеріалъ для агитаціи противъ монархіи» (*живое одобреніе* *).

И повсюду, во всѣхъ бюргерскихъ рѣчахъ сквозитъ это опасеніе, какъ бы, выражая пожеланія реформировать практику личнаго режима, не попасть въ ряды «враговъ отечества». Звучитъ эта нота у свободомыслящихъ различнаго оттѣнка: у Вимера, который, критикуя «постоянное выступленіе личнаго режима», отнюдь, однако, не желаетъ, чтобы «эти вещи превратились въ вопросъ силы, въ тяжбу между престоломъ и парламентомъ»; у Шрадера, который оговорился вызвавшей даже у его друзей смущеніе фразой: «Мы не хотимъ никакого парламентскаго режима и не хотимъ уже по той простой причинѣ, что онъ невозможенъ, пока существуетъ конституція Германской Имперіи. Съ существованіемъ союзнаго совѣта нельзя соединить отвѣтственныхъ министровъ». Ей отдаетъ тяжелую дань живой и нервный ораторъ «хозяйственнаго союза», Либерманнъ фонъ-Зонненбергъ, говоря, что «между Императоромъ и народомъ простирается, повидимому, непроходимая пропасть», но что она непроходима «только повидимому», и приглашаетъ «рѣшительныхъ людей прыгать въ эту пропасть» для соединенія обѣихъ сторонъ. Даже глашатаи католическаго центра, не боящіеся въ интересахъ своей реакціонной демагогіи выражаться при случаѣ смѣлѣе прочихъ бюргерскихъ партій, считали нужнымъ понижать голосъ, когда дѣло доходило до принципіальнаго осужденія современнаго нѣмецкаго режима. Такъ, баронъ фонъ-Хэртлингъ сказалъ одну-двѣ фразы насчетъ того, что, молъ, «дни французскаго короля-солнца и англійскихъ Стюартовъ прошли», но завернулъ остріе этой критики въ мягчительное profession de foi лоялизма: «Кто, какъ я, умѣетъ цѣнить значеніе коренной династіи, кто, какъ я, стоитъ на сторонѣ монархіи», и т. д.

Съ безподобной откровенностью воспользовались этимъ фрондирующимъ, но малодушно не идущимъ до конца настроеніемъ

*) См. стенографическій отчетъ о засѣданіи 10 ноября въ „Berliner Tageblatt", № 575.

парламента консерваторы, которые удовлетворились объясненіемъ канцлера, что на будущее время «Его Величество» будетъ сдержаннѣе, и отклонили предложеніе послать адресъ императору. Ихъ точку зрѣнія рельефно мотивировалъ фонъ-Ольденбургъ: «Это мы не можемъ сдѣлать на томъ же самомъ основаніи, почему мы сегодня не вступали больше въ пренія. Подобный адресъ былъ бы критикою дѣйствій императора и короля, которой мы не признаемъ съ конституціонной точки зрѣнія за рейхстагомъ. Но мы отличаемся еще и въ другомъ отношеніи нашими воззрѣніями. Для васъ (либераловъ. Н. К.) императоръ есть учрежденіе, для насъ онъ—личность, и мы лично же будемъ служить императору и королю, покуда мы живы, служить безъ страха, до послѣдняго издыханія въ духѣ исконной вѣрности, въ которой мы никогда не отказывали ему» *). Въ результатѣ адресъ, конечно, и провалился. Ибо отказъ консерваторовъ принять въ немъ участіе вызывалъ и отказъ всегда держащихъ носъ по вѣтру націоналъ-либераловъ. Такимъ образомъ, единодушіе представителей народа таяло, какъ снѣгъ, предъ лучами именно того политическаго «солнца», которому самъ же парламентъ хотѣлъ было вначалѣ рекомендовать менѣе стремительный бѣгъ. Храбрецами, продолжавшими настаивать на адресѣ, оказались, кромѣ «враговъ отечества», лишь свободомыслящіе, члены хозяйственнаго союза и кой-кто изъ депутатовъ центра.

Ахъ, какъ хорошо зналъ психологію бюргерской оппозиціи Бюловъ, давшій свою реплику на критику рейхстага еще въ первый «историческій день». Тутъ, дѣйствительно, развернулась картина во вкусѣ идилліи сладчайшей г-жи Дэзульверъ:

Dans ces prés fleuris
Qu'arrose la Seine,
Cherchez, qui vous mène
Mes chères brebis!..

Поставьте въ этой буколической поэзіи слово «Шпре» вмѣсто «Сены», и вы легко могли бы отвѣтить на вопросъ, кто на «цвѣтущихъ» пажитяхъ германскаго рейхстага «велъ» и привелъ, куда надо, «милыхъ овечекъ», этихъ взбунтовавшихся было на минуту парламентарныхъ барановъ имперіи. То былъ гибкій, ловкій, находчивый пастухъ, скажемъ для большаго уваженія къ его чину, пастырь Бернгардъ фонъ-Бюловъ, который не успѣлъ поднести къ губамъ свирѣль оффиціальнаго оптимизма, какъ возбудилъ въ недавно еще, казалось, непокорномъ стадѣ неотразимое желаніе прыгать за передовыми вожаками черезъ ловко поставленную палку императорскаго «обѣщанія». И какими исчадіями ада должны были

*) См. стенографическій отчетъ о засѣданіи 11 ноября; „Frankfurter Zeitung", № 315 отъ 12 ноября 1908 г.

казаться на этомъ окончательномъ торжествѣ козлища крайней лѣвой!

Напр., Зингеръ, который бросилъ всѣмъ бюргерскимъ партіямъ обвиненіе въ томъ, что именно рейхстагъ своимъ попустительствомъ далъ возможность развиться «личному режиму» въ цѣлую систему,—вещь невозможная «въ странахъ, гдѣ парламенты ведутъ себя съ достоинствомъ и самоуваженіемъ» (на что большинство отвѣтило выраженіемъ нечленораздѣльнаго «безпокойства», а изъ рядовъ консерваторовъ послышались истинно-нѣмецкіе возгласы и остроты: ну, такъ и убирайтесь сами въ эти страны!).

Или Гейне, который рекомендовалъ употребить предстоявшее обсужденіе бюджета и проектированныхъ правительствомъ 500 милліоновъ марокъ новыхъ налоговъ въ видѣ «орудія давленія» на сферы съ цѣлью добиться расширенія правъ народнаго представительства. При чемъ далъ очень яркую характеристику отношеній между бюргерскими партіями Германіи и верховною властью, современнаго носителя которой онъ обрисовалъ, между прочимъ, чертами, видимо понравившимися большинству парламента: «Бисмаркъ былъ настоящимъ отцомъ личнаго режима. Но изъ-за него же онъ былъ брошенъ въ яму, которую онъ рылъ другимъ. Всѣ бюргерскія партіи одинаково виновны въ происхожденіи личнаго режима. Либералы, напр., не отказывались отъ неоднократныхъ попытокъ втянуть императора Фридриха въ политику. А центръ?—кто это, скажите-ка, умеръ въ духѣ глубочайшаго почтенія къ императору? Господа! вы всѣ грѣшны въ этомъ (*громкій смѣхъ*). Это лишенное всякой критики восхищеніе, которое преподносилось еще съ молодыхъ лѣтъ императору, съ теченіемъ времени превратилось въ настоящій лихорадочный жаръ. И, конечно, императоръ привыкъ говорить обо всемъ. Онъ говоритъ о наукѣ: онъ и не подозрѣваетъ, какъ люди науки покачиваютъ при этомъ головою (*Смѣхъ и слѣва: «очень хорошо!»*). Онъ говоритъ объ искусствѣ (*Смѣхъ*): онъ не знаетъ, какъ художники пожимаютъ плечами отъ его идей. Онъ говоритъ о политикѣ—ну, объ этомъ мы, кажется, уже достаточно слышали (*Громкій смѣхъ*). Императоръ рѣшаетъ, какой памятникъ надо воздвигнуть — и комитеты по сооруженію допускаютъ это, хотя бы императоръ не платилъ ничего. Черезъ головы министровъ онъ назначаетъ на важные посты какихъ ему заблагоразсудится лицъ, онъ берется рѣшительно за все—и министры терпятъ все это... Канцлеръ какъ-то сказалъ, что императоръ—не филистеръ... Но мы желали бы лучше имѣть дѣло съ немного филистерскимъ чувствомъ отвѣтственности, чѣмъ съ такъ называемой геніальностью, которая ставитъ насъ въ столь печальное положеніе. Мы уже привыкли къ этому витійствующему диллеттантизму, но, право, онъ вызываетъ во всѣхъ партіяхъ опасенія за будущность нѣмецкаго народа, за его умственную жизнь и за его культуру. Еще два слова о направленіи императорской политики.

Императоръ относитъ все къ себѣ и къ своей фамиліи. Послушать его, именно его предки сдѣлали Германію великой. Но, Богъ мой, во всемъ, вплоть до принятія императорскаго титула, къ которому Бисмаркъ силою принудилъ стараго короля Вильгельма I, прусскіе короли были лишь препятствіемъ къ національному объединенію» *).

VI.

Послѣдующія событія показали, въ какой степени, однако, эта опредѣленная точка зрѣнія на «личный режимъ» раздѣляется лишь меньшинствомъ рейхстага. Очищающая, по мнѣнію оптимистовъ, гроза «историческихъ дней» оказалась бурею въ парламентскомъ стаканѣ воды. Словно для того, чтобы показать, насколько онъ принимаетъ, вообще, въ серьезъ пренія народныхъ представителей, императоръ снова было хотѣлъ пуститься въ путешествіе. И, повидимому, канцлеру стоило большихъ усилій добиться отъ Вильгельма II дать ему обстоятельную политическую аудіенцію по волновавшему всю Германію вопросу. Послѣ потсдамской аудіенціи въ «Reichsanzeiger'ѣ» появилось написанное загадочнымъ языкомъ древней Сивиллы сообщеніе, въ которомъ любители розовыхъ перспективъ ухитрились усмотрѣть декларацію императора о выступленіи на строго конституціонный путь. На самомъ же дѣлѣ, если уже люди хотѣли вскрыть смыслъ этой оффиціальной прозы, то изъ нея можно было бы вычитать лишь недовольство Вильгельма II на продерзость парламента. Ибо глава имперіи говорилъ только о томъ, что «не обращаетъ вниманія на преувеличенія общественной критики, которыя онъ считаетъ несправедливыми», а о сути дѣла выражался такъ, что «видитъ свою главнѣйшую задачу въ обезпеченіи устойчивости имперской политики» при сохраненіи конституціонной (?) отвѣтственности. Значитъ, все оставалось по прежнему, ибо и знаменитое интервью было допущено Вильгельмомъ II въ видахъ этой самой «устойчивости». А никакой серьезной отвѣтственности правительствъ въ Германіи нѣтъ. Не считать же началомъ новой, строго конституціонной эры то обстоятельство, что 21 ноября н. с., на празднованіи столѣтія прусскаго городового положенія, Вильгельмъ прочелъ «врученную ему имперскимъ канцлеромъ рѣчь»? Ибо этотъ внѣшній конституціонный жестъ терялъ много вѣса вслѣдствіе допущенной въ рѣчи по обыкновенію императоромъ крупной тенденціозной неточности при освѣщеніи исторической дѣятельности своихъ предковъ. Вильгельмъ II говорилъ именно о «самоуправленіи», какъ о подаркѣ Фридриха-Вильгельма III, сдѣланномъ бюргерству въ знакъ королевскаго къ

*) См. „Parlaments-Ausgabe. Berliner Tageblatt“ № 575а, отъ 12-го ноября 1908 г.

нему «довѣрія». Между тѣмъ, подлинный историческій «предокъ» какъ разъ очень рѣзко отзывался объ этой реформѣ, вырванной у обанкротившагося абсолютизма либеральнымъ министромъ Штейномъ. Оттѣнокъ, какъ видите, довольно существенный!..

Но «бюргерство», очевидно, уже устало въ своей борьбѣ съ «личнымъ режимомъ» и не желало черезчуръ строго анализировать новоявленный конституціонализмъ Вильгельма II. Въ самое это время въ рейхстагѣ шли пренія о финансовой реформѣ, проще сказать, объ увеличеніи имперскихъ тягостей на полмилліарда марокъ. И партіи порядка и лояльной оппозиціи, конечно, и не подумали взяться за неблагородное оружіе давленія «или отвѣтственность министерства, или ни пфенига», которое рекомендовалось козлищами соціализма. Цѣлую недѣлю бюргерскіе финансисты возились вокругъ новаго Сизифова камня, вскатываніе котораго «отвѣтственный» канцлеръ съ жаромъ поручалъ многотерпѣливому Михелю, уже и безъ того обремененному немалымъ количествомъ податныхъ жернововъ. И что же? Самые лѣвые представители бюргерства не рѣшились повернуть противъ правительства острыхъ роговъ уже упомянутой фискально-конституціонной диллемы. Нѣтъ, они не желали быть заподозрѣны въ чистотѣ своего культурнаго патріотизма,—ибо, видите-ли, имперскій бюджетъ идетъ какъ никакъ, а на культурныя цѣли,—и потому скромно удовлетворялись требованіемъ «параллелизма» въ рѣшеніи двухъ насущныхъ задачъ народной жизни. Мы, молъ, все равно въ принципѣ не будемъ возражать противъ новыхъ налоговъ, а вотируемъ то, что будетъ надо, напр., обложимъ хоть пиво, а можетъ быть, вино и табакъ. Но и вы, высокіе господа, подумайте о расширеніи правъ народнаго представительства. «Параллелизмъ» пока и сказался въ томъ, что какъ бюджетъ, такъ и конституціонныя предложенія сданы въ коммиссіи. При чемъ пренія о такомъ, казалось бы, существенномъ вопросѣ, какъ основы имперской государственности, отставали по своему интересу даже отъ не совсѣмъ удавшихся «историческихъ дней». Серьезность, еще серьезность, и неизмѣнно серьезность—вотъ что было лозунгомъ бюргерскихъ партій, даже лѣвые элементы которыхъ были возмущены тою «фривольностью», которую внесъ на второй день конституціонныхъ дебатовъ 2—3 декабря н. с. соціалъ-демократъ Ледебуръ. Судите сами, что говорилъ онъ въ отвѣтъ на платонически-либеральныя предложенія свободомыслящихъ и центра: «Просьбами и канюченьемъ (Betteln) ничего не достигаютъ. Но у васъ есть возможность вынудить кое-что. Этому правительству не должно давать ни одного гроша, пока оно не рѣшится на реформу конституціи. Что же оно сдѣлаетъ, если большинство рейхстага отклонитъ всякое согласіе на налоги? Самое умное было бы уступить, но самаго умнаго правительство никогда еще не дѣлало (*Смѣхъ*)... Итакъ, распустятъ рейхстагъ. Но тогда не было бы ничего лучше для партій, какъ пароль: вы-

бирайте! или продолженіе современной юнкерской системы, или реализація истинно-демократическаго парламентаризма. Ахъ, если-бы у господъ центра и свободомыслящихъ хватило только мужества пустить въ ходъ силу, которую благопріятная судьба кладетъ имъ въ руки! Но они не рѣшаются... Имѣйте же мужество дѣйствовать и позаботьтесь, чтобы въ Германіи народная воля стала, наконецъ, верховнымъ закономъ» (*Громкое одобреніе на крайней лѣвой. Свистки на скамьяхъ правой* *).

Но большинство рейхстага отступило, конечно, передъ «некорректностью» такого приглашенія. И потекли по обычному руслу коммиссій предложенія различныхъ партій объ измѣненіяхъ и поправкахъ конституціи. Нырнуло въ эту Лету парламентскаго забвенія предложеніе свободомыслящихъ дать право рейхстагу звать имперскаго канцлера по рѣшенію двухъ третей членовъ на судъ спеціальнаго государственнаго трибунала. Поплыло за нимъ предложеніе центра просить союзныя правительства представить на разсмотрѣніе рейхстага проектъ объ отвѣтственности имперскаго канцлера. Туда же послѣдовали два предложенія соціалъ-демократовъ,—одно, установляющее для объявленія войны императоромъ, кромѣ согласія союзнаго совѣта, еще и согласіе рейхстага; другое, опредѣляющее условія и процедуру преданія суду канцлера. Когда эти различные проекты станутъ законами? Какіе изъ нихъ получатъ верхъ? Чрезъ какія стадіи реализаціи пройдутъ они? И вообще мыслимо-ли при современномъ «соотношеніи общественныхъ силъ» въ Германіи надѣяться на измѣненіе конституціи въ соотвѣтствіи съ усложняющимися условіями цивилизаціи нашихъ дней? Кто побѣдитъ: народъ или «личный режимъ»?

VII.

То—вопросы, и очень серьезные вопросы, прикладной соціологіи. Исторіи угодно было дать нѣсколько уроковъ этой науки одному изъ великихъ культурныхъ народовъ, и при томъ такому, среди котораго наиболѣе передовые элементы, борющіеся съ неудобствами «личнаго режима», часто грѣшили преувеличеніемъ значенія абстрактныхъ «общихъ условій», «естественнаго хода вещей» и преуменьшеніемъ роли живыхъ, конкретныхъ личностей въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ.

Разсмотрѣніе сложившейся въ данный моментъ исторической комбинаціи имѣетъ, однако, цѣну не для одной только Германіи. Въ чемъ заключается странность, можно сказать историческій абсурдъ настоящаго положенія вещей въ Германской имперіи?

---

*) „Parlaments-Ausgabe. Berliner Tageblatt"; № 614a, отъ 3-го декабря 1908 г.

Въ видимомъ несоотвѣтствіи между громаднымъ соціологическимъ вѣсомъ общественныхъ силъ, складывающихся въ цѣлую систему великаго общежитія, и возможностью вывести эту гигантскую машину изъ состоянія равновѣсія со стороны такого, казалось бы, сравнительно легковѣснаго въ философско-историческомъ смыслѣ фактора, какимъ является воля импульсивнаго главы Имперіи. Ибо, что лежитъ въ основаніи всего этого кризиса общественнаго и политическаго сознанія, потрясающаго столь обыкновенно спокойную Германію? Что, какъ не опасеніе, что «личный режимъ», т. е., просту сказать, капризъ императора, можетъ въ одно прекрасное утро толкнуть 60 милліоновъ народа въ одну изъ самыхъ ужасающихъ міровыхъ катастрофъ?

Конечно, даже и германская конституція, въ которой дана столь непомѣрно крупная роль отдѣльной живой личности, какъ одному изъ трехъ факторовъ политическаго механизма, пытается обставить извѣстными гарантіями возможность такой по-истинѣ ирраціональной для современнаго міра власти. Такъ, для объявленія войны императоръ, согласно основнымъ законамъ государства, нуждается въ согласіи союзнаго совѣта. Но та же конституція предвидитъ тотъ случай, когда въ этой санкціи глава имперіи не нуждается. Это именно тогда, когда на сухопутную или морскую границу сдѣлано врагомъ нападеніе, или когда грозитъ немедленная опасность такого нападенія. Но спрашивается, развѣ трудно создать, «инсценировать» наличность такой опасности и обойти согласіе союзнаго совѣта? А послѣ разбирайся тамъ, историческая Немезида! Развѣ еще до воцаренія Вильгельма II, при его дѣдѣ, когда Бисмаркъ былъ дѣйствительной центральной фигурой «личнаго режима», арестъ Шнебеле, весною 1887 г., на французской границѣ нѣмецкими агентами не поставилъ два государства на волосокъ отъ кровопролитной войны? А позже, развѣ самъ Вильгельмъ II въ февралѣ 1891 г. не былъ готовъ дать сигналъ къ походу на Францію подъ тѣмъ предлогомъ, что его мать, во время пребыванія въ Парижѣ, подвергалась опасности быть освистанной дэруледистами? И сколько разъ, хотя бы въ марокскомъ вопросѣ, германскій императоръ своими словами и жестами чуть-чуть не вызывалъ демона войны, напр., въ 1905 г. послѣ рѣчи въ Танжерѣ или совсѣмъ недавно въ инцидентѣ Казабланки! *) Сколько разъ общественное мнѣніе Англіи тревожилось, всматриваясь въ безпокойные аллюры императорской агитаціи въ пользу постояннаго увеличенія нѣмецкаго флота! И сколько разъ вообще, по всему культурному міру, пробѣгалъ трепетъ опасенія за худшія послѣдствія подъ вліяніемъ импульсивныхъ поступковъ и крайне неосторожныхъ словъ императора Германіи!

---

*) См. о марокскской политикѣ Вильгельма II, между прочимъ, у Victor Bérard, *La France et Guillaume II*; Парижъ, 1907, стр. 211 и слѣд.

Замѣтьте, уже неоднократно дѣлалась попытка людьми, черезчуръ вѣрующими въ господство общихъ причинъ безъ посредства живыхъ личностей, неоднократно, говорю, дѣлалась попытка именно на примѣрѣ Вильгельма II доказать, что его воля, въ сущности, мало значитъ, что все дѣло въ великой тягѣ всемірно-историческихъ условій, которыя оказываютъ свое дѣйствіе даже на импульсивнаго главу Имперіи. Посмотрите, — разсуждаютъ люди, держащіеся на этой черезчуръ абстрактной точкѣ зрѣнія, — посмотрите: поверхностные наблюдатели все охаютъ да ахаютъ надъ роковою возможностью, находящеюся въ нервныхъ рукахъ Вильгельма II, совершить какой-нибудь чреватый страшными послѣдствіями для всего міра поступокъ. И, однако, до сихъ поръ онъ ограничивается лишь угрозами, зловѣще закручиваетъ къ небу свои усы, хватается за эфесъ шпаги, обѣщаетъ раздавить, ниспровергнуть, а въ сущности, что касается до дѣйствій, то ничего не сдѣлалъ еще такого, что могло бы повлечь за собою катастрофу. Видите, онъ лишь вѣритъ въ свое всемогущество, въ свою способность творить безграничное добро и безграничное зло, можетъ быть, даже просто опьяняетъ себя своими словами, между тѣмъ какъ великое давленіе гигантскихъ общихъ причинъ подсказываетъ необходимыя рѣшенія даже его романтической головѣ...

Отвѣчаю: подсказываетъ до поры до времени. Люди типа Вильгельма II—очень опасный народъ, разъ находятся въ томъ исключительномъ положеніи романтика на тронѣ, въ какое ихъ поставила судьба... Опасный, если даже прибавить: Вильгельмъ II—въ значительной степени театральная натура. Дѣйствительно, не входя въ этой статьѣ въ тонкости портрета германскаго императора,—можетъ быть, я когда-нибудь попробую свои силы на этой европейской «знаменитости»,—приходится подчеркнуть и эту сторону физіономіи царствующаго Гогенцоллерна. А въ качествѣ театральной натуры Вильгельмъ II, несомнѣнно, долженъ сильно тяготѣть къ такимъ внѣшнимъ эффектамъ, прибѣгать къ такимъ словамъ и жестамъ, которые часто не соотвѣтствуютъ объективному положенію вещей, да и не совсѣмъ точно совпадаютъ съ его собственнымъ субъективнымъ настроеніемъ. Онъ часто играетъ роль, беря себѣ за образецъ какую-нибудь личность въ прошломъ, и замѣтьте почти всегда не строго историческую, а на половину легендарную, созданную имъ же самимъ въ угоду своему эстетическому, художественному идеалу человѣка и, прежде всего, монарха comme il faut, по большей части кого-нибудь изъ «предковъ». Эта театральная сторона въ извѣстной степени смягчаетъ практически тѣ неудобства тѣ опасности, которыя вытекаютъ для Германіи, а потомъ и для всего міра изъ импульсивной индивидуальности Вильгельма II. Многое, что дѣлается, а главное, говорится имъ, говорится и дѣлается имъ для «галлереи», хотя, несомнѣнно, въ числѣ зрителей находится зачастую и онъ самъ. Такъ искренно въ данный моментъ онъ ис-

жетъ увлекаться своей ролью. Во всякомъ случаѣ, эффектныя заявленія и широкіе жесты сплошь и рядомъ не ведутъ у германскаго императора за собою дѣйствій. Это, конечно, какъ было уже сказано, уменьшаетъ въ немалой мѣрѣ реальную опасность того факта, что въ центрѣ такой гигантской махины, какъ милитаристская Германія, стоитъ вѣнценосный актеръ.

Но у этого лицедѣя есть и своя искренняя, серьезная сторона. И она-то, наоборотъ, можетъ явиться въ тотъ или другой несчастный историческій моментъ источникомъ крайне реальныхъ опасностей. Не копаясь особенно долго въ психологіи Вильгельма II, мы должны, однако, отмѣтить ту особенность его индивидуальности, что, несмотря на внѣшнюю свою разносторонность, этотъ человѣкъ обладаетъ въ сущности бѣднымъ духовнымъ содержаніемъ. Его интеллекта хватаетъ только на то, чтобы вмѣстить понятіе или, лучше сказать, мистическое убѣжденіе, что онъ находится въ особенныхъ прямыхъ отношеніяхъ общенія съ Верховнымъ существомъ, что онъ исполняетъ провиденціальную миссію, и что поэтому онъ и долженъ отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только протестантскому Богу Лютера и своихъ «предковъ».

Никакой глубины въ этомъ умѣ, никакой проницательности, никакой дѣйствительно сильной критической способности. Отсюда его вѣра въ банальныя, уже вывѣтрившіяся формулы окружающей, питающей и создающей его придворной среды, его страстное, болѣзненное тяготѣніе къ традиціямъ. Всякое новое явленіе его раздражаетъ прежде всего потому, что оно заставляетъ его критически всмотрѣться въ него. А онъ этого не хочетъ, не можетъ по самой натурѣ своей, чуждой истинной оригинальности. Онъ постоянно, онъ гнѣвно жалуется, что его не понимаютъ. Это обвиненіе міръ могъ бы повернуть противъ него: онъ, именно онъ отличается радикальной неспособностью пониманія того, что выходитъ изъ сферы окристаллизовавшейся у него еще въ юности смѣси изъ убѣжденій, предразсудковъ, симпатій и антипатій прусскихъ правящихъ сферъ. Бѣда въ томъ, что царствующій Гогенцоллернъ, проникнутый высокимъ представленіемъ о своемъ универсальномъ назначеніи, полагаетъ, что ему-то ужъ, конечно, понятно все въ мірѣ; и что онъ можетъ, а, стало быть, и долженъ дѣйствовать согласно своимъ всеобъемлющимъ планамъ, къ вящщему благу простыхъ смертныхъ, тщетно пытающихся охватить всю ширину его грандіозныхъ подвиговъ во славу высшей правды и верховнаго добра.

Десятки, сотни разъ въ своихъ рѣчахъ, указахъ, манифестахъ, телеграммахъ онъ перевертывалъ на разные лады одну и ту же мысль, особенно ярко вылившуюся у него въ рѣчи при открытіи памятника Вильгельму I въ Кобленцѣ, въ августѣ 1897 г. «Онъ (дѣдъ оратора. Н. К.), вступая на престолъ, выступилъ изъ Кобленца, какъ избранное орудіе Бога, каковымъ онъ себя всегда

разсматривалъ. Для всѣхъ насъ, а въ особенности для насъ, государей, онъ снова высоко поднялъ и поставилъ въ ослѣпительномъ блескѣ сокровище, которое мы должны возвышать и считать священнымъ: то—королевство Божіею милостію съ его тяжелыми обязанностями, его никогда не кончающимися, вѣчно длящимися трудами и заботами, его страшною отвѣтственностью передъ однимъ Создателемъ, отвѣтственностью, отъ которой не можетъ освободить государя никакой человѣкъ, никакой министръ, никакой парламентъ, никакой народъ» *).

Совершенно естественно поэтому, что Вильгельмъ II, не считающій себя отвѣтственнымъ ни передъ кѣмъ на землѣ, неоднократно обѣщалъ «раздавить оппозицію», «уничтожить враговъ»; произносилъ передъ отправленіемъ войскъ въ Китай рѣчи, дышащія пыломъ средневѣковаго рейтара; требовалъ отъ рекрутовъ при присягѣ «разстрѣливать, если я вамъ прикажу, вашихъ собственныхъ родственниковъ, братьевъ, даже родителей» **); собственноручно вписывалъ въ альбомъ города Мюнхена слѣдующую сомнительную съ конституціонной точки зрѣнія мысль: „Regis voluntas suprema lex»; возвращался въ иной формѣ къ этой же мысли надписью на подаренной имъ военному министру саблѣ: «sic volo, sic jubeo»; демонстративно рекомендовалъ полку императора Александра и впредь расправляться съ «мятежниками», какъ они расправлялись съ ними въ революціонные дни марта 1848 г. ***) И даже, въ первые годы своего царствованія, когда онъ мечталъ быть «соціальнымъ императоромъ», «императоромъ рабочихъ» Вильгельмъ II не могъ сдержаться, чтобы, принимая депутацію рудокоповъ во время вестфальской стачки въ мартѣ 1889 г., не сочетать довольно неожиданнымъ образомъ выраженія своего «королевскаго благожелательства» съ упоминаніемъ о готовности, если сочтетъ нужнымъ, «пустить въ ходъ съ безпощадною строгостью всю принадлежащую мнѣ силу» ****). «А она очень велика»,—прибавилъ императоръ, картинно ударивъ по ножнамъ сабли,—въ результатѣ чего, какъ не безъ ироніи сообщала тогда лѣвая пе-

---

*) См. сборникъ рѣчей, писемъ, и т. п. императора: *Kaiserreden. Reden und Erlasse, Briefe und Telegramme Kaiser Wilhelms II. Ein Charakterbild des Deutschen Kaisers*; Лейпцигъ, 1902, стр. 381.

**) Слова изъ обращенія къ новобранцамъ гвардіи въ ноябрѣ 1901 г. См. любопытный „дневникъ", издающійся къ возвеличенію императора нѣкіимъ Шрёдеромъ: E. Schroder, *Ein Tagebuch Kaiser Wilhelms II*; Бреславль, 1903, т. I, стр. 100—101.

***) Это страшно безтактное прежде всего для самихъ же побѣжденныхъ тогда Гогенцоллерновъ напоминаніе подверглось критикѣ даже консервативнаго „Reichsbote", который совѣтовалъ по этому поводу императору „не царить на тронѣ въ восточной неприступности". См. въ политическомъ ежегодникѣ за 1901 г.: *Schulthess' Europäischer Geschicht-Kalender*; Мюнхенъ, 1902, т. новая серія, XVII (съ начала XLII), стр. 72.

****) *Kaiserreden*, стр. 87.

чать, значительная часть стачечниковъ, начиная съ самого оратора делегаціи, изъ монархистовъ и приверженцевъ католическаго центра превратилась въ ревностныхъ соціалъ-демократовъ.

Такъ стоитъ передъ нами эта гораздо менѣе сложная, по моему глубокому убѣжденію, личность, чѣмъ то обыкновенно думаютъ о царствующемъ Гогенцоллернѣ, который можетъ привлекать симпатіи любителей сильной власти, но который, несомнѣнно, долженъ пугать, въ силу своего исключительнаго положенія, всѣхъ искреннихъ друзей мира и прогресса. И мнѣ невольно припоминаются заключительныя строки статьи, посвященной еще въ 1895 г. консервативнымъ «Revue des Deux Mondes» германскому императору, строки, въ которыхъ тяготѣніе автора къ монархическому престижу въ пику французскимъ республиканскимъ учрежденіямъ все же не можетъ затушевать общаго отрицательнаго приговора о пріемахъ политики Вильгельма II: «Нѣмцы должны приготовиться къ тому, что императоръ еще часто будетъ изумлять ихъ, и они по-истинѣ оказались бы столь же требовательными, сколько самоувѣренными, если бы льстили себя надеждой, что сюрпризы, которые имъ готовитъ властелинъ, будутъ всѣ принадлежать къ разряду пріятныхъ» *).

Вотъ въ чемъ заключается опасность того историческаго факта, того соціологическаго явленія, что у рукоятки руля гигантскаго нѣмецкаго корабля, создававшагося въ теченіе долгихъ лѣтъ работой колоссальныхъ общихъ условій, милліоновъ живыхъ существъ, усиліями техники, науки, философіи, искусства, стоитъ импульсивный механикъ. Не утѣшайте себя черезчуръ театральностью этой фигуры, чрезвычайно часто стремящейся гораздо больше къ казовому эффекту, чѣмъ къ серьезному дѣйствію. Точно также не обольщайтесь элементами разносторонности Вильгельма II, который является не только императоромъ, но и ораторомъ, ученымъ, духовнымъ проповѣдникомъ, поэтомъ, историкомъ, техникомъ, живописцемъ, скульпторомъ, композиторомъ, даже капельмейстеромъ и который, какъ думаютъ его поклонники, уже тѣмъ самымъ представляетъ извѣстныя гарантіи пониманія требованій современной существенно мирной цивилизаціи. Его поверхностная разносторонность, его талантъ ассимилировать внѣшность и въ лучшемъ случаѣ куски міровоззрѣнія нашихъ дней рѣзко ограничивается его коренною неспособностью критически отнестись къ традиціямъ и проникнуть въ сердце современнаго человѣческаго общежитія. Въ какой-нибудь злополучный моментъ, изъ-за торопливаго, играющаго въ геніальность диллетанта, изъ-за театральной фигуры, бьющей на эффектъ, неожиданно можетъ выступить средневѣковой монархъ божьею милостью—и неосторожнымъ движеніемъ руки направить Германію на опасный путь. Парки

*) G. Valbert, *L'Empereur Guillaume II et sa manière d'entendre le gouvernement personel*; „Revue des Deux-Mondes" № отъ 1-го октября 1895, стр. 681—693.

исторической необходимости, именно чтобы доказать могущество великихъ общественныхъ условій, могутъ избрать передаточным ремнемъ приложенія гигантскихъ общественныхъ силъ дрожащую отъ импульсивнаго рефлекса руку царствующаго Гогенцоллерна. Не она создавала колоссальное зданіе германской цивилизаціи, но она можетъ вывести изъ состоянія уже неустойчиваго равновѣсія всю эту систему общественныхъ силъ.

Н. Е. Кудринъ.

На очередныя темы.

Въ поискахъ.

I. Политическіе алхимики.—II. Взаимныя препирательства.—III. Почему силъ у насъ не хватило? — IV. Помогутъ ли „смѣси"?

I.

«Смѣси», о которыхъ я упомянулъ въ одной изъ предыдущихъ статей, нашли себѣ защитниковъ. Оказалось, что имѣются люди, которые на эти именно «смѣси» возлагаютъ свои надежды.

«Потребность момента — пишетъ въ «Одесскихъ Новостяхъ» г. С. О, по поводу моей статьи—не въ расчлененіи и разъединеніи, а въ обобщеніи и объединеніи. И къ удовлетворенію ея направлены усилія людей, которые не хотятъ топтаться на мѣстѣ и застывать на нѣкогда и разъ навсегда занятыхъ позиціяхъ... Сочетанія до поры до времени могутъ быть пестры и даже разноголосы. Но это не мѣшаетъ имъ выполнить ихъ прогрессивное назначеніе — быть авангардомъ всего, что способно къ жизни, къ дѣйствію, къ борьбѣ...» *).

Разсчетъ, которымъ руководится г. С. О., очень простъ. «Все ненужное и лишнее,—говоритъ онъ,—отпадетъ при этомъ само собой въ самомъ ходѣ событій. Останется же все объединенное общими солидарными интересами, безъ мелкихъ дифференціальныхъ различій, безъ сектантскаго и кружковаго крохоборства»...

Разсчетъ простъ, но только неизвѣстно, на чемъ онъ основанъ. Повидимому, въ основѣ его лежатъ тѣ же соображенія, которыми руководились въ свое время алхимики. Они тоже желали получить «жизненный эликсиръ» и тоже возлагали свои надежды на всякіе смѣси. И имъ, быть можетъ, такъ же казалось, что все ненужное и лишнее отпадетъ само собой въ самомъ ходѣ процесса. Какой

---

*) С. О. „О литературныхъ сугробахъ". „Одесскія Новости", 6 ноября

въ результатѣ долженъ получиться препаратъ, они такъ же, какъ и г. С. О., представляли себѣ, по меньшей мѣрѣ, смутно... Случалось, что, работая по этому методу, алхимики дѣлали неожиданныя открытія. Напомню хотя бы всѣмъ извѣстный случай, когда вмѣсто «философскаго камня» у монаха оказался въ ступкѣ порохъ. Но чаще всего изъ своихъ смѣсей ничего путнаго они не получали,—только портили матеріалы.

Современные химики, какъ извѣстно, работаютъ иначе. Они ставятъ передъ собою возможно точно формулированныя задачи и при рѣшеніи ихъ стараются исходить изъ извѣстныхъ уже свойствъ, какими обладаютъ различные матеріалы. Они напередъ принимаютъ въ разсчетъ, что такіе-то элементы не соединимы, что такія-то соединенія не прочны, что такія-то смѣси опасны. И «все ненужное» устраняютъ, по возможности, заранѣе.

Но допустимъ, что все лишнее отпадетъ само собою. Останется только «способное къ жизни, къ дѣйствію, къ борьбѣ»—это, повидимому, имѣетъ въ виду г. С. О., когда говоритъ, что «потребность момента—въ объединеніи и обобщеніи». Не получится ли, однако, при этомъ «Баклановская жидкость?» Позволю себѣ напомнить по этому поводу кое-что изъ статьи С. Я. Елпатьевскаго, напечатанной въ предыдущей книгѣ «Русскаго Богатства».

Онъ вспоминаетъ тамъ «творчество», какое проявили обыватели въ борьбѣ съ холерой въ одну изъ послѣднихъ эпидемій. «Воскресла,—говоритъ, между прочимъ, онъ—знаменитая непреоборимая Баклановская жидкость, которой генералъ Баклановъ на Кавказѣ излѣчивалъ своихъ солдатъ отъ холеры, куда входила въ числѣ другихъ многочисленныхъ ингредіентовъ крѣпкая водка».

Мой знакомый купецъ — продолжаетъ свой разсказъ С. Я. Елпатьевскій, — имѣлъ свое снадобье. По секрету онъ мнѣ сообщилъ, что туда входитъ стручковый перецъ, водка пополамъ со спиртомъ и полынь, при томъ выписанная отъ пріятеля изъ Саратова, гдѣ будто бы растетъ особенно сурьезная полынь, и съ гордостью говорилъ: „Она" этого не любитъ! Противъ этого „она" ужъ не выстоитъ.

Не трудно, мнѣ кажется, подмѣтить, что и въ борьбѣ съ реакціей обыватели обнаруживаютъ склонность къ такому же «творчеству». Въ частности, многимъ представляется, что не трудно составить такое чудодѣйственное снадобье, противъ котораго «она уже не «выстоитъ». Стоитъ-де собрать во-едино различные ингредіенты, которыхъ реакція «не любитъ».

Надо сказать, что мысль о такомъ «объединеніи» давно уже бродитъ въ обывательской средѣ. Давно уже отсюда слышатся упреки: и зачѣмъ это с.-р. и с.-д. враждуютъ между собою?! лучше бы всѣмъ лѣвымъ объединиться... Другіе думаютъ: к.-д. вотъ тоже сурьезная полынь, реакція очень ихъ не одобряетъ... Нѣкоторымъ не лишней кажется примѣсь и болѣе крѣпкихъ ингредіентовъ,—вродѣ экспропріацій или полового анархизма. Такіе рецепты—

повторяю — давно уже предлагаются, и если есть что новое въ этомъ отношеніи, такъ это то, что съ надеждами на всякія смѣси приходится теперь считаться даже въ области мысли. Больше того: у «Баклановской жидкости» появились свои, какъ когда-то выражались, идеологи.

И г. С. О., въ сущности, мечтаетъ о такомъ же «онадобьѣ»,— съ тою лишь разницею, что обыватели, толкуя объ «объединеніи», носятся обыкновенно съ какимъ-нибудь планомъ, каждый предлагаетъ свой рецептъ, а мой одесскій оппонентъ строитъ всѣ расчеты на томъ, что всякія теперь имѣются смѣси: авось что-нибудь и получится...

— Уже получается, — утверждаетъ другой мой оппонентъ, г. Жилкинъ. «Въ жизни совершается,—пишетъ онъ,—неслышное, многоцѣнное дѣло. Почти инстинктивно, почти сама собой (!) идетъ спайка расколотыхъ частей оппозиціи...—Разбросанные куски оппозиціи, еще сохранившіе въ себѣ жизнь, явственно ощутили холодъ одинокаго безсилія и невольно потянулись къ сплоченію, объединенію». «Несомнѣнно, нѣчто творческое совершается»... «Интересныя намѣчаются новообразованія общественныхъ силъ» *). И «добрый признакъ» этого г. Жилкинъ указать не затруднился.

Въ самомъ дѣлѣ: достаточно вѣдь обратить вниманіе на то, кто отъ «смѣсей» предостерегаетъ и кто въ этихъ смѣсяхъ участвуетъ... Вѣдь былъ уже случай, когда Пѣшехоновъ или вообще люди изъ этой компаніи предостерегали. Вѣдь это они кричали: «Не ходите въ Думу»!.. А вотъ Жилкинъ пошелъ, былъ выбранъ, достигъ вершины... Мало этого: тѣ же самые бойкотисты, «спохватившись, лобызали дружелюбно тѣхъ, на кого только что замахивались радикальнымъ штыкомъ». «Съ горячей благодарностью, почти со слезами признательности,—говоритъ г. Жилкинъ,—глядѣли депутаты первой Думы на почтенныхъ людей, которые двѣ-три недѣли назадъ изливали проклятія и громы бойкота на Думу, а теперь, не покладая рукъ, день и ночь хлопотали вокругъ неподготовленныхъ, возбужденныхъ и растерянныхъ членовъ юнаго парламента, готовя имъ законопроекты, запросы, давая разъясненія по всѣмъ вопросамъ, читая лекціи». Вотъ вѣдь какъ все тогда обернулось,—хорошо обернулось для г. Жилкина... После этого можетъ ли быть какое сомнѣніе, кто правъ теперь и кто ошибается?! Прямо вѣдь «чувствуется», что «досадный туманъ близорукости снова обманулъ бодрыхъ, безупречныхъ часовыхъ». И если нѣтъ ничего иного, то «предостерегающій возгласъ искренняго, но склоннаго къ нечаяннымъ ошибкамъ публициста-часового слѣдуетъ счесть за добрый признакъ». Не полагайтесь на суфлеры,—пишетъ Пѣшехоновъ. Стало быть, это и есть тѣ «новообразованія общественныхъ силъ», на которыя нужно возложить на-

*) „Слово", 20 ноября.

дежды. Таковъ «добрый признакъ», указанный моимъ оппонентомъ. Это не объективный фактъ, это—предчувствіе.

Психологія г. Жилкина, мнѣ кажется, понятна. На прошлое онъ можетъ оглянуться съ чувствомъ самодовольства: идя наперекоръ часовымъ, онъ высоко взобрался... И теперь такъ естественно въ отвѣтъ на предостерегающіе крики услышать съ его стороны: знаемъ мы васъ... Но вѣдь не о г. Жилкинѣ идетъ рѣчь, не о личныхъ его успѣхахъ. Если же посмотрѣть на дѣло съ общей точки зрѣнія, то надъ прошлымъ, казалось бы, слѣдуетъ задуматься. Взять хотя бы слѣдующее: мы вѣдь не знаемъ,—да такъ и не узнаемъ,—что было бы, если бы гг. Жилкины не пошли въ Думу, если бы бойкотъ осуществился, если бы освободительная армія задержалась на предъ-думскихъ позиціяхъ. Близорукость «часовыхъ» осталась, такимъ образомъ, незасвидѣтельствованной со стороны исторіи. Тѣ же страницы, которыя исторія передъ нами развернула,—событія, которыя произошли послѣ того, какъ думская позиція была занята,—едва ли могутъ служить аргументомъ въ пользу особой дальнозоркости гг. Жилкиныхъ.

Еще больше, казалось бы, нужно задуматься надъ будущимъ. Моему оппоненту рисуется вѣдь такая сцена: опять всѣ соберутся къ нему, къ г. Жилкину, «объединившемуся» нынѣ съ г. Ѳедоровымъ, опять близорукіе часовые спохватятся и радостно вскрикнутъ: «А! да это ты, дружище!» И вновь его облобызаютъ, и вновь почтенные люди, не покладая рукъ, день и ночь станутъ хлопотать около сложившагося при участіи г. Жилкина «новообразованія». Вѣдь собрались же когда-то, вѣдь хлопотали...

Да, собрались и хлопотали, опасаясь, какъ бы «неподготовленные, возбужденные и растерянные члены юнаго парламента» не уронили знамени «земли и воли», съ которымъ они на думскій холмъ взобрались. А теперь... Ради чего тѣ же общественныя силы спустятся въ низину «объединенія»? Неужели ради личной земельной собственности, которую отстаиваетъ «Слово», или ради интересовъ промышленниковъ, за которые нѣтъ-нѣтъ, да и вступится эта газета?

Говорятъ, что когда человѣкъ начинаетъ замерзать, то его охватываетъ удивительное спокойствіе. И сны пріятные ему снятся. Возможно, что то же самое происходитъ сейчасъ съ г. Жилкинымъ: преодолѣть сладкую дремоту онъ, повидимому, уже не въ силахъ. Ну, что-жъ...

...Ежели жить намъ довольно,
Намъ слаще нигдѣ не уснуть!

Спите, г. Жилкинъ! Не обращайте вниманія на «часовыхъ» и ихъ крики... Но не принимайте своихъ грезъ за дѣйствительность, не увѣряйте хотя бы другихъ, что въ сугробахъ происходитъ какое-то творчество, что изъ скопленія «явственно ощутившихъ хо-

лодъ одинокаго безсилія» частичекъ «сама собою» получается общественная сила...

— Должна получиться...—Съ этою увѣренностью, какъ мы уже знаемъ, приступила къ своей дѣятельности редакція «Бодраго Слова». Тутъ уже не «авось», какъ въ «Одесскихъ Новостяхъ», и не предчувствіе только, какъ у г. Жилкина; здѣсь цѣлая теорія. Задачу развить и обосновать ее взялъ на себя г. Бикерманъ *).

Оказывается, что «объединить» разнородные элементы совсѣмъ не трудно,—и силу при этомъ можно получить прямо побѣдоносную. Нужно только отказаться отъ далекихъ цѣлей и, тѣмъ болѣе, отъ «конечной цѣли», вродѣ, напримѣръ, соціализма. Такія цѣли только мѣшаютъ. Въ такихъ случаяхъ,—говоритъ г. Бикерманъ,—

что мнѣ дѣлать и чего не дѣлать сегодня въ борьбѣ съ политическими врагами, я долженъ рѣшить, сообразуясь съ тѣмъ, какое значеніе будетъ имѣть сегодняшнее мое дѣйствіе для того отдаленнаго будущаго, которое я несомнѣнно очень плохо знаю. Извѣстное подчиняется неизвѣстному, достовѣрное предполагаемому. Очевидно, что при такомъ способѣ борьбы побѣда каждый разъ оставалась бы за моими противниками, свободными отъ мессіанскихъ чаяній, имъ принадлежало бы какъ настоящее, такъ и будущее.

Нужно отказаться отъ этихъ «чаяній», не слѣдуетъ заглядывать въ будущее. Нужно признать, «что жизнь безконечно сложна, что она разматывается только изъ самой себя, что для нынѣшняго дня важнѣе всего сегодняшняя задача, что каждому дню довлѣетъ его злоба». «Это,—говоритъ г. Бикерманъ,—теперь даже не убѣжденіе, а живое ощущеніе». Если же находятся люди и даже партіи, которые увѣряютъ себя и другихъ, что «конечная цѣль» служитъ для нихъ маякомъ, то они просто-на-просто врутъ, сами обманываются и другихъ обманываютъ.

„Люди дѣлаютъ то, что легче, удобнѣе, цѣлесообразнѣе для нынѣшняго дня; изобрѣтательности ума предоставляется оправдать эти дѣйствія—если нужно, то длиннымъ рядомъ произвольныхъ умозаключеній—съ точки зрѣнія конечной цѣли, указанной „направленіемъ".

Бываетъ, что такія партіи одерживаютъ даже побѣды, но это потому только, что соврать имъ посчастливилось удачно. «Бываетъ,—говоритъ Бикерманъ,—при счетѣ дважды ошибешься и въ результатѣ получишь вѣрную цифру. Скажешь, напримѣръ, дважды семь—семнадцать, минусъ девять—пять. Въ жизни это бываетъ гораздо чаще, чѣмъ при счетѣ; въ политической дѣятельности партій, проникнутыхъ мессіанствомъ,—это общее правило».

Люди дѣлаютъ—и нужно дѣлать,—что легче, удобнѣе, цѣлесообразнѣе для нынѣшняго дня. Задаваться какою-то «конечною

*) І. Бикерманъ. „Очерки русской жизни". „На поворотѣ" („Бодрое Слово", № 1), „Направленство" (№ 2), „Направленіе и партія" (№ 3). Я буду ссылаться на всѣ три очерка.

цѣлью», жить и дѣйствовать по «направленію»—это то же, «что дѣлать политику по Грубе».

Кому, знакомому со школой,—говоритъ г. Бикерманъ,—не приходилось видѣть ревностнаго молодого учителя, преподающаго, ну, скажемъ, ариѳметику „по Грубе?" Онъ продѣлываетъ съ дѣтьми и съ цифрами все, что говорится въ книжкѣ, отнимаетъ, гдѣ полагается, единицы и прибавляетъ; но изъ всего этого ничего не выходитъ. Тупѣетъ онъ, тупѣютъ дѣти, а наука не двигается. И рядомъ съ нимъ другой преподаватель методики вовсе не изучавшій, но знающій науку и понимающій людей и дѣло у него спорится.

Долой поэтому методику!.. Возьму другой примѣръ, которымъ пользуется для поясненія своей мысли г. Бикерманъ. Инженеръ, чтобы построить мостъ, «долженъ, по его мнѣнію, узнать множество вещей: количество и качество имѣющихся подъ рукой матеріаловъ, свойство почвы и опытность рабочихъ и т. д.». Нужны, пожалуй, еще «общія истины, которыми мы могли бы руководствоваться сейчасъ и черезъ тысячу лѣтъ». Но о проектѣ, который долженъ составить и осуществить инженеръ, о проектѣ, въ которомъ извѣстныя ему общія истины были бы поставлены въ опредѣленную связь съ конкретными условіями, а тѣ и другія—съ нашими желаніями,—г. Бикерманъ даже не думаетъ. Онъ знаетъ одно: «открытія всѣхъ истинъ о всей жизни» не дождешься; стало быть, нужно дѣлать практическое дѣло, «идя ощупью, руководствуясь чутьемъ, т. е. учась на ходу». «Кельнскій соборъ,—говоритъ онъ въ другой статьѣ,—строился многими поколѣніями, и работа многократно прерывалась—планъ многократно мѣнялся». Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, планъ, если онъ можетъ измѣниться?

Долой поэтому всякіе планы, долой заранѣе намѣченное «направленіе». «Мы должны искренно и чистосердечно признаться передъ собою и передъ другими,—говоритъ г. Бикерманъ,—что заранѣе избрать себѣ путь, чтобы идти по немъ, не сворачивая, мы не можемъ и никто не можетъ. Мы можемъ избрать только направленіе перваго шага или первыхъ шаговъ. Сдѣлавъ ихъ, мы, чтобы не заблудиться, должны будемъ снова выбирать, снова опредѣлять направленіе...»

Итакъ, откажемся отъ «конечной цѣли», будемъ дѣлать, «что легче, что удобнѣе», пойдемъ «ощупью», будемъ руководиться «чутьемъ»... Таковъ рецептъ, который составила редакція «Бодраго Слова» для объединенія «всей интеллигенціи». Мнѣ уже пришлось (въ «Кіевскихъ Вѣст.») подать реплику, что по этому методу—для «перваго шага» — многихъ объединить можно. Можно было бы «объединить»—назову для примѣра — Побѣдоносцева и Чернышевскаго: тотъ и другой вѣдь въ качествѣ «перваго шага» считали необходимымъ сохранить общину. Современниковъ я трогать не буду. Скажу только, что теорія г. Бикермана допускаетъ—если взять примѣръ изъ строительнаго искусства — даже такое

«объединеніе»: одни будутъ строить храмъ, другіе тюрьму — тѣ и другіе вѣдь начнутъ съ фундамента, тѣмъ и другимъ извѣстны «общія истины», передъ тѣми и другими находятся одни и тѣ же матеріалы.

Но оставимъ теорію... Посмотримъ лучше, какъ г. Бикерманъ представляетъ себѣ это объединеніе на практикѣ. Каково «направленіе перваго шага», которое онъ избралъ?—скажемъ, какъ и онъ конкретно: какъ онъ представляетъ себѣ «путь, по которому Россія выйдетъ изъ полосы реакціи, въ которой она теперь находится»? Для этого мы должны вернуться къ первому его очерку, который написанъ имъ «На поворотѣ».

Очнувшись, русское общество,—говоритъ онъ въ немъ,—испытываетъ почти физическую потребность двигаться... По мѣрѣ того, какъ проходитъ оглушеніе, оживаетъ потребность въ свободныхъ движеніяхъ. И такъ какъ движеніе здѣсь цѣль сама по себѣ, то солидарными чувствуютъ себя всѣ, предъ которыми эта цѣль стоитъ, т. е. всѣ прогрессивные слои общества. И это есть ближайшая, непосредственная основа того стремленія къ единенію, которое теперь замѣчается въ русскомъ обществѣ.

Движеніе, какъ цѣль сама по себѣ,—такова основа объединенія. «Проявить *какое-нибудь* дѣйствіе, заявить *о чемъ-нибудь* свое мнѣніе»—такова «непосредственная задача», таковъ «первый шагъ». Ну, а дальше видно будетъ....

Мы вѣдь ѣдимъ хлѣбъ, — поясняетъ г. Бикерманъ,—не для того, чтобы богатѣть или умнѣть, даже не для того, чтобы жить, вообще не для чего-нибудь; мы ѣдимъ потому, что испытываемъ голодъ...

Такъ и тутъ... И въ «Бодромъ Словѣ» пишутъ, повидимому, «не для чего-нибудь», а просто, чтобы «проявить какое-нибудь дѣйствіе, заявить о чемъ-нибудь свое мнѣніе...»

Когда же люди начинаютъ двигаться для того только, чтобы разогнать кровь, чтобы расправить кости,—и соберутся еще при этомъ въ кучу,—то нѣтъ ничего мудренаго, что они другъ другу и тумаковъ накладутъ. Г. Бикерманъ, какъ мы видѣли, приглашаетъ читателей «Бодраго Слова» идти ощупью и, сдѣлавъ шагъ, вновь искать путь, который онъ считаетъ невозможнымъ намѣтить заранѣе. А г. Ландъ въ томъ же «Бодромъ Словѣ» заявляетъ:

Несомнѣнно, духъ ищущій—благородный духъ. Но духъ, дѣлящійся ненайденнымъ, безчестенъ, ибо давать недодуманную мысль значитъ обманывать, не давая вовсе мысли; звать на пути не расчищенные—значитъ обманывать, зазывая въ тупикъ... *).

Впрочемъ, что другъ-другу... Если человѣкъ движется ради движенія, то и самого себя онъ отшлепать можетъ. Знаете, какъ извозчикъ, продрогшій на морозѣ... И г. Бикерманъ на пространствѣ трехъ статей много разъ успѣлъ себя самого ударить...

*) Г. Ландъ. „Исканія и нахожденія". „Бодрое Слово", № 1.

Въ первой статьѣ «На поворотѣ", напримѣръ, онъ еще признавалъ, что «общее направленіе мысли», «міровоззрѣніе», выражаясь языкомъ логики, это «большая посылка». «Чтобы дѣлать какіе либо выводы—говорилъ онъ,—нужна еще одна «малая» посылка; она дается опытомъ, знаніемъ дѣйствительности». Такимъ образомъ въ путь онъ отправился съ обѣими «посылками», какихъ требуетъ логика, но уже во второмъ очеркѣ «большую посылку», каковой являлось въ глазахъ г. Бикермана «направленіе», онъ призналъ излишней и счелъ за лучшее остаться при одной «малой»,—при знаніи дѣйствительности.

Повидимому, нѣкоторую роль въ этомъ случаѣ сыграла моя статья: «Сумятица». Въ ней я напомнилъ, что «смѣси» не совмѣстимы съ «направленіемъ», и г. Бикерманъ, который «смѣсь» уже составилъ, рѣшилъ «направленіе» вовсе изничтожить... Пользуясь его словами, я могъ бы сказать по этому поводу: «очевидно, что при такомъ способѣ борьбы побѣда каждый разъ будетъ оставаться за моимъ противникомъ». Побѣда, однако, болѣе, чѣмъ сомнительная...

Бросивъ «большую посылку», г. Бикерманъ немедленно ее поднялъ. «Будущее—заявилъ онъ въ концѣ второго очерка—принадлежитъ тѣмъ, кто, имѣя передъ собою давно возвѣщенную цѣль—свободу, равенство и братство—будутъ неутомимо пролагать направленіе въ жизни, послушные однимъ только ея велѣніямъ». Видите: «конечная цѣль» ему и понадобилась. Онъ и самъ сообразилъ, что если идти безъ цѣли, двигаться внѣ направленій, то читатели могутъ подумать: какъ бы онъ не забрелъ къ кошкодавамъ... Потомъ,—въ третьемъ очеркѣ,—г. Бикерманъ «направленіе» опять уничтожилъ и даже въ партіяхъ все, что можетъ напомнить о немъ, вытравилъ. «Постояннымъ, неизмѣннымъ, всегда одинаково плодотворнымъ—заявилъ онъ—остается въ дѣятельности партіи только одно—самый фактъ ея дѣятельности, независимо отъ ея содержанія»...

Такихъ противорѣчій въ статьяхъ г. Бикермана множество,—и они, конечно, понятны. Когда для человѣка движеніе является цѣлью, то ему, въ сущности, безразлично, въ какую идти сторону. И когда писатель пишетъ «не для чего-нибудь», то не все ли ему равно, какіе у него «разматываются сами изъ себя» мысли?

Мы познакомились съ теоріей г. Бикермана, видѣли и примѣненіе ея на практикѣ... Я уже сказалъ, что по методу «перваго шага», особенно если этотъ шагъ будетъ заключаться въ томъ, чтобы проявить «какое-нибудь» дѣйствіе, можно многихъ «объединить»,—не трудно, пожалуй, объединить «всѣ прогресивные слои общества», «всю интеллигенцію»,—и даже больше. Но это не будетъ живая общественная сила,—это будетъ механическое скопленіе, вродѣ того, какое бываетъ на толкучкѣ. И мыслей по этому методу не только въ одномъ журналѣ, но даже въ одной статьѣ можно «обобщить» много; но это будетъ не жизненный эликсиръ, которымъ политиче-

скіе алхимики надѣются оживить закоченѣвшее общество; это будетъ просто-на-просто идейная каша.

II.

«Потребность момента—въ объединеніи и обобщеніи»... Эта формула, какъ я уже сказалъ, очень популярна. Но мнѣ она представляется не совсѣмъ точной, и въ конечномъ счетѣ очень неудачной. Прежде всего, скажу, что основная потребность иная,—и въ этомъ, какъ я думаю, согласятся со мною даже сторонники приведенной формулы. «Объединеніе» и «обобщеніе» не представляютъ сами по себѣ какого то блага; если они нужны, то только потому, что требуется сила, которая совершила бы то, что намъ нужно, и которой у насъ въ свое время не хватило. Создать силу—такова основная задача. И это уже второй вопросъ: какимъ способомъ... Способы же могутъ быть разные.

Естественно, что первою приходитъ мысль: собрать имѣющіяся силы воедино. Но первая мысль еще не значитъ единственная и даже не всегда она бываетъ самой удачной. Посмотримъ, однако сначала, откуда она появилась.

Чтобы не привлекать новыхъ матеріаловъ, возьму концепцію г. Жилкина. Ходъ событій ему представляется въ такомъ видѣ.

Въ глухіе дни старой реакціи была дѣйствительно молчаливая согласованность. Не сговариваясь, мало споря, часто не зная другъ друга, молодые ручейки новой Россіи стремились къ смутной, но единой цѣли.

Внезапный вихрь событій выбросилъ оппозицію далеко впередъ на открытую арену и съ размаха разбилъ ее на куски. Партіи, фракціи, подфракціи, кружки, подкружки стали множиться съ невѣроятной быстротой и чуть ли не главный жаръ души направляли на взаимныя препирательства. Несомнѣнно, изъ этого получилось значительное облегченіе для возродившейся реакціи, когда била она тяжолымъ молотомъ каждый отдѣльный кусокъ оппозиціи.

Г. Жилкинъ, самъ до извѣстной степени причастный къ умноженію числа фракцій, склоненъ относиться къ этому явленію еще снисходительно. Онъ полагаетъ, что «взаимныя препирательства» только «облегчали» дѣло реакціи. Гораздо суровѣе относится къ тому же явленію обыватель, который не можетъ или не хочетъ разбираться во всѣхъ этихъ фракціяхъ и партіяхъ: въ «препирательствахъ» онъ сконенъ видѣть главную и чуть ли даже не единственную причину неудачи. И концепція его еще грубѣе, чѣмъ у г. Жилкина: «если бы не ссорились между собою, дѣйствовали бы дружно, то дѣло-то, глядишь бы, и сдѣлали»...

Другія воспоминанія тоже какъ будто бы легко укладываются въ такую концепцію. Ближе всего мы были къ успѣху осенью 1905 года,—въ періодъ наиболѣе широкихъ «объединеній». Доста-

точно напомнить «союзъ защиты слова»: въ немъ участвовало даже «Новое Время». И вообще союзы, объединявшіе довольно разнородные элементы, дѣйствовали гораздо успѣшнѣе, чѣмъ партіи,—въ особенности потомъ, когда онѣ расплодились въ такомъ изобиліи... И вотъ обывателю кажется: когда то мы были достаточно сильны,—это «препирательства» насъ обезсилили, а то бы дѣло мы сдѣлали...

Разъ діагнозъ поставленъ, причина безсилія вскрыта, то и средство противъ него найти кажется не труднымъ. Нужно опять собрать оппозицію воедино и склеить куски, на которые она раскололась. Для этого нужно замазать щели, затушевать разногласія,—сдѣлать такъ, какъ будто-бы ихъ нѣтъ и не будетъ. Стоитъ только не касаться нѣкоторыхъ вопросовъ,—не дѣлить шкуры не убитаго еще звѣря... Это одинъ рецептъ, но въ той же фармакопеѣ можно найти и другіе. Мы уже знаемъ, что предлагаютъ, напримѣръ, не обращать вниманія на разногласія,—пусть каждый думаетъ и дѣлаетъ, что хочетъ, лишь бы собрать воедино различные ингредіенты... Вообще для «обывательскаго творчества», если двинуться въ этомъ направленіи, поле открывается обширное.

Прежде, однако, чѣмъ говорить о лѣчебныхъ средствахъ, вернемся къ діагнозу. Удачно ли онъ поставленъ? Вѣрна ли положенная въ основу его историческая концепція? Дѣйствительно ли упадокъ силъ находится въ связи съ «взаимными препирательствами»? И какая это связь? Причинная или сопутствующая? Можетъ быть, никакой связи нѣтъ? Можетъ быть, она обратная?

Спросимъ, прежде всего, г. Жилкина: неужели первую Думу погубили препирательства трудовой группы съ к.-д. партіей? Или вы въ серьезъ думаете, г. Жилкинъ, что с.-д. помѣшали к.-д-тамъ получить министерскіе портфели? Или вы полагаете, что н.-с.—беру послѣднюю по времени возникновенія партію—переполнили чашу препирательствъ и доканали революцію?

Прямымъ: «да»—я почти не сомнѣваюсь—ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ сторонники объединенія не отвѣтятъ. И сами конкретно указать, чьи именно препирательства и чему именно повредили, затруднятся. А если и укажутъ, то какія-либо мелочи, вродѣ того, что тамъ или здѣсь, благодаря партійнымъ раздорамъ, въ Думу прошелъ черносотенецъ.

О вредѣ партійности говорятъ, обыкновенно, вообще. И такой вредъ,—вредъ вообще—можно, пожалуй, себѣ представить: общій режимъ, какъ говорятъ въ такихъ случаяхъ медики, былъ неправильный. «Жаръ души», какъ выражается по этому поводу г. Жилкинъ, понапрасну люди тратили,—и себя обезсиливали, и народъ своими спорами смущали. Присмотримся поэтому къ роли «препирательствъ» въ общемъ режимѣ, и для этого начнемъ съ «глухихъ дней старой реакціи», какъ это дѣлаетъ г. Жилкинъ.

Не было тогда партій, фракцій, подфракцій... Всѣ жили дружно,

не ссорились и другъ друга уважали. Кн. Волконскій, напримѣръ, числился въ ряду дѣятелей, на которыхъ оппозиція возлагала свои надежды; г. Хомяковъ благодушно предсѣдательствовалъ на оппозиціонныхъ съѣздахъ и даже самъ булировалъ; гр. Бобринскій писалъ воззванія о помощи голодающимъ, когда таковая считалась несомнѣннымъ проявленіемъ оппозиціи; былъ даже случай, что тульскій губернаторъ Шлиппе не утвердилъ его въ должности предсѣдателя управы. Объ этой ли «молчаливой согласованности» сожалѣютъ сторонники объединенія? Я беру сравнительно недавнее время и не рѣшаюсь заглядывать въ болѣе глухіе годы, когда «согласованность» была такая, что даже г. Пуришкевича не было видно, и г. Марковъ не особенно рѣзко выдѣлялся...

Я понимаю, что гр. Бобринскій можетъ сожалѣть о былой согласованности. У него это прекрасно выходило: воззванія о помощи голодающимъ не мѣшали ему вести хозяйство, какъ помѣщику, и получать барыши, какъ сахарозаводчику. Но чтобы г. Жилкинъ объ этой согласованности сожалѣлъ,—я не понимаю. Ручьи,—говоритъ онъ,—были. Да, были, но куда они стремились,—это было неизвѣстно. Къ «смутной» цѣли—да, пожалуй, но чтобы къ «единой»—это, конечно, не вѣрно. Какъ только цѣли стали опредѣляться, такъ ручьи стали развѣтвляться, и потекли ихъ воды въ совершенно разныя стороны.

Но, можетъ быть, г. Жилкинъ имѣетъ въ виду болѣе опредѣленныя теченія? Напримѣръ, марксизмъ и народничество? Они стремились, дѣйствительно, къ единой цѣли, хотя и разными путями. Но объ этихъ ручьяхъ никакъ ужъ нельзя сказать, что они текли «мало споря». Напротивъ, споръ, какъ извѣстно, бысть велій. Въ этой полемикѣ были свои непріятныя стороны, и тогда находились люди, которые сожалѣли: ахъ! зачѣмъ это они спорятъ... Но теперь, оглядываясь назадъ, можемъ ли мы сказать, что было бы лучше, если бы этой полемики не было. Въ борьбѣ двухъ направленій наростали вѣдь силы того и другого. Можетъ быть, сторонники «объединенія» знаютъ, но я даже представить себѣ не могу, какъ безъ этой идейной борьбы могла бы сложиться соціалъ-демократическая партія? Какъ могло бы возродиться и окрѣпнуть народничество? Вѣдь эта борьба привлекла вниманіе общества къ цѣлому ряду вопросовъ, популяризировала въ его средѣ идеологію того и другого направленія,—и многихъ заставила составить опредѣленное мнѣніе о такихъ вещахъ, о которыхъ они, не будь этой борьбы, быть можетъ, вовсе не задумались бы. Даже люди, которые остались ни въ тѣхъ, ни въ сихъ, несомнѣнно, многое изъ этой идейной борьбы для себя вынесли.

Боролись бы лучше съ общимъ врагомъ... Но это вѣдь и происходило все время,—и не только тогда, когда удары были направлены непосредственно противъ него, но и тогда, когда марксисты и народ-

ники полемизировали между собою. Препираясь другъ съ другомъ, они, въ сущности, держали военный совѣтъ, какъ лучше справиться съ общимъ недругомъ. Взаимныя пререканія помогали имъ найти наиболѣе надежныя и прочныя для себя позиціи... Вообще, идейныя препирательства внутри оппозиціи болѣе, чѣмъ что-либо другое, содѣйствовали углубленію въ общественномъ сознаніи вопросовъ и подъему въ общественной средѣ активности. Если бы все время царила «молчаливая согласованность», то, пожалуй, дальше помощи голодающимъ мы такъ и не пошли бы.

Послѣ того, какъ двѣ партіи сложились, полемика, можно сказать, еще больше усилилась. Правда, на открытой аренѣ она какъ будто стихла, но за то съ особой силой разгорѣлась въ подпольѣ. И никогда, быть можетъ, она не была столь страстной, какъ во время общаго подъема. Много въ этой враждѣ было тяжелыхъ эпизодовъ. И все-таки она не помѣшала быстрому наростанію силъ той и другой партіи. Скорѣе содѣйствовала. Многихъ и многихъ именно она, быть можетъ, заставила точнѣе опредѣлить свою позицію, войти въ организацію... И вражда, которою были встрѣчены со стороны с.-р. и особенно с.-д. освобожденцы и земцы-конституціоналисты, не помѣшала послѣднимъ окрѣпнуть и потомъ сложиться въ большую партію.

Не помѣшали партійные раздоры и объединеннымъ дѣйствіямъ. На союзы ссылаются, съ нихъ считаютъ нужнымъ начать, ихъ хотѣлось-бы возродить. Но исторія союзовъ, какъ мнѣ кажется и свидѣтельствуетъ, что объ этомъ заботиться нечего. Придетъ пора, и они или другія подобныя имъ объединяющія организаціи быстро сложатся. Это, какъ грибы: они растутъ по осени; быстро вырастаютъ они тогда, но затѣмъ такъ-же быстро исчезаютъ, когда прошло ихъ время... И силы для союзовъ были подготовлены не въ процессѣ объединенія, а въ процессѣ дифференціаціи, который уже долгое время происходилъ въ обществѣ. Нельзя ожидать, что люди сознаютъ общее, не сознавая своихъ различій. Такъ-же, какъ въ химіи: только разложивши мѣдный купоросъ и глауберовую соль, вы увидите, что сѣрная кислота входитъ въ оба эти продукта.

И различія, повторяю, не мѣшали объединеннымъ дѣйствіямъ, когда таковыя представлялись. Не мѣшали они отдѣльнымъ лицамъ, не мѣшали они и цѣлымъ организаціямъ. Сильно враждовали между собою с.-р. и с.-д., но тѣ и другіе входили въ стачечные комитеты и рабочіе совѣты, тѣ и другіе сражались на баррикадахъ. И трудовики препирались съ к.-д., но это не мѣшало имъ принимать единодушные вотумы. Законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни былъ принятъ первой Думой даже единогласно,—примѣръ, не бывалый въ исторіи.

«Взаимныя препирательства» оказались помѣхой тогда, когда возможность общихъ дѣйствій и безъ того исчезла. Силы упали, а

препирательства остались,—поэтому-то они и выперли на первый планъ, поэтому-то они и заслонили въ глазахъ многихъ остальное. Въ дѣйствительности-же, это обозначало только то, что партіи пытались еще продолжать борьбу, когда обывательская масса уже осѣла.

Но вотъ теперь партійные раздоры прекратились. Давно уже прекратились они,—можно сказать, со времени второй Думы. Правда, разныя были въ послѣдней фракціи, но борьбы между ними вѣдь не было: все дѣло сводилось къ тому, что выходили на трибуну представители разныхъ фракцій и заявляли о своихъ «точкахъ зрѣнія». А того, чтобы нанести ударъ, да почувствительнѣе,—этого не было. Въ печати продолжалась еще нѣкоторое время полемика, но и она стихла. С.-р. почти не враждуютъ съ с.-д., и даже к.-д. партію почти всѣ оставили въ покоѣ. Что же силы послѣ того прибыли?—нѣтъ, они все таютъ и таютъ. Когда-же препирательства совсѣмъ прекратятся,—ну тогда, значитъ, никакихъ силъ больше не осталось.

Я вовсе не хочу, конечно, сказать, что стоитъ возобновить партійные раздоры,—и силы явятся. Я думаю только, что путемъ «объединенія» силъ вы не увеличите. «Куски оппозиціи,—говоритъ г. Жилкинъ,—почти невольно—потянулись къ сплоченію и объединенію». Да, потянулись,—потянулись даже нѣкоторые партійные дѣятели, «ощущая холодъ одинокаго безсилія». «У насъ силъ нѣтъ,—думаютъ,—авось у другихъ найдутся». К.-д. думаютъ, что у лѣвыхъ силы имѣются, лѣвые, что у к.-д. онѣ есть. Кое-кого и октябристская сила соблазняетъ,—хорошо-бы воспользоваться. Да и вообще: если соединить силы, то вѣдь ихъ больше будетъ... Это ли, однако, получится въ результатѣ?

III.

Почему силъ у насъ не хватило и почему даже имѣвшіяся силы куда-то исчезли? Вопросъ этотъ—большой и сложный. Говорить о немъ во всемъ его объемѣ я не думаю, но и въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это необходимо для взятой мною въ настоящій разъ темы, не легко на него отвѣтить. Впрочемъ, кое-что видно съ перваго взгляда...

И прежде всего видна, прямо бьющая въ глаза, несообразность. Съ нами былъ, можно сказать, весь трудовой народъ—сто съ лишкомъ милліоновъ; ихъ же—небольшая кучка, по подсчету даже г. Столыпина, всего-на-всего 130 тысячъ. И «они» побѣдили...

Ихъ побѣда была бы еще понятна, если бы это былъ сильный въ экономическомъ отношеніи классъ, держащій въ своихъ рукахъ производство... Но вѣдь и этого нѣтъ. Побѣдителемъ оказался классъ, давно уже захваченный хроническимъ раззореніемъ, давно уже

живущій «воспособленіями», обреченный всѣмъ ходомъ экономической жизни на исчезновеніе; побѣдили государственные пенсіонеры, мірскіе захребетники...

Правда, въ сдѣланное мною сопоставленіе нужно внести поправку. Торгово-промышленный капиталъ, несмотря на то, что онъ занималъ, особенно въ началѣ, двусмысленную позицію,—къ слову сказать, очень многихъ вводившую въ заблужденіе, — несомнѣнно, былъ съ «ними», а не съ нами. Но онъ скорѣе держался за нихъ, чѣмъ ихъ поддерживалъ. Стоять на собственныхъ ногахъ онъ до сихъ поръ не научился, а то столкнуть ихъ, чтобы самому занять ихъ мѣсто, онъ, конечно, не постѣснился бы.

Во всякомъ случаѣ и за этою поправкою, явная несообразность, какъ я ее назвалъ, все-таки остается. Она уже давно замѣчена и до извѣстной степени объясненіе ей найдено. «Они» побѣдили насъ организаціей. Напомню, что было время—первое междудумье, напримѣръ,—когда всѣ это совершенно ясно сознавали и до нельзя остро это чувствовали. Всѣ мысли, можно сказать, были сосредоточены на этомъ вопросѣ. Но создать свою организацію, которую можно было бы противопоставить «ихней», мы такъ и не сумѣли или не успѣли.

До извѣстной степени это, конечно, понятно. «Они» на много опередили насъ. Старѣйшая изъ нашихъ политическихъ партій насчитываетъ всего какой-нибудь десятокъ лѣтъ своего существованія, а «они» сотни лѣтъ работали надъ своей организаціей. Когда начиналась революція, то далеко не во всѣхъ губернскихъ городахъ были хоть какіе-нибудь партійные комитеты, во многихъ уѣздныхъ городахъ о партійныхъ людяхъ даже не слыхивали, въ селеніяхъ—послѣдніе встрѣчались въ качествѣ рѣдкаго исключенія. «Они» же повсюду имѣли губернаторовъ, исправниковъ, приставовъ и земскихъ начальниковъ, городовыхъ и урядниковъ. Плеве, можно сказать, довершилъ эту организацію, довелъ ее до самаго низа, учредивъ еще стражниковъ. Я уже не говорю про армію, которая находилась въ ихъ распоряженіи...

«Ихъ» организація была не только несравненно обширнѣе и развѣтвленнѣе народной, но и гораздо прочнѣе. Развѣ можно сравнивать дисциплину, какая имѣется даже въ самыхъ строгихъ партійныхъ организаціяхъ, съ дисциплиной, какая царитъ въ чиновничьемъ мірѣ, и тѣмъ болѣе въ арміи?

Да, «они» на много насъ опередили. И если бы намъ предстояло ихъ просто-на-просто догнать, слѣдуя тѣмъ путемъ, которымъ «они» шли, то задачу нужно было бы заранѣе признать неразрѣшимой. Но организація народныхъ силъ имѣетъ свои преимущества, которыя и могутъ ей дать перевѣсъ надъ бюрократической.

Прежде всего, она можетъ выростать и развиваться снизу, «они» же могутъ продвигать и совершенствовать свою организацію только

сверху. Общественныя группы могутъ, да и должны зарождаться и складываться сами, какъ только въ нихъ возникаетъ потребность, какъ только для нихъ находятся силы. Гдѣ два или три человѣка имѣются одной вѣры, тамъ уже можетъ и должна быть церковь. Это преимущество народной организаціи въ состояніи дать ей значительный выигрышъ во времени.

Кромѣ того, ихъ организація основана на принудительномъ авторитетѣ, ея дѣятельность опредѣляется видами начальства. Въ основѣ общественной организаціи лежитъ сознаніе своего интереса и своего долга, ея дѣятельность опредѣляется общею для всѣхъ цѣлью. Благодаря этому, народная организація можетъ не только не уступать, но и превзойти ихнюю своею сплоченностью и прочностью.

Однако и при наличности этихъ преимуществъ мы оказались не въ состояніи, какъ я уже сказалъ, создать сколько-нибудь прочную и обширную организацію. Съ нами былъ почти весь народъ, но какая ничтожная его часть была сорганизована и въ какихъ непрочныхъ это было сдѣлано формахъ! Напомню хотя бы крестьянскій союзъ, — самую обширную, можетъ быть, по численности организацію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самую аморфную.

«Они», можно сказать, имѣли регулярную, обученную и дисциплинированную армію, мы же могли выставить только ополченіе,— и даже не ополченіе: не рѣдко это была просто на просто толпа, сбѣжавшаяся на звуки набатнаго колокола. И «имъ», конечно, не трудно были эти «скопища» разсѣять. Впрочемъ, послѣднія и сами очень быстро стали расходиться, и на мѣстѣ довольно обширныхъ одно время группъ очень скоро ничего не осталось.

Почему мы не успѣли или не сумѣли воспользоваться преимуществами народной организаціи, — этого вопроса я сейчасъ касаться не буду. Для меня важно было лишь напомнить, что организаціонная задача попрежнему стоитъ передъ нами. «Бюрократическій строй,—писалъ я въ началѣ 1905 года и повторю теперь,—не Юпитеръ и демократія не Минерва. Не готовою появится она передъ нами... Предстоитъ громадная работа надъ сплоченіемъ безсвязныхъ толпъ въ политическія партіи» *). Безъ этого даже демократическія формы государственной организаціи, если бы таковыя у насъ имѣлись, легко были бы захвачены «ими». Но такихъ формъ у насъ нѣтъ, а на тяжкомъ опытѣ мы убѣдились, что безъ предварительной организаціи народныхъ силъ мы ихъ не получимъ. Какъ бы ни были велики «безсвязныя толпы», въ политической борьбѣ — такъ же, какъ и въ подлинной войнѣ, — слишкомъ легко ихъ разсѣять.

Не скоро, конечно, мы дождемся «народной милиціи», — не скоро еще весь народъ будетъ принимать въ общественныхъ дѣ-

*) „Наканунѣ", стр. 26.

лахъ постоянное, изо дня въ день, участіе. Еще долго массы населенія будутъ оставаться, такъ сказать, въ запасѣ и будутъ являться на арену только въ моменты наиболѣе оживленной общественной борьбы. Можно только мечтать о томъ времени, когда весь народъ распредѣлится по свободнымъ политическимъ организаціямъ... Тѣмъ важнѣе имѣть для насъ «постоянную армію»,—и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянные кадры, которые могли бы руководить массами въ ихъ, хотя бы мѣстныхъ и кратковременныхъ, сборахъ и которые были бы способны быстро развернуться во время общаго движенія въ обширныя дѣйствующія единицы.

Наши резервы, какъ мы имѣли возможность убѣдиться, оказались очень большими, но они не были обучены даже въ учебныхъ сборахъ. Даже представленій о томъ, что имѣются разные роды оружія и что въ общественной борьбѣ возможны разныя заданія, масса населенія не имѣла. Если оглянуться съ этой точки зрѣнія на пережитое движеніе, то придется признать, что не слишкомъ рано, а, наоборотъ, слишкомъ поздно появились въ немъ партіи. И съ «взаимными препирательствами» не впередъ мы забѣжали, а скорѣе отстали. Запасные явились, а войсковыхъ частей,—политическихъ партій,—по которымъ они могли бы быстро и свободно распредѣлиться, въ наличности не оказалось, — и ихъ пришлось формировать на спѣхъ. Програмные и тактическіе вопросы для громаднаго большинства явившихся на призывъ были не только не ясны, но и не извѣстны. Многіе изъ нихъ долго недоумѣвали, куда имъ пристать, — и многіе совсѣмъ не туда, быть можетъ, куда слѣдовало, приткнулись. Еще больше оказалось такихъ, которые въ спорныхъ вопросахъ такъ и не разобрались, и до конца продолжали двигаться аморфной толпой, не входя ни въ какія организаціи.

Теперь масса схлынула... Вопросъ о ея организаціи не является, какъ въ разгаръ движенія, неотложнымъ и острымъ. Но къ массовой организаціи необходимо возможно тщательнѣе подготовиться. Для этого необходимо, конечно, прежде всего усилить и развить постоянные кадры. Масса можетъ, да и должна очень скоро опять появиться на аренѣ, и мы должны быть готовы, чтобы быстро сформировать изъ нея правильную политическую армію. Иначе мы опять будемъ разбиты...

Но «они» побѣдили насъ не только организаціей... Какъ это ни странно на первый взглядъ, но приходится признать, что они проявили несравненно больше, чѣмъ мы, энергіи и упорства. Быстро поднявшаяся волна народнаго движенія еще быстрѣе упала. Разсѣянныя «скопища», можно сказать, не сдѣлали попытокъ вновь и вновь собраться. Если бы борьба затянулась, то и сорганизоваться мы, можетъ быть, успѣли бы. Но она слишкомъ быстро кончилась,—кончилась съ нашей стороны. «Они» же, какъ извѣстно, продолжаютъ тѣснить насъ съ неослабѣвающей

энергіей и вмѣстѣ съ тѣмъ развивать свою организацію... Приходится, такимъ образомъ, признать, что они оказались сильнѣе насъ не только физически, но и психически.

Этотъ фактъ, хотя онъ и мало обращалъ на себя вниманія, не трудно констатировать. Труднѣе его осмыслить. Что за причина, въ самомъ дѣлѣ, что «они» оказались такъ упорны, или мы такъ дряблы?

Очень ужъ большіе для нихъ интересы замѣшаны въ борьбу... Таковъ отвѣтъ, который чаще всего приходится въ этомъ случаѣ слышать. Едва ли, однако, его можно признать удовлетворительнымъ и тѣмъ болѣе исчерпывающимъ. Правда, большіе съ ихъ стороны замѣшаны интересы... А съ нашей? Развѣ маленькіе? Можно, конечно, себѣ представить, что даже сытый человѣкъ упорно отстаиваетъ вкусный пирогъ, къ которому онъ присосѣдился. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что голодный долженъ легко поступиться послѣднимъ кускомъ, какой онъ имѣетъ. Между тѣмъ дѣло стоитъ именно такъ: они ведутъ борьбу за вкусный пирогъ, который издавна находится въ ихъ распоряженіи, а трудовой народъ отстаиваетъ послѣднюю, остающуюся у него, корку...

Нѣтъ! Одними интересами и тѣмъ болѣе сравнительнымъ ихъ значеніемъ отмѣченный фактъ не объяснишь. Болѣе, чѣмъ когда либо, какъ мнѣ кажется, умѣстно въ этомъ случаѣ вспомнить, что людей приводятъ въ движеніе не только интересы, но также ихъ идеи, ихъ привычки и даже инстинкты. И къ комплексу этихъ именно психическихъ факторовъ приходится свести интересующій насъ сейчасъ вопросъ.

У нихъ онъ оказался связнѣе, прочнѣе, цѣльнѣе, чѣмъ у насъ. Ихъ «идеологія», если можно такъ выразиться, прирожденная и даже наслѣдственная; она вырабатывалась цѣлыми вѣками, всосана ими съ молокомъ матери, согласована со всѣмъ укладомъ ихъ жизни. Наша «идеологія»—сравнительно недавняго происхожденія, можно сказать, благопріобрѣтенная нами, и при томъ пріобрѣтенная громаднымъ большинствомъ участниковъ движенія на спѣхъ, усвоенная поверхностно, идущая въ разрѣзъ со всѣмъ окружающимъ насъ строемъ жизни, а у многихъ несогласованная даже съ ихъ собственнымъ душевнымъ укладомъ.

Мы склонны всѣ «ихніе» поступки и дѣйствія объяснять интересами и при томъ чаще всего непосредственными. Въ дѣйствительности, однако, явленіе много сложнѣе. Нашлись напримѣръ, какъ извѣстно, «бароны», которые добровольно встали во главѣ карательныхъ отрядовъ, хотя никакого непосредственнаго интереса въ этомъ не имѣли, да и надобности въ этомъ,—по крайней мѣрѣ, въ томъ, чтобы собственноручно разстрѣливать революціонеровъ,—для нихъ не было. Легко понять, что ими руководило: они защищали свою «правду»,—правду, съ которой сроднились, и въ своихъ дѣйствіяхъ, конечно, не видѣли ничего предосудитель-

наго... Вы помните версальскихъ прокуроровъ и судей, какъ они описаны Гл. И. Успенскимъ. Вынесли приговоръ коммунару, а потомъ вышли на крылечко покурить и, равнодушно поглядывая на жену осужденнаго, болтаютъ...

„Одинъ изъ нихъ — разсказываетъ Гл. И. Успенскій, — ругательски ругалъ коммунаровъ, а другой предложилъ на будущее время просто „сбривать имъ головы съ плечъ", и сколько я могъ замѣтить,— прибавляетъ Успенскій,—сказалъ это съ подлинною ненавистью... Тогда я убѣдился, что они дѣйствительно злы и дѣлаютъ такъ, а не иначе именно потому, что злы... Неправедный версальскій судія, убивая въ коммунарѣ ненавистную ему идею, дѣлаетъ это потому, что, допустивъ идею врага, онъ долженъ отказаться отъ своей, которою онъ живетъ и которую онъ *считаетъ справедливою*... Съ своей точки зрѣнія онъ можетъ представить тысячи по его головѣ совершенно логическихъ доводовъ, которые его совершенно оправдываютъ... Вамъ, постороннему наблюдателю, онъ можетъ показаться сумасшедшимъ, но онъ лично совершенно правъ, честенъ предъ своею совѣстью"... *)

Просто это—цѣлостные люди. Таковы же въ сущности и «бароны»... Несомнѣнно, имѣются такіе же цѣлостные люди и среди революціонеровъ. Но какъ ихъ въ общемъ было мало, даже среди тѣхъ, которые всходили на баррикады...

Въ самый неподходящій иногда моментъ въ насъ оживаютъ идеи, сказываются привычки, даютъ себя знать унаслѣдованные инстинкты, совершенно не гармонирующіе съ благопріобрѣтенною нами идеологіей. Стремясь всей душой къ свободѣ, мы нерѣдко поступаемъ, какъ самые форменные рабы; желая равенства, мы держимъ себя господами... И дѣлаемъ это обыкновенно вопреки желанію, даже помимо сознанія.

Русскую интеллигенцію давно уже упрекаютъ въ дряблости. Дѣлались попытки объяснить это явленіе ея классовымъ составомъ. Но мнѣ кажется, что это судьба всѣхъ людей, въ душѣ которыхъ живутъ два міра—старый и новый,—пока тотъ или иной не возьметъ надъ другимъ рѣшительнаго перевѣса. И «дряблость» интеллигенціи, по моему мнѣнію, объясняется именно этой причиной.

Въ пережитой борьбѣ она проявила, однако, на мой взглядъ, гораздо больше стойкости, чѣмъ вовлеченная въ ту же борьбу трудовая масса. Я вовсе не хочу, конечно, этимъ сказать, что послѣдней свойственна отъ природы большая «дряблость». Нѣтъ! новую идеологію трудовой народъ можетъ скорѣе усвоить и лучше съ нею сродниться, чѣмъ вышедшая, главнымъ образомъ, изъ буржуазныхъ рядовъ интеллигенція. Суть въ томъ, что эта идеологія гораздо позднѣе дошла до массы и слишкомъ мало еще въ нее проникла. Одной изъ самыхъ слабыхъ сторонъ пережитаго нами движенія, какъ я думаю, было то, что оно базировалось — поскольку было

*) „Больная совѣсть".

массовымъ — почти исключительно на ближайшихъ интересахъ. «Идеологія» же въ широкихъ кругахъ населенія рѣшительно преобладала старая.

И въ этомъ, по моему мнѣнію, заключается одна изъ основныхъ причинъ, почему наши силы такъ быстро разсѣялись. Понятны даже такъ поражающіе насъ иногда случаи перехода нѣкоторыхъ изъ нихъ на другую сторону. Что удивительнаго, въ самомъ дѣлѣ, если крестьянинъ, который мечталъ только о томъ, чтобы получить кусочекъ земли, и который двинулся когда-то ради этого на помѣщичью усадьбу, теперь отправился за землей въ Сибирь или обратился къ содѣйствію крестьянского банка? Что удивительнаго, если рабочій, мечтавшій только о томъ, чтобы увеличить свой заработокъ, и познакомившійся во время борьбы съ револьверомъ, пользуется теперь имъ для экспропріацій? Если трудно вовсе избавиться отъ стражника, то отчего же не войти съ нимъ въ сдѣлку? Если нельзя было добиться прибавки стачкой, то почему бы не увеличить свой заработокъ доносомъ? Цѣли у этихъ людей остаются тѣ же, они мѣняютъ только дороги. Болѣе высокихъ цѣлей, отъ которыхъ эти новыя дороги удаляютъ, они не видали и не видятъ. И изъ тѣхъ, которые ихъ видѣли, очень многіе этихъ цѣлей не разсмотрѣли и вовсе почти съ ними не сроднились.

Что же удивительнаго, если старый міръ такъ легко въ ихъ душѣ взялъ потомъ перевѣсъ надъ новымъ? Такихъ людей, какъ можно думать, не мало оказалось даже въ партіяхъ. Этимъ, вѣроятно, до извѣстной степени объясняется и наблюдающееся теперь бѣгство изъ партійныхъ организацій. Многіе, видите ли, «въ побывку» отправиться и даже «въ запасъ» выйти надумали. Психологію эту можно понять, но, объективно разсуждая, можно сказать: нашли время для отдыха... подъ висѣлицами.

Слишкомъ мало времени имѣла новая идеологія, чтобы глубже проникнуть въ массы. Другими словами: не только организаціонная, но и пропагандистская работа среди нихъ не была выполнена даже въ самыхъ необходимыхъ предѣлахъ. Волей-неволей агитаторамъ приходилось ограничиваться популяризаціей «лозунговъ» и «ближайшихъ требованій», не задаваясь даже цѣлью измѣнить все міровоззрѣніе своихъ слушателей. «Конечныя цѣли» движенія и неразрывная ихъ связь съ насущными трудовыми интересами для многихъ остались, благодаря этому, не только неясными, но и неизвѣстными. Между тѣмъ, психика людей, можно думать, такова, что наибольшее упорство они проявляютъ въ достиженіи не близкихъ, а далекихъ, и, во всякомъ случаѣ, не маленькихъ, а великихъ цѣлей. Больше всего стойкости, какъ мы знаемъ изъ исторіи, проявляли люди, стремившіеся не къ личному, а къ общему благу, а если и къ личному, то не въ здѣшней жизни, а въ загробной...

Если въ пережитомъ нами движеніи было проявлено слишкомъ

мало стойкости, то потому именно, что въ немъ недостаточно было идеализма. Мнѣ нечего, конечно, прибавлять, что я имѣю въ виду не отдѣльныхъ лицъ и не тѣсные кружки, а широкіе круги населенія.

Въ самыхъ низшихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ широкихъ его слояхъ новая идеологія была такъ мало извѣстна, а старая идеологія настолько прочна, что наши враги сравнительно легко, особенно въ началѣ, находили себѣ въ этихъ слояхъ даже опору. И это, конечно, еще больше увеличивало ихъ не только матеріальную, но и нравственную силу. Если бы они могли и хотѣли удовлетворить ближайшіе интересы трудовыхъ массъ, то надолго бы еще могли упрочить свое положеніе. Но сдѣлать это они не въ состояніи,—и своей политикой сами расшатываютъ свои идейные устои. Въ этомъ заключалась причина нашего, хотя и кратковременнаго, успѣха, и въ этомъ же лежитъ залогъ нашей будущей побѣды. Но пока только будущей...

Что «они» въ прошломъ и настоящемъ не только физически, но и психически оказались сильнѣе насъ, это теперь, хотя и смутно, сознается, повидимому, многими. Этимъ я склоненъ объяснить и тѣ попытки вырвать у нихъ «послѣдній психологическій рессурсъ», о которыхъ мнѣ пришлось говорить въ прошлый разъ, — попытки найти опору для движенія въ національномъ чувствѣ. Сюда же нужно отнести и столь распространенныя теперь религіозныя «исканія». Гдѣ только не ищутъ теперь религіи?! Находятъ ее даже въ театрѣ, даже въ музыкѣ... Подчасъ даже смѣшно становится. Въ основѣ этихъ исканій лежитъ, повидимому, желаніе опереться на религіозную идею. Все хотятъ найти бога, который воодушевилъ бы и насъ, и массы.

Крайне характерно, что въ поиски за богомъ направились даже тѣ, которые прежде прямо чурались идеализма. Я уже не говорю про г. Булгакова, который давно изъ экономическаго матеріализма перебрался въ метафизическій идеализмъ, а теперь чуть ли не перешелъ въ православіе. Назову г. Луначарскаго, который, оставаясь марксистомъ и даже большевикомъ, подъялъ на свои рамена великій трудъ—преобразовать соціализмъ въ религію. Крайне характерно также, что такой индивидуалистъ, какъ г. Горькій, не остановился передъ тѣмъ, чтобы обоготворить массу, и въ «Исповѣди» приписалъ ей чудодѣйственную (въ буквальномъ смыслѣ) силу,— лишь бы найти бога...

Нужно ли намъ вырывать у «нихъ» «психологическій рессурсъ», чтобы воспользоваться ихней идеологіей? Слѣдуетъ ли намъ къ своей идеологіи приклеивать ихъ ярлычки, увѣряя, что соціализмъ— та же религія? Я думаю: не нужно и не слѣдуетъ. Глубокой традиціи, которая «имъ» служитъ опорой, мы можемъ противопоставить достаточно высокіе идеалы. И эти идеалы достаточно увлекательны, чтобы не рядить ихъ въ чуждыя имъ одежды...

Задача, которая стоитъ передъ нами,—иная: пользуясь тѣмъ, что основы ихъ идеологіи расшатаны, мы должны возможно глубже проникнуть съ своей идеологіей въ массу.

Это не значитъ, что мы всѣхъ должны сдѣлать соціалистами. Такъ же, какъ и истинной демократіи, мы не скоро этого дождемся... Сдѣлавъ эту оговорку, сдѣлаю и другую. Выше я сказалъ, что психика нашихъ враговъ цѣльнѣе, но это не значитъ, что у нихъ сплошь все цѣлостные люди. За этими поправками, и только что сформулированная мною задача станетъ яснѣе.

Популяризируя свое міровоззрѣніе въ возможно широкихъ кругахъ населенія, мы должны добиваться, чтобы цѣлостныхъ въ смыслѣ нашей идеологіи людей стало возможно больше, а цѣлостныхъ въ смыслѣ ихъ идеологіи людей стало возможно меньше. Только такимъ путемъ мы и можемъ получить психологическій перевѣсъ надъ ними.

Въ началѣ главы я сказалъ, что вопросъ, почему у насъ не хватило силы, я затрону лишь отчасти. Сказаннаго, полагаю, достаточно, чтобы уяснить «потребности момента», какъ я ихъ понимаю.

Я говорю: «потребности момента», пользуясь выраженіемъ, которое употребили «Одесскія Новости». Прибавляю: отъ насъ зависитъ, чтобы этотъ «моментъ» не оказался цѣлой эпохой...

IV.

А теперь мы можемъ вернуться къ основной темѣ настоящаго очерка—къ «объединенію и обобщенію». Удачна ли эта формула? Дѣйствительно ли она выражаетъ основную «потребность момента»? Другими словами: дѣйствительно ли мы создадимъ силу, которой у насъ не хватило, если пойдемъ тѣмъ путемъ, какой намъ рекомендуютъ сторонники «смѣсей»? Думаю, что послѣ сказаннаго я могу быть краткъ.

Прочныхъ организацій путемъ механическаго объединенія разнородныхъ элементовъ мы, конечно, не получимъ. Какъ бы мы тщательно ни замазывали щели и какъ бы старательно ни уберегались отъ взаимныхъ препирательствъ, склеенная изъ кусочковъ оппозиція все равно вѣдь расколется. И не такую, конечно, хрупкую вещь можно противопоставить прочной организаціи тѣхъ, которые насъ побѣдили.

Нѣкоторые сторонники «объединенія» объ этомъ, повидимому, и не мечтаютъ. Они надѣются лишь сохранить до поры до времени уцѣлѣвшія силы, сведя ихъ въ сборные отряды. Мнѣ кажется, однако, что это будутъ скорѣе сбродные отряды, и собранныя въ нихъ силы еще быстрѣе начнутъ таять. Во всякомъ случаѣ сравнительно съ громадностью задачъ, которыя стоятъ передъ

нами, такіе отряды представляются столь жалкими, что даже говорить о нихъ не стоитъ. Не сохранить силы, а создать ихъ—вотъ что намъ нужно.

И къ методу «объединенія» можно относиться серьезно постольку лишь, поскольку на него возлагается именно эта задача. А такія надежды, какъ мы уже знаемъ, дѣйствительно, имѣются. «Пестрыя и разноголосыя сочетанія» г. С. О. разсматриваетъ, какъ «авангардъ всего, что способно къ жизни, къ дѣйствію, къ борьбѣ». Г. Жилкинъ провидитъ въ смѣсяхъ «интересныя новообразованія общественныхъ силъ». Г. Бикерманъ ни много ни мало обѣщаетъ имъ все будущее...

Но въ этихъ надеждахъ для меня сквозятъ планы прошлаго... Еще недавно передъ нами находилась возбужденная толпа, которая не въ состояніи была разобраться въ партіяхъ. Нужно было спѣшить съ ея организаціей, — и мы готовы были воспользоваться какой угодно формой. Тогда то общественная мысль, какъ мнѣ кажется, и получила склонность къ смѣшаннымъ организаціямъ. Обстоятельства послѣ того рѣзко измѣнились, но склонность къ организаціямъ на скору руку, повидимому, сохранилась. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться временемъ, которое, къ несчастью, у насъ оказалось, и направить всѣ силы на то, чтобы путемъ политическаго воспитанія поднять обывателя, неспособнаго разбираться въ программныхъ и тактическихъ вопросахъ, до уровня партійной организаціи, выступаютъ люди съ планами понизить типъ организаціи до уровня этого обывателя. Больше того: этого обывателя начинаютъ идеализировать, у него приглашаютъ учиться. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, г. Бикерманъ:

> Каждому, кто знакомъ съ политическою жизнью у насъ, извѣстно, какъ упорно наиболѣе разумные, наиболѣе опытные, наиболѣе преданные интересамъ народа (видите, сколько комплиментовъ! А. П.) люди „на мѣстахъ" сопротивляются всѣмъ попыткамъ пріобщить ихъ къ тому или другому „направленію". Они сочувствуютъ отдѣльнымъ дѣйствіямъ, или, вѣрнѣе, опредѣленной дѣятельности въ опредѣленное время, поддерживаютъ, помогаютъ своими силами и разумѣніемъ, но всячески избѣгаютъ присоединиться „къ направленію", точно на нихъ хотятъ наложить ярмо какое. Человѣкъ съ „направленіемъ" пожимаетъ плечами, злится и ругаетъ упорствующаго „обывателя". Но обыватель знаетъ, чувствуетъ, какъ опасно мнимое знаніе, какимъ тормазомъ оно служитъ въ жизни, какъ путаютъ и безпомощно путаются тѣ, у кого имѣются планы и расписанія на всю жизнь...

Такъ какъ г. Бикерманъ рѣшилъ «направленіе» уничтожить, а «партіи» превратить въ смѣси, то у него и получилось, что обыватель ненавидитъ «направленія». Въ дѣйствительности же, обыватель—по крайней мѣрѣ тотъ, кого можно, хотя бы съ натяжкой назвать «наиболѣе разумнымъ, наиболѣе опытнымъ и наиболѣе преданнымъ интересамъ народа»,—чувствуетъ антипатію не къ направленію, а къ партіямъ, и по очень простой причинѣ: партійная

организація съ ея дисциплиной ему, дѣйствительно, кажется «ярмомъ», въ которое, благо есть возможность, лучше не впрягаться. Что касается массоваго обывателя, то о «направленіи» онъ часто и понятія не имѣетъ.

Между тѣмъ, планы смѣшанныхъ организацій строятся вѣдь въ разсчетѣ на этого именно массоваго обывателя. Людямъ кажется, что стоитъ только принизить организацію до его уровня, и онъ валомъ въ нее повалитъ. Въ дѣйствительности, однако, этотъ обыватель схлынулъ, осѣлъ,—и, пока вамъ не удалось оживить его, пока онъ вновь не появился на общественной аренѣ, до тѣхъ поръ не только въ партійную организацію, но и въ смѣшанную вы все равно его не заманите. Тѣ же элементы, которые сохранили еще активность, достаточно сознательны не только для того, чтобы разобраться въ партіяхъ, но и для того, чтобы понять, что безъ партій въ политической жизни все равно не обойтись.

Правда, и въ этой средѣ наблюдается сейчасъ особо сильное охлажденіе къ партіямъ, въ отношеніяхъ къ нимъ проглядываетъ порою прямо ненависть. Многіе спѣшатъ заявить и даже афишировать свою «безпартійность». Партіи не справились съ выпавшей на ихъ долю задачей ,—поэтому: долой партіи! Что же, однако, вмѣсто нихъ предлагается? Остаться безъ организаціи? — но это значитъ остаться безъ свободы и безъ всего, что намъ нужно. Смѣси? но смѣшанныя организаціи мы уже испытали. Много ихъ было,—и онѣ тоже выпавшей на нихъ задачи не выполнили. Отличіе ихъ отъ партій въ томъ лишь оказалось, что послѣднія сохранили хоть какія-нибудь силы, отъ смѣшанныхъ же политическихъ организацій даже слѣда не осталось.

Въ организаціонномъ отношеніи «смѣси» представляютъ несомнѣнный шагъ назадъ, и, что хуже всего, онъ обязываетъ къ дальнѣйшимъ въ томъ же направленіи. Чтобы «объединить» разнородные элементы, нужно урѣзать программы, отказаться отъ далекихъ и тѣмъ болѣе отъ конечныхъ цѣлей. А вмѣстѣ съ тѣмъ нужно откинуть и идеи. Вѣдь это не случайность, что г. Бикерманъ, задумавшій путемъ «смѣсей» потрафить «обывателю», призналъ необходимымъ уничтожить «направленіе»—эту «минимальную связь, политически объединяющую людей». Дальше остается одно: «безсвязныя толпы» или «толкучка». Легко понять, что это путь не организаціи народныхъ силъ, а ихъ дальнѣйшей дезорганизаціи,—такой дезорганизаціи, какой не было даже при Плеве. «Минимальную связь» желаютъ вѣдь упразднить даже въ средѣ интеллигенціи.

Задавшись цѣлью подладиться къ «обывателю», нужно идти очень далеко. Приходится освободить его не только отъ «ярма», какое накладываетъ организація, но и отъ «ярма», какое накладываетъ идея. Къ такому «освобожденію» и приступилъ уже г. Бикерманъ. Онъ убѣждаетъ читателей, что имъ необходимо освобо-

диться отъ «властителя думъ», наличность какового будто бы составляетъ характерный признакъ «направленія».

Теперь—пишетъ онъ—не можетъ и не должно быть рабства духа и мысли. Такъ какъ мы изъ воображаемаго міра революціей перешли въ міръ дѣйствительности, то русскій интеллигентъ, толкаемый силою вещей, переходитъ отъ религіознаго склада мыслей къ свѣтскому.. Для человѣка свѣтскаго образа мыслей мѣрою вещей служитъ онъ самъ—его разумъ и совѣсть, а не внѣшнее предписаніе, не авторитеты. Выростаетъ самостоятельность человѣка...

Я могъ бы указать г. Бикерману, что ту же самую работу, какъ и онъ, но только съ другого конца, давно уже выполняетъ г. Пильскій: онъ тоже освобождаетъ своихъ читателей отъ «рабства духа и мысли», тоже убѣждаетъ ихъ, что теперь, когда произошла революція, они должны сдѣлаться «мѣрою вещей», быть, какъ «боги», и не смущаться даже тѣмъ, если «Демьяновъ любитъ не Марью и Екатерину, а Ивана или Кузьму» *).

Но цѣли у г. Бикермана все-таки иныя. Не въ половой анархизмъ онъ увлекаетъ читателей, а въ иную сторону. Позиція, которую заняло «Бодрое Слово», во многомъ напоминаютъ позицію, какую въ «глухіе годы старой реакціи» занимала покойная «Недѣля». Послѣдняя отказалась отъ «великихъ задачъ», «Бодрое Слово» отказывается отъ «конечныхъ цѣлей»; «Недѣля» рекомендовала заняться «малыми дѣлами», «Бодрое Слово» доказываетъ, что «довлѣетъ дневи злоба его», и совѣтуетъ заняться «передвиганіемъ креста», который давитъ, не мечтая его сбросить. Разница въ томъ лишь, что новые «восьмидесятники» идутъ дальше, радикальнѣе. «Недѣля» рекомендовала свою программу на «время», а «Бодрое Слово» предлагаетъ ее навѣки. И, что хуже всего, на публику «Бодрое Слово» на ту же разсчитываетъ, на какую разсчитывало въ свое время «Недѣля»,—не на интеллигенцію, которая во многомъ уже разобралась, а на интеллигенцію, которая хочетъ, да и должна еще разбираться. И результаты, я боюсь, получатся тѣ же.

Что иное, кромѣ индиферентизма, могутъ поселить въ душѣ читателя подносимыя ему «смѣси»? Получится ли изъ этихъ смѣсей какое «обобщеніе»—не извѣстно, но что смута будетъ посѣяна въ головахъ читателей—это несомнѣнно. Вы воспитаете въ нихъ такую «терпимость», которая будетъ равносильна безразличію, и пріучите ихъ къ такой «свободѣ», которая равносильна безпринципности. Гдѣ столь шумѣвшіе когда-то восьмидесятники? Гдѣ ея дѣятели? Чѣмъ они проявили себя въ великомъ движеніи? Изъ былыхъ дѣятелей «Недѣли» достаточно громко заявилъ о себѣ лишь одинъ, и этотъ одинъ—никто иной, какъ г. Меньшиковъ.

Идти путемъ «смѣсей» это значитъ не собирать и не созда-

---

*) „Свободныя Мысли" („Понедѣльникъ"), 20 августа 1907 года.

вать, а разсѣивать и разрушать народныя силы,—не только физическія, но и психическія.

Я понимаю, что многихъ смущаетъ обиліе ручьевъ, на которые раздѣлилась оппозиція,—даже въ «направленіяхъ» ихъ получилось по нѣсколько. И вотъ является мечта: хорошо, если бы эти ручьи объединились,—получилась бы довольно порядочная рѣчка... Но вѣдь вернуть ручьи къ ихъ источнику невозможно; задержать ихъ бѣгъ въ надеждѣ, что они сольются,—это значитъ только заболотить находящееся между ними пространство. Пусть текутъ и скорѣе сбѣгаютъ съ горы въ равнину,—съ интеллигентныхъ верховъ въ широкія массы. Возможно, что нѣкоторые изъ этихъ ручьевъ по дорогѣ изсякнутъ, другіе—сольются. Но не задавайтесь цѣлью задержать ихъ теченіе, искусственнымъ путемъ собрать ихъ въ одно русло. Достаточно много живой воды вы такимъ путемъ все равно не соберете. Равнина же передъ ними лежитъ обширная и такъ живой воды на много рѣкъ хватитъ,—и тѣ изъ нихъ, которыя ее прорѣжутъ, будутъ достаточно многоводны, чтобы снести плотину.

Въ прошлый разъ я сообщилъ уже читателямъ, что по поводу моей статьи «Сумятица» предстоитъ третейское разбирательство между мною и г. Василевскимъ. Въ виду протеста послѣдняго, я немедленно пересмотрѣлъ данныя мною въ той статьѣ рѣзко-отрицательныя характеристики органовъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе. При этомъ я убѣдился, что мое огульное утвержденіе относительно «видной примѣси беззастѣнчивой порнографіи» въ «Понедѣльникахъ» (я имѣлъ въ виду всѣ понедѣльничныя газеты, какія выходили въ Петербургѣ, и когда писалъ свою статью, то основывался на общемъ впечатлѣніи, какое у меня отъ нихъ осталось) не можетъ считаться достаточно обоснованнымъ, такъ какъ, поскольку дѣло касается «Понедѣльниковъ», выходившихъ подъ редакціей г. Василевскаго, оно къ нимъ не приложимо. Объ этомъ я немедленно заявилъ особымъ письмомъ въ газету «Рѣчь», каковое письмо было затѣмъ перепечатано мною и въ «Русскомъ Богатствѣ». Сформировавшемуся послѣ того третейскому суду (въ составъ его вошли въ качествѣ арбитровъ съ моей стороны К. К. Арсеньевъ и В. И. Семевскій, со стороны г. Василевскаго—Д. М. Герценштейнъ и Е. А. Ляцкій, при суперъ-арбитрѣ А. С. Посниковѣ) пришлось высказать свое мнѣніе лишь относительно другого мѣста моей статьи, инкриминированнаго г. Василевскимъ, гдѣ онъ былъ названъ по фамиліи. Постановленіе суда привожу полностью.

17 и 24 ноября 1908 г. Третейскій Судъ, подъ предсѣдательствомъ А. С. Посникова, въ составѣ К. К. Арсеньева, Д. М. Герценштейна, Е. А. Ляцкаго и В. И. Семевскаго, разсмотрѣлъ, по просьбѣ и съ согласія сторонъ, дѣло, возбужденное И. М. Василевскимъ противъ А. В. Пѣшехо-

нова, какъ автора статьи „Сумятица", появившейся въ № 10 „Русскаго Богатства" за 1908 г.

А. В. Пѣшехоновъ въ письмѣ, напечатанномъ въ № 272 „Рѣчи", отъ 9 ноября 1908 г., призналъ свое обвиненіе понедѣльничныхъ газетъ, выходившихъ подъ редакціей И. М. Василевскаго, въ „видной примѣси беззастѣнчивой порнографіи" ошибочнымъ и въ этой части дѣла, подлежавшаго разсмотрѣнію суда, И. М. Василевскій призналъ себя удовлетвореннымъ.

Что касается второй части обвиненія, возбужденнаго И. М. Василевскимъ противъ А. В. Пѣшехонова по поводу отзыва послѣдняго о книжкахъ VII и VIII журнала „Образованіе", то Судъ остановился на той фразѣ инкриминируемой статьи, которая начинается словомъ „Идти" и кончается словомъ „г. Василевскимъ" (стр. 78). Ознакомившись съ тѣми беллетристическими произведеніями въ названныхъ книжкахъ журнала „Образованіе", на которыя указалъ Суду А. В. Пѣшехоновъ, и выслушавъ объясненія И. М. Василевскаго о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ происходило редактированіе имъ этихъ книжекъ, и А. В. Пѣшехонова о мотивахъ его рѣзко-отрицательнаго отношенія къ дѣятельности И. М. Василевскаго, какъ редактора „Образованія", Судъ постановилъ:

Въ виду крайне порнографическаго содержанія VII и отчасти VIII книжекъ „Образованія" за 1908 г. А. В. Пѣшехоновъ имѣлъ полное основаніе отнестись съ самымъ суровымъ осужденіемъ къ дѣятельности И. М. Василевскаго, какъ редактора этихъ двухъ книжекъ журнала. Ему слѣдовало лишь воздержаться отъ употребленія выраженія, слишкомъ тяжело упадающаго на того, противъ кого оно направлено, и недопустимаго въ печати. Нѣкоторымъ извиненіемъ для И. М. Василевскаго служитъ неопытность его, какъ редактора ежемѣсячнаго журнала, уваженіе къ прежней редакціи, отъ которой онъ получилъ часть напечатанныхъ имъ въ VII кн. „Образованія" произведеній, и послѣдующія его усилія придать этому журналу иной характеръ. Но эти обстоятельства не были извѣстны А. В. Пѣшехонову въ моментъ написанія имъ статьи.

А. Посниковъ.
К. Арсеньевъ.
Д. Гриенштейнъ.
Е. Ляцкій.
В. Семевскій.

Для меня—какъ я заявилъ и Суду—было важно, конечно, не выраженіе, а моя мысль, мое отрицательное отношеніе къ извѣстному общественному явленію. Постановленіе Суда, признавшаго, что я имѣлъ полное основаніе для такого отношенія, является для меня своего рода нравственнымъ удовлетвореніемъ.

А. Пѣшехоновъ.

Политика.

Краткая характеристика 1908 года и его историческаго смысла и значенія.

I.

Давно человѣчество не переживало такого года всеобщаго напряженія, какъ годъ 1908, нынѣ завершающій свое историческое творчество. Среди самаго напряженнаго возбужденія поставлены были вопросы политическіе, экономическіе и культурные первоклассного значенія. Напряженное возбужденіе охватило народы Европы и Азіи, страны Стараго и Новаго Свѣта... Всюду колебались основы сложившагося быта. Вездѣ въ ожесточенной борьбѣ намѣчались перспективы будущаго, и ближайшаго, и болѣе отдаленнаго. Отсталые народы пробивались къ политической свободѣ и народному правленію, этимъ первымъ основнымъ условіямъ благосостоянія, могущества и прогресса. Народы передовые, уже прочно обладающіе этими основными условіями не стыднаго существованія, вели битву за соціальные реформы, за вопросы экономическаго и культурнаго быта, все шире и рѣшительнѣе выдвигаемые народною совѣстью, все глубже освѣщаемые и подготовляемые работою мыслящаго человѣчества. Наконецъ, и сама игра международной исторіи все болѣе и болѣе выражается въ борьбѣ за принципы, за политическіе и культурно-соціальные устои народнаго быта, отодвигая на второй планъ еще недавно господствовавшую «реальную политику» (Realpolitik временъ нѣмецкой гегемоніи) и колебля господство «имперіализма» (Weltpolitik недавней нѣмецкой гегемоніи). Эпоха бисмаркизма во внутренней нѣмецкой исторіи и въ международной политикѣ, повидимому, уже побѣждена человѣчествомъ, хотя еще сохраняетъ сильныя позиціи и способна еще на упорную борьбу за былое господство въ семъ мірѣ. Міръ много претерпѣлъ отъ Realpolitik и еще болѣе отъ Weltpolitik, сихъ чудовищъ, порождаемыхъ союзомъ деспотизма, феодализма и плутократіи. Огромнымъ могуществомъ обладаетъ этотъ союзъ, и такой же мощью надѣлилъ онъ и свои чудовища «реальной» и «міровой» политики. Тѣмъ не менѣе, господство этой злой силы поколеблено, и годъ 1908 отмѣченъ новыми ударами по недавно безраздѣльному господству началъ «реальной» и «міровой» политики.

Что такое *реальная политика* (выраженіе, введенное въ обиходъ международной жизни Бисмаркомъ)? Не болѣе и не менѣе, какъ провозглашеніе матеріальныхъ (иначе «реальныхъ») интересовъ государства *единственнымъ* критеріемъ, направляющимъ международную дѣятельность правительствъ. Этимъ на-

правляющимъ критеріемъ не являются ни религіозныя проблемы (политика католическая, протестантская, православная, клерикальная, свободомыслящая и т. д.), ни политическіе вопросы (консерватизмъ и либерализмъ, группировавшіе державы добисмарковскаго періода), ни даже династическіе... *Бери, что можешь взять*, и *хватай, что можно схватить*, такова несложная проблема реальной политики, несложная по идеѣ и весьма сложная по выполненію, такъ какъ при отсутствіи принципіальной группировки международныхъ силъ приходится данной дипломатіи во всякомъ покушеніи на «бери» и «хватай» обезпечить благопріятную группировку этихъ силъ. Древнее правило do ut des здѣсь господствуетъ и, напр., за поддержку въ Марокко надо поддержать въ Босніи Коммерческія сдѣлки между дипломатами составляютъ, такимъ образомъ, основу реальной политики.

Дальнѣйшимъ развитіемъ реальной политики Бисмарка явилась Weltpolitik, выраженіе, вошедшее во всеобщее употребленіе уже послѣ Бисмарка и составлявшее до послѣдняго времени (до конца 1908 года) основаніе международной политики Германіи и ея императора. Это выраженіе въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ замѣняется словомъ «имперіализмъ», какъ англо-саксы называютъ эту дипломатическую школу. Но что такое *имперіализмъ* англо-саксовъ и *міровая политика* континентальныхъ германцевъ? Въ идеѣ это — экономическое, культурное и политическое подчиненіе всего остального человѣчества, но, въ дѣйствительности, при существованіи нѣсколькихъ конкурирующихъ между собою «имперіализмовъ», міровая политика выражалась *покуда* въ стремленіи размежеваться, раздѣливъ владычество надъ человѣчествомъ. Такимъ образомъ, *коммерческія сдѣлки* здѣсь должны бы заключаться только между тѣми силами, которыя достаточно могущественны для имперіалистской политики. Относительное могущество международныхъ силъ, усвоившихъ имперіализмъ, исторія еще недостаточно выяснила. Благодаря этому и коммерческія сдѣлки между этими силами пока мало выражены.

Представителями *міровой политики* являются въ Англіи — Чемберлэнъ и Ландсдоунъ, въ Соединенныхъ Штатахъ—Рузвельтъ и Тафтъ, въ Германіи—самъ кайзеръ Вильгельмъ. Въ Россіи міровая политика потерпѣла такое пораженіе на поляхъ Манчжуріи и на водахъ Тихаго Океана, что возрожденіе ея въ скоромъ времени мало вѣроятно. Во Франціи вкусъ въ міровой политикѣ утраченъ со времени постыднаго крушенія Наполеона III, послѣдняго французскаго Weltpolitiker'а. «Счастливая» Австрія слишкомъ слаба для міровой политики. Въ Италіи нѣтъ къ такой политикѣ влеченія. Японія очень осторожна. Возрожденная Турція, повидимому, отложила панъ-исламистскія вожделѣнія своего султана, этотъ видъ своеобразнаго имперіализма. Такимъ образомъ, изъ реальныхъ

международныхъ силъ заключаютъ въ себѣ сильные ростки имперіализма только Соединенные Штаты, Англія и Германія.

II.

Въ Англіи со временъ торжества либераловъ «имперіализмъ» въ значительной степени потерялъ прежнее господство. При торійскихъ кабинетахъ онъ царилъ въ лондонскомъ правительствѣ безраздѣльно. Слабая оппозиція раздѣленной именно по этому вопросу либеральной партіи только сильнѣе подчеркивала силу и блескъ имперіализма Чемберлэна, Бальфура и Ландсдоуна, поддержанныхъ слѣва, изъ среды самой либеральной оппозиціи такими политическими фигурами, какъ Розберри, Грей и Асквитъ. Окончательное упроченіе британскаго протектората въ Египтѣ (маскированная аннексія), покореніе буровъ и ихъ обширныхъ и богатыхъ территорій; захватъ Вей-ха-Вея и Кулуна въ Китаѣ; *тамъ же* включеніе въ сферу британскаго вліянія всего бассейна Голубой Рѣки; *тамъ же* договоръ о надзорѣ за таможнями, о свободномъ судоходствѣ по всѣмъ внутреннимъ воднымъ путямъ имперіи богдыхана, объ отмѣнѣ внутреннихъ пошлинъ (ликинъ) и пр.; союзный договоръ съ Японіей; дипломатическая побѣда надъ Франціей по поводу инцидента съ Фашодой (на верхнемъ Нилѣ); военный походъ въ Тибетъ и его открытіе для свободной торговли; вытѣсненіе турокъ изъ Ки-вейта, гавани въ Персидскомъ заливѣ,— таковы плоды имперіалистской политики торійскихъ кабинетовъ (сначала кабинета Салисбюри, потомъ кабинета Бальфура) за послѣдніе годы передъ тѣмъ, какъ они были устранены отъ власти избирателями. Огромное развитіе флота и сближеніе съ колоніями на экономической почвѣ дополнили собою эти огромные успѣхи британской міровой политики. Избиратели, однако, быть можетъ, и готовы были одобрить эти успѣхи, значительно расширившіе область британскаго политическаго, экономическаго и культурнаго господства, но сопровождавшіе расцвѣтъ имперіализма застой во внутреннихъ дѣлахъ, разстройство финансовъ и даже реакціонныя мѣропріятія (какъ школьный законъ, проведенный Бальфуромъ), побудили избирателей предпочесть либераловъ, которые и образовали сначала кабинетъ Баннермана-Кампбеля (ум. въ 1908), а затѣмъ кабинетъ Асквита. Упорное до ослѣпленія сопротивленіе палаты лордовъ очень ограничило реформаторскую дѣятельность либеральныхъ кабинетовъ, но они успѣли поправить финансы и направили иностранную политику по новому пути. Сближеніе, почти союзъ съ Франціей, было первымъ дѣломъ либеральнаго кабинета. Затѣмъ, были заключены договоры объ обязательномъ третейскомъ разбирательствѣ съ Франціей, Соединенными Штатами Сѣверной Америки и многими второстепенными государствами Европы и Америки. На

Гаагской конференціи (второй) Англія поднимала вопросъ о частичномъ разоруженіи и явилась сторонницей самаго широкаго примѣненія третейскаго международнаго суда. Въ 1907 году Англія заключила съ Россіей формальные договоры о Тибетѣ, Афганистанѣ и Персіи, много ослабившіе англо-русское соперничество въ этихъ странахъ. Въ 1908 году къ этому прибавилось соглашеніе о солидарной политикѣ на Ближнемъ Востокѣ (въ Персіи и Турціи), много обѣщающее въ смыслѣ торжества международной справедливости въ упомянутыхъ земляхъ. Франція всецѣло одобрила это соглашеніе, Италія ему сочувствуетъ. Оно было бы эрою новаго международнаго строя (обезпечена его началамъ еще поддержка Соединенныхъ Штатовъ, Японіи и большинства второстепенныхъ государствъ Новаго и Стараго Свѣта), если бы не вліяніе Берлина и Вѣны на русскую политику, сильно поддерживаемое печальнымъ оборотомъ внутренней русской исторіи. Эти обстоятельства способны внушить тревогу за будущее, но въ характеризуемомъ теперь 1908 году англо-франко-русское соглашеніе оказывало свое сильное вліяніе на ходъ исторіи. Оно заступилось за конституціонную Турцію противъ Австріи и Германія. Въ Персіи оно поддерживало конституціонализмъ противъ абсолютистской реакціи.

Такимъ образомъ, тотъ умѣренный имперіализмъ, котораго придерживается нѣкоторая часть либераловъ, не помѣшалъ либеральнымъ кабинетамъ не только британскую, но и европейскую международную политику направить по новому руслу. Группировка международныхъ силъ по отстаиваемымъ ими принципамъ, которая проявлялась въ европейской исторіи и раньше, легла въ основу британской политики, а огромное значеніе британской воли во всемірной исторіи привело въ это русло и другія крупныя силы, положивъ предѣлъ господству реальной политики и поколебавъ имперіализмъ. Упрочится-ли это положеніе, покажетъ будущее, но 1908 годъ это положеніе создалъ и сдѣлалъ многое для его укрѣпленія и развитія.

III.

Если бы въ Россіи въ концѣ концовъ утвердились политическая свобода и народное правленіе, то было бы полное основаніе ожидать и упроченія новаго международнаго строя, котораго возникновеніемъ человѣчество обязано британскому политическому творчеству. Гадать о русскомъ будущемъ мы здѣсь не будемъ, но, и помимо возможныхъ случайностей въ этомъ направленіи, старый международный строй сохраняетъ, какъ мы выше уже говорили, сильныя позиціи и не уступитъ новому безъ рѣшительной борьбы. Эти позиціи, главнымъ образомъ въ Берлинѣ, но передовыя, гдѣ уже завязывается (покуда безкровная) битва, находится въ Вѣнѣ.

Дѣло въ 1908 году обстояло такъ: въ іюлѣ произошелъ въ

Турціи военный переворотъ, и престарѣлый тиранъ, какимъ всѣ тридцать годовъ царствованія являлся султанъ Абдулъ-Гамидъ, очутился въ рукахъ своихъ злѣйшихъ враговъ, друзей народа, свободы и просвѣщенія, въ рукахъ младотурковъ. Осторожные и разсчетливые вожди восторжествовавшей прогрессивной партіи не увлеклись чувствомъ мести, не устранили тѣмъ или другимъ способомъ больного и стараго султана, но предпочли сдѣлать его послушнымъ орудіемъ въ своихъ рукахъ. Абдулъ-Гамидъ капитулировалъ и является лучшимъ заложникомъ противъ всякихъ заговоровъ реакціонеровъ. Мирное преобразованіе Оттоманской имперіи всячески налаживалось, когда друзья-сосѣди постарались бросить палки въ колеса новымъ правителямъ Турціи. Австро-Венгрія вдругъ объявила о присоединеніи Босніи и Герцеговины къ помѣстьямъ фамиліи Габсбурговъ. Фактически Боснія и Герцеговина находятся во власти Габсбурговъ уже тридцать лѣтъ, и суверенитетъ султана былъ чисто номинальный, но турецкое національное чувство, полагаясь не неотмѣнимость этого суверенитета, не разставалось съ мыслью о возсоединеніи провинцій, отторгнутыхъ не австрійскими, а русскими побѣдами. Поэтому австрійское заявленіе объ отмѣнѣ въ этихъ областяхъ султанскаго суверенитета и объ окончательномъ присоединеніи ихъ къ Австро-Венгріи произвело тягостное впечатлѣніе, а реакціонеры начали указывать, что Австрія при новомъ строѣ посмѣла то совершить, чего не рѣшалась при старомъ. Въ этихъ обстоятельствахъ новому турецкому правительству было одинаково опасно уступить или сопротивляться. Опасность исходила бы не столько отъ самой Австріи, сколько отъ возможныхъ, почти неизбѣжныхъ внутреннихъ смутъ и замѣшательствъ.

Эта опасность значительно усиливалась еще объявленіемъ независимости Болгаріей. И здѣсь фактически Болгарія была независима, но эта односторонняя, безъ соглашенія съ Портой, отмѣна султанскаго суверенитета заставляла чувствовать обиду въ нарушеніи такъ или иначе узаконеннаго порядка вещей. И опять-таки казалось, что при старомъ режимѣ этого не смѣли. Положеніе было затруднительное и нельзя отказать младотуркамъ въ искусствѣ, съ которымъ они справились съ возбужденіемъ первыхъ дней, а затѣмъ пришла иностранная поддержка и въ этой опорѣ національное чувство нашло нравственное удовлетвореніе и надежду на будущее. Англія сразу опротестовала нарушеніе берлинскаго трактата и заявила, что не допуститъ никакихъ посягательствъ на новый турецкій режимъ. Затѣмъ Россія предложила конференцію, на судъ которой Австрія должна отдать свой актъ босно-герцеговинской аннексіи. Англія, Франція, Италія, Турція дали свое согласіе. Германія обусловила свое участіе согласіемъ Австріи; Австрія тянетъ переговоры, но, кажется, не избѣжать ей такъ называемой компенсаціи: кромѣ уже заявленнаго ею очищенія Нови-базарскаго

санджака, отъ нея желаютъ гарантіи широкой автономіи Босніи и Герцеговины и принятія на себя части турецкаго долга, соотвѣтственно численности населенія. Вѣроятно, придется на это согласиться, хотя и подъ какимъ-нибудь почетнымъ соусомъ. Переговоры продолжаются.

Эта частичная неудача австрійскихъ реальполитикеровъ составляетъ тоже крупное событіе отчетнаго года. Тѣмъ оно знаменательнѣе, что за Австріей стояла Германія. Центральнымъ свѣтиломъ реальполитики является долгіе годы Германія, а затѣмъ она же стала могучимъ проводникомъ и вельтполитики. Въ 1908 году и въ этомъ направленіи случились немаловажныя событія.

До паденія Бисмарка Германія вела реальную политику, хватая все, что можно схватить, но сила исторической необходимости уже тогда толкала ее на развитіе реальной политики въ міровую. Отсутствіе колоній и неимѣніе сильнаго флота были препятствіемъ Флотомъ понемногу обзаводились. Пріобрѣтали и колоніи, все оброщенное другими, ранѣе на жатву вышедшими. Въ такомъ видѣ получилъ Вильгельмъ II эту сторону нѣмецкой національной жизни. За двадцать лѣтъ правленія онъ сдѣлалъ чудеса въ этомъ отношеніи. Германскій флотъ теперь второй по силѣ флотъ міра. Только британскій его превосходитъ. И то, лишь благодаря усиленному военному судостроенію въ Англіи, которая, глядя на Германію, все развиваетъ свое военное судостроеніе. И относительно колоній сдѣлано все возможное. У Испаніи куплены Маріанскіе и Каролинскіе острова; по соглашенію съ Англіей и Соединенными Штатами установленъ нѣмецкій протекторатъ надъ архипелагомъ Самоа; уничтожено французское преобладаніе въ Марокко; захваченъ въ Китаѣ Кяочау; многое сдѣлано для развитія африканскихъ владѣній... Но всего этого мало для вельтполитики. Это опорные пункты, а главное упованіе—флотъ и неоскудѣвающая рука парламента, готоваго на всякія жертвы для развитія германскаго морского могущества. Это направленіе нѣмецкой исторіи прочно сложилось и пользуется сочувствіемъ значительнаго большинства націи. Съ виду трудно было ожидать, что именно на этой почвѣ можетъ произойти конфликтъ между правительствомъ и народнымъ представительствомъ И, однако, это и произошло... Вильгельмъ главный создатель германской вельтполитики. Своей энергіей и настойчивостью, а подчасъ и своимъ дипломатическимъ маккіавелизмомъ онъ даровалъ Германіи и эту морскую силу, и созидающуюся постепенно колоніальную имперію, и благопріятную группировку международныхъ силъ. Многое изъ этихъ успѣховъ достигнуто личною иниціативою, личною политикою Вильгельма, но нѣмецкая нація политически росла и, наконецъ, переросла періодъ личной политики. 1908 годъ обнаружилъ это съ поразительною ясностью. Вильгельмъ принужденъ былъ отступить передъ народнымъ представительствомъ, и неизвѣстно, чѣмъ этотъ инцидентъ кончится для Вильгельма, но для

Германіи онъ закончится торжествомъ народнаго правленія. Теперь и народное представительство въ Германіи заражено имперіализмомъ, но здѣсь въ этихъ условіяхъ этотъ угаръ не можетъ быть долговѣчнымъ. И въ Германіи, этомъ покамѣстъ плацдармѣ международнаго имперіализма, въ 1908 году произошло событіе, подготовляющее его паденіе.

Объ имперіализмѣ въ Соединенныхъ Штатахъ я подробнѣе писалъ въ прошлой книжкѣ «Русскаго Богатства», а здѣсь позволительно прибавить, что американскій матеріализмъ распространяетъ свои притязанія на Америку и Тихій Океанъ, при чемъ для Тихаго Океана стремится упрочить statu quo. Въ этихъ предѣлахъ конфликтъ съ Европою почти невѣроятенъ, а конфликтъ съ Японіей, повидимому, устраненъ. Что касается будущаго, то, конечно, американскій народъ рано или поздно прогонитъ отъ власти своихъ плутократовъ, а съ этимъ исчезнетъ имперіализмъ.

Таковъ общій строй отношеній и событій, какъ они сложились къ началу 1909 года, которому пожелаемъ проявить новое творчество въ направленіи, уже намѣченномъ первыми годами XX вѣка. И да отведется въ этомъ свѣтломъ творчествѣ нѣсколько вниманія и нашей многострадальной родинѣ! Когда она «широкую ясную грудью дорогу проложитъ себѣ», тогда легче и свѣтлѣе станетъ всему человѣчеству...

С. Юшковъ.

Новыя книги.

Г. Василевскій. — Интеллигентная колонія Криница. Къ исторіи исканій общественныхъ формъ идеальной жизни.—Книгоиздат. «Посѣвъ». Спб. 1908.

Колонія Криница представляетъ явленіе чрезвычайно интересное и во многихъ отношеніяхъ поучительное. Вызванная къ жизни настроеніемъ, очень близкимъ къ «толстовству», она оказалась гораздо устойчивѣе чисто толстовскихъ колоній, возникавшихъ и лопавшихся, какъ пузыри. Основанная (какъ продолженіе перваго опыта, сдѣланнаго ранѣе въ Уфимской губерніи) въ 1886 году на Черноморскомъ побережіи, она продержалась до нашихъ дней и, быть можетъ, переживъ тяжелый кризисъ, въ которомъ очутилась въ настоящее время, вынесетъ изъ крушенія нѣкоторые обломки, которые попытается пронести въ измѣненномъ видѣ и дальше. Уже эта сравнительная устойчивость даетъ этому эпизоду изъ «исканій общественныхъ формъ идеальной жизни» право на вниманіе и пристальное изученіе ея исторіи.

Книга г-на Василевскаго, «составленная на основаніи матеріаловъ изъ архива Криницы, куда вошли годовые и мѣсячные отчеты, общественныя и частные дневники, доклады, записки и т. д.», представляетъ поэтому значительный интересъ, какъ первая, кажется, попытка дать сколько-нибудь связную исторію Криницы на основаніи первоисточниковъ. Нельзя сказать, чтобы работа г-на Василевскаго имѣла исчерпывающее значеніе, но въ ней все-таки въ значительной степени отразилась внутренняя эволюція колоніи, являющаяся поучительной страничкой изъ исторіи и психологіи русскихъ исканій. Г-нъ Василевскій, самъ участвовавшій въ колоніи, развертываетъ передъ нами тѣ стремленія и задачи, съ которыми основатели колоніи приступали къ своему дѣлу и на которыя ушла ихъ жизнь. Любопытно, что въ этомъ отношеніи, пройдя цѣлый кругъ, первоначальная идея обратилась, какъ теперь принято выражаться,—въ свою противоположность. Первоначальною цѣлью піонеровъ было «самоусовершенствованіе личности» въ направленіи полнаго ея освобожденія. «Борьбу съ общественнымъ зломъ,—говорили они,—нужно направить по пути развитія высшихъ сторонъ человѣческой природы. Нужно дать возможность *индивидууму* проявить все богатство и разнообразіе его жизни, но только не въ слѣпой игрѣ его эгоизма и страстей, а и въ творчествѣ его нравственнаго сознанія» (стр. 28). Этому мѣшаютъ путы, налагаемыя на личность старымъ обществомъ. «Главная изъ этихъ силъ, тяготѣющая надъ отдѣльнымъ лицомъ, выражается въ абсолютныхъ утвержденіяхъ истины. Любая религіозная система зиждется на обладаніи всей полнотой абсолютизма. Это обладаніе обыкновенно производитъ давящее, угнетающее дѣйствіе на человѣка, на органическій самобытный ростъ его «я» и развитіе его нравственнаго сознанія: косность религій съ незыблемостью ихъ догматовъ носитъ элементы умственной и нравственной инерціи, а въ дальнѣйшемъ развитіи даже смерть». Не безгрѣшны въ этомъ отношеніи «и философскія системы; своимъ голымъ принципіализмомъ и формализмомъ онѣ также задерживаютъ ростъ личности». Такимъ образомъ между двумя, такъ сказать, полюсами русской жизни—мертвящей оффиціальной вѣрой и государствомъ, съ одной стороны, и философско-общественными системами и стремленіями оппозиціонныхъ слоевъ русскаго общества, выступавшаго на борьбу съ ними, съ другой—предполагалось выбрать свой особенный путь, положить гдѣ-то внѣ предѣловъ этой борьбы, на какой-то особенной нейтральной почвѣ основаніе новаго общества, заложить первую его ячейку, которая, размножаясь изъ себя, своего рода почкованіемъ, должна была охватить затѣмъ все общество. Маленькій рай за предѣлами огромной жизненной битвы, ни съ кѣмъ не воюя и не становясь ни на чью сторону, долженъ былъ заражать своимъ примѣромъ и вести къ тому, что со временемъ и всѣ борющіеся переходили бы на эту нейтральную почву труда и сво-

боды. Земля обратилась бы такимъ образомъ въ совокупность такихъ отдѣльныхъ райскихъ обителей.

Внутренняя исторія Криницы и есть исторія крушенія этой очень характерной утопіи, въ которой должны были сочетаться одновременно начала «общинности» и начала религіозно-анархическаго индивидуализма. Здѣсь не мѣсто приводить въ подробностяхъ всѣ перипетіи этой эволюціи. Отсылая для этого читателей къ книгѣ г-на Василевскаго, мы укажемъ только, что, послѣ разныхъ опытовъ, на которые ушла жизнь цѣлой группы искреннихъ людей, они пришли къ признанію какъ разъ тѣхъ «абсолютовъ», которые ранѣе отрицали. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ община формулируетъ свои задачи и свое самоопредѣленіе слѣдующимъ образомъ: «Характерной особенностью общины... является то, что люди сознательно, радостно и любовно подчиняютъ свою волю волѣ общины, свои стремленія и желанія согласуютъ со стремленіями и желаніями всѣхъ и всѣ свои силы отдаютъ достиженію общей цѣли» (76)... «Общинникъ *безусловно* (sic) и радостно подчиняется рѣшенію всѣхъ, *такъ какъ* это рѣшеніе согласуется съ христіанскимъ идеаломъ». Г. Василевскій самъ отмѣчаетъ противорѣчіе вытекающее изъ этого идеологическаго заключенія съ исходнымъ пунктомъ, откуда общинники отправлялись въ свой путь. «Тогда главнымъ началомъ выдвигалась *идея личности*, центръ вниманія занималъ не столько строй жизни, сколько личное творчество человѣка»... «Теперь же въ послѣдней формулировкѣ господствующее мѣсто отводится уже не личности, а *идеѣ общины*», которая, прибавимъ, подкрѣпляется апріорнымъ *абсолютнымъ* положеніемъ *такъ какъ* она одна соотвѣтствуетъ христіанскому идеалу.

До какихъ предѣловъ дошло это подчиненіе личности, видно изъ характерныхъ «обязательныхъ постановленій» общины, напр. о бракѣ: 1) Члены общины могутъ вступать въ бракъ только съ согласія общины и съ лицами, удовлетворяющими требованіямъ общины (!!). 2) ...они должны напередъ признать за общиной право принимать участіе въ отношеніяхъ супруговъ и семейныхъ интересахъ, поскольку они стоятъ въ тѣсной связи съ жизнью общины».

Итакъ, та самая личность, свободу которой предполагалось оградить отъ всякихъ давленій,—теперь оказалась сугубо подчиненной и регламентированной. Во-первыхъ, надъ ней продолжали стоять всѣ прежніе «абсолюты», такъ какъ ни дѣйствіе россійскихъ законовъ, ни россійское административное усмотрѣніе, разумѣется, не теряли своей силы въ предѣлахъ колоніи Криницы. Но, кромѣ этихъ старыхъ абсолютовъ,—въ жизнь «личности» ворвались еще новые, притязавшіе уже на вмѣшательство въ интимнѣйшіе вопросы личнаго существованія.

Этимъ, собственно, внутреннюю исторію Криницы можно считать законченной, и г-ну Василевскому остается только намѣтить внѣшнія проявленія ликвидаціи. Прежде всего община перестала рекру-

тироваться. Возникъ вопросъ о «молодежи». Приходившая со стороны молодежь тотчасъ же становилась въ оппозицію «старикамъ», инстинктивно противясь «абсолютамъ» замиравшей общины. Приходилось надѣяться на *свою* молодежь, выроставшую и воспитывавшуюся въ атмосферѣ самой общины. Оказалось, однако, что и эта молодежь не оправдала надеждъ, на нее возлагаемыхъ. Входя въ возрастъ, когда у нормальной человѣческой души отрастаютъ крылья,—она тоже снималась съ гнѣзда, чтобы искать своей правды и своей свободы въ грѣшномъ, мятущемся, борющемся, но все-таки болѣе просторномъ и болѣе свободномъ мірѣ...

Такова печальная и поучительная исторія группы глубоко-искреннихъ людей, свернувшихъ въ своихъ исканіяхъ въ глухой тупикъ, откуда нѣтъ дороги. Колонія находится теперь въ состояніи кризиса, исторія и характеръ котораго лишь отчасти рисуются въ книгѣ г. Василевскаго. Всякій, кому дорого честное исканіе «формъ идеальной жизни», можетъ лишь съ глубокой симпатіей отнестись къ дальнѣйшимъ попыткамъ этихъ людей и, если бы имъ удалось сохранить, что можно, отъ крушенія и идти далѣе,—то, конечно, этому можно было бы порадоваться... лично за нихъ. Они заслуживаютъ благодарности уже за то, что дали опытъ, результаты котораго, впрочемъ, многіе предвидѣли и ранѣе. Исторія «Криницы» еще разъ подтверждаетъ мораль,—что рай на землѣ не можетъ быть водворенъ ни въ кельѣ, ни въ скитѣ, ни въ отдѣльной общинѣ. «Взыскуемый градъ», если мы его найдемъ когда-нибудь, въ свою черту долженъ будетъ включить все человѣчество, а значитъ, и стремиться къ нему можно лишь участіемъ въ жизненной борьбѣ на основаніяхъ, все шире охватывающихъ общіе интересы массъ и примиряющихъ все возрастающую личную свободу съ совершенствующимися общественными формами... Это—двѣ стороны одного и того же процесса, которыхъ нельзя отдѣлить другъ отъ друга, и личное совершенствованіе можетъ идти нормально и *полно* лишь на общественной почвѣ...

С. Васюковъ. Типы и характеры. Кавказское черноморское побережье. Съ 18 рисунками въ текстѣ. Спб. 1908 г.

Намъ приходилось уже отмѣчать (апрѣль 1904 г.) одну работу теперь уже покойнаго Васюкова, посвященную черноморскому побережью. Новое произведеніе его отличается тѣми же чертами. Предметъ интересенъ. Край своеобразенъ и, къ сожалѣнію, привлекъ до сихъ поръ мало вниманія. Авторъ жилъ на побережьи и имѣлъ возможность изо дня въ день заносить свои наблюденія. Къ сожалѣнію, онъ былъ совершенно лишенъ той широты, глубины и независимости взгляда, которыя необходимы для бытописателя. Отъ этого всѣ его наблюденія лишены перспективы. Вотъ, напр., «бытовая» картинка. Дама дачевладѣлица и докторъ встрѣчаются

на бульварѣ курортнаго мѣстечка во время дѣтскаго праздника.— «Удивительно, безподобно!»—шипѣла старая матрона съ совиной физіономіей, которая въ эту минуту выражала такое ехидство, которому *позавидовалъ бы самъ сатана* *).—«О, да! великолѣпно, уважаемая, досточтимая»,—отвѣчаетъ ей докторъ, и оба поглядѣли, улыбаясь, другъ на друга.—«О Боже!—восклицаетъ авторъ въ неожиданномъ лирическомъ порывѣ,—какой это былъ обмѣнъ взглядовъ, *какія дьявольскія улыбки!*» (стр. 44). Можно подумать, что рѣчь идетъ о пиршествѣ каннибаловъ или адскихъ злодѣйствахъ компрачикосовъ. Ничуть не бывало: дѣти преблагополучно танцуютъ и играетъ музыка. «И звуки музыки несутся туда, на крестьянскую сторону, гдѣ царятъ покой и тишина». Такіе псевдонародническія противопоставленія — любимый пріемъ автора. «Господа» даже и ѣдятъ противно: «важно такъ берутъ куски, дѣйствуютъ ножами, точно хирурги, и смотрятъ внимательно на свои тарелки. Фальшь (sic) и мало естественности» (стр. 93). А вотъ бурлаки, тѣ ѣдятъ безъ всякой фальши. Не люди, даже не Павлы Ивановичи Чичиковы, а мрачные демоны покупаютъ земельные участки на побережьи, гдѣ до нихъ царствовала настоящая идиллія труда и «мирнаго довольства своимъ положеніемъ». Однако—все это лишь до тѣхъ поръ, пока добродѣтели аборигеновъ нужны автору для контраста съ злодѣйствомъ дачевладѣльцевъ и какихъ-то «докторовъ». Когда же онъ принимается описывать тѣхъ же аборигеновъ безъ отношенія къ «докторамъ», то картина сразу мѣняется: «Старожилы вообще характера угрюмаго, невольные, надутые чванной казацкой спесью» (49). «Пятьдесятъ лѣтъ прошло, какъ они поселились на побережьи и до сихъ поръ не приспособились къ его условіямъ» (52). «Хищническій способъ ихъ хозяйства внѣ всякаго сомнѣнія» (56). «Суевѣрный и дикій старожилъ враждебно смотритъ на пришлецовъ»,—увѣряетъ авторъ на стр. 66, забывъ о томъ, что на страницѣ 81 онъ же изобразилъ настоящую идиллію между аборигенами и пріѣзжающими изъ городовъ «интеллигентами». Встрѣтившись съ однимъ изъ такихъ интеллигентовъ, какимъ-то Ивановымъ,—авторъ тотчасъ же принимаетъ его точку зрѣнія, съ которой старожилы даже и не въ курортѣ, гдѣ уже могла произойти «порча нравовъ», а въ глуши похожи на жителей какой-нибудь подмосковной деревни, гдѣ «облупить, обмануть дачника составляетъ систематическій промыселъ» (стр. 71). И т. д., и т. д. на протяженіи всей книги. Порой своеобразный жизненный матеріалъ какъ будто начнетъ пробиваться сквозь эти недостатки: зарисуется интересная фигура, зазвучитъ искренняя лирическая нотка въ описаніяхъ природы. Но и тутъ все-таки впечатлѣнію мѣшаетъ отсутствіе мѣры, постоянныя повторенія и нѣкоторая лубочность пріемовъ. А главное, что лишаетъ

*) Курсивы всюду наши. Рец.

наблюденія г. Васюкова почти всякой цѣнности—это отсутствіе устойчивой точки зрѣнія, вызывающее разнорѣчія въ оцѣнкѣ явленій и необъяснимые скачки собственныхъ настроеній автора. И это очень жаль, потому что, повторяемъ, край мало изученъ, но очень интересенъ, и въ условіяхъ его жизни не мало поучительнаго и своеобразнаго.

10-ый томъ произведеній В. А. Карповой-Монгирдъ (пис. подъ псевд. Сергѣй Роміасъ). **Моей Родинѣ.** Москва. 1908.

Первый томъ произведеній г-жи Монгирдъ, «пис. подъ псевдонимомъ Сергѣй Роміасъ», появился въ концѣ 1897 года. Рецензія объ этомъ первомъ томѣ, носившемъ заглавіе «Деревня нашего времени», была помѣщена въ январской книжкѣ нашего журнала за 1898 годъ. Отзывъ былъ довольно суровъ. Если рецензентъ имѣлъ въ виду предостеречь г-жу Монгирдъ-Роміаса отъ дальнѣйшихъ попытокъ этого рода, для коихъ, по его мнѣнію, у нея не было данныхъ,—то разсчетъ оказался ошибоченъ: г-жа Монгирдъ-Роміасъ съ тѣхъ поръ издала цѣлыхъ десять томовъ своихъ произведеній, употребивъ на это, какъ говоритъ сама, послѣднія средства. Десятый томъ носитъ названіе: «Моей Родинѣ» и представляетъ настоящую апелляцію писательницы къ обществу на прессу и... читателей за то, что журналы не желаютъ печатать ея произведеній, критика не желаетъ ихъ хвалить и вслѣдствіе этого (какъ думаетъ г-жа Монгирдъ) читатели не желаютъ покупать. Рецензенты могутъ сколько угодно приписывать эту неудачу отсутствію у автора таланта и серьезныхъ идей,—авторъ съ этимъ рѣшительно не согласенъ.

По совершенно искреннему убѣжденію г-жи Монгирдъ-Карповой, подкрѣпляемому, во-первыхъ, отзывомъ ея супруга (стр. 187), а во-вторыхъ, нѣкоторыхъ ея знакомыхъ, она теперь—«единый истинный писатель въ Россіи», «неизмѣримо выше многихъ и многихъ писателей, выше и Достоевскаго» (стр. 178). Л. Н. Толстой давно исписался, послѣднія его произведенія, не исключая и «Воскресенія», никуда не годятся. Чеховъ («недавно умершій писатель Ч.») изображалъ все какихъ-то кисляевъ и вообще «этотъ раздражительный писатель», въ которомъ было что-то «невыразимо мизерное» (стр. 247), только «дрябловатилъ русское общество». «Гг. Горькій и Короленко стоятъ за то (!), чтобы грѣшить, чтобы каяться, а каяться, чтобы спастись» (стр. 222). Впрочемъ, обо всѣхъ этихъ Горькихъ, Андреевыхъ, Короленкахъ, Маминыхъ-Сибирякахъ, Боборыкиныхъ и говорить бы не стоило, если-бы не одно особенное обстоятельство: всѣ они только тѣмъ и держатся, что «воруютъ» идеи и образы г-жи Монгирдъ и выдаютъ ихъ за свои. По какому-то адскому соглашенію, ихъ въ этомъ поддерживаетъ вся пресса. Примѣровъ опредѣленныхъ позаимствованій г-жа Монгирдъ (по крайней мѣрѣ, въ 10-мъ томѣ) не приводитъ,

но въ ея страстныхъ репликахъ по адресу «идоловъ-удавов» звучитъ, повидимому, глубокое убѣжденіе. «Вы десять лѣт *), — пишетъ г-жа Монгирдъ,—наживались моими трудами, черпали и черпали из нихъ матеріал. Я с вами ни с кѣм в соглашеніе не входила, дозволенія на мародерство не давала, напротив в печати же за мародерство бичевала и заявляла, что так как вы сговорились матеріально меня утопить, то и не смѣйте брать у меня ни единаго слова... Критики замалчивали мои труды, чтобы облегчить вам (и себѣ) мародерство. В изданіе моих произведеній мы вложили до послѣдняго рубля все, что имѣли. А пользовались моими произведеніями вы, писатели, газеты и журналы. И на вас лежит уже не только нравственный долг по отношенію ко мнѣ, но и денежный. И это я говорю во-первых «извѣстным»: гг. Андреев, Боборыкину, Горькому, Короленко, Мамину-Сибиряку и проч. «Русским Вѣдомостям», «Новому Времени» и т. д. (нѣкоторым газетным фельетонистам), «Русскому Богатству», «Русской Мысли» и т. д. (кое-кому из беллетристов), а также составителям пьес надерганным у меня матеріалом, а затѣм говорю и другим (и прозаикам и стихотворцам), из которых иных быть можетъ и не знаю, но которых вы то всѣ знаете и которые сами знают за собой вину, мародерство, многолѣтнее расхищеніе матеріала из моих литературных трудов» (стр. 384).

Положеніе выходитъ довольно своеобразное: вся пресса и отдѣльные писатели привлекаются къ нравственной и матеріальной отвѣтственности за то, что г-жа Монгирдъ,—въ свою очередь безъ всякаго съ ними соглашенія,—издала 10 томовъ своихъ сочиненій, которыхъ публика не покупаетъ. И въ этомъ основномъ положеніи, и въ откровенномъ самовосхваленіи г-жи Монгирдъ есть очень много комическаго, а въ ея нападкахъ много несимпатичнаго. Но, право, рука не подымается для насмѣшекъ при чтеніи нѣкоторыхъ личныхъ признаній г-жи Монгирдъ. Въ ея книгѣ чертами если не художественными, то все же довольно яркими въ качествѣ «человѣческаго документа», изображается цѣлая трагедія «непризнанности». Между прочимъ, въ статьѣ, носящей выразительное заглавіе «Моя каторга», г-жа Монгирдъ описываетъ свои скитанія по Москвѣ для продажи своихъ книгъ. Съ этой цѣлью она мужественно проникала въ частныя квартиры и тутъ, по ея словамъ, «почти съ первыхъ шаговъ обнаружилось дѣйствительно что-то ужасное: вся Москва, оказалось, пишетъ. Вся не вся, это понятно, я смѣюсь, но—о Боже!—какое ужасное множество». Въ этой коротенькой отмѣткѣ г-жи Монгирдъ звучитъ нѣкоторая иронія по адресу этихъ «тоже пишущихъ». А между тѣмъ, сколько между ними людей, быть можетъ, считающихъ и за собой право жаловаться

*) Вся книга—безъ буквы ъ.

ваться и на критику, и на редакціи, и на «несправедливое равнодушіе» читателей. Да, это трагедія очень распространенная...

Какъ-бы то ни было, мы доводимъ до свѣдѣнія читателей объ апелляціи г-жи Монгирдъ-Роміаса «къ Родинѣ». Для лицъ, которыя-бы пожелали ближе ознакомиться съ этой своеобразной апелляціей, сообщаемъ и адресъ: складъ изданія сочиненій В. А. Карповой-Монгирдъ находится въ Москвѣ, Газетный пер., д. Фальцъ-Фейна, № 35.

О дѣтскихъ книгахъ. Критико-библіографическій указатель. Москва, 1908 г. Стр. XV + 834. Ц. 2 р. Изд. книжн. магазина С. Скирмунта „Трудъ".

Лежащій предъ нами указатель восполняетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ пробѣловъ нашей справочной литературы. Достаточно поверхностнаго знакомства съ этимъ объемистымъ и систематичнымъ трудомъ, потребовавшимъ для удовлетворительнаго исполненія цѣлой арміи самоотверженныхъ работниковъ, чтобы видѣть, что этой книгѣ суждено надолго быть необходимымъ воспитательнымъ пособіемъ въ рукахъ русскихъ родителей. Всякій, причастный книгѣ, знаетъ, какъ часто и съ какой болѣзненной безпомощностью обращаются къ нему съ необдуманными вопросами родители, не могущіе предоставить развитія дѣтей на волю благосклоннаго случая: что читать дѣтямъ? Чѣмъ занять скучающихъ, чѣмъ удовлетворить любознательность пытливыхъ, чѣмъ и когда подѣлиться съ дѣтьми изъ сокровищъ художественной литературы, которая при своемъ возникновеніи имѣла вѣдь въ виду взрослыхъ, а не малолѣтковъ, что выбрать изъ громадной массы дѣтской литературы, которая получитъ свою настоящую цѣнность лишь тогда, когда будетъ извѣстна и доступна нуждающимся въ ней.

Потребность въ указателѣ книгъ для дѣтскаго чтенія была такъ велика, что вызывала даже спекулятивныя попытки удовлетворить ее; это хорошій показатель: вѣрно, есть спросъ, если чуткая коммерція идетъ ему на встрѣчу. Такимъ рыночнымъ изданіемъ былъ указатель Курнина, своевременно отмѣченный нами; не многимъ выше его указатели Королькова и Флерова, которые также ограничились перепечаткой болѣе или менѣе случайныхъ журнальныхъ рецензій о дѣтскихъ книгахъ. Къ перепечаткамъ безъ общаго критерія, безъ объединяющей руководящей мысли и безъ единства въ выполненіи принадлежитъ «Справочная книжка по чтенію дѣтей всѣхъ возрастовъ» М. В. Соболева. Старые указатели—извѣстный «Обзоръ дѣтской литературы» Гаршина, Герда и др., равно какъ «Что читать дѣтямъ (Педагогич. музея военно-учебныхъ заведеній) охватываютъ очень незначительный матеріалъ. Въ первомъ изъ нихъ разсмотрѣно нѣсколько больше, а во второмъ нѣсколько меньше трехсотъ книгъ. Въ новомъ указателѣ изложено, охарактеризовано и одобрено больше двухъ тысячъ дѣтскихъ книгъ и бро-

шюръ; если присоединить къ этому, что списокъ книгъ просмотрѣнныхъ и не одобренныхъ содержитъ приблизительно тысячи полторы названій, то станетъ очевидной та громадная работа, которая съ честью исполнена составителями. Самое цѣнное въ ихъ исполненіи—спокойное и въ высшей степени внимательное отношеніе къ разсмотрѣннымъ произведеніямъ, ясность доводовъ и, наконецъ—это высокая заслуга редакціи—единство въ отзывахъ, показывающее, какъ тверда была та идейная почва, на которой стояли составители.

Кое-что въ исполненіи рождаетъ вопросы. Прежде всего приходится пожалѣть, что въ добавленіи, содержащемъ списокъ неодобренныхъ книгъ, нашли болѣе удобнымъ обойтись безъ доводовъ. Доводы вѣдь, несомнѣнно, были; охотно предполагаемъ, что книги отвергались по самымъ достаточнымъ основаніямъ. Но безъ нихъ получается какой-то index librorum prohibitorum, который хотѣлось-бы обсудить, но — за отсутствіемъ данныхъ—обсудить невозможно. Доводы, несомнѣнно, были очень разнообразные; были, напримѣръ, переводныя книги, которыя отвергнуты—можно думать—только по неудовлетворительности перевода; но это остается неизвѣстнымъ—и мы такъ и не знаемъ, почему сочтены непригодными такія извѣстныя книги, какъ «Физика въ простыхъ урокахъ» Тиндаля или «Сказки» Уйда, или «Сказки» Асбьернсена.

Одинъ общій критерій отверженія указанъ въ предисловіи: Эмаръ, Майнъ-Ридъ и даже Куперъ не одобрены потому, что «эти авторы слишкомъ далеки отъ реальной жизни, они переносятъ читателя въ совершенно фантастическій міръ явленій и взаимныхъ отношеній людей и силою своей фантазіи заставляютъ его принимать эту выдуманную ими жизнь за дѣйствительную». Признаемся, намъ это основаніе представляется недостаточнымъ, ибо если его держаться точно, то пришлось бы внести въ index не только Эмара, но еще многое, многое, безконечно далекое отъ реальности, способное, несмотря на это, сойти за дѣйствительность и все же великое. Намъ не жаль Эмара, который не годенъ по совсѣмъ другой причинѣ, но Купера и особенно Майнъ-Рида можно бы не исключать. Не надо бояться фантазіи, не надо бояться «выдуманной жизни»—была бы въ выдумкѣ поэзія, доступная дѣтской мысли. Страшнѣе въ дѣтской литературѣ проза: не потому, что къ ней принадлежитъ несноснѣйшій изъ родовъ—родъ скучный,—но потому, что никакая раціональная мысль не можетъ сравниться по глубинѣ дѣйствія на дѣтскую душу съ поэтическимъ образомъ, съ художественнымъ волненіемъ. Громадная широта обобщающаго захвата, громадная ёмкость—это свойство художественнаго образа дѣлаетъ его совершенно незамѣнимымъ орудіемъ развитія молодой мысли. И легче всего эта мысль справляется съ видимымъ иррелизмомъ художественныхъ «выдумокъ». О, эти маленькіе фантасты умѣютъ быть чрезвычайными раціоналистами; дайте свободу ихъ

фантазіи, пусть она уносится на крыльяхъ художественнаго вымысла. Если это крылья настоящаго поэта, дѣти цѣлыми и невредимыми спустятся на нихъ на землю, укрѣпленныя на всю жизнь драгоцѣнной свѣжестью чистаго воздуха высотъ.

Это частное разногласіе наше съ составителями указателя имѣетъ, думается намъ, и общую почву; сколько можно судить по предисловію, сотавители съ какимъ-то страннымъ невниманіемъ относятся къ тому элементу умственнаго воспитанія, который должно считать важнѣйшимъ. Они высоко ставятъ роль книги въ умственномъ воспитаніи и въ связи съ этой важной ролью полагаютъ, что беллетристическія произведенія должны не «забавлять и развлекать ребенка», но «знакомить его съ жизнью, до нѣкоторой степени замѣнять ему еще отсутствующій жизненный опытъ». Очень хорошо, но далеко не все. Воспитывать умственно значитъ не только знакомить съ чужимъ жизненнымъ опытомъ, но, прежде всего, учить думать. Воспитаніе мысли, развитіе ея самодѣятельности, самостоятельности—вотъ, что такое умственное воспитаніе. Не готовый чужой жизненный опытъ долженъ быть на первомъ планѣ, а созданіе своего опыта, своего навыка мыслить. И въ этомъ отношеніи надлежащая книга—незамѣнимый учитель.

Разумѣется, эта перетасовка теоретической перспективы не повліяла существеннымъ образомъ на составъ указателя: въ него вошли все-таки лучшія изъ существующихъ дѣтскихъ книгъ и едва ли какая-нибудь цѣнная книга обойдена молчаніемъ. Къ сожалѣнію, не выяснено только, чѣмъ руководились составители, причисляя или не причисляя ту или иную книгу къ дѣтскимъ. Вопросъ этотъ существенъ по отношенію къ писателямъ для взрослыхъ, къ большимъ писателямъ, къ классикамъ. Мы находимъ въ указателѣ «Полтаву» Пушкина и не находимъ—ни среди одобренныхъ, ни среди отвергнутыхъ—«Бориса Годунова»; изъ всего Гоголя находимъ «Тараса Бульбу», изъ всего Гете—только «Германа и Доротею»—и то среди отвергнутыхъ; Лермонтова нѣтъ совсѣмъ. Такихъ примѣровъ бездна. Между тѣмъ, нельзя же закрывать глаза на дѣйствительность; не думаютъ же составители, что русскія дѣти до 16 лѣтъ—таковъ предѣльный возрастъ, намѣченный указателями—обойдутся безъ стихотвореній Пушкина и Лермонтова. Въ каждомъ интеллигентномъ домѣ есть нѣсколько полныхъ собраній сочиненій классиковъ: что дѣлать родителямъ, что выбрать для чтенія дѣтямъ? Есть книги, изданныя не для дѣтей, но пригодныя для всѣхъ возрастовъ. Должно обратить вниманіе и въ эту сторону, не руководясь случайными соображеніями дѣтскихъ издательствъ. Во второмъ изданіи указателя, котораго, надѣемся, не долго ждать, желательно было-бы видѣть обсужденіе также тѣхъ произведеній, которыя нельзя назвать дѣтскими, но вполнѣ естественно видѣть въ дѣтскихъ рукахъ. Пробѣлъ этотъ, конечно, не столь важный и

даже при его наличности, прекрасный указатель будетъ дѣлать свою полезную работу.

В. Виндельбандъ. „Исторія новой философіи“ въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками. Второе изданіе, вновь редактированное по четвертому нѣмецкому проф. С.-Петерб. университ. А. И. Введенскимъ. Т. 1 и 2, VIII + 476 и 392 стр. Спб., 1908 г., ц. 4 р.

Если не считать огромной «Исторіи новой философіи» Куно Фишера, книги малодоступной среднему читателю, не расположенному къ поглощенію девяти (считая отдѣльно оба полутома о Гегелѣ) томовъ «по философіи», то слѣдуетъ признать, что въ настоящее время существуютъ два лучшихъ руководства по исторіи новой философіи, а именно: сочиненія Виндельбанда и Гефдинга.

Оба сочиненія написаны выдающимися философами, знатоками своего дѣла, но книга Виндельбанда выгодно отличается той точкой зрѣнія, съ которой она изложена. Какъ значится уже въ самомъ заглавіи, исторія новой философіи изложена здѣсь «въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками», т. е. Виндельбандъ старается выяснить не только чисто-философскую преемственность, но и тѣ вліянія, которымъ подвергается философія со стороны.

И, въ самомъ дѣлѣ, эти постороннія вліянія нужно особенно тщательно отмѣчать, ибо ходъ философскаго развитія отличается отъ хода развитія спеціальныхъ наукъ тѣмъ обстоятельствомъ, что философія, будучи фокусомъ, въ которомъ сходятся всѣ знанія, вѣрованія и упованія человѣчества, въ каждый данный моментъ является выразительницей своей эпохи, такъ сказать, той равнодѣйствующей, которая возникаетъ отъ сложенія всѣхъ частичныхъ силъ, дѣйствующихъ въ этотъ моментъ въ обществѣ.

Поэтому философія особенно доступна постороннимъ вліяніямъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ американскій ученый высказалъ остроумное предположеніе, что Гегель, создавая свою философію, находился подъ сильнымъ вліяніемъ тогда только начавшейся разработки электрическихъ явленій. А философія Герберта Спенсера, не является ли она выразительницей своей эпохи, очередной задачей которой въ области познанія было выясненіе цѣлесообразности строенія организмовъ? А торжество матеріализма (Молешотъ и Бюхнеръ), не совпало ли оно съ расцвѣтомъ естествознанія? Наконецъ, беря самое послѣднее время, нельзя ли предположить, что усиленное стремленіе нѣкоторыхъ новѣйшихъ философовъ (напр., Авенаріуса) обойтись безъ понятія причины, имѣетъ связь съ новѣйшимъ выступленіемъ на первый планъ математической физики? Ибо въ математикѣ понятіе причины излишне: если x есть функція y, то и y есть функція x. Какъ го-

воритъ проф. Ветгэмъ, «сказать, что возрастаніе давленія производитъ уменьшеніе объема газа, не будетъ вѣрнѣе, чѣмъ сказать, что уменьшеніе объема производитъ увеличеніе давленія» («Современное развитіе физики», стр. 53).

Но не однѣ чисто научныя теоріи вліяютъ на философію. На нее вліяетъ вся жизнь цѣликомъ. Сравнивая, напр., философскія ученія второй половины XVIII вѣка съ философскими ученіями первой половины XIX вѣка, мы замѣчаемъ между ними, приблизительно, такое же различіе, какое существовало между общимъ настроеніемъ «вѣка просвѣщенія» и «эпохи господства романтики».

Поэтому-то мы и цѣнимъ попытку Виндельбанда тѣснѣе связать исторію философіи съ общей исторіей культуры.

Первый томъ Виндельбанда озаглавленъ: «Отъ Возрожденія до Канта», а второй въ подлинникѣ озаглавленъ: «Отъ Канта до Гегеля и Гербарта». Но такъ какъ обѣщанный Виндельбандомъ третій томъ до сихъ поръ не появился, то проф. Введенскій присоединилъ ко второму тому отрывокъ изъ «Lehrbuch der Geschichte der Philosophie» того же Виндельбанда о новѣйшей философіи и, вслѣдствіе этого, по-русски второй томъ озаглавленъ: «Отъ Канта до Ничше».

Л. Мехелинъ. Разногласія по русско-финляндскимъ вопросамъ. Критическій обзоръ. Переводъ со шведскаго. Изданіе автора. Спб. 1908. Стр. 157. Ц. 90 к.

Брошюра г. Мехелина является отвѣтомъ на рѣчь, сказанную г. Столыпинымъ въ качествѣ предсѣдателя совѣта министровъ въ Государственной Думѣ весною текущаго года, когда Дума обсуждала запросъ правыхъ депутатовъ объ отношеніяхъ русскаго правительства къ Финляндіи. Въ упомянутой рѣчи г. Столыпинъ отъ имени русскаго правительства призналъ существованіе ненормальности въ этихъ отношеніяхъ со стороны финляндскихъ властей и необходимость такихъ мѣропріятій, которыя въ большей мѣрѣ обезпечили бы «историческія державныя права Россіи». Г. Мехелинъ въ своей брошюрѣ подвергаетъ обстоятельному разбору тѣ утвержденія, при помощи которыхъ г. Столыпинъ пришелъ къ подобному признанію, и вноситъ въ нихъ рядъ существенныхъ фактическихъ и юридическихъ поправокъ. Онъ указываетъ на преувеличенный характеръ тѣхъ опасеній, какія высказывались русскимъ правительствомъ и, въ частности, г. Столыпинымъ по поводу т. н. «Красной гвардіи» и союза «Война», и попутно устанавливаетъ одно пикантное обстоятельство, заключающееся въ томъ, что циркуляры союза «Война», доставленные финляндскимъ властямъ русскимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, при ближайшемъ разслѣдованіи, оказались фальшивыми. На ряду съ этимъ онъ отмѣчаетъ, что финляндскія власти, вопреки утвержденіямъ г. Столы-

пина, оказывали русскому правительству въ его борьбѣ съ русскими революціонерами на территоріи Финляндіи всѣ услуги, какія только можно было оказать, не сходя совершенно съ почвы финляндскихъ законовъ. Въ данномъ случаѣ позиція г. Мехелина съ формальной стороны является тѣмъ болѣе прочной, что самъ онъ не только не возражаетъ противъ подобныхъ услугъ, но, напротивъ, считаетъ ихъ совершенно необходимыми. Тѣмъ энергичнѣе возражаетъ, однако, онъ противъ примѣненія правовыхъ понятій русскаго правительства къ жизни самой Финляндіи. Разбирая выдвинутую г. Столыпинымъ теорію, согласно которой Финляндіи принадлежитъ лишь мѣстная, но не государственная автономія, онъ путемъ обстоятельнаго юридическаго анализа историческихъ фактовъ и современныхъ отношеній вскрываетъ искусственность такой теоріи и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что практическое ея осуществленіе для Финляндіи было бы равносильно возвращенію къ произвольному режиму Бобриковскаго періода. На дѣлѣ однако такое осуществленіе уже началось и въ соотвѣтствіи съ этимъ г. Мехелину пришлось заключительную главу своей брошюры посвятить разбору постановленій, заключающихся въ высочайше утвержденномъ 20 мая с. г. журналѣ совѣта министровъ и опредѣляющихъ новый порядокъ «направленія финляндскихъ дѣлъ, касающихся интересовъ имперіи». Согласно этому новому порядку, финляндскій генералъ-губернаторъ долженъ впредь, препровождая дѣла къ министру статсъ-секретарю Финляндіи, одновременно посылать копіи ихъ всѣхъ къ предсѣдателю русскаго совѣта министровъ. «Съ точки зрѣнія какъ законности, такъ и практической цѣлесообразности,—говоритъ г. Мехелинъ, заканчивая свой разборъ этого порядка,—представляется необходимымъ, чтобы правила 20 мая, которыя не могли не вызвать опасеній также и въ отношеніи возникающихъ впредь вопросовъ, были отмѣнены или же подвергнуты коренному измѣненію» (120).

Едва-ли однако это пожеланіе найдетъ себѣ въ нынѣшнихъ условіяхъ немедленное практическое осуществленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ едва-ли и вообще брошюра г. Мехелина получитъ то непосредственное практическое значеніе, какое, повидимому, стремился придать ей авторъ. Но за то она, несомнѣнно, имѣетъ иного рода значеніе, выясняя русскому обществу взгляды умѣренныхъ финляндскихъ либераловъ, виднымъ представителемъ которыхъ является г. Мехелинъ, на взаимныя отношенія Россіи и Финляндіи. Съ своей стороны г. Мехелинъ позаботился создать соотвѣтствующую обстановку для этихъ взглядовъ, помѣстивъ въ приложеніяхъ къ своей брошюрѣ разбираемую въ ней рѣчь г. Столыпина и нѣсколько оффиціальныхъ документовъ, касающихся отношеній Финляндіи къ Россіи.

М. Гершензонъ. Исторія молодой Россіи. М. 1908. Стр. XI +315. Ц. 1 р. 50 к.

Заглавіе книги г. Гершензона много шире дѣйствительнаго ея содержанія. Послѣднее сводится въ сущности къ характеристикамъ нѣсколькихъ выдающихся личностей, въ большей или меньшей мѣрѣ причастныхъ къ тому духовному кризису, какой переживали передовые кружки русской интеллигенціи въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Тѣмъ не менѣе заглавіе книги взято авторомъ не случайно. Въ своемъ предисловіи онъ какъ нельзя болѣе рѣшительно настаиваетъ на томъ, что исторія русской общественной мысли можетъ и должна быть изучаема въ настоящее время лишь путемъ изслѣдованій, посвященныхъ отдѣльнымъ личностямъ. Съ этой точки зрѣнія все, сдѣланное до сихъ поръ въ сферѣ изученія духовной жизни русскаго общества, въ глазахъ г. Гершензона имѣетъ весьма небольшую цѣнность. «Едвали—говоритъ онъ—найдется еще другой родъ литературы, который стоялъ бы у насъ на такомъ низкомъ уровнѣ, какъ исторія духовной жизни нашего общества. Можно подумать, что законы научнаго мышленія для нея не писаны. Ни однородность изслѣдуемыхъ явленій, ни строгая опредѣленность понятій, ни единство метода—здѣсь ничего этого нѣтъ и въ поминѣ. Все свалено въ кучу: поэзія и политика, творческіе умы и масса, мысль и чувство, дѣло и слово,—и изъ всего этого силятся выжать какую-то единую идею, которая должна представлять собою схему развитія русской общественной мысли... При такой дикой неразборчивости понятій, матеріала и методовъ нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ усилія нашихъ изслѣдователей выяснить основныя черты духовнаго развитія русскаго общества не только остались въ цѣломъ безплодными, но и привели къ ужасающему искаженію картины нашего прошлаго, къ искаженію фактовъ и перспективы, лицъ и фазисовъ развитія». Относясь съ такимъ рѣшительнымъ отрицаніемъ къ работѣ своихъ предшественниковъ въ дѣлѣ изученія духовной жизни русскаго общества, г. Гершензонъ естественно ищетъ новыхъ путей для этого изученія. «Пора—категорически заявляетъ онъ—сойти съ этой широкой дороги, которая никуда не ведетъ, и поискать тропинокъ». Такою новою тропинкой, на которую надо свернуть изслѣдователямъ, для него и представляется изученіе отдѣльныхъ личностей. «Изучить смѣну общественныхъ идей въ ихъ сущности (а именно такую цѣль ставитъ себѣ исторія общественной мысли) — говоритъ онъ — значитъ изучить эти идеи въ ихъ индивидуальной углубленности, въ лицѣ ихъ типичнѣйшихъ представителей». Такой путь научнаго изслѣдованія является тѣмъ болѣе правильнымъ въ глазахъ г. Гершензона, что, по его словамъ, намъ надо отказаться отъ привычки раціонализировать понятіе общества. «Общество — абстракція; общество не ищетъ, не мыслитъ, не создаетъ; страдаютъ и мыслятъ только от-

дѣльные люди, и на извѣстной глубинѣ ихъ сознаніе течетъ въ одну сторону, по одному руслу: изслѣдуемъ эту глубину отдѣльныхъ сознаній, и мы узнаемъ направленіе общественной мысли». Для такой постановки изслѣдованій у г. Гершензона есть, впрочемъ, и еще одинъ аргументъ. «Этого требуютъ—говоритъ онъ—не только элементарные законы научности, но и та воспитательная задача, которую ставитъ себѣ всякое гуманитарное знаніе». Дѣло въ томъ, что «отвлеченныя схемы, эта алгебра міропознанія», ничего не могутъ дать юношѣ. «Его собственные запросы и влеченія — совершенно реальнаго свойства, онъ весь—въ чувственномъ, въ конкретно-живомъ. Если вы хотите помочь ему, говорите ему его языкомъ. Ему не нуженъ вашъ синтезъ, конечные выводы ума» (III—V).

Этотъ послѣдній аргументъ, если даже признать правильность положенныхъ въ его основу педагогическихъ соображеній, по существу весьма спорныхъ, во всякомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ требованіями научности. Но далеко не совпадаютъ съ этими требованіями и остальные аргументы г. Гершензона. Они имѣютъ, пожалуй, извѣстный смыслъ, какъ протестъ противъ чрезмѣрной отвлеченности и схематичности, допускавшихся порою въ изображеніяхъ исторіи духовной жизни русскаго общества, но этотъ протестъ заходитъ въ данномъ случаѣ черезчуръ далеко. Изученіе отдѣльныхъ выдающихся личностей является, конечно, необходимой составной частью изслѣдованія духовной жизни общества, но только частью. И, когда г. Гершензонъ, ссылаясь на «элементарные законы научности», предлагаетъ свести исторію общественной мысли къ изслѣдованію «глубины отдѣльныхъ сознаній», онъ въ сущности предлагаетъ свернуть не на какую-либо новую «тропинку», а на ту старую дорогу, по которой шло прежде изученіе умственной жизни общества и которая съ дальнѣйшимъ развитіемъ науки оказалась черезчуръ узкой. Для такого предложенія тѣмъ меньше основаній, что и то «ужасающее искаженіе картины нашего прошлаго», о которомъ говоритъ г. Гершензонъ, какъ о главномъ результатѣ всѣхъ усилій предшествовавшихъ изслѣдователей выяснить основныя черты духовнаго развитія русскаго общества, существуетъ больше въ воображеніи г. Гершензона, чѣмъ въ дѣйствительности.

Упрекая всѣхъ своихъ предшественниковъ въ «искаженіи фактовъ и перспективы, лицъ и фазисовъ развитія», самъ г. Гершензонъ не вноситъ однако никакихъ крупныхъ поправокъ въ существовавшее до него представленіе о ходѣ умственнаго развитія русскаго общества, за исключеніемъ одного лишь случая, въ которомъ, впрочемъ, сдѣланную авторомъ поправку врядъ-ли можно признать удачной. Говоря въ своемъ предисловіи о значеніи умственнаго движенія 30-хъ—40-хъ годовъ, г. Гершензонъ утверждаетъ, что «у насъ оно явилось первой попыткой сознательно и

жизненно рѣшить основные вопросы морально-философскаго порядка». «Молодое русское общество,—объясняетъ онъ, — жило до тѣхъ поръ готовымъ. Въ глубинѣ его быта какъ-то сами собою слагались извѣстныя системы чувствъ и идей, видоизмѣнялись самопроизвольно и такъ, исподволь обновляясь, переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ духовная часть отцовскаго наслѣдства. Внутренно никто не искалъ, никто не боролся, никто не болѣлъ вопросами міропознанія... Кровныхъ, нравственныхъ исканій, трагедіи духа мы не встрѣтимъ въ нашемъ передовомъ обществѣ ни разу на всемъ протяженіи XVIII и первой четверти XIX вѣка. Какъ облако изъ морскихъ испареній, такъ изъ быта рождалось міровоззрѣніе, въ общемъ одинаковое у всѣхъ и никѣмъ не выстраданное» (VII). Достаточно вспомнить имена Новикова и Радищева, чтобы оцѣнить степень преувеличенія, допущеннаго г. Гершензономъ. Не менѣе рѣзкимъ примѣромъ могли бы послужить декабристы, но самъ г. Гершензонъ и въ декабристахъ видитъ лишь «наибольшую полноту» «этого традиціоннаго и однороднаго отношенія къ міру, къ обществу и къ собственной личности». Нѣтъ сомнѣнія, между вольнодумцами XVIII вѣка, декабристами и передовыми интеллигентными кружками 30-хъ годовъ XIX столѣтія лежатъ глубокія грани, но изображать первыхъ и вторыхъ, въ прямую противоположность послѣднимъ, какъ носителей традиціоннаго міровоззрѣнія, значитъ черезчуръ ужь преувеличивать значеніе этихъ граней и допускать извращеніе той исторической перспективы, о соблюденіи которой такъ заботится г. Гершензонъ. Едва-ли надо прибавлять, что самое представленіе о міровоззрѣніи, въ теченіе болѣе, чѣмъ вѣка, складывающемся «какъ-то само собою», рождающемся изъ быта, «какъ облако изъ морскихъ испареній», плохо мирится со взглядомъ г. Гершензона на значеніе личности въ умственномъ развитіи общества.

Но если общіе взгляды г. Гершензона на задачу его книги нѣсколько туманны и противорѣчивы, то сама эта книга не лишена серьезнаго интереса. Вопреки своимъ намѣреніямъ, онъ далъ въ ней не исторію эпохи, а рядъ отдѣльныхъ характеристикъ, и только съ такой точки зрѣнія и приходится разсматривать его книгу. Однако эти характеристики связаны одною общей задачей и представляютъ собою рядъ яркихъ очерковъ изъ исторіи изображаемой авторомъ эпохи, очерковъ, тѣмъ болѣе интересныхъ, что они не только написаны съ большой вдумчивостью, но вдобавокъ во многихъ своихъ деталяхъ основаны на новомъ, до сихъ поръ остававшемся еще не использованномъ, матеріалѣ. Быть можетъ, наименѣе удачными въ книгѣ г. Гершензона являются характеристики Станкевича и Грановскаго, какъ будто претендующія на новое освѣщеніе этихъ крупныхъ фигуръ, но въ сущности не дающія читателю почти ничего новаго. Гораздо болѣе удались автору остальныя характеристики — декабриста М. Ѳ. Орлова и

семьи Раевскихъ, В. С. Печерина, И. П. Галахова и Н. П. Огарева. Порою авторъ здѣсь, какъ, напримѣръ, въ характеристикѣ Печерина, черезчуръ легко восполняетъ пробѣлы своихъ источниковъ произвольными догадками, порою онъ допускаетъ весьма спорныя утвержденія, но въ цѣломъ названныя характеристики чрезвычайно ярки и жизненны. И, благодаря этому, хотя книга г. Гершензона, вопреки надеждамъ автора, не даетъ читателю новаго взгляда на эпоху 30-хъ годовъ, она все же является серьезнымъ и замѣтнымъ вкладомъ въ литературу, посвященную изображенію этой эпохи.

Проф. Э. Д. Гринмъ. Революція 1848 года во Франціи. Часть I. Подготовка революціи 1848 года во Франціи. Часть II. Февральская революція. Спб. 1908.

Въ послѣдніе годы во французской исторической наукѣ началось систематическое изученіе эпохи второй республики. Основанъ спеціальный журналъ, посвященный ея исторіи, появилось нѣсколько написанныхъ на основаніи новыхъ источниковъ монографій изъ этой эпохи, издаются новые, до сихъ поръ скрывавшіеся въ архивахъ документы, вышла, наконецъ, написанная на основаніи серьезнаго изученія неизданныхъ или мало извѣстныхъ источниковъ исторія второй республики, принадлежащая перу Жоржа Ренара, редактора журнала «La Revolution de 1848», несомнѣнно, самый научный въ данное время трудъ по исторіи этой эпохи. Новыя изслѣдованія мало внесли новаго въ установившееся представленіе о ходѣ политическихъ событій въ 1848—1851 гг., но за то представили совершенно въ новомъ свѣтѣ соціально-экономическую исторію этого времени. Еще недавно всѣ историки этой эпохи видѣли смыслъ февральской революціи въ борьбѣ между буржуазіей и пролетаріатомъ, цѣль стремленій дѣятелей 1848 г.—въ осуществленіи соціалистическихъ идеаловъ и причину неудачи революціи — въ утопичности и неосуществимости этихъ идеаловъ. Работа послѣднихъ лѣтъ надъ изученіемъ второй республики уже даетъ возможность глубже взглянуть на переворотъ 1848 г. и видѣть въ немъ начало новой эры — высвобожденія рабочихъ классовъ изъ-подъ ига капитализма. Въ исторіи 1848 г. видѣли обыкновенно только борющіяся двѣ группы: рабочихъ, желавшихъ немедленнаго торжества соціализма, и буржуазію, не желавшую поступаться ни на іоту принципомъ полнаго невмѣшательства государства въ экономическія отношенія. Литература послѣдняго времени указала на существованіе между этими двумя крайностями цѣлаго ряда промежуточныхъ теченій, обратила вниманіе на дѣятельность республиканской партіи, не мечтавшей о немедленномъ соціалистическомъ переворотѣ, но тѣмъ не менѣе поставившей на очередь дня рабочій вопросъ и пытавшейся его разрѣшить, познакомила съ той программой соціальныхъ реформъ, которая была въ этихъ цѣляхъ

выработана этой партіей. И если вспомнить, что работа въ области соціальныхъ преобразованій пошла во второй половинѣ XIX вѣка какъ разъ по тому самому пути, который намѣтили республиканцы 1848 г., и состояла въ реализаціи ими намѣченной программы, то нельзя сказать, что февральская революція кончилась полной неудачей, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, пришлось бы mutatis mutandis констатировать неудачу и великой революціи 1789 г.

При отсутствіи ссылокъ на литературу въ только что вышедшей книгѣ проф. Гримма, мы не знаемъ, пользовался ли онъ литературой послѣднихъ лѣтъ по исторіи 1848 года, но, во всякомъ случаѣ, эта литература осталась безъ вліянія на его пониманіе смысла движенія 1848 года, такъ какъ въ этомъ отношеніи онъ остался вѣренъ установившейся традиціи. Февральскую революцію проф. Гриммъ считаетъ „однимъ изъ величайшихъ этаповъ и однимъ изъ самыхъ поучительныхъ эпизодовъ» исторіи XIX вѣка. Авторъ признаетъ, что дѣятели 1848 года поставили своей задачей «расширить и углубить принципы 1789 года», и что февральская революція перенесла «вопросъ изъ области политической организаціи въ область соціальной организаціи». Но въ то же время это расширеніе и углубленіе принциповъ 1789 года для автора состоитъ только «въ первой серьезной попыткѣ осуществленія соціалистическихъ теорій». Упростивъ, такимъ образомъ, до-нельзя все содержаніе общественнаго движенія 1848 г., г. Гриммъ, естественно, приходитъ къ заключенію, что революція «въ области своихъ соціальныхъ стремленій потерпѣла жалкое крушеніе», и оставляетъ безъ всякаго вниманія то богатое наслѣдство въ области соціальнаго вопроса, которое вторая республика передала второй имперіи и третьей республикѣ.

Причины февральской революціи авторъ видитъ въ несоотвѣтствіи политики іюльской монархіи съ потребностями широкихъ массъ населенія и съ правами интеллигенціи. Она оттолкнула интеллигенцію и среднюю буржуазію устраненіемъ ихъ отъ политической жизни, мелкую буржуазію, рабочихъ и крестьянство полнымъ невниманіемъ къ ихъ матеріальнымъ нуждамъ. Авторъ посвятилъ первую часть своего сочиненія «подготовкѣ революціи». Исходя изъ перечисленія причинъ революціи самимъ авторомъ (съ которымъ, въ данномъ случаѣ, нельзя не согласиться), мы ожидали найти въ первой части его работы обстоятельный анализъ соціальнаго строя Франціи въ первую половину XIX вѣка, описаніе экономическаго переворота и перехода къ крупному капиталистическому хозяйству, положенія рабочихъ и исторіи рабочихъ движеній за 30-е и 40-е годы, состоянія сельскаго хозяйства и задолженности крестьянства, положенія мелкой буржуазіи въ виду растущей конкуренціи съ крупными предпріятіями и, наконецъ, картины политической жизни времени іюльской монархіи, поскольку она являлась отраженіемъ соціальной борьбы этого времени. Между тѣмъ,

только двѣ послѣднія главы I части книги проф. Гримма (стр. 91—134) имѣютъ отношеніе къ перечисленнымъ причинамъ революціи. Глава VII посвящена «политикѣ либерализма въ эпоху іюльской монархіи и росту республиканской партіи», глава VIII—«республиканской и соціалистической идеѣ». Особенно не посчастливилось при этомъ соціально-экономическимъ отношеніямъ Франціи средины XIX в. Хотя авторъ и видитъ въ нихъ главную причину революціи, но посвящаетъ ихъ характеристикѣ только $2^1/_2$ страницы (I, 107—110). Первыя же 6 главъ I части (стр. 1—90) посвящены исторіи реакціи и либерализма. Въ періодъ, который является центральнымъ для всей работы проф. Гримма,—февраль-іюнь 1848 года—и легитимисты, и либералы играли роль весьма второстепенную, и онъ самъ нигдѣ не вспоминаетъ въ своей второй части о томъ, что говорилъ въ первыхъ 6 главахъ первой.

Спрашивается, для чего же ему понадобилось это длинное введеніе, не имѣющее никакого отношенія къ задачѣ сочиненія, имъ самимъ поставленной. Правда, очерки общественной реакціи и либерализма написаны очень интересно. Автору удалось привлечь свѣжій матеріалъ и дать, яркую характеристику обоихъ теченій, но или это не относится къ темѣ, или авторъ далъ первой части своего сочиненія да и всему сочиненію неудачное заглавіе.

Вторая часть сочиненія, исторія самой революціи, читается съ еще большимъ интересомъ, чѣмъ первая. Благодаря упрощенному взгляду автора на смыслъ революціи, онъ занятъ только изображеніемъ политическихъ событій бурнаго года, но въ этихъ предѣлахъ онъ даетъ яркую картину хода событій четырехъ мѣсяцевъ революціи, широко пользуясь цитатами изъ современныхъ или близкихъ по времени къ событіямъ источниковъ, что придаетъ разсказу особую рельефность. Но, къ сожалѣнію, разсказъ этотъ не лишенъ нѣкоторыхъ дефектовъ. Авторъ самъ признаетъ, что въ исторіи февральской революціи роковую роль сыграла противоположность интересовъ Парижа и провинціи, и въ то же время все свое вниманіе сосредоточиваетъ на Парижѣ, а для характеристики состоянія департаментовъ считаетъ достаточнымъ привести длинную цитату изъ «Воспоминаній» Токвиля о настроеніи Ламаншскаго департамента. Такое упрощеніе вопроса едва-ли можно признать удачнымъ. Конечно, Токвиль былъ тонкимъ наблюдателемъ, но, во-первыхъ, онъ плохо понималъ смыслъ февральской революціи, смотря на нее исключительно съ точки зрѣнія своей индивидуалистической концепціи государства; во-вторыхъ, Ламаншскій департаментъ, гдѣ, какъ указываетъ и самъ проф. Гриммъ, не было крупныхъ промышленныхъ центровъ, совсѣмъ не былъ типиченъ для настроенія такихъ городовъ, какъ Бордо, Марсель, Лилль, Руанъ и т. д. Теперь уже стали появляться изслѣдованія о ходѣ революціи въ отдѣльныхъ департаментахъ, да и въ мемуарахъ и общихъ сочиненіяхъ можно найти подходящій матеріалъ для освѣ-

щенія этого вопроса. Несомнѣннымъ, напр., является, что крупную роль въ результатѣ выборовъ въ Учредительное Собраніе сыграла дѣятельность коммиссаровъ временнаго правительства. Между тѣмъ, авторъ ни однимъ словомъ не говоритъ объ ихъ дѣятельности, хотя и нашелъ возможнымъ цѣликомъ привести циркуляръ, разосланный имъ Ледрю Ролленомъ.

Характеристику клубовъ и ихъ агитаціи авторъ заимствовалъ у біографа Бланки, Жеффруа. Жеффруа положилъ въ основаніе своего изложенія книгу Lucas „Les clubs et les clubistes", памфлетъ совершенно недостойнаго содержанія, и тѣ юмористическіе примѣры, которые приводитъ Жеффруа со словъ Lucas (въ книгѣ проф. Гримма стр. 143—144), представляютъ собой результатъ или выдумки самого Lucas, или сознательнаго искаженія, такъ какъ сноски, сдѣланныя имъ на современныя газеты, почти всегда не соотвѣтствуютъ истинѣ. Опираясь на такой сомнительный источникъ, проф. Гриммъ невольно допускаетъ ошибки. Не говоря уже о юмористическихъ примѣрахъ, укажемъ хотя бы на то, что на стр. 147 Бланки называется предсѣдателемъ «Центральнаго республиканскаго общества», а на стр. 201 главой «Общества правъ человѣка». Къ этому послѣднему Бланки, на самомъ дѣлѣ, не имѣлъ никакого отношенія, и оно было даже учреждено съ цѣлью противодѣйствовать его вліянію. На стр. 199 названы два консервативныхъ клуба: «Республиканскій клубъ для свободы выборовъ» и «Клубъ національнаго собранія», тогда какъ это были два названія одного и того же клуба, и т. д. Въ разсказѣ о возникновеніи и дѣятельности Люксембургской коммиссіи авторъ положился исключительно на «Исторію революціи 1848 г.» Луи Блана. Между тѣмъ, разсказъ Луи Блана нельзя признать ни достаточно полнымъ, ни достаточно точнымъ. Вотъ почему у автора Люксембургская коммиссія отождествляется съ «парламентомъ труда», т. е. представительствомъ отъ рабочихъ карпорацій, а единственнымъ ея активнымъ дѣятелемъ является самъ Луи Бланъ. На самомъ дѣлѣ, въ коммиссіи, кромѣ представителей отъ рабочихъ, принимали участіе представители отъ предпринимателей и нѣсколько извѣстныхъ экономистовъ и соціалистовъ, а, кромѣ Луи Блана, дѣятельную роль играли: Видаль, Пеккеръ и Консидеранъ.

Авторъ широко пользуется для того, чтобы иллюстрировать свое изложеніе, цитатами изъ источниковъ, но переводъ этихъ цитатъ и транскрипція собственныхъ именъ отличаются небрежностью. Часто, вмѣсто перевода на русскій языкъ, авторъ ограничивается передѣлкой на русскій ладъ соотвѣтственнаго французскаго слова. Напр., массакрировать, фратернизировать, тумультуарный, спонтанный, дезавуировать и т. п. Особенно неудачнымъ намъ кажется постоянное стремленіе автора передѣлывать на русскій ладъ названія парижскихъ улицъ и зданій, вслѣдствіе чего, напр., дворецъ Tuileries по русски называется «Тюльеріями» (sic!),

улица Rambuteau—Рамбютоской и т. д. А когда читаешь написанныя съ маленькой буквы «площадь побѣдъ», «площадь согласія», «національный дворецъ», то, право, не сразу догадываешься, что рѣчь идетъ о place des Victoires, place de la Concorde и Palais Royal, который былъ переименованъ временнымъ правительствомъ въ Palais-National. Авторъ обстоятельно описываетъ ходъ военныхъ дѣйствій во время іюньскихъ дней, и въ то же время оказывается, что Пантеонъ (который, кстати, во второй половинѣ своего сочиненія г. Гриммъ почему-то называетъ Панеономъ) находится на *правомъ* берегу Сены, а городская ратуша—на *лѣвомъ*! Небрежность подобнаго рода сильно вредитъ впечатлѣнію отъ всей книги.

Книга проф. Гримма, конечно, будетъ прочитана читателемъ съ интересомъ, но читатель не получитъ въ ней ничего новаго сравнительно съ классическимъ сочиненіемъ Даніэля Стерна, а для знакомства съ постановкой вопроса о февральской революціи въ современной наукѣ ему все равно придется обратиться къ сочиненію Ренара, еще въ прошломъ году вышедшему въ русскомъ переводѣ.

А. К. Дживелеговъ. Начало итальянскаго возрожденія. Москва 1906.

Книжка г. Дживелегова составилась изъ отдѣльныхъ очерковъ, помѣщавшихся раньше въ «Вѣстникѣ Самообразованія». Авторъ самъ говоритъ, что онъ не претендуетъ на оригинальность, въ особенности въ сравненіи съ знаменитыми трудами и иностранныхъ, и русскихъ ученыхъ по эпохи ренессанса. Онъ ставитъ себѣ только задачу популяризировать результаты предшествующихъ работъ, сдѣлать доступными самымъ широкимъ слоямъ публики фигуры главныхъ дѣятелей возрожденія. Г. Дживелеговъ давно уже себя зарекомендовалъ талантливымъ популяризаторомъ въ области исторической науки. Новая его книга только подтверждаетъ его репутацію. Авторъ хорошо знаетъ эпоху не только по изслѣдованіямъ современныхъ ученыхъ, но и по источникамъ XIV и XV в.в. и даетъ въ общемъ яркую картину одного изъ самыхъ любопытныхъ моментовъ развитія европейской цивилизаціи. Онъ не ограничивается біографіями и характеристиками виднѣйшихъ писателей и художниковъ. Онъ старается поставить ихъ въ соотвѣтственную обстановку итальянскаго городского быта того времени, заботливо подбираетъ отдѣльныя черточки и подробности, чтобы ярче иллюстрировать основныя тенденціи гуманизма.

И лучшими мѣстами его книги являются страницы, посвященныя описанію флорентинской жизни выбранной имъ эпохи. Менѣе удались автору отдѣльныя характеристики. Блѣдными вышли фигуры флорентинскихъ «трехъ коронъ»: Данте, Петрарки и Боккаччіо. Читатели едва ли бы посѣтовали, если бы авторъ, удѣливъ имъ

больше вниманія, изложилъ содержаніе ихъ произведеній, ярче оттѣнилъ ихъ индивидуальныя черты, подробнѣе познакомилъ съ ихъ міросозерцаніемъ. Особенно не удался автору Петрарка. Приходится вѣрить ему на слово, что Петрарка былъ «первымъ человѣкомъ новаго времени», такъ какъ авторъ отдѣлывается нѣсколькими общими фразами объ его индивидуализмѣ и, наоборотъ, съ особымъ вниманіемъ останавливается на отрицательныхъ чертахъ его характера. Одной изъ основныхъ причинъ гуманистическаго движенія авторъ совершенно справедливо считаетъ экономическіе успѣхи Италіи во-второй половинѣ среднихъ вѣковъ, но слишкомъ увлекается, стараясь уловить вліяніе этого экономическаго фактора въ міросозерцаніи отдѣльныхъ гуманистовъ. Трудно также согласиться съ тѣмъ, какъ онъ опредѣляетъ гуманизмъ: «это — интересъ и любовь къ древности, какъ въ таковой, вызванной запросами личности». Авторъ самъ возмущается опредѣленіемъ возрожденія, какъ «возрожденія классической древности», а въ приведенномъ опредѣленіи видитъ основной признакъ гуманизма въ интересѣ къ античности, а не въ индивидуализмѣ. Между тѣмъ все содержаніе его книги свидѣтельствуетъ объ обратномъ, о томъ, что изученіе древности было для гуманистовъ средствомъ, а не цѣлью. Книга начинается съ обширнаго введенія о генезисѣ возрожденія, но никакого заключенія и общихъ выводовъ читатель въ ней не находитъ: разсказъ прямо обрывается характеристикой Мазачіо. Правда, въ предисловіи авторъ обѣщаетъ продолжить свой трудъ изученіемъ слѣдующаго періода возрожденія, но развѣ такъ трудно было написать нѣсколько заключительныхъ страницъ, которыя вдобавокъ явились бы переходомъ къ этой будущей книгѣ? Вредитъ также впечатлѣнію чрезмѣрное стремленіе автора къ конкретности и яркости изображенія, благодаря чему его стиль иногда принимаетъ прямо фельетонный характеръ. Но, несмотря на эти недочеты, появленіе книги г. Дживелегова нельзя не привѣтствовать. Особенно симпатично въ ней, что авторъ удѣлилъ много вниманія итальянскому искусству, и мы думаемъ, что она вполнѣ удовлетворитъ своей задачѣ познакомить читателя съ основными чертами итальянскаго возрожденія, какъ его понимаетъ современная историческая наука.

Фюстель де-Куланжъ. Римскій колонатъ. Переводъ подъ редакціей проф. И. М. Гревса. Спб. 1908.

Несмотря на то, что изслѣдованіе Фюстель де-Куланжа о римкомъ колонатѣ появилось въ свѣтъ уже болѣе 20 лѣтъ назадъ, нельзя не привѣтствовать русскаго перевода этой работы знаменитаго французскаго ученаго въ виду совершенно исключительнаго ея значенія. Съ одной стороны, эта работа является превосходнымъ образцомъ настоящаго научнаго изслѣдованія, во всемъ блескѣ показывающимъ научный геній ея автора, съ другой—она говоритъ

рѣшающее слово въ изученіи сложной и трудной проблемы исторической жизни. Вопросъ о происхожденіи крѣпостного крестьянства послѣднихъ вѣковъ римской имперіи давно интересовалъ ученыхъ. Дѣло въ томъ, что въ эпоху имперіи произошелъ чрезвычайно важный переворотъ въ аграрныхъ отношеніяхъ. Тогда какъ въ началѣ имперіи юридическіе памятники характеризуютъ колоновъ (coloni), какъ свободныхъ земледѣльцевъ, при Константинѣ Великомъ этотъ терминъ уже обозначаетъ людей, прикрѣпленныхъ къ землѣ и несущихъ опредѣленныя повинности въ пользу землевладѣльца. Интересъ къ этому крѣпостному классу увеличивается еще существованіемъ несомнѣнной генетической связи между римскимъ колонатомъ и крѣпостнымъ крестьянствомъ эпохи феодализма. О происхожденія колоната составился поэтому цѣлый рядъ теорій. Одни вели его происхожденіе отъ законодательства императоровъ, начиная съ Константина Великаго, другіе искали его возникновенія въ области отношеній частнаго права. Соціальный матеріалъ, изъ котораго сложился классъ колоновъ, искали и въ свободныхъ арендаторахъ, и въ германскихъ поселенцахъ, и въ рабахъ, садившихся на землю. Въ такомъ положеніи былъ вопросъ, когда за его рѣшеніе принялся Фюстель де-Куланжъ. Вѣрный своему методу—исходить всегда изъ однихъ источниковъ—онъ произвелъ тщательный анализъ всѣхъ памятниковъ въ ихъ хронологическомъ порядкѣ и на основаніи этого матеріала далъ новую стройную и цѣльную теорію, которая разрѣшила существующій споръ. Колонатъ, по мнѣнію Фюстель де-Куланжа, имѣлъ исключительно частно-правовое происхожденіе. Главнымъ элементомъ, изъ котораго возникъ колонатъ, былъ классъ мелкихъ свободныхъ арендаторовъ. Срочная аренда была явленіемъ очень распространеннымъ въ первые вѣка имперіи. Но вслѣдствіе тяжкихъ экономическихъ условій арендаторы впадали въ неоплатные долги и постепенно прикрѣплялись къ землѣ. Въ число колоновъ вошло также довольно много плѣнныхъ германцевъ, поселенныхъ на казенныхъ или частно-владѣльческихъ земляхъ. Въ свою очередь и раздача земельныхъ участковъ рабамъ являлась дополнительнымъ источникомъ увеличенія класса колоновъ, но центральнымъ источникомъ всегда были классы свободныхъ арендаторовъ, и образованіе колоната было пониженіемъ гражданской свободы, а не фазисомъ перехода отъ рабства къ освобожденію низшихъ классовъ общества.

Увлекаясь идеей частно-правового происхожденія колоната, Фюстель де-Куланжъ утверждаетъ даже, что законодательство не внесло ничего новаго въ развитіе колоната, ограничившись пассивной ролью констатированія уже сложившихся отношеній.

Такова въ основныхъ чертахъ теорія Фюстель де-Куланжа. Взглядъ его на исключительно пассивную роль законодательства, несомнѣнно, страдалъ односторонностью, и позднѣйшая критика

внесла въ него необходимыя исправленія и дополненія. За то первая часть его книги, трактующая о происхожденіи колоната, окончательно поставила вопросъ на надлежащую почву и предопредѣлила путь, по которому должна была пойти и пошла дальнѣйшая научная разработка вопроса. Работы послѣднихъ 20 лѣтъ только развивали, обосновывали и укрѣпляли идеи, высказанныя великимъ французскимъ историкомъ. Поэтому изслѣдованіе Фюстель де-Куланжа должно являться настольной книгой для всякаго интересующагося вопросомъ о переходѣ отъ античнаго міра къ среднимъ вѣкамъ и о происхожденіи феодализма. Лучшему усвоенію русскимъ читателемъ работы Фюстель де-Куланжа помогаетъ обстоятельное предисловіе, написанное редакторомъ перевода проф. И. М. Гревсомъ. Это предисловіе выясняетъ органическую связь работы о римскомъ колонатѣ со всѣми другими трудами Фюстель де-Куланжа, указываетъ мѣсто его въ исторіографіи предмета и даетъ краткій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи вопроса.

Проф. Р. Випперъ. **Очерки исторіи римской имперіи.** Москва 1908.

Въ послѣднія 10—15 лѣтъ установившіеся въ научной литературѣ взгляды на древнюю исторію подверглись радикальному пересмотру. Блестящая плеяда историковъ античнаго міра (Эд. Мейеръ, Белохъ, Пельманнъ и др.) опровергла многія ходячія положенія, считавшіяся до сихъ поръ несомнѣнными и создала совершенно новое представленіе объ эволюціи древней Греціи и Рима. Въ нашей литературѣ такимъ представителемъ «переоцѣнки всѣхъ цѣнностей» античнаго міра является проф. Випперъ. Въ своихъ «Лекціяхъ по исторіи Греціи» онъ уже зарекомендовалъ себя суровымъ критикомъ античнаго преданія. Въ только что вышедшихъ «Очеркахъ исторіи римской имперіи» онъ ставитъ своей задачей разрушить традиціонный взглядъ на эволюцію государственнаго и общественнаго строя Рима, установившійся съ легкой руки знаменитаго Моммсенъ.

Проф. Випперъ считаетъ совершенно невозможнымъ возстановить болѣе или менѣе правдоподобно первые вѣка римской исторіи и начинаетъ свое изложеніе съ эпохи великихъ римскихъ завоеваній III и II вв. до Р. Х. Самому термину «имперія» онъ придаетъ модернизированное значеніе, понимая подъ ней не форму правленія, а созданіе колоніальной державы, и временемъ ея основанія считаетъ поэтому средину II в. Познакомивъ читателей съ процессомъ концентраціи земельной собственности въ рукахъ римскаго нобилитета и возникновеніемъ обезземеленнаго пролетаріата, авторъ указываетъ на зарожденіе демократической оппозиціи противъ господства земельной аристократіи и переходитъ къ изученію борьбы между аристократіей и демократіей. Демократическая пар-

тія составилась, по его мнѣнію, изъ «всадниковъ»—капиталистовъ второго разряда, которыхъ аристократія не допускала къ государственной власти—и крестьянъ, потерявшихъ свои надѣлы и не находившихъ себѣ заработка въ виду конкуренціи рабскаго труда. Для того, чтобы выяснить политическіе и соціальные идеалы боровшихся партій, авторъ широко прибѣгаетъ къ пріему Пельмана. Извѣстно, что и греки, и римляне послѣднихъ вѣковъ, изображая свои общественные идеалы, любили прикрывать ихъ авторитетомъ сѣдой старины. Проф. Випперъ именно съ этой точки зрѣнія смотритъ на конструкцію древнѣйшей исторіи Рима у Тита Ливія и Діонисія Галикарнасскаго и въ патриціяхъ и плебеяхъ V в. видитъ оптиматовъ и популяровъ II и I вв. Первыми вождями демократіи выступили братья Гракхи. Несмотря на свою гибель въ борьбѣ, они достигли, по мнѣнію автора, значительныхъ успѣховъ: они выставили широкую програму реформъ и сломили исключительное господство аристократіи. Но дальнѣйшихъ уступокъ правящій классъ ни за что не хотѣлъ допустить, и новыя выступленія демократіи только обострили антагонизмъ между обѣими партіями. Дѣло дошло до возстанія всей Италіи и до междоусобной войны. Аристократія побѣдила, благодаря арміи своего вождя Суллы, и для того, чтобы защитить свое преобладаніе, выдвинула впервые неограниченную власть—диктатуру—съ соціально-охранительными тенденціями. Авторъ видитъ въ диктатурѣ Суллы учрежденіе новое, не имѣющее ничего общаго, кромѣ имени, съ древней диктатурой, которая была только временной военной командой. Демократія была разгромлена. Введенная Суллой конституція уничтожила всѣ реформы Гракховъ и обезпечила господство аристократіи. Самъ Сулла явился, хотя и на короткій срокъ, первымъ монархомъ восточнаго типа, прямымъ предшественникомъ Цезаря и Августа. Послѣ его смерти отдѣлившіеся отъ демократической партіи всадники легко добиваются, при помощи Помпея и Красса, возстановленія прежнихъ порядковъ и захватываютъ въ свои руки сборъ налоговъ въ провинціяхъ, доводя эксплуатацію ихъ до послѣдней степени вымогательства. Вмѣстѣ съ тѣмъ начавшаяся еще во II в. концентрація земельной собственности приводитъ къ образованію крупнаго земельнаго магнатства, въ зависимость отъ котораго попадаетъ большая часть безземельнаго гражданства, и политическая жизнь Рима начинаетъ сводиться къ борьбѣ за власть отдѣльныхъ магнатовъ. Демократическая партія, правда, еще разъ собирается съ силами. Это такъ называемый «заговоръ Катилины», на который принято смотрѣть съ легкой руки Цицерона и Саллюстія, какъ на анархическую попытку развращенныхъ людей.

Проф. Випперъ держится совершенно иного мнѣнія. Онъ считаетъ свидѣтельства Цицерона и Саллюстія о событіяхъ 64—63 г. совершенно недостовѣрными и путемъ анализа и сопоставленія

источниковъ даетъ слѣдующую схему хода дѣлъ: Одинъ изъ вождей демократіи, трибунъ Сервилій Руллъ, предлагаетъ обширный проектъ аграрныхъ и финансовыхъ реформъ, направленныхъ и противъ нобилитета и противъ всадниковъ. Провести этотъ проектъ въ жизнь долженъ демократическій кандидатъ въ консулы, Катилина. Но аристократія торжествуетъ на выборахъ, и ставленникъ ея, консулъ Цицеронъ, производитъ безпощадную расправу съ Катилиной и его сообщниками. Самый разсказъ о заговорѣ Катилины авторъ считаетъ миѳомъ, сочиненнымъ самимъ Цицерономъ для того, чтобы оправдать свою политику. Неудача демократіи знаменуетъ катастрофу республики. Часто говорятъ, что «республика разстроилась отъ отсутствія представительнаго начала, до котораго будто-бы не додумалось греко-римское общество». Авторъ не соглашается съ такимъ взглядомъ. Идея представительства вовсе не была чужда древнему міру, но право представительства есть прежде всего признаніе реальной силы народа, а послѣ расправы, произведенной Суллой въ 80 г., Италія была слишкомъ слаба, чтобы добиться защиты своихъ интересовъ. Вотъ почему республика должна была уступить мѣсто монархіи. Но авторъ не примыкаетъ, однако, къ взгляду Моммсена, что монархія выросла въ Римѣ изъ демократіи. Наоборотъ, монархія была «результатомъ и увѣнчаніемъ феодально-крѣпостного строенія общества», торжествомъ «соціальной іерархіи и политическаго омертвѣнія». Монархія была создана аристократіей, а не демократіей Принципатъ одного выросъ изъ принципата немногихъ. Съ этой точки зрѣнія, авторъ прежде всего старается разрушить Моммсеновское представленіе о Цезарѣ, какъ о творцѣ монархически организованной демократіи. Онъ объясняетъ такое пониманіе фигуры Цезаря у Моммсена исключительно политическими обстоятельствами момента, когда была написана книга Моммсена. Проф. Випперъ въ Цезарѣ видитъ не геніальнаго творца монархіи, а просто талантливаго кондотьера, отличавшагося въ своемъ стремленіи къ власти полнѣйшей безпринципностью. Авторъ какъ будто нарочно старается подчеркивать отрицательныя черты Цезаря: его политическую неустойчивость и нравственную непорядочность, союзъ съ самыми развращенными элементами черни, жалкую роль его по отношенію къ неповинующимся легіонамъ, отсутствіе въ немъ демократическихъ тенденцій и тяготѣніе его къ аристократіи. Въ его стремленіи къ царскому титулу и пышности онъ видитъ старческое слабоуміе. Наоборотъ, Помпей въ изображеніи преф. Виппера выигрываетъ отъ сравненія съ Цезаремъ. Уже при Суллѣ аристократія спасала свое господство путемъ единоличной диктатуры. Послѣ катастрофы республики въ 60-хъ г. въ римскомъ обществѣ начинаетъ развиваться еще большая склонность къ единоличному правленію, къ «монархическому президентству», какъ выражается авторъ. Теоретикомъ новой формы правленія является Цицеронъ въ трактатѣ «De re

publica». Такимъ «монархическимъ президентомъ» и былъ Помпей, правившій въ 50-хъ гг. вмѣстѣ съ сенатомъ и пользовавшійся широкими симпатіями общества. Въ сущности, Помпей, а не Цезарь былъ основателемъ принципата, такъ какъ въ дѣятельности Августа гораздо больше чертъ сходства съ первымъ, чѣмъ съ послѣднимъ. Анализъ соглашенія Августа съ сенатомъ приводитъ проф. Виппера къ заключенію, что положеніе Августа въ 20-хъ гг. было очень непрочно. Предъ нимъ была альтернатива: или опираться на непослушные и жадные легіоны, какъ это дѣлалъ Цезарь, или вступить въ союзъ съ земельной аристократіей по примѣру Помпея. Онъ выбралъ второе и потому долженъ былъ значительной долей власти подѣлиться съ сенатомъ. Этимъ и объясняется соціальная политика Августа, отличающаяся строго аристократическимъ характеромъ и стремящаяся упрочить соціальное господство земельной аристократіи. Только крупные военные успѣхи первой половины его правленія утверждаютъ его власть, и тогда онъ начинаетъ создавать въ имперіи бюрократію по египетскому образцу и поощрять обожествленіе императорской власти.

Таковы главные выводы интересной и богатой содержаніемъ книги проф. Виппера. Они рѣзко расходятся съ установившимися взглядами на римскую исторію. Авторъ какъ будто задался цѣлью кореннымъ образомъ перевернуть всѣ прежнія представленія о ходѣ событій въ Римѣ II и I вв. до Р. Х. Но стремясь избѣжать односторонности прежнихъ историковъ, онъ невольно впадаетъ въ противоположную крайность. Онъ находитъ только свѣтлыя краски для изображенія демократіи и только черныя для принципата. Стараясь опровергнуть Маммсеновскій взглядъ на принципатъ, онъ совершенно забываетъ о великомъ культурномъ значеніи римской имперіи въ дѣлѣ распространенія цивилизаціи. Многія утвержденія его являются иногда совершенно необоснованными: таковы, напр., предположенія о расцвѣтѣ торговли въ древнемъ Римѣ, о кондотьерствѣ III в. до Р. Х. и т. п.

Но въ то же время книга его обладаетъ выдающимися достоинствами. Одинаково подкупаетъ въ ней и тонкость анализа, и оригинальность выводовъ, и смѣлость построенія, и живой образный языкъ. Особенно удались автору картины экономическаго строя римской жизни—хозяйничанья публикановъ въ провинціяхъ, устройства и организаціи латифундій, городской жизни въ Римѣ. Напрасно только авторъ модернизируетъ античный міръ и называетъ землевладѣльцевъ лендлордами, полководцевъ—фельдмаршалами, toga praetexta—сенаторскимъ мундиромъ, солдатскія сходки—военнымъ парламентаризмомъ и т. д.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Книгоизд. В. Л. Богушевскаго. Спб. ***Янъ Каспоровичъ.*** Поэмы. Пер. съ польскаго В. Ленскаго. Ц. 1 р.—***Рене Вормсъ.*** Мораль Спинозы. Пер. съ фр. Л. Л. Богушевскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. Т-ва А. и И. Гранатъ и К°. Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. № 15.—***П. Г. Мижуевъ.*** Политическая исторія Англіи въ XIX в. Спб. Ц. 1 р. 75 к.

Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и Моск. ***Кнутъ Гамсунъ.*** Исторія одной любви (Викторія). Пер. съ датскаго М. П. Благовѣщенской. Изд. 2-ое. Ц. 1 р.—***В. Горденко.*** Отблески. Замѣтки по словесности и искусству. Изд. 2-ое. Ц. 1 р.

Изд. Т-ва „Знаніе“. Спб. 1908 г. ***А. Богдановъ.*** Приключенія одной философской школы. Ц. 30 к.—***В. Сѣрошевскій.*** Т. II. Разсказы. Ц. 1 р.—***Его-же.*** Т. III. Разсказы. Ц. 1 р.—***Его же.*** Т. IV. Побѣгъ. Ц. 1 р.—***Его же.*** Т. V. Разсказы. Ц. 1 р.

Изд. журн. „Золотое Руно“. Мск. 1909 г. ***Г. Чулковъ.*** Покрывало Изиды. Критическіе очерки Ц. 1 р.

Изд. Горбунова-Посадова. Мск. Сельскій и деревенскій календарь. 1909 г. Ц. 20 к.—Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Книжка 68. ***Н. В. Ельмановъ.*** Какъ выбрать при покупкѣ хорошую рабочую лошадь. Ц. 2 к. Книжка 69. ***Его-же.*** Какъ выбрать при покупкѣ молочную корову Ц. 2 к.

Изд. дѣт. журн. «Игрушечка». Спб. 1909 г. ***А. Толмачева.*** Левъ Толстой для дѣтей. Ц. 60 к.

Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1908 г. ***А. Луговой.*** Изд. 2-ое. Т. I. На куриномъ насѣстѣ. Ц. 1 р.—***Его-же.*** Т. II. Озимь. Ц. 1 р.—***Его-же.*** Т. III. Pollice verso! Ц. 1 р.—***Его-же.*** Т. IV. Нѣсколько поцѣлуевъ. Ц. 1 р.—***Его-же.*** Т. V. Грани жизни. Романъ въ 5 ч. Ч. 1, 2, 3. Изд. 3-ье. Ц. 1 р.—***Его-же.*** Т. VI. Грани жизни. Ч. 3, 4 и 5. Ц. 1 р.

Изд. „Научная Мысль“. Рига. 1908 г. ***Н. Рах—овъ.*** Марксизмъ и естествознаніе. Ц. 50 к.

Изд. Т-ва „Общественная Польза“. Спб. 1908 г. Письма В. С. Соловьева. Т. I. Подъ ред. Э. Л. Радлова. Ц. 2 р.

Изд. „Посредника“. Мск. 1908 г. ***В. Короленко.*** Пріемышъ.—***Л. Н. Толстой.*** Гдѣ любовь, тамъ и Богъ.—***А. Ч.*** Восточное сказаніе.—***В. Гаршинъ.*** Сигналъ.—***Его-же.*** Ассирійскій царь Ассархаданъ.—***В. Гюго.*** Бѣдные люди.—***Е. С. Некрасова.*** Іоаннъ воинъ.—Врачъ ***Д. И. Никольскій.*** О табакѣ и вредѣ его куренія.

Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1908 г. Научно-популярная библіотека. № 4. ***В. В. Лунневичъ.*** Права человѣка и гражданина. Ц. 15 к.—№ 8. ***Его-же.*** По пути къ лучшему будущему. Ц. 15 к. — Культурно-историческая библіотека. ***Н. Андреевъ*** (Н. Николинъ). Священныя войны или крестовые походы. Съ 8 рис. Ц. 20 к.—***Его-же.*** Средневѣковье. Съ 31 рис. и 2 картами. Ц. 45 к.—***Его-же.*** Зарожденіе дворянскаго царства. Съ 9 рис. и 1 картой. Ц. 20 к. — ***Его-же*** Изъ исторіи труда и капитала. Съ 21 рис. Ц. 30 к. ***Его же.*** Крестомъ и мечомъ Съ 9 рис. и 1 картой. Ц. 15 к.—***Его-же.*** На зарѣ новой государственности. Съ 21 рис. и 2 карт. Ц. 25 к.—***Его-же.*** Исторія первобытныхъ вѣрованій. Съ 27 рис. Ц. 35 к

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Мск. 1909 г. ***Дм. Тимковскій.*** Наша страна. Ц. 1 р. 50 к.—***Вас. Немировичъ-Данченко.*** Тающіе снѣга. (Для старшаго возраста). Ц. 1 р.—***Н. Е. Кутуковъ.*** Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Ц. 20 к.—***К. Н. Рашевскій.*** Правила и опредѣленія ариѳметики съ краткими объясненіями. Ц. 30 к.

Книгоизд. „Сотрудничество“. Мск. 1909 г. ***Л. Шишко.*** По вопросамъ исторіи и соціологіи. Ц. 60 к.—

А. А. Николаевъ. Теорія и практика кооперацiи. Мск. 1908 г. Ц. 95 к.

Изд. С. Скирмунтъ и К°. Спб. 1909 г. *Н. Я. Абрамовичъ*. Литературно-критическіе очерки. Книга 1. Творчество и жизнь. Ц. 1 р. 25 к.—*М. Ковалевскій*. Русская исторія. Для средней школы. Ч. I, вып, второй.

Библіотека „Свѣточа“ подъ ред. С. А. Венгерова. Спб. 1909 г. № 91. *С. А. Венгеровъ*. Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы. 2-ое изд. Ц. 40 к.—№ 92. *Ж. Ж. Руссо*. О вліяніи наукъ на нравы. Пер. съ франц. Б. Б. Княжицкаго. Ц. 30 к.

Книгоизд. „Союзъ Труда“. Мск. 1908 г. *Н. Критская* и *Н. Лебедевъ*. Исторія синдикальнаго движенія во Франціи 1789—1907 г. Съ пред. Э. Пуже. Ц. 1 р. 20 к.

Изд. Д. И. Тихомирова. Мск. 1908 г. *М. А. Круковская*. Маленькіе люди. Разсказы и сказки. Съ рис. художниковъ. Ц. 2 р. 25 к. въ папкѣ.—*Ея-же*. Ружье. Разсказъ. Ц. 4 к.—*Ея-же*. Стрижъ. Ц. 6 к —*Ея-же*. Зябликъ. Ц. 20 к.—*Ея же*. Костикъ и Игрушка. Ц. 17 к.—*Ея-же*. Рыжикъ. Ц. 8 к.—*Ея-же*. Въ туманѣ. Ц. 4 к.—*Ея-же*. Буланко. Ц. 4 к. — *Ея-же*. Маленькій герой. Ц. 5 к. — *Ея-же*. Приключенія Сеньки. Ц. 6 к.—*Ея-же*. Въ снѣгахъ Ц. 7 к.—*Ея-же*. Маленькіе люди. Ц. 12 к.

Книгоизд. „Фрамъ“. Мск. *А. Струве*. Kyklos.

Изд. ред. газеты „Фельдшеръ“. Спб. 1908 г. Фельдшерскій вопросъ въ Россіи. Изд. 2-ое. Ц. 1 р.

Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1908 г. и 1909 г. *А. Франсъ*. Островъ Пингвиновъ. Пер. съ франц. съ рукописи. Ц. 1 р. 40 к.—*Кнутъ Гамсунъ*. Т. VII. Викторія. Въ сказочной странѣ.—*Его-же*. Т. VI. У вратъ царства. Драма. жизни. Закатъ. Ц. 1 р. 25 к.—*Л. Андреевъ*. Собр. соч. Т. V. *Ѳ. Сологубъ*. Тяжелые сны. Романъ. Изд. 3-ье. Ц. 1 р. 75 к.—*Карлъ Каутскій*. Античный міръ, іудейство и христіанство. Ц. 2 р.

Изд. В. И. Яковенко. Спб. 1908 г. *Имм. Кантъ*. Религія въ предѣлахъ только разума. Пер. съ нѣм. Н. М. Соколова. Ц. 1 р. 50 к.—*Его-же*. Критика практическаго разума. Пер. съ нѣм. Н. М. Соколова. Изд. 2-ое. Ц. 1 р.—*Т. Карлейль*. Герои, почитаніе героевъ и героическое въ исторіи. Пер. съ англ. В. И. Яковенко. Изд. 3-ье Ц. 1 р.

Кн-во. „Офицерская Жизнь“. *В. Заболотный*. Роль войны въ исторіи развитія культуры. Ц. 50 к.

Н. Асланов. Разсказы. Баку 1908 г. Ц. 30 к.

А. Доброхотовъ. Карьера Л. Андреева. Мск. 1909 г. Ц. 20 к.

И. Записной. О самообразованіи. Кронштадтъ. 1908 г. Ц. 15 к.

Н. Ѳ. Зевюлинскій. Неравная борьба. Волынскій и Биронъ. Спб. 1908 г. Ц. 30 к.

С. Знаменскій. Средняя школа за послѣдніе годы. Спб. 1909 г. Ц. 1 р. 50 к.

П. Г. Мижуевъ. Документальная исторія одной стачки. Спб. 1907 г. Ц. 80 к.

А. Константинова. Мадонны Леонардо да Винчи. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Никифоровъ. Обреченность. Стихи. Спб. 1909 г. Ц. 20 к.

Э. Г. Лоске. Сельскохозяйственная метеорологія. Подъ ред. Б. И. Срезневскаго. Юрьевъ. 1908 г. Ц. 2 р. 25 к.

М. А. Рейснеръ. Теорія Л. I. Петражицкаго, марксизмъ и соціальная идеологія. Спб. 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.

Андрей Сиротининъ. Бесѣды о русской словесности. Спб. 1909 г. Ц. 1 р. 35 к.

К. Талявинъ. Безбурность. Прелюдіи. Стихи. первые. Мск. 1908 г. Ц. 70 к.

Н. Тимковскій. Повѣсти и разсказы. Т. IV. Мск. 1909 г. Ц. 1 р.

С. Г. Фругъ. Пѣсни исхода. Спб. 1908 г. Ц. 20 к.

И. Х. Озеровъ проф. Спб. ун-та. Мск. 1908 г. Атласъ діаграммъ по экономическимъ вопросамъ. Вып. I. Къ аграрному вопросу въ Россіи. Ц. 15 к. Вып. II. Народное образованіе. Ц. 15 к.—Вып. III. Наше земство. Ц. 15 к.—Вып. IV. Наша торговля. Ц. 25 к. Вып. V. Нашъ государственный долгъ. Ц. 25 к.—Вып. VI. Наши задержанныя потребности. Ц. 35 к.

Альманахъ - Календарь для всѣхъ. Спб. Кн-во „Разумъ“. Ц. 20 к.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Съ 1 октября 1907 по 1 октября 1908 г. Годъ 13-й. Кіевъ. 1908 г.

Отчетъ Тверской Губернской Земской Управы за 1906 г. и приложенія къ нему. Тверь.

Журналы Тверского Очереднаго Губернскаго Земскаго Собранія сессіи 1907 г. (8—19 декабря). Тверь. 1908 г.

Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола. Подъ ред. В. Бончъ-Бруевича Вып. 1-ый Спб. 1908 г. Ц. 2 р.

Положеніе переселенческаго дѣла въ Семирѣчьи. Записка командированнаго въ Семирѣченскую область лѣтомъ 1908 г. ревизора землеустройства Г. Ф. Чиркина.

Изд. Мск. губ. Земства. Мск. 1907 г. Статистика болѣзненности населенія въ Моск. губерніи за періодъ 1883—1902 г. Санитарнаго врача Моск. губ. Земства П. И. Куркина. Вып. I, II и III.

Die Kultur der Gegenwart. Herausgegeben von Paul Hinneberg. Des gesamtwerkes. Teil I. Berlin und Leipzig.

Heinrich Biltz. und ***Wilhelm Biltz.*** Примѣры для упражненій по неорганической экспериментальной химіи. Пер. съ нѣм. А. С. Комаровскаго. Съ пред. проф. Л. В. Писаржевскаго. Изд. 1909 г. Одесса. Ц. 1 р. 90 к.

Ernest Luninski. Ksiezna Tarakanowa (opowiadanie na tle dziejow polsko-rossyjskiw z illustracyami i faksymiliami Lwòw. 1907.

Страничка изъ воспоминаній.

Мнѣ хотѣлось-бы возстановить предъ читателемъ одинъ небольшой эпизодъ изъ эпохи шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Натолкнули меня на это послѣднія главы воспоминаній П. Д. Боборыкина «За полвѣка», печатающихся въ «Минувшихъ годахъ». Въ XI-ой книжкѣ журнала маститый беллетристъ доходитъ до 1861—62 годовъ. Среди разсказовъ о разныхъ личныхъ дѣлахъ и объ успѣхахъ автора въ роли дебютирующаго драматурга, здѣсь есть и нѣсколько страницъ, посвященныхъ литературному движенію того времени. П. Д. выступалъ тогда не только какъ драматургъ и романистъ («Въ путь-дорогу» печаталось въ «Библіотекѣ для чтенія» 1862 г.), но и какъ фельетонистъ «Петръ Нескажусь», въ той-же «Библіотекѣ». Вотъ къ воспоминаніямъ этого-то фельетониста «Нескажусь» о «петербургскомъ сезонѣ 1861—62 годовъ», когда ему приходилось принимать непосредственное участіе въ полемическихъ сшибкахъ среди петербургской журналистики, мнѣ и хотѣлось бы сдѣлать кое-какія дополненія. Г. Боборыкинъ говоритъ о себѣ (въ «Минувшихъ годахъ»), что онъ былъ *старше* (читай: зрѣлѣе, умнѣе) зеленой молодежи того времени, «которая увлекалась Бюхнеромъ, Фогтомъ, Молешоттомъ и восторженно приняла книгу Дарвина «О происхожденіи видовъ»—могъ поэтому смотрѣть сверху внизъ на ея эксцессы. Пишущій эти строки не имѣетъ права сказать о себѣ того же. Но теперь, на разстояніи полувѣка, когда молодыя увлеченія—увы!—далеко уже позади насъ, память рядового зрителя и читателя, быть можетъ,—болѣе вѣрное зеркало для воспроизведенія образовъ прошлаго, чѣмъ воспоминанія одного изъ актеровъ тогдашней сцены, хотя бы выступавшаго и не въ отвѣтственныхъ роляхъ.

1861 г. и частію 1862 годы были, какъ извѣстно, временемъ высшаго подъема того общественнаго движенія, которое заполняло собою періодъ такъ называемыхъ «шестидесятыхъ годовъ». Но уже

выступали наружу и кое-какіе признаки приближавшагося перелома. Общественная волна шла еще кверху,—но первоначальная однородность движенія уже исчезла; между разными его элементами обнаруживался разладъ, принимавшій порой острыя формы. Реакціонныя теченія пробивались то тамъ, то сямъ, даже среди прогрессивно настроенныхъ въ общемъ круговъ. Сначала эта реакція направлялась противъ такъ наз. «эксцессовъ» освободительнаго движенія (эксцессовъ, неизбѣжныхъ вездѣ, гдѣ молодая жизнь ломаетъ сдерживающія ее путы); позже атака пошла уже по всему фронту.

Идейная сторона шестидесятыхъ годовъ наиболѣе полное и яркое выраженіе нашла въ журналистикѣ того времени. На первомъ планѣ стоялъ здѣсь «Современникъ». Въ первую половину эпохи 60-хъ годовъ этотъ журналъ былъ властителемъ думъ молодого поколѣнія. Центральною фигурою въ «Современникѣ» былъ Н. Г. Чернышевскій.

Въ его статьяхъ развивалась цѣлая стройная система общественныхъ воззрѣній, построенныхъ на демократическомъ началѣ, являвшемся основнымъ нервомъ всего идейнаго теченія эпохи и всего систематичнѣе и опредѣленнѣе проводимымъ именно «Современникомъ». Около «Современника» и около Чернышевскаго въ частности сосредоточивались и наиболѣе ожесточенныя полемическія битвы, когда наступило то расщепленіе близкихъ въ началѣ элементовъ общественнаго движенія, о которомъ я только что упоминалъ. Полемическіе «эксцессы» самого Чернышевскаго въ значительной степени содѣйствовали обостренію этихъ схватокъ, но и здѣсь за внѣшними «эксцессами» ясно чувствовалась болѣе глубокая внутренняя рознь сталкивающихся настроеній, рознь въ опредѣленіи и конечныхъ цѣлей движенія, и путей для ихъ достиженія. Споры переходили въ открытую вражду.

Именно въ «сезонъ 1861—62 годовъ», котораго касаются воспоминанія П. Д. Боборыкина, эти журнальныя распри шли съ особымъ ожесточеніемъ. Цѣлая полемическая оргія разыгралась около «литературныхъ поминокъ» «Современника» по скончавшемся въ ноябрѣ 1861 г. Добролюбовѣ. На этой почвѣ имѣлъ мѣсто и тотъ эпизодъ, о которомъ я хотѣлъ вспомнить въ настоящей замѣткѣ: первое—и единственное—публичное выступленіе Чернышевскаго, на литературномъ вечерѣ 2 марта 1862 г. и шумъ по поводу этого выступленія, поднятый въ повременной печати того времени.

Литературный вечеръ 2 марта—эпизодъ самъ по себѣ интересный во многихъ отношеніяхъ. Изъ двухтысячной толпы, наполнявшей въ этотъ вечеръ залъ Кононова (гдѣ теперь «Новый театръ»), вѣроятно, въ настоящее время остаются въ живыхъ только единицы. Какъ одинъ изъ этихъ немногихъ, позволю себѣ одѣлиться съ читателемъ моими воспоминаніями.

Несомнѣнно, тѣмъ магнитомъ, который привлекъ на этотъ вечеръ массу разнообразной публики—былъ Чернышевскій. О Чернышевскомъ всѣ говорили, имъ интересовались, но его почти никто не видѣлъ, такъ какъ жилъ онъ замкнутой жизнью. Но не Чернышевскій оказался героемъ вечера. Увы!—онъ разочаровалъ и огорчилъ своихъ поклонниковъ и доставилъ злорадное торжество своимъ врагамъ. Я не могу сейчасъ воспроизвести всей картины вечера 2 марта. У меня въ памяти рѣзко выступаютъ только три его момента, совпадающіе съ выступленіями Некрасова, Чернышевскаго и Павлова.

Некрасовъ былъ плохой чтецъ. Надтреснутый, хриплый голосъ, монотонная дикція—все это условія, мало способствующія лекторскимъ успѣхамъ. Едва ли многіе даже и слышали его въ огромной залѣ. Но уже самое появленіе поэта, пользовавшагося тогда громадной популярностью, наэлектризовало аудиторію. Еще болѣе способствовалъ этому выборъ имъ вещи для чтенія. Некрасовъ выступилъ не со своимъ стихотвореніемъ, а прочелъ «Бѣлое покрывало» Морица Гартмана, въ переводѣ М. Л. Михайлова, совершавшаго въ то время свой крестный путь на сибирскую каторгу. Когда на эстрадѣ появился Чернышевскій (онъ долженъ былъ передать свои воспоминанія о Добролюбовѣ), разразилась цѣлая буря. Долго онъ не могъ начать говорить. Чернышевскій, видимо, смутился и растерялся. Онъ приготовился не читать, а бесѣдовать съ аудиторіей. Бесѣда вышла спутанная, длинная и тягостная. Передъ тысячной толпой былъ растерявшійся, видимо, не привыкшій къ публичнымъ выступленіямъ, застѣнчивый человѣкъ, который желаетъ скрыть свое смущеніе и казаться непринужденнымъ и развязнымъ. Цѣлые полчаса тянулась эта тягостная борьба лектора съ самимъ собой и съ терпѣніемъ публики, страдавшей вмѣстѣ съ нимъ,—пока ему не удалось кое-какъ собрать концы съ концами. Чернышевскаго провожали апплодисментами. Но это былъ уже succès d'estime, сквозь который пробивалось кое-гдѣ и змѣиное шипѣніе...

Мнѣ довелось уже ранѣе слышать Чернышевскаго говорящимъ о Добролюбовѣ—совсѣмъ въ иной обстановкѣ и подъ иными впечатлѣніями. Какъ сейчасъ помню я зимнее петербургское утро 20 ноября 1862 г. Волково кладбище. Небольшая кучка молодежи и литературной братіи надъ могилой, куда только что опустили гробъ Добролюбова. И этотъ разъ сначала надорванный, скорбный голосъ Некрасова, а затѣмъ Чернышевскій, читающій стихи Добролюбова, сопровождая ихъ своими воспоминаніями о покойномъ. Чернышевскій читалъ и говорилъ просто, безъ всякой аффектаціи,—но глубоко западали въ душу слушателей эти скорбныя и вмѣстѣ съ тѣмъ мужественныя слова. Не думалось тогда, что такъ скоро на самомъ Чернышевскомъ сбудется Добролюбовское предсказаніе:

Но знаю я—дорога наша
Ужъ пилигриммовъ новыхъ ждетъ,
И не минетъ святая чаша
Всѣхъ, кто ее не оттолкнетъ!

Но вернемся къ вечеру 2 марта. Накопившееся возбужденіе нашло выходъ во время чтенія П. В. Павлова—и погубило его. Павловъ оказался и героемъ, и жертвою этого рокового для него вечера.

Два слова о лекторѣ. Платонъ Васильевичъ Павловъ только что появился тогда на петербургскомъ горизонтѣ, переведенный изъ Кіевскаго университета въ Петербургскій. Но въ университетѣ ему такъ и не довелось читать лекцій; онъ пріѣхалъ, когда университетъ былъ закрытъ, и выступалъ только въ «вольномъ университетѣ», на лекціяхъ, читавшихся въ январѣ—мартѣ 1862 г. въ Думѣ и Петропавловскомъ училищѣ. Павловъ—спеціалистъ по русской исторіи,—приглашенъ былъ въ Петербургъ на каѳедру исторіи всеобщей. Онъ читалъ (въ Петропавловскомъ училищѣ) среди небольшой сравнительно аудиторіи курсъ философіи исторіи (не помню точно заглавія этого курса). Лекціи Павлова были серьезны, но не блестящи, и особой популярностью, какъ лекторъ, онъ не пользовался. Павлова уважали, какъ общественнаго дѣятеля, онъ былъ устроителемъ и энергическимъ работникомъ первыхъ въ Россіи воскресныхъ школъ (въ Кіевѣ); сверху на него косились, и самый переходъ его въ Петербургъ былъ, сколько помнится, вынужденнымъ. Но въ Павловѣ совсѣмъ не было революціонной складки. И по убѣжденіямъ онъ былъ контистъ,—одинъ изъ первыхъ въ Россіи. Въ своихъ лекціяхъ онъ разсматривалъ историческіе факты надъ угломъ контовскаго закона трехъ состояній, по которому, какъ извѣстно, революція попадаетъ въ метафизическій, промежуточный періодъ...

Сообщеніе Павлова носило названіе «Тысячелѣтіе Россіи». Это было нѣсколько сокращенное изложеніе статьи, написанной авторомъ для академическаго календаря (и напечатанной затѣмъ въ этомъ календарѣ). Въ этой статьѣ приводился опредѣленный взглядъ на наше прошлое: Павловъ былъ послѣдовательный демократъ, безъ всякой примѣси того «народнаго мистицизма», который и тогда уже пробивался не только у историковъ славянофильскаго толка. Но ничего разсчитаннаго на внѣшній эффектъ ни въ статьѣ, ни рефератѣ Павлова не было. Характеръ зажигательной рѣчи придала этому реферату психологія нервно настроенной и возбужденной аудиторіи. Отчасти это возбужденіе усиливалось и внѣшностью оратора. Мрачная фигура, большіе горящіе глаза на блѣдномъ, безъ кровинки лицѣ, какой-то замогильный голосъ, бросающій въ толпу отрывочныя фразы,—преломляющіяся здѣсь Богъ знаетъ подъ какимъ угломъ! Мы слышали не то, что намъ говорилось, а то, что отвѣчало создавшемуся настроенію. Происходило нѣчто подобное тому,

что, по разсказамъ участниковъ, имѣло мѣсто позже съ рѣчью Достоевскаго во время Пушкинскихъ дней въ Москвѣ. И тогда прочитавшіе въ печати эту рѣчь съ удивленіемъ узнали, что это совсѣмъ не то, что они слышали, хотя говорилъ покойный Ѳ. М. именно то, что напечаталъ. Достоевскій въ высокой степени обладалъ даромъ сообщать особенное настроеніе толпѣ. Тотъ же даръ былъ, какъ оказывается, и у Павлова—и имѣлъ роковыя для него послѣдствія.

Погубили его особенно послѣднія, заключительныя слова его рѣчи. Когда сообщеніе было закончено и покрыто громомъ рукоплесканій, Павловъ поднялъ руку, чтобы показать, что хочетъ говорить. Воцарилась тишина. «Имѣющіе уши слышати, да слышатъ»—произнесъ среди этой тишины тѣмъ же гробовымъ голосомъ Павловъ. Какъ отвѣчала на это аудиторія—можно догадаться. Говорятъ, что эти слова стояли въ текстѣ реферата. Павловъ не успѣлъ ихъ произнести, прерванный апплодисментами, и добросовѣстно досказалъ, воспользовавшись паузою. Но приняты они были какъ предостереженіе кверху.

На другой же день Павловъ былъ отправленъ съ жандармами въ ссылку въ Ветлугу. Эта ссылка сгубила его. Павловъ захворалъ и до конца жизни страдалъ чѣмъ-то вродѣ маніи преслѣдованія. Впослѣдствіи онъ былъ возвращенъ и даже получилъ каѳедру (теоріи и исторіи искусствъ!) въ Кіевѣ. Но это была уже тѣнь того Павлова, котораго знали шестидесятые годы... Въ 1894 г. онъ скончался въ Петербургѣ.

Расправа съ Павловымъ глубоко взволновала «зеленую» молодежь. Послѣдовали извѣстныя демонстраціи и закрытіе лекцій въ Думѣ. Въ журнальномъ мірѣ бо́льшую сенсацію вызвало неудачное выступленіе Чернышевскаго. И если припомнить, какъ складывались тогда отношенія, эта сенсація становится понятною: въ позиціи сильнаго противника открылась совершенно незащищенная отъ ударовъ брешь. И эти удары посыпались.

Первою выступила «Сѣверная Пчела» (тогда уже не Греча и Булгарина, а Усова) съ обличеніемъ Чернышевскаго, который, по словамъ газетнаго фельетониста,

„явившись предъ избранною публикой, велъ себя въ высшей степени неприлично. Онъ то ложился на каѳедру и бокомъ, и животомъ, то полусадился на нее, то дѣлалъ разныя тѣлодвиженія, нетерпимыя въ порядочномъ обществѣ, то вертѣлъ часовой цѣпочкой—у меня, дескать, часы есть!“ „Однимъ словомъ—заключаетъ обличитель,—при двухъ или трехъ тысячахъ образованныхъ людей, Чернышевскій велъ себя, какъ Ноздревъ на губернаторскомъ балу (!)“ (Читатель вспомнитъ, что Ноздревъ былъ мертвецки пьянъ и хваталъ за ноги проходившихъ мужчинъ и дамъ).

Не менѣе суровую инвективу помѣстила «Библіотека для чтенія». Здѣсь съ отчетомъ о вечерѣ 2 марта выступилъ молодой фельетонистъ «Нескажусь». И въ немъ Чернышевскій оскорбилъ

«чувство мѣры, такта, нравственнаго изящества». Когда Чернышевскій началъ свою рѣчь, разсказываетъ г. Нескажусь, я думалъ, «что это Горбуновъ читаетъ сцену изъ служительскаго быта. Таковъ былъ тонъ говорившаго... Подобнаго обращенія съ публикой, такой разнузданности, такой безбожной безтактности мнѣ отъ роду не приходилось слышать... Я ушамъ своимъ не вѣрилъ... Да полно, тотъ ли это Чернышевскій, котораго *все-таки* (!) привыкли считать за умнаго человѣка»...

«Я отказываюсь изобразить тонъ и *перлы* этого разсказа (Чернышевскій о Добролюбовѣ). Все это подлежитъ области «Искры», и она должна воспользоваться экспромптомъ Чернышевскаго».

Я взялъ только нѣсколько фразъ изъ фельетона г. Нескажусь, чтобы показать, въ какомъ общемъ тонѣ онъ написанъ. Было-бы скучно приводить длинныя выписки.

«Искра» отозвалась на вызовъ, ей сдѣланный: она зло и остроумно вышутила,—но только не Чернышевскаго, а пришедшихъ въ ужасъ отъ его «неприличнаго поведенія» журналистовъ. В. С. Курочкинъ (подъ псевдонимомъ Пр. Знаменскаго) написалъ одну изъ остроумнѣйшихъ своихъ пародій «Цѣпочка и грязная шея». Онъ взялъ два мѣста: изъ фельетона «Сѣв. Пч.» — о Чернышевскомъ, игравшемъ цѣпочкой, и изъ фельетона «Нескажусь» (того самаго, въ которомъ обличался Чернышевскій) о «студентшѣ» въ странномъ костюмѣ и съ грязной шеей, тоже оскорбившей «чувство нравственнаго изящества» благовоспитаннаго фельетониста,— и вложилъ ихъ въ уста Грибоѣдовскихъ героевъ.

„Грязная шея дамы,—объясняетъ Пр. Знаменскій въ примѣчаніи къ появившимся въ № 11 „Искры" за 1862 г. новымъ сценамъ изъ „Горе отъ ума",—взволновала меня не менѣе цѣпочки Чернышевскаго. Мнѣ хотѣлось узнать подробности, какъ о дамѣ, такъ и о Чернышевскомъ, чтобы съ своей стороны предать ихъ общественному позору посредствомъ гласности. Для этого мнѣ нужно было имя нечистоплотной дамы и имена обоихъ фельетонистовъ". Поиски фельетонистовъ увѣнчались успѣхомъ. „Оказалось, что на вечерѣ 2 марта и на одной изъ публичныхъ лекцій была г-жа Хлестова и 6 княженъ Тугоуховскихъ, помните, которыя въ 1821 г. такъ дружно провозгласили Чацкаго сумасшедшимъ. Княжны еще въ дѣвушкахъ; онѣ замѣтно состарились (младшей уже 60 лѣтъ съ хвостикомъ), но все еще такъ же милы, веселы и умны. Я узналъ достовѣрно, что именно шесть княженъ, г-жа Хлестова и графиня Хрюмина-внучка (тоже дѣвушка, уже лѣтъ 10, какъ отпраздновавшая свой 50-лѣтній юбилей) написали оба эти фельетона. Слогъ поправлялъ Молчалинъ, а въ редакціи сообщилъ фельетоны Загорѣцкій. Какъ все это произошло я потщился изобразить въ прилагаемыхъ сценахъ".

Чтеніе Чернышевскаго возмутило особенно г-жу Хлестову, которой Молчалинъ привезъ билетъ на литературный вечеръ. На вечерѣ этомъ собрался

...весь beau monde... Мужчины со звѣздами...
И передъ ними-то... и вдругъ передо мной—
Афронтъ какой!

На сцену выскочилъ какой-то вольтерьянецъ
И грубо началъ такъ... Афронтъ, совсѣмъ афронтъ!

Графиня-бабушка.

Какъ?! Губернатору корнетъ не сдѣлалъ фронтъ?
Тесакъ ему и ранецъ!

Хлестова.

Да нѣтъ, вы слушайте... Вдругъ выскочилъ и сѣлъ,
Зовутъ... позвольте... Чернышевскій...
Да какъ пошолъ... пошолъ...

Графиня-бабушка.

Зовутъ Андрей Краевскій?..
А! знаю... слышала. Такъ долго жить велѣлъ?
Жаль... Это, говорятъ, былъ умный сочинитель..:
Стихи онъ, помнится, писалъ
Въ „Московскій Зритель“:
Въ альбомѣ у меня его есть мадригалъ.

Хлестова.

Да нѣтъ... (обращаясь къ графинѣ-внучкѣ)
Вотъ видишь-ли, читалъ онъ про кого-то,
Должно быть умника такого же, какъ самъ,
Пьянчужку, вѣтренника, мота...
Вдругъ... я не вѣрила глазамъ!
Забылся до того... ты разсуди: вѣдь, дочку
На эти зрѣлища смотрѣть приводитъ мать—
Цѣпочку въ руки взялъ и началъ ей играть!

Графиня-внучка (съ ужасомъ).

Игралъ цѣпочкою!!

Графиня-бабушка.

Какъ онъ укралъ цѣпочку?!

Хлестова (торжественно)

На столъ облокотясь, цѣпочкою игралъ!

Разговоръ прерывается появленіемъ шести княженъ Тугоуховскихъ. Не снимая шляпокъ, не здороваясь, онѣ начинаютъ говорить, перебивая одна другую, чрезвычайно оживленно, громко, нѣсколько въ носъ и размахивая руками.

1-я княжна.

Mon ange, вы слышали?

2-я княжна.

Ma chère, какой скандалъ!

Графиня-внучка.

Про Чернышевскаго?

3-я княжна.

Да нѣтъ!

4-я княжна.

Вы не слыхали?

5-я княжна.

Сейчасъ на лекціи...

6-я княжна.

На Невскомъ...

2-я княжна.

Въ Думѣ...

4-я княжна.

Въ залѣ...

1-я княжна.

Да подожди, Мими!

6-я княжна.

Зизи, дай мнѣ сказать.

Явилась женщина...

1-я княжна.

Не женщина—*фигура!*

5-я княжна.

Съ мужчиною никакъ нельзя бы распознать!

2-я княжна.

Ну, просто, польскій ксендзъ...

3-я княжна.

Кухарка!

4-я княжна.

Поваръ!

5-я княжна.

Дура!

3-я княжна.

Въ какой-то кофточкѣ...

2-я княжна.

Съ мужскимъ воротничкомъ...

4-я княжна.

Немытымъ...

1-я княжна.

Грязный весь...

5-я княжна.

Какъ есть, чернѣе сажи!

1-я княжна.

Съ мужскою шапкою...

4-я княжна.

Закутана платкомъ...

6-я княжна.

Въ кружокъ обстрижена...

1-я княжна.

Безъ кринолина даже.

2-я княжна.

Да нѣтъ...

4-я княжна.

А главное...

3-я княжна.

А главное... ха. ха!

5-я княжна.

Хи, хи!

1-я княжна.

Ученая!

3-я княжна.

Профессорша!

2-я княжна.

Студентка!

Всѣ шесть княженъ.

Съ немытою шеею!!

(Общій ужасъ).

5-я княжна.

Ну точно наша Ленка! *)

(Общій смѣхъ).

. . . . . .

*) Вотъ соотвѣтствующее мѣсто изъ фельетона «В. д. чт.» „При мнѣ,

Графиня-внучка возмущена. Она предлагаетъ:

... Молчалина позвать.
Напишемъ un article... un feuilleton... теперь, я
На Чернышевскаго и на студентку зла. (Звонитъ).
Бумаги намъ! чернилъ! Mesdames, скорѣй за перья!
Пишите: „Лекція такого-то числа"...
„Неуваженіе ко всѣмъ приличьямъ свѣтскимъ"... (Звонитъ)
Скорѣй Молчалина! Скорѣй за Загорѣцкимъ!
Они помогутъ намъ... они...
Какъ! съ грязной шеей, въ наши дни!

Графиня-бабушка (заснувшая было подъ шумокъ, отъ сильнаго звонка просыпается).

Зачѣмъ Молчалина? Заняться нѣшто вистомъ?

Хлестова.

Молчалинъ, матушка, придетъ поправить слогъ.

Графиня-бабушка.

Не слышу, матушка... Въ постель Молчалинъ слегъ?

Графиня-внучка.

Нѣтъ, сдѣлался фельетонистомъ.

(Входятъ Молчалинъ и Загорѣцкій, выходятъ 70 № „Сѣверной Пчелы" и февральская книжка „Библіотеки для чтенія").

Мнѣ очень жаль, что я не могу цѣликомъ воспроизвести предъ читателемъ эти веселыя сцены. Попутно нельзя не пожалѣть вообще, что множество остроумныхъ вещей В. С. Курочкина остается погребеннымъ на страницахъ старой «Искры», теперь совсѣмъ недоступной для публики. Даже превосходный переводъ «Безумцевъ» Беранже не перепечатанъ въ давно вышедшемъ и крайне неполномъ собраніи стихотвореній В. С. Неизвѣстно, кажется, даже, кто собственникъ литературнаго наслѣдія Курочкина.

произошла такая сцена въ Александровской залѣ Думы. Стояла кучка молодыхъ людей у выхода. Поодаль отъ нихъ, облокотясь о скамейку, помѣщалась какая-то *фигура*, именно *фигура*, потому, что, говоря совершенно серьезно, нельзя было различить, *что это такое*—мужчина или женщина, мальчикъ или дѣвочка.

Трудно описать внѣшность этой особы. Стриженная, почти подъ гребенку голова, мужской (подозрительной бѣлизны) стоячій воротничокъ, *грязная шея*, затѣмъ какое-то коричневое одѣяніе, состоящее изъ кофты и узенькой юбки, и въ рукахъ мужская шапка.

— Это католическій ксендзъ,—сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей.

— Нѣтъ это аптекарскій ученикъ, замѣтилъ другой.

Они подошли поближе къ фигурѣ, постояли и, наконецъ, у одного изъ нихъ вырвалось:—Если это женщина, такъ это *цинизмъ*—явиться въ такомъ видѣ!

Существо неизвѣстнаго рода, сошедши внизъ, надѣло салопъ" (В. д. чт. 1862, II).

Но вернемся къ прерванному разсказу.

Читатели могутъ подивиться, почему такой шумъ могъ произвести столь обыкновенный фактъ, какъ удачное или неудачное выступленіе писателя на литературномъ вечерѣ, изящныя или грубыя его манеры. Но, очевидно, не въ манерахъ тутъ было дѣло. Въ фельетонной схваткѣ прорвалось взаимное раздраженіе все болѣе и болѣе расходящихся направленій.

Правда, «Петръ Нескажусь» сражался въ своихъ фельетонахъ только съ внѣшними «эксцессами» въ журналистикѣ и въ общественной жизни, въ тонѣ полемики «Искры» и «Современника», въ костюмахъ «студентшъ», манерахъ Чернышевскаго и т. д. Довольно комично было это стремленіе къ изяществу рядомъ съ фельетонами «Никиты Безрылова» и проповѣдь литературной благопристойности въ органѣ, гдѣ редакторъ вставляетъ ругательныя слова въ статьи сотрудника и затѣмъ напивается пьянъ, когда тѣ, противъ кого направлена эта ругань, зовутъ его къ отвѣту *). Какъ бы то ни было, однако, г. Боборыкинъ вполнѣ правъ, утверждая, что въ Петрѣ Нескажусь нельзя видѣть «принципіальнаго противника всего, чѣмъ тогда «Современникъ» и его вдохновители увлекали революціонно-настроенную молодежь» («Мин. годы», XI, 144). Бойкій фельетонистъ скользилъ по внѣшности, не заботясь особенно о тѣхъ принципіальныхъ позиціяхъ, какія занимали полемизирующіе органы.

А но эти позиціи въ то время уже рѣзко обозначились и въ частности «Библіотека для чтенія» совершенно ясно опредѣлила свое отношеніе къ тому общественному теченію, которое представляли «Современникъ» и «Искра».

Между тѣмъ реакція надвигалась и извнѣ. Майскіе пожары въ Петербургѣ вызвали цѣлый рядъ исключительныхъ мѣръ. Временные генералъ-губернаторы въ Петербургѣ, военно-полевые суды, ликвидація цѣлаго ряда просвѣтительныхъ учрежденій, созданныхъ шестидесятыми годами—прежде всего воскресныхъ школъ и народныхъ читаленъ,—все это въ короткій промежутокъ нѣсколькихъ недѣль обрушилось на страну. Само собою разумѣется, что и литература не избѣгла общей участи. Первою жертвою оказался «Современникъ», остановленный на майской книжкѣ на 8 мѣсяцевъ. 12 іюня былъ арестованъ Чернышевскій...

Реакціонное теченіе не въ силахъ еще было смести всѣ завоеванія освободительной эпохи. Но та «весенняя пора», которую представляла изъ себя первая половина т. наз. «шестидесятыхъ годовъ», невозвратно отошла въ прошлое.

---

*) Смотри въ „Воспоминаніяхъ“ г. Боборыкина разсказъ о Писемскомъ и „Искрѣ“, (стр. 146—47).

Полвѣка почти прошло съ тѣхъ поръ. Легкомысленный фельетонистъ Петръ Нескажусь превратился въ маститаго беллетриста П. Д. Боборыкина, бросающаго теперь, со страницъ «Минувшихъ годовъ», ретроспективный взглядъ на ту бурную эпоху. Но—увы!—въ этихъ ретроспективныхъ воспоминаніяхъ предъ нами, въ сущности, все тотъ же «Нескажусь». И теперь предъ нимъ на первомъ планѣ *внѣшняя оболочка* фактовъ прошлаго (сквозь дымку воспоминаній, принимающихъ, сказать къ слову, порой довольно фантастическія очертанія)—тонъ, манеры, степень приличія въ полемикѣ журналистовъ того или другого лагеря. Даже злосчастную цѣпочку Чернышевскаго онъ никакъ не можетъ забыть. Нѣтъ, правда, прежняго полемическаго задора, но суть остается та же.

И Немезида зло подшутила надъ писателемъ, который если кое-что и позабылъ, то ничему не научился. Она заставила его, строгаго стража всяческихъ литературныхъ приличій, совершить на старости лѣтъ такой непристойный поступокъ, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ «эксцессы» полемики обличаемыхъ имъ «лѣвыхъ».

Г. Боборыкинъ заявилъ со страницъ «Минувшихъ годовъ», что ему «до сихъ поръ совѣстно за такой журналъ, какъ «Современникъ», когда вспомнишь, что онъ не затруднился одну изъ своихъ полемическихъ статей помѣстить съ «знаменитымъ акростихомъ» въ видѣ эпиграфа, такимъ, какіе пишутся на заборахъ. Вспомнилъ—и цѣликомъ выписалъ этотъ «знаменитый акростихъ», а редакція почтеннаго историческаго журнала его напечатала.

Литературный хроникеръ «Рѣчи» г. Изгоевъ съ интересомъ прочелъ воспоминанія П. Д. Боборыкина, написанныя «съ тѣмъ спокойствіемъ и незлобивостью, на которыя даетъ право сорокалѣтняя давность»—и въ свою очередь возмутился «гнусною исторіей» помѣщенія въ «Современникѣ» стихотворенія-акростиха «съ такою мерзостью, которую услышишь развѣ ночью на Невскомъ изъ устъ пьяной проститутки».

Оказалось, однако, что «исторія» воспроизведенія въ печати этого акростиха продѣлана не «Современникомъ»,—а самимъ П. Д. Боборыкинымъ, ибо никакого такого акростиха въ «Современникѣ» никогда помѣщено не было. М. А. Антоновичъ, принимавшій близкое участіе въ редактированіи «Современника», «пришелъ въ редакцію «Рѣчи» и «представленіемъ книги «Современника» доказалъ, что эпиграфъ, напечатанный въ журналѣ, ничего общаго не имѣетъ со стихотвореніемъ, опубликованнымъ П. Д. Боборыкинымъ, и никакого акростиха не содержитъ» («Рѣчь», 28, XI, 08).

Читатель легко можетъ убѣдиться въ этомъ, если просмотритъ въ IX книжкѣ «Современника» за 1864 г. полемическую статью «Посторонняго Сатирика» «Стрижи въ западнѣ».

Г-ну Изгоеву пришлось дать снисхожденіе «Современнику».

Онъ порадовался, что хотя «въ полемикѣ «Современника» съ «Русскимъ Словомъ» было много печальныхъ страницъ, но того позора, о которомъ говорилъ П. Д. Боборыкинъ, не было», и подивился, какъ могъ старый и извѣстный писатель «взвести, не имѣя никакихъ основаній, такое серьезное обвиненіе на журналъ, имѣющій крупныя заслуги предъ русскимъ обществомъ». Самый фактъ воспроизведенія въ печати заборнаго акростиха (если бы даже онъ и былъ напечатанъ 44 года тому назадъ) не смущалъ, повидимому, рецензента.

Гораздо строже отнеслась къ злополучному автору «Воспоминаній» напечатавшая ихъ редакція «Минувшихъ Годовъ».

«Изъ помѣщенной во вчерашнемъ номерѣ «Рѣчи» замѣтки г. Изгоева «Необходимое разъясненіе»—читаемъ мы въ «Письмѣ въ редакцію Рѣчи», подписанномъ «Редакція журнала Минувшіе Годы»,—читатели уже знаютъ о нашемъ редакціонномъ недосмотрѣ, благодаря которому въ напечатанныхъ на страницахъ журнала «Минувшіе Годы» воспоминаніяхъ г. Боборыкина могли появиться исполненныя самаго гадкаго смысла по адресу редакціи «Современника», въ высшей степени неприличныя строки. Не касаясь совершенно вопроса о причинахъ, въ силу которыхъ г. Боборыкинымъ была приписана журналу «Современникъ» никогда не имѣвшая въ немъ мѣста гнусность, мы считаемъ безусловно недопустимою со стороны писателя самую возможность присылки въ редакцію такихъ строкъ,—совершенно независимо отъ того, содержатъ ли онѣ истину или нѣтъ,—самое появленіе которыхъ въ печати можетъ имѣть мѣсто исключительно по редакціонному недосмотру».

Читателю трудно съ этимъ не согласиться.

Въ послѣдніе дни, впрочемъ, пріоритетъ П. Д. Боборыкина въ опубликованіи дѣйствительно знаменитаго отнынѣ акростиха, какъ говорятъ, оспаривается. Называютъ другія имена, конкурирующія съ нимъ, и библіографы производятъ соотвѣтствующія изысканія. Но, каковъ бы ни оказался ихъ результатъ, достовѣрно одно—изобличаемая г. Боборыкинымъ «лѣвая» журналистика шестидесятыхъ годовъ въ этомъ конкурсѣ не при чемъ.

Н. Анненскій.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крестьянъ въ разныхъ губ.: отъ Е. П.—25 р.; отъ неизвѣстнаго изъ Митавы—3 р. 25 к.

Итого	28 р. 25 к.
А всего съ прежде поступившими	73 р. 25 к.

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ Е. П.—25 р.; черезъ М. П. % отчисленіе—31 р.; отъ Н. М. Г. 15-ый взносъ—10 р.; отъ N. N. черезъ В. А. Мякотина—120 р. 30 к.

Итого . . . . . 186 р. 30 к.

Въ пользу б. шлиссельбургцевъ: присланные на имя П. Ф. Якубовича: отъ Э. Е-вы—10 р.; отъ В. Е-вы—25 р., изъ О. черезъ Г. М.—125 р., отъ А. К.—11 р. 70 к, отъ Стараго Вилюйца—100 р.; чрезъ В. П. Водовозову—50 р.; отъ М. чрезъ Л. Ф. П.—5 р.; чрезъ В. Д. Лебедеву—140 р.; отъ Р. (изъ Боровичъ)—2 р.; отъ И. Девонисскаго—1 р.; отъ студ. Б.—1 р.; отъ Н. П. В—ва (изъ Лондона)—25 р.; отъ К. А—скаго (ежемѣсячн. взносъ)—5 р.; отъ Малявко-Высоцкой—3 р.; отъ неизвѣстнаго, чрезъ П. И. Гибериманъ—102 р.

Всего . . . . . 605 р. 70 к.

Въ № 10 „Русскаго Богатства", ошибочно занесенные въ пользу безработныхъ 56 р., % отчисленіе черезъ М. П., переданы въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ.

Редакторъ-издатель *Вл. Короленко*.

НИВА еженедѣльный иллюстрированный журналъ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 г.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

52 №№ журнала: романы, повѣсти, разсказы, картины, рисунки, иллюстр. соврем. событій и пр.

52 книги, отпечатанныя на глазированной бумагѣ и содержащія:

12 книгъ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ и ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ".

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 22 книгахъ МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКАГО

Съ портретомъ и критико-біографическимъ очеркомъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 18 книгахъ ГЕНРИКА ИБСЕНА

Въ извѣстномъ переводѣ А. и П. Ганзенъ, съ портретомъ, критико-біографическимъ очеркомъ и предисловіями къ пьесамъ.

12 №№ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ".

12 листовъ выкроекъ и рисунк. для рукодѣльныхъ работъ.

1 СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1909 г., отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" со всѣми приложеніями на годъ: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—6 р. 50 к., съ доставкою—7 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи—8 р. За границу—12 р.

Разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА", улица Гоголя, № 22.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library
3 2044 098 427 412